

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:

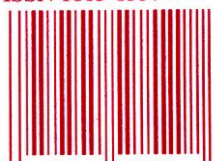
теория и практика

2025

№ 4

- Жуков В.Н. Учение Монтескьё в контексте современной науки
- Кофтина Ю.Н. Государственная кадровая политика: правовой аспект
- Ревина С.Н., Мешков И.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права
- Чуча С.Ю. Правовое обеспечение занятости и трудовая миграция: историко-цивилизационная модель
- Шеншин В.М. О правовом регулировании обеспечения безопасности
- Замалеева С.В. О понятии показаний участников уголовного процесса как вида доказательств
- Каменева П.В. Депонирование как один из способов правовой охраны авторских прав
- Ашмарина Е.М. Экономическое право как инструмент реализации социальных гарантий в современной России
- Иванов П.И. Незаконная миграция – угроза национальной безопасности страны
- Замалеева С.В. О понятии показаний участников уголовного процесса как вида доказательств
- Другие материалы

ISSN 1815-1337



9 771815 133771

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2025. № 4 Федеральный научный юридический ежемесячный журнал	LAW AND STATE: the theory and practice. 2025. № 4 Federal scientific juridical monthly journal
Учредитель: <u>А.И. Бобылев</u> Издатель: Издательство «Право и государство пресс» Главный редактор: <i>С.В. Алексеев – доктор юридических наук, профессор (Москва)</i> Ответственный редактор: <i>С.В. Зубкова (Москва)</i> Редакционный совет: <i>С.В. Алексеев – д.ю.н., профессор (Москва), Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва) Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Грозный), С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва), Е.Ю. Грачёва – д.ю.н., профессор (Москва), Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва), В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва), А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва), С.А. Комаров – д.ю.н., профессор (Санкт-Петербург), В.М. Корякин – д.ю.н., профессор (Москва), П.В. Крашенинников – д.ю.н., профессор (Екатеринбург), Н.В. Кроткова – к.ю.н. (Москва), А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов), И.М. Мацкевич – д.ю.н., профессор (Москва), Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва), Е.А. Фролова – д.ю.н. (Москва) В.В. Чубаров – д.ю.н. (Москва)</i> Редакционная коллегия: <i>И.В. Ершова – д.ю.н., профессор (Москва), Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва), Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва), П.А. Калинин – д.ю.н., профессор (Москва), В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва), М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва), М.М. Милованова – к.ю.н., доцент (Москва), В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва), Н.А. Соколова – д.ю.н., доцент (Москва), Р.Ф. Степаненко – д.ю.н., профессор (Казань), О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)</i>	Constitutor: <u>A.I. Bobylev</u> Publisher: Publishing house «Law and state press» Chief editor: <i>S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow)</i> The editor-in-chief: <i>S.V. Zubkova (Moscow)</i> Editorial council: <i>S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow), E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow), B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Grozny), S.A. Bogolyubov - Doctor of Law, Professor (Moscow), E.Yu. Gracheva – Doctor of Law, Professor (Moscow), N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow), V.N. Zhukov - Doctor of Law, Professor (Moscow), A.I. Zemlin - Doctor of Law, Professor (Moscow), S.A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg), V.M. Koryakin – Doctor of Law, Professor (Moscow), P.V. Krashennnikov – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg), N.V. Krotkova – Associate Professor (Moscow), A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov), I.M. Matskevich – Doctor of Law, Professor (Moscow), T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow), E.A. Frolova - Doctor of Law (Moscow) V.V. Chubarov - Doctor of Law (Moscow)</i> Editorial board: <i>I.V. Ershova - Doctor of Law, Professor (Moscow), N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow), N.M. Zolotuhina – Doctor of Law, Professor (Moscow), P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow), V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow), M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow), M.M. Milovanova – Candidate of Law, Associate Professor (Moscow) V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow), N.A. Sokolova – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow), R.F. Stepanenko – Doctor of Law, Professor (Kazan), O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)</i>
Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17836 от 22 марта 2004 г. Адрес редакции и издателя: 141075, Россия, Московская область, г. Королев, Дворцовый проезд, 4-230. E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospres.ucoz.ru. Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20 Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4) Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI). При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы». Подписка 2025. Первое полугодие. Наш индекс 11193. За достоверность и точность данных, приведённых в статье, ответственность несут авторы статей и других материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. © Издательство «Право и государство пресс», 2025 (16+)	

СОДЕРЖАНИЕ 2025 № 4

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Шаульский А.Ю. Особенности нетипичных форм правления и их влияние на правовую культуру государства.....	8
Хубаева А.А. Культура сотрудничества как национальная государственно-правовая ценность России.....	11
Жуков В.Н. Учение Монтескье в контексте современной науки.....	14
Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Период феодальной раздробленности как стадия формирования государства.....	19
Коробова А.П., Сафазарев Р.М. К вопросу о проблемах правового регулирования денежного обращения в контексте развития цифровых валют.....	22
Фетищев Д.В., Галузо В.Н., Меньшиков П.А. О систематизации законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации.....	25
Румянцев Ф.П. Теоретико-правовые аспекты регулирования договора о комплексном развитии территории.....	30
Гвоздева Т.Б. Право на победу в греческом пятиборье.....	33
Богатырев М.Р. Методологические основания определения природы правового регулирования.....	36
Бокова А.О., Канищев В.П., Палеха Р.Р. К вопросу взаимодействия внутригосударственного и международного права в условиях глобализации.....	39
Сим А.В. Нормативное правовое закрепление традиционных семейных ценностей в современном Российском государстве.....	44
Рыбинская Е.Т. Возникновение и развитие института донорства и его нормативно-правового регулирования в России и за рубежом.....	46
Озерский М.С. Политико-правовая природа кризисов авторитарных режимов: причины, последствия и стратегии преодоления.....	49
Чернова Э.Р., Баранова Е.С. Историко-правовые вопросы становления и развития российского правосознания.....	51
Мохова А.В. Правовые основы профессиональной деятельности медицинских кадров Хакасии в 1920-х гг.....	54
Терениченко А.А. Социальные сети как инструмент фальсификации истории.....	57
Кузнецов С.В. Термин «гендерное равенство» в системе правовых категорий.....	61
Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Н.Н. Алексеев и его оригинальная философия права.....	66
Червяков М.Э., Власов В.А. Некоторые актуальные аспекты использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве (часть вторая) (продолжение).....	69
Григорян Г.А. Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве.....	74
Горбунов М.Д. Аналитический правовой позитивизм: определение направления.....	77
Карев Д.А., Чертыковцев Ю.В. Цифровой суверенитет.....	80
Пономарева Ю.В. Становление подразделений милиции РСФСР на воздушном транспорте (1960-е – 1990-е годы).....	84
Кутыко В.В., Низовцев Д.С., Нестеренко В.В. Политико-правовые взгляды М.М. Сперанского.....	86
Майборода Э.Т., Червяков Е.Д. Компаративный анализ правовых механизмов защиты цифровых прав на объекты культурного наследия.....	88

Королев Б.И. Участие общественного деятеля А.А. Остафьева в организации выборов в Государственную Думу в Нижегородской губернии в годы первой русской революции (1905-1907 гг.).....	92
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
Агапов Д.А., Блинов Д.Р. О некоторых аспектах современных рисков и угроз в реализации доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации.....	95
Иванов И.В. Вопросы деятельности муниципальных образований в условиях единства публичной власти: теория и практика (на примере муниципальных образований Московской области).....	100
Шенин В.М. О правовом регулировании обеспечения безопасности.....	103
Чуча С.Ю. Правовое обеспечение занятости и трудовая миграция: историко-цивилизационная модель.....	107
Шастина А.Р. О распространении законодательства, предусматривающего раскрытие персональных данных, на участников конкурса на замещение должности главы муниципального образования.....	110
Игнатьева И.В. Правовые основы PR-деятельности в сети интернет: тенденции и вызовы.....	113
Урманов О.Э. Правовые основы использования инновационных средств в целях обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисе.....	117
Цельникер Г.Ф., Родина А.П. Роль электронных денег, как средства платежа.....	122
Фомина Т.Ф. Правовая защита права на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, как фактор инновационного развития.....	126
Джурук Д.С., Корицнов А.В., Пушечников А.А. Защита персональных данных в эпоху больших данных.....	129
Дежурный А.А., Бондаренко Д.М. Роль патрульно-постовой службы полиции в обеспечении общественной безопасности и правопорядка в Российской Федерации.....	133
Мкртумова Э.В. Медиабельность налогового спора на этапе досудебного обжалования актов налоговых органов.....	136
Мирошниченко М.Н. О практике участия транспортных прокуратур в рассмотрении судами дел об оспаривании актов прокурорского реагирования.....	139
Василевич Д.Г., Савченко М.С., Потапенко С.В., Гончаров В.В., Чешин А.В., Поярков С.Ю. Злоупотребление правом при реализации человеком своих соматических прав: к постановке проблемы.....	143
Давыдова М.В., Игнатьева И.В. Повышение эффективности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.....	148
Горохов Д.Ю. Вопросы оптимизации системы и структуры исполнительной власти на примере Республики Аргентина.....	152
Стус Н.В., Намитков Ю.А. Конституционно-правовая архитектура национальной безопасности России: принципы, нормы, институты.....	155
Синельникова Н.А. Современные тенденции обеспечения безопасности дорожного движения в России.....	159
Власова Е.Л., Игнатьева И.В. Налогообложение цифровых прав.....	161
Ашмарина Е.М. Экономическое право как инструмент реализации социальных гарантий в современной России.....	167
Буренкова М.А. Формирование конституционного права человека на свободный выезд за пределы своей страны.....	171
Бабаян (Палозян) О.А., Жмурко И.М. Правовой режим государственных долговых обязательств.....	173
Моргунова Н.В., Карнаухов В.К. Правовая пропедевтика некоторых актуальных вопросов профессиональной переподготовки в Российской Федерации.....	176

<i>Сидоров С.А., Лабунский А.Л.</i> Миграция как угроза государственной безопасности: состояние и пути минимизации.....	180
<i>Бакиев В.В.</i> Принцип достоверности искусственного интеллекта.....	184
<i>Назарова И.С., Душкина Е.В.</i> Сбережение народа как важнейшая составляющая Стратегии национальной безопасности.....	186
<i>Бывальцева С.Г.</i> Основание прокурорской проверки в контексте законности ее проведения.....	191
<i>Оглезнева Т.Н., Иванова А.А.</i> Основные направления государственной поддержки северного оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе (Часть I).....	194
<i>Сараева О.Н.</i> Правовое регулирование в сфере креативных индустрий.....	200
<i>Бондаренко И.В.</i> Специфика функционирования специализированных судов в Российской Федерации.....	204
<i>Власова Е.Л., Романенко Н.С.</i> К вопросу о финансовых инструментах на современном этапе.....	207
<i>Рыбаков М.А.</i> Противоречие правового режима земель в современном законодательстве.....	212
<i>Петроградская А.А.</i> Совершенствование применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов публичной власти.....	216
<i>Василевич Д.Г., Савченко М.С., Малиновский О.Н., Гончаров В.В., Чешин А.В.</i> Генное редактирование человека в контексте соматических прав: публично-правовой анализ.....	219
<i>Паук Н.Н., Ермолаев В.Г.</i> Некоторые проблемы правового регулирования административной ответственности в области охраны собственности.....	223
<i>Матвеева А.А., Никитин А.В.</i> Механизм государственного контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций.....	226
<i>Максимова Е.В.</i> Социализирующие компоненты инклюзивного туризма в стратегии устойчивого развития.....	231
<i>Мирошников Е.В., Белоусова К.А.</i> Цифровая трансформация налоговых органов Российской Федерации: направления, перспективы, вызовы.....	235
<i>Конохов М.В.</i> Актуальные вопросы правового обеспечения информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации на современном этапе развития информационных технологий.....	240
<i>Коноплянко А.А.</i> Конституционное право частной собственности в новых субъектах, как часть правовой системы России.....	245
<i>Макушев Д.Е.</i> Понятие и содержание общественной безопасности в сфере оборота оружия.....	248
<i>Прихожая Л.Е.</i> Некоторые проблемы и пути совершенствования деятельности участкового уполномоченного полиции.....	251
<i>Кофтина Ю.Н.</i> Государственная кадровая политика: правовой аспект.....	253
<i>Шенин В.М.</i> Совершенствование миграционного законодательства – важное направление обеспечения общественной безопасности России.....	257
<i>Портнова Е.В.</i> Государственная политика в отношении социально-правовой защиты семьи, материнства (отцовства) и детства в Российской Федерации.....	261
<i>Усманов А.К., Алексеева Н.Г.</i> К вопросу о деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации.....	265
<i>Ревина С.Н., Мешков И.В.</i> Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права.....	269
<i>Баранов В.В., Захватов И.Ю.</i> Кибертерроризм: характеристика, способы, формы социального противодействия.....	273
<i>Беликова С.Б., Зураев А.М.</i> Государственная политика в сфере гражданско-патриотического образования и воспитания.....	277
<i>Власова Е.Л., Канина Е.Н.</i> К вопросу о цифровизации юриспруденции.....	280
<i>Шенин В.М., Гавкалюк А.Б.</i> Ответственность судебного представителя.....	283
<i>Колеева А.Э.</i> Тендер на строительство: коррупционные риски и их минимизации.....	286
<i>Беляева К.А., Татчин К.В.</i> Примирительные начала в административном судопроизводстве: реалии и перспективы.....	288
<i>Ремизова Л.С.</i> Некоторые вопросы системы управления территориальным органом ФСИН России.....	291
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
<i>Климова А.Н., Клепикова О.Г.</i> Судебные акты в деле о банкротстве гражданина: пробелы законодательства.....	294
<i>Кузнецова А.А., Сафронов В.В.</i> Способы определения поставщика при осуществлении закупочной деятельности.....	299
<i>Гартина Ю.А., Букур М.С.</i> Состояние и перспективы развития цифрового права в России.....	303
<i>Пивцаева В.Ю.</i> Определение об отмене обеспечения доказательств в арбитражном процессе.....	307
<i>Корнилова Н.В.</i> Брачный договор: вопросы теории и практики.....	309
<i>Стародубова Л.В., Соколова А.А., Линченко П.В.</i> Наследование цифровых активов в РФ.....	313
<i>Бокова А.О., Мануковская А.Н., Филиппова Н.А.</i> Проблемы, возникающие при реализации трудовых прав беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет.....	319
<i>Баитовой С.В.</i> О некоторых аспектах правового регулирования договора банковского вклада.....	323
<i>Ястремский И.А.</i> Исковые требования, вытекающие из отношений пациента с клиникой пластической хирургии.....	326
<i>Конюшок А.В.</i> Значение публичных интересов в трансграничных частноправовых отношениях: теоретико-методологические аспекты.....	330
<i>Жмурова С.С., Джафаров Д.И.</i> Правовое регулирование страхования киберрисков в России: опыт зарубежных стран и перспективы развития.....	334
<i>Митчукова Г.А., Кочнев Г.А.</i> Защита прав потребителя при покупке квартиры в многоквартирном доме.....	338
<i>Каменева П.В.</i> Депонирование как один из способов правовой охраны авторских прав.....	340
<i>Сергеева М.Д., Лахин Д.Н.</i> Экспериментальный правовой режим в сфере обработки персональных данных: проблемы внедрения института дата-посредничества.....	344
<i>Сторожева А.Н., Дадаян Е.В., Горелова А.С.</i> Потребительский экстремизм.....	347
<i>Корнилова Н.В., Яковлева Т.А.</i> Животные как объект правовых отношений.....	350
<i>Войтович Л.В.</i> К вопросу о том, какое процессуальное положение необходимо признать за помощником судьи чтобы наделить его полномочиями по вынесению судебных актов в гражданском судопроизводстве?.....	354
<i>Алексеева Е.В.</i> Роль судебных актов в вопросе реализации правовой политики российского государства.....	358
<i>Ястремский И.А.</i> Регрессная ответственность медицинских работников клиники пластической хирургии.....	362
<i>Сысоев С.С., Працко Г.С.</i> Проблема правового регулирования предъявления груза грузоотправителем в сфере автомобильных грузоперевозок России.....	365
<i>Грязева О.И.</i> Особенности судебных актов по гражданским делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства.....	369
<i>Караваяев Н.В.</i> Имущественный комплекс как недвижимое имущество.....	373
<i>Карпов Е.А.</i> Советское вечное и абсолютное право: аспекты научной парадигмы учения.....	377

<i>Катукова С.Ю.</i> Принцип прозрачности авторства текста судебного акта.....	381
<i>Фурса Л.А., Лахин Д.Н.</i> Принудительная ликвидация юридического лица в Российской Федерации.....	385
<i>Малыхин В.Д.</i> Защита прав автора в договорах о создании служебных произведений.....	389
<i>Махарадзе Н.С.</i> Алименты без срока исковой давности.....	392
<i>Королева А.Ю.</i> Правовая природа оспаривания правовой охраны товарного знака, сходного с общеизвестным.....	395
<i>Ушакова Е.В., Андрианова В.В., Кобзева Е.И.</i> Юридическая природа наследственного договора как регулятора договорных отношений.....	399
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Ивлиев П.В., Архипов С.В.</i> Особенности исполнения наказаний в отношении иностранных граждан в УИС.....	403
<i>Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А.</i> Формы и методы повышения эффективности исполнения наказания и ресоциализации в отношении осужденных женщин, отбывающих лишение свободы в колониях с домами ребенка.....	406
<i>Казак И.Б., Павлов П.А.</i> К вопросу о неоднократной пропаганде, либо публичной демонстрации атрибутики или символики экстремистских организаций.....	409
<i>Курбатова Г.В.</i> Периодизация развития отечественного антикоррупционного законодательства и его влияние на современную уголовно-исполнительную систему.....	412
<i>Андреева Т.М., Симонова М.А.</i> Отбывание лишения свободы по месту жительства или осуждения как принцип института исполнения наказания в виде лишения свободы.....	415
<i>Гавриков Е.В.</i> Проблема когнитивных искажений при прослушивании телефонных переговоров.....	418
<i>Караева А.А.</i> Защитник как субъект доказывания в российском уголовном судопроизводстве.....	422
<i>Дзагоев С.В.</i> Киберпреступления в уголовном праве: современные вызовы и способы.....	426
<i>Клименко А.К.</i> Цифровые технологии как определяющий фактор новой общественно-экономической формации (цифровизма), разграничивающий смежные составы хищений безналичных и электронных денежных средств.....	429
<i>Жестеров П.В.</i> Определение роли уголовной репрессии в борьбе с организованной преступностью.....	433
<i>Иванов П.И.</i> Незаконная миграция – угроза национальной безопасности страны.....	437
<i>Добров А.Н.</i> К вопросу о пределах действия принципа презумпции невиновности.....	445
<i>Пекарева В.В., Бондаренко И.В.</i> Распространение наркотических средств, психотропных веществ с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: сущность и проблемы.....	448
<i>Еремеева А.Н.</i> Отдельные особенности участия специалиста-кинолога в ходе обыска по делам, связанным с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».....	451
<i>Заводчиков М.Н.</i> Организационно-правовое обеспечение безопасности в исправительных центрах.....	454
<i>Замалева С.В.</i> О понятии показаний участников уголовного процесса как вида доказательств.....	457
<i>Зинин Г.Ю., Николаев В.И., Шерхов Р.Р.</i> Вопросы отбывания лишения свободы большими осужденными.....	461
<i>Ивлиев П.В., Архипов С.В.</i> Проблемы обеспечения безопасности персонала в учреждениях УИС: правовые механизмы.....	465
<i>Ахъядов Э.С.-М.</i> Государственная политика в сфере противодействия информационному терроризму.....	469
<i>Погребинская М.Н.</i> Квантово-фрактальный метод анализа блокчейн-транзакций для обнаружения скрытой противозаконной активности.....	472
<i>Пронина К.Ю.</i> Ценностные ориентиры в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.....	475
<i>Тищенко Ю.Ю.</i> Понятие эффективности исправительных учреждений.....	478
<i>Власова Е.Л., Давыдова М.В.</i> Киберпреступность и влияние искусственного интеллекта на развитие права.....	480
<i>Корякин К.Д., Васильев К.Е.</i> Анализ причин роста преступности в постконфликтных обществах.....	484
<i>Воронин С.Ю.</i> Роль жертвы в преступлениях с безналичными расчетами.....	487
<i>Краснов А.А., Васильев А.М.</i> Преступления, относящиеся к государственным в уголовном законодательстве зарубежных стран романо-германской правовой системы: проблемы квалификации.....	490
<i>Котельникова О.А., Милежик А.В., Загорьян С.Г.</i> Вандализм как предмет криминологического исследования: социальные и психологические аспекты.....	493
<i>Горовой В.В., Прихожая Л.Е.</i> К вопросу о характеристике личности преступника и потерпевшего в механизме детерминации мошенничества.....	498
<i>Пекарева В.В., Фроловская Ю.И.</i> Искусственный интеллект как инструмент в системе средств, способствующих исправлению осужденного.....	501
<i>Лобунец Е.С.</i> Особенности предварительного этапа расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию.....	504
<i>Курмаева Н.А., Малышкин П.В., Асанова И.П.</i> Проблемы квалификации бандинизма в совокупности с преступлениями, совершенными бандой, а также разграничения бандинизма от смежных с ним составов преступлений.....	506
<i>Лунова А.В., Смоляров А.С., Шлома В.В.</i> Проблемы привлечения к уголовной ответственности за непринятие мер к отлову безнадзорных собак.....	510
<i>Михайлин Д.А.</i> Криминологические детерминанты посредничества во взяточничестве: современные представления.....	513
<i>Легостаев С.В.</i> Возмещение вреда, причиненного противоправными действиями лиц, освобождаемых от уголовной ответственности и наказания.....	517
<i>Попова И.П., Гапонов К.В.</i> Роль и место принципа свободы оценки доказательств в условиях внедрения технологии искусственного интеллекта.....	519
<i>Грушин Ф.В., Казак И.Б., Кутуков С.А.</i> К вопросу о влиянии судебной практики на осуществление оперативно-розыскной деятельности.....	523
<i>Тхакумачев Б.Ю.</i> Характеристика правовых и специальных пределов (ограничений) по использованию специальных цифровых знаний в уголовном судопроизводстве.....	527
<i>Новокишинов Д.В., Мазурин С.Ф.</i> Теория и практика уголовно-процессуальной политики на стадии предварительного расследования при взаимодействии следователя с органом дознания.....	530
<i>Черезов А.В., Коба А.В.</i> Неотложные следственные действия – предварительное следствие или дознание?.....	534
<i>Разина Е.П.</i> К вопросу о целесообразности использования бельгийской овчарки (малинуа), как одной из наиболее перспективных пород служебных собак для поиска, обнаружения и обозначения взрывчатых веществ и наркотических средств.....	536
<i>Шляпин Д.С., Тангрия В.Н., Матеров С.Ю.</i> О некоторых проблемных аспектах осуществления административного надзора сотрудниками органов внутренних дел.....	540
<i>Николаева Т.А., Гололобова Н.В., Новикова С.В.</i> Уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка: правовые аспекты и социальная значимость.....	546
<i>Мартинова О.А., Сафонова А.В.</i> Особенности применения домашнего ареста в правовом опыте зарубежных стран.....	550

CONTENTS 2025 № 4

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Shaulsky A.Yu.</i> Features of atypical forms of government and their influence on the legal culture of the state.....	8
<i>Khubaeva A.A.</i> Culture of cooperation as a national state-legal value of Russia.....	11
<i>Zhukov V.N.</i> Montesquieu's teaching in the context of modern science.....	14
<i>Bredikhin A.L., Parfenov N.P.</i> The period of feudal fragmentation as a stage of state formation.....	19
<i>Korobova A.P., Safagareev R.M.</i> On the issue of problems of legal regulation of money circulation in the context of the development of digital currencies.....	22
<i>Fetishchev D.V., Galuzo V.N., Menshenin P.A.</i> On the systematization of legislation in the newly formed subjects of the Russian Federation.....	25
<i>Rumyantsev F.P.</i> Theoretical and legal aspects of the regulation of the agreement on the integrated development of the territory.....	30
<i>Gvozdeva T.B.</i> The right to win in the Greek pentathlon.....	33
<i>Bogatyrev M.R.</i> Methodological foundations for determining the nature of legal regulation.....	36
<i>Bokova A.O., Kanishchev V.P., Palekha R.R.</i> On the issue of the interaction of the domestic and international law in the context of globalization.....	39
<i>Sim A.V.</i> Normative legal consolidation of traditional family values in the modern Russian state.....	44
<i>Rybinskaya E.T.</i> The emergence and development of the Institute of donation and its regulatory framework in Russia and abroad.....	46
<i>Ozersky M.S.</i> The political and legal nature of authoritarian regime crises: causes, consequences, and coping strategies.....	49
<i>Chernova E.R., Baranova E.S.</i> Historical and legal issues of the formation and development of the Russian legal consciousness.....	51
<i>Mokhova A.V.</i> Legal bases of professional activity of medical personnel of Khakassia in the 1920s.....	54
<i>Terenichenko A.A.</i> Social media as a tool for falsifying history.....	57
<i>Kuznetsov S.V.</i> The term "gender equality" in the system of legal categories.....	61
<i>Bredikhin A.L., Parfenov N.P. N.</i> N. Alekseev and his original philosophy of law.....	66
<i>Chervyakov M.E., Vlasov V.A.</i> Some relevant aspects of the use of specialized knowledge in criminal proceedings (part two) (continued).....	69
<i>Grigoryan G.A.</i> Legal policy in the field of healthcare and legal protection of public health in the Soviet State.....	74
<i>Gorbunov M.D.</i> Analytical legal positivism: defining the direction.....	77
<i>Karev D.A., Chertykovtsev Yu.V.</i> Digital sovereignty.....	80
<i>Ponomareva Yu.V.</i> Formation of RSFSR militia units in air transport (1960s - 1990s).....	84
<i>Kutko V.V., Nizovtsev D.S., Nesterenko V.V.</i> Political and legal views of M.M. Speransky.....	86
<i>Mayboroda E.T., Cheryavko E.D.</i> Comparative analysis of legal mechanisms for the protection of digital rights cultural heritage sites.....	88
<i>Korolev B.I.</i> Participation of public figure A.A. Ostafiev in the organization of elections He was elected to the State Duma in Nizhny Novgorod province during the First Russian Revolution (1905-1907).....	92

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Agapov D.A., Blinov D.R.</i> On some aspects of modern risks and threats in the implementation of the Food Security Doctrine of the Russian Federation.....	95
<i>Ivanov I.V.</i> Issues of activity of municipalities in the conditions of unity of public authority: theory and practice (using the example of the municipalities of the Moscow region).....	100
<i>Shenshin V.M.</i> About the legal regulation of security.....	103
<i>Chucha S.Yu.</i> Legal support of employment and labor migration: historical and civilizational model.....	107
<i>Shastina A.R.</i> On the extension of legislation providing for the disclosure of personal data to the participants of the competition to fill the position of head of a municipality....	110
<i>Ignatieva I.V.</i> Legal foundations of PR activities on the Internet: trends and challenges.....	113
<i>Urmanov O.E.</i> The legal basis for the use of innovative means to ensure anti-terrorist security in the metropolis.....	117
<i>Zelniker G.F., Rodina A.P.</i> The role of electronic money as a means of payment.....	122
<i>Fomina T.F.</i> Legal protection of the right to remuneration for the official result of intellectual activity as a factor of innovative development.....	126
<i>Juruk D.S., Korshunov A.V., Pushechnikov A.A.</i> Personal data protection in the era of big data.....	129
<i>Dezhurny A.A., Bondarenko D.M.</i> The role of the police patrol service in ensuring public security and law and order in the Russian Federation.....	133
<i>Mkrtumova E.V.</i> Mediability of a tax dispute at the stage of pre-trial appeal of acts of tax authorities.....	136
<i>Miroshnichenko M.N.</i> On the practice of participation of transport prosecutor's offices in the consideration by the courts of cases challenging acts of prosecutorial response.....	139
<i>Vasilevich D.G., Savchenko M.S., Potapenko S.V., Goncharov V.V., Cheshin A.V., Poyarkov S.Yu.</i> Abuse of law in the exercise of a person's somatic rights: towards a problem statement.....	143
<i>Davydova M.V., Ignatieva I.V.</i> Improving the effectiveness of State protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation.....	148
<i>Gorokhov D.Yu.</i> Issues of optimization of the system and structure of executive power on the example of the Republic of Argentina.....	152
<i>Stus N.V., Namitokov Yu.A.</i> The Constitutional and Legal Architecture of Russia's National Security: principles, norms, institutions.....	155
<i>Sinelnikova N.A.</i> Current trends in road safety in Russia.....	159
<i>Vlasova E.L., Ignatieva I.V.</i> Taxation of digital rights.....	161
<i>Ashmarina E.M.</i> Economic law as a tool for implementing social guarantees in modern Russia.....	167
<i>Burenkova M.A.</i> Formation of the constitutional right of a person to freely leave his country.....	171
<i>Babayan (Palozyan) O.A., Zhmurko I.M.</i> Legal regime of government debt obligations.....	173
<i>Morgunova N.V., Karnaukhov V.K.</i> Legal propaedeutics of some topical issues of professional retraining in the Russian Federation.....	176
<i>Sidorov S.A., Labunsky A.L.</i> Migration as a threat to state security: status and ways of minimization.....	180
<i>Baksheev V.V.</i> The principle of reliability of artificial intelligence.....	184
<i>Nazarova I.S., Dushkina E.V.</i> Saving the people as an essential component National security strategies.....	186

<i>Byvaltseva S.G.</i> The basis of the Prosecutor's check in the context of the legality of its conduct.....	191
<i>Oglezneva T.N., Ivanova A.A.</i> The main directions of state support for reindeer husbandry in the Yamalo-Nenets Autonomous District (Part I).....	194
<i>Saraeva O.N.</i> Legal regulation in the field of creative industries.....	200
<i>Bondarenko I.V.</i> Specifics of the functioning of specialized courts in the Russian Federation.....	204
<i>Vlasova E.L., Romanenko N.S.</i> On the issue of financial instruments at the present stage.....	207
<i>Rybakov M.A.</i> Contradiction of the legal regime of lands in modern legislation.....	212
<i>Petrogradskaya A.A.</i> Improving the use of digital technologies in the rule-making activities of public authorities.....	216
<i>Vasilevich D.G., Savchenko M.S., Malinovsky O.N., Goncharov V.V., Cheshin A.V.</i> Human gene editing in the context of somatic rights: public law analysis.....	219
<i>Pauk N.N., Ermolaev V.G.</i> Some problems of legal regulation of administrative responsibility in the field of property protection.....	223
<i>Matveeva A.A., Nikitin A.V.</i> Mechanism of state control (supervision) over the activities of self-regulating organizations.....	226
<i>Maximova E.V.</i> Socializing components of inclusive tourism in the strategy of sustainable development.....	231
<i>Miroshnikov E.V., Belousova K.A.</i> Digital transformation of the tax authorities of the Russian Federation: directions, prospects, challenges.....	235
<i>Konokhov M.V.</i> Actual issues of legal provision of information security for military personnel and the Armed Forces of the Russian Federation at the current stage of information technology development.....	240
<i>Konoplyanko A.A.</i> The constitutional right of private property in new subjects, as part of the Russian legal system.....	245
<i>Makushev D.E.</i> The concept and content of public safety in the sphere of arms trafficking.....	248
<i>Prikhozhaya L.E.</i> Some problems and ways of improvement activities of the district police commissioner.....	251
<i>Koftina Yu.N.</i> State personnel policy: the legal aspect.....	253
<i>Shenshin V.M.</i> Improving migration legislation Is an important area of ensuring public safety in Russia.....	257
<i>Portnova E.V.</i> State policy on social and legal protection of the family, motherhood (fatherhood) and childhood in the Russian Federation.....	261
<i>Usmanov A.K., Alekseeva N.G.</i> On the issue of the activities of the constitutional (statutory) councils of the subjects of the Russian Federation.....	265
<i>Revina S.N., Meshkov I.V.</i> Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of law.....	269
<i>Baranov V.V., Zakhvatov I.Yu.</i> Cyberterrorism: characteristics, methods and forms of social counteraction.....	273
<i>Belikova S.B., Zuraev A.M.</i> State policy in the field of civic and patriotic education and upbringing.....	277
<i>Vlasova E.L., Kanina E.N.</i> On the issue of the digitalization of jurisprudence.....	280
<i>Shenshin V.M., Gavkalyuk A.B.</i> Responsibility of the judicial representative.....	283
<i>Kolieva A.E.</i> Construction tender: corruption risks and their minimization.....	286
<i>Belyaeva K.A., Tatchin K.V.</i> Conciliatory principles in administrative proceedings: realities and prospects.....	288
<i>Remizova L.S.</i> Some issues of the management system of the territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia.....	291

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

<i>Klimova A.N., Klepikova O.G.</i> Judicial acts in the case of bankruptcy of a citizen: legislative gaps.....	294
<i>Kuznetsova A.A., Safronov V.V.</i> Methods of determining the supplier during procurement activities	299
<i>Gartina Yu.A., Bukur M.S.</i> The state and prospects of digital law development in Russia.....	303
<i>Pivtsaeva V.Yu.</i> Ruling on the cancellation of providing evidence in the arbitration process.....	307
<i>Kornilova N.V.</i> Prenuptial agreement: issues of theory and practice.....	309
<i>Starodubova L.V., Sokolova A.A., Linchenko P.V.</i> Inheritance of digital assets in the Russian Federation.....	313
<i>Bokova A.O., Manukovskaya A.N., Filiptsova N.A.</i> Problems arising in the implementation of labor rights of pregnant women and women with children under 14 years of age.....	319
<i>Bashtovoy S.V.</i> On some aspects of the legal regulation of the bank deposit agreement.....	323
<i>Yastremsky I.A.</i> Claims arising from the patient's relationship with the plastic surgery clinic.....	326
<i>Konyushok A.V.</i> The importance of public interests in cross-border private law relations: theoretical and methodological aspects.....	330
<i>Zhmurova S.S., Jafarov D.I.</i> Legal regulation of cyber risk insurance in Russia: experience of foreign countries and development prospects.....	334
<i>Mitsukova G.A., Kochnev G.A.</i> Consumer rights protection when buying an apartment in an apartment building.....	338
<i>Kameneva P.V.</i> Deposit as one of the ways of legal protection of copyrights.....	340
<i>Sergeeva M.D., Lakhin D.N.</i> Experimental legal regime in the field of personal data processing: problems of introducing the institute of data mediation.....	344
<i>Storozheva A.N., Dadayan E.V., Gorelova A.S.</i> Consumer extremism.....	347
<i>Kornilova N.V., Yakovleva T.A.</i> Animals as an object of legal relations.....	350
<i>Voitovich L.V.</i> On the question of what procedural position should be recognized for an assistant judge in order to give him the authority to pronounce judicial acts in civil proceedings?.....	354
<i>Alekseeva E.V.</i> The role of judicial acts in the implementation of the legal policy of the Russian state.....	358
<i>Yastremsky I.A.</i> Regressive responsibility of medical staff of the plastic surgery clinic.....	362
<i>Sysoev S.S., Pratsko G.S.</i> The problem of legal regulation of cargo presentation by the shipper in the field of automobile cargo transportation in Russia.....	365
<i>Gryazeva O.I.</i> Features of judicial acts in civil cases considered in a simplified procedure.....	369
<i>Karavaev N.V.</i> Property complex as real estate.....	373
<i>Karpov E.A.</i> Soviet proprietary and absolute right: aspects of scientific paradigm of teaching.....	377
<i>Katukova S.Yu.</i> The principle of transparency of the authorship of the text of the judicial act.....	381
<i>Fursa L.A., Lakhin D.N.</i> Forced liquidation of a legal entity in the Russian Federation.....	385
<i>Malykhin V.D.</i> Protection of the author's rights in contracts for the creation of official works.....	389
<i>Makharadze N.S.</i> Alimony without limitation period.....	392
<i>Koroleva A.Yu.</i> The legal nature of challenging the legal protection of a trademark similar to a well-known one.....	395
<i>Ushakova E.V., Andrianova V.V., Kobzeva E.I.</i> The legal nature of the inheritance agreement as a regulator of contractual relations.....	399

<i>Ivliev P.V., Arkhipov S.V.</i> Peculiarities of the execution of punishments against foreign citizens in the penal system.....	403	<i>Tishchenko Yu.Yu.</i> The concept of the effectiveness of correctional institutions.....	478
<i>Tishchenko Yu.Y., Samoilova A.A.</i> Forms and methods of increasing the effectiveness of punishment and re-socialization in relation to convicted women serving their sentences in colonies with orphanages.....	406	<i>Vlasova E.L., Davydova M.V.</i> Cybercrime and the influence of artificial intelligence on the development of law	480
<i>Kazak I.B., Pavlov P.A.</i> On the issue of repeated propaganda or public demonstration of attributes or symbols of extremist organizations.....	409	<i>Koryakin K.D., Vasiliev K.E.</i> Analysis of the causes of crime growth in post-conflict societies.....	484
<i>Kurbatova G.V.</i> Periodization of the development of domestic anti-corruption legislation and its impact on the modern penal enforcement system.....	412	<i>Voronin S.Yu.</i> The role of the victim in crimes involving cashless payments.....	487
<i>Andreeva T.M., Simonova M.A.</i> Serving a custodial sentence at the place of residence or conviction as a principle of the institution of the execution of a custodial sentence	415	<i>Krasnov A.A., Vasiliev A.M.</i> Crimes related to state crimes in the criminal legislation of foreign countries of the Romano-German legal system: problems of qualification.....	490
<i>Gavrikov E.V.</i> The problem of cognitive distortions when listening to telephone conversations.....	418	<i>Kotelnikova O.A., Milezhik A.V., Zagoryan S.G.</i> Vandalism as a subject of criminological research: social and psychological aspects.....	493
<i>Karaeva A.A.</i> The defender as a subject of evidence in Russian criminal proceedings.....	422	<i>Gorovoy V.V., Prikhozhyaya L.E.</i> On the issue of characterization of the personality of the criminal and the victim in the mechanism of fraud determination.....	498
<i>Dzagoev S.V.</i> Cybercrimes in criminal law: modern challenges and ways	426	<i>Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I.</i> Artificial intelligence as a tool in a system of tools, contributing to the correction of the convict.....	501
<i>Klimenko A.K.</i> Digital technologies as a determining factor of a new socio-economic formation (digitalism) that distinguishes related theft of non-cash and electronic funds.....	429	<i>Lobunets E.S.</i> Features of the preliminary stage of the investigation of petty theft committed by a person subjected to administrative punishment.....	504
<i>Gesterov P.V.</i> Defining the role of criminal repression in the fight against organized crime.....	433	<i>Kurmaeva N.A., Malyshekin P.V., Asanova I.P.</i> Problems of qualification of banditry in combination with crimes committed by a gang, as well as the differentiation of banditry. from related crimes.....	506
<i>Ivanov P.I.</i> Illegal migration is a threat to the national security of the country.....	437	<i>Luneva A.V., Smolyarov A.S., Shloma V.V.</i> Problems of criminal prosecution for failure to take measures to capture stray dogs.....	510
<i>Dobrov A.N.</i> On the question of the limits of the principle of presumption of innocence.....	445	<i>Mikhailin D.A.</i> Criminological determinants of mediation in bribery: modern concepts.....	513
<i>Pekareva V.V., Bondarenko I.V.</i> Distribution of narcotic drugs and psychotropic substances using the Internet information and telecommunication network: essence and problems.....	448	<i>Legostaev S.V.</i> Compensation for damage caused by unlawful actions of persons exempt from criminal liability and punishment.....	517
<i>Yeremeeva A.N.</i> Certain features of the participation of a specialist dog handler during a search in cases related to the illegal sale of narcotic drugs committed by using the Internet information and telecommunication network	451	<i>Popova I.P., Gaponov K.V.</i> The role and place of the principle of freedom of evaluation of evidence in the context of the introduction of artificial intelligence technology.....	519
<i>Zavodchikov M.N.</i> Organizational and legal security in correctional centers.....	454	<i>Grushin F.V., Kazak I.B., Kutukov S.A.</i> On the issue of the impact of judicial practice on the implementation of operational investigative activities.....	523
<i>Zamaleeva S.V.</i> On the concept of testimony of participants in the criminal process as a type of evidence.....	457	<i>Tkhakumachev B.Yu.</i> Characteristics of legal and special limits (restrictions) on the use of special digital knowledge in criminal proceedings.....	527
<i>Zinin G.Yu., Nikolaev V.I., Sherkhov R.R.</i> Issues of serving imprisonment by sick convicts.....	461	<i>Novokshonov D.V., Mazurin S.F.</i> Theory and practice of criminal procedure policy at the stage of preliminary investigation when the investigator interacts with the body of inquiry.....	530
<i>Ivliev P.V., Arkhipov S.V.</i> Problems of ensuring the safety of personnel in correctional institutions: legal mechanisms.....	465	<i>Cherezov A.V., Koba A.V.</i> Urgent investigative actions –preliminary investigation or inquiry?.....	534
<i>Akhyadov E.S.-M.</i> State policy in the field of countering information terrorism.....	469	<i>Razina E.P.</i> On the question of the expediency of using the Belgian Shepherd (Malinois) as one of the most promising breeds of service dogs for the search, detection and identification of explosives and narcotic drugs.....	536
<i>Pogrebinskaya M.N.</i> Quantum fractal method of blockchain transaction analysis to detect hidden illegal activity.....	472	<i>Shlyapin D.S., Tangrieva V.N., Materov S.Yu.</i> On some problematic aspects of the implementation of administrative supervision by law enforcement officers.....	540
<i>Pronina K.Yu.</i> Value orientations in the professional activity of employees of the penal system.....	475	<i>Nikolaeva T.A., Gololobova N.V., Novikova S.V.</i> Criminal liability for the murder of a newborn child by a mother: legal aspects and social significance.....	546
		<i>Martynova O.A., Safonova A.V.</i> Features of the use of house arrest in the legal experience of foreign countries.....	550

ОСОБЕННОСТИ НЕТИПИЧНЫХ ФОРМ ПРАВЛЕНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ ГОСУДАРСТВА FEATURES OF ATYPICAL FORMS OF GOVERNMENT AND THEIR IMPACT ON THE LEGAL CULTURE OF THE STATE

ШАУЛЬСКИЙ Алексей Юрьевич,

аспирант Международного института информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина.
105077, Россия, г. Москва, Измайловский б-р, д. 46.

E-mail: al.988@mail.ru;

SHAULSKY Alexey Yurievich,

postgraduate student at the P.A. Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration.
46 Izmailovsky b-r, Moscow, 105077, Russia.

E-mail: al.988@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье исследуется феномен нетипичных форм правления как уникального явления в современной правовой организации государств. Исследование фокусируется на детерминантах формирования гибридных моделей государственного управления, их воздействии на правовую культуру общества и характер взаимоотношений между различными ветвями власти. В статье приводятся критерии, определяющие выбор оптимальной формы правления, среди которых выделяются исторические предпосылки, социокультурный контекст, национальные традиции, территориальное расположение и этнический состав населения. Значительное внимание уделяется сравнительному анализу классических форм правления и их модифицированных версий, а также механизмам преодоления их ограничений. В ходе исследования выявлена устойчивая тенденция к росту числа государств с нетипичными формами правления в глобальном масштабе. Материалы статьи позволяют сформировать четкое представление о том, как гибридные конструкции способствуют оптимизации системы государственного управления и устранению недостатков традиционных форм организации власти.

Abstract: This article examines the phenomenon of atypical forms of government as a unique phenomenon in the modern legal organization of states. The research focuses on the determinants of the formation of hybrid models of public administration, their impact on the legal culture of society and the nature of the relationship between different branches of government. The article presents criteria that determine the choice of the optimal form of government, among which historical background, socio-cultural context, national traditions, territorial location and ethnic composition of the population are highlighted. Considerable attention is paid to the comparative analysis of classical forms of government and their modified versions, as well as mechanisms for overcoming their limitations. The study revealed a steady trend towards an increase in the number of states with atypical forms of government on a global scale. The materials of the article allow us to form a clear idea of how hybrid designs contribute to the optimization of the state control system.

Ключевые слова: форма правления, нетипичные формы правления, гибридные формы, правовая культура, государственное устройство, органы власти.

Keywords: form of government, atypical forms of government, hybrid forms, legal culture, state structure, authorities.

Для цитирования: Шаульский А.Ю. Особенности нетипичных форм правления и их влияние на правовую культуру государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 8-10. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_8.

For citation: Shaulsky A.Yu. Features of atypical forms of government and their impact on the legal culture of the state // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 8-10. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_8.

Статья поступила в редакцию: 13.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение

В современном мире наблюдается тенденция к трансформации традиционных форм государственного правления и появлению новых, нетипичных моделей организации власти. Глобализация, развитие информационных технологий и социальные изменения приводят к тому, что классические формы правления – монархия и республика – часто модифицируются, создавая уникальные гибридные конструкции.

Актуальность исследования нетипичных форм правления обусловлена их возрастающим влиянием на правовую культуру государств и необходимостью понимания механизмов их функционирования. В условиях растущей интеграции международных отношений особую значимость приобретает анализ того, как нестандартные формы правления влияют на формирование правовых традиций, институтов и правосознания общества.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии представлений о формах правления и их влиянии на правовую культуру. Практическая значимость состоит в возможности использования результатов исследования при совершенствовании государственного устройства и развитии правовой культуры.

В ходе исследования особое внимание уделяется анализу конкретных примеров нетипичных форм правления в различных государствах, что позволяет выявить общие закономерности и особенности их функционирования.

История становления идеи нетипичных форм правления

Изучение нетипичных форм правления становится приоритетным направлением в правовой науке, поскольку классические классификации государственного устройства не соответствуют современным политическим реалиям многих стран. Европейская политическая культура исторически характеризуется синтезом монархических и республиканских ценностей, что особенно проявляется в современном конституционном развитии.

Зарождение теории нетипичных форм правления началось в античности. Аристотель создал классификацию шести форм правления после изучения 156 греческих полисов. Полибий развил эту концепцию, введя понятие смешанной формы правления, объединяющей демокра-

тию, монархию и аристократию. Цицерон углубил понимание нетипичных форм государственного устройства [1].

Эпоха Возрождения и Реформации ознаменовалась повышенным интересом к смешанным формам правления на фоне формирования абсолютных монархий и развития антииерархических движений. Томас Мор, Томас Смит и Франсуа Отман выступали за гибридные формы государственного устройства. В "Утопии" Мор представил модель идеального государства с народным собранием, выборным Сенатом и пожизненно избираемым главой государства.

Новое время ознаменовалось революционными изменениями в теории форм правления. Томас Гоббс совершил концептуальный прорыв, отказавшись от традиционного деления на правильные и неправильные формы правления.

Первым успешным примером смешанной формы правления в Западной Европе стал протекторат по Английской Конституции 1653 года. Эта инновационная модель предусматривала пожизненное избрание лорд-протектора Государственным советом с правом формировать избирающий орган.

Особого внимания заслуживает конституционный "эксперимент" Наполеона Бонапарта 1799 года. Документ закреплял доминирование первого консула, избираемого Сенатом на десятилетний срок (с 1802 года – пожизненно) и имеющего право формировать Сенат. Несмотря на наличие демократических институтов, реальная власть концентрировалась в руках консула, создавая модель авторитарного управления под демократической оболочкой [2].

Современный опыт государств с гибридными формами правления

Современные классификации форм правления, ограничивающиеся монархией и республикой с несколькими подвидами, не отражают всего многообразия исторической практики и современных моделей управления. Как отмечают исследователи, реальная политическая практика часто порождает нетипичные формы государственного устройства.

В наши дни наблюдается отчетливая тенденция к распространению смешанных форм правления, успешно интегрирующих элементы различных политических систем. Малайзия и Франция демонстрируют успешность уникальных гибридных моделей государственного управления, подтверждая эффективность такого подхода к организации власти.

Появление нетипичных форм правления обусловлено тремя ключевыми факторами: потребностью в эффективном взаимодействии высших органов власти, стремлением избежать недостатков классических форм правления и влиянием современных политико-правовых идей [3].

Современная классификация включает смешанные и гибридные модели, среди которых выделяются "монархические республики" и "республиканские монархии". Особенно примечателен опыт Малайзии и ОАЭ, где наследственный монарх подлечит переизбранию каждые пять лет, создавая уникальный сплав монархических и республиканских традиций [4].

В политической практике широко распространены различные варианты смешанных республик: полупрезидентские, полупарламентарные и президентско-парламентские модели. Эти формы возникли для интеграции преимуществ президентской и парламентской систем.

Если президентская республика обеспечивает стабильность исполнительной власти, но рискует скатиться к авторитаризму, а парламентская модель, гарантируя ответственность правительства, может страдать от политической нестабильности в условиях многопартийности, то смешанные формы успешно балансируют между эффективностью управления и демократическими принципами организации власти.

Таким образом можно сделать вывод, что государства тяготеют к гибридным моделям тогда, когда развитие правовой культуры той или иной страны диктует необходимость объединения эффективной модели республики (с системой разделения властей, сдержек и противовесов и определенных ограничений для главы государства) с монархическими началами (где важную роль играет личность и её статус подкреплён правовыми основаниями). По этим причинам и выделяются гибридные формы правления, которые устраивают населения государства и расширяют возможность как для законодательного регулирования отношений власти, так и осуществления государственной власти и эффективного достижения результатов.

Исходя из этого такие гибридные модели доказывают свою эффективность, и расширяют классическое представление о форме правления в теории, что позволяет извлекать правовые механизмы и применять их в опыте выстраивания законодательства в других государствах. Отдельную роль играет влияние правовой культуры той или иной страны, где даже при установлении классической системы республики наблюдается тяга населения и в дальнейшем воли законодателя к монархическим началам, которые проявляются в: увеличении сроков полномочий главы государства, снятием ограничений на количество сроков нахождения у власти, усиление полномочий главы государства и зависимость определённых государственных органов от него, усложнение процедуры отстранения главы государства от занимаемой должности. Всё это в совокупности тянет республику к гибридной форме с монархическими началами. И наоборот в монархических странах наблюдается тяга к республиканским началам в форме: появления систем сдержек и противовесов, выборность главы государства, хоть и на пожизненный срок, сменяемость органов власти и выстраивание системы взаимной ответственности власти и общества, а не только перед монархом [5]. В связи с этим справедливо будет расширить классификацию классических форм правления и добавить в неё гибридные модели: полубабсолютные монархии соединяют особенности абсолютной и ограниченной монархии; полудуалистические монархии сочетают элементы дуалистической и парламентарной монархии; теократические монархии характеризуются тем, что глава государства является высшим духовным лицом и оказывает религиозное влияние на управление; "республиканские монархии" (как Малайзия, Лесото, ОАЭ) имеют монархические черты в республиканской форме правления; полупрезидентские республики объединяют черты президентской и парламентской республик; а суперпрезидентские республики, часто возникающие после военных переворотов в странах Латинской Америки и Африки, отличаются предоставлением президенту

чрезвычайно широких полномочий.

Заключение

В заключение следует отметить, что эволюция форм правления в современном мире демонстрирует явную тенденцию к формированию смешанных и нетипичных моделей государственного устройства. Это закономерный процесс, обусловленный необходимостью создания более эффективных механизмов управления и преодоления недостатков классических форм правления.

Анализ показывает, что нетипичные формы правления способствуют обогащению правовой культуры государств, внедряя инновационные подходы к организации власти и управления. Они создают уникальные правовые традиции, сочетающие элементы различных политических систем, что особенно важно для многонациональных и федеративных государств.

Практическая значимость исследования заключается в том, что смешанные формы правления демонстрируют способность адаптироваться к современным вызовам, обеспечивая необходимый баланс между стабильностью и гибкостью государственного управления. Они способствуют развитию правовой культуры через внедрение демократических институтов, повышение эффективности государственного управления и укрепление правовой защищенности граждан.

Таким образом, нетипичные формы правления не только обогащают современную политическую практику, но и вносят существенный вклад в развитие правовой культуры государств, создавая новые стандарты взаимодействия власти и общества в условиях глобализации и усложнения социальных отношений.

Список литературы:

1. Пушкарёв С.В. К вопросу о форме правления // Вестник РУК. 2009. №2. EDN: RDPXLF
2. Чиркина В. Е. Нетипичные формы правления в современном государстве // Государство и право. - 1994. - № 1.
3. Галайдина О. С. Нетипичные формы правления современности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. №4. EDN: QBIOTV
4. Гаджиев Г.Д. Правовой статус президента ОАЭ // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. №2. EDN: PKFIJM
5. Нечкин А. В. Форма правления в государствах мира: проблемы классификации и пути их возможного решения // Lex Russica. 2019. №5. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.132-147 EDN: RZKAJI
6. Селютин Е. Н. Проблемы классификации форм государственного правления в современных условиях // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №4. EDN: RDPZKT

References:

1. Stanislav V.P. On the issue of the form of government // Bulletin of HANDS. 2009. №2. EDN: RDPXLF
2. Chirkina V. E. Atypical forms of government in a modern state // State and law. - 1994. - № 1.
3. Galaidina O. S. Atypical forms of modern government // Actual problems of humanities and natural sciences. 2013. No. 4. EDN: QBIOTV
4. Gadzhiev H.D. The legal status of the president of the UAE // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2021. No.2. EDN: PKFIJM
5. Nechkin A.V. The form of government in the states of the world: classification problems and ways of their possible solution // Lex Russica. 2019. No. 5. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.150.5.132-147 EDN: RZKAJI
6. Selyutina E. N. Problems of classification of forms of government in modern conditions // OSU Scientific Notes. Series: Humanities and Social Sciences. 2013. №4. EDN: RDPZKT

КУЛЬТУРА СОТРУДНИЧЕСТВА КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИИ CULTURE OF COOPERATION AS A NATIONAL ONE THE STATE-LEGAL VALUE OF RUSSIA

ХУБАЕВА Алана Алановна,

аспирант юридического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»);
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: alan.hubaev@yandex.ru;

KNUBAEVA Alana Alanovna,

graduate student of the Law Institute of the Belgorod State National Research University.

308015, Belgorod, str. Pobedy, house 85.

E-mail: alan.hubaev@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье определяются и конкретизируются национальные и традиционные ценности России на современном этапе. Рассматривается содержание категории «сотрудничество» как одной из основных национальных государственно-правовых ценностей современного российского государства, базирующееся на концепции коллективизма. Уточняется смысл термина «сотрудничество» с правовой точки зрения, соотносятся категории «сотрудничество» и «солидарность», сравниваются российская идея сотрудничества и западноевропейская идея солидаризма.

Abstract. The article defines and specifies the national and traditional values of Russia at the present stage. The content of the category «cooperation» is considered as one of the main national state and legal values of the modern Russian state, based on the concept of collectivism. The meaning of the term «cooperation» from a legal point of view is specified, the categories of «cooperation» and «solidarity» are correlated, the Russian idea of cooperation and the Western European idea of solidarity are compared.

Ключевые слова: сотрудничество, культура сотрудничества, коллективизм, ценности, традиции права.

Keywords: cooperation, culture of cooperation, collectivism, values, traditions of law.

Для цитирования: Хубаева А.А. Культура сотрудничества как национальная государственно-правовая ценность России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 11-13. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_11.

For citation: Khubaeva A.A. Culture of cooperation as a national one the state-legal value of Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 11-13. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_11.

Статья поступила в редакцию: 07.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Вопросы конкретизации национальных ценностей сегодня стоят особо остро, поскольку за ценности и право жить в ладу с ними ведется ожесточенная борьба. С.Ф. Анисимов раскрывает ценность как «нечто объективное для отдельного человека... определенное значение предмета, его свойств для действующего субъекта с точки зрения потребностей, интересов» [1, с. 85]. При этом ценность им определяется через значение и оценку (мысль, суждение о значении). В.Н. Корнев определяет оценку как связующее между ценностью и правилом поведения общества: «переход от сущего к должному: ценность – оценка – норма» [2, с. 8-15]. Традиция понимается как «социальное и культурное наследие поколений», среди элементов которой названы и ценности наряду с обрядами, обычаями, нормами – всего того, что составляет существование конкретного общества [3, с. 331]. Г.В. Мальцев, объединяя указанные категории, говорит о традиционных ценностях как о «нравственных ориентирах, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых из поколения в поколение, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны» [4, с. 10]. Между тем, ценности, что отмечает и А.А. Напреенко, «не могут восторжествовать автоматически и однозначно во всех странах» [5, с. 17], это вопрос формирования национальной культуры. Согласно мнения В.Э. Багдасаряна и С.С. Сулакшина, высшими ценностями России, характерными для традиционной народной культуры, являются религия (даже советский опыт раскрывается через формирование идейно-духовного квазирелигиозного суррогата), вера («менять веру – менять и совесть»), коллективизм (общинность), душа (милосердие, антипод разумного эгоизма), совесть (стыд, в зарубежном обиходе русского восприятия категории «стыд» не существует), добро (противопоставление злу, этическая шкала координат России не соответствует западной), нестяжательство («отрицание прибыльно ориентированной, материально-накопительной устремленности сознания» – «лучше хлеб с водою, чем пирог с бедою» [6, с. 189]), труд (культура труда от фольклора до государственных установок), разум (рационализм не тождествен прагматизму, рационализм – ментальная основа успешности отечественного образования и науки), патриотизм (ценностный ориентир защиты Родины), семья (микроуровень системы государства – «царь-батюшка») [6, с. 162-208].

Обращаясь к природе сотрудничества с позиции российского восприятия, стоит отметить такую ценность как коллективизм. Коллективизм базируется на доверии и в данном случае не должно быть подмены понятий: коллективизм не стоит заменять солидаризацией, что активно происходит сейчас. Солидаризм касается общечеловеческих ценностей, в то время как коллективизм ориентирован на конкретное общество. А.Н. Окара при этом отмечает, что для солидаризма характерно противопоставление «я» – «мы», где уравнивается индивидуализм и общественный интерес [7, с. 146-155]. Однако, как показывает практика, объединение ради абстрактных общечеловеческих ценностей не решает конкретные проблемы государства. Отсутствие четких целей и результата не позволяет наладить сотрудничество на любом уровне взаимодействия. Внедрение западного смысла категории солидаризма и уход от идеи коллективизма (общинности) в достижения конкретно поставленной

единой цели, направленной на благо определённого общества, приводит к неэффективности сотрудничества, основным смыслом которого как раз является совместное решение проблемы. Коллективизм (общинность) всегда был основой, спецификой отношений в русском обществе и противопоставлялся западноевропейскому индивидуализму. Коллективистская модель поведения не возникает спонтанно, случайно. Это исторически длительный сложный путь взаимодействия населения. Для тех, кто различает категории коллективизм и общинность, можно отметить, что в первом случае имеется ввиду вовлечение человека в коллектив (советская модель общинности), во втором случае – более сложная модель отношений, где каждый решает конкретные задачи в достижении множества целей единого общего дела, в различных структурах и уровнях отношений, а также взаимодействие разных социальных групп, связанных единством результата. Между тем, в социально-философской традиции коллективизм характеризует тип общества и рассматривается равноценно общинности, товарищеской форме сотрудничества, развитие личности в благоприятных условиях взаимопомощи, где взаимодействие есть «специфическое проявление коллективизма в социальном познании» [8, с. 279-280]. Именно решение проблем сообща является коренной российской чертой – «доброе братство – дорожке богатства» [9, с. 252] и, как отмечает А.В. Сергеева, «коллективизм – древняя черта русского архетипа, унаследованная с традициями язычества» [10, с. 155]. В любом варианте толкования коллективизма сотрудничество как его основа полностью отвечает менталитету российского общества. Таким образом, культура сотрудничества, выстроенная на идее коллективизма (общинности), исторически является одной из высших ценностей российского государства и народа.

Отмечая различия коллективизма и солидаризма, общинности и индивидуальности, можно согласиться с А.В. Меренковым, что в настоящее время обострилось противостояние двух культур: культуры сотрудничества и культуры эгоизма [11, с. 5-16]. Солидаризм направлен на примирение двух культур, однако в западноевропейской трактовке не является в полной мере сотрудничеством, которое есть не согласование переживаний об абстрактном будущем, а совокупность согласованных действий, направленных на конкретный результат. Как заметил А.В. Меренков, «человек может скрывать реальное содержание своих эмоций и чувств, и только его поступки, направленные на реализацию интересов общности, указывают на принятие, может быть и вынужденное, норм культуры, обеспечивающей приоритет коллективных интересов» [11, с. 8]. Ученый настаивает, что сотрудничество само по себе есть культура со своими правилами, нормами, позволяющими наиболее эффективно решать задачи и извлекать максимальную выгоду от объединения индивидов, социальных групп, общностей. Содержанием культуры сотрудничества является забота о нуждающихся, поддержка, технологии организации коллективного труда, особая система ценностей (реальность вовлечения в проблемы, чувство долга, ответственность за действия, особая форма любви к своему народу, земле – патриотизм и т.д.), знаний, правил и норм, на основе общей трудовой деятельности, т.е. труд как самостоятельная ценность является также одной из основ коллективизма (сотрудничества).

Культура сотрудничества является базовой для российского государства, это проявлялось и проявляется не только во взаимопомощи в рамках отдельной социальной группы, но и во всеобщем поощрении со стороны общества такого поведения, в моральном аспекте – это добродетель. Во внешней политике российского государства культура сотрудничества также всегда была доминирующей. Договоры «о мире и любви», начиная с IX в. были заключены со многими соседствующими народами: Византией (860 г.), хазарами, германцами, франками и Арабским халифатом [12]. Уже в первых международных договорах 907 г. и 944 г. прослеживается не противодействие культуре другого государства, а поддержание принятых там правил в экономической сфере: наличие печатей у купцов, использование весовых и денежных мер, специальной регистрации торговцев [13, с. 5-15]. Сотрудничество проявляется в нормах обеспечения правопорядка – о выдаче беглых рабов, действии берегового права, вопросах уголовного преследования. При этом в положениях были не только правила византийского государства, но и обычаи русские, а в договоре 911 г. ст. 14 закрепляла принцип выдачи преступников [14, с. 14-20].

Внешнеполитическое взаимодействие со странами Западной Европы начинается с середины XVI в., когда восточная греческо-славянская часть Европы в противовес западной романо-германской осталась в лице России, оказавшейся исключенной из европейского межгосударственного взаимодействия. По мнению Т.В. Бордачева, западноевропейская международная политика возникла тогда, когда у России уже сформировалась целостная основа внешнеполитической культуры, где предательство доверительных отношений (основы коллективизма, сотрудничества) со стороны Запада спровоцировало отчуждение России [15]. В XIX в. Россия как могущественная держава во внешней политике уже руководствовалась теорией национально-государственных интересов [16, с. 73-77] – «ценностей, имеющих доминирующее значение для государства, его существования и развития, его способности защищать и отстаивать свою независимость и суверенитет» [17, с. 18]. При этом никогда не отказывала в помощи и поддержке своим братьям славянам, отстаивая и их интересы на международном уровне [18, с. 3-20].

А.В. Меренков указывает, что Запад активно навязывает России культуру эгоизма и подмену национальных ценностей с помощью уже современных технологий. При этом на основании культуры эгоизма и принципа солидарности Европа также не является полноправным партнером США, где «эгоцентризм выделен в оценке международных отношений как глубинный фактор, определяющий всю политику США не только с государствами, отказывающимися им подчиняться, но и с теми, кто проявляет видимую покорность» [19, с. 305-316]. Противопоставлением незаконному санкционному давлению, к которому принуждают государства в ущерб собственным интересам и экономике, является активная международная деятельность России на основе сотрудничества в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

Таким образом, на примере внешнеполитической деятельности России на протяжении длительного времени можно проследить, что культура сотрудничества как российская национальная государственно-правовая идея (ценность) сформировалась исторически на основе идеи коллективизма (общинности). Сотрудничество как основа любой деятельности (труда) отражена в народном творчестве, закреплена не только в литературе и творчестве, но и прослеживается в официальных документах. Уход от понимания сотрудничества в исконно русском смысле и

подмена его европейской концепцией солидаризма приводит к отсутствию должного взаимодействия между членами общества, органами государственной власти, государством и обществом, что в дальнейшем может привести к разобщенности, самоустраненности народа и гибели самого государства. Возникает необходимость не только продвигать идею сотрудничества на внутригосударственном и мировом уровне, но и четко обозначить ее смысл и содержание.

Список литературы:

1. Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию: учеб. пособие для изучающих философию. - М.: Современные тетради, 2001. - 131 с.
2. Корнев В.Н. Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства // Правосудие. - 2023. - №1. - С. 8-15. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17 EDN: IRAUCG
3. Гофман А.Б. Традиция // Большая российская энциклопедия. Том 32. - Москва, 2016. - С. 331.
4. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. - М.: Изд-во СГУ, 2008. - 552 с. ISBN: 978-5-8323-0473-1 EDN: QQKHSR
5. Напреенко А.А. Социально-правовые ценности и национальная идея // Юридический вестник Самарского государственного университета. - 2015. - Т. 1. - № 4. - С. 9-18. EDN: VIDLIN
6. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности Российского государства. Серия "Политическая аксиология". Научная монография. - М.: Научный эксперт, 2012. - 624 с. ISBN: 978-5-91290-182-9 EDN: QAHYVV
7. Окара А.Н. Солидаризм: забытая идеология XXI в // Политическая наука. - 2013. - №4. - С. 146-155. EDN: RLNQTХ
8. Пискорская С.Ю. Социально-философский анализ понятия "Коллективизм" и его связь с "Русской идеей" // Вестник Крас-ГАУ. - 2006. - №11. - С. 277-280. EDN: KYHUPX
9. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2-х тт. Т.2. - М., 1989. - 654 с.
10. Сергеева А.В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность. 4-е изд., испр. - М.: Флинта: Наука, 2020. - 320 с.
11. Меренков А.В. Культура сотрудничества: теоретико-методологический анализ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. - 2019. - Т. 14. - № 4 (194). - С. 5-16. EDN: FYCLXE
12. Трофимова Л. Русское посольство в Константинополе и договор "О мире и любви" 863 г. // МИД РФ. Официальный сайт. - URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1714036/ (дата обращения: 03.08.2024).
13. Бибиков М.В. Русь в византийской дипломатии: договоры Руси с греками X в. // Древняя Русь. - 2005. - № 1(19). - С. 5-15. EDN: JWWSNV
14. Георгиевский Э.В. Уголовно-правовая характеристика международных договоров и соглашений древней и средневековой Руси X-XV вв. // Сибирский юридический вестник. - 2004. - №2. - С. 14-20. EDN: PIEGRJ
15. Бордачев Т.В. О ранней истории и географии российской внешней политики // Россия в глобальной политике. - 2022. - Т. 20. - № 4. - С. 22-45. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-22-45 EDN: EOPVZW
16. Третьякова Е.С. Внешняя политика Российской империи в XIX веке и ее юридическое оформление // Вестник Академии права и управления. - 2016. - №4 (45). - С. 73-77. EDN: XHXZBP
17. Международная безопасность и обороноспособность государств (Понятия, определения, термины) / Под общ. ред. О.К. Ро-гозина. - М., 1998. - 488 с.
18. Сквозников А.Н. "Историческое право" и борьба балканских государств за территорию в последней четверти XIX начале XX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. - 2014. - №1(15). - С. 3-20. EDN: QWGMIE
19. Меренков А.В. Культура эгоизма в условиях специальной военной операции // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. - 2022. - Т. 6. - Вып. 3. - С. 305-316. DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-3-305-316 EDN: XCYLEC

References:

1. Anisimov S.F. Introduction to axiology: textbook. a manual for students of philosophy. - M.: Modern notebooks, 2001. - 131 p.
2. Kornev V.N. Traditional constitutional values as a spiritual and moral basis for the unity of Russian society and the state // Justice. - 2023. - No. 1. - pp. 8-15. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.4.8-17 EDN: IRAUCG
3. Hoffman A.B. Tradition // Great Russian Encyclopedia. Volume 32. Moscow, 2016. pp. 331.
4. Maltsev G.V. The moral foundations of law. Moscow: SSU Publishing House, 2008. 552 p. ISBN: 978-5-8323-0473-1 EDN: QQKHSR
5. Napreenko A.A. Socio-legal values and the national idea // Law Bulletin of Samara State University. - 2015. - Vol. 1. - No. 4. - PP. 9-18. EDN: VIDLIN
6. Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. The highest values of the Russian state. The series "Political axiology". Scientific monograph. Moscow: Scientific Expert, 2012. 624 p. ISBN: 978-5-91290-182-9 EDN: QAHYVV
7. Okara A.N. Solidarism: a forgotten ideology of the 21st century // Political Science. - 2013. - No. 4. - pp. 146-155. EDN: RLNQTХ
8. Piskorskaya S.Y. Socio-philosophical analysis of the concept of "Collectivism" and its connection with the "Russian idea" // Bulletin of the Red Cross, 2006, No. 11, pp. 277-280. EDN: KYHUPX
9. Proverbs of the Russian people. Collection by V. Dahl. In 2 volumes, vol. 2. Moscow, 1989, 654 p.
10. Sergeeva A.V. Russian stereotypes of behavior, traditions, mentality. 4th ed., ispr. - M.: Flint: Nauka, 2020. 320 p.
11. Merenkov A.V. Culture of cooperation: theoretical and methodological analysis // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 3, Social Sciences. - 2019. - T. 14. - № 4 (194). - Pp. 5-16. EDN: FYCLXE
12. Trofimova L. The Russian Embassy in Constantinople and the treaty "On Peace and Love" of 863 // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. The official website. - URL: https://www.mid.ru/ru/about/professional_holiday/history/1714036/ (date of reference: 08/03/2024).
13. Bibikov M.V. Rus in Byzantine diplomacy: treaties of Russia with the Greeks of the 10th century // Ancient Rus. - 2005. - № 1(19). - Pp. 5-15. EDN: JWWSNV
14. Georgievsky E.V. Criminal and legal characteristics of international treaties and agreements of ancient and medieval Russia of the X-XV centuries // Siberian Law Bulletin. - 2004. - No. 2. - PP. 14-20. EDN: PIEGRJ
15. Bordachev T.V. On the early history and geography of Russian foreign policy // Russia in global politics. - 2022. - Vol. 20. - No. 4. - pp. 22-45. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-22-45 EDN: EOPVZW
16. Tretyakova E.S. The foreign policy of the Russian Empire in the 19th century and its legal formalization // Bulletin of the Academy of Law and Management. - 2016. - №4 (45). - Pp. 73-77. EDN: XHXZBP
17. International security and defense capability of states (Concepts, definitions, terms) / Under the general editorship of O.K. Rogozin, Moscow, 1998, 488 p.
18. Dravnikov A.N. "Historical law" and the struggle of the Balkan states for territory in the last quarter of the 19th and early 20th centuries // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law. - 2014. - №1(15). - Pp. 3-20. EDN: QWGMIE
19. Merenkov A.V. Culture of egoism in the context of a special military operation // Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations. - 2022. - Vol. 6. - Issue 3. - pp. 305-316. DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-3-305-316 EDN: XCYLEC

УЧЕНИЕ Ш.Л. МОНТЕСКЬЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ THE TEACHINGS OF Ch. L. MONTESQUIEU IN THE CONTEXT MODERN SCIENCE

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич,

доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус);
главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: pifagor2002@mail.ru;

ZHUKOV Vyacheslav Nikolaevich,

Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science
of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.
E-mail: pifagor2002@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются политико-правовые взгляды Ш.Л. Монтескье и дается их оценка с позиций современной науки. Отмечается, что главные книги Монтескье имели в свое время огромную популярность, но в настоящее время местами смотрятся как архаика. Современная историческая наука оставила далеко позади исследования французского классика. Собственно политико-правовой теории, представляющей научный интерес и сегодня, у Монтескье относительно немного. Так, в литературе распространено мнение, что Монтескье – основоположник разделения властей, что верно только отчасти. Подлинный основатель этой теории Дж. Локк, а ее действительно развили разработчики конституции США (Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон и А. Гамильтон).

Abstract: the article examines the political and legal views of S.L. Montesquieu and evaluates them from the standpoint of modern science. It is noted that Montesquieu's main books were very popular at one time, but now they look like archaic in some places. Modern historical science has left the research of the French classic far behind. Montesquieu has relatively little political and legal theory, which is still of scientific interest today. Thus, it is widely believed in the literature that Montesquieu is the founder of the separation of powers, which is only partially true. The true founder of this theory, J. Locke, and it was actually developed by the drafters of the US constitution (T. Jefferson, J. Madison and A. Hamilton).

Ключевые слова: Монтескье, разделение властей, форма государства, политический режим, геополитика.

Keywords: Montesquieu, separation of powers, form of state, political regime, geopolitics.

Для цитирования: Жуков В.Н. Учение Монтескье в контексте современной науки // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 14–18. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_14.

For citation: Zhukov V.N. The teachings of Ch. L. Montesquieu in the context modern science // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 14–18. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_14.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Шарль Луи де Монтескье, граф, барон де Секонда (1689–1755) –политический мыслитель, историк, правовед, философ, писатель. Принадлежал к одному из древнейших родов гасконского дворянства. Предки Монтескье были кальвинистами. По окончании католического коллежа (1705) изучал право в Бордо и Париже. С 1714 г. – советник, а с 1716 г. – президент парламента (суда) Бордо (должность и фамилия Монтескье досталась по наследству от дяди). Судебные дела его мало интересовали, он вел светский образ жизни, много путешествовал. В 1726 г. оставил государственную службу и жил в Париже. Принимал участие в создании «Энциклопедии», возглавлявшейся Дидро. С 1728 г. – член Французской Академии. В 1728 г. Монтескье предпринял путешествие по Европе, посетив Италию, Пруссию, Нидерланды, в 1729–1731 гг. жил в Англии, где занимался науками (анатомией, ботаникой, физикой, историей, правом). Политическое устройство Англии, ее философская и политико-правовая мысль оказали на Монтескье заметное влияние. Последние годы жил в основном в деревне. К концу жизни во Франции и Европе приобрел огромную популярность. Учение Монтескье оказало влияние на К.А. Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо, Т. Джефферсона, а также на представителей географической школы в социологии.

Монтескье – автор, получивший при жизни огромную известность. Первый шумный успех приходит к нему после выхода в свет в 1721 г. его сатирического романа «Персидские письма» (при жизни автора было 12 изданий). Глазами перса, путешествующего по Франции, он критически оценивает ее нравы и политическое устройство. В 1734 г. Монтескье издает небольшую работу «Размышления о причинах величия и падения римлян». Главный научный труд Монтескье – «О духе законов» (опубликован в 1748 г., создавался около 20 лет). Книга имела огромную популярность, была переведена почти на все европейские языки (в том числе русский), на протяжении первых двух лет выдержала 22 издания (1748–1750), хотя и была внесена в «Индекс запрещенных книг». «О духе законов» – книга, где преобладают исторические исследования, теории и философии права уделяется относительно немного места. Поскольку современная историческая наука ушла далеко вперед, исследование Монтескье сегодня смотрится как некоторая архаика, местами наивная. Собственно теоретический, идейный аспект его главной книги изложен так, что в настоящее время местами воспринимается как банальность. О сочинениях, например, Гоббса, Локка или Руссо такого никак не скажешь, поскольку они отличаются много большей оригинальностью и глубиной.

Для XVIII в. творчество Монтескье носило новаторский характер. Эпоха Просвещения – господство рационализма, т.е. философско-

мировоззренческой установки, согласно которой истинными основаниями бытия, познания и поведения людей являются принципы разума, достоверное знание может быть выведено только из разума, но не из опыта или чувств. Рационализмом были пронизаны концепции естественного состояния, естественного права и общественного договора. Авторы данного направления рассматривали человека, государство и право абстрактно, вне связи с конкретной исторической эпохой и национальной культуры страны. Заслуга Монтескье состояла в том, что он применил в своих исследованиях исторический подход, делая упор на изучении закономерностей развития и культурно-исторических особенностей политико-правовых явлений того или иного народа. Монтескье обоснованно считается одним из тех, кто стоял у истоков социологического и сравнительного анализа. Политико-правовую реальность он рассматривает как результат воздействия на нее совокупности факторов (идея многофакторности). В арсенале его познавательных средств – географический детерминизм, берущий начало у Платона и Аристотеля. Монтескье – деист, критично настроенный к Римско-католической церкви.

Название «О духе законов» не должно вводить в заблуждение, это книга – не теория права, а исследование политического устройства древних и современных народов. Понятие закона Монтескье использует в нескольких значениях: юридическом, физическом, религиозном, философском. Если для рационалистов эпохи Просвещения было характерно максимально сближать общество и природу, законы человеческие (в том числе естественные) и физические, то Монтескье, напротив, указывает на их принципиальное различие. В человеческом мире, утверждает он, естественные законы не всегда соблюдаются, т.к. люди способны заблуждаться и действовать по собственным побуждениям. В физическом мире, напротив, соблюдение законов отличается постоянством. В качестве физического тела человек, подобно другим природным телам, управляется неизменными законами, как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы (установленные Богом и свои собственные).

Законы, распространяющиеся на человеческие отношения, по Монтескье, разделяются на три вида: божественные, естественные, человеческие. Естественные законы (справедливость) предшествуют положительному закону. В естественном состоянии можно наблюдать четыре естественных закона: 1) стремление к миру; 2) стремление добывать себе пищу; 3) стремление к общению (в том числе к половому); 4) стремление жить в обществе. Человеческие законы делятся на три вида: 1) международное право; 2) политическое право (регулируют отношения между правительствами и управляемыми); 3) гражданское право (регулируют отношения граждан между собою). Верховный человеческий закон – благо народа.

Монтескье дает и развернутую классификацию законов: 1) естественное право; 2) божественное право; 3) церковное (каноническое) право; 4) международное право; 5) общее государственное право (имеет своим предметом человеческую мудрость, создавшую все человеческие общества); 6) частное государственное право (имеет в виду каждое отдельное человеческое общество); 7) право завоевания; 8) гражданское право (право отдельных обществ, посредством которого гражданин может защищать свое имущество и жизнь против всякого другого гражданина); 9) семейное право.

Используя категорию «закон», Монтескье создает картину мироздания на основе деизма: Бог создал мир и управляет им по определенным законам. Законы есть отношения, существующие между первоначальным разумом и различными существами, а также между самими существами. Законы в самом широком смысле суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы (Бог, природа, животные, человек). Закон есть человеческий разум, политические и гражданские законы есть частные случаи приложения этого разума¹.

«Дух законов», по Монтескье, – это своеобразие национального права, обусловленное природными и социальными факторами отдельно взятой страны. «Дух народа» – национальное своеобразие народа, обусловленное природными и социальными факторами его возникновения, развития и существования. Государство и законы должны соответствовать духу народа².

Монтескье указывает на тесную связь между законами, нравами и обычаями. Законы – установления законодателя, нравы и обычаи – установления народа в целом. Нельзя стремиться законами менять нравы. Нравы и обычаи надо менять введением новых нравов и обычаев, а законы надо менять законами. Лишать народы своих обычаев с помощью насилия значит делать их несчастными. У народа с хорошими нравами законы отличаются простотой.

Взаимосвязаны, по Монтескье, законы и религия. Религия и законы направлены к единой цели – сделать добрых граждан, поэтому религия и законы должны восполнять недостатки друг друга и поддерживать друг друга в достижении этой цели. Сила божественных законов покоится на вере в религию, сила человеческих законов – на страхе перед наказанием.

Говорится о законах и в прикладном, юридико-техническом аспекте. Никогда не следует рассматривать законы независимо от цели, ради которой они были созданы, и от обстоятельств, при которых они были созданы. Законы должны быть простыми, доступными пониманию, слова закона должны пониматься людьми одинаково. С помощью законов государство может и в каких-то случаях должно влиять на демографию.

Как отмечалось выше, творчество Монтескье отличается историческим и социологическим подходом, что входило в противоречие с теориями естественного состояния, естественного права и общественного договора. Тем не менее эти теории используются им в качестве неких умозрительных аксиом, от которых он отталкивается и которые позволяют ему создать критерии оценки политического устройства разных стран. Так, Монтескье противопоставляет естественное и гражданское состояния, говорит о естественном человеке и естественной свободе. Гражданское состояние, как ему представляется, становится возможным, когда силы отдельных людей объединяются и образуется единство воли. Как

¹ Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 161, 163, 165 - 167.

² Там же. С. 168.

только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу и начинается война между народами. Отдельные лица в каждом отдельном обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества – отсюда война между отдельными лицами. Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми: между народами – международное право, между правителями и управляемыми – политические законы, для регулирования отношений граждан между собою – гражданское право. В природном состоянии люди рождаются равными, но они не могут сохранить этого равенства; общество отнимает его у них, и они вновь становятся равными лишь благодаря законам. «Если государь, вместо того чтобы обеспечить подданным жизнь, вздумает их угнетать или уничтожить, повод к повиновению прекращается: подданных ничто больше не соединяет с государем, ничто не привязывает к нему, и они возвращаются к естественной свободе»¹.

Происхождение государства Монтескьё пытается объяснить, опираясь на факты истории. Первые известные нам правления, отмечает он, были монархическими, только случайно и по прошествии многих веков образовались республики. «Когда потоп опустошил Грецию, ее населили новые обитатели. Почти все они вышли из Египта и ближайших азиатских областей, так как странами этими управляли цари, то народы, вышедшие оттуда, управлялись и в Греции таким же образом. Но когда тирания этих государей стала слишком тягостна, ярмо было сброшено, и из обломков многих царств возникли те самые республики, которые принесли расцвет Греции, – единственной культурной стране среди варваров». Республиканский опыт был перенесен греками в Италию, Испанию, возможно, Галлию. Народы Севера и Германии были свободны не менее греков, и если мы и находим у них какие-то следы царской власти, то только потому, что принимаем за царей тех, кто стоял во главе армий и республик. Многие современные государства Европы возникли в ходе войн против Римской империи и на ее обломках. Создавали эти государства северные народы, которые, будучи свободными в своих странах, не предоставляли своим вождям большой власти в завоеванных римских империях.

Монтескьё даже не пытается дать определение государства, но много рассуждает о его формах. Его политический идеал – Англия, что накладывает отпечаток на предлагаемую им классификацию форм государства. Формы государства различаются в зависимости от количества правящих: 1) республика в виде демократии или аристократии; 2) монархия; 3) деспотия. Итого форм правления четыре: 1) демократия; 2) аристократия; 3) монархия; 4) деспотия.

В зависимости от наличия принципа разделения властей и отношения к законам государства различаются: 1) умеренные (власть действует на основании принципа разделения властей и законов); 2) неумеренные (нет принципа разделения властей, власть действует на основании своего произвола).

Для характеристики форм государства Монтескьё вводит понятия природы правления (кому принадлежит власть) и принципа правления (человеческие страсти). «Различие между природой правления и его принципом в том, что природа есть то, что делает его таким, каково оно есть; а принцип – это то, что заставляет его действовать. Первая есть его особенный строй, а второй – человеческие страсти, которые двигают им»².

Демократия. Природа демократии – принадлежность власти народу, ее принцип – добродетель (любовь к отечеству, соблюдение законов, честность). Виды демократии: 1) правильная (люди равны только как граждане), 2) неправильная (люди равны еще и как правители, сенаторы, судьи (т.е. как должностные лица)). Если при демократии народ лишается честности, добродетели, то рушится основа демократии, ее больше нечем поддерживать. Законы без добродетели не будут соблюдаться, а значит, демократия погибнет. Любовь к отечеству порождает добрые нравы и наоборот. В демократии господствует любовь к равенству, действует длительная процедура уголовного процесса (чтобы судить хладнокровно), основной упор делается не на строгости наказания, а на предупреждение преступлений; законодатель старается не столько карать, сколько улучшать нравы. Демократия должна избегать двух крайностей: духа неравенства, который ведет ее либо к аристократии, либо к монархии, и доведенного до крайности духа равенства, что ведет к деспотизму.

Аристократия. Природа аристократии – принадлежность власти части народа, ее принцип – умеренность, заключающаяся в способности аристократии обуздывать себя. В аристократии главенствует закон, всякая возможность обойти его губит аристократию и приближает тиранию. Уголовный закон и уголовный процесс аналогичны демократии. Аристократия, так же, как и демократия, опирается на добродетель (любовь к отечеству).

Монархия. Природа монархии: правление одного лица на основе разделения властей и законов, ее принцип – честь, т.е. предвзятость каждого лица и каждого положения. В монархии законы заменяют добродетели, монархическое государство существует независимо от любви к отечеству, источником власти является монарх. Природа чести требует предпочтений и отличий, чинов и преимуществ, поэтому основной двигатель в монархии – служение за чины, основной мотив – честолюбие. В монархии дела ведутся быстрее, чем в демократии, т.к. они ведутся одним лицом. Отмечается преимущество монархии перед деспотией: природа монархии требует сословий, что делает монархию более устойчивой, прочной, а личность правителей – оказывается в большей безопасности. В монархии законы сложнее, чем в деспотии, т.к. высоко ценится правосудие, и дела в судах рассматриваются детально. Правосудие отделено от монарха: если монарх будет судьей, монархия разрушится, т.к. исчезнет доверие, воцарится страх, исчезнет безопасность. Уголовный закон и уголовный процесс аналогичны демократии и аристократии.

Деспотия. Природа деспотии – правление одного лица на основе своего произвола, вне всяких законов, ее принцип – страх, в деспо-

¹ Монтескьё Ш. Персидские письма // Монтескьё Ш. Избр. произв. С. 10.

² Монтескьё Ш. О духе законов. С. 178.

тии все равны в своем рабстве перед правителем. Правитель часто поручает управление страной какому-то лицу, а сам устранивается от управления. Чиновники могут быть напуганы жестокостями правителя, что приносит некоторое облегчение простому народу. Деспотия часто доводит народ до крайности, до беспорядков, в монархии это случается реже. В деспотии охрана государства сводится к охране государя. В деспотических государствах нет закона, там закон – воля судьи. В деспотии судьей является правитель, что является источником несправедливости и злоупотреблений. В деспотии основной упор делается на строгости наказания. Примеры деспотии для Монтескье – Турция и Россия.

Часто в научной и политико-публицистической литературе можно встретить утверждение, что Монтескье – основатель теории разделения властей, что верно только отчасти. Принцип разделения властей становится фактом политической реальности прежде всего в Англии в эпоху буржуазной революции, что детально отразил в своих сочинениях Дж. Локк. Монтескье, опираясь на идеи Локка, посвятил этой теории не более двух страниц («О духе законов»), дополнив, однако, ее таким важным элементом, как система сдержек и противовесов. Разработчики Конституции США (Т. Джефферсон и Дж. Мэдисон) положили в ее основу принцип разделения властей и систему сдержек и противовесов, ссылаясь главным образом на Локка и Монтескье. Так благодаря деятелям американской революции в политической и юридической литературе Монтескье стал основателем принципа разделения властей.

Монтескье дает классификацию властей, строго следуя за Локком (законодательная, исполнительная, федеративная), но называя их по-другому: «В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международно-го права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского. В силу первой власти государь или учреждение создает законы, временные или постоянные, и исправляет или отменяет существующие законы. В силу второй власти он объявляет войну или заключает мир, посылает или принимает послов, обеспечивает безопасность, предотвращает нашествия. В силу третьей власти он карает преступления и разрешает столкновения частных лиц. Последнюю власть можно назвать судебной, а вторую – просто исполнительной властью государства». Классификация Монтескье предстает в знакомом нам виде (законодательная, исполнительная, судебная), но в ее рамках исполнительная власть занимается только международными делами, а судебная – всеми делами, кроме законотворчества, т.е. совмещает в себе исполнительную и судебную власть. Иначе говоря, у Монтескье классическая схема властей не вполне совпадает с содержанием этих властей.

Цель системы сдержек и противовесов, согласно Монтескье, состоит в том, чтобы исключить злоупотребление властью. Разные ветви власти должны принадлежать разным сословиям. Механизм сдерживания реализуется во взаимном контроле между палатами и между парламентом и монархом (ему принадлежит исполнительная власть). Парламент не заседает постоянно, время созыва и продолжительность его заседания определяет монарх. Монарх вправе распускать парламент, законодательная власть не вправе останавливать действия исполнительной власти. Монарх обладает правом отмены решений парламента. Парламент не вправе судить лицо, отправляющее исполнительную власть (монарха), личность последнего должна быть священна. Советники монарха могут быть привлечены к ответственности и наказаны.

Законодательная власть принадлежит народу, она есть выражение общей воли государства, исполнительная – орган этой воли. Народ не способен заниматься исполнительной деятельностью, все его участие в правлении должно быть ограничено избранием представителей в парламент. Назначение парламента – создавать законы и контролировать их исполнение. Парламент состоит из двух палат, палата, состоящая из знати, должна быть наследственной (так как знатное родство передается по наследству).

Судебную власть, согласно Монтескье, следует поручать не постоянно действующему сенату, а лицам, которые в известные времена года по указанному законом способу привлекаются из народа для образования суда, продолжительность действия которого определяется требованиями необходимости. Таким образом, судебная власть не будет связана ни с известным положением, ни с известной профессией. Преступник должен иметь право самому избирать своих судей или по крайней мере отводить их. Есть три исключения, когда законодательная власть может брать на себя функции суда: 1) палата знати судит представителей знати, так как суд из представителей народа может быть несправедлив к знати; 2) когда закон слишком суров и необходимо сделать исключение; 3) если гражданин совершит преступление против народа, а суд откажется его судить.

Монтескье различает свободу естественную и политическую. С возникновением гражданского общества, рассуждает он, естественная свобода исчезает и появляется свобода политическая. Политическая свобода граждан заключается в безопасности (что рождает душевное спокойствие), а также в том, чтобы человека не принуждали совершать действия, которых закон ему не предписывает. Свобода устанавливается благодаря законам, разделению властей и свободе слова. Свобода по отношению к государственному строю устанавливается только законами, но по отношению к гражданину она может явиться результатом нравов и обычаев. Может случиться, что при свободном государственном строе гражданин не будет свободен, или при свободе гражданина строй все-таки нельзя будет назвать свободным. В этих случаях свобода строя бывает правовая, но не фактическая, а свобода гражданина фактическая, но не правовая. Монтескье осуждает рабство, но при этом замечает, что свобода создана для европейских народов, а рабство – для азиатских.

Там, где неприкосновенность собственности не обеспечена законом, утверждает Монтескье, там не может быть общественного благосостояния, не может быть прогресса.

Взгляды Монтескье на соотношение государства и церкви вполне пробуржуазные. Религия, заявляет он, – одно из средств, которым пользуется государство для управления страной. В монархиях с разделением властей следует отделять власть церковную от светской. Монтескье выступает за веротерпимость, предлагает избегать применения уголовных законов в вопросах религии, суд инквизиции, утверждает он, противоречит всякому гражданскому порядку.

Монтескье предлагает посмотреть на культурно-исторические особенности народов через призму их географического местоположе-

ния, природных условий их проживания, делая выводы в том числе об их политическом устройстве. Иными словами, его можно считать одним из основоположников такой относительно молодой дисциплины, как геополитика. Существо геополитики состоит в том, чтобы объяснить государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику того или иного народа, опираясь на географические и климатические условия его проживания. Методология геополитики строится главным образом на аналогии и гипотезах, нет и не может быть аргументов, с достоверностью доказывающих связь между природными условиями и качествами (в том числе политическими) народа. Речь может идти лишь о большей или меньшей приближенности выдвигаемых положений. В этом отношении взгляды Монтескье отличаются примитивизмом и наивностью. Его подход прост: он констатирует, что одни народы проживают на севере и у них один политический строй, другие – на юге и у них другой политический строй, затем делается безосновательный вывод о связи географических условий и политическим устройством. Вместе с тем следует признать, что геополитический подход, применяемый Монтескье, сыграл важную роль в развитии обществоведческой науки. Так, им верно было указано на факт культурно-исторического своеобразия народов, их уникальности, формируемой благодаря совокупности разных факторов (климату, религии, законам, принципам правления, нравам, обычаям).

Монтескье утверждает, что политическое и гражданское рабство зависит от климата. В странах с холодным климатом люди крепче, в странах с жарким климатом народы слабее и робки, как старики. Чрезмерная жара подрывает силу и бодрость, холодный климат придает уму и телу силу. Жаркий климат формирует в людях лень души и тела, изнеженность (философия йогов в Индии). Малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, тогда как мужество народов холодного климата сохранило за ними свободу. Деспотические государства лежат ближе к экватору, свободные племена живут ближе к полюсам. В Азии отсутствует умеренный пояс климата, там жаркий климат соседствует с холодным, соответственно народы Азии противопоставлены друг другу как сильный – слабому, воинственные – изнеженным. В Европе умеренный пояс обширен, поэтому там преобладают страны без резких различий. Азия была покорена 13 раз, а Европа – лишь четыре. В Азии всегда были обширные империи, в Европе империи не могли долго удержаться. В Европе господствует дух свободы, там образовалось несколько государств средней величины, основанных на законе, в Азии царит дух рабства.

Указывается на влияние почвы: почва, благоприятная для земледелия, приводит к появлению крестьян – людей, поглощенных своими делами и боящихся грабежей и войска. В странах с плодородной почвой трудно сохранить свободу, так как такие страны становятся объектом завоевания. Бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне. Плодородие страны приносит народам изнеженность и нежелание рисковать жизнью.

На политическое устройство, по Монтескье, влияет и территория. Республика, рассуждает он, по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится. Монархическое государство должно быть средней величины. Империи складываются на обширной территории, что является предпосылкой для деспотического правления, огромную территорию можно сдерживать только силой страха. Для сохранения принципов правления государство должно сохранять неизменными свои границы, так как изменение границ будет сказываться на духе государства. Размеры государства должны соответствовать степени кротости государства, большие размеры государства влекут за собой слабость в управлении армией. Островитяне более склонны к свободе, чем жители континента. На равнинах труднее сохранить свободу, чем в гористой местности, так как горы являются естественной преградой, за которой легче укрыться.

Религия, согласно Монтескье, также связана со свойством народов и их политическим устройством. Умеренный образ правления более соответствует христианской религии, деспотический – магометанской. Католическая религия более согласуется с монархией, протестантизм – с республикой. Разделение христианства на католичество и протестантизм произошло вследствие того, что у северных народов больше духа независимости (протестантизм), а у южных – меньше (католичество).

Список литературы:

1. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 161, 163, 165–168, 178.
2. Монтескье Ш. Персидские письма // Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 10.

References:

1. Montesquieu Ch. On the spirit of laws // Montesquieu S. Selected production. Moscow, 1955. Pp. 161, 163, 165 - 168, 178.
2. Montesquieu Ch. Persian letters // Montesquieu S. Selected production. Moscow, 1955. P. 10.

ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ КАК СТАДИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА THE PERIOD OF FEUDAL FRAGMENTATION AS A STAGE OF STATE FORMATION

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России.

ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.

E-mail: axel_b@mail.ru;

ПАРФЕНОВ Николай Петрович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры математики и информатики
Санкт-Петербургского университета МВД России.

ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.

E-mail: parfenov-nikolai@mail.ru;

BREDIKHIN Alexey Leonidovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.

E-mail: axel_b@mail.ru;

PARFENOV Nikolay Petrovich,

PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics and Computer Science
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.

E-mail: parfenov-nikolai@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье авторы рассматривают период феодальной раздробленности (на примере Руси) как стадию формирования государства. Авторы замечают, что государственность в той или иной степени появилась гораздо раньше, чем государство. Период раздробленности нередко предстает как кризис государственности и регресс, однако это не так. В период Удельной Руси формируется политико-экономическая модель власти, которая потом уже трансформируется в централизованное государство. Территория и население как признаки государства формализуются именно в период феодальной раздробленности.

Abstract: In this article, the authors consider the period of feudal fragmentation (using Rus' as an example) as a stage of state formation. The authors note that statehood, to one degree or another, appeared much earlier than the state. The period of fragmentation is often presented as a crisis of statehood and regression, but this is not so. During the period of Appanage Rus', a political and economic model of power was formed, which was later transformed into a centralized state. Territory and population as features of the state were formalized precisely during the period of feudal fragmentation.

Ключевые слова: феодализм, раздробленность, Удельная Русь, государственность, государство, власть, территория, население.

Key words: feudalism, fragmentation, Appanage Rus', statehood, state, power, territory, population.

Для цитирования: Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Период феодальной раздробленности как стадия формирования государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 19-21. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_19.

For citation: Bredikhin A.L., Parfenov N.P. The period of feudal fragmentation as a stage of state formation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 19-21. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_19.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Процесс становления государства прошел несколько тысячелетий, чтобы все основные его свойства наконец сформировали модель, которую мы до сих пор применяем. В какой момент сформировалось конкретное государство не всегда можно сказать точно. Если современные страны, выделившиеся из более крупных, еще могут условно назвать конкретную дату, то для государств древности и средневековья о такой дате приходится говорить лишь в качестве предположения. Нас интересует именно период появления государства из первобытно-общинного строя.

Наряду с понятием государства широко применяется термин «государственность», который лучше подходит для периода, когда о полноценном государстве еще нельзя было говорить. Так, коллектив авторов научной статьи под российской государственностью понимает «не генезис, развитие и смену собственно государственных форм на территории России, а генезис и развитие государственных форм в системном единстве с негосударственными формами организации жизнедеятельности этнических групп, образующих подчиненное публичной власти население на различных исторических этапах» [1, С. 22-30].

С обозначенным подходом следует вполне согласиться, так как государственность более общее понятие для обозначения состояния социально-политических союзов на определенных исторических этапах. Основания для появления того, что мы называем «государство» формируется довольно долго, как раз в период действия государственности. Государственность продолжается в периоды существования полноценного государства, а также в кризисные периоды, революции и тому подобные моменты, когда государство в текущем состоянии прекращает существовать.

Отсчет российскому государству принято считать с 862 года, когда в Новгороде стал княжить Рюрик. Легенд и версий, посвященных этому событию много, но факт в целом подтверждается. В 1862 году в Великом Новгороде в честь годовщины этого события установили памятник «Тысячелетие России». Название вполне компромиссное и не говорит нам конкретно, что понимается под словом «Россия»: государство,

цивилизация или географическая область. Но, не вдаваясь в споры, предположим, что именно с этого периода в России появляется государственность, которой предстоит позже перерасти в единое (централизованное) государство при Иване III.

Периодизацию истории России и ее государственности можно производить по-разному, и не вызывает споров наличие следующих периодов, которые можно назвать догосударственными: Древнейшая Русь, Киевская Русь, период феодальной раздробленности. Древнейшей Русью мы называем период до конца IX в., когда на русских землях еще не было публичной власти. Термин «Киевская Русь» применяется к X-XII в. С приходом «варягов» такая публичная власть появляется и вместе с расширением территории ее господства наблюдается тенденция к «оседанию» дружины на землях. При этом, среди князей сохраняется иерархия и главенство сохраняется за киевскими князьями. Условно, с XII века на Руси оформляется феодальная раздробленность, княжества становятся независимыми друг от друга. Как отмечает Т.Ф. Юдина, говоря о международной субъектности князей, «договоры заключались как между «великими князьями», так и с королями, султанами, но носителями соответствующих прав и обязанностей рассматривались не конкретные лица, а государства» [2, С. 26].

Период феодальной раздробленности (удельная Русь) изучен достаточно основательно как историками, так и юристами. Часто период оценивается негативно, тем более в свете монгольского нашествия в XIII в. [3, С. 64-70]. Да, очевидно, что разобщенная территория и автономность князей не способствовало созданию сильной армии, как это было в период Киевской Руси. Тем не менее, период раздробленности предшествует созданию единого (централизованного) русского государства, поэтому нелогично понимать удельную Русь как регрессную форму государственности.

Предположение, что период феодальной раздробленности представляет собой следующий, более высокий уровень государственности, при более глубоком исследовании находит свое подтверждение. Несмотря на кажущуюся децентрализацию или даже распад государства, именно в период удельной Руси «созревает» модель государства, которая актуальна до сих пор. То есть, с точки зрения формы, государственные образования (княжества) периода феодальной раздробленности значительно более совершенны, чем политически и экономически мощная Киевская Русь.

В определении признаков государства ученые в целом сходятся, а расхождения носят незначительный характер. Традиционная триада: территория, власть и население – главные в перечне признаков. Л.А. Морозова к признакам государства относит: 1) наличие публичной политической власти, располагающей специальным аппаратом управления и принуждения; 2) территориальную организацию населения; 3) государственный суверенитет; 4) всеобъемлющий, общеобязательный характер актов государства; 5) наличие государственной казны, что связано с налогообложением и взиманием налогов и иных средств на содержание государственного аппарата и разнообразные нужды государства [4, С. 45]. Если предположить, что государственный суверенитет – это свойство власти, но не особый признак, а наличие казны лишь финансовая основа той же власти, то все сводится также к этим трем признакам. По ним и проведем анализ.

1. Территорией государства считаются географические границы, в которых осуществляется государственная власть. По сравнению с Древней Русью, в период удельной Руси территория приобретает гораздо большее значение. Так как в этот период происходит «укрепление крупной земельной собственности» [5, С. 32], собственник феодал был заинтересован в определении границ своих владений, тем более, что соседние князья также заботились об укреплении своих границ. То есть, граница княжеских земель получает сугубо практическое значение как пределы экономического, политического и правового господства.

Такая граница должна признаваться соседними княжествами как залог мирного сосуществования. Соответственно, непризнание границ владений порождает конфликт, в результате которого стороны либо достигают соглашения о границах, либо одна из сторон присоединяет себе территорию соперника. Присоединенная территория увеличивает границы победившего князя, но также должна быть формально определена, так как могут возникнуть такие же разногласия с соседними уже этим новым землям княжествами. В этой связи существует ряд теорий, которые связывают возникновение государства с правом собственности на землю [6, С. 144-150], а земля, соответственно, как предмет имеет свои пространственные характеристики, чтобы стать предметом сделок.

Таким образом, территория, как один из главных признаков государства, в период феодальной раздробленности получает формальный статус, получает юридическое значение.

2. Население не столь очевидный признак государства, тем более, что на этапе становления государственности Руси население имело племенное устройство и с княжеской властью правовых связей не имело (кроме нерегламентированной обязанности уплаты дани). Постепенно общинные земли переходят в феодальную собственность, а свободные крестьяне общинники «прикрепляются к земле», т.е. не могут покинуть общину и несут повинности в пользу князя. То есть фактически становятся в полном смысле постоянным населением землевладений, но без обретения гражданских прав.

Гражданскими правами в некоторой степени обладала аристократия и свободное население городов. В этой связи, стоит упомянуть отдельно Новгород и Псков, где сложились т.н. «феодальные республики». В этих землях феодальные отношения оформились в виде республик [7, С. 44-47] и участие в вечевых собраниях как раз означало наличие гражданских прав.

Население как признак государства становится полноценным атрибутом государства только с появлением концепции «национального государства», но принадлежность населения к территории и отдельные элементы гражданственности также начинают появляться в период раздробленности.

3. Власть, как главный признак государства, выражающий его сущность, в эпоху феодальной раздробленности подвергается меньшей трансформации, но все же приобретает более четкие правовые рамки (территориальные и по кругу лиц). Понятие о суверенитете еще не сфор-

мировалось, но фактически он появляется в виде исключительного права собственника на землю.

Появление Русского централизованного государства стало новым этапом развития государственности. Тем не менее, этот этап во многом стал результатом укрупнения отдельных княжеств за счет присоединения других. То есть период феодальной раздробленности, несмотря на общее впечатление о кризисе государственности, стал временем формирования модели государства, которой суждено было воплотиться в более совершенной форме периода централизации. Этот процесс характерен для всех ведущих цивилизаций и Русь лишь один из примеров.

Список литературы:

1. Российская государственность как дидактическая единица учебно-методического комплекса "Основы российской государственности" / А. А. Гребенкина, С. К. Сергеев, О. В. Колесникова, О. Д. Романиков // Вестник педагогических инноваций. - 2023. - № 1(69). - С. 22-30. DOI: 10.15293/1812-9463.2301.03 EDN: TSGIZP
2. Юдина Т. Ф. Международная правосубъектность русских земель в период феодальной раздробленности государства (X-XV вв.) // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. - № 1. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-25-28 EDN: ONJXHL
3. Лосик, А. В. Проблемы обороны русских земель в XI-XIII вв. в "истории России с древнейших времён" С.М. Соловьёва / А. В. Лосик, А. Н. Щерба // Военно-исторический журнал. - 2016. - № 6. EDN: WEEYNH
4. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: Эксмо, 2010.
5. История государства и права России: учебник/В.М. Клеандрова, Р.С. Мулукаев [и др.]; под ред. Ю.П. Титова. - 2-е изд., перераб. доп. - Москва: Проспект, 2012. ISBN: 978-5-392-03271-6 EDN: QSHCLP
6. Нифанов А.Н. Генезис правовых теорий о территории государства // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2011. № 14. Выпуск 17. С. 144-150. EDN: QCIYDB
7. Трояновский, С. Новгородская республика / С. Трояновский // Родина. - 2012. - № 9. - С. 44-47. EDN: PBONZB

References:

1. Russian statehood as a didactic unit of the educational and methodological complex "Fundamentals of Russian statehood" / A. A. Grebenkina, S. K. Sergeev, O. V. Kolesnikova, O. D. Romannikov // Bulletin of Pedagogical Innovations. - 2023. - № 1(69). - Pp. 22-30. DOI: 10.15293/1812-9463.2301.03 EDN: TSGIZP
2. Yudina T. F. International legal personality of the Russian lands in the period of feudal fragmentation of the state (X-XV centuries) // Law Bulletin of the Samara University. 2021. Vol. 7. - No. 1. DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-25-28 EDN: ONJXHL
3. Losik, A.V. The problems of defense of Russian lands in the XI-XIII centuries in the "history of Russia since ancient times" by S.M. Solovyov / A.V. Losik, A. N. Shcherba // Military Historical Journal. - 2016. - № 6. EDN: WEEYNH
4. Theory of the state and law: textbook / L. A. Morozova. - 4th ed., revised and add. Moscow: Eksmo, 2010.
5. History of the State and Law of Russia: textbook/V.M. Kleandrova, R.S. Mulukaev [et al.]; edited by Y.P. Titov. - 2nd ed., revised edition. Moscow: Prospekt Publ., 2012. ISBN: 978-5-392-03271-6 EDN: QSHCLP
6. Nifanov A.N. The genesis of legal theories about the territory of the state // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2011. № 14. Issue 17. pp. 144-150. EDN: QCIYDB
7. Trojanowski, S. Novgorod Republic / S. Trojanowski // Homeland. - 2012. - No. 9. - pp. 44-47. EDN: PBONZB

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF MONEY CIRCULATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL CURRENCIES

КОРОБОВА Александра Петровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин,
Самарский государственный экономический университет.

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: a.p.korobova@inbox.ru;

САФАГАРЕЕВ Руслан Мусаевич,

магистрант, Самарский государственный экономический университет.

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

E-mail: ruslan2967@yandex.ru;

KOROBOVA Alexandra Petrovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Departments of Theory of Law and public law disciplines,

Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.

E-mail: a.p.korobova@inbox.ru;

SAFAGAREEV Ruslan Musaevich,

Master's student, Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.

E-mail: ruslan2967@yandex.ru

Краткая аннотация: в настоящей статье исследуются некоторые проблемы правового регулирования денежного обращения в России на современном этапе. Развитие информационных технологий и их повсеместное внедрение во все сферы общественной жизни создает новые возможности, в частности, приводит к появлению новых видов безналичных денежных средств в цифровом формате. Анализ практики реализации действующего в этой сфере законодательства позволил выявить ряд проблем, указывающих на необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования денежного обращения. В статье анализируются эти проблемы, а также намечаются возможные пути их решения.

Abstract: this article examines some of the problems of legal regulation of monetary circulation in Russia at the present stage. The development of information technologies and their widespread introduction into all spheres of public life creates new opportunities, in particular, leads to the emergence of new types of non-cash funds in digital format. An analysis of the practice of implementing the legislation in force in this area has revealed a number of problems indicating the need for further improvement of the legal regulation of monetary circulation. The article analyzes these problems and outlines possible solutions.

Ключевые слова: денежное обращение, право, правовое регулирование, денежно-кредитная политика, Центральный Банк, наличная форма, безналичная форма, информационные технологии, цифровизация, цифровой рубль.

Keywords: monetary circulation, law, legal regulation, monetary policy, Central Bank, cash, non-cash form, information technology, digitalization, digital ruble.

Для цитирования: Коробова А.П., Сафагареев Р.М. К вопросу о проблемах правового регулирования денежного обращения в контексте развития цифровых валют // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 22-24. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_22.

For citation: Korobova A.P., Safagareev R.M. On the issue of the problems of legal regulation of money circulation in the context of the development of digital currencies // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 22-24. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_22.

Статья поступила в редакцию: 28.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Потребности в развитии экономической системы любого современного государства диктуют необходимость совершенствования основных принципов, форм и методов финансово-правового регулирования, прежде всего имеющихся форм денежного обращения и, может быть, разработки принципиально новых форм. Поскольку денежные отношения, носящие публичный характер, а конкретно – отношения в сфере организации и осуществления денежного обращения, составляют предмет финансового права, представляется обоснованным рассматривать указанный вопрос с позиций именно этой отрасли научного юридического знания. Так мы и поступим.

Так, к важнейшим принципам российского финансового права относится принцип единства денежной системы и проводимой государством финансовой политики. Это говорит о том, что формирование и реализация грамотной и эффективной правовой политики в сфере денежного обращения является одним из приоритетных направлений правовой политики государства в целом, необходимым условием качественного развития российской экономики [9, с. 870].

На значимость правового регулирования денежного обращения и формирования соответствующего направления правовой политики государства указывает также тот факт, что основы регламентации этой деятельности заложены в Основном законе страны. Так, в статьях 71 и 75 Конституции РФ перечислены функции Центрального Банка РФ в области денежной эмиссии, а также обеспечения устойчивости национальной валюты [1].

В силу указания в ч. 1 ст. 114 Конституции Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой денежной политики. Федеральные законы, регулирующие денежное обращение и принимаемые Государственной Думой, утверждаются Советом Федерации.

Таким образом, как мы видим, определение основных принципов государственной политики в области денежного обращения находится в ведении высших государственных органов, осуществляющих властные полномочия, что свидетельствует об исключительной значимости

этой сферы общественных отношений и важности формирования соответствующей правовой стратегии государства, правильного выбора приоритетов, форм, методов и средств ее реализации.

В настоящее время в соответствии с действующим законодательством денежное обращение в России осуществляется как в наличной, так и безналичной формах.

Согласно Федеральному закону от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» на территории Российской Федерации ответственным за организацию надлежащего функционирования системы денежного обращения в наличной форме является Банк России [3].

Безналичное же денежное обращение регламентируется Федеральным законом РФ от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [4].

Примечательно, что соотношение долей наличных и безналичных операций в сторону последних меняется очень быстрыми темпами. Так, представитель Банка России О.Н. Скоробогатова отмечает, что в период с 2014 года в условиях создания и внедрения инновационных расчетных технологий доля безналичных операций неуклонно растет. И, начиная с цифры 25% в 2014 году, на горизонте пяти лет мы достигнем 90-процентной доли безналичных операций. Однако это не является пределом, поскольку в некоторых европейских странах такая доля составляет 93%.

По данным Банка России, в 2023 году доля платежей в безналичной форме превысила отметку в 83%. Такой показатель более чем на 5% превышает аналогичный показатель 2022 года. Одновременно с этим растет популярность сервиса СБП – Системы быстрых платежей, которым в настоящее время пользуется каждый третий житель России, производя перевод денежных средств на свои счета в других банках, на счета других лиц, оплату по счетам и т.д. [11]. Простота и доступность сервиса, а также быстрота перемещения денежных ресурсов делает его эффективным и востребованным финансовым инструментом.

В 2020 году в русле тенденции на цифровизацию денежного обращения, роста популярности блокчейна, биткоина, альтернативных валют был принят Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Этот закон определяет основные понятия, связанные с оборотом цифровых валют, и направлен на регулирование общественных отношений, возникающих в этой сфере.

Так, статья 1 упомянутого закона содержит определение цифровой валюты и цифровых финансовых активов. Под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных, включающих цифровой код или иные специализированные обозначения, которые внесены в информационную систему и могут быть приняты в качестве средства платежа или расчетной единицы в качестве инвестиций. Цифровые финансовые активы же – это цифровые права, предполагающие возможность денежных требований, а также осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам их обращением, которые опосредованы решением о выпуске цифровых финансовых активов, учет и обращение которых возможны посредством внесения соответствующих сведений в информационную систему.

Однако вопрос о том, какое именно лицо обеспечивает соблюдение порядка выпуска или внесения изменений об обладателе цифровой валюты в информационной системе, остался за пределами регламентации указанным законом [10, с. 17]. Это обстоятельство, если рассматривать его с точки зрения гарантированной защиты прав собственников цифровой валюты, указывает на возможные риски для последних, поскольку не предусматривается ответственность лиц, выпускающих и осуществляющих регистрацию цифровой валюты. Тем самым владельцы цифровых активов могут быть поставлены в уязвимое положение, поскольку в настоящий момент в достаточном объеме не предусмотрены ответственность и порядок привлечения к ответственности при нарушениях со стороны лиц, регистрирующих цифровую валюту в информационной системе.

Разновидностью цифровой валюты является криптовалюта, которая создается посредством оборудования для майнинга, то есть по сути является математически сгенерированным кодом. Создание криптовалюты идет непрерывно, оборудование не нуждается в постоянном контроле. Иными словами, после настройки процесс идет автоматически и в автономном режиме, какое-либо вмешательство со стороны человека не требуется.

Криптовалюта является цифровой валютой. Законодательство относит ее к платежному средству на территории России. Вместе с тем, согласно статье 14 обсуждаемого закона криптовалюта не может приниматься в качестве средства для оплаты товаров и услуг российскими юридическими и физическими лицами, которые находятся на территории России не менее 183 дней в календарном году [7, с. 260].

Федеральным законом № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» было введено понятие цифрового рубля. Принятие и вступление данного нормативного правового акта в законную силу 01.08.2023 стало отправной точкой для начала операций в тестовом режиме с цифровым рублем [6].

Цифровой рубль эмитируется Центральным банком одновременно с рублем в наличной форме. То есть процессы выпуска денежных рублей и цифровых рублей происходят параллельно. Цифровой рубль сочетает в себе достоинства как наличной формы денег, так и безналичной формы. По своей природе он схож с бумажным рублем, так как является таким же платежным средством, а по форме хранения в виде цифровой информации цифровой рубль перекликается с безналичными деньгами. Можно сказать, что цифровой рубль представляет собой новую, иную форму денег [8, с. 51].

Цифровые рубли хранятся на специальных цифровых кошельках, принадлежащих физическим и юридическим лицам. Центральный Банк обеспечивает функционирование программного обеспечения, в рамках которого открываются счета для цифровых рублей. Расчеты посредством цифровых рублей проходят также на платформе Банка России. При этом доступ к счетам обеспечивается привычным для всех образом – через приложения банков.

Одним из самых значимых преимуществ цифрового рубля является абсолютная отслеживаемость любых операций, произведенных с

его помощью. Это существенно упрощает борьбу с преступностью в сфере спонсирования терроризма, экстремистских организаций, финансирования бандитизма, торговли наркотиками и прочими темными сторонами общественной жизни. Кроме того, повсеместное внедрение цифрового рубля постепенно устраняет такой вид преступной деятельности, как фальшивомонетничество.

Кроме того, операции с цифровым рублем не облагаются комиссиями со стороны банков. Это является большим преимуществом как для физических лиц, так и для организаций. В планах перевести всю систему государственных и муниципальных заказов, прочих закупок на расчеты через цифровой рубль, чтобы обеспечить прозрачность платежей, а также сделать мгновенным перевод денежных средств от одного лица к другому [12].

Цифровой рубль равен как бумажному рублю, так и рублю в безналичной форме. С правовой точки зрения, этот вывод не столь однозначный. В системе регулирования гражданско-правовых отношений для денежного обращения предусмотрена наличная и безналичная форма.

Гражданский кодекс Российской Федерации классифицирует наличные деньги в качестве объекта вещного права, а безналичные денежные средства – имущественного права в соответствии со статьей 128 [2].

Если считать цифровой рубль иной, «третьей» формой денежных расчетов, то необходимо будет внести существенные изменения не только в ГК РФ, но и в законы об исполнительном производстве, о банкротстве, и в иные акты, в которых затрагиваются вопросы наличных и безналичных денег.

По нашему мнению, цифровой рубль ближе к безналичной форме с учетом того, что он не имеет материального выражения. Поэтому в системе правового регулирования можно считать цифровой рубль разновидностью безналичных денежных средств, определяя его как требование к Банку России, осуществляющему эмиссию цифровых рублей.

В настоящий момент отличием правового режима цифрового рубля является то обстоятельство, что цифровые рубли могут использоваться только для совершения расчетов. Цифровой счет не предполагает начисления средств на остаток по счету, не может являться денежным средством в кредитных отношениях.

Мы находимся на начальном этапе внедрения цифрового рубля. Многое предстоит сделать для развития и установления цифровой валюты, в том числе с точки зрения совершенствования правового регулирования.

Центральный Банк, как известно, не наделен правом законодательной инициативы. Между тем, думается, это могло бы решить хотя бы часть вышеуказанных проблем, поскольку способствовало более эффективному и своевременному принятию мер в области регулирования цифровых валют [9, с. 35].

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон Российской Федерации "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.
4. Федеральный закон Российской Федерации "О национальной платежной системе" от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.
5. Федеральный закон Российской Федерации "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.
6. Федеральный закон Российской Федерации "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 24.07.2023 № 340-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. [2024]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240024?index=1> (дата обращения 27.10.2024).
7. Кирсанова О.Г. Особенности правового регулирования элементов денежного обращения и расчетных правоотношений // Modern Science. 2021. № 4-3. С. 253-263. EDN: PDBSGX
8. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1 (158). С. 48-55. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055 EDN: RBWAAAY
9. Склемина Е.Д., Дробот Е.А. Денежная эмиссия и денежное обращение в Российской Федерации: особенности финансового-правового регулирования // Наука и образование в наши дни: фундаментальные и прикладные исследования. Материалы XLIII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. Ростов-на-Дону, 2021. С. 869-87. EDN: UBGRGJ
10. Терентьев Д.Е. Правовое регулирование безналичного денежного обращения // Дневник науки. 2023. № 7 (79). С. 15-21. EDN: KQUQFD
11. Центробанк России прогнозирует рост безналичных платежей до 90% [Электронный ресурс] // Ведомости: [сайт]. [2024]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/04/17/1032406-tsntrobank-rossii-prognoziruet> (дата обращения 19.10.2024).
12. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться [Электронный ресурс] // Банк России: [сайт]. [2024]. URL: <https://cbr.ru/faq/dr/> (дата обращения 28.10.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2020. No. 31. Art. 4398.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 1994. No. 32. St. 3301.
3. Federal Law of the Russian Federation "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" dated 10.07.2002 No. 86-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2002. No. 28. Art. 2790.
4. Federal Law of the Russian Federation "On the National Payment System" dated 06/27/2011 No. 161-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2011. No. 27. St. 3872.
5. Federal Law of the Russian Federation "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/31/2020 No. 259-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 2020. No. 31. Art. 5018.
6. Federal Law of the Russian Federation "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/24/2023 No. 340-FZ [Electronic resource] // Official Internet portal of legal information: [website]. [2024]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240024?index=1> (accessed 27.10.2024).
7. Kirsanova O.G. Features of legal regulation of the elements of monetary circulation and settlement legal relations // Modern Science. 2021. No. 4-3. pp. 253-263.
8. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Legal regulation of the digital ruble // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19. No. 1 (158). pp. 48-55.
9. Sklemina E.D., Drobot E.A. Monetary emission and monetary circulation in the Russian Federation: features of financial and legal regulation // Science and education in our days: fundamental and applied research. Materials of the XLIII All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Rostov-on-Don, 2021. pp. 869-87.
10. Terentyev D.E. Legal regulation of non-cash money circulation // Diary of science. 2023. No. 7 (79). pp. 15-21.
11. The Central Bank of Russia predicts the growth of non-cash payments up to 90% [Electronic resource] // Vedomosti: [website]. [2024]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/04/17/1032406-tsntrobank-rossii-prognoziruet> (accessed 19.10.2024).
12. Digital ruble: what it is and how to use it [Electronic resource] // Bank of Russia: [website]. [2024]. URL: <https://cbr.ru/faq/dr/> (accessed 28.10.2024).

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВО ВНОВЬ ОБРАЗОВАННЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON THE SYSTEMATIZATION OF LEGISLATION IN THE NEWLY FORMED SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

ФЕТИЩЕВ Дмитрий Владимирович,

доктор юридических наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет.

119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского д. 78.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

ГАЛУЗО Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.

123056, Россия, г. Москва, пер. Электрический, д. 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

МЕНЬШЕНИН Павел Александрович,

кандидат юридических наук, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

123001, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

FETISHCHEV D.V.,

Doctor of Law, Professor MIREA is a Russian Technological University.

78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

GALUZO V.N.,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.

123056, Russia, Moscow, lane Electric, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

MENSHENIN Pavel Aleksandrovich,

PhD in Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University.

9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 123001, Russia.

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье относительно систематизации законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область) обосновано несколько суждений: систематизацию законодательства необходимо рассматривать как непереносимое условие формирования рыночных отношений и в Российской Федерации, и в ее субъектах, в том числе и во вновь образованных субъектах Российской Федерации (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область); в Донецкой Народной Республике и в Луганской Народной Республике нормативными правовыми актами с наибольшей юридической силой необходимо признавать конституции (соответственно, Конституция Донецкой Народной Республики и Конституция Луганской Народной Республики), что будет корреспондировать положению части 1 ст. 66 Конституции РФ, а в Запорожской и Херсонской областях нормативными правовыми актами с наибольшей юридической силой необходимо признавать уставы (соответственно, Устав Запорожской области и Устав Херсонской области), что будет корреспондировать положению части 2 ст. 66 Конституции РФ; в названных субъектах Российской Федерации целесообразно принятие нормативных правовых актов о системе нормативных правовых актов в конкретных субъектах Российской Федерации (Закон ДНР «О системе нормативных правовых актов в Донецкой Народной Республике»; Закон ЛНР «О системе нормативных правовых актов в Луганской Народной Республике»; Закон ЗО «О системе нормативных правовых актов в Запорожской области»; Закон ХО «О системе нормативных правовых актов в Херсонской области»).

Abstract: The article substantiates several judgments regarding the systematization of legislation in the newly formed subjects of the Russian Federation (Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhia region, Kherson region): the systematization of legislation should be considered as an indispensable condition for the formation of market relations both in the Russian Federation and in its subjects, including in the newly formed subjects of the Russian Federation (Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhia region, Kherson region); in the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic, the constitutions must be recognized as the normative legal acts with the greatest legal force (respectively, the Constitution of the Donetsk People's Republic and the Constitution of the Luhansk People's Republic), which will correspond to the provision of Part 1 of Article 66 of the Constitution of the Russian Federation, and in the Zaporozhye and Kherson regions, the charters must be recognized as the normative legal acts with the greatest legal force (respectively, the Charter of the Zaporizhzhia region and the Charter of the Kherson region), which will correspond to the provision of part 2 of Article 66 of the Constitution of the Russian Federation; in the aforementioned subjects of the Russian Federation, it is advisable to adopt normative legal acts on the system of normative legal acts in specific subjects of the Russian Federation (the Law of the DPR «On the system of Normative Legal Acts in the Donetsk People's Republic»; the Law of the LPR «On the system of Normative Legal Acts in the Lugansk People's Republic»; the Law of the ZO «On the system of Normative Legal Acts in the Zaporizhzhia region»; The HO Law «On the system of regulatory legal acts in the Kherson region»).

Ключевые слова: Российская Федерация, субъект Российской Федерации, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, юридическая сила, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный конституционный закон РФ, федеральный закон РФ, подзаконный нормативный правовой акт, систематизация.

Key words: Russian Federation, subject of the Russian Federation, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhzhia region, Kherson region, legislation, normative legal act, system of normative legal acts, legal force, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, Federal constitutional law of the Russian Federation, federal law of the Russian Federation, subordinate normative legal act, systematization.

Для цитирования: Фетищев Д.В., Галузо В.Н., Меньшенин П.А. О систематизации законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 25-29. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_25.

For citation: Fetishchev D.V., Galuzo V.N., Menshenin P.A. On the systematization of legislation in the newly formed subjects of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 25-29. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_25.

Статья поступила в редакцию: 22.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Предметом данной статьи является систематизация законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации¹: Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область².

Как известно, в Российской Федерации действует Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., вступившая в юридическую силу с 25 декабря 1993 г.³.

Российская Федерация является федеративным государством, включающим исчерпывающий перечень субъектов Российской Федерации с разными статусами.

Исчерпывающий перечень субъектов Российской Федерации с указанием на их статусы закреплен в статье 65 Конституции РФ.

В данной статье мы фокусируем внимание лишь на четырех субъектах Российской Федерации с разными статусами (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область), как на вновь образованных субъектах Российской Федерации.

До принятия Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области в состав Российской Федерации в качестве субъектов Российской Федерации, названные территории входили в состав иного субъекта международного права – Украина. Соответственно в названных территориях действовало законодательство Украины, частично оно продолжает действовать и донныне.

Систематизация законодательства в Российской Федерации продолжает оставаться закономерностью, исследуемой видными представителями юридической науки, в том числе и нами⁴.

Отсутствие фундаментальных научных разработок относительно систематизации законодательства фактически во многом предопределяет его несовершенство.

Как известно, законодательство в Российской Федерации не систематизировано. Ныне действует более 1500000 нормативных правовых актов с разной юридической силой. Лишь в отдельных субъектах Российской Федерации имеются нормативные правовые акты о систематизации нормативных правовых актов (в частности, Закон Липецкой области «О нормативных правовых актов в Липецкой области»⁵).

В Конституции РФ термин «систематизация» не использован. В статьях 5, 71, 72 и 128 Конституции РФ использован термин «законодательство».

Термин же «систематизация» относительно законодательства, как правило, используется лишь в подзаконных нормативных правовых актах).

Имеется несколько нормативных правовых актов относительно систематизации гражданского законодательства: указы Президента РФ - «О Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства» № 1338 от 5 октября 1999 г.⁶, «Об обеспечении деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства» № 1267 от 29 октября 2003 г.⁷; распоряжение Президента РФ «Об организации работы по инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений в законодательство Российской Федерации и (или) по признанию указанных актов недействующими на территории Российской Федерации» № 158-рп от 18 марта 2011 г.⁸; распоряжение Правительства РФ «Об актуализации и систематизации перечней нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования» № 1868-р от 30 августа 2017 г.⁹.

Положения приведенных нормативных правовых актов Президента РФ и Правительства РФ детализированы в ведомственных нормативных правовых актах: приказы Министра юстиции РФ - «Об утверждении типового положения о структурном подразделении Министерства юстиции Российской Федерации и положений о структурных подразделениях центрального аппарата Министерства юстиции Российской Федерации» № 168 от 30 июня 2023 г.¹⁰, «Об утверждении Плана мероприятий по инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений в законодательство Российской Федерации и (или) по признанию указанных актов не действующими на территории Российской Федерации на 2022 год» № 35 от 3 марта 2022 г.¹¹, «Об утверждении плана мероприятий по инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений в законодательство Российской Федерации и (или) по признанию указанных актов не действующими на территории Российской Федерации на 2023 год» № 44 от 23 марта 2023 г.¹²; приказ Генерального прокурора РФ «О систематизации законодательства в органах прокуратуры» № 9 от 19 апреля 2004 г.¹³, которым утверждена Инструкция о порядке ведения систематизации законодательства в органах прокуратуры; приказ Министра внутренних дел РФ «Вопросы организации информационно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» № 680 от 25 августа

¹ О федеративном устройстве РФ подробнее см.: Сухоняева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89.

² Данная статья фактически является продолжением иной нашей публикации (см.: Фетищев Д.В., Галузо В.Н. О мониторинге законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 29-32).

³ См.: РФ. 1993. 25 декабря.

⁴ См.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102; он же: Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76-81; он же: Систематизация нормативных правовых актов в Омской области: состояние и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2020. № 10. С. 94-98.

⁵ См.: Липецкая газета. 2020. 25 декабря.

⁶ См.: СЗ РФ. 1999. № 41. Ст. 4904.

⁷ См.: СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4294.

⁸ См.: СЗ РФ. 2011. № 12. Ст. 1627.

⁹ См.: СЗ РФ. 2017. № 36. Ст. 5492.

¹⁰ В официальных источниках не опубликован.

¹¹ В официальных источниках не опубликован.

¹² В официальных источниках не опубликован.

¹³ В официальных источниках не опубликован.

2017 г.¹, которым утверждена Инструкция по работе с автоматизированной информационно-поисковой системой для ведения контрольно-наблюдательных дел по сопровождению проектов нормативных правовых актов и планов правоподготовительных работ.

Систематизация законодательства может рассматриваться условием для комплексного праворегулирования (данный термин некоторыми учеными предлагается в качестве альтернативы термину «комплексное правоприменение»).

Комплексное правоприменение (точнее, комплексное праворегулирование²) в самом общем виде может быть определено как способ обоснования юридически значимых ситуаций. При этом используются действующие нормативные правовые акты, а также решения государственных судебных органов. Обязательно учитываются правила разрешения противоречий между нормативными правовыми актами с равной или разной юридической силой: коллизия, конкуренция³. Приведенные суждения позволяют дать определение понятия «комплексное правоприменение»: это способ обоснования юридически значимых ситуаций посредством использования действующих нормативных правовых актов, а также решений государственных судебных органов при непереносимом учете правил разрешения противоречий между нормативными правовыми актами. Иначе говоря, понятие «комплексное правоприменение» определено через три существенных признака: это способ обоснования юридически значимых ситуаций; обоснование юридически значимых ситуаций посредством использования действующих нормативных правовых актов, а также решений государственных судебных органов; обоснование юридически значимых ситуаций при непереносимом учете правил разрешения противоречий между нормативными правовыми актами. Комплексное правоприменение предполагает использование действующих нормативных правовых актов. Как правило, во всяком государстве действует значительное количество нормативных правовых актов. Наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации обладает Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. До введения в действие Конституции РФ и до принятия Федерального закона РФ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 25 мая 1994 г.⁴ в Российской Федерации принимались нормативные правовые акты, обладающие статусом «Закон РФ» (например, Закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.⁵). Введение в действие Федерального закона РФ от 25 мая 1994 г. повлекло принятие нормативных правовых актов со статусами: «Федеральный конституционный закон Российской Федерации» («ФКЗ РФ»), «Федеральный закон Российской Федерации» («ФЗ РФ»). Первым федеральным законом РФ («№ 1-ФЗ») был Федеральный закон РФ «О финансировании расходов из федерального бюджета во II квартале 1994 года» от 10 апреля 1994 г.⁶. Первым и, к сожалению, единственным федеральным законом РФ, в соответствии с которым был видоизменен статус закона РФ, является Федеральный закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» от 18 октября 1995 г.⁷. Первым федеральным конституционным законом РФ («№ 1-ФКЗ») был Федеральный конституционный закон РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 24 июня 1994 г.⁸. 6 февраля 1998 г. был принят Федеральный закон РФ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»⁹. В ст. 2 названного Федерального закона РФ от 6 февраля 1998 г. речь идет о новой разновидности нормативного правового акта - «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации». Соответственно, ныне в Российской Федерации имеется несколько нормативных правовых актов, для названия которых применимо родовое понятие «закон»: «Конституция РФ»; «Закон РФ»; «Федеральный закон РФ»; «Федеральный конституционный закон РФ»; «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» (всего пять разновидностей). Представляется целесообразным: 1) расположить их в зависимости от юридической силы и 2) «Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации» впредь называть «Конституционный закон Российской Федерации» («КЗ РФ»). Соответственно имеем систему нормативных правовых актов, по статусу приравняемых к закону, и по убыванию юридической силы: Конституция РФ – КЗ РФ – ФКЗ РФ – ФЗ РФ – З РФ. Помимо нормативных правовых актов со статусом «закон», в Российской Федерации действуют и подзаконные нормативные правовые акты (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и др.). Некоторые указы Президента РФ могут быть, как правило, на непродолжительный период (до принятия Государственной Думой ФС РФ соответствующего федерального закона РФ) по юридической силе приравниваться к федеральному закону РФ. К таковым можно отнести, например: Указ Президента РФ «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» № 1226 от 14 июля 1994 г.¹⁰, признававшийся источником уголовно-процессуального права; Указ Президента РФ «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» № 510 от 30 сентября 2016 г.¹¹, которым утверждено «Положение о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации». Правовым обоснованием для принятия подобных подзаконных нормативных правовых актов должна являться ст. 80 Конституции РФ.

Изложенное в той или иной мере относится и к субъектам Российской Федерации. Лишь в отдельных субъектах Российской Федерации приняты нормативные правовые акты, в которых предпринята попытка регулирования общественных отношений, сопряженных с нормотворчеством.

Наивысшей юридической силой в субъектах Российской Федерации обладают или конституция, или устав, что соответствует положениям ст. 66 Конституции РФ.

¹ В официальных источниках не опубликован.

² Подробнее об этом см.: Галузо В.Н. О праворегулировании как альтернативе правоприменения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5-8.

³ Подробнее об этом см.: Якулов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России: М.: МВШМ МВД РФ, 1993; он же: Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993.

⁴ См.: СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 801.

⁵ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

⁶ См.: СЗ РФ. 1994. № 1. Ст. 1.

⁷ См.: СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

⁸ См.: СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁹ См.: СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 804.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2016. № 41. Ст. 5802.

Систематизация нормативных правовых актов сопряжена с решением проблемы опубликования таковых. На сей счет результаты научных изысканий более многообразны¹.

Положения Федерального закона РФ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 25 мая 1994 г. относительно подзаконных нормативных правовых актов детализированы в Указе Президента РФ «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» № 763 от 23 мая 1996 г.².

Актуализировалась проблема принижения роли гражданского законодательства и даже подмены его иными отраслями законодательства во всех субъектах Российской Федерации, на что уже обращается внимание в юридической литературе³.

Нормы гражданского права, как правило закрепляются в нормативных правовых актах, которые кодифицированы и ныне в Российской Федерации обозначаются как гражданское законодательство. В первую очередь речь идет о нескольких федеральных законах РФ: Часть первая от 21 октября 1994 г.⁴ ГК РФ; Часть вторая от 22 декабря 1995 г.⁵ ГК РФ; Часть третья от 1 ноября 2001 г.⁶ ГК РФ; Часть четвертая от 24 ноября 2006 г.⁷ ГК РФ. В этот же перечень необходимо включать и еще четыре федеральных закона РФ: Федеральный закон РФ «О введении в действие Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 21 октября 1994 г.⁸; Федеральный закон РФ «О введении в действие Части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» от 22 декабря 1995 г.⁹; Федеральный закон РФ «О введении в действие Части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 1 ноября 2001 г.¹⁰; Федеральный закон РФ «О введении в действие Части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 24 ноября 2006 г.¹¹. Особо обращаем внимание на статью 209 Части первой ГК РФ: «1. Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. 2. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом. 3. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом (статья 129), осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц. 4. Собственник может передать свое имущество в доверительное управление другому лицу (доверительному управляющему). Передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему, который обязан осуществлять управление имуществом в интересах собственника или указанного им третьего лица». Это единственная статья, в которой определяется содержание понятия «собственность», как одномоментное наличие трех полномочий: владение, пользование и распоряжение именно имуществом, но не собственностью. Законодательство о банкротстве ныне представлено некодифицированным федеральным законом РФ: Федеральным законом РФ «О несостоятельности (банкротстве)» от 27 сентября 2002 г.¹² («1. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации настоящий Федеральный закон устанавливает основания для признания должника несостоятельным (банкротом), регулирует порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и иные отношения, возникающие при несостоятельности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов» пункт 1 ст. 1).

Предложенный прием соотношения двух равных по юридической силе нормативных правовых актов («в соответствии») не соответствует правилу коллизии. Подобный прием соотношения правомерен лишь относительно нормативных правовых актов с разной юридической силой (в частности, правило конкуренции). Иначе говоря, в Федеральном законе РФ от 27 сентября 2002 г. фактически не определен предмет правового регулирования. Несовершенство Федерального закона РФ от 27 сентября 2002 г. подтверждается и посредством конституционного судопроизводства (но не конституционного правосудия, какового и быть не может), осуществляемого судом специальной юрисдикции – Конституционным Судом РФ. Названным судом специальной юрисдикции принято 25 постановлений и 42 определения. Определения Конституционного Суда РФ, как правило, подтверждают, лишь факты уклонения названным судом специальной юрисдикции от рассмотрения жалоб от физических и юридических лиц, причем по разным основаниям. Кроме того, представляется важным обратить внимание и на оригинальную нумерацию статей Федерального закона РФ от 27 сентября 2002 г. Чего только стоит решение сложнейшей задачи об установлении общего количества статей названного нормативного правового акта. Федеральный закон РФ от 27 сентября 2002 г. состоит из глав (I–XI) и статей (1–233). При этом отдельные главы (глава IX, глава X, глава XI) состоят из параграфов (§). Имеется дополнительная глава X¹. Статьи состоят из пунктов (1, 2, 3), а также абзацев (абзац первый, абзац второй, абзац

¹ См. об этом, например: Петракова М.С. Обеспечение эффективности правового регулирования административной ответственности путем систематизации законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2023. № 1; Ячменев Ю.В. О системе и систематизации предпринимательского законодательства: теоретические и правоприменительные аспекты // Третейский суд. 2022. № 2/3.

² См.: СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2663.

³ См. об этом, например: Галузо В.Н. О соотношении гражданского законодательства и законодательства о банкротстве (опыт праворегулирования в Лефортовском районном суде города Москвы) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11. С. 12–15.

⁴ См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁵ См.: СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁶ См.: СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁷ См.: СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.

⁸ См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

⁹ См.: СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 411.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4553.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5497.

¹² См.: СЗ РФ. № 43. Ст. 4190.

третий). Множество статей проиндексированы, причем даже трижды. Так в главе IX, § 7 «Банкротство застройщиков» имеются статьи 201¹-201¹⁵⁻⁴. А статья 201¹⁵ представлена следующим образом: 201¹⁵⁻¹, 201¹⁵⁻², 201¹⁵⁻²⁻², 201¹⁵⁻³, 201¹⁵⁻⁴. Отдельные пункты ряда статей также проиндексированы (в частности, пункт 3¹ ст. 1; пункт 4¹ ст. 1). А в § 4 этой же главы помещена статья с более чем ста индексами: статьи 189¹-189¹⁰⁵. Сама же статья 189 в соответствии с федеральным законом РФ от 9 апреля 2010 г. утратила юридическую силу. Осуществление именно комплексного праворегулирования посредством Федерального закона РФ от 27 сентября 2002 г. фактически не представляется возможным. Особо обращаем внимание на положения пункта 5 статьи ст. 201¹⁵⁻² Федерального закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)» от 27 сентября 2002 г., которые не только не соответствуют положениям статей 8 (часть 2), 25, 35, 40 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г., но и фактически обесценивают институт собственности, урегулированный гражданским законодательством (в частности, статьи 209-217 Части первой ГК РФ).

Таким образом, исследования относительно систематизации законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область) необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, систематизацию законодательства необходимо рассматривать как непереносимое условие формирования рыночных отношений и в Российской Федерации, и в ее субъектах, в том числе и во вновь образованных субъектах Российской Федерации (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область).

Во-вторых, в Донецкой Народной Республике и в Луганской Народной Республике нормативными правовыми актами с наибольшей юридической силой необходимо признавать конституции (соответственно, Конституция Донецкой Народной Республики и Конституция Луганской Народной Республики), что будет корреспондировать положению части 1 ст. 66 Конституции РФ, а в Запорожской и Херсонской областях нормативными правовыми актами с наибольшей юридической силой необходимо признавать уставы (соответственно, Устав Запорожской области и Устав Херсонской области), что будет корреспондировать положению части 2 ст. 66 Конституции РФ.

В-третьих, в названных субъектах Российской Федерации целесообразно принятие нормативных правовых актов о системе нормативных правовых актов в конкретных субъектах Российской Федерации (Закон ДНР «О системе нормативных правовых актов в Донецкой Народной Республике»; Закон ЛНР «О системе нормативных правовых актов в Луганской Народной Республике»; Закон ЗО «О системе нормативных правовых актов в Запорожской области»; Закон ХО «О системе нормативных правовых актов в Херсонской области»).

Список литературы:

1. Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30. EDN: KVZTLN
2. Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98-102. EDN: SYKUNT
3. Галузо В.Н. Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76-81. DOI: 10.7868/S0132076918060094 EDN: XQKREL
4. Галузо В.Н. Систематизация нормативных правовых актов в Омской области: состояние и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2020. № 10. С. 94-98. DOI: 10.47643/1815-1329_2020_10_94 EDN: RXCHRF
5. Галузо В.Н. О праворегулировании как альтернативе правоприменения в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2022. № 1. С. 5-8. EDN: LVDDPZ
6. Галузо В.Н. О соотношении гражданского законодательства и законодательства о банкротстве (опыт праворегулирования в Лефортовском районном суде города Москвы) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11. С. 12-15. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_11_12 EDN: TTMQPK
7. Петракова М.С. Обеспечение эффективности правового регулирования административной ответственности путем систематизации законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2023. № 1. DOI: 10.18572/2071-1166-2023-1-76-82 EDN: BIWINY
8. Сухондаева Т.Ю., Галузо В.Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. 2018. № 1. С. 83-89. EDN: YMWURF
9. Фетищев Д.В., Галузо В.Н. О мониторинге законодательства во вновь образованных субъектах Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 29-32. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_1_29 EDN: XOCLTO
10. Якулов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России: М.: МВШМ МВД РФ, 1993.
11. Якулов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1993.
12. Ячменев Ю.В. О системе и систематизации предпринимательского законодательства: теоретические и правоприменительные аспекты // Третейский суд. 2022. № 2/3. EDN: TBFOIG

References:

1. Galuzo V.N. Systematization of legislation in the Russian Federation: state and prospects of development // Law and Law. 2009. No. 8. pp. 28-30.
2. Galuzo V.N. Is it possible to ensure uniform enforcement of legislation in the absence of its systematization? // State and law. 2014. No. 11. pp. 98-102.
3. Galuzo V.N. Is comprehensive law enforcement possible in the absence of official systematization in the Russian Federation? // State and law. 2018. No. 6. pp. 76-81.
4. Galuzo V.N. Systematization of regulatory legal acts in the Omsk region: state and prospects of development // Agrarian and land law. 2020. No. 10. pp. 94-98.
5. Galuzo V.N. On legal regulation as an alternative to law enforcement in the Russian Federation // International Journal of Constitutional and State Law. 2022. No. 1. pp. 5-8.
6. Galuzo V.N. On the relationship between civil legislation and bankruptcy legislation (experience of legal regulation in the Lefortovo District Court of Moscow) // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 11. pp. 12-15.
7. Petrakova M.S. Ensuring the effectiveness of legal regulation of administrative responsibility by systematizing legislation on administrative offenses // Administrative law and process. 2023. No. 1.
8. Sukhondyaeva T.Yu., Galuzo V.N. On the problems of the federal structure, administrative-territorial and military-administrative division of the Russian Federation // Online electronic popular science journal of private and public law. 2018. No. 1. pp. 83-89.
9. Fetishchev D.V., Galuzo V.N. On monitoring legislation in newly formed subjects of the Russian Federation // Law and the State: theory and practice. 2025. No. 1. pp. 29-32.
10. Yakupov R.H. Law enforcement in the criminal process of Russia: Moscow: MVSHM of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993.
11. Yakupov R.H. Law enforcement in the criminal process of Russia (legal problems): Abstract of the dissertation. ... doct. jurid. Sciences. Moscow, 1993.
12. Yachmenev Yu.V. On the system and systematization of business legislation: theoretical and law enforcement aspects // Arbitration Court. 2022. No. 2/3.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_30

УДК 347.454.3(47+57)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА О КОМПЛЕКСНОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИИ THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF REGULATION AGREEMENTS ON THE INTEGRATED DEVELOPMENT OF THE TERRITORY

РУМЯНЦЕВ Федор Полиектович,

профессор кафедры трудового и экологического права

Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Ашхабадская ул., 4, г. Нижний Новгород, Нижегородская обл., 603105, Россия.

E-mail: odo-328@mail.ru;

RUMYANTSEV F.P.,

Professor of the Department of Labor and Environmental Law

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Ashkhabadskaya St., 4, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod region, 603105, Russia.

E-mail: odo-328@mail.ru

Краткая аннотация: в статье раскрывается проблема реализации договора комплексного развития территории, вызванная запретительными положениями ч.6 ст.65 Градостроительного кодекса РФ о недопущении строительства любых видов жилых объектов в границах территории, запланированной для нежилой застройки. Практика свидетельствует о существенном интересе строительных компаний к заключению договора КРТ при условии законодательного дозволения возведения жилых объектов хотя бы на какой-то части территории нежилой застройки. Автором предлагается изменить существующий императивный нормативный запрет на строительство жилья в нежилой застройке, исключив указанный в ч.6 ст.65 ГрК РФ запрет применительно к нежилой застройке, относящейся к третьей (малоопасной) и четвертой (неопасной) категории опасности возводимых объектов нежилой недвижимости.

Abstract: the article reveals the problem of implementing a comprehensive development agreement caused by the prohibitive provisions of Part 6 of Article 65 of the Urban Development Code of the Russian Federation on the prevention of construction of any types of residential buildings within the boundaries of the territory planned for non-residential development. Practice shows a significant interest of construction companies in concluding a comprehensive development agreement subject to legislative permission to construct residential buildings at least on some part of the non-residential development territory. The author proposes to amend the existing imperative regulatory ban on housing construction in non-residential development by excluding the ban specified in Part 6 of Article 65 of the Urban Development Code of the Russian Federation with respect to non-residential development related to the third (low-hazard) and fourth (non-hazardous) hazard categories of non-residential real estate being constructed.

Ключевые слова: нежилая застройка, договор о комплексном развитии территории, разрешить строительство, третья и четвертая категория опасности, строительная компания.

Keywords: non-residential development, comprehensive development agreement, permit construction, third and fourth hazard categories, construction company.

Для цитирования: Румянцев Ф.П. Теоретико-правовые аспекты регулирования договора о комплексном развитии территории // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 30-32. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_30.

For citation: Rumyantsev F.P. Theoretical and legal aspects of regulation agreements on the integrated development of the territory // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 30-32. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_30.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025**Дата публикации: 30.04.2025**

Принятие главы десятой Градостроительного кодекса РФ (далее по тексту-ГрК РФ) «О комплексном развитии территории» было обусловлено объективной необходимостью решения целого комплекса острых городских проблем, связанных либо с отсутствием, либо с явной недостаточностью в доступной близости объектов социального назначения для приобретателей нового жилья в многоквартирных домах, построенных по так называемой точечной застройке (договоры о развитии территории)¹. Положения указанной главы вызвали изначально и продолжают вызывать среди исследователей оживленные дискуссии на страницах юридической литературы и обсуждения на площадках научно-практических конференций, организуемых ведущими ВУЗами страны. Исследователи раскрывают отдельные особенности правовой природы договора о комплексном развитии территории. По мнению Н.А.Сергуниной данный договор следует квалифицировать как гражданско-правовой, заключению которого предшествуют административные властно-распорядительные действия с обязательным присутствием публичного субъекта².

Анализируя специфику регулирования заключения договора о комплексном развитии территории по инициативе правообладателей земельных участков Л.Е. Бандорин и А.В. Башарин справедливо указывают на допустимость изначально при принятии решения о КРТ изменять основные виды разрешенного использования земельных участков, а следовательно и соответствующие им характеристики проектируемых объектов жилой и нежилой застройки³.

На острую проблему недостаточной защищенности прав и интересов граждан, проживающих в домах, подлежащих расселению в силу включения их в программу комплексного развития территории и нежелающих в преобладающем большинстве случаев, переселяться в ново-

¹ Румянцев Ф.П. Особенности правового режима территорий, предназначенных для комплексного развития// Аграрное и земельное право. 2021. № 6 (198). С. 75-80.

² Сергунина Н.А. Правовая природа договора о комплексном развитии территории// Вестник РПА.2019.№1.-С.85-91

³ Бандорин Л. Е. , Башарин А.В. О предоставлении земельных участков при комплексном развитии территории по инициативе правообладателей // Закон, 2021,№ 11.- С.41-52

стройки, расположенные по общему правилу на окраинах города указывает Г.Л. Землякова¹.

Дискуссионной следует признать рекомендацию А.Р.Кирсанова², предлагающего усилить обеспечение защиты интересов банков посредством дополнения в закон нормы об одновременном переходе к кредитору прав инвестора, предусмотренных и договором о КРТ и договором аренды земельного участка в случае признания последнего банкротом. Как правило, земельный участок, находящийся в муниципальной или государственной собственности, сформированный для реализации договора о КРТ передается в аренду по символической цене, не способной оказать какое-либо существенное обеспечительное значение в случае принудительной продажи имущественных прав инвестора. Обеспечительная стоимость права аренды земельного участка в данном виде договорных обязательств ничтожно мала по сравнению со стоимостью выполнения основного договора о комплексном развитии территории. Зачастую органы местного самоуправления в целях привлечения инвесторов объявляют арендную плату равной одному рублю.

Много вопросов по поводу практической реализации законодательных установлений «общероссийской реновации» вызывают у профессионального строительного сообщества нормы ч.6 ст.65 ГрК РФ, запрещающих в границах комплексной нежилкой застройки возможность строительства всех без исключения видов жилых строений, включая многоквартирные дома, дома блокированной застройки, индивидуальные жилые дома, садовые дома, а также иные капитальные строения, если они расположены на земельных участках, вид разрешенного использования которых предусматривает возведение индивидуальных жилых домов, ведения личного подсобного хозяйства и садоводства³. Строительные компании проявляют более существенный интерес к строительству жилых объектов в силу их большей коммерческой прибыльности, однако в большинстве населенных пунктов значительные площади городских земель заняты объектами нежилкой застройки, в границы которых согласно новым положениям ч.6 ст.65 ГрК РФ нельзя возвести ни один из видов жилых объектов. В связи с такими ограничительными установлениями темпы и масштабы общероссийской реновации в большинстве промышленных областных центров существенно замедляются. Среди потенциальных причин указанных запретительных предписаний по возведению жилых капитальных строений в границах территории нежилкой застройки можно предположить экологические обоснования, которыми руководствовался (должен руководствоваться) законодатель при разработке проекта ч.6 ст.65 ГрК РФ в целях усиления обеспечения благоприятных условий проживания городского населения, и связанной в этом случае необходимостью пересмотра подхода к действующему регулированию установления территориальных зон в границах населенных пунктов, а также безукоризненному следованию принципу осуществления градостроительной деятельности с соблюдением требований охраны окружающей среды и экологической безопасности и смежному с ним принципу ответственности органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления за обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека.

Таким образом, следует отметить, что позиция законодателя по исключению любых вариантов строительства жилых объектов в границах нежилкой застройки основана на обязательности безусловного соблюдения закрепленных в ст.2 ГрК РФ основных принципов законодательства о градостроительной деятельности, предписывающих осуществлять строительство на основе документов территориального планирования, правил землепользования и застройки и документации по планировке территории. Однако, как и в любом кодифицированном акте, в Градостроительном кодексе РФ содержатся и иные базовые принципы, направленные на соблюдение паритета запретительных и дозволительных предписаний по осуществлению градостроительной деятельности. На мой взгляд, к таковым в действующем перечне принципов градостроительного законодательства можно отнести принцип, указывающий на обеспечение сбалансированного учета экологических, экономических, социальных и иных факторов при осуществлении градостроительной деятельности.

Считаю, что приведенный базовый принцип сбалансированности разнонаправленных факторов, предусмотренный ст.2 ГрК РФ может выступить правовой основой для разработки законопроекта, направленного на изменение редакции ч.6 ст.65 ГрК РФ. Обеспечение баланса экологических и социальных условий проживания городского населения основывается, безусловно, в подавляющей числе случаев экономическими факторами, выражающимися в первую очередь финансовыми возможностями муниципалитета обеспечить практическую реализацию рассматриваемого базового принципа. Бюджетные возможности значительного количества муниципалитетов, особенно в дотационных регионах, не в состоянии осуществить строительство нового жилья в новых селитебных территориальных зонах в полном соответствии с экологическими требованиями и одновременно с обеспечением социальных условий проживания населения в указанных территориальных зонах по причине дороговизны создания и дальнейшего поддержания в надлежащем надлежащих эксплуатационном состоянии вновь построенных линейных коммуникаций тепло, вода, газоснабжения.

Считаю, что столь императивные запреты на строительство жилых объектов в границах нежилкой застройки не совсем оправданы еще и по причине не вполне, на мой взгляд, объективного учета существующем разграничении промышленных и иных объектов хозяйственной деятельности по степени их экологической опасности. Существующая классификация указанных объектов по степени опасности влияния на состояние окружающей природной среды, а следовательно и здоровье человека включает наряду с высоко опасными (объекты первой категории, оказывающее значительное негативное воздействие на окружающую среду) и средне опасными (объекты второй категории умеренного негатив-

¹ Землякова Г. Л. Расширение института комплексного развития территорий: проблемы обеспечения прав граждан/ В сборнике материалов Международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие территорий». – Москва : МИИГАиК, 2023. — С.103-110.

² Кирсанов А.Р. Комплексное развитие территорий: как новому институту не повторить судьбу "старых" (КОТ, РЗТ, КРТ и КУРТ)?// Имущественные отношения в Российской Федерации, 2024, N 2. -С.27-35

³ Чмыхало Е.Ю. Комплексное развитие территорий населенных пунктов: правовые механизмы реализации// Имущественные отношения в Российской Федерации, 2023, N 12 (267).2023.-С.99-107

ного воздействия) также и объекты, оказывающие незначительное (третья категория) и минимальное (четвертая категория) влияние на окружающую среду (ст.4.2 ФЗ Об охране окружающей среды). Тем более, что предшествующая практика осуществления градостроительной деятельности в советский период наглядно подтверждает допустимость строительства жилых объектов в границах промышленных территориальных зон, в которых хозяйствующие объекты не представляют какой-либо экологической угрозы на состояние здоровья проживающего населения.

При этом не следует забывать, что в большинстве случаев отопление жилых объектов обеспечивается от котельных, расположенных вблизи промышленных предприятий, что является очень важным фактором, гарантирующим надежное обеспечение квартир и жилых домов проживающего населения теплом как базового ресурса жизнеобеспечения граждан.

Соблюдение такого базового принципа как осуществление градостроительной деятельности в соответствии с требованиями технических регламентов также может быть обеспечено без каких-либо существенных дополнительных финансовых затрат в промышленных территориальных зонах, в границах которых расположены объекты хозяйственной деятельности, относящиеся к третьей и четвертой категориям опасности.

На основании вышеизложенного анализа проблемы, существующей у профессионального строительного сообщества в связи с запретом возведения жилых объектов в границах нежилой застройки считаю целесообразным дополнить действующую редакцию ч.6 ст. 65 ГрК РФ нормой, распространяющей такой запрет только в отношении объектов хозяйственной категории, отнесенных согласно закону «Об охране окружающей среды» к первой и второй категориям опасности. Считаю данное предложение позволит решить существующую перед строительной индустрией проблему возведения нового жилья в границах нежилой застройки, обеспечив при этом гарантию соблюдения экологических и социальных условий для проживания населения.

Список литературы:

1. Румянцев Ф.П. Особенности правового режима территорий, предназначенных для комплексного развития// *Аграрное и земельное право*. 2021. № 6 (198). С. 75-80. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_6_75 EDN: DLSHES
2. Сергунина Н.А. Правовая природа договора о комплексном развитии территории// *Вестник РПА*.2019.№1.-С.85-91. EDN: VIYZEB
3. Бандорин Л. Е. , Башарин А.В. О предоставлении земельных участков при комплексном развитии территории по инициативе правообладателей // *Закон*, 2021, N № 11.-С.41-52. DOI: 10.37239/0869-4400-2021-16-11-41-52 EDN: XUKIVM
4. Землякова Г. Л. Расширение института комплексного развития территорий: проблемы обеспечения прав граждан/ В сборнике материалов Международной научно-практической конференции "Устойчивое развитие территорий".- Москва: МИИГАиК, 2023. - С.103-110. EDN: BBAIY
5. Кирсанов А.Р. Комплексное развитие территорий: как новому институту не повторить судьбу "старых" (КОТ, РЗТ, КРТ и КУРТ)?// *Имущественные отношения в Российской Федерации*, 2024, N 2.-С.27-35. EDN: PGTPGA
6. Чмыхало Е.Ю. Комплексное развитие территорий населенных пунктов: правовые механизмы реализации// *Имущественные отношения в Российской Федерации*, 2023, N 12 (267).2023.-С.99-107. EDN: DQFKOP

References:

1. Rumyantsev F.P. Features of the legal regime of territories designated for integrated development// *Agrarian and land law*. 2021. No. 6 (198). pp. 75-80. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_6_75 EDN: DLSHES
2. Sergunina N.A. The legal nature of the agreement on the integrated development of the territory// *Bulletin of the RPA*,2019,No. 1, pp.85-91. EDN: VIYZEB
3. Bendorin L. E., Basharin A.V. On the provision of land plots for the integrated development of the territory on the initiative of copyright holders // *Law*, 2021, No. 11.-pp.41-52. DOI: 10.37239/0869-4400-2021-16-11-41-52 EDN: XUKIVM
4. Zemlyakova G. L. Expansion of the institute of integrated territorial development: problems of ensuring citizens' rights/ In the collection of materials of the International Scientific and practical Conference "Sustainable development of territories". Moscow: MIIGAIK, 2023. pp.103-110. EDN: BBAIY
5. Kirsanov A.R. Integrated development of territories: how can the new institute avoid repeating the fate of the "old" ones (CAT, RZT, KRT and KURT)?// *Property Relations in the Russian Federation*, 2024, No. 2.-pp.27-35. EDN: PGTPGA
6. Chmykhalo E.Y. Integrated development of territories of settlements: legal mechanisms of implementation// *Property Relations in the Russian Federation*, 2023, N 12 (267).2023.-pp.99-107. EDN: DQFKOP

ПРАВО НА ПОБЕДУ В ГРЕЧЕСКОМ ПЯТИБОРЬЕ THE RIGHT TO WIN IN THE GREEK PENTATHLON

ГВОЗДЕВА Татьяна Борисовна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной литературы
ФГОБУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького»;
доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru;

GVOZDEVA Tatiana Borisovna,

PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Literature,
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow;
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History,
Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia.
E-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается одно из популярных состязаний греческой атлетики – пятиборье, в которое входили метание диска, прыжки, метание копья, бег и борьба. Для победы в пятиборье достаточно было победить в трех состязаниях из пяти. Такая победа считалась особенно почетной среди атлетов.

Abstract. The article deals with one of the popular events of Greek athletics, the pentathlon, which included discus throwing, jumping, javelin throwing, running and wrestling. To win the pentathlon it was enough to win three out of five events. Such a victory was considered particularly honourable among athletes.

Ключевые слова: пятиборье, Немейские игры, Олимпийские игры, Филострат, Артемидор.

Keywords: pentathlon, Nemean Games, Olympic Games, Philostratus, Artemidorus.

Для цитирования: Гвоздева Т.Б. Право на победу в греческом пятиборье // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 33-35. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_33.

For citation: Gvozdeva T.B. The right to win in the Greek pentathlon // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 33-35. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_33.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Одним из популярных состязаний греческой атлетики было пятиборье (pentathlon), которое состояло из бега, борьбы, прыжков в длину, метания копья и диска. Если дисциплины современного пятиборья относятся к разным видам спорта, а современного десятиборья – к легкой атлетике, то в античное пятиборье, входили как дисциплины легкой атлетики (бег, прыжки, метания копья и диска), так и единоборства (борьба) [2, с. 112; 3, с. 370–371]. Филострат, автор трактата «О гимнастике» (III в. н.э.), разделил все состязания на «легкие» и «тяжелые». К «легким» Филострат отнес короткий бег (на 1 стадий), двойной бег, длинный бег, бег в вооружении и прыжки, а к «тяжелым» – все единоборства (панкратион, борьба и кулачный бой) и метание диска. Что касается состава пятиборья, то метание диска с борьбой Филострат классифицировал как «тяжелые» состязания, а метание копья, прыжок и бег – как «легкие» (Philostr. Gymn. 3).

В программе Олимпийских игр пентатлон был введен с 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.), на которой, одновременно с пятиборьем, была добавлена и борьба (Paus. V.8.7). Бег и борьба в программе античных Олимпиад были представлены и как самостоятельные состязания, и как составные части пятиборья, тогда как прыжки, метания диска и копья проходили только в рамках пятиборья (ἵδια τῷ πεντάθλῳ) (Poll. III.151). Позднее, в 38-ю Олимпиаду (628 г. до н.э.) был введен пентатлон для младшей возрастной группы атлетов, «мальчиков» (παῖδες)¹, но, как пишет Павсаний, на следующей, 39-й Олимпиаде от него отказались (Paus. V.8.7).

Порядок состязаний в пятиборье является одной из самых сложных проблем в изучении античного спорта, т.к. скудные и фрагментарные источники не дают нам возможность представить себе полную картину этого состязания. Точно известно, что состязаний было пять (метание диска, прыжки, метание копья, бег и борьба), что борьба была последним соревнованием, и что для полной победы требовалось одержать три победы [8; 16, р. 56]. Об очередности состязаний в пентатлоне можно судить по плохо сохранившейся надписи с Родоса (ок. I в. до н.э.), в тексте которой видно, что метание диска было первым состязанием, а прыжок – вторым (SEG 15.501). Этот же порядок состязаний можно проследить в надписи некоего пятиборца из Эфеса, где утверждалось, что он был «непобедим в метании диска, непобедим в метании копья» (II в. н.э.) (IAG 75). В рамках первой тройки состязаний метание копья, возможно, было на третьем месте (Bacchyl. IX.30–36; Pind. Nem. V.72; Isthm. II.30). Большая часть исследователей полагает, что в пятиборье борьба была последней (Hdt. IX.33; Paus. III.11.6; Xen. Hell. VII.4.29; Bacchyl. IX.27 ff.; Artemidor. Oneirocr. I.57) [8; 10, р. 33–34; 12, р. 132; 17, р. 32; 7, р. 62; 16, р. 34].

В литературных источниках порядок состязаний пятиборья варьируется. Так, в эпиграмме Симонида Кеосского, посвященной победе в пятиборье Диофонта на Пифийских и Истмийских играх, состязания названы в следующем порядке: прыжок, бег, диск, метание копья, борьба (Simonid., fr. 153 Bergk), в эпиграмме, процитированной Евстафием – прыжок, диск, копье, бег, борьба (Eustath. on Il. XXIII.261), а в эпиграмме Лукилия – борьба, бег, диск, прыжок копье (Lucil. Anth. Pal. XI.84). В «Соннике» Артемидора порядок следующий – бег, диск, прыжки, копье, борьба

¹ На Олимпийских играх, согласно Павсанию, ввели возрастную классификацию атлетов с 37-й Олимпиады (632 г. до н.э.) (Paus. V.8.9), а согласно Филострату – с 46-й Олимпиады (596 г. до н.э.) (Philostr. Gymn. 13). Всех атлетов разделяли на две группы: ἀνδρες («мужчины») и παῖδες («мальчики»). Эту же возрастную классификацию атлетов использовали на Пифийских играх [1, с. 247; 3, с. 371].

ба (Artemidor. Oneirocr. I.57), а у Филострата – борьба, метание диска, метание копья, прыжки и бег (Phil. Gymn. 3). Э. Гардинер считает, что у Филострата имеет место «оборотный» перечень состязаний, поэтому предлагает рассматривать данные Филострата следующим образом – бег, прыжки, копье, диск, борьба [9, р. 361]. Схолиаст Платона упоминает в составе пятиборья борьбу, метание копья, прыжки, метание диска и бег (Schol. Ps.-Plat. Amat. 135e), а схолиаст «Панафинейской речи» Элия Аристиды отмечает, что в состав пятиборья входили бег, борьба, диск, копье и прыжки (Schol. Aristid. Panath. 112). Э. Гардинер отмечал, что поздние авторы указывали достаточно произвольно состязания, вошедшие в состав пятиборья, и отмечает крайнюю ненадежность сведений поздних схолиастов и лексикографов [9, р. 361]. Схолиаста Элия Аристиды включил в состав пятиборья панкратион: «Слово „пятиборец“ означает „состязующийся в пяти видах состязаний“, а именно: борьба, бег, метание копья, диск и панкратион» (Schol. Aristid. Panath. III.339), а схолиаст Пиндара – кулачный бой: «В пятиборье в одном соревновании участвуют пять видов спорта: кулачный бой, борьба, прыжки, дискбол и бег» (Schol. Pind. Olym. XIII.39).

Для выбора победителей в пятиборье могли использовать систему баллов или систему выбывания атлетов после третьего или четвертого состязания [16, р. 56–59]. Интересную теорию сформулировал Г. Харрис в 1972 г. Согласно его концепции, если атлет выигрывал первые три соревнования, то он становился победителем в пятиборье. Однако если же ни один атлет не победил за явным преимуществом, выиграв первые три состязания, то тогда, согласно теории Г. Харриса, было две возможности выявить общего победителя в пятиборье. В первом случае в следующий этап выходили два атлета – атлет А с двумя победами и атлет В с одной победой. Они состязались в беге, и если атлет А побеждал, то он выигрывал всё пятиборье, т.к. у него в общей сложности было три победы. Если же в беге побеждал атлет В, то оба атлета имели по две победы. Тогда они выходили в финал пятиборья, где проводилось пятое, решающее соревнование – борьба. Однако Г. Харрис рассматривал и другой вариант развития событий, при котором после первых трех состязаний в следующий этап борьбы выходили три атлета (А, В и С), у каждого из которых было только по одной победе (или в прыжках, или в одном из видов метания). Между ними проводился забег на 1 стадий (в пятиборье входил так называемый «короткий» бег на 1 стадий). Победивший в беге атлет, например, атлет А, таким образом, имел две победы, и поэтому получал преимущества, т.к. отдыхал в ожидании своего будущего соперника для решающего финального поединка в борьбе. А тем временем, между атлетами В и С проводился «полуфинальный» поединок в борьбе. Победитель этого «полуфинала» выходил в финал, в котором боролся с атлетом А [10, р. 15]. Д. Кайл, в целом принимая теорию Г. Харриса, уточнил, что «полуфинальный» отборочный поединок между атлетами В и С мог проводиться не в борьбе, а в беге, и тогда победитель полуфинала мог сохранить силы для финальной борьбы с атлетом А [11]. Таким образом, если пятиборье начиналось с метания диска, за которым следовали прыжки и метание копья, и в первых трех состязаниях не было явного победителя, тогда атлеты переходили к состязанию в беге. Если же по результатам бега не было атлета с тремя победами, то тогда победитель пятиборья определялся через финал в борьбе.

Большинство исследователей согласны с утверждением, что победителем в пентатлоне считался тот атлет, кто одержал победы в трех состязаниях из пяти [9, р. 366; 10, р. 33–34; 16, р. 58; 12, р. 133; 17, р. 32–33; 7, р. 62]¹. В источниках есть информация, что некоторые атлеты побеждали в пятиборье, выиграв «первые три состязания» (ἄρα τῶ πέντεθλω) (Poll. III. 151). Так, Аврелий Поликрат из Кибиры (Ликия), бегун и пятиборец (III в. н.э.) дважды побеждал в пятиборье, выигрывая «первые три состязания» (IAG 82) [4, с. 56–57]. В. Метьюз считал, что победа «в первых трех состязаниях» пентатлона значила гораздо больше, чем победа ἀκροῖτι («без пыли»). Такая победа демонстрировала полное превосходство атлета над своими соперниками [12. Р. 133].

В источниках не всегда есть указания, какие именно агоны из пяти выиграл победитель пентатлона, т.е. какой путь он прошел к своей победе. Вакхилид посвятил оду пятиборцу Автомеде из Флиунта, который одержал победу на Немейских играх (ок. 450 г. до н.э.), став первым в метании копья, диска и в борьбе: «Он сиял среди пятиборцев, / Как лучистая луна полнолуны / Затмевает звездные свету; / Без числа окружившим его эллинам / Явил он дивный свой облик, / Метнув кружащий **диск**, / И воздвиг народные клики, / Устремив рукою в крутой эфир / **Древо** чернолиственной бузины / Или выставя стремительную **борьбу**» (Vaccil. IX.28–36. Пер. М.Л. Гаспарова; курсив наш – Т.Г.). Если исходить из того, что первыми состязаниями пентатлона были диск, прыжок и копье, то Автомед не победил в прыжке (из числа первых трех состязаний), и для окончательной победы ему требовалась победа в борьбе. Схолиаст Элия Аристиды также отметил, что не все участники пятиборья выигрывают все пять соревнований, т.к. для победы им достаточно выиграть три соревнования из пяти: «Пентатл используется вместо слов «участвующие в пяти видах» или «победившие в пяти видах», потому что не все пятиборцы побеждают во всех пяти видах соревнований. Ведь для победы им достаточно трех из пяти состязаний» (Schol. Aristid. Panath. III. 339; ср.: Poll. III.151; schol. Aesch. Agam 171).

Определенный интерес представляет VII Немейская ода Пиндара, которую поэт посвятил победе Согена, сына Феариона в пятиборье среди «мальчиков» (ок. 460 г. до н.э.): «О Соген из рода Евксенидов, / Я кланюсь: / **Не ступал я за черту**, / Устремляя быстрый мой язык, / Как **дрот** с медным острием, / **Отстраняющий от борьбы** / Невспотевшую шею и силу / Тел, еще не обожженных солнцем. / После трудов слаще улада» (Pind. Nem. VII.70–75. Пер. М.Л. Гаспарова, курсив наш – Т.Г.). Хотя в Олимпии пятиборье для мальчиков было отменено после 39-й Олимпиады, оно проводилось на Пифийских играх, и на многих местных играх [17, р. 32–33]. На Немейских играх состязания проводились по трем возрастным группам – ἄνδρες («мужчины»), ἀῤῥεῖοι («юноши» – букв. «безбородые») и παῖδες («мальчики») [1, с. 245; 2, с. 117; 3, с. 371]. В. Оливова полагала, что пятиборье для «мальчиков» проводилось на Немейских играх, С. Миллер отрицал его наличие [15, р. 117; 14]. В. Свит отмечал, что хотя в Немее и не было пятиборья среди мальчиков, Соген выиграл его у более старших соперников, когда он был младше их, предположительно в подгруппе «юношей» [16, р. 174; 14]. Не случайно, ода начинается обращением к Илифии, богине деторождения. М.Л. Гаспаров отмечал, что такое начало удивляло еще схоли-

¹ Р. Меркельбах утверждал, что в пятиборье учитывались только победы в каждом соревновании, и что не было никакой системы начисления очков [13].

астов Пиндара, и вряд ли могло быть подсказано юным возрастом атлета или его именем (Соген — «рожденный здоровым»): «Схолиаст сообщает, что это была первая победа эгинян в Немее среди мальчиков, поэтому ода о ней была важным заказом» [5, с. 444]. Фразу «*Не ступал я за черту...*» М.Л. Гаспаров объясняет как черту, «дальше которой нельзя разбегаться при размахе» метателя копья [5, с. 445]. В Свит, указывая на изображение на амфоре двух атлетов с копьями на старте, где один из них изображен переступившим стартовую черту, предполагает, что этот атлет был дисквалифицирован [16, р. 53, pl. 15]. Комментируя оду Пиндара, он пишет о Согене, что по тексту не ясно, был ли у спортсмена только один бросок, и упомянутое метание копья произошло непосредственно перед соревнованиями или во время них [16, р. 52–53]. Наибольший интерес вызывает фраза «*Отстраняющий от борьбы*». В. Свит отмечает, что Пиндар в этой строке говорит, что победа в метании копья может означать, что спортсмену не нужно участвовать в соревнованиях по борьбе [16, р. 38]. М.Л. Гаспаров отмечает, что «если бросок дрота (4-е состязание пятиборья) был так удачен, что почти обеспечивал атлету победу, то его противник мог сразу признать себя побежденным и отказаться от 5-го состязания — борьбы» [5, с. 445]. Стариковский Г.Г. полагает, что так Пиндар объявляет Согену, «что еще не закончил свою песнь» [6, с. 107]. В. Метьюз не согласен с интерпретацией В. Свита. Он полагал, что метание копья было последним шансом остаться в соревнованиях для спортсмена, который не выиграл метание диска или прыжок. Если ему удавалось выиграть метание копья, то тогда он должен был выиграть и бег, и борьбу, чтобы победить пятиборье. Т.к. если бы в первых трех соревнованиях (диск, прыжок, копье) было три разных победителя и победитель в метании копья не смог бы выиграть бег, то ему, возможно, даже пришлось бы бороться дважды: в полуфинале против атлета, проигравшего в забеге, и в финале против победителя бега. Таким образом, В. Метьюз полагал, что неудача в метании копья «выбывает» атлета из дальнейшего участия в пятиборье и в борьбе, которой всегда следовало опасаться как самого болезненного и напряженного из соревнований пентатлона [12].

Иногда античные авторы указывали не три, а два состязания пентатлона, в которых атлет одержал победу. Р. Меркельбах обратил внимание на частое упоминание «двойных» побед, когда один и тот же спортсмен мог выиграть в рамках пятиборья прыжок и бег (как Тисамен из Элиды) или два метания (как Автомед, или атлет из Эфеса, который победил в метании диска и копья) [13]. Он объясняет это тем, что два состязания часто могут быть связаны с общей системой подготовки атлета. Так, например, победа в комбинации бега и прыжка часто встречается в современном спорте [3, с. 377]. Большой интерес представляет история Тисамена, сына Антиоха, из Элиды. Он принял участие в пятиборье на 72-й Олимпиаде (492 г. до н.э. (?)), где своего противника, Гиеронима с Андроса, одолел в беге и прыжках, но проиграл ему в борьбе и во всем состязании в целом (Hdt. IX. 33; ср.: Paus. III.11.6). Что же тогда выиграл Гиероним, получив почетный титул олимпионика? Он проиграл бег и прыжки, но победил в борьбе (Paus. III.11.6–7). Возможно, Гиероним стал победителем в двух метаниях, и, закрепив свою победу в поединке борцов, был признан победителем пентатлона [11]. Но В. Метьюз полагал, что Гиероним выиграл только одно из метаний, и что далее трое атлетов состязались в беге, который дал Тисамену возможность одержать свою вторую победу. После чего, Гиероним, должно быть, вышел в финал борьбы на основе какого-то другого превосходства над третьим соперником, возможно, в полуфинале (победу в таком полуфинале также можно считать одной из трех побед, которых было достаточно для победы в пятиборье) [12, р. 132].

Список литературы:

1. Гвоздева Т.Б. Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 3. 2022. С. 243–256. DOI: 10.22363/2312-8127-2022-14-3-243-256 EDN: CFTTQE
2. Гвоздева Т.Б. Греческий пентатлон: состав, участники, итоги // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения. Нижний Новгород, 2023. С. 112–132. EDN: PSBVDY
3. Гвоздева Т.Б. Греческие пятиборцы: путь к победе // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 369–383. DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-369-383 EDN: IWJBZN
4. Гвоздева Т.Б. Атлеты Древней Греции - вкус победы // Вестник Литературного института имени А.М. Горького. М., 2024. № 2-3. С. 36–65. DOI: 10.24412/2408-9451-2024-2-3-36-65 EDN: PHUNBV
5. Оды: Фрагменты / Пиндар, Вахилид; Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980. 503 с.
6. Стариковский Г.Г. Пиндар, седьмая Немейская Ода: предисловие, перевод и комментарий // Практики и Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2020. Т. 5 (3). С. 95–112. DOI: 10.18522/2415-8852-2020-3-95-112 EDN: METIKS
7. Crowther N.B. Sport in Ancient Times. London, 2007. DOI: 10.5040/9798216017714
8. Gardiner E.N. The Method of Deciding the Pentathlon // Journal of Hellenic Studies. 1903. Vol. 23. P. 54–70. DOI: 10.2307/623756
9. Gardiner E.N. Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910.
10. Harris H.A. Sport in Greece and Rome. London and Ithaca, NY, 1972.
11. Kyle D.G. Watching and Winning the Greek Pentathlon // Journal of Sport History. 1990. Vol. 17. P. 291–305.
12. Matthews V. The greek Pentathlon again aus // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd. 100. S. 129–138.
13. Merkelbach R. Der Sieg im Pentathlon // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1973. Bd. 11. S. 261–269.
14. Miller S. G. The Pentathlon for Boys at Nemea // California Studies in Classical Antiquity. 1975. V. 8. P. 199–201. DOI: 10.2307/25010690
15. Olivova V. Sports and Games in the Ancient World. London, 1984.
16. Sweet W.E. Sport and Recreation in Ancient Greece. A Sourcebook with Translations. Oxford, 1987.
17. Young D.C. A Brief History of the Olympic Games. London, 2004. DOI: 10.1002/9780470774823

References:

1. Gvozdeva T.B. Younger age categories of athletes at the Panathenaic Games // RUDN Journal of World History. 2022. T. 14. № 3. 2022. P. 243–256.
2. Gvozdeva T.B. Greek Pentathlon: composition, participants, results // Professor Evgeny Aleksandrovich Molev and Modern Problems of Anticology. Nizhny Novgorod, 2023. P. 112–132.
3. Gvozdeva T.B. Greek pentathletes: the path to victory // RUDN Journal of World History. 2024. T. 16. № 3. P. 369–383.
4. Gvozdeva T.B. Athletes of Ancient Greece – the taste of victory // Bulletin of the Literary Institute named after A.M. Gorky. M., 2024. № 2–3. P. 36–65.
5. Odes; Fragments / Pindar, Bacchylides; Edited by M. L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1980. 503 p.
6. Starikovskiy G.G. Pindar, the Seventh Nemean Ode: Preface, Translation and Commentary // Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Studies. 2020. T. 5 (3). P. 95–112.
7. Crowther N.B. Sport in Ancient Times. London, 2007.
8. Gardiner E.N. The Method of Deciding the Pentathlon // Journal of Hellenic Studies. 1903. Vol. 23. P. 54–70.
9. Gardiner E.N. Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910.
10. Harris H.A. Sport in Greece and Rome. London and Ithaca, NY, 1972.
11. Kyle D.G. Watching and Winning the Greek Pentathlon // Journal of Sport History. 1990. Vol. 17. P. 291–305.
12. Matthews V. The greek Pentathlon again aus // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Bd. 100. S. 129–138.
13. Merkelbach R. Der Sieg im Pentathlon // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1973. Bd. 11. S. 261–269.
14. Miller S. G. The Pentathlon for Boys at Nemea // California Studies in Classical Antiquity. 1975. V. 8. P. 199–201.
15. Olivova V. Sports and Games in the Ancient World. London, 1984.
16. Sweet W.E. Sport and Recreation in Ancient Greece. A Sourcebook with Translations. Oxford, 1987.
17. Young D.C. A Brief History of the Olympic Games. London, 2004.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_36

УДК 340.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИРОДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ METHODOLOGICAL GROUNDS FOR DETERMINING THE NATURE OF LEGAL REGULATION

БОГАТЫРЕВ Магомед Резванович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Информационное право и юриспруденция»
Института цифровой экономики и технологического предпринимательства
ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова».
пр. Х. Исаева, 100, г. Грозный, Чеченская Республика, 364061, Россия.
E-mail: m.boghatyriov@mail.ru;

BOGHATYRIOV Magomed Rezvanovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Information Law and Jurisprudence,
Institute of Digital Economy and Technological Entrepreneurship, Grozny State Oil Technical University.
100 Isaev Ave., Grozny, Chechen Republic, 364061, Russia.
E-mail: m.boghatyriov@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье обращается внимание на необходимость выстраивания исследования права, правовых явлений и процессов на четких методологических основаниях. Отмечается отсутствие целостной теории правового регулирования, ее единой методологии и концепции, а также актуальность и востребованность в настоящее время под воздействием различных вызовов и угроз национальной безопасности тематики, посвященной пределам правового регулирования, экстраординарных правовых режимов, призванных четко и эффективно реагировать на кризисные общественные явления. Определяются основы системного и уровневое методологических подходов к исследованию правового регулирования, их сходство, взаимодействие и различие, а также ценность последних в установлении природы и существенных качествах упорядочивающего воздействия права на общественные отношения.

Abstract: This article draws attention to the need to build a study of law, legal phenomena and processes on clear methodological grounds. It is noted that there is no holistic theory of legal regulation, its unified methodology and concept, as well as the relevance and relevance at the present time under the influence of various challenges and threats to national security of topics devoted to the limits of legal regulation, extraordinary legal regimes designed to clearly and effectively respond to crisis social phenomena. The foundations of systemic and level-based methodological approaches to the study of legal regulation, their similarities, interactions and differences, as well as the value of the latter in establishing the nature and essential qualities of the regularizing effect of law on public relations, are determined.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, системный подход, уровневый подход, методология юридических исследований.

Keywords: law, legal regulation, system approach, tiered approach, methodology of legal research.

Для цитирования: Богатырев М.Р. Методологические основания определения природы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 36-38. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_36.

For citation: Boghatyriov M.R. Methodological grounds for determining the nature of legal regulation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 36-38. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_36.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Приступая к рассмотрению вопроса, изложенного в заголовке настоящего исследования, поясним, что под природой правового регулирования мы будем понимать основное свойство, сущность данного явления. Небезосновательно в юридической науке отмечается, что проблема понятия и сущности правового регулирования является фундаментальной и одновременно одной из наиболее сложных в правоведении, не имеющей однозначного решения [1, с. 44]. Следует также согласиться, что теория правового регулирования относится к числу ключевых вопросов юриспруденции, включающих действие закона, эффективность правовых норм и методов воздействия на субъектов права [2, с. 133]. От себя добавим про актуальность и востребованность в настоящее время под воздействием различных вызовов и угроз национальной безопасности тематики, посвященной пределам правового регулирования, экстраординарных правовых режимов, призванных четко и эффективно реагировать на кризисные общественные явления.

Однозначно прав и И.П. Кожокар, когда пишет о «нелегкой судьбе» правового регулирования, обусловленной, с одной стороны, частотой использования данного понятия в различных юридических исследованиях и, с другой стороны, отсутствием единой его концепции [3]. Действительно, авторы, в своих научных трудах (их заголовках) использующие конструкцию «правовое регулирование, весьма редко определяют свой подход к данному явлению. Весьма распространены и случаи, когда словосочетание правовое регулирование служит лишь приданию правового «окраса» тому или иному исследованию, что не служит не только обогащению представлений об объекте исследования, но и прояснению его истинной природы, сущности и содержания. Безусловно следует согласиться с мнением современного исследователя В.В. Шаханова о том, что «бессистемное использование понятийного аппарата юриспруденции разрушает ее как целостное, системное явление, ставит под сомнение ее регулятивные способности» [4, с. 142].

Полагаем, что рациональное исследование правового регулирования предполагает выстраивание четких методологических основ, поскольку методология, образными словами Н.А. Власенко, выступает путеводителем (компасом, навигатором), позволяющим не затеряться в «сумерках псевдонаучных представлений и конъюнктурных суждений» [5, с. 5]. Методология также, по справедливому мнению И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина, представляет собой «принципиальную методологическую ориентацию исследователя, точку зрения, с которой рассматривается

объект изучения (способ определения объекта), понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования» [6, с. 74].

В ходе ранее проведенных нами исследований [7] было установлено фактическое господство в советской юридической науке и в большей степени воспринявшей ее традиции современной юриспруденции позитивистского (этикетистского) подхода к определению природы правового регулирования. Не вдаваясь в рамках данной статьи в проблематику востребованности обогащения, «очеловечивания», придания ценностных ориентиров процессу правового регулирования (это представляется бесспорным, но требующим самостоятельного научного исследования), обратим внимание на необходимость вначале ревизии, систематизации и определении сути основных существующих методологических подходов к определению правового регулирования, которыми юридическая наука оперирует в настоящее время. И в рамках настоящего исследования остановимся более подробно на соотношении системного и уровневого подходов к изучению регулятивного потенциала права.

Современный исследователь договорного правового регулирования Л.Т. Бакулина предлагает различать системный и уровневый методологические подходы к исследованию правового регулирования [8]. Со своей стороны полагаем, что соотношение системного и уровневого подходов в исследовании юридических категорий и понятий нуждается в самостоятельном научном исследовании. Вместе с тем, кратко и тезисно постараемся обосновать свою точку зрения на соотношение системного и уровневого подходов в юридической науке.

Системный подход в отраслях гуманитарного знания как общенаучный метод описания исследуемых объектов как целостных систем получил распространение с середины XX века как реакция на кризис редукционизма - «методологического принципа, согласно которому высшие формы материи могут быть полностью объяснены на основе закономерностей, свойственных низшим формам» [9]. Однако говорить о системном подходе как единой теории систем, справедливой для всех отраслей научного знания, преждевременно. Уже в 70-е годы прошлого века ученые пришли к заключению о том, что по мере развития системных изысканий, стало очевидным, что речь идет не о выстраивании единой концепции, а о новом направлении исследовательской деятельности – подходе к объектам исследования, основанном на системных принципах научного мышления.

По мере развития системного подхода множилось и количество дефиниций понятия «системы». Поскольку приводить их в рамках настоящего исследования не представляется целесообразным, обратим внимание на атрибутивные признаки системы, опосредующие природу системного подхода в юриспруденции: «а) множественность элементов (не менее двух); б) связи и отношения между элементами, обуславливающие превращение этих элементов в единое целое; в) целостность, проявляющаяся в наличии у системы интегративных свойств, отсутствующих у образующих ее элементов, и обособленность системы от внешней среды» [10].

Применительно к сфере юридических исследований ученые чаще всего отмечают положительное влияние системного подхода на познание природы права и закономерностей его регулятивного воздействия на общественные отношения. Так, Г. В. Мальцев оценивает системный подход как «крупный прорыв в понимании природы права»: «... в сознании юристов механические закономерности, заметно проявляющие себя в рамках юридико-догматической методологии, были потеснены общими законами организации открытых систем, постоянно обменивающихся информацией со средой» [11, с. 70].

Возвращаясь к общей философии системного подхода, обратим внимание, что ключевыми его категориями выступают: элемент, связь, отношение, структура, организация, системообразующий фактор и т.д. Соответственно, системный подход в правоведении опосредует изучение правовых явлений и процессов с позиции их существования как целостных систем, состоящих из взаимодействующих элементов. В качестве примера здесь можно привести учение о системе права, состоящей из правовых норм, объединенных в правовые отрасли, институты и т.д.

Уровневый подход, безусловно, основанный на системном представлении по праву и правовых явлениях, вышедший из системного, но в настоящее время представляющий из себя самостоятельное методологическое направление, обуславливает восприятие правовых явлений и процессов через призму динамики (изменений) системы по определенной уровневой шкале. Уровневый подход (как, впрочем, и системный), реципированный первоначально из естественно-научных исследований и в настоящее время широко представленный в юриспруденции при определении уровней правосознания, строения права, его функций и т.д., можно проследить как применительно к самому процессу правового регулирования, его механизму, так и в отношении объектов такового.

Сказанное выше свидетельствует о взаимосвязи (взаимодействии, взаимопроникновении) системного и уровневого подходов в юриспруденции и о ценности и перспективности последних применительно к исследованию проблем правового регулирования.

Так, Ю.И. Гревцов в начале 80 гг. прошлого века писал о необходимости новых подходов в исследовании правового регулирования и реализации права, а также заявил о наличии двух уровней правового регулирования и нескольких этапов в рамках каждого из них. На первом уровне, обусловленном действием системы права в целом, ученый выделял два основных (исходных) этапа правового регулирования – «закрепление общих предпосылок юридического взаимодействия и реализация общих юридических норм, закрепляющих всеобщие права и юридические обязанности». На втором уровне, по мнению автора, осуществляется «организация конкретных структур (сообществ – органов, коллективов и т.д.), а также создание условий для реализации определенных прав и обязанностей в правовых отношениях» [12].

Также в 80-е годы XX века Ф. Н. Фаткуллин писал о следующих уровнях правового регулирования применительно к его объектам – базовом, опосредованном исходными общественными отношениями; среднем (развивающем) уровне - общественные отношения, моделируемые в кодифицированном законодательстве, и детализирующем уровне, формализованном в нормативных источниках ведомственного, местного или локального значения [13, с. 91-96].

В рамках инструментального подхода к исследованию правового регулирования С.С. Алексеев выделил: а) «уровень первичных правовых средств» (юридические нормы, права и юридические обязанности); б) «уровень целостных правовых режимов» (определяющих порядок правового регулирования, например, льготный); в) «уровень операционного юридического инструментария» (договоры, иски, штрафы, жалобы и т.д.) [14].

Отголоски данного подхода мы можем найти и в современных исследованиях, в частности, Г.С. Беляевой, которая, распределив правовые средства по «субстанциональным» уровням, в рамках правового режима (режимного правового регулирования – авт.) выделяет три группы (уровня): уровень механизма правового регулирования, уровень правовых средств, отвечающих за «порядок, основанный на установлении преимуществ или ограничений, дозволений и запретов, иных способов правового воздействия и их особом сочетании»; «уровень самостоятельных юридических инструментов, способных обеспечить работу правового режима непосредственно» [15, 16].

Ю.С. Решетов пишет о таких уровнях правового регулирования и реализации права, как: «структурный (на уровне диспозиции и санкции правовой нормы), уровень материально-правовых норм и уровень процессуально-процедурных норм права» [17].

Таким образом, уровни правового регулирования в анализируемых подходах опосредуют динамику данного процесса в упорядочении общественных отношений, при этом измерение интенсивности регулирующего воздействия – т.н. «уровневой шкалы» определяется каждым исследователем самостоятельно. В итоге, базируясь на представлениях о праве и правовом регулировании как о системном явлении, уровневый подход выявляет в рамках иерархической системы определенную ступень, характеризующую динамику (интенсивность, своеобразие, уникальность и т.п.) правового регулирования.

В заключение проведенного исследования обратим внимание на ценность системного и уровневого подходов в исследовании права, правовых явлений и процессов безотносительно того, объединяются ли данные подходы учеными в единое целое или формулируются как самостоятельные методологические концепции.

Список литературы:

- Осипов М.Ю. Основные подходы к понятию и сущности правового регулирования // Современные проблемы права и управления. 4-я Международная научная конференция: сборник докладов / Под ред. И.Б. Богородицкого, Ю.В. Киселевича (отв. ред.). Тула, 2014.
- Денисенко В.В. Новое понимание правового регулирования в условиях юридификации общества // Эффективность правового регулирования: монография / под ред. А.В. Полякова. В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М., 2021.
- Кожокарь И.П. Правовое регулирование: понятие и формы // Государство и право. 2020. № 12. С. 112-127. DOI: 10.31857/S102694520012739-3 EDN: RAUMEU
- Шаханов В. В. Концепция уровневой организации научного познания как инструмент систематизации понятийно-категориального аппарата юриспруденции // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 11. С. 140-153. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.140-153 EDN: JXPFLY
- Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н. А. Власенко; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2010. - 365 с.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973. EDN: RVCMPR
- Богатырев М. Р. Эволюция научных подходов к определению понятия правового регулирования в отечественном правоведении // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49, № 3. С. 487-494. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-487-494 EDN: HDPXBA
- Бакулина Л. Т. Подходы к исследованию правового регулирования // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 8(117). С. 9-20. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.117.8.009-020 EDN: WYMIBR
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Образиев К. В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 1. С. 89-96. EDN: PURTKN
- Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. ISBN: 978-5-468-00138-7 EDN: SDQPEN
- Гревцов Ю. И. К проблеме правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 1. С. 48-54. EDN: UCCRAX
- Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987.
- Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12-19. EDN: RSVOIB
- Беляева Г. С. К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. 2015. № 3(87). С. 306-312. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.3.14347 EDN: TMJABX
- Беляева Г. С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 281-293. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293 EDN: BHEVED
- Решетов Ю. С. Правовое регулирование и реализация права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 3(29). С. 24-29. DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-24-29 EDN: UIJRIR

References:

- Osipov M.Y. Basic approaches to the concept and essence of legal regulation // Modern problems of law and management. 4th International Scientific Conference: collection of reports / Edited by I.B. Bogoroditsky, Yu.V. Kiselevich (editors). Tula, 2014.
- Denisenko V.V. A new understanding of legal regulation in the context of the legitimization of society // Effectiveness of legal regulation: a monograph / edited by A.V. Polyakov. V.V. Denisenko, M.A. Belyaev. M., 2021.
- Kozhokar I.P. Legal regulation: concept and forms // State and law. 2020. No. 12. pp. 112-127. DOI: 10.31857/S102694520012739-3 EDN: RAUMEU
- Shakhanov V. V. The concept of the level organization of scientific knowledge as a tool for systematization of the conceptual and categorical apparatus of jurisprudence // Lex Russica (Russian law). 2023. Vol. 76. No. 11. p. 142. pp. 140-153. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.204.11.140-153 EDN: JXPFLY
- Doctrinal foundations of legal technology / ed. by N. A. Vlasenko; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Jurisprudence, 2010. 365 p.
- Blauberg I. V., Yudin E. G. Formation and essence of the system approach. Moscow, 1973. EDN: RVCMPR
- Bogatyrev M. R. The evolution of scientific approaches to the definition of the concept of legal regulation in Russian law // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2024. Vol. 49, No. 3. pp. 487-494. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-487-494 EDN: HDPXBA
- Bakulina L. T. Approaches to the study of legal regulation // Lex Russica (Russian law). 2016. No. 8(117). pp. 9-20. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.117.8.009-020 EDN: WYMIBR
- Philosophical Encyclopedic dictionary. Moscow, 1983.
- Obrazhiev K. V. System approach in jurisprudence: theoretical and methodological foundations // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2012. Vol. 2, No. 1. pp. 89-96. EDN: PURTKN
- Maltsev G.V. Social foundations of law. Moscow, 2007. ISBN: 978-5-468-00138-7 EDN: SDQPEN
- Grevtsov Yu. I. On the problem of legal regulation // News of higher educational institutions. Law studies. 1981. No. 1. pp. 48-54. EDN: UCCRAX
- Fatkullin F. N. Problems of the theory of the state and law. Kazan, 1987.
- Alekseev S.S. Legal means: problem statement, concept, classification // The Soviet State and law. 1987. No. 6. pp. 12-19. EDN: RSVOIB
- Belyaeva G. S. On the issue of the essence and system of legal means // Administrative and municipal law. 2015. No. 3(87). pp. 306-312. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.3.14347 EDN: TMJABX
- Belyaeva G. S. Legal regime: concept and signs // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2021. Vol. 25, No. 1. pp. 281-293. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293 EDN: BHEVED
- Reshetov Yu.S. Legal regulation and implementation of law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. No. 3(29). pp. 24-29. DOI: 10.17072/1995-4190-2015-3-24-29 EDN: UIJRIR

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ON THE ISSUE OF INTERACTION BETWEEN DOMESTIC AND INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

БОКОВА Алёна Олеговна,

студентка юридического факультета Центрального филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: a.o.bokova@gmail.com;

КАНИЩЕВ Валерий Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: kanishhev1953@mail.ru;

ПАЛЕХА Роман Робертович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства
Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: paleharr@mail.ru;

ВOKOVA Alena Olegovna,

full-time student at the Law Faculty of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution
of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: a.o.bokova@gmail.com;

KANISHCHEV Valery Petrovich,

candidate of Law, associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State
of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: kanishhev1953@mail.ru;

PALEKHA Roman Robertovich,

candidate of Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State
of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh).
95 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia.
E-mail: paleharr@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты взаимодействия международного и внутригосударственного права в условиях глобализации. Анализируются основные модели их соотношения, исследуются механизмы имплементации международных норм в национальные правовые системы. Особое внимание уделяется влиянию глобализационных процессов на трансформацию национального правового порядка. Выявляются ключевые проблемы, возникающие при взаимодействии международного и национального права, предлагаются возможные пути совершенствования механизмов взаимодействия международного и национального права.

Abstract: The article examines the theoretical and practical aspects of the interaction of international and domestic law in the context of globalization. The main models of their correlation are analyzed, the mechanisms of implementation of international norms in national legal systems are investigated. Special attention is paid to the impact of globalization processes on the transformation of the national legal order. The key problems arising in the interaction of international and national law are identified, and possible ways to improve the mechanisms of interaction between international and national law are proposed.

Ключевые слова: глобализация, международное право, национальное право, имплементация, государственный суверенитет, правовые коллизии, монизм, дуализм, ЕАЭС, Европейский Союз, унификация законодательства.

Keywords: globalization, international law, national law, implementation, state sovereignty, legal conflicts, monism, dualism, EAEU, European Union, unification of legislation.

Для цитирования: Бокова А.О., Канищев В.П., Палеха Р.Р. К вопросу взаимодействия внутригосударственного и международного права в условиях глобализации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 39-43. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_39.

For citation: Bokova A.O., Kanishchev V.P., Palekha R.R. On the issue of interaction between domestic and international law in the context of globalization // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 39-43. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_39.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В реалиях современной действительности представляется возможным утверждать, что глобализация оказывает колоссальное влияние на систему как международного, так и внутригосударственного права, поскольку современный мир характеризуется стремительной интеграцией государств в экономической, политической и правовой сферах, что приводит к неизбежному взаимодействию национальной и международной правовых систем.

Опираясь на события, происходящие в мире, можно отметить, что рассматриваемый процесс сопровождается как позитивными изменениями, так и рядом серьезных вызовов, вследствие чего полагаем, что актуальность исследования не вызывает сомнения, и обусловлена не только ростом значимости международного сотрудничества, но и изменением роли государства в данном процессе в условиях глобализации. Как

отмечает А.М. Осавелюк: «Процесс глобализации, каким он складывается последнее время, создает, например, проблему национальной безопасности. Сохранение национальной государственности и государственного суверенитета, верховенства Конституции приобретает в этих условиях особую остроту и актуальность» [3, с. 58], ввиду чего, на наш взгляд, тема исследования требует комплексного научного осмысления.

Целью данной статьи является проведение исследования механизмов взаимодействия международного и внутригосударственного права в условиях глобализации, выявление основных проблем, связанных с их соотношением, и анализ перспектив дальнейшего развития вышеупомянутых правовых систем в данном контексте.

Для успешной реализации поставленной цели в работе необходимо решить следующие задачи: определить понятие глобализации; охарактеризовать основные теоретические концепции соотношения международного и внутригосударственного права; исследовать механизмы имплементации норм международного права в национальные правовые системы; определить основные проблемы, возникающие при взаимодействии международного и национального права, предложить возможные способы их решения; рассмотреть перспективы дальнейшего развития взаимодействия международного и национального права в условиях глобализации.

Говоря о понятии глобализации, представляется возможным отметить, что в современной правовой науке данный вопрос является дискуссионным, и единого определения исследуемого понятия не выработано.

Так, О.Г. Леонова пишет: «... мы полагаем, что глобализация представляет собой усиление сопряженности и взаимозависимости между странами глобального мира, в которых доминирует экономическая составляющая» [5, с. 17]. А.В. Золин со ссылкой на труды Л.М. Карапетяна, замечает: «Наиболее близко к «естественному» пониманию и определению глобализации, на наш взгляд, подошел отечественный философ Л.М. Карапетян: «Глобализация – это объективный процесс установления экономических, научно-технических, социально-политических, культурных и иных отношений между странами и практическая деятельность государств, их лидеров и других субъектов по организации взаимосвязанного и взаимозависимого функционирования регионов и континентов стран мирового сообщества». Для нашего исследования важными в этом определении являются следующие аспекты: глобализация есть процесс объективный; процесс взаимопроникновения и сближения в различных сферах между странами; деятельностный аспект субъектов в организации взаимосвязанного и взаимозависимого функционирования регионов и стран» [2, с. 56]. Т.А. Кулизаде, исследуя понятие конкретно правовой глобализации, отмечает: «правовая глобализация является интеграционным процессом, отражающимся во всех отраслях системы права, сущностью которого является установление единых правовых норм и стандартов правоприменения, а также создание наднациональных правоохранительных структур экстерриториальной юрисдикции» [4, с. 160].

На наш взгляд, глобализация представляет собой объективный процесс углубления взаимосвязанности и взаимозависимости государств, международных организаций и иных субъектов мирового сообщества, охватывающий экономическую, политико-правовую, социальную, культурную и технологическую сферы. Правовую же глобализацию можно определить как процесс трансформации национальных правовых систем, происходящий под непосредственным влиянием международных норм и влекущий за собой унификацию правоприменительной практики в соответствии с принятыми на международном уровне стандартами регулирования тех или иных правоотношений.

В данной связи одним из самых главных признаков глобализации неизменно выступает тесное взаимодействие систем национального и международного права, проявляющееся в усилении процессов имплементации международных норм в систему права конкретного государства. Данный процесс порождает ряд сложных теоретических и практических вопросов, связанных не только с определением степени соотношения международного и внутригосударственного права, но также и с поиском оптимальных моделей их взаимодействия, обеспечивающих баланс между соблюдением международных обязательств и защитой суверенитета государства.

На сегодняшний день в теоретико-правовой мысли сформировались две базовые концепции, объясняющие природу взаимодействия правовых систем международного и внутригосударственного права: монистическая и дуалистическая теории. Данные концепции определяют, каким образом нормы международного права входят в национальную правовую систему, какой правовой порядок является доминирующим и каким образом происходит разрешение возможных правовых коллизий между ними.

Так, монистическая теория предполагает единство правовой системы, где международное и внутригосударственное право рассматриваются как части единого нормативного правового порядка. В рамках исследования считаем целесообразным отметить, что в данной концепции существует два варианта взаимодействия вышеозначенных правовых систем. Согласно первому из них, международные нормы обладают высшей юридической силой по отношению к национальному законодательству, в то время как государство, являясь субъектом международного права, обязано неукоснительно следовать его нормам, даже если они противоречат внутреннему законодательству. Согласно же второму подходу, международные нормы подчиняются национальному правовому порядку и могут применяться в реалиях конкретного государства только после имплементации в национальное законодательство.

Монистическая теория в пользу международного права получила распространение в государствах, участвующих во взаимных процессах интеграции в единое наднациональное объединение, таких как страны Европейского союза, в котором нормы международного права обладают верховенством относительно национальных законов.

Однако в большинстве государств мира монистическая концепция реализуется с учетом верховенства национальных конституционных норм. Как правило, такой принцип касается различных решений международных органов, и так далее. Так, например, в статье 79 Конституции Российской Федерации закреплено: «Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [3].

Сущность же дуалистической теории заключается в том, что международное и национальное право представляют собой две независимые системы, каждая из которых действует в своей сфере. Согласно данной концепции, нормы международного права не применяются автоматически во внутригосударственной системе, а требуют специальной имплементации – принятия соответствующих законов или ратификации международных договоров парламентом государства. Как замечают Ю.В. Мишальченко, Н.В. Бугель, Е.Л. Леонова: «Согласно дуалистической теории, международное право представляет собой независимую от национального права правовую систему. Содержание ключевого положения этой теории сводится к признанию международного и национального права как не подчиненных друг другу правовых систем. В качестве причинно-следственной связи такого соотношения выступает принятие отдельного внутригосударственного правового акта при каждом случае необходимости применения норм международного права. В рамках указанной теории существенное значение имеет подход, который определяет отсылку в национальном праве к нормам международного как способ непосредственного применения положений последнего на внутригосударственном уровне» [6, с. 67].

В целом, можно отметить, что в настоящее время наблюдается компромисс между дуалистической и монистической концепциями. Так, в странах с писанными конституциями, таких как Россия, Германия, США, сохраняется принцип верховенства фундаментального правового акта над различными нормами международного права, но при этом данные нормы активно внедряются в национальное законодательство.

Таким образом, как видно из приведенного анализа, ключевую роль в применении норм международного права на территории отдельного государства играет имплементация – процесс внедрения международных правовых норм в систему правопорядка отдельно взятой страны, обеспечивающий их юридическую силу и возможность правоприменения на внутригосударственном уровне. В теории выделяются три основных механизма имплементации: инкорпорация, трансформация и отсылка.

Инкorporация представляет собой механизм, при котором нормы международного права становятся частью национальной правовой системы автоматически, без необходимости принятия дополнительных законодательных актов. В государствах, придерживающихся монистической концепции, нормы международного права действуют непосредственно после их принятия на международном уровне, если они соответствуют конституционным положениям государства.

Примером инкорпорации является практика европейских стран, в частности Германии и Нидерландов, в которых международные договоры, ратифицированные государством, обладают приоритетом над национальными законами.

В Российской Федерации также действует механизм инкорпорации в отношении общепризнанных принципов и норм международного права, которые в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью правовой системы страны и подлежат непосредственному применению [3].

Однако инкорпорация не является универсальным механизмом. В современной действительности зачастую требуется дополнительная адаптация международных норм, поскольку они могут не соответствовать существующим национальным правовым институтам. Это особенно актуально в странах с писанными конституциями, таких как Франция и США, где международные договоры должны соответствовать внутреннему законодательству и конституции. В данном случае государством, как правило, применяется такой метод имплементации международных правовых актов, как трансформация, которая представляет собой процесс, при котором нормы международного права включаются в национальное законодательство путем их адаптации и закрепления в виде внутренних нормативных актов.

Одним из наиболее ярких примеров трансформации является Великобритания, где международные договоры не обладают юридической силой до тех пор, пока парламент не примет соответствующий закон. Так, Европейская конвенция о защите прав человека (1950) была внедрена в британскую правовую систему только после принятия Закона о правах человека (1998), что позволило судам непосредственно применять её нормы.

Аналогичный механизм действует в США, где международные договоры могут быть самоприменимыми (self-executing) или требующими имплементации (non-self-executing). В последнем случае Конгресс должен принять соответствующий закон, чтобы нормы международного права получили юридическую силу на территории страны.

В России трансформация международного права осуществляется через ратификацию международных договоров в форме федеральных законов. Например, Конвенция ООН против коррупции (2003) была ратифицирована Федеральным законом № 40-ФЗ от 2006 года [9], что позволило её нормам стать частью национального законодательства.

Кроме того, в ряде случаев государством также может применяться такой механизм имплементации международных правовых норм, как отсылка, которая представляет собой такой способ внедрения международных правовых норм, при котором национальное законодательство содержит прямые указания на конкретные международные нормы. Данный способ чаще всего используется в отношении специализированных международных норм, таких как правила Всемирной торговой организации (ВТО) или нормы Международной организации труда (МОТ).

Наиболее же ярким примером отсылки может служить в российском законодательстве может служить Федеральный закон №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», который прямо указывает, что международные договоры имеют приоритет перед национальными законами в случае коллизии норм права [8].

Таким образом, имплементация международного права в национальные системы осуществляется различными способами в зависимости от правовых традиций и конституционного устройства государства. Она обеспечивает качественное применение норм международного права в реалиях отдельно взятого государства, создавая условия для их адаптации к национальной правовой системе и обеспечивая относительное единство правоприменительной практики. Однако, несмотря на существование различных механизмов включения международных норм в нацио-

нальное законодательство, в настоящее время взаимодействие международного и национального права сопровождается несколькими ключевыми проблемами, проявляющимися в условиях глобализации наиболее ярко. В рамках исследования считаем целесообразным рассмотреть данные проблемы более подробно.

Так, первой из проблем в данной связи, по нашему мнению, является проявляющийся в современное время со все большей отчетливостью кризис глобализации, связанный, в первую очередь, с конфликтом международно-правовых норм и принципов государственного суверенитета. В условиях активного развития процессов интеграции в единую систему и создания наднациональных правовых механизмов, направленных на унификацию правовых норм, государства все чаще сталкиваются с необходимостью выбора между выполнением международных обязательств и защитой своих национальных интересов. Данный конфликт особенно отчетливо проявляется в вопросах верховенства международных договоров над национальным законодательством, соблюдения правовых позиций международных судов и взаимодействия правовых систем различных государств.

Как справедливо замечают М.А. Бучакова и Т.Е. Грязнова: «Достаточно вспомнить начало XXI в., характеризующегося грандиозным проектом создания единой Европы, единой конституции и органов власти. Практический опыт показал несостоятельность данного проекта, население государств высказывается за национальную идентификацию и свой путь государственного развития. Что касается установления единого международного правопорядка, то ученые сходятся во мнении, что он возможен только после разрешения серьезных противоречий, существующих в современном мире. Главное в его установлении – это соблюдение принципа суверенного равенства государств и их мирного сосуществования» [1, с. 171].

Кроме того, нельзя не отметить, что современное международное право также сталкивается с вызовом правового плюрализма, когда нормы одной правовой системы противоречат нормам другой. Примером данной ситуации также может служить конфликт между нормами права ЕС и национальным законодательством государств-членов, а также споры по поводу исполнения решений международных судов.

Оптимальным решением данной проблемы, по нашему мнению, способно стать создание определенных международных механизмов контроля за имплементацией международных норм. В настоящее время существует Комитет ООН по правам человека, который контролирует соблюдение Международного пакта о гражданских и политических правах. Однако решения данного органа носят преимущественно рекомендательный характер и не обладают юридически обязательной силой, что ограничивает их влияние на национальные правовые системы и фактически затрудняет достижение единообразного правоприменения на международном уровне.

В данной связи перспективным представляется создание специализированного международного органа в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который осуществлял бы мониторинг и контроль за процессом имплементации норм, принимаемых в рамках Союза, в национальные законодательства государств-членов. Наличие такого органа позволило бы не только повысить уровень исполнения международных обязательств, но и обеспечить их согласованность с внутренним законодательством каждого государства-члена ЕАЭС, минимизируя возникающие коллизии и укрепляя тем самым интеграционные процессы в рамках ЕАЭС.

Таким образом, совершенствование механизмов имплементации международного права требует комплексного подхода, включающего законодательные реформы, усиление международного контроля и активное участие национальных судебных органов в применении международных норм.

Подводя итоги проведенного исследования, представляется возможным сделать ряд принципиальных выводов.

Современная международно-правовая система переживает сложный процесс трансформации, обусловленный усилением глобальных взаимосвязей, развитием цифровых технологий и нарастающей необходимостью унификации правового регулирования на международном уровне.

Одним из центральных аспектов взаимодействия международного и национального права остается вопрос их соотношения, который традиционно рассматривается через призму двух теоретических концепций – монистической и дуалистической. Несмотря на теоретические различия этих подходов, практика большинства государств демонстрирует стремление к компромиссным моделям, предполагающим признание приоритета международного права, но при этом сохранение механизма защиты национальных конституционных принципов.

В настоящее время применяются три основных способа имплементации – инкорпорация, трансформация и отсылка, однако они не всегда обеспечивают баланс между выполнением международных обязательств государства и защитой его суверенитета.

Новые тенденции в современном международном праве, связанные с отчетливо проявившимся кризисом глобализации, также оказывают влияние на взаимодействие норм международного и внутригосударственного права. В свете данных обстоятельств, перспективным направлением представляется создание специального органа по контролю за имплементацией международно-правовых норм в рамках международного объединения, решения которого носили бы обязательный характер для стран – участников конкретного объединения.

В конечном итоге, взаимодействие международного и национального права остается динамично развивающимся процессом, требующим постоянного совершенствования правовых механизмов для достижения баланса между международными обязательствами и защитой национальных интересов. В условиях глобализации государства неизменно сталкиваются с необходимостью адаптации своих правовых систем к нормам международного права, однако при этом, по нашему мнению, важно сохранять суверенные основы национального правопорядка, обеспечивая стабильность и эффективность его функционирования.

Список литературы:

1. Бучакова М.А. Соотношение государственного и международного права: историко-правовой и конституционно-правовой аспекты / М.А. Бучакова, Т.Е. Грязнова // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30. № 2(93). С. 169-173. DOI: 10.24412/1999-625X-2024-293-169-173 EDN: PMLNRC
2. Золин А.В. Понятие глобализации / А.В. Золин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2007. № 6 (6). С. 55-57. EDN: KEZLJP
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 11.02.2025).
4. Кулизаде Т.А. Правовая глобализация: понятие и содержание /Т.А. Кулизаде // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1-2(67). С. 158-160. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.149 EDN: YOBZYS
5. Леонова О.Г. Концептуализация понятия "глобализация" в современной науке /О.Г. Леонова // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 15-23. DOI: 10.30884/vglob/2018.01.02 EDN: YRYXIG
6. Мишальченко Ю.В. О реализации норм международного права в конституционно-правовой системе России: теория и практика /Ю.В. Мишальченко, Н.В. Бугель, Е.Л. Егорова // Социология и право. 2021. № 2 (52). С. 66-71. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-2-66-71 EDN: WNKT TZ
7. Осавелюк А.М. Конституция России в условиях глобализации /А.М. Осавелюк // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 12 (145). С. 57-66. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.057-066 EDN: YRVHQL
8. Федеральный закон "О международных договорах Российской Федерации" от 15.07.1995 № 101-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (дата обращения 11.02.2025).
9. Федеральный закон "О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции" от 08.03.2006 №40-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59047/ (дата обращения 01.02.2025).

References:

1. Buchakova M.A. Correlation of state and international law: historical, legal and constitutional aspects / M.A. Buchakova, T.E. Gryaznova // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 30. No. 2(93). pp. 169-173. DOI: 10.24412/1999-625X-2024-293-169-173 EDN: PMLNRC
2. Zolin A.V. The concept of globalization / A.V. Zolin // Bulletin of the Volgograd State University. Episode 7: Philosophy. Sociology and social technologies. 2007. No. 6 (6). pp. 55-57. EDN: KEZLJP
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 02/11/2025).
4. Kulizade T.A. Legal globalization: concept and content /T.A. Kulizade // International Scientific Research Journal. 2018. No. 1-2(67). pp. 158-160. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.149 EDN: YOBZYS
5. Leonova O.G. Conceptualization of the concept of "globalization" in modern science /O.G. Leonova // The age of globalization. 2018. No. 1(25). pp. 15-23. DOI: 10.30884/vglob/2018.01.02 EDN: YRYXIG
6. Mishalchenko Yu.V. On the implementation of the norms of international law in the constitutional and legal system of Russia: theory and practice /Yu.V. Mishalchenko, N.V. Bugel, E.L. Egorova // Sociology and Law. 2021. No. 2 (52). pp. 66-71. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-2-66-71 EDN: WNKT TZ
7. Osavelyuk A.M. The Constitution of Russia in the context of globalization /A.M. Osavelyuk // Lex Russica (Russian law). 2018. No. 12 (145). pp. 57-66. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.145.12.057-066 EDN: YRVHQL
8. Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation" dated 07/15/1995 No. 101-FZ (latest edition) [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ (accessed 02/11/2025).
9. Federal Law "On Ratification of the United Nations Convention against Corruption" dated 08.03.2006 No. 40-FZ (latest edition) [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59047/ (accessed 02/01/2025).

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

NORMATIVE LEGAL CONSOLIDATION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES IN THE MODERN RUSSIAN STATE

СИМ Анна Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории права, государства и судебной власти

ПФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» имени В.М. Лебедева.

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17 а.

E-mail: annasim@yandex.ru;

SIM Anna Vyacheslavovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law, State and Judicial Power.

Volga Branch of the Lebedev Russian State University of Justice.

603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: annasim@yandex.ru

Краткая аннотация. С развитием общественных отношений в области правового регулирования возникает необходимость в закреплении тех или иных ценностей, принципов права. В современном мире все чаще начинают вспоминать о традиционных духовно-нравственных ценностях в общественном регулировании и в первую очередь, речь идет о семейных ценностях, т.к. семья для многих является основой их существования. Данные факты определяют актуальность и проблематику данной статьи. В статье анализируется нормативное правовое закрепление традиционных семейных ценностей в современной России на примере Конституции РФ, Семейного кодекса РФ, Указов Президента РФ, программных актов, а также правовых позиций Конституционного Суда РФ. Делается вывод о недостаточной регламентации в нормативных правовых актах понятия «семья», «традиционные семейные ценности», их характеристики и четкого перечня. Что говорит о необходимости внесения конкретизирующих норм в основные нормативно правовые акты РФ.

Abstract. With the development of public relations in the field of legal regulation, there is a need to consolidate certain values and principles of law. In the modern world, traditional spiritual and moral values are increasingly being recalled in social regulation, and first of all, we are talking about family values, since family is the basis of their existence for many. These facts determine the relevance and issues of this article. The article analyzes the normative legal consolidation of traditional family values in modern Russia on the example of the Constitution of the Russian Federation, the Family Code of the Russian Federation, Decrees of the President of the Russian Federation, program acts, as well as the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is concluded that the concepts of "family" and "traditional family values", their characteristics and a clear list are insufficiently regulated in regulatory legal acts. This indicates the need to introduce specifying norms into the main regulatory legal acts of the Russian Federation.

Ключевые слова: традиционные семейные ценности, семья, брак, Конституция РФ, государственная политика.

Key words: traditional family values, family, marriage, the Constitution of the Russian Federation, state policy.

Для цитирования: Сим А.В. Нормативное правовое закрепление традиционных семейных ценностей в современном Российском государстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 44-45. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_44.

For citation: Sim A.V. Normative legal consolidation of traditional family values in the modern Russian state // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 44-45. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_44.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Формирование и закрепление основ государственного и общественного устройства, ценностей и приоритетов развития является важной частью политической и идеологической функций современного Российского государства. Одной из таких основ являются традиционные семейные ценности, роль и значение которых все больше возрастает. Так, в рамках национального проекта «Демография» 22.11.23г. Президент издал Указ № 875, которым объявил 2024 год Годом семьи. В течение года проводились различные мероприятия в целях развития политики государства в сфере семьи и традиционных семейных ценностей [11]. В Ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ 29.02.24г. Президент РФ подчеркнул, что некоторые страны осознанно продолжают разрушать нормы морали, ценности семьи, но для России основой остаются традиционные ценности, на которых строится человеческая цивилизация [7].

Для единообразного понимания обществом и государственными структурами данных традиционных семейных ценностей необходимо их четкое нормативное закрепление на разных уровнях. Приоритетным является нормативно-правовое закрепление основных понятий, характеристик рассматриваемых категорий, их четкий перечень, устранение неопределенности и оценочного толкования, а также наличие правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Так в Конституции РФ, в ходе поправок 2020 года, появилась новая ст. 67.1, в п.4 которой закреплено, что дети – это важнейший приоритет в политике России, государство гарантирует создание условий для всестороннего развития и приоритета семейного воспитания ребенка. Ч.1 ст. 72 была дополнена п. «ж 1», т.е. новым направлением деятельности России и субъектов РФ закреплена защита семьи, материнства, отцовства, института брака как союза мужчины и женщины, а также создание условий для воспитания детей и заботы о родителях. Аналогично ст. 7 и ст. 38 Конституции РФ регламентируют государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства; заботу о детях и нетрудоспособных родителях. В п. «в» ч.1 ст. 114 о деятельности Правительства РФ говорится о политике в сфере семьи и традиционных семейных ценностей [3]. Однако, в тексте Основного закона так и не встречается четкого понятия и характеристики данных категорий, а также не приводится их перечень.

В ст.1 Семейного кодекса РФ в основе семейного законодательства закрепляется защита семьи, материнства, отцовства и детства. Так же отмечается необходимость оказания помощи семьям, в основе которых должна быть взаимная любовь, уважение, поддержка, ответственность и т.д. В ст.2 уточняется, что браком признается только брак, заключенный в органах ЗАГСа. В ст. 3 перечисляются основные принципы семейного права, такие как добровольность, равенство, взаимное согласие, забота и т.д. [10] Но опять в тексте закона не встречается четкого

определения «семьи», «семейных ценностей». Если считать основные начала и принципы семейного права традиционными семейными ценностями, то в тексте не дается их развернутая характеристика.

«Концепция государственной семейной политики в РФ» в соответствии с Семейным кодексом РФ также выделяет семью, брак, рождение и воспитание детей в качестве традиционных семейных ценностей. Основой брака и семьи должна быть забота, уважение, добровольность, устойчивость, совместный быт, что также согласуется с текстом Семейного кодекса РФ [4]. Таким образом, в данной Концепции также отсутствует понятие «традиционных семейных ценностей», т.к. они раскрываются через ценности брака и понятие брака.

«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» перечисляет базовые направления политики Российской Федерации в сфере охраны российских традиционных духовно-нравственных ценностей. В Стратегии есть перечень духовно-нравственных ценностей, однако нет конкретного перечня и определения традиционных семейных ценностей [12].

Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022 раскрывает понятие «традиционные ценности». Под ними подразумеваются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны и т.д. В тексте Указа также встречается упоминание таких качеств, как милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, а так же крепкая семья, брак и забота о достойной жизни старшего поколения [13]. То есть, в данном Указе есть перечень традиционных семейных ценностей, но также отсутствуют их определения и характеристика, за исключением института брака.

В текстах многих Постановлений Конституционного Суда РФ (КС РФ), говорится о том, что «Семья, материнство, отцовство и детство, в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые гарантируют непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа России» [8]. Так же КС РФ подчеркивает традиционное понимание института семьи именно как союза мужчины и женщины, что исключает толкование определения брака как возможного союза между однополыми субъектами. Данное мнение КС РФ было высказано еще в 2014 году, что повлияло на внесение поправок в текст ст. 72 Конституции РФ. Тем самым можно отметить, что орган конституционного контроля также может влиять на изменение законодательства. Однако, трактовки других семейных ценностей и их перечня в Постановлениях КС РФ так же отсутствуют.

Таким образом, подводя итог, стоит подчеркнуть, что вопросы нормативного закрепления традиционных семейных ценностей на законодательном уровне, определения их четкого перечня и характеристики по-прежнему остаются актуальными и требуют дальнейшего решения. При этом в юридической, философской, социологической доктрине данный вопрос достаточно широко освещается на протяжении последнего десятилетия [1, 2, 5, 6, 9]. Традиционные семейные ценности часто касаются морально-нравственных вопросов семьи, граничат с основами и принципами права, поэтому не всегда имеют четкое и однозначное определение.

Список литературы:

1. Дорская А.А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на со-временном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 27- 41. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-27-41 EDN: J1TRPY
2. Епремян Т.В., Абрамова М.Э. Семья как социальный институт: понятие и ценностный ориентир // Экономика. Социология. Право. 2022. № 4 (28). С. 64-69. DOI: 10.22281/2542-1697-2022-01-04-64-69 EDN: AQGTFW
3. Конституция РФ от 12.12.1993г. (в ред. от 01.07.2020г.) // Российская газета. 1993. № 237.
4. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014г.).
5. Масленникова С.В., Матвеева М.В. Традиционные семейные ценности: конституционно-правовая интерпретация // Конституционное и муниципальное право. 2020. №12. С. 23-29. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-12-23-29 EDN: SSDDGL
6. Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. №5 (78). С. 21-30. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.021-030 EDN: YSR1JX
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 29.02.24г. //Российская газета. 2024. № 46.
8. Постановление КС РФ от 29.06.21. № 30-П, Постановление КС РФ от 20.06.18. № 25-П, Постановление КС РФ от 16.06.15. № 15-П, Постановление КС РФ от 23.09.14. № 24-П, Постановление КС РФ от 31.01.14. № 1-П.
9. Селезнева Е.А. Анализ понятия семья и семейные ценности // Проблемы современного образования. 2022. № 5. С. 270-280. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-270-280 EDN: FWIXNR
10. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995г. (в ред. от 31.07.2023г.) // Российская газета. 1996. № 17.
11. Указ Президента РФ "О проведении в Российской Федерации Года семьи" № 875 от 22.11.23г. // Собрание законодательства РФ. - 2023. - № 48. - Ст.8560.
12. Указ Президента РФ от 02.07.2021 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 27. - Ст. 5351.
13. Указ Президента РФ от 09.11.2022 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.

References:

1. Dorskaya A.A. Family values as a subject of scientific discussion: the main directions of studying family law in Russia at the modern stage // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2019. No. 3. PP. 27- 41. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-27-41 EDN: J1TRPY
2. Yepremyan T.V., Abramova M.E. Family as a social institution: concept and value guideline // Economy. Sociology. Right. 2022. No. 4 (28). pp. 64-69. DOI: 10.22281/2542-1697-2022-01-04-64-69 EDN: AQGTFW
3. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended dated 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. No. 237.
4. Concepts of state family policy in the Russian Federation (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated 25.08.2014).
5. Maslennikova S.V., Matveeva M.V. Traditional family values: constitutional and legal interpretation // Constitutional and Municipal Law. 2020. №12. pp. 23-29. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-12-23-29 EDN: SSDDGL
6. Narutto S.V. Family as a constitutional value // Actual problems of Russian law. 2017. No. 5 (78). pp. 21-30. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.021-030 EDN: YSR1JX
7. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on 29.02.24 // Rossiyskaya Gazeta. 2024. No. 46.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/29/21. No. 30-P, Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/20/18. No. 25-P, Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/16/15. No. 15-P, Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/23/14. No. 24-P, Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 01/31/14. No. 1-P.
9. Selezneva E.A. Analysis of the concept of family and family values // Problems of modern education. 2022. No. 5. pp. 270-280.
10. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 (ed. dated 07/31/2023) // Rossiyskaya Gazeta. 1996. No. 17.
11. Decree of the President of the Russian Federation "On holding the Year of the Family in the Russian Federation" No. 875 dated 22.11.23 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2023. - No. 48. - Art.8560.
12. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2021.- No.27. - Art. 5351.
13. Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 "On approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and Moral values" // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ДОНОРСТВА И ЕГО НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF DONATION AND ITS NORMATIVE AND LEGAL REGULATION IN RUSSIA AND ABROAD

РЫБИНСКАЯ Елена Тимофеевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

ул. Ленина, д. 11, корп. 3, г. Иркутск, Иркутская обл., 664003, Россия.

E-mail: 7ret7@mail.ru;

RYBINSKAYA Elena Timofeevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Baikal State University.

Lenin St., 11, building 3, Irkutsk, Irkutsk region, 664003, Russia.

E-mail: 7ret7@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы возникновения и развития института донорства в России и за рубежом с использованием исторического метода исследования. Анализируется эволюция возникновения и изменения как самого института донорства, так и его нормативного правового регулирования, акцентируется внимание на нормативных актах как утративших юридическую силу, так и действующих в настоящее время, а также на изменениях в законодательстве, регулирующем рассматриваемые отношения. Отражается субъективная авторская позиция на предмет значения данного института, так и его правового регулирования с выявлением существующих проблем реализации действующих правовых норм.

Abstract. The article examines the issues of the emergence and development of the institution of donation in Russia and abroad using the historical method of research. The evolution of the emergence and change of both the institution of donation itself and its legal regulation is reflected, identifying existing problems in the implementation of current legal norms. The article focuses on regulatory acts that have lost legal force and are currently in force, as well as on changes in the legislation regulating the relations under consideration. The subjective author's position on the significance of this institution and its legal regulation is reflected, identifying existing problems in the implementation of current legal norms.

Ключевые слова: донорство, трансплантология, медицина, право, здоровье, здравоохранение, государство, история, периоды.

Keywords: donation, transplantology, medicine, law, health, healthcare, state, history, periods.

Для цитирования: Рыбинская Е.Т. Возникновение и развитие института донорства и его нормативно-правового регулирования в России и за рубежом // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 46-48. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_46.

For citation: Rybinskaya E.T. The emergence and development of the institute of donation and its normative and legal regulation in Russia and abroad // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 46-48. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_46.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В современных реалиях вопросы донорства приобретают все большую актуальность и популярность. Попытаемся в указанной статье провести исследование возникновения и эволюции данного института и его правового регулирования с использованием исторического метода исследования, используемого с давних времен и не утратившего свою значимость по настоящее время [1, с. 53].

Человечество всегда стремилось узнать неизведанное, особенно когда это касалось жизни и здоровья людей. Врачи и ученые искали вакцины от различных заболеваний, захлестывающих страны, а порой и целый мир в эпидемиях, искали способы альтернативных методов лечения, когда уже известные переставали приносить пользу, изобретали новые, доколе неизвестные методы спасения жизней и борьбы с болезнями.

Развитие донорства тоже не стояло на месте. Проводя различные опыты и эксперименты, ученые пытались найти, что поможет спасти людей от, казалось бы, на тот момент, не минуемой гибели. Донорство крови сейчас, можно сказать, уже не является чем-то новым как для научных кругов, так и для обывателя. В настоящее время переливание крови и трансплантация имеют широкую клиническую практику и обширную нормативно-правовую базу. «Ежегодно в мире делается около 100.000 операций по трансплантации органов, в мире делается около 100.000 операций по трансплантации органов...» [2, с. 699]. Однако, так было не всегда.

Как отмечает Л.Е. Горелова «в 1498 году было произведено «переливание» крови дряхлому и больному папе Иннокентию. «Врач взял кровь трех десятилетних мальчиков, которые вскоре после этого умерли, приготовил из этой крови химическим способом лекарство и дал пить на здоровье понтифику». Лечение папы кончилось полной неудачей. Папа умер несмотря на то, что ему в жертву принесли трех детей. Врач спасся бегством» [3].

В 1667 году человечество, пытаясь идти на несколько шагов вперед от времени, решили провести эксперимент по переливанию крови от ягненка к человеку. К сожалению, эксперимент закончился печально. В связи с трагическими событиями был введен полный запрет на проведение любых манипуляций с переливанием крови, который продлился практически столетие.

В нашей стране история донорства берет свое начало с апреля 1832 года в г. Санкт-Петербург, когда акушер с целью спасения жизни роженицы, потерявшей во время родов много крови, произвел переливание крови ее мужа. Данная манипуляция позволила спасти жизнь женщины.

Ю.Л. Шевченко, О.Э. Карпов, Е.Б. Жибурт отмечают, что «Первая в России монография, посвященная переливанию крови, – «Трактат о переливании крови (как единственном средстве во многих случаях спасти угасавшую жизнь), составленный в историческом, физиологическом и

хирургическом отношении» была подготовлена А. М. Филомафитским – профессором Московского университета и издана в 1848 г.» [4].

Во время Первой мировой войны, когда стояла острая необходимость в донорской крови, военные врачи проводили переливание крови раненым солдатам с использованием в целях предотвращения свертывания крови цитрат натрия.

«Первое научно обоснованное переливание с учетом групп крови было проведено в Советской России еще в 1919 году. А в 1926 году был создан первый в мире институт переливания крови (впоследствии – Гематологический научный центр).

Другой советский опыт тех времен, который кажется сейчас нам очень странным, – это переливания трупной крови. Но одновременно в стране были созданы и настоящие основы Службы крови, впоследствии спасшей множество жизней» [5].

Н.П. Володченко отмечает, что «14 августа 1928 г. Народным Комиссаром здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко была утверждена инструкции по применению лечебного метода переливания крови» [6, с. 7]. Этой инструкцией также устанавливался порядок выдачи донорам денежной компенсации. Именно тогда впервые на нормативном уровне были заложены задатки правового регулирования донорства крови.

Безвозмездное донорство крови получило свое широкое распространение в середине 1950-х годов.

В 1993 году был принят Закон № 5142-1 «О донорстве крови и ее компонентов», призванный «урегулировать отношения, связанные с развитием донорства крови и ее компонентов в Российской Федерации и обеспечением комплекса социальных, экономических, правовых, медицинских мер по организации донорства, защите прав донора» [7].

В 2012 году ему на смену пришел Федеральный Закон о донорстве крови, который действует по сей день. Примечательно, что с момента принятия этого Федерального закона, в условиях меняющихся технологий, иного, связанного с ним законодательства, изменения в него вносились только 7 раз.

Национальный день донора крови в России отмечается ежегодно 20 апреля.

История современной трансплантологии не менее интересна, хоть и получила свое развитие намного позже, чем донорство крови. Изначально трансплантология считывалась чем-то недостижимым и воспринималась лишь как экспериментальная наука, что, собственно, и обуславливало отсутствие нормативно-правовой базы. Однако в 1857 году был принят Единый врачебный закон, или как его еще называли, Врачебный Устав, просуществовавший до 1917 года [8].

Как отмечает М.А. Бакирова «после плодотворной работы Министерства здравоохранения, научные работы в области трансплантации в России шли успешно. Наибольший вклад внесли советские ученые, которые продвинулись в пересадке трупных тканей и органов. Такие как: В.П. Филатов, который в 1931 году впервые в мире осуществил пересадку трупной роговицы [9]; «Н.М. Михельсон, который в 1935 году впервые успешно выполнил пересадку трупного хряща для пластики перегородки носа» [10, с. 121]; Д.А. Арапов, который осуществил пересадку трупных эндокринных желез [11]. В 1933 г. в Харькове профессор Ю.Ю. Вороной [12] выполнил первую пересадку почки от человека к человеку» [13, с. 238].

А.В. Чжао отмечает: «В 1933 г. советский хирург Юрий Вороной впервые в мире произвел пересадку почки от человека человеку. Пациенткой стала 26-летняя женщина, которая с суицидальной целью приняла 4 г хлорида ртути.

Донорская почка была получена от умершего в результате травмы головного мозга пожилого мужчины с другой, чем у женщины, группой крови. Попытка была неудачной, почка не заработала, и больная умерла на 2-е сутки после операции» [14, с. 34].

Дальнейшее развитие трансплантологии за рубежом происходило стремительнее, чем в России. В 1966 году в Лондоне происходит одно из ключевых событий – легальное закрепление понятия смерти мозга. В России же возможность констатации смерти мозга появилась лишь в 1987 году с принятием приказа Минздрава СССР от 17 февраля 1987 года № 236 [15].

Однако тогда трансплантология была только на начальном своем уровне развития. Если врачи и прибегали к данной операции, то только к манипуляциям наименьшей сложности, ведь ни тех знаний, ни тех технологий, которые мы имеем сейчас, медицина того времени не обладала. Тем не менее, были и ситуации, который повергали в шок и удивление. Примером может послужить первый в России случай пересадки сердца, состоявшийся в 1987 году.

Выход института трансплантологии из стадии теории и экспериментов повлек за собой необходимость в разрешении сложнейших вопросов, находящихся на стыке трех «берегов»: медицины, права и морали.

Считаем важным отметить, что в период с 1937-1992 гг. на основании Постановления СНК СССР от 15 сентября 1937 года № 1607 «О порядке проведения медицинских операций» [16] тела граждан после смерти признавались собственностью государства, что в свою очередь позволяло врачам использовать их, так скажем, на благо общества. Вводимые тогда инструкции регламентировали всю работу, как в области донорства крови, так и в области трансплантологии.

Так на протяжении длительного времени нормативно-правовое регулирование трансплантологии заключалось именно в регулировании посмертного донорства. При этом законодательство продолжало содержать в себе пробелы. Так, 14 июня 1972 года был принят приказ Минздрава СССР № 482 «Об улучшении обеспечения лечебно-профилактических учреждений и клиник трупными тканями, костным мозгом и кровью» [17], который регламентировал механизмы забора, хранения тканей и органов для трансплантации. Однако, при всем при этом не содержал в себе норм о правовом положении доноров и реципиентов, не устанавливал механизма определения и установления смерти.

В 1987 году принимается приказ Минздрава СССР № 236 «О дальнейшем развитии клинической трансплантологии в стране» [18], который утверждал Инструкцию по констатации смерти в результате полного необратимого прекращения функций головного мозга и временную инструкцию о порядке изъятия органов и тканей у доноров трупов.

Самым, наверное, можно так сказать, поздним видом донорства стало донорство половых клеток. Проблема бесплодия присутствовала

всегда, однако технологий и знаний в данной области не хватает человечеству до сих пор, несмотря на быстрое развитие такого вида донорства.

«Первопроходцами и основоположниками ЭКО в России стали профессор Б.В. Леонов, академики В.И. Кулаков и Л.В. Адамян. В феврале 1986 года родился первый в нашей стране ребенок «из пробирки». С середины 2000-х годов в разных регионах России начинают открываться центры ЭКО, которые успешно развиваются и по настоящее время. Вместе с тем, далеко не однозначное отношение к указанной процедуре как теоретиков, так и практиков [19, с. 142]. Однако эти вопросы требуют самостоятельного углубленного исследования.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что история развития донорства в России писалась жизнями сотен тысяч людей. И это объяснимо, ведь иначе выйти на тот уровень осуществления донорства, который присутствует сейчас в стране, возможно было только путем проб и ошибок.

Сейчас в России работает множество станций переливания крови, трансплантационных центров и т. д. Однако не стоит забывать, что за каждой цифрой в статистике донорства стоит живой человек, который в определенный момент как никогда раньше нуждался в донорском материале.

Список литературы:

1. Курышов А.М. Исторический метод исследования Н.Н. Козьмина: общая характеристика // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2023. - С. 52-61. DOI: 10.17150/978-5-7253-3124-0.05 EDN: JYDAQU
2. Клейменов М.П., Е.К. Сенокосова. Угрозы криминологической безопасности системы оказания медицинской помощи и их классификация // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. - С. 696-705. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).696-705 EDN: ZXFUUV
3. Из истории переливания крови человеку с лечебной целью. URL: https://www.rmj.ru/articles/istoriya_meditsiny/lz_istorii_perelivaniya_krovi_cheloveku_s_lechebnoy_celyu/ (дата обращения: 17.11.2024).
4. Шевченко Ю.Л., Карпов О.Э., Жибурт Е.Б. Переливание крови: история и современность (к 100-летию переливания крови в России) // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова. 2019. Т. 14. № 4. Ст. 4. DOI: 10.25881/BPNMSC.2020.29.78.001 EDN: WGKQTZ
5. Донорство крови: путь длиною в двести лет. URL: <https://podari-zhizn.ru/ru/publications/33074> (дата обращения: 23.01.2025 г.).
6. Володченко Н.П. Переливание компонентов, препаратов крови и гемокорректоров: учебное пособие. Благовещенск, 2013. - С. 7.
7. О донорстве крови и ее компонентов: Закон РФ от 9 июня 1993 г. № 5142-1 // Российская газета. 1993. 10 июля. № 131. (утратил силу).
8. Единый врачебный закон 1857 г. // Свод законов Российской империи, 1857 г. URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/> (дата обращения: 23.01.2025 г.) (утратил силу).
9. Каликинская Е. Врач Владимир Филатов. Какие открытия сделали его знаменитым. URL: <https://aif.ru/health/life/44011> (дата обращения: 10.11.2024 г.).
10. Алсынбаева Э.М. Развитие правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в России: исторический аспект // Вестник Северного Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2011. № 4. - С. 121. EDN: PVBBNN
11. Богопольский П.М., Абакумов М.М. Д.А. Арапов (К 110-летию со дня рождения) // Хирургия. 2007. № 11. - С. 78. EDN: LESZFB
12. Кляп С.И. Ю.Ю. Вороной и его роль в становлении трансплантологии почки. URL: https://voronuy.at.ua/index/mldshij_syn_voronogo_g_f0 (дата обращения: 23.01.2025 г.).
13. Бакирова М.А. История нормативного регулирования трансплантации органов и (или) тканей в России // Вестник науки. 2019. № 6 (15). Т. 1. - С. 238. EDN: ZSPIAP
14. Чжао А.В. От истории к современным реалиям трансплантации органов в России // Трансплантология. 2013. № 3. - С. 34. EDN: REPRPV
15. О дальнейшем развитии клинической трансплантологии в стране: приказ Минздрава СССР от 17 февраля 1987 г. 236. URL: <https://docs.cntd.ru/document/568905049> (дата обращения: 23.01.2025 г.) (утратил силу).
16. О порядке проведения медицинских операций: Постановление СНК СССР от 15 сентября 1937 г. № 1607 // СЗ СССР. 1937. № 62. Ст. 274 (утратило силу).
17. Об улучшении обеспечения лечебно-профилактических учреждений и клиник трупными тканями, костным мозгом и кровью: приказ Минздрава СССР от 14 июня 1972 г. № 482 // СПС "Гарант". Документ опубликован не был. (утратил силу).
18. О дальнейшем развитии клинической трансплантологии в стране: приказ Минздрава СССР от 17 февраля 1987 г. № 236 // СПС "КонсультантПлюс". Документ опубликован не был.
19. Василевич Д.Г. Определение начала жизни и его юридическое значение // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 4. - С. 441-447. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(4).441-447 EDN: DLUSWJ

References:

1. Kuryshov A.M. N.N. Kozmin's historical research method: general characteristics // Irkutsk Historical and Economic Yearbook. 2023. - pp. 52-61. DOI: 10.17150/978-5-7253-3124-0.05 EDN: JYDAQU
2. Kleimenov M.P., E.K. Senokosova. Threats to the criminological security of the medical care system and their classification // All-Russian Journal of Criminology. 2017. Vol. 11, No. 4, pp. 696-705. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).696-705 EDN: ZXFUUV
3. From the history of human blood transfusion for therapeutic purposes. URL: https://www.rmj.ru/articles/istoriya_meditsiny/lz_istorii_perelivaniya_krovi_cheloveku_s_lechebnoy_celyu/ (date of request: 11/17/2024).
4. Shevchenko Yu.L., Karpov O.E., Zhiburt E.B. Blood transfusion: history and modernity (on the occasion of the 100th anniversary of blood transfusion in Russia) // Bulletin of the National Medical and Surgical Center named after N. I. Pirogov. 2019. Vol. 14. No. 4. Art. 4. DOI: 10.25881/BPNMSC.2020.29.78.001 EDN: WGKQTZ
5. Blood donation: a two-hundred-year journey. URL: <https://podari-zhizn.ru/ru/publications/33074> (date of reference: 01/23/2025).
6. Volodchenko N.P. Transfusion of components, blood preparations and hemocorrectors: a textbook. Blagoveshchensk, 2013. - p. 7.
7. On blood donation and its components: The Law of the Russian Federation of June 9, 1993, No. 5142-1 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. July 10th. No. 131. (expired).
8. The Unified Medical Law of 1857 // Code of Laws of the Russian Empire, 1857. URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/> (date of application: 01/23/2025) (expired).
9. Kalinskaya E. Doctor Vladimir Filatov. What discoveries made him famous. URL: <https://aif.ru/health/life/44011> (date of request: 11/10/2024).
10. Alsynbaeva E.M. The development of legal regulation of human organ and tissue transplantation in Russia: a historical aspect // Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University. 2011. No. 4. - p. 121. EDN: PVBBNN
11. Bogopolsky P.M., Abakumov M.M. D.A. Arapov (To the 110th anniversary of his birth) // Surgery. 2007. No. 11. - P. 78. EDN: LESZFB
12. Gag S.I. Y.Y. Voronoy and his role in the development of kidney transplantation. URL: https://voronuy.at.ua/index/mldshij_syn_voronogo_g_f0 (date of reference: 01/23/2025).
13. Bakirova M.A. The history of regulatory regulation of organ and (or) tissue transplantation in Russia // Bulletin of Science. 2019. No. 6 (15). Vol. 1. - P. 238. EDN: ZSPIAP
14. Zhao A.V. From history to modern realities of organ transplantation in Russia // Transplantation. 2013. No. 3. - P. 34. EDN: REPRPV
15. On the further development of clinical transplantation in the country: Order of the USSR Ministry of Health dated February 17, 1987 236. URL: <https://docs.cntd.ru/document/568905049> (date of application: 01/23/2025) (expired).
16. On the procedure for conducting medical operations: Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR dated September 15, 1937 No. 1607 // SZ USSR. 1937. No. 62. Art. 274 (expired).
17. On improving the provision of medical institutions and clinics with cadaveric tissues, bone marrow and blood: Order of the Ministry of Health of the USSR dated June 14, 1972 No. 482 // SPS "Garant". The document has not been published. (expired).
18. On the further development of clinical transplantation in the country: Order of the Ministry of Health of the USSR dated February 17, 1987 No. 236 // SPS "ConsultantPlus". The document has not been published.
19. Vasilevich D.G. Definition of the beginning of life and its legal significance // Academic Law Journal. 2023. Vol. 24. No. 4. pp. 441-447. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(4).441-447 EDN: DLUSWJ

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИЗИСОВ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ THE POLITICAL AND LEGAL NATURE OF AUTHORITARIAN REGIME CRISES: CAUSES, CONSEQUENCES AND COPING STRATEGIES

ОЗЕРСКИЙ Максим Сергеевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет,
Таганрогский институт управления и экономики.

Петровская ул., 45, г. Таганрог, Ростовская обл., 347905, Россия.

E-mail: Maximozerskiy@gmail.com;

OZERSKIY Maxim Sergeevich,

Postgraduate student of Department of Science and State History and Faculty of Law,

Taganrog Institute of Management and Economics.

Petrovskaya St., 45, Taganrog, Rostov region, 347905, Russia.

E-mail: Maximozerskiy@gmail.com

Краткая аннотация: В статье исследуется политико-правовая природа кризисов, которые возникают в рамках авторитарных режимов. Анализируются основные причины кризисных ситуаций, включая институциональные, экономические, социальные и внешнеполитические факторы. Особое внимание уделено последствиям, которые данные кризисы оказывают на стабильность режима, легитимность власти и общественные структуры. В работе рассматриваются стратегии преодоления кризисов, применяемые авторитарными правительствами, такие как реформы, репрессии и манипуляции общественным мнением. Выводы основываются на сравнительном анализе авторитарных систем различных регионов мира, что позволяет выявить универсальные закономерности и специфику их функционирования.

Abstract: The article examines the political and legal nature of crises arising within authoritarian regimes. The analysis focuses on the main causes of crises, including institutional, economic, social, and foreign policy factors. Special attention is given to the consequences of such crises on regime stability, the legitimacy of power, and societal structures. The study explores the strategies employed by authoritarian governments to overcome crises, such as reforms, repressive measures, and manipulation of public opinion. The conclusions are based on a comparative analysis of authoritarian systems across various regions of the world, identifying universal patterns and the specific features of their functioning.

Ключевые слова: авторитаризм, кризис, политико-правовая природа, легитимность власти, стратегии преодоления, социальные конфликты, репрессивные меры, трансформация режимов.

Keywords: authoritarianism, crisis, political and legal nature, legitimacy of power, strategies for overcoming, social conflicts, repressive measures, regime transformation.

Для цитирования: Озерский М.С. Политико-правовая природа кризисов авторитарных режимов: причины, последствия и стратегии преодоления // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 49-50. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_49.

For citation: Ozerskiy M.S. The political and legal nature of authoritarian regime crises: causes, consequences and coping strategies // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 49-50. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_49.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Авторитарные режимы, несмотря на их кажущуюся устойчивость, регулярно сталкиваются с различными формами кризисов. Эти кризисы возникают под влиянием внутренних и внешних факторов, а их политико-правовая природа становится предметом научного анализа в контексте глобальной политической динамики. Проблема заключается в том, что механизмы возникновения, протекания и преодоления таких кризисов остаются недостаточно изученными, что ограничивает возможности их прогнозирования и анализа. Недостаток системного подхода к изучению правовых и политических аспектов кризисов авторитарных режимов препятствует эффективному применению научных знаний в политической практике.

Цель исследования — выявить политико-правовую природу кризисов авторитарных режимов, проанализировать их причины и последствия, а также предложить стратегии преодоления. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: определить теоретические основы изучения политико-правовой природы кризисов в авторитарных режимах; исследовать основные причины кризисов авторитарных режимов, включая внутренние и внешние факторы; рассмотреть правовые и институциональные последствия кризисов для политической системы; изучить стратегии, применяемые авторитарными режимами для преодоления кризисов; сравнить успешные и неудачные примеры выхода из кризисов в различных авторитарных системах; разработать рекомендации по минимизации последствий кризисов в условиях авторитарных режимов.

Политико-правовая природа кризисов авторитарных режимов обусловлена слабостью институциональной основы таких систем и их зависимостью от личной власти лидеров. Основные причины кризисов можно разделить на три группы: внутренние, внешние и структурные. Внутренние причины включают элитные конфликты, экономические кризисы и социальное недовольство. Например, в условиях экономического спада или неравномерного распределения ресурсов возрастает риск усиления оппозиционных настроений внутри общества и среди элит [Геддес, 2003, с. 78]. Внешние причины, такие как международное давление, санкции или вооружённые конфликты, подрывают устойчивость авторитарных систем, ограничивая их доступ к ресурсам и международной поддержке [Сволик, 2012, с. 156]. Структурные причины связаны с природой самих авторитарных режимов, их неспособностью адаптироваться к изменяющимся условиям и сохранять легитимность на фоне социальных трансформаций [Левицкий, Вей, 2010, с. 98]. Важным аспектом кризисов авторитарных режимов является их тесная связь с легитимностью власти. В отличие от демократических систем, где легитимность обеспечивается через регулярные выборы и разделение властей, в авторитарных

системах она строится на харизматическом лидерстве, репрессиях и пропаганде. Однако в условиях экономических или политических потрясений данные механизмы начинают терять эффективность, что усиливает внутренние противоречия. Например, кризисы доверия к лидеру или правящей элите могут стать катализатором массовых протестов, как это наблюдалось в Ливии в 2011 году.

Последствия кризисов авторитарных режимов варьируются от временного ослабления власти до полного краха политической системы. Политические последствия включают смену руководства, ослабление роли ключевых институтов и возникновение новых центров силы. Правовые последствия выражаются в изменении конституционных основ, пересмотре правовых норм и усилении репрессивного законодательства. Например, кризис может спровоцировать принятие чрезвычайных законов, которые усиливают полномочия лидера, но подрывают демократические институты [Чейбуб, Ганди, Врилэнд, 2010, с. 143]. Институциональные последствия включают снижение эффективности государственного управления, что часто приводит к увеличению коррупции и ухудшению социальной ситуации. Кроме того, кризисы оказывают существенное влияние на международные отношения авторитарных режимов. Внешние акторы, такие как международные организации или крупные державы, могут использовать кризис для усиления давления на режим или изменения геополитической ситуации. Это делает авторитарные системы уязвимыми не только к внутренним, но и к внешним воздействиям. Например, экономические санкции или поддержка оппозиционных движений могут ускорить крах режима, как это было в случае с Зимбабве.

Стратегии преодоления кризисов авторитарными режимами разнообразны и зависят от характера кризиса. Во многих случаях применяются репрессивные меры, включая усиление контроля над оппозицией, введение цензуры и увеличение роли силовых структур. Однако такие меры не всегда эффективны в долгосрочной перспективе. Более успешными оказываются стратегии, направленные на институциональную адаптацию и укрепление легитимности. Например, создание иллюзии реформ или привлечение новых элит для поддержки режима могут временно стабилизировать ситуацию [Магалони, 2008, с. 211]. Важным элементом является управление общественным мнением через контролируемые медиа, что позволяет снизить уровень социальной напряженности. Сравнительный анализ успешных и неудачных примеров выхода из кризисов показывает, что авторитарные режимы, способные гибко адаптироваться и предлагать институциональные изменения, имеют больше шансов на выживание. Например, введение ограниченных политических реформ или частичная экономическая либерализация могут уменьшить давление на режим и сохранить его устойчивость. В то же время режимы, которые полагаются исключительно на репрессии, чаще сталкиваются с усилением оппозиции и эскалацией конфликтов. Особого внимания заслуживает роль правовой системы в преодолении кризисов. В условиях кризиса многие авторитарные режимы усиливают законодательное регулирование, вводя новые законы, направленные на подавление протестов и контроль над информацией. Однако избыточная законодательная нагрузка, отсутствие прозрачности и снижение доверия к судебной системе могут усугубить кризис. Таким образом, правовая реформа, направленная на повышение эффективности институтов, является важной частью стратегий выхода из кризиса.

Результаты исследования показывают, что кризисы авторитарных режимов являются неизбежной частью их эволюции, но их последствия зависят от способности системы адаптироваться к вызовам. Причины кризисов авторитарных режимов разнообразны, но все они связаны с внутренними или внешними вызовами, которые подрывают стабильность. Последствия кризисов касаются всех аспектов политической и правовой системы, включая легитимность, институциональную эффективность и социальную стабильность. Стратегии преодоления кризисов должны учитывать не только краткосрочные, но и долгосрочные перспективы, включая необходимость институциональной адаптации. Преодоление кризисов требует комплексного подхода, сочетающего репрессивные меры и ограниченные реформы.

Список литературы:

1. Геддес, Б. Парадигмы и песчаные замки: Теория и исследовательский дизайн в сравнительной политике. Мичиганский уни-верситет, 2003.
2. Своллик, М. Политика авторитарного правления. Кембриджский университет, 2012.
3. Левицкий, С., & Вей, Л. А. Конкурентный авторитаризм: гибридные режимы после холодной войны. Кембриджский универси-тет, 2010.
4. Чейбуб, Дж. А., Ганди, Дж., & Врилэнд, Дж. Р. Демократия и диктатура пересмотрены // Публичный выбор, 2010. № 143(1-2). С. 67-101.
5. Магалони, Б. Голосование за автократию: выживание гегемонистской партии и её крах в Мексике. Кембриджский университет, 2008.
6. Ольсон, М. Диктатура, демократия и развитие // Американский политологический обзор. 1993. № 87(3). С. 567-576.
7. Геддес, Б., Райт, Дж., & Франц, Э. Авторитарный крах и переходы режимов: новый набор данных. Перспективы политики. 2014. № 12(2). С. 313-331.
8. Нордлингер, Э. А. Солдаты в политике: военные перевороты и правительства. Прентис Холл, 1977.
9. Кейз, В. Элиты и режимы в Малайзии: возвращение к консенсусной демократии. Стэнфордский университет, 1996.
10. Таллох, Г. Авторитария. Спрингер. 1987.

References:

1. Geddes, B. Paradigms and Sandcastles: Theory and Research design in Comparative Politics. University of Michigan, 2003.
2. Svoblik, M. The Politics of authoritarian rule. Cambridge University, 2012.
3. Levitsky, S., & Wei, L. A. Competitive authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge University. 2010.
4. Cheyub, J. A., Gandhi, J., & Vreeland, J. R. Democracy and dictatorship revised // Public Choice, 2010. № 143(1-2). pp. 67-101.
5. Magaloni, B. Voting for autocracy: the survival of the hegemonic Party and its collapse in Mexico. Cambridge University, 2008.
6. Olson, M. Dictatorship, Democracy and Development // American Political Science Review. 1993. No. 87(3). pp. 567-576.
7. Geddes, B., Wright, J., & Franz, E. Autocratic collapse and regime transitions: a new set of data. Policy perspectives. 2014. No. 12(2). pp. 313-331.
8. Nordlinger, E. A. Soldiers in politics: military coups and governments. Prentice Hall, 1977.
9. Keyes, V. Elites and Regimes in Malaysia: A Return to consociational democracy. Stanford University, 1996.
10. Talloch, G. Autocracy. Springer. 1987.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ HISTORICAL AND LEGAL ISSUES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS

ЧЕРНОВА Эльвира Рамилевна,

доцент кафедры истории и теории государства и права
Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мукинова, 2.
E-mail: erchernova@mail.ru;

БАРАНОВА Екатерина Сергеевна,

доцент кафедры теории государства и права Института права
Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук.
450005, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.
E-mail: Ekaterina.Sergeevna76@mail.ru;

CHERNOVA Elvira Ramilevna,

Associate Professor of the Department of History and Theory of State and Law
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law.
2 Muksinova St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450103, Russia.
E-mail: erchernova@mail.ru;

BARANOVA Ekaterina Sergeevna,

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law,
Ufa University of Science and Technology, Candidate of Legal Sciences.
131, Dostoevskogo St., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russia.
E-mail: Ekaterina.Sergeevna76@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые вопросы развития российского правосознания. Охарактеризованы его исторические источники, начиная с дореволюционного периода и до событий последних лет, проанализированы исторические этапы развития российского правосознания. Авторами отмечено, что изучение правосознания в историческом и современном контексте позволит глубже понять специфику российского правосознания и спрогнозировать перспективы его развития.

Abstract. The article examines the historical and legal issues of the development of Russian legal consciousness. Its historical sources are characterized, starting from the pre-revolutionary period and up to the events of recent years, and the historical stages of the development of Russian legal consciousness are analyzed. The authors note that the study of legal consciousness in the historical and modern context will allow a deep understanding of the specifics of Russian legal consciousness and predict the prospects for its development.

Ключевые слова: право, правосознание, национальный характер, правовая традиция, правовой менталитет.

Keywords: law, legal consciousness, national character, legal tradition, legal mentality.

Для цитирования: Чернова Э.Р., Баранова Е.С. Историко-правовые вопросы становления и развития российского правосознания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 51-53. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_51.

For citation: Chernova E.R., Baranova E.S. Historical and legal issues of the formation and development of Russian legal consciousness // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 51-53. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_51.

Статья поступила в редакцию: 31.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Рассматривая особенности современного состояния правосознания российского общества, нельзя обойти стороной вопрос изучения исторических факторов, оказавших влияние на его формирование. Верно, отмечают исследователи, что «знание исторического опыта отечественного права... позволяет правильно сформировать толкование понятий и терминов, учесть проблемные вопросы исторически сложившихся правоотношений» [2, с. 22]. Российское правосознание развивалось в течение многих столетий и в каждый отдельный период имело свои особенности, складывавшихся под влиянием динамичных социально-экономических, культурно-правовых и политических отношений.

Особого внимания заслуживает мнение известного российского ученого В.О. Ключевского о национальном характере исторического исследования. Он говорит о том, что история «формируется не целостно, а частично, то есть исходит от времени и места, традиционных особенностей, экономического и культурного развития того времени. Она формирует, изменяет и сохраняет традиционные особенности правового сознания народностей» [3, с. 8-9]. Своеобразие российского правосознания предопределяется особенностями правосознания русского народа.

Дореволюционный период заслуживает особого внимания как ключевой момент формирования особенностей русского правового сознания, когда были сформированы его национально-исторические особенности и специфические черты. Известный русский юрист Н.Н. Алексеев, отмечал сложное переплетение исторической истины с мифологическими представлениями о русской самобытности. С другой стороны, в восприятии права русским народом прослеживается уникальная позиция: по мнению К.С. Аксакова, право не рассматривалось как абсолютная ценность или идеал совершенства; для России первостепенное значение придавалось духовным аспектам – вере и спасению души. Единственной формой власти, обеспечивающей сохранение коллективной идентичности (соборности) народа через историю, считалось самодержавие в сочетании с общинными традициями и влиянием православной церкви [5, с. 25].

В период Смутного времени идеи сплоченности повлекли за собой рост национального самосознания. В 1653–1655 гг. была проведена

Церковная реформа Никонем. Ставились такие задачи, как преодоление противоречий и разногласий в церковных книгах и обрядах, поднятие церковной и общественной нравственности, которая как раз оказывает огромное воздействие на правовое сознание общества, а также борьба с остатками языческих суеверий и различными ересями. Так, Никон установил единые обряды, укрепил дисциплину священников, повысил авторитет церкви, а самое главное, повысил духовность всего русского народа, которая проявилась в их национальных идеях и традициях. Таким образом, следует отметить, что духовность не связывала жестко русский народ с государственным законом, а все же оставляла место и для проявления в человеке такого сознания, которое ориентировано на абсолютные ценности и его совесть. Правовое сознание, состоящее в то время из древнего и нового знания, способствовало светскому характеру государственности и выработке политико-правовой державности. Именно дух справедливости возрождает идею национального самосознания и его правосознания [3, с. 177].

В XVIII–XIX вв. почти полностью утратилось национальное российское правосознание из-за заимствований в большей степени знаний института западной правовой культуры. Оценку российскому дореволюционному правосознанию дал Р.Э. Пайпс: «Между 1878 и 1881 гг. в России был заложен юридический и организационный фундамент бюрократически-полицейского режима с тоталитарными обертонами, который в целостности и сохранности пребывает до сего времени» [7, с. 380].

П.И. Новгородцев в качестве признаков кризиса правосознания российского общества называл утрату веры в возможность гармонии в обществе, в необходимость поиска всемогущих средств социального переустройства, в возможность сочетания сущности человека с определенными формами жизни и возведения этих форм в степень безусловных ценностей [6, с. 51].

Б.А. Кистяковский оценивал уровень правосознания русской интеллигенции как крайне низкий: «...русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития» [4, с. 98].

Что же касается советского и постсоветского правосознания, то это новая разновидность правового сознания. Так, на начальном этапе построения социалистического общества советского времени огромное внимание отводится «революционному правосознанию», которое позволило преодолеть влияние западных взглядов и идей, образа мышления и институтов, которые были извлечены Россией еще в XIX в. Социалистический характер, основанный на классовой борьбе и рациональном характере, явился реализацией традиционности русского сознания, идей нравственности.

Октябрьская революция и установление советской системы перевернули социально-экономические и идеологические основы государства и общества. Традиции самодержавия, православия и народности повсеместно и достаточно жестко искоренялись. Место православия занял атеизм, место соборности – классовая борьба и диктатура пролетариата. Вместе с тем нельзя отрицать наличия некоторых сходных черт, например, отрицание индивидуализма, роль церкви при царизме и роль партии при большевиках, власть носит абсолютный характер и т. д.

В эпоху же марксизма, которая акцентировала свое внимание на материальной составляющей, происходит отрицание многих аспектов правосознания. Такие аспекты внутреннего правосознания, как интуитивный, инстинктивный оставались без внимания. Отвергались идеи о том, что человек в условиях материалистического воззрения, сам того не замечая, становится материалистом. Данные идеи подготовили почву для дальнейшего отрицания советского правосознания и вместе с тем и право.

Что касается современного периода в становлении российского правосознания, то следует отметить, что в 90-е годы XX века в России произошла новая революция (с коммунистической точки зрения «контрреволюция»), политическая, социальная и культурная. Снова, как и в 1917 г., она вылилась в полное отрицание прежнего строя и прежних традиций, правда, при этом не так быстро и не так открыто [1, с. 29]. В сочетании с процессом становления капитализма, культом эгоизма, потребительства и стяжательства это ведет к разрушению остатков патриархальной культуры и добропорядочности, которые пережили первое наступление капитализма (с 60-х г. XIX в. до 1917 г.) и советскую власть. Надо сказать, что советская власть культивировала (хотя бы формально) моральные ценности на основе социалистической идеологии, многие из которых носили вечный характер и входили в патриархальное народное сознание. Теперь они растоптаны. А на капиталистической основе, характерной для запада, нравственные ценности сложиться у нас не успели [5, с. 25].

В.Н. Синюков считает, что материализм, полностью изменивший культурные ценности общества, сыграл опасную роль в отечественном правосознании. Именно переход от коммунистического материализма к капиталистическому не выступил гарантом сохранения собственных культурных направлений. Право признается структурированной причиной, которое обладает «особым свойством мета- (или супер) структурирования... наличных общественных отношений» [3, с. 231].

Переход к капиталистическому материализму сочетается с «западной моделью государственно-правового развития». Направление западной юридической мысли ведет к потере российского правосознания и идей, имеющих свое выражение в национальных интересах. Постоянная динамика в условиях жизни, возрастающие потребности ведут к принятию новых законов и подзаконных актов, которые приводят правовую систему к хаосу, появлению коллизий. Огромную роль играет традиционная культура, к которой в советское время относились как к остатку прошлого.

Вместе с тем необходимо признать, что в России не сложился дух высокого уважения к праву и закону. В России отмечается устойчивая и в некотором смысле непоколебимая на различных этапах развития традиция недоверчивого отношения к праву и его институтам. Этот феномен требует анализа через призму правовой ментальности – сложного и многогранного явления, характерного для российской куль-

туры. Российская правовая ментальность представляет собой неоднозначный, чрезвычайно сложный, противоречивый, а вместе с тем оригинальный, самобытный социально-правовой феномен и специфической чертой российской ментальности является проявление нигилизма в отношении социальной ценности права.

Таким образом, современное российское правосознание обладает многими чертами, которые унаследованы из предшествующей истории, а также теми, которые вызваны ныне переживаемой стадией. Русское правосознание, как и национальный менталитет в целом, носит антиномичный характер, в нем наряду с позитивными чертами, такими как приоритет нравственных начал, преобладание интересов общества, содержатся и негативные элементы.

Список литературы:

1. Амиров Р.З., Крицина Е.Г. Вопросы правосознания в России: теоретический и историко-правовой аспект. Уфа: УЮИ МВД России, 2007. С. 29. EDN: YWOICA
2. Бойко Н.Н., Нугуманов А.Р. Роль и место государства в развитии общества и личности // Аграрное и земельное право. 2021. № 10(202). С. 21-23. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_10_21 EDN: REUMLK
3. Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни: монография. М., 2013. С. 231-232. ISBN: 978-5-4396-0222-3 EDN: TEVPTV
4. Кистяковский Б.А. В защиту права. Интеллигенция и правосознание // ВЕХИ: российская интеллигенция в 20 веке: Материалы Все-российской научной конференции, 16-17 марта 1999 г. М., 1999. С. 98.
5. Мартышин О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 28. EDN: OWDZXR
6. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Едиториал УРСС, 2020. С. 51.
7. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 380.
8. Чернова Э.Р., Амиров Р.З. Правосознание личности в России: история и современное состояние: учебное пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2024. 40 с.

References:

1. Amirov R.Z., Kritsina E.G. Issues of legal awareness in Russia: a theoretical and historical-legal aspect. Ufa: Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. P. 29. EDN: YWOICA
2. Boyko N.N., Nugumanov A.R. The role and place of the state in the development of society and personality // Agrarian and land law. 2021. No. 10(202). pp. 21-23. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_10_21 EDN: REUMLK
3. Demchenko T.I. Legal consciousness in Ancient Russian and Russian state-legal life: a monograph. Moscow, 2013. pp. 231-232. ISBN: 978-5-4396-0222-3 EDN: TEVPTV
4. Kistiakovskiy B.A. In defense of law. Intelligentsia and legal awareness // MILESTONES: the Russian intelligentsia in the 20th century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, March 16-17, 1999, M., 1999. p. 98.
5. Martyshin O.B. On some features of the Russian legal and political culture // State and Law. 2003. No. 10. P. 28. EDN: OWDZXR
6. Novgorodtsev P.I. On the social ideal. Moscow: Editorial URSS, 2020. p. 51.
7. Pipes R. Russia under the old regime. Moscow, 1993. P. 380.
8. Chernova E.R., Amirov R.Z. Legal awareness of personality in Russia: history and current state: a textbook. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 40 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_54

УДК 340:614.2-057.8(571.513)"192"

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ ХАКАСИИ В 1920-Х ГГ. LEGAL BASIS FOR THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF MEDICAL STAFF IN KHAKASSIA IN THE 1920S

МОХОВА Анна Владимировна,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.
655017, Российская Федерация, Республика Хакасия, г. Абакан, пр. Ленина, 90.
E-mail: anna.mohovva@yandex.ru;

МОКНОВА Анна Владимировна,

Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
Institute of History and Law Khakassian State University named after N.F. Katanov.
655017, Russian Federation, Republic of Khakassia, g. Abakan, pr. Lenina, 90.
E-mail: anna.mohovva@yandex.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена правовому регулированию профессионального труда медиков Хакасии на заре становления советской власти. Быстрая и незамедлительная правотворческая деятельность большевистского правительства способствовала формированию и укреплению правовой базы профессиональной деятельности медицинских кадров, включая и медиков национальных окраин.

Abstract. The article is devoted to the legal regulation of the professional work of doctors in Khakassia at the dawn of the Soviet power. The rapid and immediate lawmaking activity of the Bolshevik government contributed to the formation and strengthening of the legal basis for the professional activity of medical personnel, including doctors from the national outskirts.

Ключевые слова: государство, уезд, округ, Совет народных комиссаров, нормативный правовой акт, декрет, Народный комиссариат здравоохранения, большевики, здравоохранение, медицинские кадры, санитарное просвещение.

Keywords: state, county, district, Council of People's Commissars, normative legal act, decree, People's Commissariat of Health, Bolsheviks, health care, medical personnel, health education.

Для цитирования: Мохова А.В. Правовые основы профессиональной деятельности медицинских кадров Хакасии в 1920-х гг. // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 54-56. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_54.

For citation: Mokhova A.V. Legal basis for the professional activities of medical staff in Khakassia in the 1920s // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 54-56. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_54.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Здравоохранение играет особую роль в сохранении людских ресурсов и их здоровья, а, следовательно, и в обеспечении национальной безопасности страны. Медицинская профессия является и ремеслом, и искусством одновременно, выполняя важные функции в обществе. Одной из сторон данной профессии является ее духовная составляющая, выражающаяся в проявлении милосердия, гуманизма, сострадания, добросовестного отношения к работе, а к пациенту – терпеливого, и пр. С другой стороны, медики, служа на благо общества, являются тоже людьми с их материальными и духовными потребностями, своими ценностями и установками, своим мировоззрением. Поэтому анализ проблем правового регулирования профессиональной деятельности медицинских работников в 1920-х гг. стал часто обсуждаемым и дискутируемым вопросом в отечественной науке, в связи с чем и вызвана актуальность данного исследования.

После прихода к власти большевиков в стране изменился государственный строй, установился иной общественный порядок. Внедряемая социалистическая идеология подразумевала организацию нового однородного безклассового общества, создание условий для социального равенства и справедливости, формирования общественной собственности. Социальная справедливость выразилась в равномерном распределении всех общественных благ. Область здравоохранения также подверглась реформированию, результатом чего стало создание первой в мире социалистической системы охраны здоровья населения, основанной на принципах общедоступности, бесплатности и квалифицированности медицинской помощи.

Одним из первых декретов в сфере здравоохранения стал декрет ЦИК от 22 декабря 1917 г. «О страховании на случай болезни», который вводил обязательное страхование рабочих от болезней и несчастных случаев на производстве. Все категории рабочих подлежали страхованию «независимо от характера или длительности работы, а также от того, у кого они работают по найму: в государственных, общественных, частных или акционерных предприятиях или учреждениях, или у отдельных лиц» [8, с. с. 199].

Неблагополучная санитарно-эпидемиологическая обстановка в стране требовала введения чрезвычайных мер, а также пересмотра функционирования всей медико-санитарной части. В таких условиях неотложной мерой стало создание единого центра управления всей медико-санитарной сетью. Одним из сторонников создания такого центра стал Председатель СНК В.И. Ленин [11, с. 16]. Успешность работы зависела от принципиальных установок, от способов их реализации на местах, от общих социально-экономических и политических условий страны и ее регионов.

В конце октября 1917 г. при Военно-революционном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был образован Медико-санитарный отдел во главе с М.И. Барсуковым. Его главной задачей являлась реорганизация медико-санитарного дела в стране. В помощь данному отделу создавались Врачебные коллегии, в функции которых входили организация медико-санитарных отделов на местах, борьба

с эпидемиями, реорганизация военной медицины.

Летом 1918 г. состоялся Всероссийский съезд медико-санитарных отделов, одним из решений которого стало создание главного центра управления здравоохранением страны. На основании этого решения 11 июля 1918 г. СНК принял декрет «Об учреждении Народного комиссариата здравоохранения», объединившего все отрасли медико-санитарного дела России. Первым народным комиссаром здравоохранения стал Н.А. Семашко, его заместителем – З.П. Соловьев. По мнению Н.А. Семашко, советское здравоохранение, «являясь органической составной частью советского государственного строя, должно было носить государственный характер» [11, с. 25], то есть обязательства по организации и обеспечению системы здравоохранения взяло на себя государство, а Наркомздрав становился объектом только государственного регулирования.

Следующим нормативным документом стал декрет СНК от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся», который внедрял основы профилактических мероприятий, расширял перечень видов врачебной помощи населению, определял нормы социальных пособий в случае нетрудоспособности, а также размеры пенсий и пр. [7, с. 1249].

В начале 1920-х гг. деятельность государства в сфере здравоохранения, в первую очередь, была сосредоточена на ликвидации последствий Гражданской войны. В качестве первоочередных мер предпринимались шаги, направленные на предотвращение распространения социально-опасных болезней. Принятые ранее декреты СНК «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» от 28 января 1919 г.; «Об обязательном оспопрививании» от 10 апреля 1919 г.; «О мероприятиях против холерной эпидемии» от 25 июля 1921 г. и др. предусматривали такие исключительные меры, как: трудовая повинность всего медперсонала, обязательная помощь всеми советскими и партийными органами и в центре, и на местах врачебно-санитарным учреждениям, развертывание новых госпиталей, строгий учет и изоляция больных и температурящих, контроль за распределением медицинского имущества и оборудования и т.п. Особое внимание уделялось санитарно-просветительской и профилактической работе. Данные мероприятия в некоторой степени стабилизировали ситуацию в стране, но санитарная проблема все же оставалась нерешенной.

В связи со сложной санитарно-эпидемиологической обстановкой в России, распространением эпидемий и увеличением общей смертности требовалось введение санитарного законодательства. Первым нормативным актом в этой сфере стал декрет СНК от 15 сентября 1922 г. «О санитарных органах в республике», в соответствии с которым впервые были установлены основы санитарной организации, указаны конкретные формы и виды осуществления санитарного контроля и надзора [6, с. 1002]. На основе этого декрета в декабре 1923 г. Наркомздрав издал циркуляр «О местных санитарных учреждениях», в котором регламентировались нормы и функции основных санитарных органов, как то: местные санитарные лаборатории, дезостанции, пастеровские станции, противозидемические отряды и т.д.

Позднее угрожающий размах эпидемии малярии создал предпосылки для выхода декрета СНК от 12 мая 1924 г. «О мероприятиях по борьбе с малярией», согласно которому были предприняты срочные меры к осушению водных ресурсов, созданию и оснащению малярийных станций. Однако ввиду малочисленности врачей-маляриологов их должности занимал средний медперсонал, что существенно снижало качество оказываемой медицинской помощи [5, с. 582].

На V Всероссийском съезде отделов здравоохранения в июне 1924 г., главным лозунгом которого был «От борьбы с эпидемиями к оздоровлению труда и быта!», диспансерный метод в борьбе с социально-обусловленными болезнями был признан важнейшей формой работы лечебно-профилактических учреждений. Было решено распространить его на всю систему лечебных учреждений страны. На съезде также говорилось об усилении борьбы с социальными болезнями, реформе высшего медицинского образования, мероприятиях по усовершенствованию системы охраны материнства и младенчества.

В Хакасском уезде с населением в 77329 чел. (данные на 1 августа 1924 г.) [4, лл. 27, 28] из врачебных кадров работало лишь два врача (ср.: в Енисейской губернии на начало июля 1924 г. было 99 врачей, из которых лишь 29 врачей работали в сельской местности) [4, лл. 26, 27]. Вследствие нехватки медицинских кадров в уезде Енисейский губздравотдел, Сибирское отделение Российского общества Красного Креста и Красного Полумесяца (РОККиКП) направляли в регион медицинские отряды для выявления и борьбы с социально-опасными болезнями. Данные отряды начали работать в Хакасии с конца 1924 г., в их обязанности входило не только выявление и лечение болезней, но и проведение профилактических мероприятий и разъяснительной работы с местным населением. Из-за скудности финансирования медицинских отрядов обследования проводились на выявление лишь наиболее опасных болезней: трахома, венерические болезни, чесотка, оспа, малярия, туберкулез и пр. Кроме того, медицинские отряды работали лишь в летний период, что существенно затрудняло контроль и учет больных в осенне-зимний период. Для работы этих отрядов Наркомздравом были разработаны специальные инструкции, из которых следовало, что лишь умелое и корректное отношение к коренному населению даст положительные результаты в выявлении и лечении болезней [9, л. 147].

С образованием в 1925 г. Хакасского округа выросла численность населения (на 1 октября 1925 г. – 83216 чел.), число населенных пунктов увеличилось до 482 [1, л. 1]. Хакасский окрздравотдел был выделен в самостоятельный отдел Хакасского окрисполкома. За два года (с 1925 по 1927 гг.) в регион прибыло 12 врачей, которые направлялись по разнарядке Наркомздрава и надолго не задерживались на месте [2, л. 44]. В основном штат медперсонала Хакасии составляли медики низшей квалификации, среднего медперсонала насчитывалось лишь единицы, врачебных кадров, за исключением командированных, не было.

В январе 1927 г. бюро Хакасского окрисполкома приняло решение организовать передвижной акушерский отряд для обслуживания улусов, издавать литературу и агитационные материалы на хакасском языке для повышения санитарной культуры коренного населения. При Красных юртах, избах-читальнях были открыты уголки по санитарно-просветительской работе. Местные женщины-хакассы призывались на учебу на двух-трех месячные курсы акушеров в Томске, а также местные курсы при лечебных учреждениях.

Во второй половине 1920-х гг. в Хакасском округе санитарная обстановка продолжала оставаться проблемной и требовала незамед-

лительного решения. Учитывая всю важность мероприятий, проводимых санитарной организацией, советское законодательство оформило ее нормы, задачи и права в следующих декретах: «О нормах санитарных органов» (от 19 февраля 1927 г.), «Положение о санитарных органах республики» (от 10 октября 1927 г.), которые были изданы на замену и расширение декрета СНК «О санитарных органах в республике», служившего в течение пяти лет своего рода «Конституцией» санитарных органов. Вновь изданные декреты, устанавливавшие права и нормы жилищно-санитарных врачей (1 санврач на 25 тыс. населения) являлись основным достижением в области жилищной и коммунальной санитарии.

Большую роль в развитии регионального здравоохранения сыграло постановление ЦК ВКП(б) от 18 декабря 1929 г. «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян», которое наметило пути коренной перестройки здравоохранения страны в соответствии с задачами, выдвигаемыми новыми историческими условиями. Положительным моментом явилось улучшение лечебно-профилактической помощи населению, санитарно-гигиенического обеспечения, увеличение сети медицинских учреждений как в городской, так и в сельской местности и т.д. [10, с. 7].

Таким образом, профессиональная деятельность медиков Хакасии в 1920-х гг. осуществлялась в соответствии с программой государственного развития в сфере здравоохранения. Новое правительство уделяло особое внимание вопросам здравоохранения как в центре, так и на местах, однако скудность местных бюджетов тяжело сказывалась на медицинском обслуживании населения. Правовыми основами профессиональной деятельности медицинских кадров Хакасии являлись декреты Совета народных комиссаров, приказы и распоряжения Наркомздрава, постановления местных органов власти, различные циркуляры и разнарядки и т.д.

Список литературы:

1. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
2. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.
3. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 1. Лл.26, 27.
4. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «Национальный архив»). Д. 2. Лл. 27,28.
5. Декрет СНК от 12 мая 1924 г. «О мероприятиях по борьбе с малярией» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. № 22-46. Отдел первый. М., 1950. 900 с.
6. Декрет СНК от 15 сентября 1922 г. «О санитарных органах в республике» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 г. Отдел первый. М., 1950. 1934 с.
7. Декрет СНК от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. 1483 с.
8. Декрет ЦИК от 22 декабря 1917 г. «О страховании на случай болезни» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. М. 1942. 1483 с.
9. Муниципальное казенное учреждение «Архив города Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-216. Оп. 1. Д. 6. Л. 147.
10. О медицинском обслуживании рабочих и крестьян: Постановление ЦК ВКП(б), Обращения НКЗдрава, ЦК союза Медсантруд. Саратов, 1930. 12 с.
11. Семашко, Н.А. Избранные произведения. Изд. 2-е, испр. и доп. / Н.А. Семашко. М.: Изд-во «Медицина», 1967. 377 с.

References:

1. State government institution of the Republic of Khakassia "National Archive" (GKU RH "National Archive"). F. 1. Op. 1. D. 11. L. 1.
2. The state-owned institution of the Republic of Khakassia "National Archive" (GKU RH "National Archive"). F. R-19. Op. 1. D. 3. L. 44.
3. The State government Institution of the Republic of Khakassia "National Archive" (GKU RH "National Archive"). F. R-4. Op. 1. D. 1. Ll.26, 27.
4. State government Institution of the Republic of Khakassia "National Archive" (GKU RH "National Archive"). D. 2. Ll. 27,28.
5. Decree of the Council of People's Commissars of May 12, 1924 "On measures to combat malaria" // Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government for 1924 No. 22-46, Department one. Moscow, 1950. 900 p.
6. Decree of the Council of People's Commissars of September 15, 1922 "On sanitary authorities in the Republic" // Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government for 1922. Department one. Moscow, 1950. 1934 p.
7. Decree of the Council of People's Commissars of October 31, 1918 "Regulations on the social security of workers" // Collection of laws and government orders for 1917-1918 / Administration of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. M. 1942. 1483 p.
8. Decree of the Central Executive Committee of December 22, 1917 "On insurance in case of illness" // Collection of laws and government orders for 1917-1918 / Administration of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. M. 1942. 1483 p.
9. Municipal government institution "Archive of the city of Minusinsk" (MCU "AGM"). F. R-216. Op. 1. D. 6. L. 147.
10. On medical care for workers and peasants: Resolution of the Central Committee of the CPSU(b), Appeals of the NKZDRAV, the Central Committee of the Union of Medical Workers. Saratov, 1930. 12 pages.
11. Semashko, N.A. Selected works. 2nd ed., ispr. and add. / N.A. Semashko. M.: Publishing house "Medicine", 1967. 377 p.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ SOCIAL NETWORKS AS A TOOL FOR FALSIFICATION OF HISTORY

ТЕРЕНИЧЕНКО Алексей Александрович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 49/2.

E-mail: aaterenichenko@fa.ru;

TERENICHENKO Alexey A.,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Department of International and Public Law, Faculty of Law Finance University under the Government Russian Federation.

49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russia.

E-mail: aaterenichenko@fa.ru

Краткая аннотация. Исследование посвящено анализу сущности фальсификации исторической действительности, анализу роли социальных сетей как инструмента и агента фальсификации истории. Выявлены и описаны наиболее популярные современные механизмы и способы распространения исторической дезинформации среди пользователей сети Интернет. Даны рекомендации для интернет-пользователей, которые предпочитают читать в социальных сетях статьи на историческую тематику.

Abstract. The study is devoted to the analysis of the essence of falsification of historical reality, analysis of the role of social networks as a tool and agent of falsification of history. The most popular modern mechanisms and methods of dissemination of historical disinformation among Internet users are identified and described. Recommendations are given for Internet users who prefer to read articles on historical topics in social networks.

Ключевые слова: социальные сети, исторический источник, фальсификация исторической действительности, достоверность информации, сеть Интернет.

Keywords: social networks, historical source, falsification of historical reality, reliability of information, Internet.

Для цитирования: Терениченко А.А. Социальные сети как инструмент фальсификации истории // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 57-60. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_57.

For citation: Terenichenko A.A. Social networks as a tool for falsification of history // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 57-60. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_57.

Статья поступила в редакцию: 30.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В наши дни существует немало интернет-ресурсов для поиска различной информации. Пользователи сети нередко воспринимают находящиеся в свободном доступе данные как достоверные, используют их для получения новых знаний, в том числе и об истории.

Но не все существующие в свободном доступе исторические источники являются достоверными, некоторые из них фальсифицированы, вводят в заблуждение пользователей социальных сетей, формируют искажённое представление об исторических фактах, процессах и явлениях, препятствует правильному пониманию истории и формированию исторической памяти, что влечет за собой духовную деградацию общества.

Исследование ТАСС при участии Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) показало, что на современном постсоветском пространстве социальные сети могут стать очередным инструментом фальсификации истории. С их помощью удобно манипулировать, формировать общественное мнение. К сожалению, в интернете мало кто несёт достаточную ответственность за публикуемую информацию, это и стало причиной многочисленных спекуляций на исторические темы и фальсификаций исторических источников. Одна из проблем исторической науки состоит в сильной степени её политической ангажированности, что создаёт дополнительные трудности для людей на пути познания истины.

Казалось бы, благодаря быстрому доступу к огромной базе книг, научных статей, обучающих видео и другим источникам знаний социальные сети должны были помочь людям найти правильную и не подлежащую сомнению информацию, однако, это не так. Именно поэтому важно анализировать всю полученную информацию и понимать, что получение правильного знания требует времени и сил.

Цель настоящей работы заключается в анализе механизмов распространения дезинформации среди пользователей социальных сетей и интернета в целом и выявлении наиболее часто используемых из них. При достижении указанной цели будет предпринята попытка дать читателям некоторые рекомендации с целью повышения их медиа-грамотности как пользователей сети Интернет.

Под фальсификацией обычно понимают внесение исправлений, искажающих действительный смысл; изменение начальной идеи объекта; подделку. Применительно к истории это – сознательное искажение событий с целью создания ложного образа исторической действительности.

История, как известно – вид познавательной деятельности, направленный на получение обоснованных, систематизированных, объективных знаний о человеке, мире и обществе; как наука она имеет ряд функций, самыми важными из которых являются, на наш взгляд, мировоззренческая, образовательная и воспитательная.

Фальсификация исторических источников заключается в осознанном и целенаправленном процессе искажения представлений об исторических событиях и процессах в интересах индивидов, социальных групп, социальных институтов или элит. История как наука позволяет людям анализировать события прошлого и исследовать общие закономерности развития общества, следовательно, она позволяет субъектам своего изучения понимать и устанавливать причинно-следственные связи, чтобы они не повторяли ошибки предыдущих поколений. Сознательное же искажение исторических фактов, выборочное цитирование, манипуляции с источниками – создают некоторые трудности для реализаций функций истории. Получение точных и объективных знаний об историческом факте, процессе или явлении становится невозможным при отсутствии нефальсифицированных источников информации. Кроме того, воспитательная, образовательная и мировоззренческая функции не смогут реализоваться в полной мере качественно, так как представление о каком-либо объекте будет формироваться заведомо ложное.

Существует множество причин, из-за которых происходит фальсификация истории. Одной из них является попытка подрыва авторитета страны соперника на мировой арене или попытка подрыва авторитета государства страны соперника в лице его собственных граждан. В XX веке так поступали США по отношению к СССР, создавая различные мифы о советской власти, распространяя их в том числе среди советских граждан, подрывая авторитет и КПСС, и социалистической идеологии в целом. Другой причиной может являться желание увеличить значимость своего народа, гиперболизировать его заслуги или вообще приписать то, что к ним не относится. Здесь примером может служить нацистская Германия, которая ради подтверждения лженаучной теории превосходства «арийской расы» над остальными, активно фальсифицировала историю.

Каждый день миллионы людей заходят в социальные сети, чтобы узнать какую-либо информацию. Причины посещения ими соцсетей разные, но пользователи интернет-платформ хотя бы раз в день используют различные социальные медиа для поиска ответа на различные вопросы, в том числе касающиеся истории. При этом лишь малое количество пользователей действительно задумывается о достоверности читаемой информации.

Инструментов фальсификации существует немало. Все они созданы с целью манипулировать людьми. В качестве манипуляторов могут выступать как отдельные личности, имеющие значительный социально-политический вес, так и различные общества и организации, политические партии, движения, некоммерческие организации, экстремистские и террористические организации, религиозные секты и деструктивные культы, СМИ, спецслужбы иностранных государств. Социальные сети с их доступностью и популярностью в современном мире выступают неплохим инструментом для достижения цели, которую ставят перед собой фальсификаторы.

Зачастую так называемые «лидеры мнений», имея некоторый авторитет у своей аудитории, могут внушить любую информацию, которую их «подопечные» будут воспринимать как истину. Особенно плохо, если человек начинает рассуждать на темы, в которых совершенно не разбирается. Некоторые «гуру», имеющие большое количество подписчиков, видят свою аудиторию как способ заработка, не думают о том, что их слова и высказывания воспринимаются поклонниками буквально, и соответственно не задумываются о последствиях, которые могут наступить после публикации очередного поста.

Таким образом, если человек, не знающий историю или уже знающий её в искажённом виде, будет нести в массы заведомо ложную информацию о прошлом, это приведёт к культурной деградации личности, воспринимающей его мысли.

Многие пользователи социальных медиа, имеющие свою малую или большую аудиторию, пишут посты, кратко обзвывая какую-либо историческую тему. При этом часто они гиперболизируют или наоборот – преуменьшают некоторые исторические факты. Или вовсе замалчивают их. Проблема также заключается в том, что некоторые делают это осознанно, а другие – нет.

Фальсификаторы в социальных сетях часто излагают своё собственное мнение, маскируя его под исторические факты. Источники в таких постах, как правило, просто не указываются.

Приведём некоторые примеры. В российском интернет-сегменте фальсифицируются в основном неоднозначные темы нашей истории: реформы П.А. Столыпина, реформы Петра I, Екатерины II – на эти и многие другие события существует множество различных фальсификаций. Например, Столыпину приписывают создание так называемых «галстуков» (виселиц), Петру I приписывают завышенное количество жертв при строительстве Санкт-Петербурга, существует немало слухов и фальсификаций, относящихся и к Екатерине II.

Особой «популярностью» для искажений пользуется Советская эпоха. В последние годы в интернете появляется множество спекуляций на тему Великой Отечественной войны. Приведём конкретный пример: преуменьшение роли подвига Зои Космодемьянской. По сообщению аналитиков компании «Крибрум», которая занимается мониторингом распространения фейков в сети интернет было отмечено, что с 2017 года возросло количество фальсификаций на эту тему. В небезызвестных социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook» (принадлежит корпорации «Meta», деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории России) и Twitter (деятельность социальной сети признана экстремистской и запрещена на территории России) значительно выросло количество негативных публикаций, которые деморализуют образ данной героини в истории Великой Отечественной войны.

В 2015-2016 годы наибольшую активность по сравнению с пользователями из других стран проявляли пользователи из Украины: именно на них пришлась основная часть негатива, распространяемого в Facebook и Twitter. Однако позже их доля снизилась. С 2017 года увеличивается доля авторов из Белоруссии и Казахстана. Это может говорить о проведении определённой кампании по дискредитации героев Великой Отечественной войны и, как следствие, разрушении исторической связи с Россией.

Это лишь один из многих примеров действий фальсификаторов исторической действительности в социальных сетях.

Фальсификация истории стара как мир. Возьмём античность. Одним из первых критиков исторических источников был древнегреческий историк, автор «Истории Пелопоннесской войны» Фукидид. Именно он впервые начал проверять исторические источники на подлинность («Подлинный», согласно словарю В.И. Даля – «истинный, настоящий, сущий, тот самый, оригинальный»). Фукидид использовал в своих трудах собственные наблюдения, рассказы очевидцев, привлекал различные исторические документы, тщательнейшим образом проверяя их, прежде чем ссылаться на них. Фукидид старался дать всему логическое, непредвзятое объяснение. Именно поэтому его труды принято считать объективными, лишенными каких-либо субъективных оценок. Фукидид был большим противником подхода к истории как сборнику анекдотов (популярное понимание истории в античное время), потому что авторы поэм уделяли большое внимание художественному вымыслу в угоду занимательности. Они мало заботились о достоверности, для них прежде всего было важно, чтобы их «исторический» труд был интересен к прочтению. Фукидид первым надлежащим образом оценил важность документов и некоторые из них после доскональной проверки целиком внес в свою историю (например, текст перемирия 423 г., Никиеву мир, договора афинян с Аргосом, Мантиней и Элидой). Для Фукидида на первом месте стояла достоверность, хотя он понимал, что так его труды будут менее интересны для читателей.

В Средние века фальсификация источников была в порядке вещей и не осуждалась. Тогда всё сводилось к авторитету источника, соответственно, если источник был авторитетным и в нём содержалась благая для общества феодальной эпохи информация, он автоматически считался достоверным и не подвергался критике. Первым эту концепцию разрушил Рене Декарт, который разработал в исторической науке принцип «методологического сомнения», согласно которому следует сомневаться во всём без исключения. В результате этого многие исторические источники (т. наз. «Константинов дар», например) были подвергнуты критике и сомнению.

В России одним из первых фальсифицированных исторических документов является «Лицевой свод», который был написан в период правления Ивана IV. В этом документе все противники государя показываются исключительно с негативной стороны, что уже говорит о некой предвзятости, делает невозможным назвать этот источник достоверным. Однако, главным фактом, позволяющим назвать лицевой свод фальсифицированным, является упоминание восстания бояр в 1533 году. Ни в одном другом документе не упоминается факт данного восстания.

Ещё одна подделка - т. наз. «Велесова книга» (50 деревянных дощечек), повествующая о происхождении славян с IX века до н.э. Данная книга признаётся научным сообществом фальсификатом на основании множества хронологических ошибок и неточностей. Д.С. Лихачёв проанализировав язык этой летописи подтвердил вывод о том, что это подделка, так как язык был сконструирован из нескольких современных славянских языков.

Для лучшего понимания проблемы желательно выявить конкретные методы, которыми пользуются фальсификаторы истории. Как пишет В.В. Цыганов, исследования многих современных российских историков финансируются международными некоммерческими организациями, которые выполняют заказ геополитических недругов России. В своей статье на тему «Технологии подготовки революции: модели и методы фальсификации истории» он также приводит некоторые методы, которыми пользуются фальсификаторы (данные методы релевантны также и для социальных сетей):

«Метод ложного доказательства» означает прямое изменение исторических событий и подделку исторических документов. Манипуляторы, в роли которых выступают различные некоммерческие организации, финансируемые зачастую из США, спонсируют авторов, которые пишут учебники. Эти учебники создают нужные исторические мифы, тем самым формируют определенные общественные настроения. То же самое можно сказать и про социальные сети. Международные некоммерческие организации финансируют авторов, которые ведут блог в социальных сетях на историческую тематику. Последние также распространяют ложную историческую информацию, которая формирует нужные манипуляторам общественные настроения.

«Субъективизация объективных фактов» предполагает, что при искажении истории фальсификатору даже не обязательно лгать напрямую. Искажение одного факта неизбежно ведёт к необходимости изменения ряда других смежных фактов, порождая цепочку лжи. Ложь требует умственных усилий, а успеху лжи способствует нежелание большинства перепроверять информацию. В то же время добиться цели можно и без искажения. Фальсификатор использует своё субъективное мнение, которое выдаётся за объективные факты исторической реальности. В зависимости от того, какая цель стоит перед фальсификатором или его заказчиком, различные события можно рассматривать с разных «углов зрения». Существует множество приёмов, которые используются в *методе ложного доказательства*: применение абсолютных оценок в качестве аргументов без учёта относительности; обсуждение событий без учёта их временных и контекстуальных особенностей; замалчивание фактов, которые не соответствуют логике повествования; представление гипотез или слухов как достоверных фактов.

«Манипулирование оценками персон и событий». Фальсификаторы любят героизировать одних исторических персонажей и демонизировать других. Всё это помогает создавать общественное мнение, которое нужно им или их заказчикам. Тем временем, необходимо всегда помнить, что исторические персонажи тоже люди, и у них были как положительные, так и отрицательные черты. В их деятельности так же есть положительные и отрицательные особенности. Обычно фальсификаторы берут неоднозначного исторического персонажа и гиперболизируют либо его негативные, либо положительные черты, тем самым создавая необъективный образ исторического персонажа.

Какие последствия может иметь фальсификация истории для человека в частности и общества в целом? Определённая политическая ангажированность, к сожалению, не обходит стороной и российские учебники. Многие учебники были написаны по заказу зарубежных агентов влияния, поэтому неудивительно, что во многих из них содержится искаженная информация, пропагандистские мифы, которые всячески деморализуют историю России, превращая её в комплекс сплошных ошибок и преступлений. Последствия этого для российского общества без преувеличения катастрофичны, потому что дети, не имея развитого критического мышления, легко воспринимают получаемую ими информацию как достоверное знание. В результате в их сознании остаются факты, которые не соответствуют действительности, а далее эти «знания» передаются следующему поколению. Таким образом, запускается процесс деградации культурного развития общества, что далее искажает и историческую, и социальную память.

Также фальсификация истории может привести к разжиганию межнациональной вражды. Фальсификаторы, прекрасно понимая многонациональную природу России, искусно манипулируют историческими фактами, разжигая вражду между народами России, тем самым пытаясь дестабилизировать российское общество.

Стоит отметить также, что когда люди слышат про многочисленные фальсификации и видят их (если, конечно, перепроверяют исторические источники), то в целом подрывается авторитет истории как науки. Люди перестают доверять истории, начинают меньше интересоваться ей, поскольку начинают путаться в исторических фактах, не понимая, какие из них правдивые, а какие ложные.

Выделим некоторые советы для пользователей социальных медиа и сети Интернет в целом о том, как нужно анализировать исторические источники для получения достоверной информации.

Два главных аспекта, которые необходимы для получения правдивых сведений – наличие критического мышления, то есть способность анализировать, интерпретировать и оценивать информацию и на основе её делать выводы, а также отсутствие у читателя лени, которая мешает проверять источники на достоверность. Ведь для этого нужно время и терпение, а, к сожалению, большинству проще поверить в ложь,

чем пытаться докопаться до истины.

Что же необходимо делать, для получения этой самой истины, если человек получает историческую информацию из социальных сетей? При прочтении исторической статьи необходимо всегда смотреть на источники, на которые ссылается автор. Указанные источники необходимо обязательно изучать, потому что, во-первых, автор публикации в социальных сетях может вырвать информацию из контекста, полностью искажая её изначальный смысл, а, во-вторых, нередки случаи, когда авторы публикаций просто обманывают читателей, ссылаясь на информацию, которая на самом деле отсутствует в указанном источнике. Также необходимо проверять авторитетность как самого автора, так и указываемых им источников. Как минимум у публикатора статьи в социальных сетях на историческую тематику должно быть профильное историческое образование. У авторов трудов, на которые ссылается публикатор, также должно быть историческое образование. Если автор поста на историческую тематику имеет 11 классов образования и при этом ссылается, например, на Евгения Понасенкова (признан иностранным агентом на территории РФ), то такая статья вряд ли может претендовать на научность и достоверность. Ещё необходимо отметить, что при изучении информации необходимо уметь отличать «сухие» факты от мнения автора. При прочтении необходимо всегда смотреть на «голые» факты и на их основе формировать своё собственное мнение.

Подводя итог, хотелось бы сказать: если бы каждый человек имел критическое мышление, перепроверял читаемую информацию, авторов, источники на авторитетность и достоверность информации, то фальсификаторы исторической действительности, а также их заказчики не смогли бы добиться желаемого результата. Важно при прочтении исторических статей всегда помнить, что сейчас против России ведется глобальная информационная война, оружием которой может потенциально являться любая информация. Именно поэтому в наши дни очень важно перепроверять всё читаемое.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Кодексы. Арбитражный кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 8 августа 2024 года: [принят Государственной Думой 14 июня 2002 года: Одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 года] - Текст: электронный - URL: <https://base.garant.ru/12127526/> (дата обращения: 30.04.2025).
2. Российская Федерация. Кодексы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: КоАП: текст с изменениями и дополнениями на 21 октября 2024 года: [принят Государственной думой: 20 декабря 2001 года: одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года] - Текст: электронный - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 30.04.2025).
3. Российская Федерация. Кодексы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года: [принят Государственной думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. М.: Эксмо, 2017. 350 с. - (Актуальное законодательство). ISBN: 978-5-04-004029-2
4. Архипов, В.В. Интернет-право: учебник для вузов / В.В. Архипов. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 254 с. - (Высшее образование). - Текст: электронный. ISBN: 978-5-534-19047-2
5. Фирсов, С.Л. История России: учебник для вузов / С.Л. Фирсов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 417 с. - (Высшее образование). - Текст: электронный. ISBN: 978-5-534-20580-0
6. Балабушевич, В.Ю. Фальсификация истории (опыт философского осмысления) / В.Ю. Балабушевич - Текст: электронный // Мир науки, культуры, образования - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-opyt-filosofskogo-osmysleniya/viewer> (дата обращения: 30.04.2025).
7. Вяземский, Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты / Е.Е. Вяземский - Текст: электронный // Проблемы современного образования - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-falsifikatsii-istorii-rossii-i-obshche-istoricheskoe-obrazovanie-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty/viewer> (дата обращения: 30.04.2025).
8. Компания Крибрум. Великая Отечественная война. Фальсификация истории. Дегероизация героев. Зоя. // Текст - электронный - URL: <https://s16.stc.all.kpcdn.net/share/1/3/4376973.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).
9. Лушин, А.Н. Фальсификация истории: теоретический подход к проблеме (на примере России) / А.Н. Лушин - Текст: электронный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-teoreticheskiy-podhod-k-probleme-na-primere-rossii/viewer> (дата обращения: 10.10.2024).
10. Потягайло, Л.И. Фальсификация истории / Л.И. Потягайло - Текст: электронный // Научная палитра - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39965359> (дата обращения: 30.04.2025).
11. Свинцова, М.Н. Искажение исторического прошлого как метод манипуляции сознанием российской молодежи // Гуманитарные науки и образование. - 2023. - № 1. - С. 113-120. - Текст - электронный - URL: <http://elib.fu.ru/art2023/bv3296.pdf> (дата обращения: 30.04.2025). DOI: 10.51609/2079-3499_2023_14_02_113 EDN: HVDVWB
12. Цыганов, В.В. Технологии подготовки революции: модели и методы фальсификации истории // Образовательные ресурсы и технологии - Текст, электронный - URL: <https://vestnik-muiv.ru/upload/iblock/7f8/7f873076736984adcb4f3bd7c0a15777.pdf> (дата обращения: 30.04.2025).
13. Курилла И. Зачем фальсифицируют историю / И. Курилла // Arzamas.academy: [сайт] - URL: <https://arzamas.academy/materials/189> (дата обращения: 30.04.2025).
14. Стогова Е., Порохова С. Какая соцсеть в России стала догонять "ВКонтакте" по аудитории / Е. Федяев, С. Порохова // Rbc.ru: [сайт] - URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/01/2024/658037fb9a79476406483fbb (дата обращения: 30.04.2025).
15. Федяев, А. Соцсети России 2024 / А. Федяев // Vc.ru: [сайт] - URL: <https://vc.ru/social/973910-socseti-rossii-2024-socialnye-seti-rf-top-10#populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2024> (дата обращения: 30.04.2025).

References:

1. Russian Federation. Codes. Arbitration Code of the Russian Federation: text with amendments and additions as of August 8, 2024: [adopted by the State Duma on June 14, 2002: Approved by the Federation Council on July 10, 2002] - Text: electronic - URL: <https://base.garant.ru/12127526/> (date accessed: 30.04.2025).
2. Russian Federation. Codes. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Administrative Offenses Code: text with amendments and additions as of October 21, 2024: [adopted by the State Duma: December 20, 2001: approved by the Federation Council on December 26, 2001] - Text: electronic - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 04/30/2025).
3. Russian Federation. Codes. Criminal Code of the Russian Federation: Criminal Code: text with amendments and additions as of August 1, 2017: [adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved by the Federation Council on June 5, 1996]. - Moscow: Eksmo, 2017. - 350 p. - (Current legislation). - ISBN 978-5-04-004029-2.
4. Arkhipov, V.V. Internet Law: a textbook for universities / V.V. Arkhipov. - 2nd edition, revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2024. - 254 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-19047-2. - Text: electronic.
5. Firsov, S.L. History of Russia: a textbook for universities / S.L. Firsov. - 3rd edition, revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 417 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-20580-0. - Text: electronic.
6. Balabushevich, V.Yu. Falsification of History (an Experience of Philosophical Understanding) / V.Yu. Balabushevich - Text: electronic // The world of science, culture, education - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-opyt-filosofskogo-osmysleniya/viewer> (date accessed: 04/30/2025).
7. Vyazemsky, E.E. The problem of falsification of Russian history and general historical education: theoretical and practical aspects / E.E. Vyazemsky - Text: electronic // Problems of modern education - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-falsifikatsii-istorii-rossii-i-obshche-istoricheskoe-obrazovanie-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty/viewer> (date accessed: 04/30/2025).
8. Cribrum Company. The Great Patriotic War. Falsification of history. De-heroization of heroes. Zoya. // Text - electronic - URL: <https://s16.stc.all.kpcdn.net/share/1/3/4376973.pdf> (date accessed: 30.04.2025).
9. Lushin, A.N. Falsification of history: a theoretical approach to the problem (using Russia as an example) / A.N. Lushin - Text: electronic // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-teoreticheskiy-podhod-k-probleme-na-primere-rossii/viewer> (date accessed: 10.10.2024).
10. Potyagaylo L.I. Falsification of history / L.I. Potyagaylo - Text: electronic // Scientific palette - URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39965359> (date of access: 30.04.2025).
11. Svintsova, M.N. Distortion of the historical past as a method of manipulating the consciousness of Russian youth // Humanities and education. - 2023. - No. 1. - P. 113-120. - Text - electronic - URL: <http://elib.fu.ru/art2023/bv3296.pdf> (date of access: 30.04.2025).
12. Tsyganov, V.V. Technologies for Preparing a Revolution: Models and Methods of Falsifying History // Educational Resources and Technologies - Text, electronic - URL: <https://vestnik-muiv.ru/upload/iblock/7f8/7f873076736984adcb4f3bd7c0a15777.pdf> (accessed: 30.04.2025).
13. Kurilla, I. Why History is Falsified / I. Kurilla // Arzamas.academy: [site] - URL: <https://arzamas.academy/materials/189> (accessed: 30.04.2025).
14. Stogova E., Porokhova S. Which social network in Russia has begun to catch up with VKontakte in terms of audience / E. Fedyaev, S. Porokhova // Rbc.ru: [web-site] - URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/08/01/2024/658037fb9a79476406483fbb (access date: 04/30/2025).
15. Fedyaev, A. Social networks of Russia 2024 / A. Fedyaev // Vc.ru: [site] - URL: <https://vc.ru/social/973910-socseti-rossii-2024-socialnye-seti-rf-top-10#populyarnye-socialnye-seti-v-rossii-2024> (date of access: 30.04.2025).

ТЕРМИН «ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО» В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ THE TERM «GENDER EQUALITY» IN THE SYSTEM OF LEGAL CATEGORIES

КУЗНЕЦОВ Сергей Владимирович,

старший преподаватель образовательно-научного кластера

«Институт управления и территориального развития»,

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.

ул. Александра Невского, 14, г. Калининград, Калининградская обл., 236041, Россия.

E-mail: pravoved-S.V@yandex.ru;

KUZNETSOV Sergey Vladimirovich,

senior lecturer Educational and scientific cluster

«Institute of Management and Territorial Development» BFU named after I. Kant.

Alexander Nevsky St., 14, Kaliningrad, Kaliningrad region, 236041, Russia.

E-mail: pravoved-S.V@yandex.ru

Краткая аннотация: социально-правовой вопрос борьбы с гендерной дискриминацией остается актуальным по момент настоящего исследования и одной из ключевых причин является отсутствие единого понимания термина «гендерное равенство» в качестве конкретной правовой категории. Проведен сравнительный анализ таких правовых категорий, как доктринальная идея, принцип права, правовая ценность и правовой институт, с целью определения наиболее близкого по своему содержанию термину «гендерное равенство», что будет основой детального правового регулирования исследуемых правоотношений. В результате исследования выявлена необходимость создания отдельной законодательной базы по урегулированию правоотношений, связанных с гендерными различиями.

Abstract: the socio-legal challenge of addressing gender discrimination continues to be relevant at the current time, and one of the main reasons for this is the lack of a shared understanding of the concept of «gender equality» as a distinct legal category. In order to determine which legal concept best approximates the meaning of «gender equality», a comparative analysis of various legal concepts has been conducted, including doctrinal ideas, principles of law, legal values, and legal institutions. This analysis will serve as the basis for the detailed legal regulation of the legal relations under study. The study has also highlighted the need for the development of a separate legal framework to address legal relations associated with gender differences.

Ключевые слова: права женщин, права мужчин, гендерное равенство, гендерная дискриминация, гендерное право, правовые категории.

Keywords: women's rights, men's rights, gender equality, gender discrimination, gender law, legal categories, discrimination, gender law, legal categories.

Для цитирования: Кузнецов С.В. Термин «гендерное равенство» в системе правовых категорий // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 61-65. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_61.

For citation: Kuznetsov S.V. The term «gender equality» in the system of legal categories // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 61-65. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_61.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

На сегодняшний день определение роли и места термина «гендерное равенство» в системе правовых категорий остается недостаточно исследованным, так как данный термин не закреплен в нормативно-правовых актах, но активно используется в законодательстве, судебной практике, научной литературе, при этом отсутствует определенность в отнесении указанного термина к конкретной правовой категории, что и является **проблемой** представленного мной исследования в настоящей статье. Сейчас исследуемый термин авторы трактуют по-разному, что способствует произвольному применению норм, связанных с правоотношениями между мужчиной и женщиной, с их правовым статусом в обществе в ключе гендерных различий.

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ различных правовых категорий применительно к термину «гендерное равенство».

В связи с чем есть необходимость исследовать этот вопрос, что позволит наиболее эффективно осуществлять основные направления, закрепленные в программных документах, к которым относится «Национальная Стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы» [1], а именно стремиться к достижению таких целей, увеличение взаимной финансовой самостоятельности женщин и мужчин, расширение возможностей влияния на политическую обстановку в стране и в мире, в целом предоставление условий для полноценной самореализации женщины наравне с мужчинами, таким образом, укоренение в правосознании граждан принципа равенства прав и возможностей женщин и мужчин.

В 2003 году в Государственную Думу РФ внесен был законопроект Федерального закона №284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» [2], содержащий результат попытки официально утвердить содержимое понятия «гендерное равенство», а именно, как равный правовой статус женщин и мужчин и равные возможности для его реализации, позволяющие лицам любой половой принадлежности свободно развивать свои потенциальные способности, умения и навыки для участия в политическом, экономическом, социальном и культурном процессах и освоении их достижений. Но указанный проект 11 июля 2018 года был отклонен Государственной Думой РФ [3].

В ходе обсуждения законопроекта высказывалось нежелание принимать риски того, что принятие такого нормативно-правового акта приведет к проникновению в национальную правовую систему чужеродные отечественным традициям правила. Так, на сегодняшний день, недопустима к распространению среди несовершеннолетних лиц информация, способная побудить у несовершеннолетнего желание сменить половую принадлежность, какой может стать любая пропаганда или демонстрация нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений.

Таким образом, современное российское законодательство строится полностью на традиционных патриархальных ценностях, взглядах на семью, как на союз исключительно лиц мужского и женского полов в биологическом смысле (без элемента самостоятельной гендерной идентификации лиц), на категоричном запрете гендерного самоопределения по личностным соображениям и самоощущениям в независимости от пола, биологически обусловленного.

При этом, по настоящий момент имеются многочисленные пробелы в законодательном регулировании правового статуса мужчин и женщин, что приводит к фактической гендерной дискриминации, к преобладанию над законом во многом устаревших и ущемляющих права, как правило, лиц женского пола – традиций, исторически сложившихся в обществе и плотно укоренившихся в общественном правосознании, что очевидно является проявлением искажений последнего.

В том числе, государство не сможет вечно игнорировать, что фактически имеются общественные отношения с личностями, которые сменили пол, гомосексуалистами и другими сексуальными меньшинствами. Поэтому рано или поздно государство будет вынуждено выработать законодательное регулирование указанных общественных отношений.

В связи с чем, считаю, на настоящий момент рассматриваемая сфера правоотношений остро нуждается в разработке всесторонне проработанной законодательной базы, без вмешательства человеческой предвзятости, обусловленной исторически сформировавшимися стереотипами общественного восприятия указанной категории правоотношений, для формирования института гендерных прав в национальной правовой системе, предназначение которого будет заключаться в разрешении всех существующих проблем в части равенства прав и возможностей на самореализацию мужчин и женщин, в том числе в исполнении превентивной функции в перспективе дальнейшего правового регулирования правового статуса женщин и мужчин по гендерному признаку.

Важно отметить, что речь не только о регламентации содержимого самого термина «гендерное равенство», как о частнонаучном понятии или термине, а об отнесении его к конкретной правовой категории с целью определения масштабов правового регулирования и детальной проработки оставшихся без внимания законодателя и правоприменителей элементов, возникающих уже непосредственно в результате юридических фактов, к сожалению, зачастую в виде правонарушений в отношении женщин и мужчин по гендерному признаку, при отсутствии установленных законом механизмов по восстановлению своих нарушенных прав.

Так как само название моего настоящего исследования содержит понятие «термин», то необходимо понять различия между «термином», «понятием» или для лучшего понимания считаю нужным обозначить «частнонаучным понятием», и «правовой категорией».

Относительно понимания сущности понятия «термин» соглашусь с мнением Баринова П.С. [4], который определяет термин как слово или сочетание слов, которое ограничивает от других понятий то или иное понятие или категорию в рамках конкретной теории или совокупности теорий. Иными словами, это просто наименование понятия, не несущий в себе какие-либо сущностные признаки, а лишь обозначающий в словесной форме исследуемый элемент понятийного аппарата той или иной науки.

Необходимо также понять, что из себя представляет правовая категория и почему так фундаментально значение ее выделения при начале исследования того или иного правового явления в юридической науке. Также нужно отличать правовые категории от частнонаучных понятий, так как степень сущностной глубины у них разная. Например, Андреев И.Д. определил, что категории в сравнении с частнонаучными понятиями, которые отражают основные свойства малой группы предметов либо явлений, отражают фундаментальные свойства, присущие всем исследуемым явлениям в рамках определенной науки [5].

Из приведенного универсального для всех наук понимания категории, считаю возможным самостоятельно вычленить и объединить в понятие признаки «правовой категории», а именно это наиболее общее понятие, включающее в себя фундаментальные знания об общеправовом явлении, заключающие в себе всю сущность последнего и обозначающие пределы масштаба влияния на право в целом. Простыми словами, это тот фундамент, на котором будет выстраиваться правовое регулирование связанных между собой конкретным признаком правоотношений, в настоящем случае – гендерная принадлежность субъектов правоотношений.

Итого затягивание процесса по регламентации содержимого понятия «гендерное равенство», только отдаляет от желаемого результата поставленной цели по достижению идеального баланса прав и свобод женщин и мужчин, который учитывал бы биологические различия, но не ущемлял бы никого по гендерному признаку, так как препятствует и процессу определения юридическим сообществом конкретной правовой категории, к которой будет относиться термин «гендерное равенство».

В связи с чем в настоящем исследовании делается попытка дать свое определение термина «гендерное равенство» в системе правовых категорий.

Во-первых, термин «гендерное равенство» можно рассматривать как **доктринальную идею**, которая в нашей стране традиционно не используется как правовая категория, имеющая и теоретическое, и прикладное значение. В основном об идеях и доктринах вспоминают или в историческом контексте, или в рамках дискуссий о современных источниках права. Вместе с тем доктринальные идеи реально и фактически воздействуют на правотворческий процесс, законодательство, правореализационную практику. Так, юридическая деятельность сегодня не может базироваться только на позитивистском правопонимании, что влечет проявление интереса не столько к самим правовым нормам, сколько к процессам их формирования, пересмотр представлений об источниках права, закрепление в законодательстве декларативных норм, норм-принципов.

В целом правовая категория «гендерное равенство» как доктринальная идея должна быть отображена в документах программного уровня (доктрина, концепция, стратегия, наглядный пример - «Национальная Стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы»), в

законодательстве в качестве норм-принципов, норм-деклараций, использоваться в правоприменительных актах, прежде всего высших судебных органов (Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ) при разрешении коллизий, восполнении пробелов. У самой доктринальной идеи нет юридической силы, поскольку включается она в правовое регулирование опосредованно, через программные документы (если они обладают нормативными свойствами), принципы права и правоприменительную практику.

Таким образом, первоначально доктринальная идея гендерного равенства (в самом широком смысле - это взгляды по поводу гендерного равенства, получившие признание научных деятелей, общества и государства) как правовая категория получает закрепление в виде целеполагающих и декларативных норм, устанавливающих задачи и направления правового регулирования, норм-принципов и норм-дефиниций, исходя из чего строится правотворческая и правоприменительная практика.

Во-вторых, термин «гендерное равенство» представляется возможным определить как **принцип права**, а именно базовую общую правовую идею, которая выступает фундаментом всего правового регулирования правоотношений между лицами различной гендерной принадлежности. Принцип права относится к общим положениям отраслей права и по своей сути универсален при регулировании правоотношений во всех отраслях и подотраслях права. Иными словами, безоговорочно является общеправовой правовой категорией, которая представляет из себя одно из начал правового регулирования.

Гендерное равенство как раз можно было бы определить общеправовым принципом, так как актуален как в гражданско-правовых, вытекающих из них трудовых, семейных, т.е. частных правоотношениях, так и в публично-правовых (уголовно-правовых и др.), в том числе является официально утвержденным конституционным правовым принципом.

В науке приводится множество вариаций определения понятия «правовой принцип». С.Н. Братусь понимает суть правового принципа, как ведущее начало, закрепленное в правовых нормах или вытекающее из общего смысла (духа) закона, обоснованное юридической наукой и подтвержденное практикой [6]. Андреев Ю.Н. подчеркнул, что в свою очередь, правовые принципы обусловлены социально-экономическими условиями, представлениями людей о праве, добре, справедливости и равенстве [7].

Определение правовой сущности гендерного равенства в качестве правового принципа весьма обоснованно, так как имеет глубокое историческое прошлое и веками обретало форму базовой конструкции правоотношений между мужчиной и женщиной, их правовой статус в обществе относительно друг друга. Можно сказать, что основной общеправовой принцип равенства породил принцип гендерного равенства. Сейчас одной из ключевых целей законодателя является недопущение дискриминации по половому признаку в связи с нарушением прав женщин именно в связи с их половой принадлежностью, что негативно сказывается на их качестве жизни и объективно не способствует общественному прогрессу. В итоге, представления современного общества о равенстве формируют принцип равенства и по гендерной принадлежности.

Ирхин И.В. отметил, что принципы не являются требованиями, поскольку требования производны от принципа, ведь требование возникает в результате действия принципа, т.к. последний не может быть приведен в действие без раскрывающих принцип требований. То есть, благодаря правовым принципам право функционирует и имеет ориентир на общественную мораль и нравственность, представления современной цивилизации о правовой организации отношений, в рассматриваемом случае, между мужчиной и женщиной. Правовой принцип как скелет, на котором держатся уже мышцы и иные ткани в виде норм, регулирующих конкретные правоотношения, подразделяясь на отрасли и подотрасли.

Ю.А. Акимова указывает, что гендерное равенство – один из ключевых международных и конституционных принципов определения правового статуса личности в современном правовом демократическом государстве. Принцип равноправия полов произведен от общепризнанного принципа равноправия всех перед законом и судом, в содержание которого, помимо равенства прав женщин и мужчин, входят такие аспекты, как юридическое равенство всех перед законом и судом и равноправие независимо от расовой и национальной принадлежности [8].

О.Г. Подоплелова обратила внимание, что Конституция РФ (Собрание законодательства РФ от 2014 года, №31, ст. 4398; принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) лишь в широком смысле упоминает принцип равенства мужчин и женщин. Такое не детализированное, не точечное конституционное регулирование вопроса гендерного равенства создает иллюзию отсутствия проблем в рамках этого вопроса, так как правовое регулирование из-за отсутствия конкретных правовых норм становится более формальным, чем реальным [9].

Прошу обратить внимание, что из ст. 19 Конституции РФ следуют принципы гендерного равенства, такие как: принцип равенства всех перед законом и судом; принцип гарантий государством равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола; принцип, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. При этом определения термина «гендерное равенство» в отечественном законодательстве не имеется.

В теоретическом осмыслении в российском праве отсутствует единое определение термина «гендерное равенство» как правовой категории, нередко этот термин используется в качестве конституционного принципа права [10], нормы международного права [11], как основная ценность Европейского Союза [12], другие же трактуют его в качестве равных прав и обязанностей лиц независимо от половой принадлежности, и равных возможностей для их реализации, позволяющие лицам независимо от гендерной принадлежности свободно участвовать в политической, экономической, социальной, общественной и культурной сферах жизни своего государства [13] или как часть юридического принципа равенства всех перед законом и судом [14].

Л.К. Бондаренко также пришел к выводам, что в своем классическом выражении гендерные права на доктринальном и декларативном уровне являются нормами-принципами (конституционный принцип равноправия полов) и в некотором роде нормами-задачами (реализация принципа равноправия полов в материальном и процессуальном праве) [15].

Однако, при исследовании прихожу к выводу, что нельзя определить «гендерное равенство» только как общеправовой принцип права, либо норму-принцип, поскольку не допустимо одну и ту же правовую категорию определять по-разному с учетом ее места в системе правового регулирования.

В-третьих, термин «гендерное равенство» можно определить, как **правовую ценность**. Рудольф Герман Лотце (1817 - 1881) был первым, кто ввел в оборот понятие «ценность» в философской науке [16]. Понятие «правовая ценность» берет свое начало в философии. Учение о ценностях называется аксиологией. Ценностью является драгоценность, значимая духовная материя, то, к чему стремится человечество для его процветания с точки зрения морали.

В науке выделяют аксеологию права – иными словами, это этика права, поскольку все правовые ценности служат в качестве ключевого ориентира для развития всех отраслей права и правовых норм как внутри государства, так и на международном уровне, как поясняет Ланг П.П [17]. При анализе изложенной сути учения аксиологии права можно увидеть, что и правовой принцип, и правовая ценность имеют единую цель – достижение наиболее безопасных и комфортных условий для человечества, недопущение духовной деградации и нарушения общественных устоев. Равенство женщин и мужчин определяет достойные условия для жизни женщины в обществе, что сейчас можно назвать ценностью. В результате феминистического движения, многолетней борьбы женщин за свои права, в общественном сознании сформировалась соответствующая ценность женщины в обществе. Раннее отсутствие таковой ценности приводило к поощряемому неуважению и угнетению женщин.

Синонимом ценности можно считать понятие «добро», так как ее существование способствует препятствию осуществления насилия людей в отношении друг друга. Учение правовой аксиологии как раз направлено на исследование взаимодействия правовых ценностей и моральных норм, в результате которого это обретает вид правовой системы. Ценность защиты прав женщин порождает правовую ценность гендерного равенства.

Таким образом, можно согласиться и с отнесением термина «гендерное равенство» к правовой ценности, так как право стремится к их соблюдению с целью обеспечения порядка и процветания цивилизации.

В-четвертых, термин «гендерное равенство» можно определить, как **правовой институт**. Правовой институт является конструкцией взаимосвязанных между собой норм по предметно-функциональному признаку и охватывающих конкретные видовые общественные отношения, как отметила Киримова Е.А. [18].

Правовой институт и отрасль права соотносятся как специальное с общим, т.к. регулирует сходные правоотношения между конкретными субъектами. Правовой институт является отражением сути общественных процессов, степень правовой осознанности людей и понимания необходимости регламентации конкретных правоотношений по защите прав и законных интересов социальной группы.

Но отнесение термина «гендерное равенство» к правовому институту не является таким универсальным, как категории «общеправовой принцип» или «правовая ценность», так как регулирует однородные правоотношения в рамках конкретной отрасли права. Из всего проведенного анализа следует применимость термина «гендерного равенства» к различным правоотношениям, которые нельзя урегулировать одной конкретной отраслью.

Вывод. Подводя итог проведенного анализа, можно сделать вывод о постоянной эволюции сути термина «гендерное равенство» в качестве понятия и правовой категории, что связано не только с развитием научного знания и правового общества в целом, но и с повышением феминистических настроений в социуме.

Гендерное равенство в качестве конституционно правового принципа уже вписан в систему правового регулирования и имеет статус правовой категории в рамках юридической науки именно в качестве конституционного, а значит общеправового принципа. Но как особенно информативно и показательно подчеркнула О.Г. Подоплева [9], действительно остановка процесса разрешения вопроса настоящего исследования на определении термина «гендерное равенство» в системе правовых категорий в качестве лишь конституционного принципа создает только видимость его решения. Остаются проблемы с гендерной дискриминацией уже непосредственно в правоотношениях между мужчиной и женщиной, в определении правового статуса мужчины и женщины, в связи с отсутствием более детализированной законодательной базы, для создания которой нельзя ограничиться регламентацией одного только принципа путем утверждения в Конституции РФ.

Правовая категория «гендерное равенство» как доктринальная идея, правовая ценность и правовой институт, в том числе не решает проблем с практической её реализацией в современных реалиях. Перечисленные правовые категории не справляются с решением той же проблемы, как и правовой принцип, так как оказывают слишком общее и абстрактное влияние на степень проработки правового регулирования различных правоотношений. Более того, доктринальная идея и правовая ценность не представляют собой общеобязательные правовые нормы, а чем-то по своей значимости схожи с моральными нормами, несоблюдение которых не повлечет серьезных санкций, кроме частичного общественного осуждения.

То есть, избираемая правовая категория в случае определения термина «гендерное равенство» должна отвечать и критерию общеобязательности, то есть выражаться в действующих нормах права, распространяющихся на всех участников регулируемых правоотношений между индивидами по гендерному признаку без исключений. Потенциальный нарушитель прав и законных интересов из соображений собственной гендерной предвзятости должен чувствовать страх перед безусловно последующей санкцией в случае совершения такого правонарушения. В целом должно сложиться в обществе понимание, что это является именно правонарушением, а не законным действием и частично допустимым с точки зрения части общественности с сложившимися стереотипными представлениями о гендерном неравенстве.

В связи с чем, требуется создание конкретизированной законодательной базы по регулированию общественных отношений между

мужчинами и женщинами, в которой будут подробно закреплены определения, принципы, задачи, механизмы реализации данных прав и их защиты, что поспособствует развитию института гендерных прав с целью достижения цели по фактическому полному равноправию лиц независимо от половой принадлежности.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Правительство. Распоряжение от 29.12.2022 № 4356-р "Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023 - 2030 годы" // Доступ из справ.-правовой системы "Консультант Плюс".
2. Проект Федерального закона № 284965-3 "О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации" (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.01.2003) // Доступ из справ.-правовой системы "Консультант Плюс".
3. Российская Федерация. Государственная Дума. Постановление от 11.07.2018 № 4451-7 ГД "О проекте федерального закона № 284965-3 "О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации" // Доступ из справ.-правовой системы "Консультант Плюс".
4. Баринов, П.С. Обесценивание правовых категорий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Науч. совет ВАК РФ. - М.
5. Андреев, И. Д. Проблемы логики и методологии познания. - М., 1972. - 320 с.
6. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / Всесоюз. ин-т юрид. наук. - Москва: 1963. - С. 135. EDN: RGFYMB
7. Андреев, Ю. Н. О соотношении правовых принципов и методов правового регулирования // Цивилист. - 2023. - № 3. EDN: ZBHOEM
8. Акимова, Ю.А. Конституционный принцип равноправия мужчины и женщины: на примере законодательства РФ и ФРГ // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/konstitucionnyj-princip-ravnopravija-muzhchiny-i-zhenwiny-na-primere-zakonodatelstva.html>.
9. Подоплепова, О. Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка "особого отношения"? // Сравнительное конституционное обозрение. - 2018. - № 3.
10. Скачкова, Г. С. Труд женщин в России: правовые новации по его охране // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2022. - № 2. EDN: COFGTQ
11. Ким, Ю. В. О понятиях правозащитной деятельности и правозащитной системы или же к вопросу об организационно-правовых предпосылках "всенародного счастья" // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 1. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-27-35 EDN: VMVOSC
12. Модельный закон о государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин (Принят в г. Санкт-Петербурге 18.11.2005) // Доступ из справ.-правовой системы "Консультант Плюс".
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 15-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда" // Доступ из справ.-правовой системы "Консультант Плюс".
14. Абдрахманова, Е. Р., Савельев, И. С. Гендерный подход в уголовном праве РФ: смертная казнь и пожизненное лишение свободы как "мужские" наказания // Российский следователь. - 2014. - № 13. EDN: SGZFPP
15. Бондаренко, Л. К. Гендерные аспекты права в контексте неимущественных благ // Хозяйство и право. - 2022. - № 5. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-5-3-11 EDN: UCICXV
16. Леббок, Д. Л., Лотце, Г. Радости жизни. Микрокосмос. - Москва: БелЭн, 2006.
17. Ланг, П. П. Аксиология правоприменительной практики как квинтэссенция правовой материи // Защита прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: Сборник статей участников Международной научно-практической конференции (I Международной школы-семинара молодых ученых-юристов) / Под ред. В. В. Казакова, К. А. Комогортсева. - Москва: МФЮА, 2020. - С. 52-57. EDN: KYUNQO
18. Киримова, Е.А. Правовой институт / теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

References:

1. The Russian Federation. Government. Order No. 4356-r dated December 29, 2022 "On approval of the National Strategy of Action for Women for 2023-2030" // Access from references.- Consultant Plus legal system.
2. Draft Federal Law No. 284965-3 "On State Guarantees of Equal Rights and Freedoms and Equal Opportunities for Men and Women in the Russian Federation" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 17.01.2003) // Access from References.-legal system-we are Consultant Plus.
3. The Russian Federation. The State Duma. Resolution of 11.07.2018 No. 4451-7 of the State Duma "On the draft Federal Law No. 284965-3 "On State Guarantees of Equal Rights and Freedoms of men and women and equal opportunities for their realization" // Access from References.- legal system "Consultant Plus".
4. Barinov, P.S. Depreciation of legal categories: abstract of the dissertation ... kand. jurid. sciences: 12.00.01 / Scientific The Council of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. - M.
5. Andreev, I. D. Problems of logic and methodology of cognition, Moscow, 1972, 320 p.
6. Bratus, S. N. The subject and the system of Soviet civil law / Vsesoyuzn. in-t jurid. sciences'. - Moscow: 1963. - p. 135. EDN: RGFYMB
7. Andreev, Yu. N. On the correlation of legal principles and methods of legal regulation // Civilist. - 2023. - № 3. EDN: ZBHOEM
8. Akimova, Yu.A. The constitutional principle of equality of men and women: on the example of the legislation of the Russian Federation and Germany // [Electronic resource]. - Access mode: <http://www.dslib.net/konstitucion-pravo/konstitucionnyj-princip-ravnopravija-muzhchiny-i-zhenwiny-na-primere-zakonodatelstva.html>.
9. Podopleva, O. G. Gender stereotypes in the constitutional law of Russia: the trap of "special treatment"? // Comparative Constitutional Review. - 2018. - № 3.
10. Skachkova, G. S. Women's labor in Russia: legal innovations for its protection // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2022. - No. 2. EDN: COFGTQ
11. Kim, Yu. V. On the concepts of human rights activities and the human rights system, or on the issue of organizational and legal prerequisites for "national happiness" // Constitutional and Municipal Law. - 2021. - № 1. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-27-35 EDN: VMVOSC
12. Model Law on State Guarantees of Equal Rights and Equal Opportunities for Men and Women (Adopted in St. Petersburg on 18.11.2005) // Access from the help.- Consultant Plus legal system.
13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06.06.2017 No. 15-P "In the case of the review of the constitutionality of paragraph 1 of the third part of Article 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Leningrad Regional Court" // Access from references.- Consultant Plus legal system.
14. Abdrakhmanova, E. R., Savelyev, I. S. Gender approach in the criminal law of the Russian Federation: death penalty and life imprisonment as "male" punishments // A Russian investigator. 2014. No. 13. EDN: SGZFPP
15. Bondarenko, L. K. Gender aspects of law in the context of non-property benefits // Economy and Law. - 2022. - № 5. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-5-3-11 EDN: UCICXV
16. Lubbock, D. L., Lotze, G. The joys of life. The microcosm. Moscow: BelEn Publ., 2006.
17. Lang, P. P. Axiology of law enforcement practice as the quintessence of legal matter // Protection of human and civil rights and freedoms: theory and practice: A collection of articles by participants of the International Scientific and practical Conference (I International School-seminar of young Legal scientists) / Edited by V. V. Kazakov, K. A. Komogortseva. Moscow: MFUA, 2020. pp. 52-57. EDN: KYUNQO
18. Kirimova, E.A. The Law Institute / theoretical and legal research: abstract of the dissertation. kand. jurid. sciences'.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_66

УДК 340.1

Н.Н. АЛЕКСЕЕВ И ЕГО ОРИГИНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА N.N. ALEKSEEV AND HIS ORIGINAL PHILOSOPHY OF LAW

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России.

ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.

E-mail: axel_b@mail.ru;

ПАРФЕНОВ Николай Петрович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры математики и информатики
Санкт-Петербургского университета МВД России.

ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.

E-mail: parfenov-nikolai@mail.ru;

BREDIKHIN Aleksey Leonidovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.

E-mail: axel_b@mail.ru;

PARFENOV Nikolay Petrovich,

PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics and Computer Science
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.

E-mail: parfenov-nikolai@mail.ru

Краткая аннотация: В статье авторы рассматривают философско-правовые взгляды известного ученого Николая Николаевича Алексеева. Главным образом содержание его учения изложено в работе «Основы философии права» 1924 г., написанной в эмиграции. Авторы отмечают оригинальный феноменологический подход Н.Н. Алексеева в изучении права, сквозь призму которого он разъясняет содержание государственно-правовых категорий. В заключение указывается на актуальность философско-правовых взглядов для современности.

Abstract: In the article, the authors examine the philosophical and legal views of the famous scientist Nikolay Nikolaevich Alekseev. The content of his teaching is mainly set out in the work "Fundamentals of the Philosophy of Law" of 1924, written in empiricism. The authors note the original phenomenological approach of N. N. Alekseev in the study of law, through the prism of which he explains the content of state and legal categories. In conclusion, the relevance of philosophical and legal views for modern times is indicated.

Ключевые слова: Н.Н. Алексеев, философия права, феноменология, Гуссерль, евразийство.

Keywords: N. N. Alekseev, philosophy of law, phenomenology, Husserl, Eurasianism.

Для цитирования: Бредихин А.Л., Парфенов Н.П. Н.Н. Алексеев и его оригинальная философия права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 66-68. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_66.

For citation: Bredikhin A.L., Parfenov N.P. N.N. Alekseev and his original philosophy of law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 66-68. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_66.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Николай Николаевич Алексеев видный представитель отечественной философии права, которого постигла судьба многих философов царской России. После революции он покинул Россию, но находясь за рубежом, продолжил свою деятельность, преподавал в учебных заведениях Европы (Прага, Берлин, Сорбонна).

Творческое наследие Н.Н. Алексеева нашло отражение в работах современных ученых, в том числе стало предметом диссертационных исследований [1,2]. Его также называют сооснователем «евразийства» [3, С. 110-115], которое и сейчас популярно и широко разрабатывается.

Не имея целью охватить огромное научное наследие Н.Н. Алексеева, остановимся на его работе «Основы философии права», первоначально изданные в Праге в 1924 г., где систематизированы его философские воззрения.

Н.Н. Алексеев в 1918 г. отмечал, что «европейские государства из периода великих потрясений и исканий вошли в период относительно организованного покоя. Но, характерно, что идея философии права, если и живет еще где, то это у нас, и русских» [4, С. 5].

В предисловии Н.Н. Алексеев пишет, что эта работа посвящена исключительно «философско-правовым проблемам», что отличает от других работ: «Введение в изучение права», Москва 1918 и «Общее учение о праве», Симферополь 1919 г. «Книга моя — пишет он — есть результат некоторого умственного опыта, стремящегося усмотреть и выразить внутреннее существо право» [5, С. 19].

В первом разделе «Задачи философии права» философскому осмыслению подвергаются проблемы соотношения науки о праве и философии права. Интересно замечание ученого, что «подлежащее научному определению понятие является уже определенным в положительном праве, и дело идет о познании этого последнего определения, независимо от того, истинно оно или ложно» [5, С. 23].

Здесь же он обозначает свою приверженность феноменологическому подходу в изучении права, берущему начало в учении Гуссерля. Как пишет Н.Н. Алексеев: «Феноменология есть философия как точная наука».

Второй раздел «Структура права» посвящена анализу таких проблем как: определение права, фикционизм в праве, правовые факты, правовые эмоции. Автор отмечает, что система основных юридических понятий есть система чисто рациональная, получаемая в результате

чисто логического вывода. Однако, нельзя определить какое либо понятие само по себе, без соотношения с другим.

Говоря о фикционизме в праве, он отмечает, что «теория фикций имеет дело преимущественно с положительным правом, в котором момент установленности не может не занимать преобладающего положения»[5, С. 57].

Автор указывает, что существуют некоторые первоначальные правовые факты. Часто в качестве правовых фактов имеют ввиду не «факты в смысле первоначальных данностей», а факты в смысле временных конкретных событий.

Здесь же подробно излагаются взгляды Л.И. Петражицкого, которого Н.Н. Алексеев называет «эмоциональным философом». Критикуя которого, он отмечает его «убеждение, что существуют некоторые неразложимые и первоначальные эмоциональные акты, являющиеся основой всего того, что человеческое мнение называет правом».

Н.Н. Алексеев раскрывает следующую структуру права:

1. Субъект. Однако автор имеет ввиду не субъекта права с точки зрения правовой науки, а того, кто является «носителем обнаруживающихся в праве ценностей». Субъект мыслится как деятель, как носитель актов, обнаруживающих ценности — в частности, актов признания. Ценности только тогда становятся живыми и реальными, когда они находят живого носителя, поэтому каждый реальный правопорядок предполагает того деятеля, который обнаруживает свое безразличие к миру, «обладает» признанием.

2. Ценности. Наличие какой-либо ценности является безусловным предположением для правовых явлений, так как если бы ее не было, не существовало бы также и проявлений заинтересованности и безразличия.

3. Основные определения, которыми характеризуется особое, специфическое, правовое отношение ценностей, как между собою, так и к их носителям. Эти определения, как и все в правовой структуре являются некоторыми первоначальными и, в свою очередь, уже неопределимыми данностями. По поводу них возможно создать только тавтологические определения, и существо их доступно только феноменологическому описанию.

Основной ценностью права Н.Н. Называет справедливость. Глубочайшей основой идеи справедливости является мысль о том иерархическом порядке, в котором стоят по отношению друг к другу ценности, - мысль о постепенном их достоинстве, о возрастающих и убывающих степенях их совершенства.

Правовая связь между ценностями определяется двумя первоначальными понятиями, которые можно считать основными определениями права: «правомочие» и «правообязанность». Юридически можно то, что дозволено, что разрешено, другими словами, то, что обосновано ценностью или оправдано.

Идеальное должное есть иное выражение для идеи высшей необходимости, - не естественной необходимости фактов, но нравственной необходимости особого ценностного порядка.

Третий раздел «Реальность права» посвящен осмыслению позитивистских категорий — «положительного права». По своему смыслу «положительное право есть право установленное, историческое, реально существующее или существовавшее, ставшее так или иначе фактом и не могущее не обладать фактическим характером»[5, С. 135].

Ученый анализирует понятие «факта» и замечает, что «фактичность нормы состоит не в ее реальном существовании, не в ее реальной действительности, но в ее идеальном значении, в способности идеального действия».

Что касается самого понимания факта, то таковым часто обозначается не только все реальное, но и сверхопытное, идеальное, фиктивное и т.п. Более точное определение факта зиждется на том, таковым будет все то, что лежит в конкретном времени и что по существу своему носит печать индивидуальности.

Профессор Алексеев утверждает, что «положительное право» как область человеческих установлений не может быть фактом в смысле чего-то непосредственно данного, само по себе существующего. То есть «положительное право» всегда «не фактично».

Одним из видов нормативных фактов философ называет также государство. Правовые связи, вытекающие из государственных актов и ими обусловленные, являются связями абсолютными, обнаруживающими характер особой, логической необходимости. Интересно утверждение, что «всякое государство есть временный, исторический факт».

Автор приводит мнение, что «положительное право родится как бы в процессе постепенной конкретизации права естественного»[5, С. 178]. Но, в то же время, нормы естественного права определить весьма затруднительно, так как при описании естественных прав речь идет больше о каких-либо нравственных предписаниях. То есть, из этих предписаний невозможно вывести конкретные положительные нормы.

В четвертом разделе «Правовой идеал» Н.Н. Алексеев говоря об общественном идеале отмечает господствующее мнение, о том, что такой идеал достижим путем права. Отмечает, что для жизни общества правовое регулирование не является естественным, поэтому не согласен с утверждением о возможности усовершенствования общества путем права. Правовое общение отнюдь не совпадает с общественными явлениями в их целом и что поэтому идея совершенного общества отнюдь не может совпадать с идеей совершенного правопорядка.

Интересна мысль, что «организация политической власти в государстве может не обладать характером чисто юридическим», как например при теократии.

Говоря о правовом идеале, он отмечает, что основной темой учения о правовом идеале должно быть не отыскание конечной формы общественного совершенства, но указание тех действительных путей и средств, при помощи которых может быть улучшен всякий возможный правопорядок, при полном сознании, что подобное улучшение может излечить многие болезни общества, но не в состоянии преобразовать общество в его целом и довести его до состояния земного рая.

Таким образом, Н.Н. Алексеев построил оригинальное философско-правовое учение, основанное все же на господствующих в тот период философских концепциях. Несмотря на то, что ученый юрист по образованию, его концепция критикует во многом идеи положительного права (позитивизм). Его феноменология права, тем не менее, далеко не всегда принимается в науке.

Несмотря на свою оригинальность, творческое наследие Н.Н. Алексеева представляет огромный интерес и для современных исследователей, а также находит своих последователей. Возможно в меняющемся мире взгляды этого философа еще предстоит оценить по достоинству будущим поколениям исследователей.

Список литературы:

1. Борщ, И.В. Философия права Н.Н. Алексеева: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Москва, 2005. EDN: NNMLZP
2. Судоргина, И.Н. "Государство", "власть", "личность" в государственно-правовой концепции Н.Н. Алексеева: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Судоргина Ирина Николаевна; [Место защиты: Сарат. гос. акад. права]. - Саратов, 2008. EDN: NKQLKT
3. Амбарцумян А.С. Правовая концепция Н.Н. Алексеева в контексте евразийства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 1. С. 110-115. EDN: RZTOJF
4. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: философия веры и нравственности / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 1997.
5. Алексеев Н.Н. (1879-1964). Основы философии права / Н. Н. Алексеев; [вступ. ст. А. П. Альбова и др.]. - СПб.: Юридический ин-т, 1998.

References:

1. Borsch, I.V. Philosophy of law by N.N. Alekseev: dissertation... Candidate of Law Sciences: 12.00.01. - Moscow, 2005. EDN: NNMLZP
2. Sudorgina, I.N. "The state", "power", "personality" in the state-legal concept of N.N. Alekseev: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.01 / Irina Nikolaevna Sudorgina; [Place of defense: Sarat. state Academy. rights]. - Saratov, 2008. EDN: NKQLKT
3. Ambartsumyan A.S. The legal concept of N.N. Alekseev in the context of Eurasianism // Humanities and socio-economic sciences. 2014. No. 1. pp. 110-115. EDN: RZTOJF
4. Korolkov A.A. The spiritual science of law // Russian philosophy of law: philosophy of faith and morality / Edited by V.P. Salnikov. St. Petersburg, 1997.
5. Alekseev N.N. (1879-1964). Fundamentals of the philosophy of Law / N. N. Alekseev; [introductory article by A. P. Albova and others]. - St. Petersburg: Law Institute, 1998.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ) (ПРОДОЛЖЕНИЕ) SOME RELEVANT ASPECTS OF USAGE SPECIAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS (PART TWO) (CONTINUED)

ЧЕРВЯКОВ Михаил Эдуардович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебных экспертиз
Красноярского государственного аграрного университета.
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: mc256gt@gmail.com;

ВЛАСОВ Валерий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права и экологических экспертиз
Красноярского государственного аграрного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института МВД России, доцент кафедры государственного и муниципального управления
Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, действительный член РАЕН, член РАЮН,
член Общественной палаты г. Красноярск, член Совета
Красноярского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: vav.70@mail.ru;

CHERVYAKOV Mikhail E.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Examinations
Krasnoyarsk State Agrarian University.
Mira Ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: mc256gt@gmail.com;

VLASOV Valery Alexandrovich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Land Law and Environmental Expertise
Krasnoyarsk State Agrarian University, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration
Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
full member of the Russian Academy of Natural Sciences, member of the RAYUN,
member of the Public Chamber of Krasnoyarsk, member of the Council
Krasnoyarsk regional branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia".
Mira ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: vav.70@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящем исследовании авторами предпринята попытка научного анализа отдельных аспектов использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Делается обоснованный вывод о том, что наблюдается объективная устойчивая тенденция, направленная на то, что правоохранительные органы проявляют гораздо большую активность обращаться за помощью сведущих лиц, в том числе и путем поручения им производства судебной экспертизы с целью полного, всестороннего и эффективного расследования уголовных дел.

Abstract: In this study, the authors attempt to scientifically analyze individual aspects of the use of specialized knowledge in criminal proceedings. It is reasonably concluded that there is an objective, stable trend towards law enforcement agencies being much more active in seeking assistance from knowledgeable individuals, including by commissioning them to conduct forensic examinations in order to fully, comprehensively and effectively investigate criminal cases.

Ключевые слова: специальные знания, судопроизводство, уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, правонарушение, ответственность, механизм совершения преступления, расследование преступлений, предупреждении преступлений, доказывание.

Key words: special knowledge, legal proceedings, criminal proceedings, forensic examination, offense, responsibility, mechanism of committing a crime, investigation of crimes, prevention of crimes, proof.

(начало в предыдущем номере)

Для цитирования: Червяков М.Э., Власов В.А. Некоторые актуальные аспекты использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве (часть вторая) (продолжение) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 69-73. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_69.

For citation: Chervyakov M.E., Vlasov V.A. Some relevant aspects of usage special knowledge in criminal proceedings (part two) (continued) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 69-73. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_69.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Эффективное расследование преступлений все более востребовано российским обществом, тем более что отдельные виды уголовно наказуемых деяний нередко приобретает черты систематической криминальной деятельности, становясь сферой реализации интересов организованной преступности. Значительную помощь в расследовании преступлений, по нашему мнению, призван оказать институт специальных знаний [1].

Авторы настоящего исследования уже обращали внимание на то, что под специальными знаниями следует понимать сложившуюся систему знаний в области науки, техники, искусства, спорта, полученных в результате соответствующего специального образования и професси-

онального опыта работы, необходимых для решения вопросов, возникших в ходе уголовного, гражданского, арбитражного, конституционного судопроизводства. Специальные знания используются различными субъектами (экспертами, специалистами, следователями, дознавателями, оперуполномоченными и т.д.) в процессуальной и непроцессуальной форме, непосредственно (самостоятельно самим следователем, дознавателем и т.д.) и опосредованно (использование результатов деятельности специалиста, эксперта и т.д.) [2]. К специальным следует относить знания, позволяющие следователю, дознавателю, прокурору, судье, адвокату и другим лицам решать частные задачи процессуальной деятельности. Важнейшие источники получения таких знаний – криминалистика, судебная медицина, судебная психиатрия, юридическая психология, правовая статистика, правовая бухгалтерия и т.д. [3].

В современный период времени, развитие научно-технического прогресса, автоматизации и информатизации общества ни в коем случае нельзя принижать значение применения специальных знаний в расследовании и предупреждении преступлений. Достаточно сложно представить себе те виды судопроизводства, при осуществлении которых органы расследования и суда не прибегали бы к использованию специальных знаний лиц, специалистов в области криминалистической техники. Специальные знания могут использоваться в различных формах на разных этапах уголовного судопроизводства, таких как: возбуждение, расследование и судебное рассмотрение уголовных дел [4]. Только обоснованное применение специальных знаний в рамках установленных процедур с последующей всесторонней оценкой их результатов способствует принятию судом законного решения при рассмотрении уголовного дела [5]. Судебная экспертиза признается одним из наиболее надежных средств доказывания в гражданском, уголовном, административном и арбитражном процессах [6].

Вместе с тем, назначение экспертизы в уголовном процессе имеет свои, причем существенные, особенности [7]. Назначение экспертизы в уголовном процессе имеет свои, причем существенные, особенности. Эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в установленном процессуальном порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ст. 57 УПК РФ) [8]. В отличие от гражданского процесса, в уголовном процессе начиная с 15.03.2013 года возможно назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 4 ст. 195 УПК РФ). В уголовном процессе эксперт относится к иным участникам судопроизводства, это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в установленном порядке для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК РФ).

Наличие строго процессуального регламента подготовки и проведения экспертизы преследует две цели – обеспечить достоверность фактических данных, устанавливаемых экспертным путем, и создать условия для реализации участниками процесса своих прав и законных интересов, учитывая, что выводы по экспертизе могут в дальнейшем повлиять на содержание их правового статуса.

Для достижения первой цели закон обязывает инициатора назначения экспертизы поручать производство исследования компетентному и незаинтересованному в исходе дела лицу, письменно формулировать перед ним вопросы и предоставлять объекты исследования. Приняв поручение на производство экспертизы, эксперт должен провести полное и всесторонне исследование с применением рекомендованных методик, обеспечивающих достоверность устанавливаемых данных. Ход и результаты исследования отражаются в отдельном процессуальном документе, являющимся самостоятельным доказательством по делу.

Инициатор назначения экспертизы, получив заключение эксперта, должен его оценить и определить место заключения в системе доказательств по делу. В рамках существующей на сегодня процедуры орган предварительного расследования или суд не обязаны составлять отдельный процессуальный документ, выражающий их согласие с выводами эксперта. Заключение эксперта помещается в материалы дела и становится его частью. При этом выводы, которые сделает инициатор по итогам расследования или судебного рассмотрения дела (в обвинительном заключении, приговоре, решении суда) во всяком случае не должны противоречить выводам, изложенным в заключении эксперта.

Если же инициатор не согласен с заключением, он должен мотивировать свое мнение в решении о назначении дополнительной или повторной экспертизы. Другого варианта выражения согласия / проявления сомнения в достоверности выводов судебной экспертизы ни один процессуальный закон не содержит; такое положение дел, несмотря на формальное предписание об отсутствии у заключения эксперта каких-либо предустановленных свойств по отношению к другим видам доказательств, на самом деле ставит его в особое положение по сравнению с другими источниками фактических данных.

Наряду с указанной особенностью, отражающей познавательное значение заключения эксперта, нормы процессуальных законов подчеркивают значительную роль судебной экспертизы в качестве средства защиты интересов участников судопроизводства. Значение экспертизы как процессуального средства отстаивания интересов заинтересованных лиц является следствием ее познавательно-удостоверительных возможностей, и прежде всего способности устанавливать неочевидные факты. В контексте рассматриваемого дела эти факты практически всего имеют юридическое значение, либо служат основанием для вывода о существовании юридических фактов в совокупности с другими данными по делу. В свою очередь, вывод о существовании фактов, отраженных в нормах материального права, предопределяет сущность вывода о характере и содержании правоотношения с участием сторон, и таким образом предопределяет вывод о содержании субъективных прав и юридических обязанностей участников этого правоотношения. На основании данных суждений суд принимает итоговое решение о виновности или невиновности обвиняемого, доказанности или не доказанности иска. В силу этих особенностей заинтересованные лица всегда проявляют повышенное внимание к данным устанавливаемым экспертным путем, а также к самой процедуре получения заключения эксперта. В уголовном процессе заинтересованными лицами являются потерпевший, подозреваемый обвиняемый, в гражданском и арбитражном – истец и ответчик, административном судопроизводстве – административный истец и ответчик и т.д. Закон наделяет заинтересованных лиц правом влиять на объем и характер экспертного задания, высказывать мнение о кандидатуре сведущего лица, знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, заключением эксперта, заявлять ходатайство о назначении дополнительной или повторной экспертизы. Нет ни одного процессуального закона, бы ни предо-

ставляя лицам, имеющим в деле свой собственный интерес, право участвовать в действиях по назначению судебной экспертизы, исследованию и оценке заключения эксперта. Тем самым заинтересованные лица получают возможность направлять познавательные усилия эксперта на исследование тех обстоятельств, которые, по их мнению, могут доказать обоснованность их притязаний на предмет правового спора, и одновременно опровергнуть правомерность требований, предъявляемых противоположным участником процесса. Кроме того, стороны могут возражать против достоверности фактов, установленных первичной судебной экспертизой и приводить аргументы, обосновывающие необходимость проведения повторного экспертного исследования.

Данное обстоятельство еще раз подчеркивает, что наряду со своим познавательным значением, судебная экспертиза является еще и средством защиты интересов лиц, по инициативе которых началось судопроизводство, либо которые вовлекается в юридический процесс в связи с предположением о совершении ими определенного правонарушения. С другой стороны, не вызывает сомнений утверждение о том, что возможность заинтересованных лиц отстаивать свои интересы путем участия в доступных для них формах в процедуре назначения и производства экспертизы обусловлена особыми познавательными возможностями судебной экспертизы как основной формы использования специальных знаний сведущих лиц.

Уместно остановиться на вопросе о некоторых тенденциях развития института применения специальных знаний. По понятным причинам мы не можем рассмотреть все тенденции, поэтому остановимся на одной из них. В целом она может быть охарактеризована как постоянный рост числа экспертных исследований, проводимых по различным категориям юридических дел. Увеличение числа проводимых судебных экспертиз особенно заметно, если рассматривать деятельность правоохранительных органов Российской Федерации в исторической ретроспективе, отмечая изменение объема нагрузки на судебную систему нашей страны и оценивая связанное с этим изменение потребностей в объеме применяемых специальных знаний.

Анализ данных официальных и других источников сети Интернет позволяет утверждать: в период существования России в качестве самостоятельного государства, то есть, начиная с 1991 года и по настоящее время, количество материалов юридических дел, ежегодно рассматриваемых судами всех видов и уровней Российской Федерации увеличилось в несколько раз; аналогичным образом увеличилось число дел, производство по которым осуществляется органами предварительного и административного расследования с последующим направлением материалов дела в суд. В отношении рассмотренных судами уголовных дел эта тенденция выглядит следующим образом. В 1990-х годах число лиц, осужденных за преступления судами всех видов и уровней неуклонно повышалось и к 2000 году достигло своего пика – примерно 1 миллион 200 тысяч осужденных (в 1991 году около 600 тысяч, то есть увеличении почти в два раза) [9]. С конца 2000-х годов и по настоящее время наблюдается снижение числа осужденных, косвенным признаком чего может служить количество уголовных дел, поступающих в суды первой инстанции; в середине 2010 годов этот показатель составлял около 1 миллиона дел, в 2023 году уже 720 тысяч [10].

Наиболее впечатляющим видится рост числа ежегодно рассматриваемых гражданских дел. Если говорить только о делах искового производства, то есть спорах, при рассмотрении которых, как правило, и назначаются экспертизы, то по самым скромным оценкам по сравнению с началом 1990-х годов увеличение числа дел, ежегодно рассматриваемых судами в порядке гражданского судопроизводства, составило впечатляющую цифру - 400 % (рост в четыре раза) [11]. При расчетах принималось во внимание, что общее количество уголовных и гражданских дел, а также дел об административных правонарушениях, которые ежегодно рассматривались судами РСФСР в конце 80-х годов 20 века, составляло примерно 7 миллионов [12]; в 2023 году этот показатель только по гражданскому судопроизводству составил 27 миллионов дел, в то время как еще в 2021 году общее количество дел, рассмотренных судами всех видов уровней в Российской Федерации, вплотную приблизилось к 40 миллионной отметке. Все это подтверждает тезис об увеличении объема работы, выполняемой судебной, и, в целом, всей правоохранительной системой нашей страны., из чего логическим образом следует вывод о столь же многократно возросших масштабах применения института специальных знаний как средства объективного установления обстоятельств юридических споров.

Принимая во внимание, что вновь возникающие правовые споры по своим признакам относятся к уже существующим категориям дел, увеличение числа таких дел ведет к росту количества судебных экспертиз, назначаемых в аналогичных судебных процессах. Однородные правовые ситуации диктуют необходимость применения схожих средств установления обстоятельств дела, поэтому суды вынуждены в больших количествах назначать судебную экспертизу. При этом динамика роста потребности в специальных знаниях очевидно коррелирует с изменением в большую сторону масштабов нагрузки на судебную систему.

К сказанному следует добавить, что в 1992 года в России появился новый вид судебного процесса – арбитражное судопроизводство. С момента своего возникновения число дел, рассматриваемых в порядке арбитражного судопроизводства, демонстрировало устойчивую динамику к росту и остановилось на стабильно высоком уровне к концу 2010-х годов. По данным судебной статистики, количество дел по спорам из гражданских правоотношений, рассмотренных арбитражными судами по первой инстанции в период с 2021 по 2023 год, изменяясь в определенных пределах, никогда не становилось меньше полутора миллионов в год [13; 14]. Споры между субъектами предпринимательской деятельности возникают в основном из заключенных между ними договоров, это обуславливает особую востребованность в арбитражных судах судебно-почерковедческих экспертиз, а также технико-криминалистических исследований документов. В зависимости от предмета спора стороны нередко ходатайствуют о назначении товароведческих, инженерно-технических, судебно-экономических экспертиз. В последние годы у участников хозяйственных споров все более востребованной становится судебно-компьютерно-техническая экспертиза что, впрочем, является общей тенденцией, свойственной всем видам судопроизводства.

Представляется, однако, что есть еще одна причина, которая (так же в разрезе исторического аспекта) обусловила рост числа случаев

применения специальных знаний в процессе расследования и судебного рассмотрения юридических дел. Данная причина заключается на наш взгляд в эволюционных изменениях требований к степени доказанности юридических фактов, уровню достоверности и полноты, которым должны отвечать выводы правоприменителя относительно содержания и характера правового спора. В настоящее время ни у кого из правоприменителей не вызывает возражений тезис о том, что судебная экспертиза - процессуальный инструмент, обеспечивающий максимальную достоверность познания фактов по сравнению со всеми другими видами доказательств в судопроизводстве. При наличии оснований к назначению экспертизы такая возможность используется или по крайней мере рассматривается как одно из эффективных средств установления обстоятельств правового спора. Одним из факторов, побуждающих правоприменителей обращаться за помощью экспертам и специалистам, является позиция заинтересованных лиц, которые все чаще рассматривают судебную экспертизу как способ доказывания фактов, подтверждающих обоснованность их требований и возражений. Здесь начинает проявлять себя отмечена выше свойство судебной экспертизы выступать в качестве инструмента защиты прав участников процесса, имеющих в юридическом деле свой собственный интерес.

Следует отметить, что оба этих обстоятельства – и несомненные сдвиги в сознании правоприменителей, и намерение заинтересованных лиц ходатайствовать о назначении экспертизы, находят свое выражение в производстве по всем категориям юридических дел. Попытаемся проиллюстрировать данное утверждение примером из области уголовного процесса, понимая, что приводимое наблюдение возможно носит частный характер, но тем не менее, подтверждает общую мысль об одной из имеющихся тенденций в анализе изучаемого явления.

При ознакомлении с материалами дел о хищениях чужого имущества в форме кражи и грабежа, расследованных в 80-х и 90-х годах 20 века, нередко наблюдалась следующая картина. Уголовно-процессуальный закон обязывает правоприменителя в числе других существенно значимых обстоятельств дела установить размер вреда, причиненного потерпевшей стороне. Предметом хищения является чужое имущество, поэтому размер вреда определяется стоимостью похищенного имущества. По историческим меркам относительно недавно, всего каких-нибудь два-три десятилетия назад стоимость похищенного не менее чем по половине уголовных дел устанавливалась со слов потерпевшего. То есть, во время допроса данный участник судопроизводства называл свою оценку стоимости пропавших вещей, и этот размер вменялся в обвинительном заключении и приговоре суда обвиняемому в краже или грабеже. На вполне естественный в этой ситуации вопрос – как быть если потерпевший ошибся и назвал стоимость большую чем на имел место в действительности – судебные инстанции отвечали достаточно стандартной формулировкой, что у них «нет оснований не доверять показаниям потерпевшего»

В настоящее время такой подход претерпел ряд значительных изменений. Во-первых, одних только слов потерпевшего недостаточно для того, чтобы считать доказанным размер причиненного вреда: необходимо, чтобы стоимость похищенного подтверждалась и другими доказательствами, желательно документальными. В качестве таких доказательств могут выступать документы о приобретении похищенной в последствии вещи в организации торговли, справка о стоимости аналогичного товара на момент расследования уголовного дела. Во-вторых, при наличии выраженных противоречий по этому вопросу между сторонами обвинения и защиты орган предварительного расследования предпочитает назначить судебно-товароведческую или судебно-оценочную экспертизу. Экспертиза назначается так же и в ситуации, когда вещь находилась в употреблении, ее стоимость изменилась и окончательная оценка стоимости может повлиять на квалификацию деяния.

Между тем, подобного рода взвешенное, более избирательное отношение к средствам доказывания по делу основывается на давно закрепленных в нормах права принципах уголовного судопроизводства. Вина обвиняемого должна быть доказана, это в равной мере относится и к стоимости похищенного имущества, поскольку размер похищенного - часть констатируемой вины.

Если сторона защиты выражает свое несогласие с оценкой стоимости похищенной вещи, она вправе ходатайствовать перед органом предварительного расследования о проверке этой оценки путем собирания новых доказательств по делу, в том числе путем производства судебных экспертиз. Деятельность эксперта основывается на системе научно разработанных методик и в наименьшей степени (при прочих равных условиях) подвержена влиянию субъективного фактора. Желая достоверно установить существенно значимый и неочевидный в данной ситуации юридический факт, сторона защиты ходатайствует о проведении соответствующего вида экспертизы.

Право обвиняемого, подозреваемого, его защитника заявлять подобного рода ходатайства, и обязанность органов предварительного расследования их удовлетворять закреплена в нормах уголовно-процессуального закона (ст. 119, ч.2 ст. 159 УПК РФ).

Аналогичная тенденция имеет место при производстве по другим категориям юридических дел, но во всех случаях характер взаимоотношения участников процесса определяется логикой последовательной реализации принципа состязательности. Инициатива со стороны лиц, имеющих в юридическом деле свой собственный интерес, осознается органами следствия и суда и заставляет их что называется «играть на опережение». Видя, что объективное разрешение возникшего спора потребует применения специальных знаний, они сами принимают решение о назначении судебной экспертизы, или как это имеет место, например, в гражданских процессах – предлагают сторонам заявить ходатайство о ее проведении.

Главные требования, предъявляемые к эксперту – это обладание специальными познаниями и отсутствие заинтересованности по делу. Его главное предназначение - оказать содействие суду в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Таким образом наблюдается явное изменение подхода к доказыванию одного итого же юридического факта: правоохранительные органы проявляют большую готовность обращаться за помощью сведущих лиц, в том числе путем поручения им производства судебной экспертизы.

Список литературы:

1. Максуров А.А. Области применения специальных знаний в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2023. № 6. С. 91 - 98. DOI: 10.34076/20713797_2023_6_91 EDN: ORLTCO
2. Червяков М.Э., Власов В.А. Некоторые актуальные вопросы разделения труда как предпосылки формирования системы специальных знаний (часть первая) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10(238). С. 464-467. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_464 EDN: WPPXEX
3. Червяков М.Э., Власов В.А. Некоторые актуальные вопросы разделения труда как предпосылки формирования системы специальных знаний (часть вторая) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 462-465. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_11_462 EDN: SXHYJF
4. Власов В.А., Червяков М.Э. Актуальные вопросы применения системы специальных знаний в расследовании и предупреждении преступлений // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 264-268. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_10_264 EDN: IEXEOQ
5. Епишин В.В. Нарушения закона при использовании специальных знаний в уголовном судопроизводстве: проблемы и решения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 4. С. 50 - 55. EDN: SXAOCT
6. Москалькова Т.Н. Судебная экспертиза в механизме обеспечения прав участников уголовного процесса // Российский судья. 2024. № 2. С. 28 - 33. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-2-28-33 EDN: YZCGIE
7. Бортникова Н.А. Судебный эксперт // КонсультантПлюс: официальный сайт компании "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024). КонсультантПлюс: официальный сайт компании "КонсультантПлюс" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
9. Доклад: рост преступности в 90-е годы и новое законодательство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mka1.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
10. Адвокаты проанализировали статистику Верховного суда РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
11. Судебный Департамент подготовил статистику о работе судов общей юрисдикции в 2023 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
12. Концепция судебной реформы в РСФСР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://businesspravo.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
13. Верховный Суд подвел итоги работы судов за 2021 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru> (дата обращения: 02.03.2025).
14. Судебный департамент опубликовал статистику о работе арбитражных судов в 2023 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru> (дата обращения: 02.03.2025).

References:

1. Maksurov A.A. Areas of application of special knowledge in the criminal process // Russian Law Journal. 2023. No. 6. PP. 91-98. DOI: 10.34076/20713797_2023_6_91 EDN: ORLTCO
2. Chervyakov M.E., Vlasov V.A. Some topical issues of the division of labor as prerequisites for the formation of a system of special knowledge (part one) // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 10(238). pp. 464-467. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_464 EDN: WPPXEX
3. Chervyakov M.E., Vlasov V.A. Some topical issues of the division of labor as prerequisites for the formation of a system of special knowledge (part two) // Law and the state: theory and practice. 2024. No. 11(239). pp. 462-465. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_11_462 EDN: SXHYJF
4. Vlasov V.A., Chervyakov M.E. Actual issues of the application of the system of special knowledge in the investigation and prevention of crimes // Agrarian and land law. 2024. No. 10 (238). PP. 264-268. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_10_264 EDN: IEXEOQ
5. Epishin V.V. Violations of the law when using special knowledge in criminal proceedings: problems and solutions // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2022. No. 4. pp. 50-55. EDN: SXAOCT
6. Mosalkova T.N. Judicial examination in the mechanism of ensuring the rights of participants in the criminal process // Russian judge. 2024. No. 2. PP. 28-33. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-2-28-33 EDN: YZCGIE
7. Bortnikova N.A. Judicial expert // ConsultantPlus: the official website of the ConsultantPlus company [Electronic resource]. Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of request: 03/02/2025).
8. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on December 28, 2024). ConsultantPlus: the official website of the ConsultantPlus company [Electronic resource]. Access mode: <https://www.consultant.ru> (date of access: 03/02/2025).
9. Report: crime growth in the 90s and new legislation [Electronic resource]. Access mode: <https://mka1.ru> (date of appeal: 03/02/2025).
10. Lawyers analyzed the statistics of the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <https://www.kommersant.ru> (date of request: 03/02/2025).
11. The Judicial Department has prepared statistics on the work of courts of general jurisdiction in 2023 [Electronic resource]. Access mode: <https://pravo.ru> (date of reference: 03/02/2025).
12. The concept of judicial reform in the RSFSR [Electronic resource]. Access mode: <https://businesspravo.ru> (date of appeal: 03/02/2025).
13. The Supreme Court summed up the work of the courts for 2021 [Electronic resource]. Access mode: <https://pravo.ru> (date of request: 03/02/2025).
14. The Judicial Department published statistics on the work of arbitration courts in 2023 [Electronic resource]. Access mode: <https://pravo.ru> (date of notification: 03/02/2025).

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ LEGAL POLICY IN THE FIELD OF HEALTHCARE AND LEGAL PROTECTION OF PUBLIC HEALTH IN THE SOVIET STATE

ГРИГОРЯН Грануш Андраниковна,

аспирантка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Краснодарский край, 350040, Россия.

E-mail: epifanova_elen@mail.ru;

GRIGORYAN Granush Andranikovna,

postgraduate student of the full-time department
of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Kuban State University».
Stavropol street, 149, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350040, Russia.

E-mail: epifanova_elen@mail.ru;

Научный руководитель:

ЕПИФАНОВА Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Краснодарский край, 350040, Россия.

E-mail: epifanova_elen@mail.ru;

Supervisor:

EPIFANOVA Elena Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Kuban State University».
Stavropol street, 149, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350040, Russia.

E-mail: epifanova_elen@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматривается право на охрану здоровья является важным конституционным правом, признанным в 1948 году Уставом ВОЗ. В России это право начало закрепляться с момента образования государства, но до революции 1917 года оно было ограничено государственными интересами. После революции вся система здравоохранения перешла в руки государства, и с 1936 года была введена бесплатная медицина. В 1977 году Конституция гарантировала бесплатную и квалифицированную медицинскую помощь. С 1991 года начался переход к рыночной экономике, что привело к созданию системы медицинского страхования. В 2011 году был принят Федеральный закон №323, регулирующий охрану здоровья граждан. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме, что современная система здравоохранения обеспечивает права граждан, но есть пробелы в законодательстве, что приводит к судебной неопределенности. Обосновывается идея о том, что советское государство стремилось обеспечить охрану здоровья в тяжелых условиях, а современная Россия сталкивается с аналогичными вызовами, такими как глобальные эпидемии, сокращение продолжительности жизни и рост социальных проблем.

Abstract: This article examines the right to health protection, an important constitutional right recognized in 1948 by the WHO Charter. In Russia, this right began to be consolidated from the moment the state was formed, but before the 1917 revolution it was limited by state interests. After the revolution, the entire healthcare system passed into the hands of the state, and free medicine was introduced in 1936. In 1977, the Constitution guaranteed free and qualified medical care. Since 1991, the transition to a market economy began, which led to the creation of a health insurance system. In 2011, Federal Law No. 323 was adopted, regulating the protection of citizens' health. The article is devoted to the current problem that the modern healthcare system ensures the rights of citizens, but there are gaps in legislation, which leads to judicial uncertainty. The author substantiates the idea that the Soviet state sought to ensure health protection in difficult conditions, while modern Russia faces similar challenges, such as global epidemics, shorter life expectancy, and growing social problems.

Ключевые слова: Охрана здоровья, медицинское учреждение, квалифицированная медицинская помощь, российская правовая медицинская система, Конституция Российской Федерации, бесплатная медицина, укрепление здоровья, поданный, Устав, закон.

Key words: Health protection, medical institution, qualified medical care, Russian legal medical system, Constitution of the Russian Federation, free medicine, health promotion, submitted, Charter, law.

Для цитирования: Григорян Г.А. Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 74-76. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_74.

For citation: Grigoryan G.A. Legal policy in the field of healthcare and legal protection of public health in the Soviet state // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 74-76. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_74.

Статья поступила в редакцию: 29.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Право на охрану здоровья является одним из важнейших конституционных прав граждан. Оно было сформулировано и закреплено сравнительно недавно, а первое международное признание этого права состоялось в 1948 году в преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения¹.

Право на охрану здоровья в России получило правовую регламентацию практически с момента образования государства, в наиболее ранних нормативных правовых актах. Но это право на охрану здоровья осуществлялось главным образом в интересах государства, поскольку обеспечено было сравнительно небольшому кругу лиц, в которых нуждался властвующий субъект. Расширение потребности государства в здо-

¹ Устав Всемирной организации здравоохранения (Нью-Йорк, 22.07.1946 г.,) (с изм и доп от 15.09.2015 г.) СПС «Гарант»

ровых подданных повлекло за собой государственные меры к сохранению и укреплению здоровья, своевременному лечению и недопущению заболеваний прежде всего в армии, а затем и среди гражданского населения, забота о котором была возложена на полицию, а позднее и на органы земского самоуправления. Отсюда можно сделать вывод о том, что предоставленное российским подданным законодательно право на здоровье не являлось их частным делом, а дополнялось обязанностью поддерживать нормальное состояние здоровья, чтобы быть в состоянии выполнять государственную службу или нести повинности.

После революции 1917 г. вся система здравоохранения, в том числе и нормативно-правовые акты претерпели значительные изменения. Теперь данная система была полностью сконцентрирована в руках государства. Все медицинские учреждения стали государственными, частные же прекратили свое существование. В 1936 г. 5 декабря принимается Конституция СССР¹, в которой декларировалось право каждого гражданина на бесплатную медицину. Позже, в 1969 году принимается закон «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении», в котором говорилось, о том, что «охрана здоровья народа — одна из важнейших задач Советского государства»²

Через некоторое время в законодательстве понятие о защите права граждан на охрану здоровья было раскрыто подробнее. В соответствии с Конституцией 1977 года, гражданам гарантировалась бесплатная и квалифицированная медицинская помощь, которая оказывалась государственными медицинскими учреждениями.

Кроме этого, граждане СССР имели право на профилактические мероприятия, которые были призваны поддерживать и восстанавливать здоровье, предупреждать развитие заболеваний. На этом этапе следует отметить, что при подобном строе, который отрицал все частное, понятие медицинской услуги отсутствовало. Но надо отдать должное, что именно в СССР сложилась российская правовая медицинская система. Уже с 1991 г. начинает меняться вся политико-экономическая и социальная система. В данный период был принят Закон Российской Федерации «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации»³

В нем были отражены равные возможности граждан в получении медицинской и лекарственной помощи, предоставляемой за счет средств обязательного медицинского страхования, а также была предусмотрена ответственность медицинской организации за объем и качество предоставленной услуги. После распада СССР в России полностью изменилась экономическая система, вместе с этим и изменились институты, связанные с медициной, что повлекло за собой создание многоступенчатой системы нормативно-правовых актов, которые регулируют оказание медицинской помощи и услуг. В современной России основой регулирования медицинской деятельности является Конституция Российской Федерации, в ней указано, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. На базе Конституции РФ 21 ноября 2011 года был принят Федеральный закон № 323, в нем отражены правовые основы охраны здоровья граждан.

В систему актов, которые регулируют оказание медицинской помощи, входит Закон РФ от 07.02.1992 года № N 2300–1, он гарантирует потребителю качественное оказание медицинских услуг.

Если характеризовать современный этап развития законодательства в области здравоохранения в России, нужно отметить, что на сегодняшний день данная отрасль обеспечивает права граждан на охрану здоровья и качественные медицинские услуги, действующим законодательством. Но все же в регулировании некоторых отношений существуют пробелы.

Из-за отсутствия унифицированного законодательства, которое всецело могло бы регулировать данные отношения, судебная практика не имеет единообразия, что может повлечь за собой нарушения прав граждан. В связи с этим, нам представляется возможным создание отдельного нормативно-правового акта, который бы учел в себе специфику правоотношений, связанных добровольным медицинским страхованием. Подводя итоги, можно сделать вывод, что современное законодательство в сфере здравоохранения получало свое развитие постепенно, с учетом таких обстоятельств как время, экономического и политического строя и необходимости регламентации отношений, в сфере здравоохранения.

Советское государство стремилось к обеспечению правовой охраны здоровья населения в тяжелейших условиях разрухи, голода, Гражданской и Отечественной войн, под влиянием крайне негативных внешних обстоятельств.

РФ в третьем тысячелетии столкнулась со схожими вызовами истории

- угроза глобальных эпидемий (ВИЧ; грипп, гепатит и т. п.),
- резкое сокращение продолжительности жизни,
- рост детской смертности, беспризорности,
- увеличение числа бездомных,
- слабая контролируемость миграционных потоков в условиях глобализации,
- терроризм и прочие насущные проблемы современности, затрагивающие здоровье как физическое и духовное благополучие граждан,

требует научно обоснованной правовой политики, опирающейся на проверенные временем алгоритмы решений. Обозначенный комплекс вопросов подтверждает актуальность и необходимость исследования правовой политики в сфере здравоохранения и правовой охраны здоровья

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) / (в редакции с изм. Закона СССР от 29 октября 1976 г. № 4694-IX «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР "О преобразовании Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы в союзно-республиканский Государственный комитет Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам" и о внесении соответствующего изменения в статью 70 Конституции (Основного Закона) СССР»

² Закон «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» / СПС «Консультант-плюс»

³ Закон Российской Федерации «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (утратил силу с 01.01.2011 г.)

населения в советский период.

Объектом исследования выступает совокупность подлежащих правовому регулированию общественных отношений в сфере здравоохранения в Советском государстве.

Предметом исследования является система юридически оформленных мероприятий правовой политики в сфере здравоохранения и правовой охраны здоровья граждан в Советском государстве и в современной России.

Право на охрану здоровья появилось в конце XIX – начале XX веков, что обусловлено становлением и развитием социальных прав человека (прав второго поколения), которые предполагают активную роль государства в их обеспечении¹.

В соответствии с Конституцией 1977 года², гражданам гарантировалась бесплатная и квалифицированная медицинская помощь, которая оказывалась государственными медицинскими учреждениями³.

Кроме этого, граждане СССР имели право на профилактические мероприятия, которые были призваны поддерживать и восстанавливать здоровье, предупреждать развитие заболеваний. На этом этапе следует отметить, что при подобном строе, который отрицал все частное, понятие медицинской услуги отсутствовало. Но надо отдать должное, что именно в СССР сложилась российская правовая медицинская система⁴.

Нормативно-правовые акты:

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) / (в редакции с изм. Закона СССР от 29 октября 1976 г. № 4694-IX «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР "О преобразовании Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы в союзно-республиканский Государственный комитет Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам» и о внесении соответствующего изменения в статью 70 Конституции (Основного Закона) СССР» / Ведомости Верховного Совета СССР от 7.10.1977 г., № 41, ст. 617.
3. Устав Всемирной организации здравоохранения (Нью-Йорк, 22.07.1946 г.) / (с изм. и доп. от 15.09.2015 г.) // СПС «Гарант»
4. Закон «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» // СПС «Консультант-Плюс»
5. Закон Российской Федерации «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» (утратил силу с 01.01.2011 г.).

Список литературы:

1. Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве (1917-1991 годы) // Автореферат диссертации по ВАК РФ 12.00.01, кандидат юридических наук Егорова Диана Владимировна.
2. Сохрякова, А. В. История развития законодательства, регулирующего сферу оказания медицинских услуг / А. В. Сохрякова. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2020. - № 22 (312). - URL: <https://moluch.ru/archive/312/71000>. EDN: OCETIU

References:

1. Legal policy in the field of healthcare and legal protection of public health in the Soviet state (1917-1991) // Abstract of the thesis on the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 12.00.01, Candidate of Law Egorova Diana Vladimirovna
2. Sokhryakova, A.V. The history of the development of legislation regulating the provision of medical services / A.V. Sokhryakova. - Text: direct // Young scientist. - 2020. - № 22 (312). - URL: <https://moluch.ru/archive/312/71000/>

¹ Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве (1917-1991 годы) // Автореферат диссертации по ВАК РФ 12.00.01, кандидат юридических наук Егорова Диана Владимировна

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) / (в редакции с изм. Закона СССР от 29 октября 1976 г. № 4694-IX «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР "О преобразовании Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы в союзно-республиканский Государственный комитет Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам» и о внесении соответствующего изменения в статью 70 Конституции (Основного Закона) СССР» / Ведомости Верховного Совета СССР от 7.10.1977 г., № 41, ст. 617.

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Сохрякова, А. В. История развития законодательства, регулирующего сферу оказания медицинских услуг / А. В. Сохрякова. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2020. - № 22 (312). - С. 304-306. - URL: <https://moluch.ru/archive/312/71000/>

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРАВОВОЙ ПОЗИТИВИЗМ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ANALYTICAL LEGAL POSITIVISM: DETERMINING THE DIRECTION

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23.

E-mail: maxandgor@gmail.com;

GORBUNOV Maksim Dmitrievich,

Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of History of State and Law, Law Faculty, Lobachevsky State University.

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russia.

E-mail: maxandgor@gmail.com

Краткая аннотация. В статье автор рассматривает историю становления направления аналитического правового позитивизма и ключевые методологические установки, послужившие основанием его обособления в рамках самостоятельной школы правовопонимания. Выявлено, что ключевым при характеристике направления является широкое применение метода концептуального анализа и установок антиредукционизма при сохранении формально-юридического каркаса.

Abstract. In the article, the author examines the history of the formation of the direction of analytical legal positivism and the key methodological principles that served as the basis for its isolation within the framework of an independent school of legal understanding. It has been established that the key to characterizing the direction is the widespread use of the method of conceptual analysis and anti-reductionist attitudes while maintaining the formal legal framework.

Ключевые слова: аналитическая юриспруденция, англо-американская правовая мысль, правовопонимание, формально-юридический метод, концептуальный анализ.

Keywords: analytical jurisprudence, Anglo-American legal thought, legal understanding, formal legal method, conceptual analysis.

Для цитирования: Горбунов М. Д. Аналитический правовой позитивизм: определение направления // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 77-79. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_77.

For citation: Gorbunov M. D. Analytical Legal Positivism: Determining the Direction // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 77-79. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_77.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В отечественной и зарубежной юридической литературе исследования аналитического направления в праве и философии в целом традиционно связываются с англо-американской правовой мыслью. Действительно, если посмотреть на перечень авторов, чье научное творчество впитало в себя аналитическую правовую методологию, то можно провести строгую параллель с англо-американской правовой мыслью в целом и британской школой права в частности. Вместе с тем возникает закономерный вопрос: какое из понятий – «англо-американский правовой позитивизм» или «аналитический правовой позитивизм» – является более уместным в контексте аналитической юриспруденции. Рассмотрение данной проблемы позволит более четко определить границы и содержание направления аналитического правового позитивизма.

Говоря о происхождении аналитического правового позитивизма, действительно можно проследить прямую взаимосвязь с территорией его распространения. В XIX веке в рамках реакции на естественно-правовые концепции под влиянием традиции эмпиризма произошло осознание необходимости формального предметного анализа правовых явлений и построения адекватной ему познавательной стратегии. В авангарде этого процесса встал правовед Джон Остин. В результате в его теории выразились конкретные методологические предпосылки, составившие сегодня базу аналитического правового позитивизма, в частности:

1. Остин стал первым правоведом, кто подошел к изучению права конкретно и аналитически через определение сущностных свойств права как понятия [13, р. 65-69].
2. Правовед аргументированно определил необходимость формального, свободного от доминирующей догматики метода изучения права [5, р. 1107-1108].
3. Автор рассмотрел закон как он есть, не зависимо от его субъективной метафорической ценности и отношения к нему [4, р. 157].

Данные методологические установки, как отмечается в мировой научной литературе, стали базой для последующего развития правового позитивизма и его дискуссии с конкурирующими направлениями в правовопонимании [6, р. 15-40]. При всех методологических достоинствах теории Остина, выгодно отличающейся от умозрительных конструкций современной автору социальной и правовой философии, теория правововеда отличалась рядом недостатков, которые стали следствием использования ранней аналитической методологии. Понимание правоведом права как приказа суверена, подкрепленного санкцией, выраженной в формальном законе, страдает от упрощений в виде: во-первых, рассмотрения суверена как свободного от правовых ограничений, во-вторых, отказа от учета разницы между правовым запретом, правоустановлением и фактической властной командой [4, р. 36]. Именно данные недостатки теории в рамках монизма и редукционизма соответственно впоследствии подверглись самой острой критике в научной литературе [11, р. 40-41]. Эта же линия критики задала общий вектор направления развития англо-американского правового позитивизма на общей аналитической методологии [9, р. 134-159].

Дискуссия вокруг недостатков правовой теории Остина стала одной из центральных в правовой философии на рубеже XIX-XX веков. Новый взгляд на решение проблемы редукционизма средствами формально-юридической методологии был дан Гансом Кельзеном в рамках собственного учения о праве. Необходимо отметить, что Кельзена нельзя назвать представителем именно англо-американской правовой традиции, хотя и он находился под значительным влиянием зарождающегося аналитического подхода. Данное обстоятельство, в свою очередь, является важным показателем ограниченной связи аналитического направления в праве и англо-американской правовой мысли, поскольку Кельзен

также является аналитическим позитивистом.

Правовед назвал свою концепцию «чистой теорией права», в которой он предпринял амбициозную попытку построить анализ правовой системы на основе строгих методологических принципов без излишнего смещения юриспруденции с другими философскими категориями [8, р. 7].

Право по Кельзену есть не что иное, как формальная иерархичная система норм, возглавляемая базовой нормой, содержащей итоговый смысл правовых установлений и определяющей действительность всей правовой системы [8, р. 10]. Вместе с тем действие этой системы также имеет монистический характер, поскольку сводит все нормативное регулирование к системе императивных команд и директив, за несоблюдение которых предусматривается санкция [7, р. 110-111]. Существенным достижением Кельзена тем не менее является то, что право было подвергнуто концептуальному анализу, построенному на жестких формальных свойствах юридической науки в противовес пространным рассуждениям социальной философии. Именно анализ права как концептуального сущностного явления, как признается в юридической литературе, определил предметную область аналитической юриспруденции [1, с. 78-79]. Общие же методологические недостатки сохраняющегося монизма определили необходимость формулирования обновленной методологической программы правового позитивизма.

Значительным подспорьем в данном процессе на фоне кризиса законов формальной логики и традиции эмпиризма стало формирование нового аналитического направления в социальной и лингвистической философии и его распространение на сферу правовых исследований [1, с. 78-79]. Развитие аналитической философии в континентальной Европе было прервано событиями Второй мировой войны. В результате аналитическая философия приобрела свое наибольшее распространение именно в англо-американском пространстве. Однако в рамках аналитической философии творила целая плеяда авторов, в том числе континентальных философов, включая в первую очередь Людвиг Витгенштейна.

Говоря о концептуальных положениях аналитической философии, следует рассматривать ее как методологическое направление, которое сформировало систему приемов для анализа социальных фактов и понятий, несводимых к фактическим референтам. Центральной для аналитического подхода стала установка на многовариативность понятий, и их контекстуальность в системе различных дискурсов [1, с. 78-79].

Для аналитического правового позитивизма данные положения стали определяющими при формировании исследовательской программы и понимания права как сложного социального явления. В итоге на стыке аналитической философии и юриспруденции в середине XX века Гербертом Хартом впервые была сформулирована авторская аналитическая неопозитивистская теория права. Следует обратить внимание, что традиционным для научной литературы является рассмотрение Харта в контексте как развития правового позитивизма, так и формирования аналитической юриспруденции [14, р. 861-896]. Данные направления нашли свое органичное переплетение в его научном творчестве. Тем не менее, личная биография автора и сложившийся онтоэпистемологический контекст его научного творчества обусловил органическое совпадение аналитического правового позитивизма и англо-американской традиции в праве, поскольку именно в ее поле действовал Харт. Используя богатую методологию аналитической философии, автор определил право как сложное контекстуальное конвенциональное понятие, суть которого лежит в системе практики функционирования социальных фактов. При этом формально-юридические установки не были проигнорированы, но были значительно переосмыслены и дополнены в рамках гораздо более широкого и универсального понимания. В этом смысле концепция Харта стала позитивистской в той же степени, что и аналитической. Харт, по сути, является первым автором системной проработанной аналитической исследовательской программы. Основу хартовской методологии составляет концептуальный анализ, задавший значительный антиредукционистский импульс в познании права [14, р. 861-896]. Концептуальный анализ предполагает четкую последовательную познавательную аргументацию, основанную на достоверных фактах и широких предпосылках при учете всех спектров функционирования анализируемого понятия. В итоге общим для англо-американской научной литературы стала позиция, что «с Герберта Харта начался герменевтический поворот в юридическом позитивизме, придав особое значение конвенциональному основанию правовой системы и социальным фактам благодаря важному тезису о внутренней точке зрения, с которой субъекты воспринимают нормативную систему как обязательную» [5, р. 99-105]. Действительно, хартовская традиция стала базисом для аналитического правового позитивизма и в целом аналитической юриспруденции.

Таким образом, аналитическая правовая доктрина берет свое начало в британской правовой мысли, которая после событий Второй мировой войны успешно развила наработки ранней континентальной аналитической философии. Однако необходимо отметить, что рассмотрение аналитического правового позитивизма сугубо как явления британской правовой традиции, а именно оксфордской правовой школы, модернизированной Гербертом Хартом, было бы крайне неверным как минимум в контексте его сегодняшнего развития и расширяющегося научного влияния направления.

В доказательство позиции можно привести следующие аргументы:

1. Скорое расширение дискурса об аналитических основаниях права и проблематики правового позитивизма за пределы оксфордской школы и включение в него академической среды Северной Америки и Австралии уже 60-е годы XX века.
2. Формирование развернутой полемики с антипозитивистами в лице Рональда Дворкина и Лона Фуллера на базе аналитической доктрины по ряду фундаментальных вопросов философии права.
3. Включение в научную дискуссию между позитивистами и антипозитивистами ряда ведущих континентальных правоведов, таких как Роберт Алекси и Альф Росс.
4. Становление аналитического правового позитивизма как целой научной школы, с внутренними направлениями и рядом научных приемников, таких как Скотт Шапиро, Андрей Мармор, Мэтью Крамер, Кеннет Химма и Жюль Коулман и другие.
5. Закрепление и упрочнение взаимосвязи между аналитической философией и юриспруденцией после Харта в трудах его учеников и критиков [5, р. 99-105].

Последнему пункту следует уделить особое внимание. В частности, ученик Герберта Харта – Нейл МакКормик подтвердил и упрочил

связь с аналитической философией через учение Элизабет Энском и Джона Сёрла в рамках собственной институциональной теории права. Названные аналитические философы установили, что помимо естественных фактов, имеющих референт, в обществе существует также особый род институциональных фактов – образующих общественные институты и нормативные схемы человеческого поведения [2, р. 69-72; 12, р. 50-53].

МакКормик определил, что существование этих фактов связано с нормативной системой и они неизбежно естественным образом образуют институциональный нормативный порядок, связанный конститутивными (протоправовыми) нормами. Право в его понимании является высшей организованной системой таких конститутивных норм и институтов, объединяющих институциональные факты [10, р. 10-21, 102].

Таким образом, следует заключить, что аналитический правовой позитивизм имеет в своей основе универсальную методологическую программу, сформировавшуюся в наиболее полном виде в теории Герберта Харта на базе аналитической философии и интеграции аналитического инструментария ранних позитивистских теорий. Общие установки концептуального анализа, контекстуальной интерпретации и антиредукционизма позволили сформировать базовую установку аналитического правового позитивизма на понимание права как системы социальных фактов, существующих в контексте мира человеческой культуры [1, с. 78-79].

В результате представляется возможным сделать вывод, что аналитическая юриспруденция – понятие более широкое, чем англо-американская правовая мысль, поскольку в рамках данного направления следует называть всех авторов, объединенных общей методологией аналитической философии. Аналитическая философия формировалась как широкая методология общемирового уровня, но получила большее развитие в США и Великобритании в силу объективных причин и в результате в большей степени объединила авторов стран данного академического пространства. Тем не менее характерно, что ряд аналитических философов (Витгенштейн) и аналитических правоведов (Кельзен) имеет лишь опосредованную связь с англо-американской традицией.

Специфика формирования аналитической юриспруденции через адаптацию аналитических установок в правоведении прежде всего для решения проблем, связанных с кризисом правового позитивизма, обусловило тесную связь данных направлений. Безусловно, аналитическая традиция в праве уже с самого начала ее активного расширения не ограничивалась правовым позитивизмом, но в определенной степени была лимитирована англо-американской правовой мыслью.

Совокупность данных обстоятельств действительно затрудняет соотношение аналитической юриспруденции, англо-американской правовой мысли и правового позитивизма, но все же позволяет заключить, что, хотя англо-американская правовая мысль в целом плотно пересекается с аналитической юриспруденцией, а ее позитивистский фланг формировался в рамках данной методологической традиции, тем не менее предпочтительным кажется использование понятия «аналитический правовой позитивизм». Системообразующим элементом здесь является аналитическая методология, а не область его конкретно исторического наибольшего распространения, тем более что сегодня данный дискурс более широкий и включает в себя авторов других стран, о чем упоминалось выше.

Таким образом, аналитический правовой позитивизм следует определять как направление в правопонимании, сложившееся под влиянием аналитической философии и критики классической позитивистской доктрины, сформировавшееся преимущественно в рамках традиции англо-американской правовой мысли, но выходящее за ее пределы в силу как масштабности ключевых положений, так и распространенности научной дискуссии.

Список литературы:

1. Суровцев В. А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. Санкт-Петербург: Издательство философского факультета СПбГУ, 2012. С. 74-80. EDN: VNDPUR
2. Anscombe G. E. M. On Brute Facts // ANALYSIS. 1958. P. 69-72. DOI: 10.1093/analysis/18.3.69
3. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law, two vols. / ed. R. Campbell, 4th edition. rev. London: John Murray; reprint: Bristol Thoemmes Press, 2002. 1132 p.
4. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / ed. W. Rumble. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 344 p. DOI: 10.1017/CBO9780511521546
5. Bix B. H. On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy / ed. J. M. Francis // On Philosophy in American Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 99-105. DOI: 10.1017/CBO9780511576386.013
6. Halpin A. Austin's Methodology? His Bequest to Jurisprudence / eds. M. Freeman, P. Mindus // The Legacy of John Austin's Jurisprudence Dordrecht: Springer, 2013. P. 14-40. DOI: 10.1007/978-94-007-4830-9_2
7. Kelsen H. General Theory of Law and State / trans. A. Wedberg. New York: Russell & Russell. 1961. 516 p.
8. Kelsen H. Introduction to the Problems of Legal Theory / trans. B. L. Paulson, S. L. Paulson. Oxford: Clarendon Press. 2002. 216 p.
9. Ladenson R. In Defense of a Hobbesian Conception of Law // Philosophy & Public Affairs. 1980. Vol 2(9). P. 134-159.
10. MacCormick N., Weinberger O. An Institutional Theory of Law: New Approaches to Legal Positivism. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1986. 229 p. DOI: 10.1007/978-94-015-7727-4
11. Postema G. Legal Positivism: Early Foundations / ed. A. Marmor // The Routledge Companion to Philosophy of Law. New York: Routledge, 2012. P. 31-48.
12. Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p. DOI: 10.1017/CBO9781139173438
13. Sebok A. J. Legal Positivism in American Jurisprudence. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 327 p. DOI: 10.1017/CBO9780511527456
14. Summers R. S. The New Analytical Jurists // New York University Law Review. 1966. Vol. 5(41). P. 861-896.

References:

1. Surovtsev V. A. On the methods of analytical philosophy // Analytical philosophy: problems and prospects for development in Russia. St. Petersburg: Publishing House of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University, 2012. pp. 74-80.
2. Anscombe G. E. M. On Brute Facts // ANALYSIS. 1958. P. 69-72
3. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law, two vols. / ed. R. Campbell, 4th edition. rev. London: John Murray; reprint: Bristol Thoemmes Press, 2002. 1132 p.
4. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined / ed. W. Rumble. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 344 p.
5. Bix B. H. On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy / ed. J. M. Francis // On Philosophy in American Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 99-105.
6. Halpin A. Austin's Methodology? His Bequest to Jurisprudence / eds. M. Freeman, P. Mindus // The Legacy of John Austin's Jurisprudence Dordrecht: Springer, 2013. P. 14-40
7. Kelsen H. General Theory of Law and State / trans. A. Wedberg. New York: Russell & Russell. 1961. 516 p.
8. Kelsen H. Introduction to the Problems of Legal Theory / trans. B. L. Paulson, S. L. Paulson. Oxford: Clarendon Press. 2002. 216 p.
9. Ladenson R. In Defense of a Hobbesian Conception of Law // Philosophy & Public Affairs. 1980. Vol 2(9). P. 134-159.
10. MacCormick N., Weinberger O. An Institutional Theory of Law: New Approaches to Legal Positivism. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1986. 229 p.
11. Postema G. Legal Positivism: Early Foundations / ed. A. Marmor // The Routledge Companion to Philosophy of Law. New York: Routledge, 2012. P. 31-48
12. Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 203 p.
13. Sebok A. J. Legal Positivism in American Jurisprudence. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 327 p.
14. Summers R. S. The New Analytical Jurists // New York University Law Review. 1966. Vol. 5(41). P. 861-896.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_80

УДК 340.1

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ DIGITAL SOVEREIGNTY

КАРЕВ Дмитрий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета (СГЭУ).

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской армии, 141.

E-mail: Kdmity07@mail.ru;

ЧЕРТЫКОВЦЕВ Юрий Владимирович,

аспирант, Самарский государственный экономический университет (СГЭУ).

443090, Россия, г. Самара, ул. Советской армии, 141.

E-mail: shertg322@gmail.com;

KAREV Dmitri Aleksandrovich,

PhD in Law, Associate Professor, Department of Legal Theory and Public Law Disciplines

Samara State Economical University (SSEU).

141 Soviet army street, 443090 Samara.

E-mail: Kdmity07@mail.ru;

CHERTYKOVTCEV Yuri Vladimirovich,

postgraduate student, Samara State Economical University (SSEU).

141 Soviet army street, 443090 Samara.

E-mail: shertg322@gmail.com

Краткая аннотация: в статье проводится анализ текущих возможностей Российской Федерации по обеспечению своего цифрового суверенитета, приводятся существующие проблемы и предлагаются способы их разрешения.

Abstract: The article analyses the current capabilities of the Russian Federation to ensure its digital sovereignty, presents the existing problems and suggests ways to resolve them.

Ключевые слова: суверенитет, программное обеспечение, полупроводники, процессоры, поддержка, информационные технологии, государство, программирование.

Key words: Sovereignty, software, semiconductors, processors, support, information technology, government, programming.

Для цитирования: Карев Д.А., Чертыковцев Ю.В. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 80-83. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_80.

For citation: Chertykovtcev Yu.V., Karev D.A. Digital sovereignty // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 80-83. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_80.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Развитие человечество напрямую связано с образованием, эволюцией и падением различных видов сообществ. Изначально были семьи, общины, поселения и последующее масштабирование привело к возникновению первых протогосударственных образований. Вопрос в различии одних от других всегда занимал место в трудах самых именитых юристов, ученых и политиков. Ответы на данные экзистенциальные задачи начал формулироваться на территории западной Европе в XVI веке с момента формирования национальных государств. Основоположником учения о суверенитете стал Ж. Боден, который разработал первое определение суверенитета. Данный признак государства он излагал через вид власти, которая была выше законов и могла распоряжаться как гражданами, так и всем государственным аппаратом. Ж. Боден считал, что основное условие существования государства есть верховная власть, которая и выступает необходимым государственным атрибутом [1].

Следующий важный этап в развитии учений и применения суверенитета государств связан с возникновением Вестфальской системы после заключения одноименного мирного договора. После подписания вышеуказанного документа на международном уровне стали признавать национальный суверенитет, который является главным фактором существования независимых стран, их правовых систем и гарантирует недопустимость внешнего вмешательства иных субъектов.

На момент написания нами статьи принято выделять следующие виды суверенитета: государственный, национальный, народный, экономический и информационный [2]. Для понимания пути формирования и значимости, поднятой нами темы в исследовании, предлагаем кратко изучить остальные виды суверенитета.

Государственный суверенитет – это неотчуждаемое правовое свойство независимого государства, которое символизирует его самостоятельность при выборе политического и правового курса, а также высокий уровень ценности и ответственности на международном уровне, необходимое для монополии государственной власти и ее верховенства внутри страны. Данный институт необходим в современном мире для защиты своей независимости в эпоху всесторонней глобализации.

Следующий важный вид суверенитета, который принято выделять в научной литературе это – народный суверенитет. Данная доктрина была впервые разработана в XVIII веке Руссо. Он считал, что коллективный образ нематериального существа «сюзерена», сотканный из идей каждого отдельного гражданина и является народом. Главная идея данного суверенитета заключается в верховенстве народа в государстве. Только люди являются источником верховной власти и им определять курс развития государства. Данное учение появилось в эпоху кризиса абсолютной монархии, как антагонизм суверенитету правителя представляющим собой происхождение верховной власти от идей и представле-

ний одного конкретного человека и его возвышения над всей правовой системой страны.

Новые воззрения человечества на суверенитет проистекают из того, как мир вокруг нас развивается и эволюционирует. После широкого распространения цифровых и информационных технологий наша жизнь претерпела крупные изменения, которые оказывают влияние как на индивида, так и на общество, и на государство. Всестороннее проникновение компьютерных технологий сети Интернет в экономические, социальные, технологические и политические процессы вызывает свои последствия. Из-за продуктов второй научной технической революцией и нашей глубокой связью с ними считаем важным выделить новый вид суверенитета, а именно цифровой суверенитет.

Понятие цифрового суверенитета представляет из себя обширную систему, которая не заканчивается исключительно на технике и технологиях, а также включает в себя экономическую и государственную составляющую.

Текущие цифровые технологии представляют из себя сложный синтез технических вычислительных приборов и специального программного обеспечения, поскольку самые современные чипы и процессоры без надлежащих программ представляют из себя небольшие чем дорогостоящие «куски металла». Соответственно для улучшения своей независимости в области современных и передовых технологий государство должно оказывать повышенное внимание сразу к двум, указанным выше аспектам.

Связь между возможностью организации полного цикла производства современных технологических продуктов рассматривается в отечественной науке как один из значимых аспектов поддержания экономической и политической автономии национального правительства [3]. Одним из авторов, который поддерживает данную идею является правовед И.И. Приходько, который видит в цифровом суверенитете возможность локализации производства, которое бы делало неприемлемыми для данных стран издержки ограничения свободы использования иностранных технологий отечественными компаниями [4]. Свое трактовку определения цифрового суверенитета дает другой теоретик А.А. Афанасьев. Он считает, что реальный уровень независимости страны заключается в области науки, техники и технологий[5].

Огромное влияние на многие государства оказал кризис полупроводников 2020 года. Данная ситуация затронула порядка 169 отраслей мировой экономики, в которые вошли производства всех наукоемких продуктов и техники массового потребления и автопромышленности. Влияние затронуло и важные социальные отрасли государства в возможности оказания квалифицированной помощи гражданам. Дефицит был вызван множеством причин, основной из которых стала пандемия COVID-19. Последствия данного кризиса показали всему миру, что налаживание своих собственных возможностей по производству и изобретению новых процессоров является ключевым направлением для государств, так как основной объем произведенных микросхем поступают на мировой рынок из азиатского региона и потребляются им же.

Любая страна мира стремится к наращиванию своих возможностей по производству полупроводников и микросхем. Например, в США производится только 10% от необходимых для нужд государства процессоров, что ставит Америку в затрудненное положение в случае дальнейшего нарастания напряженности в азиатском регионе между Китаем и Тайванем.

Свой высокий уровень внимания к данной проблеме и желание повысить цифровой суверенитет через создание новых производственных мощностей уходящая администрация Джо Байдена показывает через рекордное финансирование в размере 6,6 млрд. долларов на строительство завода и дополнительное кредитование еще в 5 млрд. Taiwan Semiconductor Manufacturing Co (TSMC) в Аризоне. Вышеуказанная компания является лидером в области создания новых вычислительных систем и полупроводников, но из-за своего географического положения, остров Тайвань находится в теоретической опасности совершения агрессивных действий со стороны КНР, что, несомненно, приведет к уничтожению существующих технических процессов. Потеря заводов TSMC приведет к тому, что весь мир не только останется без передовых продуктов цифровой эпохи, но и откатится в своем развитии на пару десятилетий назад. США в развитии и защите своего цифрового суверенитета не останавливаются только на финансировании строительства заводов и выдаче дополнительных займов, но и принимает отдельные законы такой как «CHIP and Science Act» (Федеральный закон «О чипах и науке») от августа 2022г.

В области производства процессоров и полупроводников для обеспечения повышенного уровня цифрового суверенитета нас больше всего интересует ситуация в Российской Федерации. Стоит отметить, что производство своих процессоров и собственной процессорной архитектуры в России непростая, но в данной области наблюдается активная работа и позитивный вектор развития.

Правительство Российской Федерации также принимает меры финансовой и правовой поддержки отечественных производителей процессоров и полупроводников с целью повышения уровня цифрового суверенитета в условиях беспрецедентного санкционного давления, в том числе и со стороны МША. Утвержденный план по развитию микроэлектроники до 2030 года ставит перед собой основную задачу по началу серийного производства микросхем с топологией 65 нанометров к 2028 году. Гендиректор «Байкал Электроникс» Андрей Евдокимов заявил, что их компания заинтересована в развитии подобного производства. «Процессоры 65 нм могут иметь очень широкую сферу применения в зависимости от доступных технологических опций, например, позволят полностью закрыть потребности рынка в «микроконтроллерах» — говорит он в своем интервью.

Стоит отметить, что ранее упомянутый завод TSMC осваивает производство процессоров на тех. процессе в 2 нм. Конечно, разница между отечественным продуктом и его конкурентами на рынке измеряется в поколениях, но самое важное для построения цифрового суверенитета и его защиты наличие вектора развития в данной области, так как не каждая страна может организовать производство микроэлектроники на тех. процессе даже в 65 нм. Попустительское отношение к развитию своих возможностей приводит к росту зависимости государства от зарубежных партнеров и ситуации в мире, что было ярко проиллюстрировано кризисом полупроводников 2020 года[6]. Несложно спрогнозировать ситуацию, в которой страна попадает под давление, целью которого является принятие невыгодных решений, а инструментом давления выступает поставка продуктов микроэлектроники. Данная ситуация является примером почему развитие цифрового суверенитета становится факторов

дальнейшего независимого существования и развития Российской Федерации.

Ранее нами была выдвинута идея о дуализме цифрового суверенитета, который раскрывается через производство и наличие квалифицированных специалистов.

Взаимодействие с компьютерной техникой для пользователя выглядит как выполнение таких команд как клик мышки по определенным областям или значкам. Но это только внешнее оформление сложного процесса. Физические принципы работы ЭВМ как в прошлом, так и сейчас представляют собой получение и исполнение команд в двоичном коде, состоящем из единиц и нулей, то есть восприятие машинного кода.

Первые языки программирования появились в 50х годах XX-го века и показали, что подход к функционированию через 1 и 0 очень громоздок и в нем легко допустить ошибку. Для устранения ранее упомянутых неудобств был применен mnemonic язык – язык ассемблера. Данная инновация позволила сократить объем кода и сделать его проще в обучении и применении. В процессе развития появился первый высокоуровневый язык программирования – FORTRAN, получивший большую популярность среди ученых физиков и математиков, в том числе и в СССР.

Для понимания текущего уровня возможностей по обеспечению государства программным обеспечением и иными продуктами разработки надо знать, что Россия в 90-х и начале 2000-х годов получила сильную базу специалистов в области программирования, поскольку в СССР большое внимание уделялось математическим и физическим наукам, а их знания широко используются при создании компьютерного кода.

Объемы IT-рынка в Российской Федерации показывает устойчивый рост с 2015 года по 2024 год и продолжит свое развитие в будущем. Данная отрасль оказывает всестороннее положительное влияние на экономику, политику, безопасность и иные важные для государства сферы. Стоит отметить успехи России в разработке специальных сайтов органов судебной, исполнительной и законодательной власти, сервиса «Госуслуги» и обширного Интернет банкинга.

Свою актуальность и необходимость концепция цифрового суверенитета показала в ситуации повышенного напряжения на геополитической арене и введения санкций рядом западных стран в отношении Российской Федерации после февраля 2022 года.

Одна из задач построения цифрового суверенитета заключается в уменьшении уровня зависимости от иностранных платформ при помощи разработки отечественных аналогов. Конечно, данное направление является крайне важным, поскольку обеспечивает развитие и дальнейшее функционирование российского сегмента интернета в текущих непростых реалиях. Создание собственных платформ, поисковых систем и социальных сетей помогает снизить уровень внешнего влияния на политическую обстановку в государстве. Информационный продукт международного уровня также повышает образ Российской Федерации в мире и помогает привлекать дополнительные инвестиции в нашу экономику. Остается вопрос к тому, как происходит внедрение и продвижение отечественного продукта в конкурентной среде, поскольку используемые методы вызывают у потребителя негативное отношение к сервисам отечественных разработчиков, а также остаются вопросы к качеству итогового продукта.

Осуществление любой глобальной задачи невозможно без людей и повышение уровня цифрового суверенитета не является исключением. Специалисты в сфере IT получают большой перечень льгот и повышенный уровень поддержки от государства. Председатель Правительства Российской Федерации М. В. Мишустин сообщил о том, что число IT-специалистов уже превысило 900 тыс. человек и продолжает расти [7]. В России предусмотрены широкие меры помощи для специалистов и компаний в сфере программирования, начиная от нулевой налоговой ставки на доход юридических лиц и льготной ипотеки. Постоянная поддержка вышеупомянутой отрасли – залог цифрового суверенитета, продолжения развития и дальнейшего существования современного государства.

Передовые разработки отечественных профессионалов не останавливаются только на потребительском и развлекательном секторе. Государственная политика РФ в сфере цифрового суверенитета и информационной безопасности претерпела кардинальное изменение после ранее упомянутых событий февраля 2022 года. Первый этап представлял собой повышение защиты критической информационной инфраструктуры. Указом Президента РФ от 01.05.2022 №250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации» [8] в данном нормативно правовом акте перечислен перечень объектов, которые подлежат охране поскольку их функционирование является неотъемлемой частью цифрового суверенитета.

Новый виток развития исследуемой темы начнется с 1 января 2025 года поскольку в силу вступит официальный запрет на использование иностранного программного обеспечения для государственных копаний и органов власти. Стоит отметить, что данная ситуация может оказать некоторые сложности, которые будут связаны с переходным периодом и обучением кадров по-быстрому и качественному использованию новых программ. Данный этап является одним из некоторых шагов в стратегии развития отрасли IT в России в период с 2024-2030 годы.

В заключении хочется сказать, что существование суверенитета во всем его многообразии является важной идеей в научном и практическом ключе, поскольку помогает странам оставаться независимыми в эпоху всеобщей глобализации ключевых процессов. Данное учение развивается и эволюционирует вместе с человеческим обществом. Изначально людей волновала возможность обоснования самобытности народов и далее государств. На момент написания данной статьи социум все больше и больше связывает свое существование и функционирование с цифровыми технологиями и исходя из этого, все чаще и чаще перед государствами встает вопрос об обеспечении цифрового суверенитета. Его отличительная особенность заключается в дуализме между материальными технологиями и наличие специального программного обеспечения. Возможность постоянно и независимо производить, применять, открывать и внедрять новые технологические продукты. Цифровой суверенитет, его защита и обеспечение является в XXI веке жизненно важным фактором для государства, которое стремится сохранить лидирующую позиции в мире.

Российская Федерация как одна из важнейших участниц мирового сообщества уделяет большой уровень внимания своему цифровому суверенитету и его развитию в настоящий сложный для страны период.

В данном вопросе нам стоит быть максимально правдивыми с сами собой, в каких-то разработках как с процессорами мы отстаем от передовых технических решений, но в изготовлении программного обеспечения и подготовке IT специалистов наше государство является лидирующим в мире, а российские программисты востребованы во всех странах. Правительство РФ оказывает значительную финансовую и правовую поддержку для компаний в отрасли цифровых технологий. И, как мы считаем, самым важным в построении цифрового суверенитета является постоянное движение вперед, создание передовых производств и подготовка высококвалифицированных кадров.

Список литературы:

1. Ильдусовна О.Н. История государственного суверенитета и его основные теории, История государства и права № 05/2024
2. Подосинникова Л. А. Суверенитет государства: современное понимание и его виды / Л. А. Подосинникова // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 2(73). – С. 16-25. – EDN GYJELL.
3. Приходько И. И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-kontseptsii-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 06.12.2024).
4. Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности и механизме достижения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. №18-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskii-suverenitet-k-voprosu-o-suschnosti-i-mehanizme-dostizheniya> (дата обращения: 06.12.2024).
5. Кустова, М. В. Кризис полупроводников в России: влияние санкций на примере автомобильного рынка / М. В. Кустова, Е. Р. Мысева // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой: Материалы V Международной студенческой научной конференции, Москва, 15–16 июня 2023 года. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет "МИФИ", 2023. – С. 187-196. – EDN RKOJOE.
6. Информационное агентство ТАСС <https://tass.ru/ekonomika/21812873>
7. Указ Президента РФ от 01.05.2022 N 250 (ред. от 13.06.2024) "О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации"
8. Никулин Р. А. Сущность, содержание и виды технологического суверенитета макроэкономической системы: эволюция экономико-теоретических подходов / Р. А. Никулин // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 12(149). – С. 47-52. – DOI 10.34925/EIP.2022.149.12.006. – EDN PCXPOS.
9. Авдийский В. И. Взаимосвязь цифрового суверенитета и цифрового пространства: новые вызовы и перспективы / В. И. Авдийский, А. В. Иванов, А. В. Царегородцев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № S3. – С. 21. – EDN GILXVM.

References:

1. Ildusovna O.N. History of state sovereignty and its main theories, History of State and Law No. 05/2024
2. Podosinnikova L. A. State sovereignty: modern understanding and its types / L. A. Podosinnikova // Scientific Proceedings of the Russian University of Advocacy and Notaries named after G. B. Mirzoev. - 2024. - № 2(73). - С. 16-25. - EDN GYJELL.
3. Prikhodko I. I. Theoretical aspects of the concept of technological sovereignty // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-kontseptsii-tehnologicheskogo-suvereniteta> (date of reference: 06.12.2024).
4. Afanasyev A. A. Technological sovereignty: to the question of the essence and the mechanism of achievement // Russia: trends and prospects of development. 2023. №18-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskii-suverenitet-k-voprosu-o-suschnosti-i-mehanizme-dostizheniya> (date of reference: 06.12.2024).
5. Kustova, M. V. Semiconductor crisis in Russia: the impact of sanctions on the example of the automotive market / M. V. Kustova, E. R. Myseva // Innovative mechanisms of digital and regional economy management: Proceedings of the V International Student Scientific Conference, Moscow, 15-16 June 2023. - Moscow: National Research Nuclear University 'MEPhI', 2023. - С. 187-196. - EDN RKOJOE.
6. TASS News Agency <https://tass.ru/ekonomika/21812873>
7. Decree of the President of the Russian Federation dated 01.05.2022 N 250 (ed. 13.06.2024) 'On additional measures to ensure information security of the Russian Federation'.
8. Nikulin, R. A. The essence, content and types of technological sovereignty of the macroeconomic system: the evolution of economic-theoretical approaches / R. A. Nikulin // Economics and Entrepreneurship. - 2022. - № 12(149). - С. 47-52. - DOI 10.34925/EIP.2022.149.12.006. - EDN PCXPOS.
9. Avdisky V. I. The relationship between digital sovereignty and digital space: new challenges and prospects / V. I. Avdisky, A. V. Ivanov, A. V. Tsaregorodtsev // Bulletin of Eurasian Science. - 2024. - VOL. 16, NO. S3. - P. 21. - EDN GILXVM.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_84

УДК 340

СТАНОВЛЕНИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИЛИЦИИ РСФСР НА ВОЗДУШНОМ ТРАНСПОРТЕ (1960-Е – 1990-Е ГОДЫ) THE DEVELOPMENT OF AIR TRANSPORT POLICE UNITS (1960S – 1990S)

ПОНОМАРЕВА Юлия Валерьевна,

преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел.
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина».
308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.
E-mail: Ponomareva31@bk.ru;

PONOMAREVA Yulia Valerievna,

Lecturer at the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies
Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education
"Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin."
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky, 71.
E-mail: Ponomareva31@bk.ru

Краткая аннотация: В статье проанализирован процесс государственного регулирования полномочий правоохранительных органов в обеспечении авиационной безопасности. В рамках поставленной цели, автор пришёл к выводу о том, что в рассматриваемый период отмечалось повышение роли подразделений милиции в деле обеспечения авиационной безопасности. Изучение особенностей правового регулирования деятельности подразделений милиции на воздушном транспорте способствует конкретизации государственных мер по усилению мер авиационной безопасности в современных реалиях.

Abstract: The article analyzes the process of state regulation of the powers of law enforcement agencies in ensuring aviation security. In the context of the stated objective, the author came to the conclusion that during the period under review, there was an increase in the role of soviet police units in ensuring aviation security. The study of the specifics of legal regulation of the activities of police units in air transport helps to specify state measures to strengthen aviation security measures in modern realities.

Ключевые слова: авиация, предупреждение преступности, государственное регулирование, советская милиция, транспортная милиция, авиационная безопасность

Keywords: aviation, crime prevention, government regulation, soviet police, transport police, aviation security.

Для цитирования: Пономарева Ю.В. Становление подразделений милиции РСФСР на воздушном транспорте (1960-е – 1990-е годы) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 84-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_84.

For citation: Ponomareva Yu.V. The development of air transport police units (1960s – 1990s) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 84-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_84.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Тема статьи представляется актуальной на фоне меняющихся угроз, связанных с авиационной безопасностью, необходимости поддержания доверия общественности к безопасности пассажирских авиаперевозок, активизации усилий по разработке новых мер безопасности в аэропортах, в связи с чем, неоценимым источником информации становится подобный исторический опыт, прежде всего, анализ преобразований правового регулирования полномочий подразделений милиции на воздушном транспорте в период 1960-х – 1990-х годов.

Несмотря на различия в общественном развитии, а также общих государственно-правовых преобразованиях, опыт прошлого является хорошим подспорьем в осуществлении политики в сфере регулирования полномочий правоохранительных органов на воздушном транспорте в современной России. Учет как позитивных, так и негативных сторон исторического опыта страны является крайне важным в деле ее реализации.

Очевидно, что система авиационной безопасности представляет собой многоуровневую систему, состоящую из ряда элементов – более мелких составных систем, которые соединяясь вместе, образуют единую систему. Надежный многоуровневый подход служит важным компонентом хорошо спроектированной системы, устойчивой к атакам и сбоям.

Воздушный транспорт является своеобразной подсистемой, обязательные и взаимозависимые элементы которой обеспечивают их безопасное движение и эксплуатацию [2, с. 5].

В рамках рассматриваемого временного периода в Советском Союзе вопрос обеспечения авиационной безопасности эволюционировал в различных аспектах, направленных на предотвращение угроз, в частности, угроз захватов и угонов самолетов. Существовавшая политика обеспечения авиационной безопасности в СССР была поставлена в центр внимания, сосредоточив основные усилия на обеспечение поддержания общественного доверия к безопасности авиаперелетов. Первым актом, определяющим порядок деятельности подразделений милиции на воздушном транспорте является Воздушный кодекс СССР 1961 года. Принятие данного акта было обусловлено усиливающейся в данный период времени тенденцией в стране на усиление уголовной ответственности за ряд наиболее распространенных преступлений [4, с. 103]. 1970-е годы в СССР были отмечены усугублением ситуации, связанной с обеспечением общественной безопасности на воздушном транспорте (рис. 1).

Предпосылки пересмотра системы обеспечения общественной безопасности на воздушном транспорте в СССР (1970-е годы)

15 октября 1970 года - захват и
направление в Турцию самолета
Ан-24

27 октября 1970 года - захват и
направление в Турцию самолета
Л-200А, рейс Керчь-Краснодар

13 ноября 1970 года -
пресечение попытки угона
ИЛ-14, рейс Вильнюс-Паланга

Рисунок 1 – Предпосылки пересмотра системы авиационной безопасности в СССР (1970-е годы) [5, с. 232]

В 1971 году приказом МВД СССР были созданы подразделения милиции, а также следственные органы на воздушном транспорте на основе Указа Президиума ВС СССР от 19 марта 1971 года [3, с. 17]. Данному вопросу посвящена статья 96 Воздушного кодекса СССР, в которую вносились изменения согласно вышеуказанному указу, заключавшиеся в конкретизации порядка проведения досмотра (ручной клади, багажа, личного досмотра) на воздушном транспорте, в том числе, органами милиции [1].

Подразделения милиции были уполномочены останавливать, задерживать и обыскивать людей и транспортные средства на предмет украденных вещей, оружия или других орудий преступления. Сотрудники милиции могли получать ордера на обыск или постановления, требующие представления конкретных документов, имеющих разумные основания для подозрений и связанных с обвиняемыми преступлениями, для содействия расследованию.

Внесение поправок в Воздушный кодекс, связанных с введением дополнительных методов проверок пассажиров обеспечило эквивалентный уровень безопасности с учетом аргументов разумности досмотра, а также общее падение количества внутренних угонов в 1980-е годы после их вступления в силу.

Таким образом, основной обязанностью подразделений милиции СССР в 1960-е – 1990-е годы на воздушном транспорте являлась защита населения путем выявления и предупреждения преступлений. Эта обязанность была установлена общим правом, и милиция обладала как общим правом, так и законодательными полномочиями для ее исполнения. В рассматриваемый период трансформация системы развития подразделений милиции на воздушном транспорте привела к улучшению стандартов, нормативных процессов, установивших и конкретизировавших роли и обязанности правоохранительных органов на воздушном транспорте в вопросах обеспечения авиационной безопасности.

Список литературы:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1971 года "О внесении дополнения в Воздушный кодекс Союза ССР" [Электронный ресурс] // "Вестник Верховного Совета СССР". - 31 марта 1971 года. - № 13. - Ст. 1345. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901744743> (дата обращения: 11.01.2025).
2. Белокобыльский Н.Н. Транспортные преступления в науке уголовного права: библиография, 1950-2016 / Н. Н. Белокобыльский. - М.: Статут, 2017. - 254 с.
3. Органы предварительного следствия в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1963-2018 / Министерство внутренних дел Российской Федерации, Следственный департамент; [подготовили: Аксенов В. Н. и др.]. - М.: Наука, 2018. - 535 с.
4. Павлов В.Г. Избранные труды / В.Г. Павлов. - Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2013. - 726 с. ISBN: 978-5-94201-655-5 EDN: RYRVSR
5. Фидель П.М. Историко-правовой анализ становления и развития системы органов внутренних дел на воздушном транспорте [Электронный ресурс] / П.М. Фидель // Государственная служба и кадры. - 2019. - № 4. - С. 232-234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-stanovleniya-i-razvitiya-sistemy-organov-vnutrennih-del-na-vozдушном-transporte> (дата обращения: 11.01.2025). DOI: 10.24411/2312-0444-2019-10224 EDN: YMEXSR

References:

1. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 19, 1971 "On Amendments to the Air Code of the USSR" [Electronic resource] // "Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR". - March 31, 1971. - No. 13. - Art. 1345. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901744743> (date of access: 11.01.2025).
2. Belokobylsky N.N. Transport crimes in the science of criminal law: bibliography, 1950-2016 / N. N. Belokobylsky. - M.: Statute, 2017. - 254 p.
3. Preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1963-2018 / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Investigative Department; [prepared by: Aksyonov V.N. et al.]. - M.: Nauka, 2018. - 535 p. Belokobylsky N.N. Transport crimes in the science of criminal law: bibliography, 1950-2016 / N. N. Belokobylsky. - M.: Statute, 2017. - 254 p.
4. Pavlov V.G. Selected works / V.G. Pavlov. - St. Petersburg: Legal Center-Press, 2013. - 726 p.
5. Fidel P.M. Historical and legal analysis of the formation and development of the system of internal affairs bodies in air transport [Electronic resource] / P.M. Fidel // Public service and personnel. - 2019. - No. 4. - P. 232-234. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-stanovleniya-i-razvitiya-sistemy-organov-vnutrennih-del-na-vozдушном-transporte> (date of access: 11.01.2025).

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ М.М. СПЕРАНСКОГО POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF M.M. SPERANSKY

КУТЬКО Виктория Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

308015, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский университет кооперации, экономики и права.

308023, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Садовая, 116а.

E-mail: kutko@bsuedu.ru;

НИЗОВЦЕВ Даниил Сергеевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский университет кооперации, экономики и права.

308023, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Садовая, 116а.

E-mail: danyanv1997@gmail.com;

НЕСТЕРЕНКО Виктория Викторовна,

консультант научно-исследовательской лаборатории правовых исследований (юридической клиники), Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

308015, Российская Федерация, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: nesterenko_v@bsuedu.ru;

KUTKO Viktoria Vasilievna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University.

308015, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Pobeda, 85.

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law.

308023, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Sadovaya, 116a.

Email: kutko@bsuedu.ru;

NIZOVTSSEV Daniil Sergeevich,

postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law.

308023, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Sadovaya, 116a.

E-mail: danyanv1997@gmail.com;

NESTERENKO Viktoria Viktorovna,

consultant at the legal research laboratory (legal clinic), Belgorod State National Research University.

308015, Russian Federation, Belgorod region, Belgorod, st. Pobeda, 85.

Email: nesterenko_v@bsuedu.ru

Краткая аннотация: Идеи наследие М.М. Сперанского как выдающегося государственного и общественно-политического деятеля не теряет своей актуальности, продолжая питать почву для научных исследований. Его подход к проведению преобразований в государстве справедливо признается новаторским, ориентированным на соблюдение баланса консервативных и модернизирующих векторов развития. Настоящая статья посвящена анализу политико-правовых взглядов М.М. Сперанского. Особое внимание авторы уделяют правовой модели Российской империи как конституционной монархии, реализации принципа разделения властей и устройству государственного аппарата. Делается акцент на значимости концепта «свобода» в воззрениях М.М. Сперанского как фигуры, стоявшей у истоков российского либерализма.

Abstract: The ideological legacy of M.M. Speransky as an outstanding statesman and socio-political figure does not lose its relevance, continuing to feed the soil for scientific research. His approach to implementing reforms in the state is rightly recognized as innovative, focused on maintaining a balance between conservative and modernizing vectors of development. This article is devoted to the analysis of the political and legal views of M.M. Speransky. The authors pay special attention to the legal model of the Russian Empire as a constitutional monarchy, the implementation of the principle of separation of powers and the structure of the state apparatus. Emphasis is placed on the significance of the concept of «freedom» in the views of M.M. Speransky as a figure who stood at the origins of Russian liberalism.

Ключевые слова: М.М. Сперанский, реформа, Российская империя, конституционная монархия, верховенство закона, разделение властей, либерализм, свобода.

Keywords: M.M. Speransky, reform, Russian Empire, constitutional monarchy, rule of law, separation of powers, liberalism, freedom.

Для цитирования: Кутько В.В., Низовцев Д.С., Нестеренко В.В. Политико-правовые взгляды М.М. Сперанского // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 86-87. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_86.

For citation: Kutko V.V., Nizovtsev D.S., Nesterenko V.V. Political and legal views of M.M. Speransky // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 86-87. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_86.

Статья поступила в редакцию: 17.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Политико-правовое наследие М.М. Сперанского настолько обширно и разнообразно, что интерес к нему и личности самого реформатора не угасает до сих пор. Он вошел в историю как новатор, выдающийся государственный и общественно-политический деятель, отстаивавший либеральные идеи, которые оказались для своего времени слишком прогрессивными и, как следствие, не претворенными в жизнь. Тем не менее, сейчас они представляются весьма адекватными, во многом соответствуя современным веяниям. Верховенство закона, разделение властей, гражданские и политические права – в современной России все перечисленное является основой демократического правового государства.

По мнению В.Ю. Сморгуновой и В.А. Рукинова, «эти идеи стали предпосылками формирования новых моделей государственного управления, что, в свою очередь, оказало существенное значение для дальнейшего развития отечественной правовой мысли вплоть до наших дней» [6, с. 327]. В этой связи взгляд на идеи и реформы М.М. Сперанского сквозь призму времени как никогда актуален.

Полагаем, что в этом ключе следует начать с правовой модели Российской империи, разработанной М.М. Сперанским. Как отмечает А.В. Матюхин, «свою политическую миссию он видел в реорганизации российского абсолютизма и потенциального деспотизма в форму конституционной монархии, основанной на разделении властей и подчинении единому ("коренному") закону» [4, с. 54]. Соответственно, большое значение реформатор придавал верховенству закона и конституции, видя в ней не только инструмент разрешения конкретных проблем, но и основу для укрепления российской государственности. Отдельного внимания заслуживает предложенная М.М. Сперанским концепция реализации прин-

ципа разделения властей и устройства государственного аппарата. Л.А. Муравьева подчеркивает, что «основываясь на своем жизненном и обширном административно-управленческом опыте, Сперанский пришел к убеждению, что политические реформы в России необходимо начать с реорганизации центральных органов управления» [3, с. 58].

Реформатор взял за основу схему разделения властей на три ветви (законодательную, исполнительную и судебную), предложенную французским правоведом Ш. Монтескье, но, тем не менее, все равно проявил новаторство. В качестве авторской новеллы выступила идея создания Государственного Совета как органа, призванного координировать действия всех трех ветвей власти. Следует согласиться с К.М. Сарсеновым, отмечающим, что проект Сперанского не только отразил принцип разделения властей, но и предусмотрел механизм их согласованного действия в целях недопущения возможного противостояния [5, с. 58]. Иными словами, этот орган был призван стать неким проводником новой государственной политики, связующим звеном между императором и тремя ветвями власти. Примечательно, что таковой орган был создан в 1810 году, а его государственным секретарем назначен непосредственно сам Сперанский. Тем не менее, итоговая реализация оказалась далека от первоначальной задумки. В идеале Государственный Совет должен был стать высшим государственным органом, координирующим действия всех трех ветвей власти. Однако на деле он получил роль высшего законосовещательного учреждения при императоре.

Законодательную власть по должны свободно избираться народом, но надзор за осуществлением правосудия и охраной общественной безопасности возлагается на Правительство. проекту М.М. Сперанского должна осуществлять Государственная Дума, исполнительную - Правительство, а судебную - Сенат. Здесь же следует упомянуть о предусмотренной им системе «сдержек» и «противовесов». Государственная Дума, которой даруется законодательная власть, лишена права утверждать законы по собственному усмотрению, они обязательно должны выражать волю народа. Правительство, которому даруется исполнительная власть, в целях недопущения нарушения закона должно отчитываться Государственной Думе. Судьи

Продолжая анализировать политико-правовые взгляды М.М. Сперанского, отметим, что он считал оправданным делить российское общество на сословия, а именно дворянство, «среднее состояние» в лице купцов, мещан, государственных крестьян и «народ рабочий», состоящий из помещичьих крестьян, наемных слуг и рабочих. При этом избирательными правами, по его мнению, должны быть наделены представители только первых двух упомянутых сословий. Здесь, по справедливому замечанию С.И. Глушковой и С.О. Ислентьева, прослеживается некая дилемма, когда, с одной стороны, Сперанским продвигался либеральный принцип равенства всех перед законом, а с другой стороны, им допускалась такая дифференциация прав [1, с. 114]. Это объяснялось очевидными различиями в доходах и образовании: «если допустить равенство во вступлении в службу и всех без различия подчинить одной очереди, тогда высшие звания наполнятся людьми, воспитанием к ним не подготовленными» [7, с. 181]. Тем не менее, «народу рабочему» наравне с дворянством и «средним состоянием» по проекту реформатора предоставлялись гражданские права, например, неприкосновенность личности, презумпция невиновности, право на жилище и т.д.

Продолжая, отметим, что М.М. Сперанский – фигура, стоявшая у истоков российского либерализма, соответственно, ключевым концептом его политико-правовых взглядов предстает свобода. Как отмечает С.А. Чибиряев, «Сперанский считал, что социальный порядок возникает лишь тогда, когда индивиды добровольно признают свою свободу и моральные права» [8, с. 87]. При этом реформатор выделял свободу гражданскую и свободу политическую. Первая предполагает независимость каждого сословия от произвола другого, невозможность принуждать к труду, вторая – управление народом на основе законов, его участие в деятельности законодательной и исполнительной власти. Гражданская свобода невозможна без политической, при этом, чтобы прийти к последней, народ должен проявить инициативу, воли одного только императора недостаточно. Особое значение в этом ключе М.М. Сперанский придавал формированию общественного мнения, которое необходимо, в частности, для выработки правильного представления о государственном устройстве. Так, В.Н. Жуков справедливо акцентирует внимание на том, что Сперанский – сторонник народного суверенитета, который видел начало и источник всех властей в народе [2, с. 21].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что политико-правовые взгляды М.М. Сперанского оказались для своего времени весьма смелыми и оригинальными, в связи с чем были восприняты многими современниками как радикальные. Его реформы так и не получили претворения в жизнь, но, тем не менее, остались обсуждаемыми спустя десятки и даже сотни лет. Все это дает основание утверждать, что Сперанский – одна из ярчайших фигур в отечественной истории, которая оказала влияние на развитие политической жизни государства и задала образец подхода к реформированию в России как стране с особыми качествами политического пространства.

Список литературы:

1. Глушкова, С.И., Ислентьев, С.О. Политико-правовое наследие М.М. Сперанского в прошлом и настоящем России: основные идеи и подходы // Правовое государство: теория и практика. - 2023. - № 3 (73). - С. 107-119. - Текст : непосредственный. DOI: 10.33184/pravgos-2023.3.12 EDN: DYRTZG
2. Жуков, В.Н. М.М. Сперанский: первый российский проект конституционной монархии // Право и государство: теория и практика. - 2025. - № 1 (241). - С. 20-22. - Текст : непосредственный. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_1_20 EDN: ILYADE
3. Матюхин, А.В. М.М. Сперанский: у истоков российского либерализма // Журнал политических исследований. - 2020. - Т. 4. - № 1. - С. 54-69. - Текст : непосредственный. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-54-69 EDN: XNIHWR
4. Муравьева Л.А. Конституционные взгляды и реформы М.М. Сперанского // Финансы: теория и практика. 1999. № 3. С. 57-65. - Текст: непосредственный. EDN: HSKYGT
5. Сарсенов, К.М. Принцип разделения властей в истории политико-правовой мысли России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2006. - № 3 (31). - С. 58-63. - Текст: непосредственный. EDN: KGXUAF
6. Сморгунова, В.Ю., Рукинов, В.А. Правовая модель Российской империи в трудах М.М. Сперанского // Образование и право. - 2023. - № 3. - С. 324-328. - Текст : непосредственный. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-3-324-328 EDN: IPDYU
7. Сперанский, М.М. Проекты и записки. - М.: Ленинград: Академия наук СССР, 1961. - 245 с. - Текст: непосредственный.
8. Чибиряев С.А. Политико-правовые взгляды М.М. Сперанского // Аграрное и земельное право. 2012. № 9(93). С. 85-88. - Текст: непосредственный. EDN: PGERRP

References:

1. Glushkova, S.I., Isentyev, S.O. The political and legal legacy of M.M. Speransky in the past and present of Russia: basic ideas and approaches // The rule of law: theory and practice. - 2023. - № 3 (73). - P. 107-119. - Text : direct.
2. Zhukov, V.N. M.M. Speransky: the first Russian draft of a constitutional monarchy // Law and the state: theory and practice. - 2025. - № 1 (241). - P. 20-22. - Text : direct.
3. Matyukhin, A.V. M.M. Speransky: at the origins of Russian liberalism // Journal of Political Studies. - 2020. - Vol. 4. - № 1. - P. 54-69. - Text : direct.
4. Muravyeva, L.A. Constitutional views and reforms of M.M. Speransky // Finance: theory and practice. - 1999. - № 3. - P. 57-65. - Text : direct.
5. Sarsenov, K.M. The principle of separation of powers in the history of political and legal thought in Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2006. - № 3 (31). - P. 58-63. - Text : direct.
6. Smorgunova, V.Yu., Rukinov, V.A. The legal model of the Russian Empire in the works of M.M. Speransky // Education and law. - 2023. - № 3. - P. 324-328. - Text : direct.
7. Speransky, M.M. Projects and notes. - M.: Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1961. - 245 p. - Text : direct.
8. Chibiryaev, S.A. Political and legal views of M.M. Speransky // Agrarian and land law. - 2012. - № 9 (93). - P. 85-88. - Text : direct.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_88

УДК 340

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ COMPARATIVE ANALYSIS OF LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING DIGITAL RIGHTS TO CULTURAL HERITAGE OBJECTS

МАЙБОРОДА Эльвира Тагировна,

кандидат философских наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры теории и истории права и государства.

Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.

E-mail: ellamaiboroda@mail.ru;

ЧЕРЯВКО Евгений Джонович,

студент, Северо-Западный институт управления – филиал

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Россия, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.

E-mail: ont@myrambler.ru;

MAYBORODA Elvira Tagirovna,

Candidate of Philosophy, Associate Professor Northwestern Institute of Management is a branch of the Russian

Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Russia, 199178, St. Petersburg, Middle pr. V.I., 57/43.

E-mail: ellamaiboroda@mail.ru;

CHERYAVKO Evgeny Johnovich,

student of North-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public

Administration under the President of the Russian Federation.

Russia, 199178, St. Petersburg, Middle pr. V.I., 57/43.

E-mail: ont@myrambler.ru

Краткая аннотация. Актуальность обусловлена необходимостью совершенствования правовой системы охраны цифровых прав на объекты культурного наследия Российской Федерации в условиях стремительного развития цифровых технологий. Целью работы является выявление наиболее эффективных правовых средств защиты цифровых прав на культурное наследие, основанных на изучении зарубежного опыта, для дальнейшего совершенствования национальной системы охраны культурного достояния в эпоху цифровизации. Теоретическую основу составили труды отечественных и зарубежных ученых-юристов в области защиты культурных ценностей и авторского права. Эмпирическую базу исследования образуют международные конвенции, Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации", а также нормативно-правовые акты ряда иностранных государств. В рамках настоящей работы были использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования. Также применялись методы синтеза, обобщения и систематизации. Результаты исследования выявили основные направления зарубежного правового регулирования в сфере охраны цифровых прав на объекты культурного наследия: 1) обеспечение правовой охраны цифровых копий культурных ценностей; 2) установление специальных режимов лицензирования их использования; 3) противодействие незаконному обороту оцифрованных объектов. Полученные результаты представляют существенный интерес для совершенствования российского законодательства в рассматриваемой области, поскольку позволит повысить эффективность системы защиты национального культурного достояния в условиях цифровой трансформации общества.

Abstract. The relevance of the study is due to the need to improve the legal system for protecting digital rights to cultural heritage objects in the Russian Federation, in light of the rapid development of digital technologies. The aim of this research is to identify effective legal measures for protecting these rights, based on a study of international experience, with a view to improving the national system for protecting cultural heritage in an era of digitalization. The theoretical basis for this study consists of works by domestic and international legal scholars on the protection of cultural property and copyright. Empirical data was collected from international conventions, the federal law "On Cultural Heritage Sites (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of Russia", and regulatory legal acts from several foreign countries. In this work, we used comparative legal and formal legal methods of research. Methods of synthesis, generalization, and systematization are also employed. The study's findings revealed the key areas of foreign legal regulation regarding the protection of digital rights to cultural heritage items: 1) ensuring legal protection for digital copies of cultural assets; 2) implementing specific licensing regimes for their usage; 3) combating illegal trafficking in digitized objects. These findings are of significant interest for enhancing Russian legislation in this field, as they will enhance the efficiency of the national cultural heritage protection system in the context of digital transformation of society.

Ключевые слова: культурное наследие, цифровые права, правовая охрана, зарубежный опыт, цифровизация, авторское право.

Keywords: cultural heritage, digital rights, legal protection, foreign experience, digitalization, copyright.

Для цитирования: Майборода Э.Т., Черявко Е.Д. Компаративный анализ правовых механизмов защиты цифровых прав на объекты культурного наследия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 88-91. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_88.

For citation: Mayboroda E.T., Cheryavko E.D. Comparative analysis of legal mechanisms for protecting digital rights to cultural heritage objects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 88-91. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_88.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью совершенствования системы правовой защиты цифровых прав на объекты культурного наследия в Российской Федерации. Стремительное внедрение информационных технологий и процессы цифровизации, охватившие различные сферы жизни общества, ставят перед законодателем новые вызовы.

Целью данной работы является выявление наиболее эффективных правовых средств защиты цифровых прав на объекты культурного наследия, заимствованных из опыта зарубежных стран, для совершенствования национальной системы охраны культурного достояния в эпоху цифровизации.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных-юристов, специализирующихся в области защиты культурных ценностей и авторского права.

Эмпирическую базу исследования образуют международные документы в сфере защиты культурного достояния, такие как Гагская конвенция 1954 года [1] и Конвенция ЮНЕСКО 1970 года¹, Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 № 73-ФЗ², а также нормативно-правовые акты ряда иностранных государств, регулирующие вопросы охраны объектов культурного наследия.

В рамках настоящей работы были использованы сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования. Сравнительно-правовой метод позволил провести анализ законодательства ведущих зарубежных стран в указанной сфере и выявить наиболее эффективные правовые механизмы защиты цифровых прав на объекты культурного наследия. Формально-юридический метод обеспечил комплексное изучение нормативно-правовых актов, регулирующих рассматриваемые правоотношения. Кроме того, использовались методы синтеза, обобщения и систематизации для формулирования теоретических выводов и практических рекомендаций по совершенствованию российского законодательства в исследуемой сфере.

Объекты культурного наследия представляют собой уникальные материальные и нематериальные ценности, аккумулирующие в себе историю, традиции и культуру народов. В соответствии с российским законодательством, а именно Федеральным законом "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации", к данной категории относится широкий круг объектов недвижимого имущества, включая объекты археологического наследия, а также иные предметы материальной культуры, имеющие историческую связь с определенными территориями, произведения искусства, объекты науки и техники, возникшие в результате значимых исторических событий.

Широкое использование цифровых технологий в сфере культурного наследия ставит перед законодательством Российской Федерации новые вызовы, актуализируя необходимость совершенствования системы правовой защиты цифровых прав на объекты культурного наследия. В этой связи особую актуальность приобретает задача выявления наиболее действенных правовых средств охраны цифровых прав на объекты культурного наследия. Решение данной задачи предполагает комплексное изучение зарубежного опыта правового регулирования в указанной сфере, что позволит выявить оптимальные модели и практики, которые могут быть адаптированы для совершенствования российского законодательства.

Для начала обратимся к законодательству Соединённых Штатов Америки. Центральным нормативным актом, регулирующим охрану культурного наследия в США, является Закон о национальном сохранении исторического наследия (NHPA) 1966 года³, устанавливающий национальную политику и механизмы по сохранению объектов культурного значения, в том числе посредством создания Национального реестра исторических мест [3, с. 123].

В США ратифицировано несколько конвенций ЮНЕСКО, включая Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия 1970 года (Convention on Cultural Property Implementation Act) [14, р. 1916], которая обеспечивает основу для выявления, защиты и сохранения культурного и природного наследия, имеющего выдающуюся универсальную ценность. Законодательная база США направлена на предотвращение незаконного ввоза, вывоза и утилизации культурных ценностей, тем самым защищая объекты культурного наследия на территории США и способствуя их репатриации.

Особое внимание в США уделяется вопросам защиты цифровых копий объектов культурного наследия. Согласно Закону об авторских правах 1976 года (The Copyright Act, 1976), цифровые репродукции культурных ценностей подлежат правовой охране наравне с оригинальными произведениями [6, с. 86]. Данный закон гарантирует правовую охрану оригинальных произведений, включая цифровые воспроизведения памятников культуры, при этом предусматривая доктрину добросовестного использования, способствующую сохранению и обеспечению общественного доступа к культурному наследию в цифровом формате.

В Европе первое упоминание о законодательных нормах по сохранению культурных раритетов датируется XV в [10, р. 62].

Охрана материального и нематериального культурного наследия является приоритетной задачей в Соединённом Королевстве ввиду богатого исторического и культурного достояния страны. Нормативным актом, регулирующим охрану культурного наследия в Великобритании, является Закон о национальном наследии 1983 года. Данный закон устанавливает правовые рамки для сохранения и управления историческими зданиями и территориями, включающими объекты культурного значения [2, с. 203].

Великобритания является участником международных конвенций по охране культурного и природного наследия, а её Закон об авторском праве 1988 года обеспечивает правовую защиту цифровых изображений памятников культуры, при этом предусматривая ограничения и исключения, способствующие их сохранению и общественному доступу [4, с. 37].

Немецкое законодательство в рассматриваемой сфере характеризуется наличием специальных нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношения, связанные с оборотом культурных ценностей [9, с. 86]. Особое место в этом комплексе занимают вопросы правовой защиты культурного достояния в цифровой среде.

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

² Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 № 73-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2024).

³ National Historic Preservation Act (NHPA) 1966 (Public Law 89-665; 16 U. S. C 470 et seq.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.achp.gov/sites/default/files/2018-06/nhpa.pdf> (дата обращения: 10.11.2024).

Федеральный закон Германии о защите культурных ценностей (KGSG)¹ разделен на десять глав. Он регулирует защиту национальных культурных ценностей от вывоза, ввоза и вывоза культурных ценностей с использованием культурных ценностей, реституцию незаконно ввезенных и вывезенных культурных ценностей и гарантии реституции в международной кредитной системе. Понятие национальных культурных ценностей является результатом интернационализации немецкого Закона о культурном наследии с учетом Директивы 2014/60/ЕС, а также Конвенции ЮНЕСКО 1970 года [12].

В Германии основным правовым инструментом охраны культурного наследия являются законы о памятниках, принятые на уровне федеральных земель. Эти законы определяют, что именно подлежит охране в качестве культурного наследия. Центральным понятием здесь является "памятник" (Denkmal), который трактуется как антропогенный объект или его часть из прошлого, представляющий исторический, художественный, градостроительный, научный или этнологический интерес для общественности.

Охрана и сохранение культурного наследия является приоритетной задачей и для азиатских государств, например, таких как Китай и Япония.

Китайская Народная Республика зарекомендовала себя в качестве ведущего государства в области нормативно-правового регулирования охраны нематериального культурного наследия. В 1997 году в стране было принято "Положение об охране традиционных декоративно-прикладных изделий" [5, с. 189], закрепившее меры по защите и развитию народных промыслов.

Кульминацией правового регулирования в данной сфере стало принятие в 2011 году Закона КНР "О нематериальном культурном наследии"². Данный законодательный акт предоставил актуальные основания для охраны нематериальных культурных ценностей, закрепив механизмы их признания, документирования и осуществления мероприятий по обеспечению преемственности и распространения.

В свою очередь, в Японии сформирован иной подход. Центральным нормативным правовым актом, регулирующим охрану культурных ценностей в Японии, является Закон об охране культурных ценностей (Bunkazai Hogo Ho)³. Данный законодательный акт предусматривает охрану культурных объектов, представляющих историческую, художественную или академическую значимость, устанавливая механизмы определения и установления особого статуса "национальных сокровищ" и "важных культурных ценностей". Закон также поощряет применение новейших технологий для сохранения культурных ценностей и обеспечения общественного доступа к ним [11].

Япония является участницей международных конвенций и соглашений в сфере охраны культурного и природного наследия, включая Конвенцию ЮНЕСКО 1972 года и Гагскую конвенцию 1954 года. Данные международно-правовые акты закладывают основу для межгосударственного сотрудничества и обмена передовыми практиками в области сохранения культурного достояния.

Помимо правовых механизмов, Япония реализует ряд стратегических инициатив, направленных на охрану объектов культурного наследия в условиях цифровой трансформации. Основная политика японского правительства в области развития культуры и искусства, принятая в 2001 году, определила концептуальные подходы к защите и популяризации культурного наследия страны [6, с. 50], подчеркнув важность применения цифровых технологий для достижения данных целей.

Одним из главных проектов Японии в этой сфере является "Цифровой архив", направленный на создание цифровых хранилищ культурных ценностей и обеспечение широкого общественного доступа к ним. Реализация данной инициативы привела к формированию обширных электронных ресурсов, включающих цифровые копии национальных сокровищ и значимых объектов культурного наследия, а также разработке инновационных инструментов для их сохранения и изучения [8, с. 49].

Законодательство Японии об авторском праве (Chosakuken Ho) также играет существенную роль в регулировании использования цифровых репродукций объектов культурного достояния [13]. Данный нормативный акт обеспечивает правовую защиту оригинальных авторских произведений, включая цифровые изображения памятников культуры, при этом предусматривая доктрину добросовестного использования, способствующую сохранению и общественному доступу к культурному наследию в цифровом формате.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что основными направлениями правового регулирования в сфере охраны цифровых прав на объекты культурного наследия выступают:

- 1) обеспечение правовой охраны цифровых копий культурных ценностей;
- 2) установление специальных режимов лицензирования их использования;
- 3) противодействие незаконному обороту оцифрованных объектов.

Данные практики, реализуемые в законодательстве, представляют существенный интерес для дальнейшего совершенствования российской системы защиты цифровых прав на объекты культурного наследия.

Подводя итоги, следует сказать, что зарубежный опыт правового регулирования в сфере охраны цифровых прав на объекты культурного наследия обладает высокой практической значимостью для совершенствования российского законодательства. Учет основных направлений зарубежного регулирования, таких как усиление государственного и международного контроля, обеспечение правовой охраны цифровых копий, установление специальных режимов лицензирования и противодействие незаконному обороту, позволит повысить эффективность системы

¹ Gesetz zum Schutz von Kulturgut – «Kulturgutschutzgesetz vom 31. Juli 2016 (BGBl. IS. 1914)». – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/bundesrecht/kgsg/gesamt.pdf> (дата обращения: 17.12.2024)

² Закон КНР «О нематериальном культурном наследии» [Электронный ресурс] // URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_intangible_cultural_heritage_law_2011_russian (дата обращения: 18.12.2024).

³ Закон об охране культурных ценностей. 1950 [文化財保護法]. URL: <https://www.digital.archives.go.jp/DAS/meta/listPhoto?KEYWORD=&LANG=default&BID=F0000000000000104815&ID=&TYPE=&NO=> (дата обращения: 20.12.2024).

защиты культурного достояния России в условиях стремительной цифровизации.

Список литературы:

1. Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта [Текст]: [Текст конвенции, исполнительный регламент и протокол] / [Предисл. К. П. Рубаник]. - Москва: Госюриздат, 1957. - 46 с.
2. Горячева А.В. Эволюция законодательства в области сохранения архитектурного наследия. Италия и Великобритания // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022. №4 (61). С. 201-211. DOI: 10.24412/1998-4839-2022-4-201-211 EDN: JDQWLS
3. Домрин А.Н. Законодательство США об охране памятников национального значения / А.Н. Домрин // *Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: Сборник научных трудов / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ*. - Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2005. - С. 119-134. EDN: NDRTED
4. Кропинова К.А., Кропинова Е.Г. Охрана объектов культурного наследия в России и Германии: основные проблемы и подходы к их решению // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки*. 2022. № 4. С. 83-101. DOI: 10.5922/sikbfu-2022-4-8 EDN: VIIURT
5. Майборода Э.Т. Правовые основы сохранения нематериального культурного наследия в РФ и КНР в условиях глобализации / Э.Т. Майборода, Е.Д. Черявко // *Право и государство: теория и практика*. - 2024. - № 7(235). - С. 187-189. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_7_187 EDN: YXRLPW
6. Мoshnyaga П.А. Специфика культурной политики Японии в условиях глобализации // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. №2. С. 49-57. EDN: KTMOLN
7. Новоселова Л.А., Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. - М., Норма: Инфра-М. 2016 - 128 с.
8. Такаши Нагацука. Отношения и связи между цифровыми коллекциями в библиотеках Японии // *Новости Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений* 2020. № 1 (116). С. 48-53.
9. Шахназарова Э.А. Правовое регулирование отношений, возникающих по поводу объектов интеллектуальной собственности, созданных технологией искусственного интеллекта, на примере опыта Великобритании, США и ЕС // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2021. № 2 (32). С. 34-45. EDN: ZNDWVZ
10. Blake, Janet. On defining the cultural heritage // *The international and comparative law quarterly*. 2000 Vol. 49, issue 1. P. 61-85. DOI: 10.1017/S002058930006396X
11. Geoffrey R. Scott. The Cultural Property Laws of Japan: Social, Political, and Legal Influences // *Washington International Law Journal*. 2019. Vol. 12. №2. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol12/iss2/3> (дата обращения: 26.12.2024).
12. Marcilio Toscano Franca-Filho, Gabriela Pinto Brito de Figueiredo, Marius Müller. Comparative cultural heritage law: a dialogue between Brazil and Germany in the European year of cultural heritage // *Macau Journal of Brazilian Studies*. 2018. Vol. 1, Issue 2. URL: <http://aebm.mo/en/2018Vol1Issue2/56> (дата обращения: 02.12.2024).
13. Naoya Isoda. Copyright Infringement Liability of Placeshifting Services in the United States and Japan // *Washington Journal of Law, Technology & Art*. 2011. Vol. 7. №2. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wjla/vol7/iss2/7> (дата обращения: 29.12.2024).
14. Wagner A., de Clippele MS. Safeguarding Cultural Heritage in the Digital Era - A Critical Challenge // *Int J Semiot Law*. 2023. №36. P. 1915-1923. 10.1007/s11196-023-10040-z (дата обращения: 11.11.2024). DOI: 10.1007/s11196-023-10040-z (EDN: IMJRJL)

References:

1. Hague Convention of 1954 for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict [Text]: [Text of the Convention, Executive Regulations and Protocol] / [Foreword by K.P. Rubanik]. - Moscow: Gosyurizdat, 1957. - 46 p.
2. Goryacheva A.V. Evolution of Legislation in the Field of Architectural Heritage Preservation. Italy and Great Britain // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2022. No. 4 (61). P. 201-211.
3. Domrin A.N. US Legislation on the Protection of National Monuments / A.N. Domrin // *Legal Protection of Historical and Cultural Monuments in Foreign Countries: Collection of Scientific Papers / Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation*. - Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, 2005. - P. 119-134.
4. Kropinova K.A., Kropinova E.G. Protection of Cultural Heritage Objects in Russia and Germany: Main Problems and Approaches to Their Solution // *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2022. No. 4. P. 83-101.
5. Mayboroda E.T. Legal Framework for Preserving Intangible Cultural Heritage in the Russian Federation and China under Globalization / E.T. Mayboroda, E.D. Cheryavko // *Law and State: Theory and Practice*. - 2024. No. 7(235). P. 187-189.
6. Moshnyaga P.A. Specifics of Japan's Cultural Policy in the Context of Globalization // *Knowledge. Understanding. Skill*. 2009. No. 2. P. 49-57.
7. Novoselova L.A., Rozhkova M.A. Intellectual Property: Some Aspects of Legal Regulation: Monograph. - Moscow, Norma: Infra-M. 2016 - 128 p.
8. Takashi Nagatsuka. Relations and Connections Between Digital Collections in Japanese Libraries // *News of the International Federation of Library Associations and Institutions* 2020. No. 1 (116). P. 48-53.
9. Shakhnazarova E.A. Legal Regulation of Relations Arising Regarding Intellectual Property Objects Created by Artificial Intelligence Technology, Based on the Experience of Great Britain, USA and EU // *Journal of the Intellectual Property Rights Court*. 2021. No. 2 (32). P. 34-45.
10. Blake, Janet. On defining the cultural heritage // *The international and comparative law quarterly*. 2000 Vol. 49, issue 1. P. 61-85.
11. Geoffrey R. Scott. The Cultural Property Laws of Japan: Social, Political, and Legal Influences // *Washington International Law Journal*. 2019. Vol. 12. No. 2. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol12/iss2/3> (date of access: 26.12.2024).
12. Marcilio Toscano Franca-Filho, Gabriela Pinto Brito de Figueiredo, Marius Müller. Comparative cultural heritage law: a dialogue between Brazil and Germany in the European year of cultural heritage // *Macau Journal of Brazilian Studies*. 2018. Vol. 1, Issue 2. URL: <http://aebm.mo/en/2018Vol1Issue2/56> (date of access: 02.12.2024).
13. Naoya Isoda. Copyright Infringement Liability of Placeshifting Services in the United States and Japan // *Washington Journal of Law, Technology & Art*. 2011. Vol. 7. No. 2. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wjla/vol7/iss2/7> (date of access: 29.12.2024).
14. Wagner A., de Clippele MS. Safeguarding Cultural Heritage in the Digital Era - A Critical Challenge // *Int J Semiot Law*. 2023. No. 36. P. 1915-1923. <https://doi.org/10.1007/s11196-023-10040-z> (date of access: 11.11.2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_92

УДК 342.4

**УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ А.А. ОСТАФЬЕВА
В ОРГАНИЗАЦИИ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В НИЖЕГОРОДСКОЙ
ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905-1907 ГГ.)
PARTICIPATION OF PUBLIC FIGURE A.A. OSTAFIEV IN THE ORGANIZATION
OF ELECTIONS TO THE STATE DUMA IN THE NIZHNY NOVGOROD PROVINCE
DURING THE YEARS OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION (1905-1907)**

КОРОЛЕВ Борис Иванович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права, государства и судебной власти, доцент
Приволжский филиал «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».

603022, Россия, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 17А.

E-mail: korolev-boris@yandex.ru;

KOROLEV Boris Ivanovich,

Candidate of Historical Sciences,

Associate Professor of the Department of Theory and history of law, state and judicial power, associate professor

Privolzhskiy branch «Russian state University of Justice named after V.M. Lebedev».

603022, Gagarin Avenue, 17A, Nizhny Novgorod city, Russia.

E-mail: korolev-boris@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье представлена роль земского деятеля нижегородской провинции начала XX века А.А. Остафьева в организации выборов в Думу от уезда Нижегородской губернии, как средство выражения конституционных идей, в условиях революции 1905-1907 гг.

Abstract. The article presents the role of the zemstvo figure of the Nizhny Novgorod province of the early twentieth century, A.A. Ostafiev in organizing elections to the Duma from the district of the Nizhny Novgorod province, as a means of expressing constitutional ideas, in the conditions of the revolution of 1905-1907.

Ключевые слова: выборы, революция, Государственная Дума, Нижегородская губерния, представления, средство выражения.

Key words: elections, revolution, State Duma, Nizhny Novgorod province, representations, means of expression.

Для цитирования: Королев Б.И. Участие общественного деятеля А.А. Остафьева в организации выборов в Государственную Думу в Нижегородской губернии в годы первой русской революции (1905-1907 гг.) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 92-94. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_92.

For citation: Korolev B.I. Participation of public figure A.A. Ostafiev in the organization of elections to the State Duma in the Nizhny Novgorod Province during the years of the First Russian Revolution (1905-1907) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 92-94. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_92.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Подъем правосознания в начале XX века был связан с первой русской революцией 1905-1907 гг. Рост правового сознания общественности был вызван подъемом либерального земского движения, выработкой им конституционных проектов, уступками со стороны монархической власти, процессом формирования политических партий после издания Манифеста 17 октября 1905 года, организацией и проведением выборов в Думу. Процесс политического развития правовой культуры в начале XX века охватил земских общественных деятелей, как столицах, так и на местах; был связан с распространением конституционных идей. Это осмысленные общественностью идеи конституции, статуса Государственной думы, избирательного права. Формой выражения таких идей стала борьба за конституцию и законодательный статус Думы, за гражданские права и расширение круга избирателей.

Одним из важных проявлений роста правосознания населения стали выборы в Государственную думу. Правовыми основаниями их проведения стали: Положения о выборах в Государственную Думу (6 августа 1905 г., 3 июня 1907 г.), Указ 11 декабря 1905 г. о расширении круга избирателей, Учреждение Государственной Думы (20 февраля 1906 г.), включенное в Основные законы 1906 года. При организации выборов в представительный орган отказались от четырехчленной избирательной формулы (всеобщие, прямые, равные, тайные выборы). Законодателем были установлены: куриальный механизм не всеобщих выборов (имущественный, половой и прочие цензы) при непрямом и неравном избрании (в зависимости от принадлежности к разным сословиям). Выборы проходили по съездам (куриям) землевладельцев по уездам, горожан, зажиточных крестьян от волостей и от рабочих.

Разъяснения по организации выборов определяли: выборщиков от губерний; имущественный ценз для участия уездных землевладельцев, правила о выборах в городское избирательное собрание. Разъяснения подчеркивали: право на выбор избирательного съезда (при наличии имущественного ценза для участия в разных); активное и пассивное избирательное право волостных старшин, городских и земских гласных при оставлении государственной, общественной (земской) службы; право крестьян сменить состав сельских волостных сходов. На предварительных съездах использовать избирательные шары (черный и белый), а на съездах уездных землевладельцев и городских избирателей – избирательные записки [3, Л. 11-14, 32, 34]. Перед выборами проводились предвыборные совещания. Сами выборы проходили с 9 утра до 9 вечера, избиратель вручал председателю избирательной комиссии избирательную записку с указанными в ней именем, отчеством, фамилией

избираемого. Записки опускались через специальное отверстие в ящик с замком, который был опечатан. Вскрытие и подсчет осуществлялись на следующий день, при подсчете каждая записка нумеровалась, учитывались вынутые, действительные, недействительные, испорченные. Информация из записки (съезд или участок, фамилии избираемых, звание, адрес, номер в избирательном списке) заносились в специальные карточки, которые подписывалась членом избирательной комиссии. В трехдневный срок лица извещались об избрании [3, Л. 10].

Непосредственно от Нижегородской области избиралось в Думу семь депутатов, один из них представлял именно Нижний Новгород (в Думе первых двух созывов). Нижегородская губерния выбирала 90 выборщиков, из которых 42 представляли волости (крестьян), 30 – землевладельцев, 18 – городских избирателей. Для сравнения укажем, что Владимирская губерния избирала 92 выборщика (26, 18 и 48 выборщиков соответственно), а Ярославская – 60 выборщиков (17, 20 и 23 выборщика соответственно). Организацию и проведение выборов в городах и уездах губерний власть возложила на уездные и губернские избирательные комиссии при поддержке и помощи органов местного самоуправления (в городах – городских управ, в сельской местности – уездных земских управ), уездных и губернского предводителей дворянства (организационная работа). Контроль за организацией выборов осуществляли МВД и губернаторы.

Одним из общественных деятелей начала XX века в нижегородской провинции был А.А. Остафьев (1856-1932 гг. жизни), дворянин и предводитель уездного дворянства, надворный советник, председатель уездной земской управы, депутат I Думы [1, С. 11-12; 2, Л. 59-об.]. Конституционные представления А.А. Остафьева формировались на основании полученного высшего медицинского образования, опыта работы на земской и сословной службе, участия в общероссийских частных земских съездах и в качестве депутата I Думы. Он выступал за конституцию и ограниченную монархию, за гражданские права подданных, за расширение круга избирателей в Думу. Высказываясь за не прямые выборы именно в I Думу, он указывал, что в силу неграмотности и косности население не готово к прямым выборам. Как уездный предводитель дворянства и председатель уездной земской управы, Остафьев участвовал в проведении выборов в Думу в Нижегородском уезде губернии (с 1906 г. неоднократно избирался на обе должности вплоть до 1917 г.). Потомственный дворянин, он обладал, как активным, так и пассивным избирательным правом, которое реализовывал в съезде уездных землевладельцев, обладая имущественным цензом (по Нижегородскому уезду – 250 десятин земли, при минимуме в 200 десятин в Лукояновском уезде и максимуме в 350 десятин в Макарьевском уезде). Если Остафьева в период выборов в I Думу он указывал 435,5 десятин земли, то на выборах в III Думу – 340,7 десятин земли в уезде [4, Л. 246].

Как член Нижегородской уездной избирательной комиссии (по должности предводителя дворянства) Остафьев активно участвовал в ней в связи с выборами в I Думу. На заседании 24 января 1906 года члены комиссии обсуждали организацию предварительных съездов отдельно для местных, уездных землевладельцев, священнослужителей и городских избирателей, места проведения съездов (в Нижнем Новгороде, в селах Борисово, Дальнем Константинове, Таможникове). На 5 марта 1906 года были назначены выборы волостных сходов по уезду для избрания двух выборщиков в съезд уполномоченных от волостей, а 6 марта – выборы на съезде нижегородских уездных землевладельцев и священнослужителей. На последнем А.А. Остафьев, как председатель, указал на не прямые выборы в Думу: «многостепенность выборов, установленная законом, еще более обязывает во благо народа, приложить все старания к тому, чтобы выбранные уполномоченные были действительно из достойных, доверием населения пользующихся, людей» [3, Л. 38, 46, 68, 77-78].

В разъяснениях волостным правлениям Нижегородского уезда от 3 марта 1906 года Остафьев, замещавший должность уездного предводителя дворянства, указал, что выборы проводятся свободно, без всякого вмешательства, избирались по два выборных от сельского схода; кандидаты в выборные намечались записками, но голосование было закрытым, избирательными шарами; выборные не моложе 25 лет, крестьяне-домохозяева, дворовые, соответствующие избирательному цензу; участвовали в выборах на сходах сельские старосты, волостные старшины и волостные судьи, не могли сотские и чины полиции. По итогам выборов на сельских сходах списки выборных с подписями председателя схода и волостного старшины передавались в уездный съезд представителей от волостей. В списках указывалось число явившихся выборщиков и выборных, ФИО выборных, селение, количество баллов. Остафьев выразил надежду, что «из-за важности выбора в члены Думы крестьяне отнесутся к выборам с вниманием, выборы пройдут спокойно и правильно», у крестьян возможность избрания члена Думы из своей среды [3, Л. 79]. Под контролем губернатора и при участии Остафьева были подготовлены списки уездных участников выборов на сельских сходах.

Относительно выборов уполномоченных от волостей на стадии предварительного съезда (выборы на сельских волостных сходах – 19 марта 1906 г.) Остафьев сообщил нижегородскому губернатору информацию об условиях выборов, степени участия крестьян в выборах, сведения о выборе необходимого количества выборных. Для анализа предварительных выборов от губернатора поступили опросные листы, при заполнении которых активное участие принимал Остафьев. Опросный лист предполагал данные по выборным от крестьян: указание избирательного собрания, ФИО и возраст, звание (сословие, чин), вероисповедание, народность, степень образования, занятость, место жительства выборных, уезд и съезд, где состоялись выборы, цензы (наличие недвижимости, предприятий и т.д.), размер и характер [3, Л. 81-83, 104, 109]. Выясняя результаты выборов на сельских сходах по Нижегородскому уезду, Остафьев состоял в переписке с Волостными правлениями уезда, запрашивал сведения об избрании необходимого количества (по два) от каждой волости, получал в ответ рапорты от правлений. В итоге губернатор, выяснив, что в ряде волостей узда выборы не состоялись или не избрано необходимое количество выборных, назначил новый срок выборов уполномоченных от волостей Нижегородского уезда на 20 марта 1906 года. А.А. Остафьев организовал рассылку приглашений на выборы от своего имени, получая взамен расписки о получении приглашений и списки лиц, получивших объявление о выборах по волостям уезда, от городских избирателей. По итогу повторных выборов он получил баллотировочные листы, списки лиц, выбранных по волостям уезда [3, Л. 120-152,

161-201, 204-211, 215-225]. В отчете губернатору о ходе выборов в Думу по Нижегородскому уезду Остафьев сообщил об общем числе волостных сходов, количествах избранных уполномоченных и избирателей, явившихся на съезды [3, Л. 229].

Организуя выборы в Думу первых трех созывов, Остафьев составлял избирательные списки по уезду – выборы выборных и участников съезда от волостей и участников предварительных и основного съезда уездных землевладельцев (указаны номер по списку, ФИО, наличие ценза – количество десятин земли и другого недвижимого имущества); им были разосланы приглашения на выборы, в ответ на которые были присланы расписки о получении приглашений; дал поручение приставам станов, полицейским управлениям известить избирателей по волостям уезда о проведении предварительного избирательного съезда, взамен получил от них извещения об извещении; разослал поручения о предоставлении сведений о предварительном избрании выборных [4, Л. 89-212, 235-236, 246-258-оборот, 267-268]. Остафьеву направлялись баллотировочные листы, избирательные списки с указанием избранных; рапорты волостных правлений о ходе и результатах выборов с информацией о том, кто избран, каких взглядов, какое количество голосов получил; контролировал общий список от всех избирательных съездов по уезду – от уполномоченных от волостей, от двух съездов горожан и землевладельцев [4, Л. 269-294, 295-336, 337-369, 371-380, 386]. На выборах в III Думу он оформлял избирательные списки участников съезда уездных землевладельцев; организовал предвыборное совещание 18 октября выборщиков съезда уездных землевладельцев уезда в Дворянском собрании [4, Л. 385]. Остафьев информировал нижегородского губернатора М. Шрамченко относительно избирательных съездов по избранию уполномоченных от волостей, уполномоченных от рабочих по уезду губернии (2 и 14 сентября 1907 г.) [4, Л. 36-оборот, 70, 77, 79, 83].

Сторонник расширения избирательных прав подданных, либерал Остафьев активно участвовал в организации и проведении выборов в Думу в уезде Нижегородской губернии в годы революции 1905-1907 гг. Революцией был обусловлен рост правосознания населения провинции, выражением которого стало, хоть и ограниченное, но участие подданных в выборах.

Список литературы:

1. Селезнев, Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае 1905-1917 гг. - Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2001. - 314 с. ISBN: 5-85746-296-7 EDN: TKXHHH
2. Центральный архив Нижегородской области (далее - ЦАНО). Ф. 2. Оп. 6. Д. 2688. Л. 59-об.
3. ЦАНО. Д. 316. Л. 10, 11-14, 32, 34, 38, 46, 68, 77-78, 79, 81-83, 104, 109, 120-152, 161-201, 204-211, 215-225, 229.
4. ЦАНО. Д. 322. Л. 36-оборот, 70, 77, 79, 83, 89-212, 235-236, 246-258-оборот, 267-268, 269-294, 295-336, 337-369, 371-380, 386.

References:

1. Seleznev, F.A. Elections and the choice of the province: the Cadet Party in the Nizhny Novgorod Region, 1905-1917, Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod University, 2001. 314 p. ISBN: 5-85746-296-7 EDN: TKXHHH
2. Central Archive of the Nizhny Novgorod region (hereinafter - TSANO). F. 2. Op. 6. D. 2688. L. 59-vol.
3. TSANO. D. 316. L. 10, 11-14, 32, 34, 38, 46, 68, 77-78, 79, 81-83, 104, 109, 120-152, 161-201, 204-211, 215-225, 229.
4. TSANO. D. 322. L. 36-turnover, 70, 77, 79, 83, 89-212, 235-236, 246-258-turnover, 267-268, 269-294, 295-336, 337-369, 371-380, 386.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННЫХ РИСКОВ И УГРОЗ В РЕАЛИЗАЦИИ ДОКТРИНЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ON SOME ASPECTS OF MODERN RISKS AND THREATS IN THE IMPLEMENTATION OF THE FOOD SECURITY DOCTRINE OF THE RUSSIAN FEDERATION

АГАПОВ Дмитрий Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры земельного и экологического права
Саратовской государственной юридической академии.

ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская обл., 410028, Россия.

E-mail: agapovda@mail.ru;

БЛИНОВ Давид Ростиславович,

руководитель Проекта «Имею право снизить углеродный след»,
руководитель Проектной Лаборатории НОО ФГБОУ ВО «СГЮА».

ул. Чернышевского, 104, г. Саратов, Саратовская обл., 410028, Россия.

E-mail: agapovda@mail.ru;

AGAPOV Dmitry Aleksandrovich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Land and Environmental Law
Saratov State Law Academy.

104 Chernyshevsky St., Saratov, Saratov region, 410028, Russia.

E-mail: agapovda@mail.ru;

BLINOV David Rostislavovich,

Head of the Project "I have the right to reduce my carbon footprint",
Head of the Design Laboratory of the NOO FSBI VO "SGOA".

Chernyshevsky St., 104, Saratov, Saratov region, 410028, Russia.

E-mail: agapovda@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию продовольственной безопасности в аспекте современных рисков и угроз, обозначенных в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации. Приводится анализ представленных групп рисков и угроз по их содержанию, а так же предлагаются механизмы, направленные на предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности с учетом социально-экономического развития Российской Федерации.

Abstract: The article is devoted to the study of food security in the aspect of modern risks and threats, designated in the Doctrine of Food Security of the Russian Federation. The analysis of the presented groups of risks and threats by their content is given, and mechanisms aimed at preventing internal and external threats to food security, taking into account the socio-economic development of the Russian Federation, are proposed.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, доктрина, риски и угрозы, правовое регулирование, социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Keywords: food security, doctrine, risks and threats, legal regulation, socio-economic development of the Russian Federation.

Для цитирования: Агапов Д.А., Блинов Д.Р. О некоторых аспектах современных рисков и угроз в реализации доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 95-99. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_95.

For citation: Agapov D.A., Blinov D.R. On some aspects of modern risks and threats in the implementation of the Food Security Doctrine of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 95-99. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_95.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Современное состояние продовольственной безопасности Российской Федерации во многом зависит от ее правильного обеспечения, которое, в свою очередь, может испытывать негативное воздействие от различных факторов (рисков и угроз). Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (Далее – Доктрина) направлена на прогнозирование и предотвращение появления негативного воздействия на продовольственную безопасность России [1].

В общем смысле термин *риск* означает «возможную опасность, угрозу, вероятность неблагоприятного или неожиданного (в т.ч. положительного) результата действий или развития событий» [2]. С эколого-энергетической точки зрения *риск* понимается как «возможность (вероятность) нанесения ущерба для жизни и здоровью человека и/или окружающей среде» [3]. В позиции права, *риск* означает текущие или будущие потери (убытки) или иные негативные последствия, обусловленные нарушением нормативных предписаний, правил, процедур.

Представляется, что в области обеспечения продовольственной безопасности, «риск» отражает вероятностный результат от предстоящих действий, событий, которые будут демонстрировать отрицательные или положительные результаты в отдаленной (краткосрочной, среднесрочной или долгосрочной перспективе) с учетом наличия или отсутствия нарушения действующего законодательства. Понятие *угроза* подразумевает «возможность, опасность какого-либо бедствия, несчастия, неприятного события» [4]. Угрозы продовольственной безопасности представляют собой комплекс факторов, которые могут негативно воздействовать на состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления

пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни.

В области обеспечения продовольственной безопасности риски и угрозы перечисляются как категории однопорядкового значения. В Доктрине продовольственной безопасности к «рискам» отнесены четыре группы факторов: а) экономические, б) технологические, в) внешнеполитические, г) ветеринарные и фитосанитарные; к угрозам – три направления: а) климатические и агроэкологические, б) санитарно – эпидемиологические, в) социальные.

Анализ представленных групп рисков и угроз по содержанию демонстрирует сложность их четкого разграничения, при этом лишь санитарно – эпидемиологические и санитарные угрозы можно отнести к правовым, так как условием их возникновения являются нарушения обязательных требований к обеспечению безопасности и качества продукции на всех стадиях ее оборота (пп. «е» п. 14 Доктрины).

В то же время, риски и угрозы, с экономической точки зрения, являются элементами безопасности, которые имеют характерные отличия друг от друга. В данном ключе *риск* можно рассмотреть как обстоятельство, которое может оказать как негативное, так и положительное влияние на объект, и которое известно и прогнозируемо субъектом деятельности.

На сегодняшний день учет возможных рисков является важным составляющим в планировании конкретных действий в любой отрасли жизнедеятельности общества (продовольственной, промышленной, производственной и иных).

В отличие от риска *угроза* всегда носит негативный характер воздействия и является непрогнозируемой. Если угроза известна заранее или может быть предположена, то скорее всего она будет считаться риском, который был учтен субъектом той или иной деятельности перед началом ее осуществления. Таким образом, отметим, что риски и угрозы в целях обеспечения продовольственной безопасности следует содержательно разграничивать ввиду дифференциации их функциональности.

Учитывая вышеизложенное, представляется необходимым раскрыть содержание следующих категорий рисков продовольственной безопасности.

Экономические риски (пп. «а» п. 14 Доктрины) обусловлены возможностью ухудшения внутренней и внешней экономической конъюнктуры, снижением темпов роста мировой и национальной экономики; высокой инфляцией и кризисом банковской системы; снижением инвестиционной привлекательности отечественного сельского и рыбного хозяйства; снижением конкурентоспособности отечественной продукции. Данная категория рисков, как мы видим, связана с осуществлением государством экономической деятельности и может выступать в различных формах. Кионга Г.М. считает, что формы экономических рисков можно подразделить на «производственные, финансовые, коммерческие, инвестиционные» [5]. Данное деление обусловлено направлением экономической деятельности, каждое из которых может быть отнесено как к конкретной организации, так и государству. Экономические риски обеспечения продовольственной безопасности обусловлены глобальными конфликтами и негативными проявлениями давления на продовольственную систему не только в мировом значении, но и на внутригосударственном уровне в рамках «зеленого перехода» к климатической политике.

Технологические риски (пп. «б» п. 14 Доктрины) обусловлены отставанием от развитых стран в уровне технологического развития производственной базы; несанкционированным использованием лекарственных препаратов для ветеринарного применения в процессе сельскохозяйственного производства. О взаимосвязи регресса и прогресса говорил еще Г. Спенсер, отмечая, что «регресс имел место так же часто, как и регресс» [6]. В данном ключе технологическое несоответствие современным достижениям науки и практики является временным риском, который устраняется инновационной реформацией продовольственной безопасности. Угрюмова А.А., Замаховский М.П. и Капустина Т.А. отмечают тот факт, что «технологическая безопасность как комплексная категория становится важнейшей составляющей успешности и результативности отрасли» (в контексте внедрения современных технологий производства и переработки сельскохозяйственной продукции) [7].

Внешнеполитические риски (пп. «г» п. 14 Доктрины) обуславливаются колебаниями рыночной конъюнктуры; применением зарубежными странами мер государственной поддержки сельского хозяйства, искажающих международную торговлю. Речь идет несомненно о применении одной страной таких методов достижения необходимого значения показателей продовольственной безопасности, которые наносят ущерб остальным участникам международного рынка. В данном случае прогнозирование такой категории рисков и избежание возможных последствий представляется возможным в случае успешной и выстроенной на доверительных отношениях внешней политике государства. Например, контроль за безопасностью пищевой продукции, которая используется в обращении на международном рынке, регламентируется техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции» [8] и иными международными соглашениями.

Ветеринарные и фитосанитарные риски (пп. «д» п. 14 Доктрины) связаны с возникновением и распространением ранее не регистрировавшихся на территории Российской Федерации массовых заразных болезней животных, а также с распространением болезней и вредителей растений. Такие риски могут быть предупреждены и пресечены заранее только при наличии своевременного ветеринарного и фитосанитарного государственного контроля. В качестве примера мониторинга качества животного сырья можно привести действующие на территории Российской Федерации санитарно-эпидемиологические правила и нормативы «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов», согласно которым устанавливаются «гигиенические нормативы безопасности и пищевой ценности для человека пищевых продуктов, а также требования по соблюдению указанных нормативов при изготовлении, ввозе и обороте пищевых продуктов» [9].

Все вышеперечисленные риски находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, что объясняется тесным переплетением различных сфер жизнедеятельности общества: политической, экономической, социальной и других. Например, невозможно существование внешнеполитических рисков без экономических ввиду того, что политические отношения, связанные с осуществлением государствами экономической деятельности, в частности в целях достижения продовольственной безопасности, всегда подкреплены такими сопутствующими элементами как:

валютные отношения, договорные и согласительные правоотношения, глобализация тенденций мировой экономики, международный внутренний и внешний контроль за деятельностью государств и иные. В практике известны многочисленные примеры распространения заболеваний животных от одного государства к соседнему, что также оказывало негативное влияние на достигаемость показателей продовольственной безопасности. В рамках Проекта «Сложно о главном», реализуемом Федеральной службой по фитосанитарному и ветеринарному надзору Российской Федерации, освещена соответствующая тема трансграничных болезней животных. Россельхознадзор отметил, что «сегодня на планете полностью искоренена только одна трансграничная болезнь животных – чума крупного рогатого скота (КРС)» [10]. Таким образом можно сделать вывод о том, что существование ветеринарных и фитосанитарных рисков является постоянным и не поддается полной ликвидации, даже в условиях международной борьбы с ними.

Содержание следующих категорий угроз продовольственной безопасности отражает современные условия общественного развития.

Климатические и агроэкологические угрозы (пп. «в» п. 14 Доктрины) обусловлены неблагоприятными климатическими изменениями и аномальными природными явлениями стихийного характера; увеличением доли деградированных земель; снижением плодородия земель сельскохозяйственного назначения вследствие их нерационального использования в сельском хозяйстве; последствиями природных и техногенных чрезвычайных ситуаций. Некоторые из таких угроз являются сложно прогнозируемыми, что частично или полностью исключает возможность их предупреждения. Например, относительно 2025 года, аномальные температурные показатели зимнего периода могут повлиять на качество будущего урожая, уровень продовольственных цен. Согласно позиции Яковлевой Е.Н. и Крюковой И.В., «климатический фактор является определяющим в обеспечении продуктивности сельского хозяйства, а рост климатических рисков и их негативных последствий (расширение ареалов вредителей, распространение бактериальных и вирусных заболеваний, увеличение количества опасных гидрометеорологических явлений и т.д.) усиливает угрозы продовольственной безопасности стран» [11].

Устойчивое развитие общества в целом, и России в частности, нельзя рассматривать без его основы – земли. Основной и наиболее значимой ее составляющей считается почва или плодородный слой земли, который и является средством сельскохозяйственного производства. Так как земли сельскохозяйственного назначения в структуре земельного фонда России занимают значительную часть, проблема загрязнения и захламления земель у нас в стране стоит второй после проблемы нарушения земель в процессе хозяйственной деятельности и невыполнения обязательных работ по их рекультивации. Для проведения эколого-экономической оценки земель сельскохозяйственного назначения необходимо собрать информацию о природно-ресурсном, климатическом, экологическом, агропромышленном потенциале территории [12].

Санитарно-эпидемиологические угрозы (пп. «е» п. 14 Доктрины) связаны с возникновением и распространением инфекционных и неинфекционных заболеваний населения вследствие нарушения обязательных требований к обеспечению безопасности и качества продукции на всех стадиях ее оборота на потребительском рынке. Примером такой категории угроз является вспышка сальмонеллезы в ряде субъектов Российской Федерации в 2017-2018 гг. Показатель выделенных у животных сальмонелл составил 1045 случаев, что являлось серьезной угрозой продовольственной безопасности России [13].

Социальные угрозы (пп. «ж» п. 14 Доктрины) обусловлены снижением привлекательности сельского образа жизни. Действительно, молодые поколения сейчас наиболее заинтересованы другими сферами профессиональной деятельности. По данным Росстата, в 2023 году 9,3% учащихся на уровне дошкольного образования выбирают занятия по изучению живой природы, развитию познавательных навыков, на уровне школьного образования только 0,2% учащихся выбирают сельскохозяйственный профиль обучения [14]. Среди студентов бакалавриата за тот же период наиболее популярными были юриспруденция, экономика и педагогическое образование, среди студентов специалитета – лечебное дело, стоматология, педиатрия, а среди студентов магистратуры – юриспруденция, педагогическое образование и менеджмент. Шафранская А.М. также отмечает, что «в условиях усиления социально-экономических угроз основным стратегическим приоритетом продовольственной безопасности России выступает обретение страной экономического суверенитета и полной продовольственной независимости» [15].

В отличие от рисков с присущей им взаимосвязанностью угрозы отражают разные специфические источники появления. В данном случае можно сделать вывод о том, что угрозы являются эпизодическими ввиду того, что их появление является вероятным, а негативное воздействие акцидентальным. К факторам, ставящим под угрозу достижение показателей продовольственной безопасности России, требуется особый подход, видимый во внедрении инновационных методов прогнозирования, мониторинга и противодействия. По мнению Щенниковой В.Н., «мероприятия по решению задач продовольственной безопасности разнообразны. Но при видимом разнообразии у них просматривается некая общность. Все они сегодня требуют принципиально новых, инновационных решений. Ведь традиционные меры и подходы, несмотря на усилия многих и многих десятилетий, не дали желанного результата» [16].

Механизмы обеспечения продовольственной безопасности устанавливаются в соответствующих нормативных правовых актах, определяющих условия функционирования экономики страны и ее отдельных отраслей, обеспечиваются финансовыми ресурсами федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации. К таковым можно отнести государственную финансовую и организационную поддержку, развитие научной доктрины продовольственной безопасности, разработка и внедрение инновационных методов ведения сельскохозяйственной деятельности, просветительские мероприятия среди населения о недопустимости нарушений требований законодательства, которые могут привести к снижению продовольственной безопасности, популяризация сельского образа жизни и иные.

Особое место среди перечисленных механизмов занимает *законодательный*. По своей правовой природе и функциональному назначению данный механизм, является правоустанавливающим (правоопределяющим). В настоящий момент на отношения, связанные с обеспечением продовольственной безопасности России и осуществлением сельскохозяйственной и иных смежных с ней видов деятельности, распростра-

няют свое действие целый ряд нормативно-правовых документов, технических, санитарных и иных требований. Среди них можно выделить: Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации [17], Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [18], Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [19], Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [20], Постановление Правительства РФ от 09.03.2010 № 132 «Об обязательных требованиях в отношении отдельных видов продукции и связанных с требованиями к ней процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, содержащихся в технических регламентах Республики Казахстан, являющейся государством - участником таможенного союза» [21], Приказ Минсельхоза России от 13.12.2016 № 552 «Об утверждении нормативов качества воды водных объектов рыбохозяйственного значения, в том числе нормативов предельно допустимых концентраций вредных веществ в водах водных объектов рыбохозяйственного значения» [22], ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции» [23], ТР ТС 022/2011 «Пищевая продукция в части ее маркировки» [24], СанПиН 2.3.2.1078-01 «Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов» [25] и иные.

Указанные механизмы направлены на предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности и должны разрабатываться с учетом социально-экономического развития Российской Федерации.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 (ред. от 10.03.2025) "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 345.
2. Гаврилов К. А., Красавина Л. Н. РИСК // Большая российская энциклопедия. Том 28. Москва, 2015, стр. 537.
3. Учет внешних воздействий природного и техногенного происхождения на ядерно- и радиационно опасные объекты (ПНАЭ Г-05-035-94). Федеральные нормы и правила в области использования атомной энергии, утв. пост. Госатомнадзора России от 09.04.95, №4, Прил. 11 // Федеральный надзор России по ядерной и радиационной безопасности. - М.: Госатомнадзор России, 1995 г.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. - 4-е изд., стер. - М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 г.
5. Кiongа Г.М. Экономические риски // Экономика и социум, (5-1 (18)). 2015. С. - 607-611 (с. 610).
6. Спенсер, Герберт Льюис (1820-1903). Сочинения Герберта Спенсера. [Т.1-7]: Полные переводы, проверенные по последним английским изданиям / Общ.ред. Н.А.Рубакина. Опыты научные, политические и философские. - Санкт-Петербург: Издатель, 1897-1904, 1899. - II, 309 с.
7. Урюмова А.А., Замаховский М.П., Капустина Т.А. Технологическая безопасность сельского хозяйства в регионах с мелиоративным земледелием // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 14 (2 (359)). 2018. С. - 221-235 (с. - 222). DOI: 10.24891/ni.14.2.221 EDN: YNZSBS
8. Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 N 880 (ред. от 22.04.2024) "О принятии технического регламента Таможенного союза "О безопасности пищевой продукции" (вместе с "ТР ТС 021/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности пищевой продукции")// Официальный сайт Комиссии таможенного союза URL: www.tsouz.ru.
9. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 14.11.2001 N 36 (ред. от 06.07.2011) "О введении в действие Санитарных правил" (вместе с "СанПиН 2.3.2.1078-01. 2.3.2. Продовольственное сырье и пищевые продукты. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы", утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 06.11.2001) // Российская газета, N 106, 15.06.2002.
10. Четвертый выпуск Проекта "Сложно о главном" Федеральной службы по фитосанитарному и ветеринарному надзору Российской Федерации от 04.12.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fsps.gov.ru/news/proekt-dostupno-o-slozhnom-transgranichnye-bolezni-zhivotnyh/> (дата обращения 10 октября 2025).
11. Яковлева Е.Н., Крюкова И.В. Климатическая безопасность аграрного сектора: угрозы и проблемы адаптации // Вестник Томского государственного университета. Экономика, (60). 2022. С. - 22-35 (с. - 29). DOI: 10.17223/19988648/60/2 EDN: JСХХУТ
12. Хачатурова Е.С. Проблема загрязнения земель сельскохозяйственного назначения в Саратовской области / Е.С. Хачатурова, И.С. Гагина // Правовые, экономические и экологические аспекты рационального использования земельных ресурсов: Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Саратов, 24 июня 2021 года. - Саратов: ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ, 2021. - С. 112-117. EDN: JNUUAC
13. Информационный бюллетень Референс-центра по мониторингу за сальмонеллезом ФБУН "Центральный научно-исследовательский институт эпидемиологии" №31, 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://epid-oki.ru/files/reports/salm/Salm_Inf_RF_2019.pdf (дата обращения 10 октября 2025).
14. Инфографика "Образование в России" 2023 г., опубли. Росстат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/243936>.
15. Шафранская Анастасия Максимовна. Обеспечение продовольственной безопасности в контексте социально-экономического развития России // Финансовые рынки и банки, (10). 2022. С. - 75-77 (с. - 76).
16. Щенникова В.Н. Об угрозах продовольственной безопасности России // Проблемы экономики и юридической практики, (6). 2017. С. - 86-89 (с. - 86). EDN: YKXJLL
17. Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 "Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2020. № 4. Ст. 345.
18. Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5073.
19. Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2020) "О качестве и безопасности пищевых продуктов" // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.
20. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения" // Собрание законодательства РФ. 1999. N 14. Ст. 1650.
21. Постановление Правительства РФ от 09.03.2010 № 132 (ред. от 04.11.2023) "Об обязательных требованиях в отношении отдельных видов продукции и связанных с требованиями к ней процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, содержащихся в технических регламентах Республики Казахстан, являющейся государством - участником таможенного союза" // Собрание законодательства РФ. 2010. N 11. Ст. 1221.
22. Приказ Минсельхоза России от 13.12.2016 № 552 (ред. от 13.06.2024) "Об утверждении нормативов качества воды водных объектов рыбохозяйственного значения, в том числе нормативов предельно допустимых концентраций вредных веществ в водах водных объектов рыбохозяйственного значения" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10 октября 2025).
23. Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880 (ред. от 22.04.2024) "О принятии технического регламента Таможенного союза "О безопасности пищевой продукции" // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза <http://www.tsouz.ru/> (дата обращения 10 октября 2025).
24. Решение Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 881 № 881 "О принятии технического регламента Таможенного союза "Пищевая продукция в части ее маркировки" "О принятии технического регламента Таможенного союза "Пищевая продукция в части ее маркировки" // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза <http://www.tsouz.ru/> (дата обращения 10 октября 2025).
25. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 14.11.2001 N 36 (ред. от 06.07.2011) "О введении в действие Санитарных правил" // "Российская газета", № 106, 15.06.2002.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 01/21/2020 No. 20 (as amended on 03/10/2025) "On Approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 4. Art. 345.
2. Gavrilov K. A., Krasavina L. N. RISK // Great Russian Encyclopedia. Volume 28. Moscow, 2015, p. 537.
3. Consideration of external impacts of natural and man-made origin on nuclear and radiation hazardous facilities (PNAE G-05-035-94). Federal norms and rules in the field of atomic energy use, approved by the post. Gosatomnadzor of Russia dated 04/09/95, No. 4, Annex 11 // Russian Federal Supervision of Nuclear and Radiation Safety. Moscow: Gosatomnadzor of Russia, 1995.
4. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Edited by A. P. Evgenieva. - 4th ed., ster. - M.: Rus. yaz.; Polygraph Resources, 1999.
5. Kiongа G.M. Economic risks // Economics and Society, (5-1 (18)). 2015. pp. 607-611 (p. 610).

6. Spencer, Herbert Lewis (1820-1903). The works of Herbert Spencer. [T.1-7]: Complete translations, verified by the latest English editions / General ed. by N.A. Rubakin. Scientific, political and philosophical experiments. - St. Petersburg: Publisher, 1897-1904, 1899. - II, 309 c.
7. Ugryumova A.A., Zamakhovsky M.P., Kapustina T.A. Technological safety of agriculture in regions with reclamation farming // National interests: priorities and security, 14 (2 (359)). 2018. pp. 221-235 (pp. 222). DOI: 10.24891/ni.14.2.221 EDN: YNZSBS
8. Decision of the Commission of the Customs Union of 09.12.2011 N 880 (as amended on 04/22/2024) "On the adoption of the Technical Regulations of the Customs Union "On the safety of food products" (together with "TR CU 021/2011. Technical regulations of the Customs Union. On Food Safety")// Official website of the Customs Union Commission URL: www.tsouz.ru.
9. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation dated 11/14/2001 N 36 (as amended on 07/06/2011) "On the introduction of Sanitary rules" (together with "SanPiN 2.3.2.1078-01. 2.3.2. Food raw materials and foodstuffs. Hygienic requirements for the safety and nutritional value of food products. Sanitary and epidemiological rules and regulations", approved by Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation 06.11.2001) // Rossiyskaya Gazeta, No. 106, 06/15/2002.
10. The fourth issue of the Project "Complicated about the main thing" of the Federal Service for Phytosanitary and Veterinary Supervision of the Russian Federation dated 04.12.2019 [Electronic resource]. Access mode: <https://fsvps.gov.ru/news/proekt-dostupno-o-slozhnom-transgranichnye-bolezni-zhivotnyh> / (accessed October 10, 2025).
11. Yakovleva E.N., Kryukova I.V. Climatic safety of the agricultural sector: threats and problems of adaptation // Bulletin of Tomsk State University. Economics, (60). 2022. pp. 22-35 (pp. 29). DOI: 10.17223/19988648/60/2 EDN: JCXXUT
12. Khachaturova E.S. The problem of pollution of agricultural lands in the Saratov region / E.S. Khachaturova, I.S. Gagina // Legal, economic and environmental aspects of rational use of land resources: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference, Saratov, June 24, 2021. Saratov: Saratov State Agrarian University, 2021. pp. 112-117. EDN: JNUUAC
13. Newsletter of the Reference Center for Salmonellosis Monitoring of the Central Scientific Research Institute of Epidemiology No. 31, 2019 [Electronic resource]. Access mode: https://epid-oki.ru/files/reports/salm/Salm_Inf_RF_2019.pdf (accessed October 10, 2025).
14. Infographic "Education in Russia" 2023, publ. Rosstat [Electronic resource]. Access mode: <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/243936>.
15. Anastasia Maksimovna Shafanskaya. Ensuring food security in the context of socio-economic development of Russia // Financial markets and banks, (10). 2022. pp. 75-77 (pp. 76).
16. Schennikova V.N. On threats to food security in Russia // Problems of economics and legal practice, (6). 2017. pp. 86-89 (p. 86). EDN: YKXJLL
17. Decree of the President of the Russian Federation dated 01/21/2020 No. 20 "On approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 4. Article 345.
18. Federal Law No. 280-FZ of 08/03/2018 (as amended on 12/29/2022) "On Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32 (Part I). Art. 5073.
19. Federal Law No. 29-FZ dated 02.01.2000 (as amended on 07/13.2020) "On the quality and safety of Food Products" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 2. Art. 150.
20. Federal Law No. 52 dated 30.03.1999-Federal Law (as amended on December 26, 2024) "On the sanitary and epidemiological welfare of the population" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. N 14. St. 1650.
21. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/09/2010 No. 132 (as amended on 11/04/2023) "On Mandatory Requirements for Certain Types of Products and Related Processes of Design (including Surveys), Production, Construction, Installation, Commissioning, Operation, Storage, Transportation, Sale and Disposal contained in Technical Regulations Of the Republic of Kazakhstan, which is a member state of the Customs Union" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. N 11. St. 1221.
22. Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation dated December 13, 2016 No. 552 (as amended on 06/13/2024) "On approval of water quality standards for water bodies of fisheries significance, including standards for maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of water bodies of fisheries significance" // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru> (accessed October 10, 2025).
23. Decision of the Customs Union Commission dated 09.12.2011 No. 880 (as amended on 04/22/2024) "On the adoption of the Technical Regulations of the Customs Union "On Food Safety" // Official website of the Customs Union Commission <http://www.tsouz.ru> / (accessed October 10, 2025).
24. Decision of the Customs Union Commission dated 09.12.2011 No. 881 No. 881 "On the adoption of the Technical Regulations of the Customs Union "Food products in terms of their labeling" "On the adoption of the technical Regulations of the Customs Union "Food products in terms of their labeling" // Official website of the Customs Union Commission <http://www.tsouz.ru> / (accessed October 10, 2025).
25. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation dated 11/14/2001 No. 36 (as amended on 07/06/2011) "On the introduction of Sanitary Rules" // Rossiyskaya Gazeta, No. 106, 06/15/2002.

**ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
В УСЛОВИЯХ ЕДИНСТВА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
(НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)
ISSUES OF ACTIVITY OF MUNICIPALITIES IN CONDITIONS
OF UNITY OF PUBLIC AUTHORITY: THEORY AND PRACTICE
(USING THE EXAMPLE OF MUNICIPALITIES OF THE MOSCOW REGION)**

ИВАНОВ Иван Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА),
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
E-mail: sarmat212@yandex.ru;

IVANOV Ivan Vasilyevich,

associate professor department of constitutional and municipal law of the federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), candidate of law, associate professor.
125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya st., 9.
E-mail: sarmat212@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье на основе практического материала анализируется деятельность муниципальных образований на примере Московской области в условиях единства публичной власти России. Выделяются основные группы полномочий органов местного самоуправления, рассматривается их реализация органами местного самоуправления, в том числе в порядке взаимодействия с органами государственной власти. В статье отмечается: централизация управления в отношении муниципалитетов со стороны органов государственной власти Московской области; неспособность местной власти обеспечивать многие функции социальной защиты населения; безынициативность местной власти в развитии прямой демократии. Для решения этих задач предлагаются меры реформирования жилищного законодательства; совершенствование механизмов взаимодействия муниципальных образований и государственной власти; вовлечение органами местного самоуправления некоммерческих организаций в реализацию конкретных институтов прямой демократии.

Abstract: the article, based on practical material, analyzes the activities of municipalities using the example of the Moscow region in the conditions of the unity of public authority in Russia. The main groups of powers of local self-government bodies are identified, their implementation by local self-government bodies is considered, including in the order of interaction with government bodies. The article notes: centralization of management in relation to municipalities by government bodies of the Moscow region; the inability of local authorities to provide many functions of social protection of the population; lack of initiative of local authorities in the development of direct democracy. To solve these problems, measures to reform housing legislation are proposed; improving the mechanisms of interaction between municipalities and government authorities; involvement of local government bodies of non-profit organizations in the implementation of specific institutions of direct democracy.

Ключевые слова: публичная власть; демократия; органы местного самоуправления; население; полномочия; законодательство; реформирование.

Key words: public power; democracy; local government bodies; population; powers; legislation; reforming.

Для цитирования: Иванов И.В. Вопросы деятельности муниципальных образований в условиях единства публичной власти: теория и практика (на примере муниципальных образований Московской области) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 100-102. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_100.

For citation: Ivanov I.V. Issues of activity of municipalities in conditions of unity of public authority: theory and practice (using the example of municipalities of the Moscow Region) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 100-102. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_100.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Муниципальные образования зачастую рассматриваются под углом действующего законодательства, законодательных новелл, статистических данных по их бюджетам, полученным субсидиям, в разрезе взаимодействия с органами государственной власти. Подобные исследования не всегда затрагивают комплексное изучение муниципальных образований, основных направлений их деятельности, в том числе в сравнение с аналогичными муниципальными образованиями, функционирующими в пределах одного субъекта Федерации. Материал о работе муниципалитетов может быть собран из различных источников: официальных сайтов местных администраций, органов государственной власти; сайтов судебных органов; из собственной практики взаимодействия с органами местного самоуправления по комплексу вопросов; статистических отчетов Росстата и так далее.

Рассмотрение практических вопросов деятельности муниципальных образований позволяет решить несколько задач: во-первых, получить информацию о применении муниципальными образованиями действующего законодательства; во-вторых, определить основные направления деятельности муниципальных образований; в-третьих, выявить проблемы в деятельности таких образований, в том числе практику нарушения ими законодательства; в-четвертых, осуществить сравнительный анализ деятельности одних и тех же видов муниципальных образований на определенной территории (в пределах субъекта Федерации). Полученный практический материал целесообразно проанализировать, предложить пути развития действующего законодательства, регламентирующего правовой статус органов местного самоуправления.

Представляется, что вне зависимости от видов муниципальных образований основные вопросы местного значения допустимо разделить на несколько укрупненных групп:

- земельно-имущественные вопросы, управление территорией (благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство);
- социальное обслуживание населения;
- организационные вопросы деятельности органов местного самоуправления (организация муниципальной власти) и их взаимодействие с органами государственной власти;
- развитие демократии на местном уровне, в том числе взаимодействие с общественными объединениями.

Рассмотрим практические вопросы реализации перечисленных полномочий муниципальных образований на примере Московской области.

Группа полномочий муниципальных образований, связанная с земельно-имущественными вопросами, управлением территорией. Основные полномочия муниципальных образований связаны с обеспечением жизнедеятельности населения на соответствующей территории, а именно с управлением имуществом, благоустройством, жилищно-коммунальным хозяйством. Изучение официальных сайтов в сети «Интернет» муниципальных образований Московской области: Городских округов Зарайск, Лотошино, Мытищи, Подольск, Пушкинский, Сергиево-Посадский, Химки показал, что 90 % их решений связано с предоставлением земельных участков, сносом незаконных построек, благоустройством территорий. Загруженность муниципальных образований определяется решением ими этих основных задач по обеспечению жизнедеятельности населения.

Социальное обслуживание населения. Муниципальные образования обеспечивают выплату различных муниципальных пособий, субсидий, осуществляют расселение граждан из аварийного и ветхого жилья, предоставление жилья отдельным категориям граждан. Выполняют иные социально важные задачи.

Согласно статьям 49, 51 Жилищного кодекса Российской Федерации малоимущим гражданам предоставляется жилое помещение по договорам социального найма жилого помещения. Законом Московской области от 22 декабря 2017 года № 231/2017-ОЗ «О порядке определения размера дохода, приходящегося на каждого члена семьи, и стоимости имущества, находящегося в собственности членов семьи и подлежащего налогообложению, в целях признания граждан малоимущими и предоставления им по договорам социального найма жилых помещений муниципального жилищного фонда» (далее – Закон 2017-ОЗ) предусмотрена процедура признания гражданина малоимущим, а Законом Московской области от 12 декабря 2005 года № 260/2005-ОЗ «О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма» (далее – Закон № 2005-ОЗ) предусмотрен порядок постановки его на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении. Эти Законы взаимосвязаны: реализация норм Закона № 2017-ОЗ является основанием применения Закона № 2005-ОЗ. Перечисленные Законы предполагают сбор большого количества документов, зачастую одинаковых (лицевые счета по месту проживания; документы о собственности; составе семьи; паспортные данные заявителей и т.д.). Согласно официальным сайтам администраций Московской области: в Городском округе Пушкинский состоят на учете в качестве нуждающихся в жилом помещении 953 граждан, за номером 1 числится гражданин поставленный на учет решением Горсовета народных депутатов г. Пушкино за № 709/18 от 04.09.1979 г. [5]; в Городском округе Шатура – 871 граждан, за номером 1 по решению Исполкома Шатурского Горсовета от 25.07.1975 г. [6]. Аналогичная ситуация практически во всех муниципальных образованиях Московской области.

Полагаем, что решение этой проблемы может развиваться по трем вариантам: отказ от нормы предоставления жилого помещения малоимущим гражданам по договорам социального найма; переход к субсидированию за счет средств федерального, регионального бюджетов предоставления жилых помещений; изменения способа и оснований предоставления жилых помещений с реформированием порядка поставки на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Третий вариант является наиболее продуктивным. По существу в каждом городском округе Московской области до 1000 граждан, признанных малоимущими и стоящих на учете для получения жилой площади. Для обеспеченности их жильем возможно строительство 1-2 многоквартирных жилых домов в каждом городском округе Московской области, с заключением договора найма жилого помещения, не предполагающего последующей приватизации этого помещения. Правовой режим подобного жилья может быть заимствован из наиболее социально развитых стран: Германия, Финляндия, Швеция. В этих странах малоимущим гражданам предоставляются временно жилые помещения, в которых они могут проживать, имея статус малоимущих. Прекращение этого статуса ведет к лишению их права на получение социального жилья. В нашей стране эта проблема должна быть решена по существу путем реформирования Жилищного кодекса Российской Федерации, исключения бюрократического способа учета нуждающихся малоимущих граждан в жилом помещении (на примере Законов №№ 2005-ОЗ, 2017-ОЗ Московской области).

Таким образом, для развития социальной защиты населения со стороны муниципальной власти требуется проведение реформы жилищного законодательства на федеральном и региональном уровне в интересах граждан. В этой связи, справедливые утверждения профессора Л.А. Нудненко: «Значительная часть населения России требует равного, «справедливого» распределения национального дохода, а также обеспечения каждому достойных условий жизни» [1;54].

Организационные вопросы деятельности органов местного самоуправления (организация муниципальной власти) и их взаимодействие с органами государственной власти. Анализ деятельности всех муниципальных образований Московской области показал, что ими реализуется «линейка» идентичных программ, с одинаковыми названиями, более того, с аналогичным содержанием (вплоть до параграфов программ). Этими муниципальными программами с разными сроками реализации в диапазоне 2023-2027 гг. по состоянию на 2023 год являются: «Культура и туризм»; «Образование»; «Социальная защита населения»; «Спорт»; «Развитие сельского хозяйства» и другие.

Подобный перечень идентичных муниципальных программ свидетельствует о централизованном управлении со стороны органов государственной власти Московской области, в частности, Правительства, Губернатора по отношению к муниципальным образованиям. Оценивать подобное управление позитивно возможно с точки зрения системного решения на одной большой территории (Московской области) социально важных задач, когда жители соседних муниципальных образований находятся в приблизительно равных траекториях развития территорий. Во же время единство муниципальных программ, их параграфов свидетельствует о «шаблонном» подходе к решению вопросов местного значения. Только этим можно объяснить, что в некоторых муниципальных образованиях в структуре программ есть параграфы на 2023-2025 гг., но без указания сумм их финансирования. К примеру, в отношении отдельных мероприятий подпрограмм 1, 3 муниципальной программы «Развитие институтов гражданского общества, повышение эффективности местного самоуправления и реализация молодежной политики» на 2023-2027 годы, утвержденной постановлением Администрации Городского округа Пушкинский Московской области от 21.11.2022 № 3907-ПА4, [5] не предусмотрено их финансирование на 2023-2027 гг., то есть на весь период действия указанной программы. И таких примеров среди муниципальных образований масса.

Из этого следует, что многие мероприятия муниципальных программ являются навязанными областным правительством, и они не

обеспечены потребностью в их реализации либо финансированием. В случае, если эти мероприятия избыточны, то спрашивается, для каких целей они указаны в программах? Для более эффективного взаимодействия областного правительства и муниципальных образований стоило бы ввести практику согласования муниципальных программ региональными органами власти, тем более, если финансирование этих программ предусмотрено, в том числе из средств субъектов Федерации. Это позволило бы устранить формализованный подход муниципальных образований к наполнению этих программ содержанием. В то же время нам не известно, существует ли прямая обязанность муниципальных образований вести ежегодный, ежеквартальный отчет перед правительством области об исполнении муниципальных программ, но устойчивая практика систематических селекторных совещаний, всех глав муниципальных образований с Губернатором Московской области существует [7].

В областном законодательстве в настоящее время отсутствуют четкие основания и критерии взаимодействия публичной власти и органов местного самоуправления. Видится, что в этом направлении в ближайшее время будет развиваться законодательство Московской области и усиливаться связь региональной власти с муниципальными образованиями в рамках принципа единства системы публичной власти России.

Развитие демократии на местном уровне. Местное самоуправление является формой осуществления населением власти через органы местного самоуправления, а также путем институтов прямой демократии.

Анализ официальных сайтов администраций муниципальных образований Московской области показал, что из всех институтов прямой демократии на местном уровне систематически реализуются только муниципальные выборы и отчасти публичные слушания.

В отдельных муниципальных образованиях имеется обширная практика наделения лиц полномочиями сельского старосты (Городской округ Мытищи на 2023 год: из 93 сельских поселений в 67 имеются сельские старосты) [8]. Единичны случаи проведения схода граждан (Городской округ Подольск: проведение схода граждан деревни Наймово на основании постановления Главы Г.о. Подольск от 16.10.2023 г. № 299-ПГ), а равно иных институтов прямой демократии на местном уровне.

Стоит отметить, что муниципальные образования достаточно слабо обеспечивают прямую работу с населением, в том числе через некоммерческие организации. Огромным потенциалом могла бы стать работа с садоводческими товариществами, которых сотни на территории многих муниципальных образований. Наличие организационной структуры в СНТ (правление, общее собрание) позволило бы проведение обсуждений важных вопросов общественной жизни на местном уровне, создавать формы сотрудничества местной власти и населения. В свою очередь, действующее законодательство напрямую предписывает местной власти оказывать содействие СНТ, что на практике не реализуется. Из всех сайтов муниципальных образований Московской области только на сайте Городского округа Зарайск имеется раздел посвященный СНТ [9]. В то же время существует отрицательный опыт работы отдельных муниципальных образований, когда СНТ в судах признают решения муниципальных образований незаконными, и эти решения нарушают права садоводов [3;4].

В этих случаях, местная администрация формирует не только негативное мнение о своей деятельности, но и нарушает основы демократии.

Слабое развитие институтов прямой демократии на местном уровне не может способствовать укреплению государства, в этом отношении муниципальными образованиями проводится недостаточная работа с местным населением, сообществом, поиском форм совместного сотрудничества с ними. В то же время демократия всегда основывается на учете мнения граждан, балансе интересов власти и граждан [2; 99-103].

На основании вышеизложенного, тенденциями деятельности муниципальных образований на территории Московской области можно считать: централизацию управления в отношении них со стороны областного правительства; активное внедрение муниципальных образований в единую систему публичной власти. В то же время в деятельности муниципальных образований имеется множество нерешенных десятилетиями проблем, связанных, как с отсутствием с их стороны инициативы по развитию местной демократии, так и с возложением на них социальных задач, не обеспеченных местными бюджетными. Этот комплекс проблем требует своего анализа и активной позиции федеральных и региональных властей.

Тем более это важно в условиях информационной прозрачности, когда каждый гражданин может получить через сеть «Интернет» информацию о деятельности органов местного самоуправления, отзывы граждан об их работе. Картина состояния деятельности муниципальных образований на территории Московской области, их взаимодействия с государственной властью имеет общий характер для России в целом.

Список литературы:

1. Нудненко Л.А. Теория демократии. М.: Юрист, 2001. 94 с. ISBN: 5-7975-0458-8 EDN: RSNTYN
2. Комарова В.В. Демократия в системе конституционных ценностей // Демократические ценности в международном и национальном конституционном измерении: материалы и доклады XI Международной научно-практической конференции (Самара, 24 - 27 сентября 2015 г.) / под ред. В.В. Полянского, В.Э. Волкова. - Самара: Изд-во "Самарский университет", 2016. С. 99-103. EDN: XDGAEB
3. Решение Арбитражного суда Московской области от 02.12.2022 г. по делу № А41-53816/22.
4. Решение Арбитражного суда Московской области от 24.06.2021 г. по делу А41-281/2021.
5. Официальный сайт Администрации Г.о. Пушкинский Московской области. URL: <https://adm-pushkino.ru/documentation/realization-of-citizens-rights-tohousing/?ysclid=lp5zt0gbmu199075580> (дата обращения: 12.11.2024 г.).
6. Официальный сайт Городского округа Шатура. URL: <https://www.shatura.ru/citizens/zhil?ysclid=lp603unx8q111521155> (дата обращения: 19.12.2024 г.).
7. Официальный сайт Правительства Московской области. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/gubernator-provel-soveshanie-s-glavamimunicipalitetov-v-formate-videospektora?ysclid=lp5xyqxd25464132478> (дата обращения: 11.01.2025 г.).
8. Официальный сайт Администрации г.о. Мытищи. URL: <https://mytyshi.ru/article/67-selskih-starost-rabotayut-v-gorodskom-okruge-mytyshi-497579> (дата обращения: 15.11.2024 г.).
9. Официальный сайт Г.о. Зарайск. URL: <https://zarayon.ru/sadovodcheskiyekommercheskie-tovarischestva.html> (дата обращения: 16.02.2025 г.).

References:

1. Nudnenko L.A. Theory of Democracy. Moscow: Jurist, 2001. 94 p.;
2. Komarova V.V. Democracy in the System of Constitutional Values // Democratic Values in the International and National Constitutional Dimension: Materials and Reports of the XI International Scientific and Practical Conference (Samara, September 24-27, 2015) / ed. by V.V. Polyansky, V.E. Volkov. Samara: Samara University Publishing House, 2016. P. 99-103
3. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated December 2, 2022 in case No. A41-53816/22;
4. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated June 24, 2021 in case A41-281/2021;
5. Official website of the Administration of the Urban District of Pushkinsky, Moscow Region. URL: <https://adm-pushkino.ru/documentation/realization-of-citizens-rights-tohousing/?ysclid=lp5zt0gbmu199075580> (accessed on November 12, 2024);
6. Official website of the Urban District of Shatura. URL: <https://www.shatura.ru/citizens/zhil?ysclid=lp603unx8q111521155> (accessed on December 19, 2024);
7. Official website of the Government of the Moscow Region. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/gubernator-provel-soveshanie-s-glavamimunicipalitetov-v-formate-videospektora?ysclid=lp5xyqxd25464132478> (date of access: 11.01.2025);
8. Official website of the Administration of the Urban District. URL: <https://mytyshi.ru/article/67-selskih-starost-rabotayut-v-gorodskom-okruge-mytyshi-497579> (date of access: 15.11.2024);
9. Official website of the Urban District. Zaraysk. URL: <https://zarayon.ru/sadovodcheskiyekommercheskie-tovarischestva.html> (accessed: 16.02.2025).

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ABOUT THE LEGAL REGULATION OF SECURITY

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
Московский пр-т, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
149 Moskovsky Ave., Saint Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: в настоящем исследовании автор акцентирует внимание на синопсисе конституционных предписаний, носящих контекст «безопасности». Сравнению подвергается статья 55 Конституции Российской Федерации, на основании которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом и статья 56 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой ограничение прав и свобод при введении режима чрезвычайного положения возможно в связи с принятием федерального конституционного закона. Делается вывод о необходимости внесения изменений в статью 114 Конституции, в соответствии с которой предлагается наделить Правительство Российской Федерации полномочиями по осуществлению мер не только в сфере государственной безопасности, но и иных ее видов. Исследуется структура федеральных органов исполнительной власти, которые напрямую связаны с вопросами обеспечения безопасности. Указывается на имеющиеся в российском законодательстве проблемы, связанные с обеспечением Росгвардией и войсками национальной гвардии государственной и общественной безопасности, предлагаются меры по устранению пробелов в нормативных правовых актах.

Abstract: In this study, the author focuses on a synopsis of constitutional prescriptions that have a "security" context. The comparison is made between article 55 of the Constitution of the Russian Federation, on the basis of which human and civil rights and freedoms may be restricted by federal law, and article 56 of the Constitution of the Russian Federation, according to which restriction of rights and freedoms during the introduction of a state of emergency is possible in connection with the adoption of a federal constitutional law. It is concluded that it is necessary to amend article 114 of the Constitution, according to which it is proposed to empower the Government of the Russian Federation to implement measures not only in the field of state security, but also other types of it. The structure of the federal executive authorities, which are directly related to security issues, is being investigated. It points out the problems existing in Russian legislation related to the provision of the Rosgvardiya and the troops of the National Guard of state and public security, and suggests measures to eliminate gaps in regulatory legal acts.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, общественная безопасность, безопасность государства, безопасность личности, общества и государства, полномочия, Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, войска национальной гвардии, Росгвардия, режим чрезвычайного положения, режим военного положения.

Keywords: security, national security, state security, public safety, security of the state, security of the individual, society and the state, powers, President of the Russian Federation, Government of the Russian Federation, federal executive authorities, National Guard troops, Rosgvardiya, state of emergency, martial law regime.

Для цитирования: Шеншин В.М. О правовом регулировании обеспечения безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 103-106. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_103.

For citation: Shenshin V.M. About the legal regulation of security // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 103-106. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_103.

Статья поступила в редакцию: 17.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Проблемам безопасности всегда уделялось пристальное внимание. Обеспечение соответствующего вида безопасности осуществляется значительным перечнем государственных органов, органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

В настоящем исследовании проводится анализ российского законодательства, регламентирующего вопросы обеспечения государственными органами соответствующего вида безопасности.

Частью 5 статьи 13 Конституции Российской Федерации (далее по тексту – Конституция), как составляющей основы конституционного строя, предусмотрен запрет создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на подрыв безопасности государства (выделено нами – В.Ш.).

В части 3 статьи 55 Конституции речь идет об обеспечении безопасности государства, когда это необходимо для ограничения прав и свобод человека и гражданина на основании принятого федерального закона. Указанная норма отлична от предписаний статьи 56 Конституции, предусматривающих вопросы обеспечения безопасности граждан в условиях чрезвычайного положения, и когда ограничение прав и свобод возможно только в соответствии с федеральным конституционным законом.

Известно, что в 2022 году на территориях ЛНР, ДНР, Запорожской и Херсонской областей введен режим военного положения, при этом никакого федерального закона об ограничении прав и свобод принято не было, хотя в Конституции сделан аспект на принятии такого закона. В сравнении со статьей 56 Конституции, где речь идет о принятии федерального конституционного закона при ограничении отдельных прав и свобод с указанием пределов, и срока их действия статья 55 Конституции ставит граждан в затруднительное положение и создает предпосылки к нарушению их прав и свобод. Для того, чтобы этого не происходило, требуется корректировка статьи 55 Конституции, вместе с тем изменения в

главу 2 Основного Закона страны возможны при определенных обстоятельствах и условиях, существование которых не обосновано. Следовательно, к примеру, должностные лица войск национальной гвардии и полиции при обеспечении режима военного положения должны внимательно подходить к ограничению прав и свобод человека и гражданина, не допускать нарушений законности.

Акцентируем внимание на том, что пунктом 4 статьи 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» установлено правило согласно которого рассматриваемый Федеральный конституционный закон предусматривает возможность ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, деятельность организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, права их должностных лиц. Рассматриваемым актом предусмотрено, что могут возлагаться и иные обязанности.

Часть 1 статьи 18 указанного Федерального конституционного закона предусматривает особенность, которая характеризует состояние прав и свобод, которые ограничиваются указанным нормативным правовым актом и иными федеральными законами. Известно, что подобные законы принимаются во исполнение конституционных положений. Вместе с тем, мы видим нестыковку части 3 статьи 55 Конституции и приведенных положений Федерального конституционного закона. Руководствуясь принципом законности ни один закон не должен противоречить Конституции Российской Федерации.

Пунктом «м» части 1 статьи 71 Конституции продекларирован подход, в соответствии с которым вопросы *безопасности* находятся в ведении Российской Федерации.

Однако обеспечение *общественной и экологической безопасности* находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, что вытекает из пунктов «б» и «д» части 1 статьи 72 Конституции.

Из смысла статьи 71 Конституции вытекает, что в ведении Российской Федерации находятся любые вопросы относительно безопасности, в том числе и ее виды. Статья 71 предписывает, в том числе субъектам Российской Федерации принимать решения в сфере обеспечения общественной и экологической безопасности. Решения по иным видам безопасности субъектами Российской Федерации приниматься не должны. Однако стоит отметить, что, к примеру, российскими регионами заключаются соглашения с иностранными государствами в сфере продовольственной безопасности (поставки зерна), энергетической безопасности (поставки электроэнергии) и др.

Часть 2 статьи 74 Конституции содержит предпосылки по *обеспечению безопасности* при ограничении перемещения товаров и услуг.

В статье 79.1 Конституции указывается на принятие Российской Федерацией мер по поддержанию и укреплению *безопасности*.

При принесении присяги Президент Российской Федерации произносит слова, затрагивающие защиту *безопасности государства* (статья 82).

Особый интерес представляет пункт д.1 статьи 83 Конституции на основании которого Президент Российской Федерации наделен полномочием по назначению на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождению от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, *безопасности государства*, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, *общественной безопасности*.

Пункт «к» части 1 статьи 102 Конституции раскрывает сферу ведения Совета Федерации. Одной из таких сфер является проведение консультаций по предложенным Президентом Российской Федерации кандидатурам на должность руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, *безопасности государства*, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности.

В пункте «ж» статьи 83 Конституции содержатся предписания, которые направлены на формирование главой государства Совета Безопасности Российской Федерации в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения *безопасности личности, общества и государства*.

В пункте «д» части 1 статьи 114 Конституции в качестве полномочия Правительства Российской Федерации названо осуществление мер по обеспечению *государственной безопасности*. Отсюда следует, что Правительство мер по обеспечению иных видов безопасности, кроме как государственной, если руководствоваться данным пунктом, не осуществляет, что выглядит странным. А потому напрашивается вывод о необходимости внесения изменений в данную норму, в которой следует прописать после слов: «государственной безопасности» – «и иных видов безопасности».

Итак, в Конституции употребляются следующие понятия – *безопасность государства, безопасность, общественная безопасность, экологическая безопасность, обеспечение безопасности, безопасность личности, общества и государства, государственная безопасность*. Приведенные дефиниции говорят о разобщенности основ обеспечения безопасности, содержащихся в Конституции, что не позволяет законодателю, правоприменителю, научному сообществу, гражданам и юридическим лицам в должной мере правильно понимать заложенный в Конституции смысл такого понятия, как «безопасность». Все это в своей совокупности неблагоприятно влияет на национальную безопасность России. Кстати, самого термина – национальная безопасность мы в Конституции не встретим. Лишь Стратегия национальной безопасности Российской Федерации раскрывает указанную дефиницию, называя, к примеру, государственную и общественную безопасность стратегическим национальным приоритетом.

Указом Президента Российской Федерации от 11 мая 2024 г. № 326 раскрывается структура федеральных органов исполнительной власти. Нас интересует раздел I. Далее автору представляется необходимым рассмотреть особенности правового регулирования обеспечения

такими органами соответствующего вида безопасности в той последовательности, как они указаны в Указе Президента России.

Так, на основании Указа Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 в качестве одной из задач МВД России предусмотрено обеспечение *общественной безопасности* (подп. 4 пункта 4). В этом же акте на МВД России возложены такие полномочия как формирование основных направлений государственной политики в сфере внутренних дел на основе анализа и прогнозирования обеспечения *общественной безопасности*; организация и проведение мероприятий по *обеспечению безопасности граждан* и правопорядка в общественных местах.

Отметим, что пункт 6 Указа Президента РФ № 699 возлагает на территориальный орган задачи по обеспечению *общественной безопасности* на территории субъекта Российской Федерации.

Указом Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868 определено, что МЧС России осуществляющим функции по обеспечению *пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах*.

Основными задачами МИД России, как это указано в Указе Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865, являются обеспечение дипломатическими и международно-правовыми средствами защиты *безопасности*, совместно с другими федеральными органами исполнительной власти *безопасности граждан, учреждений и других объектов Российской Федерации* за рубежом, в том числе в условиях кризисных и чрезвычайных ситуаций, включая ситуации, возникающие вследствие угроз или актов международного терроризма.

МИД России в сфере безопасности наделено такими полномочиями как – реализация дипломатическими и международно-правовыми средствами усилий Российской Федерации по *обеспечению глобальной и региональной безопасности*, в том числе с учетом ее ответственности как постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, участника общеевропейского процесса и других региональных механизмов; участвует в разработке и реализации государственной политики в области *обеспечения безопасности государства*.

Минобороны России наделено полномочиями – в качестве органа в области обороны осуществляет реализацию государственной политики в области космической деятельности в интересах обороны и *безопасности* Российской Федерации; в пределах своей компетенции организует мероприятия в целях *обеспечения безопасности государства*; организует деятельность по обеспечению *информационной безопасности*; организует проведение мероприятий по *ядерной и радиационной безопасности*.

ФСТЭК России осуществляет специальные и контрольные функции в области *государственной безопасности*.

Минюст России участвует в разработке и реализации основных направлений государственной политики Российской Федерации в сфере *международной информационной безопасности*.

В качестве полномочий ФСИН России Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 названо обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации *безопасности объектов* уголовно-исполнительной системы, а также органов Минюста России.

Из предназначения СВР России, как это указано в Федеральном законе от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» вытекает, что Служба является составной частью сил обеспечения *безопасности* Российской Федерации и призвана защищать *безопасность личности, общества и государства* от внешних угроз.

ФСБ России в пределах своих полномочий осуществляет государственное управление в области *обеспечения безопасности Российской Федерации*, борьбы с терроризмом, обеспечивает *информационную безопасность* Российской Федерации.

Росгвардия выполняет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере обеспечения *общественной безопасности* в пределах своих полномочий. На Росгвардию в числе прочего возложены задачи по организации участия войск национальной гвардии в охране общественного порядка и обеспечении *общественной безопасности*; осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за *обеспечением безопасности* объектов топливно-энергетического комплекса.

Из полномочий, которыми наделена Росгвардия в исследуемой сфере мы можем выделить – обеспечение участия войск национальной гвардии в охране общественного порядка и *обеспечении общественной безопасности*; определение совместно с МВД России порядка организации взаимодействия войск национальной гвардии с МВД России и его территориальными органами (подразделениями) при выполнении задач по охране общественного порядка и *обеспечении общественной безопасности*; организация участия войск национальной гвардии в пределах их полномочий в *обеспечении безопасности объектов* государственной охраны и защиты охраняемых ими объектов.

Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 определены цели создания Росгвардии – обеспечение *государственной и общественной безопасности*.

Встает вопрос о том, какой вид безопасности обеспечивает Росгвардия на основании Указа Президента РФ от 30 сентября 2016г. № 510 при осуществлении функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности, в сфере вневедомственной охраны, если в этом акте сказано – «а также в сфере обеспечения общественной безопасности в пределах своих полномочий»? Представляется, что здесь идет смешение вопросов обеспечения как государственной, так и общественной безопасности, постольку, поскольку, например, осуществление функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии должна реализовываться и при обеспечении государственной безопасности.

Войска национальной гвардии предназначены для обеспечения *государственной и общественной безопасности*. Выявленная особенность дает основание полагать, что войска при обеспечении государственной безопасности должны охранять, к примеру, государственную, муниципальную и частную собственность (ч. 2 статьи 8 Конституции). Тем самым идет смешение при обеспечении государственной безопасности и общественной безопасности, ущерб которой могут, например, причинять преступления или административные правонарушения в сфере экономики.

ФСО России ведаёт в пределах своих полномочий вопросами *безопасности государства*.

ФСВТС России осуществляет полномочия, направленные на предотвращение ущерба *безопасности государства*.

Росфинмониторинг осуществляет оценку угроз *национальной безопасности*.

ФМБА России осуществляет функцию по федеральному государственному контролю (надзору) за обеспечением *безопасности донорской крови и ее компонентов*.

ФМБА России осуществляет государственное регулирование *безопасности при использовании атомной энергии*; создание, ведение и развитие единой базы данных по проведению мероприятий, связанных с *обеспечением безопасности донорской крови и ее компонентов, развитием, организацией и пропагандой донорства крови и ее компонентов*.

На Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации возложена задача по организации обеспечения работы, жизнедеятельности и *безопасности должностных лиц* в период их пребывания на специальных объектах в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации.

Управление делами Президента Российской Федерации организует в установленном порядке проведение ведомственного и внутреннего контроля качества и *безопасности медицинской деятельности*; по отдельным участвует в исполнении поручений Президента Российской Федерации вопросам *обеспечения государственной и общественной безопасности*.

Отметим, что у тех федеральных органов исполнительной власти, у которых в их положениях нет указания на обеспечение ими того или иного вида безопасности, мы не рассматривали, например, Росархив.

В проведенном исследовании автор останавливался только на тех видах безопасности, которые указаны в статутных документах федеральных органов исполнительной власти.

Таким образом, видами безопасности, предусмотренными в положениях о каждом из федеральных органов исполнительной власти и вместе с тем, нашедшими свое отражение в Стратегии национальной безопасности являются безопасность личности, общества и государства, государственная безопасность, общественная безопасность, информационная безопасность, национальная безопасность. Та ситуация, которая сложилась в российском законодательстве относительно «безопасности государства» и «государственной безопасности» позволяет высказаться о том, что в своей основе это неидентичные понятия.

В науке отмечается, что безопасность государства составляет предупреждение и предотвращение опасностей, ему угрожающих, сохранение стабильности его функционирования¹; защита конституционного строя²; состояние при котором государству не угрожает опасность³.

Ряд исследователей говорят об отделении «безопасности государства» от «государственной безопасности». При этом у них «безопасность государства» есть безопасность личности, безопасность общества⁴.

Итак, безопасность государства – это безопасность личности, общества и государства; государственная безопасность основана на защите конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности.

Список литературы:

1. Геополитика. М.: ТЕРРА - Книжный клуб, 2002. С. 41.
2. Кристалинский Л.Б., Баранов С.В. Эволюция политической теории гражданского общества: критический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия "Политология. Религиоведение". 2014. Т. 8. С. 65-72. EDN: SHVDAP
3. Политическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 1999. Т. 1. С. 105.
4. Шашурина Г.В. Понятие и сущность системы внутренней безопасности. Лекция. М., 2001. С. 6. EDN: WEWXBH

References:

1. Geopolitics. Moscow: TERRA Book Club, 2002. p. 41.
2. Kristalinsky L.B., Baranov S.V. Evolution of the political theory of civil society: The critical aspect // Izvestiya Irkutsk State University. The series "Political Science. Religious studies". 2014. Vol. 8. pp. 65-72. EDN: SHVDAP
3. Political encyclopedia: in 2 volumes. Moscow: Mysl, 1999. Vol. 1. p. 105.
4. Shashurina G.V. The concept and essence of the internal security system. Lecture. Moscow, 2001. p. 6. EDN: WEWXBH

¹ Шашурина Г.В. Понятие и сущность системы внутренней безопасности. Лекция. М., 2001. С. 6.

² Геополитика. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. С. 41.

³ Политическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 1999. Т. 1. С. 105.

⁴ Кристалинский Л.Б., Баранов С.В. Эволюция политической теории гражданского общества: критический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 8. С. 65-72.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАНЯТОСТИ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ИСТОРИКО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ LEGAL SECURITY OF EMPLOYMENT AND LABOR MIGRATION: HISTORICAL AND CIVILIZATIONAL MODEL

ЧУЧА Сергей Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора процессуального права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: chuchaigpan@gmail.com;

CHUCHA Sergey Yurievich,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Procedural Law
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

119019, Russia, Moscow, st. Znamenka, 10

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Краткая аннотация: Дореволюционными отечественными исследователями с опорой на современные достижения в сфере обмена информацией и логистики был разработан теоретический механизм упорядочения трудовой миграции, предполагающий наличие контракта с конкретным работодателем у всякого трудового мигранта до выезда к месту проведения работ. При этом все затраты, связанные с привлечением трудовых мигрантов, ложились бы на работодателя, включая расходы государства на организацию и контроль за движением рабочей силы и защиту трудовых прав. Обосновывается вывод о необходимости имплементации в законодательство и правоприменительную практику элементов восточной модели, соответствующей в основных своих положениях отечественной теории.

Abstract: Pre-revolutionary domestic researchers, relying on modern achievements in the field of information exchange and logistics, developed a theoretical mechanism for regulating labor migration, which assumes that each labor migrant has a contract with a specific employer before leaving for the place of work. In this case, all costs associated with attracting labor migrants would fall on the employer, including state expenses for organizing and monitoring the movement of labor and protecting labor rights. The conclusion is substantiated about the need to implement elements of the Eastern model in legislation and law enforcement practice, corresponding in its main provisions to the domestic theory.

Ключевые слова: правовое регулирование, миграционная политика, трудовой договор, ответственность, страхование, Кафала.

Keywords: legal regulation, migration policy, labor contract, liability, insurance, Kafala.

Для цитирования: Чуча С.Ю. Правовое обеспечение занятости и трудовая миграция: историко-цивилизационная модель // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 107-109. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_107.

For citation: Chucha S.Yu. Legal security of employment and labor migration: historical and civilizational model // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 107-109. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_107.

Статья поступила в редакцию: 19.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение

Созданная по образцу дискредитировавшей себя западноевропейской модели, без малейшего учета дореволюционных попыток создания теории регулирования рынка труда, советских и постсоветских практик упорядочения массового движения производительных сил в рамках плановой экономики, современная российская «система» организации трансграничной трудовой миграции изначально была обречена на провал.

В каждый конкретный исторический период страна-участник миграционных отношений является либо донором, либо реципиентом. Очевидно, что сегодня страны-доноры – это, как правило, страны с низким уровнем жизни. Но так было не всегда. Экспансия мигрантов из Европы, начавшись в эпоху великих географических открытий, несколько веков проходила в ином направлении – из наиболее развитых и обжитых территорий в цивилизационные пустоши. И причинами этой миграции стали прежде всего демографические условия избыточного для нарождающихся капиталистических отношений с пришедшим на смену аграрному почти натуральному хозяйству промышленному товарному производству роста населения.

Особенности традиционной российской теоретической модели обеспечения занятости посредством упорядочения внутренней трудовой миграции

Не исключение в этом вопросе и наше Отечество, где движение из перенаселенных и малопродуктивных сельскохозяйственных губерний центральной России осуществлялось на юг – в урожайные регионы Кубани и Малороссии и малонаселенные южную Сибирь и Дальний Восток.

Проведенные на рубеже XIX и XX веков экономико-правовые и социологические исследования [1; 2; 3] возможностей гармонизации взаимоотношений работников и работодателей, исходили из того, что сезонным работникам должны обеспечиваться достойные условия труда и быта, включая заработную плату, медицинское обеспечение и т.п. вплоть до компенсации расходов на проезд к месту работы и обратно, за счет работодателей. Работодатели, в свою очередь, должны быть обеспечены числом работников, достаточным для проведения работ в соответствии с заранее заключенными контрактами. Государство при этом ограничивалось информационным и консультационным участием в отношениях работников и работодателей, неся минимальные и, как правило, компенсируемые работодателями расходы.

Для координации и связи между потенциальными работниками и работодателями, согласования условий и заключения между ними контрактов предлагалось использовать наиболее инновационное на то время средство – телеграф, получивший особое развитие одновременно со строительством сети железных дорог. Все эти мероприятия осуществлялись с тем, чтобы до выезда на работу сезонный работник имел контракт с конкретным работодателем, описывающий срок выполнения работ, размер вознаграждения, условия проживания и т.д.

Видимым организационным итогом реформы должно было стать формирование сети региональных артельных изб с Центральной ар-

тельной палатой во главе, призванных упорядочить движение сезонной рабочей силы на территории всей страны. Опять же, финансовое бремя по их созданию и деятельности должно было нести не государство, но заинтересованные работодатели.

Удивительно, но и спустя более чем столетие эти простые и понятные предложения, естественно – с учетом современного состояния и распространения телекоммуникационных и транспортных технологий, не используются при организации внешней трудовой миграции в России.

Особенности обеспечения занятости в переходные периоды

В периоды чрезвычайных обстоятельств трудовые права и свободы нередко ограничиваются. Но если это неизбежно, то лучше осуществлять такое ограничение основываясь на фундаментальных правилах, а не на произволе, неизбежном в отсутствие качественного правового регулирования.

Попытки отступления от этих фундаментальных правил под предлогом нехватки работников предпринимаются уже сегодня. Это касается и слабо контролируемого миграционного потока, и попыток задействовать труд несовершеннолетних на опасных и вредных производствах. Соответствующую законодательную инициативу сложно назвать иначе, как промпедофилией. На фоне «белого шума» о необходимости прохождения производственной практики, импортозамещения и нехватки кадров, трудовые отношения пытаются вернуть в стадию дикости [4, с. 78-92; 5, с. 38-57; 6, с. 114-116], легализовав те отношения, с запрета которых трудовое право и начиналось. И уж никак нельзя рассматривать этот вопрос без участия комитетов Государственной Думы по делам семьи, материнства и детства – в регулировании труда и социальной защиты все более востребованным становится междисциплинарный подход [7; 8, с. 114-124].

Обстоятельством, послужившим основанием для открытия этого «Окна Овертона», стало отношение к трудовым мигрантам, по мнению многих работодателей должных работать «сколько хватит сил», проживая в неприемлемых условиях, приватизируя прибыли от эксплуатации мигрантов и национализируя убытки, заставляя общество платить за их медицинское обслуживание, противоправные деяния и неприемлемое поведение [9, с. 130-156], а также демпинг и разрушение национального рынка труда.

Адаптация восточной модели трудовой миграции как правовое средство обеспечения занятости в России

В ходе реформирования российского трудового и миграционного законодательства стоит присмотреться к системе управления трудовой миграцией, применяемой членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, тем более, что законодательство о труде многих стран, относившихся во второй половине XX века к разряду развивающихся, было создано при непосредственном влиянии советской школы трудового права. Спустя десятилетия, законы о труде ряда этих стран в ходе своего совершенствования превзошли по уровню гарантий и сбалансированности в регулировании трудовых отношений материнскую правовую систему, усредненную заимствованием не оправдавших себя современных западных моделей [10, с. 102-115, 157-169; 5, с. 180-195].

Страны Персидского залива регулируют миграционный поток, с одной стороны, детально регламентируя порядок оформления рабочих виз, условия въезда и выезда, а также условия пребывания иностранных работников на своей территории, и, с другой, - принимая ряд нормативных актов и специальных целевых программ в сфере труда и занятости для местного населения. Найм трудовых мигрантов там определен правовой системой Кафала (спонсорская система). Слово «кафала» на арабском языке имеет такие значения, как «поручительство», «гарантия» или «спонсорство».

Система Кафала регулирует отношения между трудовым мигрантом и работодателем. Государственный орган, который ответственен за выдачу квот и определения, в какой именно сектор экономики существует необходимость привлечения трудовых мигрантов, выдает разрешения как физическим, так и юридическим лицам для найма иностранцев. Эти лица, нуждающиеся в найме определенной категории персонала, должны предоставить значительный пакет документов, включающий подтверждение своей финансовой состоятельности для привлечения трудовых мигрантов, так как именно работодатель – кафел несет все расходы по найму трудового мигранта: транспортные расходы, включая въезд и выезд трудового мигранта, его проживание, медицинское страхование. Работодатель-кафел несет ответственность за приглашенных работников. Существенным преимуществом для мигрантов по данной системе найма является заключение трудового контракта еще до приезда в страну.

Таким образом, статус трудового мигранта юридически привязан к конкретному работодателю-спонсору. Трудящийся мигрант не может въехать в страны Персидского залива без надлежаще оформленной трудовой визы, которая предоставляется на основании заявки от конкретного работодателя. Также такие работники не могут сменить работу или покинуть страну по любой причине без предварительного разрешения кафела в связи с тем, что последний несет ответственность перед государством за своевременное извещение об изменении контракта с трудовым мигрантом. Обязанность по оплате выезда трудового мигранта по любой причине возлагается на работодателя.

Данная система найма определяет и подчеркивает временный характер работы иностранных граждан в странах Персидского залива, не дает права приобретения гражданства или вида на жительство, а также иных форм разрешенного пребывания иностранных граждан на территории рассматриваемых стран [11, с. 27-37].

Рассматриваемая система найма строго ограничивает пребывание иностранных работников на территории стран Персидского залива, препятствует росту нелегальной трудовой миграции, а также ограничивает переход трудовых мигрантов из одного сектора экономики в другой. На наш взгляд, это дает гарантии как работодателям, так и работникам. К примеру, работая строителем, мигрант не может на следующий день переквалифицироваться в повара или продавца продовольственных товаров, тем самым обеспечивая и минимально санитарно-эпидемиологические нормы.

Заключение

В связи с привлечением трудовых мигрантов недопустима любая форма дискриминации в отношении права на труд российских граждан, в том числе участников внутренней трудовой миграции, с законодательным установлением соответствующего приоритета в заключении трудового договора.

Следует акцентировать, что иностранные граждане – трудовые мигранты должны поступать на работу только по трудовому договору.

Никакие иные формы организации труда (самозанятость, платформенная занятость без оформления трудовых отношений) [12, с. 100-106] не позволят обеспечить необходимый уровень охраны труда работников-мигрантов, разрушая при этом существующий национальный рынок труда за счет недобросовестного демпинга со стороны работающей, экономящей на уплате налогов и взносов в социальные фонды и проживающей в неприемлемых условиях рабочей силы [13, с. 268-275]. Это заставит платформенный бизнес активно развивающейся гиг-экономики [14] широко использовать трудовой договор, препятствуя прекариатизации [15] трудовых отношений.

Работа мигрантом должна выполняться исключительно на основании трудового договора, заключенного между конкретными мигрантом и российским работодателем. В случае расторжения трудового договора, новый трудовой договор должен заключаться по той же схеме, как правило, после убытия мигранта к месту постоянного проживания.

Работодатель должен нести все расходы, связанные с пребыванием иностранца в России – непосредственно или через выплату заработной платы, в том числе компенсировать расходы бюджета, связанные с медицинским обслуживанием, обучением, охраной общественного порядка, юридическим обеспечением прав мигрантов (переводчик в суде и т.п.). Во избежание заключения трудовых договоров с «фирмами-однодневками», не способными нести финансовую ответственность, работодатель должен быть застрахован с тем, чтобы эти расходы, а также возможное причинение вреда мигрантами третьим лицам, были компенсированы страховой организацией в случае неплатежеспособности работодателя [16, с. 28-33; 17, с. 50-57] и мигранта. Застрахованный гражданский вред должен включать в себя все виды вреда, причиненного работником-мигрантом, а также расходы, связанные с обеспечением доступа к правосудию, медицинским услугам, транспортировкой прекративших трудовые отношения работников на родину.

Работодатель и страховая организация в полном объеме отвечают и по обязательствам, возникшим перед третьими лицами и государством у членов семьи заключившего трудовой договор мигранта, прибывших вместе с ним с разрешения работодателя.

Список литературы:

1. Евреинова А. Артельные избы и центральная артельная палата как посреднические органы труда (доклад, читанный 17 января в СПб. юридическом обществе). С.-Петербург: Тип. В. Демакова, 1902, 15 с.
2. Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в Новороссийскую губернию. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. 73 с.
3. Пономарев Н.В. О передвижении сельскохозяйственных рабочих, направляющихся в юго-восточные местности России. СПб: Тип. В. Демакова. 1896. 27 с.
4. Трансформация парадигмы трудового права в постиндустриальном информационном обществе. М.: Ин-т государства и права РАН, 2022. 239 с.
5. Государство, труд и человек: новые вызовы. М.: Ин-т государства и права РАН, 2022. 234 с.
6. Чуча С.Ю. Охранительный механизм социального партнерства как институт защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232). С. 114-116. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_4_114 EDN: JGBNKS
7. Савенков А.Н., Камболов М.А., Дроздов И.А. и др. Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации: монография. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024. 427 с.
8. Чуча С.Ю. Историкографические контексты концептуализации и применения гибридных и постглобального правовых режимов: социально-трудовой аспект // Государство и право 2024 № 11. С. 114-124. DOI: 10.31857/S10269452241100109 EDN: FECETV
9. Насилие как негативное социальное явление: правовые средства противодействия: монография / отв. ред. Н. В. Летова. М.: Проспект, 2024. 280 с.
10. Актуальные проблемы правового регулирования труда и социальной защиты в условиях действия специальных мер в сфере экономики (Ивановские чтения). М.: Ин-т государства и права РАН, 2023. 231 с.
11. Дзюбак А.В. Правовое регулирование трудовой миграции: перспективы внедрения восточной модели // Закон. 2024. № 3. С. 27-37. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37 EDN: LNRWUR
12. Чуча С.Ю. Правовые проблемы инкорпорации новых форм занятости в российскую систему социального партнерства в сфере труда // Правовые и социально-экономические аспекты трансформирующейся занятости / отв. ред. С.А.Дюжиков. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного фед. ун-та, 2023. С. 100-106. EDN: JRNNMJ
13. Чуча С.Ю. Законопроект о занятости и защитная функция профсоюзов // Социальное партнерство и политика занятости (Смирновские чтения). М.: АТиСО, 2023. С. 268-275. EDN: VAPHWG
14. Desmond M. Poverty, by America. New York: Crown, 2023. 304 p.
15. Prassl J. Humans as a service. Oxford: Oxford University Press, 2018. 208 p. DOI: 10.1093/oso/9780198797012.001.0001
16. Чуча С.Ю. Публичные и частные гарантии защиты заработной платы при несостоятельности работодателя // Публичные и частные начала правового регулирования в современном социальном государстве / ред.: Т. С. Таранова. Минск: БГЭУ, 2024. С. 28-33. EDN: YUJEXI
17. Чуча С.Ю. Гарантии заработной платы при банкротстве работодателя: проблемы и перспективы // Реализация конституционного принципа экономической, политической и социальной солидарности: вопросы теории и практики / отв. ред. Т. А. Сошникова, Е. Е. Пирогова М.: Изд-во Мос. гуманитарного ун-та, 2023. С. 50-57. EDN: KKECRY

References:

1. Evreinova A. Artel huts and the central artel chamber as labor intermediary bodies (report read on January 17 at the St. Petersburg Law Society). St. Petersburg, V. Demakov Printing House, 1902, 15 p.
2. Ponomarev N.V. On the movement of agricultural workers heading to Novorossiysk province. St. Petersburg, V. Kirshbaum Printing House, 1895. 73 p.
3. Ponomarev N.V. On the movement of agricultural workers heading to the south-eastern regions of Russia. St. Petersburg, V. Demakov Printing House, 1896. 27 p.
4. Transformation of the labor law paradigm in the post-industrial information society. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2022. 239 p.
5. State, labor and man: new challenges. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2022. 234 p.
6. Chucha S.Yu. The protective mechanism of social partnership as an institution for protecting the interests of the state in the sphere of civil jurisdiction // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 4 (232). P. 114-116. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_4_114.
7. avenkov A.N., Kambolov M.A., Drozdov I.A. et al. Interdisciplinary protection of labor and social rights in the context of social transformation: monograph. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. 427 p.
8. Chucha S.Yu. Historiographic contexts of conceptualization and application of hybrid and post-global legal regimes: social and labor aspect // State and Law 2024 No. 11. P. 114-124. DOI: 10.31857/S10269452241100109.
9. Violence as a negative social phenomenon: legal means of counteraction: monograph / ed. N. V. Letova. Moscow, Prospect, 2024. 280 p.
10. Actual problems of legal regulation of labor and social protection in the context of special measures in the economic sphere (Ivanovskie readings). Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. 231 p.
11. Dzubyak A.V. Legal regulation of labor migration: prospects for implementing the eastern model // Law. 2024. No. 3. P. 27-37. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-3-27-37.
12. Chucha S.Yu. Legal problems of incorporation of new forms of employment into the Russian system of social partnership in the sphere of labor // Legal and socio-economic aspects of transforming employment / ed. S.A. Dyuzhikov. Rostov-on-Don; Taganrog, Publishing House of the Southern Federal University, 2023. P. 100-106.
13. Chucha S.Yu. The draft law on employment and the protective function of trade unions // Social partnership and employment policy (Smirnov readings). Moscow, ATISO, 2023. P. 268-275.
14. Desmond M. Poverty, by America. New York, Crown, 2023. 304 p.
15. Prassl J. Humans as a service. Oxford, Oxford University Press, 2018. 208 p.
16. Chucha S.Yu. Public and private guarantees of wage protection in case of employer insolvency // Public and private principles of legal regulation in a modern social state / ed.: T.S. Taranova. Minsk, BGEU, 2024. P. 28-33.
17. Chucha S.Yu. Wage guarantees in case of employer bankruptcy: problems and prospects // Implementation of the constitutional principle of economic, political and social solidarity: issues of theory and practice / ed. T. A. Soshnikova, E. E. Pirogova Moscow, Publishing house of Moscow University for the Humanities, 2023. P. 50-57.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_110

УДК 342.8

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО РАСКРЫТИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ, НА УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА НА ЗАМЕЩЕНИЕ ДОЛЖНОСТИ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ON THE APPLICATION OF LEGISLATION PROVIDING DISCLOSURE OF PERSONAL DATA TO PARTICIPANTS IN THE COMPETITION FOR THE POST OF HEAD OF A MUNICIPAL FORMATION

ШАСТИНА Анжелика Размиковна,кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности,
ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: shastina.ar@gmail.com;

SHASTINA Angelika Razmikovna,Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of legal support of national security,
Baikal State University.

11, Lenin Street, 664003, Irkutsk.

E-mail: shastina.ar@gmail.com

Краткая аннотация: Анализируя процедуры прямых выборов главы муниципального образования, выборов из состава представительного органа и выборов из числа кандидатов, прошедших конкурсный отбор, можно констатировать, что лица, желающие стать кандидатами на прямых выборах главы муниципального образования находятся в неравном положении, в части, касающейся обязательного раскрытия персональных данных. Автор приходит к выводу, что данная ситуация не соответствует публичной природе должности главы муниципального образования, а также нарушает конституционный принцип равенства, следовательно, нормы, регулирующие порядок регистрации участников конкурса на замещение указанной должности, нуждаются в пересмотре и соответствующей корректировке.

Abstract: Analyzing the procedures for direct elections of the head of the municipality, elections from the representative body and elections from among the candidates who have passed the competitive selection, it can be stated that persons wishing to become candidates for direct elections of the head of the municipality are in an unequal position, in terms of mandatory disclosure of personal data. The author concludes that this situation does not correspond to the public nature of the position of the head of the municipality, and also violates the constitutional principle of equality, therefore, the norms governing the procedure for registering participants in the competition for filling this position need to be revised and adjusted accordingly.

Ключевые слова: местное самоуправление, выборы, конкурс, глава муниципального образования, персональные данные.

Key words: local government, elections, competition, head of municipality, personal data.

Для цитирования: Шастина А.Р. О распространении законодательства, предусматривающего раскрытие персональных данных, на участников конкурса на замещение должности главы муниципального образования // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 110-112. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_110.

For citation: Shastina A.R. On the application of legislation providing disclosure of personal data to participants in the competition for the post of head of a municipal formation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 110-112. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_110.

Статья поступила в редакцию: 31.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

К 2025 году в России в качестве основной окончательно утвердилась модель организации местной власти, при которой глава муниципального образования избирается представительным органом из числа кандидатов, прошедших конкурсный отбор, и, практически, вытеснила прямое избрание населением муниципалитета на данную должность.¹ Несмотря на то, что глава муниципального образования, избранный из числа кандидатов, прошедших конкурсный отбор, будет иметь статус выборного должностного лица, процедура прохождения конкурса и последующие выборы регулируются, в большей степени, не нормами избирательного законодательства. Так, избирательные комиссии не принимают участия в данном процессе, а органом, который наделён правом регистрировать лиц, желающих участвовать в конкурсе по отбору кандидатур на должность главы муниципального образования, является конкурсная комиссия.

В случае применения конкурсного подхода к избранию главы муниципального образования, лица, изъявившие желание стать кандидатами на должность мэра, не сталкиваются ни с какими препятствиями, а по сути, не имеют связи с избирателями, которая является одной из стадий привычного избирательного процесса (выдвижение кандидатов). Процедура выдвижения своей кандидатуры для участия в конкурсе по отбору кандидатур на должность главы муниципального образования сводится к представлению в конкурсную комиссию личного заявления о желании участвовать в конкурсе, помимо самовыдвижения, возможно выдвижение кандидата от политической партии, общественного объединения, главы субъекта федерации и так далее.

В рамках конкурсного подхода, для выдвижения кандидатуры на должность главы муниципального образования не требуется сбор подписей в поддержку кандидата. Такой этап избирательного процесса необходим для первоначального подтверждения согласия избирательно-го корпуса (его части) с той или иной кандидатурой.

Еще одно серьезное отличие в правовом регулировании приема документов конкурсной комиссией для отбора кандидатур при избра-

¹ Как в России начались, а потом почти закончились прямые выборы градоначальников – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6531970> (дата обращения 29.01. 2025 г.)

нии на должность главы муниципального образования – это статус лица, подавшего заявку на участие в конкурсе. Если лица, подавшие заявку на участие в конкурсе на замещение должности главы местной администрации, признаются кандидатами на эту должность, то, согласно действующим муниципально-правовым актам, статус зарегистрированного кандидата на выборах главы муниципального образования получают только те лица, которые прошли конкурсный отбор.

Казалось бы, это не должно иметь большого значения, так как специфика данных выборов не предполагает реализации большинства прав и обязанностей, предусмотренных избирательным законодательством для зарегистрированного кандидата на выборах: нет необходимости осуществлять предвыборную агитацию, создавать избирательный фонд и т. д. Однако, на практике выявлен пробел, который в дальнейшем, в случае его не устранения, может привести местное сообщество к выражению открытого недовольства от применения конкурсного подхода при избрании главы муниципального образования.

Например, для избрания главы города Сочи 10 сентября 2019 г. в конкурсную комиссию по отбору претендентов на должность главы Сочи поступили заявки от 18 кандидатов. Однако, информация о кандидатах не разглашалась, со ссылкой на Федеральный закон «О персональных данных»,¹ члены конкурсной комиссии заявили, что сведения о кандидатах будут доступны только в день выборов, и только для тех лиц, которые выиграли конкурс и получили статус зарегистрированных кандидатов. До этого момента они имеют статус участника конкурса, персональные данные которых подлежат огласке только с их письменного согласия. Для опубликования персональных данных всех участников конкурса необходимо их согласие. На выборах главы города Сочи, при подаче заявки на участие в конкурсе, ни один из участников конкурса не подписал согласия на раскрытие информации о себе.

В ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» к персональным данным отнесена большая часть сведений, которые лица, желающие принять участие в конкурсе, представляют в комиссию. Обработка персональных данных, по общему правилу, осуществляется с согласия лица, за исключением случаев, предусмотренных ст. 6 Федерального закона, в том числе ч. 11 данной статьи – осуществляется обработка персональных данных, подлежащих опубликованию или обязательному раскрытию в соответствии с федеральным законом. Указанное положение распространяется на кандидатов на муниципальных выборах в полной мере, в соответствии с ч. 7 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»², избирательная комиссия доводит до сведения избирателей сведения о кандидатах, представленные при их выдвижении.

В соответствии со ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ, для регистрации кандидата на выборах необходимо представить следующее: заявление о согласии баллотироваться, с указанием паспортных данных, сведений об образовании и месте работы, а также обязательством прекратить деятельность, несовместимую со статусом главы муниципального образования. К заявлению прилагаются: копия документа, удостоверяющего личность; сведения о размере и об источниках доходов кандидата, а также об имуществе, принадлежащем кандидату на праве собственности (в том числе совместной собственности), о вкладах в банках, ценных бумагах. В случае избрания главы городского округа либо муниципального района необходимо также представить: сведения о принадлежащем кандидату, его супругу и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории Российской Федерации, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, об обязательствах имущественного характера за пределами территории Российской Федерации кандидата, а также сведения о таких обязательствах его супруга и несовершеннолетних детей; сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруга и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенной в течение последних трех лет, если сумма сделки превышает общий доход кандидата и его супруга за три последних года, предшествующих совершению сделки, и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка; доказательства того, что кандидат не имеет счетов (вкладов), не хранит наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, не владеет и (или) не пользуется иностранными финансовыми инструментами; справку о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования.

Согласимся, что такая информация выступает одной из характеристик кандидата для избирателей, которые вправе составить объективное мнение, с учетом всех характеризующих данное лицо факторов, для того чтобы разумно отдать свой голос за или против данной кандидатуры. Тем не менее, то обстоятельство, что доступ открыт к персональным данным только тех лиц, которые по результатам конкурса признаны кандидатами на выборах главы муниципального образования, вызвало много замечаний у общественности г. Сочи (и не только), и можно согласиться с тем, что, несмотря на изменения в системе избрания, глава муниципального образования – это публичная должность, которая хотя и не нуждается в данном случае в прямой поддержке избирателей, тем не менее, в силу своей значимости, информация о лицах, претендующих на её замещение, как отмечает А. А. Макарец, [4, С. 5] является средством обеспечения объективной оценки их личности и должна быть доступна местным жителям.

Также, сложившаяся ситуация не соответствует аналогичной процедуре регистрации кандидатов на должность главы местной администрации, и, в принципе, противоречит логике конкурсного отбора, так как само участие в нем свидетельствует о желании лица замещать пуб-

¹ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СЗ РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). ст. 3451.

² Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

личную должность, следовательно, о готовности представить общественности информацию о себе, которая предусмотрена российским законодательством. Необязательно обнародовать весь объем сведений, поступающих в конкурсную комиссию. На федеральном уровне должно быть предусмотрено, что осуществляется обработка следующих персональных данных – фамилия, имя, отчество участника конкурса, его биография и профессиональные характеристики. Право определять объем сведений, которые необходимо довести до населения муниципального образования, должно быть предоставлено конкурсной комиссии. Таким образом, вовлеченность населения муниципального образования в формирование организационных структур будет соответствовать демократическим принципам осуществления местного самоуправления.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что, несмотря на имеющиеся недостатки избрания по итогам конкурса, не должен произойти отказ от попыток обеспечить профессионализацию муниципального управления в лице главы муниципального образования [см., например: 1, 2, 3, С. 163]. Однако, выявленный пробел подлежит устранению, так как, во-первых, должность главы муниципального образования является публичной, имеет представительский характер, следовательно, лица, изъявившие желание участвовать в процедуре её замещения, должны быть согласны с необходимыми, обусловленными характером этой должности, ограничениями, и, во-вторых, в условиях отстраненности населения от избрания главы муниципального образования, отсутствие информации об участниках конкурса для замещения этой должности вызывает непонимание и недовольство местных жителей, что не должно остаться без внимания у законодателя, так как мнение населения должно быть основополагающим для правового регулирования местного самоуправления, что логично вытекает из природы этой формы власти народа.

Следовательно, считаем необходимым дополнить часть 2.1 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ следующим положением: «сведения об участниках конкурса, представленные при их выдвижении, доводит до населения муниципального образования конкурсная комиссия, в установленном ею объеме».

Список литературы:

1. Буханцов В. В., Комарова М. В., Шалак А. В. Аутентичное понимание правового статуса главы муниципального образования как источник повышения качества управления в постсоветской России / В. В. Буханцов, М. В. Комарова, А. В. Шалак // *Baikal Research Journal*. - 2018. - Т. 9. - № 4. - С. 16. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(4).16 EDN: GHCLAE
2. Елькина Н. В. Реформа местного самоуправления как необходимое условие развития экономики (на примере Иркутской области) / Н. В. Елькина // *Baikal Research Journal*. - 2015. - Т. 6. - № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(4).10 EDN: UAPOKP
3. Колодина Е. А. Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России / Е. А. Колодина // *Известия Байкальского государственного университета*. - 2017. - Т. 27. - № 2. - С. 162-170. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).162-170 EDN: YQQOIB
4. Макарецев А. А. Проблемы правового регулирования обработки персональных данных кандидата в депутаты или на выборную должность / А. А. Макарецев // *Избирательное право*. - 2014. - № 2. - С. 5-10.

References:

1. Bukhantsov, V. V., Komarova, M. V., & Shalak, A. V. (2018). Authentic understanding of the legal status of the head of a municipal entity as a source of improving management quality in post-Soviet Russia. *"Baikal Research Journal"*, 9(4), 16.
2. Yelkina, N. V. (2015). Reform of local self-government as a necessary condition for economic development (the case of the Irkutsk region). *"Baikal Research Journal"*, 6(4).
3. Kolodina, E. A. (2017). Study of trends in the development of local self-government in modern Russia. *"News of the Baikal State University"*, 27(2), 162–170.
4. Makartsev, A. A. (2014). Problems of legal regulation of personal data processing for candidates in elections or for elected positions. *"Electoral Law"*, (2), 5-10.

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ

LEGAL BASIS OF PR ACTIVITIES ON THE INTERNET: TRENDS AND CHALLENGES

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и маркетинговых технологий,
Байкальский государственный университет.

ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, Иркутская обл., 664003, Россия.

E-mail: irina.090@mail.ru;

IGNATIEVA Irina Valentinovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Journalism and Marketing Technologies, Baikal State University.

Lenin St., 11, Irkutsk, Irkutsk region, 664003, Russia.

E-mail: irina.090@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов правового регулирования отношений, возникающих в связи с PR-деятельностью в сети Интернет. Выявлены проблемы в правовом регулировании таких отношений: отсутствие должной терминологии, широкий предметный состав, неопределенность субъектов Интернета, использование при проведении PR-кампаний психотехнологий. Выявлено, что в основу PR-деятельности в сети Интернет необходимо положить научно-обоснованные разработки, которые выражаются в правовой политике и выступают наиболее эффективным средством упорядочивания отношений в Интернете. Для решения обозначенной проблемы, предлагается на федеральном уровне разработать и утвердить Концепцию регулирования отношений, возникающих в связи с PR-деятельностью в сети Интернет.

Abstract. The article is devoted to the study of issues of legal regulation of relations arising in connection with PR activities on the Internet. The problems in the legal regulation of such relations are identified: lack of proper terminology, wide subject composition, uncertainty of Internet subjects, use of psychotechnologies in PR campaigns. It is revealed that PR activities on the Internet must be based on scientifically sound developments that are expressed in legal policy and act as the most effective means of regulating relations on the Internet. To solve this problem, it is proposed to develop and approve the Concept of regulating relations arising in connection with PR activities on the Internet at the federal level.

Ключевые слова: PR, маркетинг, PR-деятельность, технологии, Интернет, правовое регулирование, психотехнологии, Концепция.

Keywords: PR, marketing, PR activities, technologies, Internet, legal regulation, psychotechnologies, Concept.

Для цитирования: Игнатьева И.В. Правовые основы PR-деятельности в сети интернет: тенденции и вызовы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 113-116. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_113.

For citation: Ignatieva I.V. Legal basis of PR activities on the Internet: trends and challenges // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 113-116. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_113.

Статья поступила в редакцию: 24.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В реалиях современного мира невозможно представить действительность без маркетинга, рекламы, PR, sales promotion, директ-маркетинга, которые, являясь элементами комплекса маркетинговых коммуникаций, играют ключевую роль в продвижении бизнеса и удовлетворении потребностей потенциальных клиентов, помогая сформировать привлекательный образ продукта или компании в глазах потребителей с конечной целью получения прибыли.

Маркетинговые коммуникации обеспечивают достижение следующих целей: реклама – получение прибыли; sales promotion – побуждение к совершению покупок (например, рекламные объявления могут содержать купоны с правом на скидку при покупке рекламируемого товара); PR(public relations) – достижение высокой общественной репутации фирмы; директ-маркетинг – установление долгосрочных двусторонних коммуникаций между производителем и потребителем [2, с. 189].

Однако, именно без PR-технологий невозможно полноценное продвижение. PR-технологии – это совокупность приемов, методов, и средств, которые зависят от PR-стратегии, в совокупности с которой и достигается желаемый результат. Таким образом, PR-стратегия определяет общие цели и задачи PR-деятельности, а PR-технологии – это конкретные методы и инструменты, используемые для их достижения.

Появление в XXI веке глобальной сети Интернет¹, вывел PR-стратегии на новый уровень, предоставив возможность прямого взаимодействия с целевой аудиторией, быстрой оценки эффективности PR-кампании и оперативного внесения в нее корректировок, существенного снижения расходов на PR-деятельность, а главное огромного охвата аудитории, не имеющий практически никаких ограничений.

Количество пользователей Интернета с каждым годом увеличивается, и сейчас эта цифра достигла уже 4,1 млрд. человек². Современное общество – это общество Интернет-технологий, посредством которых создается второй мир, альтернативный реальности, требующий систематизации и упорядочения возникающих в сети Интернет отношений, в том числе, правовых.

Правовая политика государства должна регулировать весь комплекс правовых отношений, возникающих в сети Интернет, устанавливаться органами государственной власти и выполняться под их контролем. То есть, по сути, это должна быть четко прописанная, строго установ-

¹ в России с 1990 года.

История рунета: как развивался интернет в России. Досье. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/2546068> (дата обращения: 19.01.2025).

² Число пользователей интернета в мире выросло до 4,1 млрд. человек. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7080150> (дата обращения: 19.01.2025).

ленная и обязательная для исполнения всеми членами Интернет-общества система правовых юридических норм¹, способствующих достижению законности и правопорядка при использовании цифровых технологий.

Правовые основы PR-деятельности в сети Интернет в Российской Федерации включают ряд нормативно-правовых актов, среди которых Конституция РФ, статья 29 которой гарантирует право каждого на свободу мысли и слова².

Далее, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ (в ред., которая вступила в силу с 1 января 2025 года)³.

ФЗ № 149-ФЗ регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, при применении информационных технологий, а также при обеспечении защиты информации. Однако, определения термина «Интернет» в законе нет, есть только определение сайта в сети «Интернет» и страницы сайта в сети «Интернет» (статья 2 пп.13-14 ФЗ № 149-ФЗ).

Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993года, № 5485-1(в ред. от 08.08.2024) содержит определённый перечень информации, сбор и распространение которой запрещены.

Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (с изм. и доп. от 01.01.2025) (далее – ФЗ № 38-ФЗ) запрещает использование ненадлежащих видов рекламы, а также регламентирует некоторые сферы рекламной деятельности⁴.

Общие требования к рекламе, независимо от средств его размещения, указаны в статье 5 ФЗ № 38-ФЗ «реклама должна быть добросовестной и достоверной, недобросовестная и недостоверная реклама не допускается». Обычно реклама и PR-технологии действуют совместно, что увеличивает синергетический эффект от маркетинговой деятельности предприятий в сети Интернет.

Несмотря на то, казалось бы, достаточное количество нормативных источников, регулирующих отношения, возникающие в связи с использованием сети Интернет, в отечественной правовой системе нет единого законодательного акта, который бы системно регулировал данные общественные отношения.

В повседневной жизни все чаще и чаще встречаются такие категории, как блокчейн [8, с. 555], роботизация и искусственный интеллект [6, с. 89], цифровые следы и цифровая криминалистика [3, с. 740], криптовалюта [5, с. 410], цифровые права [1, с. 331] и т.д. Предметный состав правового регулирования данных отношений не то, чтобы урегулирован, он даже не установлен. Дезорганизованность таких отношений в сети Интернет приводит к появлению угроз информационной безопасности, в том числе, несанкционированному доступу к охраняемой законом информации.

По мнению М.В. Савельевой, практика правового регулирования в настоящее время осуществляется в среде, детерминированной новыми технологиями. Наука столкнулась с новой парадигмой, и юриспруденция находится на пороге научной революции, поскольку новые технологии не вмещаются в ранее существовавшие догматы юридической науки [6, с. 90].

На сегодняшний день в действующем российском законодательстве не находят своего отражения концептуально важные дефиниции, среди которых главенствующее место занимает сама категория «Интернет», нет указания на его социальный статус и техническую сторону. Полагаем, что Интернет как правовая категория представляет публичный интерес, поскольку он оказывает значительное влияние на различные сферы общественной жизни. П.Ю. Фесик считает, что «к определению публичного интереса необходимо подходить тщательно и деликатно, поскольку субъективные обстоятельства могут менять его сущность» [9, с. 16].

На практике нет единого понятия Интернет, в одних источниках употребляется термин «Интернет», в других – «сеть Интернет», в третьих – «информационная телекоммуникационная система» и т.д. С точки зрения права отсутствие единого определения означает терминологическую неопределённость, неточность и неполноту понятийного аппарата. Это отрицательно сказывается на эффективности правового регулирования и правильности понимания его целей и задач не только правоприменителем, но и пользователями сети Интернет.

Кроме того, отсутствие единых однозначных подходов к законодательной технике вызывает разночтение и разногласия в толковании нормативно-правовых актов, что приводит к неодинаковому их применению различными органами государственной власти [4, с. 2], создаёт барьеры в вопросах, что именно считать Интернетом, где он начинается и где заканчивается.

Отсутствие единого понятия «Интернет» оказывает влияние на применение PR-технологий, поскольку невозможность дать общепринятое определение Интернета, учитывающее все аспекты взаимодействия сети, общества и человека, приводит к ошибкам в использовании его возможностей для PR-коммуникаций.

Например, отсутствие в сети Интернет цензуры и распространение информации случайным образом⁵, приводит к использованию при проведении PR-кампаний психотехнологий, цель применения которых более эффективно воздействовать на целевую аудиторию, учитывая её психологические особенности и потребности.

Например, использование нейролингвистического программирования (далее – НЛП) позволяет создавать сообщения, которые лучше

¹ О правовом регулировании PR-деятельности и правовой грамотности PR-специалистов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ign.asu.ru/files/documents/00003395.pdf> (дата обращения: 19.01.2025).

² Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании от 12.12.1993 г. (с изм. и доп. 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.

⁴ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁵ Распространение информации случайным образом в сети Интернет означает, что это свойство характерно для децентрализованной организационной структуры сети. Отсутствие цензуры в Интернете позволяет информации распространяться подобно распространению анекдотов и слухов.

запоминаются и воспринимаются аудиторией¹.

Техники НЛП можно отнести к PR-технологиям. В качестве примеров можно привести технологию подстройки по ценностям. В рекламе используются образы, затрагивающие ценности целевой аудитории. Например, образ большой семьи, родного дома, родителя с ребёнком. Через бессознательное эти образы сообщают человеку, что можно доверять бренду, поскольку речь идёт о важных человеческих ценностях².

Следующая технология субмодальности. При проведении PR – кампании в рекламе используются особенности изображения и звука для управления настроением потребителя. Например, интенсивность цвета, ракурс предмета, громкость звука³.

Еще одной технологией являются трюизмы. Это высказывания, которые принимаются как аксиомы, не нуждающиеся в доказательствах. Они помогают повысить уровень доверия к предмету рекламы. Примером трюизма могут быть фразы: «Все люди ошибаются», «Каждый человек хоть когда-нибудь спит», «Земля крутится вокруг Солнца», «Молоко – белое». То есть, это такие фразы, с которыми, в принципе, согласится любой человек. Таким образом, использование техник НЛП позволяет создавать более убедительные рекламные сообщения, учитывая ментальные модели человека.

Профессиональный PR-менеджер должен знать и уметь применять все эти технологии.

Однако, не всегда НЛП используется во благо, например, мошенники, действующие на Интернет просторах, цель которых – отключить рациональное мышление жертвы, создать состояние внутреннего возбуждения, предчувствия собственной выгоды, сниженной критики к происходящему. Министерство внутренних дел РФ (далее – МВД РФ) за 2023 год зарегистрировало 677 тыс. IT-преступлений в стране, удельный вес дел по таким правонарушениям увеличился с 26,5% до 34,8% по сравнению с 2022 годом. Свыше половины зарегистрированных преступлений с использованием информационных технологий относится к категориям тяжких и особо тяжких. Наиболее распространённым видом мошенничества в социальной сети «Одноклассники» в 2022-2023 гг. было предложение поучаствовать в розыгрышах и получить денежные призы, которое сопровождалось требованием заплатить «налог» и «сервисный сбор». Также мошенники часто призывают россиян сделать пожертвования на спасение животных, помощь больным и пострадавшим.

По данным МВД РФ, в 2023 году в России было совершено 526,7 тыс. преступлений с применением Интернета⁴.

Как регулировать Интернет-отношения при отсутствии эффективных средств правового регулирования – один из неразрешённых вопросов российского законодательства. Как справедливо отмечает М.А. Федотов, деятельность государства по упорядочиванию отношений в Интернете похожа на желание возвести дом без основания, без фундамента – ведь до сих пор нам даже не была представлена юридически значимая терминология, связанная с Интернет [7, с. 70].

Считаем, что субъектный состав Интернета ФЗ №149-ФЗ также не определен. Специфика Интернета заключается в том, что в нем представлен достаточно широкий состав лиц, среди них: – простые граждане, выступающие пользователями Интернета; – технические субъекты, действия которых направлены непосредственно на обеспечение работы Интернета (провайдеры, операторы и др.); – государственные субъекты, в задачи которых входят правовое регулирование отношений в Интернете, разработка соответствующей политики в рассматриваемой сфере; – негосударственные субъекты – бизнес, гражданское общество, заинтересованные в расширении возможностей Интернета в стране, развитие его инфраструктуры; – международные организации – координация вопросов, разработка технических и правовых стандартов, связанных с Интернетом.

Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет субъектный состав Интернета через понятие обладателя информации. Согласно статье 6 закона, обладателем информации может быть гражданин (физическое лицо), юридическое лицо, Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование. От имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования правомочия обладателя информации осуществляются соответственно государственными органами и органами местного самоуправления в пределах их полномочий, установленных соответствующими нормативными правовыми актами.

Таким образом, по ФЗ № 149-ФЗ субъектный состав Интернета включает в себя и государственные органы, которые представляют интересы Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований в сфере информации, что далеко не соответствует действительности.

Поэтому считаем первоочередной задачей государственных органов разработку Концепции правового регулирования отношений в Интернете (далее – Концепция), в которой было бы дано определение термину «Интернет»; отношениям, возникающим в связи с использованием сети Интернет; субъектам Интернет-отношений; средствам правового регулирования PR-деятельности в сети интернет, сферам, которые будут подвергаться правовому регулированию. Предпочтение в выборе именно Концепции обосновано принципиальными различиями: федеральный закон – это конкретный нормативный правовой акт, а концепция – это документ, описывающий основы будущего закона и включающий анализ текущего законодательства и правоприменительной практики, в том числе PR-деятельности в сети интернет.

¹ Пример НЛП-сообщения: «Мы заботимся о вашей безопасности, а потому наши такси не тронутся с места, пока все пассажиры не пристегнутся». Ещё один пример: «Как наш сервис доставки пиццы превратил обычный семейный ужин в незабываемый праздник веселья и вкуса». Это пример сторителлинга — одной из техник НЛП, которая использует продающие истории для пробуждения эмоций

² Технологии НЛП в маркетинге: слова и фразы, которых лучше избегать. [Электронный ресурс]. – URL: <https://kontur.ru/articles/5111> (дата обращения: 19.01.2025).

³ НЛП в рекламе. Как повысить эффективность бизнеса? [Электронный ресурс]. – URL: <https://ikenguru.ru/blog/nlp-v-reklame> (дата обращения: 19.01.2025).

⁴ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 19.01.2025).

Таким образом, ФЗ регулирует общественные отношения на уровне законодательства, а Концепция – это документ, подготавливающий основу для разработки конкретного закона, либо внесения концептуальных поправок в уже действующее законодательство.

Считаем необходимым при разработке Концепции учитывать мнения специалистов IT-технологий в целях избежания неурегулированности вопросов в сфере технического регулирования на этапе применения новых PR-технологий. Думается о необходимости утверждения Концепции на законодательном уровне как правовой основы для дальнейшего развития Интернет-отношений.

Список литературы:

1. Бадюл О.С. Цифровые публичные мероприятия в конституционной парадигме прав и свобод личности / О.С. Бадюл, Е.Н. Григорьев // *Baikal Research Journal*. - 2023. - Т. 14, № 1. - С. 330-337. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(1).330-337 EDN: WIYYDK
2. Дибб С. Практическое руководство по маркетинговому планированию / С. Дибб, Л. Симкин, Дж. Брэдли. - СПб.: Питер, 2001. - 235 с.
3. Ищенко Е.П. Преступления, совершаемые с использованием высоких технологий / Е.П. Ищенко, Н.В. Кручинина // *Всероссийский криминологический журнал*. - 2019. - Т. 13, № 5. - С. 740-746. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).740-746 EDN: TXKVLC
4. Ключков В. Г. Проблемы определения понятий в законах и нормативно-правовых актах / В. Г. Ключков // *Проблемы законности*. - 2013. - № 124. - С. 2-12. EDN: TANHZZ
5. Коренная А.А. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений / А.А. Коренная, Н.В. Тыдыкова // *Всероссийский криминологический журнал*. - 2019. - Т. 13, № 3. - С. 408-415. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).408-415 EDN: TRQLCS
6. Савельева М.В. Искусственный интеллект как участник современных правоотношений / М.В. Савельева // *Академический юридический журнал*. - 2024. - Т. 25, № 1. - С. 86-94. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(1).86-94 EDN: LZSUZI
7. Севостьянов В.Л. Общественное обсуждение Концепции регулирования правоотношений в сети Интернет / В.Л. Севостьянов // *Правовая информатика*. - 2013. - № 3. - С. 70-72. EDN: RUJPUN
8. Суходолов А.П. Блокчейн в цифровой криминологии: постановка проблемы / А.П. Суходолов, Е.А. Антонян, М.В. Рукинов, М.Ю. Шамрин, М.Г. Спасенникова // *Всероссийский криминологический журнал*. - 2019. - Т. 13, № 4. - С. 555-563. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).555-563 EDN: SRYSYZ
9. Фесик П.Ю. Публичный интерес как правовая категория / П.Ю. Фесик // *Академический юридический журнал*. - 2024. - Т. 25, № 1. - С. 14-22.

References:

1. Badul O.S. Digital public events in the constitutional paradigm of individual rights and freedoms / O.S. Badul, E.N. Grigoriev // *Baikal Research Journal*. - 2023. - Vol. 14, No. 1. - Pp. 330-337.
2. Dibb S. Practical guide to marketing planning / S. Dibb, L. Simkin, J. Bradley. - St. Petersburg: Piter, 2001. - 235 p.
3. Ishchenko E.P. Crimes committed using high technologies / E.P. Ishchenko, N.V. Kruchinina // *All-Russian Criminological Journal*. - 2019. - Vol. 13, No. 5. - Pp. 740-746.
4. Klochkov V. G. Problems of defining concepts in laws and regulatory legal acts / V. G. Klochkov // *Problems of legality*. - 2013. - No. 124. - P. 2-12.
5. Korennaya A. A. Cryptocurrency as a subject and means of committing crimes / A. A. Korennaya, N. V. Tydykova // *All-Russian Criminological Journal*. - 2019. - Vol. 13, No. 3. - P. 408-415.
6. Savelyeva M. V. Artificial intelligence as a participant in modern legal relations / M. V. Savelyeva // *Academic Law Journal*. - 2024. - Vol. 25, No. 1. - P. 86-94.
7. Sevostyanov V. L. Public discussion of the Concept of regulation of legal relations on the Internet / V.L. Sevostyanov // *Legal informatics*. - 2013. - No. 3. - P. 70-72.
8. Sukhodolov A.P. Blockchain in digital criminology: problem statement / A.P. Sukhodolov, E.A. Antonyan, M.V. Rukinov, M.Yu. Shamrin, M.G. Spasennikova // *All-Russian Criminological Journal*. - 2019. - Vol. 13, No. 4. - P. 555-563.
9. Fesik P. Yu. Public interest as a legal category / P.Yu. Fesik // *Academic Law Journal*. - 2024. - Vol. 25, No. 1. - P. 14-22.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ СРЕДСТВ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В МЕГАПОЛИСЕ

THE LEGAL BASIS FOR THE USE OF INNOVATIVE TOOLS TO ENSURE ANTI-TERRORIST SECURITY IN THE METROPOLIS

УРМАНОВ Олег Эдуардович,

аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (РГСУ),
специалист Управления по вопросам безопасности и противодействия коррупции префектуры
Северного административного округа города Москвы.

Лосиноостровская ул., 40, г. Москва, 107150, Россия.

E-mail: UrmanovOE@mos.ru;

Научный руководитель:

ЗЕМЛИН Александр Игоревич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой прав человека

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» (РГСУ) (г. Москва).

Лосиноостровская ул., 40, г. Москва, 107150, Россия.

E-mail: Zemlin.Aldr@yandex.ru;

URMANOV Oleg Eduardovich,

Postgraduate student at the Russian State Social University (RGSU),

specialist at the Prefectural Office for Security and Anti-Corruption

The Northern Administrative District of Moscow.

Losinoostrovskaya St., 40, Moscow, 107150, Russia.

E-mail: UrmanovOE@mos.ru;

Scientific supervisor:

ZEMLIN Alexander Igorevich,

Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation,

Head of the Department of Human Rights Russian State Social University (RGSU) (Moscow).

Losinoostrovskaya St., 40, Moscow, 107150, Russia.

E-mail: Zemlin.Aldr@yandex.ru

Краткая аннотация: Статья представляет результаты системно-правового анализа законодательных основ и опыта использования инновационных средств для обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисах. В работе исследуются нормативно-правовая база, регулирующая организацию антитеррористической деятельности, а также международные стандарты, прямо либо опосредованно соотносимы с данной сферой. Особое внимание уделяется правовому регулированию применения современных технологий, таких как системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом и биометрические системы, а также правовым аспектам их использования. С использованием методов формально-догматического анализа обсуждаются проблемы соблюдения прав человека в условиях ужесточения мер безопасности и киберугроз. В статье также предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования в исследуемой сфере, подчеркивающие необходимость комплексного подхода к обеспечению безопасности в условиях растущих террористических угроз. Сделан вывод о важности сбалансированного регулирования, учитывающего как потребности безопасности, так и защиту прав граждан в условиях нарастания террористических угроз.

Abstract: The article is devoted to a systematic legal analysis of the legal foundations of the use of innovative means to ensure anti-terrorist security in megacities. The paper examines the regulatory framework governing anti-terrorist activities, as well as international standards related to this area. Special attention is paid to modern technologies, such as video surveillance systems with artificial intelligence and biometric systems, and their legal aspects. Using the methods of formal dogmatic analysis, the problems of human rights observance in the context of stricter security measures and cyber threats are discussed. The article also offers recommendations for improving legal regulation, emphasizing the need for an integrated approach to ensuring security in the face of growing terrorist threats. The conclusion is made about the importance of balanced regulation, taking into account both the needs of security and the protection of citizens' rights.

Ключевые слова: антитеррористическая безопасность, инновационные средства, правовое регулирование, мегаполис, технологии, права человека, киберугрозы, нормативно-правовая база, международные стандарты.

Keywords: anti-terrorist security, innovative means, legal regulation, megapolis, technology, human rights, cyber threats, regulatory framework, international standards.

Для цитирования: Урманов О.Э. Правовые основы использования инновационных средств в целях обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 117-121. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_117.

For citation: Urmanov O.E. The legal basis for the use of innovative tools to ensure anti-terrorist security in the metropolis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 117-121. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_117.

Статья поступила в редакцию: 28.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Актуальность исследования: В условиях глобализации и быстрого развития технологий антитеррористическая безопасность становится одной из ключевых задач для мегаполисов, где сосредоточено значительное количество населения и инфраструктурных объектов, весьма привлекательных для террористических организаций¹. Количественное возрастание и качественное усложнение террористических угроз требует от государств и местных властей внедрения современных инновационных средств для предотвращения и нейтрализации угроз¹.

¹ Духно Н. А., Землин А. И., Химич Т. М., Филиппова М. Ю., Расулов А. В., Гоц Е. В., Землина О. М., Матвеева М. А., Пищелко А. В., Мельникова Ю. В., Борисова С. В., Мамонова М. В., Мельников В. С., Опёнышев О. С., Петров Ю. И., Харламова Ю. А. Транспортное право. Учебник. М.: Юрайт, 2020. Сер. 76 Высшее образование (2-е

Обоснованно отмечается, что правовые основы использования таких технологий, как системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом, биометрические идентификационные системы и другие высокотехнологичные решения, нуждаются в тщательном анализе и регулировании². Это связано с необходимостью достижения разумного паритета между необходимостью соблюдения прав человека и защиты гражданских свобод при реализации одновременном обеспечении достаточного уровня мер безопасности³.

Также, в условиях высокой динамичности правового регулирования, постоянного изменения законодательства, вызванного необходимостью принятия мер на появление все новых террористических угроз актуализируется вопрос о гармонизации национальных норм с международными стандартами в области антитеррористической деятельности⁴.

Таким образом, исследование правовых основ использования инновационных средств для обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисе является важным шагом к созданию эффективной системы защиты, способствующей не только повышению уровня безопасности, но и соблюдению правовых и этических норм⁵. Это исследование может стать основой для разработки рекомендаций по улучшению правового регулирования и внедрению новых технологий в практику обеспечения безопасности⁶.

Целью исследования является системный анализ правовых основ использования инновационных средств для обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисах, а также разработка на этой основе рекомендаций по их эффективному внедрению с учетом соблюдения прав человека и международных стандартов. Исходя из этого предполагается провести критический анализ действующего законодательства, регулирующего использование инновационных технологий в сфере антитеррористической безопасности; рассмотреть специфику правового обеспечения внедрения и использования основных инновационных средств, применяемых для обеспечения безопасности, таких, в частности, как систем видеонаблюдения с искусственным интеллектом, биометрических систем и других высокотехнологичных решений и практик; критически осмыслить примеры успешного применения инновационных средств в других странах и оценить возможность их адаптации в условиях мегаполисов; определить потенциальные угрозы для прав человека и гражданских свобод, связанные с использованием новых технологий в контексте антитеррористической деятельности; предложить пути оптимизации правового регулирования и внедрения инновационных технологий с целью повышения эффективности антитеррористической безопасности при соблюдении правовых норм; оценить роль частного сектора в обеспечении антитеррористической безопасности и возможности сотрудничества между государственными органами и частными компаниями в этой сфере.

Для достижения поставленных целей и решения указанных задач использован комплексный подход, включающий следующие методы и подходы: формально-догматический анализ действующего законодательства, регулирующего использование инновационных технологий в сфере антитеррористической безопасности; компаративно-правовой анализ, предполагающий сравнение правовых норм и практик различных стран в области применения инновационных средств для обеспечения безопасности, позволяющий выявить лучшие практики и предложить правовые средства их адаптации к условиям мегаполисов; аксиологический подход, позволяющий осуществить оценку правовых и этических аспектов использования инновационных средств, предполагающий верифицировать риски соблюдения прав человека и гражданских свобод в условиях необходимости обеспечения антитеррористической безопасности; метод моделирования, применение которого имеет целью разработку моделей взаимодействия между государственными органами и частными компаниями в контексте применения инновационных технологий для обеспечения антитеррористической безопасности.

В процессе исследования реализован системный подход, позволяющий осуществить рассмотрение антитеррористической безопасности как комплексной системы, включающей правовые, технологические и социальные аспекты, что позволяет выявить, учесть взаимосвязи между различными элементами системы, оценить их влияние на общую эффективность системы обеспечения антитеррористической безопасности с использованием правовых средств.

Применение указанной методологии позволяет рассмотреть правовые основы использования инновационных средств для обеспечения антитеррористической безопасности, выявить существующие проблемы и предложить практические рекомендации для их решения, оценить перспективы развития системы обеспечения антитеррористической безопасности, роль правовых средств в повышении эффективности решаемых проблем в указанной сфере.

Исследование правовых основ использования инновационных средств для обеспечения антитеррористической безопасности в мега-

изд., пер. и доп); Землин А. И. Административно-правовые аспекты обеспечения транспортной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2019 № 4 (28). С. 10-14;

¹ Белозеров, В.Л. Актуальные проблемы правового обеспечения транспортной безопасности и контрольной (надзорной) деятельности на транспорте: монография / В.Л. Белозеров, С.В. Борисова, А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Г.Ю. Корякин, Лещов / под. ред. А.И. Землина — Москва: Издательство Русайнс, 2024. С. 27.

² Бондаренко, Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. 2024. Том 22. № 1 (110) С. 50-57 DOI: 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7

³ Балтовский А. С. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях действия экстраординарных административно-правовых режимов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 11; Брыкин Д. М. Ограничения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в условиях особых правовых режимов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 15.

⁴ Bagreeva E. G., Zemlin A. I., Shamsunov S. Kh. Environmental Safety Conditions in the Transport Sector by Improving the Culture of Lawmaking. Ekoloji, 2019, T. 28. № 107. P. 4071-4076; Kharlamova, Y., Pishchelko, A., Zemlin, A. Problems of realisation of public oversight in the field of transport counterterrorism policy. Kutafin University Law Review, 2020, Vol. 7, Iss. 1, pp. 67-78. 10.17803/2313- 5395.2020.1.13.067-078. DOI: 10.17803/2313-5395.2020.1.13.067-078

⁵ Землин А. И., Пищелко А.В. Актуальные вопросы правового обеспечения транспортной безопасности // Материалы международной научной конференции «Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы». (В рамках Международного юридического форума). Новосибирск, 2019. С. 51-54; Bagreeva E. G., Zemlin A. I., Shamsunov S. Kh. Does Environmental Safety Depend Upon the Legal Culture of Transport Specialists? Ekoloji, 2019, Issue 107, Pages: 4961-4965.

⁶ Безопасность беспилотных воздушных средств: информационные, функциональные и уголовно-правовые аспекты: монография / под ред. А. И. Чучаева. Москва: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2022; Землин А. И. Техническое регулирование в системе административно-правового обеспечения транспортной безопасности (на примере железнодорожного транспорта) // Юридическая наука, 2019. № 6. С. 57-64; Землин А. И., Землина О. М., Швыдченко О. Н. Актуальные вопросы технического регулирования безопасности метрополитенов // Вестник Юридического института МИИТ. 2018. № 1 (21). С. 87-10

полисах имеет высокую теоретическую значимость по целому ряду причинам.

Во-первых, речь идет о формировании теоретической базы правового обеспечения антитеррористической безопасности. Поскольку в условиях глобализации и быстрого технологического прогресса необходимо исследование теоретических концепций, связанных с антитеррористической безопасностью. Это позволяет уточнить понятия, такие как «инновационные технологии», «антитеррористическая безопасность» и «права человека», что является важным для дальнейшего развития научной мысли в этой области.

Во-вторых, исследование правовых норм, регулирующих использование современных технологий в сфере безопасности, позволяет выявить пробелы и недостатки в действующем законодательстве, что может привести к выработке новых теоретических подходов к правовому регулированию, которые будут учитывать специфику применения инновационных средств в условиях мегаполисов.

В-третьих, изучение международного опыта в области антитеррористической деятельности и его интеграция в национальное законодательство создают основу для теоретического обоснования гармонизации правовых норм. Изложенное может способствовать формированию новых теорий о взаимодействии национального и международного права в контексте безопасности.

В-четвертых, анализ потенциальных угроз для прав человека и гражданских свобод, возникающих при использовании высоких технологий, открывает новые горизонты для теоретических исследований в области прав человека и этики, что позволяет развивать теории о балансе между безопасностью и соблюдением прав граждан, что является актуальной темой в современном обществе.

В-пятых, на основе теоретических выводов исследования будут сформулированы рекомендации по оптимизации правового регулирования и внедрению инновационных технологий. Это может стать основой для будущих исследований, направленных на улучшение практики обеспечения антитеррористической безопасности с учетом соблюдения правовых норм и этических стандартов.

Исследование сочетает элементы права, социологии, технологий и этики, что способствует созданию комплексного подхода к проблемам антитеррористической безопасности. Такой междисциплинарный подход может привести к возникновению новых теоретических моделей, которые учитывают разнообразие факторов, влияющих на безопасность в мегаполисах.

В ходе исследования был проведен глубокий анализ действующего законодательства, касающегося применения инновационных технологий в сфере антитеррористической безопасности. Основное внимание уделяется федеральным и региональным нормам, включая законопроекты, постановления и рекомендации, регулирующие использование новых технологий, таких как камеры видеонаблюдения с элементами искусственного интеллекта, системы распознавания лиц и другие решения¹. Также будет исследован международный опыт, включая стандарты ООН и Европейского Союза, что позволит сравнить российское законодательство с передовыми практиками других стран.

Сравнительный анализ правовых норм различных стран в области антитеррористической безопасности выявил разнообразные подходы к использованию инновационных технологий. Изучение практик стран с высоким уровнем безопасности, таких как Израиль и Великобритания, позволит определить эффективные меры и технологии, внедрение которых может существенно повысить уровень антитеррористической безопасности в мегаполисах. Адаптация данных решений с учетом специфики российской правовой системы и социокультурных факторов станет одной из ключевых задач для окончательных выводов исследования².

В рамках исследования был проведен детальный анализ правовых и этических аспектов использования инновационных средств, таких как технологии распознавания лиц и больших данных. Основное внимание уделялось соблюдению прав человека, особенно в контексте конфиденциальности и свободы передвижения. Были выделены основные правовые риски, связанные с возможностью неправомерного использования данных и нарушениями правовых норм, что может привести к дискриминации определенных групп населения. При этом сделан вывод об особой значимости принятия мер по обеспечению прав и законных интересов граждан в условиях возрастания террористических угроз в сочетании с рисками распространения инфекционных заболеваний, в условиях эпидемий и пандемий³, а также техногенных катастроф⁴.

В контексте настоящего исследования необходимо исходить из того, что в условиях современных угроз терроризма мегаполисы сталкиваются с необходимостью применения инновационных технологий для повышения уровня безопасности. Правовые основы использования таких средств должны учитывать как эффективность предпринимаемых мер, так и соблюдение прав граждан⁵.

Также следует акцентировать внимание на том, что внедрение инновационных технологий, таких как системы видеонаблюдения и аналитические платформы, требует четкой правовой регламентации¹, что позволяет избежать злоупотреблений и обеспечить прозрачность в использовании данных технологий.

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602.

² Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. на 01.07.2020). – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

³ Землин А.И., Гоц Е.А., Матвеева М.А., Торшин А.А. Противодействие распространению коронавирусной инфекции COVID-19 в мегаполисах с использованием беспилотных автомобилей: опыт, правовые и организационные аспекты // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. Том 14, № 6, 2022. С. 455-483; Землин, А. И. Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 / А.И. Землин // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 15-29; Землин, А.И. Организационно-правовые основы функционирования транспортной системы в условиях сложной эпидемиологической обстановки: учебник / А.И. Землин, О.М. Землина, М.В. Клёнов, О.С. Опёнышев, И.В. Холиков. Москва: РУСАЙНС, 2020. С. 85.

⁴ Землин, А.И. Проблемы обеспечения безопасной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств с использованием потенциала публичного и частного права // Землин А.И. Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 2 (105). С. 54-60. DOI: 10.30932/1992-3252-2023-21-2-6

⁵ Землин А.И. Правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности: монография / под общ.ред. А. И. Землина ; предисл. Н. А. Духно. : монография. М.: ЮИ МИИТ, 2018; Землин, А.И. Управление рисками безопасного использования высокоавтоматизированных транспортных средств в мегаполисе: системно-правовой анализ / А.И. Землин, М.А. Матвеева, Е.В. Гоц // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 3 (106). С. 115-122. DOI: 10.30932/1992-3252-2023-21-3-11

Важным аспектом является взаимодействие между государственными органами и частным сектором в сфере разработки и внедрения инновационных решений для обеспечения антитеррористической безопасности². Эффективное сотрудничество в указанной сфере может значительно повысить уровень безопасности в мегаполисах.

При этом правовые механизмы должны быть адаптированы к быстроменяющимся условиям и технологиям, чтобы обеспечить оперативное реагирование на новые угрозы.

В процессе моделирования взаимодействия между государственными органами и частными компаниями разработаны несколько моделей, учитывающих различные сценарии применения технологий. Это позволило создать обширный анализ возможных партнерств и формул сотрудничества, направленных на повышение антитеррористической безопасности³. Важным аспектом было рассмотрение механизмов обмена информацией и ответственности сторон за применение инновационных решений.

Таким образом, исследование антитеррористической безопасности должно быть основано на рассмотрении ее как системы, которая объединяет в своем содержании правовые, технологические и социальные аспекты, что позволяет оценить степень воздействия каждого элемента на общую эффективность системы безопасности⁴. Учитывая множественные взаимосвязи, по результатам исследования выработаны рекомендации по оптимизации существующих подходов, что способствует не только повышению антитеррористической безопасности, но и защите гражданских свобод.

Важным следует признать вывод о том, что современные технологии, такие как системы видеонаблюдения с использованием искусственного интеллекта, дронов для мониторинга и анализа ситуаций, а также биометрические системы идентификации, становятся неотъемлемой частью системы безопасности мегаполисов. Эти средства позволяют оперативно реагировать на угрозы и повышают уровень контроля за общественными местами.

Применение инновационных средств требует соблюдения правовых норм, связанных с защитой прав граждан. Важно учитывать следующие аспекты, имеющие принципиальный характер: конфиденциальность, согласно которому использование технологий не должно нарушать право граждан на личную жизнь; прозрачность, предполагающий, что граждане должны быть информированы о том, как используются их данные; ответственность органов власти за возможные злоупотребления технологиями.

Результатами проведенного исследования правовых основ использования инновационных средств для обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисе стали выводы и положения относительно того, что законодательство требует актуализации для учета новых технологических реалий. В связи с тем, что, как показал анализ, ряд стран успешно применяет современные технологии (например, системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом, дронов и аналитических платформ) для повышения уровня безопасности, этот опыт при соответствующем правовом закреплении может служить основой для внедрения аналогичных практик в российских мегаполисах. Оценка правовых и этических аспектов использования инновационных технологий выявила необходимость соблюдения прав человека и гражданских свобод. Рекомендовано разработать дополнительные механизмы контроля за использованием данных технологий, чтобы минимизировать риски нарушения прав граждан. Предлагаемые модели взаимодействия между государственными органами и частными компаниями, которые могут служить основой для эффективного внедрения инновационных технологий в сферу антитеррористической безопасности. Также исследование подтвердило, что антитеррористическая безопасность является комплексной системой, где правовые, технологические и социальные аспекты взаимосвязаны. Эффективность применения инновационных средств зависит от учета этих взаимосвязей.

Полученные результаты подчеркивают важность комплексного подхода к развитию правовых основ использования инновационных средств в целях обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисах. Рекомендации, основанные на исследовании, могут способствовать улучшению правового регулирования и повышению эффективности антитеррористических мер в условиях современных вызовов. Таким образом, настоящее исследование не только актуализирует важные вопросы правового регулирования антитеррористической безопасности, но и вносит значительный вклад в развитие теории права и смежных дисциплин, подчеркивая его высокую теоретическую значимость.

Актуальность темы обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисах возрастает в условиях глобализации и роста террористических угроз. Мегаполисы, как центры экономической, культурной и социальной жизни, становятся привлекательными целями для террористических актов. В связи с этим возникает необходимость внедрения инновационных средств и технологий для повышения уровня безопасности.

Использование инновационных средств в целях обеспечения антитеррористической безопасности в мегаполисах является актуальной задачей, требующей комплексного подхода и правового регулирования. Успешная реализация таких мер возможна только при соблюдении прав граждан и учете международных стандартов. Необходимость адаптации законодательства к современным вызовам подчеркивает важность междисциплинарного подхода в данной области, что позволит обеспечить безопасность и защиту прав человека в условиях растущих террористических угроз.

¹ Землин А.И. Актуальные вопросы обеспечения транспортной безопасности в современной России // Транспортное право и безопасность. 2017. № 1(13). С. 6 - 11. [Электронный ресурс]. – URL: https://trans_safety_13.pdf; Землин А.И. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности : учебник / коллектив авторов ; под ред. А.И. Землина. — Москва : КноРус, 2023 (Научная школа «Транспортное право» ЮИ РУТ)

² Землин А.И. Правовые средства обеспечения безопасности использования беспилотных автомобилей в мегаполисе / А.И. Землин. НИР: грант № 22-28-20334. Российский научный фонд. 2022.

³ Об антитеррористической защищенности объектов (территорий) [Электронный ресурс] : постанов. правит. РФ от 25 ноября 2013 г. № 1244-ПП – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/bankrupt>.

⁴ О транспортной безопасности [Электронный ресурс] : федер. закон от 9 февраля 2007 № 16-ФЗ (с изм. на 02.12.2019 № 415-ФЗ). – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069.

Список литературы:

1. Балтовский А. С. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях действия экстраординарных административно-правовых режимов: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2006.
2. Безопасность беспилотных воздушных средств: информационные, функциональные и уголовно-правовые аспекты: монография / под ред. А. И. Чучаева. Москва: ООО "Юридическая фирма Контракт", 2022.
3. Белозеров, В.Л. Актуальные проблемы правового обеспечения транспортной безопасности и контрольной (надзорной) деятельности на транспорте: монография / В.Л. Белозеров, С.В. Борисова, А.И. Землин, О.М. Землина, В.М. Г.Ю. Корякин, Лещов / под. ред. А.И. Землина - Москва: Издательство Русайнс, 2024. ISBN: 978-5-406-13581-5 EDN: PKLEYH
4. Бондаренко, Н.Л. Правовой режим транспортных экосистем, основанных на принципах функционирования искусственного интеллекта / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич, А.И. Землин // Мир транспорта. 2024. Том 22. № 1 (110) С. 50-57 DOI: 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7 EDN: DYOWDQ
5. Брыкин Д. М. Ограничения конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в условиях особых правовых режимов: автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2010. EDN: QHHZDB
6. Духно Н. А., Землин А. И., Химич Т. М., Филиппова М. Ю., Расулов А. В., Гоц Е. В., Землина О. М., Матвеева М. А., Пищелко А. В., Мельникова Ю. В., Борисова С. В., Мамонова М. В., Мельников В. С., Опёнышев О. С., Петров Ю. И., Харламова Ю. А. Транспортное право. Учебник. М.: Юрайт, 2020. Сер. 76 Высшее образование (2-е изд., пер. и доп).
7. Землин А. И. Административно-правовые аспекты обеспечения транспортной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2019 № 4 (28). С. 10-14. EDN: NQCSSP
8. Землин А. И. Техническое регулирование в системе административно-правового обеспечения транспортной безопасности (на примере железнодорожного транспорта) // Юридическая наука, 2019. № 6. С. 57-64. EDN: XDEYFD
9. Землин А. И., Землина О. М., Швыдченко О. Н. Актуальные вопросы технического регулирования безопасности метрополитенов // Вестник Юридического института МИИТ. 2018. № 1 (21). С. 87-10. EDN: YUPIIS
10. Землин А. И., Пищелко А.В. Актуальные вопросы правового обеспечения транспортной безопасности // Материалы международной научной конференции "Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы". (В рамках Международного юридического форума). Новосибирск, 2019. С. 51-54. EDN: UHADEK
11. Землин А.И. Актуальные вопросы обеспечения транспортной безопасности в современной России // Транспортное право и безопасность. 2017. № 1(13). С. 6 - 11. [Электронный ресурс]. - URL: https://trans_safety_13.pdf. EDN: YKSZVZ
12. Землин А.И. Актуальные проблемы правового регулирования и организации контрольно-надзорной деятельности: учебник / коллектив авторов; под ред. А.И. Землина. - Москва: КноРус, 2023.
13. Землин А.И. Правовые проблемы обеспечения транспортной безопасности: монография / под общ.ред. А. И. Землина; предисл. Н. А. Духно.: монография. М.: ЮИ МИИТ, 2018. ISBN: 978-5-7876-0302-6 EDN: SDAJII
14. Землин, А.И. Управление рисками безопасного использования высокоавтоматизированных транспортных средств в мегаполисе: системно-правовой анализ / А.И. Землин, М.А. Матвеева, Е.В. Гоц // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 3 (106). С. 115-122. DOI: 10.30932/1992-3252-2023-21-3-11 EDN: QTZKJM
15. Землин А.И. Правовые средства обеспечения безопасности использования беспилотных автомобилей в мегаполисе / А.И. Землин. НИР: грант № 22-28-20334. Российский научный фонд. 2022.
16. Землин А.И., Гоц Е.А., Матвеева М.А., Торшин А.А. Противодействие распространению коронавирусной инфекции COVID-19 в мегаполисах с использованием беспилотных автомобилей: опыт, правовые и организационные аспекты // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. Том 14, № 6, 2022. С. 455-483. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-6-455-483 EDN: VOMTKE
17. Землин, А. И. Некоторые аспекты обеспечения безопасности на транспорте в условиях распространения инфекционных заболеваний (на примере пандемии коронавирусной инфекции COVID-19) / А.И. Землин // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 15-29. EDN: UIALYN
18. Землин, А.И. Организационно-правовые основы функционирования транспортной системы в условиях сложной эпидемиологической обстановки: учебник / А.И. Землин, О.М. Землина, М.В. Кленов, О.С. Опёнышев, И.В. Холиков. Москва: РУСАЙНС, 2020. ISBN: 978-5-4365-6523-1 EDN: OPUWYG
19. Землин, А.И. Проблемы обеспечения безопасной эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств с использованием потенциала публичного и частного права // Землин А.И. Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 2 (105). С. 54-60. DOI: 10.30932/1992-3252-2023-21-2-6 EDN: LUMNTS
20. Bagreeva E. G., Zemlin A. I., Shamsunov S. Kh. Environmental Safety Conditions in the Transport Sector by Improving the Culture of Lawmaking. Ekoloji, 2019, T. 28. № 107.P. 4071-4076. EDN: LZIWEC
21. Bagreeva E. G., Zemlin A. I., Shamsunov S. Kh. Does Environmental Safety Depend Upon the Legal Culture of Transport Specialists? Ekoloji, 2019, Issue 107, Pages: 4961-4965. EDN: ISIPID
22. Kharlamova, Y., Pishchelko, A., Zemlin, A. Problems of realisation of public oversight in the field of transport counterterrorism policy. Kutafin University Law Review, 2020, Vol. 7, Iss. 1, pp. 67-78. 10.17803/2313- 5395.2020.1.13.067-078. DOI: 10.17803/2313-5395.2020.1.13.067-078 EDN: YSCBWQ

References:

1. Baltovsky A. S. Organizational and legal foundations of the activities of internal affairs bodies in the context of extraordinary administrative and legal regimes: abstract of the dissertation of the Candidate. jurid. sciences'. Saratov, 2006.
2. Safety of unmanned aerial vehicles: informational, functional and criminal-legal aspects: a monograph / edited by A. I. Chuchayev. Moscow: Kontrakt Law Firm LLC, 2022.
3. Belozerov, V.L. Actual problems of legal provision of transport safety and control (supervisory) activities in transport: monography / V.L. Belozerov, S.V. Borisova, A.I. Zemlin, O.M. Zemlina, V.M. G.Yu. Koryakin, Leshchov / edited by A.I. Zemlin - Moscow: Rusains Publishing House, 2024. ISBN: 978-5-406-13581-5 EDN: PKLEYH
4. Bondarenko, N.L. The legal regime of transport ecosystems based on the principles of functioning of artificial intelligence / N.L. Bondarenko, Yu.G. Konanovich, A.I. Zemlin // The world of transport. 2024. Volume 22. No. 1 (110) Pp. 50-57 DOI: 10.30932/1992-3252-2024-22-1-7 EDN: DYOWDQ
5. Brykin D. M. Restrictions on the constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation under special legal regimes: abstract of the dissertation of the Candidate. jurid. nauk. M., 2010. EDN: QHHZDB
6. Dukhno N. A., Zemlin A. I., Khimich T. M., Filippova M. Yu., Rasulov A.V., Gots E. V., Zemlina O. M., Matveeva M. A., Pishchelko A.V., Melnikova Yu.V., Borisova S. V., Mamonova M. V., Melnikov V. S., Openyshev O. S. Petrov Yu. I., Kharlamova Yu. A. Transport law. Textbook. Moscow: Yurayt, 2020. Ser. 76 Higher education (2nd ed., trans. and add.).
7. Zemlin A. I. Administrative and legal aspects of ensuring transport security // National security and strategic planning. 2019 No. 4 (28). pp. 10-14. EDN: NQCSSP
8. Zemlin A. I. Technical regulation in the system of administrative and legal support for transport security (on the example of railway transport) // Yuridicheskaya nauka, 2019. No. 6. pp. 57-64. EDN: XDEYFD
9. Zemlin A. I., Zemlina O. M., Shvydchenko O. N. Actual issues of technical regulation of subway safety // Bulletin of the MIIT Law Institute. 2018. No. 1 (21). pp. 87-10. EDN: YUPIIS
10. Zemlin A. I., Pishchelko A.V. Actual issues of legal provision of transport safety // Proceedings of the international scientific conference "Combating Economic Offenses: legal, procedural and criminalistic problems". (Within the framework of the International Legal Forum). Novosibirsk, 2019. pp. 51-54. EDN: UHADEK
11. Zemlin A.I. Actual issues of ensuring transport security in modern Russia // Transport law and security. 2017. No. 1(13). pp. 6-11. [Electronic resource]. - URL: https://trans_safety_13.pdf. EDN: YKSZVZ
12. Zemlin A.I. Actual problems of legal regulation and organization of control and supervisory activities: textbook / collective of authors; edited by A.I. Zemlin. - Moscow: KnoRus, 2023.
13. Zemlin A.I. Legal problems of ensuring transport safety: a monograph / under the general editorship of A. I. Zemlin; preface by N. A. Dukhno.: monograph. Moscow: Law Institute MIIT, 2018. ISBN: 978-5-7876-0302-6 EDN: SDAJII
14. Zemlin, A.I. Risk management for the safe use of highly automated vehicles in a megalopolis: system-legal analysis / A.I. Zemlin, M.A. Matveeva, E.V. Gotz // The world of transport. 2023. Vol. 21. No. 3 (106). pp. 115-122. DOI: 10.30932/1992-3252-2023-21-3-11 EDN: QTZKJM
15. Zemlin A.I. Legal means of ensuring the safety of the use of unmanned vehicles in a megalopolis / A.I. Zemlin. Research and development: grant No. 22-28-20334. Russian Science Foundation. 2022.
16. Zemlin A.I., Gotz E.A., Matveeva M.A., Torshin A.A. Countering the spread of coronavirus infection COVID-19 in megacities using self-driving cars: experience, legal and organizational aspects // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. Volume 14, No. 6, 2022. pp. 455-483. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-6-455-483 EDN: VOMTKE
17. Zemlin, A. I. Some aspects of ensuring transport safety in the context of the spread of infectious diseases (using the example of the COVID-19 coronavirus pandemic) / A.I. Zemlin // Military law. 2020. No. 6 (64). pp. 15-29. EDN: UIALYN
18. Zemlin, A.I. Organizational and legal foundations of the functioning of the transport system in a complex epidemiological situation: textbook / A.I. Zemlin, O.M. Zemlina, M.V. Klenov, O.S. Openyshev, I.V. Holikov. Moscow: RUSAINS, 2020. ISBN: 978-5-4365-6523-1 EDN: OPUWYG
19. Zemlin, A.I. Problems of ensuring the safe operation of highly automated vehicles using the potential of public and private law // Zemlin A.I. The world of transport. 2023. Vol. 21. No. 2 (105). pp. 54-60. DOI: 10.30932/1992-3252-2023-21-2-6 EDN: LUMNTS
20. Bagreeva E. G., Zemlin A. I., Shamsunov S. Kh. Environmental Safety Conditions in the Transport Sector by Improving the Culture of Lawmaking. Ekoloji, 2019, vol. 28. No. 107.Pp. 4071-4076. EDN: LZIWEC
21. Bagreeva E. G., Zemlin A. I., Shamsunov S. Kh. Does Environmental Safety Depend Upon the Legal Culture of Transport Specialists? Ekoloji, 2019, Issue 107, Pages: 4961-4965. EDN: ISIPID
22. Kharlamova, Y., Pishchelko, A., Zemlin, A. Problems of realisation of public oversight in the field of transport counterterrorism policy. Kutafin University Law Review, 2020, Vol. 7, Iss. 1, pp. 67-78. 10.17803/2313- 5395.2020.1.13.067-078. DOI: 10.17803/2313-5395.2020.1.13.067-078 EDN: YSCBWQ

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_122

УДК 336.1

РОЛЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ, КАК СРЕДСТВА ПЛАТЕЖА THE ROLE OF ELECTRONIC MONEY AS A MEANS OF PAYMENT

ЦЕЛЬНИКЕР Григорий Феликсович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин,
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет» (ФГОУ ВО «СГЭУ»);
443090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: grigorij-celniker@ya.ru;

РОДИНА Анастасия Павловна,

студент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин,
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет» (ФГОУ ВО «СГЭУ»);
443090, Россия, Самарская обл., г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141.
E-mail: an_korchagina@bk.ru;

TSELNICKER Grigory Feliksovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Samara State University of Economics" (FGOU VO "SGEU").
443090, Russia, Samara region, Samara, Sovetskaya Armiya str., 141.
E-mail: grigorij-celniker@ya.ru;

RODINA Anastasia Pavlovna,

student of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Samara State University of Economics" (FGOU VO "SGEU").
443090, Russia, Samara region, Samara, Sovetskaya Armiya str., 141.
E-mail: an_korchagina@bk.ru

Краткая аннотация: Значимость темы электронных денег в современном мире обусловлена постоянно развивающимися способами совершения платежей. Платежные системы продолжают эволюционировать, предоставляя пользователям всё более удобные и разнообразные методы осуществления финансовых операций. С каждым годом появляются инновационные формы расчетов, что делает процесс платежа удобнее и доступнее для широкого круга потребителей. На фоне этой динамики особое место занимают электронные деньги, которые уже стали неотъемлемой частью финансовой системы и образа жизни людей. В рамках предстоящей статьи будет проведен разбор уникальных черт электронных денежных средств, выделены ключевые преимущества этой платёжной формы, а также отмечены существующие недостатки и обсуждены потенциальные направления развития в данной области.

Abstract: The importance of the topic of electronic money in today's world is due to the constantly evolving ways of making payments. Payment systems continue to evolve, providing users with more convenient and diverse methods of performing financial transactions. Every year, innovative forms of payment appear, which makes the payment process more convenient and accessible to a wide range of consumers. Against the background of this dynamic, electronic money occupies a special place, which has already become an integral part of the financial system and people's way of life. As part of the upcoming article, the unique features of electronic money will be analyzed, the key advantages of this payment form will be highlighted, as well as existing disadvantages and potential development directions in this area will be discussed.

Ключевые слова: электронные денежные средства, общество, инструмент, эволюционное развитие, денежная купюра.

Keywords: electronic money, society, instrument, evolutionary development, banknote.

Для цитирования: Цельникер Г.Ф., Родина А.П. Роль электронных денег, как средства платежа // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 122-125. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_122.

For citation: Tselniker G.F., Rodina A.P. The role of electronic money as a means of payment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 122-125. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_122.

Статья поступила в редакцию: 22.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В последние десятилетия мир финансов переживает настоящую революцию, обусловленную широким внедрением цифровых технологий. Электронные денежные средства (ЭДС) становятся все более популярными, они значительно упрощают ряд операций, предоставляя пользователям новые возможности и гибкость в управлении их финансами. В России этот тренд также набирает обороты, меняя традиционные подходы к финансовому обороту [3].

Наряду с положительными факторами присутствуют и неурегулированные в правовом пространстве вопросы, с которыми сталкиваются как обычные граждане, так и профессиональные участники финансового рынка. К таким актуальным вопросам относится отсутствие организационной системы правового регулирования данной сферы делает её почти неподконтрольной государству, отсутствие базы знания граждан правильного использования денежных средств, низкий уровень безопасности некоторых банковских систем, нестабильность интернета в некоторых регионах Российской Федерации.

В современной экономике России электронные денежные средства являются актуальным финансовым инструментом и представлены в виде цифровых эквивалентов рубля или валюты других стран. Особенностью таких средств является то, что их обращение происходит вне банковского счета и передача осуществляется посредством электронных платёжных систем, что делает их формой безналичного расчёта. Эти инновационные финансовые ресурсы соответствуют пятому этапу в развитии платёжных методов [7].

Классификация электронных денежных средств включает в себя: криптовалюту, игровую валюту, цифровые денежные средства, хранимые в банках. Электронные средства платежа, в числе которых электронные кошельки и prepaid банковские карты, обеспечивают удобный доступ к финансовым операциям через компьютеры и мобильные устройства, предлагая потребителям гибкие и адаптивные инструмен-

ты для управления средствами.

На основе Федерального закона №161-ФЗ, принятого 27 июня 2011 года и касающегося национальной платежной системы, электронные денежные средства (ЭДС) определены как деньги, заранее переданные от одного участника другому, осуществляющему учёт размера этих средств без создания банковского счета. Эти средства предназначены для выполнения финансовых обязательств перед третьими лицами. Владелец ЭДС сохраняет право на управление этими средствами исключительно через электронные платёжные системы [1].

Только кредитные учреждения, которые официально уведомили Банк России о своих операциях по переводу ЭДС, имеют право на предоставление услуг в данной области и называются операторами ЭДС. Банк России ведет и предоставляет общедоступный список таких операторов на своем официальном веб-сайте.

Рынок электронных денег в России развивается динамично. По данным различных исследований, объем операций с использованием ЭДС увеличивается ежегодно. Это связано с ростом интернет-покупок, развитием электронной коммерции и появлением новых технологических решений в сфере цифровых платежей [5].

Одним из ключевых факторов, влияющих на распространение ЭДС в России, является снижение издержек на банковские услуги, удобство и скорость транзакций, а также возрастающее доверие к электронным платформам со стороны населения.

В России функционирование систем ЭДС регулируется Федеральным законом от 27 июня 2011 года N 161-ФЗ «О национальной платежной системе», который описывает основные принципы и правила работы с электронными деньгами. Регулирование этой сферы сосредоточено в руках Центрального банка Российской Федерации, который выдает лицензии на осуществление деятельности с электронными денежными средствами, контролирует соблюдение правил и стандартов.

На российском рынке операции с электронными деньгами осуществляются через различные платформы и сервисы, такие как Яндекс.Деньги (сейчас ЮMoney), WebMoney, QIWI и PayPal. Клиенты могут использовать ЭДС для оплаты товаров и услуг в интернете, пополнения баланса мобильного телефона, оплаты коммунальных услуг или перевода средств другим лицам [4].

Развитие блокчейн-технологий и их интеграция в сферу финансов также существенно влияет на экосистему электронных денег в России. Блокчейн предоставляет улучшенную безопасность транзакций и прозрачность, что находит положительный отклик у пользователей.

Ключевым аспектом использования ЭДС является обеспечение безопасности транзакций. Регуляторы и разработчики платежных систем уделяют большое внимание защите данных клиентов, используя современные методы шифрования и аутентификации.

Электронные денежные средства обладают рядом значительных преимуществ, которые определяют их удобство и привлекательность:

1. Экономическая выгода: эмиссия электронных денег связана с меньшими затратами по сравнению с традиционными деньгами – издержки на производство бумажных или металлических банкнот, их изъятие из обращения и замену новыми отсутствуют.
2. Облегчение учета: поскольку отсутствует нужда физически пересчитывать валюту, все операции с электронными деньгами происходят автоматически и цифровым способом.
3. Безопасность транзакций: Управление и хранение электронных средств достаточно безопасно, особенно в сравнении с наличными, требующими сложной охраны и процессов инкассации.
4. Портативность: Электронные деньги не ограничены физическими параметрами, как вес и размер, что делает их легко переносимыми в любых масштабах.
5. Точность фиксации операций: Электронные платежные системы позволяют фиксировать транзакции до секунды, обеспечивая четкость идентификации сделок и точное время совершения платежей.
6. Снижение операционных издержек: Электронные деньги освобождают от потребности в их физическом счёте, сопровождении инкассаторов, а также отсутствует необходимость в обустройстве специализированных хранилищ, и это существенно сокращает расходы.
7. Долговечность: в отличие от физических носителей, электронные денежные средства сохраняют свои свойства на протяжении времени, не подвергаясь износу и старению [6].

Электронные денежные средства не лишены недостатков, некоторые из которых заслуживают особого внимания. Во-первых, несмотря на широкое распространение, отсутствует полностью укоренившийся и опробованный правовой механизм регулирования, который был бы признан во всеобщем масштабе. Кроме того, если носитель электронных денег подвергается уничтожению, возникает аналогичная наличным деньгам проблема невозможности возместить потерянные средства.

Проблема узнаваемости электронных денег тоже стоит на перечне минусов, так как без использования специализированных гаджетов трудно быстро определить, что именно представляют собой электронные средства, каковы их характеристики и актуальная стоимость.

Существующие методы криптографической защиты, несмотря на свою текущую надёжность, все еще находятся в процессе проверки временем, и их долгосрочная эффективность остается под вопросом.

Также нельзя игнорировать возможные риски конфиденциальности: персональная информация участников в электронном денежном обороте может быть доступна третьим лицам, находясь вне пространства банковской системы.

И, наконец, вопросы безопасности сложно недооценить – несмотря на все усилия, подтверждения полной защищенности от различных видов манипуляций и нарушений, таких как кража или подделка, пока недостаточно для гарантии полного спокойствия пользователей.

Взгляд на рынок электронных денежных средств (ЭДС) в России пронизан оптимизмом, чему способствуют тенденции технологическо-

го прогресса. С учетом активного развития интернета вещей и повышения степени автоматизации в машиностроении, ожидается не только улучшение существующих платёжных систем, но и дальнейший рост интереса к бесконтактным и цифровым способам расчетов.

В числе инноваций, которые предвидятся в России, стоит выделить введение цифрового рубля – перспективной формы электронных денег. Этот процесс уже запущен, и сегодня в стране действует пилотная программа, направленная на тестирование и адаптацию к новой виртуальной валюте.

На текущем этапе проект находится в расширяющейся фазе пилотирования, начиная с 1 сентября 2024 года. Прогнозируется, что к 1 июля 2025 года будет создана необходимая инфраструктура, которая позволит ведущим банковским учреждениям проводить операции с цифровым рублем. Это откроет новые возможности для удобства и безопасности платежей в электронной экономике России.

На финансовом поприще России происходят значимые изменения с вводом цифрового рубля, новаторской национальной цифровой валюты, которая займет свое место наряду с наличными средствами и денежными средствами на банковских счетах. Эта цифровая валюта представляет собой третью форму рубля, обеспечивая дополнительный вариант для осуществления платежей и межличностных переводов. Выбор формы расчетов – цифровой, наличной или безналичной – предоставляется в полном объеме на усмотрение граждан и организаций. Цифровой рубль предлагает сочетание характеристик физического и безналичного вариантов валюты, исходя из удобства и требований конкретной финансовой операции. Ценность всех трех форм рубля остается эквивалентной: один наличный рубль обменяется на один безналичный рубль и на один цифровой рубль равноценно. Этот равноправный курс гарантирует устойчивость системы и уверенность в обменных операциях. Ответственность за выпуск и обращение цифрового рубля возложена на Центральный банк Российской Федерации, который на протяжении многочисленных лет удерживает репутацию стабильного и надежного регулятора национальной валюты [8].

В цифровой экономике России цифровой рубль будет представлен в форме уникального кода, который будет основой для виртуального кошелька для хранения цифровой валюты индивидуальными и корпоративными пользователями. Эти виртуальные кошельки можно будет открыть непосредственно через специально разработанную платформу Центрального банка Российской Федерации, способствуя, таким образом, централизованному контролю и безопасности средств. Все операции с цифровым рублем, будь то переводы или платежи, будут также осуществляться на этой же платформе.

Взаимодействие пользователей с их цифровыми кошельками будет интуитивно понятным и удобным, так как осуществлять доступ можно будет с помощью всем привычных цифровых каналов – через приложения банков или интернет-банкинг. Цифровой рубль дает возможность не только хранения и перевода средств, но и упрощает процесс покупки товаров и услуг: платежи можно будет совершать с помощью сканирования QR-кода продавца.

Функционал операций с цифровым рублем предполагается сделать аналогичным существующим способам расчетов, как например, переводы с карты на карту или через Систему быстрых платежей, а также платежи по QR-коду. Более того, открытие и использование цифрового кошелька станет возможным через приложения любых банков, у которых пользователи являются клиентами. При этом сам кошелек будет располагаться на платформе Центрального банка, что обеспечивает независимость от конкретных банковских институтов и широкие возможности по выбору сервисного обслуживания.

Предполагается, что в 2025-2027 годах произойдет тиражирование цифрового рубля.

С 1 января 2021 года вступил в силу Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ, в котором, к сожалению, нет даже упоминания о таких терминах, как «криптовалюта» и «платформа блокчейн» [2].

Это вносит определенные неясности о соотношении двух понятий «криптовалюта» и «цифровой валюты».

Сегодня в России много практических примеров внедрения «Платформы блокчейн». Достаточно удачно ей пользуется, например, ПАО Сбербанк — для учёта ипотечных закладных и других ценных бумаг, крупнейшая частная авиакомпания России S7 Airlines — для продажи авиабилетов без посредников и т.д.

Но распространенная и применяемая на практике цифровая технология «Платформа блокчейн» не упоминается ни в одном федеральном законе, в том числе и вышеупомянутом. Из-за отсутствия данного понятия прослеживается пробел, который мешает правоприменителям, в том числе и судебным органам качественно урегулировать споры, предметом которых являются отношения, где применяются эти технологии.

В связи с этим, предлагаем законодательно закрепить данное понятие в Федеральный закон № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

Предлагаем следующее определение:

««Платформа блокчейн» - реестр для хранения, приобретения и передачи цифровых активов, записи которых хранятся между собой специальными ключами, предполагаемой собой цепочку блоков».

Таким образом, электронные денежные средства используются уже повсеместно в Российской Федерации. ЭДС становятся неотъемлемой частью финансовой жизни современной России, продолжая эволюционировать и давать новые возможности, как для повседневных покупок, так и для бизнеса и государственных расчетов. Их интеграция в различные сферы экономики является свидетельством трансформации национальной платежной системы и вектором ее дальнейшего развития.

Развитие информационных технологий ведет к тому, что будут создаваться похожие инструменты и сервисы, которые будут объеди-

нять всевозможные технологии, тем самым давая электронным денежным средствам эволюционировать.

Можно предполагать, что произойдет качественное улучшение интерфейсов банковских приложений и иных сервисах, где имеются электронные денежные средства и то, что будет сформировано новое законодательство, которое будет контролировать данную область и делает более прозрачным и эффективным использование электронных денежных средств.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. N 161-ФЗ "О национальной платежной системе" // Российская газета от 30 июня 2011 г. N 139.
2. Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
3. Бочкова, Т. А. Особенности развития российского рынка электронных денег / Т. А. Бочкова // Вестник Академии знаний. - 2023. - № 4(57). - С. 378-385. EDN: JJMUCV
4. Гуркова, Д.О. Современное состояние и перспективы развития электронных платежных систем в России / Д.О. Гуркова // Молодой ученый. - 2020. - № 28 (318). - С. 241-246. EDN: OZBNXI
5. Дроздов, В. Д. Электронные денежные средства в современной Российской Федерации / В. Д. Дроздов, К. В. Машонкина, М. Н. Степанова // Молодой ученый. - 2022. - № 21(416). - С. 511-512. EDN: UGPFCC
6. Рожкова, А. Н. Электронные денежные средства в России / А. Н. Рожкова // Социальные и коммуникационные проблемы современного общества, 2023. - С. 79-81. EDN: ZTSLFN
7. Рыбалкина, Ю. Д. Проблемные аспекты и перспективы использования электронных денежных средств / Ю. Д. Рыбалкина // Тенденции развития науки и образования. - 2023. - № 93-5. - С. 101-103;. DOI: 10.18411/trnio-01-2023-253 EDN: PYVKKE
8. Шпак, К. Р. Электронные денежные средства в современной Российской Федерации / К. Р. Шпак // Молодой учёный, 2024. - С. 78-81. EDN: AJAQKV

References:

1. Federal Law No. 161-FZ dated June 27, 2011 "On the National Payment System" // Rossiyskaya Gazeta No. 139 dated June 30, 2011;
2. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/31/2020 No. 259-FZ // SPS ConsultantPlus;
3. Bochkova, T. A. Features of the development of the Russian electronic money market / T. A. Bochkova // Bulletin of the Academy of Knowledge. - 2023. - № 4(57). - Pp. 378-385;
4. Gurkova, D.O. The current state and prospects of development of electronic payment systems in Russia / D.O. Gurkova // Young scientist. - 2020. - № 28 (318). - Pp. 241-246;
4. Drozdov, V. D. Electronic money in the modern Russian Federation / V. D. Drozdov, K. V. Mashonkina, M. N. Stepanova // Young Scientist. - 2022. - № 21(416). - Pp. 511-512;
5. Rozhkova, A. N. Electronic money in Russia / A. N. Rozhkova // Social and communication problems of modern society, 2023. - pp. 79-81;
6. Rybalkina, Yu. D. Problematic aspects and prospects of using electronic money / Y. D. Rybalkina // Trends in the development of science and education. - 2023. - No. 93-5. - pp. 101-103;
7. Shpak, K. R. Electronic money in the modern Russian Federation / K. R. Shpak // Young Scientist, 2024. - pp. 78-81;

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВА НА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА СЛУЖЕБНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

LEGAL PROTECTION OF THE RIGHT TO REMUNERATION FOR THE OFFICIAL RESULT OF INTELLECTUAL ACTIVITY, AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

ФОМИНА Татьяна Федоровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности ОВД

Санкт-Петербургского университета МВД России.

ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.

E-mail: fatzoes@yandex.ru;

FOMINA Tatiana Fedorovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Affairs

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.

E-mail: fatzoes@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье автор раскрывает место права на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности в системе интеллектуальных прав и его значение, как важнейшего фактора инновационного развития. Автор приходит к выводу, что эффективным средством защиты права на вознаграждение за служебное произведение является институт административной ответственности. Автор предлагает проект изменений в действующее законодательство, которые установят административную ответственность за нарушение права на вознаграждение за служебное произведение, служебный объект смежных прав или служебный объект патентных прав.

Abstract: in the article, the author reveals the place of the right to remuneration for the official result of intellectual activity in the system of intellectual rights and its importance as the most important factor of innovative development. The author comes to the conclusion that the institute of administrative responsibility is an effective means of protecting the right to remuneration for an official work. The author proposes draft amendments to the current legislation that will establish administrative liability for violation of the right to remuneration for an official work, an official object of related rights, or an official object of patent rights.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; интеллектуальные права; служебное произведение; служебное изобретение; инновационное развитие; публично-правовые средства; административная ответственность.

Keywords: intellectual property; intellectual rights; official product; official invention; innovative development; public legal means; administrative responsibility.

Для цитирования: Фомина Т.Ф. Правовая защита права на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, как фактор инновационного развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 126-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_126.

For citation: Fomina T.F. Legal protection of the right to remuneration for the official result of intellectual activity, as a factor of innovative development // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 126-128. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_126.

Статья поступила в редакцию: 19.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

На сегодняшний день в качестве одной из стратегических задач, стоящих перед Российской Федерацией, выступает построение инновационной экономики, основанной на всестороннем внедрении и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. Данная задача обусловлена как зависимостью в области технологий¹, так и общемировыми историческими обстоятельствами – вступлением в завершающий этап четвертой научно-технической революции.

Инновационное развитие государства, обозначенное в качестве приоритета на уровне целого ряда документов стратегического планирования, предполагает создание результатов интеллектуальной деятельности и их последующее внедрение в экономическую, управленческую, научно-исследовательскую, образовательную, культурно-просветительскую и иную социальную практику. В этом смысле интеллектуальная собственность представляет собой важнейший объект правовой охраны.

Соотношение категорий «интеллектуальные права» и «интеллектуальная собственность» является предметом дискуссий, которые не утихают среди цивилистов на протяжении длительного времени. Описываемая дискуссия зародилась в юридической науке еще в середине XIX века. В указанный период, который характеризовался интеллектуально-творческим и научным подъемом, противники правового закрепления такой категории, как «интеллектуальная собственность», которая в тот момент была воспринята законодателем многих развитых государств и вмонтирована в важнейшие международно-правовые акты, подвергали такое положение вещей серьезной критике. Основной их лейтмотив заключался в том, что интеллектуальная собственность – это «не собственность» в классическом вещном понимании, а совокупность интеллектуальных прав на нематериальные по своей сути результаты интеллектуальной деятельности.

Тем не менее, в нашей стране термин «интеллектуальная собственность» закреплён в ст. 44 Конституцией РФ. Не углубляясь в дис-

¹ См., например: Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2014, N 52 (часть 1), ст. 7753; Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 N 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 29.05.2023, N 22, ст. 3964.

куссию относительно содержания понятия интеллектуальная собственность, условимся, что ниже категории «интеллектуальная собственность» и «интеллектуальные права» будут использоваться в том контексте, в каком они применяются в тексте части 4 ГК РФ: результаты интеллектуальной деятельности и интеллектуальная собственность – понятия синонимичные. На результаты интеллектуальной деятельности (или – интеллектуальную собственность) у предусмотренных законом субъектов возникает комплекс интеллектуальных прав, которые дифференцируются на три категории: исключительное право, личные неимущественные права и так называемые – иные интеллектуальные права, к числу которых, в частности, относится право на вознаграждение за создание служебного произведения (ст. 1295 ГК РФ), служебного изобретения (1370 ГК РФ) и др.

Например, в соответствии со ст. 1295 ГК РФ служебным признается произведение, созданное в пределах трудовых обязанностей работника. По общему правилу исключительное право на служебное произведение принадлежит работодателю. Если работодатель в течение трех лет не приступит к использованию произведения, то исключительное право переходит к автору. В случае же использования произведения работодателем у автора возникает право на вознаграждение. Размер такого вознаграждения определяется гражданско-правовым договором между работодателем и автором служебного произведения, а в случае спора – судом. Обратим внимание так же на то, что право на вознаграждение за служебное произведение неотчуждаемо. Аналогичные правовые режимы с отдельными нюансами предусмотрены и в отношении права на вознаграждение за служебные результаты интеллектуальной деятельности иного типа (изобретения, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем и др.).

Право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности выполняет важную с точки зрения инновационного развития стимулирующую функцию. Согласимся с Н.А. Кулаковым в том, что, находясь в трудовых отношениях и добросовестно выполняя необходимый минимум своих трудовых обязанностей, работники получают фиксированную оплату труда в соответствии с трудовым договором и законодательством. В такой ситуации для работников отсутствуют стимулы прилагать больше творческих усилий к выполнению своих трудовых обязанностей. Право на вознаграждение за служебное произведение – как раз и является одним из способов стимулирования работников в этом смысле¹.

При этом, очевидно, что авторы служебных результатов интеллектуальной деятельности находятся в заведомо уязвимом положении перед работодателем в контексте применения частноправовых средств защиты. В этой связи, возрастает роль публично-правовых средств защиты данного интеллектуального права, равно как и интеллектуальных прав в целом, о чем неоднократно писали отдельные авторы².

В частности, эффективным направлением правовой защиты права на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности видится институт административной ответственности. Отметим, что действующее законодательство об административных правонарушениях предусматривает ответственность за посягательство на четыре группы интеллектуальных прав: авторские права; смежные права; патентные права; исключительное право на средства индивидуализации товаров.

В отношении авторских, смежных и патентных прав (ст. 7.12 КоАП РФ) необходимо отметить, что законодательством об административных правонарушениях охраняются не только исключительное право на соответствующие нематериальные объекты (то есть наиболее важное с экономической точки зрения право разрешать или запрещать использование объекта авторских, смежных или патентных прав), но также личные неимущественные (право авторства, право автора на имя), а также отдельные так называемые иные права (например, право следования – в отношении авторских прав, право на получение патента – в отношении патентных прав). При этом, если личные неимущественные и иные авторские и смежные права охраняются в полном объеме, то к числу личных неимущественных и иных патентных прав, охраняемых законодательством об административных правонарушениях, относятся только право на получение патента, право на сохранение сведений об объекте патентования в тайне до их официального опубликования в рамках регистрационного производства и некоторые другие.

Вместе с тем, буквальное толкование частей первой и второй ст. 7.12 КоАП РФ приводит к выводу, что право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности, как важнейшая с точки зрения инновационного развития разновидность интеллектуальных прав, институтом административной ответственности не охраняется. Часть первая ст. 7.12 КоАП РФ могла бы охватывать рассматриваемое интеллектуальное право, если бы диспозиция соответствующей правовой нормы не предусматривала цели в виде извлечения дохода (нарушение права на вознаграждение за служебное произведение, хотя и может быть совершено из корыстных побуждений, но такие действия нельзя признать действиями, совершенными с целью извлечения дохода). Что же касается второй части анализируемой статьи, то её диспозиция, в принципе, не охватывает право на вознаграждение за служебное изобретение.

Подводя итог, еще раз отметим, что право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности выполняет важную с точки зрения инновационного развития стимулирующую функцию. Ключевым субъектом инноваций является именно автор (изобретатель, создатель) результата интеллектуальной деятельности, который, в дальнейшем, внедряется в экономический оборот, ложится в основу социально-культурного развития, даёт иные многочисленные общественно-полезные эффекты. Поэтому важно оберегать не только исключительное право, переходящее от автора к правообладателю служебного результата интеллектуальной деятельности, но и, не в меньшей степени,

¹ Кулаков, Н. А. Институт административной ответственности как способ защиты права на вознаграждение за служебные произведения / Н. А. Кулаков // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4(89). – С. 49 / С. 48-53.

² Агамагомедова, С. А. Административно-правовые аспекты защиты интеллектуальных прав / С. А. Агамагомедова, А. В. Самарин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2016. – № 1(17). – С. 32-37; Хуртин, Д. О. Административно-правовое регулирование деятельности органов исполнительной власти в сфере интеллектуальной собственности : специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хуртин Дмитрий Олегович. – Нижний Новгород, 2017. – 241 с; Кулаков, Н. А. Контрольно-надзорная деятельность как направление административно-правовой охраны интеллектуальной собственности Российской Федерации / Н. А. Кулаков // Административное и муниципальное право. – 2018. – № 5. – С. 17-23.

интеллектуальные права главного креативного субъекта инноваций – автора.

В свете сказанного существенно возрастает роль публично-правовых средств защиты права на вознаграждение за служебное произведение, в том числе при помощи административной ответственности. С учетом изложенного выше, предлагаем дополнить ст. 7.12 КоАП РФ частью третьей, в которой установить административную ответственность за нарушение права на вознаграждение за служебное произведение, служебный объект смежных прав или служебный объект патентного права.

Список литературы:

1. Кулаков, Н. А. Институт административной ответственности как способ защиты права на вознаграждение за служебные произведения / Н. А. Кулаков // Актуальные проблемы российского права. - 2018. - № 4(89). - С. 48-53. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.89.4.048-053 EDN: XOUCMH
2. Агамагомедова, С. А. Административно-правовые аспекты защиты интеллектуальных прав / С. А. Агамагомедова, А. В. Самарин // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. - 2016. - № 1(17). - С. 32-37. EDN: VTYLOF
3. Хуртин, Д. О. Административно-правовое регулирование деятельности органов исполнительной власти в сфере интеллектуальной собственности: специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хуртин Дмитрий Олегович. - Нижний Новгород, 2017. - 241 с. EDN: XPODSP
4. Кулаков, Н. А. Контрольно-надзорная деятельность как направление административно-правовой охраны интеллектуальной собственности Российской Федерации / Н. А. Кулаков // Административное и муниципальное право. - 2018. - № 5. - С. 17-23. EDN: XYNTDF

References:

1. Kulakov, N. A. Institute of administrative responsibility as a way to protect the right to remuneration for official works / N. A. Kulakov // Current problems of Russian law. - 2018. - № 4(89). - Pp. 48-53. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.89.4.048-053 EDN: XOUCMH
2. Agamagomedova, S. A. Administrative and legal aspects of intellectual property rights protection / S. A. Agamagomedova, A.V. Samarin // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. - 2016. - № 1(17). - Pp. 32-37. EDN: VTYLOF
3. Khurtin, D. O. Administrative and legal regulation of the activities of executive authorities in the field of intellectual property: specialty 12.00.14 "Administrative law; administrative process": dissertation for the degree of Candidate of Law / Khurtin Dmitry Olegovich. Nizhny Novgorod, 2017. 241 p. EDN: XPODSP
4. Kulakov, N. A. Control and supervisory activities as a direction of administrative and legal protection of intellectual property of the Russian Federation / N. A. Kulakov // Administrative and municipal law. - 2018. - No. 5. - pp. 17-23. EDN: XYNTDF

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ PERSONAL DATA PROTECTION IN THE AGE OF BIG DATA

ДЖУРУК Дмитрий Сергеевич,

кандидат технических наук, начальник кафедры информационных технологий
Восточно-Сибирского института МВД России.

664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

E-mail: irkutsk.dmitriy@yandex.ru;

КОРШУНОВ Артём Викторович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России).

664011, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4.

E-mail: korshounov@mail.ru;

ПУШЕЧНИКОВ Александр Анатольевич,

преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел
Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина.

308019, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

E-mail: mr.uschiffer@vk.com;

DZHURUK Dmitriy Sergeevich,

Candidate of Technical Sciences, Head of the Department of Information Technology
at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

664074, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, st. Lermontov, 110.

E-mail: irkutsk.dmitriy@yandex.ru;

KORSHUNOV Artyom Viktorovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology
Irkutsk Institute (branch) VSU (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

664011, Russia, Irkutsk region, Irkutsk, Nekrasova str., 4.

E-mail: korshounov@mail.ru;

PUSHECHNIKOV Alexander Anatolyevich,

Lecturer at the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

71 Gorky Street, Belgorod, Russia, 308019.

E-mail: mr.uschiffer@vk.com

Краткая аннотация: с наступлением эпохи больших данных информационная среда, взаимодействие с которой стало повседневной обыденностью для людей, постепенно превращается в источник всесторонне собранной информации. Применение концепции анализа больших данных предоставляет уникальные возможности для улучшения развития различных отраслей промышленности в нашей стране и обеспечения высококачественных услуг пользователям сети. Вместе с тем, использование приложений, основанных на больших данных, влечет за собой серьезные риски безопасности личной информации. В статье проведен анализ основных характеристик процессов сбора и использования информации в контексте больших данных, а также выявлены основные угрозы для безопасности личной информации. Проведен комплексный анализ с учетом правовой защиты персональной информации. В заключении статьи представлены целевые меры по противодействию нарушениям правовых норм в области информационной безопасности. Предполагается, что эти меры постепенно смогут повысить уровень защиты персональных данных в больших объемах информации

Abstract: With the advent of the era of big data, the information environment, the interaction with which has become a daily routine for people, is gradually turning into a source of comprehensively collected information. The application of the concept of big data analysis provides unique opportunities to improve the development of various industries in our country and provide high-quality services to network users. At the same time, the use of big data-based applications entails serious risks to the security of personal information. The article analyzes the main characteristics of information collection and use processes in the context of big data, and identifies the main threats to the security of personal information. A comprehensive analysis taking into account the legal protection of personal information has been carried out. The article concludes by presenting targeted measures to counter legal breaches of information security. It is assumed that these measures can gradually improve the level of personal data protection in big data.

Ключевые слова: персональные данные, Big Data, цифровизация, кибербезопасность, утечка данных, информационная безопасность.

Keywords: personal data, Big Data, digitalization, cybersecurity, data leaks, information security.

Для цитирования: Джурук Д.С., Коршунов А.В., Пушечников А.А. Защита персональных данных в эпоху больших данных // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 129-132. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_129.

For citation: Dzhuruk D.S., Korshunov A.V., Pushechnikov A.A. Personal data protection in the age of big data // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 129-132. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_129.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В условиях активного процесса цифровизации и всеобщего распространения информационных технологий в современном обществе возникает необходимость эффективного решения комплекса вопросов, связанных с обеспечением безопасности персональных данных в контексте так называемого "большого" объема информации (Big Data). Важность данной проблематики обусловлена постоянным увеличением объемов собираемой и обрабатываемой информации, а также нарастающим числом и сложностью кибератак. Разработка концептуальных и нормативных подходов к защите персональных данных становится неотъемлемым элементом современных информационных систем и процессов.

Безопасность данных, согласно Закону о защите прав субъектов персональных данных (GDPR) в Европейском Союзе, включает в себя

применение технических и организационных мер для обеспечения должного уровня защиты персональной информации, предотвращения утраты, изменения и незаконного доступа к данным [1]. В Российской Федерации аналогичные обязательства закреплены в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹. С увеличением объема данных значимость обработки и обеспечения безопасности персональных данных становится критически важной, поскольку утечка или несанкционированное использование таких данных могут привести к серьезным последствиям для отдельных лиц и организаций. Поэтому разработка эффективных мер защиты персональных данных выступает в качестве приоритетной задачи, направленной на снижение рисков потери конфиденциальности и нарушения безопасности информации. В контексте вышеуказанных факторов, обеспечение безопасности персональных данных в условиях обработки больших объемов информации становится одним из основных вызовов в эпоху цифровизации. Решение этого вызова требует системного подхода и использования передовых технологий для обеспечения безопасности и конфиденциальности информации.

Персональные данные представляют собой информацию, связанную с конкретным физическим лицом, которое может быть идентифицировано как непосредственно, так и косвенно в соответствии с российским законодательством². Эти данные включают в себя различные категории, такие как биометрические данные (сканирование отпечатков пальцев, распознавание лиц, ДНК-информация), финансовые данные (кредитные рейтинги, банковские счета, транзакционные записи), контактные данные (телефонные номера, адреса электронной почты, физические адреса), демографические данные (возраст, пол, национальность, место рождения), поведенческие данные (история браузера, действия в социальных сетях, покупательские предпочтения) и медицинские данные (диагнозы, медицинские отчеты, данные страхования здоровья). В своей основе концепция больших данных (Big Data) обозначает обширные объемы информации, как структурированной, так и неструктурированной, которая постоянно генерируется различными источниками, включая социальные сети, датчики, мобильные приложения и другие цифровые платформы, в рамках Глобальной работы с данными в соответствии с законодательством³.

Источники больших данных представляют собой обширный и разнообразный набор данных, которые могут быть использованы в различных целях и отраслях. В настоящее время основными источниками данных являются социальные сети, такие как ВКонтакте и Одноклассники, которые генерируют огромный объем информации о поведенческих особенностях пользователей; мобильные приложения и устройства, собирающие данные о геолокации и использовании приложений; цифровые торговые площадки, обладающие информацией о товарных предпочтениях и покупательском поведении; а также финансовые институты, владеющие данными о финансовом положении граждан и их покупательской способности [2][3].

В данном контексте необходимо обратить внимание на проблемы и угрозы, связанные с хранением подобной информации. В свете повышенной конфиденциальности персональных данных основным риском при их хранении является возможность утечки. Утечка данных представляет собой незаконное раскрытие или передачу конфиденциальной информации, что может иметь серьезные последствия как для организаций, так и для частных лиц. Причины утечек данных могут быть разнообразными, включая внутренние угрозы, проявляющиеся в действиях недобросовестных сотрудников или небрежном отношении к безопасности данных, а также внешние атаки (кибератаки, взломы, фишинговые атаки) или технические сбои, связанные с уязвимостями программного обеспечения или неправильной конфигурацией серверов. Вопросы обеспечения информационной безопасности стали особенно актуальными после событий февраля 2022 года, когда компьютерные атаки перестали рассматриваться исключительно как преступные деяния и стали эффективным инструментом ведения кибервойн. В течение последних двух лет в России было зафиксировано более 660 миллионов случаев утечки информации [4][5].

Обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных требует комплексного подхода, который включает не только технологические, но и организационные меры. Одним из ключевых методов обеспечения безопасности является шифрование данных, которое позволяет эффективно скрыть информацию от несанкционированного доступа, обеспечивая тем самым конфиденциальность. Дополнительным важным аспектом защиты персональных данных является управление доступом. Путем четкого определения прав доступа к данным и внедрения соответствующих механизмов аутентификации можно предотвратить возможные утечки информации. Важно также обеспечить безопасность хранения данных, что включает в себя регулярное создание резервных копий данных и защиту от потенциальных кибератак. В контексте современной эпохи обработки больших данных важно не только применять технические меры безопасности, но также уделять внимание обучению персонала. Обученные сотрудники способны строго соблюдать установленные процедуры безопасности, тем самым снижая вероятность утечки конфиденциальных данных из-за человеческого фактора. Кроме того, соблюдение законодательных норм по защите персональных данных и применение соответствующих политик и процедур в организации играют ключевую роль. Таким образом, для обеспечения эффективной защиты персональных данных в условиях современного информационного общества необходимо сочетать технические, организационные и юридические меры. Только комплексный подход позволит гарантировать высокий уровень конфиденциальности и безопасности информации о пользователях в цифровой среде.

Законодательные инициативы и стандарты в области защиты персональных данных приобретают особую важность в условиях современного цифрового мира, где проблема конфиденциальности и безопасности личных данных становится все более острой в контексте быстрого

¹ Федеральный закон Российской Федерации "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 2006 г.

² Федеральный закон Российской Федерации "О персональных данных" от 08.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. 2006 г.

³ Федеральный закон Российской Федерации "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях" от 04.07.2014 № 242-ФЗ // Российская газета. 2014 г.

развития технологий и роста объема информации. Для решения этих вызовов законодатели по всему миру активно работают над созданием новых законов и стандартов, направленных на обеспечение защиты персональных данных. Одной из наиболее значимых инициатив в этой области является Общий регламент по защите данных (GDPR), принятый Европейским союзом. Вступление в силу данного регламента привело к существенным изменениям к требованиям в области обработки и хранения личных данных, устанавливая строгие стандарты конфиденциальности и обязательства для организаций по обеспечению защиты данных граждан.

Европейский регламент стал своего рода отправной точкой для разработки на его основе регионального законодательства о защите данных в ряде стран, направленные на обеспечение безопасности личной информации своих граждан. Например, в США принят закон о защите конфиденциальности детей в интернете (COPPA). Данный закон устанавливает правила сбора информации о несовершеннолетних в сети Интернет. Китай также внедрил собственный закон о кибербезопасности, который регулирует обмен и защиту критической информации. Аналогичные законы принимаются в Японии, Южной Корее, Индии и других странах [6][7][8]. В Российской Федерации в настоящее время действуют законы и нормативные акты, регламентирующие вопросы защиты персональных данных в условиях постоянного увеличения объема информации и развития технологий. К ним относятся Федеральный закон "О персональных данных" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". Однако, как показывает практика существует ряд определенных проблем в данной области. Прежде всего, многие операторы персональных данных не всегда соблюдают требования, установленные Федеральным законом "О персональных данных" [9].

Развитие цифровой экономики и использование больших данных имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, сбор и анализ больших данных позволяют организациям улучшать качество продуктов и услуг, а также оптимизировать внутренние организационные процессы. С другой стороны, подобная работа несет угрозу для частной жизни, поскольку большие объемы информации зачастую могут быть использованы без согласия субъектов персональных данных [10]. Для избежания нарушений в области обработки персональных данных в России необходимо ужесточать механизмы контроля за их защитой, обеспечивать осведомленность организаций и граждан о правилах работы с конфиденциальной информацией. Также крайне важно обеспечивать развитие технических средств защиты данных и стимулировать соблюдение законодательных требований в области информационной безопасности. Важную роль в обеспечении информационной безопасности и защиты прав граждан в цифровом мире играют анализ и постоянное совершенствование законодательства, регулирующего вопросы защиты персональных данных. В эпоху бурной цифровизации современного общества, необходимо постоянно следить за появлением новых технологий, методов и угроз, чтобы эффективно противостоять им и защищать персональные данные.

В свете постоянно растущего объема информации, с которым мы имеем дело, защита персональных данных становится все более важным аспектом. Развитие новых методов криптографии и шифрования представляет собой перспективное направление в обеспечении конфиденциальности информации. Усовершенствование существующих технологий шифрования повышает их надежность, обеспечивая высокий уровень защиты данных. Вместе с тем, появление квантовых технологий открывает новые горизонты для создания криптографических систем, стойких к взлому. Повышение осведомленности граждан в вопросах защиты персональных данных представляет собой ключевой аспект развития. Доступа к ним могут быть достигнуты через информирование и повышение грамотности в области информационной безопасности. Не менее важным является уделенное внимание созданию и внедрению современных стандартов защиты персональных данных. Законодательные нормы, регулирующие процессы сбора, хранения и обработки личной информации, играют значительную роль в обеспечении безопасности данных как в государственных структурах, так и в частном секторе.

В стремлении обеспечить конфиденциальность персональных данных необходимо ориентироваться на использование передовых технологий шифрования, повышение осведомленности пользователей и разработку новых стандартов безопасности [11]. Реализация этих мер позволит обеспечить надежную защиту личной информации в условиях постоянно растущего объема данных и угроз в области кибербезопасности.

В заключение, следует отметить, что обеспечение безопасности персональных данных в эпоху больших данных становится все более критически важной задачей. С развитием технологий и повсеместным проникновением цифровых технологий в общество, количество информации о людях, собираемой и обрабатываемой компаниями, будет неизбежно возрастать. Безусловно, это обстоятельство не только открывает новые перспективы для бизнеса и науки, но и представляет угрозы для частной жизни и безопасности граждан. Эффективная защита персональных данных требует комплексного подхода, включающего в себя установление соответствующие законодательной регламентации, повышение уровня информационной грамотности общества, разработку современных технологий шифрования и анонимизации данных, а также постоянное обновление систем защиты от кибератак и утечек информации. Кроме того необходимо, чтобы компании, занимающиеся сбором и обработкой персональных данных, осознавали свою ответственность и соблюдали прозрачные принципы использования этих данных. Необходимо стремиться к интеграции защиты персональных данных в бизнес-процессы и повседневную деятельность как для крупных организаций, так и для граждан. Учитывая стремительное развитие технологий и возрастающие возможности сбора и анализа данных, нарастает критическая важность повышения уровня осведомленности общества по вопросам безопасности персональных данных и активного участия в разработке норм и правил поведения в цифровой среде. Чтобы обеспечить надежную защиту частной информации и гарантировать гражданам право на конфиденциальность и безопасность, необходимо эффективное взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества.

Список литературы:

1. Т. А. Гиш, Н. В. Ржевская, А. С. Медведева Анализ законодательства разных стран по обеспечению защиты персональных данных // Auditorium. - 2023. - 4. - С. 29-34. EDN: RGZNYM
2. Родивилин И.П., Коломинов В.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с разглашением сведений о гражданах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2024. - 2(109). - С. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.26.72.022 EDN: ARPYWX

3. Чесалина, О. В. Защита персональных данных занятых лиц в условия цифровой экономики: сравнительно-правовой анализ законодательства и судебной практики Федеративной Республики Германия и Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии.. - 2020. - 3. - С. 245-255. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10092 EDN: JTVCFH
4. Вакутин А.А., Бархатова Е.Н. Сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России.. - 2024. - 2(109). - С. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.84.44.010 EDN: AQKJFU
5. Кузнецов, А. А. Проблемы реализации защиты персональных данных // Тенденции развития науки и образования. - 2024. - 107-5. - С. 101-104. DOI: 10.18411/trnio-03-2024-240 EDN: EOZJPZ
6. Саяпин С. П. О защите персональных данных потребителей товаров и услуг на цифровых платформах в США // Международный научно-исследовательский журнал. - 2024. - 3. - С. DOI: 10.23670/IRJ.2024.141.74 EDN: MYUGJM
7. Сустина Т. И. Европейский опыт правового обеспечения информационной безопасности детей - в поисках основополагающих принципов // Право и государство: теория и практика.. - 2022. - 1. - С. 156-159. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_156 EDN: ZFVBVV
8. Черняев, С. В. Развитие института защиты персональных данных в европейском союзе и Российской Федерации // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. - 2019. - 38. - С. 85-91. EDN: ZACJDV
9. Прохорова Т. Ю. К вопросу о нормативно-правовом регулировании защиты персональных данных // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - 1. - С. 318-325. EDN: VOWSNB
10. А. В. Губенко Вопросы защиты персональных данных личности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. - 2020. - 4. - С. 49-53. EDN: ZJCHRW
11. Шагапов И. Р. Защита персональных данных в условиях развития цифровой экономики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.. - 2023. - 1-3. - С. 153-155. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-1-3-153-155 EDN: DQKQXB

References:

1. T. A. Gish, N. V. Rzhetskaya, A. S. Medvedeva Analysis of the legislation of different countries on ensuring the protection of personal data // Auditorium. - 2023. - 4. - pp. 29-34. EDN: RGZNM
2. Rodivilin I.P., Kolominov V.V. Criminal and legal characteristics of crimes related to the disclosure of information about citizens // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - 2(109). - С. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.26.72.022 EDN: ARPYWX
3. Chesalina, O. V. Protection of personal data of employed persons in the digital economy: comparative legal analysis of legislation and judicial practice of the Federal Republic of Germany and the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy.. - 2020. - 3. - pp. 245-255. DOI: 10.24411/2227-7315-2020-10092 EDN: JTVCFH
4. Vakutin A.A., Barkhatova E.N. Comparative legal analysis of the norms on criminal liability for crimes in the field of information and telecommunication technologies // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.. - 2024. - 2(109). - С. DOI: 10.55001/2312-3184.2024.84.44.010 EDN: AQKJFU
5. Kuznetsov, A. A. Problems of personal data protection implementation // Trends in the development of science and education. - 2024. - 107-5. - pp. 101-104. DOI: 10.18411/trnio-03-2024-240 EDN: EOZJPZ
6. Sayapin S. P. On the protection of personal data of consumers of goods and services on digital platforms in the USA // International Scientific Research Journal. - 2024. - 3. - p. DOI: 10.23670/IRJ.2024.141.74 EDN: MYUGJM
7. Sustina T. I. The European experience of legal provision of information security for children - in search of fundamental principles // Law and the state: theory and practice.. - 2022. - 1. - pp. 156-159. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_1_156 EDN: ZFVBVV
8. Chernyaev, S. V. Development of the Institute of personal data protection in the European Union and the Russian Federation // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2019. 38. pp. 85-91. EDN: ZACJDV
9. Prokhorova T. Y. On the issue of regulatory regulation of personal data protection // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2016. - 1. - pp. 318-325. EDN: VOWSNB
10. A.V. Gubenko Issues of personal data protection // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2020. 4. pp. 49-53. EDN: ZJCHRW
11. Shagapov I. R. Protection of personal data in the context of the development of the digital economy // International Journal of Humanities and Natural Sciences.. - 2023. - 1-3. - pp. 153-155. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-1-3-153-155 EDN: DQKQXB

РОЛЬ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ THE ROLE OF POLICE PATROL AND POST SERVICE IN ENSURING PUBLIC SAFETY AND LAW AND ORDER IN THE RUSSIAN FEDERATION

ДЕЖУРНЫЙ Анатолий Алексеевич,

профессор кафедры административного права и административно-служебной деятельности органов внутренних дел, Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова, кандидат юридических наук.
680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.

E-mail: ert.74@mail.ru;

БОНДАРЕНКО Дина Максимовна,

слушатель факультета юриспруденции, Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова.
680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.

E-mail: ert.74@mail.ru;

DEZHURNY Anatoly Alekseevich,

Professor of the Department of Administrative Law and Administrative-Service Activities of Internal Affairs Bodies of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Candidate of Legal Sciences.

680020, Russia, Khabarovsk, lane 15 Kazarmenny street.

E-mail: ert.74@mail.ru;

BONDARENKO Dina Maksimovna,

student of the Faculty of Jurisprudence Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov.

680020, Russia, Khabarovsk, lane 15 Kazarmenny street.

E-mail: ert.74@mail.ru

Краткая аннотация: Существование патрульно-постовой службы уже на протяжении многих лет показывает свою высокую значимость и результативность. Ежедневно, злоумышленниками совершается большое количество противоправных и преступных деяний в разных сферах жизнедеятельности общества, и именно сотрудники ППС нередко оказываются первыми представителями исполнительной ветви власти, вступающими в контакт с теми гражданами, чьи охраняемые законом права и интересы были нарушены. Несомненно, подразделения ППС, призванные обеспечивать общественный порядок и безопасность, осуществляя данную деятельность на всей территории России, имеют особую ценность, как для граждан, так и для государства в целом. Статья посвящена рассмотрению особенностей несения службы сотрудниками патрульно-постовой службы, а также анализу ее эффективности на современном этапе.

Abstract: The existence of the patrol and post service has been demonstrating its high importance and effectiveness for many years. Every day, criminals commit a large number of illegal and criminal acts in various spheres of society, and it is the patrol and post service officers who are often the first representatives of the executive branch of government to contact those citizens whose rights and interests protected by law have been violated. Undoubtedly, the patrol and post service units, designed to ensure public order and safety, carrying out this activity throughout the territory of Russia, are of particular value both for citizens and for the state as a whole. The article is devoted to the consideration of the features of service by patrol and post service officers, as well as the analysis of its effectiveness at the present stage.

Ключевые слова: патрульно-постовая служба, общественный порядок, пресечение, полиция, пресечение.

Key words: patrol and post service, public order, suppression, police, suppression.

Для цитирования: Дежурный А.А., Бондаренко Д.М. Роль патрульно-постовой службы полиции в обеспечении общественной безопасности и правопорядка в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 133-135. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_133.

For citation: Dezhurny A.A., Bondarenko D.M. The role of police patrol and post service in ensuring public safety and law and order in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 133-135. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_133.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Жизнь современного человека неразрывно связана с понятием государства. Государство, являясь формой организации общества, охватывает все население страны и определяет деятельность отдельного гражданина или организованной группы граждан исходя из действующего законодательства. Все области жизни общества регламентируются соответствующими законодательными актами, в нашей стране разработанными на основе Конституции Российской Федерации, являющейся основным законом государства. Таким образом, человек находится в постоянном взаимодействии с государством, подчиняясь установленным нормам поведения [1].

В повседневной жизни гражданин чаще сталкивается с нормами административного и гражданского права, и, как правило, соблюдает их требования. Но взаимодействие гражданина с государством не ограничивается только этими нормами. В силу того, что далеко не все граждане добросовестно исполняют установленные законодателем нормы, регламентирующие взаимоотношения гражданина с государством и между собой, имеются случаи выхода за пределы этих норм и переход к конфликту с другими гражданами и государством на качественно новый уровень. Такие ситуации имеют ряд отличительных черт, главной из которых, принято считать общественную опасность и, соответственно, деяния, несущие в себе критерий общественной опасности, рассматриваются как наиболее угрожающие для жизни общества и государства, в результате чего регулируются нормами уголовного права. Для предотвращения таких действий и пресечения в случаях их практической реализации суще-

ствуют специализированные органы, в задачи которых входит поддержание общественного порядка, что подразумевает, прежде всего, оказание превентивного и пресекающего воздействия на нарушителей установленного правопорядка. Д.Д. Шегало рассматривает деятельность по поддержанию общественного порядка как деятельность уполномоченных субъектов по надзору за соблюдением действующей в определенной сфере законодательства и непосредственной защите благ и интересов граждан от преступных посягательств и административных проступков [2]. В нашей стране таким уполномоченным органом является полиция, чья деятельность регламентируется Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [3]. Стоит отметить, что все сотрудники органов внутренних дел законом наделены правами и обязанностями по защите и поддержанию правопорядка, однако, существуют специальные подразделения, для которых указанная деятельность является основной, то есть – их специализацией. Основным звеном поддержания общественного порядка выступает патрульно-постовая служба (далее – ППС). Именно сотрудники ППС с течением времени стали наиболее близкими представителями власти для граждан, что обусловлено спецификой их повседневной служебной деятельности и ежедневным взаимодействием с представителями различных социальных групп.

М.В. Сергеев в своем исследовании приводит следующие функциональные особенности ППС:

1. Специфика деятельности ППС заключается в направленности на обеспечение общественного порядка и безопасности в общественных местах, на улице, на транспорте и т.д.

2. Патрулирование сотрудниками происходит в форме специальных нарядов, которые формируются в соответствии с ведомственными нормативными правовыми актами, в частности, приказом МВД России от 28.06.2021 г. № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» [4].

3. Осуществляется преимущественно строевыми подразделениями полиции (однако, данный признак будет отсутствовать при привлечении к охране общественного порядка других подразделений) [5].

Приказом МВД России от 28.06.2021 г. № 495 определены основные функции и задачи патрульно-постовой службы. К ним относятся:

1. Обеспечение правопорядка на улицах, объектах транспорта и других общественных местах.

2. Обеспечение безопасности личности, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений на постах и маршрутах патрулирования.

3. Выявление на постах, маршрутах патрулирования и задержание лиц, совершивших преступления и скрывающихся от следствия и суда.

4. Оказание содействия подразделениям полиции, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

При выявлении признаков совершенного преступления или лиц его совершившего, действия сотрудника ППС направлены:

1. Принятие решительных мер к пресечению преступления.
2. Организацию преследования и задержания преступника.
3. Оказание первой помощи потерпевшим.
4. Обеспечение охраны места происшествия.
5. Поиск свидетелей происшествия.
6. Доклад о происшествии оперативному дежурному.

Немаловажным обстоятельством является то, что сотрудники ППС, находясь на маршрутах патрулирования, своим присутствием способствуют предотвращению преступлений и административных правонарушений. Лица с отклоняющимся поведением при виде сотрудников полиции, как правило, прекращают противоправные действия из-за опасения последствий. Кроме того сотрудники ППС имеют задачу активного наблюдения за территорией, на которой выполняют служебную деятельность, с целью выявления скрывающихся от полиции и потенциальных преступников [6].

Для реализации функции пресечения противоправных действий граждан сотрудники ППС имеют такие средства воздействия на нарушителей как меры непосредственного принуждения. Они включают в себя применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что регламентируется главой 5 Федерального закона «О полиции».

С целью обеспечения общественного порядка на закрепленной территории подразделения ППС имеют необходимые силы и средства. Силы подразделяются на основные или строевые части патрульно-постовой службы, дополнительные, приданные. Средства включают вооружение, снаряжение, спецсредства.

Однако, в процессе исполнения своих служебных задач, особое значение имеет взаимодействие сотрудников полиции с гражданами, государственными и общественными организациями. Обусловлено это, во многом, кадровой нехваткой сотрудников на протяжении длительного времени и недостаточностью материально-технического обеспечения действующих нарядов. Примером такого взаимодействия, имеющим исторические корни, служит формирование добровольных народных дружин, оказывающих содействие правоохранительным органам в процессе реализации их полномочий по охране общественного порядка. Такие дружины неоднократно показывали высокую результативность, о чем свидетельствует информация, предоставленная Главным управлением по обеспечению общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ [7]. В представленных сведениях указано, что в 2024 г. в региональные реестры включено более 10 тыс. народных дружин, в которые состоит 155,7 тыс. человек.

Деятельность дружинников заключается как в оказании содействия сотрудникам полиции по пресечению противоправных действий

непосредственно в моменте совершения преступления или административного правонарушения, так и в оказании превентивного воздействия на злоумышленников, а также в разъяснении норм закона. С участием народных дружин в 2024 г., удалось пресечь свыше 1,7 тыс. преступлений и 134,2 тыс. административных правонарушений, что говорит о положительных результатах консолидации полиции и общественных формирований.

Для выполнения такого рода работы, каждый представитель народной дружины перед тем как приступить к выполнению своих обязанностей, проходит теоретическую и практическую подготовку. Первая заключается в получении и закреплении знаний по вопросам, связанным с их направлениями деятельности, вторая же – для случаев, если возникнут ситуации, обязывающие члена дружины применить физическую силу или оказать первую помощь. Разумеется, так как участники таких общественных объединений, ежедневно находятся в зоне риска наступления реальной опасности для их жизни и здоровья, каждый из них имеет специальные льготы в виде страхования, а также различные материальные поощрения, такие как: бесплатный проезд на всех видах городского транспорта в дежурные дни и бесплатную специальную подготовку.

С течением времени, степень участия общества в правоохранительной деятельности, особенно, направленной на повышение уровня общественного порядка и безопасности, возрастает. На примере добровольных народных дружин, мы видим, что деятельность их представителей не только включается в себя лишь вспомогательную функцию, но и сами граждане способны оказывать достойное противодействие в борьбе с распространением административных правонарушений и преступлений. В случае ППС, это оказывает весьма сильное влияние на улучшение качества их работы, а также доброжелательного взаимодействия с гражданами. Это имеет особую значимость и в связи с действующим некомплектотом сотрудников. Общественные организации, имеющие уклон на осуществление правоохранительной деятельности, хоть и не являются полноценным решением проблемы с отсутствием кадров, но тесно связаны с ее разрешением.

Государство, гарантирующее соблюдения прав и свобод граждан, неминуемо сталкивается с вызовами внутри общества, обусловленные различными причинами. Часть населения в силу врожденных или приобретенных причин тяготеет к отклоняющемуся поведению. При отсутствии должного контроля со стороны государства, число таких личностей возрастает и усиливает влияние на окружающих. Единственно возможными вариантами противодействия являются меры профилактики и пресечения. Именно в этих случаях на пути гражданина, ставшего на путь противоправной деятельности, возникают уполномоченные государством структуры, из которых чаще всего, подразделения патрульно-постовой службы полиции. Именно они несут наибольшую нагрузку в борьбе с преступностью и правонарушениями на территориях, на которых осуществляют служебную деятельность. От их профессионализма, оснащенности, укомплектованности личным составом во многом зависит ощущение безопасности отдельного законопослушного гражданина и общества в целом. В нашем государстве на основе действующего законодательства сложилась эффективная система охраны общественного порядка, что подтверждается устойчивым снижением уличной преступности за последние годы. По информации Министерства внутренних дел, за период январь – август 2024 года число преступлений, совершенных в общественных местах по сравнению с аналогичным периодом 2023 года сократилось на 24,4%. В парках, скверах, на улицах и площадях сократилось на 30,8%, Количество уличных разбоев сократилось на 15,9%, грабежей на 25,2%, краж на 23,1%. Это положительно характеризует деятельность сотрудников полиции на закрепленных территориях, а именно сотрудников подразделений патрульно-постовой службы полиции, подтверждая эффективность и значимость их службы.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями) // Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
2. Шегало Д.Д. Совершенствование деятельности патрульно-постовой службы полиции // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. М. 2019. № 2 (20). С. 71. DOI: 10.21777/2587-9472-2019-2-68-72 EDN: OMTVDM
3. Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ "О полиции" (с последующими изменениями и дополнениями) // Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
4. Приказ МВД России от 28.06.2021 г. № 495 "Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России" (с последующими изменениями и дополнениями) // Доступ из СПС "КонсультантПлюс".
5. Иванов А.Ю. К вопросу о полномочиях патрульно-постовой службы полиции по применению мер административного принуждения // Modern science. М. 2019. № 11. С. 53-57. EDN: PYBBEY
6. Сергеев М.В. Понятие патрульно-постовой службы полиции: история и современность // Юридическая наука и правоохранительная практика. М. 2018. № 1 (43). С. 133. EDN: YSWPOR
7. Главное управление по обеспечению общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов РФ. Результаты деятельности народных дружин за 2024 год // [Электронный ресурс] URL: <https://gurb.mosreg.ru/deyatelnost/profilaktika-pravonarushenii1/narodnye-druzhiny-moskovskoy-oblasti/novosti-po-teme4/20-03-2024-18-05-55-cto-takie-narodnye-druzhinniki-i-chem-oni-zanimayut> (дата обращения: 15.02.2025 г.).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (with subsequent amendments and additions) // Access from the PCA "ConsultantPlus".
2. Shegalo D.D. Improving the activities of the patrol and post police service // Bulletin of the Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences. Moscow, 2019. No. 2 (20). P. 71. DOI: 10.21777/2587-9472-2019-2-68-72 EDN: OMTVDM
3. Federal Law No. 3-FZ dated 07.02.2011 "On the Police" (with subsequent amendments and additions) // Access from the SPS ConsultantPlus.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06/28/2021 No. 495 "On Approval of the Instruction on the organization of the official activities of the combat units of the patrol and guard service of the police of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (with subsequent amendments and additions) // Access from the SPS "ConsultantPlus".
5. Ivanov A.Yu. To the issue of the powers of the patrol and post police service to apply administrative coercion measures // Modern science. М. 2019. № 11. pp. 53-57. EDN: PYBBEY
6. Sergeev M.V. The concept of patrol and post police service: history and modernity // Legal science and law enforcement practice. Moscow, 2018. No. 1 (43). p. 133. EDN: YSWPOR
7. The Main Directorate for Ensuring Public Order and Coordinating Interaction with the Executive authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation. The results of the activity of the people's squads in 2024 // [Electronic resource] URL: <https://gurb.mosreg.ru/deyatelnost/profilaktika-pravonarushenii1/narodnye-druzhiny-moskovskoy-oblasti/novosti-po-teme4/20-03-2024-18-05-55-cto-takie-narodnye-druzhinniki-i-chem-oni-zanimayut> (date of application: 02/15/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_136

УДК 336.22

МЕДИАБЕЛЬНОСТЬ НАЛОГОВОГО СПОРА НА ЭТАПЕ ДОСУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ АКТОВ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ MEDIABILITY OF A TAX DISPUTE AT THE STAGE OF PRE-TRIAL APPEALING THE ACTS OF TAX AUTHORITIES

МКРТУМОВА Эрна Владимировна,
бакалавр права, юрист Департамента юридических услуг АО «Мариллион»,
магистрант Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА).
108814, Россия, г. Москва, пос. Сосенское, п.Коммунарка, мкр.Эдальго, 6.
E-mail: ernamkrtumova01@gmail.com;

МКРТУМОВА Erna Vladimirovna,
Bachelor of Law, Lawyer, Department of Legal Services JSC "Marillion",
Master's student of O.E.Kutafin University (MGU).
Edalga district, 6, Sosenskoye, Kommunarka, Moscow, 108814.
E-mail: ernamkrtumova01@gmail.com

Краткая аннотация: Предметом настоящего исследования выступает медиабельность спора в контексте досудебного обжалования актов налоговых органов. В статье рассматриваются нормативные акты, регулирующие проведение процедуры медиации, исследуется содержание понятия «медиабельность спора», его принципы, определяются ключевые элементы данного явления через субъективные и объективные факторы. Автор приходит к выводу, что субъективный элемент медиабельности налогового спора, в отличие от иных категорий споров, будет характеризоваться наличием активного волеизъявления только со стороны налогоплательщика. Помимо этого, автор считает, что отсутствие закрытого перечня правовых вопросов, которые не могут быть предметом медиативной процедуры выступают фактором, препятствующим распространению процедуры медиации на этапе досудебного разрешения налогового спора. В этой связи автор предлагает по примеру статьи 137.5 КАС РФ установить в НК РФ закрытый перечень вопросов, которые не могут быть предметом медиативной процедуры.

Abstract: The subject of research is the mediability of a dispute in the context of pre-trial appeal of acts of tax authorities. The article examines the regulations governing the mediation procedure, examines the content of the concept of "dispute mediability", its principles, defines the key elements of this phenomenon through subjective and objective factors. The author makes the conclusion that the subjective element of the mediability of a tax dispute, in contrast to other categories of disputes, will be characterized by the presence of an active expression of will only on the part of the taxpayer. In addition, the author believes that the absence of a closed list of legal issues that cannot be the subject of a mediation procedure is a factor hindering the spread of the mediation procedure at the stage of pre-trial resolution of a tax dispute. In this regard, the author proposes, following the example of Article 137.5 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, to establish in the Tax Code of the Russian Federation a closed list of issues that cannot be the subject of a mediation procedure.

Ключевые слова: налоговый спор; медиация; налоговая медиация; медиабельность; досудебное разрешение спора; обжалование актов налоговых органов; альтернативные способы урегулирования споров.

Key words: tax dispute; mediation; tax mediation; mediability; pre-trial dispute resolution; appeal of acts of tax authorities; alternative methods of dispute resolution.

Для цитирования: Мкртумова Э.В. Медиабельность налогового спора на этапе досудебного обжалования актов налоговых органов // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 136-138. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_136.

For citation: Mkrumova E.V. Mediability of a tax dispute at the stage of pre-trial appealing the acts of tax authorities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 136-138. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_136.

Статья поступила в редакцию: 03.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Стремительное развитие рыночных отношений значительным образом влияет и на регулирование налоговых правоотношений. Нарушение запретов, предусмотренных налоговым законодательством, приводит к возникновению споров между участниками налоговых правоотношений.

Считается, что главной причиной отсутствия баланса между интересами налогоплательщиков и государства является несовершенство законодательных норм и отсутствие четко определенной экономической и социальной политики [4, с. 38].

По мнению Д. А. Шинкаряка, налоговый спор – это разногласие, возникающее на основе специфических юридических фактов по поводу рассмотрения законности ненормативного правового акта, решения или действия (бездействия) последнего [13, с. 7].

Большинство ученых придерживается позиции, что налоговый спор – это подвид налоговых правоотношений, для которого характерно несовпадение интересов его участников либо различие взглядов на правомерность действий налоговых органов [10, с. 22].

Исходя из вышеизложенного, следует вывод: налоговый спор – это разногласие, причиной которого выступает противоречие между интересами участников налогового правоотношения.

В свете проведения налоговой реформы, предусматривающей введение повышенных государственных пошлин обращение к альтернативным способам урегулирования налоговых споров, в частности, к медиативной процедуре, представляется весьма актуальным. Еще в 2013 году в Приказе ФНС России «Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013 - 2018 годы» [2] указывалось на необходимость популяризации примирительных процедур в целях досудебного разрешения налоговых споров.

Основным актом, регулирующим процедуру медиации, является Федеральный закон №193-ФЗ (далее – Закон о медиации) [1], кото-

рый определяет медиацию как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

С точки зрения доктрины медиативная процедура рассматривается как «путь к осмысленному взаимоприемлемому решению, основанному на консенсусе между сторонами, вовлеченными в спор» [11, с.4] или особый вид переговоров с участием медиатора (специального субъекта), содействующего устранению разногласий и достижению соглашения, которое отвечает требованиям сторон правового спора [6, с. 689].

Принципы лежат в основе практической деятельности медиатора по урегулированию разногласий сторон. Так, статья 3 Закона о медиации закрепляет следующие принципы медиативной процедуры:

- 1) добровольность, т.е. каждый субъект участвует в процедуре по собственному желанию и вправе выйти из процедуры на любом этапе ее проведения;
- 2) беспристрастность и независимость медиатора означает, что медиатор должен быть независим от других действующих в процессе лиц;
- 3) конфиденциальность означает, что каждый из участников обязуется не разглашать информацию, полученную в ходе процедуры, третьим лицам;
- 4) сотрудничество и равноправие сторон подразумевает одинаковый объем прав и осуществления взаимодействия с медиатором.

Помимо упомянутых ранее, выделяют принципы полного контроля сторон над результатами процедуры, обширного круга возможных взаимоприемлемых решений спора (Д.Л. Давыденко) [7, с.50], а также предполагающий возможность ознакомления с «этапами и правами участников, а также по последствиям принятого им решения до начала самой процедуры» принцип прозрачности медиативной процедуры (Л.Л. Арзуманова) [5, с.161].

Ключевым элементом, определяющим наличие или отсутствие возможности обратиться к медиативной процедуре за разрешением спора, выступает категория «медиабельность спора» [8, с.128].

В российском законодательстве отсутствует термин «медиабельность» и в отечественной юридической науке не выработался единый подход к определению данного термина.

По мнению С.И.Калашниковой, медиабельность включает в себя две составляющие:

- объективный фактор (отсутствие запрета на проведение процедуры или предусмотренное законом право лица заключать по данной категории споров мировые соглашения; предмет спора соответствует общепринятым нормам морали и этики);
- субъективный фактор (активное согласие разрешить конфликт посредством применения процедуры медиации; относительная зависимость сторон спора от решений друг друга).

В качестве основания, которое не позволяет проводить медиативную процедуру, выступает отсутствие согласия одной из сторон участвовать в ней.

Однако некоторые ученые отделяют понятие «медиабельность» и «возможность применения процедуры медиации» [14, с.107]. Так, выделяют случаи, когда спор не может считаться медиабельным. Например, если в рамках рассматриваемого конфликта фигурируют вопросы национальной безопасности, государственной политики, прав человека в целом; имеет место необходимость государственной защиты субъективного права и др.

Д.Ю. Шестаков предлагает разграничивать пригодные и непригодные случаи медиации [12]. Так, к первым относятся те, которые характеризуются следующими признаками: экономической нецелесообразностью судебного разбирательства; регулируются нормами, которые сложно применять и толковать; предмет медиации может затрагивать права третьих лиц; желание сохранить конфиденциальность.

Ц.А.Шамликашвили считает, что применение медиации возможно в следующих случаях, если:

- возникла необходимость закрепить письменное решение по итогам переговоров;
- нужно сохранить конфиденциальность;
- одной из ключевых задач выступает дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество [9].

Таким образом, медиабельность налогового спора можно рассматривать через призму не только субъективных и объективных факторов, но и критериев приемлемости применения медиации.

Говоря об объективной составляющей медиабельности налогового спора, важно подчеркнуть отсутствие в действующем российском законодательстве норм, прямо запрещающих применение процедуры медиации: ни НК РФ, ни Закон о медиации не предусматривают каких-либо ограничений.

Однако в Письме ФНС [3] отмечается, что предметом медиативного соглашения не могут являться вопросы, связанные со снижением применимой налоговой ставки, изменением правил исчисления пеней, освобождением налогоплательщика от уплаты налогов за определенные налоговые периоды и/или по определенным операциям. Иными словами, медиативным соглашением стороны не могут изменить изначально применяемый налоговый режим осуществления предпринимательской деятельности, который определяет вид и размер уплачиваемых налогов, а также правовые последствия, связанные с ней.

При этом, в вышеупомянутом акте определяются виды споров, по которым могут заключаться соглашения об урегулировании споров: по вопросам о взыскании недоимки, доначисленной по результатам налоговой проверки, а также отсрочки и рассрочки.

Отсутствие правовой определенности может выступать фактором, который препятствует обращению лиц к процедуре медиации за урегулированием налогового спора. Так, например, КАС РФ содержит статью 137.5, которая определяет категории дел, которые не могут быть предметом медиативной процедуры (пункты 1, 1.1 и 6 части 2 и пунктах 1, 2, 4, 9 части 3 статьи 1 КАС РФ).

Представляется, что аналогичным образом можно установить закрытый перечень правовых вопросов, которые не могут быть предметом медиативной процедуры по примеру статьи 137.5 КАС РФ.

Рассматривая субъективный фактор медиабельности, следует отметить, что в рамках налоговой медиации, где одним из субъектов выступает публично-правовое образование в лице сотрудников ФНС – сильная сторона спора – сложно идентифицировать «активное согласие» государства урегулировать спор посредством медиации, поскольку в данном случае будет иметь значение исключительно экономико-правовой интерес – поступление средств в бюджет, добровольная уплата недоимки налогоплательщиком без проведения выездной проверки и обращения в суд. Видится, что субъективный элемент медиабельности налогового спора в рассматриваемом случае будет характеризоваться наличием активного волеизъявления только со стороны налогоплательщика.

Таким образом, категория «медиабельность» налогового спора состоит из объективного и субъективного элементов: первый связан с наличием права лица или отсутствием правового запрета на обращение к медиации, а второй – с добровольным согласием налогоплательщика урегулировать спор посредством медиативной процедуры.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // Российская газета. 2010. № 168.
2. Приказ ФНС России от 13.02.2013 № ММВ-7-9/78@ "Об утверждении Концепции развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013 - 2018 годы" // СПС "КонсультантПлюс".
3. Письмо ФНС России от 17.08.2023 № БВ-4-7/10590@ "Об основных принципах урегулирования споров (мировых соглашений)" // Официальные документы. № 32. 29.08-04.09.2023.
4. Аракелова М.В. Альтернативные формы досудебного урегулирования споров, вытекающих из налоговых правоотношений. Дис.... канд. юрид. наук. М., 2017. 282 с. EDN: LPWCYB
5. Арзуманова Л.Л. Медиация как альтернативная форма досудебного урегулирования налогового спора: доктринальные подходы и правоприменительная практика // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. 10 с. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(2).156-166 EDN: OFVVGf
6. Гражданский процесс: Учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т; отв. ред. докт. юрид. наук, проф. В.В. Ярков. - 10-е изд., перераб. и доп. // М.: Статут. 2017. 702 с.
7. Давыденко Д.Л. К вопросу о мировом соглашении // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. № 4. 9 с.
8. Кулаков Д.С. К вопросу об определении медиабельности правового спора // Правовая политика и правовая жизнь. 2015. № 3. 4 с.
9. Медиация в коммерческих спорах, медиация как социально значимый инструмент: пресс-конференция // URL: <http://www.mediacia.com/events.php?id=6> (Дата обращения: 10.11.2024).
10. Цацулина Е. И. Производство по делам об оспаривании ненормативных актов и действий (бездействия) налоговых органов в арбитражных судах первой инстанции. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов. 2005. 28 с. EDN: NNEAOP
11. Шамликашвили Ц. Основы медиации как процедуры урегулирования споров: учеб. пособие. М. Межрегион. центр управлен. и полит. консультирования, 2013. 128 с.
12. Шестаков Д.Ю. Коммерческая медиация и ее отношения с арбитражем // СПС "Гарант".
13. Шинкарьук Д. А. Досудебное урегулирование налоговых споров: финансово-правовое исследование. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Омск. 2008. 20 с. EDN: ZNTNQn
14. Boule L. Mediation: principles, process, practice // London. Dublin. Edinburgh: Butterworths. 2001. 330 p.

References:

1. Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» // Rossijskaya gazeta. 2010. № 168.
2. Prikaz FNS Rossii ot 13.02.2013 № MMV-7-9/78@ «Ob utverzhdenii Konceptii razvitiya dosudebnogo uregulirovaniya nalogovy'x sporov v sisteme nalogovy'x organov Rossijskoj Federacii na 2013 - 2018 gody'» // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Pis'mo FNS Rossii ot 17.08.2023 № BV-4-7/10590@ «Ob osnovny'x principax uregulirovaniya sporov (mirov'y'x soglashenij)» // Oficial'ny'e dokumenty'. № 32. 29.08-04.09.2023.
4. Arakelova M.V. Al'ternativny'e formy` dosudebnogo uregulirovaniya sporov, vy'tekayushhix iz nalogovy'x pravootnoshenij. Dis. kand. yurid. nauk. M., 2017. 282 s.
5. Arzumanova L.L. Mediatsiya kak al'ternativnaya forma dosudebnogo uregulirovaniya nalogovogo spora: doktrinal'ny'e podkhody` i pravoprimeritel'naya praktika // Pravoprimeneniye. 2021. T. 5. № 3. 10 s.
6. Grazhdanskij process: Uchebnik dlya studentov vy'sshix yuri diceskix uchebny'x zavedenij / Ural'skij gos. yurid. un-t; otv. red. dokt. yurid. nauk, prof. V.V. Yarkov. – 10-e izd., pererab. i dop. // M.: Statut. 2017. 702 s.
7. Davy'denko D.L. K voprosu o mirovom soglashenii // Vestnik Vy'sshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2004. № 4. 9 s.
8. Kulakov D.S. K voprosu ob opredelenii mediabel'nosti pravovogo spora // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2015. № 3. 4 s.
9. Mediatsiya v kommercheskix sporax, mediatsiya kak social'no znachimyj instrument: press-konferenciya // URL: <http://www.mediacia.com/events.php?id=6> (Data obrashheniya: 10.11.2024).
10. Czaczulina E. I. Proizvodstvo po delam ob osparivanii nenormativny'x aktov i dejstvij (bezdeystviya) nalogovy'x organov v arbitrazhny'x sudax pervoj instancii. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov. 2005. 28 s.
11. Shamlikashvili Cz. Osnovy` mediacii kak procedury` uregulirovaniya sporov: ucheb. posobie // M. Mezhtregion. centr upravlen. i polit. konsul'tirovaniya, 2013. 128 s.
12. Shestakov D.Yu. Kommercheskaya mediatsiya i ee otnosheniya s arbitrazhem // SPS «Garant».
13. Shinkaryuk D. A. Dosudebnoe uregulirovanie nalogovy'x sporov: finansovo-pravovoe issledovanie. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk. 2008. 20 s.
14. Boule L. Mediation: principles, process, practice // London. Dublin. Edinburgh: Butterworths. 2001. 330 p.

О ПРАКТИКЕ УЧАСТИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОКУРАТУР В РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ON THE PRACTICE OF PARTICIPATION OF TRANSPORT PROSECUTOR'S OFFICES IN THE CONSIDERATION BY THE COURTS OF CASES CHALLENGING ACTS OF PROSECUTORIAL RESPONSE

МИРОШНИЧЕНКО Мария Николаевна,

старший помощник Московского межрегионального транспортного прокурора по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе, кандидат юридических наук.
Россия, г. Москва.

E-mail: mips81@mail.ru;

MIROSHNICHENKO Maria Nikolaevna,

Senior Assistant to the Moscow Interregional Transport Prosecutor for Ensuring the participation of Prosecutors in civil and arbitration proceedings, PhD in Law.
Russia, Moscow.

E-mail: mips81@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы практики участия транспортных прокуратур в делах, связанных с оспариванием актов прокурорского реагирования. Приводятся примеры рассмотрения судами дел в данной сфере. Особое внимание уделено вопросам определения наличия или отсутствия факта вмешательства органов прокуратуры в хозяйственную деятельность.

Abstract. The article discusses the current problems of the practice of the participation of transport prosecutor's offices in cases related to challenging acts of prosecutorial response. Examples of cases considered by courts in this area are given. Special attention is paid to the issues of determining the presence or absence of the fact of interference by the prosecutor's office in economic activities.

Ключевые слова: транспортная прокуратура, представительство в судах, акт реагирования, проверка, хозяйственную деятельность.

Keywords: transport prosecutor's office, representation in courts, response act, inspection, economic activity.

Для цитирования: Мирошниченко М.Н. О практике участия транспортных прокуратур в рассмотрении судами дел об оспаривании актов прокурорского реагирования // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 4. С. 139-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_139.

For citation: Miroshnichenko M.N. On the practice of participation of transport prosecutor's offices in the consideration by the courts of cases challenging acts of prosecutorial response // *Law and state: theory and practice*. 2025. No. 4. pp. 139-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_139.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Акты прокурорского реагирования транспортных прокуратур нередко становятся предметом судебного контроля, в связи с чем на основании приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 18.03.2018 № 144 «Об организации работы по обеспечению представительства и защите интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах», прокурорами обеспечивается участие в рассмотрении споров, в которых транспортные прокуратуры выступают в качестве ответчиков.

Так, в 2024 году Московской межрегиональной транспортной прокуратурой принято участие в рассмотрении 21 дела, в которых оспаривались акты прокурорского реагирования, действия (бездействие) органов прокуратуры. Общие проблемы правоприменения в указанной сфере характерны для органов прокуратуры в целом, в связи с чем являются достаточно актуальными¹.

Поскольку дела указанной категории в судах общей юрисдикции рассматриваются в порядке главы 22 КАС РФ, обязанность по доказыванию соответствия закону актов прокурорского реагирования возлагается на орган прокуратуры или его должностное лицо, что требует от прокуроров, участвующих в таких делах, дополнительной подготовки в целях выяснения и представления суду доказательств для обоснования своей позиции по делу.

Так, решением Кунцевского районного суда г. Москвы от 11.04.2022 отказано в удовлетворении требований генерального директора ООО «Специализированный застройщик «А101» Д. о признании незаконным и отмене предостережения заместителя Московского прокурора по надзору за исполнением законов на воздушном и водном транспорте от 05.10.2021 о недопустимости нарушения закона.

Отказывая в удовлетворении требований истца, суд согласился с прокурором, что объявлением предостережения не нарушаются права лица, которому оно объявляется, в связи с возникновением угрозы, как полагал заявитель, привлечения к установленной законом ответственности за его неисполнение, поскольку привлечение к ответственности в таком случае происходит не за неисполнение предостережения как таковое, а за нарушение норм специального законодательства, и с принятием оспариваемого акта реагирования не связано.

Большая часть дел об оспаривании актов прокурорского реагирования рассмотрена с участием межрегиональной транспортной проку-

¹См. также: Мирошниченко М.Н. Представительство и защита интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах: монография.-Москва, 2024. С. 155-156; Ергашев Е.Р., Корешникова Н.Р. Основные правовые средства прокуратуры Российской Федерации как инструмент обеспечения исполнения закона. – Екатеринбург, 2010; Ергашев Е.Р. К дискуссии о понятии, признаках, свойствах акта прокурорского реагирования//Российский журнал исследований. 2016. № 4 (9).

ратуры в порядке арбитражного судопроизводства.

В силу части 5 статьи 200 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) обязанность доказывания соответствия оспариваемого решения, совершения оспариваемых действий (бездействия) закону, возлагается на орган или лицо, которые приняли акт, решение или совершили действия (бездействие), в связи с чем прокурорам, участвующим в делах этой категории, необходимо уделять особое внимание обеспечению представления суду обосновывающих свою позицию доказательств.

При этом необходимо учитывать, что на основании статьи 65 АПК РФ обязанность по обоснованию и доказыванию фактов нарушения прав и законных интересов возлагается на лицо, обратившееся в арбитражный суд в порядке главы 25 АПК РФ.

Так, Арбитражным судом г. Москвы 28.02.2023 рассмотрено дело № А08-9568/2022 по заявлению ОАО «РЖД» в лице Белгородского территориального участка Юго-Восточной дирекции по тепловодоснабжению – структурного подразделения Центральной дирекции по тепловодоснабжению – филиала ОАО «РЖД» о признании недействительным представления исполняющего обязанности Белгородского транспортного прокурора от 26.08.2022 об устранении нарушений требований законодательства при предоставлении жилищно-коммунальных услуг. Из материалов дела следует, что в августе 2022 года Белгородской транспортной прокуратурой проведена проверка по обращению депутата поселкового собрания городского поселения Разумное Белгородской области в связи с коллективным обращением потребителей коммунальных услуг поселка городского типа Разумное о необоснованных требованиях заявителя о погашении задолженности за предоставленные коммунальные услуги тепловой энергии за период с 01.10.2017 по 31.03.2018 потребителями, проживающими в многоквартирных домах, обслуживаемых заявителем.

В ходе проверки установлено, что в июле 2022 года заявителем в адрес потребителей коммунальных услуг направлены квитанции об оплате коммунальных услуг тепловой энергии за вышеуказанный период, а также уведомление о погашении задолженности за поставленную тепловую энергию. Оспариваемое представление получено заявителем 06.09.2022. В обоснование своей позиции в суде заявитель указал, что представление нарушает его права и свободы. Представление не содержит указаний, какие именно действия необходимо совершить для устранения нарушений, в нем отсутствуют ссылки на нормы закона, которые, по мнению прокурора, прямо указывают на нарушение требований законодательства при предоставлении жилищно-коммунальных услуг ОАО «РЖД», срок исковой давности предъявления требований не истек.

Суд согласился с позицией прокурора по данному делу, указав в решении, что денежные средства за тепловую энергию от собственников квартир получала ресурсоснабжающая организация – ОАО «РЖД». Денежные средства, уплаченные собственниками квартир в спорных домах за потребленную тепловую энергию за спорный период, были возвращены дирекцией плательщикам, что привело к увеличению задолженности. Управляющая компания и ресурсоснабжающая организация в указанный период времени не выставляла собственникам квартир соответствующие счета на оплату коммунальной услуги по теплоснабжению. При этом ресурсоснабжающая организация в нарушение требований федерального законодательства не обеспечила возможностей собственникам жилых помещений для своевременного внесения платы за коммунальную услугу. Указанные нарушения отражены в оспариваемом представлении прокурора. Представление не нарушает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В удовлетворении требований заявителя судом 28.02.2023 отказано. Однако Девятнадцатым арбитражным апелляционным судом 21.09.2023 решение суда первой инстанции отменено, представление прокурора признано недействительным.

Вместе с тем 18.01.2024 Арбитражным судом Центрального округа удовлетворена кассационная жалоба Московской межрегиональной транспортной прокуратуры, постановление суда апелляционной инстанции отменено, оставлено в силе решение суда первой инстанции.

Одним из проблемных вопросов правоприменения в данной сфере остается вопрос об определении наличия факта вмешательства прокурора в административно-хозяйственную деятельность юридического лица при применении актов прокурорского реагирования, что является недопустимым в силу пункта 2 статьи 26 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», пункта 8.4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

Практика показывает, что как правило, обращаясь в суды с заявлением об оспаривании актов прокурорского реагирования, заявители настаивают на том, что прокуратура вмешалась в их хозяйственную деятельность, к примеру, внося представление, в связи с чем незаконно возлагает на них обязанности.

Так, ООО «АМГ окна» предъявило в Арбитражный суд г. Москвы заявление о признании незаконным представления заместителя Северного транспортного прокурора об устранении нарушений законодательства о противодействии коррупции, мотивируя тем, что ему незаконно вменено нарушение обязанности, предусмотренной Федеральным законом «О противодействии коррупции», однако на момент вынесения оспариваемого представления вина заявителя не была доказана, а также тем, что оспариваемым представлением прокурор вмешался в оперативно-хозяйственную деятельность общества в нарушение пункта 2 статьи 26 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

В ходе рассмотрения дела установлено, что заявителем, выступавшим в качестве работодателя, в нарушение требований части 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» своевременно не сообщено о заключении договора с гражданином, замещающим должности государственной службы, перечень которых установлен нормативными правовыми актами Российской Федерации. В данном случае заявитель, заключив 27.05.2023 трудовой договор с бывшим государственным служащим, направил уведомление о трудоустройстве от 02.12.2022 после запроса прокуратуры о предоставлении информации.

В связи с этим прокуратура правомерно на основании положений пункта 1 статьи 1, пункта 1 статьи 21, пунктов 1 и 3 статьи 22, пункта 1 статьи 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции»

внесла оспариваемое представление. Судом в удовлетворении требований заявителя было отказано. При этом суд указал, что требования прокурора о принятии конкретных мер, которые изложены в представлении, не нарушают права и законные интересы заявителя, не возлагают на него незаконную или излишнюю обязанность. В связи с этим отсутствует вмешательство прокуроры в хозяйственную деятельность общества (дело № А40-29124/23-166-101).

Аналогичным образом суд решил по другому делу, где заявитель, оспаривая представление прокурора, также указывал на вмешательство прокуратуры в его хозяйственную деятельность.

Так, ООО «Энергопромсбыт» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением к Московской межрегиональной транспортной прокуратуре об оспаривании представления первого заместителя транспортного прокурора об устранении нарушений федерального законодательства (дело № А40-254199/22-147-1083). По мнению заявителя, прокуратурой в представлении незаконно возлагаются на него обязанности, внесением представления прокурор вмешался в хозяйственную деятельность организации. В ходе рассмотрения дела установлено, что межрегиональной транспортной прокуратурой по информации ФСБ России проведена проверка исполнения законодательства об электроэнергетике при покупке ОАО «РЖД» электрической энергии у ООО «Энергопромсбыт». Трансэнерго – филиалом ОАО «РЖД» с ООО «Русэнергосбыт» в 2005 году заключены два договора по покупке электроэнергии.

Согласно условиям данных договоров ООО «Русэнергосбыт» надлежало подавать Трансэнерго в точках поставки (Забайкальский край и Республика Бурятия) электрическую энергию. Договоры заключены до 2024 года с применением уровня напряжения ВН1 (с 2016 года) при расчете за электроэнергию. Действие данных договоров приостановлено в связи с заключением в 2008 году между ОАО «РЖД» и ООО «Энергопромсбыт» договора на покупку электрической энергии в аналогичных точках поставки (Республике Бурятия и Забайкальском края). Данный договор заключен до 2022 года (фактически прекратил свое действие с июня 2020) с применением уровня напряжения ВН при расчете за электроэнергию. В целях исполнения условий договора 2008 года ООО «Энергопромсбыт» заключены два договора поставки электрической энергии с ООО «Русэнергосбыт» с их последующей ежегодной пролонгацией путем заключения соответствующих дополнительных соглашений. Данные договоры заключены до 2020 года с применением напряжения ВН1 (с 2015 года). Вместе с тем в соответствии с приложением № 4 к постановлению Правительства Российской Федерации от 29.12.2011 № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» с 01.01.2014 Республика Бурятия и Забайкальский край входят в перечень субъектов Российской Федерации, на территории которых применяется уровень напряжения ВН1.

В нарушение требований федерального законодательства при расчете за постановленную электроэнергию с 01.01.2014 по договору 2008 года ООО «Энергопромсбыт» не приняты меры к изменению его условий в части оплаты услуг по уровню напряжения ВН1, что повлекло за собой повышенную оплату по данному товару, излишне израсходованные денежные средства ОАО «РЖД», что причинило ущерб обществу. С целью устранения выявленных нарушений в адрес генерального директора ООО «Энергопромсбыт» в 2022 году прокуратурой внесено представление об устранении нарушений законодательства об электроэнергетике. Указанные нарушения также подтверждены заключением эксперта ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России. В удовлетворении требований заявителя судом отказано. При этом суд указал, что в материалах отсутствуют доказательства фактического нарушения прав заявителя оспариваемым актом.

Вместе с тем имеется и иная судебная практика по оспариванию актов прокурорского реагирования, в том числе в сфере электроэнергетики.

Так, ПАО «ТНС энерго Кубань» предъявило в Арбитражный суд Краснодарского края заявление о признании недействительным представления прокурора Адлерского района г. Сочи. Судом первой инстанции требования заявителя удовлетворены. Состоявшееся решение оставлено без изменения апелляционной и кассационной инстанциями (дело № А32-41307/2019).

Прокуратурой данные судебные постановления обжалованы в Верховный Суд Российской Федерации. По мнению прокуратуры, судами дана неправильная оценка обстоятельствам данного спора, а также не учтено, что спорное представление направлено на понуждение заявителя к соблюдению требований законодательства, определяющего правила функционирования розничных рынков электроэнергии, а не на разрешение возникшего спора между сторонами договора поставки электроэнергии (поставщиком и потребителем). Также прокурор выразил несогласие с выводами суда о том, что при внесении представления была допущена подмена иных органов контроля.

Вместе с тем судом было отказано в передаче кассационной жалобы прокуратуры для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. Суд указал, что из судебных актов следует, что в ходе прокурорской проверки, которая была проведена по обращению заявителя в связи с незаконным отключением электроэнергии потребителю, установлено навязывание потребителю невыгодных условий, в том числе проведение проверки прибора учета при отсутствии законных оснований, некорректное определение размера задолженности, отключение потребителя от электроэнергии, в связи с которым у общества возникли финансово-экономические последствия. Прокурором в адрес общества внесено представление об устранении указанных нарушений. С учетом данных обстоятельств суд пришел к выводу о превышении прокурором своих полномочий. При этом судом учтено, что в указанном случае прокурор фактически выступил в защиту имущественных интересов коммерческой организации (потребителя электрической энергии), в том числе предписывая поставщику исполнить обязательства, вытекающих из договора поставки электроэнергии. Во внимание судом также принят и факт наличия между поставщиками электроэнергии и обществом ПМК № 20 судебного спора по другому арбитражному делу о взыскании задолженности за электроэнергию за период, указанный в представлении. Поскольку органы прокуратуры не вправе вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность организаций, Верховный Суд Российской Федерации решил, что суды пришли к правомерному выводу, что внесение акта прокурорско-

го реагирования при данных обстоятельствах являлось недопустимым.¹

Из приведенных примеров судебной практики следует, что требования прокурора, изложенные в представлении, об устранении выявленных нарушений действующего законодательства со ссылкой на нормы законодательства, а также указанием на меры, которые необходимо принять для их устранения, не являются вмешательством в хозяйственную деятельность юридических лиц, то есть работу по организации управлением сотрудниками, подразделениями юридического лица, направленную на достижение наиболее высоких результатов в работе организации в целом. Вместе с тем внесение акта прокурорского реагирования в защиту имущественных интересов организации, влекущих финансово-экономические последствия для этой организации, при наличии судебного спора, является вмешательством органов прокуратуры в хозяйственную деятельность организации и основанием для признания такого акта прокурорского реагирования незаконным.

Представляется, что складывающаяся практика правоприменения в рассматриваемой сфере должна учитываться представителями транспортных прокуратур, участвующих в спорах указанной категории, в целях не только обеспечения качественного и квалифицированного представительства по данным делам, но и формирования объективной судебной практики.

Список литературы:

1. Ергашев Е.Р. К дискуссии о понятии, признаках, свойствах акта прокурорского реагирования//Российский журнал исследований. 2016. № 4 (9). EDN: ZDEBSN
2. Ергашев Е.Р., Корешникова Н.Р. Основные правовые средства прокуратуры Российской Федерации как инструмент обеспечения исполнения закона. Екатеринбург, 2010.
3. Мирошниченко М.Н. Представительство и защита интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах: монография. Москва, 2024. С. 155-156. EDN: UGKYRG

References:

1. Ergashev E.R. On the discussion of the concept, signs, properties of the act of prosecutorial response//The Russian Journal of Research. 2016. № 4 (9). EDN: ZDEBSN
2. Ergashev E.R., Koreshnikova N.R. The main legal means of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a tool to ensure the enforcement of the law. Yekaterinburg, 2010.
3. Miroshnichenko M.N. Representation and protection of interests of bodies and organizations of the Prosecutor's office of the Russian Federation in courts: monograph. Moscow, 2024. pp. 155-156. EDN: UGKYRG

¹ См. подробнее Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2020 № 308-ЭС20-20656.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКОМ СВОИХ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ABUSE OF LAW IN THE EXERCISE OF A PERSON'S SOMATIC RIGHTS: TOWARDS A PROBLEM STATEMENT

ВАСИЛЕВИЧ Дмитрий Григорьевич,

кандидат юридических наук, доцент
Международный университет «МИТСО», г. Минск, Республика Беларусь.
220099, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Казинца, 21.
E-mail: Dmitry8157@gmail.com;

САВЧЕНКО Марина Станиславовна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».
350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13.
E-mail: niipgergo2009@mail.ru;

ПОТАПЕНКО Сергей Викторович,

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
ORCID 0000-0003-3013-5072,
E-mail: niipg2010@mail.ru;

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.
ORCID 0000-0003-3029-4727,
E-mail: niipg2010@mail.ru;

ЧЕШИН Андрей Владимирович,

доцент кафедры экономики и управления Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
Оренбургского государственного университета, кандидат экономических наук.
462403, Россия, Оренбургская область, г. Орск, просп. Мира, д. 15А.
ORCID 0009-0000-7572-3076,
E-mail: niipgergo2009@mail.ru;

ПОЯРКОВ Сергей Юрьевич,

кандидат педагогических наук, доцент, ученый секретарь
ФГУП «Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений» (ВНИИ ФТРИ).
141570, Россия, Московская область, г. Солнечногорск, пгт. Менделеево.
E-mail: niipg2010@mail.ru;

VASILEVICH Dmitry Grigorievich,

Candidate of Law, Associate Professor MITSO International University, Minsk, Republic of Belarus.
21 Kazintsa str., Minsk, 220099, Republic of Belarus,
E-mail: Dmitry8157@gmail.com;

SAVCHENKO Marina Stanislavovna,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trublin Kuban State Agrarian University".
350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13.
E-mail: niipgergo2009@mail.ru;

POTAPENKO Sergey Viktorovich,

Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State University».
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia, Krasnodar Territory.
ORCID 0000-0003-3013-5072,
E-mail: niipg2010@mail.ru;

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State University».
149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia, Krasnodar Territory.
ORCID 0000-0003-3029-4727,
E-mail: niipg2010@mail.ru;

CHESHIN Andrey Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Economics and Management
at the Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) Orenburg State University, Candidate of Economic Sciences.
462403, Russia, Orenburg region, Orsk, ave. Mira, 15A.
ORCID 0009-0000-7572-3076,
E-mail: niipgergo2009@mail.ru;

POYARKOV Sergey Yuryevich,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Scientific Secretary of the Federal State Unitary Enterprise
«All-Russian Scientific Research Institute of Physico-Technical and Radio Engineering Measurements».
141570, Solnechnogorsk, Moscow region, Mendeleevo village.
E-mail: niipg2010@mail.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена публично-правовому анализу пределов реализации человеком своих соматических прав (в части злоупотребления данными правами в процессе указанной реализации). Авторы отмечают, что процесс реализации соматических прав зачастую сопряжен с рисками злоупотребления правом, так как данная разновидность прав человека относительно недавно получила правовое закрепление (при этом уровень детализации в законодательстве как самих соматических прав, так и процесса их реализации, не достаточен), указанные права являются комплексными и сложносоставными. В работе разработан и обоснован комплекс мероприятий, направленных на снижение уровня злоупотребления права при реализации гражданами Российской Федерации своих соматических прав.

Abstract. This article is devoted to a public law analysis of the limits of a person's realization of his somatic rights (in terms of abuse of these rights in the process of this realization). The authors note that the process of implementing somatic rights is often fraught with risks of abuse of law, since this type of human rights has relatively recently received legal consolidation (while the level of detail in the legislation of both the somatic rights themselves and the process of their implementation is not sufficient), these rights are complex and complex. The paper develops and substantiates a set of measures aimed at reducing the level of abuse of law in the exercise by citizens of the Russian Federation of their somatic rights.

Ключевые слова: права; свободы; злоупотребление правом; соматические права; пределы; запрет; Россия; общественный контроль; реализация; граждане.

Keywords: rights; freedoms; abuse of law; somatic rights; limits; prohibition; Russia; public control; implementation; citizens.

Для цитирования: Василевич Д.Г., Савченко М.С., Потапенко С.В., Гончаров В.В., Чешин А.В., Поярков С.Ю. Злоупотребление правом при реализации человеком своих соматических прав: к постановке проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 143-147. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_143.

For citation: Vasilevich D.G., Savchenko M.S., Potapenko S.V., Goncharov V.V., Cheshin A.V., Poyarkov S.Yu. Abuse of law in the exercise of a person's somatic rights: towards a problem statement // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 143-147. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_143.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение

Проблематика закрепления и реализации соматических прав человека детально исследуется в работах А. А. Абашидзе, [1, с. 69-82] С. Ю. Пояркова, [5, с. 47-50] Я. С. Гребенщиковой, [8, с. 124-128] Н. Г. Деркач, [9, с. 30-36] Е. М. Нестеровой, [11, с. 83-86] А. М. Смирнова, [12, с. 64-67] а также ряда иных авторов. Важное значение в произведениях М. В. Арзамасцева, [2, с. 19-42] С. М. Велиевой, [3, с. 32-36] В. И. Крусса, [10, с. 8-18] Д. Топилдиевой, [13, с. 144-149] Т. В. Цветиковой, [14, с. 30-35] А. А. Циммерман, [15, с. 277-285] а также некоторых других ученых, уделяется анализу пределов реализации гражданами своих соматических прав. Однако доля исследований, посвященных изучению злоупотребления гражданами Российской Федерации своими соматическими правами в процессе их реализации, остается не большой, чем и обусловлен выбор темы настоящего научного исследования, целью которого выступает не только анализ правового института злоупотребления правом при реализации человеком своих соматических прав, но и разработка рекомендаций и предложений по совершенствованию российского законодательства в части закрепления допустимых пределов реализации гражданами Российской Федерации своих соматических прав. В качестве научных задач в статье выступают: а) анализ роли и значимости соматических прав человека в системе прав и свобод человека и гражданина; б) обоснование необходимости закрепления пределов реализации соматических прав человека гражданами Российской Федерации; в) анализ правового института злоупотребления правом при реализации человеком своих соматических прав; г) разработка и обоснование рекомендаций и предложений по совершенствованию российского законодательства в части закрепления допустимых пределов реализации гражданами Российской Федерации своих соматических прав.

Методы и методология исследования. Эмпирическая основа исследования

В ходе проведенного научного исследования был использован ряд научных методов, в частности: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. Эмпирическую основу исследования составили: международные правовые акты, национальные правовые акты, посвященные закреплению прав и свобод человека и гражданина (включая – соматических прав человека); материалы научной правовой доктрины прав человека и гражданина.

Основной текст

Человек, его права и свободы выступают в качестве высшей ценности в Российской Федерации, что отражено в ее Конституции. При этом, деятельность всех органов публичной власти направлена и посвящена преимущественно содействию и обеспечению признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

По мере развития российского общества и государства усложняются общественные отношения. Как мы отмечали в ранее проведенных исследованиях, [4, с. 1517-1523; 6, с. 7-9] это порождает необходимость формализации и закрепления все новых и новых прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации.

Ключевое место в новом поколении прав человека занимают соматические права, которые, как видно из самого названия данной категории прав, тесно связаны непосредственно с телом человека. Соматические права человека можно отнести к четвертому (последнему) поколению прав и свобод человека и гражданина. В их составе можно выделить как личные (индивидуальные) соматические права (например, право женщины на искусственное прерывание беременности), так и коллективные (групповые) права человека (в частности, права, связанные с распоряжением человеческим эмбрионом, созданным в медицинских учреждениях с участием биологического репродуктивного материала обоих родителей – супругов). Соматические права могут быть как основными (например, закрепленное в законодательстве ряда стран право человека на эвтаназию), так и неосновными (производными), которые непосредственно не связаны с жизнью и здоровьем человека. Большинство соматических прав являются комплексными по своей структуре (в частности, такое важное соматическое право, как право на использование услуг суррогатной матери, предполагает реализацию сложной и комплексной системы правоотношений, в которых могут участвовать, например, биологиче-

ские родители, суррогатная мать, лечебные учреждения, доноры биологического репродуктивного материала, государство, в том случае, если процедура суррогатного материнства оплачивается из средств государственного бюджета). Соматические права в значительной части случаев являются относительными правами, так как они выступают в роли субъективных прав человека, в которых управомоченному лицу противостоит строго определенное обязанное лицо. Ряд соматических прав (например, право на достойное отношение к телу человека после его смерти) носит абсолютный характер, когда их соблюдение является обязанностью неопределенного круга лиц (в частности, запрещено и уголовно наказуемо осуществлять акты вандализма в отношении захоронений человека, его останков). Соматические права бывают как негативными, когда третьи лица обязываются воздерживаться от действий, их ограничивающих, так и позитивными, когда данные лица признаются обязанными представлять носителю данных соматических прав те или иные блага, осуществлять определенные действия, направленные на содействие реализации вышеназванных соматических прав. В большинстве случаев соматические права не зависят от государственной принадлежности носителя. Например, правом на искусственное прерывание беременности может воспользоваться в Российской Федерации любой человек не зависимо от своего гражданства (или подданства), даже, если законодательство страны его гражданства (подданства) запрещает или криминализирует данное деяние. Единственным условием для реализации данного соматического права выступает соблюдение требований российского законодательства. Однако в ряде случаев реализация соматических прав возможна лишь при наличии у лица гражданства данного государства. В частности, в ряде стран воспользоваться правом на бесплатные репродукционные услуги в лечебных учреждениях (например, правом на проведение экстракорпорального оплодотворения за счет средств государства) могут только граждане данной страны (остальные лица могут получить эти услуги только на возмездной основе).

Реализация соматических прав граждан в Российской Федерации связана с рядом проблем, которые обусловлены, в частности, комплексным их характером и дискуссионностью содержания. Кроме того, значительная часть общества негативно настроена к определенным видам соматических прав (например, многие граждане Российской Федерации отрицательно относятся к искусственному прерыванию беременности по причинам, не обусловленным медицинскими или социальными показаниями). В ряде случаев реализация соматических прав так или иначе может нарушать права, свободы и законные интересы третьих лиц (физических лиц, юридических лиц, а также органов публичной власти различного уровня).

В этой связи возникает вопрос о целесообразности закрепления в российском законодательстве пределов реализации гражданами Российской Федерации своих соматических прав.

Какие аргументы можно привести в обоснование данной позиции?

Во-первых, процесс осуществления гражданами Российской Федерации своих прав и свобод не должен нарушать права и свободы других лиц, что прямо закреплено статьей 17 Конституции страны (это положение исходит из закрепленного в статье 19 Конституции принципа равноправия людей).

Во-вторых, реализация гражданами России своих прав и свобод не должна создавать угрозы национальной безопасности и обороноспособности российского государства. Кроме того, процесс реализации указанных прав и свобод не должен подрывать основы конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов третьих лиц (статья 55 Конституции Российской Федерации).

В-третьих, Конституция страны и действующее законодательство содержат значительный массив норм, обеспечивающих защиту институтов материнства и детства, что также существенно ограничивает механизм реализации отдельных прав граждан (в том числе – соматических).

Процесс реализации соматических прав гражданами в ряде случаев связан с злоупотреблением ими своими правами.

Данный правовой институт является достаточно дискуссионным. Что же понимать под злоупотреблением правом при реализации человеком своих соматических прав? Все ли указанные злоупотребления одинаково опасны для общества?

Мы считаем, что данные злоупотребления можно классифицировать на несколько групп. Первая группа злоупотреблений непосредственно связана с нарушением норм действующего законодательства (например, правовых запретов). В частности, если женщине произведено искусственное прерывание беременности на сроках, превышающих законодательно установленные (и при этом отсутствовали необходимые в данных случаях медицинские или социальные показания к подобному прерыванию беременности). В ряде случаев подобные действия медицинских работников и самой женщины можно квалифицировать в качестве преступных. Вторая группа злоупотреблений правом связана с нарушением прав, свобод и законных интересов третьих лиц. Третья группа злоупотреблений правом при реализации человеком своих соматических прав связана с совершением действий (бездействия), нарушающих общепринятые нормы человеческого поведения (моральные, нравственные, религиозные и т.п.). Последние две группы злоупотреблений, как правило, не представляют собой правонарушения (в частности, не являются преступлениями), однако они несут определенную опасность для общества, подрывая правовые, моральные, нравственные и иные его устои.

В этой связи, представляется необходимым осуществить разработку и закрепление в действующем законодательстве системы рекомендаций и предложений по его совершенствованию в части закрепления допустимых пределов реализации гражданами Российской Федерации своих соматических прав.

Во-первых, в связи с тем, что значительная часть соматических прав граждан носит комплексный характер и закреплена в различных нормативно-правовых актах, представляется оправданным разработка и принятие отдельного Федерального закона, в котором следует закрепить правовые основы соматических прав граждан. В нем необходимо детализировать основные соматические права граждан страны и (или) указать основные их квалифицирующие признаки, по которым те или иные права человека могут быть отнесены к данной категории. Кроме того, в данном Федеральном законе следует формализовать основные принципы, условия и порядок реализации указанной категории прав граждан.

Во-вторых, ввиду того, что процесс реализации значительной части соматических прав граждан влечет риски нарушения прав, свобод и законных интересов третьих лиц, представляется необходимым поручить Министерству юстиции Российской Федерации провести анализ положений действующего законодательства в части внесения в него дополнений и изменений, исключающих вышеназванные нарушения. Особенно это касается тех соматических прав, которые носят коллективный (групповой) характер, затрагивают права, свободы и законные интересы нескольких лиц (например, супругов при обращении последних в лечебные учреждения со своим репродукционным материалом для создания человеческого эмбриона с последующей его подсадкой суррогатной матери). Применительно к данному случаю законодателю следует защитить права и мужчины, разрешив распоряжение эмбрионом только по взаимному согласию супругов (в случае отсутствия указанного согласия – по решению суда).

В-третьих, в силу того, что ряд положений действующего законодательства, по нашему мнению, нарушает соматические права граждан, следует поручить Министерству юстиции Российской Федерации провести ревизию соответствующих правовых норм с целью их исключения. Так, мы считаем дискуссионным (и подлежащим исключению из законодательства) с точки зрения соблюдения соматических прав граждан институт презумпции согласия пациентов лечебных учреждений на донорство своих органов и (или) тканей, если отсутствуют доказательства их прижизненного отказа от указанного донорства, который предусмотрен рядом нормативно-правовых актов (прежде всего – Законом РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»). Более того, любые попытки распоряжения органами и (или) тканями человека после его смерти без его согласия (кроме захоронения, либо кремации) мы считаем необходимым рассматривать в качестве противоправных действий, нарушающих соматические права покойного.

В-четвертых, в связи с тем, что в действующем законодательстве не закреплено определение понятия злоупотребления правом при реализации соматических прав человека, представляется необходимым не только разработать и закрепить указанное определение понятия, но и детализировать данные злоупотребления на несколько категорий: а) злоупотребления путем совершения правонарушений; б) злоупотребления посредством нарушения прав, свобод и законных интересов третьих лиц, но не являющегося преступлением (либо административным правонарушением); в) злоупотребления путем нарушения общепринятых норм общественного поведения (моральных, нравственных, религиозных и т.д.).

В-пятых, ввиду того, что ряд категорий злоупотреблений правом при реализации соматических прав человека носят общественно опасный характер, мы считаем необходимым разработать и закрепить в УК РФ и административном законодательстве систему соответствующих мер правовой ответственности за вышеназванные злоупотребления.

В-шестых, в силу того, что соматические права человека занимают важнейшее место в системе прав человека, представляется необходимым процесс их реализации включить в состав объектов общественного контроля (как мы отмечали ранее, использовать позитивный советский опыт расширения объектного состава в данной сфере). [7, с. 72-88]

Заключение

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов:

1. Соматические права относятся к четвертому поколению прав и свобод человека и гражданина, как правило, не зависят от государственной принадлежности носителя, в большинстве случаев являются личными, основными и относительными, комплексными по структуре, могут быть как личными (индивидуальными), так и групповыми (коллективными), как негативными, так и позитивными.

2. Комплексный характер и дискуссионность содержания соматических прав (во многом обусловленные относительной «молодостью» данной категории прав человека), а также негативное отношение к ним значительной части общества (особенно старших поколений граждан), диктуют необходимость законодательного закрепления пределов реализации их гражданами Российской Федерации для того, чтобы избежать нарушения прав, свобод и законных интересов других граждан, прав и законных интересов юридических лиц и органов публичной власти.

3. При этом, под злоупотреблением правом при реализации человеком своих соматических прав следует понимать не только нарушение законодательно закрепленных пределов реализации указанной категории прав человека путем совершения определенных действий или бездействия, связанных с реализацией данных прав, но и осуществление вышеназванной реализации указанных прав в целях, приемами (способами) и в объемах, противоречащих правам, свободам и законным интересам третьих лиц, а также общепринятым нормам человеческого поведения (моральным, нравственным, религиозным и т.д.).

4. В качестве рекомендаций и предложений по совершенствованию российского законодательства в части закрепления допустимых пределов реализации гражданами Российской Федерации своих соматических прав следует выделить следующие: а) необходимо разработать и принять Федеральный закон «О правовых основах соматических прав граждан Российской Федерации», в котором следует закрепить основные соматические права граждан страны, квалифицирующие признаки, по которым те или иные права человека могут быть отнесены к данной категории, принципы, условия и порядок реализации указанной категории прав граждан; б) следует детализировать в законодательстве условия реализации отдельных соматических прав, исключающие нарушения прав, свобод и законных интересов третьих лиц (например, необходимо закрепить положение о том, что распоряжение человеческим эмбрионом, полученным лабораторным путем в медицинском учреждении, осуществляется обоими супругами по согласованию, а при отсутствии согласования – на основании решения суда); в) необходимо исключить из действующего законодательства положения, нарушающие соматические права граждан, например, предусматривающие, в частности, в Законе РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» презумпцию согласия пациентов лечебных учреждений на донорство своих органов и (или) тканей, если отсутствуют доказательства их прижизненного отказа от указанного донорства (с одновременным установлением уголовной ответственности для всех лиц, участвовавших в данном изъятии органов и (или) тканей покойного); г) следует разработать и

закрепить в действующем законодательстве понятие злоупотребления правом при реализации соматических прав человека (с разделением данных злоупотреблений правом на три категории – путем совершения уголовных и административных правонарушений, посредством нарушения прав, свобод и законных интересов третьих лиц (без совершения преступлений и административных правонарушений), а также путем нарушения общепринятых норм общественного поведения (моральных, нравственных, религиозных и т.д.); д) необходимо разработать и закрепить в уголовном и административном законодательстве систему мер правовой ответственности за отдельные категории злоупотребления гражданами Российской Федерации правом при реализации своих соматических прав; е) в силу особой важности соматических прав человека в общей системе прав и свобод человека и гражданина в нашей стране следует законодательно закрепить механизм участия субъектов общественного контроля в контроле за соблюдением субъектами права механизма реализации указанных прав (в том числе - в целях недопущения злоупотребления гражданами правом при реализации соматических прав).

Список литературы:

1. Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. - 2009. - № 1 (73). - С. 69-82. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-1-69-82 EDN: KARGZB
2. Арзамасцев М. В. Уголовно-правовые гарантии достоинства человека и развитие биотехнологий // Правоведение. 2022. Т. 66. № 1. С. 19-42. DOI: 10.21638/spbu25.2022.102 EDN: LHVVG1
3. Велиева С. М. К вопросу о становлении соматических прав и пределах их реализации // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 32-36. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-3-32-36 EDN: YGTXME
4. Гончаров В. В. Общественное развитие в трактовке философской концепции глобального конституционализма // Философия и культура. 2016. № 11 (107). С. 1517-1523. EDN: XERUPZ
5. Гончаров В. В., Поярков С. Ю. Права и свободы человека как идеальная ценность современного государства // Философия и культура. 2017. № 1. С. 47-50. EDN: XXZPYJ
6. Гончаров В. В. Роль и место политических партий в формировании, функционировании и развитии системы исполнительной власти в Российской Федерации // История государства и права. 2008. № 24. С. 7-9. EDN: KCKEOJ
7. Гончаров В. В. Использование позитивного опыта организации и осуществления народного контроля власти в СССР в процессе оптимизации общественного контроля в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) // Право и политика. 2019. № 5. С. 72-88. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.5.27942 EDN: ZKQRSP
8. Гребенщикова Я. С. Соматические права как закономерный этап развития прав человека // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2019. - № 5. - С. 124-128. DOI: 10.23672/SAE.2019.5.31430 EDN: JGWERR
9. Деркач Н. Г., Луковская Д. И. Соматические права в системе прав человека // Юридическая наука: история и современность. - 2019. - № 1. - С. 30-36. EDN: BMFVUB
10. Крусс В. И. Медицинское право, конституционное правопользование и соматические притязания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 8-18. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-4-8-18 EDN: LMWMBK
11. Нестерова Е. М. Особенности российской правовой политики в сфере обеспечения личностных (соматических) прав человека // Государственно-правовые исследования. 2019. № 2. С. 83-86. EDN: XXNWRW
12. Смирнов А. М. К вопросу о некоторых нормативных возможностях реализации соматических прав человека в Российской Федерации // Образование и наука в России и за рубежом. - 2019. - № 2 (50). - С. 64-67. EDN: YWJVCX
13. Топильдиева Д. Опросы расследования преступления в сфере медицинской трансплантологии // Society and Innovations. 2023. Т. 3. № 11/S. С. 144-149. DOI: 10.47689/2181-1415-vol3-iss11/s-pp144-149 EDN: GJZSLY
14. Цветикова Т. В. Правовая культура и законодательство об эвтаназии: новый уровень правового регулирования или крах правовой системы? // Евразийский Союз Ученых. Серия: экономические и юридические науки. 2021. № 10 (91). С. 30-35. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.91.1478 EDN: SIOYGO
15. Циммерман А. А. К вопросу о злоупотреблении соматическими правами: искусственное прерывание беременности (аборт) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 29. С. 277-285. EDN: PBZYEF

References:

1. Abashidze A. A., Solntsev A. M. A new generation of human rights: somatic rights // Moscow Journal of International Law. - 2009. - № 1 (73). - Pp. 69-82. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-1-69-82 EDN: KARGZB
2. Arzamastsev M. V. Criminal law guarantees of human dignity and the development of biotechnologies // Jurisprudence. 2022. Vol. 66. No. 1. pp. 19-42. DOI: 10.21638/spbu25.2022.102 EDN: LHVVG1
3. Veliyeva S. M. On the issue of the formation of somatic rights and the limits of their implementation // Civil service and personnel. 2024. No. 3. pp. 32-36. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-3-32-36 EDN: YGTXME
4. Goncharov V. V. Social development in the interpretation of the philosophical concept of global constitutionalism // Philosophy and Culture. 2016. No. 11 (107). pp. 1517-1523. EDN: XERUPZ
5. Goncharov V. V., Poyarkov S. Yu. Human rights and freedoms as an ideal value of the modern state // Philosophy and Culture. 2017. No. 1. pp. 47-50. EDN: XXZPYJ
6. Goncharov V. V. The role and place of political parties in the formation, functioning and development of the system of executive power in the Russian Federation // History of the State and Law. 2008. No. 24. pp. 7-9. EDN: KCKEOJ
7. Goncharov V. V. Using the positive experience of organizing and implementing popular control of power in the USSR in the process of optimizing public control in the Russian Federation (constitutional and legal analysis) // Law and Politics. 2019. No. 5. pp. 72-88. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.5.27942 EDN: ZKQRSP
8. Grebenshchikova Ya. S. Somatic rights as a natural stage in the development of human rights // Humanities, socio-economic and social sciences. - 2019. - No. 5. - Pp. 124-128. DOI: 10.23672/SAE.2019.5.31430 EDN: JGWERR
9. Derkach N. G., Lukovskaya D. I. Somatic rights in the human rights system // Legal science: history and modernity. - 2019. - No. 1. - pp. 30-36. EDN: BMFVUB
10. Kruss V. I. Medical law, constitutional legal use and somatic claims // Constitutional and municipal law. 2023. No. 4. pp. 8-18. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-4-8-18 EDN: LMWMBK
11. Nesterova E. M. Peculiarities of the Russian legal policy in the sphere of ensuring personal (somatic) human rights // State-legal research. 2019. No. 2. pp. 83-86. EDN: XXNWRW
12. Smirnov A. M. On the issue of some normative possibilities for the realization of somatic human rights in the Russian Federation // Education and science in Russia and abroad. - 2019. - № 2 (50). - Pp. 64-67. EDN: YWJVCX
13. Topildieva D. Crime investigation surveys in the field of medical transplantation // Society and Innovations. 2023. Vol. 3. No. 11/S. S. 144-149. DOI: 10.47689/2181-1415-vol3-iss11/s-pp144-149 EDN: GJZSLY
14. Tsvetikova T. V. Legal culture and legislation on euthanasia: a new level of legal regulation or the collapse of the legal system? // The Eurasian Union of Scientists. Series: Economic and legal sciences. 2021. No. 10 (91). pp. 30-35. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.91.1478 EDN: SIOYGO
15. Zimmermann A. A. On the issue of abuse of somatic rights: artificial termination of pregnancy (abortion) // Bulletin of Tver State University. Series: Law. 2012. No. 29. Pp. 277-285. EDN: PBZYEF

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ INCREASING THE EFFICIENCY OF STATE PROTECTION OF HUMAN AND CITIZEN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ДАВИДОВА Марина Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23.
E-mail: davidovam@yandex.ru;

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23.
E-mail: irina.090@mail.ru;

DAVYDOVA Marina Vitalievna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of General Theoretical and State-Legal Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
23 Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: davidovam@yandex.ru;

IGNATIEVA Irina Valentinovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General Theoretical and State Legal Disciplines,
East Siberian branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
23 Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: irina.090@mail.ru

Краткая аннотация. Обеспечение безопасности и защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровую эпоху становится важным направлением деятельности государства. Под влиянием цифровизации в обществе происходят изменения, которые приводят к увеличению числа жалоб, связанных с нарушениями прав человека. Среди ключевых вопросов — нарушение конфиденциальности персональных данных, проблемы доступности государственных услуг через цифровые платформы, необоснованная блокировка контента в социальных сетях и другие. Для эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации необходимо, в первую очередь, совершенствовать нормативно-правовую базу, регулирующую отношения в сфере цифровых технологий путем принятия Цифрового кодекса. Неустанно повышать уровень цифровой грамотности населения и т.д. Авторы делают вывод, что защита прав и свобод граждан в цифровую эпоху требует совместных усилий государства, общества и каждого отдельного гражданина.

Abstract. Ensuring the security and protection of human and citizen rights and freedoms in the digital era is becoming an important area of state activity. Under the influence of digitalization, changes are taking place in society that lead to an increase in the number of complaints related to human rights violations. Key issues include violation of personal data confidentiality, problems with the availability of public services through digital platforms, unjustified blocking of content in social networks, and others. To effectively protect human and citizen rights and freedoms in the digital space of the Russian Federation, it is necessary, first of all, to improve the regulatory framework governing relations in the field of digital technologies by adopting the Digital Code. Constantly increase the level of digital literacy of the population, etc. The authors conclude that the protection of citizens' rights and freedoms in the digital era requires joint efforts of the state, society, and each individual citizen.

Ключевые слова: Конституция, единый портал государственных и муниципальных услуг (функций), цифровизация, цифровые права, Цифровой кодекс, Интернет, киберпреступность, мошенничество.

Keywords: Constitution, single portal of state and municipal services (functions), digitalization, digital rights, Digital Code, Internet, cybercrime, fraud.

Для цитирования: Давыдова М.В., Игнатиева И.В. Повышение эффективности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_148.

For citation: Davydova M.V., Ignatieva I.V. Increasing the efficiency of state protection of human and citizen rights and freedoms in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 148-151. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_148.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Под государственной защитой прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации понимается деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по соблюдению, обеспечению и охране конституционных прав и свобод. Эта деятельность охватывает широкий спектр мер, направленных на предотвращение нарушений прав, восстановление нарушенных прав и привлечение к ответственности лиц, виновных в таких нарушениях. Согласно статье 45 Конституции Российской Федерации, такая защита гарантируется каждому, кто находится на территории Российской Федерации¹. Реализация этой гарантии осуществляется посредством целого ряда механизмов, включающих деятельность правоохранительных органов, судебной системы, а также других государственных институтов, призванных обеспечивать соблюдение законов и защиту прав граждан. Важным аспектом является доступность правосудия для всех, кто в ней нуждается, что предполагает не только возможность обращения в суд, но и предоставление квалифицированной юридической помощи, особенно для социально уязвимых слоев населения.

Однако, государственная защита — это не только прерогатива государственных органов. Это также активная позиция самого гражданина, который должен знать свои права и уметь их отстаивать. Правовая грамотность населения является одним из ключевых факторов, обеспечивающих эффективную реализацию конституционной гарантии защиты. Граждане, осведомленные о своих правах и обязанностях, лучше подго-

¹ Гарантии государственной защиты прав и свобод человека и гражданина содержатся так же в статьях 46, 47, 48, 55 и 56 Конституции РФ.

товлены к защите своих интересов и могут более эффективно взаимодействовать с государственными органами.

В контексте современной действительности, гарантия государственной защиты приобретает особую актуальность в связи с развитием информационных технологий и распространением киберпреступности. Государство должно обеспечивать защиту прав граждан в цифровом пространстве, в том числе путем совершенствования законодательства и создания эффективных механизмов противодействия киберугрозам. Это требует постоянного развития и адаптации системы защиты прав и свобод личности к новым вызовам и угрозам.

Отметим, что в эпоху цифровых технологий, защита прав и свобод человека и гражданина приобретает особую актуальность из-за того, что электронные способы и средства коммуникации, интернет-платформы, цифровые базы данных создают дополнительные угрозы для прав и свобод граждан, и проявляются в нарушении конфиденциальности, кражах персональных данных из электронных хранилищ, вмешательстве в частную жизнь путем нецелевого использования профиля на Госуслугах, цифровой дискриминации, мошенничестве с использованием электронного банковского приложения, распространении дезинформации («фейковых новостей»), информационных войнах за овладение массовым сознанием и контролю над цифровым пространством, а также появлении новых способов мониторинга и контроля, например, социальных рейтингов, основанных на сборе и анализе данных и влияющих на принятие решений, значимых для жизни граждан. Например, с помощью мониторинга социальных сетей можно отслеживать упоминания организации или продукта в социальных сетях, анализировать отзывы и комментарии пользователей, выявлять тренды и тенденции в поведении и настроениях потребителей. Органы государственной власти стремятся использовать обратную связь для стратегического прогнозирования возможных проблемных ситуаций и перспективного планирования важных государственных проектов [2, с. 38].

Защита прав граждан в цифровую эпоху требует совместных усилий государства, общества и каждого отдельного гражданина. Трансформация общества в сторону цифровизации несет в себе огромный потенциал для развития и улучшения качества жизни, однако одновременно создает новые вызовы и риски для фундаментальных прав и свобод. Повсеместное проникновение технологий в нашу жизнь, от социальных сетей до искусственного интеллекта, требует переосмысления существующих правовых механизмов и разработки новых, способных адекватно реагировать на динамично меняющуюся цифровую среду.

Государство, как основной гарант прав и свобод, должно взять на себя ведущую роль в формировании правовой базы, регулирующей цифровое пространство. Эта база должна быть не только современной и технологически нейтральной, но и гибкой, чтобы адаптироваться к будущим инновациям. Важно создать эффективные механизмы защиты персональных данных, гарантировать свободу выражения мнений и доступа к информации, а также обеспечить равные возможности для всех граждан в использовании цифровых технологий. Особое внимание следует уделить защите уязвимых групп населения, которые могут быть менее подготовлены к цифровым вызовам, таких как пожилые люди и дети.

Общество, в свою очередь, играет важную роль в формировании цифровой культуры и осознанного использования технологий. Повышение цифровой грамотности населения, содействие развитию этических норм поведения в онлайн-среде и поддержка общественных инициатив по защите прав в цифровом пространстве – все это является необходимым условием для создания безопасной и справедливой цифровой среды. Некоммерческие организации, академические институты и медиа должны активно участвовать в просветительской работе и мониторинге соблюдения прав в цифровом пространстве. Каждый гражданин несет ответственность за свои действия в цифровом пространстве и должен осознавать свои права и обязанности. Умение критически оценивать информацию, защищать свои персональные данные и сообщать о нарушениях прав других граждан – это необходимые навыки для жизни в цифровом обществе. Важно помнить, что цифровое пространство не является анонимным, и все действия в нем могут иметь реальные последствия¹.

К ресурсам, которые помогают повысить уровень цифровой грамотности населения относятся проект Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее Минцифры России) о безопасном и эффективном использовании цифровых технологий для людей с разным уровнем цифровых компетенций. Называется проект «Готов к цифре». Стоит упомянуть и проекты «Цифровая грамотность и безопасность в интернете», «Цифровая грамотность», «Цифровой гражданин» и т.д. [3, с. 276].

Обучение цифровой грамотности должно включать в себя информацию о защите прав и свобод человека и гражданина, чтобы каждый пользователь мог уверенно ориентироваться в цифровом мире и использовать технологии ответственно.

Так, к современным методам защиты прав и свобод человека и гражданина с использованием цифровых технологий можно отнести изменения, внесенные в 2012 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ). В УК РФ появились статьи 159.3 «Ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа» и 159.6 «Ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации», которые стали правовой основой для борьбы с преступлениями с использованием цифровых технологий. Только за 10 месяцев 2024 г. количество зарегистрированных преступлений по статьям 159.3-159.6 УК РФ составило 178 дел, что на 14 больше, чем за аналогичный период 2023 г. (153).

Однако, преступность в сфере цифровых технологий с каждым годом все более и более совершенствуется, а нормативно-правовое регулирование некоторых преступлений в законодательстве присутствует лишь косвенно. Так, например, использование чужого профиля на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций) (далее Госуслугах) не регулируется напрямую законодательством. Ответственность предусмотрена лишь за кражу персональных данных, а также за совершение каких-либо финансовых операций с их использованием².

¹ Что такое цифровая грамотность и зачем она нужна. [Электронный ресурс]. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/cto-takoe-tsifrovaya-gramotnost/> (дата обращения: 21.03.2025).

² С ноября 2024 года в УК РФ ввели статью 272.1 – «Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для её незаконного хранения и (или) распространения». За нарушения предусмотрены: штраф 300 000-400 000 рублей, принудительные работы или лишение свободы сроком до четырёх лет; если нарушения касаются данных несовершеннолетних или биометрии, санкции будут строже: штраф до 700 000 рублей или лишение свободы на срок до пяти лет; максимальное наказание предусмотрено за передачу персональных данных россиянам другим государствам: за это грозит штраф до 2 млн рублей и лишение свободы до восьми лет; если

Также на законодательном уровне до настоящего времени не урегулированы деятельность проекта «Госуслуги» и порядок предоставления ими услуг в электронном виде. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (действует с 8.01.2025 в ред. от 28.12.2024) (далее ФЗ № 210-ФЗ), в котором закреплены положения, регулирующие порядок организации деятельности многофункциональных центров (далее МФЦ) и использование средств цифровизации при оказании государственных и муниципальных услуг, саму электронную систему «Госуслуги» не упоминает. Отсутствие единого определения понятия «государственные (муниципальные) услуги» в ФЗ № 210-ФЗ приводит к противоречиям в регулировании порядка финансирования услуг и их предоставления, к несогласованности с другими федеральными законами, например, с Федеральным законом от 02.05.2006 №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹ (далее ФЗ № 210-ФЗ). Противоречие между ФЗ № 210-ФЗ и ФЗ № 59-ФЗ проявляется в несовпадении сфер регулирования двух этих законов. Согласно одному из положений, ФЗ №210-ФЗ устанавливает порядок рассмотрения жалоб на нарушения прав граждан и организаций при предоставлении государственных и муниципальных услуг, но его нормы не распространяются на отношения, которые регулируются ФЗ №59-ФЗ.

С 30 марта 2025 года в закон №59-ФЗ внесены изменения, согласно которым электронная почта государственного органа или должностного лица не может использоваться как канал приёма обращений, которые подлежат рассмотрению в рамках этого закона².

ФЗ №210-ФЗ вступает в противоречие и с Федеральным законом от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 14 октября 2024) (далее ФЗ № 135 –ФЗ) в предоставлении государственной (муниципальной) услуги организациями, которые не указаны в определении такой услуги (нарушение ФЗ № 210-ФЗ).

Неурегулированность данных вопросов ведет в конечном итоге к отсутствию эффективного механизма взаимодействия с потребителями услуг, в некоторых муниципальных образованиях система услуг вовсе недоступна из-за отсутствия необходимого финансирования, что затрудняет обмен данными между большим числом равноуровневых и равноотраслевых инстанций из-за различных регулирующих нормативных документов, разного аппаратного оснащения и программного обеспечения³. В связи с этим нами предлагается разработать и принять правовые акты, которые регулировали бы деятельность каждого учреждения или проекта (например, «Госуслуги») отдельно, в расширенном виде, с учетом тех проблем, которые существуют при оказании государственных или муниципальных услуг с использованием цифровых технологий. Такая детальная регламентация позволит не только унифицировать процессы предоставления услуг, но и установить четкие критерии оценки их качества, а также определить ответственность сторон за несоблюдение установленных правил. Важно, чтобы данные акты были разработаны с привлечением широкого круга экспертов, включая представителей государственных органов, научных учреждений, общественных организаций и, конечно же, конечных пользователей.

Не менее важным аспектом является создание механизма оперативного внесения изменений в правовые акты, регулирующие цифровую сферу. Технологии развиваются стремительно, и законодательство должно оперативно реагировать на новые вызовы и возможности. В противном случае, нормативные акты быстро устареют и перестанут соответствовать реалиям цифрового мира, что приведет к снижению эффективности оказания услуг и увеличению рисков. Для этого предлагается разработать упрощенную процедуру внесения изменений, предусматривающую минимальное количество согласований и максимальную скорость принятия решений. Кроме того, необходимо уделить особое внимание вопросам защиты персональных данных и обеспечения информационной безопасности. Правовые акты должны четко регламентировать порядок сбора, хранения, обработки и передачи персональных данных, а также устанавливать ответственность за нарушение этих правил. Необходимо разработать и внедрить эффективные механизмы контроля за соблюдением требований информационной безопасности, а также проводить регулярные проверки и аудит систем, используемых для оказания государственных и муниципальных услуг в цифровом формате.

Для граждан одним из способов обращения является единый портал предоставления государственных услуг (далее – ЕПГУ), через него пользователи, которые имеют профиль на Госуслугах, могут зайти в электронное приложение «Госуслуги» и отправить свое обращение в органы публичной власти, например, прокуратуру, после чего оно переадресуется по назначению в территориальный орган и будет рассмотрено в соответствии с ФЗ № 59-ФЗ в тридцатидневный срок. Однако, существуют некоторые проблемы, которые возникают при использовании этих систем, например, сотрудники прокуратуры вынуждены оформлять не только бумажные варианты надзорных производств, заполняя огромное количество документов, но и вносить все это в электронные системы. При этом, они ограничены законодателем сроками, в которые зачастую просто невозможно успеть⁴. Ко всему прочему, коммуникация путем цифровых систем зачастую может давать сбои, и граждане, подавшие свои обращения в электронном виде, вынуждены ожидать, когда система будет вновь исправна.

Доступ к Интернету и цифровым технологиям является одним из ключевых прав современного человека, наравне с традиционными

нарушения совершены группой лиц и повлекли тяжкие последствия, преступников могут посадить на 10 лет. Также уголовная ответственность предусмотрена за создание интернет-ресурсов для хранения и распространения данных, полученных незаконно. Например, сайтов для продажи украденных баз данных или ресурсов, где выложены слитые фотографии документов. С 30 мая 2025 года планируют ввести штраф за утечку персональных данных. Если компания не уведомит Роскомнадзор об утечке, то заплатит штраф до 3 млн рублей. За повторную утечку данных начнут применять оборотные штрафы.

¹ С 1 сентября 2023 г. применяется редакция от 4 августа 2023 г. Однако с 30 марта 2025 г. вступит в силу редакция, внесенная Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. №547-ФЗ

² Для приёма обращений можно использовать только: единый портал государственных и муниципальных услуг (портал «Госуслуги»); иные информационные системы государственных органов или органов местного самоуправления; официальные сайты государственных органов или органов местного самоуправления. Ответы на обращения могут направляться: в личный кабинет в иной информационной системе (или сайте), через которую было подано обращение; Зна электронную почту гражданина, указанную при подаче обращения. Исключение сделано для МВД, ФСБ, СВР и ФСО – предусмотрена возможность установления особого порядка направления обращений граждан. При этом, сохранится возможность обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, должностному лицу в устной и письменной форме

³ Приказ Минцифры России от 18.01.2023 №21 «Об утверждении Методических рекомендаций по переходу на использование российского программного обеспечения, в том числе на значимых объектах критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, и о реализации мер, направленных на ускоренный переход органов государственной власти и организаций на использование российского программного обеспечения в Российской Федерации».

⁴ Согласно приказу Генпрокуратуры России от 29.12.2011 №450 (ред. от 16.09.2022) «О введении в действие Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры», документ должен быть исполнен в срок, установленный руководителем. Некоторые сроки : поручение с отметкой «срочно» — в течение 3 дней; отметка «оперативно» – в течение 10 дней; если в резолюции не указана конкретная дата исполнения, то документ должен быть исполнен в течение 30 дней (если иные сокращенные сроки не предусмотрены законодательством или организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации).

правами и свободами¹, открывая новые возможности для участия граждан в управлении государством, доступа к труду, образованию, свободе самовыражения и многому другому. Эта новая реальность требует переосмысления существующих подходов к защите прав и свобод в цифровой среде. Государства и международные организации должны разрабатывать и внедрять эффективные механизмы для обеспечения равного доступа к интернету, защиты персональных данных, борьбы с киберпреступностью и дезинформацией. Важно помнить, что свобода слова в интернете не должна приводить к распространению ненависти, насилия и дискриминации.

Особую роль в обеспечении цифровых прав играет образование. Граждане должны обладать необходимыми знаниями и навыками для безопасного и эффективного использования цифровых технологий. Необходимо развивать цифровую грамотность, критическое мышление и умение распознавать фейковые новости. Только образованное и информированное общество сможет в полной мере воспользоваться преимуществами цифровой эпохи и противостоять ее угрозам. Только через обновление подходов к работе, внедрение новых технологий и методов анализа можно обеспечить должную защиту прав и свобод в цифровую эпоху. Это будет способствовать не только разрешению текущих проблем, но и предотвращению потенциальных угроз в будущем, укрепляя доверие общества к институтам публичной власти. Вот только несколько наших предложений по обеспечению защиты прав и свобод в цифровую эпоху: в первую очередь это повышение уровня цифровой грамотности населения. Это позволит гражданам более осознанно подходить к использованию цифровых технологий и принимать меры для защиты своих прав и интересов. Во-вторых, определение границ «цифровой» власти и регламентация деятельности цифровых корпораций. Это поможет повысить прозрачность и подотчетность в управлении цифровой средой, предотвратить злоупотребления и нарушения прав граждан в виртуальном пространстве. В-третьих, обеспечение трудовых прав в цифровом пространстве, включая право работников на конфиденциальность. Необходимо регулировать использование работодателем высокотехнологичных инструментов контроля над сотрудниками, чтобы достичь баланса между повышением производительности труда и защитой права работника на приватность. В-четвертых, разработка и принятие «цифровых прав». Например, права на доступ к интернету, право на забвение, право на защиту от нежелательной информации. В-пятых, систематизация информационно-цифрового законодательства. Одним из вариантов такой систематизации может стать принятие Цифрового кодекса Российской Федерации².

Отдельно хотелось бы остановиться на деятельности органов муниципальной власти, которая также подверглась цифровизации и на сегодня продолжает совершенствоваться подходы к осуществлению местного самоуправления в эпоху цифровых технологий [1, с. 30]. Вследствии принятия Федерального закона от 18.04.2018 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования организации местного самоуправления» (далее – ФЗ №83-ФЗ) власти стали официально публиковать муниципальные акты в сети Интернет, что повысило открытость деятельности муниципальных органов и укрепило доверие со стороны населения к ним. В деятельности органов муниципальной власти, подобно органам прокуратуры, организована возможность подачи электронных обращений граждан [4, с. 50].

Считаем, что это является важнейшим элементом реализации правозащитной функции органов муниципальной власти, а цифровой подход позволяет оперативно реагировать на проблемы населения муниципального образования, что в свою очередь позволяет говорить о правовой защищенности последнего. Цифровое развитие органов публичной власти продолжает реализовываться в рамках Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», где выделено такое направления развития нашей страны, как «цифровая трансформация». Считаем, необходимо подчеркнуть, что параллельно с «цифровой трансформацией» должна проходить трансформация нашей правовой системы, в том числе с учетом выявленных нами проблем.

Таким образом, следует отметить, что несмотря на положительные свойства цифровизации деятельности органов публичной власти, отражающиеся на повышении оперативности реагирования на обращения граждан; открытости их деятельности; доступности средств правовой защиты (самозащиты) населения, существуют проблемы, в том числе в области нормативно-правового регулирования этих процессов, которые требуют вмешательства законодателя, а также внимания со стороны правоприменителей. Защита прав и свобод в эпоху цифровизации стоит на повестке дня как никогда актуально, формирование новых видов преступлений, в числе которых киберпреступность, мошенничество с использованием цифровых технологий и т.д. заставляют законодателя и правоприменителей постоянно совершенствовать механизмы обеспечения законности и правопорядка в обществе.

Список литературы:

1. Булатов Р.Б. Правозащитная деятельность органов муниципальной власти: проблемы ее эффективности и их преодоление / Р. Б. Булатов, С. С. Костычев // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 30-33. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-1-30-33 EDN: YFTLRS
2. Глушкова С. И. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий / С. И. Глушкова, Е. Д. Летунوف // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4 (31). С. 34-39. EDN: VVNIKS
3. Маматова И.Ы. Цифровые и информационные технологии для повышения качества жизни человека / И.Ы. Маматова // Endless light in science. 2025. № 28 С. 275-280. DOI: 10.24412/3007-8946-2025-31-35-40 EDN: OMHDAB
4. Степкин С. П. Проблемы правовой регламентации и особенности подачи обращений в форме электронного документа / С.П. Степкин // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7 (140). С. 49-58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.140.7.049-058 EDN: QWCVXN

References:

1. Bulatov R.B. Human rights activities of municipal authorities: problems of its effectiveness and their overcoming / R.B. Bulatov, S.S. Kostychev // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 1. P. 30-33
2. Glushkova S.I. Development of a new generation of human rights in the digital era / S.I. Glushkova, E.D. Letunov // Bulletin of the Humanitarian University. 2020. No. 4 (31). P. 34-39.
3. Mamatova I.Y. Digital and information technologies for improving the quality of human life / I.Y. Mamatova // Endless light in science. 2025. No. 28 P. 275-280.
4. Stepkin S.P. Problems of legal regulation and features of filing applications in the form of an electronic document / S.P. Stepkin // Actual problems of Russian law. 2022. No. 7 (140). P. 49-58.

¹Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяны Москальковой за 2021 год // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/54763/> (дата обращения: 22.03.2025).

² В России идея создания Цифрового кодекса возникла ещё в 2014 году, полноценное развитие инициатива получила в 2023 году. Задача документа – закрепить права и обязанности участников ИКТ, от пользователей до государства, а также определить ключевые понятия, например «защиту персональных данных».

ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРГЕНТИНА ISSUES OF OPTIMIZATION OF THE SYSTEM AND STRUCTURE OF EXECUTIVE POWER ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ARGENTINA

ГОРОХОВ Дмитрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права,
Государственный университет по землеустройству.
105064, Россия, г. Москва, ул. Казакова, 15.

E-mail: dmgorokhov@yandex.ru;

GOROKHOV Dmitry Yuryevich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Public Law
State University of Land Use Planning.
105064, Moscow, Kazakova St. 15

E-mail: dmgorokhov@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются изменения в системе исполнительной власти Аргентины, произошедшие в 2024 году, делаются выводы об их масштабах и эффективности на текущий момент.

Abstract. The article examines changes in Argentina's executive branch system that occurred in 2024, drawing conclusions about their scope and effectiveness to date.

Ключевые слова: административное право, система исполнительной власти, Правительство, министерства, оптимизация, реформирование, Аргентина.

Keywords: administrative law, executive branch system, Government, ministries, optimization, reform, Argentina.

Для цитирования: Горохов Д.Ю. Вопросы оптимизации системы и структуры исполнительной власти на примере Республики Аргентина // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 152-154. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_152.

For citation: Gorokhov D.Yu. Issues of optimization of the system and structure of executive power on the example of the Republic of Argentina // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 152-154. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_152.

Статья поступила в редакцию: 05.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Эффективное управление государством требует гибкости и адаптации к быстро меняющимся условиям, таким как глобализация, технологический прогресс и социальные изменения. Цель оптимизации заключается в повышении эффективности принятия решений, улучшении координации между различными уровнями власти и обеспечении прозрачности и подотчетности государственных органов.

Административные реформы в системе и структуре исполнительной власти представляют собой комплекс мероприятий, направленных на оптимизацию государственных механизмов управления. Основные цели таких реформ включают повышение эффективности функционирования государственной власти, улучшение качества предоставляемых услуг, а также адаптацию институтов власти к изменяющимся социально-экономическим условиям[1].

Реформы могут включать в себя реструктуризацию органов исполнительной власти, упрощение бюрократических процедур, внедрение современных информационных технологий для повышения прозрачности и подотчетности государственных органов.

Проведение таких реформ обусловлено необходимостью реагирования на вызовы глобализации, интеграции в международные экономические системы, а также стремлением к более эффективному расходованию бюджетных средств. В результате реализации административных реформ ожидается повышение гибкости и адаптивности системы управления, что позволит обеспечить устойчивое развитие государства и общества.

Система исполнительной власти в Аргентине неоднократно претерпела значительные изменения как в XX, так и в XXI веке. Изначально структура власти формировалась на основе совета и слабого президентства. В течение XX века институты власти не раз подвергались изменениям из-за политической нестабильности, включая периоды военных диктатур в стране.

В конце XX века наступила эпоха демократизации, начавшаяся в 1983 году с возвращением к гражданскому правлению. В этот период были укреплены институты демократии и восстановлена конституционная система с сильным президентством. Реформы заключались в усилении механизмов прозрачности и подотчетности, а также в стремлении улучшить координацию между разными уровнями власти.

В 1990-е годы система исполнительной власти в Аргентине прошла через значительные трансформации, связанные с экономическими реформами. Президент Карлос Менем (1989–1999), инициировал либерализацию экономики, приватизацию государственных предприятий и рыночные реформы. Были приняты меры для усиления президентской власти и стабилизации экономики. В 1994 году проведены конституционные изменения, которые, среди прочего, позволили президенту переизбираться на второй срок, что ещё больше укрепило исполнительную власть[2].

В 2000-е годы под влиянием политических и экономических вызовов. После экономического кризиса 2001 года, который привёл к частым сменам президентов, государственные институты начали стабилизироваться. Упор был сделан на усиление роли государства в экономике,

реструктуризацию долга и социальные программы.

В 2015 года президентом был избран Маурисио Макри, который провел ряд реформ, направленных на либерализацию и интеграцию в мировую экономику. Однако экономические трудности, такие как инфляция и долговые обязательства, продолжили оставаться главными проблемами страны.

В 2019 году президентом был избран Альберто Фернандес. Его правление сосредоточилось на социальных программах и переговорах по госдолгу, продолжая влиять на структуру и функции исполнительной власти в Аргентине.

Хавьер Милей, избранный президентом страны в 2023 году, выступал с резкой критикой традиционной политической элиты и предлагал радикальные экономические реформы. Одним из пунктов его предвыборной программы стало существенное сокращение государственного сектора, значительное сокращение расходов и штата государственного аппарата, общее дерегулирование государства, ослабление контроля для бизнеса.

Рассмотрим подробнее изменения, произошедшие в системе и структуре исполнительной власти Аргентины.

На начало 2023 года в Правительстве Аргентины насчитывалось 18 министерств. Функции и полномочия многих из них были объединены, а некоторые даже упразднены. В настоящее время в правительстве страны функционирует всего 9 министерств[3]. Рассмотрим их подробнее.

1. Министерство иностранных дел, международной торговли и вероисповедания (El Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto)[4] Занимается различными вопросами международных отношений, не всегда характерных для МИДа в зарубежных странах. Например, увеличение и диверсификация аргентинского экспорта, привлечение иностранных инвестиций, укрепить двусторонних экономических связей отношения, определенные как стратегические для Аргентины, развитию туризма, спорта, культурной индустрии и услуг, поддержание отношений Аргентины с Ватиканом и Мальтийским орденом, а также отношений с различными религиозными общинами и католической церковью, ввиду значительной роли этой конфессии в аргентинском обществе.

2. Министерство обороны Аргентины (El Ministerio de Defensa)[5] отвечает за национальную оборону, управление вооруженными силами и разработку оборонной политики. Оно также занимается вопросами обеспечения безопасности и защиты суверенитета страны.

3. Министерство экономики (El Ministerio de Economía)[6] отвечает за формирование и реализацию экономической политики. Оно занимается бюджетированием, налоговой политикой, регулированием финансовых рынков и стимулированием экономического роста. Кроме этих «традиционных» функций, после реформы исполнительной власти данное министерство также занимается вопросами торговли, защиты прав потребителей, энергетики, промышленности, биотехнологий и инноваций, вопросами сельского хозяйства.

4. Министерство юстиции (El Ministerio de Justicia)[7] как и большинство одноименных министерств с других странах занимается вопросами правосудия, правозащитой, разработкой законодательства и координацией системы правоприменения. Оно также отвечает за надзор за пенитенциарной системой и соблюдение прав граждан.

5. Министерство человеческого капитала (Ministerio de Capital Humano)[8] – новое министерство, которое занимается вопросами образования, культуры, рынка труда и социальной политики. Министерство человеческого капитала в Аргентине создано в результате административной реформы для управления вопросами, связанными с развитием трудовых ресурсов, занятостью и образовательными инициативами. Оно объединило функции, ранее выполнявшиеся различными министерствами, с целью оптимизации управления человеческими ресурсами.

6. Министерство безопасности (El Ministerio de Seguridad)[9] было выделено из Министерства юстиции в 2010 году. Занимается обеспечением общественного порядка, борьбой с преступностью, координацией деятельности полиции и других правоохранительных органов для поддержания внутренней безопасности, сочетая в себе функции спецслужбы и более распространенные правоохранительные, например помогает работе полиции в столице страны Буэнос-Айресе (которая обладает автономией, согласно Конституции страны), противодействует незаконному обороту наркотических веществ, занимается вопросами кибербезопасности, управляет базой биометрических данных.

7. Министерство здравоохранения (El Ministerio de Salud)[10] отвечает за разработку и реализацию государственной политики в области здравоохранения. Это включает в себя управление системой здравоохранения, профилактику заболеваний, контроль за эпидемиями и обеспечение доступа к медицинским услугам для населения.

8. Министерство дерегулирования и преобразования государства (El Ministerio de Desregulación y Transformación del Estado)[11]. Министерство было создано после одобрения закона «Об основах и отправных свободах аргентинцев», который предоставил делегированные полномочия правительству. Это было необходимо для работы министерства, требовавшего отмены, изменения или внедрения законов, чем оно и занимается в настоящее время.

9. Министерство внутренних дел (El Ministerio del Interior) занимается вопросами внутренней безопасности, управления территорией, проведения выборов, а также координацией между федеральными и региональными властями.

Обратим внимание на так называемые «традиционные» министерства, упраздненные в результате реформы. К ним относятся: Министерство сельского хозяйства, животноводства и рыболовства, Министерство социального развития, Министерство образования, Министерство окружающей среды и устойчивого развития, Министерство территориального развития и среды обитания, Министерство туризма и спорта. Заметим, что эти министерства весьма характерные для большинства стран мира. Полномочия этих органов власти были объединены (так, например, управление вопросами социального развития и образования переданы Министерству человеческого капитала), или вовсе упразднены.

Цели таких реформ включают в себя сокращение государственных расходов, повышение эффективности управления и снижение бюрократии. Это может способствовать уменьшению государственного долга и улучшению экономической ситуации в стране.

В конце 2024 года были подведены промежуточные итоги реформы. Значительно замедлились темпы инфляции национальной валюты с почти в 10 раз, до 2,7% в месяц [12], Международный валютный фонд в октябрьском докладе, посвященном динамике ВВП стран мира, прогнозирует, что экономика Аргентины сократится в этом году на 3,5%, хотя в 2025-м ее ожидает подъем на 5% [13].

Крупная и во многом радикальная административная реформа, проведенная в Аргентине, представляется редкой возможностью наблюдать достаточно смелые и неожиданные изменения в системе и структуре государственной власти. Можно заметить, что система и структура органов исполнительной власти по своему объему подобна диафрагме. В определенные моменты истории страны происходит «выдох», когда система подвергается серьезным сокращениям и дерегулированию, в другие моменты происходит (как правило постепенно) «вдох», связанные с ростом регулирования и бюрократизации государственного аппарата.

Анализ подобных изменений, которые произошли в системе и структуре исполнительной власти Аргентины в 2024 году представляет несомненный интерес для отечественных исследователей по нескольким причинам. Во-первых, такие реформы могут служить моделью или контрпримером для трансформаций в других странах, включая Россию, предоставляя эмпирические данные для сравнительного анализа. Во-вторых, изменения в политическом устройстве и управлении государством могут влиять на международные отношения, включая экономическое и политическое сотрудничество между странами, что важно для стратегического планирования и развития российско-аргентинских связей. Наконец, исследование данных трансформаций может способствовать более глубокому пониманию глобальных трендов в управлении, что актуально для изучения и совершенствования управления в разных регионах мира.

Список литературы:

1. Система и структура органов исполнительной власти Российской Федерации: учебное пособие / под ред. С.А. Старостина. - Москва: Проспект, 2021. - с. 142.
2. Комлев Е. Ю. Конституционные основы организации публичной власти в Аргентине // Закон и право. 2023. №11. С. 98. DOI: 10.24412/2073-3313-2023-11-97-101 EDN: FYUFOUW
3. Из 19 министров в правительстве Аргентины останется 9 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/12/12/vseh-sokratit.html> (дата обращения: 12.12.2024).
4. Сайт Министерства иностранных дел и культа Аргентины. URL: <https://www.cancilleria.gob.ar/> (дата обращения: 12.12.2024).
5. Сайт Министерства обороны Аргентины. URL: <https://www.argentina.gob.ar/defensa> (дата обращения: 10.12.2024).
6. Сайт Министерства экономики Аргентины. URL: <https://www.argentina.gob.ar/economia> (дата обращения: 12.12.2024).
7. Сайт Министерства юстиции Аргентины. URL: <https://www.argentina.gob.ar/justicia> (дата обращения: 10.012.2024).
8. Сайт программы "Человеческий капитал" правительства Аргентины. URL: <https://www.argentina.gob.ar/capital-humano> (дата обращения: 12.12.2024).
9. Сайт Министерства безопасности Аргентины. URL: <https://www.argentina.gob.ar/seguridad> (дата обращения: 12.12.2024).
10. Сайт Министерства здравоохранения Аргентины. URL: <http://www.msal.gob.ar/> (дата обращения: 12.01.2025).
11. Сайт программы "Дерегуляция" правительства Аргентины. URL: <https://www.argentina.gob.ar/desregulacion> (дата обращения: 10.12.2024).
12. Как изменилась Аргентина за год президентства "экономиста с бензопилой" Реформы Хавьера Милея снизили инфляцию, но привели к рекордному росту бедности // РБК.
13. Международный валютный фонд. World Economic Outlook, October 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024#Projections> (дата обращения: 15.01.2025).

References:

1. The system and structure of executive authorities of the Russian Federation: a textbook / edited by S.A. Starostin. - Moscow: Prospekt, 2021. - p. 142.
2. Komlev E. Y. Constitutional foundations of the organization of public power in Argentina // Law and Law. 2023. No.11. P. 98. DOI: 10.24412/2073-3313-2023-11-97-101 EDN: FYUFOUW
3. Of the 19 ministers in the Government of Argentina, 9 will remain // Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2023/12/12/vseh-sokratit.html> (date of request: 12.12.2024).
4. Website of the Ministry of Foreign Affairs and Worship of Argentina. URL: <https://www.cancilleria.gob.ar/> (date of request: 12.12.2024).
5. Website of the Ministry of Defense of Argentina. URL: <https://www.argentina.gob.ar/defensa> (date of request: 12/10/2024).
6. Website of the Ministry of Economy of Argentina. URL: <https://www.argentina.gob.ar/economia> (date of request: 12.12.2024).
7. Website of the Ministry of Justice of Argentina. URL: <https://www.argentina.gob.ar/justicia> (date of request: 10.012.2024).
8. Website of the Human Capital program of the Government of Argentina. URL: <https://www.argentina.gob.ar/capital-humano> (date of request: 12.12.2024).
9. Website of the Ministry of Security of Argentina. URL: <https://www.argentina.gob.ar/seguridad> (date of request: 12.12.2024).
10. Website of the Ministry of Health of Argentina. URL: <http://www.msal.gob.ar/> (accessed: 12.01.2025).
11. Website of the "Deregulation" program of the Government of Argentina. URL: <https://www.argentina.gob.ar/desregulacion> (date of request: 10.12.2024).
12. How Argentina has changed during the year of the presidency of the "economist with a chainsaw," Javier Milei's reforms have reduced inflation, but led to a record increase in poverty.
13. International Monetary Fund. World Economic Outlook, October 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/10/22/world-economic-outlook-october-2024#Projections> (date of request: 15.01.2025).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ АРХИТЕКТУРА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ПРИНЦИПЫ, НОРМЫ, ИНСТИТУТЫ CONSTITUTIONAL AND LEGAL ARCHITECTURE OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA: PRINCIPLES, NORMS, INSTITUTIONS

СТУС Нина Владимировна,

профессор кафедры конституционного и международного права,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: stus@bsuedu.ru;

НАМИТОКОВ Юрий Азметович,

аспирант кафедры конституционного и международного права,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.
E-mail: 1685169@bsuedu.ru;

STUS Nina Vladimirovna,

Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and
International Law of the Law Institute of the National Research University «BelSU».
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: stus@bsuedu.ru;

NAMITOKOV Yuri Azmetovich,

Postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law,
Law Institute, Belgorod State National Research University.
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation.
E-mail: 1685169@bsuedu.ru

Краткая аннотация. В статье раскрыта сущность и природа конституционно-правового обеспечения национальной безопасности в России. Автором исследована роль Конституции Российской Федерации в процессе обеспечения национальных интересов и национальной безопасности, проанализированы системообразующая и организационно-учредительная функции Конституции в данной сфере. Установлено, что Конституция содержит положения преимущественно общего характера, определяющих систему гарантий прав и свобод человека и гражданина, основы и приоритеты политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Сформулирован вывод о том, что именно ее положениями обеспечивается единство архитектоники и организационной согласованности существования системы национальной безопасности России.

Abstract. The article reveals the essence and nature of the constitutional and legal support for national security in Russia. The author examined the role of the Constitution of the Russian Federation in the process of ensuring national interests and national security, analyzed the system-forming and organizational and constituent functions of the Constitution in this area. It was established that the Constitution contains provisions of a predominantly general nature that determine the system of guarantees of human and civil rights and freedoms, the foundations and priorities of policy in the field of national security. The conclusion is formulated that it is its provisions that ensure the unity of the architectonics and organizational consistency of the existence of the national security system of Russia.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные интересы, конституционно-правовое обеспечение, конституционно-правовое регулирование, система обеспечения национальной безопасности.

Keywords: national security, national interests, constitutional and legal support, constitutional and legal regulation, national security system.

Для цитирования: Стус Н.В., Намитокوف Ю.А. Конституционно-правовая архитектура национальной безопасности России: принципы, нормы, институты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 155-158. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_155.

For citation: Stus N.V., Namitokov Yu.A. Constitutional and legal architecture of national security of Russia: principles, norms, institutions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 155-158. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_155.

Статья поступила в редакцию: 06.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Национальная безопасность государства является ключевым элементом его существования, сохранения суверенитета и полноты реализации международно-правовой правосубъектности. Юридическая наука не остается в стороне от разработки теории национальной безопасности [4, 6, 11] и особенностей ее обеспечения с учетом отраслевой, в частности конституционно-правовой специфики [9, 10].

На современном этапе развития России состояние обеспечения национальной безопасности является чрезвычайно важным. Как известно, в отношении страны продолжается масштабное наступление на суверенитет и независимость во всех без исключения сферах общественно-политического бытия.

В таких условиях вопрос обеспечения национальной безопасности является первоочередной и ключевой задачей государственного управления, поэтому реализация всего комплекса государственно-управленческого влияния в сфере безопасности должна осуществляться всеми доступными и возможными средствами. Ведущее место в такой совокупности средств занимают конституционно-правовые методы, поскольку закрепление основ и принципов государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности на конституционном уровне одновременно обуславливает устойчивость этой системы и стабильность охраняемых государством национальных интересов [3, 8].

Дальнейшая детализация инструментов, механизмов, организационного и институционального обеспечения национальной безопасности находит свое отражение на уровне соответствующих законодательных и нормативных правовых актов. Но именно конституционное измере-

ние обеспечения национальной безопасности России является, на наш взгляд, наиболее действенным, а потому актуализируется проблема поиска направлений повышения эффективности такого обеспечения, построения связи между конституционными положениями и реально применимыми на практике инструментами достижения целей национальной безопасности.

Проблематика конституционно-правового обеспечения национальной безопасности в отечественной правовой науке занимает одно из центральных мест, свидетельством чему служат соответствующие публикации ученых-юристов [1, 5].

При этом, как представляется, вопросы использования потенциала конституционно-правового обеспечения национальной безопасности в России, особенно в условиях современного состояния перманентной гибридной агрессии со стороны недружественных государств по отношению к России остаются недостаточно раскрытыми.

В этой связи обратим внимание на основные принципы конституционно-правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в качестве отправного этапа поиска средств повышения ее эффективности, целостности и комплексности. Именно через конституционные принципы устанавливаются стандарты для законодательной детализации конкретных моделей реализации обозначенных задач.

Национальная безопасность является чрезвычайно объемной категорией и довольно неоднородным крупным объектом государственного-управленческого влияния, которая объединяет несколько сегментов и секторов, разнородных по своему содержанию. Все они так или иначе направлены на обеспечение единой цели – создание безопасных условий общественного развития во всех сферах человеческого бытия. На уровне государственной философии национальная безопасность понимается и рассматривается как элемент обязательства государства перед населением в части реализации общественного договора по организации публично-политических процессов и осуществлению управления социумом. Государство берет на себя функцию защиты населения, защиты системы цивилизационных ценностей и трендов развития социума. Именно на конституционном уровне и происходит их закрепление в виде основополагающих принципов и приоритетов национальной безопасности.

По этому поводу Г.А. Майстренко отмечает, что «совокупность национальных интересов является главным объективным фактором, побуждающим к разработке соответствующей политики национальной безопасности. Содержание национальных интересов и их приоритетность определяют, какой должна быть политика государства, чтобы его целостность, стабильность и благосостояние граждан были надежно обеспечены и защищены. Они обуславливают стратегическое наполнение государственной политики, фундаментальные приоритеты строительства и развития государственности» [7, с. 39]. На первый взгляд, приведенные сентенции представляются скорее прокламациями или декларацией намерения и могут быть закреплены на уровне документов стратегического характера. Однако, Конституция Российской Федерации действительно определяет основные приоритеты государственного развития, закладывая в качестве основных ориентиров развитие демократических процессов, обеспечение максимального уровня реализации комплекса прав и интересов человека и гражданина. Все это должно привести к введению высоких стандартов развития правового государства, социального благосостояния и гражданского общества.

Следовательно, конституционно-правовое обеспечение является первичным, фундаментальным уровнем всего процесса организационно-правового и государственно-управленческого обеспечения национальной безопасности. Конституция как основной закон определяет принципы и приоритеты не только в системе развития национальных ценностей и национальной безопасности, но и приоритеты развития законодательства, которым и регулируются отдельные, более конкретные аспекты реализации функций безопасности государства.

Цели конституционно-правового обеспечения национальной безопасности видятся в юридическом определении и закреплении существующих в области национальной безопасности отношений, определении основ правового регулирования этих отношений, а также формировании новых отношений, не урегулированных действующим законодательством, и ликвидации отношений, отживших, тормозящих развитие системы национальной безопасности. Исходя из этого, можно утверждать, что именно на конституционно-правовом уровне регулирования общественных отношений в сфере национальной безопасности происходит формирование необходимого базиса для дальнейшего введения и развития юридического инструментария. С этой точки зрения Конституция России является тем нормативным правовым актом, который детерминирует системные ориентиры в обеспечении национальной безопасности России. Она определяет основные конфигурации и условия существования системы ее обеспечения, принципы взаимодействия и взаимоотношения органов государственной власти в указанном секторе.

Это позволяет говорить о конституционно-правовом обеспечении и как о комплексе (элемент статике государственно-управленческих отношений), и как о процессе закрепления и реализации на практике базовых основополагающих функций управления системой обеспечения национальной безопасности (элемент динамики государственно-управленческого механизма).

Конституционно-правовое обеспечение национальной безопасности является способом фиксации в практике реализации государственного управления тех механизмов и инструментов, которые органы государственной власти должны использовать в своей деятельности с целью достижения целей государственной политики, которые провозглашаются в каждой отдельно взятой сфере безопасности. Таким образом, конституционно-правовое обеспечение национальной безопасности возможно определить как способ стабильной фиксации национальных и государственных ценностей развития безопасности среды, а также становления фундаментальных устоев и определения конфигурации реализации государственной политики в этой сфере, в том числе путем дальнейшей детализации отдельных ее принципов на уровне законодательных и других нормативных правовых актов.

В полной мере согласны с мнением С.А. Авакьяна, «все институты конституционного права оказывают прямое влияние на обеспечение системы национальной безопасности. Это находит свое подтверждение практически во всех функциях конституции: учредительной, организационной, внешнеполитической, идеологической, юридической» [1]. Необходимо обратить внимание и на тот факт, что именно на конституционном уровне фактически определяется структура национальной безопасности, выделяются отдельные сферы, которые входят в нее и составляют

с ней целостный механизм, в том числе и институциональную составляющую. Так, положениями Конституции России регулируется экологическая, экономическая, информационная, государственная безопасность (ст. ст. 71, 72), определяются интересы национальной безопасности (ст. ст. 4, 5, 67, 79.1), определяются институциональные основы системы национальной безопасности (п. «ж» ст. 83, п. «д» ст. 114).

Так, согласно п. «ж» ст. 83 Конституции России глава государства формирует Совет Безопасности Российской Федерации в целях содействия ему в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз. При этом, учитывая положения ст. 4 и ч. 2.1 ст. 67 Конституции России, следует акцентировать внимание на том, что институциональной составляющей системы обеспечения национальной безопасности являются все без исключения правоохранительные (в том числе судебные) органы и вооруженные силы страны, которые включены в сферу регулирования отношений по обеспечению национальной безопасности. В силу того, что совокупность и состав таких органов достаточно разветвлены, они способны охватывать своим регуляторным влиянием большой массив отношений в сфере национальной безопасности.

Конституционно-правовое обеспечение национальной безопасности представляется нам категорией более широкой, чем обеспечение функционирования соответствующей системы, которой охватывается совокупность тех инструментов, алгоритмов и сфер, в которых они применяются в процессе достижения целей национальной безопасности. Тот уровень институционализации государственных органов, нацеленных на обеспечение национальной безопасности, также является результатом практической реализации конституционно-правовых норм.

Система национальной безопасности является более сложным образованием, чем система обеспечения национальной безопасности. Это объясняет сложность рефлексии системных основ национальной безопасности со стороны не только широких слоев населения, но и наличного политкума. Обе системы находятся в состоянии динамичного развития. В таком понимании сосуществования и сочетания двух систем мы находим определенный недостаток конституционно-правового обеспечения национальной безопасности, поскольку приоритеты развития государства и национальная идея должны быть более четко детерминированы на конституционном уровне. Согласно Конституции, Россия является демократическим, правовым, социальным государством с признанием и принятием в качестве высшей ценности человека, его права и свободы.

Конституция России, в силу сложности процедуры ее принятия и внесения изменений, выступает мощным инструментом и является стабильным источником основополагающих принципов построения и функционирования системы национальной безопасности страны. В ней не регулируются и не определяются какие-либо отдельные аспекты ее функционирования, кроме системообразующих институций, гарантии и т.д. В этой связи, основное значение, которое имеет Конституция России для целей обеспечения национальной безопасности, заключается в фундаментальности и системности определения контуров существования и функционирования всех без исключения составляющих государственного механизма и структурных элементов системы национальной безопасности.

Важное место в данном аспекте занимают институты судебной власти, которые играют ключевую роль в ликвидации угроз национальной безопасности посредством интерпретации и применения норм российского права, особенно антитеррористического и антикоррупционного законодательства. Различные сферы национальной безопасности обеспечиваются дифференциацией функций институтов судебной власти: конституционная безопасность гарантируется Конституционным Судом Российской Федерации; экономическая безопасность обеспечивается системой арбитражной юстиции; военная безопасность входит в предмет компетенции военных судов; личная безопасность находится под защитой судов общей юрисдикции.

Значимое место в указанном ряду занимает Конституционный Суд Российской Федерации. Такие вызовы и угрозы национальной безопасности, с которыми столкнулась Россия в к. XX – нач. XXI в.в., как рост экстремизма, национализма и сепаратизма в регионах был остановлен именно благодаря активной позиции Конституционного Суда по пресечению «парада суверенитетов» и защите государственной безопасности посредством конституционного контроля над правотворчеством субъектов Российской Федерации и правового нормоконтроля над всей системой законодательства. Безусловной заслугой Конституционного Суда Российской Федерации является обеспечение государственного суверенитета посредством признания допустимости отказа от реализации тех решений наднациональной юрисдикции, которые вступают в противоречие с национальным конституционным порядком и, тем самым, сохранение национальной конституционной идентичности.

По своей сути средства правосудия не могут рассматриваться в полной мере как инструмент нормативно-правового обеспечения системы национальной безопасности, но если исходить из природы судебной власти, его значения и места в системе государственной власти, то мы приходим к важному выводу – Конституция России не ограничивает органы государственной власти в формах и методах обеспечения национальной безопасности, но устанавливает систему государственных гарантий в виде так называемых «красных линий», которые не могут пересекаться деятельностью государственных институций. Таким образом, органы судебной власти реализуют собственный потенциал в сфере обеспечения национальной безопасности, но делают это, основываясь на нормах Конституции России. Следовательно, она, помимо системообразующих функций выполняет и вполне практические и утилитарные функции, которыми обеспечивается повседневная деятельность государственных институций в сфере обеспечения национальной безопасности.

Последнее свидетельствует о том, что потенциал конституционно-правового регулирования в указанной сфере до конца не использован органами государственной власти, он не раскрыт на доктринальном уровне, в силу того что сама природа конституционно-правового обеспечения рассматривается чаще всего как сфера прикладной деятельности государства, а не как полностью самостоятельный процесс, в который вовлечены все без исключения органы государственной власти.

Список литературы:

1. Авакян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. Т. 1. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 138-144.
2. Авакян С.А. Обеспечение безопасности личности как задача публичной власти и социума // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 3-9. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-1-3-9 EDN: OTEFBX
3. Белоусов Н.В., Мархгейм М.В., Тхабисимов Х.А., Бакирова Д.М., Бойченко Е.М. Развитие категории "интерес" в отечественных конституционных источниках // Вопросы истории. 2022. № 12-3. С. 128-137. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi87 EDN: AKAUCE
4. Галузо В.Н. Соотношение понятий "национальная безопасность" и "правопорядок" // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2020. № 3. С. 39-43. EDN: VTETJI
5. Донская М.В. Национальная безопасность в свете поправок в Конституцию РФ: вектор совершенствования законодательства // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 44-48. DOI: 10.24412/2414-3995-2021-1-44-48 EDN: YSDLDU
6. Краснов А.В. Национальная безопасность с позиций теории права // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". 2022. Т. 18. С. 15-23. EDN: RCWVTC
7. Майстренко Г.А. Обеспечение национальной безопасности: политико-правовые аспекты // Административное право и практика администрирования. 2021. № 2. С. 26-41. DOI: 10.7256/2306-9945.2021.2.34776 EDN: CMWWRO
8. Мархгейм М.В. Феномен интереса в советской конституционно-регулятивной призма // Вопросы государства и права. 2024. № 2 (5). С. 42-48. DOI: 10.24888/2949-3293-2024-2-5-42-48 EDN: MHPHAM
9. Морозов В.М. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы нормативно-правового обеспечения и поиск путей устранения угроз // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3 (8). С. 11-14. EDN: KXAEHJ
10. Прудников А.С. Конституционный порядок и национальная безопасность - базовые основы жизнедеятельности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 139-141. EDN: JXDCTX
11. Чуксина В.В. Концепт "национальная безопасность": теоретико-правовое измерение // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 23-26. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_23 EDN: DSFPKD

References:

1. Avakian S.A. Constitutional law of Russia: A training course. Volume 1. Moscow: INFRA-M, 2021. Pp. 138-144.
2. Avakian S.A. Ensuring personal security as a task of public authority and society // State power and local self-government. 2024. No. 1. Pp. 3-9.
3. Belousov N.V., Markhgeym M.V., Tkhabisimov Kh.A., Bakirova D.M., Boychenko E.M. The development of the category "interest" in domestic constitutional sources // Questions of History. 2022. No. 12-3. Pp. 128-137.
4. Galuzo V.N. The relationship between the concepts of "national security" and "law and order" // Criminal proceedings: problems of theory and practice. 2020. No. 3. Pp. 39-43.
5. Donskaya M.V. National security in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation: a vector for improving legislation // Bulletin of Economic Security. 2021. No. 1. pp. 44-48.
6. Krasnov A.V. National security from the standpoint of the theory of law // Scientific Notes of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice. 2022. Vol. 18. Pp. 15-23.
7. Maistrenko G.A. Ensuring national security: political and legal aspects // Administrative law and practice of administration. 2021. No. 2. Pp. 26-41.
8. Markhgeym M.V. The phenomenon of interest in the Soviet constitutional and regulatory prism // Issues of State and Law. 2024. No. 2 (5). Pp. 42-48.
9. Morozov V.M. National security of the Russian Federation: problems of regulatory support and the search for ways to eliminate threats // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2008. No. 3 (8). Pp. 11-14.
10. Prudnikov A.S. Constitutional order and national security – the basic foundations of the life of the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. No. 10. Pp. 139-141.
11. Chuksina V.V. The concept of "national security": a theoretical and legal dimension // Law and the State: theory and practice. 2024. No. 10 (238). Pp. 23-26.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ CURRENT TRENDS IN ROAD SAFETY IN RUSSIA

СИНЕЛЬНИКОВА Наталья Александровна,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и муниципального права имени профессора Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной юридической академии.
410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
E-mail: n_sinelnikova@list.ru;

SINELNIKOVA Natalia Alexandrovna,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law named after Professor Vasily Mikhailovich Manokhin,
Saratov State Law Academy.
410056, Russia, Saratov, Volskaya st., 1.
E-mail: n_sinelnikova@list.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены основные направления повышения эффективности системы обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации, роль государства и общества в обеспечении безопасности на дороге, а также принимаемые ими меры для улучшения ситуации. Отмечается необходимость совершенствования ответственности за правонарушения в этой сфере.

Abstract: The author of the article reviewed the main trends in improving the effectiveness of the road safety system in the Russian Federation, the role of the state and society in ensuring road safety, as well as the measures they take to improve the situation. It is noted that there is a need to improve responsibility for offenses in this area.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административная ответственность, участники дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия, аварийность.

Keywords: road safety, administrative responsibility, road users, traffic accidents, accidents.

Для цитирования: Синельникова Н.А. Современные тенденции обеспечения безопасности дорожного движения в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 159-160. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_159.

For citation: Sinelnikova N.A. Current trends in road safety in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 159-160. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_159.

Статья поступила в редакцию: 29.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Безопасность на дороге является одной из важнейших задач современного общества. Каждый день миллионы людей пользуются транспортными средствами, их безопасность должна быть гарантирована государством и обществом. Государство несет прямую ответственность за безопасность дорожного движения и защиту жизни и здоровья граждан на дорогах. В связи с развитием транспорта возрастает необходимость в повышении безопасности дорожного движения.

«С давних времен, с возникновения первых крупных городов и активного дорожного движения, люди начали задумываться о его организации. Римские дорожные указатели, правила разъезда средневековых рыцарей, розги за быструю езду в Санкт-Петербурге XVIII века – из всего этого выросли современные правила и стандарты дорожного движения. От древних времен до наших дней человечество стремится сделать дороги более эффективными и безопасными»[1].

С развитием общества происходит развитие и в транспортной сфере. На дорогах появилось больше транспортных средств, больше участников дорожного движения, развиваются объекты транспортной инфраструктуры. Однако есть и негативные аспекты этого развития. Это увеличение количества дорожно-транспортных происшествий (ДТП).

Причины ДТП могут быть различные: столкновение, наезд на пешехода, съезд с дороги, наезд на препятствие, наезд на велосипедиста, наезд на стоящий автомобиль, опрокидывание автомобиля, падение пассажира, наезд на животное, наезд на гужевой транспорт. Но одной из основных причин ДТП являются дороги, а именно их состояние. В настоящий момент еще остается проблема содержания дорог. Нехватка бюджетных средств, а отсюда и несвоевременный ремонт отчасти способствуют повышению состояния аварийности.

Одним из масштабных проектов, затрагивающий развитие транспортной инфраструктуры является национальный проект «Безопасные и качественные дороги», разработанный на 2019-2030 года. Благодаря реализации данного национально проекта были построены, реконструированы, отремонтированы многие автомобильные дороги общего пользования. Далее будут развиваться региональные и местные дороги. Таким образом, можно сделать вывод, что в России проводится определенная работа по обеспечению безопасности дорожного движения.

Важно также отметить, что на безопасность дорожного движения влияют различные факторы: качество дорожного покрытия, состояние дорожно-транспортной инфраструктуры, состояние самих транспортных средств, опыт и мастерство водителей, психологические качества, знание ПДД (водителями, пешеходами). Пешеходы, это такие же участники дорожного движения, что и водители, поэтому они обязаны соблюдать правила дорожного движения, быть внимательными на дороге. Одним из факторов, влияющим на аварийность на дорогах является передвижение пешеходов вне «зебр» или на красный сигнал светофора. Данные передвижения могут создавать помехи в дорожном движении и становиться причиной дорожно-транспортных происшествий. В связи с этим, необходимо совершенствовать механизмы выявления и пресечения

административных правонарушений, совершаемых пешеходами, а также ужесточать санкции за данные правонарушения. Необходимо разрабатывать и внедрять эффективные меры, чтобы минимизировать риски и предотвращать аварии. Создавать и поддерживать инфраструктуру, обеспечивающую безопасное передвижение пешеходов и разделять пешеходные и автомобильные зоны.

Нужно отметить, что собрать вместе все факторы, влияющие на безопасность дорожного движения невозможно. Что постоянно сочетается, так это:



Основой безопасности на дорогах являются законодательные меры и правила дорожного движения. Одной из важных законодательных мер является установление скоростного режима. В свою очередь, правила дорожного движения определяют правила проезда на перекрестках. Для обеспечения безопасности, водители также обязаны соблюдать правила остановки и парковки. Таким образом, необходимо строго контролировать выполнение правил дорожного движения и наказывать нарушителей. Каждый человек должен осознавать свою роль в поддержании безопасности на дороге и выполнять правила дорожного движения.

Основой системы правового регулирования безопасности дорожного движения является институт административной ответственности.

Можно сказать, что административная ответственность выступает в качестве механизма, который помогает дисциплинировать участников дорожного движения и предотвращать совершение правонарушений. В статье 3.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях [3] закреплены десять видов административных наказаний. Из них к числу возможных назначить за административные правонарушения в области дорожного движения относятся следующие: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия или предмета административного правонарушения, лишение специального права, административный арест и обязательные работы.

1 января 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 26 декабря 2024г. № 490-ФЗ [4], который предусмотрел изменение ответственности за нарушение правил дорожного движения, увеличил размер некоторых штрафов. Кроме того, вышеупомянутый закон изменил правила уплаты штрафа. Так увеличился срок, в течение которого лицо, привлеченное к административной ответственности за ряд нарушений ПДД, может оплатить штраф со скидкой. Если ранее этот срок составлял 20 дней, то сейчас 30 дней. Также упомянутый выше закон, уменьшил размер скидки с 50% до 25%. Эффективность повышения штрафов, как полагают власти, заключается в том, что это снизит число аварий на дорогах. Водители не захотят получать большие штрафы и будут аккуратнее вести себя на дороге. Также новые наказания, по мнению авторов инициативы, не только будут стимулировать водителей к более осторожному поведению, но и повысят общественное осуждение таких серьезных нарушений, как, например, вождение в нетрезвом состоянии.

Если вернуться к количеству дорожно-транспортных происшествий, то в настоящий момент наметилась тенденция снижения количества ДТП. Так «согласно данным Госавтоинспекции МВД России за 2024 год в стране произошло снижение количества дорожно-транспортных происшествий и их жертв. За одиннадцать месяцев 2024 года было зарегистрировано 119 951 дорожно-транспортных происшествий. Это на 1,7% меньше показателя за 2023 год» [2].

На сегодняшний день в субъектах Российской Федерации в целях сокращения совершения ДТП проводится работа по разным направлениям: совершенствование деятельности в области организации дорожного движения; создание условий для развития инфраструктуры, способствующей безопасности; внедрение новых технических средств контроля и безопасности, которые позволяют эффективно мониторить дорожное движение и предотвращать возможные аварийные ситуации. Также необходимо осуществлять пропаганду безопасности дорожного движения. Для эффективного пропагандирования следует проводить регулярные информационные кампании, специальные тренинги и семинары для водителей и пешеходов. Уже с детства необходимо вводить специальные уроки безопасности на дороге в программу обучения. Это позволит повысить уровень общей осведомленности общества о правилах безопасного поведения на дороге и способствовать снижению количества происшествий.

В целом, ответственность государства за безопасность на дороге является неотъемлемой частью его основных функций и требует постоянного внимания и усилий.

Список литературы:

1. URL: <https://rostec.ru/media/news/cherez-goda-i-kilometry-istoriya-bezopasnosti-na-dorogakh/#start> (дата обращения 22.01.2025).
2. URL: <https://www.vesti.ru/article/4275145> (дата обращения 22.01.2025).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ, 2002, № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Федеральный закон от 26.12.2024 № 490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ, 2024, № 53 (ч. I). Ст. 8500.

References:

1. URL: <https://rostec.ru/media/news/cherez-goda-i-kilometry-istoriya-bezopasnosti-na-dorogakh/#start> (date of request 22.01.2025).
2. The number of road accidents and their victims is decreasing in Russia URL: <https://www.vesti.ru/article/4275145> (date of request 22.01.2025).
3. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on December 26, 2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2002, No. 1 (part 1). Art. 1.
4. Federal Law No. 490-FZ dated December 26, 2024 "On Amendments to the Code of Administrative Offences of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2024, No. 53 (Part I), Article 8500.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ TAXATION OF DIGITAL RIGHTS

ВЛАСОВА Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.
ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
ул. Ивана Франко, 23А, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.
E-mail: irina.090@mail.ru;

VLASOVA Elena Lvovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
110 Lermontov St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

IGNATIEVA Irina Valentinovna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General Theoretical and State-Legal Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
23A Ivan Franko St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.
E-mail: irina.090@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассмотрены новации налогового законодательства по налогообложению цифровых прав, акцентируется внимание на существующих проблемах и законодательно не урегулированных вопросах налогообложения цифровых прав. Внесены предложения по улучшению налогообложения цифровых прав.

Abstract. The article examines innovations in tax legislation on taxation of digital rights, focusing on existing problems and legislatively unregulated issues of taxation of digital rights. Proposals are made to improve taxation of digital rights.

Ключевые слова: цифровые права, токены, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, гибридные цифровые права, майнинг майнеры, криптовалюта, налог, операторы майнинговой инфраструктуры.

Keywords: digital rights, tokens, digital financial assets, utilitarian digital rights, hybrid digital rights, mining miners, cryptocurrency, tax, mining infrastructure operators.

Для цитирования: Власова Е.Л., Игнатьева И.В. Налогообложение цифровых прав // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 161-166. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_161.

For citation: Vlasova E.L., Ignatieva I.V. Taxation of digital rights // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 161-166. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_161.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В России правовой статус цифровых прав закреплён в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹.

Под цифровыми правами понимают обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

При этом, передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Если иное не предусмотрено законом, то обладателем цифрового права признаётся лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. Переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Основное отличие цифровых прав от традиционных имущественных прав – это их привязка к цифровой записи, что делает возможным их реализацию исключительно через цифровые системы. Согласно статье 141.1 ГК РФ, цифровые права в гражданском праве регулируются как полноценные объекты имущественных отношений. Цифровые права относятся к объектам гражданского права, что позволяет свободно использовать их в сделках, дарении, наследовании и иных действиях.

В настоящее время различают утилитарные цифровые права (далее – УЦП) – это права, которые дают возможность владельцам получать определенные выгоды, такие как доступ к сервисам, продуктам или бонусам. Например, владельцы токенов² могут получить скидки или

¹ Статья введена Федеральным законом от 18.03.2019 №34-ФЗ (в редакции от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024)

² Токен – это цифровой актив, разновидность криптовалюты, которая имеет определённую ценность и хранится в блокчейне. У токенов нет собственного блокчейна, они работают на основе других блокчейнов. Также токен может иметь другое значение – идентификатор, который используется для представления доступа к ресурсам или выполнения определённых операций. Например, флешка с ключом доступа к лицензионной программе. Токены представляют собой виртуальные аналоги реальных активов или услуг и могут использоваться для различных целей: от обмена и передачи ценности до голосования и управления правами доступа

доступ к эксклюзивным услугам. УЦП это права, которые не подразумевают владение активом, но предоставляют право на пользование определенными услугами или ресурсами. Например, это токены, предоставляющие скидки или доступ к определенным сервисам.

Цифровые права, являющиеся валютными ценностями (далее – ЦФА) – это следующий вид цифровых прав. Этот тип прав включает активы, которые могут быть использованы в качестве средства расчета. Например, криптовалюты, цифровой рубль могут выступать в роли платежного средства в рамках цифровых систем как средство платежа или обмена. При этом, цифровая валюта (в том числе, криптовалюта) для целей налогового законодательства признаётся имуществом (п. 2 ст. 38 НК РФ).

Следующий вид цифровых прав это цифровые права на имущество- гибридные цифровые права (далее – ГЦП). Владельцы цифровых акций имеют право на получение дивидендов и участие в управлении компанией. ГЦП сочетают в себе свойства ЦФА и утилитарных цифровых прав (далее – УЦП). Например, ГЦП могут одновременно удостоверяют денежное требование и право требовать передачи вещи.

ГЦП могут быть выпущены на имущество, например, автомобиль или другие материальные объекты, которые можно продавать или передавать во владение. Также такие активы могут быть выпущены на различные ресурсы – нефть, газ, ценные металлы, уголь, древесина, пр.

Возникает вопрос подлежат ли налогообложению цифровые права? Однозначно да, но налогообложения предусмотрены только в отношении ЦФА и ГЦП.

Налогообложение цифровых прав регулируется Федеральным законом от 14.07.2022 №324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – ФЗ №324-ФЗ)¹.

Федеральным законом от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 418-ФЗ) устанавливается порядок налогообложения доходов от майнинга цифровой валюты. Основные положения закона вступили в силу с 1 января 2025 года и установили правила налогообложения майнинга криптовалюты.

При этом, согласно п. 3.1 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259-ФЗ) майнингом цифровой валюты признаются математические вычисления с использованием технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему (в том числе с использованием технологии распределенного реестра). Цель вычислений – выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, которое ведет такие вычисления, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе.

Основные положения ФЗ № 418-ФЗ вступили в силу с 1 января 2025 года и установили следующие правила: криптовалюта признаётся имуществом для целей налогообложения; майнинг (добыча) криптовалюты образует налоговое событие и признаётся получением дохода в натуральной форме; датой фактического получения дохода признаётся дата, на которую у лица появляется право распоряжаться криптовалютой (новый пп. 20 п. 4 ст. 271 и новая статья 282.3 НК РФ); размер дохода определяется, исходя из рыночной котировки криптовалюты на дату признания дохода; доход от майнинга можно уменьшить на расходы, связанные с его осуществлением; получившаяся налоговая база облагается налогом на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) по ставке от 13% до 22% в зависимости от суммы дохода; если доход в виде добытой цифровой валюты получают нерезиденты, то НДФЛ они будут уплачивать по ставке 30%. Трехлетний срок, по истечении которого доходы от продажи прочего движимого имущества освобождаются от НДФЛ, к криптовалюте не применяется (поправки, внесенные в п. 17.1 ст. 217 НК РФ). Поэтому платить налог придется независимо от срока владения криптовалютой.

операции, связанные с майнингом, не включаются в налогооблагаемую базу по НДС (пп. 27, 28 п. 2 ст. 146 НК РФ). Соответствующие поправки внесены в пункт 2 ст. 146 НК РФ с перечнем операций, которые не признаются объектом налогообложения. Таким образом, майнерам, а также другим организациям и ИП, которые в своей деятельности используют цифровую валюту, придется вести раздельный учет (п. 4 и 4.1 ст. 170 НК РФ). Для целей налога на прибыль налоговая база по операциям с криптовалютой определяется отдельно (п. 1 новой ст. 282.3 НК РФ). Валюта, добытая при майнинге, включается в состав внереализационных доходов (новый п. 32 ст. 250 НК РФ); организациям и ИП, осуществляющим майнинг цифровых валют, нельзя применять специальные налоговые режимы (УСН, АУСН, ЕСХН, НПД). Самые строгие правила законодатель вводит для налогоплательщиков, применяющих ЕСХН, УСН, АУСН, ПСН и НПД².

Так, для лиц, осуществляющих майнинг, вводится полный запрет на применение ЕСХН, УСН, АУСН и НПД. Причем, в части АУСН и НПД он распространяется на покупку и на продажу криптовалюты (поправки, внесенные в п. 6 ст. 346.2, п. 3 ст. 346.12, ст. 3 Федерального закона от 25.02.2022 № 17-ФЗ и в ст. 4 Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ).

¹ Установлены правила налогообложения цифровых прав. [Электронный ресурс]. URL: <https://kodeks.ru/news/read/ustanovleny-pravila-nalogooblozheniya-cifrovyyh-prav> (дата обращения: 23.04.2025).

² ЕСХН – единый сельскохозяйственный налог, специальный налоговый режим в России для производителей сельскохозяйственных товаров. Подходит для ИП и ООО из сферы сельского хозяйства. При ЕСХН разрешены только сферы растениеводства, животноводства, лесного и сельского хозяйства.

УСН – упрощённая система налогообложения, специальный налоговый режим в России для субъектов малого бизнеса. Направлен на снижение налоговой нагрузки, а также на облегчение и упрощение ведения налогового учёта и бухгалтерского учёта. Есть два варианта налогообложения: УСН «Доходы» – 6% со всех поступлений, УСН «Доходы минус расходы» – 15% от разницы (не менее 1% от доходов).

АУСН – автоматизированная упрощённая система налогообложения, специальный налоговый режим, при котором организациям и предпринимателям не нужно самостоятельно считать налог, сдавать декларацию, РСВ и прочую отчётность, а также платить страховые взносы за работников и проходить налоговые проверки. С января 2025 года спецрежим будет доступен для ИП и ООО во всех регионах России.

ПСН – патентная система налогообложения, специальный налоговый режим для ИП. Предприниматель оформляет и оплачивает патент, который заменяет три налога: на доходы, имущество и НДС. Оформить патент получится не на все виды деятельности. В каждом регионе есть свой список разрешённых направлений. НПД налог на профессиональный доход, который платят самозанятые и индивидуальные предприниматели. Можно оказывать услуги, выполнять работы и продавать самодельную продукцию. Нельзя продавать подакцизные и маркируемые товары, перепродавать чужую продукцию.

Таким образом, сохранить право на АУСН и НПД можно, только если в принципе отказаться от любых операций с цифровой валютой.

В отношении майнинга криптовалюты, а также операций по ее покупке и продаже ПСН вводиться не может (поправка, внесенная в п. 6 ст. 346.43 НК РФ). Однако, к утрате права на ПСН по другим видам деятельности это не приведет.

Для операторов майнинг-инфраструктуры установлена обязанность сообщать в налоговый орган сведения, связанные с осуществлением майнинга цифровой валюты, а также ответственность за неисполнение такой обязанности. Так, в НК РФ ФЗ № 418-ФЗ введены две новые статьи, регулирующие вопросы налогового контроля за майнингом. Сами майнеры регистрироваться в налоговых органах не должны, но информацию о них в ИФНС раз в квартал будет передавать оператор майнинг-инфраструктуры, оказывающий соответствующие услуги. Состав сведений предстоит утвердить ФНС России (ст. 80.3 НК РФ). За нарушение этой обязанности для оператора установлен штраф в размере 40 тыс. руб. (ст. 129.16 НК РФ).

Что касается ГЦП, то обложение НДФЛ операций с ЦФА и ГЦП различается в зависимости от характера дохода, получаемого владельцем цифрового права. Для ЦФА и ГЦП действует почти идентичный порядок налогообложения налогом на прибыль, различающийся по критериям наличия условия о выкупе ЦФА (ГЦП) и срока наступления этого условия. Ставка по налогу на прибыль от реализации ЦФА и ГЦП для организаций вне зависимости от статуса налогового резидентства составляет 20%. НДС облагаются только операции с ГЦП. Операции с ЦФА объектом налогообложения НДС не являются.

Законодательством предусмотрен ряд налоговых льгот для операций с цифровыми правами, например, освобождается от НДФЛ получение в дар цифровых прав от членов семьи и близких родственников, не облагаются НДС некоторые виды услуг, связанные с оборотом цифровых прав (пп.12 п.2 ст. 149 НК РФ).

Банк России ведёт реестры операторов цифровых торговых площадок, которые занимаются организацией выпуска, учёта и обращения цифровых прав.

Операторы¹ работают на основании правил таких площадок, которые они сами утверждают и согласовывают с Банком России.

Оператор информационной системы, в которой выпущены цифровые права (ЦФА и ГЦП), выступает налоговым агентом по операциям с этими активами.

Согласно ФЗ № 324-ФЗ оператор информационной системы обязан исчислить налог, удержать его сумму и перечислить в бюджет, в которой выпущены цифровые права.

По информации «Ведомостей», по итогам 2024 года федеральный бюджет РФ получил 224,4 млрд рублей поступлений от повышенного НДФЛ. По сравнению с предыдущим годом (159,5 млрд рублей) рост составил 29%. и на 19,5% превосходит прогноз Минфина (181 млрд рублей).

Ожидается, что в 2025 году поступления от НДФЛ вырастут в 2,64 раза по сравнению с итогами 2024 года – с 307 млрд рублей до 810,5 млрд рублей.

Это связано с тем, что с 2025 года в России будет действовать пятиступенчатая шкала НДФЛ: базовая ставка 13% – для годового дохода не более 2,4 млн рублей в год; 15% – на доход свыше 2,4 млн рублей; 18% – на доход свыше 5 млн рублей; 20% – на доход свыше 20 млн рублей, доходы сверх 50 млн рублей будут облагаться по самой высокой ставке 22%², а также за счет взимания налогов с цифровых прав.

Выделим проблемы налогообложения сделок с ЦФА и цифровой валютой:

1. Отсутствие практики применения налогового администрирования и законодательства по сделкам с ЦФА и отсутствие практики налоговых споров по сделкам с ЦФА, что ведет к увеличению налоговых рисков налогоплательщиков.

2. Недостаточная четкость формулировок в Налоговом кодексе РФ относительно ЦФА, что может приводить к сложностям их корректного применения на практике.

Например, определение момента признания дохода по выпускаемым ЦФА. Согласно НК РФ, если срок выкупа определен и составляет 10 лет и менее, то доход признаётся на дату выкупа. Если срок не определен или установлен более 10 лет, то доход признаётся на дату истечения десятилетнего срока с даты выпуска.

Ещё одна особенность связана с тем, что доходы и расходы по ЦФА учитываются в отдельной налоговой базе (ст. 282.2 НК РФ). При этом, предусмотрены отличия для ЦФА и ГЦП.

Например, если условиями эмиссии ЦФА предусмотрено обязательство эмитента выплатить их обладателю денежные средства, не связанные с выкупом, то выплаченные суммы учитываются эмитентом в составе внереализационных расходов, а полученные обладателем суммы – в составе внереализационных доходов.

3. Отсутствие рекомендаций по оценке ЦФА, не обращающихся на рынке, что может повлечь налоговые споры по поводу определения налоговой базы.

Один из примеров, когда отсутствие таких рекомендаций привело к налоговым спорам, – ситуация с токенами. В отдельных судебных решениях токены приравнивали к ЦФА, но в большинстве случаев этого не происходило. Это приводило к росту налоговых рисков, так как со-

¹ Операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, могут быть только российские юридические лица, включенные Банком России в реестр таких операторов. По данным на 2023 год, в реестр были аккредитованы и внесены пять операторов информационной системы: ООО «Системы распределенного реестра» (Мастерчейн); ООО «Атомайз»; ООО «Лайтхаус»; ПАО «Сбербанк России»; АО «АЛЬФА-БАНК».

² Бюджет ожидает роста поступления НДФЛ более чем в 2,5 раза. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240930/byudzheta-1975615885.html> (дата обращения: 23.04.2025).

гласно налоговому законодательству налоговой базой для исчисления налога по доходам от ЦФА является разница между доходами и расходами [1, с. 49].

Ещё один пример – операции с простыми векселями ПАО «Сбербанк России». Суды указали, что такие векселя относятся к ценным бумагам, не обращающимся на организованном рынке, и особенности определения налоговой базы, исчисления и уплаты налога на доходы по операциям с такими ценными бумагами регулируются специальной нормой.

4. Отсутствие российского законодательства о регулировании создания цифровой валюты приводят к вопросам о директивности подачи налоговых деклараций и степени ответственности за их непредоставление. Согласно общей практике налогообложения налогоплательщик обязан самостоятельно исчислить и заплатить налог и подать декларацию, иначе начисляются пени и штрафы. Но общедоступных данных о практике применения штрафов и пеней при непредоставлении данных по операциям с цифровой валютой пока не имеется.

Однозначно, по НК РФ криптовалюту нужно указывать в налоговой декларации, если она продана и получен доход. В таком случае необходимо указать доход в декларации и заплатить налог. Если криптовалюта просто хранится, декларировать её не нужно.

Ответственность за непредоставление декларации наступает по общим основаниям, так как специальной ответственности за неуплату налогов именно с криптовалюты нет¹.

Вот только некоторые меры ответственности: по ст. 126 НК за непредставление налоговому органу документов, необходимых для налогового контроля, – штраф до 200 руб. за каждую бумагу; по ст. 119 НК за непредставление налоговой декларации – штраф 5% от суммы неуплаченного налога, но не более 30%; по ст. 122 НК за неуплату налога вследствие занижения налоговой базы – штраф до 20% при отсутствии умысла либо 40% за умышленное нарушение. Уголовная ответственность по ст. 198 УК возможна при неуплате налога в крупном (больше 2,7 млн руб.) и особо крупном размере (больше 13,5 млн руб.).

Мы уже ранее акцентировали внимание, что с 2025 года контроль за доходами от криптовалюты в России усиливается: вводится реестр майнеров и лимиты для физических лиц, двухступенчатая шкала налогообложения для доходов от операций с криптовалютой, а также обязательная отчётность. Возможно это изменит ситуацию в лучшую сторону.

5. Определение стоимости (цены) цифровой валюты для расчета налогооблагаемой базы. Проблема заключается в том, что в настоящее время нет утвержденных нормативных рекомендаций по определению рыночной цены цифровой валюты. Есть статья 282.3 НК РФ, введенная Федеральным законом от 29.11.2024 №418-ФЗ. Она устанавливает особенности определения налоговой базы по операциям с цифровой валютой и частично решает данную проблему.

Так в статье установлено, что доход от майнинга определяется исходя из рыночной котировки цифровой валюты на дату признания дохода. Рыночной котировкой признаётся цена закрытия, которую рассчитывает иностранный организатор торговли (включая биржу) по сделкам, совершённым через него в течение торгового дня. Если по одной и той же цифровой валюте сделки совершались через двух и более иностранных организаторов торговли, налогоплательщик вправе самостоятельно выбрать рыночную котировку, сложившуюся у одного из них. Если по одной и той же цифровой валюте сделки совершались по ценам в разных валютах и (или) в иностранных цифровых правах, курс которых привязан к курсу иностранной валюты, налогоплательщик вправе самостоятельно выбрать торговую пару, цена закрытия которой будет признаваться рыночной котировкой цифровой валюты. Цена закрытия цифровой валюты, выраженная в иностранной валюте, пересчитывается в рубли по официальному курсу Центрального банка Российской Федерации, действовавшему на дату признания дохода. Доход от реализации цифровой валюты определяется исходя из фактической цены реализации, но не ниже рыночной котировки, уменьшенной на 20%. При приобретении цифровой валюты её стоимость определяется исходя из цены приобретения, но не выше рыночной котировки, увеличенной на 20%. При реализации (безвозмездной передаче) цифровой валюты налогоплательщик определяет налоговую базу как доход (выручку) от реализации, уменьшенный на её стоимость и затраты на реализацию. В целях налогообложения текущая переоценка цифровой валюты не производится.

При этом, обращаем внимание, что президент России Владимир Путин подписал 11 марта 2024 года Федеральный закон от 11.03.2024 №45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и разрешил использовать цифровые финансовые активы (ЦФА) в международных расчётах.

6. Отсутствие перечня видов криптовалюты (ее наименований), которые признаются цифровой валютой. Согласно текущим представлениям участников рынка, цифровая валюта отождествляется с криптовалютой, но нормативные документы по этому поводу отсутствуют. В России регулирование криптовалют представлено Федеральным законом №259-ФЗ от 31.07.2020 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». При этом, закон не даёт определения криптовалюте, а вместо него использует термин «цифровая валюта»².

7. Возможны различные толкования норм налогового законодательства заинтересованными сторонами при отсутствии официальных разъяснений, что увеличивает налоговые риски налогоплательщика.

Например, налоговые структуры и предприятия-плательщики могут по-разному воспринимать нормы. Так, налоговые структуры могут возложить ответственность на предприятие по истечении законодательно ограниченного срока, ссылаясь на Постановление КС РФ о восстанов-

¹ Налоги с криптовалюты: когда, как и кому их нужно платить. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/246518/> (дата обращения: 23.04.2025).

² Закон о цифровых финансовых активах и криптовалюте в России 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: https://nalog-nalog.ru/spravochnaya_informaciya/zakon-o-cifrovyyh-finansovyh-aktivah-i-kriptovalyute-v-rossii-2022-goda-nn/ (дата обращения: 23.04.2025).

лении сроков давности в отношении юридического лица, совершившего неправомерное деяние. Однако это утверждение не содержит однозначного указания подразумеваемых действий и ситуаций, что провоцирует конфликт мнений¹.

Неопределённость налоговых норм может приводить как к нарушению прав налогоплательщиков, так и к уклонению от исполнения конституционной обязанности по уплате налога.

8. Отсутствие порядка определения расходов, связанных с приобретением и реализацией цифровой валюты, и пояснение о возможности учета этих сумм для уменьшения налоговой базы (по аналогии с ЦФА). Например, ст.282.3 НК РФ.

Отметим, что отсутствие рекомендаций налоговых и регулирующих органов вызывает следующие вопросы о необходимости применения налогообложения к следующим сделкам: а) сделкам по активам, аналогичным ЦФА, которые были выпущены до начала действия закона о ЦФА; б) сделкам по финансовым активам, экономическая сущность которых аналогична ЦФА, но которые выпускаются в зарубежных юрисдикциях. ЦФА – этот термин применяется в российском законодательстве, при этом в других юрисдикциях, а также участниками финансового рынка используется такая терминология, как токен, NFT и др. Как российское законодательство соотносит данные понятия, разъяснений нет. Анализ судебной практики² показал, что в отдельных судебных решениях суды приравнивали токены к ЦФА, но в большинстве случаев этого не происходило, ввиду чего судебные инстанции в настоящее время не принимают решений о признании токенов ЦФА. Такая ситуация приводит к росту налоговых рисков, так как согласно налоговому законодательству налоговой базой для исчисления налога по доходам от ЦФА, в том числе, для физических лиц, является разница между доходами и расходами, а в общем случае налоговой базой по НДФЛ являются доходы физических лиц.

Не меньшую проблему для налогообложения создают не зарегистрированные майнеры: индивидуальные предприниматели, юридические лица, операторы майнинговой инфраструктуры. Незарегистрированная деятельность влечёт штраф до 40% от суммы дохода. Кроме того, за неуплату налога предусмотрены пени и штраф до 20% от суммы налога, а за отказ от отчётности – штраф до 100 000 рублей.

В случае уклонения от уплаты налога в крупном или особо крупном размере возможна уголовная ответственность.

Физические лица могут продолжать заниматься майнингом дома без регистрации, но при соблюдении лимита энергопотребления до 6,000 кВт/ч в месяц. При превышении этой нормы необходимо оформлять ИП или ООО и подавать сведения в реестр. Добыча криптовалюты теперь относится к предпринимательской деятельности и облагается налогами. Установлена двухэтапная система налогообложения:

1. Первое отчисление – на этапе поступления средств на кошелек в пуле;

2. Второе – при продаже криптовалюты, если её стоимость выросла.

Ставки налогов зависят от статуса майнера: физические лица – НДФЛ 13-15%;

юридические лица – налог на прибыль 25%.

есмотря на легализацию, власти ввели ряд ограничений:

Несмотря на легализацию, власти ввели ряд ограничений: запрет на майнинг в отопительный сезон (с 15 ноября по 15 марта) в Иркутской области, Бурятии и Забайкальском крае из-за высокой нагрузки на энергосистему.

Полный запрет майнинга в 10 регионах, включая ДНР, ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области, а также республики Северного Кавказа.

Требования к оборудованию. Вся техника должна иметь грузовую таможенную декларацию (ГТД), подтверждающую её легальный ввоз. ASIC без ГТД подлежат конфискации. Вся техника для майнинга должна иметь грузовую таможенную декларацию (ГТД), подтверждающую её легальный ввоз. ASIC без ГТД подлежат конфискации: Для легального майнинга в России необходимо использовать сертифицированное оборудование. Это включает ASIC-майнеры и графические процессоры (GPU). Оборудование для майнинга входит в перечень, содержащийся в разделе 2.19 Приложения №2 Решения коллегии ЕЭК от 21 апреля 2015 года №30. Для таможенного оформления требуется предоставление лицензии или сведений о нотификации при коммерческих поставках, или сведений о нотификации/заключении ФСБ, если электрооборудование ввозится для собственных нужд³.

Оборудование для майнинга, используемое в персональных компьютерах, подлежит сертификации соответствия требованиям ТР ТС 004/2011 «О безопасности низковольтного оборудования», ТР ТС 020/2011 «Электромагнитная совместимость технических средств», а также декларированию по ТР ЕАЭС 037/2016. Для промышленного оборудования предусмотрено обязательное декларирование соответствия ТР ТС 004/2011, 020/2011 и ТР ЕАЭС 037/2016⁴.

Майнить запрещено гражданам с судимостью за экономические преступления, а также компаниям, занимающимся генерацией и продажей электроэнергии⁵.

¹ Налоговые риски и их оценка. [Электронный ресурс]. URL: <https://assistentus.ru/nalogi-i-uchet/nalogovye-riski/> (дата обращения: 23.04.2025).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 №09АП-16416/2018 по делу №А40-124668/2017. Суд обязал должника передать финансово-му управляющему доступ к криптокошельку для пополнения конкурсной массы.

Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.06.2020 №Ф05-7176/2020 по делу №А40-164942/2019. Суд отказал в иске об обязании обеспечить перевод на цифровой кошелек и взыскании неполученного дохода, так как истцом не было представлено доказательств принадлежности криптовалюты и её фактического перехода в распоряжение ответчиков.

Решение Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга от 03.06.2019 по делу №2-393/2019. Суд отказал в признании цифровых финансовых активов — токенов Russian Mining Coin (RMC) совместно нажитым имуществом супругов и разделе этого имущества, так как истцом не было представлено допустимых, достоверных и достаточных доказательств в подтверждение факта приобретения ответчиком указанных токенов.

³ Таможенное оформление майнеров. [Электронный ресурс]. URL: <https://sbcargo.ru/poleznaya-informatsiya/tamozhennoe-oformlenie-maynerov/> (дата обращения: 23.04.2025).

⁴ Обязательная сертификация оборудования для майнинга. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novotest.ru/informatsiya/rekomendatsii-klientam/obyazatel'naya-sertifikatsiya-oborudovaniya-dlya-mayninga/> (дата обращения: 23.04.2025).

⁵ Эти ограничения прописаны в Федеральном законе от 08.08.2024 №221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Частные майнеры, работающие без регистрации бизнеса, должны соблюдать: лимит по электроэнергии – не более 6 000 кВт/ч в месяц; оплату налогов – 13% или 15% НДФЛ; шумовые нормы – шум от оборудования не должен мешать соседям. Чтобы минимизировать риски, рекомендуется использовать шумоподавляющие боксы для оборудования, а также заранее уточнять тарифы на электричество.

С 2025 года вводятся новые требования к оборудованию: обязательное наличие грузовой таможенной декларации для подтверждения легального ввоза асиков; возможность введения региональных лимитов на потребление электроэнергии; запрет на майнинг для лиц с экономическими преступлениями или связями с экстремистскими организациями. Кроме того, майнинг не облагается НДС, а компании не могут использовать упрощённую систему налогообложения. Майнинг фермы в России в 2025 году абсолютно законны, но важно соблюсти три главных условия: включиться в реестр ФНС (для ИП и юрлиц); своевременно уплачивать налоги; соблюдать региональные ограничения. Можно с уверенностью сказать, государство выбрало путь легализации, а не запрета индустрии, что является положительным сигналом для майнеров.

Подводя итог можно предположить, что проблемы нормативно-правового регулирования операций с цифровыми активами и цифровой валютой увеличивают налоговые риски экономических субъектов и требуют дальнейшего анализа и оценки практики выпуска данных финансовых инструментов и операций с ними, практики налогообложения таких операций, развития нормативно-правовой базы, разработки нормативных рекомендаций по признанию, оценке, учету цифровых активов и цифровой валюты. Развитие российского законодательства относительно введения в хозяйственный оборот цифровых активов и цифровой валюты и налогообложения операций с ними является прогрессивным шагом, способствующим развитию рынка цифровых активов, видов цифровых активов, росту источников финансирования для бизнеса и росту национальной экономики.

Считаем необходимым внести ряд предложений по улучшению налогообложения цифровых прав, а именно: 1) установить чёткие правила налогообложения. Необходимо определить, какие цифровые активы нужно идентифицировать и классифицировать для налогообложения. Также нужно разработать методику оценки стоимости цифровых прав, особенно, если они не торгуются на рынке. 2) Снизить налоговые ставки. Существующие ставки на цифровые финансовые активы в России сравнительно высокие, что может отпугивать инвесторов. Снижение ставок может способствовать увеличению объёма инвестиций и ускорению развития индустрии. 3) Разработать налоговые льготы для инвесторов в ЦФА. Это может стимулировать инвесторов вкладывать средства в новые, инновационные проекты, связанные с ЦФА, что, в свою очередь, будет способствовать развитию инновационной экономики и созданию новых рабочих мест. 4) Усовершенствовать систему учёта и отчётности по ЦФА. Важно разработать эффективную систему, чтобы облегчить налогообложение ЦФА. Это позволит уменьшить бремя налоговой нагрузки и повысить доверие инвесторов в отношении ЦФА. 5) Установить механизм взаимодействия российских операторов обмена ЦФА с иностранными. Также нужно определить порядок допуска иностранных ЦФА к обращению на российском рынке.

Список литературы:

1. Аникина И.Д. Налогообложение цифровых активов и цифровых валют в Российской Федерации: тенденции, проблемы и перспективы / И.Д. Аникина // Фундаментальные исследования. - 2024. - № 2. - С. 48-53. DOI: 10.17513/fr.43570 EDN: BMWPHF

References:

1. Anikina I.D. Taxation of digital assets and digital currencies in the Russian Federation: trends, problems and prospects / I.D. Anikina // Fundamental research. - 2024. - No. 2. - P. 48-53. DOI: 10.17513/fr.43570 EDN: BMWPHF

Статья 14.2 этого закона устанавливает запрет на майнинг для физических лиц, являющихся индивидуальными предпринимателями, которые имеют неснятую или непогашенную судимость за преступления в сфере экономики, преступления против государственной власти либо за умышленные преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления.

Статья 3 закона запрещает совмещать майнинг с деятельностью по передаче электрической энергии, оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике, производству или купле-продаже электрической энергии юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ECONOMIC LAW AS A TOOL FOR THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL GUARANTEES IN MODERN RUSSIA

АШМАРИНА Елена Михайловна,

доктор юридических наук, профессор, профессор Кафедры международного и публичного права
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

105187, Россия, г. Москва, Щербаковская, д. 38.

E-mail: elena-mikhaylovna@yandex.ru;

ASHMARINA Elena Mihaylovna,

Doctor of Law, Professor, Department of International and Public Law

FGOU VO "Financial University under the Government of the Russia Federation (Financial University)".

38 Shcherbakovskaya Street, Moscow, 105187, Russia.

E-mail: elena-mikhaylovna@yandex.ru

Краткая аннотация: Целью статьи является научное выяснение роли экономического права в комплексном регулировании социальной сферы в современном российском правовом государстве. В связи с тем, что многочисленные социально значимые практические вопросы, будучи конституционно гарантированы, являются экономически убыточными, автор делает акцент на том, что необходимо тщательно соблюсти баланс частных (социальная сфера) и публичных (экономическая эффективность затрат на нее) интересов, что возможно в рамках науки экономического права с помощью его положений (мегаотрасль российского права). Цифровизация в области производительных сил современного общества обуславливает неизбежность обновления правового контента страны. В работе предложено позиционировать науку экономического права (в её фундаментальной и прикладной ипостасях) как актуальную систему, где социальная сфера находится на пересечении (круги Эйлера) положений таких научных специальностей, как «право» и «экономика», предполагая их сопряжение в правовой науке на основе когнитивности.

Abstract: The purpose of the article is to scientifically clarify the role of economic law in the comprehensive regulation of the social sphere in the modern Russian legal state. Due to the fact that numerous socially significant practical issues, being constitutionally guaranteed, are economically unprofitable, the author emphasizes that it is necessary to carefully maintain a balance of private (social sphere) and public (economic efficiency of costs for it) interests, which is possible within the framework of the science of economic law with the help of its provisions (mega-industry of Russian law). Digitalization in the field of productive forces of modern society determines the inevitability of updating the country's legal content. The work proposes to position the science of economic law (in its fundamental and applied guises) as an actual system where the social sphere is at the intersection (Euler circles) of the provisions of such scientific specialties as "law" and "economics," suggesting their conjugation in legal science based on cognitiveness.

Ключевые слова: Конституционная социальная экономика. Конституционное право. Экономическое право. Финансовое право. Цифровая экономика. Система российского права.

Keywords: Constitutional social economy. Constitutional law. Economic law. Finance law. Digital economy. System of Russian law.

Для цитирования: Ашмарина Е.М. Экономическое право как инструмент реализации социальных гарантий в современной России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 167-170. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_167.

For citation: Ashmarina E.M. Economic Law as a Tool for the Implementation of Social Guarantees in Modern Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 167-170. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_167.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

1. Особенности современного исторического момента (вместо введения). Сегодня процессы глобализации и антиглобализации (построение многополярного мира), пересекаясь между собой в мировом масштабе, в водовороте событий порождают новые сверхвызовы (глобализация не исчезает, но переходит на сегментарный уровень). В частности, проблемы *социальной сферы*, активно преодолевая границы отдельных государств и континентов, качественно трансформируются. Наглядным примером необходимости гуманитарного сотрудничества и сближения всего международного сообщества послужила пандемия 2019 года. Отсутствие стабильности в общемировом масштабе объясняется тем, что наступает новая фаза общественно-экономического развития (наступает переходный период к следующей экономической формации). Очередной технологический этап, связанный с *цифровизацией производительных сил* указывает, что *следует ожидать неизбежного обновления производственных отношений*. Исторический опыт и ретроспективный анализ (Древний Мир, Средневековье, Новое время, Новейшее время) свидетельствуют о том, что каждая смена экономических формаций сопровождалась войнами, революциями, эпидемиями [1, с. 28-73]. Новые производительные силы, традиционно стимулировавшие обновление производственных отношений путем смены экономических формаций, требовали генезиса системы правил (обычаи, право), регулирующих, соответствующие своему времени экономические отношения [1, с. 92-110]. В грядущем переходном периоде человечество не может не столкнуться с теми же проблемами. Таким образом, оптимизация государственного управления, направленного на достижение новых горизонтов в развитии современной России (в частности, ее *социальной среды*) возможно только на основе *обновленного российского права*, отвечающего новым вызовам. При этом речь может идти как об *обновлении системы права* (в виде теоретической модели совокупности отраслей права) [2, с. 235]; так и в более глобальном масштабе - *правовой системы* (совокупность таких практических элементов юридической деятельности, как судебная система, прокуратура, правоохранительная деятельность и др. ее элементы) [3, с. 377].

2. Социальная экономика: особенности ее правового обеспечения. Магистральный актуальный концепт экономических преобразований предусматривает не преобладание эффективности, но достижение баланса между эффективностью и *безопасностью цифровой экономической реальности*. Достижение такого баланса лежит в основе реализации публичной политики России, направленной на максимально

возможную социальную ориентацию общества, как одну из гарантий сохранения и воспроизводства человеческого капитала в стране.

2.1. *Россия, как правовое государство с конституционной экономикой.* В соответствии с официальной отечественной юридической доктриной, сегодня социальная сфера регулируется комплексно (как и большинство современных общественных отношений), но преимущественно положениями таких отраслей, как (1) *конституционное и право*; (2) *право социального обеспечения*; (3) *финансовое право*. При этом, конституционное право играет ведущую роль в отношении правового обеспечения социальной сферы по нижеследующим причинам. Ведущая роль *конституционного права* (1) в деле регулирования социальной среды объясняется тем, что вне конституционных гарантий ее не может быть в принципе по причине экономической убыточности. Поскольку Российская Федерация справедливо позиционирует себя как демократическое правовое государство, наша Конституция (основной Закон страны) в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» содержит ряд статей, содержащих социальные гарантии (например, ст. 37-43). Было установлено, что в условиях глобализации, углубляющегося финансово-экономического кризиса особое значение приобретает поиск баланса частных и публичных интересов, стабильности и динамизма в конституционном развитии собственности, финансов, экономики в целом, как фундаментальных начал современного общества и государства [4, с.4].

Научным анализом в области верховенства права и закона (Rule of Law) [5, с. 5-18] в правовом государстве традиционно занимаются ученые в области теории права. В качестве одного из признаков правового государства традиционно представляется его *социальная направленность*, то есть наличие в основном Законе страны конституционных социальных гарантий. При этом только в обществе, достигшем определенной степени зрелости и культуры (как общей, так и правовой), объективно возможно воспитать необходимый уровень социальной ответственности. Кроме того, общество с социальной ориентацией может быть построено *на основе сильного и развитого экономического базиса*, когда есть дополнительный сверхресурс, позволяющий реализовывать *не рентабельные социальные* затраты.

В свою очередь, (2) *право социального обеспечения* может рассматриваться именно (и только) в его органичной связи с конституционным правом, которое содержит соответствующие гарантии. В современном же варианте этого вида российского права право социального обеспечения никак не учитывает экономическую составляющую, делающую возможной (не возможной!) реализацию, а не простое декларирование конституционных положений.

Перераспределение денежных потоков в масштабе страны осуществляется посредством бюджетного механизма (*финансовое право*) (3).

2.2. *Социальная экономика как актуальный феномен связи экономики и права в рамках экономического права.* Итак, в правовом государстве с конституционной экономикой возникает парадоксальная (на первый взгляд) ситуация, когда объективные экономические правила (требования эффективности и рентабельности) отходят на второй план, уступая место другим приоритетам (убыточным областям социальной сферы). Такая прямая связь системы «Право-Экономика» способна вызвать резко отрицательный экономический эффект в виде обратной связи (экономика, как управляемый субъект, может ответить сокращением основного воспроизводящего капитала страны, что чревато нищетой и разорением нации). В этой ситуации конституционная норма становится простой декларацией (в лучшем случае). Другими словами, конституционный посыл только тогда способен достичь цели улучшения положения широких масс населения страны, когда он подкреплен экономическим базисом достаточной мощности, продуцирующим сверхресурс (дополнительный производный капитал). Должна быть определена некая «дельта», при которой правовое вмешательство в объективные экономические процессы может быть признано достаточным, но не избыточным (корректировка экономического Закона стоимости, но не его нарушение). Положения, обеспечивающие превентивный контроль (возможно, на уровне технико-юридического регулирования), за сбалансированностью достаточности и результативности социальных затрат следует устанавливать в пределах экономического права.

Итак, социальная экономика – это актуальный сегодня феномен органической связи экономики и права (презюмируем - экономическое право). Только системность и взаимообусловленность исследования таких областей человеческой цивилизации, как право и экономика позволит достичь безопасности для хозяйственной деятельности страны при одновременно высоком уровне жизни ее населения. Указанное исследование предполагается в рамках экономического права (мегаотрасль) России, в поле которого возможно адекватно сбалансировать частные и публичные интересы.

2.3. *Экономическое право, как инновационная технология правового обеспечения экономической деятельности и элемент обновленной системы российского права (мегаотрасль).*

Возвращаясь к вопросу необходимости корректировки системы отечественного права в соответствии с цифровой экономической реальностью, остановимся далее на *экономическом праве (как мегаотрасли)* в сфере которого, наряду с конституционным правом, регулирование социальных процессов представляется оптимальным.

Отметим, что еще в конце XIX века взаимовлияние экономики и права исследовалось в рамках такого направления экономической теории, как институционализм (позже – неинституционализм). Однако, в отечественной *правовой науке* этому вопросу внимания не уделялось. Примерно в тот же период времени в юриспруденции возникает тенденция исследования положений о «Правовом Государстве» и «Верховенстве Права» (Rule of Law) [5, с. 5-18], которая получила значительное развитие в XX веке (в России – примерно к 90-м годам). Одновременно международный опыт свидетельствует о том, что несмотря на различие экономических архитектур развитых стран, в их национальных системах права на рубеже XX и XXI вв. образовались единообразные правовые комплексы, а именно мегаотрасли «экономическое право», призванные становиться стабилизирующим инструментом единообразного правопонимания и правоприменения.

В России ситуация стала несколько меняться к началу 20-х годов XXI века. К настоящему времени в отечественной правовой науке сложилась несколько направлений исследования феномена экономического права. Интересно, что этим практически одновременно занялись

представители теории права [6, с. 262-284]; науки конституционного права [4, с. 25-29]; гражданско-правовые юристы [7, с. 5-9; с.10-99], специалисты в сфере предпринимательского права [8, с. 118-122]; финансового права [1, с. 208-225], административного права [9, с. 37-43], других видов права. Все ученые исходят из соответствующих их специальностям видов права, приходя к единообразным выводам, а именно: во-первых, правовое поле каждого из видов права не достаточно для целостного урегулирования экономических отношений; во-вторых, необходимость в этом давно назрела.

Одновременно в России наметилась тенденция внедрения теоретических исследований, связанных с экономическим правом, в практику правотворчества и правоприменения (*практический компонент*). Так (прежде всего), прослеживается непосредственная связь исследуемой мегаотрасли с адекватным современным реалиям правовым обеспечением конкретных видов экономической деятельности. В частности в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (ОКВЭД-2) предусмотрен раздел Q – «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг». Таким образом, в современном обществе существуют ценности, отличные от традиционных материальных выгод. Вместе с тем, очевидно, доходы поступающие на удовлетворение потребностей социальной сферы страны уменьшают поступления в другие виды экономической деятельности (сельское хозяйство, транспорт, строительство и т.д.). Возникает вопрос: в каком объеме возможно и безопасно подобное перераспределение (без ущерба для экономики)? Думается, в этой связи, что *задача науки экономического права (она расположена на стыке таких научных специальностей, как Экономика и Право) заключается в определении той дельты при которой максимальный социальный эффект сопровождается минимальной убыточностью. Очевидно, что средства на социальные нужды могут извлекаться только из прибавочной стоимости, а не за счет основного капитала страны.*

Кроме того, практическая значимость науки экономического права выражается в таких направлениях, как: оптимизация правового регулирования мер экономического контроля; возможность систематизации видов судебно-экономической экспертизы (СЭЭ) [1, с. 196-202]; выделение целостного правового поля для разрешения экономических судебных споров (в 2015 году при Верховном Суде Российской Федерации была создана специальная Коллегия по экономическим спорам) [1, с. 188-196].

Итак, делая промежуточный вывод в отношении экономического права, отметим (в частности) следующее:

в рамках системно построенной целостной правовой модели возможна оптимизация (с целью ликвидации коллизий и пробелов) правового регулирования экономической деятельности в разрезе ее отдельных видах (*социальная сфера, в частности*);

превентивное («играющее на опережение») и комплексное правовое обеспечение экономических отношений позволит предотвращать (нивелировать) наступление и смягчать последствия экономических кризисов в стране (*что особенно значимо в социальной сфере*).

Такой системный и комплексный подход к аккумулированию правового обеспечения экономических отношений в рамках предлагаемой мегаотрасли представляется оптимальным в сложнейших условиях переходного периода к следующей социально-экономической формации, поскольку учитывает недопустимость случайного перебора вариантов, а также учета возможных негативных последствий в системе «Экономика-Право». *Этот вывод актуален, прежде всего, для правового воздействия на те сегменты экономической деятельности, которые связаны (непосредственно и опосредованно) с социальным обеспечением нашего общества.*

3. Сохранение и воспроизводство человеческого капитала как индикатор конструктивности проводимых экономико-правовых реформ (вместо заключения).

3.1. Роль экономического права в оптимизации правового обеспечения социальной сферы. Исторически складывалось так, что экономическая деятельность изначально велась вне правового поля, опираясь на правила перераспределительного механизма стихийного рынка. Объективные законы рынка не утратили своей актуальности и в наши дни, хотя культура и право способствуют осознанному самоограничению (саморегулированию). При этом в отношении социальной экономики мы презюмировали, что право является инструментом корректировки объективного закона стоимости. Речь идет о *формах экономического права (принципах и нормах)* [10, с. 305-311], *положения которого регулируя экономические отношения, призваны их корректировать с учетом требований социальной политики правового государства.* Сегодня в теоретической правовой науке обосновывается обновленная концепция о формах права, которая представляется наиболее конструктивной. Так, систему форм права, регулиующую экономические отношения, предложено рассматривать в качестве двух подсистем правовых актов, а именно - национальные формы российского права и международные формы права. Каждая подсистема включает такие элементы, как: принципы права; правовые акты; правовые договоры; обычаи (в ряде случаев) [11, с. 275-283]. При этом главенствующая роль отводится принципам права, которые представляют собой, образно говоря, «дорожную карту» в массиве прочих источников права. Среди основополагающих принципов российского права можно назвать, в частности, следующие общетрасовые принципы: системного толкования и применения российского и международного права; равенства участников общественных отношений; недопустимости обратной силы права; недопустимости злоупотребления правом. Отметим, что именно в экономическом праве предполагается значительный блок экономико-юридических (технических и технико-юридических) норм (цифровое техническое регулирование).

Таким образом, положения именно экономического права, могут оптимально балансировать частные (в частности, социальные) интересы отдельного «экономического человека» с публичными интересами в масштабах общества и государства.

3.2. Влияние современных экономико-правовых реформ на сохранение и воспроизводство человеческого капитала в России. В постсоветской России поступательно оформилось значительное расслоение общества по уровню доходов. Это приводит сегодня к необходимости государственной поддержки малообеспеченных и находящихся в трудной жизненной ситуации граждан. Нивелированию благосостояния граждан РФ призваны способствовать, в частности, следующие меры государственно-правового воздействия, установленные положениями российского законодательства: налоговая реформа 2024 года, устанавливающая прогрессивный характер ставок по налогу на доходы физических лиц, налогу

на прибыль, на добычу полезных ископаемых и др. (налоговое право, будучи подотраслью финансового права, непосредственно соотносится с публичным экономическим правом); введение программ, содержащих меры бюджетного поощрения в отношении стимулирования рождаемости и поддержки многодетных семей, например, материнский капитал (бюджетное право, как подотрасль финансового права, также непосредственно соотносится с публичным экономическим правом)); выделение дополнительных средств семьям участников СВО (право социального обеспечения, как реализация положений конституционной экономики); льготы, предоставляемые людям, достигшим пенсионного возраста (например, бесплатный транспорт, индексация и валоризация пенсий) и инвалидам (аналогично).

Общий вывод. Итак, социальная сфера является феноменом, находящимся на стыке (пересечении) таких областей человеческой жизнедеятельности, как Экономика и Право. При этом:

правовое воздействие (*прямая связь «Право $\Rightarrow$ Экономика»*) заключается в том, что (1) социальные гарантии установлены (в частности) нормами Конституции Российской Федерации и (2) положениями подзаконного акта (ОКВЭД-2), которые подтверждают, что отдельные сегменты социальной сферы (образование, здравоохранение и др.) позиционируются, как виды экономической деятельности; при этом, правом (при помощи бюджетного механизма) корректируется основной экономический закон спроса и предложения, ибо они не рентабельны;

это возможно только в ограниченных и допустимых пределах, с учетом наличия дополнительного экономического ресурса и потенциала; следовательно, прослеживается связь «*Экономика $\Rightarrow$ Право*», которая является также прямой;

как результат, в системе «Право $\Leftrightarrow$ Экономика (сегмент: Социальная сфера)» наблюдается взаимная и неразрывная связь.

Этот подход (экосистема, построенная на основе когнитивности), целесообразен в рамках такой специфичной отрасли права, как экономическое право, предметом которой являются имманентные экономические отношения, регулируемые с помощью юридической методологии.

Список литературы:

1. Ашмарина, Е.М. Инновационная технология "Экономическое право" в условиях глобализации: Монография / - Москва: РУСАЙНС, 2024. 280с. 18,0 п.л. С. 28-73; 94-110. ISBN: 978-5-466-04417-1 EDN: PWCWAA
2. Дуэль, В.М. Теория государства и права: Учебник / под ред. В.Н. Корнева. - М.: РАП, 2013. 560 с. С. 235.
3. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. - 3 изд. М.: Юриспруденция, 2000. - 528 с. С. 377.
4. Бондарь, Н.С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики / Н.С. Бондарь - М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.- 272 с. С. 4; С. 25-29.
5. Ершов, В.В. Верховенство права - концепция или доктрина? // Российское правосудие. № 6 (98). 2014. С. 5-18. EDN: SGZGQX
6. Орехова Т.Р. Проблемы теории государства и права: Учебник / под ред. М.Н. Марченко. - М.: ЮРИСТЪ, 2001. 656 с. С. 262-284.
7. Елисеев, В.С., Веленто, И.И. Теория экономического права: теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения: учебное пособие. - Москва: Проспект, 2019. - 416с. С. 5-9; С. 10-99.
8. Ручкина, Г.Ф. От предпринимательского права к экономическому праву // Государство и право. 2012. № 2. С. 118-122. EDN: OWYCOD
9. Стахов, А.И. Административно-экономическое право Российской Федерации. Статья // Государство и право. 2018 № 5. С. 37-43. DOI: 10.7868/S0132076918050049 EDN: XPUISD
10. Ершов, В.В. Система форм права в Российской Федерации // Российское правосудие. № 1. 2009. С. 305-311. С. 313. EDN: KUVKND
11. Ершов, В.В. Основопологающие принципы российского права // Российское правосудие. № 11 (31). 2008. С. 275-283.

References:

1. Ashmarina, E.M. Innovative technology "Economic Law" in the context of globalization: Monograph/- Moscow: RUSINES, 2024. 280s. 18.0 p.p. p. 28-73; 94-110.
2. Duel, V.M. Theory of state and law: Textbook/ed. V.N. Kornev. - M.: RAP, 2013. 560 p. S. 235.
3. Vengerov, A.B. Theory of State and Law: A Textbook for Law Schools. - 3 ed. M.: Jurisprudence, 2000. - 528 p. S. 377.
4. Bondar, N.S. Economic constitutionalism of Russia: essays on theory and practice/N.S. Bondar - M.: Norma: INFRA-M, 2017.- 272 p. S. 4; S. 25-29.
5. Ershov, V.V. The rule of law - a concept or doctrine ?//Russian justice. № 6 (98). 2014. С. 5-18.
6. Orekhova T.R. Problems of the theory of state and law: Textbook/ed. M.N. Marchenko. - M.: LAWYER, 2001. 656 pp. S. 262-284.
7. Eliseev, V.S., Velento, I.I. Theory of economic law: theory of branches of law that ensure economic relations: a textbook. - Moscow: Prospect, 2019. - 416s. S. 5-9; S. 10-99.
8. Ruchkina, G.F. From business law to economic law//State and law. 2012. № 2. S. 118-122.
9. Stakhov, A.I. Administrative and economic law of the Russian Federation. Article//State and law. 2018 № 5. С. 37-43.
10. Ershov, V.V. System of forms of law in the Russian Federation//Russian justice. № 1. 2009. S. 305-311. P. 313.
11. Ershov, V.V. Fundamental Principles of Russian Law//Russian Justice. № 11 (31) . 2008. S. 275-283.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА СВОБОДНЫЙ ВЫЕЗД ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ СТРАНЫ FORMATION OF CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS TO LEAVE YOUR COUNTRY FREELY

БУРЕНКОВА Мария Александровна,

аспирантка Высшей школы правоведения,
Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «РАНХиГС» при Президенте РФ.
просп. Вернадского, 84, стр. 1, г. Москва, 119606, Россия.
E-mail: burenkova@teamidea.ru;

BURENKOVA Maria Aleksandrovna,

postgraduate student of the Higher School of Law, Institute of Public Administration and Management
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "RANEPA" under the President of the Russian Federation.
avenue. Vernadsky, 84, p. 1, Moscow, 119606, Russia.
E-mail: burenkova@teamidea.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается процесс формирования конституционного права человека свободно выезжать за пределы своей страны. Автор анализирует исторические, политические и правовые аспекты этого права, а также его значение для современного общества. Особое внимание уделяется роли международных организаций и соглашений в защите данного права.

Abstract: The article examines the process of formation of a person's constitutional right to freely travel outside their country. The author analyzes the historical, political and legal aspects of this right, as well as its significance for modern society. Particular attention is paid to the role of international organizations and agreements in protecting this right.

Ключевые слова: конституционное право, свобода передвижения, международные соглашения, право выезда, защита прав человека.

Keywords: constitutional law, freedom of movement, international agreements, right to exit, protection of human rights.

Для цитирования: Буренкова М.А. Формирование конституционного права человека на свободный выезд за пределы своей страны // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 171-172. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_171.

For citation: Burenkova M.A. Formation of constitutional human rights to leave your country freely // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 171-172. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_171.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Зарождение, становление и эволюция права на свободу передвижения на территории государства и за его пределами как генерального института конституционного права, является активно исследуемой научным сообществом темой. Особенно актуальным этот вопрос представляется сегодня в контексте вызовов и угроз, приносимых неконтролируемыми волнами миграционных потоков «с бедного Юга на богатый Север», спрогнозированных в 1970-е гг. американским философом-неомарксистом Иммануилом Валлерстайном в фундаментальном труде «Современная мир-система» и ряде последующих научных работ¹.

В юридической науке полемика о конституционных правоотношениях на свободный выезд за пределы Российской Федерации и сущность конституционных прав российских граждан на беспрепятственное возвращение имеет временные и пространственные границы, которые необходимо четко хронологизировать в исторической перспективе развития дискурса.

Для адекватного восприятия современной действительности, требуется сравнительно-правовая проекция эволюции государства как публичного института, в интересах которого, вне зависимости от исторического этапа развития страны, реализуется функциональная задача контроля за подданными, гражданами в сфере реализации провозглашаемых прав и свобод.

Право на свободу передвижения не является новеллой современной эпохи. Научная мысль выделяет несколько этапов в истории эволюции указанного права², а именно:

1. Догосударственный (первобытнообщинный) период, когда право на свободу передвижения еще не было регламентировано правом, но уже существовало в форме обычая. Указанное правомочие могла быть ограничено только естественной средой обитания, климатом, географическим положением и иными объективными факторами.
2. Период раннефеодального государства, где право на свободу передвижения уже было регламентировано властью в правовых актах, соответствующих определенной исторической эпохе, то есть в форме правового обычая.
3. Третий этап. Окончание XVIII в., когда указанное правомочие стало одним из естественных (личных) прав, данных с момента рождения природой, согласно концепции естественных прав и свобод.
4. Четвертый этап. Начиная с XX в. и по настоящее время, право на свободу передвижения обрело юридическое закрепление в международно-правовых и внутригосударственных актах и стало общепризнанным правомочием человека и гражданина. Ограничения могут быть регламентированы только национальными законодательствами суверенных государств.

¹ Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. I–III. Binghamton, 1974–1989. / Валлерстайн И. Современная мир-система. Издательство: Academic Press. Т. 1-3.

² Могильный В.Ф. История возникновения и развития права на свободу передвижения // Юристы – Правоведь. 2007. № 6 (25). С. 53. С. 52-56.

Начиная историческую хронологию, можно отметить, что с VIII в. в исторических источниках можно найти упоминание о «проезжих грамотах» и «жалованных грамотах» (предоставляющих иностранцам право въезда в Древнерусское государство и удостоверяющих их личность). «Отпускные грамоты» предоставляли право подданным России поменять место своего жительства.

С развитием крепостного права на Руси были введены одними из первых правовые акты, регламентирующие порядок передвижения по территории России. Это была Грамота Царя и Великого Князя Михаила Федоровича 1615 г. Собственное наименование «пашпорт» обрел жизнь в наказе астраханскому воеводе 1710 г.¹

Паспортная система в наиболее близкой к современному пониманию возникла в период активного реформирования российской государственности великим реформатором императором Петром I. Например, в 1721 г. император обязал крестьянам, временно покидающих постоянное место жительства, выдавать «пашпорта», что существенно систематизировало передвижения подданных по российскому пространству. Помимо «пашпортов» появились «письменные отпуска» и «абшиды» для военнотружеников, «пропускные письма» для крестьянства и др.

Печатная форма паспорта появилась для городского сословия (купцов, мещан) и крестьян в 1803 г.² Следует отметить, что для получения этого «отпускного документа», который выдавался лицам «податного состояния» было необходимо реализовать следующие действия:

- 1) Лицо должно было получить от ближайшего владельца или начальства отпускное рукописное письмо;
- 2) Лицо направлялось к земскому комиссару и полковнику того полка, к которому шла уплачиваемая отпускником подушная подать³.

Таким образом процедура становилась более сложной и позволяла не только систематизировать передвижение подданных по территории государства, но и пополнять соответствующий бюджет.

Очень интересным для исследователя стал Манифест императрицы Екатерины II от 04 декабря 1762 г. «О свободном поселении иностранцев в России» позволил иностранцам право поселения на территории России и впервые регламентировал право россиян на беспрепятственное возвращение в страну⁴. Указанный исторический документ был многоцелевым и содержал несколько задач:

- 1) показать высокий уровень образованности «просвещенной» императрицы, при этом повысить престиж монархии Российской империи в Европе и мире;
- 2) повернуть в сторону России и сделать более легким возврат потоков переселенцев, ранее уехавших с ее территории;
- 3) поднять динамику аграрных работ в землях, в присоединенных в результате двух прошедших русско-турецких войн
- 4) показать европейцам преимущества проживания в Российской империи и др.

Следует отметить, что в документе под «иностранцами» подразумевались преимущественно европейцы, обладающие христианской верой (лютеране, католики...), которые достаточно легко адаптировались в российской обществе. Например, этим правом воспользовались немцы, заселившие Поволжье и организовавшие там свою общину, известную нам и сегодня.

Список литературы:

1. Валлерстайн И. Современная мир-система. Т. 1-3. Binghamton: Academic Press, 1974-1989.
2. Могильный В.Ф. История возникновения и развития права на свободу передвижения // Юрист - Правовед. 2007. № 6 (25). С. 52-56. EDN: MUMHPN
3. Фатихов Д.Р. История правового регулирования российской паспортной системы // Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей. 2013. № 3 (25). С. 114-122. EDN: RFXIJR
4. Гайдарева И.Н., Ешев М.А., Кушников А.В. История становления и практика правового регулирования миграционных процессов в России (XV - начало XX в.) // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2020. № 20. С. 18-20. EDN: FMPHYT
5. Пенкин С.В. Конституционное право человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (история становления и юридическая природа): автореф. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. С. 8. EDN: ZMYDYB
6. Пономарев Е.Г. Законодательная регламентация передвижения подданных по территории России в XVIII в. // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 30-35. EDN: ZCRPGT

References:

1. Wallerstein I. Modern world-system. Vol. 1-3. Binghamton: Academic Press, 1974-1989.
2. Mogilny V.F. The history of the emergence and development of the right to freedom of movement // Lawyer - Jurist. 2007. No. 6 (25). pp. 52-56. EDN: MUMHPN
3. Fatikhov D.R. The history of the legal regulation of the Russian passport system // Problems of legal science and law enforcement practice: the view of young researchers. 2013. No. 3 (25). pp. 114-122. EDN: RFXIJR
4. Gaidareva I.N., Yeshev M.A., Kushnirov A.V. The history of the formation and practice of legal regulation of migration processes in Russia (XV - early XX century) // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2020. No. 20. pp. 18-20. EDN: FMPHYT
5. Penkin S.V. The constitutional human right to freedom of movement, choice of place of stay and residence (history of formation and legal nature): the abstract. ... kand. jurid. nauk. - M., 2005. p. 8. EDN: ZMYDYB
6. Ponomarev E.G. Legislative regulation of the movement of subjects on the territory of Russia in the XVIII century. // Leningrad Law Journal. 2017. No. 1 (47). pp. 30-35. EDN: ZCRPGT

¹ Пенкин С.В. Конституционное право человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (история становления и юридическая природа): автореф. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. С. 8.

² Фатихов Д.Р. История правового регулирования российской паспортной системы // Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей. 2013. № 3 (25). С. 114-122.

³ Пономарев Е.Г. Законодательная регламентация передвижения подданных по территории России в XVIII в. // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 32. С. 30-35.

⁴ Пенкин С.В. Конституционное право человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (история становления и юридическая природа): автореф. ... канд. юрид. наук. - М., 2005. С. 9

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ LEGAL REGIME OF GOVERNMENT DEBT OBLIGATIONS

БАБАЯН (ПАЛОЗЯН) Оксана Арамаисовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права
Российского государственного университета правосудия.
125167, Россия, г. Москва, Новый Зыковский проезд, 7.
E-mail: oks13@bk.ru;

ЖМУРКО Ирина Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин
юридического факультета АНО ВО «РПУ св. Иоанна Богослова».
107076, Россия, г. Москва, Чернышевского пер., 11 А, стр. 1.
E-mail: m.irina.72@yandex.ru;

BABAYAN (PALOZYAN) Oksana Aramaisovna,

PhD of Law, associate Professor of the Department
of Financial Law Deputy Dean of the Faculty of Economics Russian State University of Justice.
7 Novy Zykovsky proezd, Moscow, 125167, Russia.
E-mail: oks13@bk.ru;

ZHMURKO Irina Mikhailovna,

PhD of Law, associate Professor of the Department of Legal Disciplines
Russian Orthodox University of Saint John the Divine.
11A Chernyshevsky Lane, building 1, Moscow, 107076, Russia.
E-mail: m.irina.72@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается правовой режим долговых обязательств, возникших в рамках облигационного займа как инструмента регулирования экономики. Выявлены позитивные и негативные стороны правового регулирования в сфере государственного займа. Сделан вывод о совершенствовании правового режима долговых обязательств в национальном законодательстве.

Abstract: The article examines the legal regime of debt obligations that arose within the framework of a bond loan as an instrument of economic regulation. The positive and negative aspects of legal regulation in the field of government loans have been identified. The conclusion is made about the improvement of the legal regime of debt obligations in national legislation.

Ключевые слова: долговые обязательства, государственный внутренний долг, облигации государственного внутреннего займа, расходные обязательства.

Keywords: debt obligations, government domestic debt, government domestic loan bonds, expenditure obligations.

Для цитирования: Бабаян (Палозян) О.А., Жмурко И.М. Правовой режим государственных долговых обязательств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 173-175. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_173.

For citation: Babayan (Palozyan) O.A., Zhmurko I.M. Legal regime of government debt obligations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 173-175. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_173.

Статья поступила в редакцию: 22.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Термин «государственные долговые обязательства» используется в правовой доктрине и применим, в том числе к ценным бумагам, выпущенным в рамках государственного займа, где субъектом правоотношения выступают органы государственной власти. Интерес к данной правовой дефиниции проявляется как со стороны ученых-экономистов, так и ученых-правоведов.

Действующее законодательство закрепляет разновидность государственных долговых обязательств, которые возникают в рамках кредитования, осуществления выпуска государственных ценных бумаг, по банковским вкладам (счетах), а также государственным гарантиям и иным обязательствам (ст. 98 БК РФ, ст. 269 НК РФ). Названные нормы права указывают на многообразие долговых обязательств в зависимости от основных направлений бюджетной политики и заданному Правительством РФ вектору источника финансирования дефицита федерального бюджета.

Разновидность, формы, обращение, обслуживание, исполнение, правовой режим долговых обязательств Российской Федерации, наличие долговой книги также предусмотрены Бюджетным кодексом РФ. К таким видам (формам) долговых обязательств относятся облигации, выпущенные в рамках осуществления государственного заимствования и принятые на себя Российской Федерацией долговые обязательства, сформированные по дореформенным сбережениям граждан [1], в том числе обязанности по восстановлению сбережений граждан по вкладам в государственные ценные бумаги, размещенных до 1992 года [3]; оформление новации с целью погашения «старой задолженности» по обесцененным сбережениям граждан.

Специфика правовых основ целевых долговых обязательств заключается в комплексном подходе регулирования и неопределенной правовой природе таких обязательств. Согласно п. 4 ст. 75 Конституции РФ государственные займы выпускаются в порядке, определяемом федеральным законом. В настоящее время таким законом является Бюджетный кодекс РФ, предметом регулирования которого охватываются лишь отдельные элементы правового режима указанных обязательств (формы государственных долговых обязательств, порядок управления внутренними и внешними долгами и т.п.). В свою очередь, гражданско-правовые нормы закрепляют общую концепцию надлежащего и безусловного исполнения обязательств в соответствии с требованиями федеральных законов, подзаконных актов, а также теорий, изложенных в правовой доктрине.

Наличие публично-правового регулирования и многообразие государственных долговых обязательств формирует определенную модель поведения субъектов отношений и специальный правовой режим. Особое значение правовой режим государственных долговых обяза-

тельств в рамках займа приобретает в связи с формированием сбалансированного государственного бюджета (облигации как источник устранения дефицита). Действующее законодательство не имеет четкого закрепления понятийно-категориального аппарата, а именно: понятия государственного облигационного займа; наиболее значимых признаков государственных финансовых обязательств, что приводит к нарушению принципа безусловного исполнения долговых обязательств и служит причиной неограниченного усмотрения со стороны заемщиков (эмитентов). Тематический (актуальный) пример таких отношений государственного внутреннего заимствования - облигации 1982 года, выплаты по которым приостановлены до 1 января 2027 года [4].

Учитывая, что установленные законом права и обязанности, которые возникают в рамках любых правоотношений являются возможностью для самих участников (субъектов) и необходимостью определенного их поведения, следовательно, отношения, возникающие в рамках государственных заимствований, являются предметом публично-правового регулирования и делятся на организационные (где эмитент - орган государственной власти) и обязательственные (порождают финансовые обязательства особого типа). Структура любых правоотношений определяет круг существенных условий, которые формируют определенные субъективные права и обязанности. В рамках осуществления государственных займов в виде облигаций, четко сформированный круг существенных условий с целью заемных финансовых долговых обязательств и строгое их соблюдение (в том числе своевременное исполнение) позволит считать указанные ценные бумаги порождающими долговые обязательства.

С учетом изложенного, значимая роль в регулировании названных отношений отводится конституционно-правовым нормам, а бюджетное законодательство лишь закрепляет полномочия исполнительной власти по формированию круга существенных условий на уровне подзаконных актов, тем самым образуя сложный юридический состав.

Как было отмечено в доктрине [5, с. 4, 10], установление соотношения публичных и частных интересов является важной задачей, как для законодателя, так и для правоприменителя, чем продиктована необходимость в определении основных правил и особенностей государственных облигационных займов в их правовом регулировании.

Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих сферу государственных долговых обязательств, мониторинг судебной практики позволяет выделить наличие правовых проблем: регулярное приостановление действия нормативных правовых актов о переводе вкладов в целевые государственные долговые обязательства Российской Федерации и выплаты по ним (Федеральный закон от 4 февраля 1999 г. № 21-ФЗ «О базовой стоимости необходимого социального набора» приостановлен до 2027 года) [2]; нарушение правового режима долговых обязательств, предусмотренного бюджетным законодательством.

В соответствии с требованиями статьи 121 БК РФ Министерство финансов Российской Федерации ведет учет (объем, возникновение, исполнение, прекращение, конвертацию ценных бумаг) долговых обязательств государства по внутренним и внешним долгам. И такой учет осуществляется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях путем внесения сведений в долговую книгу соответствующего уровня.

Все долговые финансовые обязательства Российской Федерации, которые не были погашены, выплаты по которым приостановлены или частично исполнены должны отражаться в соответствующей долговой книге, следовательно, не подлежат перерегистрации и иной процедуре аннулирования. Таким образом, приостановление выплат по вышеуказанным ценным бумагам 1982 года не соответствует существующей государственной бюджетной политике и не должным образом сказывается на материальном благополучии займодавцев, и соответственно не освобождает от исполнения долговых финансовых обязательств заемщика. *Де-факто* – долги существуют, а *де-юре* – финансовые обязательства не учтены и не отражены в установленном законом порядке. Формирование правового режима внутренних государственных финансовых обязательств возможно должно охватываться правовыми актами (в том числе федеральным законом) во взаимосвязи с ранее принятыми директивами. Такой метод будет соответствовать сложившимся правилам и порядку управления государственным долгом на уровне национального законодательства с учетом принятых международных стандартов.

Эволюция развития государственных займов и сложившиеся традиции позволили отметить достаточно широкую их разновидность (займ по подписке, в том числе коллективной, выигрышный и натуральные займы), императивный порядок и условия размещения облигаций на уровне подзаконных актов. И все это было вызвано серьезными проблемами: дефицитом бюджетных средств, инфляцией и иными экономическими показателями.

Исторически сложившаяся юридическая конструкция государственного облигационного займа претерпела существенные изменения и в основу отношений был заложен конституционный принцип – добровольности размещения ценных бумаг (приобретения облигаций, выпущенных в рамках государственного заимствования) на уровне федерального закона. Несомненно, что это является для будущих заемщиков большим плюсом и гарантией, через которую возможна защита интересов всех сторон государственных долговых обязательств. В зависимости от способа закрепления таких гарантий, законодателю предстоит выделить их группы (разделяя на общие и специальные), с учетом закрепления приоритета прав инвесторов, особого статуса заемщика и с соблюдением всех бюджетных правил и иммунитетов.

Руководствуясь принципами бюджетной системы, в том числе принципом безусловного исполнения финансовых обязательств, публично-правовые образования не вправе безосновательно отказываться от исполнения взятых на себя финансово-правовых обязательств, так как вопросы доходов и расходов бюджета подкрепляется системой бюджетно-правовых норм, механизмами исполнения. Разделяем правовую позицию Конституционного Суда РФ [6], которая заключается в том, что федеральный закон о федеральном бюджете, как таковой, не порождает и не отменяет прав и обязательств и потому не может в качестве *lex posterior* (последующего закона) изменять положения других федеральных законов, затрагивающих расходы Российской Федерации, а тем более - лишать их юридической силы (вышеуказанный пример, с государственным

внутренним займом 1982 года).

С учетом изложенного, расширение субъектного состава, закрепление пределов делегирования полномочий и ответственности уполномоченных лиц поможет избежать бесконтрольного использования бюджетных денежных средств и тем самым вызвать интерес, доверие потенциальных займодателей к государственным облигациям как на краткосрочный, так и на долгосрочный периоды.

Государственный облигационный займ в сфере бюджетной политики на протяжении многих лет рассматривается как направление финансовой деятельности государства, где важны два вектора: организационный и обязательственный. Модернизация экономики и антироссийские санкции накладывают свой отпечаток и вызывают необходимость в дополнительном правовом регулировании и принятии эффективных моделей, а также развитии внутренних финансовых правоотношений.

Анализ существующих теорий, идей и представлений о правовом режиме государственных долговых обязательств позволяет сделать вывод о наличии сложной юридической конструкции, подлежащей корректировке в зависимости от требований современных тенденций, антикризисных мероприятий (планов) и общей политики страны.

О новых бюджетно-правовых инструментах и перспективах правоприменения (в том числе совершенствовании правового регулирования финансовых услуг, оказываемых гражданам и иным субъектам) было заявлено на Международном VI Финансово-правовом форуме «Финансовое право и современный миропорядок», проведенного 20 февраля 2025 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) [7].

Таким образом, необходимы дальнейшие меры для обеспечения и реализации конституционно-правовых положений, систематизации и формирования оптимальной модели правового регулирования, в том числе с учетом гарантированности, обеспеченности финансовых долговых обязательств средствами государственной казны и федеральным имуществом. Предлагается внести дополнения в действующее бюджетное законодательство, а именно: сформировать существенные условия в рамках обязательственных отношений; закрепить приоритет погашения государственных долгов и механизмы привлечения денежных средств в зависимости от различных экономических показателей, особых ситуаций.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 10.05.1995 № 73-ФЗ "О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации" // Российская газета № 91. 12.05.1995.
2. Федеральный закон от 19.12.2016 (ред. от 27.11.2023) № 429-ФЗ "О приостановлении действия Федерального закона № 21-ФЗ "О базовой стоимости необходимого социального набора" // СПС "КонсультантПлюс".
3. Соглашение "О принципах и механизме обслуживания внутреннего долга бывшего СССР" от 13.03.1992 года. Бюллетень международных договоров. 1993. № 4.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2016 № 1437 "О приостановлении действия постановления Правительства Российской Федерации от 29.01.2000 № 82 "Об утверждении положения о переводе государственных ценных бумаг СССР и сертификатов сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства РФ" (с изменениями на 30 ноября 2023 года). - Текст: электронный // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/420387116> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Жмурко И.М. Финансово-правовое регулирование государственных облигационных займов: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Жмурко Ирина Михайловна. - Москва, 2022. - 28 с. EDN: OJZJQY
6. Определение Конституционного Суда РФ от 08.02.2007 № 322-О-П "По запросу Правительства Челябинской области о проверке конституционности положений абзаца третьего пункта 5 статьи 55 Закона Российской Федерации "Об образовании" и пункта 5 статьи 83 Бюджетного кодекса Российской Федерации" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 4.
7. <https://mgua.mts-link.ru/62579953/233856915>.

References:

1. Federal Law No. 73-FZ of 05/10/1995 "On the Restoration and Protection of Savings of Citizens of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta No. 91. 05/12/1995.
2. Federal Law No. 429-FZ of 12/19/2016 (as amended on 11/27/2023) "On the Suspension of Federal Law No. 21-FZ "On the Basic Cost of available social recruitment" // SPS "ConsultantPlus".
3. Agreement "On the principles and mechanism of servicing the internal debt of the former USSR" dated 13.03.1992. Bulletin of International Treaties. 1993. № 4.
4. Decree of the Government of the Russian Federation dated 22.12.2016 No. 1437 "On Suspension of the Decree of the Government of the Russian Federation dated 29.01.2000 No. 82 "On Approval of the Regulations on the Transfer of Government Securities of the USSR and Certificates of the Savings Bank of the USSR to the Target Debt Obligations of the Russian Federation" (as amended on November 30, 2023). - Text: electronic // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/420387116> (date of request: 03/20/2025).
5. Zhmurko I.M. Financial and legal regulation of government bond loans: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences: 12.00.04 / Zhmurko Irina Mikhailovna. - Moscow, 2022. - 28 p. EDN: OJZJQY
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 08.02.2007 No. 322-O-P "At the request of the Government of the Chelyabinsk region on the review of the constitutionality of the provisions of paragraph three of paragraph 5 of Article 55 of the Law of the Russian Federation "On Education" and paragraph 5 of Article 83 of the Budget Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2007. № 4.
7. <https://mgua.mts-link.ru/62579953/233856915>.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_176

УДК 349

ПРАВОВАЯ ПРОПЕДЕВТИКА НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ LEGAL PROPAEDEUTICS OF SOME CURRENT ISSUES OF PROFESSIONAL RETRAINING IN THE RUSSIAN FEDERATION

МОРГУНОВА Наталья Викторовна,кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы теории и истории государства и права,
Тихоокеанский государственный университет.

680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.

E-mail: morgonv@mail.ru;

КАРНАУХОВ Вадим Константинович,

магистрант, Тихоокеанский государственный университет.

680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.

E-mail: businessintellekt@yandex.ru;

MORGUNOVA Natalia Viktorovna,Associate Professor, Candidate in Law, Associate Professor of the Higher School of Theory and History of State and Law,
Pacific State University.

680042, Khabarovsk, st. Pacific, 136.

E-mail: morgonv@mail.ru;

KARNAUKHOV Vadim Konstantinovich,

master's student Pacific State University.

680042, Khabarovsk, st. Pacific, 136.

E-mail: businessintellekt@yandex.ru

Краткая аннотация: Актуальность исследования обусловлена многими факторами, как правового характера, так и внутрироссийскими, а также общемировыми тенденциями существенного изменения и переформатирования экономики, эволюции процессов хозяйствования, что напрямую отражается на образовательной системе, приводящей к её трансформации. Дополнительное профессиональное образование призвано играть значительную роль в системе образования России, в то время как сейчас к нему относятся второстепенно, что в современных условиях является ошибочным. В настоящей статье исследуется современное правовое регулирование профессиональной переподготовки в рамках дополнительного профессионального образования и проблемы, связанные с ним.

Abstract: The relevance of the study is due to many factors, both legal and domestic, as well as global trends of significant change and reformatting of the economy, the evolution of economic processes, which directly affects the educational system, leading to its transformation. Additional professional education is called upon to play a significant role in the Russian education system, while now it is treated as secondary, which is wrong in modern conditions. This article examines the modern legal regulation of professional retraining within the framework of additional professional education and the problems associated with it.

Ключевые слова: профессиональная переподготовка, дополнительное профессиональное образование, курсы, магистратура, бакалавриат, специалитет, среднее профессиональное образование, профессиональные стандарты.

Keywords: professional retraining, additional professional education, courses, master's degree, bachelor's degree, specialty, secondary vocational education, professional standards.

Для цитирования: Моргунова Н.В., Карнаухов В.К. Правовая пропедевтика некоторых актуальных вопросов профессиональной переподготовки в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 176-179. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_176.

For citation: Morgunova N.V., Karnaukhov V.K. Legal propaedeutics of some current issues of professional retraining in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 176-179. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_176.

Статья поступила в редакцию: 22.03.2025**Дата публикации: 30.04.2025**

Получение среднего или высшего профессионального образования в современных реалиях часто бывает недостаточным, а по прошествии времени и вовсе необходимо регулярно обновлять свои знания, корректировать и подтверждать уровень компетенций, а в частых случаях менять квалификацию или направление деятельности, что также требует профессиональной подготовки. Получать второе образование по направлениям среднего или высшего профессионального образования часто затруднительно, занимает много времени, средств и лишает экономику части трудовых ресурсов, что непозволительно. Пробел в данном случае, исходя из положений действующего законодательства, призвано восполнить такая форма дополнительного образования, как профессиональная переподготовка. Данная форма образования активно реализуется различными организациями в России на основании выданных региональными органами власти лицензий на образовательную деятельность по программам дополнительного профессионального образования, и последнее время популярность данной формы растет, особенно с активным и повсеместным внедрением дистанционных образовательных технологий.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 28.02.2025) (далее по тексту ФЗ №273), в ч. 5 ст. 10 ФЗ № 273 [1] устанавливает уровни профессионального образования в России.

Отдельно законом выделено дополнительное образование, а именно дополнительное образование включает в себя такие подвиды, как дополнительное образование детей и взрослых и дополнительное профессиональное образование (далее по тексту ДПО) (ч. 6 ст. 10 ФЗ №273) [1].

Получив определенное среднее профессиональное образование (далее по тексту СПО) или высшее профессиональное образование

(далее по тексту ВПО), многие рано или поздно понимают, что выбрали не ту профессию или в силу различных обстоятельств есть желание или необходимость полностью сменить род деятельности, в связи с чем встает вопрос, «Что делать?».

ФЗ № 273[1] в некоторой степени дает ответ на этот вопрос в виде возможности получения второго и последующих среднего или высшего профессионального образования или через ДПО пройти профессиональную переподготовку, в зависимости от уровня имеющегося образования.

В первом случае, получение второго среднего или высшего профессионального образования по другой профессии, хоть и предусмотрено ФЗ № 273 (ч. 2 ст. 68, ч. 8 ст. 69) [1], но не до конца урегулирован механизм его получения и реализации в ускоренном порядке.

Если учебное заведение не имеет специальных, ускоренных образовательных программ при получении второго среднего или высшего образования, то человеку остается только вновь поступить на соответствующую программу для получения желаемой профессии и пройти полный курс обучения. Анализ сайтов большинства вузов России показывает, что таких программ минимальное количество и в любом случае они длительны.

Но готов ли человек к этому в силу физических, финансовых, семейных и иных обстоятельств, готово ли государство и экономика ждать столько времени, при необходимости массовости переобучения разных специалистов столь долгое время? Исходя из современных реалий и скорости экономических и иных процессов, очевидно нет!

Второй выход, это пройти профессиональную переподготовку по программам ДПО.

В данном исследовании будет дана оценка тому, насколько профессиональная переподготовка, в рамках ДПО, актуальна в настоящее время, соответствует ли она своей задаче и целям, каков её статус и статус выдаваемого по результатам её освоения документ, способна ли она решить фактические и правовые вопросы смены профессии, дающей право на осуществление нового вида профессиональной деятельности, а также дана оценка правового регулирования и гарантий качества такой переподготовки. В исследовании также будет предпринята попытка найти оптимальные пути решения исследуемой проблематики через механизм правового регулирования.

Ученые исследователи в разное время выделяют ряд существенных проблем, в том числе связанных с правовым регулированием профессиональной переподготовки, таких как отсутствия единых федеральных требований и стандартов, серьезные претензии к качеству такого образования (за отдельным исключением установленные в ч. 7 ст. 76, 81, 82, 85, 85.1 ФЗ № 273) [1], формам контроля, статуса документа выдающегося по результатам успешного прохождения образовательной программы [5-9].

Основными документами осуществляющие правовое регулирование ДПО в России являются ст. 76 ФЗ № 273 [1], а также отдельные его нормы и Приказ Минобрнауки России от 01.07.2013 № 499 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» (далее по тексту – Приказ № 499) [2].

ФЗ № 273 в ст. 2 закрепил ряд понятий, в том числе дал определение понятиям: образование; квалификация; профессиональное образование; дополнительное образование [1].

Необходимо обратить внимание, что отдельного понятия дополнительному профессиональному образованию в ст. 2 ФЗ №273 не дается.

В ст. 76 ФЗ № 273 установлена и определена основная задача ДПО, а именно - ДПО направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды [1].

Подробный сравнительно-правовой анализ закрепленных понятий позволяет сделать следующие выводы:

- ДПО не сопровождается повышением уровня образования (п. 14 ст. 2 ФЗ № 273) [1];
- понятие образование гораздо более широкое и глубокое понятие, чем квалификация, где последнее по существу является составляющей, получаемой в ходе образовательного процесса и выделена для юридического определения конкретно возможного профессионального направления или сферы деятельности человека, а получение определенной квалификации дает ему право на осуществление конкретной профессиональной деятельности;
- задачами же ДПО (п. 1 ст. 76 ФЗ № 273) являются удовлетворение потребностей в образовании, профессиональное развитие человека ввиду меняющихся условий профессиональной деятельности [1].

Таким образом, ФЗ № 273 закрепляет ДПО, не как систему образования для подготовки иного уровня профессионалов или получаемые ими иное образование по иной специальности или направлению деятельности, а по большей части закрепляет право на совершенствование своих профессиональных знаний, умений, навыков необходимых для соответствия современным условиям работы и деятельности [1]. Указанное правовое положение соответствует положениям ст. 43 Конституции РФ.

Но соотносится ли прохождения профессиональной переподготовки в рамках программ ДПО указанным нормам и установленным ФЗ № 273 понятиям? Можно ли считать с юридической (на основании положений ФЗ № 273 и иных нормативно правовых актов) и фактической (качество, безопасность и прочее) точек зрения, что прохождение профессиональной переподготовки по программ ДПО и получение по результатам такой переподготовки документа, что данный человек вправе и готов осуществлять деятельность по иной профессии, требующей в обычных случаях наличие среднего профессионального или высшего образования по соответствующей специальности или направлению деятельности?

Необходимо также отметить, что к праву на непрерывное образование нужно относиться ни односторонне, а с таким подходом, что если человек желает развиваться профессионально, он безусловно вправе любым законным способом получать такое образование, в том числе

и по программам ДПО, но не во всех случаях такое право, должно давать право человеку по результатам обучения осуществлять профессиональную деятельность, так как одно дело удовлетворять свои потребности в образовании, а другое быть профессионалом и на высоком профессиональном уровне осуществлять те или иные виды профессиональной деятельности или работать по профессии, от качества подготовки которых зависит безопасность людей, общества и государства в целом.

Рассмотрим данные вопросы подробнее.

Согласно ч. 7 ст. 60 ФЗ №273 документ об образовании и о квалификации, выдаваемый лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию, подтверждает получение профессионального образования следующего уровня и квалификации (квалификаций) выдается при получении этими лицами среднего или высшего профессионального образования [1].

Частью 10 ст. 60 ФЗ определен статус и понятие документа о квалификации, который подтверждает повышение или присвоение квалификации по результатам дополнительного профессионального образования (подтверждается удостоверением о повышении квалификации или дипломом о профессиональной переподготовке) [1].

Закон не относит ДПО ни к одному из уровней образования.

При этом, согласно ч. 3 ст. 76 ФЗ № 273 к освоению дополнительных профессиональных программ допускаются:

- 1) лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее образование;
- 2) лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование [1].

ФЗ № 273 в ч. 11 ст. 60 отдельно определяет, что квалификация, указываемая в документе о квалификации, дает его обладателю право заниматься определенной профессиональной деятельностью или выполнять конкретные трудовые функции, для которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке определены обязательные требования к наличию квалификации по результатам ДПО или профессионального обучения, если иное не установлено законодательством Российской Федерации [1].

При этом, для сравнения, в ч. 8 ст. 60 ФЗ № 273 установлен правовой статус для уровня профессионального образования и квалификации (квалификации), указываемые в документах об образовании и о квалификации, выдаваемых лицам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию. Так, уровень образования указанный в соответствующих документах дают их обладателям право заниматься определенной профессиональной деятельностью, в том числе занимать должности, для которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке определены обязательные требования к уровню профессионального образования и (или) квалификации, если иное не установлено федеральными законами [1].

Частью 2 ст. 76 ФЗ № 273 определено, что ДПО осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (ДПП):

1. Повышение квалификации: направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации (ч. 4 ст. 76 ФЗ № 273) [1]. Минимальный срок освоения вида программы согласно Приказу № 499 не менее 16 часов [2].

2. Профессиональная переподготовка - направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации (ч. 5 ст. 76 ФЗ № 273) [1]. Минимальный срок освоения вида программы согласно Приказу № 499 не менее 250 часов [2].

Необходимо особенно отметить, что содержание дополнительной профессиональной программы определяется образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность, если иное не установлено ФЗ № 273 и другими федеральными законами, с учетом потребностей лица, организации, по инициативе которых осуществляется дополнительное профессиональное образование (ч.6 ст. 76 ФЗ № 273) [1].

Исключения составляют сферы деятельности, которые прямо указаны в ч. 7 ст. 76, в ч. 7 ст. 76, 81, 82, 85, 85.1 ФЗ № 273, согласно которым типовые дополнительные профессиональные программы утверждаются соответствующими уполномоченными органами. При этом необходимо обратить внимание, что резкое расширение списка в ч. 7 ст. 76 ФЗ № 273 произошло за последние 5 лет [1].

Таким образом, законодатель, предусматривая в системе образования ДПО в виде профессиональной переподготовки, не признает его образованием как таковым при выдаче документа по результатам освоения соответствующей дополнительной образовательной программы, что и вносит правовую неопределенность.

Вместе с тем, слушатели успешно освоившие программы профессиональной переподготовки ДПО, с учетом системного толкования статуса диплома о профессиональной переподготовке, и требования к уровню образования, указываемые во многих утвержденных и действующих федеральных профессиональных стандартов (далее по тексту ФПС) наделяют правом лиц с непрофильным СПО и ВПО образованием, осуществлять работу по квалификации или виду профессиональной деятельности указанной в дипломе о профессиональной переподготовке.

Рассмотрим в качестве примера некоторые ФПС:

1. Психолог в социальной сфере (рег. № 12, код 03.008 утв. приказом мин. труда и соц. Защиты РФ от 14 сентября 2023 г. № 716н 01.09.2024 г.) [4]:

- согласно указанному ФПС, при наличии непрофильного высшего образования – бакалавриат и дополнительного профессионального образования - программы профессиональной переподготовки по профилю деятельности можно работать по должностям клинического, практического, социального и просто психолога;

2. Специалист в области инженерно-геодезических изысканий для градостроительной деятельности (рег. № 809 код 10.002 утв. приказом Мин. труда и соц. защиты РФ от 21 октября 2021 г. № 746н 01.03.2022 г.) [3]:

- согласно указанному ФПС, при аналогичных документах, можно не имея профильного высшего образования и имея курсы переподготовки можно работать главным геодезистом, главным инженером, главным специалистом.

Таких ФПС, допускающие такие возможности очень много.

Вместе с тем, программы профессиональной переподготовки по соответствующим программам ДПО и выдаваемые на основании их документы не заменяют среднего или высшего профессионального образования, не являются они и вторым образованием определенного уровня, а также вообще не относятся к какому-либо уровню образования (п. 14 ст. 2 ФЗ № 273) [1].

Таким образом, исходя из буквального толкования вышеуказанных норм, с учетом существующих профессиональных стандартов, а также при разработке и утверждении новых, при прохождении профессиональной переподготовки по программам ДПО и получении человеком соответствующего документа о квалификации, его владелец вправе осуществлять указанную деятельность без получения нового среднего профессионального и высшего образования во многих случаях (исключения составляют лишь случаи при которых требование профильного образования соответствующего уровня прямо указано в профессиональном стандарте или законе (образовательный ценз).

Указанное правовое положение и правовой статус профессиональной переподготовки ДПО и документа выдаваемого по результатам итоговой аттестации, юридическая неопределенность соотношения закрепленных в ФЗ № 273 понятий, создает опасную ситуацию. Фактически происходит подмена СПО и ВПО, особенно в случаях при которых наличие непрофильного диплома соответствующего уровня профессионального образования и профессиональная переподготовка объемом не менее 250 часов по новому направлению профессиональной деятельности (специальности, профессии), дает его обладателю формальное право работать по этой специальности (профессии), без получения СПО или ВПО по соответствующему направлению. С учетом большого вопроса к качеству профессиональной переподготовки в рамках ДПО (особенно частных организациях), данное правовое положение нуждается в серьезной корректировке.

Список литературы:

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // СЗ РФ. 2012. N 53 (ч. 1), ст. 7598 ; Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (дата обращения 30.03.2025).
2. Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам // Приказ Минобрнауки России от 01.07.2013 N 499 (ред. от 15.11.2013) // РГ N 190, 28.08.2013;
3. Об утверждении профессионального стандарта "Специалист в области инженерно-геодезических изысканий для градостроительной деятельности" // Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 21.10.2021 № 746н ; Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111230031> (дата обращения 30.03.2025);
4. Об утверждении профессионального стандарта "Психолог в социальной сфере" : Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 14.09.2023 № 716н ; Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310190011> (дата обращения 30.03.2025).
5. Анискина, Н. Н. Качество ДПО - центральная проблема реформы профессионального образования / Н. Н. Анискина // Инновации. – 2013. – № 4(174). – С. 49-55.
6. Анискина, Н. Н. Проблемы развития и нормативной поддержки дополнительного профессионального образования в Российской Федерации / Н. Н. Анискина // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. – 2019. – № 2(44). – С. 1-6.
7. Владимиров, И. В. Дополнительная профессиональная переподготовка как перспектива в системе российского образования / И. В. Владимиров, В. Б. Алферьева-Термисикос, Р. Р. Гасанова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 6-1(69). – С. 213-225. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-6-1-213-225.
8. Влияние дистанционного обучения на развитие профессионального мышления обучающихся по программам профессиональной переподготовки / С. Н. Башинова, О. И. Кокорева, А. М. Гарифуллина, А. А. Сухарев // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 1(50). – С. 74-83.
9. Иванов, П. Ю. К вопросу о нормативно-правовом регулировании реализации программ профессиональной переподготовки / П. Ю. Иванов, Е. И. Яковлева // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2018. – № 3(19). – С. 65-68.

References:

1. On education in the Russian Federation: federal law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 28.02.2025) // SZ RF. 2012, N 53 (part 1), art. 7598; Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. – Access mode: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (date of access 30.03.2025).
2. On approval of the Procedure for organizing and implementing educational activities for additional professional programs // Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 01.07.2013 N 499 (as amended on 15.11.2013) // RG N 190, 28.08.2013;
3. On approval of the professional standard "Specialist in the field of engineering and geodetic surveys for urban planning activities" // Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated October 21, 2021 No. 746n; Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. - Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111230031> (date of access 03/30/2025);
4. On approval of the professional standard "Psychologist in the social sphere": Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated September 14, 2023 No. 716n; Official Internet portal of legal information [Electronic resource]. - Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310190011> (date of access March 30, 2025).
5. Aniskina, N. N. The quality of additional professional education is the central problem of the reform of professional education / N. N. Aniskina // Innovations. - 2013. - No. 4 (174). - P. 49-55.
6. Aniskina, N. N. Problems of development and regulatory support of additional professional education in the Russian Federation / N. N. Aniskina // Additional professional education in the country and the world. - 2019. - No. 2(44). – P. 1-6.
7. Vladimirov, I. V. Additional professional retraining as a prospect in the Russian education system / I. V. Vladimirov, V. B. Alferyeva-Termisikos, R. R. Gasanova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – No. 6-1(69). – P. 213-225. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-6-1-213-225.
8. The impact of distance learning on the development of professional thinking of students in professional retraining programs / S. N. Bashinova, O. I. Kokoreva, A. M. Garifullina, A. A. Sukharev // Scientific support for the system of advanced training of personnel. – 2022. – No. 1(50). – P. 74-83.
9. Ivanov, P. Yu. On the issue of legal regulation of the implementation of professional retraining programs / P. Yu. Ivanov, E. I. Yakovleva // St. Petersburg Educational Bulletin. - 2018. - No. 3 (19). - P. 65-68.

МИГРАЦИЯ КАК УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ МИНИМИЗАЦИИ MIGRATION AS A THREAT TO STATE SECURITY: THE STATE AND WAYS OF MINIMIZATION

СИДОРОВ Сергей Александрович,

доктор политических наук, доцент кафедры
Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).
ул. Герасимова, 31, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680021, Россия.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

ЛАБУНСКИЙ Алексей Леонидович,

аспирант Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).
ул. Герасимова, 31, г. Хабаровск, Хабаровский край, 680021, Россия.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

SIDOROV Sergey Alexandrovich,

Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department
All-Russian State University of Justice (Far Eastern Branch).
Gerasimova St., 31, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

LABUNSKY Alexey Leonidovich,

postgraduate student at the All-Russian State University of Justice (Far Eastern Branch).
Gerasimova St., 31, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680021, Russia.
E-mail: sidorov1061@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье авторы рассматривают миграционные процессы в России как фактор, влияющий на национальную безопасность. Анализируются основные риски, связанные с нелегальной миграцией, этнокультурной напряженностью, экономическими и демографическими вызовами. Особое внимание уделено транснациональным угрозам, включая терроризм и организованную преступность. Предлагаются меры по совершенствованию миграционной политики, включая законодательные, экономические и социальные аспекты, для снижения угроз и усиления позитивных эффектов миграции.

Abstract: In the article, the authors consider migration processes in Russia as a factor affecting national security. The main risks associated with illegal migration, ethnic and cultural tensions, economic and demographic challenges are analyzed. Particular attention is paid to transnational threats, including terrorism and organized crime. Measures are proposed to improve migration policy, including legislative, economic and social aspects, in order to reduce threats and enhance the positive effects of migration.

Ключевые слова: миграция, национальная безопасность, нелегальная миграция, социальная напряженность, интеграция, миграционная политика.

Keywords: migration, national security, illegal migration, social tension, integration, migration policy.

Для цитирования: Сидоров С.А., Лабунский А.Л. Миграция как угроза государственной безопасности: состояние и пути минимизации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 180-183. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_180.

For citation: Sidorov S.A., Labunsky A.L. Migration as a threat to state security: the state and ways of minimization // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 180-183. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_180.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Миграция является одним из ключевых факторов, влияющих на социально-экономическое и политическое развитие современной России. С одной стороны, она компенсирует естественную убыль населения и обеспечивает трудовыми ресурсами ключевые отрасли экономики. С другой стороны, неконтролируемая миграция создает угрозы национальной безопасности, включая рост нелегальной занятости, этнокультурную напряженность и риски, связанные с транснациональной преступностью и терроризмом. Тенденции современных миграционных потоков на постсоветском пространстве отчасти были заложены еще в советский период. Однако, как одна из мировых миграционных систем, постсоветская система сформировалась за последние 30 лет.

Россия является одним из крупнейших центров притяжения мигрантов в мире. Основные потоки миграции направлены из стран СНГ (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Азербайджан). Россия остается преимущественно страной приема мигрантов, в первую очередь, трудовых. Так, по данным ГУВМ МВД, в допандемийный 2019 г. в Россию въехало порядка 11 млн человек¹.

Важное влияние на формирование и функционирование миграции оказали сразу несколько факторов: наличие исторических связей между странами постсоветского пространства; «смещение народов»; сохраняющееся значение русского языка как регионального *lingua franca*; разница в демографических моделях стран, из-за чего для одной группы стран характерен демографический рост, для другой – демографический спад; разница в экономическом благосостоянии между странами, отражающаяся в разном уровне жизни и разных объемах национальных рынков труда; установившийся безвизовый режим и наличие региональных интеграционных соглашений между странами, упрощающее миграционный обмен; налаженные диаспоральные и социальные сети мигрантов, за счет которых происходило формирование и поддержание устоявшихся систем миграционных потоков; свою роль также сыграли психологические и географические факторы.

¹Казахстан: Расширенный миграционный профиль 2019. – Алматы: Миссия Международной организации по миграции (МОМ) в Казахстане. Субрегиональный координационный офис по Центральной Азии, 2020. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/kazakhstan_-_advanced-migration-profile-2014-2019-ru.pdf (дата обращения: 08.02.2025).

Разница уровня жизни в разных странах постсоветского пространства, помимо демографии, является важным фактором миграции. К примеру, заработная плата в России, согласно данным Статкомитета СНГ за 2020 г., примерно в 2 раза превышала заработную плату в Узбекистане и примерно в 3,5 раза – заработную плату в Таджикистане и Кыргызстане¹. Еще одним немаловажным экономическим фактором является масштабный размер российского рынка труда по сравнению со сравнительно маленьким рынком труда в странах Центральной Азии, а также трудоемкий тип российской экономики, где высока доля спроса на низкоквалифицированный труд. Кроме того, сохраняют свою актуальность и такие факторы как безвизовый режим въезда между странами и сформировавшиеся мигрантские сети. Безвизовый въезд способствует облегчению миграционного обмена, так как въезд в страну становится доступнее. В свою очередь, за счет мигрантских сетей устанавливаются налаженные маршруты въезда в страну, которыми активно начинают пользоваться мигранты.

Другим существенным фактором, оказывающим влияние на миграционную динамику, может быть миграционная политика России, оставшаяся в последнее десятилетие несколько нестабильной и противоречивой, балансирующей между либерально-экономическим подходом, нацеленным на более активное привлечение мигрантов в страну, и полицейско-надзорным, направленным на ограничение и контроль миграционных потоков. Введение разного рода облегчительных или ограничительных мер может способствовать либо росту притока мигрантов, либо спаду.

Специальная военная операция 2022 г. оказала влияние также на динамику трудовой миграции – количество мигрантов, приезжающих в Россию, довольно быстро восстановилось к третьему кварталу 2022 г. и даже превысило значения 2021 г., хотя цифры так и не достигли допандемийных значений.

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в 2022 г. в Россию въехало 10,3 млн иностранных граждан, из которых 6,5 млн были трудовыми мигрантами². В то же время в 2021 г. Россия заняла четвертое место в мире по числу международных мигрантов (11,6 млн человек), уступая только США, Германии и Саудовской Аравии³. Основные страны-доноры мигрантов: Узбекистан (31%), Таджикистан (15%), Кыргызстан (10%), Украина (8%), Азербайджан (7%).

По данным МВД России, в 2022 г. въехало более 9 млн человек, из них 7 448 852 – из стран СНГ. На миграционный учет поставлено 1 439 845 человек. Кроме того, выявлено около 2 млн нелегальных мигрантов, что составляет примерно 20% от общего числа иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации. Составлено протоколов на иностранных граждан (далее ИГ) и лиц без гражданства (далее ЛБГ) об административных правонарушениях в сфере миграции 605 218 в том числе: 431 095 – нарушений въезда, выезда и пребывания (ст. 18.8 КоАП РФ); 50 895 – нарушений установленного порядка осуществления трудовой деятельности (ст. 18.10 КоАП РФ); выдворено в административном порядке и депортировано за пределы государства – 65 774 человек. Зарегистрировано преступлений по ст. 322.1 УК РФ (организация незаконной миграции) – 1 081⁴.

Миграционные потоки в Россию имеют как временный, так и постоянный характер. Временная трудовая миграция преобладает, что создает дополнительные сложности для интеграции мигрантов в российское общество. Кроме того, значительная часть мигрантов находится в стране нелегально, что усугубляет проблемы контроля и регулирования. Так, по итогам 9 месяцев 2024 г. принято 149,2 тыс. решений об удалении иностранных граждан с территории Российской Федерации (об административном выдворении, депортации и реадмиссии), что на 47,3% больше, чем за аналогичный период 2023 года. Кроме того удалено из России 102,8 тыс. иностранцев-нарушителей законодательства, что на 45,1% превышает результаты работы за январь-сентябрь 2023 года.

Помимо этого органами внутренних дел, запрещен въезд в Российскую Федерацию 208,0 тыс. иностранным гражданам, не соблюдающим требования российского законодательства, что на 69,9 тыс. больше, чем за 10 месяцев 2023 года.

Наиболее заметным результатом 2022 года в миграции стал значительный отток населения из России – впервые с 1970-х гг. миграционное сальдо стало отрицательным. По данным Росстата, за первую половину 2022 г., с января по июнь, отрицательный миграционный прирост составил 97,6 тыс. человек⁵, по сравнению с положительным миграционным сальдо 114,2 тыс. за тот же период в 2021 г.⁶. Среди основных причин миграции из России можно отметить следующие: опасения в связи со специальной военной операцией, наложение санкций на российские банки, релокация иностранных компаний.

Нелегальная миграция остается одной из наиболее серьезных проблем. Она способствует: развитию теневой экономики; уклонению от уплаты налогов; усложнению контроля за перемещением людей, что может быть использовано преступными и террористическими группами.

По мнению исследователей Маслова Е.В., Околелых И.В., Колесникова О.А., и др., массовый приток мигрантов с иными культурными и религиозными традициями может приводить: к конфликтам на этнической почве; к формированию замкнутых этнических анклавов; к росту ксенофобии и экстремизма среди местного населения. В последние несколько лет в мигрантской проблематике появился новый тревожный аспект, касающийся незаконного приобретения российского гражданства, заключения фиктивных браков и сдачи липовых экзаменов на знание русского

¹Мониторинг показателей качества жизни населения в странах СНГ. 2017-2020 // СНГ-СТАТ. URL: http://new.cisstat.org/documents/20143/482280/monitoring_lq_2017-2020.pdf/972b9397-d905-0578-aa61-b57a4ed91d35?t=1644565785377 (дата обращения: 08.02.2025).

²Исполком СНГ. <https://e-cis.info/cooperation/3957/117927/> (дата обращения: 04.02.2025).

³Россия входит в пятерку лидеров, как по числу мигрантов, так и по числу граждан страны, проживающих за рубежом. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения: 05.02.2025).

⁴Миграционная ситуация в России за 2022 год. Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022/?ysclid=m6wnz6wus7109412083> (дата обращения: 04.02.2025).

⁵Социально-экономическое положение России – 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения: 05.02.2025).

⁶Социально-экономическое положение России – 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (дата обращения: 05.02.2025).

языка, участвовавших случаях формирования национальных анклавов, угрожающего поведения в отношении местного населения, агрессивного неприятия российских ценностей и т. п. Так по данным ВЦИОМ, около 60% россиян считают, что миграция создает угрозу для национальной безопасности. В 2021 г. было зафиксировано более 200 конфликтов на этнической почве, связанных с мигрантами. Генпрокурор Краснов И.В. сразу после теракта в «Крокусе» отметил, что число преступлений, совершенных мигрантами за 2023 г., выросло на 75% и составило 21 800 «учтенных единиц»¹. Глава Следственного комитета РФ А. Бастрыкин подчеркнул, что рост особо тяжких преступлений за 2023 г., совершенных мигрантами составил 32%; выросло число преступлений против половой неприкосновенности; преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на 27% («нам «незаменимые специалисты» тоннами везут наркотики»); «преступления экстремистского характера (+147%) приносят «незаменимые специалисты» к нам в страну»². Наиболее активно этническая преступность проявляет себя в Московском регионе и Санкт-Петербурге, а также в Краснодарском крае, Иркутской, Свердловской и Новосибирской областях. Более того в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, также формируются этнические анклавы, где мигранты живут изолированно от местного населения (например, в районах Бирюлево, Люблино и Царицыно в Москве).

По данным Росстата, около 70% мигрантов работают в строительстве, сельском хозяйстве и сфере услуг, где уровень заработной платы ниже среднего. В некоторых регионах, таких как Московская область и Краснодарский край, мигранты составляют до 20% рабочей силы. Заработная плата мигрантов в среднем на 30-40% ниже, чем у местных работников, что создает давление на рынок труда.

Важно понимать, что миграция, компенсируя естественную убыль населения, не решает долгосрочные демографические проблемы. К примеру, естественная убыль населения России в 2022 г. составила около 700 тыс. человек, а миграционный прирост – 250 тыс. человек. Доля мигрантов в общей численности населения России составляет около 8%, но в некоторых регионах, таких как Москва, этот показатель достигает 15-20%³. По прогнозам ООН, к 2050 г. Россия может потерять до 10% своего населения из-за демографического кризиса, что делает миграцию важным фактором для поддержания численности населения⁴.

По мнению аналитиков, миграция может быть использована для проникновения в страну представителей террористических организаций и организованных преступных групп. Это создает дополнительные риски для национальной безопасности, включая: распространение радикальных идеологий; контрабанду оружия и наркотиков; организацию нелегальных каналов миграции. Если в 2022 г., по данным ФСБ России, предотвращено более 50 попыток проникновения в страну лиц, связанных с террористическими организациями, такими как ИГИЛ (запрещенная в России организация) и «Хизбут-Тахрир», то в 2023 г. было пресечено более 5,5 тыс. попыток проникновения в Россию лиц, связанных с международными террористами, экстремистами, а также спецслужбами и вооруженными формированиями Украины (ВФУ)⁵, что втрое превышает показатели 2022 г. Кроме этого, по данным МВД России, в 2021 г. было выявлено более 200 случаев вербовки мигрантов в радикальные группировки. Основными регионами, где происходила вербовка, стали Москва, Санкт-Петербург и Северный Кавказ. В 2022 г. в рамках операции «Мигрант-Антитеррор» было выявлено и ликвидировано несколько ячеек радикальных группировок, действующих в среде мигрантов. В частности, в Московской области была пресечена деятельность группы, планировавшей теракт в общественном месте.

По данным Центра анализа терроризма и экстремизма (ЦАТЭ), около 5% мигрантов из стран Центральной Азии подвержены влиянию радикальных идеологий, что делает их потенциальной угрозой для национальной безопасности⁶.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время учет трудовой миграции осуществляет не только Росстат, но и ряд других ведомств – МИД, ФСБ, МВД, ПФР, Минтранс, Минздрав, ФТС, Минфин. Проблема в том, что их данные часто не корреспондируются друг с другом. В сложившихся условиях необходимо четкое межведомственное взаимодействие, что позволило бы устранить имеющиеся пробелы в учете.

Важно отметить, что миграционные процессы в России имеют ярко выраженные региональные особенности, которые необходимо учитывать при разработке миграционной политики. К примеру, в Северо-Кавказском федеральном округе доля мигрантов – около 12%. Основные отрасли: сельское хозяйство, строительство, торговля. Проблемы: высокая доля внутренней миграции, нагрузка на социальную инфраструктуру, этнокультурная напряженность⁷.

Таким образом, в условиях бурно меняющейся международной обстановки следует выработать пути минимизации рисков. Во-первых, совершенствование миграционного законодательства: ужесточение контроля за въездом и пребыванием иностранных граждан; создание эффективной системы идентификации и учета мигрантов; борьба с нелегальной занятостью и теневой экономикой. Во-вторых, обновление интеграционной политики: разработка программ культурной и социальной адаптации мигрантов; содействие изучению русского языка и российской культуры; профилактика этнической и религиозной дискриминации. В-третьих, экономические меры: создание условий для легальной занятости мигрантов; поддержка отраслей, испытывающих дефицит рабочей силы; стимулирование внутренней миграции для сбалансированного развития регионов. В-четвертых, международное сотрудничество: укрепление взаимодействия со странами-донорами мигрантов для регулирования миграционных потоков; борьба с транснациональной преступностью и терроризмом. В-пятых, социальные и культурные меры: проведение инфор-

¹Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprft/about-the-proc/management/7142f408-7855-4f10-aa4a-2f143930f03b> (дата обращения: 28.01.2025).

²Бастрыкин А. счел этнические анклавы угрозой для местного населения. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6283665> (дата обращения: 30.01.2025).

³Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.01.2025).

⁴Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 26.01.2025).

⁵Кулишов И. ФСБ: в РФ за год не пустили 5,5 тыс. человек, связанных с террористами. Режим доступа: <https://liffe.ru/p/1662093?ysclid=m6xplqvfn6158383749> (дата обращения: 28.01.2025).

⁶Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму. Режим доступа: <https://ncpti.su/?ysclid=m6xtv5r6j572422946> (дата обращения: 27.02.2025).

⁷Справочно: В Краснодарском крае доля мигрантов – до 25%. Основные отрасли: сельское хозяйство, туризм, строительство. Проблемы: сезонная миграция, нелегальная занятость, нагрузка на социальную инфраструктуру. Сибирь и Дальний Восток доля мигрантов – около 10%. Основные отрасли: добыча полезных ископаемых, лесное хозяйство, строительство. Проблемы: низкая плотность населения, суровые климатические условия, недостаточная инфраструктура для интеграции мигрантов.

мационных кампаний, направленных на повышение толерантности и взаимопонимания между местным населением и мигрантами; развитие межкультурного диалога через образовательные и культурные программы; поддержка общественных организаций, занимающихся вопросами миграции и интеграции. В-шестых, укрепление пограничного контроля: внедрение современных технологий для мониторинга миграционных потоков; усиление сотрудничества между правоохранительными органами и пограничными службами; проведение регулярных операций по выявлению и депортации нелегальных мигрантов.

Таким образом, несмотря на кризисы, связанные с пандемией COVID-19 и боевыми действиями 2022 г., долгосрочные тенденции миграции остаются актуальными. Россия на сегодняшний день является основной страной приема мигрантов – из разных стран постсоветского пространства.

Значительное влияние на миграционные процессы оказала специальная военная операция 2022 г. Основными результатами 2022 г. для миграции стали: приток беженцев в Россию, выезд граждан РФ из страны, отток трудовых мигрантов. Проблемой остается также низовое взаимодействие мигрантов с гражданами принимающего сообщества, которое может принимать различные формы – от конфликтов, до поиска компромиссных взаимовыгодных форм взаимодействия.

Другая, все еще актуальная проблема – нелегальная трудовая миграция. Значительное количество трудовых мигрантов в России предпочитают оставаться «в тени», отказываясь от легализации или предпочитая работать в нелегальных секторах экономики. Ключевую роль в этом отношении играет миграционная политика России. Концепция контроля за мигрантами, доминирующая в миграционной политике в последние годы, не только не способствует решению проблем в сфере миграции, но, зачастую, усугубляет их: ответом на подобные меры бывает, с одной стороны, сокращение притока мигрантов в страну, с другой – уход мигрантов «в тень».

Список литературы:

1. Бастрыкин А. счел этнические анклавы угрозой для местного населения. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6283665> (дата обращения: 30.01.2025).
2. Ефремов И.А. Предварительные итоги международной Миграции населения в России в 2022 году // Экономическое развитие России. 2023. №6 (30) С. 64-66.
3. Исполком СНГ. <https://ecis.info/cooperation/3957/117927/> (дата обращения: 04.02.2025).
4. Казахстан: Расширенный миграционный профиль 2019. – Алматы: Миссия Международной организации по миграции (МОМ) в Казахстане Субрегиональный координационный офис по Центральной Азии, 2020. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/kazakhstan_advanced-migration-profile-2014-2019-ru.pdf (дата обращения: 08.02.2025).
5. Кулишов И. ФСБ: в РФ за год не пустили 5,5 тыс. человек, связанных с террористами. Режим доступа: <https://life.ru/p/1662093?ysclid=m6xplqvfn6158383749> (дата обращения: 28.01.2025).
6. Миграционная ситуация в России за 2022 год. Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022/?ysclid=m6wnz6wus7109412083> (дата обращения: 04.02.2025).
7. Мониторинг показателей качества жизни населения в странах СНГ. 2017-2020 // СНГ-СТАТ. URL: http://new.cisstat.org/documents/20143/482280/monitoring_lq_2017-2020.pdf/972b9397-d905-0578-aa61-b57a4ed91d35?t=1644565785377 (дата обращения: 08.02.2025).
8. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму. Режим доступа: <https://ncpti.su/?ysclid=m6xtpv5r6j572422946> (дата обращения: 27.02.2025).
9. Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 26.01.2025).
10. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/management/7142f408-7855-4f10-aa4a-2f143930f03b> (дата обращения: 28.01.2025).
11. Россия входит в пятерку лидеров, как по числу мигрантов, так и по числу граждан страны, проживающих за рубежом Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения: 05.02.2025).
12. Социально-экономическое положение России – 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (дата обращения: 05.02.2025).
13. Социально-экономическое положение России – 2022 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения: 05.02.2025).
14. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.01.2025).

References:

1. Bastykin A. considered ethnic enclaves to be a threat to the local population. Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/6283665> (accessed 30.01.2025).
2. Efremov I.A. Preliminary results of international population migration in Russia in 2022 // Economic development of Russia. 2023. No.6 (30) pp. 64-66.
3. Executive Committee of the CIS. <https://ecis.info/cooperation/3957/117927/> (date of request: 02/04/2025).
4. Kazakhstan: Expanded Migration Profile 2019. – Almaty: Mission of the International Organization for Migration (IOM) in Kazakhstan, Sub-regional Coordination Office for Central Asia, 2020. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/kazakhstan_advanced-migration-profile-2014-2019-ru.pdf (date of appeal: 02/08/2025).
5. Kulishov I. FSB: 5.5 thousand people were not allowed into the Russian Federation during the year, connected with with the terrorists. Access mode: <https://life.ru/p/1662093?ysclid=m6xplqvfn6158383749> (accessed: 01/28/2025).
6. Migration situation in Russia in 2022. Access mode: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022/?ysclid=m6wnz6wus7109412083> (accessed: 02/04/2025).
7. Monitoring of the quality of life of the population in the CIS countries. 2017-2020 // CIS-STAT. URL: http://new.cisstat.org/documents/20143/482280/monitoring_lq_2017-2020.pdf/972b9397-d905-0578-aa61-b57a4ed91d35?t=1644565785377 (date of request: 02/08/2025).
8. National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism. Access mode: <https://ncpti.su/?ysclid=m6xtpv5r6j572422946> (accessed: 02/27/2025).
9. United Nations. Access mode: <https://www.un.org/ru/> (date of access: 01/26/2025).
10. Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Access mode: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/about-the-proc/management/7142f408-7855-4f10-aa4a-2f143930f03b> (date of request: 28.01.2025).
11. Russia is among the top five in terms of both the number of migrants and the number of citizens living abroad. Access mode: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (date of reference: 02/05/2025).
12. Socio-economic situation of Russia – 2021 // Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (date of reference: 02/05/2025).
13. Socio-economic situation of Russia – 2022 // Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (date of request: 02/05/2025).
14. Federal State Statistics Service. Access mode: <https://rosstat.gov.ru/> (date of access: 01/26/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_184

УДК 34.096

ПРИНЦИП ДОСТОВЕРНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА THE PRINCIPLE OF TRUSTWORTHINESS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

БАКСШЕЕВ Владислав Викторович,
аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.
E-mail: vvbaksheev@mail.ru;

BAKSHEEV Vladislav Viktorovich,
Postgraduate student of the Department of Information Law and Digital Technologies
Kutafin Moscow State Law University (MGU).
9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russia.
E-mail: vvbaksheev@mail.ru.

Краткая аннотация: статья посвящена анализу содержания принципа достоверности искусственного интеллекта, системности принципами правового регулирования искусственного интеллекта, а также его влиянию на реализацию принципов законности и единообразия правоприменения. В статье доказывается системность и взаимовлияние принципов правового регулирования искусственного интеллекта. Подчеркивается необходимость обеспечения соблюдения принципа достоверности на протяжении всего жизненного цикла при использовании систем искусственного интеллекта в целях принятия решений, влекущих правовые последствия. Предложены возможные решения проблемы терминологического аппарата отечественного стратегического регулирования в сфере искусственного интеллекта. В статье проанализировано влияние реализации принципа достоверности искусственного интеллекта на реализацию принципов прозрачности, безопасности и подконтрольности человеку.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the content of the principle of trustworthiness of artificial intelligence, the consistency of the principles of legal regulation of artificial intelligence, as well as its influence on the implementation of the principles of legality and unified law enforcement. The article proves the systematicity and reciprocal impact of the principles of legal regulation of artificial intelligence. The article emphasizes the importance of enforcement of the principle of trustworthiness throughout the lifecycle of using artificial intelligence systems in the decision-making process that has legal consequences. Possible solutions of the terminological apparatus problem of national strategic regulation in the field of artificial intelligence are offered. The article examines the impact of the implementation of the principle of artificial intelligence trustworthiness on the implementation of the principles of transparency, security and human controllability.

Ключевые слова: принципы, принцип достоверности, принцип прозрачности, принцип безопасности, принцип подконтрольности человеку, принцип законности, цифровые технологии, сквозные цифровые технологии, искусственный интеллект, модель глубокого размышления, правоприменение, машиночитаемое право.

Keywords: principles, principle of trustworthiness, principle of transparency, principle of security, principle of human control, principle of legality, digital technologies, cross-cutting digital technologies, artificial intelligence, deep thinking model, law enforcement, machine-readable law.

Для цитирования: Бакшеев В.В. Принцип достоверности искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 184-186. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_184.

For citation: Baksheev V.V. Risks of using artificial intelligence in legal proceedings // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 184-186. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_184.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Технологии искусственного интеллекта сегодня стремительно развиваются и специализируются, что требует формирования не только общих правовых норм, направленных на установлении их правового режима, но и специальных, посвященных вопросам их внедрения и использования. Потенциальные возможности искусственного интеллекта сложно переоценить, а широкое его применение в различных отраслях лишь повышает риски, связанные с недостатками правового регулирования. При этом наиболее важным в общей систем правового регулирования являются дефинитивные нормы, а также нормы, устанавливающие принципы правового регулирования искусственного интеллекта. Таким образом, высоко приоритетной задачей для современного законодателя сегодня является установление системы принципов правового регулирования искусственного интеллекта, которая станет фундаментом и источником перспективного правового регулирования данной технологии. Одним из основополагающих межотраслевых принципов информационного права является принцип достоверности. Данный принцип однозначно признаётся доктриной информационного права [1-4], однако в отечественном законодательстве принцип реализован фрагментарно. Примером такой реализации являются принципы достоверности обработки персональных данных и достоверности сведений, содержащихся в государственных и муниципальных информационных ресурсах [5].

В современной отечественной системе правового регулирования принцип достоверности искусственного интеллекта прямо не закреплён, однако в пункте «л» части 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года среди принципов «развития и использования технологий искусственного интеллекта» определён принцип достоверности исходных данных, под которым в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта понимается «методологическое и технологическое обеспечение достоверности исходных данных», которое способствует «минимизации или устранению угрозы негативного влияния на них» [6]. Согласно пункту «п» части 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, под исходными данными следует понимать информацию, описывающую «событие, явление или их сущность, а также их совокупность, представленная в виде, пригодном для обработки с использованием искусственного интеллекта или с применением автоматизированного анализа» [6]. Таким образом, исходя из нормативного содержания принципа достоверности исходных данных, действие принципа распространяется на обработку сведений уже обученной модели.

Однако нормативное разделение понятий «исходные данные» и «набор данных» как сведений, используемых «на этапе машинного обучения нейросетей», и сведений, используемых «уже готовой системой искусственного интеллекта в качестве входных данных» [7], соответственно не следует, на наш взгляд, толковать как намерение законодателя ограничить действие принципа достоверности исключительно этапом использования уже обученной нейросети. Однако такое разделение понятий, обладающее ограничительным влиянием на толкование иных понятий акта, следует считать терминологической проблемой Национальной стратегии развития искусственного интеллекта, требующей решения.

В частности, возможно как расширение содержания понятия «исходные данные» таким образом, чтобы, исходя из его нормативного содержания, данное понятие являлось родовым по отношению к понятию «набор данных», так и изменение непосредственно самого определения принципа достоверности и его раскрытие с использованием нового понятия, который будет выступать родовым по отношению как к «исходным данным», так и к «набору данных». Так, последний вариант предполагает, что новое понятие должно определять сведения, используемые на протяжении всего цикла жизни системы искусственного интеллекта: от разработки и обучения нейросети до развёртывания и запуска уже готовой системы как программно-аппаратного комплекса.

Так как принципы развития и использования искусственного интеллекта представляют собой систему, обладающую внутренними связями и единством, заключающемся во влиянии реализации отдельных принципов на реализацию иных принципов, следует учитывать важность надлежащей регламентации принципа достоверности. Принцип достоверности же, являясь одним из базовых принципов информационного права и основой развития информационного общества [8], тесно связан с принципами прозрачности, безопасности и подконтрольности человеку.

Так, реализация принципа прозрачности как объяснимости работы искусственного интеллекта имеет своей целью решение проблемы «чёрного ящика» искусственного интеллекта. Соблюдение принципа крайне важно при использовании систем, влекущих правовые последствия для граждан, например, систем социального скоринга, систем автоматизированной фиксации нарушений, систем искусственного интеллекта в правосудии. Невозможность объяснить работу алгоритма повлечёт отсутствие доверия человека к такой системе, а единообразие правоприменения, соблюдение такими системами принципа законности и возможность обжаловать принятые ими решения можно будет поставить под вопрос.

Так, соблюдение принципа прозрачности при разработке и обучении модели, влекущей правовые последствия, позволит проконтролировать соблюдение принципа достоверности при переводе норм права в машиночитаемый вид. Последнее в свою очередь обеспечит минимизацию «рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта» [5], то есть обеспечит соблюдение принципа прозрачности при использовании системы искусственного интеллекта, создание и использование которой можно в должной мере контролировать.

Принцип подконтрольности человеку также был определён и в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники [9]. Человек как ядро правовой системы должен иметь полный контроль над разработкой, внедрением и использованием технологии, так как влекущее правовое последствие решение в отношении другого человека может исходить лишь от равного ему субъекта отношения. Несмотря на выработку решения автоматизированной системой, результат по итогам такого решения должен приниматься человеком. Как ответственное за принятое решение лицо, оператор системы искусственного интеллекта, например, судья, должен обладать возможностью проверки и корректировки результата работы алгоритма, для чего оператору необходимо как понимание процесса получения результата, в чём ему может помочь модель глубокого размышления, предоставляющая оператору подробное описание алгоритма принятия решения на естественном языке, так и уверенность в полноте и достоверности входных данных, непосредственно влияющих на итоговый результат. Таким образом, обеспечение принципов достоверности и прозрачности является важным условием реализации принципа подконтрольности человеку. По нашему мнению, недопустимо использование систем искусственного интеллекта, не удовлетворяющих таким условиям, при принятии решений, влекущих правовые последствия.

Принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта являются системой, в которой её элементы имеют неразрывную связь. Обеспечение соблюдения каждого из принципов в процессе разработки, внедрения и использования искусственного интеллекта является необходимым для реализации межотраслевых принципов информационного права, а также принципов законности и единообразия правоприменения при использовании искусственного интеллекта в сфере государственного управления. В свою очередь принцип достоверности искусственного интеллекта выступает основой регулирования разработки и использования систем искусственного интеллекта, а также одним из необходимых условий обеспечения доверия к таким системам, в связи с чем представляется необходимым решение терминологической проблемы действующей Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в целях нормативного закрепления общего принципа достоверности искусственного интеллекта в отношении всех этапов жизненного цикла системы как фундамента надёжной, безопасной и предсказуемой технологии недетерминированного принятия решений.

Список литературы:

1. Минбалева А.В., Петровская О.В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. № 4 (145). С. 20-28. DOI: 10.34076/20713797_2022_4_20 EDN: DXLMIS
2. Минбалева А.В. Принципы информационного права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 79-84. EDN: TMKZET
3. Петровская О.В. Принцип достоверности информации и его реализация в информационном обществе: теоретико-правовые проблемы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 207-211. EDN: RQCCYA
4. Троян Н.А., Петровская О.В. Принцип достоверности при распространении и предоставлении информации с использованием искусственного интеллекта // Правовая информатика. 2023. № 2. С. 75-81. DOI: 10.21681/1994-1404-2023-2-75-81 EDN: UDIDGU
5. Бакшеев В.В. Реализация принципа достоверности информации в процессе обработки персональных данных // Информационное право. 2024. №1(79). С. 31-34. DOI: 10.55291/1999-480X-2024-1-31-34 EDN: QHYGDA

6. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#hash=233a8c473cc801b26b09520dd66a92732b2c08f24f2e2f74830e04bf936572f2&ttl=0&bpa=ebpi&dridx=448482> (дата обращения: 01.02.2025).
7. Бакшеев В.В. Принцип прозрачности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2024. №12(240). С. 154-156. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_12_154 EDN: GNZFSD
8. Указ Президента Российской Федерации "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы" от 9 мая 2017 г. № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201705100002> (дата обращения: 01.02.2025).
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&link_id=194&nd=102830354&intelsearch= (дата обращения: 01.02.2025).

References:

1. Minbaleev A.V., Petrovskaya O.V. Problems of implementation of the principle of information reliability in the context of digital transformation. 2022. № 4 (145). Pp. 20-28.
2. Minbaleev A.V. Principles of Information Law // Bulletin of South Ural State University. Series: Pravo. 2015. T. 15. № 1. Pp. 79-84.
3. Petrovskaya O.V. Printsip dostovernosti informatsii i ego realizatsii v informatsionnom obshchestve: teoretiko-pravovye problemy [The principle of information reliability and its implementation in the information society: theoretical and legal problems]. 2020. № 3 (183). Pp. 207-211.
4. Troyan N.A., Petrovskaya O.V. Principle of Reliability in the Distribution and Provision of Information with the Use of Artificial Intelligence. 2023. № 2. Pp. 75-81.
5. Baksheev V.V. Implementation of the principle of reliability of information in the process of personal data processing // Information Law. 2024. № 1 (79). P. 31-34.
6. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 № 490 «On the development of artificial intelligence in the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information. [Electronic resource]. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#hash=233a8c473cc801b26b09520dd66a92732b2c08f24f2e2f74830e04bf936572f2&ttl=0&bpa=ebpi&dridx=448482> (date of access: 01.02.2025).
7. Baksheev V.V. The principle of transparency of artificial intelligence // Agrarian and Land Law. 2024. №12(240). P. 154-156.
8. Decree of the President of the Russian Federation «On the Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation for 2017-2030 years» of May 9, 2017, № 203 // Official Internet Portal of Legal Information. [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201705100002> (date of access: 01.02.2025).
9. Order of the Government of the Russian Federation of August 19, 2020 № 2129-r // Official Internet portal of legal information. [Electronic resource]. URL: http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&link_id=194&nd=102830354&intelsearch= (date of access: 01.02.2025).

СБЕРЕЖЕНИЕ НАРОДА КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ SAVING THE PEOPLE AS AN ESSENTIAL COMPONENT OF THE NATIONAL SECURITY STRATEGY

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации.
ул. Лётчика Пилутова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

ДУШКИНА Екатерина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения
Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
2-я Красноармейская ул., 4, г. Санкт-Петербург, 190005, Россия.
E-mail: egorova1809@inbox.ru;

NAZAROVA Irina Sergeevna,

PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Legal Disciplines at the Scientific Research Center
Military Order of Zhukov of the Academy of the National Guard of the Russian Federation.
1 Pilyutova Pilot str., St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru

DUSHKINA Ekaterina Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Law
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering.
4 2nd Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg, 190005, Russia.
E-mail: egorova1809@inbox.ru

Краткая аннотация: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации предусматривает сбережение народа как национальный интерес, а также в качестве национального приоритета. В представленном исследовании народосбережение рассматривается как важнейший институт, составляющий национальную безопасность России.

Abstract: The National Security Strategy of the Russian Federation provides for the preservation of the people as a national interest, as well as a national priority. In the presented study, national conservation is considered as the most important institution that constitutes the national security of Russia.

Ключевые слова: народосбережение; национальная безопасность; национальный интерес; национальный приоритет; стратегия национальной безопасности.

Keywords: national conservation; national security; national interest; national priority; national security strategy.

Для цитирования: Назарова И.С., Душкина Е.В. Сбережение народа как важнейшая составляющая Стратегии национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 187-190. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_187.

For citation: Nazarova I.S., Dushkina E.V. Saving the people as an essential component of the National security strategy // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 187-190. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_187.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Народосбережение – важнейший стратегический национальный приоритет, напрямую связанный с сохранением в нашем обществе традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. А без народа теряют свой смысл все возможные инновации и инвестиции.

Сбережение народа России – высший национальный приоритет государства, нашедший свое отражение в изменениях, принятых 1 июля 2020 года в Конституцию Российской Федерации.

Обновленные конституционные предписания напрямую касаются защиты семьи, важнейшей роли родителей в воспитании детей, укреплении социальных гарантий². Современная молодежь в понимании О.Н. Потаповой – это особая социальная группа населения, определяющая количественный и качественный состав экономического, научного, военного, творческого потенциала страны³.

А разработка концепции народосбережения может стать, как считает Н.Д. Кремлев, «инструментом обеспечения устойчивого развития человека, природы, общества и экономики, так как она устраняет непреодолимое для индустриальной экономики при ограниченности и истощаемости ресурсов»⁴.

¹Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAУМУ.

²Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

³Потапова, О. Н. Социально-демографические особенности репродуктивного поведения современной молодежи в ракурсе народосбережения России / О. Н. Потапова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2010. – Т. 10, № 2. – С. 23-26. – EDN MUENED.

⁴Кремлев, Н. Д. Народосбережение как основа концепции устойчивого развития региона / Н. Д. Кремлев // Концепция развития производительных сил Курганской области : Материалы научно-практической конференции, Курган, 17 ноября 2017 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2017. – С. 323-335. – EDN YKZWIG.

В указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» повторяется основной постулат, нашедший свое отражение в Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым народ является носителем суверенитета Российской Федерации и ее главным достоянием. Российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, талант народа лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны¹.

Реализуемая в Российской Федерации государственная социально-экономическая политика направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности, улучшение жилищных условий и расширение возможностей для получения качественного образования.

Особое внимание уделяется поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, воспитанию детей, их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию. Активно формируются условия для достойной жизни старшего поколения. Повышение рождаемости становится обязательным условием для увеличения численности населения России.

Дальнейшее развитие человеческого потенциала должны обеспечить меры, направленные на устойчивый рост доходов и благосостояния российских граждан, создание комфортной и безопасной среды для проживания, формирование здорового образа жизни, безусловную реализацию на всей территории страны конституционных прав и гарантий в сферах здравоохранения, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, социального обеспечения, образования и культуры.

Целями государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала являются устойчивый естественный рост численности и повышение качества жизни населения, укрепление здоровья граждан, сокращение бедности, снижение уровня социального и имущественного неравенства, повышение уровня образования населения, воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина.

Достижение целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала обеспечивается путем решения следующих задач:

- 1) увеличение реальных доходов населения, сокращение числа малообеспеченных граждан, снижение уровня неравенства граждан в зависимости от их доходов;
- 2) повышение качества социальных услуг и их доступности для всех граждан, формирование условий для активного участия в жизни общества лиц с ограниченными возможностями здоровья и лиц старших возрастных групп;
- 3) повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности;
- 4) увеличение ожидаемой продолжительности жизни, снижение смертности и уровня инвалидизации населения, профилактика профессиональных заболеваний;
- 5) повышение качества и доступности медицинской помощи, включая вакцинацию, и лекарственного (ое) обеспечения (е);
- 6) обеспечение устойчивости системы здравоохранения, ее адаптации к новым вызовам и угрозам, в том числе связанным с распространением инфекционных заболеваний, создание резервов лекарственных препаратов и медицинских изделий;
- 7) повышение мотивации граждан к ведению здорового образа жизни, занятию физической культурой и спортом;
- 8) развитие системы мониторинга биологических рисков для предупреждения биологических угроз² и реагирования на них;
- 9) обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, развитие системы социально-гигиенического мониторинга;
- 10) повышение физической и экономической доступности безопасной и качественной пищевой продукции;
- 11) выявление и развитие способностей и талантов у детей и молодежи;
- 12) повышение качества общего образования³;
- 13) предоставление гражданам широких возможностей для получения среднего и высшего профессионального образования, профессиональной подготовки и переподготовки на протяжении всей жизни в соответствии с потребностями рынка труда;
- 14) обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей;
- 15) развитие сферы культуры, повышение доступности культурных благ для граждан;
- 16) улучшение жилищных условий граждан, повышение доступности и качества жилья⁴, развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры;
- 17) создание комфортной среды для проживания во всех населенных пунктах, развитие их транспортной и энергетической инфраструктуры.

Ценности и условия – это важные факторы народосбережения.

¹Назарова, И. С. Правовые аспекты реализации алиментных обязательств на несовершеннолетних детей / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 2. – С. 113-116. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_113. – EDN JXSF5O.

²Шеншин, В. М. Правовое регулирование обеспечения войсками национальной гвардии Российской Федерации биологической безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 4(321). – С. 55-61. – EDN GAEJAU.

³Юридическое образование в условиях цифровизации / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин, И. Э. Родионова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.

⁴Назарова, И. С. О правовом регулировании предоставления социальных гарантий гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 2(307). – С. 57-67. – EDN HZCCTM.

Сегодня государство все больше переориентируется на семейное направление. С 2025 года запущен новый национальный проект «Семья», на который за три года планируется выделить более 8,5 триллионов рублей – это более 46 процентов от всех трат на национальные проекты, а также не имеющий ныне аналогов новый федеральный проект «Многодетная семья». Всего на цели народосбережения в 2025 году из федерального бюджета выделено в 3 раза больше, чем в 2024 году.

В обществе все больше сторонников ценностного подхода. Например, инициатива исключить аборт из числа услуг частных клиник находит все больше сторонников среди социально-ответственного бизнеса. Уже 502 частные клиники страны добровольно отказались от этой услуги, а это около 20 процентов от всех частных клиник России.

Сегодня отношение к народосбережению – это критерий ответственности. Ведь тенденции в этой сфере перекраивают весь мир. Страны с развитой экономикой, у которых один из самых низких коэффициентов рождаемости – Италия и Япония столкнулись с «демографической ловушкой», Южная Корея – с колоссальными проблемами нехватки рабочей силы. А страны с самой высокой рождаемостью – по оценкам аналитиков, к 2050 году войдут в ТОП-15 мировых экономик по уровню ВВП.

Задача России – не допустить, чтобы страна когда-нибудь оказалась перед лицом «демографической ловушки», когда негативные процессы демографии уже необратимы. А для этого необходимо сохранить страну сильной и независимой и передать ее детям и внукам.

Сегодня нужны ответственные и смелые решения в сфере демографической политики, нужна поддержка семьи с каждым последующим ребенком, нужно чтобы национальные проекты так или иначе были объединены задачей народосбережения.

Оценка действующих законов, законодательных инициатив, в том числе – и региональных, с позиции традиционных российских духовно-нравственных ценностей позволит исключить ситуацию, когда принятые законы входят в противоречие с национальными интересами Российской Федерации в части народосбережения.

Закон должен проверяться, прежде всего, с точки зрения его последствий: сохранение веры в Бога или укрепление позиций деструктивных культов и идеологий? Защита человеческой жизни или создание предпосылок к увеличению числа аборт, легализация эвтаназии? Гармоничное развитие регионов или создание предпосылок к оттоку населения в крупные города.?

Стоит поддержать инициативу, которую неоднократно высказывали политики самого высокого ранга, - провести в России десятилетие семьи.

Семьдесят семь процентов респондентов признают, что ребенок до рождения – это человек. И только 18 процентов считают, что он является человеком не ранее, чем с момента рождения.

Без коренного перелома в правовой культуре, в общественном сознании отдельные организационно-ограничительные меры не принесут должного эффекта. Законодательство должно перенести фокус общественного обсуждения с исключительно медицинских и социально-экономических аспектов аборта на связанные с ним гуманитарные проблемы.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации предусмотрено, что происходящие в современном мире изменения затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности. Достигнув высокого уровня социально-экономического и технологического развития, человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов (п. 84 Стратегии).

Все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений становятся предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть (п. 85 Стратегии).

Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества. Увеличивается разрыв между поколениями. Одновременно нарастают проявления агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма (п. 86 Стратегии).

Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападениям со стороны США и их союзников, а также со стороны транснациональных корпораций, иностранных некоммерческих неправительственных, религиозных, экстремистских и террористических организаций. Они оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное, групповое и общественное сознание путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации (п. 87 Стратегии).

Информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета. Участились попытки фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа (п. 88 Стратегии).

Российская Федерация рассматривает свои базовые, сформировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет

сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности (п. 90 Стратегии).

К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Традиционные российские духовно-нравственные ценности объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну (п. 91 Стратегии).

Важной составляющей культурного кода России является духовное и физическое здоровье нации, чем определяется, в том числе и экономический успех нашего государства.

Л.А. Сатарова заметила, что «В нашей стране забота о здоровье граждан осуществляется, прежде всего, в строительстве новых больниц, клиник, оснащенных современным медицинским оборудованием. Цель их – облегчить течение болезни. Великое множество телевизионных передач, газетных статей с завидным постоянством советуют, рекомендуют: как укрепить здоровье, как не допустить его утраты, как продлить жизнь; они же предлагают лекарственные препараты, не забывая указывать телефон горячей линии, на всякий случай, делая приписку: «Имеют противопоказания, ознакомьтесь с инструкцией»¹.

Таким образом, проблемы демографии, а отсюда и дефицита рабочей силы, к сожалению, не уходят с повестки дня. Здоровье народа сегодня напрямую связано не только с состоянием общественного здравоохранения, но и с самим образом жизни людей, с экологией, развитием медицинской науки. В современных условиях охрана здоровья – это проблема государственного масштаба. Вот и получается, что государство предпринимает комплекс мер, направленных на решение этой задачи. Сюда можно отнести и внесение изменений в налоговое законодательство, затрагивающее особенности получения имущественного вычета при занятии спортом, а также сдача нормативов ГТО, предоставляющим гражданам соответствующие привилегии в некоторых сферах.

Список литературы:

1. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
2. Ирошников, Д. В. Безопасность как категория международного публичного права: теоретический аспект / Д. В. Ирошников // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 1(54). – С. 11-22. – EDN WCAУMY.
3. Кремлев, Н. Д. Народосбережение как основа концепции устойчивого развития региона / Н. Д. Кремлев // Концепция развития производительных сил Курганской области : Материалы научно-практической конференции, Курган, 17 ноября 2017 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2017. – С. 323-335. – EDN YKZWIG.
4. Назарова, И. С. О правовом регулировании предоставления социальных гарантий гражданам Российской Федерации, призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации / И. С. Назарова, Л. А. Шеншина // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 2(307). – С. 57-67. – EDN HZCCTM.
5. Назарова, И. С. Правовые аспекты реализации алиментных обязательств на несовершеннолетних детей / И. С. Назарова, А. С. Павлык, Л. А. Шеншина // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 2. – С. 113-116. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_113. – EDN JXSFSO.
6. Потопова, О. Н. Социально-демографические особенности репродуктивного поведения современной молодежи в ракурсе народосбережения России / О. Н. Потопова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2010. – Т. 10, № 2. – С. 23-26. – EDN MUIEHD.
7. Сатарова, Л. А. Физическое и духовное здоровье детей - основа процветания нации / Л. А. Сатарова // Развитие патриотизма в условиях реализации ФГОС дошкольного, начального и общего образования с использованием здоровьесберегающих технологий : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции факультета педагогики и социальной работы Астраханского государственного университета, Астрахань, 15–16 ноября 2018 года / Составитель и ответственный редактор Г.В. Палаткина. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Астраханский государственный университет", 2019. – С. 83-86. – EDN ZBUAMX.
8. Шеншин, В. М. Правовое регулирование обеспечения войсками национальной гвардии Российской Федерации биологической безопасности / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 4(321). – С. 55-61. – EDN GAEJAU.
9. Юридическое образование в условиях цифровизации / И. С. Назарова, Д. И. Назаров, В. М. Шеншин, И. Э. Родионова // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.

References:

1. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
2. Iroshnikov, D. V. Security as a category of international public law: a theoretical aspect / D. V. Iroshnikov // Law. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 1(54). – Pp. 11-22. – EDN WCAУMY.
3. Kremlev N.D. National conservation as the basis of the concept of sustainable development of the region / N.D. Kremlev // The concept of development of the productive forces of the Kurgan region: Proceedings of the scientific and practical conference, Kurgan, November 17, 2017. Kurgan: Kurgan State University, 2017. pp. 323-335. EDN YKZWIG.
4. Nazarova, I. S. On the legal regulation of the provision of social guarantees to citizens of the Russian Federation called up for military service in the Armed Forces of the Russian Federation / I. S. Nazarova, L. A. Shenshina // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2023. – № 2(307). – Pp. 57-67. – EDN HZCCTM.
5. Nazarova, I. S. Legal aspects of the implementation of alimony obligations for minor children / I. S. Nazarova, A. S. Pavlyk, L. A. Shenshina // Civil service and personnel. – 2023. – No. 2. – pp. 113-116. – DOI 10.56539/23120444_2023_2_113. – EDN JXSFSO.
6. Potapova, O. N. Socio-demographic features of the reproductive behavior of modern youth from the perspective of saving people in Russia / O. N. Potapova // Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science. – 2010. – Vol. 10, No. 2. – pp. 23-26. – EDN MUIEHD.
7. Satarova, L. A. Physical and spiritual health of children is the basis of the prosperity of the nation / L. A. Satarova // The development of patriotism in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard for preschool, primary and general education using health-saving technologies : A collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Pedagogy and Social Work of Astrakhan State University, Astrakhan, 15-16 November 2018 / Compiled and edited by G.V. Palatkina. Astrakhan: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Astrakhan State University, 2019, pp. 83-86. EDN ZBUAMX.
8. Shenshin, V. M. Legal regulation of biological safety by the troops of the National Guard of the Russian Federation / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military and Legal Review. – 2024. – № 4(321). – Pp. 55-61. – EDN GAEJAU.
9. Legal education in the context of digitalization / I. S. Nazarova, D. I. Nazarov, V. M. Shenshin, I. E. Rodionova // Agrarian and land law. – 2023. – № 10(226). – Pp. 29-31. – DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_29. – EDN CADKUQ.

¹Сатарова, Л. А. Физическое и духовное здоровье детей - основа процветания нации / Л. А. Сатарова // Развитие патриотизма в условиях реализации ФГОС дошкольного, начального и общего образования с использованием здоровьесберегающих технологий : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции факультета педагогики и социальной работы Астраханского государственного университета, Астрахань, 15–16 ноября 2018 года / Составитель и ответственный редактор Г.В. Палаткина. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Астраханский государственный университет", 2019. – С. 83-86. – EDN ZBUAMX.

ОСНОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОННОСТИ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ THE BASIS OF THE PROSECUTOR'S INSPECTION IN THE CONTEXT OF THE LEGALITY OF ITS CONDUCT

БЫВАЛЬЦЕВА Светлана Геннадьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент.
620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.
E-mail: russianeng@mail.ru;

BYVALTSEVA Svetlana Gennadievna,

Associate Professor of the Department of Prosecutor's Activities
of the Ural State Law University named after V. F. Yakovleva,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.
620137, Russia, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, st. Komsomolskaya, 21.
E-mail: russianeng@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с определением оснований проведения прокурорской проверки, поскольку данный фактор является ключевым, обуславливающим законность ее проведения. Объектом исследования стало соотношение оснований проведения прокурорской проверки с законностью ее проведения. Были изучены позиции ученых по данному вопросу, проанализированы правовые акты, регулирующие проведение прокурорской проверки и судебная практика, связанная с обжалованием законности проведения проверок по различным основаниям. По результатам проведенного исследования автором были предложены изменения в действующее законодательство, принятие которых позволит снизить нагрузку на судебные инстанции, что определяет новизну исследования и является особым вкладом в исследование данной темы.

Abstract: The article discusses the problems associated with determining the grounds for conducting a prosecutorial audit, since this factor is the key factor determining the legality of its implementation. The object of the study was the relationship between the grounds for conducting a prosecutorial audit and the legality of its implementation. The positions of scientists on this issue were studied, legal acts regulating the conduct of prosecutorial inspections and judicial practice related to appealing the legality of inspections on various grounds were analyzed. Based on the results of the study, the author proposed changes to the current legislation, the adoption of which will reduce the burden on the courts, which determines the novelty of the study and is a special contribution to the study of this topic.

Ключевые слова: прокурорская проверка; основания проверки; устранение правонарушений; защита прав граждан; судебная практика.

Keywords: prosecutor's check; grounds for verification; elimination of offenses; protection of citizens' rights; judicial practice.

Для цитирования: Бывальцева С.Г. Основание прокурорской проверки в контексте законности ее проведения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 191-193. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_191.

For citation: Byvaltseva S.G. The basis of the prosecutor's inspection in the context of the legality of its conduct // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 191-193. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_191.

Статья поступила в редакцию: 09.05.2024

Дата публикации: 30.04.2025

Прокурорская проверка является основным инструментом выявления нарушений закона. Однако несмотря на значительные изменения, внесенные в ст.21 Закона о прокуратуре [1], направленные на детализацию процедуры проверки, некоторые ее существенные аспекты остаются неурегулированными, что на практике приводит к возникновению проблем правоприменения и оспариванию законности проведения проверки.

Так, одним из наиболее проблемных, определяющих законность ее проведения, является вопрос об основаниях проведения проверки. Данный вопрос приобретает особую значимость в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 N 2-П, в котором указано, что реализация прокурором полномочий вне конкретных оснований проверки является незаконной [2].

В науке в качестве основания для проведения проверки понимается угроза охраняемым законом прав граждан, интересов общества и государства или уже свершившееся посягательство на эти права и интересы, а также на режим законности как фундамент организации функционирования общества и государства [3, с.27]; достаточность информации о нарушении закона, предоставленной в установленном порядке [4, с.117]; наличие информации о нарушении закона, фиксированной в виде конкретного материального носителя [5, с.65]. Таким образом, ключевым аспектом в определении основания для проведения проверки является факт нарушения закона или прав граждан, который должен быть объективирован в законодательно установленном порядке.

Что касается законности проведения проверки, стоит отметить, что законодатель, используя данный термин в нормативно-правовых актах, не раскрывает его содержание. Для определения понятия следует обратиться к принципу законности в целом как основополагающему в деятельности прокуратуры. Принцип законности в правовой науке определяется как требование строжайшего, неукоснительного, безоговорочного соблюдения и исполнения всех предписаний действующего закона [6, с.34]; строгое и неуклонное соблюдение закона всеми субъектами [7]; в науке прокурорского надзора - как требование глубокого знания применяемого прокурором закона, полноты установления обстоятельств и надлежащей квалификации правонарушения [8, с.73]. Мы видим, что в основе законности лежит требование соблюдения и исполнения закона

всеми субъектами при осуществлении их деятельности.

При этом очевидно, что с законностью тесно связана проблема определенности закона. Так, Европейский суд по правам человека отмечал, что норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной степенью точности [9]. Подобной точки зрения придерживается и Конституционный Суд РФ [10].

В связи с этим справедливой можно признать точку зрения, определяющую, что высокий уровень законодательной техники является одним из существенных условий для обеспечения законности, поскольку точность и единство терминологии способствует предотвращению многочисленных нарушений вследствие допущенных ошибок [11, с.58].

Между тем данные постулаты не всегда выдерживаются законодателем. В качестве основания проверки ст.21 Закона о прокуратуре называет поступившую информацию о нарушении закона. При этом Закон не определяет, что может рассматриваться в качестве таковой. Данная правовая неопределенность приводит к тому, что с каждым годом увеличивается число обращений в суд, в которых оспаривается законность проведения проверок [12, 13, 14].

Некоторые сведения можно получить из Приказа Генпрокуратуры России от 07.12.2007 N 195 [15], который среди источников информации, могущих служить основанием для проведения прокурорской проверки, называет обращения граждан и сообщения средств массовой информации, однако указывает при этом, что источником информации могут служить и другие материалы. Вместе с тем Приказ 195 в п.6 помимо понятия «основания» проведения использует понятие «поводы» для прокурорской проверки, называя в их числе материалы судебных дел, результаты анализа статистики, прокурорской и правоприменительной практики и другие материалы. Между тем в Законе о прокуратуре не употребляется термин «поводы», и в решении о проведении проверки Закон требует указывать именно «основания» ее проведения, в связи с чем у судов возникают сомнения, допустимо ли рассматривать перечисленные в п.6 Приказа 195 «поводы» в качестве оснований для прокурорской проверки.

Также, несмотря на то, что в Приказе № 195 содержится упоминание о том, что для инициации прокурорской проверки может послужить основанием иная информация, помимо перечисленной в п.6 Приказа, на практике далеко не все материалы рассматриваются в качестве законных оснований для ее проведения. Споры не вызывают только основания, прямо названные в Приказе 195 в качестве таковых – обращения граждан и сообщения в СМИ.

Так, одним из самых спорных оснований является поручение или план работы вышестоящей прокуратуры. По мнению проверяемых субъектов, оспаривающих проведение проверки, план или поручение не могут быть основанием для проведения прокурорской проверки, а основания ее проведения должны быть связаны с конкретными сведениями о нарушении закона в действиях проверяемого субъекта. Проверка, проведенная по такому основанию, как поручение или план вышестоящей прокуратуры, признается законной судами в том случае, если в нем (а также, соответственно, в решении о проведении проверки) содержались конкретные факты о нарушении закона [16].

Другим спорным основанием является необходимость проведения повторной проверки на предмет устранения ранее выявленных прокурором нарушений. По мнению проверяемых субъектов, проведение подобных проверок незаконно ввиду того, что в их основе не лежит информация о нарушении закона в настоящий момент, а проверка проводится на основании ранее выявленных фактов, послуживших основанием для проведения первоначальной проверки [17].

Также вопросы вызывает возможность проведения проверки по информации, которая была получена прокурором самостоятельно (кроме случаев, когда такая информация получена прокурором в ходе уже проводимой проверки, когда в соответствии с ч.3 ст.21 Закона он может не только инициировать новую проверку, но и принять решение о расширении предмета уже проводимой проверки).

По мнению М. Крутикова, формулировка ст.21 Закона о прокуратуре дает основания для предположений, что прокуроры не могут проводить проверки на основании информации, полученной ими самостоятельно [16, с.34], что подтверждается многочисленными обращениями граждан в суд с заявлениями о признании прокурорской проверки, проведенной по такому основанию, незаконной [18].

Однако по мнению большинства судов, с учетом возложенных государством на прокуратуру обязанностей по защите прав граждан и реагированию на нарушения законов следует полагать, что органы прокуратуры должны принимать меры по выявлению нарушений закона на основании любой информации о нарушении закона, в том числе полученной самостоятельно, поскольку перечень оснований для проведения прокурорской проверки *не конкретизирован* [19,20].

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что отсутствие определенности по вопросу о том, что может служить основанием для проведения прокурорской проверки, приводит к проблемам правоприменения и оспариванию законности проверки. Исходя из этого, можно предложить урегулировать данную ситуацию в Законе о прокуратуре, дополнив ч.2 ст.21 Закона о прокуратуре перечнем источников информации, которые могут служить основанием прокурорской проверки, а также указать, что проверка может проводиться на основании информации, полученной прокурором самостоятельно, и законодательно урегулировать основания для проведения *повторной* или *контрольной* проверки.

Список литературы:

1. О прокуратуре Российской Федерации [электронный ресурс]: федер. Закон Рос. Федерации от 17 января 1992 № 2202-1 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.24).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 N 2-П.
3. Афанасьева Т.И. К вопросу о прокурорской проверке // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. N 9. С. 26 - 31. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-9-26-31 EDN: WXSXRG

4. Терещенко Л.К., Цирин А.М. Достаточность информации как основание проверки соблюдения антикоррупционных требований // Журнал российского права. 2015. N 6. С. 115 - 120. DOI: 10.12737/11440 EDN: TWPZOT
5. Амирбеков К.И. Прокурорская проверка исполнения законов: понятие и содержание, поводы и основания, предмет и пределы (теоретический подход) // Российский следователь. 2020. N 2. С. 63 - 68. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-2-63-68 EDN: TDZHUP
6. Гражданское право и современность: сборник статей, посвященный памяти М.И. Брагинского / С.С. Алексеев, Ф.О. Богатырев, Б.А. Булаевский и др.; под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2013. 766 с.
7. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 2009 // СПС КонсультантПлюс.
8. Ергашев Е.Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права. - Екатеринбург, 2007. - 230 с.
9. Постановление ЕСПЧ от 26 апреля 1979 г. по делу "Санди Таймс" (The Sunday Times) против Соединенного Королевства // Европейский суд по правам человека: Избранные решения: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 201 - 202.
10. Постановление КС РФ от 14 января 2016 года N 1-П.
11. Мильшин Ю.Н. Условия обеспечения законности в деятельности органов публичной власти // Административное право и процесс. 2022. N 12. С. 57 - 59. DOI: 10.18572/2071-1166-2022-12-57-59 EDN: XUJGGK
12. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.12.2020 N 33-22956/2020 по делу N 2-1171/2020.
13. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.08.2021 N Ф01-3582/2021 по делу N A79-7538/2020.
14. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2022 N 88а-14274/2022.
15. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 N 195 (ред. от 21.12.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.24).
16. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 03.12.2019 N 88А-800/2019.
17. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2020 по делу N 88а-15646/2020.
18. Крутиков М.Ю. Прокурорское реагирование как специфическая форма реализации правозащитной функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. N 7. С. 33 - 36. EDN: KYKPMX
19. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20.02.2020 N 88а-3399/2020.
20. Постановление Верховного Суда РФ от 29.08.2016 N 308-АД16-1426 по делу N А63-6566/201.
21. Определение Верховного Суда РФ от 21.11.2017 N 301-АД17-16842 по делу N А29-14546/2016.

References:

1. About the prosecutor's office of the Russian Federation [electronic resource]: federal. Law of Russia Federation of January 17, 1992 No. 2202-1 // Official Internet portal of legal information. Access mode: <http://pravo.gov.ru/> (access date: 04/10/24).
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 17, 2015 N 2-П.
3. Afanasyeva T.I. On the issue of prosecutorial verification // State power and local self-government. 2022. N 9. P. 26 - 31.
4. Tereshchenko L.K., Tsirin A.M. Sufficiency of information as a basis for checking compliance with anti-corruption requirements // Journal of Russian Law. 2015. N 6. P. 115 - 120.
5. Amirbekov K.I. Prosecutor's verification of the implementation of laws: concept and content, reasons and grounds, subject and limits (theoretical approach) // Russian investigator. 2020. N 2. P. 63 - 68.
6. Civil law and modernity: a collection of articles dedicated to the memory of M.I. Braginsky / S.S. Alekseev, F.O. Bogatyrev, B.A. Bulaevsky and others; edited by V.N. Litovkina, K.B. Yaroshenko; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M.: Statute, 2013. 766 p.
7. Melekhin A.V. Theory of state and law: Textbook. 2nd ed., revised. and additional 2009 // SPS ConsultantPlus.
8. Ergashev E.R. Principles of prosecutorial supervisory and protective law. - Ekaterinburg, 2007. - 230 p.
9. Judgment of the ECHR of April 26, 1979 in the case of The Sunday Times v. the United Kingdom // European Court of Human Rights: Selected decisions: In 2 vols. M., 2000. Vol. 1. С. 201 - 202.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 14, 2016 N 1-П.
11. Milshin Yu.N. Conditions for ensuring legality in the activities of public authorities // Administrative law and process. 2022. N 12. P. 57 - 59.
12. Appeal ruling of the St. Petersburg City Court dated December 3, 2020 No. 33-22956/2020 in case No. 2-1171/2020.
13. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 08/04/2021 N F01-3582/2021 in case N A79-7538/2020.
14. Cassation ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 07.07.2022 N 88а-14274/2022.
15. On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws, observance of human and civil rights and freedoms: Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated December 7, 2007 N 195 (as amended on December 21, 2022) // Official Internet portal of legal information. Access mode: <http://pravo.gov.ru/> (access date: 04/01/24).
16. Cassation ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated December 3, 2019 No. 88А-800/2019.
17. Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated July 15, 2020 in case No. 88а-15646/2020.
18. Krutikov M.Yu. Prosecutor's response as a specific form of implementation of the state's human rights function // State power and local self-government. 2009. N 7. P. 33 - 36.
19. Cassation ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated February 20, 2020 No. 88а-3399/2020.
20. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 29, 2016 N 308-АД16-1426 in case N А63-6566/201;
21. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 21, 2017 N 301-АД17-16842 in case N А29-14546/2016.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_194

УДК 342.5

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЕВОДСТВА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ (ЧАСТЬ I) THE MAIN DIRECTIONS OF STATE SUPPORT FOR REINDEER HUSBANDRY IN THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT (PART I)

ОГЛЕЗНЕВА Татьяна Николаевна,кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

677007, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

E-mail: tati.oglezneva@mail.ru;

ИВАНОВА Айтилина Афанасьевна,кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория, история государства и права»
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».

677007, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42.

E-mail: ivanovaaytalina@mail.ru;

OGLEZNEVA Tatiana Nikolaevna,Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure
Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov.

42 Kulakovskiy St., Yakutsk, 677007, Russia.

E-mail: tati.oglezneva@mail.ru;

IVANOVA Aytalina Afanasyevna,Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of State and Law
Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov.

42 Kulakovskiy St., Yakutsk, 677007, Russia.

E-mail: ivanovaaytalina@mail.ru

Краткая аннотация: в статье представлены результаты анализа нормативно-правовых актов и комплекса мер государственной поддержки северного оленеводства в лидере отрасли – Ямало-Ненецком автономном округе, направленных на сохранение северного оленеводства как главной отрасли традиционного хозяйства, позволяющей сохранить самобытную культуру, образ жизни, природопользование и этно-экологические традиции коренных малочисленных народов Ямала. В статье рассматриваются и анализируются различные пути решения крайне актуальной для округа проблемы сохранения оленьих пастбищ – важнейшего ресурса традиционного хозяйствования.

Abstract. The article presents the results of the analysis of regulatory legal acts aimed at preserving reindeer herding as the main branch of traditional economy, allowing to preserve the original culture, way of life, nature management and ethno-ecological traditions of the indigenous peoples of Yamal, and a set of measures of state support for reindeer herding in the industry leader – the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The article examines and analyzes various ways of solving the extremely urgent problem for the Okrug of preserving reindeer pastures – the most important resource of traditional economy.

Ключевые слова: меры государственной поддержки, северное домашнее оленеводство, коренные малочисленные народы Севера, нормативно-правовое обеспечение государственной поддержки развития северного оленеводства, государственные программы, устойчивое развитие.

Keywords: measures of state support, northern domestic reindeer herding, indigenous peoples of the North, regulatory framework for state support for the development of northern reindeer herding, state programs, sustainable development.

Для цитирования: Оглезнева Т.Н., Иванова А.А. Основные направления государственной поддержки северного оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе (Часть I) // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 194-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_194.

For citation: Oglezneva T.N., Ivanova A.A. The main directions of state support for reindeer husbandry in the Yamalo-Nenets Autonomous District (Part I) // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 194-199. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_194.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2025**Дата публикации: 30.04.2025**

Российская Федерация - лидер по численности домашних северных оленей: в нашей стране насчитывается примерно 60 % их глобального поголовья. Северное оленеводство является уникальной отраслью сельского хозяйства. С одной стороны, в ней занято все коренное население Севера, Сибири и Дальнего Востока – а это представители 18 народов, 16 из которых являются коренными малочисленными народами Севера. В то же время оленеводство наиболее подвержено угрозам промышленного освоения в условиях хрупкой северной природы, что требует возможно более внимательного, взвешенного, научно обоснованного подхода к развитию и реализации мер государственной поддержки отрасли. Наконец, в России накоплен ценнейший опыт развития оленеводства на территории более трех миллионов квадратных километров в тундре, лесотундре, тайге и горных областях в условиях разнообразия его форм и методов. По данным Минсельхоза России, большая часть поголовья домашних оленей сосредоточена в Ямало-Ненецком, Ненецком и Чукотском автономных округах, Республике Саха (Якутия), Красноярском крае. В сумме на них приходится порядка 83,3% поголовья оленей. Всего в России на 2023 год работало около 1 700 оленеводческих хозяйств, а поголовье стад насчитывало более 2 млн оленей [29]. Актуальность исследования диктуется необходимостью выявления состояния и перспектив государственной поддержки и нормативно-правового регулирования развития оленеводства в России; его специфики и особенностей в различных субъектах России на примере Ямало-Ненецкого автономного округа, который является крупнейшим центром северного оленеводства.

По данным Федеральной службы государственной статистики по Ямало-Ненецкому автономному округу (далее - ЯНАО) на территории округа северное оленеводство является самым крупным в мире и РФ; поголовье северных оленей составляет 43,8 % в общей структуре обще-

российского [30] и на начало 2023 года насчитывало уже более 760 тысяч голов [15].

Начиная с 2000-х годов в ЯНАО был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на сохранение северного оленеводства как главной отрасли традиционного хозяйства, позволяющей сохранить самобытную культуру, образ жизни, природопользование и этно-экологические традиции коренных малочисленных народов Ямала, обеспечить их питанием и национальной одеждой.

В соответствии с **Законом Ямало-Ненецкого автономного округа «Об оленеводстве в Ямало-Ненецком автономном округе» от 06.06.2016 г. № 34-ЗАО** [3] государственное регулирование в сфере оленеводства осуществляется путем: 1) правового регулирования в сфере оленеводства; 2) разработки и реализации государственных программ (подпрограмм) автономного округа в сфере оленеводства; 3) осуществления государственной поддержки в сфере оленеводства; 4) организации осуществления учета в сфере оленеводства.

Меры государственной поддержки в сфере оленеводства включают: 1) предоставление дополнительного профессионального образования и (или) профессионального обучения; 2) приобретение и доставку минерально-солевых добавок, комбинированных кормов для оленей (в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и (или) стихийных бедствий); 3) приобретение средств маркирования оленей; 4) приобретение и строительство коралей; 5) организацию проведения ветеринарных мероприятий и маркирования оленей; 6) организацию и проведение внутрихозяйственного землеустройства оленьих пастбищ; 7) организацию убоя оленей, развития системы заготовки, переработки, хранения и реализации продукции оленеводства; 8) организацию проведения мероприятий в области племенной работы. Порядок и условия предоставления мер государственной поддержки в сфере оленеводства устанавливаются постановлением Правительства автономного округа. Государственная поддержка в сфере оленеводства осуществляется в рамках реализации государственных программ (подпрограмм) автономного округа. Федеральным законодательством и законодательством автономного округа субъектам оленеводства могут предоставляться иные меры государственной поддержки. Финансирование расходов на реализацию закона осуществляется за счет средств окружного бюджета в соответствии с законом автономного округа об окружном бюджете на очередной финансовый год и плановый период.

Постановление Правительства ЯНАО от 15.06.2021 г. № 500-П «О Порядке предоставления субсидий на финансовое обеспечение части затрат на поддержку отдельных подотраслей животноводства» [7] и **Постановление Правительства ЯНАО от 21.06.2021 г. № 539-П «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из окружного бюджета на заготовку мяса северного оленя»** [8] реализуют государственную поддержку по следующим направлениям.

I. **на заготовку мяса оленей.** Целью предоставления субсидии является финансовое обеспечение части затрат получателя субсидии, связанных с заготовкой мяса северного оленя. По результатам отбора на 2023 год были заключены соглашения с 14 получателями субсидии [22].

Увеличение объемов государственного субсидирования закупок оленьего мяса, новый механизм государственной поддержки отрасли, направленный на увеличение доходов оленеводов от сдачи оленей и являющийся одним из приоритетных направлений деятельности округа, стал ключевым фактором роста объема сдачи мяса с 2020 года. Реализуемые меры государственной поддержки способствуют устойчивому развитию отрасли. Основной объем мяса северного оленя перерабатывается и реализуется внутри региона. В приоритете остаются обеспечение оленьей учреждений социальной сферы округа и насыщение готовой продукцией внутреннего потребительского рынка.

Общий объем заготовки мяса северного оленя в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) в 2022 году составил более 2,3 тыс. тонн в убойном весе, что было на 7% выше показателя 2021 года. Более 838 т оленины было заготовлено на трех комплексах МП «Ямальские олени», на счету ООО «Тазовские олени» — 420 тонн, около 400 тонн заготовлено на мясоперерабатывающем комплексе «Паюта» в Приуральском районе. Результат ООО «Возрождение» (Надымский район) — 173 т оленины [17]. Также наблюдается существенное увеличение объемов заготовок от частного сектора: в 2022 году ими было сдано 600 тонн [17], в 2021 году — 482 тонны, тогда как в 2019 году оленеводы-частники сдали 78 тонн мяса [27]. За 2023 год ямальские оленеводы сдали 2,9 тыс. тонн мяса северного оленя, что на 20% больше показателя 2022 года. Мясо высшей категории составляет 86% от всего объема [19].

Оленеводы округа сдали на заготовительные комплексы 76 тыс. оленей. Лидер по приемке мяса в 2023 году — муниципальное предприятие «Ямальские олени», комплекс принял 935 тонн мяса. ООО «Тазовские олени» принял 600 тонн и мясоперерабатывающий комплекс «Паюта» — 470 тонн оленины; оставшийся объем сырья разделили между собой еще 10 окружных предприятий. В 2023 году из мяса северного оленя было произведено свыше 2,4 тыс. тонн полуфабрикатов, тушенки, колбас и мясных деликатесов. 326 тонн полуфабрикатов из оленины были поставлены в детские сады, школы и больницы округа. Государственная поддержка, которую правительство Ямала направит на развитие отрасли, позволит увеличить долю глубокой переработки заготавливаемого мяса до 75% уже в 2024 году и значительно расширить ассортимент и сделать более доступными продукты из оленины [19].

Повышение минимальных цен на закупку сырья у оленеводов в 2020 году (с 170 до 450 рублей за килограмм мяса в категории «свободная реализация») позитивно отразилось на доходах тундрового населения и способствовало развитию частных оленеводческих хозяйств. В ЯНАО оленеводам — для всех хозяйств, вне зависимости от формы собственности — при непосредственной сдаче животных на убойные комплексы платят не менее 450 рублей за килограмм мяса в категории «свободная реализация» и 150 рублей за килограмм мяса в категории «промышленная переработка» [8]. Изменения позволили к 2023 году увеличить заработок оленеводов на 64 % и вдвое повысить объемы производства готовой мясной продукции перерабатывающими предприятиями округа. Региональные меры господдержки отрасли оленеводства сегодня позволяют компенсировать ряд затрат, модернизировать производство, сделав ставку на повышение объемов, улучшение качества и расширение ассортимента готовой продукции. Такой подход позволит сохранить достойный доход оленеводов от сдачи сырья на переработку и снизит зависимость производственных предприятий от субсидий округа в будущем [18]. Раньше регионы рассчитывали на экспортный потенциал оленины,

но с изменением международной обстановки обратились на внутренний рынок. Его емкость вполне позволяет оленеводству и обслуживающей его мясоперерабатывающей промышленности расти внутри страны — заместитель начальника управления развития сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса департамента АПК ЯНАО Андрей Ревнивых отметил в комментарии ТАСС, что ЯНАО сам способен поглотить все текущие экспортные объемы оленины и вылавливаемой рыбы [12].

II. на развитие северного оленеводства.

Здесь существует два вида субсидий:

Первый вид – субсидия на финансовое обеспечение части затрат на племенное маточное поголовье сельскохозяйственных животных. Целью предоставления субсидии является финансовое обеспечение части затрат на развитие северного оленеводства. Получателем такой субсидии в 2023 году стала одна организация [23].

Второй вид - субсидия на финансовое обеспечение части затрат на развитие северного оленеводства. Результатом предоставления субсидии является численность поголовья северных оленей на конец текущего финансового года в количестве 100% от всех субсидируемых условных голов.

Комплексные меры по сохранению и увеличению развития традиционных отраслей хозяйствования, в том числе оленеводства, содержатся в **Программе государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации** [2]. Целями государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов в программе названы создание условий для повышения конкурентоспособности производимых в ее рамках товаров, работ и услуг и формирование устойчивой основы развития коренных малочисленных народов. В Программе констатируется, что крайне ограниченный инвестиционный потенциал традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов не позволяет соответствующим субъектам малого и среднего предпринимательства, сельскохозяйственным товаропроизводителям (осуществляющим традиционную хозяйственную деятельность) обеспечивать высокий уровень технологического развития производств. В результате в подавляющем большинстве случаев глубина переработки основных видов продукции коренных малочисленных народов - продукции животноводства, звероводства, рыболовства, охоты и собирательства - остается низкой, экономический потенциал традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов не в полной мере используется для обеспечения их устойчивого развития.

В рамках реализации программы в целях развития промышленной и технологической инфраструктуры традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов будет реализован следующий комплекс мероприятий: разработка типовых проектов фактории с соответствующим перечнем промышленного и технологического оборудования для всех видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов на территории Российской Федерации; субсидирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, сельскохозяйственных товаропроизводителей (осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность) с участием лиц из числа коренных малочисленных народов на создание факторий при условии использования типового проекта; анализ и распространение лучших практик в области технологического обеспечения традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов; разработка стандарта кочевого жилья для работников, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность коренных малочисленных народов Российской Федерации; проведение исследований в области использования местных ресурсов для создания здоровьесберегающих, лекарственных, косметических средств, биологически активных добавок, пищевых продуктов общего, лечебно-профилактического назначения и специальной ориентации; разработка мер государственной поддержки, направленных на обеспечение малочисленных народов в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности мобильными источниками энергоснабжения и средствами связи; субсидирование части затрат субъектов малого и среднего бизнеса с участием лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, на приобретение и модернизацию оборудования для глубокой переработки продукции оленеводства, морского зверобойного промысла, рыболовства; субсидирование части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, сельскохозяйственных товаропроизводителей (осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность) с участием лиц из числа коренных малочисленных народов на модернизацию или создание современной материально-технической базы для осуществления добычи и переработки водных биологических ресурсов; развитие художественных промыслов и создание условий для роста внутреннего и международного рынков продукции.

Финансовое обеспечение программы осуществляется в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных в федеральном бюджете на реализацию **Государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации"** [1], отраслевых программ Российской Федерации, средств бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, а также внебюджетных источников.

В Плате мероприятий по реализации программы государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации предусмотрено:

21. Предоставление субсидий на финансовую поддержку на обслуживание факторий, которые позволяют создавать место отдыха для оленеводов, оказывать им медпомощь и получать другие необходимые услуги (возмещение затрат на оплату труда обслуживающего персонала, на приобретение топливно-энергетических ресурсов для выработки электроэнергии в целях отопления и освещения фактории), на что из окружного бюджета было запланировано на 2021 год 132 675 000 рублей, на 2022 год – 143 468 000 рублей, на 2023 год - 143 468 000 рублей, на 2024 год – 143 468 000 рублей. Фактории представляют собой весьма ценный опыт, достойный изучения и внедрения в других регионах.

22. Предоставление субсидий из окружного бюджета по возмещению затрат на доставку товаров в фактории и в труднодоступные и отдаленные местности в размере на 2021 год 66 791 000 рублей, на 2022 год – 66 002 000 рублей, на 2023 год - 66 002 000 рублей, на 2024 год –

66 002 000 рублей.

34. Предоставление из окружного бюджета субсидии юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам - производителям товаров, работ, услуг в целях поддержки проектов, направленных на развитие туристской отрасли Ямало- Ненецкого автономного округа, ежегодно с 2021 по 2024 гг. в размере 7 000 000 рублей.

39. Предоставление образовательного сертификата на получение среднего профессионального образования абитуриентам, чьи родители ведут традиционный образ жизни, на что из окружного бюджета ежегодно с 2021 по 2024 гг. расходуется по 24 851 000 рублей, компенсирующие затраты на весь срок обучения в случае, если абитуриент не смог поступить на бюджет [32].

40. Подготовка кадров для индустрии гостеприимства Ямало-Ненецкого автономного округа "Школа гостеприимства для оленеводов". На повышение квалификации оленеводов Ямало-Ненецкого автономного округа в сфере гостеприимства; проведение вебинара в формате офлайн и онлайн, работу со спикерами по направлениям - лекции о правилах гостеприимства, разбора ситуационных кейсов, мастер-классов гостеприимству чум-работницы, оленевода - хозяина стойбища из окружного бюджета было предусмотрено в 2021 году - 100 000 рублей, в 2022 году - 250 000 рублей, в 2023 году - 100 000 рублей, в 2024 году - 100 000 рублей [1].

С 2021 года на Ямале также действует новая мера поддержки молодых семей из числа коренных малочисленных народов Севера - так называемый **«чумовой капитал»**. Суть меры заключается в том, при рождении ребенка семья коренных малочисленных народов Севера получают комплект всего необходимого для собственного национального жилища: это шесты, нюки из оленьей шкуры и брезента, печи, пара нарт, другие полезные в быту предметы: кожа, сукно, лампы, сетематериалы, доски, медицинские аптечки, средства спутниковой связи, ГСМ, мини-электростанции, бензопилы - всего 23 наименования на общую сумму до 580 000 рублей. Данной мерой поддержки могут воспользоваться все кочевые семьи, в которых с 1 января 2021 года родился или был усыновлен третий или последующий ребенок [6, 28]. Возраст одного из родителей на момент обращения за комплектом чума не должен превышать 36 лет. «Чумовой капитал» - уникальная мера поддержки, которая реализуется только в одном регионе страны - на Ямале. За 2021-2023 гг. такие наборы получили 245 семей [13].

В ЯНАО ежемесячно осуществляются **«кочевые» выплаты** для тундрового населения в размере 5000 рублей [16]. В рамках **Регионального стандарта минимальной обеспеченности лиц, ведущих традиционный образ жизни КМНС**, кочевники бесплатно обеспечиваются жизненно необходимыми в тундре товарами [5]. Например, раз в 10 лет тундровикам положены два зимних нюка, каждые два года - печь для чума, каждые пять - новая мини-электростанция и другие материалы (кожа, сукно, сетематериалы, парусина и т.д. - всего 23 наименования).

Предоставление денежной выплаты на приобретение горюче-смазочных материалов для мини-электростанций предусмотрено в размере 7000 рублей в год на 1 семью. Размер денежной выплаты, предоставляемой одному получателю денежной выплаты, составляет 1750 рублей в квартал до 25 числа последнего месяца. Денежная выплата предоставляется при одновременном соблюдении следующих условий: ведение традиционного образа жизни и постоянное проживание на территории муниципального образования в автономном округе. В целях улучшения социально-бытовых условий и качества жизни, технического оснащения, обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, ведущего традиционный образ жизни, Региональным стандартом предусмотрено также снабжение каждой семьи медицинской аптечкой (ежегодно); обеспечение средством спутниковой связи (на семь лет) с пакетом услуг; дровами; бензопилой (раз в четыре года).

В соответствии с **Постановлением Правительства ЯНАО «Об оказании социальной поддержки лицам из числа коренных малочисленных народов севера в Ямало-Ненецком автономном округе» от 26 сентября 2012 г. № 826-П** для студентов коренных малочисленных народов Ямала, которые обучаются в высших учебных заведениях России, назначаются социальные стипендии, компенсируются расходы за проживание в общежитиях или аренду жилья [4]. Дополнительная социальная стипендия и (или) возмещение оплаты проживания в общежитии (возмещение расходов по найму жилого помещения) устанавливается студенту при одновременном соблюдении следующих условий: обучение в образовательной организации высшего образования по имеющим государственную аккредитацию программам в образовательных организациях высшего образования; родители студента либо один из родителей являются представителями коренных малочисленных народов Севера автономного округа; семья студента состоит на учете в органе социальной защиты населения в качестве малоимущей; успешная сдача студентом промежуточной или итоговой аттестации. Выплата дополнительной социальной стипендии производится из расчета 4 500 рублей в месяц на одного человека в течение учебного года. Предельная сумма по оплате проживания в общежитии (возмещению расходов по найму жилого помещения) за учебный год составляет 24 000 рублей.

Возмещение расходов на получение первого высшего образования по заочной форме обучения студенту в размере до 50 000 рублей производится при одновременном соблюдении следующих условий:

обучение по имеющим государственную аккредитацию программам в образовательных организациях высшего образования по специальностям и направлениям; родители студента либо один из родителей являются представителями коренных малочисленных народов Севера автономного округа; высшее образование получается впервые; успешная сдача промежуточной или итоговой аттестации; осуществление студентом трудовой деятельности в организациях, осуществляющих свою деятельность на территории автономного округа. Материальная помощь аспиранту предоставляется при соблюдении всех следующих условий:

обучение в образовательной организации высшего образования по имеющим государственную аккредитацию программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре; родители студента либо один из родителей являются представителями коренных малочисленных народов Севера автономного округа; успешная сдача промежуточной или итоговой аттестации. Размер материальной помощи аспиранту, состоящему на учете в органах социальной защиты населения как малоимущий, составляет три размера величины прожиточного минимума, установ-

ленной в расчете на душу населения в автономном округе на момент представления документов. Аспиранту, не относящемуся к категории малоимущих, материальная помощь составляет один размер величины прожиточного минимума, установленной в расчете на душу населения в автономном округе на момент представления документов.

Наконец, в ЯНАО предполагается обновление перечня профессий для студентов-представителей коренных народов Севера (в том числе для нужд нефтегазового комплекса), принятие новых мер поддержки факторий и традиционных видов хозяйствования, разработка механизмов, при которых летящие в тундру вертолеты смогут брать попутчиков и доставлять их в стойбища и др. Интенсивное промышленное развитие Ямала должно безусловно сочетаться «с гармоничным развитием тундровиков – хранителей традиций северной земли» [20].

Меры государственной поддержки, предпринятые за последние годы в Ямало-Ненецком автономном округе, способствуют развитию оленеводства. Промышленное развитие ЯНАО позволяет оказывать оленеводству поддержку за счет местных финансовых ресурсов, создает платежеспособный рынок для сбыта продукции и улучшает качество жизни оленеводов [9, с.103]. В ЯНАО с 2020 года принимаются меры по развитию именно материальной заинтересованности в разведении оленей в виде субсидий на заготовку мяса северного оленя, закупку сырья у оленеводов, что положительно сказывается на доходах тундрового населения и способствует развитию частных оленеводческих хозяйств.

Список литературы:

1. Государственная программа Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации", утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.03.2021 г. № 484 / <https://docs.cntd.ru/document/603154509?marker=656010>.
2. Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской Федерации, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15.04.2021 г. № 978-р / <https://docs.cntd.ru/document/603336622?marker=65401N>.
3. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 06.06.2016 г. № 34-ЗАО "Об оленеводстве в Ямало-Ненецком автономном округе" // <https://docs.cntd.ru/document/428583521>.
4. Постановление Правительства ЯНАО от 26 сентября 2012 г. № 826-П "Об оказании социальной поддержки лицам из числа коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе" // <https://docs.cntd.ru/document/473412666>.
5. Постановление Правительства ЯНАО от 23.12.2016 №1214-П "Об утверждении регионального стандарта минимальной материальной обеспеченности лиц, ведущих традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе" // <https://docs.cntd.ru/document/444890246>.
6. Постановление Правительства ЯНАО от 28.04.2021 N 338-П "Об утверждении Порядка предоставления молодой семье, ведущей кочевой образ жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, комплекта чума и нарт" // <https://docs.cntd.ru/document/574708382>.
7. Постановление Правительства ЯНАО от 15.06.2021 г. № 500-П "О Порядке предоставления субсидий на финансовое обеспечение части затрат на поддержку отдельных отраслей животноводства" // <http://publication.pravo.gov.ru/document/8900202106180004>.
8. Постановление Правительства ЯНАО от 21.06.2021 г. № 539-П "Об утверждении Порядка предоставления субсидий из окружного бюджета на заготовку мяса северного оленя" // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202106230007>.
9. Зуев С.М. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: проблемы и перспективы // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. - 2015. - № 3(88). - С. 103-107. EDN: TOJBNC
10. Зуев С.М., Деттер Г.Ф., Филант К.Г. О развитии изгородного северного оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. - 2018. - № 3(100). - С. 83-88. EDN: DUOYIQ
11. Южаков А.А., Деттер Г.Ф. Трансформация оленеводства Арктики в условиях рыночной экономики (на примере Ямала) // Арктика: экология и экономика. - 2020 - №4(40). - С. 139-150. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-139-150 EDN: ТВМУХЕ
12. Власти ЯНАО заявили, что регион сможет полностью потребить экспортный объем оленины и рыбы // <https://tass.ru/ekonomika/14270367>.
13. Губернатор ЯНАО вручил семье кочевников сертификат на чумовой капитал // <https://ura.news/news/1052720782>.
14. Для развития оленеводства необходимы современные законы //Подробнее в ПГ: <https://www.pnp.ru/economics/dlya-razvitiya-olenevodstva-neobkhodimy-sovremennyye-zakony.html>.
15. Интересные факты о северных оленях, о которых вы, возможно, не знали // <https://yamal-media.ru/news/42035>.
16. Какие льготы положены северянам в ЯНАО // <https://yamal-media.ru/narrative/igoty-i-posobija-dlja-predstavitelej-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-v-janao-v-2022-godu>.
17. На Ямале в 2022 году оленеводы заготовили более 2,3 тыс. т оленины // <https://specagro.ru/news/202301/na-yamale-v-2022-godu-zagotovili-bolee-23-tys-t-oleniny>.
18. На Ямале в 2023 году увеличились объемы производства оленины // <https://noyabrsk-inform.ru/na-yamale-v-2023-godu-uvlechilis-obemy-proizvodstva-oleniny>.
19. На Ямале заготовили 2,9 тыс. тонн мяса северного оленя в 2023 году // <https://tass.ru/ekonomika/19675025>.
20. На Ямале обновят программы развития для тундровиков // <https://regnum.ru/news/3640893>.
21. Новую концепцию развития северного оленеводства разработают на Ямале // https://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1441706479-novuyu-kontseptsiyu-razvitiya-olenevodstva-razrabotayut-na-yamale.
22. О результатах отбора на предоставление субсидии из окружного бюджета на заготовку мяса северного оленя на 2023 год // <https://dapk.yanao.ru/presscenter/events/8745>.
23. О результатах отбора на получение субсидии на племенное маточное поголовье сельскохозяйственных животных на 2023 год // <https://dapk.yanao.ru/presscenter/events/9639>.
24. Оленеводство на севере России возрождается // <https://vostokgosplan.ru/olenevodstvo-na-severe-rossii-vozrozhdaetsja>.
25. Оленеводы НАО и эксперты отрасли могут внести предложения в Стратегию развития северного оленеводства РФ до 2030 года // <https://dprea.adm-nao.ru/press-centr/news/26912>.
26. Перспективы развития изгородного оленеводства изучили на Ямале // <https://xn-80aapampemchfmo7a3c9ehj.xn-p1ai/news/perspektivy-razvitiya-izgorodnogo-olenevodstva-izuchili-na-yamale>.
27. Предприятия Ямала получили субсидии на развитие северного оленеводства // <https://fagps.ru/news/predpriyatiya-yamala-poluchili-subsidii-na>.
28. Представители ПОРА: Северное оленеводство является стратегическим ресурсом // <https://porarctic.ru/ru/events/predstavitel-pora-severnoe-olenevodstvo-yavlyayetsya-strategicheskim-resursom-rossii>.
29. Российские регионы наращивают заготовку оленины // Инвестиционный портал Арктической зоны России <https://arctic-russia.ru/article/myaso-shkury-i-roga>.
30. Российское село. Ямало-Ненецкий автономный округ // <https://proekty.er.ru/region-projects/rossiiskoe-selo-11>.
31. Сайт президентских грантов РФ // <https://xn-80afcdbalict6afooklqj5o.xn-p1ai/public/application/item?id=66DA3D45-874E-4379-93B1-FCD24916E099>.
32. "Чумовой капитал", гранты: о господдержке коренным народам на Ямале // <https://regnum.ru/news/3665041>.

References:

1. State Program of the Russian Federation "Socio-economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation", approved. by the Decree of the Government of the Russian Federation of March 30, 2021 No. 484 / <https://docs.cntd.ru/document/603154509?marker=656010>
2. Program of state support for traditional economic activities of indigenous peoples of the Russian Federation carried out in the Arctic zone of the Russian Federation, approved. By order of the Government of the Russian Federation dated 15.04.2021 No. 978-r / <https://docs.cntd.ru/document/603336622?marker=65401N>
3. Law of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated 06.06.2016 No. 34-ZAO "On reindeer herding in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug" // <https://docs.cntd.ru/document/428583521>
4. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated September 26, 2012 No. 826-P "On the provision of social support to individuals from among the indigenous peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug" // <https://docs.cntd.ru/document/473412666>
5. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug from 23.12.2016 No. 1214-P "On approval of the regional standard of minimum material security for individuals leading the traditional way of life of indigenous peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug" // <https://docs.cntd.ru/document/444890246>
6. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated 28.04.2021 No. 338-P "On approval of the Procedure for providing a young family leading a nomadic lifestyle of indigenous peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, a set of chum and sleds" // <https://docs.cntd.ru/document/574708382>

7. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated 15.06.2021 No. 500-P "On the Procedure for providing subsidies for financial support of part of the costs of supporting certain sub-sectors of livestock farming" // <http://publication.pravo.gov.ru/document/8900202106180004>
8. Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug dated June 21, 2021 No. 539-P "On approval of the Procedure for providing subsidies from the district budget for the procurement of reindeer meat" // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202106230007>
9. Zuev S.M. Reindeer herding in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: problems and prospects // Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. - 2015. - No. 3 (88). - P. 103-107
10. Zuev S.M., Dettler G.F., Filant K.G. On the development of suburban reindeer herding in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug // Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. - 2018. - No. 3 (100). - P. 83-88
11. Yuzhakov A.A., Dettler G.F. Transformation of reindeer herding in the Arctic in a market economy (using Yamal as an example) // Arctic: ecology and economics. - 2020 - No. 4 (40). — P. 139-150
12. Yamal-Nenets Autonomous Okrug authorities stated that the region will be able to fully consume the export volume of venison and fish // <https://tass.ru/ekonomika/14270367>
13. Yamal-Nenets Autonomous Okrug governor presented a nomad family with a certificate for chum capital // <https://ura.news/news/1052720782>
14. Modern laws are needed to develop reindeer herding // Read more in PG: <https://www.pnp.ru/economics/dlya-razvitiya-olenevodstva-neobkhodimy-sovremennye-zakony.html>
15. Interesting facts about reindeer that you may not have known // <https://yamal-media.ru/news/42035>
16. What benefits are northerners entitled to in Yamal-Nenets Autonomous Okrug // <https://yamal-media.ru/narrative/lgoty-i-posobija-dlja-predstavitelej-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-v-janao-v-2022-godu>
17. In 2022, reindeer herders in Yamal prepared more than 2.3 thousand tons of venison // <https://specagro.ru/news/202301/na-yamale-v-2022-godu-zagotovili-bolee-23-tys-t-oleniny>
18. In 2023, venison production volumes increased in Yamal // <https://noyabrsk-inform.ru/na-jamale-v-2023-godu-uvlechilis-obemy-proizvodstva-oleniny>
19. In Yamal, 2.9 thousand tons of northern reindeer in 2023 // <https://tass.ru/ekonomika/19675025>
20. Yamal will update development programs for tundra dwellers // <https://regnum.ru/news/3640893>
21. A new concept for the development of northern reindeer herding will be developed in Yamal // https://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1441706479-novuyu-kontseptsiju-razvitiya-olenevodstva-razrabotayut-na-yamale
22. On the results of the selection for the provision of a subsidy from the district budget for the procurement of reindeer meat for 2023 // <https://dapk.yanao.ru/presscenter/events/8745/>
23. On the results of the selection for a subsidy for breeding stock of farm animals for 2023 // <https://dapk.yanao.ru/presscenter/events/9639/>
24. Reindeer herding in the north of Russia is being revived // <https://vostokgosplan.ru/olenevodstvo-na-severe-rossii-vozhrozhdaetsja/>
25. Reindeer herders of the NAO and industry experts can make proposals to the Strategy for the Development of Northern Reindeer Herding in the Russian Federation until 2030 // <https://dprea.adm-nao.ru/press-centr/news/26912/>
26. Prospects for the development of fenced reindeer herding were studied in Yamal // <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/perspektivy-razvitiya-izgorodnogo-olenevodstva-izuchili-na-yamale/>
27. Yamal enterprises received subsidies for development of northern reindeer herding // <https://tagps.ru/news/predpriyatiya-yamala-poluchili-subsidii-na-strategicheskim-resursom-rossii/>
28. PORA representatives: Northern reindeer herding is a strategic resource // <https://porarctic.ru/ru/events/predstavitel-pora-severnoe-olenevodstvo-yavlyatsya-strategicheskimi-resursami-rossii/>
29. Russian regions are increasing venison procurement // Investment portal of the Arctic zone of Russia <https://arctic-russia.ru/article/myaso-shkury-i-roga/>
30. Russian village. Yamalo-Nenets Autonomous Okrug // <https://proekty.er.ru/region-projects/rossiiskoe-selo-11>
31. Website of the Presidential Grants of the Russian Federation // <https://xn--80afcdbalict6afooklq5o.xn--p1ai/public/application/item?id=66DA3D45-874E-4379-93B1-FCD24916E099>
32. "Plague Capital", grants: on state support for indigenous peoples in Yamal // <https://regnum.ru/news/3665041>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ LEGAL REGULATION IN THE SPHERE OF CREATIVE INDUSTRIES

САРАЕВА Оксана Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и сервиса,

Байкальский государственный университет.

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: narhoz-irk@yandex.ru;

SARAEVA Oksana Nikolaevna,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Management and Service, Baikal State University.

11 Lenin St., Irkutsk, Russia, 664003.

E-mail: narhoz-irk@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассмотрены вопросы правового регулирования в сфере креативных индустрий, в том числе, Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 330-ФЗ), который вступает в силу 5 февраля 2025 года и определяет основы правового регулирования организации и развития в стране креативных индустрий как базового сектора креативной экономики. ФЗ № 330-ФЗ направлен на реализацию Указа Президента РФ от 7 мая 2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», основной целью которого является институционализация всей креативной индустрии. Автором вносятся предложения, что для развития и функционирования креативных индустрий необходимо наличие программ развития и поддержки со стороны государства на всех уровнях власти, закрепление нормативно-правовой базы и законодательное регулирование креативной индустрии, определение органа государственной власти, который выступит регулятором сферы креативной индустрии в целях координации всех заинтересованных лиц.

Abstract. The article considers the issues of legal regulation in the sphere of creative industries, including the Federal Law of August 8, 2024 No. 330-FZ "On the Development of Creative (Creative) Industries in the Russian Federation" (hereinafter - Federal Law No. 330-FZ), which comes into force on February 5, 2025 and defines the basic principles of legal regulation of the organization and development of creative industries in the country as the basic sector of the creative economy. Federal Law No. 330-FZ is aimed at implementing the Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036", the main goal of which is the institutionalization of the entire creative industry. The author suggests that for the development and functioning of creative industries it is necessary to have development programs and support from the state at all levels of government, to consolidate the regulatory framework and legislative regulation of the creative industry, to determine the government body that will act as a regulator of the creative industry in order to coordinate all interested parties.

Ключевые слова: креативные индустрии, интеллектуальная деятельность, креативная экономика, креативный кластер, креативный продукт, Концепция креативных индустрий, технологии, инновации.

Keywords: creative industries, intellectual activity, creative economy, creative cluster, creative product, Concept of creative industries, technologies, innovations.

Для цитирования: Сараева О.Н. Правовое регулирование в сфере креативных индустрий // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 200-203. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_200.

For citation: Saraeva O.N. Legal regulation in the sphere of creative industries // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 200-203. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_200.

Статья поступила в редакцию: 22.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

По данным за 2024 год, креативный¹ сектор стал значимой составляющей российской экономики, обеспечивая вклад в валовой внутренний продукт (далее – ВВП) в размере 3,5% и в выручку – 3,7%. Темпы роста добавленной стоимости в 2023 г. креативного сектора страны была выше в 1,7 раза, чем в среднем по экономике. Инвестиционная активность в креативном секторе кратно выросла: в 2021-2023 гг. увеличилась стоимость основных средств в 2 раза, нематериальных активов – в 2,5 раза. Креативные индустрии оказывают мультипликативный эффект на экономику: 1 рубль затрат в креативных индустриях приводит к росту выпуска в экономике на 2,85 руб. и доходов федерального бюджета – на 0,25 руб. Всего в креативной экономике России заняты 4,6 млн чел. (+0,3 млн чел. к уровню 2022 г.), или 6,2% от общей численности занятых в стране².

Вклад креативной экономики в ВВП к 2030 году должен вырасти с 2,21% до 6%, а занятость населения в творческих профессиях – с 4,67% до 15%, такой ориентир содержится в Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года, утверждённой распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. №2613-р (далее – Концепция). Достижению целевых показателей Концепции будет способствовать Федеральный закон от 8 августа 2024 года №330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (далее ФЗ № 330-ФЗ)³, который вступает в силу 5 февраля 2025 года и определяет основы правового регулирования организации и развития в стране креативных индустрий как базового сектора креативной экономики

ФЗ № 330-ФЗ закрепил понятие креативные индустрии (креативная экономика)⁴ – особый сектор экономики, основанный на продаже товаров и услуг, являющихся результатом интеллектуальной деятельности. Существенную роль в производстве этих товаров и услуг играет развитие технологий и инноваций.

Те, кто работает в данном секторе экономики, будут считаться субъектами креативных индустрий. Результат интеллектуальной дея-

¹ Термин «креативный» (от лат. Creo) означает: 1) творческий, созидательный, новаторский. Способный порождать новое, творить; 2) предназначенный для возбуждения воображения, фантазии.

² Креативный сектор России в цифрах: 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/996745368.html> (дата обращения: 05.02.2025).

³ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // Гарант.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409395175/> (дата обращения: 05.02.2025).

⁴ Креативная индустрия и креативная экономика – это синонимы, обозначающие особый сектор экономики, связанный с интеллектуальной деятельностью. Также его называют экономикой знаний.

тельности или совокупность таких результатов будет считаться креативным продуктом.

К креативным индустриям относят такие направления экономики, как арт-индустрия, фотография, реклама, ювелирное дело, исполнительское искусство, полиграфия, издательская деятельность, кино, теле- и радиовещание, информационные технологии, разработка программного обеспечения и видеоигр, производство музыкальных инструментов, архитектура и проектирование, охрана культурного наследия, музейное, библиотечное и архивное дело, дизайн и творческое образование. При этом, следует отличать творческую деятельность от креативной. Творчество – это процесс, а креативность – это уникальная способность. «Креатив – это конструкция высшего порядка, которая связывает знания, технологии или инновации, но носителем его является человек. Именно появление критической массы людей с уникальными способностями и навыками рождает импульс, который питает экономический прогресс, стимулирует технологическое, культурное и общечеловеческое развитие» [1, с. 24].

С 5 февраля 2025 года функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере креативной экономики переданы Министерству экономического развития РФ (Минэкономразвития). При этом, реестр креативных индустрий будет формироваться отдельно в каждом регионе, Минэкономразвития РФ будет вести единый федеральный реестр субъектов креативных индустрий по стране.

Основным инструментом для применения в регионах РФ ФЗ № 330-ФЗ станет разработанный агентством стратегических инициатив (далее – АСИ) региональный стандарт по креативным индустриям (далее – стандарт), который уже внедряют 45 регионов нашей страны. Региональный стандарт развития креативных индустрий – это комплекс лучших практик, представленный в виде двенадцати рекомендуемых шагов для создания и предоставления региональных мер поддержки на уровне субъектов РФ.

Стандарт охватывает широкий спектр направлений, от формирования благоприятной нормативно-правовой базы и развития инфраструктуры до поддержки образовательных инициатив и продвижения креативных продуктов и услуг на рынках. Его цель – создать экосистему, в которой креативные предприниматели и специалисты могут успешно развиваться и вносить вклад в экономику региона. Внедрение стандарта предполагает активное взаимодействие региональных органов власти, бизнес-сообщества, образовательных учреждений и представителей креативных индустрий. Ключевым аспектом является создание регионального совета по креативным индустриям, который будет координировать процесс внедрения и разрабатывать стратегии развития отрасли. Стандарт также предусматривает создание регионального бренда креативных индустрий, который позволит повысить узнаваемость региона как центра креативности и привлечь инвестиции. Важным элементом является поддержка инновационных проектов и стартапов в сфере креативных индустрий.

Задачи стандарта: сформировать в регионах согласованное видение развития креативных индустрий; предоставить регионам рекомендации, которые помогут ускорить и упростить развитие креативных индустрий; вовлечь глав регионов в развитие креативных индустрий; выявить запросы региональных сообществ креативных индустрий и создать форматы их взаимодействия с региональными и муниципальными властями; создать единую систему показателей оценки измерения развития креативных индустрий в регионах России.

Некоторые шаги, которые рекомендует предпринять согласно стандарту: обеспечение участия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в развитии креативных индустрий; создание региональной опорной организации развития креативных индустрий; аудит и анализ влияния креативных индустрий на экономику субъекта Российской Федерации; формирование сообщества креативных индустрий; определение приоритетных креативных индустрий в целях формирования креативной специализации субъекта РФ; разработка и утверждение в регионе стратегического документа в сфере развития креативных индустрий; формирование системы подготовки кадров для креативных индустрий; разработка региональных мер поддержки креативных индустрий на территории субъекта РФ; повышение спроса на продукцию, работы и услуги креативных индустрий; поддержка экспорта продукции, работ и услуг креативных индустрий; создание объектов инфраструктуры креативных индустрий; удержание и привлечение креативного человеческого капитала.

Регионы, внедряющие лучшие практики и подходы в этой сфере, смогут зарабатывать на креативной экономике.

ФЗ № 330-ФЗ предполагает, что будут определены креативные кластеры (территории, на которых компактно расположены объекты недвижимости, предназначенные для осуществления деятельности субъектов креативных индустрий). Такие кластеры будут наделены особым статусом, предполагающим налоговые льготы, а также получают коммуникационную поддержку на уровне регионов. Основные меры поддержки, которые могут способствовать развитию креативных кластеров в регионах – это наличие специальных видов разрешенного использования земельных участков, упрощенная процедура включения объектов культурного наследия в состав креативных кластеров и их использования для целей поддержки и развития креативных индустрий, упрощенный порядок изменения и согласования функционального назначения объектов под креативные кластеры, а также их правовое сопровождение, так как, по мнению В.Д. Рождественского «недостаточность правового регулирования является и невозможность отстаивания интересов» [2, с. 560]. Креативные индустрии есть практически в каждом регионе страны. Так, в столице Башкирии создан большой креативный кластер «Арт-квадрат», включающий в себя рестораны, шоурумы одежды местных производителей, смарт-офисы, ремесленные мастерские, что позволило решить вопросы со «снабжением населения потребительскими товарами собственного производства, созданием новых рабочих мест, повышением доходов населения и бюджетов» [4, с. 312].

В Красноярском крае насчитывается 11,5 тыс. организаций креативной отрасли (издательство, мода, дизайн, музыка и др.). 30 марта 2022 года в Красноярске открылся Сибирский институт развития креативных индустрий, который объединяет усилия разных ведомств, бизнеса и креативных сообществ для системного развития этой сферы¹.

По итогам 2021 года выручка организаций креативных индустрий Красноярского края составила 63 607 013 000 рублей. Это практиче-

¹ «Мы помогаем творческим людям зарабатывать»: чем занимается Сибирский институт развития креативных индустрий. [Электронный ресурс]. URL: <https://newslab.ru/article/1150501> (дата обращения: 05.02.2025).

ски самая большая цифра среди регионов Сибири¹. Вклад креативных индустрий в валовой региональный продукт (далее ВРП) Красноярского края – 2,9%. Задача к 2030 году – увеличить этот показатель вдвое².

Кроме того, развитие креативных индустрий влияет на кадровый потенциал и миграционную политику региона. Например, в крае реализуются два образовательных проекта: колледж креативных индустрий и школа креативных индустрий, что создаёт непрерывную систему в подготовке кадров для бизнеса, связанного с творчеством.

В Норильске создано сильное творческое комьюнити (это интернет-сообщество в социальной сети, на форуме или в чате, организованное для общения, обмена мнениями и нивелирования общих интересов), которое совместно с Агентством развития Норильска и университетом Universal University³ разработали стратегию развития креативных индустрий в городе до 2024 года. В рамках этой стратегии жители города обучаются творческим профессиям, а бизнес присоединяется к ряду проектов, призванных преобразить Норильск. Например, «Норникель» финансирует масштабный проект трансформации бывшего дома торговли площадью 8,5 тыс. кв. м под Арктический музей современного искусства. Кроме того, в 2024 году Экспертный центр ПОРА⁴ выступил оператором разработки Стратегии социально-экономического развития Норильска до 2035 года как опорного города Восточной Арктики. В ходе работы горожане предложили более 150 идей с помощью созданной ПОРА онлайн-платформы «Стратегия Норильска.РФ»⁴, в том числе, с применение технологий искусственного интеллекта [3, с. 162].

Сотрудники центра проводят различные мероприятия для взрослых и детей: экоуроки, интеллектуальные квизы, игру «Экомафия». Например, в Молодёжном центре проводится акция «Пластик в дело», во время которой принимают пластиковые бутылки и алюминиевые банки для дальнейшей переработки.

По мнению экспертов, одним из самых креативных регионов России сегодня является Якутия, где успешно развиваются IT-стартапы, кинопроизводство⁵. В Якутии сформирован мощный ювелирно-гранительный кластер, где трудятся и опытные мастера, и те, кто только начинают осваивать эту профессию.

Кинопроизводство как одна из ключевых креативных индустрий хорошо развивается и в Калининграде. С 2017 года в Калининградской области действует система кинорибейтов. Суть системы в том, что часть затрат на создание кинопродукта возвращается производителю из бюджета и составляет 20% от потраченного на кинопроизводство.

За 2024 год в Калининградской области выплатили кинорибейты на более чем 33 млн рублей⁶.

Аналогичные меры поддержки кино действуют также в Ульяновской, Самарской, Новгородской, Иркутской, Московской, Ростовской областях, Карелии, Краснодарском крае и Санкт-Петербурге⁷.

В городе Гусеве Калининградской области работает Школа креативных индустрий (далее – ШКИ) для несовершеннолетних, где обучают графическому дизайну, звукорежиссуре, фото- и видеопроизводству, а также цифровой моде. Это прогрессивное направление в 3D-дизайне, которое позволяет моделировать и визуализировать одежду. Обучение в ШКИ по всем направлениям бесплатное.

Примером региона-флагмана, где наблюдается тесное партнерство частного бизнеса и госсектора в фэшн-индустрии, является Приморский край. С 2022 года в регионе идет масштабный проект «Модный Альянс Креативных Индустрий» («М.А.К.И. Приморья»), объединяющий дизайнеров и производителей одежды, ритейл, маркетологов и специалистов по продвижению, ремесленников, стилистов, визажистов, создателей фото- и видеоконтента. Проект имеет конкретное целеполагание – увеличение выручки его участников на 25% ежегодно. За время существования проекта к участию привлечено порядка 500 предприятий, 59 из них увеличили оборот на 20%. У ряда приморских брендов (в частности, «Люди в Худи», «Туманы», THE HOUSE) открылись магазины во Владивостоке⁸.

В рамках проекта действует система господдержки. В неё входит грантовая поддержка производителей, образовательные мероприятия, а также презентация продукции участников проекта на международных площадках. Это даёт возможность приморским брендам получать новые контракты и расширять географию своего присутствия⁹.

Проект реализуется краевым центром «Мой бизнес» совместно с Министерством экономического развития Приморского края. К 2030 году в Приморском крае планируют создать Евро-Азиатский технологичный модный хаб-центр притяжения талантов, экспертов, креативной молодежи.

Это предусмотрено стратегической программой «Кибератель и креативные индустрии Приморья»¹⁰.

¹ Креативные индустрии в Красноярском крае: будущее экономики или экономика будущего? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/27420/4619707/> (дата обращения: 05.02.2025).

² В Красноярске появится Центр развития ИИ и креативных индустрий. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mentoday.ru/life/news/22-11-2024/v-krasnoyarske-poyavitsya-centr-razvitiya-ii-i-kreativnyh-industrii/> (дата обращения: 05.02.2025).

³ Экспертный центр «Проектный офис развития Арктики» (ПОРА) в Норильске просвещает население о природе и животном мире Арктики, а также уделяет внимание сохранению экологии северных территорий.

⁴ В Мурманске на форуме «Арктика – территория традиций и экспериментов» обсудили развитие креативных индустрий. [Электронный ресурс]. URL: <https://porarctic.ru/ru/events/konstantin-dering-kreativnye-industrii-neobkhodimy-ingredient-sotsialnoy-sostavlyayushchey-ustoychiv/> (дата обращения: 05.02.2025).

⁵ В 2023 году короткометражный фильм «Выход» якутских режиссёров Максима и Евгении Арбугаевых был номинирован на «Оскар» в категории «Лучший короткометражный документальный фильм».

⁶ За 2024 год в регионе выплатили кинорибейты на более чем 33 млн рублей. [Электронный ресурс]. URL: <https://klg.aif.ru/society/za-2024-god-v-regione-vyplatili-kinoribeyty-na-bolee-chem-33-mln-rublei> (дата обращения: 05.02.2025).

⁷ В Калининградской области на рибейты кинокомпаниям на 2024 год выделили 50 млн рублей. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/kultura/19912073> (дата обращения: 05.02.2025).

⁸ Евро-Азиатский модный хаб создадут в Приморье: производители получают поддержку. [Электронный ресурс]. URL: <https://vostokmedia.com/news/2024-04-04/evro-aziatkiy-modnyy-hab-sozhdut-v-primorie-proizvoditeli-poluchayut-podderzhku-5042961> (дата обращения: 05.02.2025).

⁹ Креативную индустрию и модный бизнес поддерживают в Приморье. [Электронный ресурс]. URL: <https://prim.plus.rbc.ru/pressrelease/676a631b7a8aa9686b0107f4> (дата обращения: 05.02.2025).

¹⁰ Стратегическую программу «Кибератель и креативные индустрии Приморья» запустили в крае. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestprim.ru/news/ptrnews/116724-strategicheskuyu-programmu-kiberatele-i-kreativnye-industrii-primorja-zapustili-v-kray.html> (дата обращения: 05.02.2025).

В целом креативная индустрия на Дальнем Востоке активно развивается. По данным исследования Восточного центра государственного планирования, Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский край обеспечивают более 65% рабочих мест отрасли в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) и концентрируют соответствующую долю предприятий. Например, в 2022 г. в креативных индустриях ДФО функционировало 2 748 компаний, из которых 65% пришлось на эти три региона. В этих же территориях работают 97,4% компаний с выручкой более 18 млн руб.¹

Таким образом, креативные индустрии создают рабочие места, стимулируют предпринимательство и способствуют инновациям.

Креативные индустрии позволяют создавать нестандартные вещи, но не менее важно, что они меняют отношение жителей к своему региону, помогают оценить его уникальность, укрепляют чувство патриотизма, землячества. Это происходит не только за счет визуальной репрезентации локальной идентичности в продуктах и услугах, но и посредством вовлечения людей в процессы созидания. Мастер-классы по народным промыслам, фестивали современной культуры, арт-резиденции, посвященные изучению местных традиций, – все это формирует активную аудиторию, заинтересованную в сохранении и развитии своего наследия.

Креативные пространства становятся центрами притяжения для тех, кто ищет самовыражения и единомышленников. Они стимулируют рост малого и среднего бизнеса, предлагая новые возможности для трудоустройства и предпринимательства. Архитектурные бюро, разрабатывающие проекты благоустройства городской среды, дизайнеры, создающие коллекции одежды, вдохновленные местным фольклором, музыканты, интерпретирующие народные мелодии в современной обработке, – все они вносят свой вклад в формирование позитивного имиджа региона.

Более того, развитие креативных индустрий привлекает туристов, заинтересованных в аутентичном опыте и уникальных впечатлениях. Гастрономический туризм, основанный на использовании местных продуктов и традиционных рецептов, событийный туризм, связанный с проведением фестивалей и выставок, культурный туризм, предлагающий знакомство с историей и искусством региона, – все это способствует увеличению туристического потока и, как следствие, экономическому росту.

Наличие брендов, которые «звучат» и за пределами края или области – основа здоровой экономики, в каждом регионе должно быть как можно больше торгуемых секторов – то есть тех, продукция которых продается за пределами субъекта и даже страны. Креативная экономика – это не просто тренд, а новая точка опоры для регионального развития.

У России есть уникальные продукты, которые уже востребованы на мировом рынке, а также проекты с высоким потенциалом, например, это анимация и кино: мультфильм «Маша и Медведь» показывают более чем в 100 странах. «Танки онлайн» – российская игра, разработанная студией AlternativaPlatform из Перми, стала одной из первых в мире многопользовательских браузерных игр с трехмерной графикой.

Региональные власти начинают осознавать, что креативная индустрия – это серьезный вклад в экономику.

Сейчас в регионах часто не хватает пространства для работы, стабильного интернета, понимания у местных властей, что творческие индустрии могут приносить прибыль. Для развития креативных индустрий в регионах необходимо создавать благоприятные условия и инфраструктуру. Это требует скоординированных шагов со стороны общества, бизнеса и органов власти различного уровня.

Считаем необходимым внести следующие предложения: необходимо развивать центры креативных индустрий на базе ВУЗов. В них творческая молодежь может участвовать в создании и реализации проектов по благоустройству городских и сельских пространств, продвижению промыслов и искусств. Активно продвигать создание творческих кластеров, технопарков, городков. Для этого органы власти должны взаимодействовать с другими институтами развития, крупнейшими культурными центрами и участниками креативного бизнеса, разработать и экономически обосновать льготные арендные ставки и механизм их предоставления; развивать сеть государственных коворкингов для представителей креативных индустрий; стимулировать взаимодействие и сотрудничество государственных и муниципальных учреждений культуры (музеи, театры, библиотеки, культурные центры), органов государственной власти и представителей и сообществ креативных индустрий; внедрить механизмы финансовой поддержки как за счёт финансово-кредитных гарантий и возможностей, так и путём разработки конкурсов грантов для финансирования отдельных проектов в сфере креативных индустрий. Государство должно обеспечивать территориальную, информационную, финансовую и экспортную инфраструктуру, способствовать формированию системы знаний и компетенций, преобразовывать систему налогообложения, развивать правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности и создавать экосистемы концентрации талантов.

Список литературы:

1. Кузнецова Н. В. Новая парадигма современности – креативная экономика / Н. В. Кузнецова // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 15–37.
2. Рождественский В. Д. Оценка эффективности правовых инструментов, используемых для развития франчайзинговых отношений в России / В. Д. Рождественский // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 4. С. 559–567.
3. Рубцова Н. В. Нейросети в медиа: возможности, проблемы, перспективы для будущих медиаспециалистов / Н. В. Рубцова // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13, № 1. С. 156–171.
4. Чистякова О. В. Экономика простых вещей и точки роста экономики Иркутской области в условиях импортозамещения / О. В. Чистякова // Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33, № 2. С. 312–321.

References:

1. Kuznetsova N. V. New paradigm of our time – creative economy / N. V. Kuznetsova // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2022. Vol. 24, No. 1. Pp. 15–37.
2. Rozhdestvensky V. D. Evaluation of the effectiveness of legal instruments used for the development of franchising relations in Russia / V. D. Rozhdestvensky // Academic law journal. 2023. Vol. 24, No. 4. Pp. 559–567.
3. Rubtsova N. V. Neural networks in media: opportunities, problems, prospects for future media specialists / N. V. Rubtsova // Issues of theory and practice of journalism. 2024. Vol. 13, No. 1. Pp. 156–171.
4. Chistyakova O. V. The Economy of Simple Things and Growth Points of the Irkutsk Region Economy in the Context of Import Substitution / O. V. Chistyakova // Bulletin of the Baikal State University. 2023. Vol. 33, No. 2. Pp. 312–321.

¹ Креативные индустрии Дальнего Востока. [Электронный ресурс]. URL: https://landing.vostokgosplan.ru/wp-content/uploads/2023/08/digest-creative_dfo.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ THE SPECIFICS OF THE FUNCTIONING OF SPECIALIZED COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

БОНДАРЕНКО Игорь Васильевич,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.
ул. Большая Морская 67, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия.
E-mail: igor.bondarenk2017@yandex.ru;

BONDARENKO Igor Vasilievich,

graduate student at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
St. Bolshaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russian Federation.
E-mail: igor.bondarenk2017@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье автором определяются функционирующие в настоящее время специализированные суды в отечественной судебной системе. Анализируется порядок осуществления специализированными судами правосудия. Обозначается перспектива распространения практики создания специализированных судов.

Abstract. In the article, the author identifies the currently functioning specialized courts in the domestic judicial system. The procedure for administering justice by specialized courts is analyzed. The prospect of spreading the practice of creating specialized courts is outlined.

Ключевые слова: специализация, юрисдикция, право, судебная система, правоотношение, специализированный суд.

Keywords: specialization, jurisdiction, law, judicial system, legal relationship, specialized court.

Для цитирования: Бондаренко И.В. Специфика функционирования специализированных судов в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 204-206. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_204.

For citation: Bondarenko I.V. The specifics of the functioning of specialized courts in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 204-206. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_204.

Статья поступила в редакцию: 27.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Современное развитие общественных отношений можно охарактеризовать многообразием экономических и социальных взаимосвязей внутри государства, ускоряющимся технологическим прогрессом, что безусловно влечет за собой необходимость соответствующего правового обеспечения защиты прав и законных интересов участников таких отношений. Наличие качественного, своевременного, гибкого порядка рассмотрения споров, возникающих между сторонами при осуществлении теми своих прав и обязанностей, обусловлено стремительным усложнением форм и содержанием общественных отношений.

В настоящее время, судебный порядок рассмотрения споров, например, между хозяйствующими субъектами, является наиболее эффективным и предпочитаемым способом защиты прав и законных интересов лица.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим порядок отправления правосудия, принципы его функционирования, равно как и порядок учреждения и упразднения судов является Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023).

Следует учитывать, что правосудие, будучи государственной функцией, цель которой заключается в разрешении возникшего между сторонами правового конфликта, осуществляется посредством судопроизводственной деятельности конкретных судей, чья компетенция позволяет формировать особые области юридических знаний и навыков, узконаправленные качества которых, в сущности, обособляют их, то есть, специализируют [1, 199].

В соответствии со статьей 26 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) специализированные федеральные суды по рассмотрению по рассмотрению гражданских и административных дел, посудных судам общей юрисдикции, а также экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами, могут быть учреждены внесением изменений и дополнений в настоящий Федеральный конституционный закон.

Между тем, несмотря на законодательное закрепление понятия «Специализированный суд», его дефиниция в каком-либо нормативном правовом акте отсутствует. Однако сказанное, не препятствует фактическому воплощению принципа специализации отечественной судебной системы по отраслевой принадлежности.

Современная отечественная судебная система включает в себя единственный специализированный судебный орган, составляющий часть системы арбитражных судов - Суд по интеллектуальным правам [4, с.168]. Строго регламентированная компетенция Суда по интеллектуальным правам по рассмотрению и разрешению споров, связанных с защитой интеллектуальных прав, является ключевой особенностью указанного судебного органа [3, с.1702].

Суд по интеллектуальным правам в качестве первой инстанции уполномочен на решение споров, связанных с оспариванием нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы лица, связанные с охраной результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации, в области патентного права. В качестве кассационной инстанции деятельность суда

связана с рассмотрением дел, по которым ранее выносилось решение судом первой инстанции, а также арбитражными судами первой и апелляционных инстанций, входящих в систему арбитражных судов Российской Федерации.

Кроме того, упоминание о специализированных судах содержится и в статье 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой в случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, гражданские дела рассматриваются военными и специализированными судами.

В соответствии со статьей 1 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» Военные суды Российской Федерации являются федеральными судами общей юрисдикции, входят в судебную систему Российской Федерации, осуществляют судебную власть в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и иные полномочия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Подсудность военных судов определена решением споров, возникающих в следующих сферах:

- гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений;

- дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, дела о преступлениях, совершенных гражданами (иностранными гражданами) в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дела, отнесенные к компетенции военных судов Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;

- дела об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы;

- дела по заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок по делам, подсудным военным судам.

Реализация судопроизводственной деятельности военных судов посредством рассмотрения названных выше споров в порядке различных производств, таких как гражданского, административного, уголовного, в порядке производства по делам об административных правонарушениях, отличает данный специализированный орган правосудия от Суда по интеллектуальным правам, рассматривающего споры, относящиеся к его подсудности в порядке арбитражного судопроизводства.

Таким образом, современное отечественное судебное нормативное правовое регулирование к специализированным судебным органам относит систему военных судов, а также Суд по интеллектуальным правам, функционирующий в рамках арбитражной системы.

Однако необходимо учитывать, что стремительное общественное развитие, явное усложнение содержания правоотношений в значительной степени актуализирует вопрос реформирования отечественной судебной системы, целью и результатом которой стало бы распространение системы специализированных судов, компетенция которых сводилась бы к решению споров, связанных с конкретным кругом правоотношений, образующих собой крупные правовые отрасли.

Необходимость расширения практики решения споров специализированными судами обусловлена гарантией наиболее качественного осуществления судебным аппаратом мероприятий, необходимых для решения правового конфликта.

Создание организационно обособленных систем специализированных судов, что является ядром специализации судебной деятельности, представляется важным направлением реформирования судебной системы во многих странах [5].

Характерная особенность развития европейских судебных систем заключается в создании и функционировании множества специализированных судов, в частности антимонопольных судов, судов по семейным делам, судов по спорам, связанных с отчуждением собственности, судов по спорам об индустриальной собственности, патентных судов и так далее.

В научной литературе отмечается функционирование двух моделей специализированных судебных систем. Так, первая модель подразумевает дифференциацию судебных юрисдикций, что означает создание самостоятельных специализированных судебных систем в рамках судебной структуры государства. Вторая модель сводится к учреждению отдельных специализированных судов внутри функционирующей судебной системы. Особенностью второй модели реализации компетенции специализированных судов является возможность функционирования нескольких судов в пределах одной судебной юрисдикции, уполномоченных на решение споров по конкретным категориям дел, субъектным составом участников правоотношений [2, с.3].

Рассматривая теоретические и практические вопросы, связанные с созданием и функционированием специализированных судов, нельзя игнорировать факт затруднения обозначения универсальных признаков судебной специализации, в своей совокупности которые в достаточной степени определяли бы такую сложную правовую категорию, как «специализированный суд». Сложность универсализации признаков и принципов построения системы специализированных судов, в частности, обусловлена особенностью исторического, социального, политического развития стран, экономическим потенциалом.

Сказанное, однако, не препятствует возможности определения ключевого признака, смысловое содержание которого во многом определяет цель, порядок и направление деятельности специализированного суда – сосредоточение набора компетенций, наделяющих такой суд государственной функцией по решению определенных категорий споров, объединенных общим содержанием правоотношений, субъектным составом.

Необходимо также учитывать, что дефиниция «Специализация», будучи общим понятием, включает в себя институциональную специ-

ализацию, суть которой заключается в создании одной или нескольких специализированных ветвей судебной власти по рассмотрению споров, возникающих при осуществлении сторонами конкретных правоотношений, а также функциональную специализацию, представляющую собой осуществление правосудия посредством внутреннего разделения между созданными коллегиями.

По мнению автора, наиболее предпочтительным вариантом развития отечественной судебной системы является постепенная институциональная специализация судебных органов, предполагающая возможность формирования, как новых судебных юрисдикций, так и создание отдельных специализированных судов внутри существующих.

Список литературы:

1. Ганичева Е.С. О специализации судебной деятельности и месте арбитражных судов в системе органов правосудия Российской Федерации // Образование и право. 2023. № 5. С. 197-204. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-5-197-204 EDN: VANMQY
2. Малышкин А.В. Специализированные суды в контексте дифференциации и интеграции судебных юрисдикций // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. DOI: 10.17223/15617793/446/31 EDN: EWDNOX
3. Сухова Н.В. Развитие специализированных судов в России и Казахстане // Экономика и социум. 2016. № 3(22). С. 1700-1704. EDN: WDKLDF
4. Усенков И.А. Основные критерии специализации судебных органов // Международный исследовательский научный журнал. 2018. № 1(67). С. 167-169. DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.151 EDN: YOBZT
5. Щукин А.И. Специализированный суд по международным коммерческим спорам как современная предпосылка конкурентоспособности российского правосудия в условиях мировой глобализации // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. DOI: 10.24031/2226-0781-2022-12-3-232-290 EDN: KCGCYX

References:

1. Ganicheva E.S. On the specialization of judicial activity and the place of arbitration courts in the system of judicial authorities of the Russian Federation // Education and Law. 2023. No. 5. pp. 197-204.
2. Malyshkin A.V. Specialized courts in the context of differentiation and integration of judicial jurisdictions // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No 446.
3. Sukhova N.V. Development of specialized courts in Russia and Kazakhstan // Economics and Society. 2016. No. 3(22). pp. 1700-1704.
4. Usenkov I.A. The main criteria for the specialization of judicial authorities // International Research Scientific Journal. 2018. No. 1(67). pp. 167-169.
5. Shchukin A.I. Specialized court for international commercial disputes as a modern prerequisite for the competitiveness of Russian justice in the context of global globalization // Bulletin of Civil Procedure. 2022. No 3.

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТАХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ TO THE QUESTION OF FINANCIAL INSTRUMENTS AT THE PRESENT STAGE

ВЛАСОВА Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.
ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

РОМАНЕНКО Никита Сергеевич,

старший преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
ул. Ивана Франко, 23А, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.
E-mail: romanenkonikita91@yandex.ru;

VLASOVA Elena Lvovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
110 Lermontov St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

ROMANENKO Nikita Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of General Theoretical and State-Legal Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
23A Ivan Franko St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассмотрены преимущества и недостатки финансовых инструментов на современном этапе развития регионов, в том числе, инфраструктурные бюджетные кредиты (далее – ИБК), специальные казначейские кредиты (далее – СКК), казначейские инфраструктурные кредиты (далее – КИК) за счет которых планируется увеличение инвестиционной составляющей в расходах региональных бюджетов, что позволит улучшить качество жизни населения на соответствующей территории, добиться устойчивости в социально-экономическом развитии регионов. Однако, автор высказывает небезосновательные опасения о последствиях применения данных финансовых инструментах, делает значимые выводы, вносит предложения по их совершенствованию.

Abstract. The article considers the advantages and disadvantages of financial instruments at the current stage of regional development, including infrastructure budget loans (hereinafter referred to as IBC), special treasury loans (hereinafter referred to as SCL), treasury infrastructure loans (hereinafter referred to as TIL), which are planned to increase the investment component in regional budget expenditures, which will improve the quality of life of the population in the relevant territory, achieve sustainability in the socio-economic development of the regions. However, the author expresses reasonable concerns about the consequences of using these financial instruments, makes significant conclusions, and makes proposals for their improvement.

Ключевые слова: инфраструктурные бюджетные кредиты, инфраструктурное меню, специальные казначейские кредиты, бюджетные кредиты, казначейские инфраструктурные кредиты.

Keywords: infrastructure budget loans, infrastructure menu, special treasury loans, budget loans, treasury infrastructure loans.

Для цитирования: Власова Е.Л., Романенко Н.С. К вопросу о финансовых инструментах на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 207-211. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_207.

For citation: Vlasova E.L., Romanenko N.S. To the question of financial instruments at the present stage // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 207-211. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_207.

Статья поступила в редакцию: 23.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами предусматривает предоставление финансовой поддержки субъектам РФ из федерального бюджета. В настоящее время практически все 89 субъектов РФ получают финансовую поддержку. В наиболее общем виде финансовая поддержка рассматривается как объем средств, переданных из федерального бюджета в региональный [2, с. 59].

Выделяют четыре основных метода финансовой поддержки регионов: безвозмездная помощь региональным бюджетам (дотации, субсидии, субвенции), перераспределение долговой нагрузки, распределение налоговых доходов, целевое финансирование¹.

Финансовая поддержка регионов в условиях высокой территориальной дифференциации² позволяет решать ряд целей и задач, связанных в первую очередь с поддержанием социально-экономической стабильности в регионе и выполнением всех обязанностей региональных органов власти перед населением.

¹ Понятие финансовой поддержки не тождественно понятию финансовой помощи и шире последнего. Финансовая помощь субъектам РФ – это денежные отношения, возникающие между органами власти в условиях существующей системы разграничения налоговых, расходных полномочий и методов бюджетного регулирования по поводу передачи части средств вышестоящего бюджета нижестоящему в связи с ограниченностью налоговой базы последнего.

² Термин «территориальная дифференциация» может иметь несколько значений: в географии – пространственное разнообразие географических объектов и явлений, проявляющееся в их чередовании, сочетаемости и наличии разнообразных отношений между ними; в экономике – мера межрегиональных различий общих уровней экономического развития и уровня жизни в регионах страны и субъектах федерации; в языке – возникновение территориальных разновидностей языка в результате ряда факторов.

Однако, бюджеты большинства регионов испытывают устойчивую зависимость от средств, поступающих в рамках финансовой поддержки, и, как результат, лишаются стимулов к самостоятельному развитию. Кроме того, бюджетные кредиты также являются формой финансовой поддержки регионов (ст. 6, п. 2, п. 3 ст. 93.3 БК РФ). Такая финансовая помощь предоставляется субъектам РФ на срок до пяти лет на условиях возмездности и возвратности, в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных законами о бюджете (ст. 6, п. 2 ст. 93.2 БК РФ). В то же время, эта форма имеет множество недостатков, главным из которых является значительное увеличение государственного долга российских регионов по причине накопления бюджетных кредитов и других видов долговых обязательств, что, в конечном итоге, отрицательно сказывается не только на финансовой устойчивости бюджетов территорий, но и на ограничении инвестиционных возможностей¹, замедлении регионального развития.

Рассмотрение проблем финансовой поддержки регионов давно являются предметом внимания со стороны федеральных властей, исходя из понимания того, что уровень удовлетворенности жизнью граждан Российской Федерации во многом зависит от развитости инфраструктуры в регионах их проживания, что напрямую влияет на показатели социально-экономического развития отдельных субъектов и всей России в целом.

В рамках решения данной задачи была разработана государственная программа Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 18.05.2016 № 445 (далее – Государственная программа № 445)².

Сроки реализации Государственной программы №445 установлены в два этапа: 2013-2021 г. и 2022-2030 г., в рамках которых должны быть реализованы четыре подпрограммы:

1. «Совершенствование системы распределения и перераспределения финансовых ресурсов между уровнями бюджетной системы Российской Федерации».
2. «Использование инструментов долговой политики в целях устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации».
3. «Содействие повышению качества управления региональными и муниципальными финансами и эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по повышению уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».
4. «Совершенствование разграничения полномочий между уровнями публичной власти и контроля за осуществлением переданных федеральных полномочий». Паспортом Государственной программы № 445 предусмотрена подпрограмма 2, отдельным пунктом 2.1 в которой выделен Федеральный проект «Инфраструктурное меню»³ (куратор Хуснуллин М.Ш.).

«Инфраструктурное меню» – это социально-экономическая программа развития регионов за счет предоставления государством льготного финансирования, которое включает набор финансовых инструментов⁴, в том числе, инфраструктурные бюджетные кредиты, специальные казначейские кредиты, казначейские инфраструктурные кредиты⁵, льготные займы из средств Фонда национального благосостояния (далее – ФНБ) и инфраструктурные облигации.

Цель «Инфраструктурного меню» – дать импульс масштабному строительству социально значимых объектов в регионах, таких как жилье, школы, детские сады, спортивные центры, коммунальные сети, дороги, а также создать условия для комплексного развития территорий роста экономики и улучшения уровня жизни в стране⁶.

Инфраструктурные бюджетные кредиты – один из семи ключевых инструментов федерального проекта «Инфраструктурное меню» (п. 17 из 42 стратегических инициатив Правительства РФ), утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 года №2816-р⁷.

Параметры таких кредитов: длительный срок (не менее 15 лет), низкая ставка (не более 3% годовых), объем до 500 млрд рублей, которые должны быть выделены регионам до 2023 года включительно¹, направленность на создание новых рабочих мест, рост благополучия российских семей. В приоритете: автомобильные дороги, обходы городов, обновление систем ЖКХ и общественного транспорта, комплексное раз-

¹ На 1 апреля 2021г. общий уровень долга субъектов составил 2,4 трлн рублей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/finances/28/06/2023/649abf629a794735e0c9e08c> (дата обращения: 12.02.2025).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 18 мая 2016 года № 445 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/106672/> (дата обращения: 12.02.2025).

³ Перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года (Федеральный проект «Инфраструктурное меню») утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 года № 2816-р «42 инициативы»

⁴ Финансовые параметры федерального проекта «Инфраструктурное меню» содержит: инфраструктурные бюджетные кредиты; инфраструктурные облигации; предоставление средств Фонда национального благосостояния государственной корпорации-Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; субсидирование процентной ставки по кредитам, выданным на досрочное исполнение контрактов; реструктуризация бюджетных кредитов 2020-2021 гг. в целях инфраструктурной поддержки реализации новых инвестиционных проектов; поддержка проектов по строительству, реализации и реконструкции объектов инфраструктуры со стороны государственной корпорации развития «ВЭБ. РФ»; программа модернизации коммунальной инфраструктуры в период 2023-2027 гг. с прогнозом до 2030 г.

⁵ Постановление Правительства РФ от 25 января 2025 года №48 «Об утверждении Правил предоставления Федеральным казначейством бюджетам субъектов Российской Федерации бюджетных кредитов на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов за счёт временно свободных средств единого счёта федерального бюджета, а также их использования и возврата». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 12.02.2025).

⁶ Инициатива «Инфраструктурное меню» Правительства ускоряет развитие регионов России: строятся дороги, детские сады и ЖКХ. [Электронный ресурс]. URL: <https://gavk.ru/news/iniiciativa-infrastruktornoe-menyu-pravitelstva-uskoryaet-razvitiye-regionov-rossii-stroyatsya-dorogi-detskie-sady-i-zhkh> (дата обращения: 12.02.2025).

⁷ Правительство запускает программу специальных казначейских кредитов на реализацию инфраструктурных проектов. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/48359/> (дата обращения: 12.02.2025).

витие территорий и создание объектов туристической индустрии.

В Послании Федеральному Собранию 21 апреля 2021 года Президент РФ В.В.Путин говорил об инвестиционных бюджетных кредитах, как о принципиально новом инструменте развития регионов².

Собственно, ИБК³ – это антикризисная мера поддержки субъектов РФ, которая позволит последним заменить коммерческие кредиты на бюджетные, что, в свою очередь, приведет к существенному снижению долговой нагрузки регионов.

Экономический эффект от реализации ИБК для регионов сложно переоценить. Во-первых, снижается процентная ставка, выплачиваемая по кредитам, что высвобождает значительные средства в региональных бюджетах. Эти средства могут быть направлены на финансирование социально значимых проектов, развитие инфраструктуры, поддержку малого и среднего бизнеса, а также на другие приоритетные направления развития региона. Во-вторых, уменьшается зависимость регионов от конъюнктуры финансового рынка, поскольку условия бюджетных кредитов, как правило, более стабильны и предсказуемы, чем условия коммерческих займов. В-третьих, снижается риск дефолта региона по своим обязательствам, что повышает инвестиционную привлекательность региона и улучшает его кредитный рейтинг.

Однако, ИБК – это не просто перекредитование. Это инструмент, который призван стимулировать регионы к повышению эффективности управления своими финансами. Предоставление бюджетных кредитов сопровождается определенными условиями и требованиями.

Основными критериями предоставления инфраструктурных кредитов являются следующие условия: 1) объем привлеченных внебюджетных средств должен быть не менее объема бюджетного кредита; 2) объем будущих дополнительных налоговых доходов не должен быть меньше расходов на обслуживание и возврат кредита в течение 15 лет; 3) должно быть создано определенное число новых рабочих мест на каждый 1 млн руб. кредита; 4) отношение дополнительных доходов к объему расходов на обслуживание и возврат кредита; 5) оценка градостроительного потенциала территории⁴.

При распределении ИБК должен соблюдаться принцип: чем меньше долгов у региона, тем больше он сможет получить инфраструктурных кредитов. При этом, Правительство РФ определило для всех регионов их кредитные лимиты с учетом бюджетных и социально-экономических характеристик региона, таких как уровень долговой нагрузки, численность населения и стоимость фиксированного набора товаров и услуг.

Например, государственный долг Иркутской области по состоянию на 1 января 2023 года составил 19,2 млрд рублей (9,0% от доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений), что является одним из минимальных показателей среди субъектов РФ (13-е место) и среди субъектов Сибирского Федерального округа (2-е место). Структура долга представлена бюджетными кредитами из федерального бюджета (100%)⁵. В соответствии с оценкой долговой устойчивости субъектов РФ, проведенной Минфином России с использованием показателей, предусмотренных статьей 107.1 БК РФ, в 2023 году Иркутская область была отнесена к регионам с высоким уровнем долговой устойчивости, что свидетельствует о низком уровне рисков. С 2022 по 2024 год Иркутская область получила почти 12 млрд бюджетных кредитов из федерального бюджета на реализацию пяти инфраструктурных проектов⁶.

По данным на 1 января 2025 года, государственный долг Иркутской области составляет 35,6 млрд рублей. Он представлен бюджетными (76,7%) и банковскими кредитами (23,3%)⁷.

В настоящее время ИБК распределены между 83 субъектами РФ на реализацию 961 объекта (мероприятия). Согласно информации Счетной палаты Российской Федерации нарастающим итогом реализация инфраструктурных проектов с привлечением ИБК позволила ввести 252 объекта инженерно-коммунальной, дорожной, социальной инфраструктуры и инфраструктуры особых экономических зон (ОЭЗ), завершено 18 мероприятий по проектированию и 1 мероприятие по закупке оборудования, закуплено 1 437 единиц транспорта [1, с. 170].

На 2025 год запланировано предоставление ИБК субъектам Российской Федерации в размере 321,1 млрд рублей. Всего объем финансового обеспечения, предусмотренного на ИБК в 2021-2025 годах, составит 1 трлн. рублей.

В постановлении Правительства от 31 марта 2023 года № 525 указано, что российские регионы смогут получить специальные казначейские кредиты за счет временно свободных средств единого счета федерального бюджета на срок до 15 лет с взиманием платы за пользование по ставке 3% годовых с правом досрочного погашения.

Кредитные средства предоставляются на цели финансового обеспечения реализации мероприятий, одобренных президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ. Например, на проектирование, строительство, реконструкцию или капитальный ремонт объектов коммунальной инфраструктуры, на закупку новых автобусов, троллейбусов и трамваев и другие цели.

В 2023 году на программу специальных казначейских кредитов Правительством РФ было выделено 190 млрд руб.

¹ Продление программы инфраструктурных бюджетных кредитов (ИБК) до 2030 года предусмотрено поручением Президента, данным в рамках послания Федеральному собранию 29 февраля 2024 года. В нём глава государства поручил продлить программу и возвращаемые регионами средства заново направлять на выдачу ИБК, а портфель с 2025 года наращивать на 250 млрд руб. в год.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Парламентская газета. 2021. № 15.

³ Статья 93.3 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

⁴ Постановление Правительства РФ от 14.07.2021 № 1189 и № 1190; Федеральный закон от 28.06.2021 № 228-ФЗ (изменения в ст. 93.3 БК РФ).

⁵ Распоряжение Правительства Иркутской области от 19 октября 2023 года № 700-рп «Об основных направлениях государственной долговой политики Иркутской области на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов». [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406915143> (дата обращения: 12.02.2025).

⁶ Привлеченные средства позволили: провести проектирование тепловой магистрали от ТЭЦ-10 в Ангарске до котельной северного промышленного узла Иркутска; спроектировать реконструкцию канализационных очистных сооружений левого берега Иркутска по комплексному развитию территории посёлка Малая Еланка; запланировать строительство тепловых сетей, реконструкцию канализационного трубопровода и напорных трубопроводов в предместье Рабочем в Иркутске; в Ангарске провести прокладку магистральной теплотрассы; в Усть-Куте построить котельную на биотопливе в районе посёлка РЭБ, а также провести работы на комплексных очистных сооружениях; в Тайшетском районе построить школу на 1275 мест в микрорайоне «Миниполис».

⁷ Официальный сайт Правительства Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://irkobl.ru/sites/minfin/main/news/4044184/> (дата обращения: 12.02.2025).

К преимуществам СКК относят: 1) финансовую стабильность и долгосрочное планирование. Так, одним из основных преимуществ СКК является их вклад в укрепление финансовой стабильности регионов. Предоставляя средства на льготных условиях, СКК позволяют субъектам РФ и муниципалитетам реализовывать масштабные проекты. Это, в свою очередь, снижает долговую нагрузку и высвобождает ресурсы для решения других насущных проблем. 2) СКК, в отличие от нецелевых бюджетных кредитов, строго ориентированы на финансирование конкретных, приоритетных направлений развития. Как правило, это проекты, имеющие важное социально-экономическое значение для региона или муниципалитета. Это могут быть проекты в сфере жилищного строительства, модернизации коммунальной инфраструктуры, развития транспортной сети, поддержки малого и среднего бизнеса, а также реализации национальных проектов. 3) Предоставление СКК оказывает мультипликативный эффект на экономику региона. Инвестиции в инфраструктуру, например, не только улучшают качество жизни населения, но и создают новые рабочие места, стимулируют развитие смежных отраслей и привлекают частные инвестиции. Поддержка малого и среднего бизнеса способствует увеличению занятости и расширению налоговой базы. 4) Льготные условия предоставления СКК, как правило, предусматривают более низкие процентные ставки и более длительные сроки погашения. Это позволяет существенно снизить финансовую нагрузку на региональные бюджеты и высвободить ресурсы для финансирования других социально значимых программ. К недостаткам СКК следует отнести возможность взыскания средств СКК при использовании не по целевому назначению¹.

Таким образом, специальные казначейские кредиты и инфраструктурные бюджетные кредиты – это отдельные виды кредитов.

СКК, как правило, выдаются субъектам Российской Федерации на краткосрочной основе для покрытия дефицита, возникающего в процессе исполнения региональных бюджетов. Их основная цель – обеспечить бесперебойное финансирование текущих обязательств регионов.

В отличие от СКК, ИБК предназначены для финансирования более масштабных и долгосрочных проектов, направленных на развитие инфраструктуры регионов. К таким проектам могут относиться строительство и реконструкция дорог, мостов, объектов жилищно-коммунального хозяйства, социальных учреждений и других объектов, имеющих стратегическое значение для социально-экономического развития территорий. ИБК, как правило, предоставляются на более длительный срок и на более льготных условиях, чем СКК. Это обусловлено тем, что инфраструктурные проекты требуют значительных капиталовложений и имеют более длительный срок окупаемости.

Важно отметить, что оба вида кредитов – и специальные казначейские, и инфраструктурные бюджетные – предоставляются на возвратной основе и подлежат обязательному погашению в установленные сроки. Неисполнение обязательств по погашению кредитов может привести к применению финансовых санкций в отношении региональных властей.

СКК являются продолжением программы ИБК и входят в состав социально-экономической инициативы Правительства «Инфраструктурное меню». При этом, к недостаткам ИБК по данным Счётной палаты РФ стоит отнести отсутствие в соглашениях о реализации инфраструктурных проектов плановых значений показателей², что создаёт риски отсутствия должного контроля за ходом реализации проектов в субъектах РФ.

Недостатком СКК является то, что срок реализации мероприятий по инфраструктурному проекту с привлечением средств СКК должен составлять не более двух лет³, в то время как срок строительства объектов с ИБК не ограничен временными рамками.

Новой 2025 года явились казначейские инфраструктурные кредиты, которые были утверждены Постановлением Правительства РФ от 25 января 2025 года №48 «Об утверждении Правил предоставления Федеральным казначейством бюджетам субъектов Российской Федерации бюджетных кредитов на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов за счёт временно свободных средств единого счёта федерального бюджета, а также их использования и возврата». КИК выдается регионам России на срок до 15 лет под 3% годовых, с возможностью повышения ставки в случае переноса сроков сдачи объектов.

Цель КИК – реализация инфраструктурных проектов в российских регионах до 2030 года за счёт временно свободных средств федерального бюджета. В приоритетном порядке кредиты будут предоставляться на проекты в сфере жилищно-коммунального хозяйства, закупку общественного транспорта, создание объектов транспортной, инженерной, энергетической и туристической инфраструктуры, объектов инфраструктуры промышленных парков и промышленных технопарков, особых экономических зон, территорий опережающего развития, инновационных научно-технологических центров и другие цели.

Средства КИК могут быть направлены на модернизацию ЖКХ (не менее 50%), поддержку инвестиционных проектов в сфере туризма, приобретение городского транспорта, мастер-планы городов Дальневосточного федерального округа и опорных населенных пунктов Арктической зоны.

КИК это продолжение ИБК. Условия предоставления казначейских инфраструктурных кредитов сохраняются, об этом говорит статья 93.9. «Казначейские инфраструктурные кредиты» Бюджетного кодекса Российской Федерации. Однако, в случае если регион, который получил такой заем, будет нарушать графики строительства, ставка инфраструктурного кредита будет повышена с изначальных 3% до 6%. Эта мера вводится как стимул к усилению контроля со стороны регионов за реализацией проектов. При этом, основной долг они начнут выплачивать толь-

¹ Статья 306.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

² Чтобы устранить этот недостаток, Минстрой России заключил дополнительные соглашения с 83 субъектами РФ к соглашениям о реализации инфраструктурных проектов, которые предусматривают утверждение ежегодных значений плановых целевых показателей на 15 лет с разбивкой по каждому году периода реализации проекта. Также с февраля 2023 года плановые значения социально-экономических показателей инфраструктурных проектов в регионах начали включать в соглашения об их реализации.

³ Срок реализации мероприятий по инфраструктурному проекту с привлечением средств специальных казначейских кредитов должен составлять не более двух лет. Это установлено постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2023 года №525 «Об утверждении Правил предоставления Федеральным казначейством бюджетам субъектов Российской Федерации бюджетных кредитов за счёт временно свободных средств единого счёта федерального бюджета и о внесении изменения в пункт 12.1 Положения о Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации».

ко с третьего года пользования средствами¹.

К преимуществам казначейских инфраструктурных кредитов следует отнести наличие льготной ставки 3% годовых на 15 лет; возможности направить средства на модернизацию ЖКХ (не менее 50%), поддержку инвестиционных проектов в сфере туризма, особых экономических зон, территорий опережающего развития, приобретение городского транспорта, мастер-планы городов.

К недостаткам казначейских инфраструктурных кредитов относят повышение ставки с 3 до 6% за нарушение графика реализации проектов и не достижение показателей. В случае не погашения кредита в установленный срок или несвоевременной уплаты процентов за пользование кредитом, Федеральное казначейство может взыскать задолженность за счёт доходов от уплаты налогов, сборов и иных обязательных платежей (ст.ст.93.9, 306.5 БК РФ).

Таким образом, преимущества казначейских инфраструктурных кредитов заключаются в том, что они позволяют регионам проектировать и создавать объекты ЖКХ, совершенствовать городской транспорт и реализовывать другие инфраструктурные проекты, а недостатки – в том, что за нарушение условий выдачи кредита ставка может повыситься.

Предполагается, что увеличение инвестиционной составляющей в расходах региональных бюджетов за счет финансовых инструментов позволит улучшить качество жизни населения на соответствующей территории, добиться устойчивости в социально-экономическом развитии. Вместе с тем необходимо указать и на проблемные моменты в данной сфере. Во-первых, финансовые инструменты (ИБК, СКК, КИК) представляют собой продукт определенного стечения обстоятельств – профицит федерального бюджета при сохраняющемся тренде на повышение цен на углеводороды. Есть опасения, что данные инструменты более направлены на ситуативное перераспределение профицита федерального бюджета на региональный уровень, чем на долгосрочное повышение устойчивости региональных (и муниципальных) финансов. Во-вторых, механизм регионального развития через получение федерального финансирования региональных инфраструктурных проектов, отобранных федеральными органами исполнительной власти, при обязательном осуществлении Федеральным казначейством РФ казначейского сопровождения, вызывает вопросы относительно соблюдения принципа бюджетного федерализма, то есть учета интересов не только Федерации, но и составляющих ее субъектов [3, с. 10].

В заключение хотелось бы отметить, что ИБК, СКК, КИК, получение и использование которых тесно увязано с социально-экономическим развитием регионов, инструмент, безусловно, полезный, но весьма неоднозначный. С одной стороны, стоит приветствовать замену дотационного финансирования на финансирование, обусловленное успешностью в создании и реализации проектов, способствующих повышению качества жизни на определенной территории. С другой стороны, жесткость выстраиваемой финансовой вертикали, с централизацией полномочий на федеральном уровне, может стать препятствием в достижении заявленных целей повышения самостоятельности и финансовой устойчивости регионов.

Список литературы:

1. Бычков А.А. Инфраструктурные бюджетные кредиты: вопросы совершенствования механизмов контроля / А.А. Бычков // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 10-2. С. 164-172. DOI: 10.17513/vaael.3792 EDN: LIMYUC
2. Морковкин Д.Е. Финансовая поддержка регионов как инструмент выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации / Д.Е. Морковкин, П.В. Строев, А.И. Шапошников // Финансы: теория и практика. 2019. №23(4). С. 57-68. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-4-57-68 EDN: IDIJJN
3. Морозов А.Е. Инфраструктурные бюджетные кредиты как инструмент социально-экономического развития субъектов РФ / А.Е. Морозов // Актуальная проблема. 2021. С. 9-14. EDN: NSLREJ

References:

1. Bychkov A.A. Infrastructure budget loans: issues of improving control mechanisms / A.A. Bychkov // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. No. 10-2. P. 164-172.
2. Morkovkin D.E. Financial support for regions as a tool for equalizing budget security of constituent entities of the Russian Federation / D.E. Morkovkin, P.V. Stroyev, A.I. Shaposhnikov // Finance: theory and practice. 2019. No. 23 (4). P. 57-68.
3. Morozov A.E. Infrastructure budget loans as a tool for socio-economic development of constituent entities of the Russian Federation / A.E. Morozov // Current issue. 2021. P. 9-14.

¹ Правительство запускает программу специальных казначейских кредитов на реализацию инфраструктурных проектов. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/48359/> (дата обращения: 12.02.2025).

ПРОТИВОРЕЧИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ CONTRADICTION OF THE LEGAL REGIME OF LANDS IN MODERN LEGISLATION

РЫБАКОВ Михаил Алексеевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Садовая-Кудринская ул., 9, г. Москва, 123001, Россия.
E-mail: casus2008@yandex.ru;

RYBAKOV Mikhail A.,

PhD in Law, Senior Lecturer Kutafin Moscow State Law University (MGU).
Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, Moscow, 123001, Russia.
E-mail: casus2008@yandex.ru

Краткая аннотация: Правовой режим - средство рационального использования земельных участков. Основные его составляющие права на земельные участки и функции государственного управления.

Abstract: The legal regime is a means of rational use of land plots. Its main components are rights to land plots and functions of state administration.

Ключевые слова: Правовой режим, инструменты планирования, гарантии правового режима, права на земельные участки, государственное управление.

Keywords: Legal regime, planning instruments, guarantees of the legal regime, rights, state administration.

Для цитирования: Рыбаков М.А. Противоречие правового режима земель в современном законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 212-215. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_212.

For citation: Rybakov M.A. Contradiction of the legal regime of lands in modern legislation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 212-215. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_212.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Правовой режим сегодня сосредотачивается в основном на строго централизованной системе права собственности и правового регулирования управления. Такой подход часто мешает большинству правообладателей земельных участков получить возможность к изменению правового режима своего земельного участка и защите своих прав, что в свою очередь может повлечь уменьшение оборотоспособности земельных участков. Гарантии, обеспечивающие права на земельные участки, сокращаются в Земельном кодексе Российской Федерации от 25 октября 2001 N 136-ФЗ¹, например пункт 11 Статья 39.47 ЗК РФ « Соглашение об осуществлении публичного сервитута или Статья 28.1. Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ² « Единый документ территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, муниципального округа, городского округа ». Такие нормы создают государственным органам свободу для значительных нарушений условий частной собственности. Тем не менее Земельный Кодекс РФ усиливает и гарантии против злоупотреблений со стороны органов власти , с четким указанием обстоятельств, в которых органы власти предоставляют земельные участки, например статья 39.16. «Основания для отказа в предоставлении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без проведения торгов » или четко, определяя условия возмещения статья 57. «Возмещение убытков при ухудшении качества земель, ограничении прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, правообладателей расположенных на земельных участках объектов недвижимости » .

Правовой режим должен быть сосредоточен на создании базовой системы управления категориями земель и обеспечением прав на земельные участки. Поэтому определение правового режима должно всегда связано с разработкой и приоритетом инструментов планирования. Определение правового режима должно быть хорошо продумано, чтобы не вызывать конфликтов, он должен учитывать существующие социальные, политические и экономические условия. Особенно это важно для таких институтов как ограничение и прекращение прав. Важно отметить, что правовой режим очень сильно зависит от экономических условий, в период слабой экономики происходит укрепление земель сельскохозяйственного назначения, позволяющих быстро достичь высоких урожаев и обеспечить доступ к продуктам питания. Когда экономическая обстановка стабилизируется, то активно начинает развиваться категория земель промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности и земель иного специального назначения, а также земель водного фонда для создания доступа к воде и земельных участков вблизи транспортных сетей, чтобы создать условия для сбыта продукции на рынках.

Правовой режим в настоящее время — это не столько институт земельного права, а именно правила, изобретенные обществом для управления земельными участками. Он определяет, какие могут быть права на земельные участки, а также права по распоряжению, использованию и изменению правового режима земли, а также обязанности и ограничения, которые они налагают. Проще говоря, правовой режим указыва-

¹ СЗ РФ, 2001, N 44, ст. 4147,

² Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ//Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

ет на то, кто и какой земельный участок может использовать как долго и на каких условиях.

Важно отметить, что для стран со слабой экономикой правовой режим часто используются только для земель высокой экономической ценности, то есть только для небольшой части земель рассматриваемой страны, примером сегодня могут послужить внесение изменений в Федеральный закон от 14 марта 1995 N 33-ФЗ "Об особо охраняемых природных территориях", в частности статья 5.2. «Туризм на особо охраняемых природных территориях и его критерии, особенности», которая введена Федеральным законом от 18 марта 2023 N 77-ФЗ.

Правовой режим имеет принудительный характер, призванный гарантировать применение существующих правил в земельных правоотношениях. Происхождение гарантий может варьироваться в зависимости от типа правоотношений, оно может возникнуть в результате признания или защиты прав. Гарантии правового режима – это уверенность в том, что права на землю будут признаны третьими сторонами и защищены в случае спора. Степень гарантий – понятие субъективное, во многом зависит от того, как они воспринимаются обществом или оцениваются стоимостью возможных инвестиций.

Чтобы объяснить место правового режима земель, ряд исследований переводят анализ на макросоциальный уровень (законы, национальные программы и т. д.) и подчеркивают преобладание его коммерциализации. В развитии этот термин обозначает создание возможностей, которые позволяют возводить инфраструктуру, дороги и здания, так и для развития экономической деятельности, а затем социальной и экологической сферы. В частности такой вывод подтверждается пунктом 4 статьи 30 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ¹, что правила землепользования и застройки разрабатываются в целях создания условий для привлечения инвестиций, в том числе путем предоставления возможности выбора наиболее эффективных видов разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства.

Экономическое развитие в традиционном понимании сосредоточено на вопросах правового режима земель, а именно возможности застройки, комплексного развития территорий, осуществления наиболее прибыльной экономической деятельности (разрешенного вида использования). Но и правовой режим основывается на экономических ресурсах территории, данный вывод подтверждается Приказом Росреестра от 4 августа 2021г. N П/0336 "Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке"², при определении кадастровой стоимости земельного участка бюджетным учреждением должны учитываться обеспеченность (наличие либо отсутствие) инженерной и транспортной инфраструктурой (наличие инженерного и транспортного обеспечения до границ земельного участка), социальной инфраструктурой; характеристики окружающей территории земельного участка.

Получается, что характеристика правового режима зависит сегодня не от территориального планирования, которое направлено на определение в документах территориального планирования назначения территорий исходя из совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях обеспечения устойчивого развития территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, обеспечения учета интересов граждан и их объединений, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований³, а от представления сил о логике продаж и создания денежного богатства, то есть, руководствуясь логикой инвестиций.

Помимо классических характеристик целей развития, два современных института, а именно территориальное планирование и градостроительное зонирование позволяют выявить различные видения территории и ее будущего. Градостроительное зонирование в большей степени основано на ценностях, связанных с традиционной экономической моделью (создание инвестиций за счет бизнеса или туристическая привлекательность), в то время как территориальное планирование, по своей сути направлено на продвижение публичных инициатив, а не полностью коммерческого эффекта (экономическая составляющая рассматривается как условие, а не цель осуществления).

В ст. 7 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 N 136-ФЗ⁴ предусматривается, что правовой режим земель и земельных участков определяется в соответствии с федеральными законами исходя из их принадлежности к той или иной категории земель и разрешенного использования.

Исходя из этого можно сделать вывод, что территориальное планирование в определении правового режима не играет роли и в нормативных правовых актах, так как оно не затрагивает напрямую и установление категории земель и видов разрешенного использования.

Так территориальное планирование основной целью преследует развитие территорий и установление функциональных зон⁵. Но Статья 28.1. Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ⁶ предусматривает единый документ территориального планирования и градостроительного зонирования поселения, муниципального округа, городского округа, в котором содержатся карты градостроительного зонирования, градостроительные регламенты в отношении земельных участков, порядок применения карт градостроительного зонирования и градостроительных регламентов и внесения в них изменений.

Также к документам территориального планирования имеется отсылка в ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 2004г. N 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»⁷, так как установление или изменение границ населенных пунктов явля-

¹ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

² Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 2021.

³ Статья 9. Общие положения о документах территориального планирования//Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 N 190-ФЗ//Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

⁴ СЗ РФ, 2001, N 44, ст. 4147,

⁵ Ст.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ//Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

⁶ Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ//Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

⁷ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

ется основанием для перевода. Данная норма корреспондирует со ст. 18 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ¹, согласно которой, документами территориального планирования являются: схемы территориального планирования муниципальных районов и генеральные планы. При этом в пункте 4 этой же статьи указывается, что документы территориального планирования муниципальных образований могут являться основанием для установления или изменения границ муниципальных образований в установленном порядке.

Помимо вышеназванных норм появляются и другие институты права, которые способны менять правовой режим, хотя по структуре законодательства к таким относиться не должны.

Если обратиться к ст. 39.43 п. 4 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001г. N 136-ФЗ², то будет указано, что решение об установлении публичного сервитута включает обязанность обладателя публичного сервитута привести земельный участок в состояние, пригодное для использования в соответствии с видом разрешенного использования.

Похожие положения содержатся и в ст. 39.44 п. 4 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001г. N 136-ФЗ³, согласно которой, не допускается установление публичного сервитута, если ограничения прав на землю повлекут невозможность использования или существенное затруднение в использовании земельного участка в соответствии с его РВИ в течение более чем трех месяцев.

Данные нормы меняют правовой режим, при чем на короткий срок. Если же обратиться к законодательству, то в нем подход прямопротивоположный, свидетельствующий о необходимости стабильности правового режима. Так в п. 3 ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2004г. N 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую»⁴ отмечается, что акт о переводе земель или земельных участков не может быть принят на определенный срок. Подобное положение следует из пункта 4 статьи 30 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ⁵, что правила землепользования и застройки разрабатываются для создания условий для устойчивого развития территорий муниципальных образований и обеспечения прав и законных интересов физических и юридических лиц, в том числе правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства.

При этом в статье 34 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ⁶ закреплено, что при подготовке правил землепользования и застройки зоны устанавливаются с учетом сочетания в пределах одной территориальной зоны различных видов существующего и планируемого использования земельных участков.

Таким образом, предусмотренное на время разрешенное использование, противоречит действующим правилам землепользования, так как делает невозможным использование земельного участка, для которого уже установлен определенный вид разрешенного использования.

Данный вывод подтверждается и ст. 1 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 N 136-ФЗ⁷, согласно которой правовой режим земель определяется исходя из разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства.

А также п.2 статьи 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ⁸ повторяет правило статьи 34 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ⁹, но уже применительно к градостроительному регламенту, что еще раз подчеркивает необходимость детальной подготовки и планировании при принятии и разработки градостроительных документов, кроме того снижает их юридическую силу при регулировании отношений по использованию земельных участков и градостроительной деятельности.

Еще более противоречивой выглядит положения ст. 107 п. 2 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001г. N 136-ФЗ¹⁰, в которой предписывается, что с момента установления зоны с особыми условиями использования территории возможно использование земельных участков, расположенных в границах данной зоны, в соответствии с ранее установленным РВИ земельных участков для целей, не совпадающих со строительством и реконструкцией капитальных объектов.

В ст. 37 п. 3 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ¹¹ закрепляется императивное правило, согласно которому изменение одного РВИ земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования осуществляется одновременно и вместе, вывод подтверждается и в других пунктах статьи, в частности наличием союза «и». При этом такое толкование подкрепляется принципом единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков. В связи с чем норма ст. 107 п. 2 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001г. N 136-ФЗ¹², становится неприменимой и требует исправления судебной практикой.

Если обратиться к еще одному институту градостроительного законодательства, а именно комплексному развитию территории, то про-

¹ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

² СЗ РФ, 2001, N 44, ст. 4147,

³ СЗ РФ, 2001, N 44, ст. 4147,

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

⁵ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

⁶ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

⁷ СЗ РФ, 2001, N 44, ст. 4147,

⁸ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

⁹ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

¹⁰ СЗ РФ, 2001, N 44, ст. 4147,

¹¹ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

¹² СЗ РФ, 2001, N 44, ст. 4147,

тиворечия и несоответствия выглядят еще более серьезно. Так положения ст. 64 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ¹, предписывают в качестве целей: привлечение инвестиций и осуществление этого процесса в соответствии с положениями настоящего Кодекса. Правила землепользования и застройки обеспечивают эти же цели и являются основой для реализации комплексного развития территории, так как создают условия для устойчивого развития территорий и сохранения окружающей среды и объектов культурного наследия, посредством разработки градостроительных регламентов.

Пункт 9 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ² утверждает, что градостроительный регламент – обязательный документ, предписывающий РВИ земельных участков к территориям, в границах которых предусматривается осуществление деятельности по комплексному развитию территории, то есть если РВИ не предусмотрено, то и реализация КРТ невозможна.

Однако пп. 5 п.1 ст. 67 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ³ предписывает, что решение о КРТ может содержать основные виды РВИ земельных участков, которые могут не соответствовать основным РВИ, установленным правилами землепользования и застройки. Хотя сопоставляя нормы ст. 1 и ст. 67 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ⁴, такое положение не должно реализовываться, так как правила землепользования и застройки выше по юридической силе, чем КРТ, которое реализуется на основании первого.

В ст. 37 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ⁵ отмечается, что установление основных видов РВИ земельных участков является обязательным применительно к каждой территориальной зоне, в отношении которой устанавливается градостроительный регламент. То есть получается, что решение о КРТ содержит условно разрешенные виды использования, так как они не установлены, но при этом не запрещены. При этом предоставление разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка уже предусмотрено статьей 39 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ⁶.

Важно отметить, что такое наличие противоречащих норм нарушает один из основных принципов законодательства о градостроительной деятельности, а именно единство требований к порядку осуществления взаимодействия субъектов градостроительных отношений⁷.

Такой вывод подтверждается развитием правового регулирования, которое демонстрирует противоречивые положения новых правовых институтов. Если обратиться Федеральному закону от 1 апреля 2020 N 69-ФЗ "О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации"⁸ и принятому в его развитии Распоряжение Правительства РФ от 21 сентября 2022 N 2724-р "Об утверждении перечня федеральных законов и иных нормативных правовых актов РФ, которые применяются с учетом особенностей, установленных статьей 9 Федерального закона от 01.04.2020 N 69-ФЗ "О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации"⁹, то все перечисленные в статье нормы относятся к ухудшающим условиям ведения предпринимательской и (или) иной деятельности.

На основании вышеизложенного необходимо, чтобы совершенствование положений земельного и градостроительного законодательства было непротиворечивым, а нормы, которые не согласуются с действующими предписаниями, либо подлежали корректировке в соответствии с действующими механизмами, а именно перевод категории земель и внесение изменений в правила землепользования и застройки, либо отменялись.

Список литературы:

1. Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
2. Статья 9. Общие положения о документах территориального планирования//Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 N 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
3. Ст.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>
4. Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>

References:

1. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>
2. Article 9. General provisions on territorial planning documents//Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>
3. Article 1 of the Urban Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 N 190-FZ // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>
4. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>

¹ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

² СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

³ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

⁴ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

⁵ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

⁶ СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16,

⁷ Ст.2 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004г. N 190-ФЗ// СЗ РФ, 2005, N 1 (часть 1), ст. 16

⁸ СЗ РФ, 2020, N 14 (часть I), ст. 1999.

⁹ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.09.2022

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_216

УДК 342

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ IMPROVING THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE RULE-MAKING ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES

ПЕТРОГРАДСКАЯ Альбина Александровна,кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и философии
Самарского государственного экономического университета.

ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.

E-mail: petrogradskaya@yandex.ru;

PETROGRADSKAYA Albina Alexandrovna,

candidate of law, associate Professor departments of theory of law and philosophy

Samara state University University of Economics.

141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.

E-mail: petrogradskaya@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов публичной власти. Автор отмечает, что цифровизация затронула практически все сферы жизни общества и государства, и нормотворческую деятельность в том числе. В настоящее время очевидно, что современные информационные технологии способны повысить эффективность многих сфер деятельности, а вопрос повышения качества нормотворчества в настоящее время актуален как никогда. Следовательно, целесообразно использовать все возможности цифровых технологий для совершенствования нормотворческой деятельности органов публичной власти.

Abstract. The article discusses the issues of improving the use of digital technologies in the rule-making activities of public authorities. The author notes that digitalization has affected almost all spheres of society and the state, including rule-making activities. Currently, it is obvious that modern information technologies can improve the efficiency of many areas of activity, and the issue of improving the quality of rulemaking is now more relevant than ever. Therefore, it is advisable to use all the possibilities of digital technologies to improve the rule-making activities of public authorities.

Ключевые слова: нормотворческая деятельность, цифровизация, цифровые технологии, цифровая платформа, правовая информация, машиночитаемое право, система правовой информации, качество нормотворчества, унификация, стандартизация.

Keywords: rulemaking, digitalization, digital technologies, digital platform, legal information, machine-readable law, legal information system, quality of rulemaking, unification, standardization.

Для цитирования: Петроградская А.А. Совершенствование применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов публичной власти // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 216-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_216.

For citation: Petrogradskaya A.A. Improving the use of digital technologies in the rule-making activities of public authorities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 216-218. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_216.

Статья поступила в редакцию: 23.02.2025**Дата публикации: 30.04.2025**

Проникновение цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности общества и государства – реальность XXI века, информационная революция привела к значительным переменам в мироустройстве. В настоящее время уже невозможно игнорировать тот факт, что современные информационные технологии способны значительно повысить эффективность многих процессов, направлений деятельности, нормотворческой в том числе. В этой связи цифровизация нормотворчества является закономерным процессом, так как перед законодателем стоит множество серьезных задач, требующих немедленных решений, и именно цифровые технологии помогают сделать данные решения максимально эффективными.

В юридической литературе представлено множество подходов правоведов к тому, что следует понимать под нормотворчеством. В целом можно выделить два основных: узкий и широкий. С точки зрения узкого подхода, «под нормотворческой деятельностью следует понимать деятельность компетентных органов публичной власти, граждан по разработке, принятию, изменению и отмене нормативных правовых актов» [4, с. 45]. Широкий подход к нормотворческой деятельности предполагает, что под ней понимается не только разработка, принятие, измена или отмена тех или иных нормативно-правовых актов в соответствии с потребностями общества и государства, но и подбор статистики, осуществление аналитики по действующим законодательным актам с целью определения того, насколько данные акты эффективны, и т.д.

Очевидно, что нормотворческая деятельность не статична, её процессы, процедуры постоянно трансформируются, меняются в ответ на потребности общества и государства. И цифровые технологии, безусловно, также оказывают на данную деятельность значительное влияние. В настоящее время очевидно, что социальное значение цифровых технологий в нормотворческой деятельности неуклонно растет. Это во многом обусловлено бурным развитием информационных технологий в целом, информационного общества. При этом одним из основных ресурсов в цифровую эпоху является информация. Значение информации и каналов её передачи в современном мире сложно переоценить. Когда мы отмечаем роль информации в современном мире, в рамках данной статьи мы, в первую очередь, хотим сделать акцент на правовой информации, так как она является особо ценным для субъектов общества видом информации, в связи с чем архиважны такие её свойства, как актуальность, достоверность и доступность.

Здесь важно заметить, что несмотря на то, что современные информационные технологии значительно упрощают и делают более эффективными некоторые из процедур нормотворческой деятельности, они, по сути, не меняют самого характера права как регулятора обще-

ственных отношений. В связи с этим при формировании государственной политики необходимо законодательно закрепить понятие «правовая информация». Кроме того, считаем целесообразным сформировать в РФ национальную систему правовой информации на базе единой цифровой платформы. Именно на данной платформе будет представлена вся необходимая правовая информация, максимально полная, достоверная и актуальна.

В настоящее время уже функционирует официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), где размещаются актуальные нормативно-правовые акты и иная правовая информация. Однако, как показывает анализ, на данном портале представлена далеко не вся правовая информация. Также уже давно функционируют такие источники правовой информации, как «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» и другие, однако содержащаяся в них правовая информация не является официальной.

Очевидно, что отсутствие единой платформы правовой информации в настоящее время негативно влияет на нормотворческую деятельность на всех уровнях публичной власти. Также очевидно, что единая цифровая платформа правовой информации должна быть сформирована посредством сквозных информационных технологий единой информационной инфраструктуры.

Развитие цифровых технологий, их проникновение в правовую сферу привело к появлению новых понятий, например, цифровые права, цифровая экономика, цифровизация правовых институтов. Кроме того, активное внедрение информационных технологий требует их соответствующего правового регулирования, то есть перед законодателем стоит множество задач, связанных с цифровизацией общественных отношений. К примеру, в законодательном регулировании нуждаются такие явления и понятия, как криптовалюта, цифровая личность, блокчейн и т.д. И отечественный законодатель, безусловно, откликается на такие запросы, разрабатывает для указанных и многих других явлений и процессов, связанных с цифровизацией, соответствующие нормативно-правовые акты, новые правовые институты и т.д. Однако не всегда результаты нормотворческой деятельности можно признать удачными. При этом, как показывает практика, недостаточно эффективны разрабатываемые и принимаемые законодательные акты не только в сфере цифровых технологий, но и в иных сферах жизнедеятельности общества и государства. В этой связи особо актуален в настоящее время вопрос качества нормотворчества.

В настоящее время для решения проблемы качества нормотворческой деятельности на разных уровнях предлагаются самые разные варианты. В качестве примера можно привести Концепцию развития технологий машиночитаемого права, разработанную Минэкономразвития России [2]. Среди основных целей данной Концепции следует отметить систематизацию представлений о методах и сферах перспективного развития технологий машиночитаемого права и подготовку предложений по стимулированию развития технологий машиночитаемого права. В соответствии с данной Концепцией предполагается, что в перспективе с помощью технологий искусственного интеллекта будет создано так называемое машиночитаемое право, посредством которого будут создаваться правовые нормы. Преимуществ у машиночитаемого права его авторы видят множество. Во-первых, увеличатся скорость и качество разработки нормативно-правовых актов, во-вторых, данные акты будут изложены непротиворечиво, то есть не будут противоречить иным законодательным актам, в-третьих, благодаря возможностям цифровых технологий в машиночитаемом праве на постоянной основе будет осуществляться мониторинг правоприменения, анализ судебной практики и т.д.

Следует заметить, что вопрос о возможной автоматизации ряда нормотворческих процессов в юридической литературе рассматривается давно. Так, например, Л.В. Голоскоков предлагал ввести понятие «сетевое право», в рамках которого можно будет автоматизировать такие процессы нормотворчества, как создание тех или иных элементов права, и в целом с помощью цифровых технологий можно будет создать непротиворечивое законодательство, которое будет базироваться на единых для всех отраслей права правилах, понятиях и терминах [1]. Изначально идея Л.В. Голоскова большинством правоведов отвергалась, считалась фантастической и спорной. Однако позже отношение к возможности автоматизации нормотворческой деятельности изменилось, особенно после утверждения национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3].

По нашему мнению, в будущем, возможно, машиночитаемое право станет одним из направлений развития технологий искусственного интеллекта, хотя зарубежных аналогов ему пока нет. Однако в настоящее время уровень развития цифровых технологий в РФ, да и в мире в целом, пока еще недостаточен для того, чтобы идеи авторов вышеуказанной Концепции были в полной мере воплощены в жизнь, поэтому оценивать перспективы машиночитаемого права и то, насколько оно повлияет на нормотворческую деятельность, пока преждевременно. Полагаем, в обозримом будущем после многочисленных доработок и апробаций с помощью машиночитаемого права можно будет несколько снизить роль человека в нормотворческой деятельности для того, чтобы избежать ошибок, вызванных так называемым «человеческим фактором». Однако о том, что нормотворческой деятельностью будет заниматься исключительно искусственный интеллект, говорить, очевидно, рано.

По нашему мнению, в будущем цифровые технологии позволят значительно оптимизировать, усовершенствовать нормотворческую деятельность, технологии искусственного интеллекта смогут обеспечить качество разрабатываемых и принимаемых норм права. В результате благодаря цифровизации будет решена одна из основных проблем нормотворчества – правовая неопределенность.

В настоящее же время уже целесообразно перевести в цифровой формат такие правотворческие юридические технологии и средства, как правовой мониторинг, юридическое прогнозирование, правовой эксперимент, правовое моделирование, экспертизы проектов нормативных правовых актов, общественное обсуждение, оценки регулирующего воздействия, что обеспечит переход правотворческой деятельности на новый качественный уровень.

Безусловно, процесс внедрения в нормотворческую деятельность цифровых технологий, технологий искусственного интеллекта, довольно сложен как с организационной, так и с правовой точек зрения. Однако все те положительные моменты, которые привнесут цифровые технологии в анализируемую деятельность, значительно перевешивают те сложности, которые связаны с их внедрением. Перечислим, чего

можно ждать от успешного внедрения и применения современных информационных технологий в нормотворческую деятельность:

1. Возрастет скорость принятия законов. В настоящее время инициативы законодателей анализируются в среднем 300 дней. Очевидно, что технологии искусственного интеллекта способны собирать и перерабатывать огромные массивы данных гораздо быстрее.
2. Упрощение и ускорение процедур правоприменения. В силу цифрового формата хранения данных и автоматической индексации документов еще на этапе их создания автоматизированные системы позволяют быстрее осуществлять подготовку и рассмотрение материалов дела, а как следствие – ускорят проведение судебного разбирательства [5, с. 209].

Для того, чтобы информационные технологии действительно повысили эффективность нормотворческой деятельности, необходимо проделать серьезную подготовительную работу, адаптировать нормативное пространство под возможности автоматической обработки текстов. В частности, следует:

1. Унифицировать структуру всех нормативно-правовых актов. Как известно, действующие в настоящее время законодательные акты значительно отличаются по своей структуре и оформлению. В таком виде автоматизированные системы не смогут их «прочитать» и упорядочить. Поэтому необходимо разработать стандарт для всех законодательных актов, чтобы все они формировались по определенному шаблону, то есть унифицировать форму правового документа.
2. Изменить процедуру принятия законодательных актов. Общеизвестно, что процедура разработки, рассмотрения и принятия нормативно-правовых актов довольно сложна, многоступенчата и сильно растянута во времени. Унифицировав форму документа и оптимизировав процесс его принятия, а также призвав на помощь не только должностные инструкции, но и специальный софт (в том числе и автоматически задающий нужную структуру документа), можно добиться сокращения времени принятия решений.
3. Стандартизировать правовую информацию. Проблемы стандартизации законодательного массива могут быть решены только путем комплексной работы по техническому и организационному направлениям, причем оба этих направления требуют отдельного упоминания при создании концепций оптимизации нормотворческой деятельности.

Итак, в целях совершенствования применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов публичной власти необходимо, во-первых, создать национальную систему правовой информации на базе единой цифровой платформы. Именно на данной платформе будет представлена вся необходимая правовая информация, максимально полная, достоверная и актуальная. Во-вторых, в полной мере исследовать потенциал технологий машиночитаемого права в нормотворческой деятельности, выяснить, какие из данных технологий могут быть апробированы и внедрены уже сейчас. В-третьих, адаптировать нормативное пространство под возможности автоматической обработки текстов, унифицировать структуру всех нормативно-правовых актов. В-четвертых, изменить процедуру принятия законодательных актов.

Очевидно, что для успешного применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов публичной власти необходимо усовершенствовать отечественное законодательство, регулирующее вопросы цифровизации правовой сферы, подготовить соответствующие модельные законы на федеральном уровне. В цифровую эпоху законодательство должно быть максимально гибким и оперативным, так как скорость развития информационных технологий весьма значительна. Следовательно, современный законодатель должен также быстро реагировать на стремительно изменяющиеся реалии современного общества, оперативно отзываться на его потребности. Таким образом, для успешного применения цифровых технологий в нормотворческой деятельности органов публичной власти важно решить множество технических, организационных и собственно правовых вопросов.

Список литературы:

1. Голоскоков Л. В. Теория сетевого права / Л. В. Голоскоков; под науч. ред. А. В. Малько. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. - 191 с. ISBN: 5-94201-493-0 EDN: QXDLZL
2. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402785971>.
3. Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // <https://base.garant.ru/72296050/>.
4. Полякова Т.А., Троян Н.А. Формирование научно-правовых подходов к развитию системы применения цифровых технологий в нормотворчестве // Правовая политика и правовая жизнь. - 2022. - № 1. - С. 43-58. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-1-43-58 EDN: BMKSGD
5. Солдаткина О.Л. К вопросу о правовом обеспечении использования перспективных цифровых технологий в нормотворческой деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. - 2021. - № 3. - С. 207-213. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-207-213 EDN: KTJLGY

References:

1. Goloskokov L. V. Theory of network law / L. V. Goloskokov; under the scientific editorship of A.V. Malko. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2006. - 191 p.
2. The concept of development of machine-readable law technologies (approved by Government Commission on Digital Development, the Use of Information Technologies to Improve the quality of Life and Business Conditions, Protocol No. 31 dated 09/15/2021) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402785971/>
3. Passport of the national project "National Program "Digital Economy of the Russian Federation" (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol No. 7 dated 06/04/2019) // <https://base.garant.ru/72296050/>
4. Polyakova T.A., Troyan N.A. Formation of scientific and legal approaches to the development of the system of application of digital technologies in rulemaking // Legal policy and legal life. - 2022. - No. 1. - pp. 43-58.
5. Soldatkina O.L. On the issue of legal support for the use of promising digital technologies in standard-setting activities // Legal policy and legal life. - 2021. - No. 3. - pp. 207-213.

ГЕННОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ HUMAN GENE EDITING IN THE CONTEXT OF SOMATIC RIGHTS: PUBLIC LAW ANALYSIS

ВАСИЛЕВИЧ Дмитрий Григорьевич,

кандидат юридических наук, доцент Международный университет «МИТСО», г. Минск, Республика Беларусь.

220099, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Казинца, 21.

E-mail: Dmitry8157@gmail.com;

САВЧЕНКО Марина Станиславовна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13.

E-mail: niipgergo2009@mail.ru;

МАЛИНОВСКИЙ Олег Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского процесса и международного права

юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

E-mail: niipg2010@mail.ru;

ГОНЧАРОВ Виталий Викторович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и международного права

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149.

ORCID 0000-0003-3029-4727,

E-mail: niipg2010@mail.ru;

ЧЕШИН Андрей Владимирович,

доцент кафедры экономики и управления Орского гуманитарно-технологического института (филиала)

Оренбургского государственного университета, кандидат экономических наук.

462403, Россия, Оренбургская область, г. Орск, просп. Мира, д. 15А.

ORCID 0009-0000-7572-3076,

E-mail: niipgergo2009@mail.ru;

VASILEVICH Dmitry Grigorievich,

Candidate of Law, Associate Professor MITSO International University, Minsk, Republic of Belarus.

21 Kazintsa str., Minsk, 220099, Republic of Belarus.

E-mail: Dmitry8157@gmail.com;

SAVCHENKO Marina Stanislavovna,

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law

of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "I.T. Trublin Kuban State Agrarian University".

350044, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Kalinina str., 13.

E-mail: niipgergo2009@mail.ru;

MALINOVSKY Oleg Nikolaevich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Procedure and International Law at the Faculty of Law

of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kuban State University.

149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia, Krasnodar Territory.

E-mail: niipg2010@mail.ru;

GONCHAROV Vitaly Viktorovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law

of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kuban State University».

149 Stavropol Street, Krasnodar, 350040, Russia, Krasnodar Territory.

ORCID 0000-0003-3029-4727,

E-mail: niipg2010@mail.ru;

CHESHIN Andrey Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Economics and Management

at the Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) Orenburg State University, Candidate of Economic Sciences.

462403, Russia, Orenburg region, Orsk, ave. Mira, 15A.

ORCID 0009-0000-7572-3076,

E-mail: niipgergo2009@mail.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена публично-правовому анализу института генного редактирования человека в контексте соматических прав. В работе проводится анализ места и роли соматических прав в общей системе прав и свобод человека и гражданина. Авторы исследуют место права человека на осуществление генетического редактирования своего организма в системе соматических прав человека. В работе выявлены и проанализированы современные проблемы, связанные с генным редактированием человека в контексте соматических прав, разработана и обоснована система мероприятий по разрешению вышеуказанных проблем.

Abstract. This article is devoted to the public law analysis of the institute of human gene editing in the context of somatic rights. The paper analyzes the place and role of somatic rights in the general system of human and civil rights and freedoms. The authors explore the place of the human right to carry out genetic editing of one's body in the system of somatic human rights. The paper identifies and analyzes modern problems related to human gene editing in the context of somatic rights, and develops and substantiates a system of measures to resolve the above-mentioned problems.

Ключевые слова: генное редактирование; человек; соматические права; публично-правовой анализ; Российская Федерация; репродуктивные права; свободы; ДНК; биологические организмы; геном человека.

Keywords: gene editing; human; somatic rights; public law analysis; Russian Federation; reproductive rights; freedoms; DNA; biological organisms; human genome.

Для цитирования: Василевич Д.Г., Савченко М.С., Малиновский О.Н., Гончаров В.В., Чешин А.В. Генное редактирование человека в контексте соматических прав: публично-правовой анализ // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 4. С. 219-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_219.

For citation: Vasilevich D.G., Savchenko M.S., Malinovsky O.N., Goncharov V.V., Cheshin A.V. Human gene editing in the context of somatic rights: public law analysis // *Law and state: theory and practice*. 2025. No. 4. pp. 219-222. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_219.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение

Проблематика закрепления и реализации соматических прав в Российской Федерации и за рубежом широко исследована в работах А. А. Абашидзе, [1, с. 69-82] С. М. Велиевой, [2, с. 47-51] И. В. Гороховой, [6, с. 86-90] Е. С. Зайцевой, [7, с. 164-171] В. И. Крусса, [8, с. 8-18] а также ряда иных авторов. Бурное развитие науки и технологий привело к появлению целого ряда соматических прав, связанных с генной инженерией. Данные вопросы нашли отражение в произведениях Э. Меттини, [9, с. 104-111] А. А. Пестриковой, [10, с. 159-165; 11, с. 120-124] Е. Н. Трикоз, [12, с. 67-86] а также некоторых других ученых. Однако, доля исследований, посвященных выявлению современных проблем, связанных с генным редактированием человека в контексте соматических прав, остается недостаточной, что и обусловило выбор нами темы настоящего научного исследования, целью которого выступает не только анализ вышеназванных проблем, но и разработка и обоснование системы мероприятий по их разрешению. В качестве основных научных задач исследования выступают: а) анализ роли и значения соматических прав в общей системе прав и свобод человека и гражданина; б) выявление места права человека на осуществление генетического редактирования своего организма в системе соматических прав человека; в) выявление и анализ современных проблем, связанных с генным редактированием человека в контексте соматических прав; г) разработка и обоснование системы мероприятий по разрешению вышеназванных проблем.

Методы и методология исследования. Эмпирическая основа исследования

В ходе проведенного научного исследования был использован ряд научных методов, в частности: формально-логический; сравнительно-правовой; историко-правовой; статистический; социологический; метод анализа конкретных правовых ситуаций. Эмпирическую основу исследования составили: международные правовые акты, национальные правовые акты, посвященные закреплению прав и свобод человека и гражданина (включая – соматических прав человека); материалы научной правовой доктрины прав человека и гражданина; материалы, связанные с практической деятельностью медицинских и фармацевтических компаний в области генного редактирования человека.

Основной текст

В любом современном демократическом государстве человек, его права и свободы позиционируются в качестве краеугольного камня правовой системы. В Российской Федерации человек, его права и свободы объявлены Конституцией в качестве высшей ценности, служению которой посвящена деятельность любого органа государственной власти и органа местного самоуправления. Реализация, охрана, защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность органов публичной власти в России.

Система прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации постоянно обновляется, растет и совершенствуется. Это обусловлено тем, что в стране усложняется и детализируется вся система общественных отношений (правовых, религиозных, социальных, культурных, производственных и т.п.). По мере их развития появляются все новые и новые права и свободы человека и гражданина, многие из которых носят сложный и комплексный характер.

Последние десятилетия ключевое место в системе прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и в большинстве зарубежных государств занимают соматические права человека. Данная категория прав человека зародилась относительно недавно. Они являются комплексными, сложными по своей конструкции правами. Данные права непосредственно связаны с жизнью и здоровьем человека, обеспечением его возможности и способности к воспроизводству будущих поколений.

Соматические права человека, закрепленные в законодательстве иностранных государств, можно классифицировать на ряд групп: а) права, связанные с возможностью человека распоряжаться своим телом при жизни (например, быть донором органов и (или) тканей); б) права, связанные с возможностью внесения изменений в свое тело, лишаящих возможности воспроизводства (в частности, право на трансгендерный переход, право на хирургическую контрацепцию, право на генное редактирование своего организма); в) права, связанные с распоряжением человеком своей жизнью (например, право на эвтаназию, право на суицид); г) права, связанные с распоряжением человеком своим телом после своей смерти (в частности, право на посмертную трансплантацию органов, право на кремацию и т.п.); д) права, связанные с уважительным отношением к телу человека после его смерти (например, право на захоронение в соответствии с культурными традициями покойного); е) репродуктивные права (в частности, право воспользоваться услугами суррогатной матери); ж) сексуальные права человека (например, право на проституцию).

Права, связанные с генным редактированием человеческого организма, играют в современном мире все большее значение и даже массовое применение (стоит напомнить, что большинство вакцин, разработанных в 2019-2025 годах против Covid-19, так или иначе являются биологическими средами, осуществляющими (или имеющими возможность осуществления) генетическую редакцию человеческого организма в целях генетической его мутации, когда организм не способен болеть вышеназванным инфекционным заболеванием).

Под генным редактированием в широком смысле следует понимать деятельность в области генной инженерии, посредством которой осуществляется редактирование генома человека путем включения, удаления или перемещения участков ДНК в геноме человеческого организма с использованием специфических инструментов рекомбинации ДНК.

Можно различать несколько основных направлений генного редактирования человека: а) внесение изменений в ДНК генома взрослого человеческого организма (в отдельные клетки или группы клеток организма); б) внесение изменений в ДНК человеческого эмбриона, либо поло-

вых клеток, используемых для формирования будущего человеческого эмбриона; в) использование иных биологических организмов (например, вирусов) для доставки биологических материалов в клетки человеческого организма для последующей корректировки их генома; г) использование искусственно созданных биологических сред или сред, содержащих биологические включения (например, вакцин), для доставки биологических материалов в клетки человеческого организма для последующей корректировки их генома.

Какие опасности в настоящий момент несет осуществление геномного редактирования человека?

Во-первых, не представляются ясными долгосрочные и среднесрочные направления мутации, которые являются следствием вышеназванного геномного редактирования человека. Все прогнозируемые учеными генетиками направления мутации носят вероятностный характер и только в отношении тех направлений мутации, за которые отвечают отредактированные с помощью геномной инженерии участки человеческого ДНК. Каким образом будет происходить в целом развитие как человеческого организма, подвергшегося генетической редакции, так и его потомков, не представляется очевидным. Решение указанной проблемы видится в детальной регламентации геномно-инженерной деятельности. Ее следует осуществлять только в отношении нечеловеческих организмов. Результаты данных исследований и разработок следует использовать только после проведения всего цикла испытаний в полном соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Во-вторых, как справедливо отмечает ряд исследователей, на сегодняшний день не решены основные этические противоречия в использовании геномного редактирования в биологии и медицине. [9, с. 104-111] Так, например, вызывает серьезное опасение, что процесс использования технологий геномного редактирования имеет несколько уровней доступа к данным технологиям. И общество в условиях отсутствия действенного механизма гражданского контроля за данными технологиями не имеет информации о соответствии реальных целей технологий геномного редактирования декларированным целям. Как мы отмечали в ранее проведенных исследованиях, в Российской Федерации контроль гражданского общества за данными технологиями осложнен рядом обстоятельств: слабой эффективностью субъектов общественного контроля; [4, с. 199-202] низким уровнем обратной связи субъектов общественного контроля и общества; [5, с. 76-79] отсутствием полноценного механизма (по сравнению, например, с КНР) привлечения к ответственности представителей объектов общественного контроля по результатам проведенных субъектами общественного контроля контрольных мероприятий. [3, с. 78-91] В качестве реальных целей указанных технологий могут выступать, в частности, интересы военно-промышленных корпораций (использование данных технологий в качестве технологий двойного назначения военными). В этой связи, представляется необходимым ограничить круг субъектов геномно-инженерной деятельности. С одной стороны, данная деятельность должна носить лицензируемый характер. С другой стороны, возможно ограничить круг вышеназванных субъектов государственными и муниципальными учреждениями, организациями и предприятиями (включив, как вариант, в их число акционерные общества с государственным участием).

В-третьих, в законодательстве Российской Федерации, регулирующем вопросы геномной инженерии (в частности, в федеральных законах от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области геномно-инженерной деятельности», 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»), не решены вопросы пределов геномно-инженерной деятельности, геномного редактирования организма человека, а также не закреплены запреты на осуществление геномного редактирования определенными способами, в определенных направлениях или в определенных целях. Решение данной проблемы видится в разработке долгосрочной Федеральной программы развития геномно-инженерной деятельности в Российской Федерации, разработке и принятии Этического кодекса геномно-инженерной деятельности в Российской Федерации. Кроме того, в действующее законодательство следует внести изменения и дополнения, касающиеся закрепления пределов геномно-инженерной деятельности, геномного редактирования организма человека. Необходимо определить какие направления геномной инженерии, геномного редактирования человеческого организма не являются приемлемыми. Однако, существует опасность, что иностранные государства, транснациональные корпорации осуществляют и будут осуществлять научно-практические работы в области геномной инженерии без каких-либо ограничений. Самоограничение Российской Федерации в данной сфере приведет к тому, что мы, с одной стороны, будем отставать в указанных разработках от иностранных и транснациональных организаций, а с другой стороны, утратим цельное видение перспектив и направлений научного развития в сфере геномно-инженерной деятельности в области генома человека. Это приведет к неспособности противостоять угрозам национальной безопасности в данной области (например, угрозам разработки и применения в отношении России генетического оружия).

В-четвертых, определенную опасность геномно-инженерная деятельность в Российской Федерации несет в связи с тем, что значительная часть технологий в данной сфере не является отечественной (используются наработки зарубежных компаний), либо отечественные организации участвуют в определенных этапах комплексных работ в области геномного редактирования человеческого организма. Это обстоятельство не позволяет выяснить степень соответствия указанных работ требованиям российского законодательства в области геномно-инженерной деятельности. Решение данной проблемы видится, на наш взгляд, в закреплении в федеральном бюджете Российской Федерации целевых долгосрочных расходов на финансирование мероприятий Федеральной программы развития геномно-инженерной деятельности в Российской Федерации, о которой мы упомянули ранее в данной статье. В рамках данной Федеральной программы следует предоставлять российским учреждениям, организациям и предприятиям государственное целевое беспроцентное кредитование.

В-пятых, геномное редактирование человеческого организма, по сути, означает запуск механизма ускоренной мутации человеческого генома с рисками создания нового вида живого организма, обладающего значительным генетическим отличием от человека. Это касается как человеческого организма, подвергнутого геномному редактированию, так и его потомков. При этом, не ясно, каким образом указанные генетические изменения повлияют в целом на человеческую популяцию, не выразится ли это в создании угроз ее сохранения и развития в будущем. Решение данной проблемы видится в запрете тех направлений геномного редактирования, которые создают риски для репродуктивной деятельности человеческого организма, когда характер направленных мутаций создает трудности для зачатия и вынашивания ребенка.

Заключение

В ходе проведенного научного исследования нами был сделан ряд выводов:

1. Соматические права человека занимают ключевое место в системе прав и свобод человека и гражданина, так как данные комплексные права посвящены жизни, здоровью человека, а также обеспечению его способности к воспроизводству.
2. По мере развития генетики, ее роли и места в медицине, фармации, биологии и ряде иных наук, обеспечивающих содействие развитию жизни и здоровья человека, его репродуктивных функций, растет и значение права человека на осуществление генетического редактирования своего организма в системе соматических прав человека.
3. Однако, процесс закрепления и реализации права человека на осуществление генетического редактирования своего организма связан с многочисленными проблемами, в числе которых можно выделить следующие: а) риски появления в человеческой популяции непрогнозируемых генных мутаций, которые могут привести к исчезновению человеческой цивилизации, либо появления новых видов, отличных от «Homo sapiens»; б) отсутствие в Российской Федерации полностью независимых и самостоятельных центров генной инженерии, обладающих всем циклом технологий в данной сфере; в) вероятностный характер генетических мутаций, получаемых в результате генного редактирования человеческого организма; г) отсутствие в законодательстве Российской Федерации, регулирующем вопросы генной инженерии, решения вопросов, связанных с пределами генно-инженерной деятельности, геномного редактирования организма человека, а также установлением запретов на осуществление геномного редактирования определенными способами, в определенных направлениях или в определенных целях.
4. Решение данных проблем требует разработки и внедрения системы мероприятий, важнейшими из которых являются: а) увеличение финансирования в Российской Федерации научно-практической деятельности в области генной инженерии человека (в том числе – путем предоставления организациям, учреждениям и предприятиям в указанной сфере целевых долгосрочных беспроцентных кредитов); б) принятие Федеральной программы развития генно-инженерной деятельности в Российской Федерации, а также Этического кодекса генно-инженерной деятельности в Российской Федерации; в) закрепление в действующем законодательстве пределов генно-инженерной деятельности, геномного редактирования организма человека, а также запрета тех направлений геномного редактирования, которые создают риски для репродуктивной деятельности человеческого организма, когда характер направленных мутаций создает трудности для зачатия и вынашивания ребенка; г) принятие Федеральной программы генетической безопасности человека в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69-82. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-1-69-82 EDN: KARGZB
2. Велиева С. М. К вопросу о сущности соматических прав и их месте в системе основных прав человека // Закон и право. 2024. № 8. С. 47-51. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-8-47-51 EDN: MMEJBE
3. Гончаров В. В., Петренко Е. Г., Борисова А. А., Толмачёва Л. В., Дмитриева И. А. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983 EDN: TLCPOC
4. Гончаров В. В., Грищенко О. В., Петренко Е. Г., Спектор Л. А., Чешин А. В. Экономическая эффективность мероприятий общественного контроля в Российской Федерации как основной критерий оценки результатов деятельности его субъектов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 199-202. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_199 EDN: JEYASA
5. Гончаров В. В., Максимова С. М., Петренко Е. Г., Поярков С. Ю. О проблемах и перспективах развития информационного обеспечения общественного контроля в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 76-79. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_1_76 EDN: SUGDUX
6. Горохова И. В. Соматические права человека в Российской Федерации: конституционно-правовая теория и практика // Современное право. 2022. № 10. С. 86-90. DOI: 10.25799/NI.2022.34.43.011 EDN: ARMHRU
7. Зайцева Е. С. Соматические права человека - результат расширения сферы правового регулирования? // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 2 (92). С. 164-171. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(2).164-171 EDN: VCGFTW
8. Крусс В. И. Медицинское право, конституционное правоупотребление и соматические притязания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 8-18. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-4-8-18 EDN: LMWMBK
9. Меттини Э., Вигель Н. Л. Этические аспекты генного редактирования в биологии и медицине // Социология медицины. 2024. Т. 23. № 1. С. 104-111. DOI: 10.17816/socm629156 EDN: WMMSKC
10. Пестрикова А. А. Генное редактирование человека: формирование международных принципов правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2 (111). С. 159-165. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.159-165 EDN: ZWZMWN
11. Пестрикова А. А. Снятие моратория на редактирование зародышевой линии человека: проблемы правового регулирования // Современное право. 2021. № 2. С. 120-124. DOI: 10.25799/NI.2021.89.54.018 EDN: OQIAVP
12. Трикоз Е. Н., Мустафина-Бредихина Д. М., Гуляева Е. Е. Правовое регулирование процедуры генного редактирования: опыт США и стран ЕС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 67-86. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86 EDN: KLTKSB

References:

1. Abashidze A. A., Solntsev A. M. A new generation of human rights: somatic rights // Moscow Journal of International Law. 2009. No. 1 (73). PP. 69-82. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-1-69-82 EDN: KARGZB
2. Veliyeva S. M. On the issue of the essence of somatic rights and their place in the system of fundamental human rights // Law and Law. 2024. No. 8. PP. 47-51. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-8-47-51 EDN: MMEJBE
3. Goncharov V. V., Petrenko E. G., Borisova A. A., Tolmacheva L. V., Dmitrieva I. A. The system of social trust (social rating) in China: problems and prospects of implementation in the Russian Federation // Administrative and municipal law. 2023. No. 3. Pp. 78-91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983 EDN: TLCPOC
4. Goncharov V. V., Grishchenko O. V., Petrenko E. G., Spector L. A., Cheshin A. V. Economic efficiency of public control measures in the Russian Federation as the main criterion for evaluating the results of its subjects' activities // Law and the State: theory and practice. 2023. No. 7 (223). pp. 199-202. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_199 EDN: JEYASA
5. Goncharov V. V., Maksimova S. M., Petrenko E. G., Poyarkov S. Yu. On the problems and prospects of the development of information support for public control in the Russian Federation // Law and the state: theory and practice. 2023. No. 1 (217). pp. 76-79. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_1_76 EDN: SUGDUX
6. Gorokhova I. V. Somatic human rights in the Russian Federation: constitutional and legal theory and practice // Modern law. 2022. No. 10. pp. 86-90. DOI: 10.25799/NI.2022.34.43.011 EDN: ARMHRU
7. Zaitseva E. S. Are somatic human rights the result of expanding the scope of legal regulation? // Academic Law Journal. 2023. Vol. 24. No. 2 (92). pp. 164-171. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(2).164-171 EDN: VCGFTW
8. Kruss V. I. Medical law, constitutional legal use and somatic claims // Constitutional and municipal law. 2023. No. 4. pp. 8-18. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-4-8-18 EDN: LMWMBK
9. Mettini E., Vigel N. L. Ethical aspects of gene editing in biology and medicine // Sociology of medicine. 2024. Vol. 23. No. 1. pp. 104-111. DOI: 10.17816/socm629156 EDN: WMMSKC
10. Pestrikova A. A. Human gene editing: formation of international principles of legal regulation // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. No. 2 (111). pp. 159-165. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.159-165 EDN: ZWZMWN
11. Pestrikova A. A. Lifting the moratorium on editing the human germline: problems of legal regulation // Modern law. 2021. No. 2. pp. 120-124. DOI: 10.25799/NI.2021.89.54.018 EDN: OQIAVP
12. Trikoz E. N., Mustafina-Bredikhina D. M., Gulyaeva E. E. Legal regulation of the gene editing procedure: the experience of the USA and EU countries // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2021. Vol. 25. No. 1. Pp. 67-86. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-67-86 EDN: KLTKSB

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ СОБСТВЕННОСТИ SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF PROPERTY PROTECTION

ПАУК Наталья Николаевна,

кандидат педагогических наук,
заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: tasha-bush@yandex.ru;

ЕРМОЛАЕВ Вячеслав Геннадьевич,

доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1.
E-mail: slavermol@yandex.ru;

PAUK Natalia Nikolaevna,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Deputy Head of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: tasha-bush@yandex.ru ;

ERMOLAEV Vyacheslav Gennadievich,

Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs
Bodies of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.
E-mail: slavermol@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье авторы исследуют проблемы правового регулирования административной ответственности в области охраны интеллектуальной собственности. Авторами классифицированы составы административных правонарушений, предусмотренных главой 7 КоАП РФ, рассмотрены проблемы правового регулирования наиболее распространенных из них. По результатам проведенного исследования авторами сформулирован ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства, устанавливающего административную ответственность в области охраны собственности.

Abstract: in the article, the authors explore the problems of legal regulation of administrative responsibility in the field of intellectual property protection. The authors have classified the types of administrative offenses provided for in Chapter 7 of the Administrative Code of the Russian Federation, and considered the problems of legal regulation of the most common of them. Based on the results of the study, the authors formulated a number of proposals to improve the current legislation establishing administrative responsibility in the field of property protection.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, собственность, право собственности; владение; пользование; распоряжение.

Keywords: administrative responsibility, administrative offense, property, right of ownership; possession; use; disposal.

Для цитирования: Паук Н.Н., Ермолаев В.Г. Некоторые проблемы правового регулирования административной ответственности в области охраны собственности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 223-225. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_223.

For citation: Pauk N.N., Ermolaev V.G. Some problems of legal regulation of administrative responsibility in the field of property protection // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 223-225. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_223.

Статья поступила в редакцию: 19.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Охрана собственности гарантирована Конституцией Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 8 Конституции РФ в России признаются и защищаются равным образом несколько видов форм собственности - частная, государственная, муниципальная и иные. Вопреки распространенному стереотипу, частная собственность в современном российском государстве не обладает каким-либо приоритетом: российским правом в равной степени охраняются все формы собственности. Это особенно важно в контексте охраны собственности публично-правовых образований, которая, в значительной степени, охраняется законодательством об административных правонарушениях и, прежде всего, гл. 7 КоАП РФ.

Административные правонарушения в области охраны собственности аккумулированы в гл. 7 КоАП РФ. в настоящее время Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее по тексту – КоАП РФ) располагает более, чем 50 составами административных правонарушений, которые содержатся в гл. 7, посвященной противоправным деликтам, посягающим на частную собственность и имущество.

Каждый вид правонарушения в области охраны собственности имеет свой юридический состав, элементами которых являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Набор указанных элементов присущ каждому административному правонарушению, но в каждом виде правонарушения он разный. В научной литературе встречаются различные подходы к классификации составов административных правонарушений в области охраны собственности. Проведенный анализ составов административных правонарушений гл. 7 КоАП РФ указывает на то, что отдельные виды составов противоправных деликтов в изучаемой сфере, обладают индивидуальными особенностями и чертами:

лишают владельца либо препятствуют ему на осуществление прав на владение, пользование частной собственностью (например, ст. 7.1. КоАП РФ);

уничтожают либо повреждают имущество владельца, тем самым делая невозможным дальнейшее использование такого имущества со стороны его владельца. Обстоятельства, связанные с повреждением чужого имущества также оказывают неблагоприятное влияние на качество

работы поврежденного имущества, его внешний(товарный) вид, нивелируя его оценочные характеристики, делая поврежденное имущество менее ценным. (допустимые примеры: (ст. 7.2 КоАП РФ, ст. 7.7 КоАП РФ, ст. 7.17 КоАП РФ);

непосредственно лишают владельца имеющейся собственности. В данном контексте усматривается факт незаконного завладения вещью одним субъектом, тем самым лишая возможности жертвы в дальнейшем владеть или распоряжаться имеющейся собственностью (ст. 7.19 КоАП РФ, ст. 7.27, 7.27.1 КоАП РФ);

нарушают установленный порядок владения или пользования объектами собственности (ст. 7.5, ст. 7.6 КоАП РФ).

В научной литературе можно встретить и иные классификации составов административных правонарушений в области охраны собственности. Так, А.Г. Бондарь предлагает классификацию административных правонарушений в области охраны собственности в зависимости от объекта посягательства. Согласно данной классификации, автор разделяет административные правонарушения в области охраны собственности, посягающие на: 1) имущество; 2) авторскую (интеллектуальную собственность); 3) регламенты (правила, порядок)¹.

Анализируя предложенную классификацию, отметим, что на наш взгляд, посягательства на интеллектуальную собственность ошибочно отнесены законодателем к числу правонарушений в области охраны собственности. Право интеллектуальной собственности кардинально отличается от классического права собственности на вещи (предметы материального мира), охраняется в рамках самостоятельного правового режима и представляет собой, по сути, совокупность интеллектуальных прав на произведения, изобретения, торговые марки и т.д. Согласимся авторами, по мнению которых нормы об административной ответственности за посягательства на интеллектуальную собственность, должны быть отнесены к гл. 5 КоАП РФ, родовым объектом которой выступают конституционные права².

К числу наиболее распространенных составов, отнесенных к административной юрисдикции полиции, относятся ст. 7.17 и 7.27 КоАП РФ. На данных составах остановимся подробнее.

Как отмечается в научной литературе, одним из недостатков законодательства об административной ответственности на данный момент можно отнести и проблему в правоприменении административного законодательства, а именно норм ст. 7.17 КоАП РФ, именуемой, как «Уничтожение или повреждение чужого имущества». По мнению Н.М. Давыдова³, проблема применения данной статьи заключается, прежде всего, в её квалификации при сборе первоначального материала проверки по сообщению или заявлению граждан. Порой возникают трудности в разграничении административного правонарушения от уголовного преступления. Так, административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.17 КоАП РФ подразумевает собой умышленное повреждение или уничтожение чужого имущества, не повлекшего причинения значительного ущерба, в свою очередь уголовное преступление подразумевает собой умышленное повреждение или уничтожение чужого имущества, если эти деяния повлекли за собой причинение значительного ущерба.

Для решения данного вопроса необходимо изучить примечание к ст. 158 УК РФ, а именно вторую его часть, которая гласит: «Значительный ущерб гражданину в статьях настоящей главы, за исключением ч. 5 ст. 159, определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей. Таким образом, исходя из примечания ст. 158 УК РФ, следует, что значительность причиненного ущерба необходимо определять исходя из имущественного положения лица, в отношении которого было совершено данное противоправное деяние. Казалось бы, нет ничего сложного в разграничении административного правонарушения от уголовного преступления, необходимо только установить значительность причиненного ущерба путем установления имущественного положения потерпевшего. Вместе с тем, и в этом случае уточнение имущественного положения требует времени, сбора доказательств.

При этом согласно ст. 28.5 КоАП РФ протокол об административном правонарушении должен быть составлен немедленно после выявления совершенного административного правонарушения, а в случае, когда возникает необходимость выяснить дополнительные обстоятельства, касающиеся производства по делу об административном правонарушении или есть необходимость в установлении данных о физическом лице или сведений о юридическом лице, в отношении которых производится административное производство, то протокол об административном правонарушении составляется в течение двух суток с момента выявления административного правонарушения.

Таким образом, для принятия сотрудником полиции законного и обоснованного решения законодателем установлен срок двое суток с момента выявления административного правонарушения. В указанные сроки лицу, в чьем производстве находится административный материал, необходимо произвести оценку имущества, что в большинстве случаев произвести довольно затруднительно. Нередко, чтобы установить стоимость поврежденного имущества необходимо проведение экспертизы, что требует значительных временных затрат.

В свете сказанного предлагаем включить состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 7.17 КоАП РФ в перечень составов, по которым допускается возбуждение административного расследования, внеся соответствующие изменения в ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ. Такое решение позволит без нарушения требований процессуального законодательства проводить весь комплекс необходимых процессуальных действий по установлению причиненного потерпевшему ущерба в течение 30 дней, после чего составлять протокол об административном правонарушении.

Еще один распространенный состав административного правонарушения в области охраны собственности, с которым регулярно сталкиваются сотрудники полиции, предусмотрен ст. 7.27 КоАП РФ – мелкое хищение. Как отмечают специалисты, противоречивая судебная практи-

¹ Бондарь А. Г. Классификация административных правонарушений в области охраны собственности / А. Г. Бондарь, А. М. Гутаев // Проблемы в российском законодательстве. – 2020. – № 1. – С. 241-243.

² Кулаков Н. А. Административно-правовое регулирование в сфере защиты прав патентообладателей: специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кулаков Николай Андреевич. – Хабаровск, 2013. – 202 с.

³ Давыдов Н. М. Актуальные вопросы право применения статьи 7.17 Кодекса РФ об административных правонарушениях / АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 ноября 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 175-177.

ка, а также неоднозначная позиция органов прокуратуры обусловили различные подходы территориальных органов МВД России к организации производства по делам о мелком хищении. Нередки случаи, когда на территории одного субъекта Российской Федерации суды предъявляют различные требования к материалам дел о мелком хищении. При этом если в одном суде для принятия дела к рассмотрению достаточно заявления потерпевшего (его представителя) и справки о стоимости похищенного имущества, показаний свидетелей и очевидцев либо данных с камер видеонаблюдения, то в другом дополнительно требуется заключение независимой экспертизы о стоимости похищенного, товарно-транспортные накладные, результаты инвентаризации или ревизии хозяйствующего субъекта. Совершенно очевидно, что затраты организации на предоставление указанного комплекта документов значительно превысят стоимость похищенного, в связи с чем субъекты предпринимательской деятельности не заинтересованы в проведении административного расследования и наказании виновного лица¹.

Согласимся с тем, что одной из главных проблем квалификации мелкого хищения является отсутствие в административном праве института неоконченного административного правонарушения². Учитывая, что хищение считается оконченным с момента, когда лицо получило реальную возможность распорядиться похищенным имуществом, то ситуации, когда, например, охранники или сотрудники поймали посетителя при попытке выйти из магазина с похищенным имуществом – формально хищение не окончено. И если стоимость предмета хищения менее 2500 рублей – то речь идет о квалификации по ст. 7.27 КоАП РФ. Однако, квалификация по данной статье невозможна, так как хищение не было окончено

В свете сказанного предлагаем перевести состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 7.27 КоАП РФ, в разряд формальных с точки зрения объективной стороны. Статью 7.27 КоАП РФ дополнить ч. 1.1, в диспозиции которой предусмотреть административную ответственность за действия, представляющие собой покушение на совершение мелкого хищения – то есть действия, представляющие собой все признаки объективной стороны мелкого хищения, не доведенные до конца по обстоятельствам, не зависящим от лица, такие действия совершающего. Отметим, в данном предложении нет ничего революционного – законодательство об административных правонарушениях Республики Беларусь предусматривает институт неоконченного правонарушения для всех составов правонарушений.

Итак, составы административных правонарушений в области охраны собственности характеризуются широким перечнем разноплановых непосредственных объектов. Правовая основа административных правонарушений, аккумулированных в гл. 7 КоАП РФ, представляет собой широкий перечень законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области использования природных ресурсов, государственных и муниципальных закупок, энергетики, культурного наследия и многих других.

К числу наиболее распространенных составов, отнесенных к административной юрисдикции полиции, относятся ст. 7.17 и 7.27 КоАП РФ. В целях совершенствования действующего законодательства сформулированы следующие предложения.

1. Предлагаем включить состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 7.17 КоАП РФ в перечень составов, по которым допускается возбуждение административного расследования, внеся соответствующие изменения в ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ. Такое решение позволит без нарушения требований процессуального законодательства проводить весь комплекс необходимых процессуальных действий по установлению причиненного потерпевшему ущерба в течение 30 дней, после чего составлять протокол об административном правонарушении.

2. Целесообразно перевести состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 7.27 КоАП РФ, в разряд формальных с точки зрения конструкции объективной стороны. Статью 7.27 КоАП РФ предлагается дополнить ч. 1.1, в диспозиции которой предусмотреть административную ответственность за действия, представляющие собой покушение на совершение мелкого хищения – то есть действия, включающие в себя все признаки объективной стороны мелкого хищения, не доведенные до конца по обстоятельствам, не зависящим от лица, такие действия совершающего.

Список литературы:

1. Бондарь А. Г. Классификация административных правонарушений в области охраны собственности / А. Г. Бондарь, А. М. Гутаев // Пробелы в российском законодательстве. - 2020. - № 1. - С. 241-243. EDN: JWDQPW
2. Кулаков Н.А. Административно-правовое регулирование в сфере защиты прав патентообладателей: специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс": дисс. ... на соиск. канд. юрид. наук / Кулаков Н.А. - Хабаровск, 2013. - 202 с. EDN: SUXGQL
3. Давыдов Н. М. Актуальные вопросы право применения статьи 7.17 Кодекса РФ об административных правонарушениях / АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 ноября 2021 года. - Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. - С. 175-177. EDN: MRZZEP
4. Сокол А. М. О проблемных вопросах производства по делам об административных правонарушениях о мелком хищении / А. М. Сокол // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2017. - № 4. - С. 17-22. EDN: ZVZFNF
5. Долгих И.П. Административная ответственность за мелкое хищение: проблемы правоприменения // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. -2014. - № 3. EDN: SQTPIX

References:

1. Bondar A. G. Classification of administrative offenses in the field of property protection / A. G. Bondar, A.M. Gutaev // Gaps in Russian legislation. - 2020. - No. 1. - pp. 241-243. EDN: JWDQPW
2. Kulakov N.A. Administrative and legal regulation in the field of protection of the rights of patent holders: specialty 12.00.14 "Administrative law; administrative process": diss. ... in the kitchen. Candidate of Sciences. jurid. Sciences / Kulakov N.A. - Khabarovsk, 2013. 202 p. EDN: SUXGQL
3. Davydov N. M. Actual issues of the law of application of Article 7.17 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation / ACTUAL ISSUES of JURISPRUDENCE: collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, Penza, November 05, 2021. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. pp. 175-177. EDN: MRZZEP
4. Sokol A.M. On problematic issues of proceedings in cases of administrative offenses of petty theft / A.M. Sokol // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - No. 4. - pp. 17-22. EDN: ZVZFNF
5. Dolgikh I.P. Administrative responsibility for petty theft: problems of law enforcement // New word in science and practice: hypotheses and approbation of research results. -2014. - № 3. EDN: SQTPIX

¹ Сокол А. М. О проблемных вопросах производства по делам об административных правонарушениях о мелком хищении / А. М. Сокол // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2017. – № 4. – С. 17-22.

² Долгих И.П. Административная ответственность за мелкое хищение: проблемы правоприменения // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. –2014. – № 3.

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ САМОРЕГУЛИРУЕМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ MECHANISM OF STATE CONTROL (SUPERVISION) OVER THE ACTIVITIES OF SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS

МАТВЕЕВА Анастасия Александровна,

старший преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А.
E-mail: akr90@mail.ru;

НИКИТИН Александр Викторович,

кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирского института МВД России.
664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.
E-mail: akr90@mail.ru;

MATVEEVA Anastasia Aleksandrovna,

Senior Lecturer, Department of General Theoretical and State-Legal Disciplines,
East Siberian branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
23A Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: akr90@mail.ru;

NIKITIN Aleksandr Viktorovich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
110 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russia, Irkutsk region.
E-mail: akr90@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассмотрены проблемы механизма государственного контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций (далее – СРО), суть которого заключается в том, что контроль за СРО осуществляется как со стороны самой организации, так и со стороны государственных органов, и эти процессы имеют свои особенности и требуют внимания к конкретным проблемам. Авторами предпринимаются попытки по разрешению существующих проблем, обусловленных двойственным контролем за СРО, а также вносятся предложения, в том числе, по определению уполномоченного органа для контроля за деятельностью СРО в зависимости от сферы деятельности её членов. Критерием для этого должна быть сфера деятельности, а не способ создания организации.

Abstract: the article examines the problems of the mechanism of state control (supervision) over the activities of self-regulatory organizations (hereinafter referred to as SROs), the essence of which is that control over SROs is carried out both by the organization itself and by government agencies, and these processes have their own characteristics and require attention to specific problems. The authors attempt to resolve existing problems caused by dual control over SROs, and also make proposals, including on determining the authorized body for control over the activities of SROs depending on the scope of activity of its members. The criterion for this should be the scope of activity, and not the method of creating the organization.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), саморегулируемые организации, механизм государственного контроля, реестр СРО, объекты государственного контроля.

Keywords: state control (supervision), self-regulatory organizations, state control mechanism, SRO register, objects of state control.

Для цитирования: Матвеева А.А., Никитин А.В. Механизм государственного контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 226-230. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_226.

For citation: Matveeva A.A., Nikitin A.V. Mechanism of state control (supervision) over the activities of self-regulatory organizations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 226-230. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_226.

Статья поступила в редакцию: 10.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В современном государстве контроль (надзор)¹ занимает важное место в механизме организации всех сфер его жизнедеятельности. Государственный контроль (надзор) в России – деятельность контрольных (надзорных) органов, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований. Он осуществляется посредством профилактики нарушений, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия мер по пресечению выявленных нарушений, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений.

¹ Отличие государственного контроля от государственного надзора заключается в следующих аспектах: объект контроля и надзора. Объектом контроля является более широкий круг разнообразных сфер деятельности субъектов, а объектом надзора выступают специальные правила (противопожарные, ветеринарные, санитарные); субъект, на которого распространяется контроль или надзор. Деятельность контролирующих органов направлена на организационно подчинённых, а надзорные органы выполняют свои функции в отношении третьих лиц, которые не находятся по отношению к ним в подчинении; выполняемые функции. При осуществлении контроля возможна оценка эффективности и целесообразности деяний того или иного проверяемого субъекта, а также вмешательство в его текущую деятельность. Надзор направлен на проверку относительно соблюдения требований действующего законодательства; меры воздействия. При выполнении контроля могут применять меры дисциплинарного, административного и даже уголовно-правового характера. При осуществлении надзора применяются только меры административного воздействия. Например, административный штраф, лишение специального права, приостановление работ и др. Также контроль направлен не только на выявление нарушений и недостатков, но и на выработку механизмов их предотвращения в дальнейшем.

Определение государственного контроля (надзора) введено Федеральным законом Российской Федерации от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2024) (далее – ФЗ № 248-ФЗ).

Процесс осуществления государственного контроля (надзора), его структурные элементы в совокупности являются его механизмом, который дифференцируется по территориальному признаку, федеральному, региональному или муниципальному уровню с учетом полномочий, компетенции и предмета ведения.

На федеральном уровне государственный контроль (надзор) обеспечивает соблюдение законов и норм, которые имеют общегосударственное значение. Здесь осуществляется координация всех контрольных мероприятий и взаимодействие с другими субъектами права. Федеральный контроль обладает наибольшей полномочностью и охватывает те сферы, которые выходят за рамки интересов одного региона. Это могут быть вопросы национальной безопасности, внешней политики, налогового законодательства или защиты конституционных прав.

Региональный уровень государственного контроля (надзора) делегирует часть полномочий субъектам федерации. Он направлен на учёт местных особенностей и потребностей, позволяя учитывать специфику экономико-социального развития, культурные традиции и ресурсные возможности каждого конкретного региона. В этой связи региональные органы надзора обязаны взаимодействовать как с федеральными структурами, так и с муниципальными образованиями, чтобы обеспечить эффективное исполнение региональных и местных программ и инициатив.

Муниципальный уровень контроля включает инструменты, посредством которых происходит регулирование деятельности на местах. Он является наиболее оперативным и гибким, позволяя органам местного самоуправления реагировать на нарушения или явления, требующие вмешательства, практически в реальном времени. Муниципальные органы надзора располагают меньшими правами и полномочиями по сравнению с федеральными и региональными структурами, однако их роль крайне важна для защиты интересов местных сообществ, мониторинга социальной и экономической активности, взаимодействия с населением.

Необходимо понимать, что какая-либо трансформация или модернизация механизма государственного контроля (надзора) невозможна без обозначения органами государственной власти приоритетов в соответствующей сфере. Подтверждением тому, является Концепция совершенствования контрольной (надзорной) деятельности в Российской Федерации до 2026 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 21 декабря 2023 года №3745-р (с изменениями на 17 июня 2024 года)¹, которая направлена на формирование единого подхода к дальнейшему совершенствованию контрольной деятельности в стране².

Согласно статье 16 ФЗ № 248-ФЗ к объектам государственного контроля относятся деятельность, действия (бездействие) граждан и организаций, результаты их деятельности, в том числе продукция (товары), работы и услуги, здания, помещения, сооружения и другие объекты.

Саморегулируемые организации также подлежат государственному контролю³.

По данным на 2024 год, в России 1154 саморегулируемые организации⁴.

При этом, СРО действуют в строительстве (277 СРО); в проектировании (194 СРО, объединяющие проектные предприятия и ИП); в работах по инженерным изысканиям (40 СРО); в работах по проведению энергоаудита (157 СРО). Также существуют СРО, связанные с пожарной безопасностью и энергетической сферой, объединяющие арбитражных управляющих, оценочные и аудиторские СРО и т.д.⁵

При этом, механизм государственного контроля (надзора) за деятельностью саморегулируемых организаций включает следующие элементы: во-первых, он определяет субъектов государственного контроля (надзора). К ним относятся уполномоченные федеральные органы исполнительной власти. Например: Министерство финансов Российской Федерации – в отношении СРО аудиторов⁶. Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору – в отношении СРО в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства, энергетического обследования⁷. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации – в отношении СРО ревизионных союзов сельскохозяйственных кооперативов⁸. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии – в отношении СРО оценщиков и арбитражных управляющих, СРО ка-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года» // СЗ РФ. 2024. № 1 (ч. IV). Ст.285.

² К положениям концепции относятся: создание «калькуляторов рисков» для автоматизированного расчёта категории риска. Это позволит подтвердить обоснованность проведения плановых контрольных мероприятий и обжаловать присвоенную категорию риска. Доработка системы категорирования объектов контроля. Планируется учесть индивидуальные характеристики объектов и предусмотреть возможность снижения категорий риска при соответствии критериям добросовестности. Расширение количества индикаторов риска с целью увеличения доли внеплановых контрольных мероприятий, проводимых на основании индикаторов риска. Внедрение механизма рейтингования объектов контроля. Это должно стимулировать добросовестное поведение для отдельных категорий объектов контроля. Совершенствование законодательства об административной ответственности в части контрольной деятельности.

Также в рамках концепции предлагается создать систему регулярного профессионального развития сотрудников контрольных органов.

³ СРО – это корпоративная некоммерческая организация, объединяющая субъектов предпринимательской деятельности, работающих в определённой отрасли производства товаров (работ, услуг), либо объединяющая субъектов профессиональной деятельности определённого вида на условиях членства в целях представления и защиты общих, в том числе, профессиональных, интересов, для достижения общественно полезных, а также иных, не противоречащих федеральным законам и имеющим некоммерческий характер целей. Правовое регулирование СРО осуществляется Федеральным законом от 01.12.2007 «О саморегулируемых организациях» № 315-ФЗ (с изм. от 02.07.2021 № 359-ФЗ, вступили в силу с 01.01.2022) (далее – ФЗ № 315-ФЗ).

⁴ По данным на 23 января 2025 года, в России уже действует 1357 саморегулируемых организаций // Официальный сайт саморегулируемых организаций. [Электронный ресурс]. URL: <https://sro.su/reestr> (дата обращения: 03.02.2025).

⁵ Обзор саморегулируемых организаций в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://cpopost.pf/rej/stati/obzor-samoreguliruemymkh-organizatsiy-v-rossii/> (дата обращения: 03.02.2025).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 22.11.2012 № 1202 «Об утверждении Положения о государственном надзоре за деятельностью саморегулируемых организаций» // СЗ РФ. 2012. № 48. Ст. 6709.

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 22.11.2012 № 1202 «Об утверждении Положения о государственном надзоре за деятельностью саморегулируемых организаций» // СЗ РФ. 2012. № 48. Ст. 6709.

⁸ Там же.

дастровых инженеров¹.

Во-вторых, определяет предмет проверок, которыми является соблюдение СРО требований, установленных ФЗ № 315-ФЗ. Плановая проверка деятельности СРО проводится в соответствии с планом, утвержденным органом контроля (надзора). Основаниями для внеплановой проверки могут быть, например, истечение срока исполнения выданного предписания или поступление в орган контроля (надзора) обращений и заявлений граждан, в том числе, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц.

Органы контроля (надзора) рассматривают, анализируют и оценивают сведения, содержащиеся в учредительных документах саморегулируемых организаций, стандартах и правилах, а также в документах, принимаемых органами управления².

В-третьих, в соответствии с частью 2 статьи 23 ФЗ № 315-ФЗ, орган государственного контроля (надзора) в случае выявления нарушений требований, предъявляемых к саморегулируемой организации, направляет в СРО предписание об устранении выявленных нарушений с указанием срока их устранения, который не может превышать 60 дней³, если иной срок не установлен федеральными законами, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, принимает меры по привлечению СРО (или) её должностных лиц к ответственности.

При этом, срок исполнения выданного предписания может быть однократно продлён органом государственного контроля (надзора) по мотивированному обращению СРО, представленному в указанный орган не позднее, чем за 5 рабочих дней до истечения срока исполнения выданного предписания, на срок, не превышающий срока исполнения выданного предписания.

Согласно статье 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) дело об административном правонарушении по факту несоблюдения СРО обязательных требований, регулируемых ФЗ № 315-ФЗ, а также Федеральным законом от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (посл. ред. действует с 1 января 2025 года) (далее – ФЗ № 294-ФЗ), может быть возбуждено непосредственно после проведения проверки в рамках соответствующего вида контроля. При этом, положениями статьи 19.5 КоАП установлена административная ответственность за невыполнение в установленный срок законного предписания органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор, муниципальный контроль, об устранении нарушений законодательства.

Невыполнение законного предписания об устранении нарушений законодательства, в том числе, после однократного продления срока исполнения такого предписания, в соответствии с частью 2 статьи 23 ФЗ № 315-ФЗ, является самостоятельным основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, предусмотренном положениями статьи 19.5 КоАП.

В-четвертых, государственный орган контроля (надзора) осуществляет наблюдение за соблюдением обязательных требований. Это происходит путём анализа информации, размещённой на сайте СРО, а также поступающих документов и сведений.

В-пятых, государственные органы контроля (надзора) готовят ежегодные доклады о состоянии надзора и его эффективности.

Таким образом, механизм государственного контроля включает в себя систему наблюдения и проверки фактического состояния и функционирования управляемого объекта. Это необходимо для оценки обоснованности и эффективности принятых управленческих решений, выявления отклонений от требований, устранения неблагоприятных последствий и информирования о них компетентных органов. Современный государственный контроль представляет собой сложный комплекс мер и подходов, тщательно разработанных для поддержания порядка и стабильности в различных сферах общественной жизни. Основной целью является обеспечение соблюдения законодательства, предотвращение незаконных действий и своевременное реагирование на изменения в обществе и экономике.

Процедуры контроля включают в себя мониторинг деятельности организаций и предприятий, анализ их отчетности и соблюдения нормативных актов. Регулярные проверки позволяют выявлять недостатки в функционировании системы и принимать меры по их устранению. Важной частью контроля является аудит результатов, что обеспечивает точность и актуальность данных, необходимых для принятия дальнейших управленческих решений. Государственный контроль также способствует повышению уровня общедоступной информации, предоставляя гражданам доступ к данным о деятельности государственных органов и их решениях. Это укрепляет доверие общества к государственным институтам и способствует повышению прозрачности их работы.

Отмечаем, что ФЗ №248-ФЗ говорит о саморегулируемых организациях как об объекте государственного контроля в статье 55 закона.

Согласно ей, результаты деятельности СРО с добровольным членством по осуществлению контроля за предпринимательской или профессиональной деятельностью своих членов могут быть признаны контрольными (надзорными) органами на основании соглашения о признании результатов такой деятельности. Это допускается, если предмет контроля СРО за деятельностью своих членов идентичен предмету вида контроля либо охватывает более широкий круг вопросов.

В случае заключения соглашения о признании результатов деятельности деятельности контрольного (надзорного) органа не осуществляется в отношении членов СРО, с которой было заключено соглашение. Соглашение о признании результатов деятельности может быть заключено с СРО по истечении трёх лет с даты внесения сведений о саморегулируемой организации в государственный реестр СРО. Соглашение может быть заключено исключительно с СРО, сформировавшей компенсационный фонд в целях обеспечения имущественной ответственности по обязательствам своих членов, возникшим в результате причинения вреда (ущерба) вследствие недостатков произведённых членами са-

¹ Градостроительный кодекс РФ от 29.12.2004 № 190-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1. Ст. 16.

² Надзор за деятельностью СРО. Самоконтроль членов СРО. [Электронный ресурс]. URL: <https://stroi.mos.ru/sro/o-sro/nadzor-za-deyatelnostu-sro-samokontrol-chlenov-sro> (дата обращения: 03.02.2025).

³ Такую позицию высказало Министерство экономического развития РФ в письме от 15 февраля 2023 года № ОГ-Д24-1459.

морегулируемой организации товаров (работ, услуг), в размере не менее чем 25 тысяч рублей в отношении каждого члена. Соглашение о признании результатов деятельности заключается со всеми СРО, соответствующими критериям, установленным частью 6 статьи 55 ФЗ №248-ФЗ» и обратившимися в контрольный (надзорный) орган¹. Правительство Российской Федерации в положении о виде контроля устанавливает критерии, на основании которых осуществляется признание результатов деятельности СРО, существенные условия соглашения о признании результатов деятельности, порядок заключения, регистрации и прекращения действия соглашения о признании результатов деятельности, порядок контроля за соблюдением условий соглашения о признании результатов деятельности саморегулируемой организацией.

Думается, что эффективная реализация контрольных полномочий СРО возможна только в случае четкого разделения предметов государственного контроля (надзора) и контроля со стороны саморегулируемых организаций.

Однако, несмотря на положения статьи 55 ФЗ № 248-ФЗ существуют проблемы проведения государственного контроля за деятельностью саморегулируемых организаций, которые явственно вытекают из содержания самого закона.

Самой значимой проблемой, на наш взгляд, является Отсутствие единого государственного органа для ведения госреестра СРО, что приводит к снижению качества надзора. Полномочия по контролю и регулированию деятельности СРО распределены между многочисленными федеральными исполнительными органами, что не позволяет использовать единый подход ко всем российским СРО вне зависимости от сферы их функционирования. На практике это может привести к снижению доверия к СРО как со стороны участников рынка, так и со стороны потребителей. В отсутствие четких и последовательных федеральных директив многие СРО могут начать действовать вразрез с общими интересами отрасли с целью обеспечения своих узкопрофессиональных интересов, что негативно скажется на долгосрочном развитии всего сектора.

Правительством РФ планируется, что в будущем ведение государственного реестра СРО будет осуществляться в соответствии с едиными организационными, методологическими и программно-техническими принципами, обеспечивающими совместимость и взаимодействие этого реестра с иными федеральными информационными системами и сетями.

Думается, что следующей проблемой является неэффективность контроля СРО за своими членами и низкий коэффициент применения механизмов ответственности предпринимателей или профессионалов перед потребителями. Для повышения эффективности контроля СРО за своими членами и коэффициента применения механизмов ответственности предпринимателей или профессионалов перед потребителями можно предпринять следующие шаги: внедрить автоматизацию процессов контроля. Это позволит изменить роль саморегулируемой организации от «контролёра» к «сервисному центру», который помогает своим членам, например, оценивает реализуемость проекта, содействует в подготовке исполнительной документации, обеспечивает кадрами объекты, оказывает юридическое сопровождение проекта и организует актуализацию расценок; внедрить риск-ориентированный подход. Он предполагает определение периодичности плановых и необходимости внеплановых проверок членов СРО исходя из факторов и категорий риска; Оптимизировать структуру контрольных органов. Также стоит устранить проведение излишних контрольных операций. Расширить перечень оснований для обращения к взысканию средств из компенсационных фондов или за страховой выплатой в рамках гражданско-правовой ответственности членов СРО. Предусмотреть возможность привлечения СРО к административной ответственности за совершение правонарушений в отношении своих членов.

Далее, проблемой является и финансовая непрозрачность деятельности ряда СРО. Члены таких организаций не знают, куда уходят их взносы, на основании чего осуществляется инвестиционная деятельность, несмотря на то, что в ФЗ № 315-ФЗ» есть статья 7, которая обязывает саморегулируемые организации обеспечивать информационную открытость своей деятельности и публиковать информацию об этой деятельности.

Считаем, что для решения данной проблемы можно предпринять следующие шаги: требовать от СРО полного и своевременного раскрытия информации о членах и своей деятельности, в том числе о том, куда уходят взносы и на основании чего осуществляется инвестиционная деятельность. О чем ввести в ФЗ № 248-ФЗ соответствующую статью. Рекомендовать членам СРО обращаться в общественные организации, например, Торгово-промышленную палату Российской Федерации (далее – ТПП РФ), Российский союз промышленников и предпринимателей (далее – РСПП), Ассоциацию российских банков (далее – АРБ) и другие для создания комитетов и рабочих групп по разработке защитных мер, а также для проведения пиар-акций и информирования об угрозах. Использовать авторитетные рейтинговые агентства для мониторинга прозрачности и добропорядочности СРО².

Еще одна проблема это конфликт интересов в сфере деятельности СРО, например, когда СРО начинают оказывать коммерческие услуги своим членам или когда руководители СРО возглавляют коммерческие организации своих членов. Это вызывает необходимость четко определять границы между функциями СРО и коммерческими интересами. В противном случае это может привести к снижению доверия со стороны членов и общественности, а также к потенциальным правовым рискам. Устав должен закреплять обязательства руководителей по недопущению злоупотреблений положением в интересах своих частных предприятий и предусматривать строгий механизм отчетности и контроля. В свою очередь, стандарты и правила СРО должны включать в себя положения о предотвращении конфликта интересов. Важно, чтобы эти документальные нормы были гибкими и могли корректироваться в зависимости от изменений во внешней среде и внутренней структуре саморегулирования. Важную роль играет независимость контрольных и ревизионных органов СРО, которые могут выявить и предупредить любые отклоне-

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5007.

² Рейтинг отраслевых и бизнес-объединений по их представленности в ведущих масс-медиа, работающих с деловой тематикой. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cros.ru/ru/exploration/landscape_part_detail/3490/ (дата обращения: 03.02.2025).

ния от стандартов.

Таким образом, механизм государственного контроля за деятельностью саморегулируемых организаций требует проведения системных контрольных мероприятий. Они должны обеспечивать объективный анализ деятельности структурных элементов, постоянное наблюдение за работой исполнителей, направление её, обобщение передового опыта, своевременное оказание помощи и устранение выявленных недостатков [1, с. 86].

На сегодняшний день наблюдается некая двойственность контроля за саморегулируемыми организациями, которая заключается в наличии двух видов контроля: 1) государственный контроль (надзора). Его осуществляют уполномоченные органы власти, которые проводят проверки СРО и выдают им предписания об устранении выявленных нарушений. Предметом проверки является соблюдение обязательных требований, в том числе касающихся членства в СРО, стандартов и правил профессиональной деятельности, обеспечения дополнительной имущественной ответственности, раскрытия информации. 2) Контроль самой СРО за деятельностью своих членов. Саморегулируемая организация контролирует своих членов за соблюдением требований законодательства, внутренних документов СРО и оценивает риски по заключённым контрактам. В рамках этого контроля проверяется, например, соблюдение требований законодательства о градостроительной деятельности и о техническом регулировании, а также исполнение членами СРО обязательств по договорам подряда.

Считаем необходимым для устранения проблемы двойственности контроля за СРО определить единый уполномоченный орган для контроля за деятельностью СРО в зависимости от сферы деятельности её членов. Критерием для этого должна быть сфера деятельности, а не способ создания организации.

При этом, разница между сферой деятельности и способом создания СРО в контексте определения уполномоченного органа для контроля за её деятельностью заключается в том, что критерием для этого является сфера деятельности членов СРО, а не способ её создания.

Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в определении от 20 декабря 2021 года¹, иной подход позволял бы, избирая удобный способ создания, подменять цели организации обязательного членства в СРО, что могло бы привести к сложностям с возмещением ущерба членов в судебном порядке и непониманию у заказчиков при выборе исполнителя.

Заметим, что деятельность СРО в различных отраслях регулируется специальными нормативными актами, которые определяют как права и обязанности, так и ответственность данных организаций. Например, надзор за соблюдением профессиональных стандартов и этических норм в СРО аудиторов осуществляется Министерством финансов Российской Федерации. В свою очередь, деятельность СРО оценщиков и арбитражных управляющих координируется и контролируется Росреестром. Что касается СРО, работающих в сфере инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства, инженеры и архитекторы находятся под эгидой Ростехнадзора. Эти меры контроля и надзора направлены на повышение качества и надежности выполняемых работ, соблюдение стандартов безопасности и минимизацию рисков, связанных с человеческими и материальными ресурсами. Они призваны обеспечить, чтобы все процессы, начиная от проектирования и заканчивая управлением процессами в кризисных ситуациях, выполнялись на высоком профессиональном уровне в соответствии с законом и установленными нормами.

Список литературы:

1. Боваев Э.Н. О некоторых проблемах контроля в сфере саморегулирования / Э.Н. Боваев, А.С. Зорин, Б.Г. Манджиева, Б.Н. Шепелева, А.И. Эрднеев // Аграрное и земельное право. 2020. №6 (186). С. 86-88. EDN: AVWEGF

References:

1. Bovaev E.N. On some problems of control in the sphere of self-regulation / E.N. Bovaev, A.S. Zorin, B.G. Mandzhieva, B.N. Shepeleva, A.I. Erdneev // Agrarian and land law. 2020. No. 6 (186). P. 86-88. EDN: AVWEGF

¹ Определение Верховного Суда РФ от 20 декабря 2021 года №307-ЭС18-15392(3) по делу №А56-67582/2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403190883/> (дата обращения: 03.02.2025).

СОЦИАЛИЗИРУЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ТУРИЗМА В СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ SOCIALIZING COMPONENTS OF INCLUSIVE TOURISM IN THE STRATEGY OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

МАКСИМОВА Елена Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент Высшей школы бизнеса, менеджмента и права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса».

141221, Россия, Московская обл., г.о. Пушкинский, д.пос. Черкизова, ул. Главная, д. 99.

E-mail: fex0702@mail.ru;

MAKSIMOVA Elena Valerievna,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Higher School of Business, Management and Law
Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian State University of Tourism and Service.

141221, Moscow region, Pushkinsky City District, Cherkizova village, Main Street, 99.

E-mail: fex0702@mail.ru

Краткая аннотация: Туризм, как отрасль экономики многих стран в настоящее время активно развивается и является ведущим направлением в совершенствовании социально-культурной и экономической политике. Немаловажным компонентом является одно из направлений туризма – безбарьерный туризм. В современной России динамично продолжает развиваться концепция инклюзии туризма в условиях формирования социальной и экономической политики в отношении инвалидов. Туризм обладает уникальной системой компонентов социализации, предоставляя различные возможности для адаптации и реабилитации инвалидов. Автор анализирует последние изменения, в том числе и в правовой сфере туризма, резюмирует перспективные возможности путешествий людей с ограниченными возможностями здоровья.

Abstract: Tourism, as a branch of the economy of many countries, is currently actively developing and is a leading direction in improving socio-cultural and economic policy. An important component is one of the areas of tourism - barrier-free tourism. In modern Russia, the concept of inclusion of tourism continues to develop dynamically in the context of the formation of social and economic policy in relation to the disabled. Tourism has a unique system of socialization components, providing various opportunities for adaptation and rehabilitation of disabled people. The author analyzes the latest changes, including in the legal field of tourism, summarizes the promising travel opportunities for people with disabilities.

Ключевые слова: инклюзивный туризм, инвалидность, путешествие, экскурсионные и туристские практики, безбарьерная среда, государственная социальная политика.

Keywords: inclusive tourism, disability, travel, sightseeing and tourist practices, barrier-free environment, state social policy.

Для цитирования: Максимова Е.В. Социализирующие компоненты инклюзивного туризма в стратегии устойчивого развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 231-234. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_231.

For citation: Maksimova E.V. Socializing components of inclusive tourism in the strategy of sustainable development // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 231-234. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_231.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Туризм является существенной потребностью современного человека. Не исключение этой экономической ниши – клиенты с ограниченными возможностями здоровья. На современном этапе стоит задача интеграции указанных субъектов в сферу туризма. Стратегические практики любого государства закладывают основу перспективных задач и их решений в отрасли туризма, что является инструментарием при формировании рабочего порядка в условиях частно-государственного партнерства при развитии предпринимательской инициативы в отрасли туризма.

Несмотря на природные катаклизмы, катастрофы техногенного характера, кризисы в экономике, террористические провокации, туризм на сегодняшний день продолжает активно развиваться:

- Происходят изменения форм и методов организации отдыха и путешествий.

- Создаются новые направления в туризме.

- Туристы, при расширении возможностей получают более полную информацию, активно начинают принимать участие в процессах подготовки отдыха и путешествий.

В условиях устойчивого развития в числе мировых направлений развития туризма особое место занимает концепция инклюзивного туризма. Концепция инклюзивного туризма может быть составной частью к терминам – «доступный туризм», «безбарьерный туризм», «адаптивный туризм», «паратуризм», «инвалидный туризм», а также «социальный туризм», «реабилитационный туризм» и др. [5].

Не случайно во многих странах, уделяется огромное внимание по созданию благоприятных условий в этой сфере. В данный процесс включаются многие аспекты современной жизни. В развитии инклюзивного туризма принимают участие и органы государственной власти, и предпринимательский сектор, и некоммерческие учреждения, и само общество в целом.

С позиции социализации: «туризм выступает в качестве позитивного и постоянно действующего фактора в расширении взаимопонимания и знания друг о друге, в укреплении мира и разрядке международной напряженности; с помощью туризма человек может познать неизведанное, понять и почувствовать мир во всей его полноте» [4].

Российский туристский потенциал на современной арене международного рынка туризма достаточно конкурентоспособен, поэтому важным моментом является четкое определение стратегии и механизмов, с помощью которых возможно продвижение и развитие внутреннего и въездного туризма.

Динамика потребления туристских услуг в первую очередь характеризуется материальным благополучием. В условиях глобализа-

онных изменений в мировом пространстве сокращаются расходы на дорогие поездки, это приводит к переориентации с международного туризма на внутренний. Но финансовые ограничения не сокращают российские турпотоки. Анализируя статистические данные Ассоциации туроператоров России (АТОР) внутренние туристские потоки во второй половине 2024 года в отношении к этому же периоду 2023 года выросли на 8 % (см.: https://www.vedomosti.ru/analytics/krupnyy_plan/articles/2025/01/19/1087103-vnutrennii-turpotok-v-rossii-v-2024-godu-dostig-istoricheskogo-maksimuma, дата обращения 05.03.2025).

В своих пояснениях президент Российского союза туриндустрии (РСТ) проинформировал, что наибольший рост бронирований по внутренним потокам в сравнении с 2023 годом показали такие направления как Архангельская область, Крым и Калмыкия, Москва и Московская область и др. (см.: <https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/v-rst-podveli-itogi-2024-goda-po-vnutrennemu-turizmu.html?ysclid=m6qs6bp1zc653516178>, дата обращения 05.03.2025), более подробные данные приведены в таблице 1.

Таблица 1. Рост бронирований отдыха в России

Направление	увеличение потока в 2024 г.
Крым	+ 48%
Калмыкия	+ 48%
Архангельская область	+ 34 %
Орловская область	+ 31%
Коми	+ 30 %
Мурманская область	+ 30 %
Тыва	+ 29 %
Пензенская область	+ 29 %
Московская область	+ 27 %
Мордовия	+ 27 %
Якутия	+ 25 %
Тверская область	+ 25 %
Смоленская область	+ 23 %
Оренбургская область	+ 21 %
Москва	+ 20 %
Санкт-Петербург	+ 13 %

Люди с ограниченными возможностями здоровья наравне со всеми также активно интересуются туризмом и являются прямыми потребителями туристских услуг. На современном этапе безбарьерный туризм сформировался, как ключевое звено отрасли туризма. Параметры качества и удобства для посещения туристических достопримечательностей культурного наследия, являются ключевыми факторами, определяющими удовлетворенность потребителя с особыми потребностями и его лояльности.

На этапе реализации российской государственной программы «Доступная среда» до 2025 года под нужды людей с инвалидностью предоставляются средства на адаптацию транспорта, объектов показа и гостиниц, классификацию туристических маршрутов [6]. Оборудуя специальными приспособлениями курорты и пляжи, заповедники и парки, театры и музеи, улучшается инфраструктурная составляющая, что расширяет возможности к посещению этих объектов людьми с инвалидностью. По статистике Ростуризма за 2023 доля доступной туристской среды для маломобильных лиц составила около 30%, что является значительным прогрессом по сравнению с предыдущими периодами. В приоритетной лидерской позиции в части оснащённости доступной среды считаются Москва и Санкт-Петербург.

Одно из важных правовых нововведений в 2024 году стало вступление в силу новых правил о степени сложности маршрутов (Федеральный закон от 23.03.2024 № 63-ФЗ), которые определяют виды и категории туристских траекторий, требующих сопровождения инструктором-проводником. С июля 2024 года аттестация инструкторов-проводников стала обязательной и проводится по новым правилам. Это позволит усилить контроль за безопасностью туристов, в том числе и туристов с ограниченными возможностями здоровья.

Развитие безбарьерной туристской среды способствует изменению общественного сознания в отношении людей с инвалидностью, позволяет создавать для таких людей не ограничения, а возможности использовать свои права и свободы.

В настоящее время в целях оценки возможностей приёма туристов с инвалидностью на туристических национальных маршрутах в разных регионах проводится серия экспертных туров. С декабря 2023 года АТОР активно работает над развитием в России инклюзивного туризма и планируется запустить специальный проект – Интернет-портал «Туризм неограниченных возможностей» для освещения событий и информирования путешественников с ограниченными возможностями здоровья о курортах и маршрутах инклюзивного туризма (<https://www.atorus.ru/node/57750>, дата обращения 05.03.2025).

На Всероссийской конференции по развитию доступного туризма, организованной Ростуризмом, прошедшей в Москве 4 декабря 2024 года спикерами отмечалось, что существуют проблемные вопросы в развитии инклюзивного туризма, в основном это касается инфраструктурной составляющей и законодательно-правовой сферы. Перспективной задачей стоит выстраивание и систематизация работы по созданию конкурентоспособного продукта в условиях безбарьерной туристской среды для людей с ограниченными возможностями, востребованного российскими и иностранными туристами-инвалидами (<https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/49630.html>, дата обращения 05.02.2025).

Путешествия, экскурсионные походы и другие многочисленные рекреации являются обеспечением конституционных прав всех российских граждан на проведение досуга, укрепление и восстановление здоровья, свободу передвижения, получение информации и социальную защиту.

По итогам первого Международного форума по инклюзивному туризму в ходе анализа перекрестного влияния, выявлены основные причины недостаточного активного туристского поведения инвалидов. Первостепенно связано это с недостатком информации о доступности турпродуктов для людей с ограниченными возможностями здоровья. Во-вторых – малочисленный кадровый состав специалистов туристической индустрии, готовых работать с туристами-инвалидами. В-третьих, неполное оснащение специализированным транспортом и недостаточная адаптированность мест размещения.

Следует отметить, что в рассматриваемой ситуации необходимо:

1. Вовлекать людей с инвалидностью в активные формы досуга, предоставляя различные возможности.
2. Стимулировать психолого-поведенческие особенности инвалидов к практикам использования активных форм проведения досуга.
3. Тщательно прорабатывать комплексные мероприятия по повышению уровня жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья и увеличивать внедрение программ экскурсионных путешествий.

В настоящее время инклюзивный туризм может стать реальной возможностью для людей с инвалидностью проецировать себя как полноценных участников социума. Специализированные туристические компании созданы во многих странах. Они предоставляют услуги апробированных маршрутов для «особенных» людей. В рамках внешней и внутренней политики Российского государства продолжает активно развиваться сфера туризма. Она включает в себя систему целей и задач, способов государственного регулирования и приоритетных направлений, направленных на развитие устойчивого и доступного туризма в России.

Сфера российского туризма охватывает следующие приоритетные цели:

1. Создание благоприятных условий для жизни в современном обществе.
2. Предоставление и защита прав всем гражданам на свободу передвижения, отдых, безопасность и иных прав при совершении путешествий.
3. Усовершенствование правовых основ единого туристского рынка в Российской Федерации.
4. Развитие туристской индустрии и создание рабочих мест, обеспечение потребностей граждан в путешествиях, увеличение доходов государства, расширение международных контактов.
5. Сохранение объектов и рациональное использование природного и культурного наследия.
6. Развитие концепции о России, как стране благоприятной для туризма.

Ведущее направление российской туристской политики – это внутреннего, въездного, социального туризма, в том числе и безбарьерного туризма. Она основывается на конституционных установках и законодательстве Российской Федерации, международном праве, общепризнанных принципах и обязательствах, вытекающих из международных договоров. Согласно декларации об упрощении туристских путешествий участникам туристского процесса следует рассмотреть все возможные средства для отмены или снижения барьеров юридического, финансового или технического характера, которые не являются необходимыми для обеспечения безопасности, защиты, здоровья и поддержания общественного порядка [3].

На государственном уровне ведется активная работа в целях восстановления и охраны исторического достояния России, прогнозирование финансовых потоков внутреннего и международного рынков с активным вовлечением этих потоков в отрасль туризма.

Исследуя социальную систему туризма и проблематику противоречивых условий в туристско-экскурсионном комплексе, открываются положительные возможности развития внутреннего и въездного туризма в регионах и городах с историческим наследием. В этом отношении особенно ценными являются историко-культурные территории. Развитие этих рекреаций позволит возродить и сохранять культурное наследие России.

В качестве предложений по развитию инклюзивного туризма необходимо проработать на региональном и муниципальном уровне следующие направления:

– Организация информационно-просветительской работы о мероприятиях и возможностях безбарьерного туризма о доступности общественных мест (музеи, выставки, парки и пр.).

– Содействие в развитии проведения и сопровождения культурных мероприятий с участием туристов-инвалидов: совершенствование транспортных условий, организация сопровождения специалистами, обладающими навыками работы с маломобильными людьми.

В качестве примера: чтобы заказать автобус и организовать на нем отправку детей с особыми потребностями в музей, рекреационные зоны (парк, заповедник), театр приходится затратить немало времени и усилий. Характеризуется этот факт разрывом между правоустанавливающими положениями власти и тем, что происходит в повседневной жизни на самом деле. Отчасти это касается и коррупционной составляющей, и нежеланием отдельных представителей бизнес-сектора участвовать в решении социальных вопросов, и в целом из-за отсутствия слаженной системы предоставления инвалидам качественных услуг в сфере туризма.

– Мобилизация общественного мнения в поддержку мероприятий, адресованных инвалидам.

– Усовершенствование финансовой поддержки. Например, предоставлять субсидии, займы и кредиты с низкой процентной ставкой, предоставлять налоговые льготы.

– Активное подключение разного рода социально ориентированных организаций (пенсионные фонды, некоммерческие общественные организации, социальные службы и др.).

– Взаимодействие в развитии системы образования по подготовке кадров для индустрии туризма с учетом востребованности инклюзивного туризма. Применение гармонизированного процесса реализации программы ЕС Erasmus+ и проекта EurDiQ может способствовать интернациона-

лизации образования в туризме, который позволит оценить потенциал трудовых ресурсов отрасли, обеспечит качество подготовки кадров [2].

Упрочить свои позиции доступный для всех туризм может при условии долгосрочной продуманной социальной политики на различных уровнях (региональном, федеральном, международном) при следующих условиях:

1. Целенаправленная совместная деятельность при решении социально-культурных и просветительских задач, направленных на совершенствование условий развития социума.
2. Мониторинг целевой клиенткой аудитории, при исключении дискриминации по признакам (культурным, религиозным, политическим, социальным и др.).
3. Соответствие ценовой политики финансовым возможностям потребителей услуг инклюзивного туризма.
4. Создание гармоничных условий для обеспечения интеграции безбарьерного туризма в социальную среду. Согласно Гаагской декларации по туризму «важный вклад в гармоничное развитие туризма может внести деятельность многочисленных межправительственных и неправительственных организаций» [4]. Как пример развитие социального предпринимательства в туристском секторе может способствовать продвижению инклюзивного туризма.
5. Систематическое повышение уровня квалификации кадров туристической индустрии, с учетом требований к «особенным» клиентам, обеспечение удовлетворенности работой.

В настоящее время условия постиндустриального мира формируют требования по совершенствованию и актуализации компетенций актуальных в отрасли туризма, которые имеют свои характерные особенности и в глобальном, и в национальном ракурсе [1].

Выводы:

Инклюзивный туризм для людей с инвалидностью объединяет в себе целый спектр положительных моментов в социализации, ресоциализации и самореализации «особенных» людей. К таковым можно отнести позитивное социальное воздействие на развитие личности:

- сознательная и активная направленности людей с инвалидностью на развитие способностей к самовыражению и познанию собственной личности в социальной действительности;
- установление межличностных контактов с позиции оптимального вхождения в социокультурное пространство и восстановление или воссоздание социальных и культурных связей;

Таким образом необходимо обозначить, что для людей с ограниченными возможностями здоровья туризм является эффективной составляющей в основе реабилитации и адаптации. Он позволяет улучшить психологическое состояние, так как имея возможность путешествовать, люди с инвалидностью могут выйти из повседневной среды обитания, приобщиться к культурному достоянию общества.

В перспективе инклюзивный туризм способствует устойчивому развитию российского общества и в целом мирового сообщества. Международный опыт формирования безбарьерного пространства предполагает инновационные пути развития индустрии туризма, достижения высокого уровня эффективной государственно-социальной, культурной и правовой политики. Для этого необходимо использовать опыт формирования пространства, благоприятного и открытого для людей с инвалидностью, распространяя мероприятий туристской направленности с учетом всех ограничений по состоянию здоровья во всех регионах Российской Федерации.

Список литературы:

1. Васильева Е.В., Белякова Н.Ю. Проектирование евразийского пространства туристского образования в условиях современных геополитических вызовов // Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. Т.16. №1. С. 145-156. DOI: 10.24412/1995-0411-2022-1-145-156
2. Васильева Е.В., Горбашко Е.А., Останина Е.В. Интернационализация туристского образования в России: опыт проектирования модели подготовки специалистов на основе отраслевой рамки квалификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2019, № 4 (56), с. 257-262.
3. Всемирная туристская ассамблея Генеральная Ассамблея [Электронный ресурс] : принята резолюцией A/18/20 Мадрид, июнь 2009 года / Оригинал: французский / Восемнадцатая сессия Астана (Казахстан), 5-8 октября 2009 года Пункт 20 предварительной повестки дня / Декларация по упрощению туристских путешествий / URL: https://tourism.gov.ru/data/File/news_file/Declaration1.pdf (дата обращения 06.02.2025).
4. Гаагская декларация по туризму / Электронный текст документа подготовлен АО «Кодекс» и сверен по: Информационный бюллетень МПА государств - участников СНГ N25, 2000 год / URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737419> (дата обращения 06.02.2025).
5. Пирогова О.Е., Мустафина А.В., Гамидова А.Э. Инклюзивный туризм: понятие и сущность // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 81–89.
6. Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 363 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72116666/> (дата обращения 06.02.2025).
7. Семенова Л.В., Ушанов Ю.В., Гуричук А.В., Семенов Н.М. Отраслевая рамка квалификации: вызовы и перспективы // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022. 8 (4). С. 123-136. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-4-0-10

References:

1. Vasilieva E.V., Belyakova N.Y. Designing the Eurasian tourism educational space in the face of modern geopolitical challenges Service & Tourism: Current Challenges // 2022. Т.16. №1. p. 145-156. DOI: 10.24412/1995-0411-2022-1-145-156.
2. Vasilieva E.V., Gorbashko E.A., Ostanina E.V. Internationalization of tourism education in Russia: experience in designing a model for training specialists based on the qualifications framework // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 4 (56). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2019, № 4 (56), с. 257-262.
3. World Tourism Assembly General Assembly [Electronic resource] : adopted by resolution A/18/20 Madrid, June 2009 / Original: French / Eighteenth session Astana (Kazakhstan), 5-8 October 2009 Item 20 of the provisional agenda / Declaration on the Facilitation of Tourist Travel / URL: https://tourism.gov.ru/data/File/news_file/Declaration1.pdf (Accessed 06.02.2025).
4. Hague Declaration on Tourism / Electronic text of the document prepared by Kodeks JSC and collated by: IPA CIS Member States Information Bulletin No. 25, 2000 / URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737419> (Accessed 06.02.2025).
5. Pirogova O. E., Mustafina A. V., Gamidova A. E. Inclusive Tourism: Concept and Essence // Management Consulting. 2023. № 6. P. 81–89. (Accessed 05.02.2025).
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 29.03.2019 No 363 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Accessible Environment" / URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72116666/> (Accessed 05.02.2025)
7. Semenova L.V., Ushanov Yu.V., Gurinchuk A.V., Semenov N.M. Branch Framework of Qualification: Challenges and Prospects. Business and Service Technologies. 2022. 8 (4). P. 123-136. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-4-0-10

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НАПРАВЛЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ, ВЫЗОВЫ DIGITAL TRANSFORMATION OF THE TAX AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: DIRECTIONS, PROSPECTS, CHALLENGES

МИРОШНИКОВ Евгений Васильевич,

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного права и процесса,
юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
308015, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: miroshnikov@bsu.edu.ru;

БЕЛОУСОВА Ксения Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права,
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова.
656038, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 46.

E-mail: belousova1982@rambler.ru;

MIROSHNIKOV Evgeny Vasilievich,

Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Procedure,
Law Institute, Belgorod State National Research University.
308015, Russia, Belgorod region, Belgorod, Pobedy str., 85.

E-mail: miroshnikov@bsu.edu.ru;

BELOUSOVA Kseniya Aleksandrovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law,
Altai State Technical University named after I.I. Polzunov.
656038, Russia, Altai Krai, Barnaul, Lenin Ave., 46.

E-mail: belousova1982@rambler.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу цифровой трансформации налоговых органов Российской Федерации. Основное внимание уделяется внедрению современных технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и блокчейн. Эти технологии способствуют автоматизации ключевых процессов, включая налоговый контроль, расчет налогов и взаимодействие с налогоплательщиками. Описаны ключевые направления трансформации: цифровые сервисы для граждан и бизнеса, системы автоматического анализа рисков и электронный документооборот. Рассмотрены преимущества цифровизации, такие как повышение прозрачности, снижение административных барьеров и ускорение обработки данных. Выделены текущие вызовы и проблемы, включая вопросы кибербезопасности и неравномерный уровень цифровой зрелости в регионах.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the digital transformation of the tax authorities of the Russian Federation. The main focus is on the implementation of modern technologies such as artificial intelligence, big data, and blockchain. These technologies facilitate the automation of key processes, including tax control, tax calculation, and interaction with taxpayers. The key directions of transformation are described: digital services for citizens and businesses, automated risk analysis systems, and electronic document management. The advantages of digitalization are highlighted, including increased transparency, reduced administrative barriers, and faster data processing. Current challenges and issues are also identified, such as cybersecurity concerns and the uneven level of digital maturity across regions.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, налоговая система, налоговые органы, налогообложение, Федеральная налоговая служба.

Keywords: digitalization, digital transformation, tax system, tax authorities, taxation, Federal Tax Service.

Для цитирования: Мирошников Е.В., Белоусова К.А. Цифровая трансформация налоговых органов Российской Федерации: направления, перспективы, вызовы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 235-239. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_235.

For citation: Miroshnikov E.V., Belousova K.A. Digital transformation of the tax authorities of the Russian Federation: directions, prospects, challenges // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 235-239. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_235.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Актуальность настоящего исследования обусловлена масштабными изменениями, происходящими в настоящее время в сфере государственного управления и налогового администрирования под воздействием цифровых технологий. «Неотъемлемым процессом современного информационного общества предстает цифровизация, которая на сегодняшний день пронизывает, наверное, все сферы как в масштабах жизни общества, так и государства в целом» [13, с. 39]. В условиях цифровизации налоговые органы вынуждены адаптироваться к новым вызовам, связанным с ростом объемов данных, ускорением обмена информацией и усложнением финансовых операций. В этих условиях цифровая трансформация становится необходимым инструментом повышения эффективности налогового администрирования, снижения уровня налоговых правонарушений и улучшения взаимодействия государства с налогоплательщиками. Исследование перспектив цифровой трансформации налоговых органов России позволяет определить ключевые направления дальнейшего развития налоговой системы, выявить возможные риски и предложить механизмы их минимизации. Это способствует разработке эффективной стратегии цифровизации, которая будет учитывать интересы государства, бизнеса и общества в целом.

Перспективные направления цифровой трансформации государственного управления нашли свое отражение в документах стратегического планирования. Так, Распоряжением Правительства РФ от 16 марта 2024 г. № 637-р утверждено стратегическое направление в области

цифровой трансформации государственного управления [6].

Вопросы цифровой трансформации деятельности государственных органов в целом и налоговых органов в частности в последнее время стали предметом пристального внимания юристов-теоретиков. Так, правовые аспекты цифровизации деятельности налоговых органов получили свое освещение в работах О. Ю. Бакаевой, О. И. Бахолдина [7], О. В. Пономарева, Н. Р. Мартянова, К. В. Липовской, Н. Д. Иващенко [16]. Изменения правового статуса участников налоговых правоотношений, а также отдельные аспекты деятельности налоговых органов в условиях цифровизации анализировали И. И. Огородникова [14], А. А. Печенкина [15]. Совершенствованию налогового администрирования в условиях цифровизации посвящены работы С. А. Кубатко, И. М. Вильгоненко [10], С. Г. Синельникова-Мурылева, Н. С. Милоголова, А. З. Берберова [18]. Проблемы правового статуса искусственного интеллекта, возможности его наделения правосубъектностью, перспективы использования в деятельности субъектов налогового права исследовались А. В. Поповой [17], В. А. Лаптевым [11], М. П. Казаковой [8], О. И. Лютовой [12]. Общие вопросы цифровой безопасности в современных условиях исследовала Ю. А. Комнатная [9].

Анализ научных работ и практики использования налоговыми органами цифровых технологий позволяет выделить основные направления цифровой трансформации деятельности налоговых органов в Российской Федерации:

1. Автоматизация налогового администрирования. Важнейшим направлением цифровой трансформации является автоматизация ключевых процессов, включая регистрацию налогоплательщиков, расчет и уплату налогов, а также проведение налоговых проверок. Примером является внедрение автоматизированных систем анализа рисков (АСАР), которые позволяют определять налоговые риски на основе больших данных. Также, как верно отмечают С. Г. Синельников-Мурылев, Н. С. Милоголов, А. З. Берберов «Ярким примером взаимодействия между налоговым органом и налогоплательщиком в цифровой среде является режим налогового мониторинга. Этот режим обеспечивает взаимовыгодное сотрудничество налогоплательщика и налоговых органов: в случае обеспечения полного доступа к операциям предприятия вправе устранять правовые несоответствия в удаленном режиме и запрашивать мотивированные мнения о правовых последствиях осуществления сделок, что ведет к снижению риска проверок и осуществлению налогового контроля практически в реальном времени» [18, с. 11].

2. Развитие цифровых сервисов для налогоплательщиков. Цифровизация затрагивает развитие системы электронных сервисов. На сегодняшний день функционирует несколько цифровых услуг, таких как личный кабинет налогоплательщика ФНС, возможность подачи налоговых деклараций в электронном формате, специализированные сервисы для самозанятых, чат-бот и другие. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Личный кабинет налогоплательщика создан для использования как физическими лицами, так и организациями. Этот сервис позволяет подавать налоговые декларации, осуществлять оплату налогов и пени за просрочку, а также получать уведомления о налогах, исключая необходимость посещения налоговых органов лично. По данным, представленным Михаилом Мишустинным, в 2019 году сервисом пользовались 27,7 млн граждан, 1,8 млн ИП и 818 тыс. организаций [20]. По состоянию на конец 2024 года в личном кабинете зарегистрированы более 60 млн пользователей.

Электронные налоговые декларации позволяют ускорить процесс их заполнения и отправки налогоплательщиками. Отчетность подается с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи. Некоторые налогоплательщики обязаны отправлять декларации в электронном формате. В соответствии с требованиями ст. 80 Налогового кодекса РФ, подача налоговых деклараций в обязательном порядке должна осуществляться в электронном виде, если среднегодовая численность сотрудников за предыдущий год превышает 100 человек, либо если организация была создана или реорганизована и численность сотрудников также составляет более 100 человек. Кроме того, обязанность подавать декларации в электронном формате распространяется на налоги, предусматривающие такую форму отчетности, например, налог на добавленную стоимость с 2014 года [1].

Цифровые сервисы для самозанятых помогают автоматизировать расчет налогов и сборов, значительно упрощая процесс отчетности для людей, занятых малым бизнесом. «Мой налог» – это мобильное приложение, которое позволяет физическим лицам, в том числе самозанятым гражданам, выполнять различные операции, связанные с налоговыми платежами, без необходимости посещения налоговой инспекции. Помимо данного сервиса, действует также сервис, позволяющий проверить статус налогоплательщика налога на профессиональный доход (самозанятого). Этот сервис позволяет убедиться в том, что человек действительно является самозанятым, а также предоставляет возможность проверить, действительно ли он направляет все необходимые документы в налоговые органы, чтобы исключить риск недобросовестных действий и мошенничества.

3. Внедрение аналитических технологий и больших данных. Налоговые органы России могут использовать технологии больших данных и искусственного интеллекта для прогнозирования налоговых поступлений и анализа поведения налогоплательщиков. Системы Big Data используются для анализа огромных массивов данных о налогоплательщиках, что позволяет выявлять возможные случаи уклонения от налогов. Анализ данных о транзакциях, отчетности и деятельности компаний и физических лиц позволяет налоговым органам предсказывать возможные нарушения и минимизировать человеческий фактор в проверках, позволяя сократить время на проведение проверок и снизить нагрузку на инспекторов.

4. Переход на электронный документооборот способствует снижению объемов бумажной работы и повышению скорости обмена информацией между налогоплательщиками и органами власти.

5. Использование блокчейн-технологий. Блокчейн открывает возможности для обеспечения прозрачности и неизменности налоговых данных. Он может использоваться для отслеживания цепочек поставок и контроля над уплатой налогов на всех этапах производственно-сбыто-

вого цикла. В ФНС России создана Цифровая Платформа Распределенного Реестра (ЦПРР) на базе блокчейн-технологий Waves Enterprise. Применяется для повышения прозрачности и безопасности транзакций, в первую очередь в сфере налогового администрирования. Также в 2021 году на основе ЦПРР был реализован еще один проект – единый реестр машиночитаемых доверенностей. Это позволило сократить время их анализа и обработки и позволить избежать ошибок, которые могли бы возникнуть при ручной обработке.

6. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) направлены на автоматизацию анализа налоговых деклараций. Благодаря их использованию автоматизируется анализ налоговых деклараций, исключая ошибки, которые бы могли возникнуть при ручном анализе. Достоинствами использования ИИ являются повышение качества и скорости обработки информации. Также искусственный интеллект помогает оценить кредитоспособность, риски и иные аспекты налоговых операций.

Добавим к этому, что ФНС России создала чат-бот «Таксик» на основе искусственного интеллекта. С помощью этого бота налогоплательщик может получить ответы на основные вопросы, связанные с процессом уплаты налогов и на иные запросы, связанные с налоговым администрированием [19]. Виртуальные помощники и чат-боты на базе ИИ обрабатывают запросы налогоплательщиков, что снижает нагрузку на сотрудников налоговых органов.

Отметим, что искусственный интеллект в ближайшем будущем может сыграть более значимую роль в деятельности налоговых органов. Его применение открывает перспективы для повышения эффективности налогового администрирования и снижения издержек. Системы на основе ИИ способны моделировать налоговые поступления, что позволит государственным органам обеспечить более точное налоговое и бюджетное планирование. Кроме того, системы ИИ способны предоставлять персонализированные рекомендации налогоплательщикам и помогать им своевременно исполнять налоговые обязательства. Также ИИ может выявлять схемы уклонения от уплаты налогов, анализируя данные о транзакциях и поведении налогоплательщиков.

Разумеется, ИИ в деятельности налоговых органов и налогоплательщиков может рассматриваться исключительно в качестве вспомогательного аналитического и прогностического инструмента, исключая его применение в задачах, требующих принятия управленческих решений и влекущих юридически значимые последствия.

Кроме того, в рамках ФНС функционируют государственные автоматизированные информационные системы: Федеральная информационная адресная система (ФИАС) и Автоматизированная информационная система «Налог-3» [19]. Раскроем подробнее принципы их работы.

ФИАС позволяет формировать и использовать сведения, связанные с адресами налогоплательщиков. Эти данные связаны с государственным реестром адресов. ФИАС и его работа регулируются Федеральным законом от 28.12.2013 № 443-ФЗ [3]. Оператором ФИАС выступает ФНС России [4; 5]. В представленных документах определяются полномочия органов государственной власти в отношении использования данных, содержащихся в реестре.

Система «Налог-3» – это «централизованная информационная система ФНС» [19]. Функционирование этой системы регулируется Положением о Федеральной налоговой службе, утвержденным Постановлением Правительства РФ № 506 от 30.09.2004 [4]. Система разработана для цифровизации большей части работы налоговых органов, обработки данных, проведения анализа информации и статистики, а также поддержки принятия управленческих решений.

Еще одно направление цифровизации в деятельности налоговых органов связано с внедрением систем онлайн-мониторинга и онлайн-касс. С 2017 года в России действует система онлайн-касс (ККТ), которые передают информацию о продажах напрямую налоговым органам в режиме реального времени через оператора фискальных данных, с которыми компании должны заключить договор. Это позволяет обеспечить прозрачность расчетов и, соответственно, налоговой отчетности. Использование онлайн-касс является обязательным для всех компаний и индивидуальных предпринимателей в соответствии с Федеральным законом «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» от 22.05.2003 г. № 54-ФЗ [2]. Однако ст. 2 данного закона предусматривает ряд исключений из данного правила (например, если ИП или физическое лицо применяют специальные налоговые режимы «Налог на профессиональный доход» или патентную систему налогообложения, занимаясь перечисленным в законе видом деятельности (отдельные виды торговли, ремонт мебели, оказание услуг химчистки и т. д.) и другие) [2].

Также следует отметить, что ФНС России осуществляет межведомственное взаимодействие с другими государственными структурами для обмена данными и создания общих баз данных. Федеральная налоговая служба имеет доступ к ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ЕГРЗАГС, ЕРСМСР, РДЛ. У ФНС России имеются совместные базы данных с органами МВД, Социальным фондом России, Росреестром и т.д.

Следует также добавить, что в 2021 году ФНС запустила проект «Платформа поставки данных» – это единая система взаимодействия налогоплательщиков и налоговых органов, предназначенная для объединения всех цифровых сервисов и баз данных в одном месте. Она позволяет налогоплательщикам управлять своими налоговыми обязательствами в режиме реального времени. Информация на данный сервис поступает в обезличенной форме и содержит сведения о количестве контрольно-кассовой техники, сумме по чеку чека, данные по налоговым декларациям и сведения о задолженностях.

Перечисленные меры уже повлияли на работу государственных налоговых органов. Во-первых, цифровизация позволила сократить количество сокрытий нелегальных доходов и операций. Во-вторых, автоматизировала процессы и использование онлайн-касс, что позволило увеличить налоговые поступления. В-третьих, введение электронных сервисов сократило количество визитов в налоговые инспекции и время на выполнение налоговых обязательств. И, в-четвертых, цифровизация позволила снизить издержки на администрирование. Благодаря автоматизации снижаются расходы на проверку отчетности и контроль за уплатой налогов.

Говоря о проблемах и вызовах цифровой трансформации налоговых органов, необходимо отметить, что цифровизация процессов в налоговой сфере не завершена и требует непрерывного совершенствования, в том числе в области правового регулирования. К основным проблемам и вызовам цифровой трансформации представляется возможным отнести следующие:

- 1) кибербезопасность и защита данных. В связи с ростом объема обрабатываемых данных и увеличением количества цифровых сервисов возрастает угроза кибератак и утечек данных.
- 2) неравномерный уровень цифровой зрелости. разные регионы России имеют неравный доступ к сети Интернет и цифровым технологиям, что может создавать барьеры для части налогоплательщиков. Кроме того, отдельным категориям граждан и некоторым организациям сложно адаптироваться к новым цифровым инструментам;
- 3) высокие затраты на внедрение цифровых технологий. Модернизация ИТ-инфраструктуры и разработка новых систем требуют значительных финансовых вложений;
- 4) правовые барьеры. Отдельные направления цифровой трансформации требуют постоянной актуализации нормативной базы.

Подводя итог проведенному исследованию, представляется необходимым отметить, что цифровая трансформация налоговых органов России является стратегически важным направлением для повышения эффективности налогового администрирования, улучшения качества услуг для граждан и бизнеса, а также повышения уровня прозрачности и доверия к налоговой системе. Несмотря на существующие вызовы, значительные достижения в автоматизации процессов, развитии онлайн-сервисов и применении аналитических технологий свидетельствуют о прогрессе в цифровизации налоговой сферы, что, естественно, потребует адекватного правового регулирования. В будущем развитие новых технологий и адаптация законодательства станут важными факторами дальнейшего успеха цифровой трансформации.

В перспективе реализация рассмотренных нами направлений цифровой трансформации деятельности налоговых органов может привести к снижению административных барьеров (цифровые сервисы позволяют налогоплательщикам самостоятельно выполнять налоговые обязательства без необходимости личного посещения налоговых органов); повышению прозрачности и доверия налогоплательщиков в налоговом и таможенных органах (открытость данных и использование блокчейн-технологий делают невозможным подделку отчетности и улучшают контроль за уплатой налогов); экономии ресурсов (автоматизация процессов сокращает затраты на администрирование и повышает скорость обработки данных); сокращению количества проверок (использование систем анализа рисков позволяет заранее выявлять налоговые нарушения и устранять их до проведения проверок).

Считаем, что в ближайшем будущем перспективными направлениями цифровой трансформации налоговых органов могут стать создание единой платформы данных для межведомственного взаимодействия и улучшения обмена информацией между государственными органами; углубление интеграции с международными налоговыми системами для контроля за трансграничными операциями и противодействия налоговым правонарушениям; развитие персонализированных услуг для налогоплательщиков, таких как автоматизированное составление налоговой декларации и рекомендации по налоговой оптимизации.

Список литературы:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 21.01.2025). // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.
2. О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.05.2003 г. № 54-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 21. - Ст. 1957.
3. О федеральной информационной адресной системе и о внесении изменений в Федеральный закон "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации": Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 443-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 52 (часть I). - Ст. 7008.
4. Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе: Постановление Правительства РФ от 30.09.2004 г. № 506 (ред. от 09.11.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 40. - Ст. 3961.
5. Об определении федерального органа исполнительной власти, осуществляющего нормативно-правовое регулирование в области отношений, возникающих в связи с ведением государственного адресного реестра, эксплуатацией федеральной информационной адресной системы и использованием содержащихся в государственном адресном реестре сведений об адресах, а также оператора федеральной информационной адресной системы: Постановление Правительства Российской Федерации от 29.04.2014 г. № 384 // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 19. - Ст. 2418.
6. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-ri-ot-16032024-n-637-r-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 12.02.2025).
7. Бакаева, О. Ю. Особенности цифровизации деятельности налоговых органов (правовой аспект) / О. Ю. Бакаева, О. И. Бахолдин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2023. - № 3 (152). - С. 226-232. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-3-226-232 EDN: LFIPOY
8. Казакова, М. П. Искусственный интеллект в налоговом праве: актуальная проблема 21 века / М. П. Казакова // Вопросы российской юстиции. - 2020. - №9. - С. 608-613. EDN: AWJCJA
9. Комнатная, Ю. А. Право на информацию и информационная война / Ю. А. Комнатная // Цифровое право и технологии: Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 томах. Казань, 2023. - С. С. 181-185. EDN: UUFZFR
10. Кубатко, С. А. Актуальные проблемы налогового администрирования и пути совершенствования налогового контроля на современном этапе / С. А. Кубатко, И. М. Вильгоненко // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2023. - Т. 45. - №1 (65). - С. 52-58. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-45-1-52-59 EDN: TAWGVM
11. Лаптев, В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В. А. Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2019. - № 2. - С. 79-102. DOI: 10.17323/2072-8166.2019.2.79.102 EDN: GQATHO
12. Лютова, О. И. Актуальные вопросы правового регулирования налоговых отношений в условиях применения технологии искусственного интеллекта / О. И. Лютова // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - Т. 18. - № 7 (152). - С. 62-70. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.152.7.062-070 EDN: GJCOUC
13. Мирошников, Е. В. Трансформация налоговых правоотношений в условиях цифровизации / Е. В. Мирошников, В. В. Нестеренко // Тенденции развития науки и образования. - 2023. - № 97. - Ч. 6. - С. 39-42. DOI: 10.18411/tmio-05-2023-309 EDN: HNOWXK
14. Огородникова, И. И. Цифровая трансформация налогового контроля: эволюция и тенденции / И. И. Огородникова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. - 2019. - № 46. - С. 152-162. DOI: 10.17223/19988648/46/10 EDN: BUNIHx
15. Печеникина, А. А. Особенности трансформации правосубъектности участников налоговых правоотношений в условиях цифровизации / А. А. Печеникина // Теория и практика общественного развития. - 2022. - № 8. - С. 78-81. DOI: 10.24158/tpor.2022.8.10 EDN: MVTSID
16. Пономарев, О. В. Перспективы развития цифровизации налоговой системы / О. В. Пономарев, Н. Р. Мартыанов, К. В. Липовская, Н. Д. Иващенко // Закон и право. - 2021. - № 9. - С. 66-69. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-9-66-69 EDN: PJQOTR
17. Попова, А. В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании / А. В. Попова // Журнал российского права. - 2018. - № 11. - С. 14-23. DOI: 10.12737/art_2018_11_2 EDN: YSTVQD

18. Синельников-Мурылев, С. Г. Цифровизация налогового администрирования в России: возможности и риски / С. Г. Синельников-Мурылев, Н. С. Милоголов, А. Б. Берберов // *Экономическая политика*. - 2022. - Т. 17. - № 2. - С. 8-33. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-2-8-33 EDN: DRWOGJ
19. Федеральная налоговая служба России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.nalog.gov.ru>, свободный. - (Дата обращения: 17.02.2025).
20. Федеральная налоговая служба России. Годовой отчет ФНС России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/, свободный. - (Дата обращения: 17.02.2025).

References:

1. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) dated August 5, 2000 No. 117-FL (as amended on December 28, 2024, with changes from January 21, 2025). // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – No. 31. – Art. 3824.
2. On the Use of Cash Register Equipment in Settlements in the Russian Federation: Federal Law No. 54-FL dated May 22, 2003 (as amended on December 29, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 21. – Art. 1957.
3. On the Federal Information Address System and Amendments to the Federal Law "On the General Principles of Local Self-Government Organization in the Russian Federation": Federal Law No. 443-FL dated December 28, 2013 (as amended on December 30, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 52 (Part I). – Art. 7008.
4. On the Approval of the Regulation on the Federal Tax Service: Decree of the Government of the Russian Federation No. 506 dated September 30, 2004 (as amended on November 9, 2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2004. – No. 40. – Art. 3961.
5. On Defining the Federal Executive Body Responsible for Regulatory and Legal Regulation in the Field of Relations Arising in Connection with Maintaining the State Address Register, Operating the Federal Information Address System, and Using Address Information Contained in the State Address Register, as well as the Operator of the Federal Information Address System: Decree of the Government of the Russian Federation No. 384 dated April 29, 2014 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 19. – Art. 2418.
6. On the Approval of the Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of Public Administration: Order of the Government of the Russian Federation No. 637-р dated March 16, 2024 [Electronic resource]: Access mode: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-16032024-n-637-r-ob-utverzhdenii/> (access date: on February 12, 2025).
7. Bakaeva, O. Yu. Features of Digitalization of Tax Authorities' Activities (Legal Aspect) / O. Yu. Bakaeva, O. I. Bakholdin // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. – 2023. – No. 3 (152). – Pp. 226-232.
8. Kazakova, M. P. Artificial Intelligence in Tax Law: A Relevant Problem of the 21st Century / M. P. Kazakova // *Issues of Russian Justice*. – 2020. – No. 9. – Pp. 608-613.
9. Komnatnaya, Yu. A. The Right to Information and Information Warfare / Yu. A. Komnatnaya // *Digital Law and Technologies: Collection of Scientific Papers of the II International Scientific and Practical Conference: in 6 Volumes. Kazan, 2023*. – Pp. 181-185.
10. Kubatko, S. A. Current Problems of Tax Administration and Ways to Improve Tax Control at the Present Stage / S. A. Kubatko, I. M. Vilgonenko // *Legal Bulletin of Dagestan State University*. – 2023. – Vol. 45. – No. 1 (65). – Pp. 52-58.
11. Laptev, V. A. The Concept of Artificial Intelligence and Legal Responsibility for Its Operation / V. A. Laptev // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. – 2019. – No. 2. – Pp. 79-102.
12. Lyutova, O. I. Current Issues of Legal Regulation of Tax Relations in the Context of Artificial Intelligence Technology / O. I. Lyutova // *Current Issues of Russian Law*. – 2023. – Vol. 18. – No. 7 (152). – Pp. 62-70.
13. Miroshnikov, E. V. Transformation of Tax Relations in the Context of Digitalization / E. V. Miroshnikov, V. V. Nesterenko // *Trends in the Development of Science and Education*. – 2023. – No. 97. – Part 6. – Pp. 39-42.
14. Ogorodnikova, I. I. Digital Transformation of Tax Control: Evolution and Trends / I. I. Ogorodnikova // *Bulletin of Tomsk State University. Economics*. – 2019. – No. 46. – Pp. 152-162.
15. Pechenkina, A. A. Features of the Transformation of Legal Personality of Tax Relations Participants in the Context of Digitalization / A. A. Pechenkina // *Theory and Practice of Social Development*. – 2022. – No. 8. – Pp. 78-81.
16. Ponomarev, O. V. Prospects for the Development of Tax System Digitalization / O. V. Ponomarev, N. R. Martyanov, K. V. Lipovskaya, N. D. Ivashchenko // *Law and Order*. – 2021. – No. 9. – Pp. 66-69.
17. Popova, A. V. New Subjects of the Information Society and the Knowledge Society: On the Issue of Normative Legal Regulation / A. V. Popova // *Journal of Russian Law*. – 2018. – No. 11. – Pp. 14-23.
18. Sinelnikov-Murylev, S. G. Digitalization of Tax Administration in Russia: Opportunities and Risks / S. G. Sinelnikov-Murylev, N. S. Milogolov, A. B. Berberov // *Economic Policy*. – 2022. – Vol. 17. – No. 2. – Pp. 8-33.
19. Federal Tax Service of Russia. Official Website [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.nalog.gov.ru>, free. – (access date: on February 17, 2025).
20. Federal Tax Service of Russia. Annual Report of the Federal Tax Service of Russia [Electronic resource]. – Access mode: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/, free. – (access date: February 17, 2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_240

УДК 341.3,

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
И ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹
CURRENT ISSUES OF LEGAL PROVISION OF INFORMATION SECURITY
FOR MILITARY PERSONNEL AND THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AT THE CURRENT STAGE OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT**

КОНОХОВ Максим Васильевич,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: konohov76@mail.ru;

KONOKHOV Maxim Vasilyevich,

Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher at the Institute
of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
10 Znamenka str., Moscow, 119019.
E-mail: konohov76@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы правового обеспечения информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации на современном этапе развития информационных технологий, в том числе с учетом опыта специальной военной операции на Украине. Автор отмечает, что от состояния информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации зависит достижение победы в военном конфликте и обеспечения необходимого уровня военной безопасности в мирное время. Автор делает вывод о необходимости интенсификации научных исследований в названной области общественных отношений, а также о необходимости формирования и принятия концепции информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации.

Abstract: The article discusses current issues of legal information security for military personnel and the Armed Forces of the Russian Federation at the current stage of information technology development, including taking into account the experience of the special military operation in Ukraine. The author notes that the achievement of victory in a military conflict and ensuring the necessary level of military security in peacetime depends on the state of information security of military personnel and the Armed Forces of the Russian Federation. The author concludes that it is necessary to intensify scientific research in this area of public relations, as well as the need to form and adopt a concept of information security for military personnel and the Armed Forces of the Russian Federation.

Ключевые слова: военнослужащие, Вооруженные Силы Российской Федерации, военная организация, военное право, специальная военная операция, информационная безопасность, информационные технологии, информационно-техническая безопасность, информационно-психологическая безопасность.

Keywords: military personnel, the Armed Forces of the Russian Federation, military organization, military law, special military operation, information security, information technology, information and technical security, information and psychological security.

Для цитирования: Конохов М.В. Актуальные вопросы правового обеспечения информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации на современном этапе развития информационных технологий // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 240-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_240.

For citation: Konokhov M.V. Current issues of legal provision of information security for military personnel and the armed forces of the Russian Federation at the current stage of information technology development // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 240-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_240.

Статья поступила в редакцию: 29.04.2025**Дата публикации: 30.04.2025**

В настоящее время одной из ключевых составляющих национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе развития цифровых технологий является информационная безопасность [21, с. 59; 13, с. 203; 20, с. 13].

Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 20 мая 2022 года отметил, что с начала специальной военной операции на Украине (далее-СВО) «против России развязана настоящая агрессия, война в информационном пространстве», в разы увеличилось число кибератак, которые зачастую носят комплексный характер, наносятся из разных государств, и при этом они четко скоординированы [7].

В свою очередь, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 года указано, что страны Запада понимая, что победить Россию на поле боя невозможно, ведут все более агрессивные информационные атаки [2, с. 5].

В этой связи следует отметить, что основными объектами таких атак, как правило, являются военнослужащие и Вооруженные Силы Российской Федерации. В свою очередь не вызывает сомнений вывод о том, что от состояния информационной безопасности последних напрямую зависит достижение победы в военном конфликте и обеспечение военной безопасности в мирное время, о чем, в частности, свидетельству-

¹ Исследование выполнено в рамках выполнения государственного задания ИГП РАН Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами (FMUZ-2024-0035).

ют основные стратегические документы Российской Федерации в области военной безопасности.

П. 56 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве целей обеспечения национальной безопасности определяет укрепление информационной безопасности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов [24].

П. 35 Военной доктрины Российской Федерации основными задачами развития военной организации определяет совершенствование системы информационной безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов; развитие диалога с заинтересованными государствами о национальных подходах к противодействию военным опасностям и военным угрозам, возникающим в связи с масштабным использованием информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях [3].

В Концептуальных взглядах на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве отмечено, что в современных условиях обороноспособность Российской Федерации существенно зависит от эффективности деятельности Вооруженных Сил в информационном пространстве [12].

Как справедливо отмечают А.В. Кудашкин и Н.Н. Мельник вооруженные конфликты XXI в. характеризуются высоким уровнем военных технологий, которые зависят от безопасности информационно-коммуникационной инфраструктуры [14, с. 2].

В связи с изложенным не вызывает сомнений вывод о том, что вопросы правового регулирования обеспечения информационной безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации занимают особое место в системе обеспечения военной безопасности государства.

Министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу поставил кибератаки по сопоставимости ущерба в один ряд с оружием массового поражения, признал существование такого особого вида оружия как «кибероружие» [27], а также заявил о создании в Вооруженных Силах Российской Федерации специальных подразделений, которые будут заниматься информационными операциями, управлением и защитой военных компьютерных сетей, защитой российских военных систем управления и связи от кибератак и прикрытием проходящей по ним информации [26].

По мнению А.С. Уланова вооруженное противоборство середины XXI века будет развиваться, в том числе по направлению дальнейшего развития и совершенствования технологий информационных и психологических операций, а также развития кибернетического оружия и активное противоборство в киберпространстве [25, с. 40].

В свою очередь основная напряженность вооруженного противоборства между государствами должна сместиться из воздушно-космической сферы в киберпространство. Воздействуя через киберпространство, нападающая сторона сможет достичь своих целей по парализации действий войск противника, нарушению функционирования его объектов энергетики, промышленности, транспорта, систем государственного, военного управления и связи. Это станет возможным при условии объединения систем управления критически важными объектами в единую информационную сеть и оснащения их сложным программным обеспечением, оперативный контроль функционирования которого со стороны обслуживающего и эксплуатирующего персонала невозможен [25, с. 40].

В этой связи следует отметить, что одной из основных угроз международной информационной безопасности является перенос военных действий в цифровое пространство, наметилась явная милитаризация глобального информационного пространства. Большинство современных государств проводят масштабные работы по созданию как оборонительного, так и наступательного информационного потенциала. По оценке Министерства обороны Российской Федерации в настоящее время и в обозримом будущем достижение конечных целей войн и вооруженных конфликтов будет осуществляться не столько уничтожением группировок войск и сил противника, сколько подавлением его систем государственного и военного управления, навигации и связи [18].

Сказанное свидетельствует о достаточно высокой степени актуальности вопросов информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации как одной из основных составляющих национальной безопасности государства.

Видится, что высокая значимость вопросов правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации довольно аргументировано подтвердилась в период СВО. В этой связи Д.В. Ирошников отмечает, что в ходе проведения специальной военной операции, помимо военного аспекта, достаточно большое внимание уделяется обеспечению информационной безопасности (в условиях гибридной войны и соответствующих угроз государственному суверенитету в информационной сфере) [10, с. 24].

Следует отметить, что важной составляющей информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации является информационно-психологическая безопасность. Так И. Турчин и И. Хохлов отмечают, что составной частью сил специальных операций Вооруженных Сил Украины являются силы и средства информационно-психологических операций (далее-ИПСО), представленные четырьмя центрами ИПСО. Они предназначены для мониторинга общественной и политической ситуации на Украине и в соседних странах, подготовки и проведения информационных специальных акций (операций). Основным пространством центров ИПСО остается Интернет, а целевыми группами воздействия – представители высшего среднего и младшего управленческого звена, военнослужащие и сотрудники силовых структур, дети и подростки Российской Федерации [23, с. 24].

С. Заповев отмечает, что с началом СВО значительно возросло количество и массовое распространение в официальных сетях, мессенджерах, печатных Интернет-ресурсах, радио и телевидении заведомо недостоверной информации о событиях на Украине и вокруг нее. Помимо дискредитации Вооруженных Сил и военно-политического руководства Российской Федерации целью распространения такой информации является формирование антироссийских настроений в мире [6, с. 3].

Опыт СВО также подтверждает особую значимость вопросов правового обеспечения информационно-технической безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации. Так 1 января 2023 г. в Макеевке произошла трагедия, в результате которой погибли 89 российских военнослужащих. По заявлению Министерства обороны Российской Федерации главной причиной трагедии стало включение и массо-

вое использование военнослужащими, вопреки запрету, мобильных телефонов в зоне досягаемости средств поражения врага. Данный фактор позволил противнику заперенговать и определить координаты расположения военнослужащих для нанесения ракетного удара [19].

Говоря о значимости информационно-технических аспектов правового обеспечения информационной безопасности военной организации государства следует отметить, что уровень развития современных информационных технологий, используемых в военных целях, позволяет совершать при помощи последних немыслимые ранее по масштабу и изощренности террористические атаки. Так 17 и 18 сентября 2024 г. в разных районах Ливана синхронно взорвались средства связи: сначала пейджеры, а на следующий день - рации. По мнению некоторых экспертов в пейджерах была взрывчатка, которая детонировала после кодового сигнала [22]. Видится, что такое изощренное использование информационных технологий приводит к выводу о необходимости особого подхода к обеспечению информационной безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации, в том числе и использованием правовых средств.

Эксперт в области международной информационной безопасности Е. Зиновьева, комментируя террористическую атаку по взрыву пейджеров в Ливане 17 сентября 2024 г. [1], отметила, что «Кибератака Израиля против Ливана открывает новую главу в истории кибервойн. Это «беспрецедентная по масштабам и характеру воздействия кибероперация, распространение страха и паники в рядах «Хезболлах», а со стороны израильских спецслужб - это "кибертерроризм в действии"» [28].

По утверждению последней, «кибератака на пейджеры в Ливане "открывает ящик Пандоры" для злонамеренного воздействия на критическую информационную инфраструктуру государств и дополнительно актуализирует принятие на уровне ООН правил ответственного поведения государств в среде информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), в том числе запрет на использование скрытых уязвимостей (закладок) и недопустимость использования ИКТ в целях, противоречащих международному миру и стабильности» [28].

Помощник Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Д. Грибков, отмечает, что с начала СВО число компьютерных атак на российские информационные ресурсы существенно увеличилось. Только за 2023 год совершено порядка 200 тысяч наиболее опасных компьютерных атак. Уровень организации таких атак говорит о том, что к их проведению причастны зарубежные спецслужбы [9, с. 9].

На Украине, а также на территории балтийских стран проводится обучение специалистов-хакеров для осуществления компьютерных атак в отношении информационной инфраструктуры Российской Федерации [9, с. 9].

С.В. Лазарев, В.В. Румянцев и А.С. Богданов отмечают, что в настоящее время Западом развернута гибридная война против России, которая затрагивает практически все сферы, включая информационное пространство [15, с. 7].

Как отмечает А.А. Максуров, институт отношений в сфере кибербезопасности, достаточно комплексный, он находится как бы на стыке информационного, гражданского и административного права [17, с. 35].

По мнению последнего, в настоящее время в Российской Федерации уже можно обособить отдельную группу норм права, регулирующих вопросы обеспечения информационной безопасности, которая тем не менее пока еще не оформлена в особую законодательную систему [17, с. 217]. Несомненно, что институт обеспечения информационной безопасности включает в себя также нормы военного права.

В этой связи представляется целесообразным дополнение предмета военного права группой отношений, связанных с обеспечением информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации. Обособление в предмете военного права названной группы общественных отношений, связано с особенностями информационного пространства, в частности с отсутствием границ в последнем, а также с высокой значимостью названных отношений для укрепления обороноспособности и военной безопасности государства.

На современном этапе развития науки военного права сформулировано определение военно-информационной безопасности, под которой понимается состояние защищенности информации, информационных ресурсов и информационной инфраструктуры, обеспечивающей жизненно важные интересы личности, общества и государства в сфере обороны, и способность государства обеспечивать информацией, необходимой для противодействия планам и намерениям иностранных государств, организаций и лиц причинить вред интересам военной безопасности государства [4, с. 172]. Отсюда следует необходимость особого подхода законодателя к правовому регулированию обеспечения информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации.

26 марта 2021 г. на заседании Совета Безопасности Президент Российской Федерации В.В. Путин указал на важность разработки и согласования универсальных и справедливых для всех правил ответственного поведения государств в информационном пространстве с четкими и внятыми критериями допустимых и недопустимых действий и придания им юридически обязательного характера [8].

В этих целях Российской Федерацией для обсуждения на международном уровне предложена обновленная Концепция Конвенции организации объединенных наций об обеспечении международной информационной безопасности (далее-Концепция), одобренная рядом других государств, в которую включены в том числе и вопросы правового регулирования проведения информационных операций [11]. Следует отметить, что названный документ выстроен на основе принципов суверенного равенства государств и невмешательства в их внутренние дела.

Многие военные зарубежные эксперты отмечают, что одним из наиболее важных проблемными вопросами при применении информационных технологий в военных конфликтах на сегодняшний день является отсутствие единой нормативной правовой базы в области регулирования применения информационных технологий в военных целях [16, с. 133].

По мнению И.Н. Дылевского, С.А. Комова, С.Н. Родионова, Т.А. Поляковой, А.В. Федорова «необходимо, в первую очередь, активизировать работу по реагированию на уже имеющиеся факты нарушений общепризнанных принципов международного права, а затем выстроить надежный международно-правовой заслон надвигающейся угрозе бесконтрольного развязывания информационной агрессии с непредсказуемыми последствиями глобального масштаба» [5, с. 10].

В тоже время А.В. Кудашкин и В.В. Мельник справедливо отмечают, что в настоящее время международных договоров, заключаемых в развитие безопасности в киберпространстве, нет и в ближайшее время не предвидится из-за не разрешаемых проблем в области безопасного использования информационно-коммуникационных технологий в процессе международного сотрудничества [14, с. 10].

Видится, что именно указанные обстоятельства являются причиной отсутствия в настоящее время глобального международного договора в области обеспечения международной информационной безопасности, включающего в том числе военные аспекты информационной безопасности.

Тем не менее думается, что необходимы дальнейшие усилия всего мирового сообщества по принятию Концепции в целях обеспечения необходимого уровня международной безопасности.

В заключении следует отметить, что отношения по обеспечению информационной безопасности военнослужащих, как представляется, носят комплексный характер, являются предметом регулирования отраслей военного, уголовного, административного и информационного права, что также свидетельствует об особой значимости вопросов правового обеспечения информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации.

Думается, что ввиду стремительного развития информационных технологий, применяемых в вооруженной борьбе, становятся достаточно актуальными вопросы дальнейшего научного осмысления правового обеспечения информационной безопасности Вооруженных Сил Российской Федерации как комплексного института военного и информационного права.

В этой связи в целях обеспечения должного уровня военной безопасности государства представляется целесообразным принятие Стратегии обеспечения информационной безопасности военнослужащих и Вооруженных Сил Российской Федерации в форме документа стратегического планирования, утверждаемого Указом Президента Российской Федерации.

Список литературы:

1. Siladitya R. What We Know About The Exploding Hezbollah Paggers-Including Who Manufactured The Devices. URL: <https://www.forbes.com/sites/siladityaray/2024/09/18/what-we-know-about-the-exploding-hezbollah-paggers-including-who-manufactured-the-devices/> (дата обращения 25.04.2025).
2. В.В. Путин - Послание Президента России Федеральному собранию от 21 февраля 2023 года // Военная мысль 2023, № 3. С. 5-27. EDN: YRIBYP
3. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 года № 2976) // URL: <https://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossijskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf/> (дата обращения 28.04.2025).
4. Военное право: учебник / Институт государства и права Российской академии наук; под ред. А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. 968 с.
5. Дылевский И.Н., Комов С.А., Родионов С.Н., Полякова Т.А., Федоров А.В. К вопросу о международно-правовой квалификации информационных операций // Военная мысль. 2008, № 2. С. 2-10. EDN: ISEUTZ
6. Заповев С. Фейк как один из современных инструментов информационных операций, проводимых Украиной и поддерживающими ее странами // Зарубежное военное обозрение. 2022, № 7. С. 3-14.
7. Заседание Совета Безопасности 20 мая 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68451> (дата обращения 29.04.2025).
8. Заседание Совета Безопасности 21 марта 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (дата обращения 15.01.2025).
9. Защита от компьютерных атак является одной из основных задач: интервью помощника Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Дмитрия Грибкова журналу "Национальная оборона" // Национальная оборона. 2024, № 2. С. 8-12.
10. Ирошников Д.В. Понятие и правовая природа специальной военной операции как средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2025 № 1. С. 21-26. EDN: AUZWTF
11. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // URL: <http://polit-discourse.ru/articles/295> (дата обращения 25.01.2025).
12. Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве. URL: <https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074%40cmsArticle> (дата обращения 27.04.2025).
13. Костенко Н.И. // Теоретические проблемы формирования права международной информационной безопасности. М., 2019. 162 с. ISBN: 978-5-4396-1906-1 EDN: KCOWFK
14. Кудашкин А.В., Мельник В.В. Кибербезопасность как элемент национальной безопасности Российской Федерации в вопросах права вооруженных конфликтов (продолжение) // Право в Вооруженных Силах - военно-правовое обозрение. 2024, № 3. С. 2-12. EDN: FNHXXRP
15. Лазарев С.В., Румянцев В.В., Богданов А.С. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации в современных условиях: Актуальные проблемы и пути их решения // Вестник Академии военных наук. 2024, № 1 (86). С. 6-10. EDN: GRQJYG
16. Литвинов Е.В. Опыт применения информационных технологий ВС стран НАТО в военных конфликтах // Военная мысль. 2024, № 1. С. 131-140. EDN: FEIDOL
17. Максуров А.А. Обеспечение информационной безопасности в сети Интернет : монография / А.А. Максуров. М., Инфрма-М., 2023. 226 с. DOI: 10.12737/1942595 ISBN: 978-5-16-018251-3 EDN: UQUYEJ
18. Международная информационная безопасность: подходы России. М., 2021. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0470/01figuroj7ka0tw75bw19li4bmurfse/Доклад%20русский.pdf> (дата обращения 27.04.2025).
19. Названа причина трагедии в Макеевке, где погибли 89 российских военных. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1062700-nazvana-prichina-tragedii-v-makeevke-gde-pogibli-89-rossiiskikh-voennyykh?ysclid=llab04i74601477963> (дата обращения 27.04.2025).
20. Новиков В.К. Информационное оружие-оружие современных и будущих войн. 3-е изд., испр. и доп. М., 2020. 288 с.
21. Полякова Т.А., Шмаков М.А. Развитие конституционных основ обеспечения информационной безопасности: векторы научных исследований в области информационного права. // Военное право и современные информационные технологии в сфере национальной безопасности и военно-технического сотрудничества: Сборник докладов международной научно-практической конференции (Москва, 24-25 августа 2020 г.). М., 2021. 196 с. С. 55-65.
22. Почему взорвались пейджеры и рации: Раскрыта схема подрыва аккумуляторов в Ливане. URL: <https://www.kp.ru/daily/27636/4986745/?ysclid=mt1m92jetr293304455> (дата обращения 25.04.2025).
23. Турчин И., Хохлов И. Силы и средства информационно-психологических операций Украины // Зарубежное военное обозрение. 2023, № 4. С. 20-24.
24. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5> (дата обращения: 29.04.2025).
25. Уланов А.С. Прогностическая оценка тенденций развития средств вооруженной борьбы и способов их применения в войнах будущего // Военная мысль, 2022, № 8. С. 37-50. EDN: PVWEKU
26. Шойгу объявил о создании войск информационных операций. URL: <https://rg.ru/2017/02/22/shoigu-obiavl-o-sozdanii-vojsk-informacionnyh-operacij.html?ysclid=ltedvf694340239658> (дата обращения: 21.04.2024 г.).
27. Шойгу сравнил угрозу кибербезопасности с оружием массового поражения. URL: <https://ria.ru/20131019/971215505.html> (дата обращения: 27.04.2025).
28. Эксперт: взрывы пейджеров в Ливане открывают новую главу в кибервойнах. URL: <https://tass.ru/vzryvy-peydzherov-v-livane/21894255?ysclid=md6m85h1ja856291282> (дата обращения 27.04.2025).

References:

1. Siladitya R. What We Know About The Exploding Hezbollah Paggers—Including Who Manufactured The Devices. URL: <https://www.forbes.com/sites/siladityaray/2024/09/18/what-we-know-about-the-exploding-hezbollah-paggers-including-who-manufactured-the-devices/> (accessed 04/25/2025).
2. Vladimir Putin – Message from the President of Russia to the Federal Assembly dated February 21, 2023 // Military Thought 2023, No. 3. pp. 5-27.

3. Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on December 25, 2014, No. 2976) // URL: <https://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf/> (accessed 04/28/2025).
4. Military law : textbook / Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; edited by A.N. Savenkov and A.V. Kudashkin. Moscow: Center Legal Communications, 2021. 968 p.
5. Dylevsky I.N., Komov S.A., Rodionov S.N., Polyakova T.A., Fedorov A.V. On the issue of international legal qualification of information operations // Military thought. 2008, No. 2. pp. 2-10.
6. Zapolev S. Fake as one of the modern tools of information operations conducted by Ukraine and its supporting countries // Foreign Military Review. 2022, No. 7. pp. 3-14.
7. Meeting of the Security Council on May 20, 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68451> (accessed 04/29/2025).
8. Security Council meeting on March 21, 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (accessed 15.01.2025).
9. Protection from computer attacks is one of the main tasks: interview of Dmitry Gribkov, Assistant Secretary of the Security Council of the Russian Federation, to the National Defense magazine // National Defense. 2024, No. 2. pp. 8-12.
10. Iroshnikov D.V. The concept and legal nature of a special military operation as a means of ensuring the national security of the Russian Federation // Law in the Armed Forces – Military and Legal Review. 2025 No. 1. pp. 21-26.
11. Convention on Ensuring International Information Security (concept) // URL: <http://polit-discourse.ru/articles/295> (accessed 01/25/2025).
12. Conceptual views on the activities of the Armed Forces of the Russian Federation in the information space. URL: <https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=108450749%40cmsArticle> (accessed 04/27/2025).
13. Kostenko N.I. // Theoretical problems of the formation of international information security law. Moscow, 2019. 162 p.
14. Kudashkin A.V., Melnik V.V. Cybersecurity as an element of the national security of the Russian Federation in matters of the law of armed conflict (continued) // Law in the Armed Forces – military and legal review. 2024, No. 3. pp. 2-12.
15. Lazarev S.V., Rummyantsev V.V., Bogdanov A.S. Ensuring the military security of the Russian Federation in modern conditions: Current problems and ways to solve them // Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2024, No. 1 (86). pp. 6-10.
16. Litvinov E.V. The experience of using information technologies of the Armed Forces of NATO countries in military conflicts // Military thought. 2024, No. 1. pp. 131-140.
17. Maksurov A.A. Ensuring information security on the Internet : a monograph / A.A. Maksurov. M., Infarma-M., 2023. 226 p.
18. International information security: approaches of Russia. Moscow, 2021. URL: [https://mgimo.ru/upload/iblock/047/01fgupojoj7ka0tw75bw19li4bmurfse/The report is %20russian.pdf](https://mgimo.ru/upload/iblock/047/01fgupojoj7ka0tw75bw19li4bmurfse/The%20report%20is%20russian.pdf) (accessed 04/27/2025).
19. The cause of the tragedy in Makeyevka, where 89 Russian soldiers died, has been named. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1062700-nazvana-prichina-tragedii-v-makeevke-gde-pogibli-89-rossiiskikh-voennykh?ysclid=llab04i74601477963> (accessed 04/27/2025).
20. Novikov V.K. information weapons-weapons of modern and future wars. 3rd ed., ispr. and add. M., 2020. 288 p.
21. Polyakova T.A., Shmakov M.A. The development of the constitutional foundations of information security: vectors of scientific research in the field of information law. // Military law and modern information technologies in the field of national security and military-technical cooperation : Collection of reports of the international scientific and practical conference (Moscow, August 24-25, 2020). Moscow, 2021. 196 p. 55-65.
22. Why pagers and walkie-talkies exploded: A scheme for detonating batteries in Lebanon has been revealed. URL: <https://www.kp.ru/daily/27636/4986745/?ysclid=m1m92jetr293304455> (accessed 04/25/2025).
23. Turchin I., Khokhlov I. Forces and means of information and psychological operations of Ukraine // Foreign Military Review. 2023, No. 4. pp. 20-24.
24. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 On the National Security Strategy of the Russian Federation URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5> (date of request: 04/29/2025).
25. Ulanov A.S. Prognostic assessment of trends in the development of means of armed struggle and ways of their use in the wars of the future // Military Thought, 2022, No. 8. pp. 37-50.
26. Shoigu announced the creation of information operations troops. URL: <https://rg.ru/2017/02/22/shoigu-obiavi-l-o-sozdanii-vojsk-informacionnyh-operacij.html?ysclid=ltedvf694340239658> (accessed: 04/21/2024).
27. Shoigu compared the threat to cybersecurity with weapons of mass destruction. URL: <https://ria.ru/20131019/971215505.html> (date of request: 04/27/2025).
28. Expert: The explosions of pagers in Lebanon open a new chapter in cyber warfare. URL: <https://tass.ru/vzryvy-peydzherov-v-livane/21894255?ysclid=m6dm85h1ja856291282> (accessed 04/27/2025).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ, КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ CONSTITUTIONAL LAW OF PRIVATE PROPERTY IN NEW SUBJECTS, AS PART OF THE LEGAL SYSTEM OF RUSSIA

КОНОПЛЯНКО Александр Анатольевич,

аспирант, старший преподаватель кафедры Государственно-правовых дисциплин
Мелитопольского государственного университета.

272312, Россия, г. Мелитополь, пр. Богдана Хмельницкого, 18.

E-mail: a.konoplyanko63@mail.ru;

KONOPLYANKO Alexander Anatolyevich,

Postgraduate student, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
of Melitopol State University.

272312, Russia, Melitopol, Bogdan Khmelnytsky Ave., 18.

E-mail: a.konoplyanko63@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации конституционного права частной собственности в новых субъектах Российской Федерации. Анализируются правовые основы интеграции новых территорий в правовую систему России, проблемы реоформления прав собственности и пути их решения.

Abstract. The article examines the specifics of the implementation of the constitutional right of private property in new subjects of the Russian Federation. It analyzes the legal basis for the integration of new territories into the legal system of Russia, the problems of re-registration of property rights and ways to solve them.

Ключевые слова: конституционное право, частная собственность, новые субъекты Российской Федерации, правовая система, интеграция территорий.

Keywords: constitutional law, private property, new subjects of the Russian Federation, legal system, integration of territories.

Для цитирования: Коноплянко А.А. Конституционное право частной собственности в новых субъектах, как часть правовой системы России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 245-247. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_245.

For citation: Konoplyanko A.A. Constitutional law of private property in new subjects, as part of the legal system of Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 245-247. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_245.

Статья поступила в редакцию: 30.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Присоединение новых субъектов к Российской Федерации поставило перед правовой системой страны ряд сложных задач, одной из которых является обеспечение реализации конституционного права частной собственности на этих территориях. Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью согласования ранее действовавших правовых норм с законодательством РФ, учета специфических условий, связанных с продолжающейся специальной военной операцией, а также следующими факторами:

Во-первых, процессы региональной интеграции приводят к изменению представлений о государственных границах и суверенитете, что непосредственно влияет на режим правового регулирования имущественных отношений.

Во-вторых, исторический опыт показывает, что вопросы собственности часто становятся источником социальной напряженности при территориальных изменениях, что требует разработки эффективных механизмов защиты прав граждан.

В-третьих, развитие международного права в области защиты прав человека создает новые стандарты, которые должны учитываться при решении имущественных вопросов на присоединенных территориях.

Защита имущественных конституционных прав граждан на присоединенных территориях требует единого, системного подхода, включающего совершенствование законодательства, создание специальных механизмов разрешения споров, обеспечение единообразия судебной практики, учет международного опыта и соблюдение баланса интересов. Только такой сложный подход может обеспечить эффективную интеграцию новых территорий в правовое пространство Российской Федерации и гарантировать реальную защиту конституционных прав всех граждан.

Обеспечение эффективной защиты имущественных прав на присоединенных территориях является ключевым фактором успешной интеграции новых субъектов в правовое пространство Российской Федерации. Это требует не только формального распространения конституционных гарантий на новые территории, но и создания реально действующих механизмов их реализации.

Реализация предложенных мер потребует значительных усилий со стороны всех ветвей власти, научного сообщества и гражданского общества. Однако эти усилия необходимы для обеспечения стабильности правовой системы, укрепления конституционного правопорядка и, в конечном итоге, для успешной интеграции присоединенных территорий в социально-экономическое и правовое пространство Российской Федерации.

Необходимо отметить, что реализация конституционного права частной собственности в новых субъектах Российской Федерации сталкивается с рядом различных вызовов и проблем, требующих системного подхода к их решению. Одним из ключевых моментов является вопрос о признании прав собственности, возникших до присоединения территорий к РФ. Как отмечает профессор Мальцев Г.В., «принцип правовой преемственности требует уважения к ранее возникшим правам, однако его реализация в условиях изменения государственной принадлежно-

сти территории сопряжена с рядом сложностей» [1, с. 78].

Процесс интеграции новых субъектов в правовую систему России регулируется рядом нормативно-правовых актов, ключевыми из которых являются Федеральные конституционные законы от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ и № 6-ФКЗ [2, 3]. Эти законы устанавливают общие принципы признания имущественных прав, возникших до присоединения территорий к РФ. Однако, как подчеркивает Чиркин В.Е., «практическая реализация этого принципа требует разработки детальных механизмов и процедур» [4, с. 123].

Как отмечает в своей диссертации Иванов А.А., «процесс интеграции правовых систем является сложным и многоэтапным, требующим создания эффективных механизмов защиты прав собственников в условиях трансформации правовой системы» [5, с. 123].

Сложность представляет ситуация, когда документы, подтверждающие право собственности, были утрачены или остались на территории, не контролируемой РФ. По мнению профессора Авакьяна С.А., «При изменении государственной принадлежности территории возникает необходимость гармонизации ранее действовавших правовых норм с законодательством нового государства» [6, с. 156], а также «необходимо разработать специальные процедуры установления факта владения имуществом в отсутствие полного комплекта документов» [6, с. 234].

Огромное значение имеет процесс регистрации прав на недвижимое имущество в новых субъектах и требует особого подхода. Как указывает в своей диссертации Петров И.С., «необходимо создание специальных механизмов кадастрового учета и регистрации прав, учитывающих специфику присоединенных территорий» [7, с. 145].

Одной из важнейших проблем является ситуация, когда собственники имущества находятся за пределами РФ и не могут лично участвовать в процессе переоформления прав собственности. Это противоречит требованиям действующего законодательства о необходимости присутствия всех собственников при регистрации прав [8].

Конституция РФ гарантирует право частной собственности (ст. 35) [9].

При этом особую значимость приобретает вопрос о распространении конституционных гарантий на присоединенные территории. В данном контексте следует отметить позицию Конституционного Суда РФ, который в своем Постановлении от 19 марта 2014 г. № 6-П подтвердил необходимость обеспечения всей полноты конституционных прав граждан на новых территориях [10].

Однако реализация этого права в новых субъектах сопряжена с рядом трудностей. Отказ в регистрации собственности из-за отсутствия части собственников может рассматриваться как нарушение конституционных прав других собственников. Профессор Зорькин В.Д. отмечает: «Право собственности является одним из фундаментальных прав человека, и его ограничение должно быть обоснованным и соразмерным» [11, с. 234].

Особую сложность представляет ситуация, когда часть территории, остается под контролем другого государства. Черниченко С.В. указывает: «В международном праве отсутствуют четкие механизмы регулирования имущественных отношений в условиях частичного изменения государственных границ» [12, с. 112].

Ученый Лукьянова Е.А. в своей работе отмечает: «Необходимо найти баланс между защитой национальных интересов и соблюдением международных обязательств, в сфере защиты иностранных инвестиций» [13, с. 56]. В контексте присоединения новых территорий актуализируется проблема национализации имущества и защиты прав иностранных собственников.

Для решения проблем реализации права частной собственности в новых субъектах предлагается:

1) Разработать специальные нормативные акты, регулирующие порядок переоформления прав собственности в отсутствие части собственников.

2) Создать механизмы дистанционного участия собственников в процессе переоформления прав.

3) Рассмотреть возможность введения моратория на изменение прав собственности до стабилизации ситуации [14].

Требование о личном присутствии всех собственников при переоформлении прав собственности в условиях продолжающейся специальной военной операции создает существенные препятствия для реализации имущественных прав. Нельзя не согласиться с Васильевым А.В., который в своей работе предлагает: «Необходимо разработать специальные правовые механизмы, позволяющие осуществлять регистрацию прав собственности в отсутствие части собственников, при условии соблюдения их законных интересов» [15, с. 78].

Еще одной важной проблемой является согласование различных правовых режимов собственности, действовавших до присоединения территорий. Как отмечает А.А. Клишас, процесс правовой интеграции требует тщательного анализа и адаптации норм гражданского и земельного законодательства [16, с. 45], а также конституционного и наследственного законодательства.

Реализация конституционного права частной собственности в новых субъектах РФ представляет собой целостную проблему, требующую системного подхода и учета множества факторов. Необходимо не только внесение изменений в действующее законодательство, но и разработка новых правовых институтов и механизмов, способных эффективно регулировать имущественные отношения в условиях интеграции новых территорий, в правовую систему России.

Обеспечение единообразия судебной практики является первостепенным и необходимым фактором для формирования стабильной правовой среды и возможность предвидения судебных решений.

Для достижения этой цели необходимо:

-Регулярное обобщение судебной практики Верховным Судом РФ с выпуском соответствующих разъяснений и постановлений Пленума.

-Проведение совместных совещаний судей различных инстанций для выработки единых подходов к разрешению типовых споров.

-Создание информационной системы для оперативного обмена информацией о судебных решениях по имущественным спорам на

присоединенных территориях.

Важным аспектом является также обеспечение эффективного доступа к правосудию для жителей присоединенных территорий. Это включает в себя реализацию программ правового просвещения и оказания бесплатной юридической помощи.

Решение этих задач требует совместных усилий законодателей, правоприменителей и научного сообщества, а также учета международного опыта регулирования подобных ситуаций. Только комплексный подход позволит обеспечить эффективную защиту конституционного права частной собственности в новых субъектах РФ и их успешную интеграцию в правовую систему России.

Следует отметить, что процесс адаптации и интеграции правовых систем в сфере защиты имущественных прав на присоединенных территориях является долгосрочным и требует постоянного мониторинга и корректировки. Успешное решение этой задачи имеет важнейшее значение не только для обеспечения прав конкретных граждан, но и для укрепления конституционного правопорядка и социальной стабильности в целом.

Только такой комплексный подход может обеспечить эффективную интеграцию новых субъектов в правовое пространство Российской Федерации и гарантировать реальную защиту конституционных прав всех граждан, независимо от места их проживания.

Список литературы:

1. Мальцев Г.В. Социальные основания права. - М.: Норма, 2019. - 600 с.
2. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 N 5-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Запорожской области" // Собрание законодательства РФ. 2022. N 41. Ст. 6930.
3. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 N 6-ФКЗ "О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта - Херсонской области" // Собрание законодательства РФ, 2022. - № 41. - Ст. 6931.
4. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. - М.: Зерцало, 2020. - 448 с.
5. Иванов А.А. Трансформация института права собственности в условиях изменения государственных границ: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2020. - 200 с. EDN: AORJVN
6. Авакян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. - 485 с.
7. Петров И.С. Правовое регулирование кадастрового учета и регистрации прав на недвижимое имущество в условиях изменения государственных границ: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2021.
8. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" // Собрание законодательства РФ. 2015. N 29 (часть I). Ст. 4344.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 13. Ст. 1528.
11. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. - 448 с.
12. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Том 2: Старые и новые теоретические проблемы. - М.: НИМП, 2021. - 525 с.
13. Лукьянова Е.А. Конституционные риски. - М.: Кучково поле, 2020. - 446 с.
14. Резолюция научно-практической конференции "Правовые аспекты интеграции новых субъектов в состав Российской Федерации" (Москва, 15 февраля 2023 г.) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право, 2023. № 2. - С. 115-120.
15. Васильев А.В. Проблемы реализации права собственности в условиях изменения государственных границ // Журнал российского права, 2022. - № 9. - С. 75-83.
16. Клишас А.А. Теория конституционного правоупотребления. - М.: Международные отношения, 2020. - 272 с.

References:

1. Maltsev G.V. Social Foundations of Law. - M.: Norma, 2019. -- 600 p.
2. Federal Constitutional Law of 04.10.2022 N 5-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Zaporizhzhia Region and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Zaporizhzhia Region" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. N 41. Art. 6930.
3. Federal Constitutional Law of 04.10.2022 N 6-FKZ "On the Admission to the Russian Federation of the Kherson Region and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Kherson Region" // Collected Legislation of the Russian Federation., 2022. - No. 41. - Art. 6931.
4. Chirkin V.E. Constitutional Law: Russia and Foreign Experience. - M.: Zertsalo, 2020. - 448 p.
5. Ivanov A. A. Transformation of the Institute of Property Rights in the Context of Changing State Borders: dis. ... Cand. of Law. - M., 2020. - 200 p.
6. Avakyan S. A. Constitutional Law of Russia. Study Course: Textbook: in 2 volumes. 5th ed., revised and enlarged. M.: Norma: INFRA-M, 2021. - 485 p.
7. Petrov I. S. Legal Regulation of Cadastral Registration and Registration of Rights to Real Estate in the Context of Changing State Borders: dis. ... Cand. of Law. - M., 2021.
8. Federal Law of 13.07.2015 N 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. N 29 (Part I). Art. 4344.
9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2014 No. 6-P // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 13. Art. 1528.
11. Zorkin V.D. Constitutional and legal development of Russia. - M.: Norma: INFRA-M, 2020. -- 448 p.
12. Chernichenko S.V. Theory of international law. In 2 volumes. Volume 2: Old and new theoretical problems. - M.: NIMP, 2021. - 525 p.
13. Lukyanova E. A. Constitutional risks. - M.: Kuchkovo pole, 2020. - 446 p.
14. Resolution of the scientific and practical conference "Legal aspects of the integration of new subjects into the Russian Federation" (Moscow, February 15, 2023) // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law, 2023. No. 2. - pp. 115-120.
15. Vasiliev A. V. Problems of implementing property rights in the context of changing state borders // Journal of Russian Law, 2022. - No. 9. - pp. 75-83.
16. Klishas A. A. Theory of constitutional law enforcement. - M.: International Relations, 2020. - 272 p.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ THE CONCEPT AND CONTENT OF PUBLIC SAFETY IN THE SPHERE OF ARMS TRAFFICKING

МАКУШЕВ Дмитрий Евгеньевич,

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
Лермонтовский пр., 44, г. Санкт-Петербург, 190103, Россия.

ORCID 0009-0003-6246-0870,

E-mail: dm.makushev@yandex.ru;

MAKUSHEV Dmitry Evgenievich,

Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Procedure
of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.
44 Lermontovsky Ave., St. Petersburg, 190103, Russia.

ORCID 0009-0003-6246-0870,

E-mail: dm.makushev@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье выделены подходы к определению категории «общественная безопасность». Поднимается проблема отсутствия единства во взглядах ученых относительно понимания общественной безопасности в сфере оборота оружия. В результате проведенного анализа предлагается следующая дефиниция: «общественная безопасность в сфере оборота оружия – это состояние защищенности жизни, здоровья, прав и законных интересов граждан, а также собственности, общества и государства от угроз, возникающих вследствие неконтролируемого или незаконного оборота оружия, ненадлежащего хранения, использования или хищения оружия».

Abstract. The article highlights approaches to defining the category of "public safety". The problem of the lack of unity in the views of scientists regarding the understanding of public safety in the sphere of arms trafficking is raised. As a result of the analysis, the following definition is proposed: "public security in the field of arms trafficking is the state of protection of life, health, rights and legitimate interests of citizens, as well as property, society and the state from threats arising from uncontrolled or illegal arms trafficking, improper storage, use or theft of weapons."

Ключевые слова: общественная безопасность, понятие общественной безопасности, оборот оружия, профилактика, административные правонарушения, нарушение правил хранения и ношения оружия.

Keywords: public safety, the concept of public safety, arms trafficking, prevention, administrative offenses, violation of rules for the storage and carrying of weapons.

Для цитирования: Макушев Д.Е. Понятие и содержание общественной безопасности в сфере оборота оружия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 248-250. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_248.

For citation: Makushev D.E. The concept and content of public safety in the sphere of arms trafficking // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 248-250. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_248.

Статья поступила в редакцию: 08.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, обеспечение безопасности является одной из основных задач государства, и именно поэтому и со стороны уполномоченных органов, и со стороны общества предъявляются высокие требования к организации деятельности правоохранительных органов в общественных местах, на транспорте, в ходе проведения всех видов публичных мероприятий и иных местах повышенного скопления граждан.

Обеспечение общественной безопасности, являясь одним из приоритетных направлений деятельности государства, требует комплексного подхода, включающего в себя ряд взаимосвязанных элементов. Во-первых, оно предполагает регулярную разработку и совершенствование правовой базы, четко регламентирующей порядок приобретения, хранения, ношения, использования, транспортировки, продажи, учета и уничтожения оружия, установления требований к субъектам, осуществляющим деятельность в сфере оборота оружия и т.д.

Важным аспектом обеспечения общественной безопасности в сфере оборота оружия является организация эффективного государственного контроля за соблюдением установленных правил, что предполагает проведение плановых и внеплановых проверок оружейных магазинов, складов, тиров, охотничьих хозяйств и других объектов, связанных с оборотом оружия, а также контроль за владельцами оружия с целью оперативного выявления и пресечения нарушений законодательства. Неотъемлемой частью обеспечения общественной безопасности является проведение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступлений и правонарушений, связанных с оружием.

Однако, анализ законодательства показал, что, несмотря на обращенность общества и государства к проблеме обеспечения общественной безопасности, до настоящего времени существует ряд проблем, препятствующих эффективной реализации государственной политики в рассматриваемом направлении. Одной из таковых является отсутствие легальной дефиниции, что приводит к многообразию во взглядах исследователей относительно сути и содержания понятия «общественная безопасность в сфере оборота оружия» и смежных с ней категорий.

Ведущий нормативный акт федерального уровня в сфере безопасности – Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ не содержит определения общественной безопасности. Отсутствует оно и в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г.) «под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противо-

правных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Исследователи понимают под общественной безопасностью:

- состояние защищенности общества от угроз, связанных с преступностью, стихийными бедствиями, техногенными катастрофами и другими опасностями, обеспечиваемое посредством правовых, организационных и технических мер (В.Г. Ляшко) [6];
- комплекс мер и механизмов, направленных на предотвращение, выявление и нейтрализацию угроз, способных нанести ущерб здоровью, жизни, имуществу граждан и общественным институтам, а также поддержание правопорядка и стабильности в обществе (И.Е. Ильичев) [3];
- систему социально-правовых отношений и государственных мер, обеспечивающих защиту населения, имущества и инфраструктуры от противоправных действий, аварий, катастроф и чрезвычайных ситуаций (Ю.Б. Басова) [1];
- состояние общества, при котором его граждане, имущество и общественные блага защищены от любых форм насилия, опасностей и вредных воздействий, создаваемое с помощью государственного регулирования и взаимодействия различных институтов общества (С.М. Микаилов) [7];
- уровень защищенности населения, социальной инфраструктуры и общественных ценностей от преступных посягательств, терроризма, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, достигаемый через координированные действия государственных органов, общественных организаций и граждан (А.Р. Хайбуллин) [8].

Одним из наиболее эффективных административно-правовых средств обеспечения общественной безопасности традиционно признан институт административной ответственности. Сущность административной ответственности предполагает применение к лицам, нарушившим нормы административного права, предусмотренных законом санкций, которые выступают как профилактическими, так и репрессивными мерами. Профилактический характер определяется сдерживанием потенциальных нарушителей от противоправных действий, что напрямую способствует поддержанию правового порядка и общественной безопасности, предотвращая правонарушения до их совершения. Репрессивный характер в обеспечении справедливого наказания виновных лиц, совершивших административное правонарушение, что не только восстанавливает нарушенный правопорядок, но и служит примером для других, укрепляя уровень их правового сознания.

Эффективность института административной ответственности, как правового средства охраны общественного порядка, определяет особое внимание к его совершенствованию, что позволит оперативно реагировать на малейшие изменения в общественных отношениях, внедрять механизмы защиты прав граждан, и исключать случаи недобросовестного функционала со стороны правоохранительных органов.

Усиление превентивного воздействия способствует и более сознательному соблюдению правовых норм гражданами, а также приведению в соответствие международным стандартам отечественного законодательства, что способствует оптимизации механизма применения государственных ресурсов, ускорения процедур рассмотрения административных дел, что в итоге укрепляет общественный порядок и повышает эффективность системы административного права.

Общественная опасность противоправного деяния является центральным признаком, определяющим материально-правовое начало действия закона и отражающим сущность административного правонарушения. Общественная опасность позволяет обеспечивать принцип справедливости, поскольку, исходя из ее степени, законодателем определена структура административно-правовых санкций. Данный признак в виду его несомненной значимости, получил широкую разработку в административно-правовой доктрине, что подтверждается многочисленными отечественными исследованиями в плоскости изучения отдельных свойств и признаков, присущих категории «общественная опасность».

Н.Г. Канунникова подчеркивает, что к деструкциям общественной безопасности следует отнести трансформацию моральной сферы личности, наблюдаемой на современном этапе развития общества, которая проявляется в снижении значимости, а порой и игнорировании таких основополагающих жизненных ценностей, как доброта, уважение, честь, и др. Также вызывающее поведение, привлечение внимания, демонстрация распушенности и намеренное нарушение прав, свобод и границ других людей со стороны современной молодежи обуславливает расширение превентивных обстоятельств, способствующих посягательствам на общественную безопасность. Кроме того, недостаточна строгость мер административной ответственности свидетельствует о чрезмерной терпимости государства к правонарушителям, что также проявляется в применении мягких санкций. Указанные обстоятельства побуждают правонарушителей, уверенных в своей безнаказанности, открыто противопоставлять себя обществу [5].

В.Ю. Вержиховский подчеркивает, что совершение большинства административных правонарушений связаны с пребыванием правонарушителя в общественном месте. Однако, отечественным законодательством не закреплены ни понятие, ни сущность данной правовой категории, что вызывает определенные трудности при привлечении лица к административной ответственности. Ведущими критериями общественного места являются нахождение в нем людей и свободный доступ к нему неограниченного числа граждан [2]).

Вышесказанное обуславливает постоянную обращенность общества и государства к поиску, выработке и внедрению наиболее эффективных мер предупреждения и противодействия подобным нарушениям с целью их незамедлительного прекращения и привлечения к ответственности виновных лиц. Среди наиболее эффективных мер указанного противодействия выделяются применение огнестрельного оружия, что регламентируется федеральным законодательством Российской Федерации, особое место в котором занимает Федеральный закон «О полиции», устанавливающий перечень ситуаций служебной деятельности, при наступлении которых может быть применено огнестрельное оружие со стороны сотрудников полиции.

Большое число фактов применения огнестрельного оружия допускается в ходе массовых беспорядков, которые характеризуются ря-

дом признаков, вынуждающих сотрудников полиции оберегать жизнь и здоровье граждан при помощи применения огнестрельного оружия:

- распространение на широком участке территории населенного пункта;
- участие в них принимает большое количество людей;
- участвующие в них лица не всегда осознают направленность толпы и вовлекаются в нее «заодно»;
- негативный настрой участников по отношению к органам власти поддерживается применением оружия или предметов, его замещающих, погромами, мародерством и т.д.;
- зачастую становятся источником человеческих жертв, большого количества потерпевших;
- дестабилизируют деятельность организаций и учреждений, общественного транспорта и учреждений связи;
- оказывают резонансное действие и наносят моральный ущерб лицам, являющимся свидетелями данных беспорядков;
- всегда представляют собой повышенную общественную опасность.

Таким образом, общественная опасность противоправного деяния является центральным признаком, определяющим материально-правовое начало действия закона и отражающим сущность административного правонарушения. Общественная опасность позволяет обеспечить принцип справедливости, поскольку, исходя из ее степени, законодателем определена структура административно-правовых санкций.

В настоящее время состояние проблемы свидетельствует о существенных пробелах в общественной безопасности в сфере оборота оружия, обуславливающих рост выявляемых правонарушений и числа лиц, привлеченных к ответственности, расширении субъектов, их совершающих (за счет несовершеннолетних, мигрантов и т.д.). Общественная опасность кроется и в причинах, обусловленных трансформацией ценностно-смысловой сферы, потребностью молодого поколения в демонстрации поведения, выражаемой в намеренном нарушении прав, свобод и границ посторонних граждан, избыточной терпимостью государства по отношению к правонарушителям.

Проведенный анализ позволил сформулировать следующее определение «общественная безопасность в сфере оборота оружия – это состояние защищенности жизни, здоровья, прав и законных интересов граждан, а также собственности, общества и государства от угроз, возникающих вследствие неконтролируемого или незаконного оборота оружия, ненадлежащего хранения, использования или хищения оружия».

Список литературы:

1. Басова, Ю.Б. Теоретические аспекты и правовые подходы к определению понятия общественной безопасности / Ю.Б. Басова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2016. - № 4. - С. 35-39.
2. Вержиковский, В. Ю. Административная ответственность за мелкое хулиганство / В. Ю. Вержиковский // Научный электронный журнал Меридиан. - 2019. - № 10(28). - С. 105-107. EDN: XYTGZC
3. Ильичев, И.Е. Общественная безопасность и безопасность общества: соотношение понятий / И.Е. Ильичев, Э.В. Богмарцева // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2018. - С. 11-18. EDN: YUKGEL
4. Ильяшенко, А.Н. Сравнительно-правовая характеристика зарубежного уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий: учебное пособие / А.Н. Ильяшенко, К.Г. Вдовиченко. - Краснодар, 2016. - С. 107-114.
5. Канунникова, Н.Г. К вопросу о правовых характеристиках объективной стороны мелкого хулиганства / Н.Г. Канунникова // Административное право и процесс. - 2017. - № 5. - С. 45-49. EDN: YPHMQF
6. Ляшко, В.Г. Безопасность жизнедеятельности: монография / В.Г. Ляшко. - Тула: Изд-во ТулГУ, 2015. - 236 с.
7. Михайлов, С.М. Общественная безопасность как понятие и как стратегический национальный приоритет в сфере обеспечения национальной безопасности / С. М. Михайлов, А. Н. Богомолов // Молодой ученый. - 2017. - № 39 (173). - С. 68-71. EDN: ZIAJED
8. Хайбуллин, А.Р. Понятие и содержание общественной безопасности в Российской Федерации / А. Р. Хайбуллин, Н. А. Шурухин // Молодой ученый. - 2021. - № 47 (389). - С. 324-326. EDN: HNDSPQ

References:

1. Basova, Yu.B. Theoretical aspects and legal approaches to defining the concept of public safety / Yu.B. Basova // Gaps in Russian legislation. Law Journal, 2016, No. 4, pp. 35-39.
2. Verzhikovskiy, V. Y. Administrative responsibility for minor hooliganism / V. Y. Verzhikovskiy // Scientific electronic journal Meridian. - 2019. - № 10(28). - Pp. 105-107.
3. Ilyichev, I.E. Public safety and security of society: correlation of concepts / I.E. Ilyichev, E.V. Bogmartseva // Problems of law enforcement activity. 2018. pp. 11-18.
4. Ilyashenko, A.N. Comparative legal characteristics of foreign criminal legislation on responsibility for crimes in the field of organizing and holding public mass events: a textbook / A.N. Ilyashenko, K.G. Vdovichenko. Krasnodar, 2016. pp. 107-114.
5. Kanunnikova, N.G. On the issue of the legal characteristics of the objective side of petty hooliganism / N.G. Kanunnikova // Administrative law and process. - 2017. - No. 5. - pp. 45-49.
6. Lyashko, V.G. Life safety : a monograph / V.G. Lyashko. Tula: TulSU Publishing House, 2015. 236 p.
7. Mikhailov, S.M. Public safety as a concept and as a strategic national priority in the field of national security / S. M. Mikhailov, A. N. Bogomolov // Young Scientist. - 2017. - № 39 (173). - Pp. 68-71.
8. Khaibullin, A.R. The concept and content of public security in the Russian Federation / A. R. Khaibullin, N. A. Shurukhin // Young Scientist. - 2021. - № 47 (389). - Pp. 324-326.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ SOME PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE ACTIVITIES OF THE DISTRICT POLICE OFFICER

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна,

старший научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы

ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.

119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.

доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования

ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России».

394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».

E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru;

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna,

Senior Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Conveying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System

of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.

119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.

Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort

Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".

E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы, возникающие в деятельности участкового уполномоченного полиции, а также предлагаются рекомендации по их решению. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что решение проблемы нехватки кадров среди участковых уполномоченных полиции требует комплексного подхода, включающего в себя как материальные стимулы, так и работу над имиджем профессии, а регулярное взаимодействие с населением, организация совместных мероприятий и использование современных технологий являются ключевыми факторами в укреплении доверия и сотрудничества между участковыми и гражданами.

Abstract: The article discusses individual problems that arise in the activities of the local police commissioner, and also offers recommendations for solving them. Based on the research, the author comes to the conclusion that solving the problem of personnel shortage among local police officers requires an integrated approach, including both material incentives and work on the image of the profession, and regular interaction with the population, the organization of joint events and the use of modern technologies are key factors in strengthening trust and cooperation between precinct officers and citizens.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, нехватка кадров, взаимодействие с населением, правопорядок, безопасность граждан.

Key words: local police commissioner, lack of personnel, interaction with the population, the population, law and order, and the safety of citizens.

Для цитирования: Прихожая Л.Е. Некоторые проблемы и пути совершенствования деятельности участкового уполномоченного полиции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 251-252. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_251.

For citation: Prihozhaya L.E. Some problems and ways to improve the activities of the district police officer // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 251-252. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_251.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В условиях современного общества, где вопросы обеспечения правопорядка и безопасности граждан становятся всё более актуальными, деятельность участковых уполномоченных полиции приобретает особую значимость.

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются участковые уполномоченные полиции при осуществлении надзора, является нехватка кадров. Эта проблема приводит к тому, что сотрудники перегружены работой, у них не хватает времени на качественное выполнение своих обязанностей [1, с. 223]. В результате эффективность надзора снижается, а это может привести к ухудшению криминогенной обстановки на вверенных участках.

Для решения этой проблемы необходимо разработать комплекс мер, направленных на привлечение молодых специалистов в органы внутренних дел. Это может включать в себя улучшение условий труда, повышение заработной платы, предоставление социальных гарантий и льгот, таких как медицинское обслуживание, обеспечение жильём, льготные путёвки в санатории и дома отдыха. Кроме того, важно развивать систему профессионального обучения и повышения квалификации, чтобы молодые специалисты могли получить необходимые знания и навыки для работы участковыми.

Также, следует проводить работу по повышению престижа профессии участкового уполномоченного полиции среди населения и потенциальных кандидатов. Необходимо формировать положительный образ участковых как профессионалов, которые стоят на страже порядка и безопасности граждан. Для этого можно использовать различные каналы коммуникации, такие как СМИ, социальные сети, информационные стенды в общественных местах.

Кроме того, стоит рассмотреть возможность создания программ наставничества и стажировок для молодых специалистов, чтобы они могли получить опыт работы под руководством опытных участковых. Также можно организовать встречи с населением, на которых участковые смогут рассказать о своей работе и ответить на вопросы граждан.

Таким образом, решение проблемы нехватки кадров среди участковых уполномоченных полиции требует комплексного подхода, включающего в себя как материальные стимулы, так и работу над имиджем профессии. Только так можно привлечь молодых и компетентных специалистов, которые будут готовы посвятить свою жизнь служению обществу и защите правопорядка.

Важным аспектом деятельности участковых является взаимодействие с населением. Недоверие и даже враждебность со стороны граждан могут затруднить сбор информации, необходимой для эффективного осуществления надзора. Чтобы преодолеть эти проблемы и укрепить доверие между полицией и обществом, необходимо проводить регулярные встречи и консультации с представителями общественности [2, с. 322].

Такие мероприятия могут включать в себя организацию собраний, на которых участковые смогут обсудить с гражданами актуальные вопросы безопасности и правопорядка. Это также может быть время для открытого диалога, где жители смогут высказать свои опасения и предложения. Регулярные встречи помогут участковым лучше понять потребности и ожидания населения, а также продемонстрируют готовность полиции к сотрудничеству.

Кроме того, организация совместных мероприятий по обеспечению безопасности и правопорядка может стать эффективным способом укрепления связей с общественностью [2, с. 40]. Например, участковые могут проводить патрулирование улиц вместе с добровольными дружинами или организовывать обучающие семинары по безопасности для жителей района. Такие мероприятия не только способствуют повышению уровня безопасности, но и формируют положительное восприятие работы полиции среди населения.

Современные технологии также играют важную роль в улучшении коммуникации с гражданами. Участковые могут использовать социальные сети, мессенджеры и другие платформы для распространения информации о своей работе, советов по обеспечению безопасности. Открытые каналы связи позволяют гражданам получать актуальную информацию и задавать вопросы, что способствует более прозрачному и эффективному взаимодействию.

Таким образом, регулярное взаимодействие с населением, организация совместных мероприятий и использование современных технологий являются ключевыми факторами в укреплении доверия и сотрудничества между участковыми и гражданами. Эти меры помогают создать более безопасное и гармоничное общество, где полиция и население работают вместе для обеспечения правопорядка.

Для повышения эффективности взаимодействия с населением участковым уполномоченным полиции можно предложить следующие рекомендации:

- проведение регулярных обходов подведомственной территории, во время которых участковый может лично познакомиться с жителями района, узнать их проблемы и ответить на их вопросы. Это поможет установить доверительные отношения между полицией и населением;
- организация работы горячей линии, которая позволит гражданам быстро связаться с участковым и сообщить о происшествии или получить консультацию;
- вовлечение граждан в процесс принятия решений. Участковый должен прислушиваться к мнению граждан и учитывать их пожелания при планировании своей работы. Это позволит сделать деятельность участкового более эффективной и отвечающей потребностям населения;
- поощрение граждан за помощь полиции. Это может быть как материальное вознаграждение, так и благодарность от руководства полиции.

Реализация этих рекомендаций позволит повысить эффективность взаимодействия участковых с населением и укрепить доверие граждан к полиции.

Подводя итог, можно сказать, что совершенствование деятельности участковых уполномоченных полиции – это сложный и многогранный процесс, требующий усилий как со стороны государства, так и со стороны самих сотрудников полиции. Однако только такой подход позволит создать условия для обеспечения эффективной деятельности участкового уполномоченного полиции.

Список литературы:

1. Ганина С. В. Багуцкий Н. В. Проблемные аспекты деятельности участковых уполномоченных полиции // Скиф. Вопросы студенческой науки. - 2019. - №9 (37). - С. 220-224. EDN: WYXUIE
2. Кудовба О.Н., Куряшкин А.Н. О некоторых аспектах качественного и эффективного взаимодействия участкового уполномоченного полиции с населением административного участка // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2024. - Т. 10. - № 2. - С. 319-328. EDN: QFKELL
3. Ковалева Е.В. Отдельные вопросы взаимодействия участковых уполномоченных полиции с населением, проживающим на административном участке // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. - 2023. - № 1 (44). - С. 39-42. EDN: KSHNLG

References:

1. Ganina S.V. Bagutsky N.V. Problematic aspects of the activities of local police officers // Skif. Questions of student science. – 2019. – No. 9 (37). – pp. 220-224.
2. Kudovba O.N., Kuryashkin A.N. On some aspects of high-quality and effective interaction between the local police commissioner and the population of the administrative district // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. – 2024. – T. 10. – No. 2. – P. 319-328.
3. Kovaleva E.V. Selected issues of interaction between local police commissioners and the population living in the administrative area // Bulletin of the Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1 (44). – pp. 39-42.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ STATE PERSONNEL POLICY: THE LEGAL ASPECT

КОФТИНА Юлия Николаевна,

доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами

Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.

Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: Yulenska1979@mail.ru;

KOFTINA Yulia Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of work with Personnel

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: Yulenska1979@mail.ru

Краткая аннотация: В органах публичной власти и управления государственная кадровая политика представляет собой систему официально признанных идей, задач, приоритетов и принципов по организации и регулированию кадровых процессов и отношений в государственном аппарате. Как социальный институт государственная кадровая политика имеет сложную структуру субъектов, объектов, средств ее реализации, уровней и видов. Без выяснения сущности и анализа правового регулирования государственной кадровой политики как социального института невозможно эффективно обеспечить важнейшее конституционное право государственных служащих на труд и профессионально-квалификационное развитие.

Abstract: In public authorities and management, the state personnel policy is a system of officially recognized ideas, tasks, priorities and principles for the organization and regulation of personnel processes and relations in the state apparatus. As a social institution, the state personnel policy has a complex structure of subjects, objects, means of its implementation, levels and types. Without clarifying the essence and analyzing the legal regulation of the state personnel policy as a social institution, it is impossible to effectively ensure the most important constitutional right of civil servants to work and professional development.

Ключевые слова: государственная служба, государственная кадровая политика, правовое регулирование, кадровое обеспечение, кадровый резерв.

Keywords: civil service, state personnel policy, legal regulation, staffing, personnel reserve.

Для цитирования: Кофтина Ю.Н. Государственная кадровая политика: правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 253-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_253.

For citation: Koftina Yu.N. State personnel policy: the legal aspect // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 253-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_253.

Статья поступила в редакцию: 12.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Государственная служба является основным инструментом государственного управления, обеспечивая реализацию законов и политики государства, поддерживая экономику и социальную сферу, обеспечивая безопасность и стабильность. Несмотря на статус государственной службы, ее система постоянно испытывает проблемы, связанные с кадровыми ресурсами.

Государственная кадровая политика представляет собой важный элемент механизма управления государством, реализации его функций и регулируется комплексом нормативных правовых актов на двух уровнях – федеральном и региональном. Некоторые исследователи выделяют еще и муниципальный уровень. Как отмечает исследователь М.В. Будыкин, федеральное законодательство, а также принимаемые в соответствии с ним законы субъектов Российской Федерации и уставы муниципальных образований, регулируют деятельность государственных служб, определяя требования к должностям государственной и муниципальной службы, статус служащего, условия и порядок прохождения службы.¹

Государственная кадровая политика имеет свои отраслевые и региональные особенности, отражающие специфические условия отраслей государственного управления, но такие особенности должны работать на достижение заявленных общих целей кадровой политики государства.²

На федеральном уровне главным субъектом кадровой политики выступает государство и государственные институты. На региональном уровне в роли субъектов выступают органы субъектов Российской Федерации. Также можно выделить в качестве подуровня муниципальную кадровую политику с соответствующими субъектами.

Правовой аспект кадровой политики обеспечивает законные основания формирования, использования и развития кадрового потенциала, учет в проводимой политике прав субъектов профессионального труда, строгое правовое регулирование кадровых процессов и отношений как процесса воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм (норм права).³

Важно отметить, что правовые основы кадровой политики содержат нравственный компонент, что отвечает сущности, социальной и правовой природе права, и включают не только инструменты реализации конституционных гарантий человека по использованию профессио-

¹ Будыкин, М. В. Законодательное регулирование государственной кадровой политики в РФ / М. В. Будыкин // Экономика и социум. – 2020. – № 10 (77). С. 420.

² Кофтина Ю.Н. Концептуальные основы кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации : монография / Ю.Н. Кофтина. – Москва : РУСАЙНС, 2024. – 80 с.

³ Мустафаева, Ю. Ф. Правовые основы формирования кадровой политики / Ю. Ф. Мустафаева // Вестник науки. – 2023. – Т. 5, № 4(61). – С. 258.

нальных способностей и возможностей, но и средства недопущения дискриминации в трудовых отношениях, государственной защиты социально уязвимых слоев населения и др.¹

В иерархии нормативных правовых актов, регулирующих государственную службу и, соответственно, государственную кадровую политику, первое место занимает Конституция Российской Федерации, а именно – ст. 23, которая гарантирует гражданам право участия в управлении делами государства, а также равный доступ к государственной службе.²

В целом можно сказать, что Конституция Российской Федерации регулирует наиболее важные, стратегические вопросы социально-трудовых и кадровых отношений в государстве и обществе, начиная с базового права каждого на труд, свободный выбор профессии и рода деятельности.

Система государственной службы Российской Федерации раскрывается в одноименном Федеральном законе № 58-ФЗ от 27.05.2003. В статье 11 указанного федерального закона «Формирование кадрового состава государственной службы» раскрыты принципы обеспечения кадрового состава госслужбы за счет создания кадрового резерва на разных институциональных уровнях – от федерального до государственных органов субъектов. Общие вопросы создания кадрового резерва, такие как развитие профессиональных качеств служащих, оценка результатов их деятельности, создание возможностей карьерного роста и т.п. дополняются таким пунктом как «использование современных кадровых технологий». Так же указанная статья регулирует порядок поступления на государственную службу и формы подготовки граждан для прохождения государственной службы, а также дополнительное профессиональное образование служащих и ротацию кадров.

Федеральные кадровые резервы регулируются Положением, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 13.12.2012 № 1653, который был подготовлен «в целях реализации единой кадровой политики в федеральных государственных органах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации».

Пункт 1 указанного Положения определяет федеральные кадровые резервы как «сформированные в установленном порядке группы граждан Российской Федерации, соответствующих определенным квалификационным требованиям и обладающих необходимыми профессиональными и личностными качествами для назначения на воинские должности, подлежащие замещению высшими офицерами, и должности высшего начальствующего состава в этих федеральных государственных органах».⁴

Государственная гражданская служба, особенности ее прохождения и формирования кадрового резерва раскрываются федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Формированию кадрового резерва государственной гражданской службы посвящены ст. 60-64, которые раскрывают принципы и приоритетные направления формирования кадрового резерва, ротацию и подготовку кадров, профессиональное развитие гражданского служащего и государственных заказ на мероприятия, посвященные данному вопросу.⁵

Среди приоритетных направлений отмечены формирование кадрового резерва и его эффективное использование (п. 2.4. ст. 60).

Федеральный кадровый резерв на государственной гражданской службе регулируется одноименным Положением, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 22.01.2024 № 61. К основным принципам формирования федерального кадрового резерва является обеспечение текущей и перспективной потребности федеральных государственных органов в управленческих и руководящих кадрах; учет и сохранение профессиональных кадров; добровольность включения в резерв: персональная ответственность должностного лица, выдвигающего кандидатуру для включения в резерв на основе всесторонности и объективности оценки данного кандидата.⁶

Далее, отметим, что Указом Президента Российской Федерации от 11.05.2022 № 286 в целях совершенствования кадровой политики Комиссия при Президенте Российской Федерации по вопросам кадровой политики в прокуратуре и правоохранительных органах была преобразована в Комиссию по вопросам кадровой политики в некоторых федеральных государственных органах с утверждением Положения и состава данной комиссии. К федеральным государственным органам, кадровой политикой которых занимается указанная Комиссия, отнесены органы и организации прокуратуры, внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, принудительного исполнения, Государственной фельдъегерской службы, Следственного комитета, Министерства юстиции, Министерства по ГО, ЧС и ликвидации последствий стихийных бедствий, Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории стран-участниц СНГ. Основная цель Комиссии – решение кадровых вопросов в отношении претендентов на замещение высших должностей в указанных органах и организациях.

Для обеспечения деятельности Президента Российской Федерации в части реализации государственной политики в области государственной службы в 2023 г. был утвержден Указ «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции», утвердивший Положение о данном Управлении. Управление Президента Российской Федерации по вопросам

¹ Там же. С. 258.

² Конституция Российской Федерации (принята на общенародном референдуме 12.12.1993) // ИПО «Гарант» [сайт]. – URL : <https://base.garant.ru/10103000/>. Дата обращения: 22.02.2025.

³ О системе государственной службы Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) : Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ // ИПО «Гарант» [сайт]. – URL : <https://base.garant.ru/185886/>. Дата обращения: 22.02.2025.

⁴ О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) : Указ Президента РФ от 13 декабря 2012 г. № 1653 // ИПО «Гарант» [сайт]. – URL : <https://ivo.garant.ru/#/document/70281174>. Дата обращения: 22.02.2025.

⁵ О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // ИПО «Гарант» [сайт]. – URL : <https://base.garant.ru/12136354/>. Дата обращения: 22.02.2025.

⁶ О федеральном кадровом резерве на государственной гражданской службе Российской Федерации : Указ Президента РФ от 22 января 2024 г. № 61 // ИПО «Гарант» [сайт]. – URL : <https://base.garant.ru/408414969>. Дата обращения: 22.02.2025.

государственной службы, кадров и противодействия коррупции является самостоятельным подразделением Администрации Президента Российской Федерации, основными задачами которого является реализация государственной кадровой политики в области государственной службы, осуществление контроля за исполнением нормативных требований в регулируемой сфере, подготовка предложений по реформированию и развитию государственной службы и кадровой политики, а также кадровое и организационно-штатное обеспечение деятельности Администрации Президента Российской Федерации.¹

К основным функциям Управления относится участие в подготовке законопроектов по вопросам государственной кадровой политики, документов о назначении на государственные должности Российской Федерации и должности федеральной государственной службы, о заключении контрактов с высшими офицерами, о продлении срока службы сверх установленного предельного возраста пребывания, об увольнении с военной службы высших офицеров, о присвоении высшего чина казачьего генерала, об утверждении атаманов войсковых казачьих обществ и т.д. Также Управление рассматривает документы кандидатур на должности высших должностных лиц, формирует кадровый резерв, оказывает методическую помощь и занимается профилактикой коррупционных и иных правонарушений.

Еще одним актуальным документом является Постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2017 № 256 «О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации». Единая система создана в целях повышения эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности по управлению кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации в федеральных государственных органах, органах публичной власти федеральной территории «Сириус», государственных органах субъектов Российской Федерации посредством использования информационно-коммуникационных технологий, включая обеспечение электронного юридически значимого кадрового документооборота.² Очевидно, что основная задача указанной системы – автоматизация кадровой работы, ее информационно-аналитическое и нормативно-правовое сопровождение, консолидация информации о кадрах, мониторинг соблюдения требований законодательства о гражданской службе, стратегическое планирование и внедрение современных кадровых технологий.

О важности государственной кадровой политики свидетельствует тот факт, что кадровые вопросы упоминаются даже в таком документе как «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400: «45. На фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления, обеспечении социальной справедливости, усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти и организациях с государственным участием.»³

В рамках формирования правовых основ государственной кадровой политики большое значение имеет локальное нормотворчество – то есть комплекс регулирующих кадровые вопросы документов, созданных в отдельном органе или организации, направленных на совершенствование процедуры отбора, расстановки, адаптации, оценки кадров, их мотивации и профессионального совершенствования. Локальные нормативные акты как бы замыкают «правовую цепь» и способствуют непосредственной реализации правовых норм, издаваемых соответствующими субъектами правотворческой деятельности.⁴

В течение 2024 года рассматривался проект Указа «Об основах государственной кадровой политики Российской Федерации», направленный на «повышение эффективности государственного управления, в обеспечении социальной справедливости, в усилении борьбы с коррупцией и нецелевым использованием бюджетных средств и государственного имущества, в проведении не подверженной влиянию групповых и родственных интересов кадровой политики в органах публичной власти и организациях с государственным участием».⁵

По мнению авторов указанного документа, предполагаемая Концепция государственной кадровой политики «будет способствовать сбережению народа России, развитию человеческого потенциала, повышению качества жизни и благосостояния граждан, укреплению обороноспособности страны, единства и сплоченности российского общества, обеспечению приоритета духовного над материальным, кооперации и международному сотрудничеству Российской Федерации». Сущность основ государственной политики должна заключаться в нравственных идеалах, знаниях и умениях профессиональных специалистов, занимающих должности в сфере государственной службы, что может стать залогом «кадрового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации». Законопроект оперирует такими терминами как «нравственность», «созидание», «приоритет духовного над материальным», «нравственные идеалы», «профессиональное использование специалистов», «дискусивно-оценочный метод», «деструктивное идеологическое воздействие» и т.д.

По нашему мнению, указанный проект носит весьма утопический характер в представленном виде, и не может быть принят на законодательном уровне.

¹ Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции (вместе с «Положением об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции») : Указ Президента РФ от 23.05.2023 № 368 // КонсультантПлюс [сайт]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447682/. Дата обращения: 22.02.2025.

² О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» : Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 256 // КонсультантПлюс[сайт]. – URL : <https://clck.ru/3EcRjY>. Дата обращения: 22.02.2025.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // ИПО «Гарант» [сайт]. – URL : <https://base.garant.ru/401425792/>. Дата обращения: 22.02.2025.

⁴ Мустафаева, Ю. Ф. Правовые основы формирования кадровой политики. С. 264.

⁵ Проект Указа Президента Российской Федерации «Об основах государственной кадровой политики Российской Федерации» // Духовно-нравственная сеть [сайт]. – URL : <https://strategy24.ru/rf/education/projects/kadrovaya-politika-rossiyskoy-federatsii>. Дата публикации: 14.02.2025.

Резюмируя изложенное, отметим, что государственной кадровой политике уделяется особое внимание как в нормотворчестве, так и в правоприменительном процессе. Вопросы государственной службы рассматриваются и регулируются документами разного уровня – от высшего Закона страны, федеральных законов до Указов Президента Российской Федерации, Постановлений Правительства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов. Это показывает то внимание, которое законодатель уделяет вопросам правового регулирования кадровой политики. Однако, по нашему мнению, есть необходимость в разработке единого концептуального документа, который обобщил бы и конкретизировал все сферы государственной кадровой политики.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята на общенародном референдуме 12.12.1993) // <https://base.garant.ru/10103000/>. Дата обращения: 22.02.2025.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // <https://base.garant.ru/12136354/>. Дата обращения: 22.02.2025.
3. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ // <https://base.garant.ru/185886/>. Дата обращения: 22.02.2025.
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // <https://base.garant.ru/401425792/>. Дата обращения: 22.02.2025.
5. О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации: Указ Президента РФ от 13 декабря 2012 г. № 1653 // <https://ivo.garant.ru/#/document/70281174>. Дата обращения: 22.02.2025.
6. Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции (вместе с "Положением об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы, кадров и противодействия коррупции"): Указ Президента РФ от 23.05.2023 № 368 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447682/. Дата обращения: 22.02.2025.
7. О федеральной государственной информационной системе "Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации": Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 256 // <https://clck.ru/3EcRjy>. Дата обращения: 22.02.2025.
8. Проект Указа Президента Российской Федерации "Об основах государственной кадровой политики Российской Федерации" // Духовно-нравственная сеть / <https://strategy24.ru/rf/education/projects/kadrovaya-politika-rossiyskoy-federatsii>. Дата публикации: 14.02.2025.
9. Будыкин М.В. Законодательное регулирование государственной кадровой политики в РФ / М.В. Будыкин - Экономика и социум. - 2020. - № 10 (77). С. 420. EDN: IYTBZH
10. Кофтина Ю.Н. Концептуальные основы кадровой политики в органах внутренних дел Российской Федерации: монография / Ю.Н. Кофтина. - Москва: РУСАЙНС, 2024. - 80 с. ISBN: 978-5-466-08398-9 EDN: PQXCFP
11. Мустафаева Ю.Ф. Правовые основы формирования кадровой политики / Ю.Ф. Мустафаева // Вестник науки. - 2023. - Т. 5, № 4(61). - С. 258. EDN: FAHJLL

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted at a nationwide referendum on 12.12.1993) // <https://base.garant.ru/10103000/>. Date of application: 22.02.2025.
2. On the State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law No. 79-FZ of 27.07.2004 // <https://base.garant.ru/12136354/>. Date of application: 22.02.2025.
3. On the Civil Service System of the Russian Federation: Federal Law No. 58-FZ of 27.05.2003 // <https://base.garant.ru/185886/>. Date of notification: 22.02.2025.
4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 // <https://base.garant.ru/401425792/>. Date of application: 02/22/2025.
5. On the federal personnel reserves of federal state bodies, whose activities are managed by the President of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated December 13, 2012 No. 1653 // <https://ivo.garant.ru/#/document/70281174>. Date of request: 02/22/2025.
6. On the Office of the President of the Russian Federation for Civil Service, Personnel and Anti-Corruption (together with the "Regulation on the Office of the President of the Russian Federation for Civil Service, Personnel and Anti-Corruption"): Decree of the President of the Russian Federation dated 05/23/2023 No. 368 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447682/. Date of request: 02/22/2025.
7. On the Federal State Information System "Unified Information System for Personnel Management of the State Civil Service of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 03.03.2017 No. 256 // <https://clck.ru/3EcRjy>. Date of reference: 02/22/2025.
8. Draft Decree of the President of the Russian Federation "On the fundamentals of the State personnel policy of the Russian Federation" // Spiritual and Moral Network / <https://strategy24.ru/rf/education/projects/kadrovaya-politika-rossiyskoy-federatsii>. Date of publication: 02/14/2025.
9. Budykin M.V. Legislative regulation of the state personnel policy in the Russian Federation / M.V. Budykin - Economics and Society. - 2020. - № 10 (77). P. 420. EDN: IYTBZH
10. Koftina Yu.N. Conceptual foundations of personnel policy in the internal affairs bodies of the Russian Federation: monograph / Yu.N. Koftina. - Moscow: <url>SCIENCES, 2024. - 80 p. ISBN: 978-5-466-08398-9 EDN: PQXCFP
11. Mustafayeva Yu.F. Legal foundations of personnel policy formation / Yu.F. Mustafayeva // Bulletin of Science. - 2023. - Vol. 5, No. 4(61). - p. 258. EDN: FAHJLL

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹

IMPROVING MIGRATION LEGISLATION IS AN IMPORTANT AREA OF ENSURING PUBLIC SAFETY IN RUSSIA

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева. 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Senior Researcher at the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev. 149 Moskovsky Prospekt, Saint Petersburg, Russia, 196105.
E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: в представленном исследовании автор рассматривает некоторые тенденции развития современного миграционного законодательства, оказывающего негативное воздействие на общественную безопасность Российской Федерации. Акцентируется внимание на росте преступлений, совершаемых мигрантами. Отмечается, что реформа миграционного законодательства на сегодняшний день сводится к необходимости усиления бюрократической составляющей и созданию дополнительной информационной системы учета особой категории иностранцев. Указывается на необходимость наделения войск национальной гвардии полномочием по административному выдворению за пределы Российской Федерации лиц, незаконно находящихся на территории государства, а также заключение Росгвардии и Центральным Банком Российской Федерации совместного соглашения, регулирующего особенности обеспечения должностными лицами государственной военной организации общественной безопасности.

Abstract: In the presented study, the author examines some trends in the development of modern migration legislation that has a negative impact on public safety in the Russian Federation. Attention is focused on the increase in crimes committed by migrants. It is noted that the reform of migration legislation today boils down to the need to strengthen the bureaucratic component and create an additional information system for accounting for a special category of foreigners. It is pointed out that the National Guard troops should be given the authority to administratively expel persons illegally present on the territory of the state from the Russian Federation, as well as the conclusion by the Rosgvardiya and the Central Bank of the Russian Federation of a joint agreement regulating the specifics of ensuring public security by officials of the state military organization.

Ключевые слова: общественная безопасность, миграционная политика, МВД России, Росгвардия, войска национальной гвардии, административное выдворение, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, преступление.

Keywords: public safety, migration policy, Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Guard, National Guard troops, administrative expulsion, protection of public order, ensuring public safety, crime.

Для цитирования: Шеншин В.М. Совершенствование миграционного законодательства – важное направление обеспечения общественной безопасности России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 257-260. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_257.

For citation: Shenshin V.M. Improving migration legislation is an important area of ensuring public safety in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 257-260. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_257.

Статья поступила в редакцию: 02.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Совершенствование миграционного законодательства особая тема сегодняшнего времени². Миграция должна быть управляемая в хорошем смысле этого слова³.

Целью исследования является рассмотрение некоторых проблем в сфере миграционной проблемы и влияния ее на обеспечение общественной безопасности.

«Миграция формирует предпосылки для распада России. А именно это является конечной целью стран Запада. И именно для этого происходит фальсификация фактов о нашем прошлом. Противостоять этому можно только с помощью решительных мер. Так, насущной необходимостью является ужесточение миграционного законодательства со странами Средней Азии и Закавказья» – заявил Н. Патрушев⁴.

Повышение эффективности федерального государственного контроля в сфере миграции, предполагает несколько неоднозначных нюансов.

Решения о выдворении мигрантов сможет принимать не только суд, но и полиция. Сейчас это возможно только после судебного постановления.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFPZ-2025-0001).

² Хабибуллин, А. Г. Тенденции политико-правового развития в сфере миграции: внешний и внутренний аспекты / А. Г. Хабибуллин, К. Р. Мурсалимов // Миграционное право. – 2024. – № 2. – С. 2-6. – DOI 10.18572/2071-1190-2024-2-2-6. – EDN EUPEAL.

³ <https://tass.ru/obschestvo/21503883>

⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/6666145?ysclid=izd4ip5qvq774659113>

Для иностранцев, нелегально пребывающих в России или иным образом нарушивших закон, введен режим высылки. Нарушителей включают в реестр контролируемых лиц, которым запрещено покупать квартиры и транспорт в России, жениться, получать водительское удостоверение, регистрировать бизнес, открывать банковские счета и переводить деньги.

Новые нормы закрепившие условия пребывания иностранцев в России, предусматривают, что они обязаны воздерживаться от деятельности, наносящей ущерб интересам Российской Федерации, бережно относиться к окружающей среде, материальным и культурным ценностям, уважать «многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни населения», не препятствовать осуществлению прав и свобод граждан Российской Федерации и работе органов публичной власти.

Мигранты не вправе вмешиваться во внешнюю и внутреннюю политику и должны уважать традиционные духовно-нравственные ценности¹.

Отдельным моментом обозначено требование о недопустимости искажения исторической правды о подвиге советского народа при защите Отечества и его вкладе в победу над фашизмом.

По словам первого зампреда Комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками К. Затулина, сокращен со 180 до 90 дней ежегодный срок пребывания иностранцев в России. Исключение установлено для тех, у кого есть трудовой патент или разрешение на работу.

Реализация принятых нормативных правовых актов различного уровня направлена на мотивацию иностранных граждан соблюдать российское законодательство, помогает исключить возможность использования ими фиктивной легализации своего статуса и обеспечить безусловное удаление с территории России иностранцев, не желающих соблюдать российское законодательство.

Отметим, что полиция наделена полномочием по получению сведений о тех, в отношении кого установлен режим административного выдворения. Например, банки обязаны будут сообщать полиции об операциях, счетах и вкладах контролируемых лиц².

Здесь нам представляется необходимым остановиться на том, что, к примеру, Росгвардия выполняет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере обеспечения *общественной безопасности* в пределах своих полномочий. На Росгвардию в числе прочего возложены задачи по организации участия войск национальной гвардии в охране общественного порядка и обеспечении *общественной безопасности*.

Из полномочий, которыми наделена Росгвардия в исследуемой сфере мы можем выделить – обеспечение участия войск национальной гвардии в охране общественного порядка и *обеспечении общественной безопасности*; определение совместно с МВД России порядка организации взаимодействия войск национальной гвардии с МВД России и его территориальными органами (подразделениями) при выполнении задач по охране общественного порядка и *обеспечении общественной безопасности*; организация участия войск национальной гвардии в пределах их полномочий в *обеспечении безопасности объектов* государственной охраны и защиты охраняемых ими объектов.

Акцентируем внимание на том, что в целях обеспечения *государственной и общественной безопасности*, защиты прав и свобод человека и гражданина, на основании указа Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 образована Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации.

Встает вопрос о том, какой вид безопасности обеспечивает Росгвардия на основании указа Президента РФ от 30 сентября 2016г. № 510 при осуществлении функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности, в сфере частной детективной деятельности, в сфере вневедомственной охраны, если в этом акте сказано – *«а также в сфере обеспечения общественной безопасности в пределах своих полномочий»*? Представляется, что здесь идет смешение вопросов обеспечения как государственной, так и общественной безопасности, постольку, поскольку, например, осуществление функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии должна реализовываться и при обеспечении государственной безопасности.

Войска национальной гвардии Российской Федерации исходя из их предназначения призваны обеспечивать *общественную безопасность*.

С нашей точки зрения, войска национальной гвардии необходимо наделить дополнительными полномочиями в сфере обеспечения общественной безопасности, направленными на административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан.

Стоит предусмотреть возможность заключения Центральным Банком Российской Федерации совместно с Росгвардией соглашения, направленного на информирование должностных лиц правоохранительного органа о нарушении мигрантами российского банковского законодательства.

Исходя из чего, контроль правоохранительных органов за нарушителями станет строже.

Иностранные граждане пользуются в России правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, поэтому иностранные граждане обязаны избегать бытовых конфликтов с гражданами.

¹ Лукоянов, П. В. Цифровизация как инструмент повышения эффективности в деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации / П. В. Лукоянов // Государственная и муниципальная власть в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития: Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, Чебоксары, 12 декабря 2023 года. – Чебоксары: Российский университет кооперации, 2024. – С. 107-111. – EDN BYULRN.

² Федеральный закон от 20.10.2022 № 408-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и статью 27 Федерального закона «О национальной платежной системе» // www.pravo.gov.ru

Детям мигрантов предложили подтверждать знание русского языка при поступлении в школу, а их родителей обязать нести полную ответственность за преступления, совершенные подростками.

Митрополит Рязанский и Михайловский М. Головкин остро высказался про мигрантов, отвечая на вопрос радиослушательницы о том, как православный человек должен относиться к мигрантам: «У нас существует дисгармония и диспропорция в отношении мигрантов. Им слишком много позволено здесь, чего не позволено русским в других странах. Это ненормально и неправильно. Должна быть законодательная база, которая поставит мигрантов на свои места. Что касается любви, уважения, каждый мигрант – это человек. И полюбить их можно только на основании примеров, когда мы видим человека в жизни»¹.

Внешняя миграция – конфликтотенная тема в большинстве стран мира. Это обусловлено тем, что мигранты, как правило, плохо адаптируются в стране пребывания, не уважают ее традиции и обычаи, живут обособленно, анклавами, плохо знают местный язык, в ряде случаев вообще на нем не говорят. Зачастую это накладывается на чуждую местному населению религию и культуру, что только усугубляет разногласия. Закладывается основа латентного конфликта, который мгновенно переходит в активную фазу при срабатывании сильного триггера, такого, например, как преступление, совершенное мигрантами.

Так, за 2023 и первую половину 2024 года рост преступлений экстремистского характера среди мигрантов составил рекордные 283 процента.

Данные Следственного комитета Российской Федерации о росте количества преступлений, совершенных мигрантами за 2024 года, подтверждают губительный для страны тренд – пока среди наших граждан снижается уровень преступности, мигранты стремительно наращивают темпы по нарушению закона. «Скачок» наблюдается по наиболее социально опасным статьям – мигранты стали намного чаще совершать преступления, связанные с педофилией и экстремизмом, чем в 2021 и 2022 годах соответственно. По данным, озвученным А. Бастрыкиным, в 2023 мигранты совершили на 147 % больше экстремистских деяний – в первой половине 2024 еще на 55 %. При учете фактора сложного процента рост составляет безумные 283 % за полтора года².

Статистика Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации позволяет удостовериться в том, что суммарный рост преступлений мигрантов против половой неприкосновенности за 18 месяцев – по всем частям 131 УК РФ «Изнасилование» рост составил 28 %, а рост развратных действий в отношении несовершеннолетних составил рекордные 50 %. Характерно, что это прямая противоположность общероссийскому тренду на снижение числа насильственных преступлений – за первые 5 месяцев 2024 количество изнасилований в стране сократилось на 3,4 %, а деяний экстремистской направленности в России стало на 17 % меньше³.

Рост идет по всем направлениям: преступления против половой неприкосновенности, экономические преступления, экстремистская деятельность, распространение наркотических средств и психотропных веществ⁴.

По словам А. Бастрыкина, «За четыре месяца 2024 года в Москву приехали 1 миллион 200 тысяч мигрантов, в Московскую область – 880 тысяч, в Санкт-Петербург – 860 тысяч. Общее число «незаменимых иностранных специалистов» достигло 14 миллионов человек. Это почти сопоставимо с численностью населения Таджикистана и Киргизии, вместе взятых.

Упоминание необходимости иностранными гражданами соблюдать законодательство Российской Федерации и «воздерживаться от деятельности в ущерб интересам России», не несет в себе четких дефиниций и не предполагает однозначной ответственности за нарушения. Следствием введения особого миграционного статуса – «контролируемое пребывание», с учетом дополнительных прав и обязанностей, возлагаемых в связи с приобретением этого статуса, на иностранных граждан, а также вытекающей отсюда необходимости ведения их учета, в первую очередь станет усиление бюрократической составляющей.

Акцентируем внимание, что существующая государственная система миграционного и регистрационного учета неоднократно подвергалась критике по причине несовершенства методик учета⁵. Так, количество мигрантов, пребывающих на территории Российской Федерации, до сих пор является предметом дискуссий и определяется только на основании косвенных данных. В связи с этим более приоритетной выглядит задача изменения методики ведения учета, с целью получения исчерпывающей информации относительно количества и местопребывания иностранных граждан.

В таких условиях весьма логичным выглядит заключение Счетной палаты Российской Федерации, которая в одном из обсуждаемых проектов закона не поддержала мнение законодателей, указав как на невозможность расширять перечень обязанностей, возлагаемых на полицию без внесения соответствующих изменений в закон «О полиции», так и на уже имеющееся наличие в эксплуатации МВД России различных информационных систем.

Очевидно, что в силу специфики своей деятельности, МВД России видит основные задачи в усилении контроля и ужесточении правил. Однако работа с миграцией и мигрантами не ограничивается только этими аспектами.

По этой причине, представляется, что основой для реального реформирования станет передача миграционных вопросов в новое ве-

¹ <https://www.ryazan.kp.ru/online/news/5847318/?ysclid=lzd4qtps2d339034990>

² <https://www.rbc.ru/politics/16/07/2024/669676b39a7947d2445bd027?ysclid=lzd4s5fhqs923626457>

³ <https://www.rbc.ru/society/20/04/2024/6621276c9a794732b9ff426e?ysclid=lzd4t6fpqc216237002>

⁴ Сальников, В. П. Миграционные вызовы и миграционные риски иностранных граждан и лиц без гражданства при назначении условно-досрочного освобождения / В. П. Сальников, Е. А. Брылева // Миграционное право. – 2024. – № 1. – С. 15-18. – DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-15-18. – EDN FYFXEM.

⁵ Сальников, В. П. Некоторые проблемы ресоциализации мигрантов в Российской Федерации / В. П. Сальников, К. И. Воронков, М. Ю. Гутман // Миграционное право. – 2023. – № 4. – С. 2-4. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-4-2-4. – EDN PQMKVL.

домство.

Только на основе этого могут возникнуть альтернативные подходы, в результате чего может, как повыситься качество статистики, так и уровень информирования и открытости. В условиях, когда вопросы, связанные с миграционной политикой, становятся крайне важными с точки зрения вероятного роста социальной напряженности, необходимо направить усилия не на борьбу с последствиями, а на превентивные меры воздействия.

Проведение реформы миграционного законодательства тормозится по причине различных позиций ведомств, но активизация усилий в этом направлении после заявления Президента Российской Федерации неминуема. Запрос на реформы миграционного законодательства в обществе имеется, и он постепенно реализуется.

Глава государства во время выступления на пленарной сессии ПМЭФ обратил внимание на отсутствие осмысленной миграционной политики в стране. Существующая проблема во многом игнорируется, а обсуждение темы затягивается. Отсутствие результатов становится еще более очевидным с учетом ранее существовавших планов по реформированию миграционного законодательства до 2025 г. в рамках реализации стратегии развития России¹.

Необходимость создания отдельного государственного органа, занимающегося вопросами миграции и мигрантов, фактически уже не обсуждается. Проблемы возникают при обсуждении ведомственной подчиненности нового органа. По имеющейся информации, МВД России категорически против того, чтобы передать миграционные вопросы из своего ведомства, предполагая воссоздание Федеральной миграционной службы в рамках своей структуры.

Реализация такого подхода не подразумевает качественного изменения ситуации, поскольку основные усилия по реформированию законодательства должны быть направлены не только на усиление контроля за мигрантами.

Остальные аспекты работы с миграцией и мигрантами – гуманитарные, культурные, социальные, экономические, остаются за рамками настоящего исследования. Также последнее время отмечается тенденция на общее ужесточение и сокращение существующих порядков и сроков.

Остановим свое внимание на том, что депутаты Госдумы предложили отнести организацию незаконной миграции к числу особо тяжких преступлений, за которые может грозить пожизненное лишение свободы.

Тем временем полиция фиксирует в России в 2024 году в 2,3 раза больше фактов организации незаконной миграции.

«Глава комитета Совета Федерации по экономической политике А. Кутепов подготовил и направил в Правительство Российской Федерации законопроект о лишении индивидуальных предпринимателей, которые являются иностранными гражданами и лицами без гражданства, прав на применение упрощенной системы налогообложения (УСН) и патентной системы налогообложения (ПСН).

Сенатор также направил письмо вице-премьеру Д. Григоренко с предложением запретить иностранным гражданам применять специальный налоговый режим – налог на профессиональный доход».

Таким образом, тенденции развития современного миграционного законодательства не стоят на месте. Однако общество требует кардинальных перемен в этом направлении.

Список литературы:

1. Лукоянов, П. В. Цифровизация как инструмент повышения эффективности в деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации / П. В. Лукоянов // Государственная и муниципальная власть в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития : Сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию Конституции Российской Федерации, Чебоксары, 12 декабря 2023 года. – Чебоксары: Российский университет кооперации, 2024. – С. 107-111. – EDN BYULRN.
2. Сальников, В. П. Миграционные вызовы и миграционные риски иностранных граждан и лиц без гражданства при назначении условно-досрочного освобождения / В. П. Сальников, Е. А. Брылева // Миграционное право. – 2024. – № 1. – С. 15-18. – DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-15-18. – EDN FYFXEM.
3. Сальников, В. П. Некоторые проблемы ресоциализации мигрантов в Российской Федерации / В. П. Сальников, К. И. Воронков, М. Ю. Гутман // Миграционное право. – 2023. – № 4. – С. 2-4. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-4-2-4. – EDN PQMKVL.
4. Хабибулин, А. Г. Тенденции политико-правового развития в сфере миграции: внешний и внутренний аспекты / А. Г. Хабибулин, К. Р. Мурсалимов // Миграционное право. – 2024. – № 2. – С. 2-6. – DOI 10.18572/2071-1190-2024-2-2-6. – EDN EUPEAI.

References:

1. Lukoyanov, P. V. Digitalization as a tool to increase efficiency in the activities of the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation / P. V. Lukoyanov // State and municipal power in the Russian Federation: current state and development prospects : Collection of materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation Cheboksary, December 12, 2023. Cheboksary: Russian University of Cooperation, 2024. pp. 107-111. EDN BYULRN.
2. Salnikov, V. P. Migration challenges and migration risks of foreign citizens and stateless persons when granting parole / V. P. Salnikov, E. A. Bryleva // Migration law. – 2024. – No. 1. – pp. 15-18. – DOI 10.18572/2071-1182-2024-1-15-18. – EDN FYFXEM.
3. Salnikov, V. P. Some problems of resocialization of migrants in the Russian Federation / V. P. Salnikov, K. I. Voronkov, M. Y. Gutman // Migration law. – 2023. – No. 4. – pp. 2-4. – DOI 10.18572/2071-1182-2023-4-2-4. – EDN PQMKVL.
4. Khabibulin, A. G. Trends in political and legal development in the field of migration: external and internal aspects / A. G. Khabibulin, K. R. Mursalimov // Migration law. – 2024. – No. 2. – pp. 2-6. – DOI 10.18572/2071-1190-2024-2-2-6. – EDN EUPEAI.

¹ <https://tass.ru/politika/21041133>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА (ОТЦОВСТВА) И ДЕТСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ STATE POLICY ON SOCIAL AND LEGAL PROTECTION OF THE FAMILY, MOTHERHOOD (FATHERHOOD) AND CHILDHOOD IN THE RUSSIAN FEDERATION

ПОРТНОВА Елена Витальевна,

доцент кафедры частного и публичного права юридического института Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: elena_v_portnova@rambler.ru;

PORTNOVA Elena V.,

Associate Professor, Department of Private and Public Law, Institute of Law, Penza State University, Candidate of Law, Associate Professor.
40 Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.
E-mail: elena_v_portnova@rambler.ru

Краткая аннотация. Актуальность темы обусловлена возросшей необходимостью защиты традиционных семейных ценностей, которые в последнее время в мировой практике переживают этап трансформации. Важнейшей задачей государства в этой связи является защита семьи, материнства (отцовства) и детства, отстаивание традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы, такие как анализ, синтез, историко-правовой, формально-логический, сравнительно-правовой. В статье делается вывод о том, что, учитывая общегосударственную важность воспроизводства населения России и поиск путей предотвращения демографических катастроф, необходимо сформулировать четкий план, направленный не только на повышение рождаемости, но и на улучшение материального благосостояния семьи.

Abstract. The relevance of the topic is due to the increased need to protect traditional family values, which have recently been undergoing a transformation in world practice. The most important task of the state in this regard is the protection of the family, motherhood (fatherhood) and childhood, upholding the traditional spiritual and moral values of Russian society. The methodological basis of the study was made up of general scientific and specific scientific methods, such as analysis, synthesis, historical and legal, formal logical, comparative legal. The article concludes that, given the national importance of the reproduction of the population of Russia and the search for ways to prevent demographic catastrophes, it is necessary to formulate a clear plan aimed not only at increasing the birth rate, but also at improving the material well-being of the family.

Ключевые слова: семья, материнство, отцовство, детство, традиционные семейные ценности, защита, Всемирная декларация о семье.

Key words: family, motherhood, fatherhood, childhood, traditional family values, protection, World Declaration on the Family.

Для цитирования: Портнова Е.В. Государственная политика в отношении социально-правовой защиты семьи, материнства (отцовства) и детства в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 261-264. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_261.

For citation: Portnova E.V. State policy on social and legal protection of the family, motherhood (fatherhood) and childhood in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 261-264. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_261.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Семья, пожалуй, один из немногих институтов, которые получили защиту не только в национальном законодательстве, но и на международном уровне. В качестве основополагающих международных документов можно назвать Всемирную декларацию о семье, принятую 4 апреля 2014 года, и Международную декларацию о защите семьи, которая была подписана в Москве 27 января 2025 года. Во Всемирной декларации о семье семья трактуется в качестве естественно образованной и фундаментальной социальной ячейки, нуждающейся в защите и поддержке при помощи системы эффективных гарантий.

Трансформация понятия брака и семьи, которая началась в Европе в середине прошлого столетия, вызвала необходимость защиты традиционных семейных ценностей [1, с. 19]. Международная декларация о защите семьи закрепляет, что семейные ценности нуждаются в надежной защите, при этом эту защиту должно гарантировать не только государство, но и общество в целом. Примечательно, что семейными ценностями признается супружество (союз мужчины и женщины), любовь, забота и уважение. В то же время указывается на то, что «антисемейные» течения, в том числе пропаганда понятия «гендер», однополых браков должны получить законодательный запрет не только в национальном, но и в международном праве. Кроме того, в декларации впервые была затронута тема невмешательства в семейные дела. Установлено, что такого права нет ни у кого, в том числе у государства. На государство возложена обязанность предпринимать все необходимые меры в целях «недопущения произвольного вмешательства в дела семьи». Таким образом, презумпция добросовестности родителей впервые получила свое закрепление на таком высоком уровне. Категория «добросовестности родителей» широко обсуждается не только в научной литературе, но и нашла свое отражение в Постановлении Конституционного суда РФ от 8 июня 2010 года. В частности, суд в Постановлении отметил: «обязанность родителей заботиться о своих детях обуславливает характер правоотношений между родителями и детьми, что позволяет законодателю устанавливать систему гарантий прав несовершеннолетних, основываясь на презумпции добросовестности поведения родителей в отношении своих детей»[2].

Однако следует признать, что в международно-правовых актах институт семьи еще до конца не оформился. Как правило, защита семьи и семейных ценностей в актах международного права рассматривается как единое целое с иными правами человека. В частности, получили свое закрепление следующие права: право на создание семьи; заключение брака; планирование семьи; государственную поддержку и проч. Обязанность по обеспечению указанных прав ложится на плечи государства.

Конституция РФ не так четко закрепляет право на семью, как международно-правовые акты. Однако право на семью следует рассматривать как одно из важнейших конституционных прав человека и гражданина [3, с. 21]. На конституционном уровне семья, материнство и детство получили наивысшую защиту. Вместе с тем практическая реализация запланированных показателей отличается противоречивостью и непоследовательностью. Фактически семьи, в которых два и более ребенка, гораздо чаще оказываются за чертой бедности, нежели иные социальные группы. Бедными считаются люди, чей денежный доход не дотягивает до прожиточного минимума в том или ином регионе. Так, по неутешительным данным Росстата, каждая четвертая семья с двумя детьми оказывается бедной. Причем, наблюдается значительное расслоение относительно места жительства: на селе бедных в процентном соотношении гораздо больше, чем в городе [4]. Прогнозируется, что в обозримом будущем разрыв между общей и «детской» бедностью имеет все шансы на увеличение. Данные обстоятельства свидетельствуют о недостаточной эффективности проводимой социальной политики в государстве. Кроме того, материальная нестабильность, отсутствие собственного жилья обостряют социальное неравенство, а также приводят к межличностным конфликтам, например, увеличилось количество социальных сирот и беспризорных детей.

Несомненно, ключевая цель, на которую должна быть ориентирована социальная политика любого государства – это обеспечение гражданам достойного уровня жизни. Однако прожиточный минимум рассчитывается на основе заниженной нормы потребления на одного человека, следовательно, о достойном уровне жизни говорить не приходится [5, с. 4]. Кроме того, фактически получаемая населением заработная плата, несмотря на правовые гарантии, оказывается ниже прожиточного минимума, что негативно сказывается на уровне жизни социально незащищенных слоев в целом по стране.

Нельзя не сказать о конституционных поправках, направленных на усиление социально-экономического компонента развития общества. Следствием изменений, одобренных на референдуме, явились масштабные корректировки российского законодательства, причем в большей степени это коснулось сферы усиления социальных гарантий. Так, 7 мая 2021 года Президентом был издан Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [6]. Обращает на себя внимание тот факт, что среди национальных целей развития на первый план выходит «сохранение населения, здоровье и благополучие людей». В рамках названной цели развития установлены следующие показатели: увеличение численности населения и продолжительности жизни (до 78 лет); сокращение уровня бедности. Особо стоит отметить такой целевой показатель, как увеличение вовлеченности населения в занятия спортом до 70%. Таким образом, анализ содержания приведенных нормативных актов позволяет говорить о том, что российская политика по всем ключевым вопросам социальной политики остается логичной и последовательной. На первый план в настоящее время выходят вопросы сохранения населения, а социально-экономические условия имеют неразрывную связь с процессами защиты и обеспечения сохранности национальных интересов. Анализ российской демографической политики позволяет обнаружить три основных направления воздействия: увеличение продолжительности жизни и снижение естественной убыли населения; меры, стимулирующие рождаемость; эффективное воздействие на процессы внешней и внутренней миграции [7].

Вопросам поддержки материнства, отцовства и детства неоднократно уделялось особое внимание в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию [8, с. 168]. С сожалением приходится констатировать, что реализуемые политические меры, осуществляемые в целях оказания поддержки социально незащищенным группам населения, напрямую зависят от демографических показателей, таких как низкий уровень жизни, превышение смертности над рождаемостью. В итоге складывается ситуация, когда два потенциальных работника зачастую не в силах прокормить двоих и более детей. А если ко всему сказанному добавить провозглашенную в Конституции свободу труда, когда каждый самостоятельно вправе определять род и сферу деятельности, равно как и не работать вообще, то ситуация может стать для семьи весьма плачевной. Следовательно, социальная защита семьи, материнства и детства должна стать действенным инструментом проводимой в государстве социальной политики по инвестированию в человеческий капитал.

Анализ нормативно-правовой базы показывает, что нигде не фигурируют гарантии обеспечения высокого уровня социальной защищенности семей, а также нет понятия надлежащего воспитания детей [9, с. 157]. Напротив, законодатель, как было указано выше, активно вводит презумпцию добросовестности родителей при воспитании детей. Так, в начале июля 2022 года в Госдуму был внесен законопроект по внесению поправок в Семейный кодекс РФ, предлагающих установить обязанность передать вопрос отобрания ребенка при угрозе его жизни (здоровью) на рассмотрение районного суда [10].

К сожалению, существующая в стране система социального обеспечения нуждается в совершенствовании, поскольку она не способна обеспечить эффективной защиты семей, в которых воспитываются социально уязвимые дети. Безусловно, особо значимые общественные интересы будут всегда преобладать в законах о социальном обеспечении, что находит свое отражение в принятии мер в пользу детей, в то время как материальное содействие семьям, в которых воспитываются несовершеннолетние дети, остается слабо развитым. В результате семье сложно в полном объеме выполнять воспитательные функции в отношении детей, а тенденция к увеличению количества социальных сирот с каждым годом только набирает свои обороты.

С 29 декабря 2006 года в Российской Федерации действует Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [11], в который постоянно вносятся корректировки, вызванные происходящими в обществе изменениями. Федеральный закон раскрывает понятие дополнительных мер социальной поддержки семей, имеющих детей, определяет круг лиц, обладающих правом на их получение. Нельзя не обратить внимание на то, что в 2021 году положения ч. 1 ст. 3 указанного закона, перечисляющей категории лиц, которые вправе претендовать на получение данных мер, была признана Конституционным судом РФ частично неконституционной. Суд при принятии решения указал, что «законодатель не учел, что в семьях с детьми, рожденными с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (в частности, суррогатного материнства), - если изначально в качестве единственного родителя таких детей на основании вступившего в законную силу судебного решения

об установлении отцовства был признан их генетический отец, а в последующем, после вступления его в брак, эти дети были усыновлены его супругой - право на получение материнского (семейного) капитала в связи с рождением ребенка в силу объективных причин не может возникнуть у женщины-матери и быть ею реализовано. У женщины же, которая усыновила указанных детей, приходящихся ей пасынками или падчерицами, данное право также не возникает»[12]. Учитывая сказанное, при существующем регулировании на материнский капитал не может претендовать ни мужчина-отец, ни женщина, которой эти дети приходятся пасынками (падчерицами). С позиции Конституционного суда это является законодательным упущением.

Вместе с тем введение дополнительных видов социального обеспечения сопровождается корректировкой порядка и условий их предоставления, что не всегда приводит к ожидаемым результатам. Так, регулярное обновление и мониторинг индексов благосостояния граждан, воспитывающих несовершеннолетних детей, введение и изменение сумм материнского капитала, частичная компенсация обучения детей в дошкольных учреждениях образования и другие меры нередко связаны с принятием непоследовательных законодательных решений. Например, вряд ли можно считать эффективным перевод ежемесячной компенсации на ребенка на уровень субъектов Федерации.

Что касается страны и перспектив развития российских семейных институтов, то существуют две основные парадигмы: концепция «кризиса семьи» и «модернизация семьи». Главный вопрос состоит в том, как следует относиться к нежеланию иметь более одного ребенка в семье, появлению различных форм брака и другим трансформациям института брака и семьи. Если мы рассматриваем происходящие изменения как эволюцию семьи, то имеет место концепция модернизации, и напротив, если мы негативно оцениваем происходящие процессы, соответственно речь идет о концепции кризиса семьи.

Парадигма «семейного кризиса» вызвана выраженным влиянием глобального и системного кризиса семейных институтов, происходящим в мировом сообществе. Данная концепция ориентирована прежде всего на пороки организации общественных отношений рыночного типа. Процессы, характеризующие кризис института семьи, сводятся к занижению ценности брака, повсеместному распространению сожительства, пропаганде однополых браков, трансформации единства всех поколений. Перечисленные негативные явления угрожают институту брака и семье; способны в конечном итоге обесценить проводимую государственную социальную политику, любые меры будут оказываться неэффективными, если общество изначально обесценивает данную сферу.

В рамках «концепции модернизации» любые преобразования семьи объясняются как специфическое выражение общего процесса трансформации семейных ценностей, который подразумевает смену одного типа семейных отношений другим. При этом модернизация института семьи выступает как часть глобальных социальных перемен. Представляется, что происходящие изменения обусловлены более глубокими причинами, нежели социально-экономические и политические процессы последних десятилетий.

Таким образом, в представленных подходах, несмотря на радикальные отличия, имеется также немало общих черт, например, никто не оспаривает тот факт, что в институте семьи в настоящее время происходят значительные перемены.

Естественная убыль населения, фиксируемая в России последние годы, вызвала актуализацию демографической политики. Несмотря на то, что в рамках национального проекта «Демография» в Российской Федерации потрачено несколько триллионов рублей, естественная убыль населения продолжает ускоряться. По данным статистики, в период с 2018 по 2023 гг. в результате преобладания смертности над рождаемостью население страны сократилось на 3,4 млн человек[13]. Среди причин, влияющих на эффективность нацпроекта «Демография» можно назвать, прежде всего демографическую яму, которая является отголоском прошедших десятилетий, а также проводимую специальную военную операцию. Ежедневно в зоне боевых действий гибнут сотни людей, Россия фактически вынуждена противостоять ежедневным натискам со стороны половины мирового сообщества. Не удивительно, что в сложившихся условиях семьи откладывают рождение детей, потому как женщины попросту боятся рожать. Также свое отрицательное воздействие на прирост населения оказал ковид-19, унесший сотни тысяч жизней россиян. Безусловно, все эти и многие другие факторы в совокупности негативно отразились на демографической ситуации и фактически привели к кризису.

Важнейшим шагом к разрешению описанных выше проблем явились поправки в Конституцию РФ, принятые на референдуме. В частности, обращает на себя внимание дополнение статьи 72, разграничивающей предметы ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, пунктом «ж.1», относящим защиту брака, семьи, материнства (отцовства) и детства к совместному ведению. Это означает, что как федеральные органы законодательной власти вправе регулировать данную сферу, так и представительные органы субъектов РФ полномочны устанавливать дополнительные гарантии. Принятые изменения в полной мере соответствуют тому периоду, через который в настоящее время проходит государственное и общественное развитие. Таким образом, проводимые нормативно-правовые преобразования следует считать логичными и оправданными. Отметим, что статья 72 Конституции РФ, в отличие от многих других конституционных положений, не носит декларативный характер, она лишь перечисляет предметы совместного ведения.

Представляется, что законодатель, вводя рассматриваемый пункт, преследовал одну лишь цель – поднять на конституционный уровень защиту института брака и семьи, тем самым подтвердив, что сохранению традиционных семейных ценностей в стране придается особое значение. Эта мера означает, что государство, выстраивая комплексную систему защиты семьи, материнства, отцовства и детства, стремится вовлечь в этот процесс все уровни государственной власти. Вместе с тем по данному направлению предстоит масштабная работа по установлению ряда правовых гарантий не только федерального, но и регионального уровня, обеспечивающих реализацию прав и свобод граждан.

Рассматриваемое дополнение ст. 72 Конституции было принято в рамках Концепции семейной политики до 2025 г. [14]. Отметим, что в нашей стране семья впервые получила государственную защиту на конституционном уровне лишь в Основном законе СССР 1977 г. [15]. На современном этапе указанные нормы получили расширительное толкование: государственную защиту получила не только семья, но и институт брака как союз мужчины и женщины. Кроме того, государство взяло на себя обязательства по созданию необходимых условий для воспитания детей.

Особого внимания заслуживает вопрос о трактовке брака, как союза мужчины и женщины. Отдельными исследователями это расценивается как противопоставление «традиционных ценностей» общества «нетрадиционным ценностям» и идеалам свободного мультикультурного мира [16, с. 18]. По этому вопросу Конституционный суд РФ в одном из своих решений высказал правовую позицию о том, что данная формулировка не может считаться дискриминационной, поскольку преследует цель, во-первых, отразить сформированные в традиционном российском обществе нормы, а во-вторых, обеспечить сохранение человечества [17].

Следует поддержать мнение о том, что законодательное, а не договорное разграничение полномочий в сфере совместного ведения должно рассматриваться как дополнительная гарантия принципа равенства субъектов РФ, закрепленного в ст. 5 Конституции. Помимо прочего, расширение предметов совместного ведения путем включения в них защиты брака и традиционных семейных ценностей говорит в пользу усиления данного института [18, 34]. Следует также помнить о том, что у регионов есть собственная власть, которая распространяет свое действие на ту же территорию, где действует том числе и власть государства. Следовательно, определение круга предметов совместного ведения обусловлено самой природой единства осуществления публичной власти.

Таким образом, учитывая общегосударственную важность воспроизводства населения России и поиск путей предотвращения демографических катастроф, необходимо сформулировать четкий план, направленный не только на повышение рождаемости, но и на улучшение материального благосостояния семьи. Важной вехой в развитии указанной идеи послужили поправки в Конституцию РФ, одобренные в ходе референдума в 2020 году. Посредством конституционного закрепления государство зафиксировало традиционное понимание семьи как союза мужчины и женщины, что не может расцениваться как дискриминационное. Вопросы определения семейной политики Российская Федерация отнесла к сфере совместного ведения Федерации и ее субъектов.

Список литературы:

1. Ковалева Е.В. Традиционные семейные ценности в правовой культуре молодежи // Право и практика. 2024. № 2. С. 18-22.
2. Постановление Конституционного суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П // Российская газета. 17.06.2010. № 130 // СЗ РФ. № 25. 21.06.2010. Ст. 3246.
3. Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 21-30.
4. <https://www.pravmir.ru/kazhdaya-chetvertaya-semya-s-dvumya-detmi-v-rossii-zhivet-za-chertoj-bednosti/> (дата обращения 03.02.2025)
5. Горюхова С.С. О некоторых подходах к сохранению и защите традиционных семейных ценностей в российском праве // Политика и право. 2024. № 8. С. 1-17.
6. Указ Президента от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 20. 13.05.2024. Ст.2584.
7. Булаевский Б.А. Принципы семейного права и правовое обеспечение семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 3. С. 9-17.
8. Летова Н.В. Государственная защита традиционных семейных ценностей: проблемы и особенности // Право и политика. 2024. № 2. С. 168-173.
9. Лопаткина А.С. Отобрание ребенка у родителей как способ ограничения семейных прав: вопросы теории и практики // Закон и право. 2025. № 1. С. 155-161.
10. <https://pravo.ru/opinion/242944/?ysclid=mb1zmzpgv510422853> (дата обращения 03.02.2025)
11. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СЗ РФ. 01.01.2007. № 1 (ч. I). Ст. 19.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СЗ РФ. 12.07.2021. № 28. Ст.5629.
13. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 03.02.2025)
14. Распоряжение Правительства от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811.
15. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 07 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 12.10.1977. № 41. Ст. 619.
16. Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15-25.
17. Заключение Конституционного суда РФ № 1-3 от 16.03.2020 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 23.03.2020. № 12. Ст.1855.
18. Гошуляк В.В. Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 31-40.

References:

1. Kovaleva E.V. Traditsionny'e semejny'e cennosti v pravovoj kul'ture molodezhi // Pravo i praktika. 2024. № 2. S. 18-22.
2. Postanovlenie Konstitucionnogo suda RF ot 8 iyunya 2010 g. № 13-P // Rossijskaya gazeta. 17.06.2010. № 130 // Sobranie zakonodatel'stva RF. № 25. 21.06.2010. St. 3246.
3. Narutto S.V. Sem'ya kak konstitucionnaya cennost' // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2017. № 5. S. 21-30.
4. <https://www.pravmir.ru/kazhdaya-chetvertaya-semya-s-dvumya-detmi-v-rossii-zhivet-za-chertoj-bednosti/> (data obrashheniya 03.02.2025)
5. Gorokhova S.S. O nekotoryx podhodax k soxraneniyu i zashhite traditsionnyx semejnyx cennostej v rossijskom prave // Politika i pravo. 2024. № 8. S. 1-17.
6. Ukaz Prezidenta ot 07 maya 2024 g. № 309 «O nacional'nyx celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 20. 13.05.2024. St.2584.
7. Bulaevskij B.A. Principy' semejnogo prava i pravovoe obespechenie semejnoy politiki // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2019. № 3. S. 9-17.
8. Letova N.V. Gosudarstvennaya zashhita traditsionny'x semejny'x cennostej: problemy' i osobennosti // Pravo i politika. 2024. № 2. S. 168-173.
9. Lopatkina A.S. Otobranie rebenka u roditelej kak sposob ogranicheniya semejny'x prav: voprosy' teorii i praktiki // Zakon i pravo. 2025. № 1. S. 155-161.
10. <https://pravo.ru/opinion/242944/?ysclid=mb1zmzpgv510422853> (data obrashheniya 03.02.2025)
11. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2006 g. № 256-FZ (red. ot 26.12.2024) «O dopolnitel'nyx merax gosudarstvennoj podderzhki semej, imeyushih detej» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 01.01.2007. № 1 (ch. I). St. 19.
12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29 iyunya 2021g. № 30-P «Po delu o provere konstitucionnosti stat'i 3 Federal'nogo zakona "O dopolnitel'nyx merax gosudarstvennoj podderzhki semej, imeyushih detej" v svyazi s zaprosom Konakovskogo gorodskogo suda Tverskoj oblasti» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 12.07.2021. № 28. St.5629.
13. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (data obrashheniya 03.02.2025)
14. Rasporyazhenie Pravitel'stva ot 25 avgusta 2014 g. № 1618-r «Ob utverzhenii koncepcii gosudarstvennoj semejnoy politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 01.09.2014. № 35. St. 4811.
15. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskix Socialistsicheskix Respublik ot 07 oktyabrya 1977 g. // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 12.10.1977. № 41. St. 619.
16. Kondrashev A.A. Tendencii konstitucionnogo razvitiya Rossii v kontekste konstitucionnoj reformy' 2020 goda // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 11. S. 15-25.
17. Zaklyuchenie Konstitucionnogo suda RF № 1-3 ot 16.03.2020 «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitucii Rossijskoj Federacii ne vstupivshix v silu polozhenij Zakona Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyx voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti", a takzhe o sootvetstvii Konstitucii Rossijskoj Federacii porjadka vstupleniya v silu stat'i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 23.03.2020. № 12. St.1855.
18. Goshulyak V.V. Zashhita sem'i kak predmet sovmestnogo vedeniya Rossijskoj Federacii i sub'ektov Rossijskoj Federacii // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2023. T. 18. № 4. S. 31-40.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СОВЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ON THE ISSUE OF THE ACTIVITIES OF CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COUNCILS OF CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

УСМАНОВ Альфред Камилевич,

старший преподаватель кафедры публичного и частного
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: usmanov.alf@yandex.ru;

АЛЕКСЕЕВА Надежда Григорьевна,

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки
Уфимского юридического института МВД России, лейтенант полиции.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухомова, 2.
E-mail: nadya.alekseeva.19@bk.ru;

USMANOV Alfred Kamilevich,

Senior Lecturer of the Department of Public and Private Law
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: usmanov.alf@yandex.ru;

ALEKSEEVA Nadezhda Grigorievna,

Lecturer of the Firearms and Tactical-Special Training Department
of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lieutenant of Police.
450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muxinov St., 2.
E-mail: nadya.alekseeva.19@bk.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию роли конституционных (уставных) советов в субъектах Российской Федерации. Эти советы представляют собой уникальные структуры, ответственные за мониторинг соблюдения конституционных норм на региональном уровне. В условиях федеративной системы России, где каждая республика, край и область имеют свою степень автономии, значимость таких институтов трудно переоценить. В данной работе рассматриваются функции конституционных советов как органов конституционного контроля, а также проблемы, возникающие в их работе.

Abstract. The article is devoted to the study of the role of constitutional (statutory) councils in the subjects of the Russian Federation. These councils are unique structures responsible for monitoring compliance with constitutional norms at the regional level. In the context of the federal system of Russia, where each republic, territory and region has its own degree of autonomy, the importance of such institutions cannot be overestimated. This paper examines the functions of constitutional councils as bodies of constitutional control, as well as the problems that arise in their work.

Ключевые слова: конституционный (уставной) совет, субъект Российской Федерации, разделение властей, система государственных органов, органы конституционного контроля.

Keywords: constitutional (statutory) council, subject of the Russian Federation, separation of powers, system of state bodies, functions of constitutional councils.

Для цитирования: Усманов А.К., Алексеева Н.Г. К вопросу о деятельности конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 265-268. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_265.

For citation: Usmanov A.K., Alekseeva N.G. On the issue of the activities of the constitutional (statutory) councils of constituent entities of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 265-268. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_265.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Исторически, необходимость в институтах конституционного контроля в России начала осознаваться с конца 1980-х годов, когда начались процессы демократизации и реформирования политической системы. Параллельно с этим в обществе возникло требование о защите прав человека и правовых норм. Ключевым моментом в истории становления конституционного судопроизводства в России стало принятие новой Конституции 12 декабря 1993 года. Она стала основой для создания Конституционного суда Российской Федерации, который был учрежден в соответствии с главой 7 Конституции [12]. Однако, на протяжении почти 30 лет в системе государственного управления периодически проходили преобразования и реформы. Не осталась в стороне и судебная власть. Федеральным конституционным законом от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» [1] конституционные (уставные) суды субъектов РФ утратили статус судебных органов осуществляющих конституционное судопроизводство. Взамен конституционных (уставных) судов, в субъектах РФ, самими субъектами принимается решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

На сегодняшний день, в ряде субъектов РФ такие органы созданы. Например, в Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия) и Республике Адыгея были приняты свои нормативно-правовые акты, регламентирующие полномочия, состав и порядок образования конституционных советов, а также иные организационно-правовые вопросы деятельности данных органов. Примечательно, что федеральный законодатель не упустил в то, чтобы создать единые правила для данного нового института, вверив вопрос создания советов в руки законодательных (представительных) органов субъектов РФ. Считаем, что такое было сделано намеренно, с целью сохранить индивидуальность и особенно-

сти каждого субъекта РФ. Несмотря на небольшие различия, уже на примере разных субъектов РФ, в которых созданы конституционные (уставные) советы, мы можем увидеть то, что законодательный (представительный) орган принимает решение о формировании данного органа в своем субъекте, определяет численный состав, закрепляет требования к кандидатам на должность государственной гражданской службы. Круг полномочий, которые возлагаются на конституционные (уставные) советы субъектов РФ, также устанавливает законодательный (представительный) орган [2, 3, 4, 5].

Например, законодательный орган Республике Башкортостан возложил на совет в качестве такого полномочия пропаганду конституционных ценностей среди населения. Суды такими полномочиями не наделялись, поскольку такая деятельность не вписывается в статус судей в принципе. Интересно то, в каком формате конституционный совет должен осуществлять пропаганду нигде не оговаривается, поэтому не ясно как данный орган будет с этим справляться. Схожая функция возлагается и на конституционный совет в Республике Татарстан, только формулировка более содержательная – «содействие правовому просвещению, формированию и развитию правовой культуры населения» данного субъекта.

В Республике Саха (Якутия) у конституционного совета таких полномочий нет, да и в целом именно в данном субъекте РФ этот орган наиболее приближен к стилистике конституционных (уставных) судов.

Интересны различные точки зрения на это понятие. Так, по мнению Ф.Р. Муратшина конституционные (уставные) советы субъектов РФ «это специализированные органы конституционного контроля, нацеленные на осуществление контроля за содержанием и формой принимаемых в субъекте Российской Федерации правовых актов и деятельностью органов публичной власти с позиций соответствия или несоответствия нормам конституций и уставов регионов, но, в отличие от конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, не относящиеся к структурам судебной ветви власти» [8, с. 98]. С.Б. Сафина пишет: «Полагаем, что при определении места и роли конституционных (уставных) советов в структуре государственного аппарата вполне допустимо применять в отношении их термин «конституционный государственный орган». Начавшийся в республиках процесс формирования конституционных советов и законодательного регулирования их деятельности актуализирует осмысление и анализ сущности и содержания таких конституционно-правовых конструкций» [11, с. 43].

О.В. Брежнев справедливо высказывался, что статус конституционных (уставных) советов субъектов РФ до сих пор неясен и имеющаяся официальная информация от законодателя позволяет сделать лишь общие выводы. Так, автор отметил: «Во всяком случае, исходя из конституционного принципа разделения властей для того, чтобы создаваемый орган конституционного контроля(надзора) эффективно осуществлял свои полномочия, предпочтительно, чтобы он не было организационно включен в систему законодательной или исполнительной власти. Это позволило бы ему выполнять роль независимого арбитра в конституционно-правовых спорах между этими ветвями власти» [7, с. 33].

Анализ взглядов ученых и нормативно-правового материала позволяет нам выявить их главные функции.

1. Функция конституционного контроля. Конституционные советы субъектов Российской Федерации представляют собой уникальные органы, осуществляющие контроль за соблюдением конституционных норм на уровне регионов. В условиях федеративного устройства России, где каждая республика, край и область обладают определенной степенью автономии, важность таких институтов сложно переоценить. Согласно же законодательству Республики Адыгея, конституционный совет осуществляет основную функцию – функцию конституционного надзора.

2. Функция защиты прав человека. Конституционные советы рассматривают обращения граждан, организации и государственных органов по вопросам нарушения их прав и свобод. Это создает механизм защиты прав человека на уровне региона. Так, например, конституционный совет Республики Татарстан рассматривая обращения граждан, признает оспариваемые нормативно-правовые акты органов местного самоуправления, органов государственной власти конституционными, или противоречащими Основному закону республики [9].

3. Функция по разъяснению норм Конституции (уставов) субъектов. Советы также занимаются правотворческой деятельностью, разъясняя нормы Конституции и способствуя правосознанию среди населения. Это важно для повышения уровня правовой культуры в обществе.

4. Функция пропаганды правовых знаний. Интересна в этом плане деятельность конституционного совета Башкортостан. На сайте указано, что они в рамках данной функции провели конкурс на лучшую работу среди учащихся 10 классов г. Уфы.

Исходя из вышеуказанного, мы считаем, что конституционные (уставные) советы субъектов РФ не относятся ни к одной ветви власти и обладают своим особым статусом государственного органа. Но при этом конституционные (уставные) советы субъектов РФ уже имеют ряд проблем. Считаем целесообразным сначала обозначить их, а после предложить эффективные на наш взгляд пути их решения.

Во-первых, безразличное отношение законодателя к судьбе данного органа, которое, думается, возникло еще в моменте упразднения судов. С конца 2020 года, когда и были внесены изменения, по сегодняшний день со стороны законодателя был принят единственный нормативно-правовой акт – Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ [1] который, к тому же, дал достаточно размытое представление о конституционных (уставных) советах субъектов РФ. Помимо этого, никаких комментариев о причинах упразднения конституционных (уставных) судов дано не было. Если бы законодатель назвал эти причины, то это существенно облегчило бы для субъектов РФ путь формирования этого органа с учетом всех слабых мест и ошибок его предшественника. Помимо этого, еще отсутствует и единый федеральный закон, который сумел бы сформировать прочный «скелет» данного органа благодаря его подробной характеристике.

Все это вызывает правовую неопределенность. В некоторых субъектах РФ отсутствуют четкие нормы, регулирующие их деятельность, что приводит к различиям в интерпретации функций и полномочий. Это может создавать правовые коллизии и затруднять работу советов, особенно в случаях, когда необходимо принимать решения по сложным правовым вопросам.

Во-вторых, немаловажную роль играет и чрезмерная свобода, которая дается законодательным (представительным) органам субъектов РФ. Прекрасно то, что субъекты сами принимают решение о целесообразности создания на своей территории конституционного (уставного) совета, а также о том, каким образом его сформировать и какой круг полномочий обозначить. Одним из минусов самостоятельного решения субъектами РФ

вопроса о создании конституционных (уставных) советов является то, что это может привести к неравномерности понимания законодательства и практике конституционного надзора в разных регионах. Мы можем это видеть на основе законов, которыми наделены советы разными по объему полномочиями, и если в Республике Татарстан и Республике Саха (Якутия), у советов относительно расширенный функционал, то в Республике Адыгея все совсем не так – согласно Закону Республики деятельность данного органа ограничена лишь рассмотрением проектов конституционных законов субъекта. На это повлияло то, что законодательные (представительные) органы по-своему растолковали положения, данные законодателем.

В-третьих, проблемой может стать и то, что в руках глав субъектов сосредоточены основные полномочия при назначении членов конституционных (уставных) советов. А.В. Савоськин и В.В. Курятников по этому поводу пишут: «Эта явная диспропорция не должна быть воспроизведена при установлении процедуры назначения членов конституционных (уставных) советов субъектов РФ. Однако два из трех субъектов РФ, учредивших свои конституционные советы, пошли по уже проторенному пути» [10, с. 99]. Ввиду этого сложно достичь какой бы то ни было прозрачности процедуры отбора кандидатов на должности в конституционных (уставных) советах РФ и самой процедуры их назначения. Может также наблюдаться влияние региональных властей на деятельность советов, что может подрывать их независимость и эффективность.

В-четвертых, любые решения, которые правомочны принимать конституционные (уставные) советы субъектов РФ не могут влиять ни на один орган, должностное лицо или организацию ввиду того, что данные решения не имеют практически никакой юридической силы, что делает советы похожими больше на консультативный орган и ставит под вопрос смысл его существования. Из-за этого факта советы заранее занимают уязвимую позицию перед иными органами и лицами, а также это успешно снижает кредит доверия со стороны населения. Сценарий может сложиться следующим образом: гражданин обратиться в конституционный (уставной) совет с целью защитить свои конституционные права и свободы, изначально надеясь, что данный орган сумеет ему в этом помочь, но, когда на выходе гражданин получит заключение по своему обращению и увидит, что совет лишь рекомендует, а не обязывает орган или иное лицо устранить несоответствия или вовсе отменить нормативно-правовой акт, он будет ассоциировать данный орган с бесполезным инструментом.

В-пятых, достаточно смутное понимание важности данного органа в рамках субъектов РФ, что может сделать их недостаточно популярными как среди органов власти в субъектах, так и граждан, и иных лиц. Общая правовая культура в регионах часто остается низкой, что ограничивает возможности граждан обращаться за защитой своих прав.

В-шестых, ограниченность ресурсов. Конституционные советы часто сталкиваются с проблемой недостатка финансовых и человеческих ресурсов. Это ограничивает их способность проводить полноценные исследования, анализировать законодательные инициативы и осуществлять контроль за соблюдением правовых норм. В условиях ограниченного финансирования многие советы не могут обеспечить необходимый уровень экспертизы, что негативно сказывается на качестве принимаемых решений.

На наш взгляд, еще одной проблемой может быть отсутствие эффективного механизма обжалования. Конституционные советы не всегда обладают эффективными механизмами обжалования своих решений. Это приводит к тому, что граждане не могут оспорить решения, которые они считают неправомерными или несправедливыми. Отсутствие таких механизмов подрывает доверие к институту и снижает его эффективность как защитника прав граждан.

Теперь, когда мы обозначили все острые и явные, по нашему мнению, проблемы, мы распишем целый комплекс их решения. Итак, решения проблем следующие:

1) формирование и принятие такого нормативно-правового акта, который сумеет наконец-таки обозначить статус конституционных (уставных) советов субъектов РФ и определить круг полномочий, который станет единым для всех формирований вне зависимости от субъекта.

Также, помимо вышеуказанного, следует указать какие виды решений принимаются по тому или иному вопросу, обозначить требования и сформировать четкий пакет документов, необходимых для подачи обращений.

При этом оставшиеся вопросы, такие как, например, сроки рассмотрения обращений и требования к кандидатам на должность в конституционный (уставной) совет следует оставить на волю субъектов, которые сумеют отрегулировать их с учетом особенностей своей системы;

2) рекомендацию субъектам РФ со стороны законодателя сформировать на своих территориях конституционные (уставные) советы с целью популяризации данного органа, а также продления времени их существования, при этом такая обязанность должна находить свое нормативное закрепление;

3) расширение круга лиц, которые могут представлять в законодательные (представительные) органы субъектов РФ кандидатов на ту или иную должность в конституционном (уставном) совете. Если в данный момент в этот круг входят главы субъектов РФ и депутаты законодательных (представительных) органов субъектов РФ, то важно причислить к нему еще и судей, представительные органы муниципальных образований, образовательные учреждения юридической направленности, а также отделения Ассоциации юристов России.

Считаем, что это вполне может помочь обеспечить независимость конституционных (уставных) советов субъектов РФ, избежать коррупционных проявлений и покровительства, открыв возможность стать членом совета абсолютно для любого квалифицированного юриста, подходящего установленным требованиям. Так, Н.Н. Бойко отмечает, что «коррупция проникает во все сферы общественной жизни, при этом нанося непоправимый урон, в связи с чем и является чрезвычайно опасна для развития как государства в целом, так и общества» [6, с. 6];

4) указание или на то, по каким вопросам решения советов будут обязательны к исполнению, или подробное разъяснение порядка действий, которые следует предпринять органам и лицам после получения итогового решения от совета, чтобы данный документ все же принес пользу и содействовал восстановлению конституционной (уставной) законности.

Если затрагивать тему толкования конституции (устава) субъекта РФ, то, во-первых, данную функцию следует закрепить как обязательную

во всех субъектах РФ без исключения, а во-вторых, сделать итоговое заключение обязательным для каждого органа, должностного лица, организации и гражданина, даже при том, что другие решения конституционных (уставных) советов будут носить рекомендательный характер;

5) просвещение субъектов РФ, органов, должностных лиц, организаций и граждан со стороны законодателя о том, что из себя представляет данный орган, как он функционирует и чем он важен для обеспечения конституционной (уставной) законности. Это вполне способствует росту правовой образованности среди граждан, а также поможет указать на то, что данный орган способен помочь в защите конституционных прав и свобод и не допустить их дальнейшего нарушение путем толкования Основного закона субъекта.

Улучшение механизмов взаимодействия между федеральными и региональными органами власти, а также повышение уровня правосознания населения могут способствовать более эффективной работе конституционных советов.

Таким образом, конституционные советы субъектов Российской Федерации играют важную роль в системе конституционного контроля на региональном уровне. Их деятельность способствует защите прав граждан и соблюдению конституционных норм, однако для повышения эффективности работы этих органов необходимо преодолеть существующие проблемы и укрепить их независимость. В будущем развитие института конституционных советов может стать важным шагом к укреплению правового государства в России.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ "О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы" // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
2. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. № 2356-З № 623-VI "О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)" // СПС Гарант.
3. Закон Республики Адыгея от 21.04.2022 № 66 "О Конституционном совете Республики Адыгея" // СПС Гарант.
4. Закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з "О Конституционном совете Республики Башкортостан" // СПС Гарант.
5. Закон Республики Татарстан от 13 июля 2023 г. № 44-ТРЗ "О Конституционном совете Республики Татарстан" // СПС Гарант.
6. Бойко Н.Н. Профилактические меры коррупционных правонарушений, совершаемых в органах судебной власти // Государственная власть и местное самоуправление в современный период. Сборник научных статей по итогам работы научных семинаров и студенческого научного кружка "Проблемы государственной власти и местного самоуправления". Стерлитамак: БашГУ, 2021. С. 6-9. EDN: JZOUZM
7. Брежнев О.В. Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. N 11. С. 32-36. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-11-32-36 EDN: UPUAQT
8. Муратшин Ф.Р. Конституционные (уставные) советы при парламентах субъектов Российской Федерации: быть или не быть? // Правовое государство: теория и практика. 2021. №3 (65). С. 93-104. DOI: 10.33184/pravgos-2021.3.8 EDN: FLZQBR
9. Официальный сайт Конституционного совета РТ. [Электронный ресурс]. URL: <https://konsov.tatarstan.ru/zaklyucheniya-soveta.htm> (дата обращения 05.02.2025).
10. Савоскин А.В., Курятников В.В. Порядок формирования конституционных (уставных) советов субъектов РФ: проблемы и решения // Lex Russica. 2023. № 4(197). С. 94-106. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.094-105 EDN: TWEHKG
11. Сафина С.Б. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. 2023. N 5. С. 41-45. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-5-41-45 EDN: NPRWWG
12. Усманова Р.М. Конституционное судопроизводство в сфере местного самоуправления // Судебная власть в России: закон, теория и практика. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. М., 2005. С. 159-164. EDN: XBQMLL

References:

1. Federal Constitutional Law No. 7-FKZ dated 08.12.2020 "On Amendments to Certain Federal Constitutional Laws" // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru)
2. Constitutional Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated May 26, 2021 No. 2356-Z No. 623-VI "On the Constitutional Council of the Republic Sakha (Yakutia)" // SPS Garant.
3. The Law of the Republic of Adygea dated 04/21/2022 No. 66 "On the Constitutional Council of the Republic of Adygea" // SPS Garant.
4. The Law of the Republic of Bashkortostan dated November 21, 2022 No. 625-z "On the Constitutional Council of the Republic of Bashkortostan" // SPS Garant.
5. The Law of the Republic of Tatarstan dated July 13, 2023 No. 44-TRZ "On the Constitutional Council of the Republic of Tatarstan" // SPS Garant.
6. Boyko N.N. Preventive measures of corruption offenses committed in judicial authorities // State power and local self-government in the modern period. Collection of scientific articles based on the results of scientific seminars and the student scientific circle "Problems of state power and local self-government". Sterlitamak: BASHGU, 2021. pp. 6-9. EDN: JZOUZM
7. Brezhnev O.V. The legal status of the constitutional (statutory) Council of a constituent entity of the Russian Federation: the first experience of legislative regulation // State power and local self-government. 2022. N 11. pp. 32-36. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-11-32-36 EDN: UPUAQT
8. Muratshin F.R. Constitutional (statutory) councils under the parliaments of the subjects of the Russian Federation: to be or not to be? // The rule of law: theory and practice. 2021. No. 3 (65). pp. 93-104. DOI: 10.33184/pravgos-2021.3.8 EDN: FLZQBR
9. The official website of the Constitutional Council of the Republic of Tatarstan. [electronic resource]. URL: <https://konsov.tatarstan.ru/zaklyucheniya-soveta.htm> (accessed 02/05/2025).
10. Savoskin A.V., Kuryatnikov V.V. The procedure for the formation of constitutional (statutory) councils of subjects of the Russian Federation: problems and solutions // Lex Russica. 2023. № 4(197). pp. 94-106. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.094-105 EDN: TWEHKG
11. Safina S.B. Constitutional (statutory) councils in the subjects of the Russian Federation: approaches to definition // Constitutional and municipal law. 2023. N 5. pp. 41-45. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-5-41-45 EDN: NPRWWG
12. Usmanova R.M. Constitutional legal proceedings in the field of local self-government // Judicial power in Russia: law, theory and practice. Collection of articles on the results of the International scientific and Practical Conference. Moscow, 2005. pp. 159-164. EDN: XBQMLL

РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A LAW SOURCE

РЕВИНА Светлана Николаевна,

доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: 29.revina@mail.ru;

МЕШКОВ Игорь Викторович,

аспирант кафедры теории права и публично правовых дисциплин
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.
E-mail: samlexconsult@gmail.com;

REVINA Svetlana Nikolaevna,

Doctor of Law, Professor, FGAOU VO «Samara State University of Economics».
Russia 443090, Samara, 141, Sovetskaya Armiya str.
E-mail: Revinasn@yandex.ru;

MESHKOV Igor Viktorovich,

Postgraduate student of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines
FGAOU VO «Samara State University of Economics».
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, 443090, Russia.
E-mail: samlexconsult@gmail.com

Краткая аннотация: Исследуя вопрос об уникальности конституционного судопроизводства, в рамках которого Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) фактически на основании оценки соответствия Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) принимает решение о существовании акта (его положений) в системе нормативного регулирования государства, следует отметить содержание правотворческого начала в такой деятельности. В статье произведен анализ возможности категоризации решений Конституционного Суда как источника российского права. Авторы исследовали нормотворческое значение этих решений, основанное на изучении правовой природы и юридической силы данных актов, а также сложившейся практики Конституционного Суда.

Abstract: Investigating the issue of the uniqueness of constitutional proceedings, in the framework of which the Constitutional Court actually on the basis of the assessment of compliance with the Constitution of the Russian Federation decides on the existence of an act (its provisions) in the system of normative regulation of the state, it is necessary to note the content of the law-making beginning in such activities. The article analyses the possibility of categorising the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of Russian law. The authors investigated the normative significance of these decisions based on the study of the legal nature and legal force of these acts, as well as the established practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Ключевые слова: Источник права, Конституционный контроль, Решение Конституционного Суда Российской Федерации, Нормотворческий характер, Правовая система Российской Федерации, Разделение властей, Судебная практика.

Keywords: Law Source, Constitutional control, Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, Normative nature, Separation of powers, legal system of the Russian Federation, Case law.

Для цитирования: Ревина С.Н., Мешков И.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 269-272. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_269.

For citation: Revina S.N., Meshkov I.V. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a law source // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 269-272. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_269.

Статья поступила в редакцию: 02.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Содержание понятия «источник права» имеет особое значение для возможности определения структуры регуляторов общественных отношений, формирующих правовую систему Российской Федерации. В данной статье в контексте российской правовой науки и практики правоприменения, оценивается роль решений Конституционного Суда как возможных источников права.

В этом исследовании мы не будем подробно анализировать различные подходы к понятию «источник права». Вместо этого мы рассмотрим вопрос о возможности признания решения Конституционного Суда источниками права, в контексте общеобязательных и формально определённых правил поведения, гарантированных государством. Прежде чем рассматривать роль решений Конституционного Суда как особого института, необходимо изучить проблему признания самого процесса судебного правотворчества. Суды в процессе правоприменения разрешают не только конкретные споры, но и выполняют более глобальные задачи: обеспечивают единообразие судебной практики, устраняют пробелы в праве, разрешают коллизии. Благодаря этому деятельность судов способствует нормализации общественных отношений и стабильности правовой системы государства.

Государственная власть в Российской Федерации построена на существовании независимых судебной, законодательной и исполнительной ветвей власти [1, ст. 10], с определенной законодательством уникальной компетенцией каждой из названных ветвей, что вступает в противоречие с возможностью осуществления нормотворческого процесса судами.

К вопросу о роли судебной власти, следует обратить внимание на тезис, высказанный В.С. Нерсисянцем [2, С. 39-40] о роли судов, согласно которому она состоит в правовой квалификации акта, рассматриваемого в рамках судопроизводства, на предмет соответствия/несоответствия закону, то есть, такая деятельность судов не имеет правотворческой задачи.

Следует отметить и существование противоположных взглядов, так П.А. Гук под нормотворческим процессом судов, предлагает признавать правовое регулирование, ставшее результатом толкования правовых норм судом в рамках рассмотрения дела, и консолидируемое в судебных актах [3, С. 248]. В другой работе продолжая исследование темы нормотворческой функции судов П.А. Гук [4, С. 116] высказывает мнение, что, в отсутствие легального закрепления нормотворческих полномочий высших судов Российской Федерации, зачастую в рамках правоприменительной деятельности, направленной на защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, нормотворческая деятельность, направленная на устранение пробелов/дефектов права такими субъектами всё же осуществляется.

Разность подходов к оценке роли судебной практики в нормотворчестве, а равно к оценке участия судебных органов в правотворческом процессе, имеет своей причиной существование «позитивистского видения» роли судебной власти, заключающееся в отсутствии правового регулирования законодательной функции судов. Однако, в науке появляются сторонники «эволюционного подхода», - возрастания роли судебной власти в правотворческом процессе. Выводы об эволюции возрастания роли судебного нормотворчества можно найти в трудах Е.Г. Лукьяновой [5, С. 84] и М.Н. Марченко [6].

Не стоит противопоставлять друг другу деятельность органов законодательной и судебной власти РФ, так как, правоприменительная практика — это форма обратной связи для законодателя, которая позволяет всем субъектам правовой системы государства своевременно и верно реагировать, обеспечивая её нормальное функционирование.

Констатируя наличие большого количества аспектов, которые потенциально представляют интерес в части признания источником права судебной практики (судебного прецедента), и доводов «за» и «против» наличия правотворческих возможностей судебной власти, в нашем исследовании остановим своё внимание на особой компетенции и роли актов Конституционного Суда.

Анализируя акты Конституционного Суда с точки зрения признания таковых источником права, предлагаем сначала рассмотреть нормативную базу, определяющую правовой статус Конституционного Суда.

Оценивая положения части 1 и части 6 статьи 125 Конституции [1, ст. 125] можно установить, что в рамках конституционного судопроизводства отправление правосудия заключается в обеспечении верховенства Конституции, что обеспечивается Конституционным Судом, которым проводится проверка на соответствие Конституции актов и/или их отдельных положений а также осуществляется их истолкование (что является уникальной и постулированной компетенцией Конституционного Суда) направленное на обеспечение защиты прав и свобод граждан и юридических лиц и защиты конституционного строя.

В 2020 году компетенция Конституционного Суда поправкой к Конституции [7] была расширена возможностью осуществления предварительного нормоконтроля, при котором, как справедливо отмечено О.В. Брежневым [8, С. 3-6], Конституционный Суд осуществляет проверку в контексте конституционности одобренных, но не подписанных Президентом РФ проектов федеральных законодательных актов, либо не одобренных высшим должностным лицом законов субъекта РФ.

Особый вид деятельности Конституционного Суда, согласно положениям статьи 1 № 1-ФКЗ от 21 августа 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации», получил наименование – конституционный контроль. С.В. Нарутто, давала Конституционному Суду характеристику: «суперсуд», являющимся «судом над судами» [9, С. 1096 – 1107], что говорит об особом положении и полномочиях данного института.

Полагаем, что, уже оценивая эти полномочия Конституционного Суда, даже ввиду отсутствия нормативного закрепления статуса решений Конституционного Суда, как источника права, его определенные законом полномочия, как минимум, свидетельствуют о потенциальной возможности оказывать существенное воздействие на систему нормативного регулирования общественных отношений. В связи с этим, на наш взгляд, Н.В. Поян [10, С. 24-28], верно обратила внимание на отсутствие легального закрепления обоснования возможности Конституционного Суда в своих актах совершать отсылки на тезисы, явившиеся обоснованием ранее сформированных позиций, в процессе конституционного судопроизводства.

Вне зависимости от того, признаются ли решения Конституционного Суда источниками права, или не являются таковыми, они играют важную роль в защите прав граждан и обеспечении конституционной законности. Решения Конституционного Суда обеспечивают помимо разрешения спора по рассматриваемому делу, одновременно, единообразное толкование применения норм Конституции, и устранения коллизий между различными нормативными актами. Кроме того, обеспечивается защита конституционного строя и стабильное функционирование правовой системы государства, так как решения Конституционного Суда обязательны для исполнения всеми её субъектами.

В развитие предлагаемого тезиса считаем необходимым учитывать положения пп. «б» п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», анализируя содержание которого можно установить, что решением Конституционного Суда осуществляется восполнение (фактическое правовое регулирование) в порядке исполнения данного решения, замещающее признанное неконституционным положение, либо ввиду отсутствия правового регулирования правоотношения, ставшего предметом конституционного судопроизводства.

Для более объективного рассмотрения предмета нашего исследования, отметим, что, говоря о правотворческой роли решений Конституционного Суда следует учитывать особенности его компетенции. Конституционный Суд самостоятельно не определяет вектор осуществления конституционного контроля, так как право инициировать конституционное судопроизводство принадлежит лишь уполномоченным на то в

соответствии с законодательством субъектам. Кроме того, в рамках рассмотрения дела Конституционным Судом прежде всего осуществляется проверка конституционности актов в контексте защиты прав и свобод граждан в пределах процессуальной деятельности по конкретному спору, а восполнение пробела/дефекта в праве посредством решения Конституционного Суда является производной (вторичной) задачей, и не является самоцелью деятельности Конституционного Суда. В таком ключе, представляется верным суждение, высказанное Алиевой З.И. [11] о том, что необходимость рассмотрения о соответствии Конституции исключительно в рамках предмета обращения дифференцируют компетенцию Конституционного Суда от возможности осуществления «конституционного надзора». На наш взгляд, установленные таким образом границы конституционного контроля обусловлены прежде всего необходимостью строгого следования ранее обозначенного дифференцирования государственной власти между ветвями и стремления законодателя исключить коллизии полномочий, что безусловно является необходимостью. При этом, хотим отметить, что в Российской Федерации действующим законодательством в систему источников права включены, например, «Обычай делового оборота» (пункт 1 статьи 5 Гражданского кодекса РФ) [12, ст. 5].

Кроме того, известно, что в рамках судопроизводства суды руководствуются не только нормами, но должны исходить из необходимости соблюдения принципов права. Конституцией общепризнанные принципы международного права закреплены в качестве элемента правовой системы государства (часть 4 статьи 15 Конституции) [1, ст. 15].

То есть, совершенно очевидно, что из природы и задач судопроизводства, полномочий и статуса судей следует вывод о значительной свободе судов в выборе процессуальных действий и обосновании принятия решений. В науке данная конструкция получила наименование – «судебное усмотрение». Механизм судебного усмотрения, полагаем, не должен восприниматься как «размытие» границ компетенций судебной власти, напротив, он позволяет суду в рамках процесса обеспечивать всестороннее и объективное рассмотрение дела, основанного на применении нормативных актов и, одновременно, развивая принципы справедливости и законности. К механизму судебного усмотрения С.Н. Булгаковым [13], например, помимо обозначенного нами отнесено применение судами аналогии права, преодоления коллизий, и толкование оценочных понятий. В контексте положений статьи 101 № 1-ФКЗ от 21.07.1994 [14, ст. 101], закрепивших возможность судов при рассмотрении дел посредством направления запроса о проверке нормативного акта на соответствие Конституции в Конституционный Суд, представляется, что решения Конституционного Суда выполняют функцию связующего звена между правоприменительной практикой, и законотворческим процессом. Отметим в данном ключе высказывание Сипулина С.В. о том, что конституционное судопроизводство является возможностью «сгладить конфликт между буквой закона и реальной действительностью, между требованиями законодателя и социальными нуждами» [15, С. 188].

Признавая обязательность решения Конституционного Суда на территории Российской Федерации и тот факт, что они должны быть учтены не только при рассмотрении аналогичных дел судебными инстанциями, но и субъектами нормотворческого процесса в рамках осуществления своей деятельности, представляется бесспорным вывод о том, что данные акты фактически в ряде случаев выполняют функцию регулятора общественных отношений, являясь продуктом нормотворческого процесса Конституционного Суда.

Подводя итог краткому анализу возможности отнесения к источникам права в Российской Федерации решений Конституционного Суда, полагаем, необходимым отметить следующее. Отсутствие прямого легального закрепления, и наличие в науке дискуссии по вопросу отнесения таких актов к источникам права, тем не менее, не может отменять того факта, что совокупность значения (силы) таких актов, и сама компетенция Конституционного Суда свидетельствует о существенном влиянии на законодательство Российской Федерации. Фактическая обязательность данных актов и, в некоторых случаях, функция временного «замещения», признанного в рамках конституционного контроля нормативного акта неподлежащим применению, на наш взгляд, свидетельствует о необходимости безусловного квалификации их, как источников права. Однако в отношении решений Конституционного Суда, понятие источник не следует применять в традиционном понимании. В настоящем исследовании было ранее отражено, что такие акты являются результатом толкования и применения Конституции, нормотворчество и даже правовое регулирование правоотношений являются производной функцией решений Конституционного Суда.

Полагаем, при этом, что предмет настоящего исследования требует дальнейшего изучения, учитывая важную роль Конституционного Суда в формировании и обеспечении функционирования всей правовой системы Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г.
2. Нерсисянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе правовых актов) // Судебная практика как источник права / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 39 - 40.
3. Гук П.А. Основы судебного нормотворчества: избр. тр. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. С. 248.
4. Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex Russica. 2016. №7. С. 116. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.116-129 EDN: WJXDAH
5. Лукьянова Е. Г. Основные тенденции развития российского права в условиях глобализации // Государство и право. 2004. № 7. С. 84. EDN: OWFNTL
6. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации / М. Н. Марченко; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. - М.: Проспект, 2018. - 399 с.
7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" // Собрание законодательства РФ. М.: Юрид. лит., 2020. № 11. Ст. 1416.
8. Брежнев О.В. Конституционная реформа 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3 - 6. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-7-3-6 EDN: JJKPJT
9. Нарутто С.В. Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1096 - 1107 [Электронный ресурс] СПС "КонсультантПлюс". URL: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=81651&cacheid=40432169934DC34CEDB7FA29F5189A18&mode=splus&rnd=0ms6Gw#11q0RbUAtD3EtWs62> (дата обращения: 15.01.2025). EDN: SHQDIR
10. Поян Н.В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник гражданского права // Администратор суда. 2022. № 3. С. 24 - 28. DOI: 10.18572/2072-3636-2022-3-24-28 EDN: ZZBJQO

11. Алиева З.И. Изменение правового статуса Конституционного Суда РФ в свете конституционной реформы 2020 года // Вестник Академии права и управления. 2021. № 4. С. 65. DOI: 10.47629/2074-9201_2021_4_7_12 EDN: НТЮКСС
12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. М.: Юрид. лит., 1994. № 32. Ст. 3301.
13. Булгаков С.Н. Судейское усмотрение [Электронный ресурс] // СПС "КонсультантПлюс". URL: <http://consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=151513&cacheid=C052857B746ED79BD3CE7784EC38DF47&mode=splus&rnd=0ms6Gw#bmS1RbUiKyzg2zrA1> (дата обращения: 15.01.2025).
14. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. М.: Юрид. лит., 1994. № 13. Ст. 1447.
15. Сипулин С.В. Судебный прецедент как источник права. Диссертация. кандидата юридических наук. Краснодар, 2008 г. 188с. EDN: NQIBWT

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ, dated 10/06/2022) // The text of the Constitution is given in accordance with with an official publication on the Official Internet portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru), October 6, 2022.
2. Nersesyants V.S. The court does not legislate and does not govern, but applies the law (On the law-enforcement nature of legal acts) // Judicial practice as a source of law / ed. by B.N. Topornin. Moscow: publishing house of the Institute of the State Institute of Law and Practice of the Russian Academy of Sciences, 1997. pages 39 - 40.
3. Guk P. A. Fundamentals of judicial rule-making : selected works Penza : PSU Publishing House, 2019. P. 248.
4. Guk P.A. Judicial rulemaking: issues of theory and practice // Lex Russica. 2016. №7. P. 116.
5. Lukyanova E. G. The main trends in the development of Russian law in the context of globalization // State and Law. 2004. № 7. P. 84.
6. Marchenko M. N. The State and law in the context of globalization / M. N. Marchenko ; Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Law Faculty— Moscow : Prospekt, 2018, 399 p.
7. The Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power» // Collection of Legislation of the Russian Federation. Moscow: Jurid. lit., 2020. No. 11. Art. 1416.
8. Brezhnev O.V. Constitutional reform 2020 and the development of constitutional justice in Russia // Constitutional and Municipal Law. 2020. № 7. P. 3 - 6.
9. Narutto S.V. Place of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of public authorities // Actual problems of Russian law. 2014. № 6. P. 1096 - 1107.
10. Poyan N.V. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of civil law // Court Administrator. 2022. No. 3. P. 24 - 28.
11. Alieva Z.I. Change in the legal status of the Constitutional Court of the Russian Federation in the light of the constitutional reform of 2020 // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2021. №4 (65).
12. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024, as amended. dated 31.10.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. Moscow: Jurid. lit., 1994. № 32. St. 3301.
13. Bulgakov, S.N. Judicial discretion // ConsultantPlus Service 2024.
14. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ dated 07/21/1994 «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. Moscow: Jurid. lit., 1994. № 13. St. 1447.
15. Sipulin S.V. Judicial precedent as a source of law. Dissertation. candidate of legal sciences Krasnodar, 2008 g. P. 188.

КИБЕРТЕРРОРИЗМ: ХАРАКТЕРИСТИКА, СПОСОБЫ, ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ CYBERTERRORISM: CHARACTERISTICS, METHODS AND FORMS OF SOCIAL COUNTERACTION

БАРАНОВ Владимир Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры информационных технологий
Академии управления МВД России, Российская Федерация.

125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: de_la_sergio@mail.ru;

ЗАХВАТОВ Игорь Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России, Российская Федерация.

125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.

E-mail: zakhvatov-iu@mail.ru;

BARANOV Vladimir Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Information Technology Management
Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8.

E-mail: de_la_sergio@mail.ru;

ZAKHVATOV Igor' Yur'evich,

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Internal Affairs Organization
of the Center for Command and Staff Trainings, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8.

E-mail: zakhvatov-iu@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются теоретические, правовые, организационные основы противодействия кибер-терроризму, а также вопросы поиска методов и средств противодействия данному негативному явлению.

Abstract: The article discusses the theoretical, legal, and organizational foundations of countering cyber terrorism, as well as the search for methods and means to counter this negative phenomenon.

Ключевые слова: кибертерроризм, терроризм, информационные угрозы, противодействие, преступность.

Keywords: cyberterrorism, terrorism, information threats, cybercrime, crime.

Для цитирования: Баранов В.В., Захватов И.Ю. Кибертерроризм: характеристика, способы, формы социального противодействия // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 273-276. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_273.

For citation: Baranov V.V., Zakhvatov I.Yu. Cyberterrorism: characteristics, methods and forms of social counteraction // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 273-276. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_273.

Статья поступила в редакцию: 19.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Одной из угроз миропорядку является высокая динамика развития преступности в сфере современных информационно-коммуникационных технологий и кибертерроризм, как одно из его проявлений. Так, анализ, проведенный ГИАЦ МВД России по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, показывает: несмотря на то, что доля преступлений террористического характера составляет всего лишь 0,1% общего числа зарегистрированных преступлений, доля преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (в т.ч. публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма – ст. 205.2 УК РФ) составляют почти четвертую часть из них (23%), причем последние пять лет демонстрируется стабильный рост числа преступлений данной категории.

Именно поэтому ученые, уделяющие внимание вопросам борьбы с данным видом криминальной активности, полагают, что для успешной борьбы с кибертерроризмом необходимо применять совокупность как репрессивных, так и профилактических мер, в том числе в сфере обеспечения информационно-технической безопасности программно-аппаратной среды наиболее уязвимых для преступных посягательства объектов.

Преступные действия, охватываемые принятым в научно среде термином «кибертерроризм», имеют свою специфику, диктуемую широкомасштабным распространением цифровых технологий в жизни человека, включая ее криминальную составляющую. В совершение преступлений данной категории невольно втягиваются люди, даже не подозревающие, что их электронные устройства используются злоумышленниками, в том числе для организации террористических акций с использованием информационных ресурсов.

Вместе с тем, единообразие в определении понятия «кибертерроризм» в научной среде отсутствует. Среди многообразия точек зрения можно выделить несколько ключевых подходов. Один из них позволяет достаточно широко трактовать данное явление, включая в него практически все преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий. В общую группу объединяются такие разноплановые деяния, как неправомерное использование чужой банковской карты для финансирования террористической деятельности и распространение с этой же целью программ-вирусов¹.

¹ Кудинов В.В., Минаев А.В. Кибертерроризм: основные угрозы и проблемы правового регулирования национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 53-56.

Сторонники похожего подхода относят к кибертерроризму деяния, последствием которых является уничтожение/повреждение информационной инфраструктуры¹. Объединяющим эти мнения признаком является вывод о необходимости уголовно-правовой квалификации кибертерроризма. Но ни у кого не возникает сомнения в том, что кибертерроризм – это разновидность киберпреступности, причем наиболее опасной, поскольку террористические группы, используя сеть Интернет, могут в неограниченных масштабах расширять круг своих приспешников, осуществляя их подбор и вербовку. Через информационно-коммуникационные сети производится финансирование террористической деятельности, популяризация террористической и иной деструктивной идеологии посредством доведения до широких групп населения информации о совершенных или планируемых террористических атаках.

В последние годы с целью активизации борьбы с кибертерроризмом государство стало уделять больше внимания техническому перевооружению правоохранительных структур. Но при этом достаточно долго существовала спорная с точки зрения обеспечения национальной безопасности практика доминирующего использования зарубежного программного обеспечения и технических средств противодействия киберпреступности, что привело к обратному результату – активизировались преступные атаки на критическую информационную инфраструктуру. Постепенно зарубежные программные продукты были замещены отечественными аналогами, которые имеют достаточно высокую степень защищенности. Однако в современных условиях, когда террористические структуры смогли привлечь для достижения своих целей квалифицированных специалистов, обеспечив их качественное техническое оснащение, эффективная борьба с кибертерроризмом требует ее перевода на более высокий уровень.

В современном мире информация давно приобрела силу оружия. Так, глобальную террористическую угрозу несет распространение в Интернете сведений о возможности приобретения различных видов вооружения, ядовитых и взрывчатых веществ. С целью противодействия этому проводится работа по блокированию доступа к опасным Интернет-ресурсам. По решению судов соответствующая информация признается запрещенной к распространению. Юрисдикционными средствами не только блокируется доступ к конкретному сетевому ресурсу, но и сама информация признается запрещенной. Затрудняет эту работу то, что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не содержит определения изучаемого явления². При этом нет смысла «перегружать» уголовное законодательство схожим с ним, но достаточно широко используемым СМИ словосочетанием «цифровой терроризм»³, поскольку понятие «кибертерроризм» вполне охватывает все преступные действия данной категории. Ведь террористический акт в соответствии с диспозицией ст. 205 УК РФ может быть совершен самыми различными способами, каких-либо ограничений по этому признаку нет. Поэтому, если преступление террористического характера совершено с использованием информационно-коммуникационных технологий, есть все основания для его квалификации в качестве террористического акта, например, в случае вывода из строя и дезорганизации объектов управления современной информационной инфраструктуры.

По критерию специфики объекта посягательства рассматриваемые деяния отличаются от иных преступлений, например, посягающих на собственность, но также совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Лица же, совершающие деяния, которые обладают признаками кибертерроризма, преследуют цель дестабилизировать работу органов власти или оказать влияние на принятие ими решений.

Преступления в цифровой среде чрезвычайно разнообразны. Многие из них приводят к тяжким последствиям, да и сама цель этих преступлений негативно влияет на личность преступников и определяет выбор способа совершения противоправных деяний. Поскольку эти преступления сложно совершить в одиночку, в большинстве случаев в них вовлечено несколько человек. Причем исполнители преступлений могут действовать не только по заданию преступных группировок, но и преследующих террористические цели государственных органов некоторых стран, которые требуют проведения диверсионных акций по политическим мотивам с задействованием сил и средств, оказывающих влияние на информационную среду. При этом кибертерроризм характеризуется обязательным использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий в качестве средства совершения преступления, к которым относятся: вычислительная техника; средства сотовой и спутниковой связи; средства криптографической защиты; системы управления базами данных и др.

Совершать преступления в указанной сфере становится все проще, так как постоянно растет количество пользователей сети Интернет. Другими факторами, которые препятствуют привлечению совершивших противоправные деяния данной категории к ответственности, относятся: недостаточный уровень правовой регламентации цифровых операций; отсутствие единого управляющего центра сетью Интернет; высокая популярность теневой части Интернета; развитие и широкая доступность программных и инструментальных средств деанонимизации пользователей в сети Интернет.

Все приведенные выше факторы следует учитывать при планировании, подготовке и реализации мероприятий по предупреждению совершения рассматриваемых преступлений. При этом меры, которые направлены на противодействие кибертерроризму, могут носить правовой, организационный и технический характер⁴. Последние из них играют весьма немаловажную роль, поскольку особенности угроз, имеющих распространение в цифровом пространстве, предполагают наличие в распоряжении государства надежных технических средств защиты ключевых объектов информационной инфраструктуры. Немаловажным условием обеспечения надлежащего функционирования этих средств является наличие достаточного количества квалифицированных специалистов в сфере информационных технологий.

В общественном сознании укоренился стереотип, что информационную безопасность должны обеспечивать только компетентные ор-

¹ Антонян Е.А., Аминов И.И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 167-177.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: введен в действие Федеральным законом от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 12.05.2024) // СПС «Консультант плюс».

³ Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э.В. Алимов, Д.Р. Алимова, Х.И. Гаджиев и др. / отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2020. – 176 с.

⁴ См.: Федеральные законы от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

ганы, а от обычных пользователей информационной среды не зависят результаты деятельности по противодействию киберпреступности¹.

Однако, как показывает практика, у злоумышленников возможности для неправомерного воздействия на информационную среду появляется только тогда, когда они получили пользовательские данные, по которым можно осуществить доступ к защищенным сетевым ресурсам. Излишне говорить, что зачастую персональные данные попадают к преступникам также вследствие невнимательности пользователей, поскольку глобальная цифровизация давно стала необратимой тенденцией. Граждане в большинстве своем уже не могут представить существование без ежедневного просмотра социальных сетей, общения в мессенджерах, чтения сообщений электронной почты и т.д. Провайдеры и поставщики цифровых услуг для привлечения клиентов убеждают людей в абсолютной защищенности их продукта, в том, что при его разработке и создании использовались надежные средства шифрования. Поэтому бдительность пользователей снижается, что может свести на нет все программно-аппаратные меры безопасности цифровой системы управления организацией, поэтому этот аспект необходимо рассматривать как один из факторов распространения кибертерроризма².

Специалистами отмечается возросшая угроза вложений в письма электронной почты. Источником письма может быть заслуживающий доверия адресат, но во вложении могут быть фишинговые или вредоносные программы. Не изжит порочная практика записи логинов и паролей на бумажные носители, которые затем оставляются на видных местах. Вследствие этого из фотографии человека, размещенной в социальной сети, можно получить его конфиденциальную информацию. Не может полностью защитить от действий преступников и использование локальных сетей, не подключенных к сети Интернет. Ведь по невнимательности и беспечности человек может предоставить доступ к своему рабочему месту посторонним лицам, которые, пользуясь учетными данными пользователя, могут действовать от его имени.

Для предупреждения указанных преступлений необходимо осуществлять работу не только с участниками сетей информации, которые являются частью системы критической инфраструктуры, но и с рядовыми гражданами. Это обусловлено тем, что для организации и совершения масштабных атак на информационные ресурсы могут использоваться вычислительные мощности устройств большого числа людей, которые могут и не подозревать о своей вовлеченности в противоправную деятельность. Их устройства чаще всего используются для проведения DDoS атак на информационные ресурсы, которые имеют доступ в сеть Интернет. Это наиболее распространенный в настоящее время способ вывода из строя информационных систем или блокировки их работы, когда одновременно, с множества компьютеров направляются запросы на атакуемый ресурс. Вследствие перегрузки ресурс на некоторое время перестает работать. Чтобы реализовать такой алгоритм противоправной деятельности на устройства пользователей, которые невнимательно относятся к информационной безопасности, внедряются вредоносные программы. В заданное время данная программа дает команду устройству на осуществление запросов на выбранный преступниками информационный ресурс.

Следует отметить, что уязвимыми с этой точки зрения являются не только персональные компьютеры. Зловредное программное обеспечение может быть интегрировано в смартфоны, маршрутизаторы, телевизионные приемники и иные устройства, способные подключаться к Интернету и, по сути, функционирующие как компьютеры, так как содержат процессор, обладают оперативной памятью и исполняемым программным обеспечением.

Кибертерроризм включает в себя попытки несанкционированного доступа к информационным системам с целью размещения недостоверной информации, которая может содержать провокационные и дестабилизирующие элементы. Поэтому целесообразно выделить психологический кибертерроризм как отдельный вид информационных преступлений. Его целью является дезинформация широкой общественности, запугивание граждан и разрушительное воздействие на их мировоззрение³.

Как акт кибертерроризма можно квалифицировать действия, которые вывели из строя на длительное время интернет-сайты федеральных органов власти или кредитных организаций и повлекли иные негативные социально-экономические последствия. С учетом этого, профилактика рассматриваемых преступлений может проводиться по нескольким направлениям.

Во-первых, требуется широкомасштабная национальная кампания по доведению до населения информации об опасности кибертерроризма и об основных способах совершения таких преступлений. По мнению специалистов, значительное число граждан до сих пор недостаточно информировано о «технологии» совершения указанных преступлений и возможности причинения ущерба⁴. Обычно граждане не чувствуют за собой ответственности за обеспечение безопасности информационно-коммуникационных систем. Принято полагаться в этом вопросе на опыт и знания специалистов, имеющих соответствующий уровень подготовки.

Значительный потенциал по снижению возможности вовлечения граждан в противоправную деятельность заключается в принятии элементарных мер предосторожности посредством:

- установки на свои устройства и поддержания в актуальном состоянии антивирусных программ;
- передачи особо «чувствительных» данных без средств Интернета;
- самостоятельного поиска информации о распространенных способах совершения компьютерных преступлений.

Государство обязано информировать граждан о том, что применение современных компьютерных требует определённой степени ответственности пользователей за их действия в информационной среде.

Второй аспект борьбы с кибертерроризмом заключается в повышении технической грамотности граждан. Это подразумевает необхо-

¹ Бельский А.И., Якимов В.И. Кибертерроризм как один из наиболее опасных видов международного терроризма // Российский следователь. 2020. № 5. С. 66-70.

² Шлак А.А. Современные угрозы информационной безопасности // Современное право. 2024. № 1. С. 106-108.

³ Окутина Н.Н. К вопросу о классификации видов современного терроризма // Российский следователь. 2023. № 12. С. 53-57.

⁴ Макарова О.В. Использование инструментов мониторинга в противодействии киберпреступности (международный и зарубежный опыт) // Международное публичное и частное право. 2023. № 3. С. 26-28.

димось целенаправленных усилий. В частности, каждому пользователю сети было бы полезно овладеть следующими навыками:

- мониторинг исходящего интернет-трафика с личных устройств;
- установка и настройка межсетевых экранов;
- распознавание фишинговых сайтов и подозрительных вложений в электронных письмах.

Для эффективного использования этих методов достаточно минимального объема знаний. Однако возникают трудности, поскольку многие пользователи не умеют активировать эти функции и не знают о средствах и способах обеспечения своей информационной безопасности.

Таким образом, уровень знаний пользователя играет ключевую роль в защите от киберугроз, и необходима значительная работа по обучению населения основам безопасного поведения в интернете.

В рамках третьего направления этой деятельности необходимо улучшать регламент использования пользователями сетевых ресурсов объектов критической инфраструктуры или других организаций, которые могут быть интересны для преступников. В этом контексте руководителям организаций целесообразно доводить до сведения сотрудников перечни:

- норм поведения при обращении с информационными ресурсами;
- данных, не подлежащих передаче по открытым связи;
- ограничений в части действий или бездействия сотрудников, которые могут привести к нарушению информационной безопасности объекта;
- мер ответственности за нарушение требований по соблюдению информационной безопасности.

С целью защиты данных, которые могут представлять интерес для злоумышленников, в организации могут быть:

- разработаны система мониторинга сетевых действий сотрудников;
- предусмотрены возможности блокировки доступа в Интернет для неслужебных целей;
- внедрены системы предотвращения подключения личных устройств сотрудников к корпоративной сети;
- установлены различия между внутренними и внешними носителями информации с разделением статуса их пользователей.

Следует подчеркнуть, однако, что в борьбе с кибертерроризмом одни лишь профилактические мероприятия не обеспечат желаемого результата и не смогут заменить уголовно-правовые, административные, организационные и информационно-технические меры. Также, мы считаем, что нет оснований поддерживать идеи о полном отказе от использования компьютеров и информационно-коммуникационных технологий¹. Научно-технический прогресс имеет линейную направленность. Сознательный технологический «откат» приведет к общему регрессу – как в социально-экономическом так и в политическом смысле. Вряд ли общество согласится на подобные «жертвы».

Для выработки разумных средств противодействия кибертерроризму требуется дальнейшее проведение научных исследований, ставя задачи:

1. Отыскание возможности ограничить влияние информационных технологий на способы совершения преступлений и их распространенность.
2. Разработка комплексной системы мероприятий, направленной на противодействие кибертерроризму.
3. Проведение анализа причин и условий совершения рассматриваемой категории преступлений.

Лишь в этом случае можно будет говорить о создании единого комплекса государственных мер, направленных на противодействие кибертерроризму и киберпреступности в целом.

Список литературы:

1. Антонян Е.А., Аминов И.И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 167-177. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.167-177 EDN: HBFJSX
2. Бельский А.И., Якимова В.И. Кибертерроризм как один из наиболее опасных видов международного терроризма // Российский следователь. 2020. № 5. С. 66-70. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-5-66-70 EDN: JWUHPY
3. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э.В. Алимов, Д.Р. Алимova, Х.И. Гаджиев и др. / отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2020. - 176 с.
4. Кудинов В.В., Минаев А.В. Кибертерроризм: основные угрозы и проблемы правового регулирования национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 53-56. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-4-53-56 EDN: ZCTMEB
5. Макарова О.В. Использование инструментов мониторинга в противодействии киберпреступности (международный и зарубежный опыт) // Международное публичное и частное право. 2023. № 3. С. 26-28. DOI: 10.18572/1812-3910-2023-3-26-28 EDN: NFXERK
6. Окутина Н.Н. К вопросу о классификации видов современного терроризма // Российский следователь. 2023. № 12. С. 53-57. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-12-53-57 EDN: PEHZZX
7. Раскина Т.В. О некоторых аспектах организации противодействия преступлениям, совершаемым в сфере информационно-коммуникационных технологий в Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 61-69. EDN: HSCUQM
8. Шпак А.А. Современные угрозы информационной безопасности // Современное право. 2024. № 1. С. 106-108. DOI: 10.25799/NI.2024.98.30.017 EDN: LFUGBJ

References:

1. Antonyan E.A., Aminov I.I. Blockchain technologies in countering cyberterrorism // Actual problems of Russian law. 2019. No. 6. pp. 167-177. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.167-177 EDN: HBFJSX
2. Belsky A.I., Yakimova V.I. Cyberterrorism as one of the most dangerous types of international terrorism // Russian Investigator. 2020. No. 5. pp. 66-70. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-5-66-70 EDN: JWUHPY
3. Data protection: a scientific and practical commentary on judicial practice / E.V. Alimov, D.R. Alimova, H.I. Gadzhiev et al. / ed. by V.V. Lazarev, H.I. Gadzhiev. Moscow: IZISP, KONTRAKT, 2020. - 176 p.
4. Kudinov V.V., Minaev A.V. Cyberterrorism: the main threats and problems of legal regulation of the national security of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2022. No. 4. Pp. 53-56. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-4-53-56 EDN: ZCTMEB
5. Makarova O.V. The use of monitoring tools in countering cybercrime (international and foreign experience) // International pub-personal and private law. 2023. No. 3. Pp. 26-28. DOI: 10.18572/1812-3910-2023-3-26-28 EDN: NFXERK
6. Okutina N.N. On the classification of types of modern terrorism // Russian investigator. 2023. No. 12. Pp. 53-57. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-12-53-57 EDN: PEHZZX
7. Raskina T.V. On some aspects of the organization of countering crimes committed in the field of information and communication technologies in the Russian Federation // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2023. No. 2. pp. 61-69. EDN: HSCUQM
8. Shpak A.A. Modern threats to information security // Modern law. 2024. No. 1. Pp. 106-108. DOI: 10.25799/NI.2024.98.30.017 EDN: LFUGBJ

¹ Раскина Т.В. О некоторых аспектах организации противодействия преступлениям, совершаемым в сфере информационно-коммуникационных технологий в Российской Федерации // Вестник Ун-та прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 2. С. 61-69.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ GOVERNMENT POLICY IN THE FIELD OF CIVIL AND PATRIOTIC EDUCATION AND UPBRINGING

БЕЛИКОВА Светлана Борисовна,

к.п.н., доцент кафедры органов власти и публичного права СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ, РФ.
ул. Николаева, 44, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362021, Россия.
E-mail: mirag.8184@ya.ru;

ЗУРАЕВ Алан Муратович,

к.с.н., доцент кафедры органов власти и публичного права СКГМИ (ГТУ), г. Владикавказ, РФ.
ул. Николаева, 44, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362021, Россия.
E-mail: mirag.8184@ya.ru;

BELIKOVA Svetlana Borisovna,

Ph.D., Associate Professor of the Department of Public Authorities and Public Law, SKGMI (GTU), Vladikavkaz, Russia.
Nikolaeva St., 44, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362021, Russia.
E-mail: mirag.8184@ya.ru;

ZURAEV Alan Muratovich,

PhD, Associate Professor of the Department of Public Authorities and Public Law, SKGMI (GTU), Vladikavkaz, Russia.
Nikolaeva St., 44, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362021, Russia.
E-mail: mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается государственная политика в области воспитания детей и молодежи, которая нашла отражение в документах, которые появились после почти десятилетнего застоя в области разработки теоретических и практических проблем в плоскости воспитания и ослабленного внимания со стороны государства к воспитанию своих граждан.

Abstract: The article examines the state policy in the field of education of children and youth, which is reflected in the documents that appeared after almost a decade of stagnation in the development of theoretical and practical problems in the field of education and the weakened attention of the state to the education of its citizens.

Ключевые слова: Государственная политика в области воспитания детей и молодежи, гражданское образование, правовое самосознание, культурное наследие, традиции многонационального народа.

Keywords: State policy in the field of education of children and youth, civic education, legal self-awareness, cultural heritage, traditions of a multinational people.

Для цитирования: Беликова С.Б., Зураев А.М. Государственная политика в сфере гражданско-патриотического образования и воспитания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 277-279. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_277.

For citation: Belikova S.B., Zuraev A.M. Government policy in the field of civil and patriotic education and upbringing State policy in the field of civic and patriotic education and upbringing // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 277-279. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_277.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Президент Российской Федерации В.В. Путин объявил 2025 год Годом защитника Отечества. Этот год станет данью уважения к ратному подвигу всех, кто сражался за Родину в разные исторические эпохи, а также нынешним героям – участникам специальной военной операции. Тематика года отражает приоритеты современной России, такие как патриотизм, преемственность поколений и уважение к защитникам Родины во все времена.

Государственная политика в области воспитания детей и молодежи нашла отражение в документах, которые появились после почти десятилетнего застоя в плоскости воспитания и ослабленного внимания со стороны государства к воспитанию своих граждан. К таким документам относится, прежде всего «Программа развития воспитания в системе образования России на 1999-2001 годы», которая определила цели, задачи и направления совершенствования воспитания в системе образования на долгосрочной основе. Развитие идей, заложенных в «Программе развития воспитания...» нашло в Федеральной программе развития образования, Национальной доктрине образования в Российской Федерации.[1] устанавливающей приоритет образования в государственной политике, Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)». 16 февраля 2001 года принята государственная целевая программа «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы», которая определила пути развития системы патриотического воспитания граждан. «Главная задача российской образовательной политики, - отмечается в письме МО РФ 13-51-28/19 - 2002 г. «О повышении воспитательного потенциала образовательного процесса в образовательных учреждениях», - обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества, государства. Приоритет в образовании отдается воспитанию, которое должно стать органической составляющей педагогической деятельности, интегрированной в общий процесс обучения и развития». [2]

В письме Министерства образования РФ от 15 января 2003 года «О гражданском образовании учащихся в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации»[3] отражено, что главной целью гражданского образования объявляется воспитание гражданина для жизни

в демократическом государстве, в гражданском обществе, и обозначено три ступени гражданского образования в общеобразовательной школе, а также содержание гражданского образования, включаемого в ряд школьных дисциплин начальной, основной средней школы. В основу гражданского воспитания закладывается идея полноценного участия в решении общественно значимых задач общества. В письме предполагается сочетание формирования навыков социальной практики с глубоким усвоением социальных наук.

Таким образом, вышеупомянутые документы доказывают, что гражданско-патриотическое образование способствует созданию социальной стабильности, экономического благосостояния страны, ее конкурентоспособности и национальной безопасности. Но недостатком этих документов, на наш взгляд, является абстрактность формулировок, отсутствие четкого определения понятий «гражданственность», «патриотизм», «нравственность», а обозначенные цели образования состоят только из общеизвестных малообоснованных истин, не расставленных в порядке приоритетности, а реализация их предусматривается только в рамках предметов социально-гуманитарного блока образования.

По поручению Правительства Российской Федерации Министерством образования в 2002 году разработана Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. В данной Концепции подчеркивается, что в настоящее время признается приоритетным образование в развитии экономики, культуры, положении страны в международном сообществе и обосновывается необходимость перестройки образования на данном этапе развития нашего общества — в изменившихся социально-экономических, политических условиях жизни общества, повышения человеческой ценности; повышения требований на рынке труда к уровню профессиональной компетенции специалистов. В ней отмечается, что конкурентоспособность страны на мировом рынке в значительной степени определяется уровнем образования в стране.

Главной задачей модернизации образования является: обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Анализ данного документа показывает, какие новые социальные требования к системе российского; образования предъявляет общество: «Школа должна стать важнейшим фактором гуманизации: общественно-экономических отношений, формирования» новых жизненных установок личности предприимчивости, способности принимать ответственные решения в ситуации выбора и прогнозировать их возможные последствия, способности к сотрудничеству, мобильности, динамизма, конструктивности, высокой ответственности за судьбу страны».[4]

В «Концепции модернизации» подчеркивалось, что «важнейшими; задачами воспитания является формирование у школьников; гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, инициативы, самостоятельности, толерантности и активной адаптации на рынке труда.

Успешное решение таких задач связано с формированием у школьников социальных компетенций. «В мировой образовательной практике понятие компетентности выступает в качестве центрального понятия, так как компетентность, во-первых, объединяет в себе интеллектуальную и навыковую составляющие образования; во-вторых, в понятии компетентности заложена идеология интерпретации содержания образования, формируемого «от результата; в-третьих, ключевая компетентность обладает интегративной природой, так как она вбирает в себя ряд однородных или близкородственных умений и знаний, релевантных относительно широкой сферы культуры и деятельности (информационной, правовой и т. д.)».[5]

Отметим, в законе «Об образовании» воспитание упоминалось и в прежней редакции, но патриотический контекст в определении отсутствовал. Необходимость поправок была увязана с новой ст. 67.1 Конституции РФ, в которой говорится как «о тысячелетней истории» и сохранении «памяти предков», так и о детях в роли «важнейшего приоритета» госполитики РФ и создании для них условий по «воспитанию патриотизма, гражданской ответственности и уважения к старшим».

Поправки к закону «Об образовании» в мае 2020 года внес Президент Владимир Путин. Он предложил расширить понятие воспитания учащихся так, чтобы оно было направлено на формирование «чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа», к природе и окружающей среде. В закон включена ст. 12.1 о «требованиях к организации воспитания», по которому школам и вузам предлагается составить календарный план воспитательной работы.

За последние годы в России были предприняты значительные усилия по укреплению и развитию системы патриотического воспитания граждан Российской Федерации. В 2001-2015 годах реализованы 3 государственные программы патриотического воспитания.

Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы» (подготовлена на основе накопленных за последние десятилетия знаний, опыта и традиций патриотического воспитания граждан с учетом важности обеспечения российской гражданской идентичности, непрерывности воспитательного процесса, направленного на формирование российского патриотического сознания в сложных условиях экономического и геополитического соперничества.[6]

С учетом современных задач развития Российской Федерации целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию. Задачами Программы являются: развитие научного и методического сопровождения системы патриотического воспитания граждан; совершенствование и развитие успешно зарекомендовавших себя форм и методов работы по патриотическому воспитанию с учетом динамично меняющейся ситуации, возрастных особенностей граждан и необходимости активного межведомственного, межотраслевого взаимодействия и общественно-государственного партнерства.

Совершенствование и развитие успешно зарекомендовавших себя форм и методов работы по патриотическому воспитанию с учетом динамично меняющейся ситуации, возрастных особенностей граждан и необходимости активного межведомственного, межотраслевого взаимодействия и общественно-государственного партнерства включает в себя: содействие укреплению и развитию общенационального сознания, высокой нравственности, гражданской солидарности россиян, воспитание у граждан чувства гордости за исторические и современные достижения страны, уважения к культуре, традициям и истории населяющих Россию народов, улучшение межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитание граждан в духе уважения к Конституции Российской Федерации, развитие у подрастающего поколения чувства гордости, глубокого уважения и почитания к Государственному гербу Российской Федерации, Государственному флагу Российской Федерации, Государственному гимну Российской Федерации, а также к другим, в том числе историческим, символам и памятникам Отечества; повышение интереса граждан к военной истории Отечества и памятным датам; расширение участия общественных и некоммерческих организаций в патриотическом воспитании граждан; популяризацию подвигов героев и видных деятелей российской истории и культуры от древних времен до наших дней, в том числе Георгиевских кавалеров, Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации, Героев Труда, граждан, награжденных за большие заслуги перед государством и обществом, достижений и успехов профессионалов в различных сферах деятельности, формирующих позитивный образ нашей страны.

Информационное обеспечение патриотического воспитания на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, создание условий для освещения событий и явлений патриотической направленности для средств массовой информации включает в себя: формирование и обновление баз данных, анализ интернет-сайтов и блогосферы, информационно-аналитических материалов патриотической направленности.

Отметим, что в РСО-Алания 9 января 2017 г. был принят Закон «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Северная Осетия-Алания»[7]. К сожалению, под данный закон нет соответствующего целевого и полноценного документа о его реализации.

В настоящее время существует, Государственная программа Республики Северная Осетия - Алания» «Развитие государственной молодежной политики в Республике Северная Осетия - Алания» на 2017-2024 годы». В указанной государственной программе отмечается, что патриотическое воспитание, являясь составной частью общего воспитательного процесса, представляет собой систематическую целенаправленную деятельность органов государственной власти и общественных организаций, по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины». Как видно, в данной программе, в отличие от республиканского Закона по данному вопросу в качестве субъектов воспитания не предусматриваются образовательные и научные организации. Это существенный просчет Программы, ибо тем самым заметно сужаются возможности патриотического воспитания особенно в рамках образовательного процесса на разных уровнях его осуществления.

Современная законодательная база, регламентирующая патриотическое воспитание молодежи, может быть оценена как ключевой аспект внутренней политики государства. Анализ положений из рассматриваемых законопроектов указывает на усиление не только образовательной, но и воспитательной роли учебных заведений.

Необходимо не просто разработать законодательную базу, но и обеспечить ее эффективное применение на практике, а также активное участие молодежи в этом процессе.

Список литературы:

1. Национальная доктрина образования в Российской Федерации (проект) // Народное образование. 2000, № 3. - С. 14-18.
2. Постановление Правительства РФ от 16.02.2001 N 122 "О государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы" | ГАРАНТ
3. О гражданском образовании учащихся общеобразовательных учреждений Российской Федерации: Письмо Министерства образования РФ (15 января 2003г. № 13-15-08/13) // Вестник образования России: - 2003. № 7. -С. 34-43.
4. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года// Вестник образования. 2002, № 2. - с. 4
5. Аспекты модернизации российской школы: научно-методические рекомендации к широкомасштабному эксперименту по обновлению содержания и структуры общего среднего образования /Рук. проекта А. Пинский.М.: ГУВШЭ, 2002. - с. 121
6. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 N 1493 "О государственной программе "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы" (с изменениями и дополнениями) | ГАРАНТ
7. Закон Республики Северная Осетия-Алания от 09.01.2017 N 2-РЗ "О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Северная Осетия-Алания" | ГАРАНТ

References:

1. National doctrine of education in the Russian Federation (draft) // Public education. 2000, No. 3, pp. 14-18.
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 122 dated 02/16/2001 "On the State program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2001-2005" | GARANT
3. On civil education of students of general education institutions of the Russian Federation: Letter of the Ministry of Education of the Russian Federation (January 15, 2003, No. 13-15-08/13) // Bulletin of Education of Russia: 2003, No. 7, pp. 34-43.
4. The concept of modernization of Russian education for the period up to 2010// Bulletin of Education. 2002, No. 2, pp. 4
5. Aspects of the modernization of the Russian school: scientific and methodological recommendations for a large-scale experiment to update the content and structure of general secondary education /Ruk. the A. Pinsky project.Moscow: Higher School of Economics, 2002, p. 121
6. Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/30/2015 N 1493 "On the State Program "Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2016-2020" (with amendments and additions) | THE GUARANTOR
7. The Law of the Republic of North Ossetia-Alania dated 09.01.2017 N 2-RZ "On patriotic and spiritual and moral education in the Republic of North Ossetia-Alania" | GARANT

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_280

УДК 340

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ЮРИСПРУДЕНЦИИ TO THE QUESTION OF DIGITALIZATION OF JURISPRUDENCE

ВЛАСОВА Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.
ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

КАНИНА Елена Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, 23А.
E-mail: kanina-rgup@yandex.ru;

VLASOVA Elena Lvovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
110 Lermontov St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

KANINA Elena Nikolaevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
23A Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russia.
E-mail: kanina-rgup@yandex.ru

Краткая аннотация. Информационные технологии с каждым днем набирают все большую популярность и внедряются в самые разнообразные сферы человеческой деятельности, в том числе, в юриспруденцию. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями цифровизации юридической деятельности, производится подробный анализ положительных и отрицательных сторон данного процесса, выделяются перспективы развития. Вносятся предложения по совершенствованию деятельности по внедрению цифровых технологий в юриспруденцию.

Abstract. Information technologies are gaining more and more popularity every day and are being introduced into a wide variety of areas of human activity, including jurisprudence. The article examines issues related to the specifics of digitalization of legal activity, provides a detailed analysis of the positive and negative aspects of this process, and highlights development prospects. Proposals are made to improve the implementation of digital technologies in jurisprudence.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, юриспруденция, искусственный интеллект, блокчейн, система LegalAI, Big Data, предиктивная аналитика, чат-бот.

Keywords: digitalization, information technology, jurisprudence, artificial intelligence, blockchain, LegalAI system, Big Data, predictive analytics, chatbot.

Для цитирования: Власова Е.Л., Канина Е.Н. К вопросу о цифровизации юриспруденции // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 280-282. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_280.

For citation: Vlasova E.L., Kanina E.N. To the question of digitalization of jurisprudence // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 280-282. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_280.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Цифровизация юриспруденции предполагает использование цифровых инструментов для автоматизации бизнес-процессов в юридической сфере¹. Это влечет за собой трансформацию традиционных методов работы, открывая новые возможности для повышения эффективности, снижения затрат и улучшения качества юридических услуг. Ключевые аспекты цифровизации включают в себя внедрение систем электронного документооборота, автоматизированных систем управления юридической практикой, аналитических платформ для обработки больших объемов юридической информации, а также использование искусственного интеллекта и машинного обучения для прогнозирования исходов судебных дел и оптимизации стратегий.

Термин «цифровизация» появился в 1995-ом году, его автором является американский информатик Николас Негропonte, которым изначально этот термин был введен применительно к «цифровой экономике». Постепенно цифровизация внесла значительные коррективы в систему реализации общественных отношений современного общества, трансформировав его в информационное. Дальнейшее развитие цифровых технологий привело к проникновению цифровизации практически во все сферы человеческой деятельности, от производства и финансов до образования и здравоохранения, обусловив необходимость переосмысления традиционных моделей ведения бизнеса, государственного управления и социального взаимодействия. Этот процесс сопровождается не только внедрением новых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и др., но и изменением структуры занятости, появлением новых профессий и исчезновением устаревших, а также формированием

¹ Цифровые технологии в юриспруденции: 4 главных тренда 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/services/1310120-cifrovye-tehnologii-v-yurisprudencii-4-glavnyh-trenda-2024-goda> (дата обращения 31.01.2025).

новых форм коммуникации и организации труда. Кроме того, цифровизация ставит перед обществом ряд вызовов, связанных с информационной безопасностью, защитой персональных данных, цифровым неравенством и этическими аспектами использования искусственного интеллекта, требующих комплексного подхода и разработки соответствующих правовых механизмов. А.Л. Семенов отмечает, что «феномен цифровизации сегодня является основным в развитии всей человеческой цивилизации» [3, с. 223].

Сегодня термин «цифровизация» используется в различных сферах, однако, не имеет общепринятой дефиниции. С технической точки зрения, «цифровизация» – это преобразование информации в цифровую форму, переход на цифровой способ связи, обработки и передачи данных. Цифровизация юриспруденции – это процесс внедрения цифровых технологий для автоматизации бизнес-процессов в юридической сфере¹.

Цифровые технологии, такие как искусственный интеллект (далее – ИИ) и блокчейн², позволяют обрабатывать большие объемы данных, и как результат – упростить работу, что особенно актуализирует работу юристов и судей, позволяя автоматизировать рутинные задачи, ускорять процесс принятия решений и уменьшать вероятность ошибок.

Безусловно, это огромный прогресс, который упрощает работу не только юристам, но и жизнь обычному человеку. В настоящее время любой гражданин, не выходя из дома, может получить квалифицированную юридическую помощь, подать заявление или написать обращение в органы государственной власти. Например, использование системы LegalAI³ позволяет создание виртуальных юристов, которые могут отвечать на юридические вопросы клиентов и предоставлять им консультации.

Вопрос в том, кто контролирует систему и несет ответственность за ее ошибки, если результатом явились негативные юридические последствия. Необходимо четко определить, где заканчивается зона ответственности разработчика, оператора, пользователя и где начинается зона ответственности самой системы, если таковая вообще существует. Возможно ли, и если да, то при каких условиях, признать систему субъектом права, способным нести бремя ответственности? Или же ответственность всегда должна быть возложена на конкретного человека или группу лиц, участвовавших в создании, внедрении или использовании системы?

Если говорить о цифровизации судебной системы, то это скорее совершенствование технического уровня обеспечения правосудия, например, сокращение сроков рассмотрения дел и споров, сокращение количества незавершенных дел, исключение случаев утраты документации, повышение эффективности работы аппаратов судов в результате создания условий для удобного доступа к информации.

Например, для этого используются системы автоматизации судопроизводства, информационные системы ГАС «Правосудие», «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел», «Банк решений арбитражных судов». Они обеспечивают электронный документооборот в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и административном судопроизводстве, а также использование электронных документов в качестве доказательств⁴.

Суперсервис «Правосудие онлайн» позволяет на одной платформе дистанционно подавать иски, жалобы и иные документы через личный кабинет, получать информацию о судебном заседании и участвовать в нём в формате веб-конференции.

Однако, деятельность судебных органов сводится не только к технической составляющей, но зависит и от человеческого фактора. Активный процесс цифровизации судебной системы в итоге приведет к «шаблонному» правосудию. И хотя автоматизация безусловно повысит скорость обработки дел и снизит вероятность ошибок, связанных с ручным вводом данных, она не сможет полностью заменить собой живой, человеческий анализ, основанный на эмпатии, понимании контекста и способности к критическому мышлению. Судебное решение – это не просто применение юридической нормы к конкретному факту, это взвешивание множества факторов, моральных соображений, индивидуальных обстоятельств, которые зачастую не поддаются формализации и алгоритмизации.

Отметим, что зависимость от цифровых технологий может привести и к сбоям в работе юридической системы в случае технических неполадок или кибератак. Отказ компьютерных систем, отсутствие доступа к интернету или потеря данных могут парализовать работу юридических фирм и судов, задерживая рассмотрение дел и нарушая права граждан.

Цифровизация может также усугубить неравенство в доступе к правосудию. Граждане, не имеющие доступа к интернету или не обладающие достаточными навыками работы с цифровыми технологиями, могут оказаться в невыгодном положении по сравнению с теми, кто может в полной мере использовать преимущества цифровой юриспруденции. Необходимо разрабатывать меры, направленные на преодоление этого цифрового разрыва и обеспечение равного доступа к правосудию для всех граждан.

Судья Свердловского областного суда Андрей Минеев критически высказался о перспективе внедрения ИИ в правосудие. По его мнению, никакой искусственный интеллект не сможет оценить то или иное дело так, как это сделает человек⁵.

¹ Цифровые технологии в юриспруденции: 4 главных тренда 2024 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/services/1310120-cifrovye-tehnologii-v-yurisprudencii-4-glavnyh-trenda-2024-goda> (дата обращения 31.01.2025).

² Технология блокчейн – это способ защищённого хранения и передачи данных в виде цепочки блоков, связанных друг с другом специальными ключами. В каждом из блоков содержится сведения о предыдущем. Чтобы изменить информацию, записанную в одном из блоков, необходимо скорректировать все последующие, иначе цепочка разрушится. Сделать это скрытно невозможно, поэтому технология блокчейн считается надёжным способом защиты информации от редактирования и фальсификации, что повышает уровень доверия к услугам юридических фирм.

³ Система LegalAI – это технология искусственного интеллекта, которая применяется в юридической сфере для автоматизации и оптимизации юридических процессов. Она использует алгоритмы машинного обучения и обработки естественного языка для анализа и интерпретации юридических документов, определения рисков и принятия решений на основе юридических данных. С помощью LegalAI возможно автоматизировать такие задачи, как анализ договоров, подготовка документов, управление правовыми рисками, мониторинг изменений в законодательстве и многое другое. LegalAI может также использоваться для прогнозирования рисков и вероятности исхода судебных дел. Например, система способна проанализировать историю судебных решений и выявить общие факторы, которые влияют на исход дела, что может помочь компании принимать более обоснованные решения.

⁴ И. Рукавишников: Цифровизация судебной системы России повышает доступность и качество правосудия. [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/158849/> (дата обращения 31.01.2025).

⁵ Судья жестко высказался по поводу искусственного интеллекта. [Электронный ресурс]. URL: <https://newdaynews.ru/ekaterinburg/838139.html> (дата обращения 31.01.2025).

По мнению Председателя Совета судей РФ Виктора Момотова «сильный ИИ¹ не способен заменить судью, так как он не сможет разобратся в психологических мотивах человека». При этом, Момотов отметил, что судьи уже используют слабые ИИ, которые помогают в механической работе².

По мнению Эрдэма Доржиева, Председателя Четвёртого арбитражного апелляционного суда, «включение технологии ИИ в процесс отправления правосудия – вопрос времени, поэтому судебная система активно работает над интеграцией цифровых решений во внутренние технические регламенты. При этом, роботам можно доверить лишь рутинную деятельность, которая требует анализа большого объема информации»³.

Из этого можно сделать вывод, что для качества правосудия цифровые технологии несут существенные риски [2, с. 46].

С другой стороны, цифровизация принесла множество преимуществ юридической отрасли. Одним из наиболее значимых преимуществ является повышение эффективности, в том числе, за счет анализа больших данных, который помогает юристам принимать более обоснованные решения и предсказывать возможные проблемы в будущем. Это стало возможным путем применения Big Data и предиктивной аналитики. Предиктивная, или прогнозная аналитика, используется специалистами для помощи в принятии юридических решений. Например, на основе большого массива неструктурированных данных и базы судебных дел система может провести статистический анализ и спрогнозировать наиболее вероятное судебное решение по тому или иному делу. Это позволяет юристу более тщательно подготовиться к процессу, понять возможные риски и с учетом этого выстраивать стратегию.

Цифровизация юридической деятельности в перспективе позволит повысить качество выполняемой работы и профессионализм оказываемых услуг, а использование искусственного интеллекта – оптимизировать законодательство в части выявления устаревших и дублирующих норм права, позволит избавить нормативно-правовую базу от имеющихся коллизий и спорных формулировок.

Кроме того, цифровые технологии облегчают коммуникацию и сотрудничество между юристами, клиентами и другими участниками юридического процесса. Видеоконференции, электронная почта и специализированные онлайн-платформы позволяют проводить совещания, обмениваться документами и обсуждать стратегии в режиме реального времени, независимо от географического местоположения участников. Это особенно важно в сложных делах, требующих участия нескольких юристов из разных городов или стран.

Цифровизация также способствует автоматизации рутинных задач, таких как составление типовых документов, мониторинг сроков и управление делами. Специализированные программы позволяют юристам автоматизировать эти процессы, высвобождая время для более творческой и аналитической работы. Автоматизация снижает риск человеческих ошибок и повышает точность выполнения задач.

В настоящее время, когда речь идет о замене человека-юриста искусственным интеллектом, сами юристы должны адаптироваться к новым технологиям путем их изучения и применения на практике, в том числе: использования облачных технологий для хранения и обмена документами. Это будет упрощать работу с клиентами и позволит получать доступ к документам из любой точки мира. Применения искусственного интеллекта для автоматизации рутинных задач, таких как анализ документов и поиск информации в базах данных. Использование блокчейна для обеспечения безопасности и надёжности хранения данных о сделках и контрактах. Введения цифровых подписей для сокращения времени на подписание документов и повышения уровня безопасности при работе с ними. Использование виртуальных помощников для работы с клиентами и обработки запросов. Анализа больших данных для принятия более обоснованных решений и предсказания возможных проблем в будущем. Развития мобильных технологий для возможности работать удалённо и получать доступ к документам и базам данных из любой точки мира. Также для адаптации к цифровой эпохе юристам необходимо стремиться к постоянному обучению и внутреннему росту, например, на специализированных онлайн-курсах.

Таким образом, считаем, что цифровизация юриспруденции – это процесс, включающий создание, внедрение и применение цифровых систем и технологий и (или) трансформацию инструментов (объектов, систем и технологий) взаимодействия государства, общества и человека.

Список литературы:

1. Катаев М.А. Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: маг.диссер / М.А. Катаев. Благовещенск, 2023. 124 с.
2. Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства / А.В. Нестеров // Правовое государство: теория и практика. 2020. №4 (62). С. 43-50. DOI: 10.33184/pravgos-2020.4.5 EDN: YPKTGJ
3. Синчурина Е.С. Цифровизация как инновационная философская парадигма / Е.С. Синчурина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 222-232. DOI: 10.34670/AR.2023.18.81.020 EDN: DGMSOR

References:

1. Kataev M.A. Transformation of legal reality in the digital age: master's dissertation / M.A. Kataev. Blagoveshchensk, 2023. 124 p.
2. Nesterov A.V. Digital transformation of legal activity and legislation / A.V. Nesterov // Legal state: theory and practice. 2020. No. 4 (62). P. 43-50
3. Sinchurina E.S. Digitalization as an innovative philosophical paradigm / E.S. Sinchurina // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2023. Vol. 12. No. 1A. P. 222-232.

¹ Слабый искусственный интеллект (ИИ) — это системы, разработанные для выполнения конкретных задач. Они обладают ограниченными возможностями и не имеют сознания или общего понимания мира. Такие системы способны обрабатывать большие объёмы данных и выполнять действия быстрее и точнее, чем человек, но не могут выйти за пределы запрограммированных функций.

Сильный ИИ — это система, способная выполнять широкий спектр задач. В отличие от слабого ИИ, который ограничен узкими задачами, сильный ИИ обладает универсальными возможностями. Они позволяют ему адаптироваться к новым условиям, учиться на собственном опыте и решать проблемы в разных областях.

² Председатель Совета судей назвал невозможным замену судьи сильным ИИ. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1595398/2023-10-26/predsedatel-soveta-sudei-pazval-nevozmozhnym-zamenu-sudii-silnym-ii> (дата обращения 31.01.2025).

³ Без страха и барьеров, но доверять лишь рутину: судья о судьбе ИИ в судебной системе. [Электронный ресурс]. URL: https://rapsnews.ru/digital_law_publication/20240320/309727339.html (дата обращения 31.01.2025).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ RESPONSIBILITY OF THE JUDICIAL REPRESENTATIVE

ШЕНШИН Виктор Михайлович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России,
кандидат юридических наук, доцент.
Московский пр-т, 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия.
E-mail: vitya-shen@mail.ru;

ГАВКАЛЮК Анна Богдановна,

стажер - исследователь научно-учебной лаборатории международного правосудия
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».
Мясницкая ул., 20, г. Москва, 101000, Россия.
E-mail: annettjnn@gmail.com;

SHENSHIN Viktor Mikhailovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Candidate of Law, Associate Professor.
149 Moskovsky Ave., Saint Petersburg, 196105, Russia.
E-mail: vitya-shen@mail.ru ;

GAVKALYUK Anna Bogdanovna,

intern Researcher at the Scientific and Educational Laboratory of International Justice
National Research University "Higher School of Economics".
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia.
E-mail: annettjnn@gmail.com

Краткая аннотация: Настоящее исследование раскрывает особенности ответственности судебного представителя, который играет важную роль в юридической системе.

Abstract: This study reveals the specifics of the responsibility of a judicial representative, who plays an important role in the legal system.

Ключевые слова: судебное представительство, инвестиционный арбитраж, гражданский процесс, арбитражный процесс, охрана окружающей среды.

Keywords: judicial representation, investment arbitration, civil procedure, arbitration process, environmental protection.

Для цитирования: Шеншин В.М., Гавкалюк А.Б. Ответственность судебного представителя // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 283-285. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_283.

For citation: Shenshin V.M., Gavkalyuk A.B. Responsibility of the judicial representative // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 283-285. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_283.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Судебные представители играют важную роль в юридической системе¹. Их основная ответственность - представлять интересы своих клиентов в суде. Это может включать в себя подготовку и подачу документов в суд, ведение переговоров с другой стороной, представление доказательств и аргументов в суде, а также консультацию и совет своему клиенту. Судебные представители также несут ответственность за обеспечение честного и правильного представления интересов своего клиента, соблюдение всех законов и этических норм. Они должны обладать высоким уровнем профессионализма и строго соблюдать конфиденциальность. Эти обязанности являются основой их работы и ключом к обеспечению справедливости в юридической системе.

Судебные представители обладают обширным набором прав и обязанностей, которые они должны соблюдать в интересах своих клиентов в соответствии с действующим законодательством. Нарушение этих правил может повлечь за собой юридическую ответственность, такую как дисциплинарная, гражданско-правовая, административная ответственность.

Для адвокатов особенно важна дисциплинарная ответственность, так как они могут быть наказаны за нарушение профессиональной этики, невыполнение профессиональных обязанностей или несоблюдение решений адвокатских палат. Меры дисциплинарной ответственности включают замечание, предупреждение, прекращение статуса адвоката, чтобы определить какой вид наказания подойдет, учитываются все обстоятельства, которые признаны существенными и могут быть приняты во внимание советом адвокатов. Также устанавливается срок от года до пяти лет, по истечении которого адвокат будет допущен к сдаче профессионального экзамена, если нарушается повторно, то срок увеличивается от пяти лет до семи.

Дисциплинарные меры в отношении адвокатов должны быть применены не позднее двух лет с момента совершения им нарушения, а при длящимся с момента его пресечения. Президент адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, либо лицо, его замещающее возбуждает

¹ Юдин, И. В. Стандартизация экспертной деятельности как вариант обеспечения надлежащей компетенции эксперта в гражданском судопроизводстве / И. В. Юдин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 70-74. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-70-74. – EDN JDLIMF.

дисциплинарное производство не позднее пяти дней со дня получения, и в течение 10 дней передает дело в комиссию на рассмотрение. Продление может быть осуществлено на срок до одного месяца, в соответствии с положением ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката.¹

Адвокат вправе примириться с заявителем, на это и направлено дисциплинарное производство, чтобы не подрывать его статус в глазах представляемого, все это происходит до вынесения решения Совета². После того как комиссия огласит все доводы за и против, слово, в последнюю очередь предоставляется лицу, подавшему жалобу, а также адвокату³. Заключение по дисциплинарному производству осуществляется путем голосования. Бюллетени утверждены советом палаты, в которых прописаны данные членов комиссии, после их заполнения, они подкрепляются к протоколу и являются его частью.

В дисциплинарном производстве все решения доводятся до сведения участников в письменной форме, что обеспечивает ясность и открытость процесса. Заключение комиссии по итогам рассмотрения дела должно быть аргументированным и содержать все необходимые элементы: вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части, предоставляя участникам возможность понять причины и основания принятого решения. Адвокат, в соответствии с требованиями статьи 19 Закона об адвокатуре, страхует свою профессиональную ответственность, гарантируя клиенту возмещение материального ущерба в случае нарушения условий соглашения об оказании юридической помощи⁴.

В уставе адвокатского образования устанавливаются рамки материальной ответственности адвокатов. Там же определяются форс-мажорные ситуации, которые могут привести к освобождению партнеров от ответственности, а также условия наступления такой ответственности. Адвокат может быть освобожден от ответственности за неисполнение договорных обязательств полностью или частично, если это вызвано непредвиденными обстоятельствами. К таким обстоятельствам могут относиться стихийные бедствия (наводнения, пожары, землетрясения), военные конфликты, акты государственных органов или любые другие события, находящиеся вне контроля партнеров. Споры и разногласия, связанные с материальной ответственностью адвоката, обычно разрешаются путём дружеского урегулирования⁵. При рассмотрении гражданской ответственности представителя необходимо учитывать и положения договора поручения, особенно в коммерческом представительстве. Однако при определении степени ответственности консультантов за некачественно оказанные услуги часто возникают затруднения, поскольку их ответственность, как правило, ограничена размером полученного гонорара, что подтверждается судебной практикой⁶.

Из материалов дела решения Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 декабря 2004 года по делу № Ф03-А51/04-1/3397 следует, что между ОАО (именуемый заказчиком) и ООО (именуемым исполнителем) был заключен договор на предоставление консультационных услуг по вопросам специфики банковской системы и валютного законодательства КНР, порядка осуществления расчетных операций в СКВ по внешнеторговым контрактам в соответствии с установленными в КНР правилами и нормами.⁷ Стороны определили срок выполнения услуг с учетом дополнительного соглашения. Поскольку услуги, предусмотренные договором, заказчику не были предоставлены, ОАО обратился к исполнителю с требованием о расторжении договора и возврате предоплаты, которое не было удовлетворено, в результате чего ОАО обратилось в арбитражный суд с иском. Суд удовлетворил исковые требования, поскольку ответчик не представил доказательства выполнения работ по договору, что является существенным нарушением его условий и основанием для расторжения договора и возврата суммы предоплаты за неоказанные услуги.

По мнению М.В. Кратенко, при некачественном оказании услуг, особенно консультационных, которые не дают осязаемого результата, ответственность исполнителя обычно ограничивается рамками договора. Следовательно, компенсация ущерба, возникшего из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения договора, должна быть одним из ключевых пунктов контракта (п. 1 ст. 432 ГК РФ). Однако, как показывает анализ судебных споров, договоры на платное консультирование часто не содержат конкретных положений об ответственности исполнителя. При этом отсутствие таких положений автоматически активирует общие нормы гражданского права об ответственности за нарушение договорных обязательств (ст. 15 ГК РФ), формулировка которой, однако, требует более четкого определения, чтобы избежать расширенного толкования.

Гражданско-правовая доктрина активно обсуждает вопрос определения понятия «убытки»⁸, в частности, споря о том, является ли денежная форма обязательным элементом убытков. Неоднозначность заключается в том, может ли ущерб, не имеющий прямого денежного эквивалента, подпадать под понятие «убытки».

О. В. Фомичев описывает убытки как специфическую финансово-экономическую фикцию, суть которой заключается в «равнозначности в правовых последствиях предполагаемых или ожидаемых событий (действий) по сравнению с аналогичными реальными событиями (действиями)».⁹

Однако, Е. Е. Богданова критикует эту точку зрения, предполагая, что убытки, по своей правовой природе, не являются фикцией, так как размер понесенных убытков должен быть доказан истцом и лишь затем подлежит компенсации.¹

¹ «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021) <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/> (дата обращения 10.01.2025).

² Гавриленко, В. А. Характеристика способов совершения преступлений против лесных насаждений / В. А. Гавриленко, А. Б. Доильницын // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 2(47). – С. 47-51. – EDN JLOOBJ.

³ Юдин, И. В. Допустимость заключения о результатах экспертизы и статус частного эксперта / И. В. Юдин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 85-90. – EDN LRIIAN.

⁴ Юдин, И. В. Актуальные проблемы оценки достоверности выводов эксперта в гражданском судопроизводстве / И. В. Юдин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 50-55. – EDN TVJJGV.

⁵ Гавриленко, В. А. Сравнительный анализ законодательства государств арктического региона в области возмещения ущерба от чрезвычайных ситуаций / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 5-9. – EDN IWVVHU.

⁶ Сазонова, Е. С. Понятий в уголовном процессе: некоторые проблемные вопросы / Е. С. Сазонова, М. П. Царева // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 4(57). – С. 59-68. – EDN RCWOLN.

⁷ Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 декабря 2004 г. N Ф03-А51/04-1/3397.

⁸ Гавриленко, В. А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах арктического региона / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 10-14. – EDN BDGFUV.

⁹ Фомичев О. В. «Убытки как финансово-экономическая фикция: правовые аспекты и последствия.» Вестник гражданского права, 2021, № 3, с. 45–58.

С. Э. Либанова считает, что «с правовой точки зрения, убытками могут быть признаны негативные последствия в имущественной сфере пострадавшего, эквивалент которых выражен в денежной форме в виде активного ущерба и упущенной выгоды, подлежащей взысканию».²

В. А. Хохлов более последовательно оспаривает позицию, согласно которой убытки определяются как денежная оценка имущественного вреда.³ Он утверждает, что «вопрос не в том, могут ли убытки быть выражены в денежной форме: они могут и не принимать денежную форму», так как фактические убытки (вред) и то, что будет возмещено, могут и не совпадать. Таким образом, представляется, что «убытки» — это более широкое понятие, чем просто денежная оценка материального ущерба, хотя, безусловно, расходы, которые лицо должно понести для восстановления своих нарушенных прав, оцениваются в денежном эквиваленте. Важно отметить, что административная ответственность адвоката не входит в компетенцию квалификационных комиссий и советов адвокатских палат. В таких случаях корпоративные органы самоуправления могут лишь зафиксировать факт и на основании решения правоохранительных органов лишить адвоката статуса, исключив его из коллегии.⁴ Адвокаты не имеют каких-либо привилегий при привлечении к административной ответственности, поскольку ни Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, ни другие федеральные законы не предусматривают для них специального порядка. Таким образом, адвокаты наравне с обычными гражданами могут совершать административные правонарушения, перечень которых, согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях, включает:

1. Нарушение законных правил в отношении сбора, хранения, использования или распространения персональных данных, за которое предусмотрено предупреждение или штраф.

Согласие субъекта на обработку его персональных данных является одним из ключевых элементов правового регулирования в сфере информации и информационных технологий в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных». Нарушение установленных законом правил сбора, хранения, использования или распространения персональных сведений влечёт за собой административную ответственность.

Список литературы:

1. Gavrilenko, V. A. Issues of determining maritime boundaries in Southeast Asia / V. A. Gavrilenko, M. H. M. Rusli, R. Mohamad // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – No. 2(55). – P. 37-41. – EDN KJJQEX.
2. Богданова Е. Е. «Правовая природа убытков: фикция или реальность?» Журнал правовых исследований, 2022, № 2, с. 32-40.
3. Gavrilenko, V. A. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах арктического региона / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 2(51). – С. 10-14. – EDN BDGFUV.
4. Gavrilenko, V. A. Сравнительный анализ законодательства государств арктического региона в области возмещения ущерба от чрезвычайных ситуаций / В. А. Гавриленко // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 3(52). – С. 5-9. – EDN IWWVHU.
5. Гавриленко, В. А. Характеристика способов совершения преступлений против лесных насаждений / В. А. Гавриленко, А. Б. Доильницын // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2020. – № 2(47). – С. 47-51. – EDN JLOOJB.
6. Либанова С. Э. «Правовая природа убытков: теоретические аспекты и практические последствия.» Вестник юридической науки, 2020, № 4, с. 15-22.
7. Сазонова, Е. С. Понятий в уголовном процессе: некоторые проблемные вопросы / Е. С. Сазонова, М. П. Царева // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 4(57). – С. 59-68. – EDN RCWOLH.
8. омичев О. В. «Убытки как финансово-экономическая фикция: правовые аспекты и последствия.» Вестник гражданского права, 2021, № 3, с. 45-58.
9. Хохлов В. А. «Убытки и их оценка: критический анализ современных подходов.» Юридический журнал, 2021, № 3, с. 45-52.
10. Юдин, И. В. Актуальные проблемы оценки достоверности выводов эксперта в гражданском судопроизводстве / И. В. Юдин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 4(61). – С. 50-55. – EDN TVJJGW.
11. Юдин, И. В. Допустимость заключения о результатах экспертизы и статус частного эксперта / И. В. Юдин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 85-90. – EDN LRIIAN.
12. Юдин, И. В. Стандартизация экспертной деятельности как вариант обеспечения надлежащей компетенции эксперта в гражданском судопроизводстве / И. В. Юдин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 2(63). – С. 70-74. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-70-74. – EDN JDLIMF.

References:

1. Gavrilenko, V. A. Issues of determining maritime boundaries in Southeast Asia / V. A. Gavrilenko, M. H. M. Rusli, R. Mohamad // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – No. 2(55). – P. 37-41. – EDN KJJQEX.
2. Bogdanova E. E. "The legal nature of damages: fiction or reality?" Journal of Legal Research, 2022, No. 2, pp. 32-40.
3. Gavrilenko, V. A. Issues of arbitration of disputes on compensation for damage caused by emergencies in the countries of the Arctic region / V. A. Gavrilenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – No. 2(51). – Pp. 10-14. – EDN BDGFUV.
4. Gavrilenko, V. A. Comparative analysis of the legislation of the states of the Arctic region in the field of compensation for damage from emergency situations / V. A. Gavrilenko // Right. Safety. Emergency situations. – 2021. – No. 3(52). – Pp. 5-9. – EDN IWWVHU.
5. Gavrilenko, V. A. Characteristics of methods of committing crimes against forest plantations / V. A. Gavrilenko, A. B. Doilnitsyn // Right. Safety. Emergency situations. – 2020. – No. 2(47). – Pp. 47-51. – EDN JLOOJB.
6. Libanova S. E. "The legal nature of damages: theoretical aspects and practical consequences." Bulletin of Legal Science, 2020, No. 4, pp. 15-22.
7. Sazonova, E. S. Understood in criminal proceedings: some problematic issues / E. S. Sazonova, M. P. Tsareva // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – No. 4(57). – Pp. 59-68. – EDN RCWOLH.
8. omichev O. V. "Losses as a financial and economic fiction: legal aspects and consequences." Bulletin of Civil Law, 2021, No. 3, pp. 45-58.
9. Khokhlov V. A. "Losses and their assessment: a critical analysis of modern approaches." Law Journal, 2021, No. 3, pp. 45-52.
10. Yudin, I. V. Actual problems of assessing the reliability of expert conclusions in civil proceedings / I. V. Yudin // Law. Safety. Emergency situations. – 2023. – No. 4(61). – Pp. 50-55. – EDN TVJJGW.
11. Yudin, I. V. The admissibility of the conclusion on the results of the examination and the status of a private expert / I. V. Yudin // Law. Safety. Emergency situations. – 2023. – No. 2(59). – Pp. 85-90. – EDN LRIIAN.
12. Yudin, I. V. Standardization of expert activity as an option to ensure the proper competence of an expert in civil litigation / I. V. Yudin // Law. Safety. Emergency situations. – 2024. – No. 2(63). – Pp. 70-74. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-2-70-74. – EDN JDLIMF.

¹Богданова Е. Е. «Правовая природа убытков: фикция или реальность?» Журнал правовых исследований, 2022, № 2, с. 32-40.

²Либанова С. Э. «Правовая природа убытков: теоретические аспекты и практические последствия.» Вестник юридической науки, 2020, № 4, с. 15-22.

³Хохлов В. А. «Убытки и их оценка: критический анализ современных подходов.» Юридический журнал, 2021, № 3, с. 45-52.

⁴Gavrilenko, V. A. Issues of determining maritime boundaries in Southeast Asia / V. A. Gavrilenko, M. H. M. Rusli, R. Mohamad // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – No. 2(55). – P. 37-41. – EDN KJJQEX.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_286

ТЕНДЕР НА СТРОИТЕЛЬСТВО: КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ И ИХ МИНИМИЗАЦИИ CONSTRUCTION TENDER: CORRUPTION RISKS AND THEIR MINIMIZATION

КОЛИЕВА Ангелина Эдуардовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры земельного, трудового и экологического права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина».

ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.

E-mail: angelkolieva@mail.ru;

KOLIEVA Angelina Eduardovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Land, Labor and Environmental Law,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

Kalinina St., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.

E-mail: angelkolieva@mail.ru

Краткая аннотация: В рамках представленного исследования рассмотрен вопрос о минимизации коррупционных рисков при проведении строительных тендеров. В исследовательской работе приведен анализ понятия строительного тендера, благодаря которому можно сделать вывод, что под ним следует понимать: непосредственную процедуру проведения специальных торгов на поиск исполнителя для реализации строительных работ. В работе рассмотрены различные виды строительных тендеров как государственного (муниципального), так и частного характера. Основная часть работы посвящена выявлению основных коррупционных рисков, которые возникают при проведении строительных тендеров. В заключении авторы приходят к выводу о том, что минимизация коррупционных рисков в сфере проведения строительных тендеров возможно на основе усиления контрольных полномочий соответствующих органов государственной власти за проведением государственных закупок в сфере строительства, а также проведением коммерческих торгов в строительной сфере.

Abstract: Within the framework of the presented research, the issue of minimizing corruption risks during construction tenders is considered. As part of the research work, the authors analyze the concept of a construction tender and come to the conclusion that it should be understood as: the direct procedure for conducting special tenders to find a contractor for the implementation of construction works. As part of the work, the authors consider various types of construction tenders, both public (municipal) and private. The main part of the work is devoted to identifying the main corruption risks that arise during construction tenders. In conclusion, the authors conclude that minimizing corruption risks in the field of construction tenders is possible on the basis of strengthening the control powers of the relevant public authorities over public procurement in the construction sector, as well as conducting commercial tenders in the construction sector.

Ключевые слова: строительство, правовое регулирование, тендер, правовое регулирование строительства, строительная отрасль.

Key words: construction, legal regulation, tender, legal regulation of construction, construction industry.

Для цитирования: Колиева А.Э. Тендер на строительство: коррупционные риски и их минимизации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 286-287. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_286.

For citation: Kolieva A.E. Construction tender: corruption risks and their minimization // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 286-287. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_286.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Актуальность.

В рамках современного законодательства Российской Федерации содержатся многие нормы, регулирующие строительную сферу. При этом в правовом поле, занимают особое место нормы, посвященные предотвращению коррупционных рисков в строительной сфере. Отметим, что такие нормы имеют особую актуальность в рамках области строительных тендеров, так как указанная сфера представляет собой одну из самых коррумпированных отраслей строительной сферы. Отметим, что минимизация коррупционных рисков в рамках проведения тендеров в сфере строительства позволяет обеспечить более качественное производство строительных работ, а также косвенно обеспечивает защиту прав и законных интересов участников правовых отношений в сфере строительства. В рамках данной работы рассматривается вопрос о коррупционных рисках, которые возникают в рамках проведения строительных тендеров.

В исследовании использованы различные методы научного познания, включая такой метод научного познания как анализ. В качестве материалов для проведения аналитической работы были использованы положения законодательства Российской Федерации о системе строительных тендеров, а также иные нормы российского законодательства. В работе также проведен анализ научной литературы на соответствующую тему исследования.

В первую очередь нам необходимо разобрать вопрос о том, что же из себя представляют строительные тендеры. Отметим, что понятие тендера не имеет легального определения, закрепленного в нормах законодательства Российской Федерации. При этом в рамках научной литературы можно встретить множество различных подходов к пониманию понятия строительного тендера. Так, к примеру, под строительным тендером может пониматься сама процедура проведения торгов с последующим заключением соглашения о производстве строительных работ [1].

Понятие строительного тендера также может рассматриваться как процедура выбора исполнителя для реализации строительных работ [2].

Отметим, что в данной исследовательской работы мы будем рассматривать понятие строительных тендеров как непосредственную процедуру проведения специальных торгов на поиск исполнителя для реализации строительных работ. В рамках современного законодательства Российской Федерации предусмотрено несколько видов тендеров на строительство, которые могут проводиться на территории страны. Так, к числу указанных видов тендеров можно отнести:

1. Тендеры на строительные работы, которые носят государственный или муниципальный характер и финансируются за счет бюджетных средств. Указанный вид тендеров регулируются положениями Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ [3]. Отметим, что с 1 октября 2020 года функции единого госзаказчика по строительству и ремонту перешли к Минстрою России;

2. Тендеры на строительные работы, которые носят государственный или муниципальный характер и финансируются за счет привлечения внебюджетных средств. Указанный вид тендеров регулируется положениями Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ [4]. При этом единым госзаказчиком в указанном случае также выступает Минстрой Российской Федерации;

3. Коммерческие торги. Проводятся с целью поиска исполнителей заказов для частных предприятий. Правовое регулирование указанного вида строительных тендеров осуществляется за счет норм гражданского права Российской Федерации. Условия участия в каждом конкретном коммерческом тендере определяются в закупочной документации к нему [5].

Отметим, что порядок участия строительной компании в указанных видах строительных тендеров определен как законодательством Российской Федерации, так и отдельными условиями конкретного тендера. При этом вне зависимости от вида строительного тендера, проведение каждого из них сопряжено с определенными коррупционными рисками. Далее мы рассмотрим основные коррупционные риски, которые возникают при проведении строительных тендеров.

1. В сфере государственных строительных тендеров ключевой коррупционной проблемой выступает лоббирование конкретных направлений предпринимательства. Так, в рамках системы государственных закупок могут появляться тендеры на строительные работы, которые при этом не имеют под собой должного экономического обоснования, а также не учитывают потребности конечного потребителя. Решение указанной проблемы видится в разработке и внедрении заказчиком системы эффективного планирования закупок, основанной на всестороннем анализе потребностей, в том числе с учетом мнения конечных потребителей. [7]

2. В рамках проведения тендеров также часто наблюдаются манипуляции с ценой контракта, связанные с необоснованным завышением или занижением цены контракта. Представляется, что таким образом идет противоправное перераспределение средств (как бюджетных, так и внебюджетных и частных). В указанном случае возникает риск совершения сопутствующих преступлений, которые, к примеру, затрагивают вопросы отмыкания денег, полученных нелегальным путем. Решение указанной проблемы видится в организации постоянного мониторинга рыночных цен на строительные работы, а также организация контроля со стороны соответствующих органов власти над ценообразованием в рамках строительных тендеров.

3. В проведении тендеров также распространена ситуация, при которой такие тендера создаются как бы для «своих». То есть конкретный тендер, а вернее условия участия в нем, подбираются с учетом специфики конкретной организации, которая и должна стать победителем тендера. Помимо коррупционной составляющей, такая ситуация также несет угрозу свободной конкуренции на строительном рынке. Решение указанной проблемы видится во внедрении более жесткой системы мониторинга и контроля за проведением строительных тендеров. Также, необходимо усовершенствовать систему обращений граждан в случае выявления таких «подставных» тендеров [6].

В современном законодательстве Российской Федерации содержатся различные антикоррупционные положения, в том числе касающиеся вопросов проведения строительных тендеров. Представляется, что минимизация коррупционных рисков в сфере проведения строительных тендеров возможно на основе усиления контрольных полномочий соответствующих органов государственной власти за проведением государственных закупок в сфере строительства, а также проведением коммерческих торгов в строительной сфере.

Список литературы:

1. Тендеры на строительство. Как участвовать и побеждать // ПервыйБит. - Режим доступа: https://www.1cbit.ru/blog/tendery-na-stroitelstvo-kak-uchastvovat-i-pobezhdai/?ysclid=m4o9lca3gz723596019&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 14.12.2024).
2. Как участвовать в строительных закупках в 2024 году // КонтурЗакупки. - Режим доступа: https://zakupki.kontur.ru/site/articles/51705-tender_na_stroitelstvo/?ysclid=m4o9lca3gz709573589#header_51705_1 (дата обращения: 14.12.2024).
3. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. - 2013. - № 80.
4. Федеральный закон "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" от 18.07.2011 № 223-ФЗ // Российская газета. - 2011. - № 159.
5. Тендеры на строительство // IZHTENDER. - Режим доступа: <https://izhtender.ru/stati/tender/tendery-na-stroitelstvo/> (дата обращения: 14.12.2024).
6. Методические рекомендации по оценке и снижению коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд, при использовании бюджетных средств и государственного имущества. - М.: ГУСП РФ, 2017. - 20 с.
7. Колиева А.Э., Некоторые аспекты развития фидуциарных правоотношений // Вестник Владимирского юридического института. 2016. №1 (38). С. 151-155. EDN: VPRFQZ

References:

1. Tenders for construction. How to participate and win // The first day. - Access mode: https://www.1cbit.ru/blog/tendery-na-stroitelstvo-kak-uchastvovat-i-pobezhdai/?ysclid=m4o9lca3gz723596019&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed date: 12/14/2024).
2. How to participate in construction procurement in 2024 // KonturZakupki. - Access mode: https://zakupki.kontur.ru/site/articles/51705-tender_na_stroitelstvo/?ysclid=m4o9lca3gz709573589#header_51705_1 (date of request: 14.12.2024).
3. Federal Law "On the Contract System in the field of procurement of Goods, Works, and Services for State and Municipal Needs" dated 05.04.2013 No. 44-FZ (as amended on 08.08.2024) // Rossiyskaya Gazeta. - 2013. - № 80.
4. Federal Law No. 223-FZ dated July 18, 2011 "On Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" // Rossiyskaya gazeta. - 2011. - No. 159.
5. Tenders for construction // IZHTENDER. - Access mode: <https://izhtender.ru/stati/tender/tendery-na-stroitelstvo/> (date of request: 14.12.2024).
6. Methodological recommendations for assessing and reducing corruption risks in the procurement of goods, works and services to meet government needs, when using budget funds and state property. Moscow: GUSP RF, 2017. 20 p.
7. Koliyeva A.E., Some aspects of the development of fiduciary legal relations // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2016. No. 1 (38). pp. 151-155. EDN: VPRFQZ

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_288

УДК 347.925

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ НАЧАЛА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ CONCILIATORY PRINCIPLES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS REALITIES AND PROSPECTS

БЕЛЯЕВА Ксения Андреевна,студентка факультета ОЮФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69.

E-mail: belyaeva.esen@gmail.com;

ТАТЧИН Карина Владимировна,студентка факультета ОЮФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».
117418, Россия, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., 69.

E-mail: Tatchin03@mail.ru;

BELYAEVA Kseniya Andreevna,student of the Faculty of Law Federal State Budgetary Educational Institution "Russian State University of Justice".
117418, Moscow, Novocheremushkinskaya St., 69.

E-mail: belyaeva.esen@gmail.com;

TATCHIN Karina Vladimirovna,student at the Faculty of Law Federal State Budgetary Educational Institution "Russian State University of Justice".
117418, Moscow, Novocheremushkinskaya St., 69.

E-mail: Tatchin03@mail.ru

Краткая аннотация: Исследуются вопросы применения примирительных процедур в административном процессе. В работе рассматриваются современные проблемы реализации этих принципов и их взаимосвязь с отношениями в частно-публичной сфере. В статье также выявлены механизмы популяризации примирительных процедур и предложены пути решения спорных вопросов на основе анализа юридической доктрины и судебной практики. В результате исследования сделан вывод о том, что для повышения эффективности разрешения административных споров необходимо внедрить обязательную досудебную стадию в форме примирительных процедур. Их активное использование по публично-правовым спорам соответствует конституционной идее государственной защиты прав и свобод, которая включает в себя не только суд, но и другие государственные органы.

Abstract: The article examines the issues of the application of conciliation procedures in the administrative process. The paper examines the current problems of the implementation of these principles and their relationship with relations in the private-public sphere. The article also identifies mechanisms for popularizing conciliation procedures and suggests ways to resolve controversial issues based on an analysis of legal doctrine and judicial practice. The study concluded that in order to improve the effectiveness of administrative dispute resolution, it is necessary to introduce a mandatory pre-trial stage in the form of conciliation procedures. Their active use in public law disputes corresponds to the constitutional idea of state protection of rights and freedoms, which includes not only the court, but also other state bodies.

Ключевые слова: примирительные процедуры, медиация, урегулирование споров, судебное примирение, публичные споры, принципы примирительных процедур.

Keywords: conciliation procedures, mediation, dispute settlement, judicial reconciliation, public disputes, principles of conciliation procedures.

Для цитирования: Belyaeva K.A., Tatchin K.V. Conciliatory principles in administrative proceedings: realities and prospects // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 4. С. 288-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_288.

For citation: Беляева К.А., Татчин К.В. Примирительные начала в административном судопроизводстве: реалии и перспективы // *Law and state: theory and practice*. 2025. No. 4. pp. 288-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_288.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Примирительные процедуры в административном судопроизводстве представляют собой механизмы разрешения споров между сторонами административного процесса без обращения к судебным инстанциям. Они направлены на достижение согласия между участниками конфликта путем переговоров, медиации или иных форм взаимодействия. Примеры таких процедур включают заключение мирового соглашения, проведение консультаций и обсуждение условий, способствующих урегулированию спора. Применение примирительных процедур позволяет снизить нагрузку на суды, ускорить процесс разрешения конфликтов и сохранить конструктивные отношения между сторонами.

Однако, при всех очевидных плюсах применения таких процедур, сам институт примирения в отечественном законодательстве появился относительно недавно. Тем более спорным становится обсуждение возможности применения каких-либо примирительных процедур в спорах, вытекающих из публичных отношений.

Необходимо уточнить, что первоначальная редакция действующего в настоящее время АПК РФ отсылала к специальным положениям главы 15 Кодекса о примирении сторон. В ней содержалось указание на возможность заключения сторонами соглашения. Однако такое соглашение не называлось мировым. Данная формулировка повлекла за собой множественные расхождения во мнениях относительно правовой природы подобных соглашений.

М.А. Рожкова выделила намерение законодателя разграничить различные виды соглашений, которые утверждаются в исковом производстве, поскольку мировое соглашение в своей основе является мировой сделкой сторон в рамках процесса. Исходя из этого, логично утверждать, что, создавая норму, законодатель опустил понятие «мировое» в целях сохранения вариативности развития регулирования административного судопроизводства и примирительных процедур в публично-правовых отношениях, в частности, законодатель оставил возможность кон-

кретизации этих норм.

Так, постепенно уточняя изначальную формулировку, статья 190 АПК РФ закрепила актуальный вектор развития «мирового соглашения» как единой дефиниции в широком понимании.

В.В. Блажеев лаконично сформулировал наиболее распространенную позицию по этому поводу: «Поскольку мировое соглашение может заключаться и по спорам, возникающим из публично-правовых отношений, его нельзя рассматривать исключительно как гражданско-правовой договор. Уместной представляется более широкая трактовка мирового соглашения. Таковым является любое соглашение, согласно которому стороны на взаимовыгодных условиях в пределах предоставленных им полномочий ликвидируют спор, что влечет прекращение производства по делу».

Споры, возникающие в рамках публичных правоотношений, часто являются сложными многоуровневыми конфликтами, затрагивающими права и интересы нескольких, а иногда и множества субъектов. Важно учитывать, что регулирование взаимоотношений между такими субъектами может осуществляться различными отраслями права. Нередко такие споры связаны с обжалованием административных актов, нарушающих права одного участника, но приносящих выгоды другому участнику, который присоединяется к процессу в роли третьего лица не заявляющего самостоятельные требования. Согласно части 1 статьи 139 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, данные субъекты могут участвовать в мировом соглашении, если им предоставляются определенные права или на них накладываются обязательства согласно условиям этого соглашения.

КАС РФ, в отличие от АПК РФ в новой редакции, не предусматривает участия заинтересованных лиц в заключении соглашения о примирении, точнее, прямо исключает такую возможность (ч. 3 ст. 47) [2].

При этом стоит учитывать и наличие противоречия в законодательстве, отсылающем к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Указанный закон касается всех категорий дел, кроме дел об оспаривании нормативных правовых актов, о защите избирательных прав граждан, о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, об оспаривании отказа органа публичной власти в согласовании проведения публичного мероприятия и некоторые другие. Процедура судебного примирения наиболее детально представлена в принятом Верховным Судом РФ в октябре 2019 г. тематическом Регламенте, который закрепляет принципы и правовую базу деятельности судебного примирителя. Помимо этого, указанный Регламент закрепляет установленную форму проведения таких процедур - переговоры (ст. 17). То есть, можно заметить смешение родовых и видовых действий в рамках имеющихся примирительных процедур, используемых в административном судопроизводстве.

Комитет Министров Совета Европы в принятых Рекомендациях отметил наличие альтернативных способов разрешения споров посредством примирительных процедур. Такие способы возможно применять либо до обращения в суды, либо во время судебного разбирательства. Благодаря применению указанного порядка урегулирования становится возможным снизить нагрузку на судебную систему, тем самым достичь одну из глобальных целей примирительных процедур.

Выход России из Совета Европы не изменил текущий вектор развития института примирительных процедур. Актуальность высказанных суждений сохраняется и в настоящем. Таким образом допустимо сделать применение этих способов необходимым условием начала административного судопроизводства. Однако в России этого не произошло, несмотря на прослеживающуюся тенденцию к развитию примирительных процедур [1].

В доктрине выделяются разные цели примирительных процедур. М.А. Ротко, одной из целей, выделяет оптимизацию нагрузки на суды, а также процессуальную экономию, что в свою очередь позволит создать почву для будущих преобразований в судебной системе [3].

С.А. Лапик придерживается аналогичной позиции, считая, что примирительные процедуры позволяют повысить качество работы ветви власти, аргументируя свою позицию высказыванием В.Г. Саккисяна о том, что далеко не все споры нуждаются быть рассмотренными в суде, что еще раз подчеркивает уникальность применения данного способа разрешения спора.

Л.В. Туманова при определении цели процедур ссылается на принципы административного судопроизводства, а именно на принцип справедливости. Его суть заключается в достижении такого результата разрешения спора, который был бы справедливым для всех участников процесса. Результатом примирительных процедур является достижение соглашения между сторонами, которое в свою очередь будет добровольным, а значит и справедливым.

Существует и другая цель, выделяемая в доктрине – укрепление доверия и повышение престижа государственных органов. В.С. Анохин утверждает, в сфере публичных правоотношений мирное урегулирование предпочтительнее судебного, так как деловая репутация в данной категории споров более весома, чем в частноправовых. Л.В. Туманова придерживается аналогичной позиции, считая, что такой способ урегулирования споров позволит укрепить доверие и сформировать этические нормы служебного поведения государственных органов [4].

Высказанные позиции напрямую отображают понимание и реализацию основных принципов примирительных процедур, содержащихся в Федеральном законе "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 N 193-ФЗ и в Проекте Федерального закона № 421600-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур».

Анализируя приведенные акты, можно проследить единообразный подход к формулированию и пониманию принципов. В частности, принципов добровольности процедуры, сотрудничества и равноправия сторон, конфиденциальности. В свою очередь принципы медиатора и судебного примирителя несколько отличаются. Так в работе судебного примирителя выделяют его независимость, беспристрастность и добро-

совестность. В то время как медиатор выстраивает свою работу в соответствии с принципами независимости и беспристрастности. Разница в указанных различиях не является существенной для реализации примирительных процедур на практике.

В отношении же публичных споров приведенные принципы будут иметь отличный механизм работы, поскольку наделение одной стороны властными полномочиями и подчиненное положение другой стороны делает затруднительным реализацию на практике принципа равноправия сторон. Также, такие отношения как правило отягощены специфической целью, так как в результате проведения примирительной процедуры конечным результатом преимущественно является утверждение ряда уступок на условиях, которые как правило диктует государственный орган ввиду своего положения относительно другой стороны. Таким образом, подобное преломление названных принципов на практике накладывает необходимость специфического регулирования такого рода споров.

Многовариативность подходов к данной проблеме обуславливается спецификой указанных правоотношений, поскольку в них нет баланса между участниками. Сложность заключается в наделении одной из сторон (государства в лице различных государственных органов) властными полномочиями и подчиненном положении другой стороны.

Сущность разрешения публичных споров в уступках, которые совершают стороны посредством пользования своими правами и свободами по собственной воле. В свою очередь концепция урегулирования споров между частными субъектами предполагает примирение с точки зрения интереса. Исходя из специфики субъектов спора можно говорить о том, что использование примирительных процедур повысит престиж государственных органов среди граждан, что в свою очередь является одной из целей примирительных процедур, выделяемых в доктрине [5].

В настоящее время наблюдается возрастающая популярность применения примирительных процедур в частноправовых спорах. Однако, возможность регулирования таким способом отношений, связанных органами публичной власти, пока остается спорной и новой практикой.

Так, совсем недавно в земельных спорах появилась тенденция разрешения их с помощью примирительных процедур. В такого рода спорах стороны, как правило, выходят в судебную медиацию, после заключают медиативное соглашение и утверждают его в качестве мирового соглашения¹. Однако, для повышения популярности использования примирительных процедур для урегулирования споров с государственными органами необходимо дополнить законодательство. Необходимо сформулировать ряд позиций, в частности установить по каким конкретно спорам государственные органы могут прибегать к примирительным процедурам, какие вопросы могут быть разрешены во время примирительных процедур, необходимо ли получение разрешения на процедуры у вышестоящего органа. Выработка единого подхода по обозначенным вопросам необходима в целях избежания злоупотребления правом со стороны каждой из сторон и для пресечения коррупционной деятельности.

Таким образом, введение обязательного досудебного урегулирования споров посредством примирительных процедур может значительно повысить эффективность разрешения конфликтов между гражданами, а также улучшить осведомленность населения о существующих альтернативных способах решения правовых вопросов. В частности, предлагается сделать обязательным применение таких процедур в земельных спорах с участием государственных органов, где баланс прав сторон зачастую нарушен. Это нововведение позволит увеличить частоту использования примирительных механизмов, тем самым повышая их значимость и популярность среди граждан.

Список литературы:

1. Афанасьев, С. Ф. К вопросу о применении примирительных процедур в административном судопроизводстве (в том числе с использованием электронных технологий) / С. Ф. Афанасьев // *Гражданское право и процесс*. – 2020. – № 1(9). – С. 63-66. – EDN KGBKHP.
2. Ганичева Екатерина Севериановна Примирительные процедуры в административном судопроизводстве: новые возможности урегулирования споров на основе соглашения сторон // *Образование и право*. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-v-administrativnom-sudoproizvodstve-novye-vozmozhnosti-uregulirovaniya-sporov-na-osnove-soglasheniya-storon>.
3. Ротко, М. А. Особенности использования примирительных процедур в административном судопроизводстве / М. А. Ротко // *Epomen. Global*. – 2022. – № 32. – С. 232-239. – EDN LOJVEY.
4. Лапик, С. А. Роль примирительных процедур в административном судопроизводстве / С. А. Лапик // *Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал : Сборник статей VI Международной научно-практической конференции (симпозиума) для молодых исследователей*, Краснодар, 17 ноября 2021 года. – Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2021. – С. 167-171. – EDN XEZAPC.
5. Кощеева Е. С., Петрунева А. Н. К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМАХ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО СПОРА // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. №12 (133). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-alternativnyh-formah-prekrascheniya-publichnogo-spora> (дата обращения: 20.11.2024).
6. Определение Грязинского городского суда Липецкой области от 13 февраля 2024 г. по делу N 2а-361/2024

References:

1. Afanasyev, S. F. On the issue of the application of conciliation procedures in administrative proceedings (including using electronic technologies) / S. F. Afanasyev // *Civil law: law and process*. – 2020. – № 1(9). – Pp. 63-66. – EDN KGBKHP.
2. Ganicheva Ekaterina Severianovna Conciliation procedures in administrative proceedings: new possibilities for dispute settlement based on the agreement of the parties // *Education and Law*. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primiritelnye-protsedury-v-administrativnom-sudoproizvodstve-novye-vozmozhnosti-uregulirovaniya-sporov-na-osnove-soglasheniya-storon>.
3. Rothko, M. A. Features of the use of conciliation procedures in administrative proceedings / M. A. Rothko // *Epomen. Global*. – 2022. – No. 32. – pp. 232-239. – EDN LOJVEY.
4. Lapik, S. A. The role of conciliation procedures in administrative proceedings / S. A. Lapik // *Actual problems of modern law: the ratio of public and private beginnings : A collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference (Symposium) for young researchers*, Krasnodar, November 17, 2021. – Krasnodar: Scientific Research Institute of Actual Problems of Modern Law, 2021. – pp. 167-171. – EDN XEZAPC.
5. Kosheeva E. S., Petrunova A. N. ON THE ISSUE OF ALTERNATIVE FORMS OF TERMINATION OF A PUBLIC DISPUTE // *Actual problems of Russian law*. 2021. No.12 (133). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-alternativnyh-formah-prekrascheniya-publichnogo-spora> (date of appeal: 11/20/2024).
6. The ruling of the Gрязинский City Court of the Lipetsk region dated February 13, 2024 in case No. 2а-361/2024

¹ Определение Грязинского городского суда Липецкой области от 13 февраля 2024 г. по делу N 2а-361/2024

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ ОРГАНОМ ФСИН РОССИИ SOME MANAGEMENT SYSTEM ISSUES TERRITORIAL BODY OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

РЕМИЗОВА Лейла Сароваровна,

доцент кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: leila.remizova@gmail.com;

REMIZOVA Leila Sarvarovna,

candidate of law, associate Professor of the Department of management and organization of UIS activities,
Academy of the Federal penitentiary service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: leila.remizova@gmail.com

Краткая аннотация: Исследование затрагивает актуальные аспекты системы управления территориальными органами Федеральной службы исполнения наказаний России. Особое внимание уделяется вопросам системы управления, субъектам и управленческим решениям, что является важным условием для успешного выполнения поставленных задач. Авторам вносятся предложения по улучшению стратегии, направленной на повышение эффективности работы ФСИН, приводятся данные статистики.

Abstract: The study touches on the current aspects of the management system of the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. Special attention is paid to the issues of the management system, subjects and management decisions, which is an important condition for the successful fulfillment of tasks. The authors make suggestions for improving the strategy aimed at improving the efficiency of the FSIN, and provide statistical data.

Ключевые слова: управленческое решение, система управления, субъект управления, территориальный орган, управление, приказ.

Keywords: management decision, management system, management entity, territorial body, management, order.

Для цитирования: Ремизова Л.С. Некоторые вопросы системы управления территориальным органом ФСИН России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 291-293. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_291.

For citation: Remizova L.S. Some management system issues territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 291-293. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_291.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Цель исследования: анализ существующей системы управления территориальными органами ФСИН России, выявление ее сильных и слабых сторон, а также разработка рекомендаций по улучшению управления. Исследование направлено на понимание того, как организационные изменения могут способствовать повышению эффективности работы ФСИН и улучшению условий содержания осужденных.

Объектом исследования выступают мнения ученых-правоведов относительно заявленной тематики, а также территориальные органы ФСИН России, их организационная структура, функции, а также взаимодействие с другими государственными и частными структурами. В рамках исследования рассматриваются статистические данные структуры ГУФСИН России по г.Москве.

Федеральная служба исполнения наказаний России (ФСИН) играет важную роль в обеспечении правопорядка и безопасности в стране. Управление территориальными органами ФСИН представляет собой сложный и многоуровневый процесс, который требует четкой организации и координации действий. В условиях современных вызовов, таких как рост преступности, необходимость реформирования системы исполнения наказаний и внедрение новых технологий, вопросы управления становятся особенно актуальными.

Управленческая деятельность территориальных органов ФСИН России играет ключевую роль в обеспечении правопорядка и соблюдении законности в сфере исполнения уголовных наказаний [1].

На сегодняшний день система управления ФСИН России находится в условиях постоянных изменений, вызванных как внутренними, так и внешними факторами. Увеличение числа осужденных, необходимость соблюдения международных стандартов прав человека, а также требования к повышению прозрачности и подотчетности государственных органов ставят перед ФСИН новые вызовы. Важно отметить, что эффективное управление территориальными органами напрямую влияет на уровень безопасности в учреждениях, а также на реабилитацию осужденных и их последующую социализацию.

Поскольку будут затронуты вопросы системы управления территориальным органом ФСИН России, то управление – это процесс, возникающий при принятии решения выполнить то или иное мероприятие, включающий: определенные этапы передачи от руководителя к конечному исполнителю; доведение до него; исполнение им; контроль за исполнением. Этот процесс завершается докладом лицу, принимающему решение о том, что мероприятие (задача) выполнено [2].

Система управления территориальным органом ФСИН России включает в себя совокупность всех служб, всех подсистем и коммуникаций между ними, а также процессов, обеспечивающих заданное функционирование.

Управление территориальным органом - это непрерывный процесс влияния на деятельность работников, подразделений и учрежде-

ний в целом для достижения наилучших результатов и поставленных целей.

Между объектами управления и субъектом управления существуют вертикальные связи так называемая субординация.

Также между объектами управления существуют параллельные связи – координация.

Основным орудием управления является управленческое решение – это творческое, волевое действие субъекта управления на основе знаний нормативно-правовых актов, на объекты управления (в зависимости от объекта управленческого воздействия), для чего используются критические точки, воздействие на которые приведет к планируемому результату.

В территориальном органе управленческие решения оформляются следующим образом:

приказом; распоряжением, указанием; планом; графиком; протоколом; актом; резолюцией на документе, либо в устной форме.

Соответственно к каждой форме оформления решения существуют свои требования:

– приказы, распоряжения, указания, протоколы, резолюции оформляются в соответствии с приказом ФСИН России от 10 августа 2011 г. № 463 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы»;

– планы, графики оформляются в соответствии с приказом ФСИН России от 21.06.2024 № 457 «Об утверждении Порядка организации планирования в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»,

– устные поручения записываются исполнителем и об их исполнении докладывается отдавшему поручение руководителю или если имеется система учета устных поручений лицу, на которого возложен контроль исполнения устных поручений;

– акты оформляются в соответствии с нормативно-правовыми актами регламентирующими деятельность той или иной рабочей группы или комиссии, чья деятельность оформлена актом.

Принимают решения субъекты управления различных уровней [3].

Субъектом управления первого уровня является начальник территориального органа, который имеет право принимать управленческие решения по всем объектам управления, в том числе и руководству управления.

Субъектами управления второго уровня являются совещательные органы, комиссии группы и т.д. (пожарно-техническая комиссия, аттестационная, кадровая и т.д.).

В штатной структуре выделяется субъект управления третьего уровня – это руководство управления, состоящее из заместителей начальника. Их полномочия должны быть определены и закреплены приказом о распределении обязанностей и координации деятельности.

Субъектами управления более низких порядков являются начальники подразделений и их заместители. Их решения обязательны к исполнению подчиненными.

Необходимо отметить, что важным аспектом является структура управления территориальными органами ФСИН. На сегодняшний день наблюдается необходимость оптимизации организационной структуры, что позволит более эффективно распределять функции и полномочия между различными уровнями управления. Это, в свою очередь, может способствовать улучшению координации действий и повышению оперативности реагирования на возникающие проблемы.

В вопросах системы управления территориальным органом ФСИН России, важно учитывать структурные особенности и функциональные аспекты, которые влияют на эффективность работы данного учреждения. Согласно официальным статистическим данным ГУФСИН России по г. Москве, структура управления включает в себя несколько ключевых элементов, каждый из которых играет свою роль в обеспечении правопорядка и соблюдении законности:

- аппарат управления, в составе которого находится отдел специального назначения;
- 8 следственных изоляторов;
- 1 колонию-поселение;
- Управление по конвоированию;
- Уголовно-исполнительную инспекцию с 27 филиалами;
- Управление по охране ГНЦ им. В.П. Сербского;
- Центр инженерно-технического обеспечения и вооружения;
- Медико-санитарную часть;
- Базу материально-технического и военного снабжения [4].

Эффективное взаимодействие этих элементов способствует достижению общих целей уголовно-исполнительной системы.

Несмотря на наличие четкой структуры и определенных функций, территориальные органы ФСИН сталкиваются с рядом проблем, которые негативно сказываются на эффективности их работы.

Для повышения эффективности управленческой деятельности территориальных органов ФСИН необходимо разработать и внедрить комплексные меры, направленные на решение выявленных проблем. Необходимо определить пути решения актуальных проблем управления, а именно:

- повышение уровня кадрового потенциала;
- автоматизация процессов и внедрение информационных технологий;
- улучшение взаимодействия с иными государственными структурами;
- оптимизация финансового управления и др.

Как мы видим, эффективное управление территориальными органами ФСИН России требует разностороннего подхода и обширных знаний в области управления в различных сферах.

В заключение хочется отметить, что система управления территориальными органами ФСИН России требует комплексного подхода к решению обозначенных проблем. Необходимость оптимизации структуры управления, повышения квалификации кадров, улучшения взаимодействия с другими государственными и общественными институтами, а также внедрения современных технологий — все это является неотъемлемой частью стратегии, направленной на повышение эффективности работы ФСИН. Также важно развивать систему мониторинга и оценки, что позволит своевременно реагировать на возникающие проблемы. Реализация предложенных мер будет способствовать улучшению условий содержания осужденных и повышению качества управленческой деятельности.

Список литературы:

1. Прокурорский надзор как средство обеспечения прав и законных интересов осужденных Оводкова Л.С. // Ведомости уголовно - исполнительной системы. № 9 (184). 2017. С.22-25.
2. Теория управления в сфере исполнения уголовных наказаний: учебное пособие / А.М. Плюснин, Г.Ф. Ясков, Н.Н. Неустроева, Э.В. Тураев. — Киров: Кировский филиал Академии ФСИН России, 2019. — С. 15.
3. Проблемы организации планирования в территориальных органах Федеральной службы исполнения наказаний Смыковский В.В. Мигурский А.А. Ремизова Л.С. // сборник: Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития Международной научно-практической конференции. Т.6. 2020. С. 261-268.
4. Электронный ресурс : <https://77.fsin.gov.ru> // (дата обращения 17.03.2025).

References:

1. Prosecutor's supervision as a means of ensuring the rights and legitimate interests of convicts Ovodkova L.S. // Vedomosti penitentiary system. No. 9 (184). 2017. pp.22-25.
2. Theory of management in the field of execution of criminal penalties: a textbook / A.M. Plyusnin, G.F. Yaskov, N.N. Neustroeva, E.V. Turaev. Kirov: Kirov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2019, p. 15.
3. Problems of plantation organization in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service Smykovsky V.V. Migursky A.A. Remizova L.S. // Collection: The penal enforcement system at the present stage and prospects for its development of the International Scientific and Practical Conference. Vol.6. 2020. pp. 261-268.
4. Electronic resource : <https://77.fsin.gov.ru> // (date accessed 03/17/2025).

СУДЕБНЫЕ АКТЫ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА COURT DECISIONS IN A CASE OF BANKRUPTCY OF A CITIZEN: GAPS IN LEGISLATION

КЛИМОВА Анна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина».

390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.

E-mail: a.klimova@rsu-rzn.ru ;

КЛЕПИКОВА Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина».

390000, Россия, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.

E-mail: o.klepikova@rsu-rzn.ru ;

KLIMOVA Anna Nikolaevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines,

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ryazan State University named after S.A. Yesenin".

390000, Russia, Ryazan, Svobody St., 46.

E-mail: a.klimova@rsu-rzn.ru;

KLEPIKOVA Olga Gennadyevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines

of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ryazan State University named after S.A. Yesenin".

390000, Russia, Ryazan, Svobody St., 46.

E-mail: o.klepikova@rsu-rzn.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию правовых пробелов, возникших при конституционализации арбитражного судопроизводства в части законодательного регулирования опубликования судебных актов арбитражного суда в деле о банкротстве гражданина. Рассматриваются ключевые аспекты нормотворческих дефектов по содержанию и порядку опубликования судебных актов арбитражного суда в полном объеме и без изъятий, раскрывающие персональные данные и личные сведения граждан, не проходящих процедуру банкротства, наличие которых приводит к нарушению конституционных прав этих граждан. Авторы предлагают пути разрешения неурегулированности отдельных процедурных компонентов и восполнения пробелов арбитражного процессуального законодательства, в том числе создание правозащитных механизмов, нормативно установленных и позволяющих отстаивать гражданам свои права при опубликовании и распространении их личных сведений в сети Интернет в судебном акте арбитражного суда. Сделан вывод о необходимости внесения изменений в арбитражное процессуальное законодательство в отношении положений, устанавливающих размещение текстов судебных актов в деле о банкротстве физического лица в полном объеме и без изъятий, затрагивающих и нарушающих конституционные права граждан, не проходящих процедуру банкротства.

Abstract: The article is devoted to the study of legal gaps that arose during the constitutionalization of arbitration proceedings in terms of legislative regulation of the publication of judicial acts of the arbitration court in a case of bankruptcy of an individual. The key aspects of normative defects in the content and procedure for publishing judicial acts of the arbitration court in full and without exceptions, disclosing personal data and personal information of citizens who are not undergoing bankruptcy proceedings, the presence of which leads to the violation of the constitutional rights of these citizens, are considered. The authors propose ways to resolve the lack of regulation of individual procedural components and fill the gaps in arbitration procedural legislation, including the creation of human rights mechanisms, normatively established and allowing citizens to defend their rights when publishing and disseminating their personal information on the Internet in a judicial act of the arbitration court. A conclusion was made on the need to amend the arbitration procedural legislation in relation to provisions establishing the placement of texts of judicial acts in a bankruptcy case of an individual in full and without exceptions affecting and violating the constitutional rights of citizens who are not undergoing bankruptcy proceedings.

Ключевые слова: судебные акты арбитражного суда, банкротство граждан, персональные данные граждан, публикация текста судебного акта, правовой пробел.

Keywords: judicial acts of the arbitration court, bankruptcy of citizens, personal data of citizens, publication of the text of a judicial act, legal gap.

Для цитирования: Климова А.Н., Клепикова О.Г. Судебные акты в деле о банкротстве гражданина: пробелы законодательства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 294-298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_294.

For citation: Klimova A.N., Klepikova O.G. Court decisions in a case of bankruptcy of a citizen: gaps in legislation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 294-298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_294.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение. Введение в законодательство нового правового института всегда сопряжено с возникновением проблемности правового регулирования. Формирование и развитие института банкротства граждан внесло существенные изменения в правовую систему и оставило множество неурегулированных в законодательстве вопросов.

Так, исследование судебной практики арбитражного суда показало, что судебные акты в делах о банкротстве размещаются в информационном ресурсе «Картотека арбитражных дел» (далее - КАД) и затем некоторые из них дублируются на Едином федеральном реестре сведений о банкротстве в сети Интернет без изъятия персональных и личных данных граждан, в отношении которых не вводилась процедура банкротства, и в отношении которых не действуют ограничения в правах, установленные положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» о распространении персональных данных должника, находящегося в процедуре банкротства.

Выявление неопределенностей и проблем в правовом регулировании института банкротства граждан при реализации права судебной защиты позволит восполнить пробелы в законах и устранить их. Полагаем, что такая пробельность связана с невнесением в статью 11 АПК РФ и в статью 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» соответствующих положений о необходимости изъятия или обезличивания текста судебного акта арбитражного суда, размещенного в сети Интернет на ресурсе КАД, при введении в действие института банкротства физических лиц и отнесении рассмотрения таких дел о банкротстве граждан к подсудности арбитражных судов.

Такая пробельность в правовом регулировании вопроса опубликования судебных актов арбитражного суда с указанием персональных и личных данных граждан, которые совершали те или иные сделки с банкротом, или связаны с банкротом родственными связями, приводит к нарушению конституционных прав этих граждан и является существенным нарушением безопасности личности, и не может быть признано конституционно-оправданными, то есть преследовать цель защитить иные правовые ценности, которые перечислены в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации и охраняются ею.

Цель исследования. Выявить правовые пробелы, возникшие при формировании института банкротства граждан и конституционализации арбитражного судопроизводства в части опубликования текстов судебных актов арбитражного суда без каких-либо изъятий личных данных лиц, не проходящих процедуру банкротства. Определить, что исследуемые законодательные пробелы приводят к существенному нарушению конституционных прав этих граждан, что не может быть признано терпимым для социального демократического правового государства. Предложить варианты решения рассмотренных в данном исследовании проблем и оценить возможности восполнения правовых пробелов в целях защиты конституционных прав граждан.

Методы. Данное исследование требовало использования диалектического метода познания и основанные на нем общенаучные и научно-правовые методы, что позволило проанализировать тексты судебных актов арбитражного суда в деле о банкротстве граждан, выявить роль арбитражного суда и органа конституционного контроля в процессе устранения правовых пробелов об ограничении распространения персональных и личных данных граждан, не проходящих процедуру банкротства, для защиты их конституционных прав. В процессе исследования были применены методы индукции и дедукции, такие научные приемы как обобщение, анализ и синтез, сравнение. При оценивании конституционности условий опубликования судебных актов арбитражного суда в деле о банкротстве граждан использовался тест на пропорциональность ограничений. Посредством перспективного метода предлагаются возможные способы решения рассматриваемых проблем восполнения пробелов в законе.

Выявлению законодательных пробелов, появившихся при формировании нового для нашей правовой системы института банкротства граждан, посвящено достаточно много исследований. Ряд авторов посвятили свои работы изучению проблем, с которыми столкнулся гражданин при реализации права судебной защиты в рамках арбитражного судопроизводства. Так, рассматривались особенности реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве для гражданина, не предусмотренные в других видах судопроизводств [1], выявлялись проблемы обеспечения конфиденциальности по делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетнего, поскольку до введения института банкротства граждан в рамках арбитражного процесса не разрешались вопросы, касающиеся прав и законных интересов несовершеннолетнего [2, 3], определялась роль судебного руководства в рамках арбитражного судопроизводства в целях недопущения нарушения прав гражданина, поскольку арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрены все нюансы, сопровождающие рассмотрение дела гражданина в арбитражном суде, так как ранее гражданин не являлся полноправным участником арбитражного процесса [4], была обозначена проблема отсутствия дифференцирования размера государственной пошлины в арбитражном судопроизводстве для физических лиц при подаче различных заявлений, в том числе о принятии обеспечительных мер и при обжаловании судебного акта [5, 6] и другие.

Кроме того, органом конституционного контроля уже констатировался факт отсутствия правозащитных механизмов, позволяющих отстаивать гражданам свои права при опубликовании и распространении их личных сведений в сети Интернет в судебном акте арбитражного суда. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года № 2353-О было установлено, что гражданину, в отношении которого не вводилась процедура банкротства, отказали в суде общей юрисдикции в принятии исковых заявлений к арбитражному суду, в которых он просил ограничить доступ к содержащим его персональные данные (фамилия, имя и отчество, полный адрес места жительства, ИНН) судебным актам арбитражного суда, размещенным в информационной системе КАД или удалить эти судебные акты из названной информационной системы, взыскать компенсацию морального вреда и судебные расходы. Все судебные инстанции суда общей юрисдикции указали, что заявленные требования гражданина не могут быть предметом рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Также в названном решении органа конституционного контроля указано на то, что председатель арбитражного суда в ответе на обращение гражданина сообщил, что приводить полные данные о месте жительства гражданина, в отношении которого не вводилась процедура банкротства, в судебных актах арбитражного суда не было необходимости, и в деле заявителя нарушения исправлены, и судебные акты размещены в соответствии с требованиями нормативных актов, а именно на основании положений части 4 статьи 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и пункту 9.2 раздела II «Судебное делопроизводство» Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 года № 100 [7].

У всех решений органа конституционного контроля независимо от вида одинаковые юридические свойства, и первичным юридическим свойством является общеобязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации, что означает, что судебные акты органа кон-

ституционного правосудия распространяют своё действие на все органы государственной власти, должностных лиц, органы местного самоуправления, граждан и их объединения без каких-либо изъятий (статья 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Однако, независимо от того, что в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года № 2353-О, указано, что приводить полные данные о месте жительства гражданина, в отношении которого не вводилась процедура банкротства, в судебных актах арбитражного суда не было необходимости, и что нарушения закона в этой части исправлены, и судебные акты заявителя размещены теперь в информационном ресурсе КАД в соответствии с требованиями нормативных актов, другие арбитражные суды не исполняют решение органа конституционного контроля и игнорируют его.

Анализ судебных актов арбитражного суда, опубликованных в интернет-ресурсе КАД, показал, что арбитражные суды разных регионов активно размещают судебные акты, содержащие персональные данные (фамилия, имя и отчество, полный адрес места жительства, ИНН, паспортные данные, дата и место рождения) в отношении граждан, которые не проходят процедуру банкротства, и связаны с должником-банкротом родственными связями или заключали какие-либо сделки с ним.

Так, в определении Арбитражного суда Рязанской области от 06 сентября 2024 года по делу №А54-3357/2023 раскрыты персональные данные гражданина (фамилия, имя, отчество, дата рождения, место рождения, номер и серия паспорта, кем и когда выдан, место регистрации), позволяющие идентифицировать, что данный гражданин является родственником должника, также указано в судебном акте, кто является супругой должника [8].

В определении Арбитражного суда Алтайского края от 24 марта 2025 года по делу №А03-8243/2024 распространены персональные данные четверых граждан, в отношении которых не введена процедура банкротства, такие как номер и серия паспорта, кем выдан, дата рождения, место регистрации и другие [9].

В определении Арбитражного суда Тульской области от 24 марта 2025 года по делу №А68-7094/2023 раскрыты персональные данные двух граждан, в отношении которых не введена процедура банкротства, при этом один из которых, является несовершеннолетним [10].

В определении Арбитражного суда Рязанской области от 11 марта 2025 года по №А54-7920/2020 опубликованы сведения о супруге должника, который находится в зоне проведения специальной военной операции [11]. Из содержания судебного акта следует, где зарегистрированы и проживают члены семьи военнослужащего.

В определении Арбитражного суда Астраханской области от 13 марта 2025 года по делу №А06-11497/2024 опубликованы сведения о погибшем супруге должника, участнике специальной военной операции, раскрыты его фамилия, имя отчество, дата регистрации брака, дата признания его погибшим [12].

В информационной системе КАД посредством опубликования судебных актов арбитражного суда в полном объеме и без изъятий саккумулировано огромное количество персональных и личных данных граждан, в отношении которых не вводилась процедура банкротства, что не может отвечать требованиям безопасности личности, которые гарантированы и должны быть обеспечены государством.

Не может быть признано конституционно-оправданным опубликование и размещение в сети Интернет арбитражным судом персональных данных граждан, которые имеют родственные связи с банкротом или заключали с ним сделки.

В статье «Конституционный контроль за вмешательством государства в основные права человека» указано, что в Конституции Российской Федерации заложен тест на пропорциональность, и нормативно-правовым основанием являются положения части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, которые гласят, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. И эта оговорка об ограничениях основных прав представляет собой универсальный правоограничительный и одновременно правозащитный механизм [13].

Нет какой-либо законной цели у государства для защиты правовых ценностей, которые перечислены в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, или иных конституционных ценностей, при опубликовании судебных актов арбитражного суда, содержащих персональные данные и данные о семейных отношениях граждан, не проходящих процедуру банкротства, в сети Интернет.

Таким образом, исследуемые пробелы в правовом регулировании опубликования судебных актов арбитражного суда в деле о банкротстве гражданина приводят к существенному нарушению конституционных прав граждан, в отношении которых не введена процедура банкротства, что не может быть признано терпимым для социального демократического правового государства.

При рассмотрении вопроса о разрешении выявленной проблемы и оценивании возможностей восполнения правовых пробелов в целях защиты конституционных прав граждан при опубликовании судебных актов арбитражного суда с не удалёнными персональными данными лиц, не проходящих процедуру банкротства, было определено, что в данном случае, нормотворческий дефект может стать предметом конституционного судебного контроля, поскольку имеется масштабное нарушение конституционных прав граждан, гарантии безопасности личности.

Кроме того, у Конституционного Суда Российской Федерации имеется возможность дисквалифицировать не саму норму, а приданный ей смысл в сложившейся правоприменительной практикой, в официальном или ином толковании, то есть выявить ее действительное конституционно-правовое значение или дать конституционное истолкование [14]. То есть, если учитывать установленный в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 года № 2353-О факт того, что председатель арбитражного суда в ответе на обращение гражданина сообщил, что на основании положений части 4 статьи 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении

доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и пункта 9.2 раздела II «Судебное делопроизводство» Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций), утвержденной постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 года № 100, не было необходимости размещать судебные акты с полными данными о месте жительства гражданина, в отношении которого не вводилась процедура банкротства, то у органа конституционного контроля имеется «мягкий» вариант воздействия для корректировки правоприменительной практики арбитражного суда, равно как и совершенствование законодательной техники, путем конституционного истолкования законоположений о размещении судебных актов арбитражного суда в сети Интернет. Это позволит найти баланс между нежелательной стабильностью нормативного регулирования и правоприменения и их соответствием Конституции Российской Федерации.

Считаем необходимым рассмотреть также вопрос о роли арбитражного суда в содействии конституционному контролю в защите прав граждан в арбитражном судопроизводстве. Полагаем, что запрос арбитражного суда в Конституционный Суд Российской Федерации по рассмотренной проблеме позволит защитить конституционные права граждан, в отношении которых не вводилась процедура банкротства. Ведь каждый судья арбитражного суда является квалифицированным специалистом в области права, оценивая необходимость указания в судебном акте персональных данных лиц, в отношении которых не введена процедура банкротства, и их идентификация не была предусмотрена положениями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», осознавая, что размещает такой судебный акт в сети Интернет в полном объеме и без изъятий, понимает, что происходит нарушение конституционных прав таких граждан. Арбитражный суд при рассмотрении дел о банкротстве физических лиц должен учитывать конституционно-правовой статус личности, поскольку «судебная защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл и содержание деятельности органов судебной власти» [15, с.125].

Обращение к органу конституционного контроля позволит пресечь дальнейшее нарушение арбитражным судом конституционных прав граждан, которые имеют семейные или иные связи с банкротом, опубликовывая судебные акты в сети Интернет без удаления их персональных данных. При этом, необходимо предусмотреть создание правозащитных механизмов, нормативно установленных и позволяющих отстаивать гражданам свои права при опубликовании и распространении их личных сведений в сети Интернет в судебном акте арбитражного суда. Поскольку, обеспечивая гражданам эффективное восстановление в правах, государство обязано гарантировать возмещение компенсации и предоставление такого правового механизма, который позволит гражданину при следовании ему, получить возмещение вреда, возникшего вследствие указания арбитражным судом в тексте судебного акта личных данных гражданина в случае, если такая идентификация гражданина не была предусмотрена федеральным законом.

Заключение. Подводя итог всему вышесказанному, считаем целесообразным и необходимым при активной роли арбитражного суда и его содействии обратиться к органу конституционного контроля для выявления факта законодательного пробела при формировании и развитии института банкротства граждан и конституционализации арбитражного судопроизводства в части обеспечения доступа к текстам судебных актов арбитражного суда, поскольку ситуация отсутствия в правовом регулировании необходимого механизма защиты прав граждан при распространении персональных и личных данных граждан, не проходящих процедуру банкротства, в судебных актах арбитражного суда опубликованных в сети Интернет в полном объеме и без изъятия нарушает права этих граждан, что не может быть допустимым в демократическом правовом социальном государстве. Кроме того, из практики Конституционного Суда Российской Федерации прямо следует, что законодательный пробел, наличие которого приводит к нарушению конституционных прав граждан (Определение от 3 июля 2008 г. № 734-О-П), может стать предметом конституционного судебного контроля.

Список литературы:

1. Клепикова О.Г. Конституционные основы защиты прав гражданина при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 127-130. EDN: ZYOLU
2. Клепикова О.Г. Правовые основы защиты права несовершеннолетнего на конфиденциальность в арбитражном судопроизводстве // Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции "Новеллы права, экономики и управления 2022". Том 1. Из-во: ГИЭФПТ (Гатчина), 2023 г. С. 88-91. EDN: FESLWU
3. Клепикова О.Г., Кошкина И.Г. Нарушение прав несовершеннолетнего при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // Сборник материалов конференции "Детство - территория безопасности". Из-во "Саратовский источник" (Саратов), 2022 г. С. 55-58. EDN: PCWVCW
4. Клепикова О.Г. Роль суда в арбитражном судопроизводстве через призму принципов цивилистического процесса // Юридическая гносеология. 2024. № 6. С. 119-127. EDN: MEOSXS
5. Клепикова О.Г., Ерошина Е.В. Проблема отсутствия дифференцирования размера государственной пошлины в арбитражном судопроизводстве для физических лиц при рассмотрении спора о недействительности сделки // Налоговая политика и практика. 2021. №11. С. 76-80. EDN: KFZZNJ
6. Полозова Е.М., Фатеев М.Ю. Проблема отсутствия дифференцирования размера государственной пошлины в арбитражном судопроизводстве для физических лиц при подаче заявления о принятии обеспечительных мер // Традиции и инновации в науке и образовании: Материалы Международной научно-практической конференции молодежи, 17-26 апреля 2024 года. Из-во: РГУ имени С.А. Есенина (Рязань), 2024. С. 159-163. EDN: MPFGQZ
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.10.2021 г. №2353-О по жалобе Чернышова А.В. // Официальная страница (сайт) Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksr.ru/decision/KSRFDDecision567874.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).
8. Определении Арбитражного суда Рязанской области от 06 сентября 2024 года по делу №А54-3357/2023 // Инф. система "Картотека арбитражных дел". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0ee72d5d-eb22-476d-9f13-65c0a8589f95/c3de406e-334b-433d-b4ce-f68ef80bc9f1/A54-3357-2023_20240906_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.03.2025).
9. Определение Арбитражного суда Алтайского края от 24 марта 2025 года по делу №А03-8243/2024 // Инф. система "Картотека арбитражных дел". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d8635ab1-8068-4f7c-9def-87c76c1fb092/3425a15b-66f7-466b-a320-a6074761258d/A03-8243-2024_20250324_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.03.2025).
10. Определение Арбитражного суда Тульской области от 24 марта 2025 года по делу №А68-7094/2023 // Инф. система "Картотека арбитражных дел". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ce38b038-8e64-4c8f-84c7-52ae99a2667c/4cfc56d6-0ead-4366-8350-2b37698de92d/A68-7094-2023_20250324_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.03.2025).
11. Определение Арбитражного суда Рязанской области от 11 марта 2025 года по №А54-7920/2020 // Инф. система "Картотека арбитражных дел". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a16283f6-2061-48b6-a405-5da8b1e2469b/d101ec37-4648-4c5d-84ef-f50f20fc16f4/A54-7920-2020_20250311_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.03.2025).
12. Определение Арбитражного суда Астраханской области от 13 марта 2025 года по делу №А06-11497/2024 // Инф. система "Картотека арбитражных дел". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fd5f4128-c670-4276-b272-7d3a8421c000/31a03c10-aa4b-4d2c-bb82-7b873bc071e9/A06-11497-2024_20250313_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.03.2025).

13. Клепикова О. Г. Конституционный контроль за вмешательством государства в основные права человека // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сборник материалов 1-й Международной научно-практической конференции, посвященной 105-летию РГУ имени С.А. Есенина, Рязань, 05-06 ноября 2020 года / РГУ имени С.А. Есенина. Рязань. 2021. С. 37-40. EDN: PVQFUF

14. Клепикова О. Г., Гладун А.Н. Потенциал конституционного контроля в области защиты прав и свобод гражданина // Роль юридических и соци-альных наук в развитии современного общества: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, 30-31 марта 2023 года. Владивосток: ООО "Изд-во Дальневосточного университета". 2023. С. 50-54. EDN: MAATWQ

15. Клепикова О. Г. Проблемы нарушения конституционных прав граждан при рассмотрении арбитражным судом дел о банкротстве юридических лиц // В сборнике: Новеллы права, экономики и управления 2020. Сборник научных трудов по материалам VI международной научно-практической конференции. 2021. - С. 120-125. EDN: QDELXX

References:

1. Klepikova O.G. The constitutional foundations of the protection of the rights of a citizen in the implementation of the principle of publicity in arbitration proceedings // Legal science. 2023. No. 3. S. 127-130.
2. Klepikova O.G. The legal basis for protecting the right of a minor to confidentiality in arbitration proceedings // Collection of articles VIII International Scientific and Practical Conference "Novels of Law, Economics and Management 2022". Volume 1. From: GIEFPT (Gatchina), 2023 S. 88-91.
3. Klepikova O.G., Koshkina I.G. Violation of the rights of a minor in the implementation of the principle of publicity in arbitration proceedings // Collection of materials of the conference "Childhood - Security Territory". From the Saratov Source (Saratov), 2022 S. 55-58.
4. Klepikova O.G. The role of the court in arbitration proceedings through the prism of the principles of the civilistic process // Legal epistemology. 2024. No. 6. S. 119-127.
5. Klepikova O.G., Eroshina E.V. The problem of the lack of differentiation of the size of the state fee in arbitration proceedings for individuals when considering a dispute about the invalidity of the transaction // Tax policy and practice. 2021. No. 11. S. 76-80.
6. Polozova E.M., Fateev M.Yu. The problem of the lack of differentiation of the amount of state fee in arbitration proceedings for individuals when submitting an application for interim measures // Traditions and innovation in science and education: Materials of the International Scientific and Practical Conference of Youth, April 17–26, 2024. From: RSU named after S.A. Yesenina (Ryazan), 2024. S. 159-163
7. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 26, 2021 No. 2353-O on a complaint of A. Chernyshova // The official page (site) of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/ksrfDecision567874.pdf> (date of appeal: 03/28/2024).
8. Decision of the Arbitration Court of the Ryazan Region dated September 06, 2024 in case No. A54-3357/2023 // Inf. The system of "Card index of arbitration affairs". URL: https://kad.arbitr.ru/document/pdf/0ee72d5d-eb2-476d-9f13-65c0a8589f95/c3de406e-334b-433d-b4ce-f68ef80bc9f1/a54-3357-2023_20240906_OPREDELENIE.PDF?ISADDSTAMP=True (Date of circulation: 03/28/2025).
9. Decision of the Arbitration Court of the Altai Territory dated March 24, 2025 in the case No. A03-8243/2024 // Inf. The system of "Card index of arbitration affairs". URL: https://kad.arbitr.ru/document/pdf/d8635ab1-8068-4f7c-87c76c1fb092/3425af5b-66f7-466b-a320-a6074761258d/a03-8243-2024_20250324_OPREDELENIE.PDF?ISADDSTAMP=True (Date of circulation: 03/28/2025).
10. Decision of the Arbitration Court of the Tula region of March 24, 2025 in case No. A68-7094/2023 // Inf. The system of "Card index of arbitration affairs". URL: https://kad.arbitr.ru/document/pdf/ce38b038-8e64-4c8f-84c7-52ae99a2667c/4cfc56d6-0ead-4366-8350-2b37698de92d/a68-7094-2023_20250324_OPREDELENIE.pdf?ISADDSTAMP=True (Date of circulation: 03/28/2025).
11. Decision of the Arbitration Court of the Ryazan Region dated March 11, 2025 to No. A54-7920/2020 // Inf. The system of "Card index of arbitration affairs". URL: https://kad.arbitr.ru/document/pdf/a16283f6-2061-48b6-a405-5da8b1e2469b/d101ec37-4648-4c5d-84ef-f50fc16f4/a54-7920-2020_20250311_OPREDELENIE.pdf?ISADDSTAMP=True (Date of circulation: 03/28/2025).
12. The ruling of the arbitration court of the Astrakhan region of March 13, 2025 in the case No. A06-11497/2024 // Inf. The system of "Card index of arbitration affairs". URL: https://kad.arbitr.ru/document/pdf/fd5f4128-c670-4276-b272-7d3a8421c000/31a03c10-a4b-4d2c-bb82-7b873bc071e9/a06-11497-2024_20250313_OPREDELENIE.PDF?ISADDSTAMP=True (Date of circulation: 03/28/2025).
13. Klepikova O. G. Constitutional control over the intervention of the state in the basic human rights // Modern problems of law-making and law enforcement: a collection of materials of the 1st International Scientific and Practical Conference dedicated to the 105th anniversary of the RSU named after S.A. Yesenin, Ryazan, November 05–06, 2020 / RSU named after S.A. Yesenin. Ryazan. 2021. S. 37-40.
14. Klepikova O. G., Gladun A.N. The potential of constitutional control in the field of protecting the rights and freedoms of a citizen // The role of legal and social sciences in the development of modern society: a collection of articles based on materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, March 30–31, 2023. Vladivostok: LLC "Publishing House of the Far Eastern University". 2023. S. 50-54.
15. Klepikova O. G. Problems of violation of the constitutional rights of citizens when the arbitration court of cases of bankruptcy of legal entities // In the collection: novels of law, economics and management 2020. A collection of scientific works based on materials of the VI International Scientific and Practical Conference. 2021. - S. 120-125.

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТАВЩИКА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ METHODS FOR DETERMINING THE SUPPLIER WHEN IMPLEMENTING PROCUREMENT ACTIVITIES

КУЗНЕЦОВА Алина Андреевна,

студент, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева.
660037, Россия, г. Красноярск, Проспект им. газеты Красноярский Рабочий, 31.

E-mail: alina89620705454@mail.ru;

САФРОНОВ Вячеслав Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой,
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева.

660037, Россия, г. Красноярск, Проспект им. газеты Красноярский Рабочий, 31.

E-mail: alina89620705454@mail.ru;

KUZNETSOVA Alina Andreevna,

student, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev.

31 Krasnoyarsk Worker Newspaper Avenue, Krasnoyarsk, 660037, Russia.

E-mail: alina89620705454@mail.ru

SAFRONOV Vyacheslav Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department,

Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev.

31 Krasnoyarsk Worker Newspaper Avenue, Krasnoyarsk, 660037, Russia.

E-mail: alina89620705454@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматривается правовая основа и механизм государственного и муниципального закупочного процесса в России в соответствии с Федеральным Законом № 44-ФЗ. На сегодняшний день важно понимать, что ведение закупочной деятельности и право на выбор способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) непосредственно связано с четкими нормами и правилами, установленными законом, которые обязательны для соблюдения заказчиками.

Abstract: This article examines the legal basis and mechanism of the state and municipal procurement process in Russia in accordance with Federal Law No. 44-F3. Today, it is important to understand that conducting procurement activities and the right to choose the method for determining the supplier (contractor, performer) is directly related to clear norms and rules established by law, which are mandatory for customers.

Ключевые слова: поставщик, подрядчик, исполнитель, закупочная деятельность, закупка, заключение контракта, заказчик.

Keywords: supplier, contractor, performer, procurement activities, purchase, contract conclusion, customer.

Для цитирования: Кузнецова А.А., Сафронов В.В. Способы определения поставщика при осуществлении закупочной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 299-302. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_299.

For citation: Kuznetsova A.A., Safronov V.V. Methods for determining the supplier when implementing procurement activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 299-302. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_299.

Статья поступила в редакцию: 04.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Согласно п. 2 ст. 3 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013, «определение поставщика (подрядчика, исполнителя) – совокупность действий, которые осуществляются заказчиками в порядке, установленном настоящим федеральным законом, начиная с размещения извещения об осуществлении закупки товара, работы, услуги для обеспечения государственных нужд (федеральных нужд, нужд субъекта Российской Федерации) или муниципальных нужд либо в установленных настоящим федеральным законом случаях с направления приглашения принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершаются заключением контракта».

На федеральном уровне определено несколько способов ведения закупочной деятельности. Законом № 44-ФЗ предусмотрен ряд видов процедур. Каждый способ обладает спецификой и регулируется отдельными нормами.

Получить полное представление о системе позволяет комплексная оценка правовых актов. Проведя сравнительную характеристику по базовым критериям, будет возможным в полной мере представить действующую систему осуществления закупочных процедур.

Право на выбор той или иной формы закупки принадлежит заказчику. Однако это не освобождает его от необходимости придерживаться определенных правил.

Проведение закупок осуществляется способами открытого конкурса, электронного аукциона, запроса котировок, запроса предложений, закупки у единственного поставщика.

Рассмотрим правовую природу способов определения поставщика. Во-первых, открытый конкурс. Это конкурс, при котором информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в Единой информационной системе извещения о проведении такого конкурса, конкурсной документации и к участникам закупки предъявляются единые требования [2]. Его проводят без ограничений по начальной цене контракта. Исключения перечислены в ч. 2 ст. 48 Закона № 44-ФЗ. Препятствием является необходимость организации конкурса с ограниченным участием, двухэтапной процедуры или электронного аукциона.

Не допускается выбор поставщика в этой форме, если есть прямая ссылка на запрос котировок, предложений или применение одного

из закрытых способов закупки. Разместить сведения в Единой информационной системе необходимо за 20 дней до фактического вскрытия конвертов (доступа к заявкам на виртуальной торговой площадке). Любые корректировки необходимо делать за 5 суток до перехода к следующему этапу. При этом вносить изменения в объем закупки или размер обеспечения нельзя. Предусмотрена система гарантий. При подаче заявки участник обязан внести залог или предоставить банковскую гарантию на сумму от 0,5 до 5 % начальной стоимости заказа. Лица, отнесенные законом к льготным категориям, вправе ограничиться обеспечением в 2 % (ст. 44 Закона № 44-ФЗ). Гарантия исполнения контракта устанавливается в рамках от 5 до 30 %.

Снижение в ходе торгов начальной максимальной стоимости закупки на 1/4 и более является основанием для увеличения обеспечения в 1,5 раза. При этом закон предусматривает повышенные ставки при заключении соглашений с крупным авансом или гонораром, превышающим 30 млн руб.

Во-вторых, электронный аукцион. Под аукционом в электронной форме понимается аукцион, при котором информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в Единой информационной системе извещения о проведении такого аукциона и документации о нем, к участникам закупки предъявляются единые требования и дополнительные требования, проведение такого аукциона обеспечивается на электронной площадке ее оператором. Ограничения при использовании данного способа закупки не установлены. Обязанность выбрать именно этот способ появляется в случае приобретения продукции, услуг или работ, включенных в перечень, установленный Правительством Российской Федерации, либо в дополнительный перечень, установленный высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации, за исключением случаев закупок товаров, работ, услуг путем проведения котировок, запроса предложений, осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) с учетом требований Закона № 44-ФЗ. Требования закона мягкие. Заказчику предоставляется право публиковать извещение за 7 суток до открытия доступа к заявкам. Если сумма договора превышает 3 млн руб., этот период увеличивают до 15 дней. Дополнения и корректировки в документацию вносят за 2 дня до изучения заявок либо ранее. Организаторы аукциона обязаны соблюдать запрет на изменение объемов закупки, а также увеличение обеспечения. Если общая стоимость закупки находится в пределах 3 млн руб., размер обеспечения заявки составляет 1 %. В остальных случаях применяется правило расчета, используемое при проведении открытого конкурса. Общие принципы распространяются и на установление обеспечения по контракту.

В-третьих, запрос котировок. Это способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором информация окупаемых для обеспечения государственных или муниципальных нужд товарах, работах или услугах сообщается неограниченному кругу лиц путем размещения в Единой информационной системе извещения о проведении запроса котировок и победителем запроса котировок признается участник закупки, предложивший наиболее низкую цену контракта. Данный способ подходит для проведения закупок на сумму до 500 тыс. руб. При этом стоимость контрактов не должна превышать 10 % от выделенного заказчику финансирования на отчетный период. Заказчику следует ориентироваться на стандартный недельный срок. Однако в некоторых случаях период сокращают до 4 суток. К таковым относят закупку средств оказания неотложной помощи (ст. 76 Закона № 44-ФЗ) или договоры с суммой до 250 тыс. руб. Корректировки вносить можно во все пункты за исключением объекта закупки. Последние изменения могут быть внесены за 2 дня до завершения конкурса или электронного аукциона. Подача заявки не требует предоставления каких-либо гарантий. Закупка до 500 тыс. руб. может производиться без условий об обеспечении, а вот превышение стоимостного лимита влечет за собой необходимость применения общих принципов. Важно отметить, что заказчик одновременно с размещением в Единой информационной системе извещения о проведении запроса котировок вправе (во определенных случаях (ст. 75, 76 Закона № 44-ФЗ) – обязан) направить запрос о предоставлении котировок не менее чем трем лицам, осуществляющим поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, предусмотренных извещением о проведении запроса котировок.

В-четвертых, запрос предложений. Это способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором информация окупаемых для обеспечения государственных или муниципальных нужд в товаре, работе или услуге сообщается неограниченному кругу лиц путем размещения в Единой информационной системе извещения о проведении запроса предложений, документации о проведении запроса предложений и победителем запроса предложений признается участник закупки, направивший окончательное предложение, которое наилучшим образом соответствует установленным заказчиком требованиям к товару, работе или услуге. Перечень случаев использования способа четко определен ст. 83 Закона № 44-ФЗ. Запрос предложений возможен при приобретении спортивного оснащения для параолимпийских и олимпийских команд, лечении граждан за границей, признания конкурсной процедуры несостоявшейся, а также в прочих специфических случаях. Список, приведенный в законе, расширительному толкованию не подлежит. Способ предполагает минимальный срок. Извещение публикуют за 5 дней до оценки предложений. Возможность изменения документации не предусмотрена. Правила об обеспечении заявок и контрактов не применяются. Исключением служит запрос предложений, проводимый в результате признания аукциона либо конкурса несостоявшимися. В этом случае реализуют общий механизм. Потребовать гарантий надлежащего выполнения контракта необходимо, если заказ размещают повторно – после расторжения с недобросовестным исполнителем.

В-пятых, закупка у единственного поставщика. Способ применяют при сотрудничестве с естественными монополиями или выполнении мобилизационных работ. Договор в рамках ст. 93 Закона № 44-ФЗ заключают при наличии соответствующего распоряжения правительства, президента или иного уполномоченного органа России. Привлечение единственного поставщика возможно также в следующих случаях:

- при освоении небольших сумм – до 100 тыс. руб.;
- выполнении специфических работ, право выполнения которых предоставлено конкретному лицу или организации;

- покупке билетов культурных, зрелищных, театральных объединений.

Перечень статьи содержит 46 позиций. Извещение размещают в Единой информационной системе единой в установленных законом случаях. Информация должна появиться в единой базе за 5 дней до подписания соглашения. О внесении корректировок в законе не упоминается. Заявку принимают и рассматривают без каких-либо гарантий со стороны потенциального контрагента. Обеспечения договора не требуется в следующих ситуациях:

- при приобретении ценностей на сумму до 100 тыс. руб;
- заключении соглашения с образовательными и культурными организациями в пределах 400 тыс. руб.;
- сотрудничестве с коммунальными службами.

Полный перечень условий обеспечения исполнения контракта содержится в ст. 96 Закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013.

Оценить способы выбора поставщика можно по правилам оценки заявок, порядку заключения договора или принципам определения победителя. В любом случае наиболее жесткими будут требования к проведению конкурсов и аукционов.

Связан такой подход с правовым значением процедур. Именно эти способы признаны ключевыми. Отказаться от их использования заказчик вправе лишь при наличии указанных в законе обстоятельств.

Помимо уже использовавшихся ранее способов определения поставщика (открытый конкурс, закрытый конкурс, аукцион в электронной форме, закрытый аукцион, запрос котировок, запрос предложений, закупка у единственного поставщика), Закон № 44-ФЗ закрепил и новые способы определения поставщика, к которым относятся следующие: 1) конкурс с ограниченным участием; 2) закрытый конкурс с ограниченным участием; 3) двухэтапный конкурс; 4) закрытый двухэтапный конкурс.

Все способы определения поставщика подразделяются на конкурентные и неконкурентные. К конкурентным относятся конкурсы (открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс), аукционы (электронный аукцион, закрытый аукцион); запрос котировок, запрос предложений; к неконкурентным – закупка у единственного поставщика.

Главное отличие конкурса от аукциона: под конкурсом понимается способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором победителем признается участник закупки, предложивший лучшие условия исполнения контракта; под аукционом понимается способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором победителем признается участник закупки, предложивший наименьшую цену контракта.

Каждый новый способ определения поставщика имеет свои особенности.

Итак, рассмотрим конкурс с ограниченным участием. Под конкурсом с ограниченным участием понимается конкурс, при котором информация размещения в Единой информационной системе извещения о проведении такого конкурса и конкурсной документации, к участникам закупки предъявляются единые требования и дополнительные требования и победителем такого конкурса определяется из числа участников закупки, прошедших предквалификационный отбор. Проведение конкурса с ограниченным участием применяется в случае если поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг по причине их технической и (или) технологической сложности, инновационного, высокотехнологического или специализированного характера способны осуществить только поставщики (подрядчики, исполнители), имеющие необходимый уровень квалификации, а также в иных установленных случаях [3].

Далее проанализируем двухэтапный конкурс. Это конкурс, при котором информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в Единой информационной системе извещения и конкурсной документации, к участникам закупки предъявляются единые требования либо единые требования и дополнительные требования и победителем такого конкурса признается участник двухэтапного конкурса, принявший участие в проведении обоих этапов такого конкурса (в том числе прошедший предквалификационный отбор на первом этапе в случае установления дополнительных требований к участникам такого конкурса) и предложивший лучшие условия исполнения контракта по результатам второго этапа такого конкурса. Заказчик вправе провести двухэтапный конкурс в соответствующих с Законом № 44-ФЗ при одновременном соблюдении следующих условий: 1) конкурс проводится для заключения контракта на проведение научных исследований, проектных работ (в том числе архитектурно-строительного проектирования), экспериментов, изысканий, на поставку инновационной и высокотехнологичной продукции, энергосервисного контракта, а также в целях создания произведения литературы или искусства, исполнения (как результатов интеллектуальной деятельности); 2) для уточнения характеристик объекта закупки необходимо провести его обсуждение с участниками закупки.

Перейдем к исследованию закрытых способов определения поставщиков – закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс, закрытый аукцион, при которых в соответствии с положениями ст. 85 и 86 Закона № 44-ФЗ информация о закупках сообщается заказчиком путем направления приглашений принять участие в закрытых способах определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), документации о закупках ограниченному кругу лиц, которые соответствуют требованиям, предусмотренным Законом № 44-ФЗ, и способны осуществить поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, являющихся объектами закупок, в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 84 Закона № 44-ФЗ (государственная тайна; уборка помещений, услуги водителей для судей и судебных приставов; транспортировка и охрана ценностей Государственного фонда драгоценных металлов, и др.). Закрытые способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) применяются по согласованию с ФОИВ (ФАС, Рособоронзаказ), уполномоченным Правительством РФ на осуществление данных функций. Соглашение применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) осуществляется в порядке, установленном

Минэкономразвития России [4].

Рассмотрим сущность и содержание закрытых конкурсов. Во-первых, закрытый конкурс. Под таковым понимается конкурс, при котором информация о закупке направляется заказчиком ограниченному кругу лиц, которые удовлетворяют требованиям, предусмотренным Законом № 44-ФЗ, и в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 84 Закона № 44-ФЗ, способны осуществить поставку товара, выполнение работы или оказание услуги, являющихся предметом такого конкурса, и победителем такого конкурса признается его участник, предложивший лучшие условия исполнения контракта.

Во-вторых, закрытый конкурс с ограниченным участием. Под ним понимается конкурс, при котором информация о закупке направляется заказчиком ограниченному кругу лиц, которые соответствуют требованиям, предусмотренным Законом № 44-ФЗ, и способны осуществить поставку товара, выполнение работы или оказание услуги, являющихся предметом закрытого конкурса с ограниченным участием, в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 84 Закона № 44-ФЗ, и победителем такого конкурса признается его участник, прошедший предквалификационный отбор и предложивший лучшие условия исполнения контракта по результатам такого конкурса.

В-третьих, закрытый двухэтапный конкурс. Под ним понимается конкурс, при котором информация о проведении такого конкурса и конкурсная документация направляются заказчиком ограниченному кругу лиц, которые соответствуют требованиям, предусмотренным Законом № 44-ФЗ, и способны осуществить поставку товара, выполнение работы или оказание услуги, являющихся предметом такого конкурса, в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 84 Закона № 44-ФЗ, и победителем такого конкурса признается участник, предложивший лучшие условия исполнения контракта по результатам второго этапа такого конкурса.

В-четвертых, закрытый аукцион. Под ним понимается закрытый способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором победителем такого аукциона признается участник закрытого аукциона, предложивший наиболее низкую цену контракта.

Анализ статистических данных с официального сайта Единой информационной системы (ВИС) о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг [5] показывает, что самыми популярными на сегодняшний день способами закупок, проводимыми в рамках закона № 44-ФЗ, являются электронный аукцион, открытый конкурс и закупка у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика). Именно на них приходится основная доля всех закупок в РФ.

Таким образом, в представленном материале изложена попытка рассмотреть все способы осуществления закупочных процедур, исследовать распределения каждого из способов закупки согласно действующему законодательству, проанализировать основные особенности определения поставщика (исполнителя, подрядчика).

Список литературы:

1. Сафронов, В. В. Правовое образование : монография / В. В. Сафронов; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. — Красноярск, 2009. — 96 с.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 13.07.2015; с изм. и доп., вступ. в силу 15.09.2015). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/?ysclid=m8osol6bvz598973631 (дата обращения: 24.03.2025).
3. Об условиях проведения процедуры конкурса с ограниченным участием при закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [Электронный ресурс] : постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1089 (ред. от 23.06.2014). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения 24.03.2025).
4. Об утверждении Порядка согласования применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключения контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) [Электронный ресурс] : Приказ Минэкономразвития России от 13.09.2013 № 537 (ред. от 30.09.2014; зарегистрировано в Минюсте России 26.11.2013 № 30452). — Электрон. дан. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155022/ (дата обращения 25.03.2025).
5. Единая информационная система в сфере закупок [Электронный ресурс] : офиц. сайт. — Электрон. дан. — Режим доступа: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения 25.03.2025).

References:

1. Safronov, V. V. Legal education: a monograph / V. V. Safronov; Siberian State Aerospace University. un-T. — Krasnoyarsk, 2009. 96 p.
2. On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs [Electronic resource] : feder. Law No. 44-FZ of 05.04.2013 (as amended on 13.07.2015; as amended and supplemented, intro. effective September 15, 2015). — Electron. dan. — Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/?ysclid=m8osol6bvz598973631 (accessed: 03/24/2025).
3. On the terms of the tender procedure with limited Participation in the Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs [Electronic resource] : Decree of the Government of the Russian Federation dated 11/28/2013 No. 1089 (as amended on 06/23/2014). — Electron. dan. — Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (accessed 03/24/2025).
4. On approval of the Procedure for Approving the Use of Closed Methods for Determining Suppliers (contractors, performers), concluding a contract with a single supplier (contractor, performer) [Electronic resource] : Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 09/13/2013 No. 537 (as amended on 30.09.2014; registered with the Ministry of Justice of Russia on 11/26/2013 No. 30452). — Electron. dan. — Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155022/ (accessed 03/25/2025).
5. Unified information system in the field of procurement [Electronic resource] : official. website. — Electron. dan. — Access mode: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (accessed 03/25/2025).

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ПРАВА В РОССИИ STATUS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF DIGITAL LAW IN RUSSIA

ГАРТИНА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета.
440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.
E-mail: gjpenza@rambler.ru;

БУКУР Михаил Степанович,
магистр кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета.
440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.
E-mail: mihaan.buka@gmail.com;

GARTINA Yulia Alexandrovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University.
440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.
E-mail: gjpenza@rambler.ru;

BUKUR Mikhail Stepanovich,
Master of the Department of Private and Public Law Penza State University.
440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.
E-mail: mihaan.buka@gmail.com

Краткая аннотация. В современных реалиях развитие цифровых прав набирает все большие обороты. Всеобщая цифровизация привела к появлению отдельного института – цифрового права. В статье авторами анализируются нормы законодательства, регламентирующие данные правоотношения, определяются этапы и перспективы развития цифрового права в России. По наиболее проблемным вопросам высказывается авторская позиция и делаются предложения по совершенствованию норм действующего законодательства.

Abstract: In modern realities, the development of digital rights is gaining momentum. Universal digitalization has led to the emergence of a separate institution - digital law. In the article, the authors analyze the legal norms regulating these legal relations, determine the stages and prospects for the development of digital law in Russia. The author's position is expressed on the most problematic issues and proposals are made to improve the norms of the current legislation.

Ключевые слова: цифровое право, гражданское законодательство, криптовалюта, блокчейн, цифровая валюта, цифровые права, виртуально-экономические правоотношения, информационная система.

Keywords: digital law, civil law, cryptocurrency, Blockchain, digital currency, digital rights, virtual-economic legal relations, information system.

Для цитирования: Гартина Ю.А., Букур М.С. *Состояние и перспективы развития цифрового права в России // Право и государство: теория и практика.* 2025. № 4. С. 303-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_303.

For citation: Gartina Yu.A., Bukur M.S. *Status and prospects for development of digital law in Russia // Law and state: theory and practice.* 2025. No. 4. pp. 303-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_303.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Цифровое право является одним из наиболее динамично развивающихся институтов правового регулирования в современном мире. Развитие цифровых технологий, рост популярности электронной коммерции, а также активное внедрение инноваций в различные сферы общественной жизни привели к необходимости пересмотра традиционных правовых норм и формированию новых подходов к регулированию цифровой среды. В России формирование цифрового права происходит на фоне стремительных изменений в экономике и правовой системе, что требует от законодателя оперативного реагирования на вызовы цифровизации.

Впервые о цифровых правах стало известно еще в 2017 году. Важным шагом в этом направлении явилось подписание Президентом Указа от 9 мая 2017 года «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [1]. В рамках данного акта предполагалось создание нормативной базы для регулирования цифровой экономики и внедрения современных технологий в ключевые отрасли.

В 2019 году в послании Федеральному Собранию Президент Российской Федерации окончательно обозначил научно-техническое развитие страны - одной из приоритетных задач. Парламенту было поручено разработать схему подготовки законодательной базы для развития цифровой экономики и инфраструктуры [2]. Первым шагом в этом направлении стало вступление в силу 1 октября 2019 года Федерального Закона «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который отнес к объектам гражданского права, указанным в статье 128 ГК еще и цифровые права, а также закрепил несколько важных положений [3].

В целом 2019 год стал отправной точкой развития законотворчества в области виртуально-экономических отношений. С тех пор законодатель внес множество поправок в уже существующие нормы гражданского законодательства. Так, была введена статья 141.1 «Цифровые права», которая определила цифровые права, как: «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам».

Если говорить простым языком, это электронные данные, подтверждающие права на вещи, результаты работ, услуги, иное имущество и исключительные права, оборот которых осуществляется через внесение записей в информационную систему [4, с.25].

В результате внедрения концепции цифровых прав в российское гражданское законодательство изменения коснулись следующих норм Гражданского кодекса РФ. Так, в статью 160 был добавлен новый абзац, согласно которому электронные средства, используемые для заключения сделок, должны позволять фиксировать содержание этих сделок на материальном носителе в неизменном виде. Это нововведение связано с обеспечением достоверности и подлинности сделок, совершаемых в электронной форме. Статья 434 также претерпела редакционные изменения. В новой редакции пункт 2 теперь допускает заключение договора в письменной форме путем обмена не только письмами и телеграммами, но и электронными документами или иными данными. Устаревшие термины, такие как «телекс» и «телефакс», были исключены. В пункт 4 статьи 454 было добавлено упоминание цифровых прав. Соответственно положения о купле-продаже распространяются также на продажу имущественных прав, в том числе цифровых, если иное не вытекает из содержания или характера этих прав. В статью 493 внесены изменения, уточняющие использование электронных документов в контексте договора розничной купли-продажи. Теперь договор может быть оформлен и в электронной форме, что формализует использование цифровых прав в данной сфере. Статья 494 была скорректирована для учета новых типов договоров, включая обязательства с использованием цифровых технологий и прав. Это изменение связано с возможностью заключения таких договоров в электронной форме без необходимости предоставления бумажных документов [5, с.7].

Таким образом, мы видим что внесенные в действующее законодательство изменения, направлены исключительно на облегчение реализации сделок с цифровыми правами и полностью адаптированы под современные реалии.

Произошедшие изменения гражданского законодательства в части внедрения категории цифровых прав открыли путь к появлению современных технологий в правовой системе. Одним из таких новшеств стало развитие технологии блокчейн, которое также нашло свое закрепление в российском законодательстве. Федеральный Закон от 31 июля 2020 года «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» заложил основы регулирования электронных денег и криптовалют в нашей стране и закрепил не только простые цифровые права, но и утилитарные, касающихся цифровых экономических активов.

Он внес важные изменения в правовое регулирование цифровых активов, включая блокчейн, токены и смарт-контракты. Блокчейн, представляющий собой децентрализованную базу данных, хранит информацию в цепочке блоков и является основой для цифровых активов, таких как токены. В этом законе токены определяются как цифровые финансовые активы, представляющие имущественные права, которые могут выступать в качестве платежа, акции или другого уникального объекта. Также закон косвенно затрагивает понятие смарт-контрактов — программируемых условий, выполняющихся на основе блокчейна без участия посредников. Хотя отдельного регулирования для смарт-контрактов пока нет, они могут применяться в рамках норм Гражданского кодекса, касающихся электронных сделок. В свою очередь, майнинг — процесс создания новых блоков и проверки транзакций — также остается под регулированием общих положений законодательства о цифровых активах [6].

В настоящее время криптовалюта приравнивается к денежным единицам, использование которых для оплаты товаров и услуг на территории Российской Федерации запрещено. Однако, отношение законодателя к этой технологии стремительно меняется. Нормативно-правовая база постепенно адаптируется к новым цифровым реалиям и к дальнейшему развитию данной технологии в экономике.

Также, следует отметить Федеральный закон от 2 августа 2020 года «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который установил правовые основы для проведения краудфандинга. Этот закон регулирует процессы привлечения инвестиций через интернет-платформы, предоставляя возможность обращаться к широкой аудитории потенциальных инвесторов для сбора средств. Благодаря этому законодательному акту краудфандинг стал более прозрачным и безопасным инструментом финансирования, что открыло дополнительные возможности для стартапов, малого бизнеса и различных проектов, которые могут привлекать средства в цифровом пространстве [7].

Рост применения и реализации цифровых прав приводит к тому, что они постепенно внедряются в повседневную жизнь отдельных категорий граждан и становятся частью наследственного права. В результате использования цифровых активов, таких как криптовалюта, токены, аккаунты в социальных сетях, цифровые права на интеллектуальную собственность, возникает очень много вопросов по передаче данных активов по наследству.

С одной стороны, традиционное наследственное право в России предусматривает наследование имущественных прав, что позволяет включать в наследственную массу определенные виды цифровых активов, например, права на цифровые финансовые активы или контент, защищенный авторским правом. С другой стороны, сложность возникает в связи с отсутствием четкого правового регулирования в отношении доступа к цифровым активам, хранящимся на иностранных платформах, или к аккаунтам, защищенным сложными криптографическими механизмами, такими как криптовалютные кошельки. [8]

Законодательство пока не дает однозначного ответа о том, как передавать цифровые активы, если они защищены паролями или приватными ключами, которые могут быть известны только владельцу. В таких случаях наследникам может быть сложно получить доступ к таким активам. Тем не менее, развитие законодательства в области цифрового права, включая признание цифровых активов в качестве объектов гражданского оборота, постепенно открывает возможности для интеграции цифровых прав в наследственные отношения.

Не менее актуальной темой для обсуждения является регулирование прав на контент, создаваемый искусственным интеллектом. В особенности это касается нейронных сетей, чьи возможности по генерации произведений ставят перед юристами новые актуальные вопросы.

Основные проблемы возникают относительно авторства работ, созданных искусственным интеллектом, и их правового статуса, как объектов или даже потенциальных субъектов гражданских правоотношений.

На сегодняшний день в России отсутствует нормативная база, регулирующая правовые отношения, связанные с нейронными сетями. Это объясняется тем, что законодатель впервые сталкивается с программным обеспечением, способным самостоятельно генерировать контент. Поскольку нейронные сети не имеют четко установленного юридического статуса, на них пока распространяются общие положения гражданского кодекса. В частности, согласно статье 1257 ГК РФ, автором произведения может считаться только гражданин, чьим трудом оно создано, поэтому нейронные сети не могут обладать авторскими правами. В связи с чем в правоприменительной практике нейросети рассматриваются как программное обеспечение, за действия которого несет ответственность его создатель [9, с. 78].

В настоящее время, в Государственную думу внесен законопроект о «Дипфейках», направленный в первую очередь на защиту личности человека от фабрикации материалов с ним при помощи искусственного интеллекта, а также защиту авторского права создателей контента, чьи работы могут быть использованы без их ведома для обучения нейросетей и копирования их же собственных работ для коммерческих целей.

Этот пример наглядно демонстрирует, что технический прогресс опережает законодательные процессы. Новые технологии требуют оперативного создания правовых норм, причем зачастую даже сами законодатели, по их собственному признанию, не до конца понимают, что такое «дипфейк» и не могут дать этому явлению точного определения. Однако рост числа правонарушений, связанных с дипфейками, вынуждает законодателя реагировать. В настоящее время привлечь к ответственности за использование дипфейков можно лишь на основании статьи 152.1 ГК РФ о незаконном использовании изображения гражданина или статьи 1301 ГК РФ, касающейся ответственности за нарушение исключительных прав на произведение [10].

Рассматривая текущее состояние законодательного регулирования цифровых прав в России, можно сделать прогнозы о направлениях его развития и проблемах, с которыми может столкнуться законодатель. Одной из главных тем, вызывающих споры в юридической науке, является вопрос о статусе цифрового права, как отдельной отрасли права. Существуют различные мнения относительно того, нужно ли выделять цифровое право в самостоятельную правовую категорию. Одни ученые считают, что цифровое право не может существовать, как самостоятельная отрасль права, так как это всего лишь новый объект гражданских правоотношений, который уже нашел свое законодательное закрепление.

Другие исследователи склонны утверждать, что цифровое право, как правовая категория имеет межотраслевой характер и представляет собой комплексный правовой институт, предмет которого охватывает элементы из различных отраслей права, что позволяет сформировать особый правовой режим в цифровой сфере. И естественно, в этом случае необходима разработка и внедрение новых норм и инструментов права, которые будут способствовать эффективному правовому регулированию инновационных процессов. Однако, даже в этом случае, информационное право не может быть самостоятельной отраслью права.

Что касается ученых, которые признают цифровое право самостоятельной отраслью, то согласно их доводам, это право охватывает целый комплекс уже существующих правовых норм, однако развитие и появление новых правовых категорий в данной сфере создает совершенно новые правоотношения, которые требуют особого законодательного регулирования, что несомненно говорит об уникальности цифровой среды с юридической точки зрения.

Изучение всех этих подходов позволяет сделать следующие выводы. Цифровые права – это достаточно сложный правовой институт, который находится на этапе своего формирования и дальнейшего развития. Усложнение правовых и экономических правоотношений, появление новых информационных технологий, приведет к необходимости создания базовых правовых положений, которые будут адекватно регулировать правовые отношения в цифровом пространстве. Конечно же, в последствии большое количество правовых норм, регламентирующих цифровые правоотношения приведут к признанию цифрового права самостоятельной отраслью права и как итог, возникнет необходимость создания цифрового кодекса, который сможет объединить в единую систему нормы, регулирующие различные сферы цифрового права. Это несомненно окажет положительную динамику на толковании и применении цифровых норм не только юристами, но и организациями, работающими с использованием цифрового пространства.

Таким образом, правовой анализ института цифровых прав позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время нормативно-правовая база, регламентирующая цифровые правоотношения развита недостаточно. В практической сфере остаются не урегулированными большое количество правовых вопросов, связанных с возникновением и прекращением цифровых прав.

Анализ всех законодательных изменений и нововведений, уже произошедших в правовой системе, свидетельствует о том, что Россия движется в направлении создания цифрового кодекса. Внесение в Гражданский кодекс норм, регулирующих цифровые активы и электронные сделки, а также принятие законов о цифровых финансовых активах и инициирование законопроектов по вопросам, связанным с новыми технологиями, указывают на системную подготовку к кодификации.

Проект российского Цифрового кодекса планируется представить уже к середине 2025 года, как сообщил глава Минцифры Максуд Шадиев. Аналогичные процессы сейчас идут и в других странах [11].

Постепенное принятие новых законов и внесение изменений в существующее законодательство показывает, что государство осознает необходимость регулирования цифровых отношений и активно движется в этом направлении. С дальнейшим развитием технологий и появлением новых вызовов правовая система будет неизбежно расширяться и адаптироваться, чтобы обеспечить стабильное правовое регу-

лирование в цифровой среде.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" // Собрание законодательства РФ. - 2017. - №20. - Ст. 2901.
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 20. 02. 2019 года "Послание Президента Федеральному собранию" // Российская газета. - 2019. - №38.
3. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ. "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 2019. - №12. - Ст. 1224.
4. Миннегалиева Л.И. Правовое регулирование цифровых прав: опыт России и зарубежных стран / Л.И. Миннегалиева // Международный научно-исследовательский журнал. - 2023. - №12 (138). - С.25. DOI: 10.23670/IRJ.2023.138.83 EDN: OVKJOZ
5. Паламарчук, А. В. Цифровые права в России: реальность и перспективы / А. В. Паламарчук // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. - 2019. - № 4(72). - С. 5-11. EDN: QLTVPD
6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 2020. - №31(часть 1). - Ст. 5018.
7. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 2019. - №31. - Ст. 4418.
8. Рыбалка Е.А. Наследование цифровых активов как следствие развития цифровизации // ЮП. - 2023. - №1 (104). EDN: KVREXV
9. Потехина К.А., Ананьева Е.О. Нейросеть как новый объект интеллектуальной собственности // Аграрное и земельное право. - 2023. - №6 (222). - С. 78. DOI: 10.47643/1815-1329_2023_6_105 EDN: THNGAT
10. Катерина Алабина "Заинтересованные в лицах: в России обсуждается закон о дипфейках" //Известия URL: <https://www.interfax.ru/russia/975670>.
11. Мария Фролова "Единый документ: какие нормы будет описывать Цифровой кодекс РФ" //Известия URL: <https://iz.ru/1704035/mariia-frolova/edinyi-dokument-kakie-normy-budet-opisyvat-tcifrovoyi-kodeks-rf>.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2017. - No. 20. - Art. 2901.
2. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of February 20, 2019 "Message of the President to the Federal Assembly" // Rossiyskaya Gazeta. - 2019. - No. 38.
3. Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ. "On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2019. - No. 12. - Art. 1224.
4. Minnegaliev L.I. Legal regulation of digital rights: the experience of Russia and foreign countries / L.I. Minnegaliev // International Research Journal. - 2023. - No. 12 (138). - P. 25.
5. Palamarchuk, A.V. Digital rights in Russia: reality and prospects / A.V. Palamarchuk // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. - 2019. - No. 4 (72). - P. 5-11.
6. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on October 25, 2024) "On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31 (part 1). — Art. 5018.
7. Federal Law of 02.08.2019 No. 259-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2019. — No. 31. — Art. 4418.
8. Rybalka Elena Aleksandrovna Inheritance of Digital Assets as a Result of Digitalization Development // Law Firm. — 2023. — No. 1 (104).
9. Potekhina K.A., Ananyeva E.O. Neural Network as a New Object of Intellectual Property // Agrarian and Land Law. — 2023. — No. 6 (222). — P. 78.
10. Katarina Alabina "Interested persons: deepfakes law under discussion in Russia" // Izvestia URL: <https://www.interfax.ru/russia/975670>
11. Maria Frolova "Single document: what norms will the Digital Code of the Russian Federation describe" // Izvestia URL: <https://iz.ru/1704035/mariia-frolova/edinyi-dokument-kakie-normy-budet-opisyvat-tcifrovoyi-kodeks-rf>

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБ ОТМЕНЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ THE DETERMINATION ON THE CANCELLATION OF ENSURING EVIDENCE IN THE ARBITRATION PROCESS

ПИВЦАЕВА Виктория Юрьевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права СЗФ
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5.

E-mail: v.doronkina@gmail.com;

PIVTSAEVA Viktoria Yurievna,

Candidate of Law, Senior lecturer of North-West branch

of FGBOU VO «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev».

197046, St. Petersburg, Alexander Park, 5.

E-mail: v.doronkina@gmail.com

Краткая аннотация: В указанной статье рассматривается проблематика вынесения арбитражными судами определений об обеспечении доказательств по спорам, связанным со строительным подрядом, в частности, по такому виду обеспечения как приостановление строительства объекта до момента разрешения ходатайства о проведении экспертизы по делу. В статье раскрыта проблема отмены определения об обеспечении доказательств, а также правовые последствия отсутствия такой отмены в виде сохранения обеспечения; обозначена проблематика момента прекращения действия обеспечения доказательств в зависимости от отмены определения; описана проблема проведения повторной или дополнительной экспертизы в случае отмены обеспечения доказательств и возобновления строительства. По результатам исследования предлагается принятие отдельного судебного акта об отмене обеспечения доказательств, которое предоставит сторонам право продолжить строительство объекта своими силами либо привлечь иного подрядчика согласно условиям договора строительного подряда.

Abstract. The indicated article considers the problems of arbitration courts of rulings on ensuring evidence on disputes related to the construction contract, in particular, for such a type of security as suspension of the construction of the facility until the request for the investigation of the examination in the case. The article reveals the problem of canceling the determination of ensuring evidence, as well as the legal consequences of the absence of such a cancellation in the form of conservation of security; The problems of the moment of termination of the provision of evidence are indicated depending on the cancellation of the determination; The problem of repeated or additional examination is described in case of cancellation of evidence and resumption of construction. Based on the results of the study, it is proposed to adopt a separate judicial act on the cancellation of the provision of evidence, which will provide the parties with the right to continue the construction of the facility on their own or attract another contractor in accordance with the terms of the construction contract.

Ключевые слова: обеспечение доказательств; исковое производство; строительный подряд, судебные акты; определение суда.

Keywords: ensuring evidence; storage production; construction contracts, judicial acts; judicial determination.

Для цитирования: Пивцаева В.Ю. Определение об отмене обеспечения доказательств в арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 307-308. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_307.

For citation: Pivtsaeva V.Yu. The determination on the cancellation of ensuring evidence in the arbitration process // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 307-308. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_307.

Статья поступила в редакцию: 01.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Исходя из содержания законодательных норм об обеспечительных мерах, правила, регулирующие обеспечительные меры, подлежат применению при обеспечении доказательств по делу. Сам институт обеспечения доказательств выступает необходимым средством защиты интересов заявителя по делу и направлен (как и непосредственно обеспечительные меры) на предотвращение нарушения прав заявителя (согласно пункту 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 №15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»)¹.

Однако вопрос об отожествлении обеспечительных мер и обеспечения доказательств остается дискуссионным в научной литературе. Например, Москаленко И.В. и Москаленко М.Н. указывают, что обеспечение иска и обеспечение доказательств являются различными процессуальными институтами, преследующими достижение кардинально иных целей [1, с. 23].

Особую специфику реализации получило обеспечение доказательств в гражданско-правовых спорах, связанных с выполнением работ по договорам строительного подряда. В этой связи в рамках настоящей статьи рассматривается такой вид обеспечения доказательств как приостановление работ на строительном объекте до проведения экспертизы по делу (строительно-технической, экспертизы объема и стоимости выполненных работ на объекте, экспертизы качества выполненных работ и иных видов экспертиз). В качестве обоснования заявления о принятии обеспечительных мер заявители по таким спорам указывают на возможность повреждения результата работ, повреждения оборудования, ссылаются на то, что умышленные действия другой стороны спора могут быть направлены на затруднение проведения экспертизы объемов выполненных работ, в том числе с целью снижения стоимости либо полного освобождения от оплаты работ.

В качестве примера подобного обеспечения Белова Т.В. приводит обеспечительные меры в виде запрета на производство строительных работ по спорам, связанным с возведением объектов незавершенного строительства и самовольных построек [2, с. 107].

Действительно, проведение экспертизы объемов и стоимости выполненных строительных работ на объекте имеет доказательствен-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 №15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета. №123 (9068). 2023.

ное значение, в первую очередь, для заявителя (истца), поскольку от результатов экспертизы будет зависеть задолженность ответчика по оплате выполненных работ. Договор строительного подряда может содержать условие о праве заказчика привлечь к выполнению работ иную подрядную организацию, при этом условия, момент и порядок привлечения согласованы в договоре. Для осуществления возможности консервации объекта (результатов выполненных строительных работ) заявитель вправе обратиться в арбитражный суд с ходатайством об обеспечении доказательств в виде приостановления работ на объекте. Означает ли определение, которым подобное ходатайство удовлетворено, полную консервацию строительства, либо речь может идти о приостановлении работ в оспариваемой заявителем части (подтверждением может служить спорный акт сдачи-приемки выполненных подрядчиком работ, подписание которого оспаривается в судебном порядке).

Применительно к указанной выше ситуации, определением Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 11.10.2022 по делу №А81-6943/2022¹ удовлетворено заявление о принятии обеспечительных мер в виде приостановления выполнения работ на объекте исключительно в объемах, указанных в акте сдачи-приемки работ. Согласно указанному определению, по данному делу заказчик обратился с иском к подрядчику о взыскании неосновательного обогащения в виде неотработанного аванса, перечисленного в рамках государственного контракта. В свою очередь, ответчик обратился с заявлением об обеспечении доказательств по делу в виде приостановления проведения строительных работ на объекте до проведения экспертизы по делу для установления объемов работ, выполненных ответчиком. Указанным определением заявление ответчика было удовлетворено, при этом судом указано на приостановление выполнения работ в оспариваемой части (указанных в акте сдачи-приемки выполненных работ). Следует допустить ситуации, при которых арбитражный суд не лишен возможности приостановить работы на объекте в полном объеме (например, если работы выполнены, сданы, но не приняты заказчиком, либо приняты с замечаниями).

Одной из ключевых проблем, связанных с обеспечением доказательств по данной категории дел, является отсутствие дальнейшей их отмены. По указанному арбитражному делу материалы картотеки арбитражных дел не содержат сведений о вынесении отдельного определения об отмене обеспечения доказательств. То есть формально без вынесения определения об отмене мер по обеспечению доказательств в виде приостановления строительства принятые судом меры сохраняют свое действие. Как было сказано в начале статьи, к процедуре обеспечения доказательств арбитражным судом применяются положения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)² об обеспечительных мерах. Тем самым, согласно требованиям статьи 97 АПК РФ, обеспечение иска по ходатайству лица, участвующего в деле, может быть отменено арбитражным судом, рассматривающим дело.

Однако при отсутствии определения об отмене обеспечения доказательств стороны или иные лица, привлеченные заказчиком для продолжения строительства, не вправе осуществлять выполнение работ на объекте в приостановленной части. В свою очередь, имеет ли правовое значение указание суда в резолютивной части определения на момент окончания действия обеспечения доказательств, например, «до разрешения ходатайства о проведении экспертизы по делу»? Безусловно, такое указание должно нести за собой временное ограничение действия обеспечения доказательств. Буквальное толкование фразы «до разрешения ходатайства о проведении экспертизы по делу» не вносит правовой определенности для сторон в отношении момента окончания действия обеспечения доказательств. Так, в случае удовлетворения ходатайства о проведении экспертизы производство по делу приостанавливается до готовности экспертизы. В случае отказа в удовлетворении ходатайства о проведении экспертизы по делу предполагается, что обеспечение доказательств сохраняет свое действие. Решением указанной проблемы представляется вынесение отдельного определения об отмене обеспечения доказательств.

Правовым последствием вступления в законную силу определения об отмене обеспечения доказательств является возможность осуществления дальнейшего строительства на объекте, в том числе привлечение иных подрядчиков, поскольку судебное ограничение отменено. Вместе с тем, отсюда возникает следующая проблема в виде необходимости проведения повторной или дополнительной экспертиз. Так, если арбитражный суд вынесет определение об отмене обеспечения доказательств, тем самым, «разрешил» продолжение строительства на объекте, и заказчик продолжит строительство, то в случае необходимости проведения повторной или дополнительной экспертизы подобные действия станут невозможны, поскольку объект экспертизы, в отношении которого была проведена первичная экспертиза, будет утрачен.

В указанных обстоятельствах решением для арбитражного суда представляется вынесение итогового судебного акта, исходя из доказательств, ранее представленных в материалы дела, поскольку проведение повторной или дополнительной экспертиз, которые бы однозначно устранили сомнения в достоверности первичной экспертизы, объективно невозможно.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости вынесения арбитражным судом определения об отмене обеспечения доказательств, поскольку данное действие позволит внести правовую определенность в отношении вопроса о действии обеспечения доказательств в отношении строительного объекта. В целом, данный вывод можно отнести и к иным видам споров, поскольку обеспечение доказательств применяется повсеместно и не ограничено спорами, вытекающими из строительного подряда.

Список литературы:

1. Москаленко И.В. Обеспечение доказательств и обеспечение нотариусом доказательственной информации / И. В. Москаленко, М. Н. Москаленко // Нотариальный вестник. – 2013. – № 8. – С. 20-33.
2. Белова Т.В. Правовой режим самовольной постройки в системе вещного права : монография / Т. В. Белова; отв. ред. д. ю. н., проф. А. Н. Левушкин. – М.: Юстицинформ, 2024. – 278 с.

References:

1. Moskalenko I.V. Ensuring evidence and providing a notary of evidence information / I. V. Moskalenko, M. N. Moskalenko // Notarial Bulletin. -2013.-No. 8.-S. 20-33.
2. Belova T.V. The legal regime of unauthorized construction in the system of property law: Monograph / T.V. Belova; Ot. Ed. D. Yu. n., prof. A.N. Levushkin. – M.: Justicinform, 2024. - 278 p.

¹ Определение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 11.10.2022 по делу №А81-6943/2022 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ad14c446-1c47-41de-b971-bb82f3bd1392/6f7ab478-f4a5-4c0e-9142-0b087c86f6ed/A81-6943-2022_20221011_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №30. Ст.3012.

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ MARRIAGE CONTRACT: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

КОРНИЛОВА Наталья Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Дальневосточного филиала «Российский государственный университет правосудия».
680014, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49.
E-mail: n_kornilva@mail.ru;

KORNILOVA Natalia Viktorovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law
Far eastern branch «Russian State University of Justice».
680014, Russia, Khabarovsk, Vostochnoye sh., 49.
E-mail: n_kornilva@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию положений о брачном договоре. Дается характеристика элементов брачного договора. В процессе исследования выявляются проблемы, сопряженные с применением норм о брачном договоре.

Abstract: The article is devoted to the study of the provisions on the marriage contract. The characteristics of the elements of a marriage contract are given. In the process of research, problems associated with the application of the rules on the marriage contract are identified.

Ключевые слова: брачный договор, общее имущество, брак, супруги, имущество.

Key words: marriage contract, common property, marriage, spouses, property.

Для цитирования: Корнилова Н.В. Брачный договор: вопросы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 309-312. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_309.

For citation: Kornilova N.V. Marriage contract: issues of theory and practice // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 309-312. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_309.

Статья поступила в редакцию: 18.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Вопросы раздела имущества супругов при разводе очень часто являются предметом острых споров. Одним из действенных механизмов, чтобы их не допускать, является соглашение супругов. Таким соглашением супругов, в частности, позволяющим преобразовать режим общей совместной собственности в режим общей долевой собственности, является брачный договор. Брачный договор является одним из самых обсуждаемых институтов, с применением которого возникает много проблем на практике, что обуславливает необходимость его детального исследования.

Под брачным договором согласно п. 1 ст. 40 СК РФ понимается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. В свою очередь, в п. 3 ст. 43 СК РФ говорится о том, что действие брачного договора прекращается с момента прекращения брака, за исключением тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака.

Как видим, в рамках уже одной статьи Семейного кодекса РФ мы можем наблюдать противоречие, на что обоснованно указывается в научной литературе [16]. Как отмечает С.А. Слепакова, из этого можно сделать вывод, что при прекращении брака применению подлежат лишь те условия брачного договора, которые прямо предусматривают обязательства именно на время после развода. Из сказанного следует закономерный вывод о том, что если в брачном договоре будет отсутствовать соглашение о том, что после прекращения брака сохраняется режим раздельного имущества у супругов, то после развода можно будет не применять положения брачного договора в исследуемой части. А такое положение нивелирует необходимость заключения брачного договора, а это не соответствует сути брачного договора. Поэтому необходимо устранить выявленное противоречие, внося соответствующие изменения в СК РФ.

В кодифицированных актах других стран содержатся понятия брачного договора, тождественные российскому понятию, например, в п. 1 ст. 39 Кодекса Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» [3].

Вместе с тем брачный договор урегулирован в российском законодательстве недостаточно подробно. В этой части заслуживает одобрения опыт Германии, в которой вопросам режимам имущественных правоотношений супругов в общем (§ 1363-§ 1563), имущественным правоотношениям по договору в частности, посвящено значительное количество норм (§ 1408-§ 1563) Гражданского уложения Германии (Далее – ГГУ) [4].

Вопрос о правовой природе брачного договора является дискуссионным в доктрине. В науке существует несколько подходов применительно к исследуемому тезису. Так, согласно первой позиции брачный договор относится к семейно-правовым договорам. И в качестве особенностей, позволяющих сделать такой вывод называют следующие: строго определенный субъектный состав, тесная зависимость от брака, вне которого он не может существовать, своеобразие предмета договора [15, с. 7-8].

Сторонники другого подхода видят в брачном договоре типичную гражданско-правовую сделку. Брагинский М.И. отмечает, что есть все основания для признания брачного договора разновидностью гражданских договоров [7]. Такое пересечение гражданско-правовых и семейно-правовых составляющих обусловило появление третьей точки зрения, согласно которой «брачный договор можно определить как гражданско-правовой инструмент семейно-правового регулирования имущественных отношений между супругами» [12, с. 26].

О субсидиарном применении гражданского законодательства к семейным отношениям, не урегулированным семейным законодательством, говорит ст. 4 СК РФ.

Брачный договор, если обратиться к его определению, то это прежде всего, во-первых, соглашение лиц; во-вторых, соглашение, *определяющее имущественные права и обязанности* (выделено мною – Н.К.). Первое упоминание в ГК РФ о брачном договоре, мы встречаем в ст. 256, согласно п. 1 которого имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, *если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества* (выделено мною – Н.К.); а согласно п. 3 - имущество каждого из супругов может быть признано судом их совместной собственностью... Правило не применяется, *если брачным договором между супругами предусмотрено иное* (выделено мною – Н.К.) и т.д. Тем самым можно констатировать, что ГК РФ оперирует данной категорией как гражданско-правовой. Кроме того, и в нормах Семейного кодекса РФ, посвященных брачному договору, есть много прямых отсылок к нормам ГК РФ. Поэтому есть все основания для того, чтобы считать брачный договор гражданско-правовой сделкой.

Субъектами брачного договора выступают как лица, вступающие в брак, так и уже находящиеся в браке. Соответственно, если брачный договор заключают лица, вступающие в брак, то они должны соответствовать всем требованиям для таких лиц. Во-первых, это должно быть взаимное добровольное согласие мужчины и женщины – будущих супругов. Во-вторых, такие лица должны достичь брачного возраста. В-третьих, брак не может быть заключен при наличии обстоятельств, указанных в ст. 14 СК РФ.

В связи с тем, что, как правило, брачный договор заключается лицами, вступающими в брак, то возникает закономерный вопрос: с какого возраста можно заключать брачный договор? Однозначно, что в соответствии с п. 2 ст. 28 ГК РФ малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет не могут заключить брачный договор. Если обратиться к дееспособности несовершеннолетних от четырнадцати до восемнадцати лет, то согласно п. 2 ст. 26 СК РФ самостоятельно совершать брачный договор такие лица не могут. Однако в п. 1 ст. 26 ГК РФ говорится о том, что несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет совершают сделки, за исключением названных в п. 2 ст. 26 ГК РФ, с письменного согласия своих законных представителей. Причём сделка, совершенная таким несовершеннолетним, действительна также при ее последующем письменном одобрении его законными представителями. Это означает, что и брачный договор при таком одобрении можно заключать с четырнадцати лет. Хотя, несомненно, что здесь возникает сложный морально-правовой момент: в брак можно вступить не ранее, чем в 16 лет, а брачный договор заключить с 14 лет? Так ли это?

Прежде всего необходимо ответить на следующий вопрос: в какой срок до заключения брака может быть заключён брачный договор? Согласно п. 1 ст. 41 СК РФ брачный договор может быть заключен как до государственной регистрации заключения брака, так и в любое время в период брака. Брачный договор, заключенный до государственной регистрации заключения брака, вступает в силу со дня государственной регистрации заключения брака.

Ряд учёных придерживается позиции, что под лицами, вступающими в брак, следует понимать лиц, изъявивших намерения к вступлению в брак путем подачи заявления о регистрации брака в соответствующий орган записи актов гражданского состояния в соответствии со ст. 26 Федерального закона «О регистрации актов гражданского состояния» [17]. Такую позицию высказывают А.Г. Князев и Ю.Н. Николаев [9, с. 85].

А.В. Мыскин считает, что лицами, вступающими в брак, можно назвать всяких лиц, намеревающихся вступить в брак, и независимо от факта подачи ими заявления в органы загса [13].

Представляется, что, когда законодатель формулировал возможность заключения брачного договора, вступающими в брак, всё-таки он имел ввиду, что это лица, которые уже каким-либо выразили свои намерения стать в будущем супругами. И в качестве такого обстоятельства, которое отражает желание стать супругами, выступает подача соответствующего заявления в органы загса, тем более в соответствии с п. 1 ст. 11 СК РФ заключение брака производится в личном присутствии лиц, вступающих в брак, *по истечении месяца и не позднее двенадцати месяцев со дня подачи заявления* (выделено мною – Н.К.) в орган записи актов гражданского состояния в дату и во время, которые определены лицами, вступающими в брак, при подаче ими заявления о заключении брака. Двенадцать месяцев – это достаточный срок для того, чтобы принять решение о регистрации брака, и, конечно же, заключить брачный договор.

Поэтому и в ситуации, приведённой ранее (*о возрасте, с которого возможно заключение брачного договора, - Н.К.*), гипотетически невозможно представить ситуацию, когда согласование брачного договора возможно ранее, чем по достижении шестнадцати лет. Если по уважительной причине согласно со ст. 13 СК РФ возраст вступления в брак будет снижен до шестнадцати лет, то и составить брачный договор представляется возможным по достижении искомого возраста.

Брачный договор относится к таким договорам, к которым предъявляются квалифицированные требования, а именно: он заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению (п. 2 ст. 42 СК РФ). Причём требования к нотариальному удостоверению брачного договора присутствуют практически во всех актах. В § 1410 ГГУ предусмотрено, что брачный договор должен быть заключен при одновременном присутствии обеих сторон у нотариуса. Аналогичная норма закреплена в ст. 1394 Французского Гражданского кодекса (Далее – ФГК): все брачные соглашения оформляются нотариальной сделкой в присутствии и с одновременного согласия всех лиц, являющихся их сторонами или полномочными представителями последних.

Обращает на себя внимание то, что во ФГК уже в самой норме допускается возможность заключения брачного договора посредством действий представителя, в Германии также могут участвовать представители супругов при заключении брачного договора при обязательном участии самих супругов [16]. И подробно в ГГУ регулируются вопросы участия законных представителей при заключении брачного договора.

В российской доктрине по вопросу участия представителей супругов при заключении брачного договора сложилось две точки зрения.

Ряд учёных считают возможным заключение брачного договора через представителя. И как раз причиной такого представительства называют имущественный характер брачного договора [8, с. 58].

Противоположной точки зрения придерживаются большинство учёных. Так, по мнению М.Г. Масевич, такой договор должен заключаться только в присутствии каждого из супругов лично при его подписании [10]. Указывает на неразрывную связь с личностями супругов брачного договора, а также на установленный в п. 4 ст. 182 ГК РФ запрет на совершение такого рода сделок через представителя, и А.М. Эрделевский [17].

Предметом брачного договора выступают имущественные отношения, которые возникают или могут возникнуть между супругами. В отличие от многих других стран, предметом брачного договора в Российской Федерации могут выступать исключительно имущественные отношения. Во многих странах допускается регулирование брачным договором и личных неимущественных отношений между супругами. К такой возможности можно относиться как положительно, так и отрицательно, но включение таких условий в брачный договор, по нашему мнению, является, как минимум, преждевременным. Регулирование личных неимущественных отношений требует их чёткой фиксации в договоре. И в случае, если будут нарушены положения о них, то это требует сбора доказательств, предоставить которые могут, как правило, исключительно сами супруги. Причём во многих случаях будет вставать вопрос о допустимости доказательств.

Главная цель, которую стороны преследуют, заключая брачный договор, – это возможность изменить установленный законом режим совместной собственности. В соответствии с п. 1 ст. 42 СК РФ брачным договором супруги вправе в брачном договоре установить наиболее приемлемый режим собственности на имущество: выбрать один из правовых режимов или использовать их комбинацию.

Однако, как в ГК РФ, так и в СК РФ, отсутствуют нормы, которые бы защищали права кредиторов, тогда как условия, содержащиеся в брачном договоре, могут кардинально изменить правовой режим имущества конкретного супруга, и тем самым кредиторы могут лишиться гарантии исполнения обязательств, что не способствует стабильности гражданского оборота. Поэтому заслуживающим внимания представляется опыт Республики Молдовы, в ст. 32 Семейного кодекса от 26 октября 2000 года № 1316-XIV [6] которого закреплено, что каждый из супругов обязан уведомлять своих кредиторов о заключении, изменении или расторжении брачного договора. При невыполнении этой обязанности супруг-должник отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора. Кредиторы супруга-должника вправе требовать изменения условий или расторжения брачного договора, если он ущемляет их права и интересы, защищенные законом.

Брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по основаниям, предусмотренным ГК РФ для недействительности сделок (п. 1 ст. 44 СК РФ). Суд может также признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение. Условия брачного договора, нарушающие другие требования п. 3 ст. 42 СК РФ, ничтожны (п. 2 ст. 44 СК РФ).

В соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [1] если брачным договором изменен установленный законом режим совместной собственности, то суду при разрешении спора о разделе имущества супругов необходимо руководствоваться условиями такого договора.

Так, в одном из дел Савеловский районный суд города Москвы удовлетворил требования о признании брачного договора недействительным. Суд пришел к выводу о том, что условия брачного договора ставят истца в крайне неблагоприятное положение, поскольку, после расторжения брака он полностью лишается права собственности на имущество, совместно нажитое в период брака с ответчиком, иного имущества, перешедшего к нему по условиям договора, истец не имеет, в связи с чем, признал недействительным брачный договор [2].

Действие брачного договора прекращается с момента прекращения брака (ст. 25 СК РФ), за исключением тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака (п. 3 ст. 43 СК РФ). Интересно, что и в ст. 40 СК РФ при определении брачного договора акцент делается именно на том, что он определяет имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения, тогда как брак может прекратиться и по иным основаниям (смерть одного из супругов, объявление его судом умершим).

В научной литературе справедливо отмечается, что «п. 3 ст. 43 Семейного кодекса, определяя момент прекращения действия брачного договора моментом прекращения брака, отсылает к ст. 25 Семейного кодекса, которая определяет именно момент прекращения брака при его расторжении. Но положение п. 3 ст. 43 Семейного кодекса о том, что прекращение брака не прекращает действия тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака, сформулировано без ссылок на какие-либо другие статьи Кодекса, в том числе на ст. 25» [16].

Таким образом, проведенное выше исследование показывает, что в настоящее время положения о брачном договоре требуют своего совершенствования. Прежде всего, по нашему мнению, требуется детальное регулирование многих вопросов, так как за годы действия норм Семейного кодекса РФ о брачном договоре накопилась практика, в том числе судебная и нотариальная, которая в совокупности с научными исследованиями, будет способствовать проведению работы по разработке норм, способствующих оптимальному регулированию исследуемых отношений. Конечно же, можно обратиться и к опыту других стран, особенно тех, праву которых брачный договор уже известен давно. Именно взаимодействие всех вышеуказанных механизмов можно позволить добиться того, чтобы брачный договор стал играть более существенную роль в отношениях между супругами.

Список литературы:

1. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.
2. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2020 г. по делу № 88-20478/2020 // СПС КонсультантПлюс.

3. Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 г. № 518-IV "О браке (супружестве) и семье" // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748&sub_id=390000&pos=694;-54#pos=694;-54.
4. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб. - М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII - XIX, 1-715.
5. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). - М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4-592.
6. Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 года № 1316-XIV // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398164.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотипное. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.
8. Бондов С.Н. Брачный договор: учебное пособие для вузов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 95 с.
9. Князев А.Г., Николаев Ю.Н. Развод. Раздел имущества. М.: Эксмо, 2004. ISBN: 5-699-07186-5 EDN: QVXSMT
10. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / М.В. Антокольская, Ю.А. Королев, И.М. Кузнецова и др.; под ред. И.М. Кузнецовой. М.: БЕК, 1996. 512 с.
11. Макеева О.А. Семейное право Российской Федерации: основные проблемы, перспективы дальнейшего развития. Методология преподавания семейного права Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2009. № 1.
12. Максимович Л.Б. Брачный договор (контракт): Правовые режимы имущества супругов. Понятие и сущность брачного договора. Порядок заключения, изменения и расторжения брачного договора. М.: Ос-89, 2001.
13. Мыскин А.В. Брачный договор в системе российского частного права. М.: Статут, 2012. 172 с. ISBN: 978-5-8354-0858-0 EDN: QSOVQJ
14. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 41-42.
15. Низамиева О.Н. Договорное регулирование имущественных отношений супругов: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Казань, 1999. EDN: NLPNBV
16. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2005. 444 с. ISBN: 5-8354-0298-8 EDN: QWQMZX
17. Эрделевский А.М. Брачный договор // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2001.

References:

1. On the application of legislation by courts when considering cases of divorce: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 5, 1998 No. 15 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. No. 1.
2. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated November 10, 2020 in case No. 88-20478/2020 // SPS ConsultantPlus
3. Code of the Republic of Kazakhstan dated December 26, 2011 No. 518-IV "On marriage (matrimony) and family" // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748&sub_id=390000&pos=694;-54#pos=694;-54
4. Civil Code of Germany: Introductory Law to the Civil Code. - 4th ed., revised. - M.: Infotropik Media, 2015. P. VIII - XIX, 1-715.
5. Civil Code of France (Napoleonic Code). - M.: Infotropik Media, 2012. P. 4-592.
6. Family Code of the Republic of Moldova dated October 26, 2000 No. 1316-XIV // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398164
7. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. General provisions. 3rd ed., stereotypical. M.: Statute, 2001. Book. 1. 848 p.
8. Bondov S.N. Marriage contract: a textbook for universities. Moscow: UNITY-DANA, 2000. 95 p.
9. Knyazev A.G., Nikolaev Yu.N. Divorce. Property division. M.: Eksmo, 2004.
10. Commentary on the Family Code of the Russian Federation (item-by-item) / M.V. Antokolskaya, Yu.A. Korolev, I.M. Kuznetsova and others; edited by THEM. Kuznetsova. M.: BEK, 1996. 512 p.
11. Makeeva O.A. Family law of the Russian Federation: main problems, prospects for further development. Methodology for teaching family law in the Russian Federation // Family and housing law. 2009. No. 1.
12. Maksimovich L.B. Marriage agreement (contract): Legal regimes of spouses' property. The concept and essence of a marriage contract. The procedure for concluding, amending and terminating a marriage contract. M.: Os-89, 2001.
13. Myskin A.V. Marriage contract in the system of Russian private law. M.: Statute, 2012. 172 p.
14. Nechaeva A.M. Family law: current problems of theory and practice. M.: Yurait-Izdat, 2007. pp. 41-42.
15. Nizamieva O.N. Contractual regulation of property relations between spouses: Author's abstract. dis. ...cand. legal Sci. Kazan, 1999.
16. Slepakova A.V. Legal relations between spouses. M.: Statute, 2005. 444 p.
17. Erdelevsky A.M. Marriage contract // Prepared for the ConsultantPlus system, 2001.

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В РФ INHERITANCE OF DIGITAL ASSETS IN THE RUSSIAN FEDERATION

СТАРОДУБОВА Людмила Валериевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».
445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.
E-mail: starodubova72@bk.ru;

СОКОЛОВА Анастасия Александровна,
к.э.н., доцент кафедры гражданского права и процесса,
ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».
445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.
E-mail: envymesaa@mail.ru;

ЛИНЧЕНКО Полина Владимировна,
студент ГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет».
445020, Россия, г. Тольятти, Белорусская улица, 14.
E-mail: poly.linchenko@yandex.ru;

STARODUBOVA Lyudmila Valerievna,
Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure Tolyatti State University.
14 Belorusskaya Street, Tolyatti, 445020, Russia.
E-mail: starodubova72@bk.ru;

SOKOLOVA Anastasia Alexandrovna,
Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Tolyatti State University.
14 Belorusskaya Street, Tolyatti, 445020, Russia.
E-mail: envymesaa@mail.ru ;

ZINCHENKO Polina Vladimirovna,
student of Tolyatti State University.
14 Belorusskaya Street, Tolyatti, 445020, Russia.
E-mail: poly.linchenko@yandex.ru

Краткая аннотация: в данной статье поднимаются актуальные вопросы правового регулирования в сфере наследования цифровых активов в условиях активной глобализации и цифровизации современного общества. Также поднимается ряд проблем, которые возникают в связи с отсутствием четких правовых норм, касающихся передачи по наследству таких объектов гражданско-правовых отношений, как электронные кошельки с виртуальной денежной валютой, личные аккаунты в социальных сетях, криптовалютные счета и доменные имена. В статье рассматриваются и анализируются основные нормативно-правовые акты, касающиеся информационных и наследственных прав граждан. К указанным законам, помимо основных положений, касающихся цифровых прав, отраженных в Гражданском Кодексе РФ можно отнести: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». Нами поднимаются и исследуются вопросы, связанные с особенностями наследования различных видов цифровых активов. В завершении статьи мы предложили возможные пути решения возникающих проблем в сфере наследования цифровых активов. Статья направлена на привлечение внимания к необходимости разработки современных правовых механизмов, обеспечивающих защиту интересов граждан в сфере цифровых прав и активов.

Abstract: This article addresses the pressing issues of legal regulation in the field of inheriting digital assets amidst active globalization and digitalization of modern society. It also highlights a number of problems that arise due to the lack of clear legal norms governing the transfer by inheritance of such civil law objects as electronic wallets with virtual currency, personal social network accounts, cryptocurrency accounts, and domain names. The article reviews and analyzes key legislative acts concerning information and inheritance rights of citizens. In addition to the main provisions regarding digital rights reflected in the Civil Code of the Russian Federation, these laws include the Federal Law "On Information, Information Technologies, and Information Protection" and the "Foundations of Legislation of the Russian Federation on Notaries." We raise and explore questions related to the specifics of inheriting various types of digital assets. At the end of the article, we propose possible solutions to emerging problems in the area of digital asset inheritance. The article aims to draw attention to the need for developing contemporary legal mechanisms that ensure the protection of citizens' interests in the sphere of digital rights and assets.

Ключевые слова: цифровые активы, социальные сети, наследование цифровых прав, электронные кошельки, аккаунты в социальных сетях, интернет – компания, цифровые технологии, глобализация.

Keywords: Digital assets, social networks, inheritance of digital rights, electronic wallets, social media accounts, internet company, digital technologies, globalization.

Для цитирования: Стародубова Л.В., Соколова А.А., Линченко П.В. Наследование цифровых активов в РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 313-318. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_313.

For citation: Starodubova L.V., Sokolova A.A., Linchenko P.V. Inheritance of digital assets in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 313-318. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_313.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение

Человек начинает переходить из мира материального в мир цифровой, создавая и накапливая виртуальные активы. Однако, общественные отношения, связанные с наследованием в цифровых случаях, в полной мере не урегулированы законодателем, что порождает ряд проблемных вопросов

С развитием цифровых технологий современная жизнь значительно изменилась. Если ранее граждане могли передавать по наслед-

ству: автомобили, недвижимое имущество (квартиру, комнату, дом), денежные средства, в том числе вклады в банках, то теперь факт владения умершим электронным кошельком, страницей в социальных сетях, личным блогем, приносящим доход – ни для кого не будет неким новшеством. На сегодняшний день практически каждый взрослый человек и даже дети имеют как минимум смартфон, в котором заключен отдельный цифровой мир, включающий в себя не только средства общения, но и персонализированные странички – аккаунты, в которых по своему усмотрению можно отражать свои взгляды, интересные моменты и зарисовки из моментов жизни. В настоящее время домены, онлайн-аккаунты и всевозможные цифровые активы имеют в мировой практике весьма обстоятельную имущественную значимость.

Цель нашей научной статьи заключается в комплексном исследовании проблемы наследования цифровых активов: социальных сетей, электронных кошельков, цифровых прав.

Актуальность данной статьи вызвана тем, что в условиях глобальной цифровизации цифровые активы становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. Это требует четкой правовой регуляции. Несмотря на то, что многие страны постепенно вводят нормы, касающиеся цифровых прав и активов, рассматривая их как значимые имущественные ценности, недостаточная правовая база и отсутствие современной правоприменительной практики приводят к возникновению ряда вопросов. Среди них – особенности наследования таких объектов, как цифровые валюты, криптовалюты, аккаунты в социальных сетях и доменные имена. Приведём в пример такие объекты материального мира, как книги, фотографии, музыку, которые впоследствии возможно оцифровать, то есть книги и фотографии можно потом напечатать на традиционных носителях, а музыку перенести на диски и прослушать и эти объекты, вполне отвечают имеющемуся нормам гражданского законодательства, то криптовалюта, аккаунты и другие цифровые активы не переводят на традиционные носители и по ним не сформировано гражданское законодательство в полном объеме.

Цифровые активы являются важной частью жизни сегодня, и проблема наследования цифровых активов завоевывает особую значимость. При этом, наличие вопросов и проблем в законодательстве препятствуют исполнению завещания цифровых и криптоактивов.

Ключевые понятия, которые будут важны для понимания темы отражены в:

- «Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"»¹ (например, определения понятий "информационная система", "доменное имя" и т. п.);
- «Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"»² (имеются нормы и определения, направленные на регулирование правоотношений, связанных с цифровыми финансами);
- «Основах законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1»³ (в частности, предусмотрена возможность создания и принятия нотариусами электронных документов, а также преобразования электронных документов в документы на бумажном носителе и наоборот).

Основная часть

В рамках гражданского законодательства предметами наследования считаются материальные активы, предметы, права и обязанности (имущественные). При этом, цифровые активы (к которым можно отнести социальные сети, электронные кошельки, цифровые права) отнесены к другому имуществу, так как они не имеют материальных свойств, так же, владелец цифровых активов к имущественному праву обладатель не имеет права требования к иным лицам.

«Следовательно, цифровые активы в области наследования, можно отнести к иному имуществу»⁴.

Для того чтобы детальнее разобраться в вопросе наследования цифровых активов, необходимо определить, что относится к цифровым активам? Легального определения в законодательстве РФ нет, поэтому обратимся к иным источникам. Цифровые активы – «вид экономических благ, имеющих нематериальную природу и цифровую форму, созданных с помощью цифровой технологии, проявляющих свою ценность в стоимостном эквиваленте в информационной системе и способных к гражданскому обороту. В этом определении отражены экономическая, юридическая и технологическая сущности цифровых активов»⁵.

Таким образом, к цифровым активам можно отнести интернет-аккаунты, к которым гражданин может получить доступ через вход с помощью логина и пароля. К таким интернет-аккаунтам можно отнести: электронные кошельки, маркетплейсы, облачные хранилища, социальные сети. Также к цифровым активам можно отнести учетные записи, которые создаёт пользователь, играя в компьютерные игры, так как в виртуальном мире гражданин, аналогично реальному, совершает гражданско-правовые сделки, покупая различных персонажей, дополнительные улучшения и многое другое.

Налоговое определение цифрового актива – это «любое цифровое представление стоимости, которое регистрируется в криптографи-

¹ Федеральный закон № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 г. (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 30.11.2024).

² Федеральный закон № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357795/ (дата обращения: 30.11.2024).

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утверждены Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г., № 4462-1 (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 30.11.2024).

⁴ Степнов И.М., Федотова М.А. Управление цифровыми активами в цифровой среде: алгоритмы и сервисы // Управленческие науки. 2021. № 4. - с. 7

⁵ Алексеева Е.В. Понятие и виды цифровых активов // Новый юридический вестник. 2021. № 4. - с. 10.

чески защищённой распределённой бухгалтерской книге (блокчейн) или любой аналогичной технологической системе»¹.

Например, к цифровым активам относят «конвертируемую виртуальную валюту и криптовалюту, стейблкоины, невзаимозаменяемые токены (NFT). Владея электронным кошельком, в котором хранятся цифровые активы, владелец имеет финансовый интерес в этом активе»². Подробнее обратимся к этимологии слов «токен» и «криптовалюта».

Токен – это цифровая запись в комплексном реестре, который именуется блокчейном, которая свидетельствует о наличии разнообразных прав и благ. Данная запись может фиксировать «физические права, обязательства, материальные права, могут распространяться на долю дохода, которая может появиться в будущем или имеется на сегодняшний день»³.

Понятие «криптовалюта» часто путают с понятием «токен», но «криптовалюта имеет нематериальную природу и цифровую форму, так как представляет собой цифровой код, записанный в соответствующей позиции (по адресу) протокола данных, сгенерированной с использованием криптографии в блокчейне»⁴.

Пользователи интернет кошельком часто путают и смешивают указанные понятия, поэтому необходимо разграничить их.

Криптовалюты:

- изначально создавались как децентрализованные платежные системы, альтернативные традиционным фиатным деньгам. Их главная цель - служить средством обмена, накопления стоимости и расчетной единицей;
- обычно имеют собственный блокчейн, который управляет их выпуском и транзакциями. Например, у биткойна есть свой блокчейн, а у эфира — своя сеть Ethereum;
- выполняют роль денег в экономике, то есть служат средством обмена, расчета и хранения ценности;
- чаще всего регулируются как денежные средства или финансовые инструменты. В разных юрисдикциях регулирование варьируется, но многие страны уже разработали законы, касающиеся оборота криптовалют.

Токены:

- создаются для выполнения конкретных задач внутри экосистемы проекта. Например, токены могут предоставлять доступ к услугам, права на участие в управлении проектом, получение дивидендов или скидки при использовании продуктов компании;
- выпускаются на существующих платформах блокчейнов, таких как Ethereum, Binance Smart Chain, Solana и другие. Для этого используется стандартизированная система контрактов (например, ERC-20 для Ethereum);
- могут выполнять множество функций в зависимости от назначения. Например, Utility tokens (полезные токены) предоставляют доступ к продуктам или сервисам платформы, Security tokens (ценностные токены) представляют собой доли владения в компаниях или проектах и дают держателям право на доходы или управление, Governance tokens (управленческие токены) позволяют владельцам участвовать в принятии решений относительно развития проекта;
- подлежат различным видам регулирования в зависимости от их типа. Security tokens подпадают под строгие правила финансового рынка, тогда как utility tokens могут регулироваться менее жестко.

Таким образом, исходя из вышеуказанного сравнительно анализа можно сделать вывод: криптовалюты и токены — это два разных понятия, хотя оба связаны с технологией блокчейн. Криптовалюты являются самостоятельными денежными системами, тогда как токены создаются на базе существующих платформ и предназначены для выполнения специфических задач в рамках этих платформ.

Наследодатель, у которого есть цифровые и криптоактивы, имеет право и возможности предоставить их в наследство, как иное имущество, перед этим, известив непосредственного наследника. «Однако, цифровые активы располагают свойством анонимности обладателя. Из-за этого свойства наследники часто не могут доказать, что на эти активы они могут претендовать по закону, потому что информация о ее владельце не отражается нигде. При этом, никто не защищает права наследника. И из-за этого, цифровые активы нельзя включить в наследственную массу, а, поэтому, нарушены интересы наследников»⁵.

Самым результативным вариантом передачи цифровых активов по наследству считается передача цифровых активов по завещанию. Наследодатель в своем завещании должен указать ключ доступа к цифровыми крипто активам. В этом случае, наследнику не нужно никому доказывать свою принадлежность к наследодателю и его наследству, потому что он будет иметь доступ.

Таким образом, цифровые активы являются важной частью жизни сегодня, и проблема наследования цифровых активов завоевывает особую значимость. При этом, наличие вопросов и проблем в законодательстве препятствуют исполнению завещания цифровых и криптоактивов.

Желательно развивать и совершенствовать правовое регулирование в рассматриваемом направлении для того, чтобы обеспечить справедливое и эффективное обеспечение перехода цифровых и криптоактивов наследникам. При этом, если завещатель не оставил завещание, а наследство переходит к наследникам по закону нужно предусмотреть сохранность цифровых и криптоактивов.

¹ Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон. 2022. № 10. - с. 14

² Вахрушев Д.С., Железов О.В. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления // Вестник евразийской науки. 2023. № 5. – с. 22

³ Харитонов Ю.С. Основные тенденции судебной практики к определению природы цифровых активов с частноправовых позиций // Гражданское право. 2022. № 3. – с. 12

⁴ Денисов И.С., Капличникова Е.Ю., Юракова А.Ю. Правовое регулирование цифровых финансовых активов за рубежом и в России // Экономика. Право. Общество. 2023. № 4. – с. 67

⁵ Хосп Дж. О криптовалюте просто. Биткоин, эфириум, блокчейн, децентрализация, майнинг. СПб.: Питер. 2023. – с. 61

В соответствии со статьёй 141.1 Гражданского кодекса РФ «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу»¹. Таким образом, можно сказать, что цифровые права – это права человека, которые тесно связаны с использованием и доступом к цифровым технологиям и, непосредственно, к самой информационной системе.

Обычно под цифровым наследством подразумевают контент, доступ к которому в ограниченном виде по запросу могут получить близкие покойного:

- профили на сайтах и аккаунты в социальных сетях;
- крипто валюта или электронные деньги;
- фотографии, видео или личные заметки в «облачном» сервисе;
- права на интернет-домен.

На планете живут 7 млрд человек из них 4 млрд являются пользователями социальных сетей. 80% граждан РФ используют социальные сети в качестве каналов коммуникационной среды. Социальные сети – это специализированные платформы, где пользователи могут общаться, заводить новые знакомства, просматривать новости, потреблять определённый контент. В каждой социальной сети есть определённые особенности аудитории по возрастным ограничениям и потребностям. Понятие социальной сети и профиля аккаунта/блога было предложено для закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» еще в 2015 г. «Социальная сеть определялась как сайт в сети Интернет, где зарегистрированные пользователи могут самопрезентовать себя посредством регистрации своих профилей. Сам аккаунт предлагалось определять как страницу конкретного пользователя, который зарегистрировал ее по правилам социальной сети и вел добровольно содержательное наполнение»². Другие исследователи рассматривают социальные сети с технической точки зрения: «социальные сети, как и любой сайт, размещаются в огромных дата-центрах. Все данные социальных сетей хранятся на серверах... Каждый раз, когда пользователь делает публикацию или отправляет электронное сообщение, информация сохраняется на серверах. Фактически пользователь при регистрации получает от владельца сайта определенное место на сервере, мощность и память»³.

Если аккаунт признавать «результатом интеллектуальной деятельности (мультимедийный продукт, интернет-сайт, программа для ЭВМ), то должен решаться вопрос о наследовании прав на такие аккаунты как объекты, например, авторских прав. В Федеральной нотариальной палате отмечают, что аккаунты передаются по наследству и могут определяться как цифровые активы»⁴.

«В российском законодательстве аккаунты в социальных сетях не определены как вид имущества. Связано это с политикой социальных сетей, согласно которой исключительными правами на контент внутри платформы обладают сами социальные сети. Специалисты считают, что приравнивание аккаунта в соцсети к имуществу – дело времени»⁵.

Формально передать страницу в социальных сетях нотариусы пока не могут, так как надо подтвердить личность умершего владельца, а в России регистрация в социальных сетях, как известно, происходит без паспорта. Кроме того, встает вопрос, что именно должно переходить наследникам: доступ ко всему аккаунту или только к его части. Некоторые странички содержат огромное количество личной информации о человеке, и нет гарантий, что не будет передана огласке тайна переписки. Пока социальные сети сами регулируют эти моменты в договорах присоединения, например, пользователи Интернет-ресурса Gmail могут указать, что делать с их аккаунтами в электронной почте, на случай ухода из жизни: удалить или передать его близким. Социальная сеть «ВКонтакте» позволяет родственникам умерших закрыть и удалить их страницы, а также перевести их в статус «памятных» - такая процедура называется «меморизация». Социальные сети «Инстаграм» и «Твиттер» вообще не дают наследникам доступа к профилю и могут лишь удалить его по требованию родственников. В пользовательских соглашениях этих онлайн-ресурсов прямо прописан запрет выдавать себя за других лиц. Более того, модельные документы о доступе к отдельным видам цифровых активов в связи со смертью владельца, разработанной Ассоциацией, куда входят и Google и Facebook предоставляет доступ к аккаунту только при наличии обоснованного и, как правило, публичного интереса, либо завещательного распоряжения. Что касается наследования электронных денег, то необходимо обратиться к Федеральному закону от 31.07. 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶. Для нотариуса при включении биткоина в наследственную массу, главный вопрос: как определить, что электронный кошелек принадлежал конкретному гражданину? Если человек был включен в реестр инфосистемы, как пользоваться, и обладал уникальным цифровым кодом, то на запрос придет положительный ответ. Формально наследники получают биткоины в результате преемства прав по пользовательскому соглашению, но, в отличие от социальных сетей здесь доступ к системе учёта децентрализован, то есть обращаться к оператору с просьбой, чтобы он открыл электронный кошелек умершего, как его страницу смысла

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146 - ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 49. - Ст. 4552

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утверждены Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г., № 4462-1 (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 30.11.2024).

³ Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2023. № 9. – с.30

⁴ Диева М. Г. Наследование цифровых активов // МНИЖ. 2021. № 3. - с.168

⁵ Рожкова М.А. Права на доменное имя // Право в сфере Интернета: Сборник статей. М.: Статут. 2023. - с.201

⁶ Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Электрон. текст. дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357795/ (дата обращения: 30.11.2024).

нет. Нужно чтобы человек оставил в завещании обе части кода - публичную и закрытую. Если есть опасения по поводу утечки информации, то лучше оставить закрытое завещание.

«Интернет-компании по-разному регулируют последствия смерти пользователя. Компания «Яндекс», например, не предоставляет доступ к облачному сервису правопреемникам и удаляет аккаунт в случае, если туда больше одного года никто не заходил. Самой прогрессивной компанией в области правопреемства является компания «Google». Данная компания создала специальный сервис «На всякий случай», в котором лицо само может определить юридическую судьбу своего аккаунта. Например, лицо может завещать свой аккаунт как одному из наследников, так и третьему лицу. Если же наследодатель не завещал свой аккаунт, то «Google» удаляет его по заявлению наследников или предоставляет им доступ к аккаунту»¹.

«В России на данный момент практика по наследованию цифровых активов не сформировалась, но в зарубежной практике широкую известность приобрёл случай, когда компания «Apple» потребовала от пережившего супруга решения суда»². В Германии, например, «Верховный суд в своём решении от 12.07.2018 г. III ZR 183/17 обязал владельца социальной сети предоставить доступ родителям к аккаунту своего сына, который погиб в ДТП. Верховный суд Германии не посчитал его переписки в социальной сети чем-то конфиденциальным, и в своём решении указал, что тайна переписки в данном случае не нарушается»³.

Таким образом, мы пришли к выводу, что исходя из специфичности интернет активов можно сказать следующее: «наследовать аккаунт наследодателя наследник не может, так как наследодатель мог вести при жизни переписки с третьими лицами, а в случае если наследник получит доступ к такому аккаунту, то автоматически получает доступ к переписке наследодателя с третьими лицами, что в свою очередь влечёт возникновение состава преступления, предусмотренного частью 1 и 2 ст. 138 УК РФ»⁴. Но денежные средства, которые находятся на счету в облачном сервисе, наследник должен унаследовать.

Согласно ст. 1119 ГК РФ, закрепляющей свободу завещанию: «завещатель вправе по своему усмотрению завещать любое своё имущество любым лицам и в любом объёме. Режим прямого волеизъявления завещателя в отношении цифровых финансовых активов будет иметь положительный характер и позволит наследникам распоряжаться переданными им цифровыми финансовыми активами только в том случае если завещатель укажет в завещании всю информацию, которая необходима для доступа к информационной системе, в которой учитываются цифровые финансовые активы»⁵.

Заключение

Подводя итоги, считаем необходимым отметить, что повсеместным явлением сегодня считается цифровизация общества, и, как следствие, формирование цифровой экономики и появление разнообразной цифровой собственности, в том числе цифровых активов. Таким образом, человек начинает переходить из мира материального имущества и блага в мир цифровой, создавая и накапливая виртуальные активы, ведя бизнес в цифровой среде и создавая в нем свои денежные запасы.

Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что законодательство многих стран уже начинает учитывать такие объекты цифрового права, как электронные кошельки, криптовалютные счета, аккаунты в социальных сетях и доменные имена, однако правовая база остается недостаточно проработанной. Наследодатель, у которого есть цифровые и криптоактивы, имеет право и возможности предоставить их в наследство, как иное имущество, перед этим, известив непосредственного наследника. Однако цифровые активы, как правило, располагают свойством анонимности обладателя. Из-за этого свойства наследники часто не могут доказать, что на эти активы они могут претендовать по закону, потому что информация о ее владельце не отражается нигде. При этом, никто не защищает права наследника. Также мы отметили, что «актуальной представляется проблема определения самой наследственной массы, в части состава имущества. С одной стороны, наследственную массу должны составлять непосредственно цифровые финансовые активы, так как с точки зрения законодательства они относятся к объектам гражданского права, а следовательно, могут быть унаследованы правопреемниками. Но здесь так же встаёт вопрос о том, какие именно цифровые финансовые активы могут быть включены в перечень объектов наследования, этот вопрос так же остаётся открытым»⁶.

Самым результативным вариантом передачи цифровых активов по наследству считается передача цифровых активов по завещанию. Для более действенной защиты от желания третьих лиц получить доступ к цифровым активам, возможно применять закрытое завещание. Вопросы о передаче прав на эти активы после смерти владельца остаются открытыми, особенно учитывая сложности с подтверждением личности и сохранением конфиденциальности личных данных. Пока что многие аспекты регулирования зависят от условий использования конкретных платформ, но будущее требует разработки универсальных правовых норм, обеспечивающих защиту интересов наследников и соблюдение приватности умерших пользователей. Считаем, что необходимо создать систему поиска электронных денежных средств в рамках Единой информационной системы, где нотариус, сможет отправлять запросы в облачные сервисы и получать информацию о состоянии электронного счёта наследодателя. Также на законодательном уровне можно закрепить перечень документов, с помощью которых наследник потом сможет доказать свое право на определённый цифровой актив. Более того, предлагаем разработать правила идентификации и подтверждения принадлежности циф-

¹ Сервис «На всякий случай». [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/TguQr> (дата обращения: 30.11.2024).

² Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: Учебник / Под ред. Е.А. Борисовой. - М.: Юстицинформ, 2016. - с.376

³ Der Bundesgerichtshof. [Electronic resource]: URL: www.juris.bundesgerichtshof.de. (дата обращения: 30.11.2024).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 - ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. 30.01.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 16.12.2024).

⁶ Бодяко А.В., Пономарева С.В., Рогуненко Т.М. Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля // Учет. Анализ. Аудит. 2022. № 5. - с.22

ровых активов умершему гражданину для нотариального производства. Указанные нормы можно внести как в законодательство о нотариате, так и в саму статью 4 Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Также стремительное развитие интернет-технологий явно предопределило необходимость введения в гражданский оборот новых объектов в виде цифровых активов. Если раньше в мировой практике имущественный оборот обращался к вещам материальным, то в сегодня с введением цифровых технологий в оборот общества появляются не материальные объекты. Возникновение электронных видов для отдельных вполне традиционных объектов, например, таких как ценные бумаги, кошельки, деньги и других породило отдельные проблемы законодательства. Следовательно, мы предлагаем ввести изменения в статью 141.1 ГК РФ и установить в ней четкий закрытый перечень, что именно должно относиться к цифровым правам.

Список литературы:

1. Алексеева Е.В. Понятие и виды цифровых активов // Новый юридический вестник. 2021. № 4. С. 10-18.
2. Бодяко А.В., Пономарева С.В., Роголенко Т.М. Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля // Учет. Анализ. Аудит. 2022. № 5. С. 14-27.
3. Вахрушев Д.С., Железов О.В. Криптовалюта как феномен современной информационной экономики: проблемы теоретического осмысления // Вестник евразийской науки. 2023. № 5. С. 21-32.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146 - ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 49. - Ст. 4552.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. 30.01.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 16.12.2024).
6. Денисов И.С., Капичникова Е.Ю., Юракова А.Ю. Правовое регулирование цифровых финансовых активов за рубежом и в России // Экономика. Право. Общество. 2023. № 4. С. 66-78.
7. Диева М. Г. Наследование цифровых активов // МНИЖ. 2021. № 3. С. 166-174. DOI: 10.23670/IRJ.2021.105.3.055 EDN: EIGWQS
8. Об утверждении плана информатизации на 2019-2021 годы Министерства спорта Российской Федерации" (вместе с "Планом информатизации на очередной финансовый 2019 год и плановый период 2020-2021 годов"): Приказ Минспорта России от 22.02.2019 № 149 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320344/ (дата обращения: 06.12.2024).
9. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утверждены Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г., № 4462-1 (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. - Электрон. текст. дан. - Режим доступа: -http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 30.11.2024).
10. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: Учебник / Под ред. Е.А. Борисовой. - М.: Юстицинформ, 2016. - 480 с.
11. Рожкова М.А. Права на доменное имя // Право в сфере Интернета: Сборник статей. М.: Статут. 2023. С. 195-223.
12. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон. 2022. № 10. С. 12-26.
13. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2023. № 9. С. 24-36.
14. Сервис "На всякий случай". [Электронный ресурс]: URL: <https://clck.ru/TguQr> (дата обращения: 30.11.2024).
15. Степнов И.М., Федотова М.А. Управление цифровыми активами в цифровой среде: алгоритмы и сервисы // Управленческие науки. 2021. № 4. С. 6-24. DOI: 10.26794/2404-022X-2021-11-4-6-24 EDN: BVGMOU
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63 - ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.
17. Федеральный закон № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27.07.2006 г. (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. - Электрон. текст. дан. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 30.11.2024).
18. Федеральный закон № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. - Электрон. текст. дан. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357795/ (дата обращения: 30.11.2024).
19. Харитонов Ю.С. Основные тенденции судебной практики к определению природы цифровых активов с частноправовых позиций // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11-16.
20. Хосп Дж. О криптовалюте просто. Биткоин, эфириум, блокчейн, децентрализация, майнинг. СПб.: Питер. 2023. 256 с.
21. Der Bundesgerichtshof. [Electronic resource]: URL: www.juris.bundesgerichtshof.de. (дата обращения: 30.11.2024).

References:

1. Alekseeva E.V. The concept and types of digital assets // New Legal Bulletin. 2021. No. 4. pp. 10-18.
2. Bodyako A.V., Ponomareva S.V., Rogulenko T.M. Identification of digital rights as an object of accounting and control // Accounting. Analysis. Audit. 2022. No. 5. pp. 14-27.
3. Vakhrushev D.S., Zhelezov O.V. Cryptocurrency as a phenomenon of the modern information economy: problems of theoretical understanding // Bulletin of Eurasian Science. 2023. No. 5. pp. 21-32.
4. The Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 11.26.2001 No. 146 - FZ (as amended on 03/18/2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 49. - Art. 4552.
5. The Civil Code of the Russian Federation (part four): Federal Law No. 230-FZ of 12/18/2006 (as amended on 01/30/2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (accessed: 12/16/2024).
6. Denisov I.S., Kapichnikova E.Yu., Yurakova A.Yu. Legal regulation of digital financial assets abroad and in Russia // Economy. Right. Society. 2023. No. 4. pp. 66-78.
7. Dieva M. G. Inheritance of digital assets // MNIZH. 2021. No. 3. pp. 166-174. DOI: 10.23670/IRJ.2021.105.3.055 EDN: EIGWQS
8. On approval of the informatization plan for 2019-2021 of the Ministry of Sports of the Russian Federation" (together with the "Informatization Plan for the next fiscal year 2019 and the planning period 2020-2021"): Order of the Ministry of Sports of Russia dated 22.02.2019 No. 149 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320344/ (date of access: 06.12.2024).
9. Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries. Approved by the Supreme Council of the Russian Federation on February 11, 1993, No. 4462-1 (as amended) [Electronic resource] // ConsultantPlus. - The electron. text. given. - Access mode: -http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (date of application: 11/30/2024).
10. Legal bases of notarial activity in the Russian Federation: Textbook / Edited by E.A. Borisova. Moscow: Justicinform, 2016. 480 p.
11. Rozhkova M.A. Domain name rights // Law in the field of the Internet: A collection of articles. Moscow: Statute. 2023. pp. 195-223.
12. Rozhkova M.A. Digital assets and virtual property: how does virtual and digital relate // Law. 2022. No. 10. pp. 12-26.
13. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. The legal essence of new digital assets // Law. 2023. No. 9. pp. 24-36.
14. Service "Just in case". [Electronic resource]: URL: <https://clck.ru/TguQr> (accessed: 11/30/2024).
15. Stepnov I.M., Fedotova M.A. Digital asset management in a digital environment: algorithms and services // Management Sciences. 2021. No. 4. pp. 6-24. DOI: 10.26794/2404-022X-2021-11-4-6-24 EDN: BVGMOU
16. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63 - FZ (as amended on 27.10.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2954.
17. Federal Law No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 27.07.2006 (as amended) [Electronic resource] // ConsultantPlus. - The electron. text. given. - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (date of access: 11/30/2024).
18. Federal Law No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/31/2020 (as amended) [Electronic resource] // ConsultantPlus. - The electron. text. given. - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357795/ (date of reference: 11/30/2024).
19. Kharitonova Yu.S. The main trends in judicial practice towards determining the nature of digital assets from a private law perspective // Civil Law. 2022. No. 3. pp. 11-16.
20. Hospice J. It's simple about cryptocurrency. Bitcoin, Ethereum, blockchain, decentralization, mining. Sfb.: Peter. 2023. 256 p.
21. Der Bundesgerichtshof. [Electronic resource]: URL: www.juris.bundesgerichtshof.de. (date of request: 11/30/2024).

¹ Федеральный закон № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 (в действующей редакции) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. - Электрон. текст. дан. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357795/ (дата обращения: 30.11.2024).

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И ЖЕНЩИН С ДЕТЬМИ ДО 14 ЛЕТ PROBLEMS ARISING IN THE IMPLEMENTATION OF LABOR RIGHTS OF PREGNANT WOMEN AND WOMEN WITH CHILDREN UNDER 14 YEARS OF AGE

БОКОВА Алёна Олеговна,

студентка юридического факультета
Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: a.o.bokova@gmail.com;

МАНУКОВСКАЯ Алевтина Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: man-an@mail.ru;

ФИЛИПЦОВА Наталья Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Центрального филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Воронеж).
394006, Россия, Воронежская обл., г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 95.
E-mail: natachir@mail.ru;

ВOKOVA Alena Olegovna,

full-time student at the Law Faculty of the Central Branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution
of Higher Education «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev» (the city of Voronezh).
95, 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia, Voronezh Region.
E-mail: a.o.bokova@gmail.com;

MANUKOVSKAYA Alevtina Nikolaevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Central Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lebedev Russian State University of Justice» (Voronezh).
95, 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia, Voronezh Region.
E-mail: man-an@mail.ru;

FILIPTSOVA Natalia Alexandrovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Central Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lebedev Russian State University of Justice» (Voronezh).
95, 20th Anniversary of October str., Voronezh, 394006, Russia, Voronezh Region.
E-mail: natachir@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются трудовые права беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет, анализируется исторический аспект данного института, его современное состояние, различные проблемы в его реализации и предложены конкретные меры по их решению.

Abstract: The article examines the labor rights of pregnant women and women with children under 14 years of age, analyzes the historical aspect of this institution, its current state, various problems in its implementation, and suggests specific measures to address them.

Ключевые слова: трудовые права, гарантии, льготы, защита трудовых прав, единство и дифференциация, нормы трудового права, исторические аспекты, современное состояние.

Keywords: labor rights, guarantees, benefits, protection of labor rights, unity and differentiation, labor law norms, historical aspects, current state.

Для цитирования: Бокова А.О., Мануковская А.Н., Филипцова Н.А. Проблемы, возникающие при реализации трудовых прав беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 319-322. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_319.

For citation: Bokova A.O., Manukovskaya A.N., Filiptsova N.A. Problems arising in the implementation of labor rights of pregnant women and women with children under 14 years of age // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 319-322. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_319.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В современном обществе защита трудовых прав женщин, особенно беременных и имеющих детей до 14 лет, является одной из ключевых составляющих не только социальной политики государства, но и всей отрасли трудового права. На наш взгляд, это обусловлено не только различными демографическими и экономическими факторами, но и необходимостью качественной реализации прав граждан, одним из которых является право на труд, прямо закрепленное в Конституции Российской Федерации. Кроме того, несмотря на современную действительность, нельзя не отметить тот факт, что вопросы, связанные с трудовыми правами беременных женщин и женщин с детьми, затрагивают широкий спектр социальных, экономических и правовых аспектов, оказывая каждодневное влияние на целый комплекс вопросов государственно-правовой политики.

Актуальность изучения темы трудовых прав беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет не вызывает сомнений, так как на сегодняшний день, согласно статистике, растёт число работающих женщин [1], и, соответственно, существует довольно высокий процент тех женщин, кто неоднократно сталкивался с нарушением своих трудовых прав [2]. Эти нарушения часто могут быть связаны с необходимостью совмещения

профессиональной деятельности и семейных обязанностей, ввиду чего предотвращение их совершения требует создания благоприятных условий труда, направленных на предоставление беременным и женщинам с детьми дополнительных гарантий соблюдения их прав, что невозможно без проведения тщательного исследования.

Целью данной статьи является проведение всестороннего анализа норм трудового права, регулирующих трудовые отношения с беременными женщинами и женщинами с детьми до 14 лет. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: рассмотреть исторический аспект возникновения и развития трудовых прав женщин; изучить основные положения трудового права Российской Федерации, касающиеся защиты прав беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет; выявить основные проблемы в данной сфере и предложить пути их решения.

Для успешной реализации поставленной цели и задач при проведении исследования нами предполагается использование следующих методов: общенаучные методы, такие как аналитический, диалектический, сравнительно-правовой, историко-правовой, а также частно-научные методы, такие как эмпирические исследования, анализ, синтез и другие.

Говоря об историческом аспекте развития института трудовых прав женщин, в первую очередь отметим, что данный институт является, по историческим меркам, сравнительно молодым, так как, фактически, он начал активно развиваться совсем недавно, с возникновением промышленной революции и переходом от мануфактурной к фабричной промышленности. До этого периода трудовых прав у женщин, фактически, не было, ввиду целого спектра факторов, главными из которых, на наш взгляд, являются недостаточная развитость промышленности и господствующая на тот момент морально-ценностная доктрина, согласно которой женщина считалась хранительницей домашнего очага и во многих случаях была фактически обязана заниматься исключительно домашней работой.

В целом, первые шаги к признанию трудовых прав женщин начались в XIX веке, как уже отмечалось выше, в период промышленной революции.

В это время происходило изменение технологии производства, открытие новых фабрик, и в целом развитие рынка труда, что потребовало изменения традиционных представлений о роли женщин в обществе, ввиду чего женщины начали активно включаться в промышленное производство. Однако условия труда у них были крайне тяжелыми: женщины работали наравне с мужчинами, но получали при этом значительно меньшую заработную плату и не имели никаких гарантий своих не только трудовых, но и общечеловеческих, фундаментальных прав, что часто приводило к дискриминации по половому признаку.

Одним из первых важных документов, представлявших собой попытку решения данной проблемы, стал Закон о фабриках, принятый в Великобритании в 1832 году. Данный правовой акт стал, фактически, первой попыткой законодателя закрепить базовые трудовые права женщин, и в целом регламентировать их трудовую деятельность. Так, данным законом запрещалось использование женского труда в шахтах, однако, никакие другие права женщин данным актом не регламентировались.

Как видно из анализа исторической действительности, основное развитие института трудовых прав женщин происходило в XX веке, который ознаменовался значительными переменами в области трудового права. После Первой мировой войны женщины, заменившие во время войны мужчин на производстве, добились признания своих прав на труд, справедливую оплату, и некоторых других. Кроме того, в середине XX века начали приниматься первые международные документы, направленные на защиту трудовых прав женщин. В данной связи считаем примечательным выделить принятую в 1952 году Конвенцию о защите материнства, которая предусматривала право женщин на оплачиваемый отпуск по беременности и родам, что стало важным шагом к признанию особых потребностей женщин на рабочем месте [3].

Говоря о развитии института трудовых прав женщин в нашей стране, отметим, что в РСФСР трудовые права женщин были официально признаны с самого начала существования советского государства. Конституция РСФСР 1918 года провозгласила равноправие мужчин и женщин во всех областях общественной и экономической жизни [4], а Трудовой кодекс РСФСР 1922 года запретил использование женского труда на тяжелых работах, привлечение женщин к сверхурочным работам в ночное время, отправление в командировки беременных женщин и женщин с детьми [5]. В 1968 году также были введены оплачиваемые отпуска по беременности и родам.

Современные трудовые права беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации (ТК РФ) включают ряд специальных гарантий и компенсаций, направленных на защиту их трудовых интересов и обеспечение благоприятных условий труда. Эти меры охватывают различные аспекты трудовых отношений, начиная от условий труда и заканчивая правами на отпуск и дополнительные гарантии при увольнении. Рассмотрим подробнее эти права и гарантии.

В соответствии с нормами трудового права беременные женщины и женщины до 14 лет обладают широким набором прав и гарантий. В ТК РФ отдельная глава 41 посвящена особенностям регулирования труда женщин и лиц с семейными обязанностями [6]. Ограничение на привлечение к работам с вредными и (или) опасными условиями труда, подземным работам, за исключением нефизических и работ по санитарному и бытовому обслуживанию регулируется статьей 253 ТК РФ. По заявлению беременной женщины, работодатель обязан снизить нормы выработки или перевести её на другую работу, исключающую неблагоприятные производственные факторы, при сохранении среднего заработка по прежней работе (ст. 254 ТК РФ). Это включает запрет на привлечение к работам с вредными или опасными условиями труда, а также на работы, связанные с подъёмом и перемещением вручную тяжестей [6]. Кроме того, беременные женщины имеют право на отпуск по беременности и родам (ст. 255 ТК РФ), продолжительностью 70 календарных дней до родов и 70 календарных дней после родов (в случае осложнённых родов или рождения двух и более детей – 86 и 110 календарных дней соответственно). За период отпуска по беременности и родам выплачивается пособие по государственному социальному страхованию.

Регулирование трудовых отношений с женщинами, имеющими детей в возрасте до 14 лет, также имеет определённые особенности.

Согласно ст. 93 ТК РФ, они имеют право на установление неполного рабочего дня или неполной рабочей недели по их заявлению. При этом оплата труда производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выполненного объема работ. Работодатель не имеет права отказать в установлении такого режима работы [6]. Статья 263 ТК РФ предоставляет одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, право на дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью до 14 календарных дней в год (если это установлено в коллективном договоре), предоставляемый в удобное для женщины время, и его нельзя заменить денежной компенсацией.

Кроме того, Трудовой кодекс Российской Федерации также предусматривает определённый набор льгот для беременных женщин и женщин с детьми, напрямую связанных с их особым статусом и направленных на создание для них благоприятных условий труда.

Так, согласно статье 64 ТК РФ, запрещается отказ в приеме на работу женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей [6]. Статья 70 ТК РФ прямо закрепляет, что беременным женщинам и женщинам с детьми до полутора лет, а также одиноким матерям с детьми до 14 лет (до 18 лет – для детей-инвалидов) испытательный срок не устанавливается.

Женщинам с детьми до полутора лет должны быть предоставлены дополнительные перерывы для кормления детей (ст. 258 ТК РФ), подлежащие оплате в размере среднего заработка.

Беременные женщины и женщины с детьми до трёх лет не могут быть привлечены к работе в ночное время, к сверхурочным работам, а также к работам в выходные и праздничные дни без их письменного согласия (ст. 259 ТК РФ). Также, без их письменного согласия, они не могут быть направлены в служебные командировки.

Однако, в современной действительности, несмотря на наличие чётко прописанных норм в Трудовом кодексе Российской Федерации, защищающих права беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет, на практике существуют значительные проблемы в их реализации.

Нередки случаи дискриминации в сфере труда при приеме на работу. Права граждан, подвергшихся дискриминации в сфере труда, в том числе беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет защищаются в суде, а материальный ущерб, причинённый дискриминацией, подлежит возмещению [6].

Одной из ключевых проблем в данной области является высокая занятость женщин с детьми. Как показывают данные опросов, проводимых СМИ, после рождения ребенка женщина вынуждена выбирать, чему уделять больше внимания: карьере или семье, и, как правило, это ведёт к понижению продуктивной работы женщины, и зачастую негативно сказывается как на рабочей, так и на семейной деятельности [7]. В данной связи работодатель может отказать в трудоустройстве женщинам репродуктивного возраста, опасаясь как возможных расходов, связанных с отпусками по беременности и родам и по уходу за ребенком и обеспечением социальных гарантий, так и снижения производительности труда, возрастания напряжённой обстановки в коллективе и т.д.

Всё ещё существует проблема недостаточного информирования женщин о своих правах. Многие женщины не знают о предоставляемых им законом льготах, что часто приводит к нарушению их прав работодателем. Также, как показывают данные опросов, многие женщины не уверены в том, что могли бы защитить свои права [2].

Для эффективного решения вышеописанных проблем, на наш взгляд, необходимо применить следующие меры.

Во-первых, следует стимулировать работодателя создавать благоприятные условия труда для женщин, создавая для него гибкие условия осуществления деятельности, позволяющие обеспечить качественную реализацию установки адаптивного графика работы для беременных женщин и женщин с детьми до 14 лет. Такой график может включать в себя неполные рабочие дни, с сохранением средней заработной платы, а также различные послабления в работе, снижение нормы общей выработки часов и т.п.

Во-вторых, представляется важным обеспечить развитие инфраструктуры поддержки семей, которая будет включать в себя целый комплекс организаций, созданных для всестороннего развития ребенка без необходимости родительского контроля. В данной связи практическим примером могут служить доступные детские сады, различные игровые зоны, зоны отдыха с детьми, и так далее. На наш взгляд, внедрение такой инфраструктуры позволит женщинам легче совмещать трудовую деятельность и семейные обязанности, что также положительно скажется не только на производительности труда, но и на обстановке в коллективе, и т.п.

Многие российские женщины ориентированы на карьерный рост и успешно сочетают работу с семейными обязанностями и воспитанием детей. Представляется недопустимым отказ работодателей в приеме на работу, допуску к высокооплачиваемым видам деятельности и программам повышения квалификации, а также продвижения по карьерной лестнице на основании соображений пола или семейного положения.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 4356-р утверждена Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы [7], направленная в том числе на создание дополнительных возможностей для самореализации женщин, декларирующая необходимость преодоления профессиональной сегрегации, применения гибких форм занятости; реализации программ поддержки работающих женщин с детьми [7].

Кроме того, стоит также упомянуть, что на сегодняшний день в российском трудовом праве существует такая юридическая фикция, как презумпция осведомленности работодателя о беременности, которая, как уже упоминалось выше, представляет собой юридическую конструкцию, согласно которой работодатель, независимо от фактического знания о беременности работницы, обязан соблюдать все нормы и льготы, предоставляемые законодательством для защиты трудовых прав беременных женщин. Эта презумпция обеспечивает защиту от нарушений, которые могли бы возникнуть из-за сокрытия информации о беременности, а также способствует предотвращению возможной дискриминации в сфере труда.

В целом же, стоит отметить, что концепция презумпции осведомленности исходит из необходимости обеспечения баланса прав и ин-

тересов сторон трудового договора. Данная презумпция означает, что при возникновении трудового спора работодатель не может ссылаться на свое незнание факта беременности как на обстоятельство, освобождающее его от исполнения установленных законодательством обязательств по отношению к беременной работнице.

Говоря же о значении данной юридической конструкции, отметим, что вышеупомянутая презумпция, несмотря на отсутствие в Трудовом кодексе РФ её прямого закрепления, играет важную роль в обеспечении баланса интересов работников и работодателей. Применение этой презумпции обосновывается необходимостью усиленной защиты трудовых прав беременных женщин, а также женщин с детьми до 14 лет, чьи социальные и физические особенности требуют установления дополнительных правовых гарантий, поскольку сама суть презумпции заключается в создании условий, при которых работодатель, независимо от осведомленности о беременности, обязан соблюдать нормы, направленные на защиту таких работниц.

Презумпция осведомленности о беременности позволяет избежать дискриминации, которая может проявляться в форме увольнения, необоснованных переводов или иных ограничений трудовых прав, направленных на защиту здоровья матери и ребенка. Презумпция устанавливает, что при решении трудового спора судебные органы исходят из обязательного выполнения работодателем норм, даже если он не был уведомлен о беременности. Это положение также согласуется с основополагающими правовыми принципами защиты материнства, зафиксированными в Конституции РФ и международных актах.

Говоря же о практике реализации трудовых прав беременных женщин и женщин с детьми до 14-ти лет, отметим, что она весьма разнообразна, и, несмотря на различные гарантии, позволяющие обеспечить их реализацию, в реалиях современной государственно-правовой действительности все еще не редки факты их нарушения со стороны работодателя. Так, распространена практика восстановления на работе беременных работниц, уволенных по соглашению сторон, в том случае, когда на момент подписания соглашения работница не знала о беременности, а после увольнения обращалась к работодателю с просьбой о восстановлении на работе. По такой категории дел суды занимают сторону работника, квалифицируя такое увольнение как увольнение по инициативе работодателя со всеми вытекающими из этого последствиями [9].

В этой связи представляется целесообразным расширить перечень гарантий беременной женщине и лицам с семейными обязанностями при расторжении трудового договора и внести дополнения в ст. 261 ТК РФ в части установления права беременной женщины на отказ от расторжения трудового договора по соглашению сторон в одностороннем порядке.

В заключение отметим, что на сегодняшний день беременные женщины и женщины с детьми до 14 лет обладают широким спектром трудовых прав и гарантий, однако на практике они часто сталкиваются с трудностями их реализации, ввиду чего, на наш взгляд, данный институт нуждается в дальнейшем исследовании и совершенствовании правового регулирования.

Список литературы:

1. Росстат раскрыл соотношение числа мужчин и женщин в России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10989878> (дата обращения: 23.12.2024).
2. ФНПР провела социологическое исследование о соблюдении прав трудящихся женщин [Электронный ресурс]. – URL: <https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/fnpr-provela-sotsiologicheskoe-issledovanie-o-soblyudenii-prav-trudyashchikhsya-zhenshchin.html> (дата обращения: 23.12.2024).
3. Конвенция от 4 июня 1952 г. № 103 Об охране материнства [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27620> (дата обращения: 23.12.2024).
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm#16> (дата обращения: 23.12.2024).
5. Кодекс законов о труде РСФСР [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102093252&backlink=1&&nd=102010128> (дата обращения: 23.12.2024).
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 24.01.2025).
7. В РФ почти 25% опрошенных женщин стали уделять карьере меньше внимания с рождением ребенка [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19929029> (дата обращения 24.12.2024).
8. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436691/ (дата обращения: 29.12.2024).
9. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2023 № 88-25824/2023 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/18803/> (дата обращения: 29.12.2024).

References:

1. Rosstat revealed the ratio of the number of men and women in Russia [Electronic resource]. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10989878> (date of reference: 12/23/2024).
2. FNPR conducted a sociological study on the observance of the rights of working women [Electronic resource]. – URL: <https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/fnpr-provela-sotsiologicheskoe-issledovanie-o-soblyudenii-prav-trudyashchikhsya-zhenshchin.html> (date of request: 12/23/2024).
3. Convention of June 4, 1952 No. 103 On Maternity Protection [Electronic resource]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27620> (date of reference: 12/23/2024).
4. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. Adopted by the V All-Russian Congress of Soviets in a meeting on July 10, 1918 [Electronic resource]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm#16> (date of request: 12/23/2024).
5. The Labor Code of the RSFSR [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102093252&backlink=1&&nd=102010128> (date of reference: 12/23/2024).
6. Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 197-FZ (as amended on 12/28/2024) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of access: 01/24/2025).
7. In the Russian Federation, almost 25% of the surveyed women began to pay less attention to their careers with the birth of a child [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19929029> (accessed 12/24/2024).
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 29, 2022 No. 4356-r "On approval of the National Strategy of Action for Women for 2023–2030" [Electronic resource] // ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436691/ (date of reference: 12/29/2024).
9. Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 12/12/2023 No. 88-25824/2023 [Electronic resource] // ConsultantPlus. – URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/18803/> (date of access: 12/29/2024).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА ON SOME ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE BANK DEPOSIT CONTRACT

БАШТОВОЙ Сергей Вячеславович,
ассистент кафедры «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
ул. Университетская, 33, г. Севастополь, 299053, Россия.
E-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru;

BASHTOVOY S.V.,
assistant of the Department of Civil Law and Process, Sevastopol State University.
33 Universitetskaya St., Sevastopol, 299053, Russia.
E-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

Краткая аннотация: В научной статье автором поднимается достаточно значимый как для науки, так и для практики вопрос, посвященный правовому регулированию договора банковского вклада в Российской Федерации. Используя теоретические методы в виде анализа действующего законодательства и доктрины права, автором дана правовая характеристика договора банковского вклада путем сравнения его с другими договорными конструкциями, а также исследованы отдельные правовые аспекты защиты прав вкладчиков. Разработаны предложения по совершенствованию законодательного регулирования исследуемого гражданско-правового института в Российской Федерации.

Abstract: In a scientific article, the author raises a question that is quite important for both science and practice, concerning the legal regulation of a bank deposit contract in the Russian Federation. Using theoretical methods in the form of an analysis of current legislation and the doctrine of law, the author provides a legal description of a bank deposit contract by comparing it with other contractual structures, as well as examines certain legal aspects of protecting depositors' rights. Proposals have been developed to improve the legislative regulation of the civil law institute under study in the Russian Federation.

Ключевые слова: банковский вклад, банковский счёт, договор займа, вкладчики, потребитель.
Key words: bank deposit, bank account, loan contract, depositors, consumer.

Для цитирования: Баштовой С.В. О некоторых аспектах правового регулирования договора банковского вклада // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 323-325. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_323.

For citation: Bashtovoy S.V. On some aspects of the legal regulation of the bank deposit contract // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 323-325. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_323.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2025
Дата публикации: 30.04.2025

Многочисленные дискуссии в доктрине права, посвященные правовой природе договора банковского вклада, его роли в современном гражданском обороте, а также весьма значительной судебной практикой говорят об актуальности исследования вышеуказанного гражданско-правового института. Целью исследования является анализ позиций исследователей по данной проблематике, а также действующего законодательства с перспективой его дальнейшего усовершенствования.

На сегодняшний день, в связи с непростой ситуацией на политической арене, стремительными переменами в экономике государства, а также стремительным развитием информационных технологий, современное общество всё более нуждается в надлежащем правовом регулировании рынка финансовых услуг, да и банковской системы в целом.

Банковские вклады выступают надежным источником формирования кредитных ресурсов банка. По данным Агентства по страхованию вкладов (далее «АСВ») «общая сумма подлежащих страхованию денежных средств, размещенных в банках Российской Федерации по договорам банковского счета и банковского вклада за 9 месяцев 2024 года составила 70 трлн. руб., увеличившись с января по сентябрь 2024 года на 16,6 %, что является максимальным приростом за последние 14 лет». [7] Перечисленные выше данные подчеркивают социально-экономическую значимость и востребованность исследуемого договора в современных реалиях.

В свою очередь, отсутствие единой доктринальной позиции о правовой природе отношений по вкладам, а также наличие пробелов в действующем законодательстве, содержащих соответствующие нормы, даёт «зелёный свет» для многочисленных дискуссий, связанных с исследуемым гражданско-правовым институтом.

Нельзя не согласиться с мнением Афанасьева А.Б., который в своём диссертационном исследовании, посвященном договору банковского вклада, указывает на недостаточность теоретических исследований института банковского вклада, наличие пробелов в законодательстве, которые выражаются в отсутствии четкого разделения договора банковского вклада и банковского счета, а также присутствие конкуренций между нормами банковского и гражданского законодательства. Указанные изъяны создают преграды для правильного применения правовых норм и в конечном итоге приводят к неэффективной судебной защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов вкладчиков. [11, с. 5]

В доктрине права сложилась тенденция рассматривать договор банковского вклада в четырех ипостасях, а именно: как договор иррегулярного хранения; как разновидность договора займа; как разновидность договора возмездного оказания услуг и как договор sui generis. [9, с. 281]

Рассмотрим более детально каждую из вышеуказанных позиций. Но сперва, хотелось бы отметить, что из себя представляют отноше-

ния, вытекающие из договора банковского вклада.

Договор банковского вклада законодатель определяет как «соглашение между банком и вкладчиком, в рамках которого вкладчик передает банку денежную сумму (т.е. вклад), а банк по истечении установленного срока либо по требованию клиента обязуется возратить поступившую сумму, а также выплатить проценты за весь период пользования средствами вкладчика». [1]

М.М. Агарков, давая правовую характеристику договору банковского вклада, указал на тот факт, что срочный вклад необходимо рассматривать как договор займа, а вклад до востребования как иррегулярную поклажу. И, на первый взгляд, с указанной позицией нельзя не согласиться, ведь одной из основных целей заключения договора банковского вклада является, в первую очередь, сохранение финансовых активов вкладчиков. [8, с. 83]

Нельзя не согласиться с позициями исследователей относительно различий договоров займа и банковского вклада. Авторы указывают, что такие различия проявляются в следующем: 1) наличие особого субъекта в отношениях по вкладам в виде банка, уполномоченного на совершение банковских операций на основании лицензии; 2) в отличие от обычного договора займа, в договоре банковского вклада банк, как заемщик, не наделен всей триадой правомочий по отношению к отчуждаемой вещи; 3) присутствие публично-правового элемента в договоре банковского вклада, в частности – функция надзора Банка России за осуществлением таких операций. [8, с. 87]

Рискнем предположить, что с правовой точки зрения договор банковского вклада схож не с классическими заемными отношениями, а скорее с кредитным договором. Данный вывод основывается на следующих признаках: 1) наличие в рассматриваемых договорных конструкциях особого субъекта в виде банка или иной кредитной организации; 2) право собственности на отчуждаемую вещь принадлежит банку, ну или вкладчику, в соответствии с договором банковского вклада; 3) контроль за совершаемыми банком операциями со стороны Банка России. Таким образом, прослеживается некое сходство между договором банковского вклада и кредитными правоотношениями. Они строятся по схожему принципу, только в первом случае в роли займодавца выступает не банк, а сам вкладчик.

Одной из основных целей заключения договора банковского вклада является сохранение своих собственных накоплений. Как следствие в доктрине возникла идея отождествления исследуемого договора с договором хранения. Однако, необходимо заметить, что существенным условием договора хранения является его предмет, т.е. передача вещей (материальных объектов), как правило индивидуально-определенных, что противоречит правовой природе договора банковского вклада, где прослеживается движение денежных средств, которые в современном гражданском обороте принято относить к вещам, определяемым родовыми признаками. Как справедливо указывает Ефимова Л.Г., что, «поскольку указанные денежные средства поступают на банковский счёт преимущественно в безналичной форме, то и результатом будет не передача вещей, а движение обязательств». [8, с. 88] Рискнем предположить, что и предметом договора банковского вклада должны выступать не денежные средства в роли вещи, а денежные средства как имущественное право. Считаем весьма обоснованной позицию Суханова Е.А., выделяющего в качестве объекта договора хранения не просто индивидуально-определенную вещь, а индивидуально-определенное движимое имущество. Поэтому и не предоставляется возможным рассматривать учёт имущественных прав в форме безналичных денежных средств на депозитных счетах как хранение. [10, с. 104]

Рассматривая договор банковского вклада, мы наблюдаем, что его заключение сопровождается открытием специального депозитного счёта в банке, который является разновидностью банковского счёта. Поэтому и имеются соответствующие положения о применении главы 45 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) к отношениям по вкладам, ну и, как следствие, аргументов в пользу отождествления вышеуказанных договорных конструкций в доктрине права. И, казалось бы, нет оснований отрицать взаимосвязь договора банковского вклада и банковского счёта, однако, в тот же момент указанные правоотношения имеют различную правовую природу и предмет, что в свою очередь позволяет квалифицировать их как два самостоятельных договора.

Анализируя вышеуказанное, необходимо подчеркнуть, что несмотря на имеющиеся сходства в правовой природе между рассматриваемыми гражданско-правовыми соглашениями, наблюдаются также и достаточно весомые различия, которые позволяют обособить исследуемый договор от остальных договорных конструкций, с которыми в доктрине права его отождествляют.

Согласно Федеральному закону от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», право осуществлять услуги по привлечению денежных средств во вклады принадлежит исключительно банку, имеющим соответствующую лицензию, выданную ему Банком России. [2] В других странах, в частности в Республике Беларусь действует несколько иная практика в сфере банковских услуг, что проявляется в наличии права не только банков, но и других кредитно-финансовых организаций осуществлять услуги по привлечению денежных средств во вклады. [6] Указанный факт, в свою очередь, предоставляет вкладчикам более широкий выбор возможностей при заключении исследуемого договора.

Весьма дискуссионным, как на практике, так и в доктрине права, остается вопрос защиты прав вкладчиков. Считаем, что грамотно выстроенная правовая регламентация защиты прав и интересов вкладчиков является ключевым фактором при заключении соответствующих договоров. Такая регламентация, выражающаяся в предоставлении вышеуказанным субъектам необходимых гарантий защиты их прав, позволит создать уверенность в надежности банковской системы Российской Федерации и тем самым будет способствовать привлечению денежных средств в банковский сектор экономики. На наш взгляд, в подобной защите нуждаются все вкладчики – физические лица и индивидуальные предприниматели, поскольку предполагается, что они относятся к наиболее уязвимой категории вкладчиков, а также юридические лица.

Правовую основу защиты прав вкладчиков составляют: Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». Важным аспектом, подлежащим обсуждению на практике, является вопрос применения положений Федерального закона от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) "О защите прав потребителей" (далее

ФЗ «О защите прав потребителей») к отношениям по вкладам. Стоит подчеркнуть, что для того, чтобы споры, в которых участвует гражданин, попадали под действие вышеуказанного закона, необходимо, чтобы товары, услуги и работы приобретались исключительно для удовлетворения своих личных потребностей, не связанных с предпринимательской деятельностью. [3]

Однако, при разрешении вышеуказанных споров в сфере банковских услуг суды занимают различные позиции: одни применяют положения ФЗ «О защите прав потребителей», другие считают, что положения главы 44 и 45 ГК РФ являются специальными по отношению к вышеуказанному закону, и как следствие, при возникновении коллизий применять необходимо исключительно нормы ГК РФ. Однако Верховный Суд РФ в Постановлении от 28.07.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъясняет, что «поскольку отношения по договору банковского вклада регулируются и специальными законами РФ, то и применение ФЗ «О защите прав потребителей» осуществляется в части, не урегулированной специальными законами». [4]

Тем не менее, при разрешении вышеперечисленных коллизий считаем необходимым применять положения ФЗ «О защите прав потребителей» в тех случаях, когда имеется наличие специального субъекта, в лице физического лица – потребителя, который, как правило, относится, как уже ранее отмечалось, к более уязвимой категории вкладчиков. Применение вышеуказанного закона к отношениям по вкладам позволит побудить банки исполнять взятые на себя обязанности надлежащим образом в соответствии с условиями обязательств и требованиями закона, что, в свою очередь, приведет, во-первых, к росту доверия со стороны вкладчиков, во-вторых, к повышению стабильности банковской системы в целом.

Подтверждением факта применения ФЗ «О защите прав потребителей», а именно главы III к отношениям по вкладам, служит Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.12.2013 № 56-КГ13-11. В контексте сказанного, Верховный Суд РФ подчеркивает, что если гражданин или физическое лицо заключает договор банковского вклада и имеет намерение приобрести товары (работы или услуги) для личных нужд, а не для предпринимательской деятельности, то это лицо считается потребителем финансовых услуг банка и в таком случае необходимо применять ФЗ «О защите прав потребителей». [5] С учетом этого разъяснения полагаем, что норму, предусмотренную ст. 856 ГК РФ, следует рассматривать не как специальную, а наоборот, как общее положение ГК РФ об ответственности банка за ненадлежащее выполнение операций по счету.

Проведя анализ договора банковского вклада, стоит отметить, что договор банковского вклада необходимо рассматривать как самостоятельную договорную конструкцию, поэтому ему и выделяется отдельное место в Гражданском кодексе Российской Федерации. Однако, в тот же момент, глава 44 ГК РФ, на наш взгляд, требует изменений, в виде установления ответственности банка за несвоевременный возврат вклада, а также за внесение вклада неправомочным лицом.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Принят Государственной Думой 22.12.1995г. СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон "О банках и банковской деятельности" от 02.12.1990г. № 395-1. СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 07.02.1992г. № 2300-1 "О защите прав потребителей". СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2012г. № 17 "О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей". СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.12.2013г. № 56-КГ13-11. СПС КонсультантПлюс.
6. Банковский кодекс Республики Беларусь от 25.10.2000г. № 441-3 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://minfin.gov.by/upload/depce/acts/bank_kodeks.pdf (дата обращения: 19.01.2025).
7. Мониторинг застрахованных вкладов за 9 месяцев 2024 года. - Данные Агентства по страхованию вкладов [Электронный ресурс]. - режим доступа: <https://www.asv.org.ru/news/999286> (дата обращения: 19.01.2025).
8. Ефимова Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография. - Москва: Проспект, 2024. - 432с. - (Серия Банковские сделки"). ISBN: 978-5-392-42425-2 EDN: AGYNRX
9. Ефимова Л.Г. Денежные обязательства и финансовые сделки: учебник для магистратуры/ вступ. ст. Л.А. Новоселовой. - Москва: Проспект, 2024. - 672с. ISBN: 978-5-392-40382-0 EDN: CLIGKB
10. Гражданское право. Том IV Отдельные виды обязательств: учебник: в 4 т./ отв. ред. Е.А. Суханов. - 2-е изд. перераб. и доп. - Москва: Статут, 2020.
11. Афанасьев А.Б. Договор банковского вклада в российском гражданском праве: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. - Ульяновск, 2021 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010770575?page=5&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 19.01.2025). EDN: VVHYJX

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation. Part two. Adopted by the State Duma on 22.12.1995. SPS ConsultantPlus.
2. Federal Law "On Banks and Banking Activities" dated 02.12.1990 No. 395-1. SPS ConsultantPlus.
3. Federal Law No. 2300-1 dated 07.02.1992 "On Consumer Rights Protection". SPS ConsultantPlus.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 28, 2012 No. 17 "On Consideration by Courts of Civil cases on Consumer Rights Protection disputes". SPS ConsultantPlus.
5. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.12.2013 No. 56-KG13-11. SPS ConsultantPlus.
6. Banking Code of the Republic of Belarus No. 441-3 dated 10/25/2000 [Electronic resource]. - Access mode: https://minfin.gov.by/upload/depce/acts/bank_kodeks.pdf (date of request: 19.01.2025).
7. Monitoring of insured deposits for 9 months of 2024. - Data from the Deposit Insurance Agency [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.asv.org.ru/news/999286> (date of request: 19.01.2025).
8. Efimova L.G. Bank deposit and bank account agreements: monograph. - Moscow: Prospekt, 2024. - 432c. - (Series of Bank transactions").
9. Efimova L.G. Monetary obligations and financial transactions: textbook for graduate studies/ introductory article by L.A. Novoselova. - Moscow: Prospekt, 2024. - 672s.
10. Civil law. Volume IV Certain types of obligations: textbook: in 4 volumes/ ed. by E.A. Sukhanov. - 2nd ed. reprint. and an additional one - Moscow: Statute, 2020.
11. Afanasyev A.B. Bank deposit agreement in Russian civil law: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. Ulyanovsk, 2021 [Electronic resource]. - Access mode: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010770575?page=5&rotate=0&theme=white> (date of request: 19.01.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_326

УДК 347.515.6

ИСКОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ОТНОШЕНИЙ ПАЦИЕНТА С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ CLAIMS ARISING FROM THE PATIENT'S RELATIONSHIP WITH THE PLASTIC SURGERY CLINIC

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.

Email: ur-fin@mail.ru;

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer.
191187, St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6A.

Email: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассмотрены особенности исковых требований, вытекающих из отношений пациента с клиникой пластической хирургии. Выяснены документы, которые прилагаются к иску в подтверждение исковых требований. Установлено, что по данной категории споров в судах экспертное заключение имеет решающее значение. Если из него следует, что при оказании медицинской помощи ответчик допустил дефекты и имеется причинно-следственная связь между ними и наступившим вредом здоровью, судом будет признано, что истцу оказана некачественная услуга. Раскрыты условия привлечения клиники судом к гражданско-правовой ответственности. Также при повреждении здоровья возмещению подлежат доказанные убытки, понесенные пациентом. Установлено, что врачи все чаще проигрывают судебные споры в случаях, когда не уделяют должного внимания описанию в информационных согласиях возможных рисков и осложнений (деформаций, инфекций и проч.), особенностям конкретного пациента. Выявлено, что в случае если заключением экспертизы не будет подтверждено наличие дефектов медицинской помощи, либо их связь с наступившим вредом, в иске будет отказано. Отмечено, что пациент в иске не обязан доказывать наличие морального вреда, поскольку вред жизни или здоровью априори сопровождается душевными страданиями.

Abstract. The article examines the specifics of claims arising from the patient's relationship with the plastic surgery clinic. The documents that are attached to the claim in support of the claims have been clarified. It has been established that expert opinion is crucial for this category of disputes in the courts. If it follows from it that the defendant has made defects in the provision of medical care and there is a causal relationship between them and the resulting harm to health, the court will recognize that the plaintiff has provided substandard service. The conditions of bringing the clinic to civil liability by the court are disclosed. Also, in case of damage to health, proven losses incurred by the patient are subject to compensation. It has been established that doctors are increasingly losing court disputes in cases where they do not pay due attention to the description in information agreements of possible risks and complications (deformities, infections, etc.), the characteristics of a particular patient. It was revealed that if the expert opinion does not confirm the presence of defects in medical care or their connection with the harm that has occurred, the claim will be denied. It is noted that the patient in the claim is not obliged to prove the existence of moral harm, since harm to life or health is a priori accompanied by mental suffering.

Ключевые слова: клиника пластической хирургии, хирург, пациент, суд, операция, судебно-медицинская экспертиза.

Keywords: plastic surgery clinic, surgeon, patient, court, operation, forensic medical examination.

Для цитирования: Ястремский И.А. Исковые требования, вытекающие из отношений пациента с клиникой пластической хирургии // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 326-329. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_326.

For citation: Yastremsky I.A. Claims arising from the patient's relationship with the plastic surgery clinic // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 326-329. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_326.

Статья поступила в редакцию: 18.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В настоящее время увеличилось количество исков по так называемым «врачебным делам». Большую часть из них составляют иски пациентов к клиникам о возмещении вреда здоровью и морального вреда, причиненных некачественным оказанием медицинских услуг.

При этом у истцов на практике возникают проблемы с доказыванием факта ненадлежащего качества проведенных операций, вины медицинских организаций в этом, а также несения связанных с этим убытков.

Объект исследования - общественные отношения, складывающиеся при рассмотрении судами исковых заявлений пациентов к клиникам пластической хирургии (далее – клиника).

Его результаты могут быть использованы при формулировании, обосновании, отстаивании в судах исковых требований пациентов.

Основной категорией рассматриваемых споров являются споры по искам пациентов о взыскании стоимости некачественно оказанных медицинских услуг. В случае неоказания пластическим хирургом вследствие своей некомпетентности (халатности) надлежащей медицинской помощи, пациент может обратиться в суд.

Иск предъявляется к клинике пластической хирургии, с которой заключен договор. Особенностью юридической ответственности за причинение вреда пациенту вследствие ненадлежащего оказания медицинских услуг является то, что ответчиком в данном случае выступает медицинская организация, а не врач, допустивший дефект врачевания. Наступившие негативные последствия устраняются через возмещение имущественного ущерба и компенсацию морального вреда ответчиком [11, с. 195-202].

В подтверждение факта оказания некачественных услуг к иску прилагаются следующие документы:

1. Медицинские документы: медицинская карта, результаты анализов, исследований и заключения врачей.
2. Документы о проведенной операции: протоколы, рекомендации врачей по лечению.
3. Доказательства ущерба: фото или видео, подтверждающие состояние здоровья пациента до и после операции, полученные

осложнения.

4. Переписка с клиникой, включая претензии, жалобы, рекомендации.
5. Заключение экспертизы, содержащее оценку качества услуги и указание на ее недостатки.

В случае проведения повторной операции, вынужденного несения иных дополнительных расходов, необходимо приложить документы, подтверждающие эти обстоятельства: копии договора, чеков об оплате операции, покупки лекарств и пр., заключений врача.

Доказательством врачебной некомпетентности (халатности) в суде является заключение независимой экспертизы. В ходе рассмотрения судом дела для установления характера и степени причиненного вреда здоровью и причинно-следственной связи между действиями врача и причиненным вредом необходимы медицинские познания.

При этом медицинские специалисты, в отличие от пациентов, обладают медицинскими познаниями, что дает ответчикам определенное преимущество и может повлечь их уклонение от ответственности. Поэтому для данной категории дел ключевое значение для справедливого и объективного разрешения дела имеет судебно-медицинская экспертиза.

Соответственно, заключение экспертизы является основным доказательством вины клиники в причинении вреда здоровью.

Так, Голованова Т.Н. обратилась в суд с иском к ГБУЗ Калужской области «Калужская областная клиническая больница», в котором просила возместить причиненный истцу вред здоровью в размере 500 000 рублей, взыскать стоимость некачественной медицинской услуги в размере 42 737 рублей, компенсацию морального вреда, штраф. Решением суда исковые требования удовлетворены.

Согласно заключению экспертов, комиссия экспертов пришла к следующим выводам:

1. Объем услуг в рамках заключенного договора года, в том числе, по проведению пластической операции, не соответствует заявленному в медицинской документации.

2. Исходя из протокола операции, операция по резекции костно-хрящевой спинки носа и исправлению оси носа соответствуют требованиям, предъявляемым к подобного рода операциям. Однако технически правильно выполненные этапы операции не соответствовали пожеланиям пациентки и привели к ухудшению профильной линии носа. Ось носа (анализируется по анфасным фото) до операции искривлена вправо. При комиссионном осмотре пациента также указывает, что ось носа была смещена вправо.

После операции смещение оси носа сохранилось, но только в противоположенную сторону (влево), что не улучшило форму носа. Следовательно, пожелания пациентки исправить положение оси носа (исходя из искового требования) не было достигнуто.

3. Присутствующее осложнение связано с выбором метода хирургического вмешательства и отсутствием правильного соблюдения послеоперационного периода.

Заявленные истцом послеоперационные осложнения, а именно «вмятины» на спинке носа, присутствуют и представляют собой эстетический дефект, который приносит моральный дискомфорт истцу, Головановой Т.Н. Функциональные расстройства дыхания, заявленные истцом, отсутствуют, что подтверждается результатами дополнительных исследований.

4. У Головановой Т.Н. ухудшения состояния здоровья и нарушения анатомической целостности и физиологической функции органов не имеется, поэтому вред здоровью причинен не был. Можно говорить только об эстетически неблагоприятном результате операции.

Суд пришел к выводу о том, что медицинские услуги оказаны ответчиком ненадлежащим образом (установлены как дефекты оформления медицинской документации, так и при выполнении медицинских манипуляций), при этом вред здоровью истца не причинен. Исходя из изложенного суд взыскал с ответчика в пользу истца компенсацию морального вреда. Дополнительным решением с ответчика взыскана в пользу истца уплаченная по договору денежная сумма. Соответственно, исковые требования были удовлетворены [3].

Бремя доказывания качества услуг лежит на медицинских организациях. При этом для привлечения клиники к ответственности должна быть также установлена ее вина. Вина медицинского работника (врача) выступает субъективным основанием ответственности медицинской организации [10, с. 169].

Поскольку в отношениях с клиникой пластической хирургии пациент выступает потребителем, то суд при удовлетворении иска может взыскать с ответчика штраф в размере 50 % присужденной суммы.

Суды по-разному решают вопрос о взыскании штрафа. Во многих случаях суды приходили к выводу, что клиника была вправе не выплачивать деньги в досудебном порядке:

- пациент требовал компенсацию морального вреда, а ее размер по закону определяет суд;
- чтобы установить правомерность требований пациента, проводилась судебно-медицинская экспертиза.

Так, пациент подал иск из-за отторжения имплантов. Экспертиза выявила нарушения при их установке. Суд: клиника должна выплатить компенсацию морального вреда и штраф. 1-й КСОЮ, что штраф взыскивать нельзя:

- вопрос о качестве медпомощи решался в суде;
- пациент требовал компенсацию морального вреда, а ее размер определили после анализа всех обстоятельств и выводов экспертизы

[1].

Есть и противоположная практика. Экспертиза выявила дефекты диагностики. Суд взыскал с клиники компенсацию морального вреда и штраф [2]. 1-й КСОЮ решение поддержал.

Нужно учесть, что удовлетворение требований в период рассмотрения дела не освободит клинику от штрафа, если пациент не откажется от иска.

При повреждении здоровья пациент в иск включает требования о возмещении убытков, понесенных пациентом:

- реальный ущерб – стоимость оплаченных услуг по договору, стоимость услуг другой клиники для устранения недостатков первоначальных услуг, повреждение имущества, например, трансплантата;
- утраченный пациентом доход;
- вынуждено понесенные затраты, например, на покупку медицинских препаратов, повторную операцию.

Так, выявлены дефекты медицинской помощи при выполнении клиникой эндопротезирования и мастопексии. В связи с этим, требования истца о взыскании уплаченной за первоначальную операцию ненадлежащего качества суммы в размере 119 025 руб. суд признал обоснованными.

Взысканию с ООО подлежал также утраченный заработок пациентки за период вынужденный нетрудоспособности.

После операции у ФИО1 выявлено два осложнения здоровья пациента, которые, согласно заключению экспертов, обусловлены допущенными ошибками врача. Поскольку повторная операция явилась следствием первой и она была необходима для устранения негативных последствий и недостатков первой операции, проведенной ответчиком, суд обязал клинику возместить истцу денежные средства, израсходованные на консультации и повторную операцию. В итоге судом требования истца были удовлетворены [8].

При недоказанности дефектов операции в иске о компенсации, как правило, отказывают [9].

По одному из дел суд отказал в иске, так как заключением экспертизы было установлено, что лечение проведено правильно, а рубец - следствие заживления операционной раны и не может расцениваться как вред здоровью истца [4].

По другому делу в ходе судебных разбирательств были проведены две экспертизы. Операция предполагала осложнение, о чем была пациентка своевременно проинформирована, и ею было дано добровольное согласие на хирургическое вмешательство. Соответственно, связь между действиями медперсонала и неблагоприятным исходом операции не была выявлена. В связи с этим в удовлетворении требований Л. о взыскании компенсации морального вреда отказали.

Также имеет значение, все ли необходимые меры клиникой были приняты, чтобы медицинское вмешательство было надлежащим, ли предотвращено причинение вреда здоровью пациента [12, с. 105-112].

В случае если заключением экспертизы не будет подтверждено наличие дефектов медицинской помощи либо их связь с наступившим вредом, в иске будет отказано. При этом судами уделяется внимание фиксации клиникой в добровольном информированном согласии на выполнение операции ее возможных рисков.

Так, Гвоздецкая Ю.В. обратилась в суд с иском к ООО «МКЦ «Арт-Медика» о взыскании уплаченных по договорам денежных средств в размере 203 000,00 руб., убытков в размере 71 116,38 руб., неустойки, компенсации морального вреда, штрафа за отказ в добровольном удовлетворении требований потребителя.

В условиях стационара под наркозом была выполнена маммопластика (эндопротезирование) молочных желез общей стоимостью 203 700,00 руб. Из искового заявления следует, что позже у Гвоздецкой Ю.В. появились сильные боли.

Из заключения судебной экспертизы следует, что дефектов организации медицинской помощи, диагностики и лечения на этапе оказания медицинской помощи Гвоздецкой Ю.В. в ООО «МКЦ «Арт-медика» экспертной комиссией не выявлено: у Гвоздецкой Ю.В. после проведенной операции в ООО «МКЦ «Арт-медика» по эндопротезированию молочных желез развилась капсульная контрактура справа, которую можно считать допустимым осложнением послеоперационного периода подобного рода вмешательств. Техника выполнения операции была правильной, был выбран адекватный вид имплантата (текстурированный). Возможность указанного выше осложнения была оговорена в заявлении о добровольном информированном согласии на выполнение хирургической операции, которое подписала Гвоздецкая Ю.В.

Суд, руководствуясь результатами судебной медицинской экспертизы, показаниями экспертов в судебном заседании, пришел к выводу об отказе в удовлетворении иска, поскольку факт проведения некачественной операции не доказан [5].

Магомедова М.М. предъявила в суд исковые требования о взыскании с клиники денежных средств за некачественную оказанную услугу, штрафа, компенсации морального вреда.

Допрошенный в суде эксперт врач пояснил, что нет ни субъективного, ни объективного определения красоты; нос истца после операции относительно ровный, большой кривизны, обезображивающего эффекта и оснований для применения высокотехнологичных исследований не усмотрел; оценить нос с эстетической стороны не может, поскольку это субъективная оценка; считает, что нос ровный, осложнений не имеет, вред здоровью не причинен.

Суд пришел к выводу, что оснований для удовлетворения требований не имеется, поскольку вины ответчика в причинении истцу Магомедовой М.М. вреда здоровью некачественно проведенной операцией установлено не было.

Из заключения судебной экспертизы следует, что медицинская помощь, отмеченная в медицинской карте в соответствии с установленным истцу диагнозом, оказывалась правильно. Каких-либо данных, свидетельствующих о причинении вреда здоровью Магомедовой М.М., не имеется.

В связи с изложенным, в удовлетворении иска было отказано [6].

В иске к клинике пластической хирургии истец, как правило, также просит взыскать с ответчика моральный вред, причиненный клиникой ненадлежащим оказанием медицинской помощи, и выражающийся, в частности, в физической боли, заболевании, возникшем вследствие нравственных страданий, переживаниях из-за возникших ограничений в жизни.

При этом пациент в иске не обязан доказывать наличие морального вреда, поскольку вред жизни или здоровью априори сопровождается душевными страданиями. Вопрос состоит лишь в его размере.

Так, исполнителем выполнена абдоминопластика. Согласно выводов комиссии экспертов, следует, что у ФИО2 установлены недостатки проведенной абдоминопластики, включающие дефекты диагностики и техники операции и особенности индивидуальной реакции тканей на операционную травму. В рассматриваемом случае имеет место недостижение запланированного эстетического результата, который является основной целью данной пластической операции. Это обусловлено как допущенными дефектами диагностики и техники операции, так и индивидуальными реакциями тканей пациентки на оперативное вмешательство.

Соответственно, выводами комиссии судебных экспертов установлен дефект техники выполнения пластической операции. Суд установил размер компенсации морального вреда 30 000 руб., с учетом характера нравственных страданий, степени вины ответчика и наличия у истца негативного эстетического эффекта [7].

Таким образом, в своих исковых требованиях пациент должен изложить обстоятельства причинения вреда его здоровью вследствие некачественно оказанных клиникой услуг, вины клиники в этом и подтвердить это соответствующими доказательствами. Заключение экспертизы является основным доказательством вины клиники в причинении вреда здоровью. При повреждении здоровья пациент должен указать понесенные убытки. В случае если заключением экспертизы не будет подтверждено наличие дефектов медицинской помощи, либо их связь с наступившим вредом, в иске будет отказано.

Список литературы:

1. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2024 по делу N 88-12034/2024 (УИД 31RS0002-01-2020-004287-98) // СПС "Консультант Плюс".
2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2024 по делу N 88-12034/2024 (УИД 31RS0002-01-2020-004287-98) // СПС "Консультант Плюс".
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.10.2023 № 88-25942/2023 (УИД 64RS0048-01-2022-000965-43) // СПС "Консультант Плюс".
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Калужского областного суда от 20.10.2023 по делу 33-3417/2023. URL: <https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/78331871>.
5. Апелляционное определение Мосгорсуда от 10 марта 2021 г. № 33-9873/2021// СПС "Консультант Плюс".
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Челябинского областного суда от 28.11.2023 по делу 11-14869/2023. URL: <https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/79047307>.
7. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Астраханского областного суда от 13.12.2023 по делу № 33-4598/2023. URL: <https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/79316636>.
8. Решение Раменского городского суда Московской области № 2-2102/2023 2-2102/2023-М-1398/2023 М-1398/2023 от 2 ноября 2023 г. по делу № 2-2102/2023. URL: sudact.ru.
9. Решение Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 2-5801/2019 2-8/2020 2-8/2020(2-5801/2019;)-М-4725/2019 М-4725/2019 от 7 февраля 2020 г. по делу № 2-5801/2019. URL: sudact.ru.
10. Решение Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 2-5801/2019 2-8/2020 2-8/2020(2-5801/2019;)-М-4725/2019 М-4725/2019 от 7 февраля 2020 г. по делу № 2-5801/2019. URL: sudact.ru.
11. Кратенко М.В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 240 с. // СПС "Консультант Плюс".
12. Матвеев Г. К основаниям гражданско-правовой ответственности. - М.: Юрид.лит. - 1970. 311 с.
13. Сурков А.Н., Агарков Б.В. Ответственность медицинских организаций за причинение вреда здоровью (на основе судебной практики) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 195-202. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-5-195-202 EDN: TZMYVV
14. Шакирова Э. Компенсации пациентам и их родственникам после операций - анализ споров // Жилищное право. 2023. № 12. С. 105-112.

References:

1. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 04/15/2024 in case No. 88-12034/2024 (UID 31RS0002-01-2020-004287-98) // SPS Consultant Plus.
2. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 04/15/2024 in case No. 88-12034/2024 (UID 31RS0002-01-2020-004287-98) // SPS Consultant Plus.
3. Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction dated 04.10.2023 No. 88-25942/2023 (UID 64RS0048-01-2022-000965-43) // SPS "Consultant Plus".
4. The appeal ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Kaluga Regional Court dated 10/20/2023 in the case 33-3417/2023. URL: <https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/78331871>.
5. Moscow City Court's Appeal ruling dated March 10, 2021 no. 33-9873/2021// SPS Consultant Plus.
6. Appeal ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Chelyabinsk Regional Court dated 11/28/2023 on case 11-14869/2023. URL: <https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/79047307>.
7. The appeal ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Astrakhan Regional Court dated 12/13/2023 in case No. 33-4598/2023. URL: <https://xn-90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn-p1ai/79316636>.
8. Decision of the Ramenskoye City Court of the Moscow region No. 2-2102/2023 2-2102/2023 -M-1398/2023 M-1398/2023 dated November 2, 2023 in case No. 2-2102/2023. URL: sudact.ru.
9. Decision of the Kirovsky District Court of Ufa, Republic of Bashkortostan № 2-5801/2019 2-8/2020 2-8/2020(2-5801/2019;)-M-4725/2019 M-4725/2019 dated February 7, 2020 in case No. 2-5801/2019. URL: sudact.ru.
10. Decision of the Kirovsky District Court of Ufa, Republic of Bashkortostan № 2-5801/2019 2-8/2020 2-8/2020(2-5801/2019;)-M-4725/2019 M-4725/2019 dated February 7, 2020 in case No. 2-5801/2019. URL: sudact.ru.
11. Kratenko M.V. Harm caused by medical intervention: problems of compensation and prevention (comparative legal study). Moscow: NORM, INFRA-M, 2024. 240 p. // SPS "Consultant Plus".
12. Matveev G. On the grounds of civil liability. Moscow : Yurid.lit.- 1970. 311 p.
13. Shakirova E. Compensation for patients and their relatives after surgery - dispute analysis // Housing law. 2023. No. 12. Pp. 105-112.
14. Surkov A.N., Agarkov B.V. Responsibility of medical organizations for causing harm to health (based on judicial practice) // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2023. № 5 (154). Pp. 195-202.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_330

УДК 341.9

ЗНАЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

THE IMPORTANCE OF PUBLIC INTERESTS IN CROSS-BORDER PRIVATE LAW RELATIONS: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

КОНЮШОК Александр Владимирович,

доцент кафедры «Финансовое и банковское право»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: 9781369777@mail.ru;

KONYUSHOK Alexander Vladimirovich,

Associate Professor of the Department of Financial and Banking Law
of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Sevastopol State University".
299053, Russia, Sevastopol, Universitetskaya str., 33.
E-mail: 9781369777@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу теоретико-методологических аспектов определения понятия и значения публичных интересов как категории трансграничных частноправовых отношений. Показано, что принципиальной основой возможности применения российскими судами зарубежного частного права в делах с иностранным элементом является приоритет публичного правопорядка, а также соблюдение взаимности со стороны компетентных органов соответствующего иностранного государства по отношению к российским контрагентам.

Abstract: The article analyzes the theoretical and methodological aspects of defining the concept and meaning of public interests as a category of cross-border private law relations. It is shown that the fundamental basis for the possibility of Russian courts applying foreign private law in cases with a foreign element is the priority of public law and order, as well as respect for reciprocity on the part of the competent authorities of the relevant foreign state in relation to Russian counterparties.

Ключевые слова: публичные интересы, публичный правопорядок, оговорка о публичном порядке, частноправовые отношения, международное частное право, взаимность, иностранный элемент, государственный суверенитет.

Keywords: public interests, public order, public policy clause, private law relations, private international law, reciprocity, foreign element, state sovereignty.

Для цитирования: Конюшок А.В. Значение публичных интересов в трансграничных частноправовых отношениях: теоретико-методологические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 330-333. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_330.

For citation: Konyushok A.V. The importance of public interests in cross-border private law relations: theoretical and methodological aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 330-333. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_330.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В условиях введения и реализации политически мотивированных односторонних ограничительных мер со стороны ряда государств т.н. «коллективного Запада», затрагивающих целый комплекс частноправовых интересов российских контрагентов, принимающих участие в трансграничных отношениях (гражданских, коммерческих, семейных, трудовых и т.п.), важнейшее онтологическое и прагматическое значение имеет разработка научно обоснованного комплексного подхода к обоснованию места и роли публичных интересов как ключевого регулятора и ограничителя применения зарубежного права, признания и исполнения решений иностранных государственных судов и коммерческих арбитражей.

Указанное направление представляет собой один из наиболее значимых векторов обеспечения контрсанкционной политики Российской Федерации, имеющий целью обеспечить всемерную защиту прав и законных интересов как отечественных участников частноправовых отношений, так и государства, представляющего общество (народ) в целом.

Следует отметить, что публичный интерес в качестве категории частноправовых отношений с иностранным элементом имеет в качестве теоретико-методологического фундамента общее учение о разделении правовых норм, источников, дефиниций, законодательных конструкций на публично-правовые и частноправовые.

Кроме того, сложность регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом возрастает в силу того, что в него вовлекаются национально-правовые нормы, не только представляющие различные правовые системы, но и содержащиеся в частноправовых и публично-правовых источниках¹.

При этом государство как носитель и выразитель законных интересов всего общества в целом, включая, безусловно, каждого его отдельного члена (публичных интересов) является особым коллективным субъектом. По аргументированному мнению В.Е. Чиркина, государство еще может быть представлено (с известной степенью условности) и в статусе юридического лица публичного права², что открывает значитель-

¹ Аксенов А.Г. Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в регулировании международных коммерческих контрактов // Международное частное право: преемственность и развитие: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию юбилею профессора Л.А. Лунца/ отв. ред. Н.Г. Доронина. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2023. – С. 73.

² Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. – М.: Норма, 2011. – С. 129-148.

ный методологический и эвристический потенциал для определения форм и способов участия государства в трансграничных частноправовых отношениях, в которых роль государства продиктована, прежде всего, именно публично-правовой составляющей, поскольку оно в принципе, по своей имманентной публично-суверенной сущности, не может иметь сугубо частноправовых интересов.

С публично-правовой интерпретацией места и роли государства в частноправовых отношениях согласен в рамках своей авторской концепции и В.Е. Чиркин, который усматривает своеобразие государства как юридического лица публичного права как раз в его особом положении как «единственной суверенной организации публичной власти той или иной страны»¹, т.е. в том качестве, которым априори не может быть наделен ни один другой участник частноправовых отношений с иностранным элементом из всего их достаточно широкого и разнопланового перечня.

В то же время, Н.В. Бутусова указывает на то обстоятельство, что при вступлении в некоторых определенных случаях в частноправовые отношения с иностранным элементом, государство как бы условно «отказывается» от своего суверенитета, выступая как равноправный участник соответствующих трансграничных отношений². С такой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти. Действительно, государство как участник частноправовых отношений входит в них на равноправных началах (и материально-правовых, и, тем более, процессуальных), но при этом в любом случае сохраняет публично-правовой характер своих интересов, т.е., иными словами, государство ни при каких условиях не становится выразителем и носителем частноправовых интересов, даже участвуя в частноправовых отношениях как одна из сторон, поскольку признание обратной ситуации противоречило бы самой общесоциальной, исключительно публично-правовой, природе государства, в чем и заключается его исключительность и уникальность.

Рассматривая категорию «публичные интересы» с теоретико-методологических позиций, необходимо выделить распространенный подход, согласно которому в качестве критерия разграничения публичного и частного интереса рассматривается общее благо. В свою очередь, Ю.А. Тихомиров очень точно выстроил обратную взаимосвязь, выражающуюся в понимании публичного интереса как служения государства гражданскому обществу, защите его интересов и интересов частных лиц³.

Подобная корреляция публичного интереса и разрозненных частноправовых интересов физических и юридических лиц, являющихся резидентами государства, представляет собой тот важнейший теоретико-методологический «ключ», который дает возможность познать закономерности места и роли государства в защите публичных интересов с точки зрения единства и неразрывности публичного интереса как совокупности частных интересов и частных интересов как отдельных «молекул», в своем комплексе составляющих публичный интерес общества в целом, одновременно выступающий и интересом государства.

Обозначенную парадигму понимания публичных интересов как категории частноправовых отношений (в том числе, трансграничных, содержащих в себе иностранный элемент в той или иной форме) можно обнаружить и в существующей практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П выражена правовая позиция о том, что предпринимательская деятельность в форме акционерного общества затрагивает интересы большого числа лиц – акционеров, инвесторов, т.е. публичные интересы⁴.

В свою очередь, Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П содержит вывод о том, экономическая деятельность вкладчиков, разместивших денежные средства во вкладах, имеет публичное значение⁵.

Тем самым Конституционный Суд, по сути, устанавливает количественный критерий в качестве основной методики признания частноправовых интересов значительного количества физических и / или юридических лиц имеющими публичное значение, а стало быть – входящими в содержание конструкции «публичный интерес» и подходящие под ее этимологический смысл.

В данном контексте следует признать имеющей колоссальное эвристическое значение для правильного понимания методологического выявления публично-правовой составляющей в частноправовых отношениях позицию автора новаторской теории соотношения субъектов конституционного права, вполне применимой и для глубокого познания всей правовой материи в целом, современного российского конституционалиста С.А. Васильева, по обоснованному мнению которого существует огромное количество связей между субъектами правовых отношений, которые далеко не всегда сводятся к прямому взаимодействию между ними⁶.

Например, государство, исходя из своей общесоциальной (публично-правовой) сущности должно защищать права и законные интересы абсолютно всех российских контрагентов (физических и юридических лиц), вступающих в частноправовые отношения с иностранным элементом. С одной стороны, публичный интерес государства заключается в том, чтобы потенциальное применение зарубежного законодательства, обусловленное применимой коллизионной нормой, не нарушило основы отечественного публичного правопорядка, в своей базовой основе построенного на конституционно-правовых нормах. С другой стороны, соблюдение прав и законных интересов частных лиц представляет собой другую неотъемлемую ипостась реализации публичного (государственного) интереса, особенно с учетом количественного критерия числа носителей таких частноправовых интересов, прямо обозначенного в нескольких правовых позициях Конституционного Суда РФ.

¹ Чиркин В.Е. Указ соч. – С. 131.

² Бутусова Н.В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений. Вопросы теории. – М., 2005. – С. 19.

³ Тихомиров Ю.А. Публичное право: падение и взлеты // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 5.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2025).

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2025).

⁶ Васильев С.А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права. – М.: Центркаталог, 2023. – С. 5.

Более того, по утверждению М.С. Матейковича и В.А. Горбунова, публичный интерес всегда состоит из суммы частных интересов¹, т.е., иными словами, в одном отдельно взятом частноправовом отношении проявляется частный интерес, но при массовом количестве аналогичных частноправовых отношений формируется уже публичный интерес, который, что вполне логично и естественно, обеспечивается государством как единственным носителем публичных интересов в трансграничных частноправовых отношениях.

В этих случаях государство (главным образом, безусловно, судебная система) формирует единообразную правоприменительную практику для решения дел с иностранным элементом, в которых напрямую затрагиваются частноправовые интересы отечественных контрагентов, в сумме формирующие значимый для государства и общества публичный интерес.

Примером активного изменения нормативной правовой базы и последующей правоприменительной практики являются решения, принимаемые российскими судами общей юрисдикции и государственными арбитражными судами в условиях многочисленных действий и решений органов публичной власти недружественных стран, нарушающих права и законные интересы значительного количества российских участников частноправовых отношений с иностранным элементом, а тем самым – публичные интересы Российской Федерации и общества.

Так, в определении Верховного Суда РФ по делу № А60-36897/2020² достаточно однозначно сформулирована позиция о том, что факта введения ограничительных мер в отношении российского лица достаточно для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию под юрисдикцией соответствующего государства, которое ввело данные меры.

Из признания факта такого ограничения, как можно предположить, следует невозможность применения в качестве компетентного законодательства данного зарубежного государства (даже при наличии отсылающей к нему применимой коллизионной привязки), а также признания и принудительного исполнения судебных решений, происходящих из судебной системы соответствующего государства, публично-властными механизмами Российской Федерации.

Доступ российских участников трансграничных частноправовых отношений к зарубежному правосудию (как государственному, так и коммерческому) представляет собой один из компонентов (наряду с формально-юридическим наличием применимого многостороннего или двухстороннего международного договора о правовой помощи по гражданским и арбитражным делам) более широкого по объему принципа взаимности в международном частном праве как ключевого критерия определения принципиальной основы публичного взаимодействия российской судебной системы с конкретным зарубежным правовым порядком.

К.Л. Брановицкий вполне обоснованно считает принцип взаимности в решении частноправовых споров аналогом публично-правовых принципов международного сотрудничества и суверенного равенства государств, предполагающих равноправие и взаимное уважение в международных отношениях в качестве их фундаментальной основы³.

При этом суд в доктрине международного частного считалось, что может применить один из двух подходов к процессуальному механизму определения наличия / отсутствия взаимности при решении частноправовых споров, осложненных иностранным элементом – либо презюмировать взаимность (обычно исходя из ратифицированной международно-правовой договорной базы), либо определять в каждом конкретном случае, возлагая бремя доказывания на стороны.

В современных же условиях введения односторонних ограничительных, направленных против как частноправовых интересов российских контрагентов, так и публичных интересов Российской Федерации, российские суды при рассмотрении дел с иностранным элементом из недружественных стран, как показывает практика, совершенно обоснованно выступают с позиции презумпции отсутствия взаимности.

В то же время для передачи дела, рассматриваемого зарубежным судом в российский суд, стороне необходимо доказать факт применения против него ограничительных мер (санкций) в соответствующем государстве (например, ООО «Европейские Биологические Технологии» против Компании «Cabinplant A/S», Дания, дело №А55-24707/2022⁴; суд возвратил исковое заявление, указав, среди прочего, на недоказанность истцом введения против него персональных санкций на территории Дании).

Наиболее однозначным образом формируется практика по презумпции отсутствия взаимности в частноправовых отношениях с участием контрагентов из недружественных стран по вопросам признания и принудительного исполнения судебных и арбитражных решений. Так, например, по делу ИП Анайкин Виталий Владимирович против ООО «Узавтоцентр» (дело № А40-242631/2022⁵) судом была сформулирована позиция о невозможности установить соблюдение принципа взаимности американскими судами в части принудительного исполнения решений российских судов в силу как отсутствия международного договора между Россией и США о правовой помощи, так и отсутствия доказательств о таком соблюдении со стороны заявителя.

В целом, в результате проведенного анализа теоретико-методологических подходов к определению понятия и значения публичных интересов в трансграничных частноправовых отношениях, можно прийти к таким основным выводам: а) носителем и выразителем публичных интересов в частноправовых отношениях с иностранным элементом является государство, исключительность положения которого заключается в юридической и фактической возможности выступать в интересах и от имени всего общества; б) публичный интерес в трансграничных частноправовых отношениях представляет собой сумму частноправовых интересов российских юридических и физических лиц, обеспечиваемых и защи-

¹ Матейкович М.С., Горбунов В.А. Законные интересы в конституционном праве. – М.: Норма, 2011. – С. 141.

² Определение Верховного Суда РФ по делу № А60-36897/2020. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 11.02.2025).

³ Брановицкий К.Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 8. – С. 27.

⁴ Дело №А55-24707/2022. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2025).

⁵ Дело № А40-242631/2022. – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2025).

щаемых государственной системой органов публичной власти, главным образом – государственной судебной системой; в) в условиях односторонних ограничительных мер (санкций), введенных против публичных и частных прав и законных интересов Российского государства, общества, граждан, юридических лиц рядом государств т.н. «коллективного Запада» основой защиты публичных интересов и публичного правопорядка российскими судами общей юрисдикции и государственными арбитражными судами является презумпция отсутствия взаимности со стороны судебных и административных систем недружественных стран, которая в некоторых может быть опровергнута либо формально-юридическим способом, предполагающим наличие применимого международного договора в совокупности с предоставленными заинтересованной стороной доказательствами его реального применения в иностранном государстве, либо судебно-эмпирическим способом через фактическое доказывание заинтересованной стороной соблюдения принципа взаимности судебной системой соответствующего иностранного государства.

Список литературы:

1. Аксенов А.Г. Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в регулировании международных коммерческих контрактов // Международное частное право: преемственность и развитие: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию профессора Л.А. Лунца/ отв. ред. Н.Г. Доронина. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; "ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ", 2023. - С. 73-91. EDN: PXMXTL
2. Брановицкий К.Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. - 2005. - № 8. - С. 27-34. EDN: KWXTMD
3. Бутусова Н.В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений. Вопросы теории. - М., 2005. - 173 с. ISBN: 5-9273-0913-5 EDN: QWZKCJ
4. Васильев С.А. Общие начала соотношения субъектов конституционного права. - М.: Центркаталог, 2023. - 268 с. ISBN: 978-5-903268-87-0 EDN: TSQEDW
5. Матейкович М.С., Горбунов В.А. Законные интересы в конституционном праве. - М.: Норма, 2011. - 256 с. ISBN: 978-5-91768-197-9 EDN: RAYTDL
6. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. - М.: Норма, 2011. - 352 с.

References:

1. Aksenov A.G. The combination of private law and public law principles in the regulation of international commercial contracts // Private international law: continuity and development: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and practical Conference dedicated to the 130th anniversary of Professor L.A. Lunts / ed. by N.G. Doronin. – Moscow: Institute Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; KONTRAKT LAW FIRM. – 2023. – pp. 73-91.
2. Branovitsky K.L. The principle of reciprocity in international civil procedure // Arbitration and civil procedure. – 2005. – No. 8. – pp. 27-34.
3. Butusova N.V. The Russian state as a subject of constitutional and legal relations. Questions of theory. – Moscow, 2005. – 173 p.
4. Vasiliev S.A. General principles of the correlation of subjects of constitutional law. – Moscow: Tsentrkatalog, 2023. – 268 p.
5. Mateykovich M.S., Gorbunov V.A. Legitimate interests in constitutional law. – Moscow: Norm, 2011. – 256 p.
6. Chirkin V.E. A legal entity of public law. – Moscow: Norma, 2011. – 352 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_334

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРАХОВАНИЯ КИБЕРРИСКОВ В РОССИИ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ LEGAL REGULATION OF CYBER RISK INSURANCE IN RUSSIA: THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

ЖМУРОВА Светлана Сергеевна,

старший преподаватель Высшей школы бизнеса, менеджмента и права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса».
141221, Россия, Московская обл., Городской округ Пушкинский, дп. Черкизово, ул. Главная, 99.
E-mail: 5100710west@inbox.ru;

ДЖАФАРОВ Джамал Ильгарович,

студент Высшей школы бизнеса, менеджмента и права
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса».
141221, Россия, Московская обл., Городской округ Пушкинский, дп. Черкизово, ул. Главная, 99.
E-mail: dzhafarov_2003@bk.ru;

ZHMUROVA Svetlana Sergeevna,

Senior Lecturer Graduate School of Business, Management and Law
Russian State University of Tourism and Service.
141221, Moscow region, Pushkinsky city district, Cherkizovo village, Main St., 99.
E-mail: 5100710west@inbox.ru;

DZHAFAROV Jamal Ilgarovich,

student of the Higher School of Business, Management and Law
Russian State University of Tourism and Service.
141221, Moscow region, Pushkinsky city district, Cherkizovo village, Main St., 99.
E-mail: dzhafarov_2003@bk.ru

Краткая аннотация: В статье представлено комплексное исследование правового регулирования страхования киберрисков в Российской Федерации. На основе системного анализа действующего законодательства, правоприменительной практики и статистических данных выявляются ключевые проблемы нормативно-правового регулирования в данной сфере. Особое внимание уделяется вопросам правовой квалификации киберинцидентов, как страховых случаев, определению объекта страхования и методологии оценки киберрисков. Проведен детальный сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта регулирования страхования киберрисков с учетом специфики различных правовых систем. На основе проведенного исследования предложены конкретные меры по совершенствованию российского законодательства в области страхования киберрисков, включая инновационные механизмы правового регулирования и институциональные преобразования.

Abstract. The article presents a comprehensive study of the legal regulation of cyber risk insurance in the Russian Federation. Based on a systematic analysis of current legislation, law enforcement practices, and statistical data, the key issues of regulatory framework deficiencies in this area are identified. Special attention is given to the legal qualification of cyber incidents as insurance cases, the definition of the insurance object, and the methodology for assessing cyber risks. A detailed comparative legal analysis of international practices in cyber risk insurance regulation is conducted, taking into account the specifics of various legal systems. Based on the findings, specific measures are proposed to improve Russian legislation on cyber risk insurance, including innovative regulatory mechanisms and institutional reforms.

Ключевые слова: страховое право, киберриски, правовое регулирование страхования, информационная безопасность, страховой случай, страховое законодательство, киберинциденты, критическая информационная инфраструктура, цифровая экономика, кибербезопасность, страховая защита, правовые механизмы, информационные технологии.

Keywords: insurance law, cyber risks, legal regulation of insurance, information security, insurance case, insurance legislation, cyber incidents, critical information infrastructure, digital economy, cybersecurity, insurance protection, legal mechanisms, information technologies.

Для цитирования: Жмурова С.С., Джафаров Д.И. Правовое регулирование страхования киберрисков в России: опыт зарубежных стран и перспективы развития // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 334-337. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_334.

For citation: Zhmurova S.S., Dzafarov D.I. Legal regulation of cyber risk insurance in Russia: the experience of foreign countries and development prospects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 334-337. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_334.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В условиях стремительной цифровизации экономики и общества проблема защиты от киберрисков приобретает особую актуальность. По данным Национального координационного центра по компьютерным инцидентам, в 2024 году количество кибератак на российские организации увеличилось на 157% по сравнению с предыдущим годом [2].

Текущее состояние правового регулирования страхования киберрисков характеризуется существенными пробелами и противоречиями, что создает значительные препятствия для развития данного сегмента страхового рынка. Отсутствие четких законодательных дефиниций, неопределенность критериев страхового случая и методологии оценки рисков приводят к тому, что страховые компании либо отказываются от предоставления соответствующих услуг, либо устанавливают чрезмерно высокие тарифы.

Рассмотрение данной темы позволит предложить пути решения актуальных проблем правового регулирования страхования киберрисков в России и определить направления для дальнейшего развития этой области.

Проблематика правового регулирования страхования киберрисков находится на пересечении нескольких научных направлений: страхового права, информационного права и права национальной безопасности. В российской юридической науке данная тема исследована фрагментарно, преимущественно в контексте общих вопросов страхового права или информационной безопасности [4].

Специальные аспекты страхования киберрисков рассматривались в работах А.И. Савельева, Л.К. Терещенко, А.В. Морозова. Однако их исследования преимущественно касались отдельных аспектов проблемы, без комплексного анализа всей системы правового регулирования [1].

Среди зарубежных исследователей существенный вклад в разработку темы внесли J. Kesap, C. Hayes (США), M. Wynn, P. Keller (ЕС), yang Li (Китай). Их работы представляют особый интерес с точки зрения сравнительно-правового анализа различных подходов к регулированию страхования киберрисков.

Страхование в России регулируется главным образом Гражданским кодексом РФ, где страховые отношения охватываются главой 48. В частности, статьи 929 и 930 устанавливают общие правила имущественного страхования, но они не упоминают специфические виды ущерба, связанные с киберинцидентами, такими как утечка данных или DDoS-атака (при таком виде внешнего вмешательства, на системы организации, от злоумышленников приходит огромное количество запросов для того, чтобы загрузить серверы, используя уязвимости в системе безопасности). Например, в рамках статьи 930 «Имущественное страхование», объектом могут быть признаны любые имущественные интересы, но киберинциденты, как категория не описаны ни в этой статье, ни в других положениях ГК РФ.

Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» № 4015-1, хотя и регулирует деятельность страховых компаний, также не даёт разъяснений относительно страхования киберинцидентов. Это создаёт правовой вакуум, когда неясно, под какие категории страховых продуктов подпадают такие случаи. В дополнение, Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (№ 187-ФЗ) уделяет внимание предотвращению и расследованию кибератак, но не упоминает страхование как механизм защиты.

Примером правового пробела можно назвать ситуацию с IT-компаниями, пострадавшими от утечек данных в последнее время. По информации Positive Technologies (лидера в области результативной кибербезопасности), более половины успешных атак на организации в 2023 и 2024 годах привели к утечкам. Зачастую конфиденциальная информация имеет особую ценность для организации, так как позволяют им иметь определенные конкурентные преимущества на рынке товаров и услуг или же обеспечивают достижение организациями стратегических целей. Также, утечка персональных данных клиентов компании, может привести к негативным последствиям. После взлома серверов крупной IT-компании её партнёры могут потребовать компенсацию за утечку конфиденциальной информации. Однако при попытке застраховать риски на случай повторной атаки, компании скорее всего придется заключить «стандартный» договор имущественного страхования, где предметом договора станут не данные, а оборудование, что не отвечает реальным потребностям рынка.

Анализ данных нормативных актов показывает отсутствие специальных норм, регулирующих страхование киберрисков. В частности, не определены: понятие киберриска как объекта страхования; особенности квалификации киберинцидентов как страховых случаев; методология оценки киберрисков; особенности определения страховой суммы и страховой премии.

Тем не менее, несмотря на то, что в России на данный момент отсутствует развитый рынок страхования киберинцидентов, некоторые страховые компании начали предлагать пилотные продукты.

Например, компания «Ингосстрах» предлагает корпоративным клиентам страхование «Кибер-Инго», которое включает: неправомерное использование вычислительных ресурсов, покрытие расходов на восстановление утраченных данных и защиту от исков, связанных с утечкой информации. Однако этот продукт пока является исключением, а не правилом. Другие крупные игроки, такие как «АльфаСтрахование», предлагают ограниченные продукты, адаптированные к отдельным случаям, например, страхование ответственности за утрату данных клиентами банков.

Опыт других стран может быть полезен России при регулировании изучаемого вопроса. Так, Европейский Союз демонстрирует комплексный подход к регулированию кибербезопасности и страхования киберрисков, опираясь на такие ключевые документы, как Общий регламент о защите данных (GDPR) и Директива NIS (Network and Information Security). Эти правовые акты создают основу для управления рисками, связанными с кибератаками, и формируют общую методологию оценки угроз. В рамках GDPR предусмотрены значительные штрафы за нарушение требований безопасности данных, что побуждает компании инвестировать в механизмы страховой защиты.

Особенностью европейского подхода также является акцент на стандартизации. Принятые стандарты ISO/IEC, такие как ISO 27001 [7], обеспечивают универсальный подход к управлению информационной безопасностью, что облегчает процесс оценки киберрисков для страховых компаний. Важно отметить, что в ряде стран ЕС, таких как Германия и Франция, разработаны национальные программы субсидирования страхования киберрисков для малого и среднего бизнеса. Эти программы помогают минимизировать финансовую нагрузку на предприятия, одновременно повышая их уровень киберустойчивости [3].

В Европе широко представлены специализированные страховые продукты. Так, компания Zurich Insurance предлагает полисы, которые покрывают: расходы на уведомление пострадавших клиентов (в соответствии со статьёй 33 GDPR); услуги по восстановлению утраченных данных; возмещение штрафов и судебных издержек.

Помимо этого, Zurich Insurance предлагает своим клиентам: как очное, так и дистанционное обучение кибербезопасности и защите данных; проводит углублённую и качественную оценку рисков; разрабатывает стратегическую дорожную карту для своих клиентов, чтобы помочь бизнесу расставить приоритеты инвестиций в кибербезопасность; систематически страховщик проверяет устойчивость ИТ-инфраструктуры своих страхователей, их облачных, мобильных или веб-приложений; предоставляет антивирусы нового поколения и EDR, чтобы помочь своим клиентам блокировать неизвестные вредоносные атаки и др.

В ежегодном отчете GDV (Ассоциация страховой индустрии Германии), управляющий директор Йорг Асмуссен отметил: «Рынок ки-

берстрахования развивался очень динамично с тех пор, как формулировки были впервые опубликованы в 2017 году, а также изменились некоторые общие условия: все больше сотрудников работают удаленно, приложения все чаще обеспечиваются через облачные хранилища, общий регламент по защите данных выдвинул новые требования о возмещении ущерба, ответственность в случае утечки данных» [8].

Европейский опыт демонстрирует важность взаимодействия регуляторов, страховщиков и бизнеса для создания устойчивой системы страхования киберрисков.

Американский подход к страхованию киберрисков отличается комбинацией государственного регулирования и саморегулирования страховой отрасли. Федеральное законодательство включает в себя такие акты, как Закон о модернизации кибербезопасности 2015 года (Cybersecurity Information Sharing Act) и стандарты Национального института стандартов и технологий (NIST), которые предоставляют компании ориентиры для управления киберугрозами.

NIST Special Publication 800-53 (Rev. 5) предлагает подробные рекомендации по управлению информационной безопасностью, которые активно используются страховыми компаниями при разработке полисов страхования киберрисков [6]. Кроме того, в США действует Программа федерального перестрахования киберрисков, которая поддерживает рынок, обеспечивая перестрахование крупных убытков.

Интересным аспектом является активная роль частного сектора. Крупнейшие страховые компании, такие как AIG и Chubb, предлагают высоко специализированные продукты, включая покрытие расходов на восстановление данных, защиту от исков, связанных с утечкой информации, и компенсацию потерь от простоев бизнеса [5]. Такой подход стимулирует развитие инновационных страховых решений, адаптированных к конкретным потребностям клиентов.

Из примеров успешной страховой практики можно выделить деятельность компании AIG, которая в 1999 году AIG запустила одну из первых в отрасли программ страхования кибербезопасности. И в настоящее время предлагает комплексные программы для малого и среднего бизнеса. Полисы покрывают: расходы на реагирование на кибератаки; услуги по восстановлению имиджа компании через PR-агентства; затраты на судебные разбирательства с клиентами, пострадавшими от утечек данных и т.д.

При осуществлении данного вида страхования, AIG: определяет киберриски на уровне домена из корпоративных данных, которые раскрываются в даркнете, с отчетами, настраиваемыми для конкретного домена клиента; информирует клиентов об обнаружении уязвимых мест, неправильных конфигураций или вредоносного ПО в их общедоступных инфраструктурах, чтобы их можно было устранить до того, как они приведут к киберинциденту; блокирует соединения для клиентов, использующих услугу блокировки IP-адресов по черному списку, включенную в их политику и др.

В Японии страхование киберрисков активно развивается благодаря законодательству, ориентированному на защиту данных. Например, Закон о защите персональной информации обязывает компании предпринимать меры по предотвращению утечек. В ответ на это страховые компании, такие как Tokio Marine, предлагают продукты, которые включают компенсацию за потерю доверия клиентов.

Южная Корея также демонстрирует успешный пример государственной поддержки: в 2021 году была запущена программа субсидирования страховых продуктов для малого бизнеса. Например, владельцы онлайн-магазинов могут застраховать свои платформы от DDoS-атак, при этом до 50% страхового взноса оплачивается государством.

Международный опыт демонстрирует, что страхование киберрисков играет важную роль в укреплении национальной цифровой безопасности. Для России, находящейся на этапе активной цифровизации, адаптация успешных зарубежных практик требует гибкого подхода. Вместо их прямого заимствования необходимо учитывать национальные особенности, адаптируя иностранный опыт под отечественные реалии.

Предлагается дополнить Федеральный закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» новой статьей 37, которая бы вводила следующее определение:

«Киберриск как объект страхования – это вероятность наступления имущественных потерь страхователя, вызванных: несанкционированным доступом к информационным системам страхователя; нарушением функционирования информационных систем в результате вредоносного воздействия; утечкой конфиденциальной информации; нарушением доступности информационных сервисов; компрометацией средств аутентификации; финансовым мошенничеством с использованием информационных технологий».

Для унификации правоприменительной практики предлагается законодательно закрепить следующие категории страховых случаев.

Инциденты первого уровня: DDoS-атаки любой продолжительности, приведшие к недоступности сервисов; несанкционированный доступ к системам с подтвержденной компрометацией данных; успешные атаки программ-вымогателей; финансовое мошенничество с использованием скомпрометированных учетных данных.

Инциденты второго уровня: утечка персональных данных клиентов; компрометация коммерческой тайны; нарушение работы критической инфраструктуры; инциденты, связанные с облачными сервисами.

Инциденты третьего уровня: временные сбои в работе систем без потери данных; попытки несанкционированного доступа без успешной компрометации; фишинговые атаки без последствий; незначительные нарушения политик безопасности.

Создание специализированной организации, которая бы разрабатывала и обновляла методологии оценки киберрисков, вела единую базу киберинцидентов и координировала взаимодействия участников рынка, разрабатывала типовые страховые продукты и оказывала методическую поддержку страховщиков, так же было бы целесообразным.

Примеры Южной Кореи и США показывают, что программы государственной поддержки могут значительно ускорить внедрение страхования киберрисков. Внедрение механизмов субсидирования и налоговых льгот для компаний, обеспечивающих высокий уровень кибер-

безопасности, может стать важным шагом на пути к созданию устойчивой и защищенной цифровой среды. Такой подход позволит стимулировать организации к соблюдению лучших практик кибербезопасности, значительно увеличивая защищенности информационных систем.

Еще одной мерой, направленной на повышение общей защищенности бизнеса и минимизацию последствий потенциальных киберинцидентов могло бы стать введение регулярного аудита независимой сертифицированной компанией, которая подтверждала бы соответствие организации современным стандартам информационной безопасности. Компании, успешно прошедшие аудит и подтвердившие соответствие стандартам, дополнительно могли бы получить льготы при участии в тендерах, связанных с выполнением государственных заказов, или при оформлении кредитов в государственных банках.

В то же время, компании, которые игнорируют внедрение механизмов кибербезопасности, таких как институт кибер-омбудсмена и регулярный аудит, могли бы лишиться ряда преимуществ. Например, они не смогут претендовать на субсидии и налоговые льготы, а также столкнутся с более высокими тарифами страхования киберрисков, что создаст естественный экономический стимул для внедрения соответствующих мер.

В результате проведенного исследования были выявлены ключевые проблемы правового регулирования страхования киберрисков в Российской Федерации, а также предложены практические меры по их устранению. Анализ показал, что одной из главных причин недостаточного развития этого сегмента является отсутствие четко сформулированных правовых норм, определяющих понятие киберриска, критерии его оценки и особенности квалификации страхового случая.

Сравнительно-правовой анализ международного опыта подтвердил, что наиболее успешные системы страхования киберрисков интегрируют как государственное регулирование, так и механизмы саморегулирования отрасли. Практика Европейского Союза и Соединенных Штатов демонстрирует важность разработки унифицированных стандартов безопасности и внедрения комплексного подхода к оценке рисков. Эти наработки могут быть адаптированы в российском контексте с учётом национальных особенностей правовой и экономической систем.

Предложенные в статье меры включают, как концептуальные изменения, направленные на уточнение понятия киберриска, классификацию страховых случаев и разработку методологии расчёта страховых премий, так и институциональные преобразования. В частности, рекомендуется проведение обязательного аудита кибербезопасности и создание системы стимулирования организаций через налоговые льготы и субсидии. Эти шаги позволят не только повысить прозрачность рынка, но и создать стимулы для более активного использования страхования в качестве инструмента управления киберрисками.

Реализация предложенных мер позволит сформировать в России современную и эффективную систему страхования киберрисков, обеспечивающую защиту интересов как бизнеса, так и граждан. Это создаст предпосылки для дальнейшего развития цифровой экономики, укрепления доверия к цифровой инфраструктуре и повышения уровня национальной кибербезопасности.

Список литературы:

1. Игнатова И.О. Киберстрахование как современный способ обеспечения информационной безопасности в эпоху технологий: российский и зарубежный опыт // *Страховое право*. 2021. № 1(90). С. 45-47. EDN: ULGMOD
2. Кесан Дж., Хейз К. Регулирование киберрисков: правовые подходы и перспективы // *International Journal of Cybersecurity*. 2022. Т. 3. № 2. С. 45-67.
3. Лукерина О.М. Обеспечение финансовой грамотности студентов факультета СПО РМАТ // *Инновации в развитии туризма, профессионального туристского образования и муниципального управления: Материалы X Международной научной школы магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Химки, 29 мая 2019 года* / Под научной редакцией Е.В. Мoshnyaga. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Литературное агентство "Университетская книга", 2019. С. 169-173. EDN: IBEPOZ
4. Терещенко Л.К. Правовое регулирование страхования информационных рисков // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. № 2. С. 4-25.
5. UP 8Guard The European Union Agency for Cybersecurity (ENISA) [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.upguard.com/blog/eu-cybersecurity-act> (дата обращения: 11.01.2025).
6. NIST Special Publication 800-53 (Rev. 5): Security and Privacy Controls for Information Systems and Organizations. 2023.
7. ISO/IEC 27001:2022 Information Security, Cybersecurity, and Privacy Protection - Information Security Management Systems - Requirements.
8. GDV Gesamtverband der Versicherer [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.gdv.de/resource/blob/185924/9d7d50dca6ff0e3706f76bc1d6541cc/en-nachhaltigkeitsbericht-sustainability-report-2024-data.pdf> (дата обращения: 11.01.2025).

References:

1. Ignatova I.O. Cyber insurance as a modern way of ensuring information security in the age of technology: Russian and foreign experience // *Insurance law*. 2021. No. 1(90). pp. 45-47. EDN: ULGMOD
2. Kesan J., Hayes K. Regulation of cyber risks: legal approaches and prospects // *International Journal of Cybersecurity*. 2022. Vol. 3. No. 2. pp. 45-67.
3. Lukerina O.M. Ensuring financial literacy of students of the Faculty of Vocational Mathematics // *Innovations in the development of tourism, professional tourism education and municipal management: Proceedings of the X International Scientific School for Undergraduates, Postgraduates and Young Scientists, Khimki, May 29, 2019* / Under the scientific editorship of E.V. Moshnyaga. Moscow: Limited Liability Company "University Book Literary Agency", 2019. pp. 169-173. EDN: IBEPOZ
4. Tereshchenko L.K. Legal regulation of information risk insurance // *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*. 2023. No. 2. pp. 4-25.
5. UP 8Guard The European Union Agency for Cybersecurity (ENISA) [Electronic resource]. - URL: <https://www.upguard.com/blog/eu-cybersecurity-act> (accessed: 01/11/2025).
6. NIST Special Publication 800-53 (Rev. 5): Security and Privacy Controls for Information Systems and Organizations. 2023.
7. ISO/IEC 27001:2022 Information Security, Cybersecurity, and Privacy Protection - Information Security Management Systems - Requirements.
8. GDV Gesamtverband der Versicherer [Electronic resource]. - URL: <https://www.gdv.de/resource/blob/185924/9d7d50dca6ff0e3706f76bc1d6541cc/en-nachhaltigkeitsbericht-sustainability-report-2024-data.pdf> (date of request: 11.01.2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_338

УДК 349.23/24

ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ПОКУПКЕ КВАРТИРЫ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ CONSUMER PROTECTION WHEN BUYING AN APARTMENT IN AN APARTMENT BUILDING

МИТЦУКОВА Гелена Алексеевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права,
Уральский государственный экономический университет.

ул. 8 Марта, 62/45, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620144, Россия.

E-mail: gelenm@yandex.ru;

КОЧНЕВ Глеб Алексеевич,

магистрант кафедры гражданского права, Уральский государственный экономический университет.
ул. 8 Марта, 62/45, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620144, Россия.

E-mail: kochnev-g@inbox.ru;

MITTSUKOVA Gelena Alekseevna,

associate professor candidate of juridical sciences Ural State Economic University, Department of Civil Law.
8 Marta str., 62/45, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620144, Russia.

E-mail: gelenm@yandex.ru;

KOCHNEV Gleb Alekseevich,

Ural State Economic University, Department of Civil Law, master's student of the Department of Civil Law.
8 Marta str., 62/45, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620144, Russia.

E-mail: kochnev-g@inbox.ru

Краткая аннотация: статья разработана и посвящена изучению способов защиты прав потребителей при покупке квартиры в многоквартирном доме в 2024г. Будущий собственник жилого помещения зачастую не имеет специальных юридических или технических навыков для того, чтобы заранее выявить дефекты здания при строительстве, отсутствие факта межевания кадастрового квартала, на котором построен многоквартирный дом, нарушения в составленном договоре купли-продажи жилого помещения между физическим лицом и застройщиком вследствие чего потребителю товара может быть продан продукт ненадлежащего качества.

Abstract: The article is developed and is devoted to the study of ways to protect consumer rights when buying an apartment in an apartment building in 2024. The future owner of residential premises often does not have special legal or technical skills in order to identify building defects during construction in advance, the absence of the fact of surveying the cadastral block on which the apartment building is built, violations in the drawn-up residential purchase agreement between an individual and the developer, as a result of which a product of inadequate quality may be sold to the consumer.

Ключевые слова: потребитель, производитель, застройщик, договор купли-продажи, дефекты, правовые основания, товар надлежащего качества, досудебная претензия, акт приема-передачи имущества.

Keywords: consumer, manufacturer, developer, purchase and sale agreement, defects, legal grounds, good quality goods, pre-trial claim, act of acceptance and transfer of property.

Для цитирования: Митцукова Г.А., Кочнев Г.А. Защита прав потребителя при покупке квартиры в многоквартирном доме // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 338-339. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_338.

For citation: Mittsukova G.A., Kochnev G.A. Consumer protection when buying an apartment in an apartment building // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 338-339. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_338.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В современном мире приобретение квартиры является долгосрочным и дорогостоящим для среднестатистического человека действием, которое требует многолетней финансовой подготовки и немалых знаний для подбора подходящего варианта застройщика и квартиры, которые отвечают всем строительным ГОСТам.

В 2024 год сложилась практика, что застройщик для сдачи купленной квартиры собственнику в срок, установленный договором, допускает нарушения на всех стадиях строительно-монтажных работ многоквартирного дома. Конечный потребитель продукта (построенной квартиры) в виде гражданина РФ, не имеющий специальных навыков и знаний в сфере строительно-монтажных работ, не сможет распознать, какие работы, произведенные подрядными организациями под надзором застройщика, были выполнены с нарушениями и в дальнейшем могут привести к более быстрой поломке структурных элементов квартиры.

Приобретенное жилое помещение в собственность также будет считаться товаром, так как застройщик передает жилое помещение в собственность покупателю (потребителю) за определенную плату. Данный тезис подкреплен ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О защите конкуренции", где указано, что товаром является объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот.

Из вышеуказанного следует, что отношения между физическим лицом, производящим покупку квартиры для личных нужд, и застройщиком, который строит многоквартирный дом для дальнейшей реализации жилых помещений, являются отношениями потребителя и производителя, которые в свою очередь защищаются на территории Российской Федерации Законом «О защите прав потребителя».

Согласно преамбуле Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 "О защите прав потребителей" данный закон регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товаров. При этом под потребителем понимается гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий или приобретающий работы или услуги исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, а исполнителем - организация независимо от ее организационно-правовой формы, выполняющая работы или оказывающая услуги потребителям по возмездному договору.

Дополнительно следует выделить то, что потребитель конечного продукта (квартиры) может произвести фактическую покупку квартиры на различных этапах её строительства, вследствие данных обстоятельств у потребителя отсутствует возможность заранее произвести оценку

жилого помещения. При передаче права собственности на владение квартирой от производителя к потребителю происходит ряд важных процедур, одной из которых является оформление акта приема-передачи имущества. Акт приема-передачи имущества – документ, подтверждающий факт передачи имущества от одного лица к другому, с указанием в документе количества и состояния имущества на момент его передачи.

Если на этапе приемки имущества потребителем не было выявлено в квартире существенных недостатков в связи с сокрытием застройщиком данных недостатков, а в дальнейшем, при эксплуатации жилого помещения она стали явными, то действующее законодательство предусматривает следующие механизмы решения сложившейся проблемы потребителя:

1) Досудебное урегулирование спора.

При досудебном урегулировании спора владелец жилого помещения подает письменную претензию в адрес застройщика, в которой просит в добровольном порядке устранить недостатки в приобретенной квартире, которые были обнаружены после того, как акт приема передачи жилого помещения был подписан и собственники заселились в квартиру. Застройщик будет обязан ответить на такую претензию в течение одного месяца. Если ответ в адрес собственника не поступит, то это расценивается как отказ в удовлетворении заявленных к застройщику требований. Дополнительно следует указать, что потребитель (собственник) может обратиться при отсутствии понимания, вследствие чего обнаружились недостатки, в управляющую компанию, так как в связи с отсутствием специализированных знаний у собственника он может неверно определить, что обнаруженный им дефект появился в результате неправильного обслуживания дома со стороны управляющей компании. При образовании обстоятельств, в которых потребитель не может определить, в результате ненадлежащего оказания услуг управляющей компании или ненадлежащего качества продукта (квартиры) был найден дефект жилого помещения, лучшим решением будет обратиться с претензией к застройщику и управляющей компании для дальнейшего выяснения обстоятельств о присутствии дефекта. На основании полученной потребителем информации, указанной в ответе на претензию, следует определить надлежащее лицо, которое допустило наличие дефекта в жилом помещении.

2) Обращение в надзорные органы.

Если застройщик не отвечает на досудебные претензии, то следующим этапом защиты гражданских прав собственника будет обращение в следующие надзорные органы: прокуратура, инспекция государственного строительного надзора и также в федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. После подачи мотивированного обращения надзорный орган обязан будет требовать с застройщика письменных пояснений по сложившейся ситуации, с подробными объяснениями подкрепленными документами. Если ответ застройщика не удовлетворит надзорный орган, то он может осуществить выездную проверку по факту нарушения. При неудовлетворительных результатах проверок прокурор может выступить как истец и подать исковое заявление в суд для защиты интересов граждан или неопределенного круга лиц, если они в силу определенных обстоятельств не могут подать иск в суд самостоятельно. В такого рода исках прокурор просит суд обязать застройщика устранить строительные недостатки в определенный срок.

3) Подача искового заявления имущественного характера в суд.

При условии, что были использованы ранее описанные способы восстановления нарушенного права и они не принесли никакого результата, собственник (потребитель) в праве обратиться в суд. Подача искового заявления в суд довольно рискованный шаг, если потребитель не уверен, что в действительности именно по вине застройщика образовался дефект в жилом помещении (квартире). Предварительно перед подачей искового заявления в суд, верным решением потребителя будет обратиться в экспертную организацию, которая предоставляет услуги по оценке состояния помещений. Данное компетентное экспертное заключение нужно для подтверждения факта наличия дефектов, которые были допущены застройщиком при производстве строительно-монтажных работ.

Следует отметить, что действующими нормами права предусмотрена процессуальная возможность компенсации судебных расходов, которые истец понес при подготовке заявления в суд. Исходя из вышеизложенного, потребитель сможет компенсировать все затраты, понесенные им при подготовке искового заявления к подаче в суд. Обязательно стоит также обозначить, что потребитель которому некачественно были оказаны услуги или был продан товар ненадлежащего качества в праве на основании п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей» требовать за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения обоснованных требований потребителя о возмещении или устранении недостатков товара, то потребитель вправе взыскать помимо заявленных требований ещё и штраф в размере пятьдесят процентов от суммы, присужденной судом в пользу потребителя. В заключение можно обозначить, что защитой потребительских прав должен заниматься каждый потребитель без исключения. Это нужно для того, чтобы производитель товара следил за уровнем качества предоставляемого товара, проводил своевременный и надлежащий контроль. При своевременных обращениях потребителя к производителю товара с последующим привлечением надзорных органов будет расти и ответственность производителя, так как у производителя сложится стойкое понимание, что при продаже товара (квартиры), в которой из-за ненадлежащего контроля при производстве строительно-монтажных работах присутствуют дефекты, потребитель в дальнейшем будет использовать все возможные правовые инструменты для того, чтобы получить товар надлежащего качества, а не спустит все на самотек и единолично исправит присутствующие дефекты.

Список литературы:

1. Фаткудинова З.М. Защита прав потребителей: учебное пособие. 2018. С. 20-14.
2. Фадеев А.А. Молодой ученый. 2024. № 15 (514). С. 5-6.
3. Гусятникова Д.Е. 10 ОСНОВНЫХ СИТУАЦИЙ. ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ПОКУПКЕ ТОВАРОВ. продовольственные товары, товары длительного пользования, комплектующие части товаров, возврат и обмен товаров, экспертиза товаров, порядок и последствия предъявления претензии / Сер. Защита прав потребителей. Москва, 2008. с. 9-10. ISBN: 978-5-370-00796-5 EDN: QQRHLL

References:

1. Fatkudinova Z.M. Consumer rights protection: a textbook. 2018. pp. 20-14.
2. Fadeev A.A. Young scientist. 2024. No. 15 (514). PP. 5-6.
3. Gusiyanikova D.E. 10 MAIN SITUATIONS. CONSUMER PROTECTION WHEN PURCHASING GOODS. food products, durable goods, component parts of goods, return and exchange of goods, examination of goods, procedure and consequences of making a claim / Ser. Consumer protection. M., 2008. pp. 9-10.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_340

УДК 347.78

ДЕПОНИРОВАНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ DEPOSIT AS ONE OF THE WAYS OF LEGAL PROTECTION OF COPYRIGHTS

КАМЕНЕВА Полина Валерьевна,кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики».

347900, Россия, Ростовская область, г. Таганрог, Петровская ул., 45.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru;

KAMENEVA Polina Valeryevna,Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Taganrog Institute of Management and Economics.

Petrovskaya str., 45, Taganrog, Rostov Region, 347900, Russia.

E-mail: p.kameneva@tmei.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу института депонирования как эффективного способа правовой охраны авторских прав. В ней рассматриваются ключевые аспекты депонирования, включая его определение, процесс и значение в контексте защиты авторских произведений. Особое внимание уделяется роли депонирования в подтверждении авторства и даты создания, а также его влиянию на разрешение споров в области интеллектуальной собственности. Статья также затрагивает примеры использования депонирования, сравнивает его с другими методами защиты авторских прав и обсуждает актуальные проблемы и тенденции в данной сфере. В заключение, подчеркивается важность повышения правовой грамотности среди авторов и правообладателей для эффективного использования депонирования в целях защиты их интересов.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the institution of deposit as an effective method of legal protection of copyrights. It examines key aspects of escrow, including its definition, process, and significance in the context of copyright protection. Special attention is paid to the role of escrow in confirming authorship and date of creation, as well as its impact on the resolution of intellectual property disputes. The article also touches on practical examples of the use of escrow, compares it with other methods of copyright protection and discusses current issues and trends in this area. In conclusion, the importance of increasing legal literacy among authors and copyright holders is emphasized in order to effectively use escrow in order to protect their interests.

Ключевые слова: Депонирование, авторские права, интеллектуальная собственность, защита прав, правовая охрана, регистрация, нотариальная защита, плагиат, правовая грамотность.

Keywords: Deposit, copyright, intellectual property, protection of rights, legal protection, registration, notarial protection, plagiarism, legal literacy.

Для цитирования: Каменева П.В. Депонирование как один из способов правовой охраны авторских прав // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 340-343. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_340.

For citation: Kameneva P.V. Deposit as one of the ways of legal protection of copyrights // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 340-343. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_340.

Статья поступила в редакцию: 04.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства являются авторскими правами. Автором данных произведений признается гражданин, творческим трудом которого они созданы.

В Российской Федерации не предусмотрена обязательная процедура регистрации авторского права. Как только автор создал произведение в какой-то форме (письменной, в виде аудио- или видеозаписи, изображения, объемно-пространственным и т.д.), это произведение получает авторско-правовую охрану.

Это облегчает положение авторов и избавляет их от необходимости осуществлять различные официальные процедуры в виде государственной регистрации, но при возникновении конфликтов у автора возникают сложности с подтверждением своего авторства.

Предусмотрено несколько способов обеспечения доказательств авторства – одно из них депонирование. Именно депонирование обычно подразумевают, когда говорят о регистрации авторского права.

Депонирование и учет объектов авторского права – процедура, добровольной регистрации экземпляра произведения в специальном реестре с выдачей свидетельства и хранения данного экземпляра для подтверждения даты депонирования в случае возникновения судебных споров.

Депонирование — это процесс официального документирования авторских произведений с целью подтверждения их создания и защиты авторских прав. Он подразумевает передачу произведения в специализированные организации, которые фиксируют его содержание и дату создания.

Основные преимущества депонирования:

1. Документальное подтверждение авторства и даты создания, что является важным в случае споров.
2. Упрощение процесса защиты прав на произведение в судебных инстанциях.
3. Увеличение доверия к автору и его произведению со стороны третьих лиц.

Депонирование не является обязательным, но служит дополнительной мерой защиты авторских прав.

Объектами авторского права являются:

- литературные произведения;
- драматические и сценарные произведения;
- музыкальные произведения с текстом или без текста;
- аудиовизуальные произведения;
- произведения живописи, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства;
- фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии;
- географические, геологические произведения, карты, планы, эскизы, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам;
- дизайн и контент Интернет-сайта;
- макет товарных знаков, логотипов, эмблем;
- других произведения.

Процедура депонирования включает несколько этапов:

1. Подготовка произведения: Автор или правообладатель готовит оригинал или копию произведения, которое необходимо депонировать (например, текст, изображения, музыка).

2. Выбор организации: Необходимо выбрать специализированную организацию или учреждение для депонирования, например, нотариус, авторское общество или фонд, занимающийся охраной интеллектуальной собственности.

3. Предоставление произведения: Произведение передается в выбранную организацию. Это может происходить как в физическом, так и в цифровом формате.

4. Оформление документов: Организация оформляет необходимые документы, подтверждающие принятие произведения и фиксирующие дату его депонирования.

5. Регистрация и хранение: Произведение регистрируется, и организация обеспечивает его защиту и сохранность в течение установленного времени.

6. Получение свидетельства: Автор получает свидетельство о депонировании, которое служит доказательством авторства и даты создания произведения.

Эта процедура позволяет обеспечить правовую защиту авторских прав и упростить доказательство авторства в случае споров.

Отказ в депонировании авторских прав может произойти по нескольким причинам, включая:

1. Невозможность идентифицировать автора.
 2. Отсутствие оригинальности произведения.
 3. Нарушение прав третьих лиц (например, плагиат).
 4. Неправильное оформление документов.
 5. Неполное или недостоверное представление информации о произведении.
- Каждый случай рассматривается индивидуально в зависимости от законодательства конкретной страны.

Согласно п.5 ст.1259 КГ РФ авторские права не распространяются на идеи, принципы, методы, способы решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования.

Согласно п.6 ст.1259 КГ РФ не являются объектами авторских прав: официальные документы, государственные символы и знаки, произведения народного творчества (фольклор)¹.

Оформление депонирования авторских прав обычно осуществляется через официальные организации, ответственные за регистрацию. Это может включать:

1. Подготовка заявления о депонировании.
2. Предоставление копий произведения.
3. Оплату установленных сборов.
4. Заполнение соответствующих форм.

После подачи необходимых документов заявка проверяется, и в случае успешного рассмотрения выдается свидетельство о депонировании.

Требования к специальной организации, осуществляющей депонирование, могут включать:

1. Лицензия и регистрация: Организация должна иметь соответствующую лицензию и быть зарегистрирована в качестве юридического лица с правом заниматься деятельностью в области защиты интеллектуальной собственности.
2. Компетентность: Наличие квалифицированных специалистов в области авторского права и интеллектуальной собственности, которые могут обеспечить правильное оформление и обработку документов.
3. Система хранения: Организация должна располагать надежными системами хранения и защиты депонированных произведений для предотвращения утраты или несанкционированного доступа.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая от 18.12.2006 №230-ФЗ, с изм. и доп. по состоянию на 22.07.2024г.). – Текст: электронный // Официальный Интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации» URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.01.2025г.)

4. Прозрачность процессов: Установленные процедуры депонирования должны быть четкими и прозрачными, чтобы авторы могли легко понять процесс и его этапы.

5. Правовая база: Организация должна действовать в соответствии с действующим законодательством и международными стандартами в области авторского права и интеллектуальной собственности.

6. Обеспечение конфиденциальности: Должны соблюдаться меры по обеспечению конфиденциальности и защиты личной информации авторов и правообладателей.

7. Служба поддержки: Наличие консультационных услуг для авторов, которые могут помочь в процессе депонирования и ответить на возникающие вопросы.

Эти требования способствуют повышению доверия к организациям, занимающимся депонированием, и обеспечивают надлежащую защиту прав авторов.

Один из способов доказать авторство – обратиться к нотариусу и нотариально заверить копию произведения. Нотариус фиксирует событие и факты, подтверждает, что конкретное лицо представило ему определенный объект интеллектуальной собственности (произведение) в конкретный момент времени. У этого способа есть минус: услуги нотариуса могут обойтись довольно дорого, и обычно это требует физического присутствия автора. Некоторые авторы используют самый старинный вариант отправки самому себе заказного письма с экземпляром текста или вложенным носителем информации. В этом случае оплачивается лишь стоимость отправки письма, но данный способ тоже имеет свои существенные минусы: письмо может потеряться или повредиться, возможно нарушение целостности конверта или выцветание почтовых штемпелей. К тому же, такой конверт можно использовать в спорах об авторстве только один раз, ведь повторное использование вскрытого конверта для подтверждения авторства не допускается. Самым современным и технологичным способом фиксации авторства сегодня является цифровое депонирование результатов вашего творчества, которое осуществляется онлайн. На сайте nRIS процедура цифрового депонирования выполняется в несколько кликов.

Российская Федерация – страна-участница Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 г¹. Согласно этому документу, в целях развития авторского права во всем мире страны-участницы взаимно признают у себя на территориях авторские права граждан и организаций других подписантов этого международного соглашения. На сегодняшний день 181 страна подписала и ратифицировала международные соглашения об авторских правах, в их числе Великобритания, Италия, Испания, Германия, США, Франция, Швейцария и другие. Поэтому свидетельство можно использовать в спорах об авторских правах на территории других стран. Сервис nRIS предоставляет возможность получения свидетельства о депонировании объекта авторского права на английском языке со штампом OriginStamp, которое не требует перевода и заверения верности перевода у нотариуса, а также апостилирования документа. Заинтересованное лицо может заказать его выпуск через личный кабинет в случае необходимости.

Регистрация авторских прав на созданные произведения в нашей стране не требуется. В ст. 1257 Гражданского кодекса РФ сказано, что авторское право возникает по умолчанию при создании объекта авторского права (ОИС). Однако, на практике дату и время создания объекта бывает сложно доказать, а это существенный момент в спорах об авторстве. Поэтому необходимо защищать результаты творческой деятельности как до, так и после обнародования, чтобы при возникновении спорных ситуаций можно было доказать авторство. Одним из самых современных и эффективных инструментов для подтверждения авторства является электронное депонирование. Депонирование в обиходе достаточно часто называют регистрацией авторских прав. В ходе данной процедуры в сервисе nRIS фиксируется вся информация о загружаемом файле и об авторе, а также дата и время загрузки. Таким образом, в спорных ситуациях у автора произведения появляется возможность заявить о своих правах на депонированный объект авторского права и защитить свои права в досудебном и судебном порядках.

Электронное депонирование представляет собой прием и хранение файла (объекта) в зашифрованном виде в защищенной ячейке. После загрузки файла в цифровую ячейку заменить или внести в него изменения нельзя. Если вы существенно изменили текст и, тем более, изменили название объекта, фактически это новое произведение. В таком случае рекомендуем задепонировать новую редакцию объекта.

Блокчейн — это система хранения информации, похожая на распределенную базу данных, которую невозможно изменить и взломать благодаря надежности самой технологии. Блокчейн представляет собой цепочку блоков со строгой последовательностью. Каждый блок содержит набор данных, и каждый раз, когда в блокчейне происходит новая операция, к цепочке добавляется следующий блок с новыми данными, а каждая следующая запись содержит ссылку на предыдущую. Цепочка блоков может содержать любую цифровую информацию о транзакциях, юридических документах, медиафайлах, включая фото, видео и аудио. Поэтому сфера интеллектуальной собственности стала еще одним направлением применения блокчейна.

Поскольку государственная процедура регистрации авторских прав на текущий момент не разработана и не предусмотрена российским законодательством, цифровое депонирование — это удобный и эффективный способ защитить свои права. Электронное депонирование доступно в отношении любых объектов интеллектуальной собственности. Процедура представляет собой размещение файла с произведением в защищенную цифровую ячейку, доступа к которой нет у третьих лиц. Автору выдается свидетельство о депонировании, в котором указаны дата и время загрузки объекта в ячейку, а также зафиксировано авторство на объект. Свидетельство о депонировании служит доказательством факта

¹ Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. - 2003. - № 9.

владения произведением на конкретные дату и время, и помогает защитить авторские права в спорных ситуациях, например, в случае плагиата или копирования произведения.

Свидетельство о депонировании действует бессрочно: оно сохраняет свою юридическую силу, так как это документ подтверждающий, что в конкретную дату было совершено депонирование файла. После депонирования файл хранится в ячейке сроком от 1 года до 5 лет с возможностью продления неограниченное количество раз. Если у файла истек срок хранения, а у автора возникла спорная ситуация, подтвердить содержание файла будет невозможно. Для вашего удобства сервис n'RIS заранее уведомляет о скором истечении срока хранения: в случае необходимости, вы можете его продлить.

Эксперты n'RIS рекомендуют депонировать объекты до их обнародования, чтобы свести к нулю риски его заимствования. В результате процедуры депонирования за автором закрепится временной приоритет, который в спорной ситуации поможет доказать, что именно он создал произведение. Нарушитель же не сможет предоставить такое доказательство. При депонировании n'RIS выступает как оператор: пользователь перед загрузкой файла проходит модерацию в личном кабинете, сервис фиксирует, что личность того, кто загружает объект, релевантна, данные в документе совпадают с теми, которые внес автор, и в процессе депонирования от него принимается конкретный объект. Теоретически, нарушитель может зафиксировать авторское право вместо настоящего создателя, но на практике подобное встречается крайне редко, так как для депонирования нужно ввести паспортные данные и оплатить услугу. Пираты обычно скрывают свою личность и очень редко оставляют свои личные данные (особенно, паспортные), еще реже они платят деньги, так как их цель — максимально заработать на чужом труде, а не тратиться.

При этом депонирование имеет как отрицательные, так и положительные стороны. Плюсы депонирования: быстрый способ доказать, что произведение было создано в определенный момент и оно принадлежит конкретному лицу, недорогой способ фиксации создания произведения. Минусы депонирования: депонирование может быть оспорено, так как подтверждает только факт создания произведения, но не подтверждает авторство; отсутствует реестр (единая база) задепонированных произведений, что затрудняет проверку таких произведений, их принадлежности¹. В целях фиксации создания результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде и защиты авторских и смежных прав, а также подтверждения авторства на такие результаты, целесообразно создать общедоступный всероссийский реестр интеллектуальных прав — единый реестр результатов интеллектуальной деятельности. Данный реестр может включать следующие сведения: номер реестровой записи, дата внесения записи, информация о правообладателе, информация об авторе (если он не отказался быть упомянутым в качестве такового), название результата интеллектуальной деятельности, а также представление экземпляра произведения или объекта смежных прав.

Действующее законодательство, регулирующее вопросы охраны и защиты интеллектуальных прав, требует существенных доработок, в частности создание общедоступного всероссийского реестра интеллектуальных прав - единого реестра результатов интеллектуальной деятельности (объектов авторских и смежных прав).

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая от 18.12.2006 №230-ФЗ, с изм. и доп. по состоянию на 22.07.2024г.). - Текст: электронный // Официальный Интернет-портал правовой информации "Государственная система правовой информации" URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2025г.).
2. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. - 2003. - № 9.
3. Адамян К. М. Депонирование как способ фиксации создания объектов авторских и смежных прав в сети "Интернет" // Про-лог: журнал о праве. - 2024. - №1. -С. 71-79. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.8 EDN: WAAFGC

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four of December 18, 2006, No. 230-FZ, as amended and supplemented as of 07/22/2024). - - Text: electronic // Official Internet portal of legal information "State System of Legal Information" URL: <http://pravo.gov.ru> (date of reference: 02/01/2025).
2. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of 09.09.1886 (as amended on 09/28/1979) // Bulletin of International contracts. - 2003. - № 9.
3. Adamyan K. M. Deposit as a way of fixing the creation of objects of copyright and related rights on the Internet // Prologue: journal of Law. - 2024. - No. 1. -pp. 71-79. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.8 EDN: WAAFGC

¹ Адамян К. М. Депонирование как способ фиксации создания объектов авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Пролог: журнал о праве. – 2024. - №1. –С. 71-79.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_344

УДК 347

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ В СФЕРЕ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНСТИТУТА ДАТА-ПОСРЕДНИЧЕСТВА EXPERIMENTAL LEGAL REGIME IN THE FIELD OF PERSONAL DATA PROCESSING: CHALLENGES IN IMPLEMENTING THE INSTITUTION OF DATA INTERMEDIATION

СЕРГЕЕВА Марина Дмитриевна,

студентка Юридического института Севастопольского государственного университета.

299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

E-mail: dgr3y@yandex.ru;

ЛАХИН Даниил Николаевич,

доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Юридического института Севастопольского государственного университета.

299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

E-mail: lahin.daniil@mail.ru;

SERGEEVA Marina Dmitrievna,

student The Law Institute of Sevastopol State University.

33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia.

E-mail: dgr3y@yandex.ru;

LAKHIN Daniil Nikolaevich,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Process

The Law Institute of Sevastopol State University.

33 Universitetskaya str., Sevastopol, 299053, Russia.

E-mail: lahin.daniil@mail.ru

Краткая аннотация: Целью исследования является анализ проблем внедрения экспериментального правового режима в области обработки персональных данных в Российской Федерации. На основе комплексного анализа нормативно-правовых актов, статистических данных и международного опыта выявлены основные препятствия для эффективного внедрения данного режима. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства.

Abstract: The primary objective of the research is to investigate the legal challenges associated with the implementation of experimental legal regime within the domain of personal data processing in the Russian Federation. Through a comprehensive review of regulatory legal documents, statistical information, and international best practices, the key obstacles to the successful implementation of this framework have been identified. Suggestions for enhancing legislation are presented.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, защита персональных данных, цифровая трансформация, дата-посредники, информационная безопасность.

Key words: experimental legal regime, personal data protection, digital transformation, data intermediaries, information security.

Для цитирования: Сергеева М.Д., Лакхин Д.Н. Экспериментальный правовой режим в сфере обработки персональных данных: проблемы внедрения института дата-посредничества // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 344-346. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_344.

For citation: Sergeeva M.D., Lakhin D.N. Experimental legal regime in the field of personal data processing: challenges in implementing the institution of data intermediation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 344-346. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_344.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Быстрые темпы цифровизации, сопровождаемые массовым сбором персональных данных, обнажили недостаточность существующего правового регулирования в этой сфере. Согласно данным Роскомнадзора и InfoWatch, количество утечек данных в России демонстрирует устойчивую тенденцию к росту [1]. [2] — количество утечек данных в первом полугодии 2024 года в России выросло на 10,1% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года, скомпрометировано почти 1 млрд единиц персональных данных — всего 986 млн записей.

Несмотря на предпринимаемые государством меры, правовое регулирование зачастую отстает от динамичного развития цифровых технологий, что создает значительные риски для информационной безопасности граждан. Усиление активности злоумышленников, направленной на хищение и незаконное использование персональных данных, подчеркивает актуальность разработки новых правовых механизмов, способных обеспечить надежную защиту данных в условиях цифровой трансформации.

Параллельно с этим, национальные цели развития Российской Федерации до 2030 года предполагают формирование развитого рынка данных. Согласно стратегическим документам, индекс зрелости рынка данных должен достичь 100% к 2030 году, тогда как в 2024 году его оценка составляет лишь 8,3% [3]. Очевидно, что действующее правовое регулирование обработки персональных данных не позволяет в установленные сроки обеспечить их безопасное хранение и обработку, что ставит под угрозу достижение стратегических целей.

Для решения обозначенных проблем было принято Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. № 2149 «Об установлении направлений разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, по которым может устанавливаться экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций» [4]. Данный документ предусматривает возможность установления экспериментального правового режима (далее

— ЭПР) в сфере обработки данных, включая персональные данные, что открывает новые перспективы для тестирования инновационных подходов в условиях контролируемой правовой среды.

АНО «Цифровая экономика» активно продвигает инициативы по внедрению ЭПР, направленные на создание платформ и независимых дата-посредников, обеспечивающих сбор, интеграцию и безопасное хранение обезличенных данных.

Институт дата-посредничества может стать ключевым элементом в создании устойчивой и безопасной экосистемы обмена данными, обеспечивая баланс между интересами всех участников. Как отмечает АНО «Цифровая экономика», с одной стороны, дата-посредники фильтруют организации, запрашивающие персональные данные субъектов персональных данных, что повышает уровень безопасности и обеспечения легитимности обработки данных граждан. С другой, компании не несут дополнительных затрат на создание технической инфраструктуры, поскольку дата-посредники обеспечивают такую техническую возможность для доступа к данным и обмена ими [5].

Ожидается, что реализация данной инициативы позволит оптимизировать процессы обработки данных, снизить издержки бизнеса и стимулировать развитие инноваций в цифровой экономике. Однако успешное внедрение дата-посредничества в рамках ЭПР сдерживается наличием нормативных пробелов, отсутствием четких механизмов реализации и недостаточной проработанностью вопросов обеспечения информационной безопасности.

Так, для начала работы с персональными данными необходимо получить право на их обработку. В соответствии с п. 9, п. 9.1 ч. 1 ст. 6 ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [6] допускается обработка персональных данных в исследовательских целях и в рамках действия ЭПР при условии их обязательного обезличивания. В 2013 году Роскомнадзор утвердил требования к обезличиванию персональных данных [7], а также опубликовал методические рекомендации по их применению [8]. Однако данные нормативные акты носят общий характер, что затрудняет их практическую реализацию в современных условиях. На федеральном уровне до сих пор не установлены четкие правила обезличивания и работы с массивами данных (дата-сет). Отсутствие детализированных нормативных положений ограничивает возможности вовлечения большего объема данных в оборот, что, в свою очередь, препятствует эффективному использованию больших массивов информации для разработки инновационных продуктов.

Более того, существует риск деанонимизации обезличенных данных, что требует поиска альтернативных механизмов защиты персональных данных, соответствующих современным вызовам. Научные исследования указывают на то, что взаимодействие с обезличенными данными с использованием современных математических алгоритмов может привести к их повторной персонализации [9, с. 107]. Это подчеркивает необходимость разработки более совершенных методов обезличивания, которые должны обеспечивать как надежную защиту персональных данных, так и создавать условия для развития инноваций.

Особого внимания заслуживают риски, связанные с обработкой данных в системах дата-посредников. Централизованная архитектура хранения данных повышает уязвимость системы перед киберугрозами. Консолидация больших объемов данных создает условия для их несанкционированного использования, что подтверждается исследованиями, указывающими на повышенную вероятность утечек данных в результате хакерских атак [10, с. 15].

Для минимизации риска утечки данных, а также построение доверия общества к институту дата-посредничества, возможно введение сертификации посредников в рамках ЭПР. Сертификация может быть реализована путем законодательного определения основных критериев, которым должны соответствовать все сертифицированные цифровые посредники. Так, в ЕС действия компаний по обработке, хранению и передаче данных контролируется General Data Protection Regulation (GDPR) [11], а также ведется единый реестр организаций, оказывающих услуги по дата-посредничеству.

Основным стопором внедрения ЭПР является отсутствие законодательной регламентации института дата-посредничества.

Во-первых, отсутствует четкое определение правового статуса «дата-посредника». Это создает значительные трудности в идентификации субъекта, подпадающего под действие экспериментального правового режима. В результате возникает правовая неопределенность в отношении объема прав и обязанностей, которые могут быть возложены на дата-посредника в рамках ЭПР.

Во-вторых, отсутствие законодательного закрепления термина «дата-посредник» затрудняет распределение ответственности между оператором данных и посредником в случае нарушения законодательства, например, при утечке персональных данных, что повышает риски недобросовестного поведения со стороны участников процесса.

В-третьих, неопределенность правового статуса дата-посредника создает условия для злоупотреблений. Компании могут использовать отсутствие четкого регулирования для маскировки несанкционированной передачи персональных данных под видом легального посредничества. Это не только подрывает доверие к институту ЭПР, но и создает угрозы для защиты прав субъектов персональных данных.

Представляется возможным рассмотреть зарубежный опыт внедрения дата-посредников в нормативное регулирование. Так, европейское законодательство Data Governance Act (DGA) [12] включило новый вид услуг — «услуги информационного посредника по предоставлению данных». Европейское законодательство определяет услуги информационного посредника как деятельность по передаче данных от одного субъекта другому. Такой посредник выступает в роли проводника информации, не создавая ее самостоятельно. Указанные посредники действуют от имени отдельных лиц, обеспечивая им возможность передавать, хранить и использовать персональные данные. Предполагается возможным апробировать элементы правового регулирования услуг дата-посредников в рамках ЭПР, что позволит выработать оптимальные правовые механизмы регулирования услуг по предоставлению данных.

Таким образом, внедрение ЭПР предоставляет уникальную возможность апробировать новые подходы к регулированию обработки и

защиты персональных данных, включая создание института независимых посредников для сбора, обработки и безопасного хранения персональных данных. Однако инициатива сдерживается нормативными пробелами, отсутствием четких механизмов реализации и недостаточной проработкой вопросов информационной безопасности. Для успешной реализации ЭПР необходимо определить правовую природу дата-посредничества, установить требования к сертификации «дата-посредников». Следует адаптировать существующие методы обезличивания данных к принципу обеспечения баланса между защитой персональных данных и стимулированием инноваций. Обработка персональных данных несет значительные риски, минимизация которых требует детализированного нормативного регулирования и постоянного совершенствования правовых механизмов.

Список литературы:

1. Общественный совет подвел итоги работы в 2024 году // Роскомандзор. URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74894.htm> (дата обращения: 24.01.2025).
2. В России в первом полугодии утекло почти 1 млрд персональных данных // InfoWatch. URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/v-rossii-v-pervom-polugodii-uteklo-pochti-odin-milliard-personalnykh-dannykh> (дата обращения: 24.01.2025).
3. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года (утв. Правительством РФ) // СПС "КонсультантПлюс".
4. Постановление Правительства РФ от 18 декабря 2020 г. N 2149 "Об установлении направлений разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, по которым может устанавливаться экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций" // СПС "КонсультантПлюс".
5. Дата-посредники: организации по управлению персональными данными // АНО "Цифровая экономика", 2022. - 60 с. URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Otchet_6_data%20trusts.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
6. Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс".
7. Приказ Роскомнадзора от 05.09.2013 N 996 "Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных" (вместе с "Требованиями и методами по обезличиванию персональных данных, обрабатываемых в информационных системах персональных данных, в том числе созданных и функционирующих в рамках реализации федеральных целевых программ") (Зарегистрировано в Минюсте России 10.09.2013 N 29935) // СПС "КонсультантПлюс".
8. Методические рекомендации по применению приказа Роскомнадзора от 5 сентября 2013 г. N 996 "Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных" (утв. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 13 декабря 2013 г.) // СПС "Гарант".
9. Еременко, Т. А. Обезличивание персональных данных как механизм защиты конституционных прав человека / Т. А. Еременко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2023. - № 1(150). - С. 104-109. DOI: 10.24412/2227-7315-2023-1-104-109 EDN: AIWMFX
10. Blankertz, Aline. Designing Data Trusts: Why We Need to Test Consumer Data Trusts Now // Interface, 2020. - 38 p.
11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ L 119, 4.5.2016.
12. European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act). Regulation (eu) 2022/868 of the European Parliament and of the council of 30 may 2022 // OJ L 152, 3.6.2022.

References:

1. The Public Council summed up the results of its work in 2024 // Roskomandzor. URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74894.htm> (date of access: 01.24.2025).
2. In Russia, almost 1 billion personal data was leaked in the first half of the year // InfoWatch. URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/v-rossii-v-pervom-polugodii-uteklo-pochti-odin-milliard-personalnykh-dannykh> (accessed: 01.24.2025).
3. Unified Plan for Achieving the National Development Goals of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036 (approved by the Government of the Russian Federation) // Legal reference system "ConsultantPlus".
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2149 dated December 18, 2020 "On the establishment of areas for the development, testing and implementation of digital innovations, according to which an experimental legal regime in the field of digital innovations can be established" // Legal reference system "Consultant-Plus".
5. Data intermediaries: organizations for the management of personal data // ANO "Digital Economy", 2022. — 60 p. URL: https://files.data-economy.ru/Docs/Otchet_6_data%20trusts.pdf (accessed: 01.25.2025)
6. Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 N 152-FZ // Legal reference system "ConsultantPlus".
7. Roskomnadzor Order No. 996 dated 09/05/2013 "On Approval of Requirements and methods for Depersonalization of personal data" (together with "Requirements and methods for depersonalization of personal data processed in Personal Data Information Systems, including those created and operating within the framework of Federal targeted programs") (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 09/10/2013 No. 29935) // Legal reference system "ConsultantPlus".
8. Methodological recommendations for the application of Roskomnadzor Order No. 996 dated September 5, 2013 "On approval of requirements and methods for depersonalization of personal Data" (approved by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications on December 13, 2013) // Legal reference system "Garant".
9. Eremenko, T. A. Depersonalization of personal data as a mechanism for protecting constitutional human rights / T. A. Eremenko // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – № 1(150). – Pp. 104-109.
10. Blankertz, Aline. Designing Data Trusts: Why We Need to Test Consumer Data Trusts Now // Interface, 2020. — 38 p.
11. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ L 119, 4.5.2016.
12. European data governance and amending Regulation (EU) 2018/1724 (Data Governance Act). Regulation (eu) 2022/868 of the European Parliament and of the council of 30 may 2022 // OJ L 152, 3.6.2022.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ CONSUMER EXTREMISM

СТОРОЖЕВА Анна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Красноярского государственного аграрного университета.

660017, Россия, г. Красноярск, ул. Ленина, 117.

E-mail: storanna2021@mail.ru;

ДАДАЯН Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Красноярского государственного аграрного университета.

660017, Россия, г. Красноярск, ул. Ленина, 117.

E-mail: dadaelena.lena@mail.ru;

ГОРЕЛОВА Арина Сергеевна,

студентка Юридического института

Красноярского государственного аграрного университета.

660017, Россия, г. Красноярск, ул. Ленина, 117.

E-mail: arish-03@mail.ru;

STOROZHEVA Anna Nikolaevna,

candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
of the Krasnoyarsk State Agrarian University.

117, Lenin str., Krasnoyarsk, Russia, 660017.

E-mail: storanna2021@mail.ru;

DADAYAN Elena Vladimirovna

candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
of the Krasnoyarsk State Agrarian University.

117, Lenin str., Krasnoyarsk, Russia, 660017.

E-mail: dadaelena.lena@mail.ru;

GORELOVA Arina Sergeevna,

student at the Law Institute of the Krasnoyarsk State Agrarian University.

117, Lenin str., Krasnoyarsk, Russia, 660017.

E-mail: arish-03@mail.ru

Краткая аннотация: Работа посвящена рассмотрению такого явления как потребительский экстремизм. Потребительский экстремизм в настоящее время становится актуальной проблемой в сфере предпринимательских отношений. В статье проводится исследование понятия злоупотребление потребителями своими правами, анализируются направления потребительского экстремизма, его влияние на предпринимательскую деятельность и последствия на рынке товаров и услуг. Изучаются способы сдерживания и противодействия данному явлению.

Abstract. The work is devoted to the consideration of such a phenomenon as consumer extremism. Consumer extremism is currently becoming an urgent problem in the field of business relations. The article examines the concept of consumer abuse of their rights, analyzes the trends of consumer extremism, its impact on business and the consequences on the market of goods and services. Ways of containing and countering this phenomenon are being studied.

Ключевые слова: потребительский экстремизм, защита прав потребителей, злоупотребление правом, предпринимательская деятельность, предпринимательские отношения, сфера услуг, продавец.

Keywords: consumer extremism, consumer rights protection, abuse of law, entrepreneurial activity, business relations, service sector, seller.

Для цитирования: Сторожева А.Н., Дадаян Е.В., Горелова А.С. Потребительский экстремизм // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 347-349. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_347.

For citation: Storozheva A.N., Dadayan E.V., Gorelova A.S. Consumer extremism // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 347-349. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_347.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Понятие и значение потребительского экстремизма в предпринимательской деятельности.

В современном мире экономическая деятельность, осуществляемая предпринимателями, становится более разнообразной. Продавцы вынуждены в условиях высокой конкуренции бороться за потребителя и его лояльность. Помимо того, что предпринимателям ежедневно нужно следить за качеством предоставляемых ими услуг и товаров, развивать свой сервис и проявлять клиентоориентированность, также продавцы вынуждены бороться с такой проблемой, как злоупотребление правом со стороны потребителей. Данное явление получило следующее название: «потребительский экстремизм», что понимается как злоупотребление потребителями правом с целью причинения вреда субъектам предпринимательской деятельности и последующим получением прибыли. Данный термин не является официальным, поскольку не закреплен ни в одном законе Российской Федерации, однако его все чаще используют в сфере предпринимательской деятельности, он является скорее гиперболой, выражая крайнюю степень злоупотребления правом [5, с. 57].

Потребительский экстремизм стал возможен из-за широкого спектра прав, предоставленных государством потребителям. Так, Закон РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» регулирует правоотношения в сфере предпринимательской деятельности между продавцом и по-

ребителем, и устанавливает следующие возможности защиты прав и законных интересов потребителей: презумпция неосведомленности потребителя, взыскание неустойки, возмещение вреда, выплата штрафа или компенсации морального вреда и др. [1]

Потребительский экстремизм встречается во всех сферах услуг, наиболее чаще его можно встретить на on-line сервисах, когда покупатели возвращают товар (вещь) после его использования, ссылаясь на его дефектность, утверждая, что изначально не заметили этого и требуют замены товара или возмещения компенсации, а также оставляют плохой отзыв без оснований, если ему отказали в удовлетворении требований, тем самым оказывая негативное влияние на репутацию продавца.

Потребительский экстремизм можно встретить и в сфере общественного питания. Клиент оставляет плохой отзыв о ресторане, даже если это не так с целью получения компенсации. Отличный пример потребительского экстремизма, история, произошедшая в 1992 году, «когда Стелла Либек приобрела в McDonald's стакан кофе и сев в автомобиль, по неосторожности пролила напиток на себя, в результате чего получила ожоги 3-й степени на 6% кожного покрова. Она направилась в суд с заявлением о взыскании компенсации, поскольку на стаканчике с кофе не было надписи «горячо-осторожно», обвинив компанию в грубой небрежности. Данное заявление было удовлетворено, жюри присяжных постановило, что McDonald's несет ответственность за случившееся, и присудило Либек 160 000 долларов в качестве компенсации за медицинские расходы и ущерб» [6].

Сейчас становится все более актуален «пациентский» экстремизм в косметологии, стоматологии, пластической хирургии и других медицинских муниципальных/ коммерческих клиниках. Нередко в клиниках врачи совершают ошибки, например косметолог не уточнил про аллергию клиента и ввел не тот препарат, или пластический хирург халатно отнесся к проведению операции, после чего пациент пострадал и обратился за помощью в другую клинику [2, с. 160]. В приведенных примерах пациент является пострадавшим и будет прав, когда подаст заявление о взыскании компенсации и ущерба, с предоставлением доказательств. Однако встречаются случаи, когда пациент получил качественную услугу, но доказывает обратное. Например, на последнем этапе оказания медицинской услуги или же после её получения пациент создает специфические условия, провоцирует «недоразумение», которое попадает под правовое регулирование, после чего начинает конфликт с клиникой с целью вернуть потраченные денежные средства, а также получить дополнительно компенсацию морального вреда за потраченное время и страдания, которые ему принесла данная ситуация [3, с. 67].

В связи с ростом подобных конфликтов медицинские клиники, интернет-магазины ведут список недобросовестных покупателей (клиентов), а также Росфинмониторинг создал сайт «Федеральная База Неблагонадежных Покупателей», к которому может подключиться бесплатно предприниматель, отслеживать список недобросовестных клиентов и защитить свой бизнес. Данная база ежедневно обновляется представителями Федеральной службы по финансовому мониторингу, на данный момент в нее внесено 46 447 недобросовестных покупателей [7]. Продавцы как интернет-магазинов, так и любой предприниматель, осуществляющий экономическую деятельность, может зарегистрироваться на данном сайте и самостоятельно вносить данные о тех клиентах, которые нанесли вред деятельности магазина [8]. Федеральная База является хорошим вариантом сдерживания недобросовестных покупателей, поскольку если организация узнает, что к ним пришел клиент, внесенный в нее, она может оказать в получении услуги. Конечно, покупатель, которому отказали, может оставить плохой отзыв или обратиться к руководству, но в таком случае организация может аргументировать свой отказ тем, что гражданин находится в «черном списке» и покупатель может обратиться с жалобой в суд.

Таким образом, потребительский экстремизм оказывает значительное негативное влияние на предпринимательскую деятельность, поскольку он приводит к репутационным потерям, плохие отзывы подрывают доверие других покупателей (клиентов), вредят бренду компании. Также предприниматели сталкиваются с нерассчитанными финансовыми потерями, когда вынуждены выплачивать компенсацию, штрафы и нести издержки за урегулирование конфликта. Следовательно, компания теряет не только прибыль из-за упущенных клиентов, но и часть уже полученного дохода, в ходе судебного разбирательства.

Способы преодоления потребительского экстремизма

Одним из способов сдерживания и противодействия потребительскому экстремизму был назван выше, это ведение организациями списка недобросовестных клиентов, а также созданная «Федеральная База Неблагонадежных Покупателей». Однако это приносит минимальное воздействие на потребителей, злоупотребляющих правом.

Во-первых, как предлагает М.С. Кукоба, что: «в Гражданский кодекс РФ необходимо внести статью 503.1. «Потребительский экстремизм», в которой будет дано определение понятия «потребительский экстремизм». Предлагается следующее определение, потребительский экстремизм – это «злоупотребление потребителем своими правами, с целью причинить вред организации и в последующем получения незаконной выгоды в виде денежной компенсации» [4, с. 295].

Необходимо внести изменения в Закон РФ «О защите прав потребителей», которые могут поспособствовать на сложившуюся проблему. Покупатели, которые добились выплаты компенсации, штрафа, ущерба или неустойки, можно сказать не только злоупотребляют правом, но и совершают мошеннические действия по отношению к продавцам.

По нашему мнению, в Закон РФ «О защите прав потребителей» необходимо внести статью 42.4. «Досудебный порядок урегулирования спора», которая будет предусматривать обязательный порядок соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. Если покупатель не направит в установленный срок обоснованную претензию продавцу с предоставлением доказательств о некачественно предоставленной услуги, то такой спор не может быть рассмотрен судом.

Кроме того, стоит внести в Закон РФ «О защите прав потребителей» статью 43.1. «Ответственность потребителя за причинение репу-

тационного ущерба хозяйствующему субъекту», в которой будет предусмотрена административная и гражданско-правовая ответственность в том случае, если покупатель (клиент) необоснованно устроил конфликт, оставил плохой отзыв или иными действиями навредил имиджу компании, то предприниматель имеет право направить заявление в суд о взыскании компенсации за потерянную выгоду в связи с утратой клиентов, из-за недоверия к организации после ознакомления с плохими отзывами, если стало известно, что они отказались от услуги именно по этой причине, а не из-за выбора в пользу другой компании в связи с более выгодным предложением.

В связи с тем, что действия недобросовестного покупателя в некоторых ситуациях могут расцениваться, как мошенничество или неосновательное обогащение, необходимо внести в Гражданский Кодекс РФ статью 1109.1. «Ответственность за злоупотребление правом в сфере потребительских отношений», в которой будет предусмотрена гражданско-правовая ответственность за потребительский экстремизм в виде выплаты компенсации покупателем организации в твердой денежной сумме, в зависимости от причиненного ущерба. Предлагается следующий проект статьи:

ГК РФ Статья 1109.1. «Ответственность за злоупотребление правом в сфере потребительских отношений».

1. Потребительский экстремизм – «злоупотребление потребителем своими правами, с целью причинить вред организации и в последующем получения незаконной выгоды в виде денежной компенсации» (необходимо сделать отсылку на предполагаемую также новую статью 503.1. «Потребительский экстремизм», о чем говорилось выше).

2. При установлении факта злоупотребления правом потребитель несет ответственность в виде возмещения реального ущерба, компенсации морального вреда хозяйствующему субъекту или выплаты неустойки в размере 0,5% от суммы заявленных требований за каждый день просрочки платежа.

3. Срок исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного в результате потребительского экстремизма, составляет три года.

Таким образом, выше предложенные пути решения возникшей проблемы в сфере предпринимательских отношений могут способствовать сдерживанию злоупотребления своим правом потребителей и снижению риска предпринимателям потерять свой бизнес.

Потребительский экстремизм является серьезной проблемой и угрозой на экономическом уровне, поскольку, чем больше продавцов будут претерпевать убытки, терять доверие покупателей и по итогу закрывать свой бизнес из-за негативного влияния недобросовестных клиентов, тем меньше станет конкуренция на рынке, следовательно, бюджетная система государства тоже понесет немалые убытки. Поэтому считаем, что предпринятые изменения в действующее законодательство Гражданский кодекс РФ и Закон «О защите прав потребителей» смогут повлиять на недобросовестное поведение потребителей, что в дальнейшем положительно скажется на защите продавцов и исполнителей и искоренит потребительский экстремизм.

Список литературы:

1. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024) "О защите прав потребителей" // СПС Консультант Плюс: Законодательство.
2. Абдухαιров, И.Н. Потребительский экстремизм: понятие и пути решения / И.Н. Абдухαιров, С.С. Потопальский. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2023. - № 46 (493). - С. 159-161. EDN: XIGENC
3. Кадыров, Ф.Н. Способы противодействия "потребительскому (пациентскому) экстремизму" при оказании платных медицинских услуг / Ф.Н. Кадыров. - Текст: Менеджер здравоохранения // Право. - 2021. - № 2. - С. 64-73.
4. Кукоба, М.С. О потребительском экстремизме в России и способах противодействия ему / М.С. Кукоба. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2020. - № 19 (205). - С. 294-297.
5. Шевякова, А.С. Потребительский экстремизм / А.С. Шевякова. - Текст: Современные инновации // Право. - 2020. - № 5. - С. 56-59.
6. "Дело о чашке кофе". - Текст: электронный // URL: <https://www.maximonline.ru/> (дата обращения 21.02.2025).
7. "Федеральная База Неблагонадежных Потребителей". - Текст: электронный // URL: <https://fbnp.ru/> (дата обращения 21.02.2025).
8. Официальный сайт "Федеральная служба по финансовому мониторингу" - Текст: электронный // URL: <https://www.fedsfm.ru/> (дата обращения 21.02.2025).

References:

1. The Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended on 08.08.2024) "On Consumer Rights Protection" // SPS Consultant Plus: Legislation.
2. Abdukhairon, I.N. Consumer extremism: the concept and solutions / I.N. Abdukhairon, S.S. Potopalsky. - Text: direct // Young scientist. - 2023. - № 46 (493). - Pp. 159-161. EDN: XIGENC
3. Kadyrov, F.N. Ways to counteract "consumer (patient) extremism" in the provision of paid medical services / F.N. Kadyrov. - Text: Health Care Manager // Right. - 2021. - No. 2. - pp. 64-73.
4. Kukoba, M.S. On consumer extremism in Russia and ways to counter it / M.S. Kukoba. - Text: direct // Young scientist. - 2020. - № 19 (205). - Pp. 294-297.
5. Shevyakhova, A.S. Consumer extremism / A.S. Shevyakhova. - Text: Modern innovations // Law. - 2020. - No. 5. - pp. 56-59.
6. "The case of the cup of coffee". - Text: electronic // URL: <https://www.maximonline.ru/> (accessed 02/21/2025).
7. "Federal Base of Unreliable Consumers". - Text: electronic // URL: <https://fbnp.ru/> (accessed 02/21/2025).
8. The official website of the Federal Financial Monitoring Service - Text: electronic // URL: <https://www.fedsfm.ru/> (accessed 02/21/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_350

УДК 347.1

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ANIMALS AS AN OBJECT OF LEGAL RELATIONS

КОРНИЛОВА Наталья Александровна,

студент юридического факультета Северо-Восточного федерального университета.

677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

E-mail: val741808@gmail.com;

ЯКОВЛЕВА Татьяна Афанасьевна,

доцент, кандидат юридических наук,

доцент кафедры арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона

юридического факультета Северо-Восточного федерального университета.

677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58.

E-mail: tanyakovleva@mail.ru;

KORNILOVA Natalya Alexandrovna,

student of the Bachelor's Faculty of Law, North-Eastern Federal University.

58 Belinsky St., Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: val741808@gmail.com;

YAKOVLEVA Tatyana Afanasyevna,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,

Chair of Arctic Law and Law of the Countries of the Asia-Pacific Region Faculty of Law

of the North-Eastern Federal University.

58 Belinsky St., Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: tanyakovleva@mail.ru

Краткая аннотация. Несмотря на значительное количество нормативных правовых актов, направленных на защиту и охрану животных, вопросы эффективной их охраны остаются актуальными и общественно-значимыми. По мнению ученых, отсутствие легитимного определения дефиниции «животные», затрудняет определение их правового положения, возникают проблемы при квалификации уголовно наказуемого деяния как жестокое обращение с ними. Одними из основных критериев разграничения животных и объектов животного мира являются «состояние естественной свободы» и места обитания или содержания животных. Исходя из указанных критериев в статье представлена классификация животных. Правовое регулирование охраны и защиты животных зависит от их статуса, определенными различными законами: «объекты животного мира», «животные в неволе», «домашние животные», «бездзорные животные», «бесхозные животные».

Abstract. Despite the significant number of regulatory legal acts aimed at protecting and preserving animals, the issues of their effective protection remain relevant and socially significant. According to scientists, the lack of a legitimate definition of the term "animals" makes it difficult to determine their legal status; problems arise when qualifying a criminal act as cruel treatment of them. One of the main criteria for distinguishing between animals and objects of the animal world is the "state of natural freedom of animals" and their habitat in the natural environment. Based on these criteria, the article presents a classification of animals. Legal regulation of the protection and defense of animals depends on their status: "objects of the animal world", "animals in captivity", "domestic animals", "stray animals", "ownerless animals".

Ключевые слова: животные, объекты животного мира, животные в неволе, животные без владельца, бездзорные животные, бесхозные животные.

Key words: animals, objects of the animal world, animals in captivity, animals without an owner, stray animals, ownerless animals.

Для цитирования: Корнилова Н.В., Яковлева Т.А. Животные как объект правовых отношений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 350-353. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_350.

For citation: Kornilova N.V., Yakovleva T.A. Animals as an object of legal relations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 350-353. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_350.

Статья поступила в редакцию: 04.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Взаимоотношения человека с животными развиваются не одну тысячу лет. С какого времени началось одомашнивание животных является спорным, уже много тысячу лет животные стали частью культуры людей. Параллельно шел процесс синантропизации – приспособления организмов (животных, растений и микроорганизмов) к обитанию в преобразованных человеком местах, вплоть до населенных пунктов и людских жилищ [1, с. 281]. Такие виды животных и растений в экологии образуют самостоятельную категорию организмов – синантропные виды (тараканы, комары, ласточки, воробьи, грачи и др.) [1, с. 52]. Синантропные виды животных относятся к объектам животного мира.

В России правовое регулирование охраны и защиты животных осуществляется различными правовыми актами – Гражданским кодексом Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (далее – ГК РФ), федеральными законами от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (далее – ФЗ «Об охране окружающей среды»), от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О животном мире» (далее – ФЗ «О животном мире»), от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об ответственном отношении с животными»), и др.

Несмотря на значительное количество нормативных правовых актов, направленных на защиту и охрану животных, вопросы эффективной их охраны остаются актуальными и общественно-значимыми [2, с. 63]. Как отмечает А.П. Анисимов, «отсутствие четкой законодательной логики обусловило ряд доктринальных концепций» [3, с. 416]. По мнению А.Е. Кулагина, Е.М. Щербина, отсутствие легитимного определения дефиниции «животные», затрудняет определение их правового положения, в связи с чем возникают проблемы при квалификации уголовно нака-

зуюемого деяния как жестокое обращение с ними [4, с. 23].

ФЗ «О животном мире» дает определение объекту животного мира как организм животного происхождения (дикое животное), в контексте понятия «животный мир» следует: 1) вид дикого животного, 2) постоянно или временно населяющее территорию РФ, 3) находящееся в состоянии естественной свободы. Также к объектам животного мира отнесены все природные ресурсы континентального шельфа и исключительной экономической зоны России (ст. 1 ФЗ «О животном мире»).

Правовой режим «животных» и «объектов животного мира» в законодательстве раскрывается в аспекте соотношений общих (ст. 137 ГК РФ) и специальных норм (ч. 1-6 ст. 4 ФЗ «О животном мире»), следовательно, животные объектом каких правоотношений (гражданско-правовых или экологических) будет зависеть от их статуса, определенными различными законами. В вопросах владения, пользования и распоряжения объектами животного мира, изъятыми из среды обитания, нормы гражданского права имеют выше юридическую силу (ч. 9 ст. 4 ФЗ «О животном мире»). Значительным критерием разграничения объекта животного мира от животных является то, что объекты животного мира находятся в состоянии естественной свободы. При этом, как отмечают Д.Б. Горохов и Ю.В. Горохова, характеристика объекта – вид, подвид (порода), другие биологические (зоологические) характеристики животного, а также цель содержания (владение, пользование и распоряжение им) решающего значения не имеют [5, с. 35].

Таблица. Классификация животных

ЖИВОТНЫЕ			
Объекты животного мира, находящиеся в состоянии естественной свободы и обитающие в природной среде	редкие и находящиеся под угрозой исчезновения животные	виды, занесенные в красные книги Российской Федерации, субъектов Российской Федерации;	
	охотничьи ресурсы	объекты животного мира, которые используются или могут быть использованы в целях охоты;	
	водные биологические ресурсы	рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, другие водные животные;	
	объекты животного мира, не отнесенные к вышеуказанным группам.		
Животные, не находящиеся в состоянии естественной свободы и содержащиеся в антропогенных объектах	домашние животные	животные, которые находятся на содержании владельца - физического лица, под его временным или постоянным надзором и местом содержания которых являются жилые помещения и (или) примыкающие к ним земельные участки;	
	дикие животные в неволе	животные, содержащиеся и используемые в условиях неволи, и местом содержания которых являются зоопарки, зоосады, цирки, зоотеатры, дельфинарии, океанариумы, лаборатории и др. антропогенные объекты, за исключением жилых помещений;	
	служебные животные	животные, специально подготовленные и используемые (применяемые) в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики и иных объектов, а также в иных целях, установленных законодательством Российской Федерации и содержащиеся в соответствующих объектах.	
	скот	сельскохозяйственные животные (животные всех видов, любого полового и возрастного состава, разведение которых осуществляется в целях получения продукции животноводства).	

По мнению многих ученых, классификация животных «позволит выбрать способ правового регулирования, а также устранил вопрос содержания таких животных, обеспечения как безопасности человека и благоприятной для его проживания состояния среды, так и здоровья, и безопасности самих животных, гуманного отношения к ним» [3, с. 416]. В научной литературе представлены различные классификации домашних и иных животных, содержащихся в неволе, [3, с. 416; 5, с. 23].

В ФЗ «Об ответственном обращении с животными» животные разделены на три группы:

1) дикие животные, содержащиеся или используемые в условиях неволи (дикие животные в неволе), - дикие животные, изъятые из среды их обитания (в том числе ввезенные на территорию Российской Федерации из других государств), потомство таких животных (в том числе их гибриды);

2) домашние животные - животные (за исключением животных, включенных в перечень животных, запрещенных к содержанию), кото-

рые находятся на содержании владельца - физического лица, под его временным или постоянным надзором и местом содержания которых не являются зоопарки, зоосады, цирки, зоотеатры, дельфинарии, океанариумы;

3) служебные животные - животные, специально подготовленные и используемые (применяемые) в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики и иных объектов, а также в иных целях, установленных законодательством Российской Федерации.

В ст. 2 Федерального закона от 25.07.2011 № 260-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» закреплено понятие сельскохозяйственных животных - животных всех видов, любого полового и возрастного состава, разведение которых осуществляется в целях получения продукции животноводства.

Как было сказано выше, одним из главных критериев разграничения является состояние естественной свободы животных. На наш взгляд, немаловажным признаком является среда их обитания. Согласно ст. 1 ФЗ «Об охране окружающей среды», окружающая среда состоит из природной среды (компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов) и антропогенных объектов (объект, созданный человеком для обеспечения его социальных потребностей и не обладающий свойствами природных объектов – здания, строения, сооружения и другие объекты строительства). Следовательно, следует разделить животных на две группы: объекты животного мира, находящиеся в природной среде, и животные, содержащиеся в антропогенных объектах.

Исходя из вышеуказанных критериев - состояния естественной свободы и места обитания или содержания животных, в таблице представлена их классификация (табл.).

Для каждой группы животных регламентирован правовой режим их использования, охраны и защиты:

1) объектов животного мира, находящихся в состоянии естественной свободы и обитающих в природной среде - законодательством об охране окружающей среды, и

2) животных, не находящихся в состоянии естественной свободы и содержащихся в антропогенных объектах - гражданским законодательством, законодательством в области сельского хозяйства и ветеринарии, ФЗ «Об ответственном отношении с животными» и др.

В ст. 3 ФЗ «Об ответственном обращении с животными» закреплено понятие «животное без владельца - животное, которое не имеет владельца или владелец которого неизвестен». Указанный термин больше запутывает, чем определяет порядок регулирования таких животных, нарушает определенную логическую связь между ним и терминами «бездзорные животные», «бесхозные животные», предусмотренными ГК РФ.

Согласно ст. 230 ГК РФ, лицо, задержавшее бездзорный или пригультый скот, или других бездзорных домашних животных, обязано возвратить их собственнику, а если собственник животных или место его пребывания неизвестны, не позднее трех дней с момента задержания заявить об обнаруженных животных в полицию или в орган местного самоуправления, которые принимают меры к розыску собственника. Таким образом, ГК РФ, определяет порядок признания животного бездзорным и розыска его хозяина. В свою очередь, полиция или орган местного самоуправления принимают меры по розыску собственника такого животного в течение 6 месяцев (ст. 231 ГК РФ). Следовательно, именно в этот период времени животные приобретают статус бездзорных животных.

По мнению Д.Б. Горохова, Ю.В. Гороховой, фаунистическое законодательство не охватывает своим регулированием бездзорных домашних животных [5; с. 23]. Аналогичную позицию занимает А.Р. Аскаров, считая, что легальная дефиниция животного мира не позволяет отнести к объектам животного мира бездзорных животных [6; с. 110].

Согласно ст. 225, 231 ГК РФ, по истечению 6 месяцев бездзорное животное наделяется статусом бесхозной и переходит в собственность лица, содержавшее животное весь этот период; при его отказе от права собственности - в муниципальную собственность и используется в порядке, определяемом органом местного самоуправления.

ФЗ «Об ответственном обращении с животными» установлены требования к деятельности органов местного самоуправления по обращению с животными без владельцев: отлов, стерилизация и возврат на прежние места обитания. Органы местного самоуправления могут распоряжаться животными только в случае перехода к ним права собственности, следовательно, отлов-стерилизация должна осуществляться, когда животное приобретает статус бесхозного. Считаем необходимым термин «животное без владельца» привести в соответствие с терминологией ГК РФ и заменить на «бесхозное животное». Также в ФЗ «Об ответственном обращении с животными» не раскрывается понятие «прежнее место обитания», но из смысла закона – место, где животное было отловлено, т.е. возвращается в природную среду. Таким образом, вышеуказанный закон определяет порядок отказа органа местного самоуправления от права муниципальной собственности на бесхозные животные.

Бесхозные животные, возвращенные в природную среду, начинают жить в состоянии естественной свободы, т.к. утрачивают социальные связи со своими владельцами, становятся синантропными, а, следовательно, приобретают статус объекта животного мира. Право государственной собственности на бесхозные животные, обитающие в природной среде, приобретается в силу закона - ст. 4 ФЗ «О животном мире», согласно которой животный мир в пределах территории Российской Федерации является государственной собственностью.

Таким образом, правовое регулирование использования, охраны и защиты животных зависит от их статуса, определяемыми законами:

- объекты животного мира, находящиеся в состоянии естественной свободы и обитающие в природной среде - объект экологических

правоотношений;

- животные, не находящиеся в состоянии естественной свободы и содержащиеся в антропогенных объектах - объект гражданских правоотношений;

- безнадзорные животные - объект гражданских правоотношений;

- бесхозяйные животные - объект муниципальных правоотношений;

- синантропные животные - объект экологических правоотношений.

Предлагаемая классификация животных способствует правильной квалификации уголовно наказуемого деяния как жестокое обращение с животными – животными, не находящимися в состоянии естественной свободы и содержащиеся в антропогенных объектах, в том числе безнадзорными и бесхозяйными.

Список литературы:

1. Экологический энциклопедический словарь: свыше 8 тыс. терминов / И.И. Дедю. - Кишинева: главная редакция Молдавской Советской Энциклопедии, 1989. - 408 стр.
2. Алехина О.М. Животные как предмет правовой охраны: вопросы законодательства и практика его применения // Вестник Московского университета МВД России, 2018. № 6. С. 63-67. DOI: 10.24411/2073-0454-2018-10011 EDN: CMIHTF
3. Анисимов А.П. Правовой режим животных без владельца (бродячих животных) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право, 2019. № 4. С. 415-521. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-4-415-421 EDN: UUERPW
4. Кулагина А.Е., Щербина Е.М. Жестокое обращение с животными: новое законодательство и его эффективность // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор, 2021. № 1. С. 117-122. DOI: 10.24412/cl-36450-2021-1-117-122 EDN: KMSIMQ
5. Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Проблемы правового регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира // Законодательство и экономика, 2015. № 3. С. 22-41. EDN: UDDMPV
6. Аскаров А.Р. Понятие объектов животного мира по российскому законодательству // Вестник магистратуры, 2018. № 4-2 (79). С. 109-111.

References:

1. Ecological encyclopedic dictionary: over 8 thousand terms / I.I. Dedyu. - Kishenev: the main editorial office of the Moldavian Soviet Encyclopedia, 1989. - 408 p.
2. Alyokhina O.M. Animals as a subject of legal protection: issues of legislation and practice of its application // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. No. 6. pp. 63-67. DOI: 10.24411/2073-0454-2018-10011 EDN: CMIHTF
3. Anisimov A.P. The legal regime of animals without an owner (stray animals) // Proceedings of the Saratov University. A new series. The Economics series. Management. Pravo, 2019. No. 4. pp. 415-521. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-4-415-421 EDN: UUERPW
4. Kulagina A.E., Shcherbina E.M. Cruelty to animals: new legislation and its effectiveness // Development of customs affairs of the Russian Federation: Far Eastern Vector, 2021. No. 1. pp. 117-122. DOI: 10.24412/cl-36450-2021-1-117-122 EDN: KMSIMQ
5. Gorokhov D.B., Gorokhova Yu.V. Problems of legal regulation of relations on the maintenance, use and protection of animals not related to objects of the animal world // Legislation and Economics, 2015. No. 3. pp. 22-41. EDN: UDDMPV
6. Askarov A.R. The concept of wildlife objects according to Russian legislation // Bulletin of Magistracy, 2018. No. 4-2 (79). pp. 109-111.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_354

УДК 347.91.195

К ВОПРОСУ О ТОМ, КАКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ ЗА ПОМОЩНИКОМ СУДЬИ, ЧТОБЫ НАДЕЛИТЬ ЕГО ПОЛНОМОЧИЯМИ ПО ВЫНЕСЕНИЮ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ?

ON THE QUESTION OF WHAT PROCEDURAL POSITION SHOULD BE RECOGNIZED FOR AN ASSISTANT JUDGE IN ORDER TO GIVE HIM THE AUTHORITY TO PRONOUNCE JUDICIAL ACTS IN CIVIL PROCEEDINGS?

ВОЙТОВИЧ Лилия Владимировна,заведующая кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук, доцент.

197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, лит. «А».

E-mail: voitovich@yandex.ru;**VOITOVICH Lilia Vladimirovna,**Head of the Department of Civil Procedure Law Northwest Branch
of the Federal State Budgetary Educational Institution Lebedev Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Alexandrovsky Park, house 5, letter «A».E-mail: voitovich@yandex.ru

Краткая аннотация. Автор приходит к выводу о том, что помощник судьи в цивилистическом судопроизводстве не относится к лицам, содействующим осуществлению правосудия. Положения цивилистического процессуального законодательства, определяющие процессуальное положение помощника судьи, должны быть перенесены в главу, посвященную правовому регулированию состава суда.

Abstract. The author comes to the conclusion that the assistant judge in civil proceedings is not one of the persons facilitating the administration of justice. The provisions of civil procedure legislation defining the procedural status of an assistant judge should be moved to the chapter on the legal regulation of the composition of the court.

Ключевые слова: помощник судьи; судебные акты; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; административное судопроизводство.

Keywords: assistant judge; judicial acts; civil proceedings; arbitration proceedings; administrative proceedings.

Для цитирования: Войтович Л.В. К вопросу о том, какое процессуальное положение необходимо признать за помощником судьи чтобы наделить его полномочиями по вынесению судебных актов в цивилистическом судопроизводстве? // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 354-357. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_354.

For citation: Voitovich L.V. To the question of what procedural position should be recognized for an assistant judge in order to give him the authority to pronounce judicial acts in civil proceedings? // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 354-357. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_354.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Актуальность.

Поиск механизмов для снижения высокой степени загруженности судей, рассматривающих дела в цивилистическом судопроизводстве, в настоящее время, является особенно актуальным. Введение полномочий на вынесение судебных актов, в частности, разрешающих только процессуальные вопросы (при возбуждении производства по делу; подготовке дела к судебному разбирательству и др.) для помощника судьи направлено на решение этой проблемы.

Вместе с тем, отнесение действующим цивилистическим процессуальным законодательством помощника судьи к лицам, содействующим осуществлению правосудия, является спорным с точки зрения как науки, так и судебной практики, и, соответственно требует обсуждения.

Классификация субъектов цивилистического процессуального правоотношения: проблемы теории.

Процессуальное положение помощника судьи обусловлено той группой субъектов цивилистического процессуального правоотношения, в которую он входит. При этом, как известно, общепризнанным в теории цивилистического процессуального права является то, что основным субъектом гражданских процессуальных отношений, прежде всего, является властный государственный орган – суд [8, с. 6]. В отношении аппарата суда позиции ученых представлены не единообразно.

Исследования субъектного состава цивилистических процессуальных правоотношений можно проследить с учетом развития кодификации соответствующего законодательства. Так, в частности в 1962 г. Н.А. Чечина, в зависимости от целей и задач, которые стоят перед субъектами гражданских процессуальных отношений подразделяла их на три группы: а) лица, защищающие в процессе свои субъективные права (стороны, третьи лица), т.е. субъекты предполагаемых спорных материально-правовых отношений: б) лица, участвующие в процессе в целях защиты общественных и государственных интересов: прокурор, органы государственного управления, общественные организации, представители трудящихся и общественных организаций; в) лица, привлекаемые в процесс для содействия осуществлению правосудия, но не защищающие в деле ни субъективного, ни общественного интереса (свидетели, эксперты, переводчики) [8, с. 20]. При этом, аппарат суда в качестве субъектов гражд-

данских процессуальных отношений Н.А. Чечина, и другие ее современники не называют. В отношении помощника судьи – это вполне объяснимо, поскольку он появился в цивилистическом судопроизводстве гораздо позже¹.

Д.М. Чечот, в 1960 г. представил разработанные признаки лиц, участвующих в деле. Так, по его мнению «участвующие в деле лица (участники процесса) – это те субъекты гражданского процессуального права, которые своими действиями могут активно влиять на ход процесса, способствуя его возникновению, движению или прекращению и которые вступают в процесс для защиты своих прав либо прав других лиц, если это поручено им законом» [9, с. 93]. В соответствии с указанными критериями к числу лиц, участвующих в деле Д.М. Чечот относил: «а) стороны; б) лица, возбуждающие процесс в защиту прав других лиц (процессуальные истцы); в) третьи лица; г) органы государственного управления и общественных организаций, дающие заключение по делу; д) прокуратура; е) представители сторон и третьих лиц; ж) граждане и организации – участники дел особого производства и дел о взысканиях по требованиям административных органов и по жалобам на действия административных органов и должностных лиц» [9, с. 94].

Д.М. Чечот констатировал, что «субъектами гражданско-процессуального правоотношения следует считать лиц, которые, обладая процессуальными правами и обязанностями, могут вступать с судом в отношения, регулируемые нормами гражданского процессуального права». Исходя из этого, по мнению автора «секретарь судебного заседания субъектом процессуального правоотношения быть не может, так как связан с судом отношениями, которые не регулируются нормами процессуального права» [9, с. 94].

Известный цивилист-процессуалист М.С. Шакарян в 1970 г. обосновала, что «лица, участвующие в деле, – это участники процесса, имеющие самостоятельный юридический интерес (личный или общественный) к исходу процесса; действующие в процессе от своего имени; имеющие право на совершение процессуальных действий, направленных на движение процесса. На лиц, участвующих в деле, распространяется в установленных законом пределах законная сила решения суда (определения о прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска или утверждения мирового соглашения)» [10, с. 21]. Вместе с тем, необходимо отметить, что диссертационное исследование М.С. Шакарян называется: «Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения», однако о лицах, содействующих осуществлению правосудия, она не говорила. М.С. Шакарян рассматривала аппарат суда в рамках группы должностных лиц суда. Так, автор выделяла «в составе субъектов гражданского процессуального правоотношения должностных лиц суда (судей, народных заседателей, судебного исполнителя и секретаря судебного заседания)» [10, с. 21].

Анализируя положения действующего цивилистического процессуального законодательства в 2009 г. Е.А. Трещева в отличие от распространенного мнения о том, что правовое положение лиц, участвующих в деле, определяется совокупностью признаков, приходит к выводу о том, что «единственным признаком, объединяющим в одну группу всех лиц, участвующих в деле, является их заинтересованность в деле, имеющая процессуальный характер» [7, с. 8]. Под процессуальной заинтересованностью как побудительным мотивом к участию в разбирательстве дела автором понимается «направленность процессуальной деятельности лица, участвующего в деле, к определенному результату, выражающемуся в определенном судебном акте» [7, с. 8].

При этом Е.А. Трещева продолжила развивать позицию М.С. Шакарян и обратила внимание и на то, что «определенный круг процессуальных действий, совершаемых должностными лицами арбитражного суда – помощниками судей и секретарями судебного заседания, направлен на рассмотрение дел в арбитражном суде» [7, с. 7]. В связи с чем автор определяет правовое положение этих лиц «как субъектов, реализующих властные полномочия суда» [7, с. 7]. Е.А. Трещева одна из первых предложила «внести изменения в гл. 2 АПК РФ, где, по ее мнению, следовало бы определить статус помощника судей и секретарей судебного заседания как субъектов, реализующих властные полномочия суда; закрепить расширение полномочий помощников судей по совершению процессуальных действий, направленных на подготовку дела к разбирательству (гл. 14 АПК РФ) и организацию примирительных процедур (гл. 15 АПК РФ)» [7, с. 11].

Современный исследователь в 2022 г. Р.А. Ахмеров посвятивший свою работу именно лицам, содействующим осуществлению правосудия, считает, что «под лицами, содействующими осуществлению правосудия, необходимо понимать тех субъектов, которые оказывают влияние на ход судопроизводства посредством выполнения определенных функций в рамках поставленных для них задач. Учитывая, что правосудие – понятие многогранное и всегда предполагает наличие суда как органа государственной власти, с одной стороны, и заинтересованного лица, обратившегося за защитой нарушенных прав или оспоренных интересов, – с другой, то такие лица необходимо делить на содействующие суду и содействующие лицам, участвующим в деле. Такое разграничение основано на связи лиц, содействующих осуществлению правосудия, с иными субъектами гражданского судопроизводства» [1, с. 8]. Автор считает, что «к лицам, содействующим суду, стоит относить экспертов, специалистов и свидетелей. К лицам, содействующим лицам, участвующим в деле, стоит относить представителя и переводчика» [1, с. 10].

Также Р.А. Ахмеров предложил позицию, согласно которой «к лицам, обеспечивающим ход гражданского судопроизводства, относятся помощник судьи и секретарь судебного заседания. В качестве общих критериев выступают: особый объем процессуальных прав и обязанностей; отсутствие юридической заинтересованности; цель участия – создание нормальных технических условий для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела по существу; нахождение в непосредственной зависимости от суда» [1, с. 8]. Представленная позиция является обоснованной и требует поддержки.

¹ Указ Президента РФ от 21.02.2000 № 428 «Об увеличении штатной численности судей и работников аппаратов арбитражных судов в Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. 28.02.2000. № 9. Ст. 1022; Постановление Правительства РФ от 20.11.2001 № 805 (ред. от 06.02.2004) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002 – 2006 годы». // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. т. 4623.

Противоположную позицию высказали немного ранее в 2020 г. О.Н. Городнова и А.А. Макарушкова, которые отметили, что «анализ полномочий помощника судьи, а также процессуальных полномочий и цели участия секретаря судебного заседания позволяет сделать вывод о том, что они по своему статусу вполне могут быть отнесены к лицам, содействующим осуществлению правосудия» [2, с. 104].

А.В. Сорокопуд в 2021 г. завершает диссертационное исследование, посвященное правовому положению именно помощника судьи в гражданском и арбитражном судопроизводстве, где рассматривает и вопросы его процессуального положения. Автор, обосновывает, что помощника судьи нельзя рассматривать как лицо, содействующее осуществлению правосудия и обосновано утверждает, что «в целях научной классификации субъектов гражданских процессуальных и арбитражных процессуальных отношений помощника судьи следует отнести в одну группу с судом, учитывая особенности взаимодействия помощника судьи с другими лицами и его статус служащего суда как государственного органа. Отнесение помощника судьи к лицам, содействующим осуществлению правосудия, наряду с экспертом, специалистом, переводчиком и секретарем судебного заседания является неверным. Помощника судьи от указанных лиц отличают характер его деятельности, цель участия в процессе, статус государственного гражданского служащего, особенности содержания правового статуса и наличие у него полномочий не только процессуального, но и непроцессуального характера» [5, с. 9; 6, с. 9].

Представляется целесообразным присоединиться к позициям ученых-процессуалистов, которые всех лиц, занимающих какое-либо процессуальное положение в цивилистическом судопроизводстве первоначально определяют как «субъекты цивилистического процессуального правоотношения» (общее понятие). Далее, в зависимости от цели участия в процессе всех субъектов обоснованно подразделяют на суды и участников. Следует признать, что суд (единоличный и коллегиальный), а также помощник судьи и секретарь судебного заседания относятся к одной группе субъектов судопроизводства с учетом цели их участия. Участие в судопроизводстве помощника судьи (как и секретаря судебного заседания) обусловлено целями осуществления правосудия (они обеспечивают реализацию правосудия) и соответственно включать их в состав лиц, содействующих осуществлению правосудия не представляется правильным. Основываясь на таком процессуальном положении помощника судьи перспективы развития его полномочий в цивилистическом судопроизводстве представляются вполне целесообразными.

Необходимо признать обоснованным разделение всех участников цивилистического процессуального правоотношения с учетом целей в судопроизводстве на три подгруппы: лиц, участвующих в деле; лиц, защищающих чужие права, свободы и законные интересы; лиц, содействующих осуществлению правосудия.

Проблемы правового регулирования в цивилистическом судопроизводстве процессуального положения помощника судьи.

В настоящее время, действующее цивилистическое процессуальное законодательство признает аппарат суда участниками процессуальных правоотношений. При этом, законодательно представлено упрощенное деление всех субъектов на лиц, участвующих в деле и других участников судопроизводства (гл. 4 ГПК РФ¹, гл. 5 АПК РФ² и гл. 4 КАС РФ³). Унификация положений процессуального законодательства в части, касающейся закрепления процессуального статуса помощника судьи⁴, была произведена Федеральным законом от 29.07.2018 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵.

Содержание гл. 4 ГПК РФ говорит о том, что гражданское процессуальное законодательство относит к другим участникам процесса помощника судьи, как и секретаря судебного заседания (ст. 47.1 ГПК РФ).

Позиция Верховного Суда РФ, относительно процессуального положения аппарата суда в гражданском судопроизводстве, в частности, показана в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»⁶. Следует признать, что процессуальное положение помощника судьи (как и секретаря судебного заседания) не требуют от суда дополнительных действий, направленных на определение их статуса в судопроизводстве, поскольку эти субъекты процессуальных правоотношений составляют единую группу участников вместе с судом.

В ст. 54 АПК РФ и ст. 48 КАС РФ помощника судьи и секретаря судебного заседания относят к лицам, содействующим осуществлению правосудия. Как известно, лица, содействующие осуществлению правосудия не предназначены для того, чтобы выносить судебные акты. Соответственно процессуальное положение помощника судьи на законодательном уровне должно быть изменено, с учетом перспектив развития его полномочий.

В связи с вышеизложенным, также следует отметить, что в настоящее время в ч. 3 ст. 58 АПК РФ установлен запрет для помощника судьи совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников арбитражного процесса. По нашему мнению, такая формулировка, противоречит другим положениям процессуального закона. Следует признать, что в современном гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве помощник судьи наделен полномочиями, реализация которых влечет правовые последствия для других участников. В частности, ч. 1 ст. 230 ГПК РФ, ч. 2 и 4 ст. 58 АПК РФ и ч. 1

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025). // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024). // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024). // Собрание законодательства РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.

⁴ Проект Федерального закона № 426094-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.03.2018). // <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 08.02.2025 г.).

⁵ Федеральный закон от 29.07.2018 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. 30.07.2018. № 31. Ст. 4854.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». // Российская газета. № 140. 02.07.2008.

ст. 206 КАС РФ наделяют помощника судьи (или секретаря судебного заседания) обязанностями по ведению протокола судебного заседания, что как известно, влечет возможность для участников судопроизводства заявлять замечания относительно содержания протокола (ст. 231 ГПК РФ, ч. 7 ст. 155 АПК РФ, ст. 207 КАС РФ). Перспективы увеличения объема процессуальных прав и обязанностей помощника судьи (полномочий) в цивилистическом судопроизводстве потребуют исключения из действующего законодательства этой формулировки (ч. 3 ст. 58 АПК РФ).

Выводы:

Принимая во внимание признаки, разработанные наукой гражданского процессуального права, следует признать, что помощник судьи не относится к лицам, содействующим осуществлению правосудия. Перспективы развития полномочий помощника судьи предопределяют необходимость перенесения в главу, посвященную правовому регулированию состава суда положений процессуального законодательства, определяющих его процессуальное положение.

Список литературы:

1. Ахмеров Р.А. Система субъектов гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... к.ю.н. Саратов, 2022. 26 с. EDN: AUQGJP
2. Городнова О.Н., Макарушкова А.А. Проблемы и перспективы правового регулирования статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском процессе // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 103 - 115. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.103-115 EDN: RRZHFS
3. Гурвич М.А. Судебное решение: теоретические проблемы. М.: Юридическая литература, 1976. 175 с.
4. Зайчиков Я.В. К вопросу о возможности расширения полномочий помощника судьи в гражданском процессе // Современное право. 2020. № 10. С. 96 - 98. DOI: 10.25799/NI.2020.56.48.023 EDN: SICGCW
5. Сорокопуд А.В. Помощник судьи в системе гражданских и арбитражных процессуальных отношений // Российский судья. 2021. № 1. С. 9 - 13. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-1-9-13 EDN: GUFUXI
6. Сорокопуд А.В. Правовое положение помощника судьи в гражданском и арбитражном судопроизводстве: автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2021. 24 с.
7. Трещева Е.А. Субъекты арбитражного процесса: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 2009. 47 с. EDN: NKWVHL
8. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л.: Издательство ленинградского университета, 1962. 68 с.
9. Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Издательский Дом С.-Петербург.гос.ун-та, Издательство юридического факультета С.-Петербург.гос.ун-та, 2005. 616 с. ISBN: 5-9645-0025-0 EDN: QWKJMP
10. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения: автореф. дис. ... д.ю.н. М., 1972. 42 с.
11. Шевченко И.М. О необходимости повышения процессуальной роли помощников судей // Российский судья. 2024. № 1. С. 37 - 42. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-1-37-42 EDN: TDVBOK

References:

1. Akhmerov R.A. The system of subjects of civil proceedings: abstract of the dissertation of the Candidate of Law Saratov, 2022. 26 p. EDN: AUQGJP
2. Gorodnova O.N., Makarushkova A.A. Problems and prospects of legal regulation of the status of persons facilitating the administration of justice in civil proceedings // Actual problems of Russian law. 2020. No. 1. pp. 103 - 115. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.103-115 EDN: RRZHFS
3. Gurvich M.A. Judicial decision: theoretical problems. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1976. 175 p.
4. Zaichikov Ya.V. On the question of the possibility of expanding the powers of an assistant judge in civil proceedings // Modern law. 2020. No. 10. pp. 96-98. DOI: 10.25799/NI.2020.56.48.023 EDN: SICGCW
5. Sorokopud A.V. Assistant judge in the system of civil and arbitration procedural relations // Russian judge. 2021. No. 1. PP. 9-13. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-1-9-13 EDN: GUFUXI
6. Sorokopud A.V. The legal status of an assistant judge in civil and arbitration proceedings: abstract of the dissertation, Candidate of Law, 2021. 24 p.
7. Treshcheva E.A. Subjects of the arbitration process: abstract of the dissertation, Doctor of Law, 2009. 47 p. EDN: NKWVHL
8. Chechina N.A. Civil procedural relations. Leningrad: Leningrad University Press, 1962. 68 p.
9. Chechot D.M. Selected works on civil procedure. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2005. 616 p. ISBN: 5-9645-0025-0 EDN: QWKJMP
10. Shakaryan M.S. Subjects of Soviet civil procedural legal relations: abstract of the dissertation of the Doctor of Law, 1972. 42 p.
11. Shevchenko I.M. On the need to enhance the procedural role of judicial assistants // The Russian judge. 2024. No. 1. pp. 37-42. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-1-37-42 EDN: TDVBOK

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_358

УДК 347.9

РОЛЬ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ВОПРОСЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА THE ROLE OF JUDICIAL ACTS IN THE IMPLEMENTATION OF THE LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE

АЛЕКСЕЕВА Евгения Владимировна,

доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Дунайский пр., д. 55.

E-mail: jenn08@mail.ru;

ALEKSEEVA Evgenia Vladimirovna,

Associate Professor of the Civil Procedural Law Department

North-West Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education

«Russian State University of Justice n.a. V.M. Lebedev».

г. St. Petersburg, Dunaysky pr. 55.

E-mail: jenn08@mail.ru

Краткая аннотация: Вопрос о правовой политике государства представляет собой многоаспектную проблему современной юриспруденции. Особое значение и интерес вызывает ее инструментарий. Несмотря на то, что в научной доктрине неизменно подчеркивается важность судебных актов, зачастую их роль умалчивается, или не оценивается должным образом. В связи с этим предпринимается попытка выявить объективную значимость актов правоприменения, механику их влияния на формирование политики государства в области права. В результате делается вывод, что восприятие судебных актов в качестве второстепенного инструмента правовой политики приводит к затормаживанию совершенствования правового регулирования, значительным сложностям в формировании должной правовой культуры и восприятия ценности права в целом.

Abstract: The question of legal policy of the state is a multidimensional problem of modern jurisprudence. Of particular importance and interest is its toolkit. Despite the fact that scientific doctrine invariably emphasises the importance of judicial acts, their role is often omitted or not properly assessed. In this regard, an attempt is made to identify the objective significance of acts of law enforcement, the mechanics of their influence on the formation of state policy in the field of law. As a result, it is concluded that the perception of judicial acts as a secondary instrument of legal policy leads to a slowdown in the improvement of legal regulation, significant difficulties in the formation of a proper legal culture and perception of the value of the law in general.

Ключевые слова: судебный акт, правовая политика, правосудие, государство, инструменты правовой политики, органы судебной власти, нормативные правовые акты.

Keywords: judicial act, legal policy, justice, state, instruments of legal policy, judicial authorities, normative legal acts.

Для цитирования: Алексеева Е.В. Роль судебных актов в вопросе реализации правовой политики российского государства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 358-361. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_358.

For citation: Alekseeva E.V. The role of judicial acts in the implementation of the legal policy of the Russian state // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 358-361. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_358.

Статья поступила в редакцию: 12.04.2025**Дата публикации: 30.04.2025**

Правовая политика государства выступает центром сплетения интересов подавляющего большинства направлений современной юриспруденции. Вряд ли нам встретится какая-либо отрасль права, в которой не будет идти речь о таких научных категориях, как «государство», «политика», «право», «правовое регулирование», «правосудие», «правоприменение». Указанные правовые явления находятся в неразрывном единстве с многочисленными идеями и подходами правовой политики государства (или государственной политики в области права), являются ключевыми вопросами при определении векторов развития государственной политики любого правопорядка.

Известно, что сама государственная политика как особый публичный феномен выражается через систему неких принципов, правил и деятельности по практической реализации механизмов государственного управления всеми сферами нашей жизни. В свою очередь, по справедливому утверждению О.А. Рыбакова, «правовая политика» – это видовое понятие в соотношении с такой интеграционной категорией, как «политика», само представляющее многомерное образование [13, с.24]. Вследствие этого, как полагает автор, особенности российской государственной политики не только отражаются на характере правовой политики в нашей стране в целом, но и определяет ее специфику в рамках правового регулирования различных сфер общественных отношений [17, с.37].

Среди прочего, особой значимостью выступает вопрос о реализации государственной политики, которая, безусловно, увязывается с точным и своевременным выполнением задач, стоящих перед государством, в том числе, следованию стратегических планов, которые наглядно отображаются в документах стратегического планирования¹. Данные документы дают понимание реперных точек политического курса страны, периодов времени, алгоритмов, условий действия и необходимых для этого ресурсов, и выступают своеобразным маршрутизатором, по которому

¹ См. например: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351; Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.03.2024 г., № 10, ст. 1373; Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года, утвержден Правительством России // <http://static.government.ru> по состоянию на 09.01.2025 г. и др.

надлежит двигаться исполнителям государственной политики.

В целом российское законодательство довольно часто оперирует терминами «политика», «правовая политика», ни в одном нормативном правовом акте не дается их определения. Попытки восполнить данный пробел неоднократно предпринимались в юридической науке, в том числе и на уровне диссертационных исследований [5, 3, 12]. Это породило изрядное количество разнообразных мнений о понятии, сущности и содержании категории «правовая политика». Примечательно, что почти четверть века назад Н.И. Матузов, подчеркивал, что «вопросы правовой политики в нашей науке разработаны пока еще недостаточно... Идут дискуссии, высказываются разные мнения, в том числе спорные: имеется, в частности, точка зрения, что якобы не существует никакой специфической правовой политики, а существует государственная политика в правовой сфере жизни общества» [8, с.77]. Однако на текущий день ситуация не сильно изменилась, неопределенность в данном вопросе по-прежнему остается.

В этом, думается, кроется причина того, что тема правовой политики российского государства и ее составляющих является весьма привлекательной для российских правоведов [9]. Кроме того, изучение указанной проблематики «позволяет получить общезначимый результат, имеющий актуальность как в конкретно-историческом плане, так и в аспекте решения перспективных задач» [13, с.16]. Интересно, что еще в дореволюционных трудах выдающихся ученых (например, Л.И. Петражицкого) была дана оценка феномену политики права и установлено, что она разительно отличается «от догмы, или от «науки позитивного права», своей направленностью на выработку законодательных новелл и вообще на изменение действующего права» [14].

По мнению экспертов, правовую политику следует рассматривать как «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов и институтов гражданского общества по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств» [7, с.34].

Из указанного видим, что субъектный состав отношений, формирующихся в области правовой политики, весьма широк. Нельзя не согласиться с позицией А.И. Демидова, утверждающего, что важнейшим признаком политики является «наличие властных иерархических отношений, центром которых является государство, институциональность и осуществление ее в большинстве на профессиональной основе» [2, с. 11].

В контексте сказанного следует подчеркнуть, что в рамках политики как особого явления, любое политическое действие является целенаправленным. Также становится очевидным, что в системе политических действий установление целей выходит на первый план, что в итоге оказывает решающее влияние на любое направление государственной политики. В итоге любое действие становится осмысленным с учетом возможных вариантов развития политических событий, конкретным и реалистичным. Таким образом, ключевой характеристикой политики государства в сфере права видится реализация стратегических целей и тактических задач в области права, которая проводится государством.

Как утверждал Н.И. Матузов, «содержание правовой политики обширно и богато, оно включает в себя множество компонентов: это и стратегия законодательства, и принципы правового регулирования, и конституционное строительство, и судебно-правовая реформа, и защита прав человека...» [8, с.84-85].

Заслуживающей внимания также представляется точка зрения И.Л. Честнова, который подчеркивая, что правовая политика является процессом и результатом «дискурсивной борьбы социальных групп за право официальной номинации, классификации, категоризации и квалификации некоторых социальных явлений как наиболее значимых. Далее – это придание им (так номинируемым социальным явлениям) юридического статуса - закрепление в юридических формах. Затем – их воспроизводство как правоприменителями, так и широкими слоями общества» [15, с.18].

Конкретное количество задач, а также конечная цели указанной деятельности зависит, на наш взгляд, прежде всего от уровня развития общественных отношений, система которых обладает особой спецификой в рамках определенной исторической эпохи существования того или иного государства. Но все-таки следует полагать, что главной целью правовой политики является создание правового государства, под которым уже длительное время в теории рассматривают такое публично-правовое образование, где праву отводится прерогативная роль, а государственный аппарат выступает как равноправный субъект в системе «личность-общество-государство»; при этом любые юридически значимые действия участников социально-политических отношений не могут быть исключены из сферы действия законов [10, с.73].

Важнейшим компонентом политики является категория «средство», которое определяет пути и способы достижения целей. Следует согласиться с мнением К.В. Шундикова о том, что «в области правовой политики действуют особые средства, которые можно обозначить как юридические. Юридические (правовые) средства – это взятая в единстве совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей» [16, с.119].

Конкретный инструментарий, которым политика оперирует, зависит от ее направлений, которые вполне могут считаться формами ее реализации. К ним вне зависимости от исторического периода развития государства и его институтов можно причислить: 1) правотворческую; 2) правоприменительную; 3) правовое обеспечение функционирования государства и его органов; 4) доктринальную; 5) правовое просвещение [17, с.42].

Бесспорно, прав В.Н. Кудрявцев, который исходил из тезиса о том, что правовые акты являются основным средством реализации правовой политики. При этом он подчеркивал, что правовая политика всегда отдает предпочтение методу правового регулирования перед иными юридическими способами воздействия на общественные отношения [6, с. 163].

Из сказанного следует, что если итогом правовой политики является правовое воздействие, то правовое регулирование как «специфи-

ческое воздействие, осуществляемое правом как особым нормативным институциональным регулятором» [1, с.145], т.е. разновидность правового воздействия, будет являться результатом политики государства в сфере правового регулирования.

Следовательно, правовая политика как юридический феномен демонстрирует базу взаимодействия государства и иных субъектов правоотношений, в том числе, личности, прежде всего с точки зрения действующего законодательства.

Вместе с тем, сложно отрицать тот факт, что политика без сомнения активно влияет на право, при этом не всегда можно констатировать наличие положительных результатов. Проблема такого воздействия характерна для большинства государств. Мировая история изобилует фактами, свидетельствующими о принятии или отмене того или иного закона, или даже создании или уничтожении определенного государственного-правового института, если это угодно структурам, стоящим у власти.

Вместе с тем, эксперты резонно замечают, что абсолютизировать, возводить в ранг «самой главной» правотворческую форму правовой политики неверно. Так, по мнению О.Ю. Рыбакова «любые, самые справедливые, выверенные решения в области правотворчества останутся не реализованными в полной мере, если не будут подкреплены сильной политикой в области правоприменения» [13, с.61]. В.А. Рудковский полагает, что правореализационный аспект правовой политики нуждается в самом пристальном внимании¹ [12, с.5].

Без сомнения, особым, заключительным этапом правового регулирования является применение права. Это властная индивидуально-правовая деятельность, которая выражается в принятии решений по конкретным юридическим делам и в результате которой «в ткань правовой системы включаются новые элементы – индивидуальные предписания» [1, с.178].

Поэтому, если попытаться ответить на вопрос о том, какую роль играют акты правоприменения в вопросе реализации правовой политики российского государства, то можно с большой долей уверенности сказать – центральную. Каким же образом судебные акты влияют на реализацию правовой политики?

Во-первых, решения органов судебной власти как индивидуальные властные предписания нацеливают участников соответствующих правоотношений на правильное выполнение тех правил, которые заложены в правовых нормах. При этом отграничиться от осуществления данной задачи непросто, поскольку судебные акты могут подлежать принудительному исполнению. Во-вторых, они способствуют выработке моделей правомерного поведения участников в будущем, в том числе формируют правовую культуру, которая в свою очередь является инструментом правовой политики. В-третьих, правовые позиции высших судебных инстанций (особенно органа конституционного контроля) – это опорные элементы для всех ветвей российской власти, входящие в систему «сдержек и противовесов», а, следовательно, способствующих становлению демократии в России и развитию гражданского общества. Также указанные позиции стоит рассматривать в качестве связующего компонента в формировании единообразной судебной практики. И, наконец, немаловажным обстоятельством выступает и механизм «ex post контроля» со стороны судебной власти. Благодаря ему суды получают возможность оценки справедливости условий договоров, формирующих имущественный оборот в России, при отсутствии подходящих императивных норм. Как подчеркивают эксперты, «суды и законодатели различных правопорядков, встретившись с усилением политико-правового давления на принцип свободы договора... осознали невозможность реализации этой задачи посредством одного лишь введения все новых и новых императивных ограничений договорной свободы... Это в итоге привело к признанию неизбежности делегирования полномочий по оценке справедливости договорных условий судам» [4, с.160-161].

Действительно, политико-правовое значение правоприменения как особого проявления правового регулирования сложно переоценить, поскольку оно выполняет такую функцию, как обеспечение реализации властных полномочий той или иной управленческой группой в процессе правового регулирования. Поэтому, весьма логичной в рассматриваемом контексте видится мысль о том, что «универсальными формами становления и реализации правовой политики, которые, с одной стороны, выражают ее государственно-волевой характер, а с другой, особенно-сти механизма правового регулирования и основных сфер юридической практики, являются правотворчество и правоприменение» [11, с.205].

Таким образом, решения органов судебной власти – это мощнейший инструмент правовой политики. По качеству судебных постановлений можно судить об эффективности правосудия в конкретной стране, развитости правопорядка и состоянии защищенности граждан. Благодаря правоприменительным эффектам, порожденным деятельностью всех звеньев судебной системы, и в обществе, и у законодателя формируется особая психология по отношению к закону. Более того, прав О.Ю. Рыбаков, который утверждает, что «реализм политики часто вступает в противоречие с требованиями законодательства, и тогда возможны варианты, которые складываются под влиянием конкретной политико-правовой ситуации, особенностей определенного этапа развития государственной жизни» [13, с.61]. Это мы можем наблюдать, к примеру, в тех логических решениях, которые предлагаются нам в судебных толкованиях.

Таким образом, необходимо отметить, с одной стороны, колоссальную роль судебных актов как специфических средств охраны и защиты прав всех участников имущественного оборота, с другой – подсветить их гибкость в плане обеспечения интересов отдельных лиц. Не являясь источниками права, судебные решения как акты правоприменения реализуют содержание и потенциал, заложенный в нормативно-правовой базе, а следовательно, выступают неотъемлемой частью правовой политики государства.

¹ Так, ученый подчеркивает: «Упоение» законотворчеством довольно часто отодвигает вопросы реализации права на второй план. Такая ситуация не только не способствует становлению законности и правопорядка в обществе, обеспечению прав личности, но и усиливает нигилистические настроения у граждан, подрывает их веру в право, снижает авторитет государственной власти».

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: издательство БЕК, 1994. – 320 с.
2. Демидов А.И. Учение о политике: философские основания, - М., 2001. – 238 с.
3. Исаков Н.В. Правовая политика современной России: проблемы теории и практики: Дис. ... докт. юр. наук. – Ростов н/Д, 2004.
4. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. – 453 с.
5. Коробова А.П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты в современной России: Дис.... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000
6. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М., 1978. – 191 с.
7. Малько А.В. Теория правовой политики. – М., 2012. – 328 с.
8. Матузов Н.И. Правовая политика: сущность, концепция, реальность // Российская правовая политика: Курс лекций. – М., 2003. – 520 с.
9. Правовая политика. Права человека: XX век коллективная монография / Ю. А. Анохин, С. Ю. Бытко, А. В. Малько [и др.] ; под общей редакцией О. Ю. Рыбакова; А. С. Мордовца ; ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — Саратов : Поволжский ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – 301 с.
10. Ромашов. Р.А. Государство: предпосылки возникновения, механизм функционирования, критерии классификации. – СПб., 1997. – 145 с.
11. Рудковский В.А. Правоприменительная политики // Российская правовая политика: Курс лекций. – М., 2003. – 116 с.
12. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект: Дис. ... докт. юр. наук. – Саратов, 2009
13. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 350 с.
14. Рыженков А.Я. Право и монополии в современной России: Монография. М.: Юстицинформ, 2017. 208 с. // СПС Консультант Плюс, дата обращения – 10.04.2025 г..
15. Честнов И.Л. Правовая политика в постсовременном социуме // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах : Коллективная монография / Под ред. А.А. Дорской. СПб.: Астерион, 2019. – 608 с.
16. Шундиков К.В. Цели, средства и результаты правовой политики // Российская правовая политика: Курс лекций. – М., 2003. – 297 с.
17. Alekseeva E.V. Judicial decision as an instrument of legal policy of the state // Proceedings of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» - Reports in English (March 12, 2025. Beijing, PRC). P. 37-43.

References:

1. Alekseev S.S. Theory of Law. - Moscow: BEC publishing house, 1994. - 320 c.
2. Demidov A.I. The doctrine of politics: philosophical foundations, - M., 2001. - 238 c.
3. Isakov N.V. Legal Policy of Modern Russia: Problems of Theory and Practice: Dissertation for the degree of Doctor of Laws - Rostov n/D, 2004.
4. Karapetov A.G., Savelyev A.I. Freedom of contract and its limits: in 2 vol. Moscow: Statute, 2012. T. 2: Limits of freedom to determine the terms of the contract in foreign and Russian law. - 453 c.
5. Korobova A.P. Legal policy: concept, forms of realisation, priorities in modern Russia: Dissertation abstract of the candidate of legal sciences. - Saratov, 2000.
6. Kudryavtsev V.N. Law and behaviour. - M., 1978. - 191 c.
7. Malko A.V. Theory of legal policy. - M., 2012. - 328 c.
8. Matuzov N.I. Legal Policy: Essence, Concept, Reality // Russian Legal Policy: A Course of Lectures. - M., 2003. - 520 c.
9. Legal Policy. Human rights: the XX century collective monograph / Y.A. Anokhin, S.Y. Bytko, A.V. Malko [et al] ; under the general editorship of O.Y. Rybakov; A.S. Mordovets ; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)», Povolzhsky Institute (branch) of VGUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia). - Saratov: Povolzhsky institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2020. - 301 c.
10. Romashov. R.A. State: prerequisites of emergence, mechanism of functioning, classification criteria. - SPb., 1997. - 145 c.
11. Rudkovskiy V.A. Pravopravenitel'naya politika // Russian legal policy: Course of lectures. - M., 2003. - 116 c.
12. Rudkovskiy V.A. Legal policy and implementation of law: theoretical and methodological aspect: Dissertation for the degree of Doctor of Laws - Saratov, 2009.
13. Rybakov O.Y. Russian legal policy in the sphere of protection of the rights and freedoms of the individual. - SPb.: R. Aslanov Publishing House «Legal Centre Press», 2004. - 350 c.
14. Ryzhenkov A.Ya. Pravo i monopolii v sovremennoi Rossii: Monografiya. Moscow: Yustitsinform, 2017. 208 c. // SPS Consultant Plus, date of circulation - 10.04.2025.
15. Chestnov I.L. Legal policy in the post-modern society // Judicial legal policy in Russia and foreign countries : Collective monograph / Edited by A.A. Dorskaya. SPb.: Asterion, 2019. - 608 c.
16. Shundikov K.V. Goals, means and results of legal policy // Russian legal policy: A course of lectures. - M., 2003. - 297 c.
17. Alekseeva E.V. Judicial decision as an instrument of legal policy of the state // Proceedings of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» - Reports in English (March 12, 2025. Beijing, PRC). P. 37-43.

РЕГРЕССНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ RETROGRESSIVE LIABILITY MEDICAL STAFF OF THE PLASTIC SURGERY CLINIC

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич,

ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов» филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры», адвокат.
191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6А.

E-mail: ur-fin@mail.ru;

YASTREMSKY Ivan Anatolyevich,

NGO "Leningrad Regional Bar Association" branch "Pelevin and Partners Law Firm", lawyer.
6A Gagarinskaya str., Saint Petersburg, Russia, 191187.

E-mail: ur-fin@mail.ru

Краткая аннотация. В статье раскрыто, что клиника пластической хирургии после возмещения вреда, причиненного пациенту ее работником-врачом, имеет право обратного требования (регресса) к этому работнику. Медицинский работник несет ответственность прежде всего за допущенные им дефекты медицинской помощи, которые непосредственно причиняют пациенту предотвратимый вред, боль, травму или дальнейшие осложнения. При этом важно установить, что действия медицинского работника являются прямой причиной причиненного вреда. Основанием материальной ответственности медработника за ущерб, причиненный клинике пластической хирургии, является противоправное поведение виновного. Сделан вывод, что медицинский работник отвечает за допущенные дефекты медицинской помощи непосредственно перед своим работодателем (клиникой), а не перед пациентом. Установлено, что по общему правилу за нанесенный ущерб медработник несет ответственность в пределах своего среднего месячного заработка. Исходя из сложившейся судебной практики, если работодатель сможет обосновать наличие экономического ущерба и точный размер, грубую небрежность или умышленный проступок со стороны работника, а также прямую корреляцию между такими правонарушениями и экономическими потерями, суд, вероятнее всего, удовлетворит требования о компенсации. Однако он может ограничить размер взыскиваемой суммы размером среднемесячного заработка.

Abstract. The article reveals that the clinic, after compensation for the harm caused to the patient by its employee-doctor, has the right to reverse the claim (recourse) to this employee. The medical professional is primarily responsible for the defects in medical care that he has committed, which directly cause the patient preventable harm, pain, injury or further complications. At the same time, it is important to establish that the actions of a medical professional are the direct cause of the harm caused. The basis for the financial liability of a medical worker for damage caused to the clinic is the unlawful behavior of the perpetrator. It is concluded that the medical worker is responsible for the admitted defects of medical care directly to his employer (clinic), and not to the patient. It has been established that, as a general rule, a medical worker is responsible for the damage caused within the limits of his average monthly earnings. Based on established judicial practice, if the employer can justify the existence of economic damage and the exact amount, gross negligence or intentional misconduct on the part of the employee, as well as a direct correlation between such offenses and economic losses, the court is likely to satisfy compensation claims. However, he may limit the amount of the recovered amount to the size of the average monthly earnings.

Ключевые слова: медицинский работник, врач, клиника пластической хирургии, материальная ответственность, регресс, ущерб, заработок.

Keywords: medical worker, doctor, clinic, financial liability, regression, damage, earnings.

Для цитирования: Ястремский И.А. Регрессная ответственность медицинских работников клиники пластической хирургии // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 362-364. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_362.

For citation: Yastremsky I.A. Retrogressive liability medical staff of the plastic surgery clinic // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 362-364. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_362.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Гражданско-правовая ответственность предусматривает обязанность лица, причинившего ущерб, другому лицу возместить этот ущерб потерпевшему. Клиника пластической хирургии (далее – клиника) привлекается к ответственности при соблюдении следующих условий:

- Противоправность действия (бездействия) клиники (ее персонала).
- Вред (ущерб) пациенту.
- Причинно-следственная связь между деянием клиники и причиненным вредом.

По общему правилу, для привлечения клиники к ответственности должна быть установлена ее вина (п. 1 ст. 401 ГК РФ). Однако, на основании ст. 1064 ГК РФ, законодательство исходит из принципа презумпции виновности причинителя вреда, что существенно усиливает ответственность клиники. Данная ответственность по правовому характеру близка к безвиновной.

Стоит отметить, что вина организации проявляется в виновном поведении ее работников или всего коллектива, которые и формируют деятельность организации в целом. Это подтверждается ст. 402 ГК РФ.

Клиника после возмещения вреда, причиненного пациенту ее работником, имеет право обратного требования (регресса) к нему, в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Медицинский работник отвечает, прежде всего, за дефекты медицинской помощи, вследствие которых пациенту причиняется вред, боль, травма или дальнейшие осложнения. Другими словами, это включает в себя все формы некачественной медицинской помощи и небрежного обращения, которые не соответствуют приемлемым стандартам медицинской практики и приводят к незначительному, умеренному или серьезному ущербу пациенту.

При этом важно установить, что действия медицинского работника являются прямой причиной причиненного вреда, а не виной пациента или вред вызван каким-либо его основным заболеванием. Причинение вреда здоровью пациента в результате некачественно оказанных медработником медицинских услуг является основанием возмещения в полном объеме убытков, понесенных пациентом, при доказанности про-

тивоправности действия (бездействия) клиники (ее персонала), вреда (ущерба) пациенту, причинно-следственной связи между ними, что подтверждается заключением экспертизы.

Условиями обязанности работника возместить ущерб является:

- нарушение обязательств при выполнении рабочих заданий или в связи с этим,
- причинение ущерба,

-причинно-следственная связь между нарушением обязательства и ущербом (иными словами, что нарушение обязательства повлекло за собой ущерб);

- вина работника.

Эти предпосылки должны выполняться одновременно, если одного из них нет, работник не обязан возмещать ущерб. При этом обязанность доказать размер причиненного ему ущерба возложена на клинику.

Из изложенного следует, что в отличие от ответственности клиники перед пациентом, для привлечения медработника к ответственности в обязательном порядке следует установить его вину.

Медицинский работник (в том числе врач) должен быть включен в штат клиники и работать по трудовому договору. Врач - это работник исполнителя по договору, фактически оказывающий услугу¹.

Между врачом – работником и медицинская организация - работодателем, существуют трудовые отношения. Поэтому отношения по возмещению вреда, в регрессном порядке следует рассматривать через призму материальной ответственности работника перед работодателем.

Хирурги клиники должны соответствовать стандартам компетентности и обладать необходимым уровнем квалификации и опыта для успешного проведения операций. Уровень профессионального развития пластических хирургов напрямую влияет на качество медицинской помощи. Пластические хирурги должны повышать свою квалификацию не реже 1 раза в 5 лет. Такое требование также необходимо для поддержания высокого уровня профессионального развития врачей.

Лечащий врач выступает фактическим причинителем вреда здоровью пациента при оказании медицинской помощи².

Причиненный пациенту ущерб может выражаться в:

- в реальном ущербе – стоимости оплаченных услуг по договору, стоимости услуг другой клиники для устранения недостатков первоначальных услуг, повреждении имущества;

- в утраченном пострадавшим заработке (доходе);

- в дополнительно понесенных расходах, в частности, на приобретение лекарств, лечение, повторную операцию.

Право клиники привлечь медработника к материальной ответственности коррелирует с правом работодателя требовать возмещения причиненного ему ущерба³.

Итак, медицинский работник отвечает за допущенные дефекты медицинской помощи непосредственно перед своим работодателем (клиникой), а не перед пациентом.

Клиника должна соблюсти процедуру привлечения медработника к материальной ответственности, проведя проверку для установления размера причиненного ущерба и причин его возникновения (в том числе запросить у работника письменное объяснение, оформить распоряжение и пр.).

Непроведение данной проверки может повлечь невозможность привлечения медицинского работника к регрессной ответственности⁴.

Например, по одному из дел истцом не представлено доказательств, подтверждающих проведение проверки⁵. В результате решение нижестоящего суда было отменено, как принятое с неправильным применением норм материального права.

Взыскание с медработника суммы ущерба осуществляется по распоряжению клиники, которое подлежит вынесению в течение 1 месяца со дня фиксации клиникой размера причиненного ущерба. При этом удержание денежных средств из зарплаты при каждой ее выплате не может превышать 20%.

В случае отказа медицинского работника добровольно возместить указанный ущерб, если со дня установления его размера истек месяц и (или) сумма ущерба выше среднемесячного заработка работника, он взыскивается в судебном порядке.

Анализ судебной практики выявил достаточную распространенность случаев взыскания судами денежных средств с медицинских работников в порядке регресса, в размере его среднего месячного заработка⁶.

В случае отсутствия доказательств ненадлежащего исполнения медработником его обязанностей, непроведения надлежащей проверки по факту причинения ущерба в его взыскании судом будет отказано⁷.

¹ Васильева Е.Е. Договор возмездного оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: Дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. Томск, 2004. 202 с.

² Косарев К.В. Субъекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда здоровью пациентов // Вестник Томского государственного университета. 2012. N 363. С. 131.

³ Пашко Я.С. Отграничение материальной ответственности в трудовом праве от гражданско-правовой ответственности // Бизнес в законе. 2008. N 2. С. 225.

⁴ Старчиков М.Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.

⁵ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 27.08.2021 N 33-12426/2021. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

⁶ См., например, Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 03.03.2020 по делу N 33-4157/2020. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

⁷ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 27.08.2021 N 33-12426/2021. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

В каждом конкретном случае суд оценивает размер взыскиваемого ущерба.

Например, за некачественную медицинскую помощь с клиники взыскана компенсация морального вреда 150 тыс. руб. После оплаты пациенткой этой суммы мед. организация подала в суд иск о взыскании с врача указанной суммы в порядке регресса. Исковые требования больницы были удовлетворены и с врача взыскана в порядке регресса указанная сумма, поскольку он оставил при операции инородный предмет в теле пациентки.

Однако, по мнению Судебной коллегии ВС РФ, работник отвечает за ущерб прежде всего в пределах среднемесячного заработка работника. Судами необоснованно не применены положения статей 241 и 250 ТК РФ. В связи с этим, решения нижестоящих судов были отменены¹.

Суд также может при наличии определенных обстоятельств снизить размер сумм, взыскиваемых с медицинского работника в порядке регресса. При этом он учитывает финансовое и семейное положение работника, степень и форму его вины.

На практике суды по своему усмотрению решают, поддерживать ли полную сумму компенсации, требуемой работодателями, поскольку они тщательно взвешивают противоправность и характер обязанностей работника, возможность влияния третьих лиц и понесенный ущерб. В большинстве случаев работники несут ответственность в размере среднемесячного заработка.

Обращаем внимание, что в случае причинении вреда здоровью пациента врачом, работающим по гражданско-правовому договору, клиника вправе в полном объеме взыскать сумму возмещения, и в данном случае правило об ограниченной материальной ответственности не действует.

В трудовых спорах суды, как правило, возлагают на организации строгое бремя доказывания. Таким образом, работодатели должны заблаговременно привести свои операционные и управленческие системы в соответствие с установленными законодательными нормами, установить четкие условия в договоре, провести своевременное и справедливое расследование по причиненному ущербу и обеспечить все подтверждающие доказательства.

Итак, исходя из сложившейся судебной практики, если работодатель сможет обосновать наличие экономического ущерба и его точный размер, грубую небрежность или умышленный проступок со стороны работника, а также прямую корреляцию между такими правонарушениями и экономическими потерями, суд, скорее всего, удовлетворит требования о компенсации.

Работодатели должны предоставить достаточные доказательства того, что они действительно понесли ущерб. Как правило, это должны быть видимые экономические потери, непосредственно вызванные действиями работника. Исходя из должности, обязанностей и рабочего процесса работника, работодатели должны обеспечить своевременное проведение служебного расследования, обеспечение наличия доказательств, включая ведение видео- или аудиозаписей и нотариальное удостоверение этих доказательств.

На практике суды по своему усмотрению решают, удовлетворять ли сумму компенсации, требуемую работодателями, поскольку они тщательно взвешивают противоправность действий работника и степень его влияния на причиненный ущерб.

Список литературы:

1. Васильева Е.Е. Договор возмездного оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: Дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03. Томск, 2004. EDN: NMZYM
2. Кораблина О.В. Актуальные проблемы привлечения к материальной ответственности // Хозяйство и право. 2022. № 3. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-3-106-112 EDN: KOXVAO
3. Косарев К.В. Субъекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда здоровью пациентов // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. EDN: PEXYML
4. Пашко Я.С. Отграничение материальной ответственности в трудовом праве от гражданско-правовой ответственности // Бизнес в законе. 2008. № 2. EDN: JWSKOB
5. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовое регулирование взаимоотношений в сфере охраны здоровья: проблемные вопросы и судебная практика: научно-практическое пособие // СПС КонсультантПлюс. 2022.
6. Старчиков М.Ю. Основания освобождения медицинских организаций от гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика. М.: Инфотропик Медиа, 2017.
7. Феofilaktov A.C. Регрессные требования к работнику: проблемы соотношения гражданского и трудового законодательства // Трудовое право. 2010. № 2.

References:

1. Vasilyeva E.E. Contract for the provision of paid medical services under the legislation of the Russian Federation: Dis.... cand. jurid. sciences: 12.00.03. Tomsk, 2004. EDN: NMZYM
2. Korablina O.V. Actual problems of bringing to financial responsibility // Economy and law. 2022. № 3. DOI: 10.18572/0134-2398-2022-3-106-112 EDN: KOXVAO
3. Kosarev K.V. Subjects of civil liability for harm to the health of patients // Bulletin of Tomsk State University. 2012. № 363. EDN: PEXYML
4. Pashko Ya.S. Differentiation of material liability in labor law from civil liability // Business in law. 2008. No. 2. EDN: JWSKOB
5. Starchikov M.Y. Civil law regulation of relations in the field of health protection: problematic issues and judicial practice: a scientific and practical guide // SPS ConsultantPlus. 2022.
6. Starchikov M.Yu. Grounds for exemption of medical organizations from civil liability for harm caused to the life (health) of patients in the provision of medical services: theoretical provisions and judicial practice. Moscow: Infotropik Media, 2017.
7. Feofilaktov A.S. Regressive requirements for an employee: problems of correlation between civil and labor legislation // Labor law. 2010. № 2.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2020 N 25-КГ19-12 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/>.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ГРУЗА ГРУЗООТПРАВИТЕЛЕМ В СФЕРЕ АВТОМОБИЛЬНЫХ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК РОССИИ THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF THE PRESENTATION OF CARGO BY THE CONSIGNOR IN THE FIELD OF ROAD FREIGHT TRANSPORTATION IN RUSSIA

СЫСОВЕВ Сергей Суменович,

аспирант кафедры «Гражданское право и процесс»

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения».

Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения пл., 2, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344038, Россия.

E-mail: w.w.sysoev.w.w@yandex.ru;

ПРАЦКО Геннадий Святославович,

доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор,

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения».

Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения пл., 2, г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344038, Россия.

E-mail: dasha_sam94@mail.ru;

SYSOEV Sergey Surenovich,

Postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure

Rostov State Transport University.

Rostov Infantry Regiment of the People's Militia, 2 square, Rostov-on-Don, Rostov region, 344038, Russia.

E-mail: w.w.sysoev.w.w@yandex.ru;

PRATSKO Gennady Svyatoslavovich,

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don,

Rostov State Transport University.

Rostov Infantry Regiment of the People's Militia, 2 square, Rostov-on-Don, Rostov region, 344038, Russia.

E-mail: dasha_sam94@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу проблем правового регулирования автомобильных грузоперевозок в России, связанных с отсутствием четких определений и временных рамок для процедуры предъявления груза, которые порождают неоднозначности в трактовке термина «предъявление груза» и сроков его выполнения. Автор отмечает, что отсутствие нормативного закрепления этих аспектов приводит к спорам между участниками рынка, финансовым потерям и снижению эффективности логистических процессов. В качестве решения предлагается интеграция времени на предъявление груза в общее нормативное время погрузки, а также разработка юридически точного определения процедуры. Эти меры позволят снизить риски злоупотреблений, повысить прозрачность договорных отношений и стабилизировать рынок грузоперевозок.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the problems of legal regulation of road freight transportation in Russia related to the lack of clear definitions and time frames for the procedure for presenting cargo, which give rise to ambiguities in the interpretation of the term "presentation of cargo" and the terms of its implementation. The author notes that the lack of regulatory consolidation of these aspects leads to disputes between market participants, financial losses and a decrease in the efficiency of logistics processes. As a solution, the integration of the time for presenting cargo into the general standard loading time, as well as the development of a legally precise definition of the procedure, is proposed. These measures will reduce the risks of abuse, increase the transparency of contractual relations and stabilize the freight market.

Ключевые слова: автомобильные грузоперевозки, правовое регулирование, предъявление груза, грузоотправитель, перевозчик, нормативное время погрузки, договор перевозки, погрузочно-разгрузочные операции, финансовые потери, злоупотребления.

Key words: road freight transportation, legal regulation, presentation of cargo, consignor, carrier, standard loading time, transportation contract, loading and unloading operations, financial losses, abuse.

Для цитирования: Сысов С.С., Працко Г.С. Проблема правового регулирования предъявления груза грузоотправителем в сфере автомобильных грузоперевозок России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 365-368. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_365.

For citation: Sysoev S.S., Pratsko G.S. The problem of legal regulation of the presentation of cargo by the consignor in the field of road freight transportation in Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 365-368. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_365.

Статья поступила в редакцию: 02.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение

Автомобильные грузоперевозки играют ключевую роль в экономике России, выступая основным звеном в цепочке поставок между регионами, предприятиями и конечными потребителями. В условиях огромной территории страны, где значительная часть населенных пунктов расположена в труднодоступных районах с ограниченной железнодорожной и речной инфраструктурой, именно автотранспорт становится незаменимым инструментом обеспечения товарооборота. Более 70% грузов внутри страны перевозится автомобилями, что подчеркивает их доминирующее положение в логистической системе. Это особенно актуально для коротких и средних дистанций — от доставки сырья на производственные предприятия до транспортировки готовой продукции в розничные сети. Гибкость маршрутов, возможность оперативной корректировки графиков и относительно низкие затраты на организацию делают автомобильные перевозки оптимальным решением для бизнеса.

Важность этого сектора невозможно переоценить для поддержки ключевых отраслей экономики. Например, сельское хозяйство, которое является одним из стратегических направлений для России, напрямую зависит от своевременной доставки удобрений, техники и урожая. Продовольственные товары, включая скоропортящиеся продукты, требуют соблюдения строгих временных рамок и температурных режимов, что обеспечивается специализированным автотранспортом — рефрижераторами и изотермическими фургонами. Промышленные предприятия, будь

то заводы по производству машин или перерабатывающие комплексы, также полагаются на бесперебойные поставки комплектующих и сырья, что невозможно без четко выстроенной логистики. Даже в эпоху цифровизации и автоматизации многие процессы остаются привязанными к физическому перемещению грузов, и автомобили здесь выступают как связующее звено между цифровыми заказами и реальным товаром.

Кроме того, автомобильные перевозки критически важны для развития малого и среднего бизнеса. Многие стартапы и локальные производители, не имеющие доступа к масштабным логистическим сетям, зависят от услуг региональных транспортных компаний. Это позволяет малым предприятиям конкурировать с крупными игроками, расширять географию продаж и оптимизировать издержки. Например, доставка товаров народного потребления из центральных регионов в отдаленные районы Сибири или Дальнего Востока часто осуществляется именно автомобилями, что поддерживает социально-экономическое равновесие между разными частями страны.

Социальный аспект автомобильных перевозок также значим. Отрасль обеспечивает занятость миллионов людей — от водителей и диспетчеров до сотрудников сервисных центров и логистических компаний. Это особенно важно в моногородах и сельских районах, где альтернативные варианты трудоустройства ограничены. Кроме того, доступность грузоперевозок способствует развитию внутреннего туризма и малого бизнеса в сфере услуг, например, доставки товаров из фермерских хозяйств напрямую потребителям.

В контексте санкционного давления и необходимости импортозамещения роль автомобильного транспорта только возрастает. Переориентация логистических потоков с западных направлений на азиатские рынки требует перестройки маршрутов и увеличения грузопотоков внутри страны. Успешное функционирование этой системы — залог устойчивости экономики, продовольственной и технологической безопасности России. Таким образом, автомобильные грузоперевозки остаются не просто инструментом доставки, а фундаментом, связывающим воедино регионы, отрасли и социальные структуры страны.

Однако сектор сталкивается с серьезными вызовами, одни из которых проблемы в законодательной сфере, создающие системные препятствия для развития отрасли.

Сформулированная проблема: отсутствие четкого правового определения понятия «предъявление груза» и временных рамок для его осуществления в сфере автомобильных грузоперевозок, что порождает правовую неопределенность, конфликты между участниками рынка, злоупотребления и финансовые потери, а также снижает эффективность логистических процессов.

Объект исследования: правовое регулирование процесса предъявления груза в автомобильных грузоперевозках, включая анализ норм Федерального закона №259-ФЗ, Постановления Правительства РФ №2200, договорной практики и судебных споров, связанных с толкованием терминов и сроков.

Новизна результатов исследования: выявление пробела в законодательстве, связанного с отсутствием законодательного закрепления понятия «предъявление груза» и его временных критериев. Предложение законодательно интегрировать время на предъявление груза в нормативное время погрузки, устранив двойственность трактовки. Разработка рекомендаций по четкому определению термина «предъявление груза» с учетом готовности груза к передаче и его документального подтверждения.

Область применения результатов: совершенствование законодательства в сфере автомобильных грузоперевозок. Унификация договорной практики между грузоотправителями и перевозчиками. Снижение судебной нагрузки за счет предотвращения споров, связанных с толкованием условий предъявления груза. Повышение прозрачности и эффективности логистических операций в транспортной отрасли России.

Основная часть

Рынок автомобильных грузоперевозок в России — сложный механизм, который постоянно сталкивается с различными трудностями. Среди множества вызовов, стоящих перед участниками этого рынка, особо выделяется проблема правового регулирования процесса предъявления груза грузоотправителем. Эта, казалось бы, техническая деталь, на практике оборачивается серьезным камнем преткновения, порождающим споры, финансовые потери и вносит свою лепту в затормаживание развития всей отрасли.

Несмотря на то, что Федеральный закон №259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 08.11.2007 № 259-ФЗ регулирует основные аспекты грузоперевозок, в части предъявления груза существуют значительные пробелы и неоднозначности. Сам термин «предъявление груза» трактуется участниками рынка довольно широко и не имеет четкой правовой детализации. Что именно подразумевается под предъявлением груза к перевозке? Какими документами подтверждается не предъявление груза к перевозке? Ответы на эти вопросы зачастую остаются размытыми, открывая простор для различных интерпретаций и злоупотреблений участниками рынка.

Законодательство, стремясь защитить интересы перевозчиков в сфере автомобильных грузоперевозок, предоставляет им право отказаться от исполнения договора в случае предъявления груза грузоотправителем с опозданием. На первый взгляд, это положение представляется логичным и справедливым, позволяя перевозчику избежать убытков, связанных с простоем транспорта. Однако при ближайшем рассмотрении выявляется существенный пробел, в правовом регулировании: нормы права не содержат четкого понятия «непредъявления груза», а также не устанавливают конкретный срок опоздания, после которого перевозчик вправе расторгнуть договор. При этом на практике участники рынка руководствуются положениями Постановления Правительства РФ от 21.12.2020 № 2200 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом и о внесении изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения Российской Федерации» а именно статьей 27 в которой указан срок 2 часа, при этом данная статья фактически не содержит норм, относящихся непосредственно к факту предъявления груза.

Эта неясность порождает ряд сложностей и противоречий на практике. Что считать опозданием? Десять минут? Час? Сутки? Отсутствие четких временных рамок открывает простор для субъективных трактовок и потенциальных злоупотреблений с обеих сторон. Перевозчик может воспользоваться этой неопределенностью, чтобы отказаться от невыгодного заказа, ссылаясь на даже незначительное опоздание грузо-

отправителя и потребовать штраф за срыв загрузки. В свою очередь, грузоотправитель может оказаться в затруднительном положении, не зная, какой срок считается критичным и какие последствия может повлечь за собой даже небольшая задержка.

Такая неопределенность не способствует стабильности и предсказуемости на рынке грузоперевозок. Она порождает атмосферу недоверия между участниками рынка, увеличивает риски споров и судебных разбирательств. В конечном счете, это негативно сказывается на эффективности логистических процессов, тормозит развитие всей отрасли и нагружает судебную систему.

На практике наличие вышеуказанных неточностей вытекает в ситуацию, когда стороны путем подписания договора регламентируют нормативное время под загрузку и выгрузку, так как нормативная база позволяет сторонам договора самим регулировать нормативные сроки. В связи с чем у участников рынка возникает вопрос, а включено ли в согласованное сторонами нормативное время непосредственно предъявление груза, и что вообще понимать под предъявлением груза? Транспортное средство стоит в очереди и ждет загрузки 4 часа, является ли это фактом не предъявления груза несмотря на то, что стороны согласовали в договоре нормативное время под погрузку 24 часа? Груз на складе грузоотправителя фактически есть, водителю показали его наличие и сообщили что машина будет загружена в течении 24 часов с момента прибытия на склад загрузки, является ли это фактом предъявления груза? Какими документами до фактической загрузки транспортного средства подтверждается предъявление или не предъявления груза? С подобными вопросами участники рынка сталкиваются постоянно.

Проблема правового регулирования предъявления груза в сфере автомобильных грузоперевозок, является одним из факторов, снижающих эффективность и прозрачность рынка автомобильных перевозок. Многочисленные неточности и пробелы в законодательстве порождают массу вопросов и споров на практике, подрывая доверие между участниками рынка и приводя к финансовым потерям.

Рассмотрев различные аспекты этой проблемы, можно прийти к выводу, что одна из проблем лежит именно в отсутствии четкого и однозначного определения понятия «предъявление груза». Действующее законодательство не дает исчерпывающего ответа на вопрос, что именно следует понимать под предъявлением, какие действия должен совершить грузоотправитель, и какие должен совершать перевозчик. Эта неопределенность открывает дверь для различных интерпретаций и манипуляций, что неизбежно приводит к конфликтам и спорам.

Также проблемой является отсутствие четкого определения времени для предъявления груза. Отсутствие четкого определения времени для предъявления груза представляет собой существенный пробел в правовом регулировании автомобильных грузоперевозок и является источником множества практических проблем. Эта неопределенность размывает границы ответственности между грузоотправителем и перевозчиком, создавая почву для споров и затрудняя эффективное планирование перевозок. Без фиксированного временного интервала, отведенного на предъявление груза, сложно определить момент начала отсчета нормативного времени погрузки. В действующем законодательстве очень слабо разграничено нормативное время загрузки и выгрузки и предъявление груза. И остаются вопросы включаться ли предъявление груза в нормативное время погрузки или рассматриваться как отдельный этап. Эта неясность порождает разночтения в трактовке условий договора перевозки и может быть использована недобросовестными участниками рынка в своих целях. Например, перевозчик уже на 3 час может попробовать необоснованно отказаться от исполнения договора, ссылаясь на мнимое двухчасовое опоздание с предъявлением груза, и в последствии выставить штраф к примеру 20% от стоимости за перевозку груза, при этом по договору стороны согласовали нормативное время под загрузку в 24 часа, и логично предположить, что грузоотправитель отвел 24 часа на загрузку а не 2 часа. Отсутствие четкой временной регламентации создает благоприятные условия для злоупотреблений и манипуляций, что негативно сказывается на стабильности и предсказуемости рынка грузоперевозок.

Для разрешения вышеуказанных вопросов, связанных с неопределенностью времени предъявления груза в автомобильных грузоперевозках, необходимо внести ясные и однозначные поправки в само законодательство и соответственно в существующую практику договорных отношений. Предлагаемое решение — интеграция времени на предъявление груза в общее нормативное время, отведенное на погрузочно-разгрузочные операции.

Суть предложения заключается в следующем: при заключении договора перевозки стороны должны четко оговаривать нормативное время, необходимое как на погрузку, которое включает время для предъявления груза. Таким образом, согласованный временной интервал будет охватывать весь комплекс операций, связанных с передачей груза от грузоотправителя к перевозчику. Это позволит избежать двусмысленностей и споров о том, включает ли нормативное время только непосредственно погрузку или же еще и время на предъявление.

В случае, если стороны не оговорили нормативное время в договоре, необходимо, чтобы закон однозначно трактовал нормативное время, необходимое как на погрузку, которое включает в себя в том числе время для предъявления груза. Это обеспечит единообразный подход к вопросу о сроках и исключит возможность различных интерпретаций.

Такое решение несет в себе ряд преимуществ:

Прозрачность и предсказуемость: Обе стороны будут четко понимать, какое время отведено на каждый этап перевозки, что исключит неожиданности и споры.

Справедливое распределение рисков: Включение времени на предъявление в нормативное время позволит более справедливо распределить финансовые риски, связанные с возможными задержками.

Упрощение планирования перевозок: Перевозчики смогут более точно рассчитывать время, необходимое на выполнение заказа, что повысит эффективность логистических операций.

Снижение количества споров и судебных разбирательств: Четкие и однозначные правила без двойного толкования помогут предотвратить множество конфликтов между участниками рынка и разгрузить судебную систему.

В дополнение к решению вопроса о времени, отведенном на предъявление груза, необходимо также разработать четкое и недвусмысленное определение самого термина «предъявление груза». Это второй элемент, необходимый для устранения правовой неопределенности и повышения эффективности рынка автомобильных грузоперевозок.

Отсутствие такого определения на сегодняшний день является источником множества проблем. Размытые формулировки порождают разночтения и открывают простор для злоупотреблений. Что означает «груз готов к погрузке»? Когда именно груз считается предъявленным, если транспортное средство стоит в очереди на загрузке? Эти и множество других вопросы зачастую становятся предметом споров между грузоотправителями и перевозчиками.

Чтобы исключить двойные толкования, определение «предъявление груза» должно быть сформулировано с максимальной точностью и включать в себя все существенные аспекты этой процедуры. Оно должно отражать не только физическое присутствие груза в месте погрузки, но и его готовность к перевозке в соответствии с нормативным временем, указанным в нормах права или согласованных сторонами в договоре.

Заключение, выводы

Автомобильные грузоперевозки играют критически важную роль в экономике России, обеспечивая бесперебойное функционирование практически всех отраслей и связывая воедино производителей, дистрибьюторов и потребителей по всей стране. Поэтому эффективность и стабильность этого рынка – вопрос стратегической важности. Однако существующие пробелы в правовом регулировании, в частности, в части предъявления груза, создают серьезные препятствия для развития отрасли. Анализ показал, что одной из проблем связана с отсутствием четкого определения времени, отведенного на предъявление груза, и самого понятия «предъявление груза». Эта неопределенность порождает споры между грузоотправителями и перевозчиками, затрудняет планирование перевозок и открывает возможности для злоупотреблений. Улучшение правового регулирования в сфере предъявления груза станет важным шагом на пути к повышению эффективности и конкурентоспособности российских автомобильных грузоперевозок.

Список литературы:

1. Брагинский, М.И. Договорное право. Кн. 4. Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта / В.В. Витрянский; М.И. Брагинский — 5-е изд., стер. — Москва: Статут, 2011. — 914 с. — ISBN 978-5-8354-0752-1 (кн. 4) — ISBN 978-5-8354-0755-2.
2. Транспортное право: учебник / В. А. Егизаров — Изд. 8-е, доп. и перераб. — Москва: Юстицинформ, 2015. — 732 с. — ISBN 978-5-7205-1295-8.
3. Транспортное право: учебное пособие / Озеров И. Н., Александров А. Н., Столбина Л. В. [и др.]; Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина — Белгород: Белгородский юрид. ин-т МВД России им. И. Д. Путилина, 2019. — 87 с. — ISBN 978-5-91776-275-3.
4. Государственный контроль при осуществлении международных автомобильных перевозок: Государственный контроль за осуществлением международных автомобильных перевозок: учебное пособие / П. Н. Афонин [и др.]. — Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та, 2009. — 165 с. — (Государственный контроль / Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова фил. Российской таможенной акад.) — ISBN 978-5-7422-2391-7.
5. Гражданское право: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, квалификация Бакалавр: в 4 томах / ответственный редактор, доктор юридических наук, профессор Е. А. Суханов; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023. - Т. 1: Общая часть / [А. В. Асосков, В. С. Ем, В. В. Витрянский и др.]. — 2023. — 622 с. — ISBN 978-5-8354-1888-6.
6. Договор перевозки грузов в транспортном законодательстве Российской Федерации: учебное пособие / А. С. Мартынов; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Иркутский гос. ун-т", Юридический ин-т. - Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. — 138 с. — ISBN 978-5-9624-1111-8.
7. Транспортное право: учебник для вузов / ответственные редакторы Н. А. Духно, А. И. Землин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: издательство Юрайт, 2025. — 522 с. — (Высшее образование) — ISBN 978-5-534-17140-2.
8. Логистика: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки "Экономика" / А. М. Гаджинский; Изд.-торговая корпорация "Дашков и К^о". — 16-е изд., перераб. и доп. - Москва: Дашков и К^о, 2008 — 483 с. — ISBN 978-5-91131-755-3.
9. Система транспортных организационных договоров / С. Ю. Морозов. — Москва: Норма, 2011 — 351 с. — ISBN 978-5-91768-198-6.
10. Грузовые автомобильные перевозки: учебник для студентов вуз, обучающихся по направлению подготовки бакалавров "Технология транспортных процессов" (профиль подготовки "Организация перевозок и управление на автомобильном транспорте") / А. В. Вельможин, В. А. Гудков, Л. Б. Миротин, А. В. Куликов. — 3-е изд., испр. — Москва: Горячая линия — Телеком, 2016. — 559 с. — (Учебник для вузов. Специальность). — ISBN 978-5-93517-459-0.
11. Автотранспортное законодательство: состояние и практика применения: учебное пособие: [федеральные источники автотранспортного права, административная ответственность за нарушения правил автомобильных перевозок пассажиров и грузов, уголовная ответственность в сфере безопасности дорожного движения, перевозок и эксплуатации автотранспорта и др.] / [Андреев С. В. и др.]; отв. ред. И. В. Гранкин. — Москва: Проспект, 2016. — 111 с. — ISBN 978-5-392-21423-5.
12. Гречуха, В. Н. Автотранспортное право: учебник для магистратуры / В. Н. Гречуха. — Москва: Прометей, 2021. — 288 с. — ISBN 978-5-00172-207-6.

References:

1. Braginsky, M.I. Contractual law. Book 4. Contracts on transportation, towing, forwarding and other services in the field of transport / V.V. Vitryansky; M.I. Braginsky — 5th ed., ster. — Moscow: Statute, 2011. — 914 p. — ISBN 978-5-8354-0752-1 (book 4) — ISBN 978-5-8354-0755-2.
2. Transport law: textbook / V. A. Egizarov — Ed. 8th, supplement and revision. Moscow: Justicinform, 2015. 732 p. ISBN 978-5-7205-1295-8.
3. Transport law: a textbook / Ozerov I. N., Alexandrov A. N., Stolbina L. V. [et al.]; Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin — Belgorod: Belgorod Law Institute. I. D. Putilin Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 87 p. ISBN 978-5-91776-275-3.
4. State control in the implementation of international road transport: State control over the implementation of international road transport: a textbook / P. N. Afonin [et al.]. — St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2009. -165 p. — (State control / St. Petersburg named after V. B. Bobkov Phil. Russian Customs Academy) — ISBN 978-5-7422-2391-7.
5. Civil Law: textbook for students studying in the field of 40.03.01 Jurisprudence, Bachelor's degree: in 4 volumes / Senior Editor, Doctor of Law, Professor E. A. Sukhanov; Lomonosov Moscow State University, Faculty of Law, Department of Civil Law. — 3rd ed., revised and add. — Moscow: Statute, 2023. - Vol. 1: General part / [A.V. Asoskov, V. S. Em, V. V. Vitryansky et al.]. -2023. — 622 p. — ISBN 978-5-8354-1888-6.
6. The contract of carriage of goods in the transport legislation of the Russian Federation: a textbook / A. S. Martynov; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education. Irkutsk State University, Law Institute. Irkutsk: IGU Publishing House, 2014. 138 p. ISBN 978-5-9624-1111-8.
7. Transport law: textbook for universities / responsible editors N. A. Dukhno, A. I. Zemlin. — 4th ed., revised and add. — Moscow: Yurait Publishing House, 2025. — 522 p. — (Higher education) — ISBN 978-5-534-17140-2.
8. Logistics: a textbook for students of higher educational institutions studying in the field of Economics / A.M. Gadzhinsky; Publishing house-trading Corporation Dashkov and Co. — 16th ed., revised and add. - Moscow: Dashkov and Co., 2008 — 483 p. — ISBN 978-5-91131-755-3.
9. System of transport organizational contracts / S. Y. Morozov. — Moscow: Norma, 2011 -351 p. — ISBN 978-5-91768-198-6.
10. Freight automobile transportation: a textbook for university students studying in the bachelor's degree program "Technology of transport processes" (training profile "Organization of transportation and management in road transport") / A.V. Velmozhin, V. A. Gudkov, L. B. Mirotn, A.V. Kulikov. — 3rd ed., ispr. Moscow: Hotline — Telecom, 2016. 559 p. (Textbook for universities. Specialty). — ISBN 978-5-93517-459-0.
11. Motor transport legislation: state and practice of application: textbook: [federal sources of motor transport law, administrative liability for violations of the rules of automobile transportation of passengers and cargo, criminal liability in the field of road safety, transportation and operation of motor vehicles, etc.] / [Andreev S. V. et al.]; ed. by I. V. Grankin. Moscow: Prospekt Publ., 2016. 111 p. ISBN 978-5-392-21423-5.
12. Grechukha, V. N. Motor transport law: a textbook for magistracy / V. N. Grechukha. — Moscow: Prometheus, 2021. — 288 p. — ISBN 978-5-00172-207-6.

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНЫХ АКТОВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ, РАССМАТРИВАЕМЫМ В ПОРЯДКЕ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА FEATURES OF JUDICIAL ACTS IN CIVIL CASES CONSIDERED IN A SIMPLIFIED PROCEDURE

ГРЯЗЕВА Оксана Ивановна,

доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
кандидат юридических наук.

197046Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5, лит. «А».
oksanagryazeva3@yandex.ru;

GRYAZEVA Oksana Ivanovna,

Head of the Department of Civil Procedural Law North-West branch
of FGBOU VO «Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Candidate of Law, Associate Professor.

St. Petersburg, Alexandrovsky Park, house 5, letter «A».
oksanagryazeva3@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье анализируются особенности такого итогового судебного акта по рассматриваемым в порядке упрощенного производства гражданским делам как решение суда, выносимое в виде резолютивной части. Отмечено, что в ГПК РФ отсутствует указание на включение вводной части в такое решение суда, тогда как фактически судебные решения по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, по которым не поступили заявления о составлении мотивированного решения и апелляционные жалобы, состоят из вводной и резолютивной частей. В заключении статьи предлагаются возможные варианты решения выявленных теоретических и практических проблем путем внесения изменений в действующее гражданское процессуальное законодательство, а также в нормативные правовые акты, регламентирующие судебное делопроизводство.

Abstract: The article analyzes the features of such a final judicial act in civil cases considered in a simplified procedure as a court decision rendered in the form of a resolute part. It is noted that the Civil Procedure Code of the Russian Federation does not indicate the inclusion of an introductory part in such a court decision, whereas in fact court decisions in cases considered in simplified proceedings, for which there have been no applications for a reasoned decision and appeals, consist of introductory and operative parts. In conclusion, the article suggests possible solutions to the identified theoretical and practical problems by making changes to the current civil procedure legislation, as well as to regulatory legal acts regulating court records management.

Ключевые слова: судебные акты, резолютивная часть решения суда, упрощенное производство, цивилистический процесс, правосудие.

Keywords: judicial acts, the operative part of the court decision, simplified proceedings, civil process, justice.

Для цитирования: Грязева О.И. Особенности судебных актов по гражданским делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 369-372. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_369.

For citation: Gryazeva O.I. Features of judicial acts in civil cases considered in a simplified procedure // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 369-372. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_369.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Актуальность. Одной из приоритетных задач правосудия на современном этапе является обеспечение единообразия в применении судами норм процессуального права. Необходимость повышения качества судебных актов как действенного средства укрепления законности и правопорядка обуславливает актуальность и практическую значимость исследования института судебного решения в цивилистическом процессе. Решения суда, в том числе по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, являются актами правосудия, а соответственно должны отвечать прежде всего требованиям законности, что формирует уважительное отношение к судебной власти.

Теоретико-правовые основы института судебного решения в гражданском и арбитражном процессах исследовались в научных работах ученых-процессуалистов Н.Б. Зейдера, М.А. Гурвича, М.Г. Авдюкова, А.Ф. Клеймана, С.К. Загайновой, Е.А. Борисовой, Е.В. Кудрявцевой, К.А. Лебеда, И.В. Решетниковой, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота, Л.А. Тереховой. Решению суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, посвящен параграф в диссертационном исследовании А.Ю. Старицына.

Объектом исследования настоящей статьи является совокупность правовых норм, определяющих требования к такому судебному акту как решение, выносимое по гражданским делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, в форме резолютивной части.

Новизна результатов исследования и область их применения. Автор статьи исследует проблему принятия решения суда в форме резолютивной части как итогового судебного постановления по гражданским делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, даются рекомендации для использования судьями при осуществлении правосудия и предлагаются изменения гражданского процессуального законодательства в целях его совершенствования.

Целью написания настоящей статьи является выработка теоретического подхода к правильности содержания решения суда по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, в форме вынесения резолютивной части и поиск возможных вариантов восполнения пробелов в правовом регулировании этого вопроса.

Одной из основных задач гражданского судопроизводства является формирование уважительного отношения к закону и к суду, что достигается, в том числе в результате принятия законных и обоснованных судебных актов.

Отмечая общие тенденции к упрощению и унификации в гражданском процессе, следует обратить внимание на неоднозначность определения судебных актов в действующем законодательстве.

Общее понятие судебного акта законодательно закреплено в п. 4 ст. 1 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹. Из данной нормы можно дать определение судебного акта по гражданским делам как решения, вынесенного в установленной гражданским процессуальным законодательством форме по существу дела, рассмотренного в порядке осуществления гражданского судопроизводства.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее ГПК РФ) понятия судебного акта не содержит, а закрепляет родовое понятие судебных постановлений. Судебными постановлениями по гражданским делам в соответствии с ч. 3 ст. 1 ГПК РФ являются судебные приказы, решения суда, определения суда, постановления президиума суда надзорной инстанции.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ³ (далее АПК РФ) в статье 15 использует понятие «судебные акты», которые могут быть приняты арбитражным судом в форме судебного приказа, решения, постановления, определения.

Отмечая существование в каждой отрасли процессуального права своего родового понятия, объединяющего все акты, выносимые судами при производстве по конкретному делу, С.К. Загайнова предлагает для обозначения актов органов судебной власти использовать общий термин «судебные акты»⁴ [2, с. 15]. Соглашаясь мнением ученого-процессуалиста, в статье понятие судебных актов будет применяться к судебным постановлениям в гражданском процессе.

Содержание судебных актов в современных условиях, когда таковые подлежат размещению в сети «Интернет» и любое заинтересованное лицо может ознакомиться с ними, влияет на формирование уважительного отношения общества к судебной системе.

Судебные акты суда первой инстанции по гражданским делам, которыми дело разрешается по существу, принимаются в форме решений.

В настоящей статье будет затронута проблема содержания резолютивной части решения суда как итогового судебного акта, принимаемого судом первой инстанции по гражданским делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства.

Поскольку упрощенные формы судопроизводства получают все большее распространение в практике судов, а перечень дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, предусмотренный ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ, расширяется, в научной литературе закономерно был поставлен вопрос о разработке учения об упрощенной процессуальной форме [7, с. 31; 8, с. 9-23].

В соответствии с ч. 6 ст. 199 ГПК РФ решение суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства составляется с учетом особенностей, предусмотренных статьей 232.4 ГПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, решение принимается путем вынесения судом резолютивной части решения, копия которого высылается лицам, участвующим в деле, не позднее следующего дня после дня его принятия и которое размещается в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Резолютивная часть решения суда, если оно не обжаловано в апелляционном порядке или если от сторон не поступило заявление об изготовлении мотивированного решения, является окончательным судебным актом по гражданскому делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства.

При этом часть 1 ст. 232.4 ГПК РФ не содержит требований к содержанию решения суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, предусматривая лишь, что такое решение принимается путем вынесения судом резолютивной части решения.

И.В. Решетникова обращает внимание на кардинальность изменений процессуального законодательства, предусматривающего вынесение немотивированного судебного решения в упрощенном производстве, отмечая, что при обсуждении этого вопроса большинство представителей процессуальной науки было против [5, с. 203].

Несмотря на это в 2016 году в ГПК РФ была введена глава 21.1, предусматривающая упрощенное производство в гражданском процессе, и суды общей юрисдикции стали выносить такие решения. Поскольку применение норм глав АПК РФ и ГПК РФ, предусматривающих рассмотрение дел в порядке упрощенного производства, вызвало у судов множество вопросов, Верховный Суд Российской Федерации дал свои разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»⁴.

Судебным актам по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, посвящены пункты 35-46 указанного Постановле-

¹ Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 29.12.2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6217.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024). // Собрание законодательства РФ. – 18.11.2002. – № 46. – Ст. 4532.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024). // Российская газета. – № 137. – 27.07.2002.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Российская газета. – № 88. – 25.04.2017.

ния Пленума Верховного Суда РФ.

Однако отметим, что лишь в п. 36 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ со ссылкой на ст. 198 ГПК РФ разъяснено, что в решении, принятом путем вынесения резолютивной части, по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, должны содержаться в том числе основание возникновения обязательства (например, договор с указанием реквизитов), состав взыскиваемой задолженности (суммы основного долга, процентов и неустоек), период, за который произведено взыскание.

Из этого разъяснения Пленума Верховного Суда РФ следует, что к содержанию решения суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, предъявляются требования, установленные ст. 198 ГПК РФ.

Согласно ч. 5 ст. 198 ГПК РФ резолютивная часть решения суда должна содержать выводы суда об удовлетворении иска или об отказе в удовлетворении иска полностью или в части, наименование истца и ответчика, а также один из идентификаторов указанных лиц (СНИЛС, ИНН, серия и номер документа, удостоверяющего личность, серия и номер водительского удостоверения) указание на распределение судебных расходов, срок и порядок обжалования решения суда. Данная норма устанавливает, что резолютивная часть решения суда, принятого мировым судьей, также должна содержать указание на срок и порядок подачи заявления о составлении мотивированного решения суда.

Однако для содержания резолютивной части решения суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, такого требования законодательно не закреплено.

Возникают вопросы, должны ли применяться к такому решению суда требования о законности и обоснованности, предъявляемые ст. 195 ГПК, должны ли при принятии такого решения суда разрешаться вопросы, предусмотренные ст. 196 ГПК, должно ли решение излагаться в форме, закрепленной ст. 197 ГПК, и состоять из позволяющей идентифицировать дело вводной части, предусмотренной ч. 2 ст. 198 ГПК, наряду с резолютивной?

На эти вопросы следует дать положительный ответ. В решении суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства, должны быть указаны: дата его принятия, которая необходима для исчисления сроков вступления в законную силу, а также формальные, но необходимые сведения, которые позволяют определить, по какому гражданскому делу принят судебный акт: номер дела, место его вынесения, наименование суда, вынесшего решение, состав суда, стороны, предмет спора или заявленные требования.

Без вводной части решения невозможно принятие любого решения суда, поскольку именно во вводной части судебного решения указывается, что оно принимается именем Российской Федерации. Этим подчеркивается сила судебного решения как акта органа государственной власти.

Датой принятия решения по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, в гражданском процессе считается дата вынесения и подписания судом резолютивной части (ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ, п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10).

Если обратиться к истории гражданского судопроизводства, то в Уставе гражданского судопроизводства (ст. 701) резолютивная часть решения суда именовалась резолюцией и «должна была включать год, месяц и число, имена судей и тяжущихся, а также сущность решения»[9, с. 268].

В Гражданском процессуальном кодексе РСФСР¹ 1964 года предусматривалось, что решение суда по делу о расторжении брака может состоять из вводной и резолютивной частей (абзац шестой ст. 197 ГПК РСФСР).

Следовательно, в ранее действовавшем гражданском процессуальном законодательстве предусматривалось наличие вводной части в решениях, которые не требовалось мотивировать.

На необходимость составления наряду с резолютивной частью решения суда, рассмотренному в порядке упрощенного производства, также и вводной части решения по правилам ч. 2 ст. 198 ГПК РФ обращено внимание в научной литературе[1, с. 328].

А.Ю. Старицын верно отмечает, что «решение суда, выносимое в упрощенном производстве, не сводится только лишь к резолютивной части. Оно включает и вводную часть, индивидуализирующую судебный акт»[6, с. 159].

Если итоговый судебный акт по рассматриваемому в порядке упрощенного производства гражданскому делу может быть принят в форме резолютивной части решения суда, а на основании судебного решения, вступившего в законную силу, возникают гражданские права и обязанности (подпункт 3 пункта 1 статьи 8 Гражданского кодекса РФ²), то суды должны очень серьезно подходить к его изложению и содержанию.

Обращаясь к трудам ученых-процессуалистов, следует отметить, что Н.Б. Зейдер писал, что «резолютивная часть решения суда всегда излагается в форме веления, исходящего от суда как органа государства»[4, с. 83]. Раскрывая воспитательное значение решения суда, он отмечал, что «таковое не мыслится без умелого и правильного пользования судом процессуальной формой»[4, с. 58]. «Это важно, в частности, потому, что резолютивная часть решения в большинстве случаев (имеются в виду решения об удовлетворении иска о присуждении) переходит в исполнительный документ, на основании которого производится затем принудительное исполнение решения»[4, с. 88].

Следует согласиться с мнением И.М. Зайцева, который обращал внимание на то, что решение суда как судебный документ должно соответствовать предписаниям процессуального закона и правилам делопроизводства, установленным для официальных документов[3, с. 10].

¹ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11.06.1964 (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

Однако в действующих нормативных правовых актах, регламентирующих судебное делопроизводство в судах общей юрисдикции, закреплено, что они не распространяются на порядок подготовки и оформления процессуальных документов¹.

Ознакомление с судебными актами, размещенными на сайтах судов общей юрисдикции и арбитражных судов, позволяет сделать вывод, что решения судов по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства наряду с собственно резолютивной частью содержат и вводную часть, однако содержание вводной части решений арбитражных судов по таким делам соответствует требованиям ч. 2 ст. 170 АПК РФ, а содержание вводной части решений судов общей юрисдикции не всегда соответствует ч. 2 ст. 198 ГПК РФ.

Возможно, это связано с тем, что согласно Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и надзорной инстанций), утв. постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 100², резолютивная часть судебного акта оформляется в письменной форме в соответствии с требованиями, предъявляемыми к судебному акту, проекты судебных актов изготавливаются с помощью шаблонов судебных актов, внесенных в системы автоматизации судопроизводства (САС). При этом ответственность за подготовку судебного акта несет судья, рассматривающий дело (пункты 9.1-9.3).

Такую практику арбитражных судов можно назвать оптимизацией судебного делопроизводства и распространить ее в судах общей юрисдикции при рассмотрении в порядке, предусмотренном главой 21.1 ГПК РФ, все более увеличивающегося количества гражданских дел.

Поскольку судебное решение по делам, рассматриваемым в упрощенном порядке, является актом, исходящим от органа правосудия, постановленным в установленной гражданским процессуальным законодательством форме, предусмотренной ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ, полагаем, что эта норма должна быть изменена.

Выводы:

В целях совершенствования законодательства предлагается дополнить часть 1 статьи 232.4 ГПК РФ указанием на необходимость составления вводной части при вынесении судом резолютивной части решения суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства.

Кроме того, полагаем, целесообразно предусмотреть в инструкциях по судебному делопроизводству, действующих в судах общей юрисдикции, требования к проектам судебных актов, в том числе требования к решению суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства.

Указанные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики позволят повысить качество принимаемых решений по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства, а как следствие будет способствовать обеспечению авторитета правосудия.

Список литературы:

1. Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М.: Статут. - 2017. - 415 с.
2. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 2008. - 50 с. EDN: ZNMPFJ
3. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе / под ред. Викут М.А. - Саратов. - 1985. - 135 с.
4. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. - М.: Юридическая литература. - 1966. - 190 с.
5. Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие / под ред. Решетниковой И.В. - М.: Юстиция. - 2019. - 324 с.
6. Старицын А.Ю. Упрощенное производство в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. - Иркутск. - 2023. - 235 с. EDN: GUQNI A
7. Фокина М.А. Упрощение как концепт современного цивилистического процесса // Упрощение гражданской процессуальной формы: проблемы теории, законодательства, судебной практики и организации судебной деятельности: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции / Сост. и ред. Войтович Л.В. - СПб: Астерион. - 2023. - С. 22-33.
8. Шадловская О.Д. Упрощенная гражданская процессуальная форма в гражданском судопроизводстве: понятие и признаки // Арбитражный и гражданский процесс. - 2015. - № 8. - С. 9-23. EDN: UDBSJD
9. Энгельман И.Е. Учебник русского гражданского судопроизводства. - Юрьев. - 1899. - 358 с.

References:

1. Civil procedure: textbook / ed. by V.V. Yarkov. Moscow: Statut. - 2017. - 415 p.
2. Zagainova S.K. Judicial acts in civil and arbitration proceedings: theoretical and applied problems: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. sciences'. - Yekaterinburg, 2008. - 50 p.
3. Zaitsev I.M. Elimination of judicial errors in civil proceedings / ed. Vikut M.A. - Saratov, 1985- 135 p.
4. Zeider N.B. Judicial decision in a civil case. Moscow: Yuridicheskaya literatura. - 1966. - 190 p.
5. Features of arbitration proceedings: educational and practical guide / ed. Reshetnikova I.V. - M.: Justice. - 2019. - 324 p.
6. Staritsyn A.Y. Simplified proceedings in civil proceedings: dis. ... kand. jurid. sciences'. Irkutsk, 2023, 235 p.
7. Fokina M.A. Simplification as a concept of the modern civil process // Simplification of the civil procedural form: problems of theory, legislation, judicial practice and organization of judicial activity: Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference / Comp. and ed. Voitovich L.V. - St. Petersburg: Asterion. - 2023. - pp. 22-33.
8. Shadlovskaya O.D. Simplified civil procedural form in civil proceedings: concept and signs // Arbitration and civil procedure. - 2015. - No. 8. - pp. 9-23.
9. Engelman I.E. Textbook of Russian civil procedure. - Yuriev, 1899, 358 p.

¹Напр., абзац второй пункта 1.2 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 10.05.2025) // Российская газета. - № 246. - 05.11.2004.

²Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и надзорной инстанций)» // Российская газета. - № 88. - 25.04.2017.

ИМУЩЕСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС КАК НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО PROPERTY COMPLEX AS REAL ESTATE

КАРАВАЕВ Николай Викторович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
гражданского и семейного права Волго-Вятского института (филиала)
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)».
ул. Московская, 30, г. Киров, Кировской области, 610000, Россия.
E-mail: pravo1968@mail.ru;

KARAVAEV Nikolay Viktorovich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Family Law,
Volga-Vyatka Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MGU).
Moskovskaya St., 30, Kirov, Kirov Region, 610000, Russia.
E-mail: pravo1968@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследованы особенности правового режима имущественного комплекса как недвижимого имущества. Автор рассмотрены положения действующего российского и зарубежного законодательства в отношении понятия недвижимости и видов недвижимого имущества. Делается вывод о том, что, причисляя имущество по своей природе движимое к недвижимости, а именно к предприятию, как имущественному комплексу, законодатель использовал прием юридической фикции, т.е. искусственного распространения на определенные объекты правового режима, не присущего им по природным свойствам. Объяснение данного юридического приема необходимостью государственной регистрации вряд ли можно считать убедительным, поскольку законодательством не предусмотрена государственная регистрация указанной недвижимости по закону в составе предприятия, как объекта недвижимости. Причина такой юридической фикции кроется в возможности участия предприятия как имущественного комплекса в гражданском обороте, а именно, в возможности, в частности, продавать предприятие в целом как единый сложный объект. В данном случае фиктивная недвижимость (недвижимость по закону) будут отражены в оформляемых при продаже документах: акте инвентаризации, бухгалтерском балансе, заключении независимого аудитора о составе и стоимости предприятия.

Abstract: The article examines the features of the legal regime of the property complex as immovable property. The author reviewed the provisions of current Russian and foreign legislation regarding the concept of real estate and types of real estate. It is concluded that, classifying property that is inherently movable to real estate, namely to an enterprise as a property complex, the legislator used the technique of legal fiction, i.e. artificial extension to certain objects of a legal regime that is not inherent in their natural properties. The explanation of this legal technique by the need for state registration can hardly be considered convincing, since the legislation does not provide for the state registration of the specified real estate under the law as part of an enterprise as a real estate object. The reason for this legal fiction lies in the possibility of the company's participation as a property complex in civil turnover, namely, in the possibility, in particular, to sell the company as a whole as a single complex object. In this case, fictitious real estate (real estate according to the law) will be reflected in the documents drawn up during the sale: the inventory report, the balance sheet, the conclusion of an independent auditor on the composition and value of the enterprise.

Ключевые слова: предприятие, имущественный комплекс, объект субъективных гражданских прав, вещи, иное имущество, недвижимость по природе, недвижимость по закону, животные, юридическая фикция.

Keywords: enterprise, property complex, object of subjective civil rights, things, other property, real estate by nature, real estate by law, animals, legal fiction.

Для цитирования: Караваев Н.В. Имущественный комплекс как недвижимое имущество // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 373-376. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_373.

For citation: Karavaev N.V. Property complex as real estate // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 373-376. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_373.

Статья поступила в редакцию: 13.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В соответствии со статьей 132 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) под «предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью» [1]. Прежде чем перейти к исследованию имущественного комплекса как объекта субъективных гражданских прав, рассмотрим, что понимается под недвижимыми вещами (недвижимым имуществом, недвижимостью) по законодательству России и зарубежных стран.

Большинство национальных правовых систем делят объекты гражданских прав на движимые и недвижимые. Вместе с тем, определяя критерии недвижимости вещи (имущества) правовые системы оперируют такими юридическими категориями, которые приводят к 1) размытости критериев разделения имущества на движимое и недвижимое и 2) отсутствие четкого понимания смысла и назначения процедур государственной регистрации прав [2; с. 27-28].

На самом деле, в зарубежном законодательстве нет единообразного понимания термина «недвижимость» и зачастую, вместо термина «недвижимость» используется термин «земельный участок». Так, Бар Фон Кристиан (Германия) говорит о том, что «можно сделать вывод о том, что эти слова синонимичны и обозначают ту часть земной поверхности, которая может быть объектом вещных прав; она может называться "земельные участки", "недвижимость" [3]. В законодательстве ряда стран понятия недвижимости и земельного участка равнозначны. В подтверждении этого Фон Бар Кристиан ссылается на § 119(2) старого ГК Чехии 1964 г. и § 498(1) нового ГК Чехии 2014 г., на законодательство Швеции, в которой понятия "недвижимость" (fastighet) и "земельный участок" (jord) редко противопоставляются друг другу [3]. В большинстве стран понятие недвижимости гораздо шире понятия земельного участка. Так, по ст. 517 Гражданского кодекса Франции (далее по тексту - ФГК) имущество является недвижимым или по своей природе, или по своему назначению, или в силу предмета, к которому оно относится [4]. Земельные участки и строения являются недвижимым имуществом по своей природе (ст. 518 ФГК). Животные и предметы, помещенные собственником на земельном

Участке для его обслуживания и ведения на нем хозяйства, являются недвижимым имуществом в силу своего назначения. Так, являются недвижимым имуществом в силу своего назначения, помещенные собственником для обслуживания земельного участка и ведения на нем хозяйства: сельскохозяйственные животные; сельскохозяйственный инвентарь; семенной материал, переданный фермерам или арендаторам-испольщикам; голуби в голубятнях; кролики в садках; ульи и др. (ст. 524 ФГК). Аналогичные нормы можно найти в гражданском законодательстве Бельгии, Люксембурга, Испании. По Всеобщему гражданскому кодексу Австрии вещи, которые сами по себе являются движимыми, в правовом смысле считаются недвижимыми, если они в силу закона или решения собственника являются принадлежностью недвижимой вещи. Так по § 295 Всеобщего гражданского кодекса Австрии трава, деревья, плоды и все потребляемые вещи, которые земля приносит на своей поверхности, остаются недвижимым имуществом так долго, пока они не отделены от земли. Рыба в водоеме и дичь в лесу становятся движимым имуществом только тогда, когда рыба выловлена, а дичь поймана или убита. По § 296 зерно, древесина, корм для скота и все остальные, хотя бы и убранные с полей продукты, как и весь скот и все принадлежащие к недвижимому имуществу инструменты и приборы считаются недвижимым имуществом постольку, постольку они необходимы для продолжения нормальной хозяйственной деятельности [5].

Таким образом, в законодательство зарубежных стран, как правило, отсутствует универсальное понятие недвижимости, а значит возникает проблема с определением критериев отличия имущества движимого и недвижимого. «У каждой правовой системы свой взгляд, особенно когда речь идет об имуществе, относящемся к недвижимым вещам больше из-за своей значимости или субъективного желания законодателя распространить на них соответствующий правовой режим, чем в силу связи с землей» [6].

Так, ФГК имущество является недвижимым или 1) по своей природе, или 2) по своему назначению, или 3) в силу предмета, к которому оно относится. Земельные участки и строения являются недвижимым имуществом по своей природе. К нему же относятся ветряные и водяные мельницы, укрепленные на сваях и составляющие часть строения; урожай на корню и плоды, еще не снятые с деревьев. Животные и предметы, помещенные собственником на земельном участке для его обслуживания и ведения на нем хозяйства, являются недвижимым имуществом в силу своего назначения. Является недвижимым имуществом в силу предмета, к которому они относятся: узуфрукт, установленный в отношении недвижимых вещей; сервитуты, или обременения земельных участков; право на иски об истребовании недвижимого имущества.

Д.И. Мейер еще в середине XIX века отмечал следующее: "Нет, однако же, необходимости, чтобы юридическое деление имущества на недвижимое и движимое совпадало с физической неподвижностью или подвижностью вещей: в области права это деление имущества имеет то значение, что одни определения связываются с имуществом недвижимым, другие - с имуществом движимым; но действительно ли имущество, признаваемое по закону недвижимым, неподвижно по своей природе или оно подвижно - это все равно. И если, например, законодательство найдет нужным какое-то определение, касающееся недвижимого имущества, распространить и на имущество движимое, то определение это будет применяться к движимому имуществу и наоборот [7; с.162]

Таким образом, как писал профессор Е.А. Суханов, понятие и содержание категории "недвижимость" в решающей мере определяются правовым режимом соответствующих объектов, установленным тем или иным правопорядком, а вовсе или, во всяком случае, далеко не только их природными, естественно-физическими характеристиками и свойствами [8].

По ст. 130 ГК РФ к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства (недвижимость по природе). К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, жилые и нежилые помещения, машино-места. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество (недвижимость по закону).

На основании анализа действующего гражданского законодательства можно сделать вывод, что к иному недвижимому имуществу относятся, в частности, предприятия. Согласно ст. 132 ГК РФ в состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором. Аналогичное определение предприятия дано в ст. 191 Гражданского кодекса Украины [9]. Так к предприятию относится, к примеру, животноводческий объект - комплекс, ферма, иные здания и сооружения, в которых осуществляется разведение, выращивание, содержание и убой сельскохозяйственных животных [10]. В частности, под животноводческими комплексами понимаются крупные специализированные предприятия индустриального типа по производству продуктов животноводства на основе комплексной механизации, электрификации и автоматизации основных технологических процессов... В СССР действовали животноводческие комплексы: свинооткормочные (по выращиванию и откорму 24, 54 и 108 тыс. свиней в год); по выращиванию и откорму крупного рогатого скота (10 и более тыс. голов); молочные (на 1200 и 2000 коров); по выращиванию нетелей (5—6 тыс. голов) и др. [11]

При этом, с точки зрения Высшего Арбитражного Суда РФ животноводческий комплекс, включающий в себя земельные участки, здания, сооружения, оборудование и непосредственно самих животных, может быть признан объектом недвижимости при условии, что каждый объект недвижимости по природе (здания, сооружения) относится к животноводческому комплексу и все вместе составляют в совокупности сложную вещь [12]. Таким образом суд не согласился с мнением нижестоящих судов, что животноводческий комплекс – это совокупность всего лишь отдельных объектов недвижимости по природе.

К имущественному комплексу (предприятию) согласно ст. 221 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" относится также имущество, находящееся в общей собственности членов крестьянского (фермерского) хозяйства, включающее в

себя насаждения, хозяйственные и иные постройки, мелиоративные и другие сооружения, племенной, молочный и рабочий скот, птица, сельскохозяйственные и иные техника и оборудование, транспортные средства, инвентарь и другое приобретенное для крестьянского (фермерского) хозяйства на общие средства его членов имущество [13]. Животные и в данном случае являются недвижимостью по воле законодателя, только с целью поддержать крестьянское (фермерское) хозяйство.

В последнее время ставится вопрос о признании в качестве единого недвижимого комплекса так называемого поместья - единого сложного недвижимого объекта, обособленного в пространстве и объединяющего на одном земельном участке здание (индивидуальный жилой дом), сооружения (хозяйственные постройки) и иные вещи (многолетние и лесные насаждения, водные объекты, животных, садовый и хозяйственный инвентарь и др.) [14].

Вызывает вопросы проект Федерального закона "О Родовых усадьбах" и "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О Родовых усадьбах" [15]. В проектах законов речь идет о земельном участке с находящимся на нем индивидуальным жилым домом и иными строениями вспомогательного использования, а также многолетними насаждениями, лесными насаждениями, водными объектами, животными и иным имуществом, на котором из поколения в поколение проживает человек и его семья (род), ведущие усадьбное (хуторское) хозяйство. Таким образом речь идет о признаках, присущих всем единым недвижимым комплексам (родовых признаках), а также признаках их отдельных разновидностей. С одной стороны, речь идет о недвижимом имуществе, которое гражданин будет получать безвозмездно в пожизненное наследуемое владение. С другой стороны, авторы законопроекта пишут о неимущественном характере права на Родовую усадьбу, поскольку это обусловлено особым социальным предназначением Родовых усадеб. Неимущественный характер прав на Родовую усадьбу будет проявляться: в безвозмездном предоставлении земельных участков гражданам России; в освобождении этих граждан от налогов на произведенную продукцию и на земельный участок; в недопустимости обращения взыскания на земельный участок и находящиеся на нем жилые строения по обязательствам гражданина и членов его семьи; к такому земельному участку не применяется режим недвижимого имущества - его нельзя купить, продать, заложить, сдать в аренду, разделить на части, передать юридическому лицу и т.п., так как Родовая усадьба является местом укоренения рода и его неотъемлемым достоянием; пожизненный (вечный) характер владения земельным участком Родовой усадьбы; невозможность конфискации Родовой усадьбы и недопустимость его изъятия для государственных или муниципальных нужд. Создается впечатление, что авторы законопроекта перепутали неимущественный характер общественных отношений на материальные блага (землю, здания, сооружения, животных и т.п.) с безвозмездностью.

Итак, если законодатель в состав недвижимого имущества (к примеру, предприятия) включает имущество по своей природе движимое, то с какой целью? Как отмечал Е.А. Суханов, следует исходить из того, что недвижимость - категория юридическая, а не физическая и главное ее свойство - не физическая "неотрывность" от земли, а юридически необходимая государственная регистрация правового режима соответствующих вещей, призванная облегчить их оборот и защиту прав их законных владельцев [8].

Под государственной регистрацией объекта недвижимости, согласно Федеральному закону от 13.07.2015 N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости", понимается юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества (далее - государственная регистрация прав) (ст. 1) [16]. В отношении государственной регистрации предприятия в законе сказано, что государственная регистрация права собственности на предприятие как имущественный комплекс осуществляется после государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на каждый объект недвижимости, входящий в состав предприятия как имущественного комплекса (ст.46). Аналогичное правило предусмотрено Порядком ведения Единого государственного реестра недвижимости, где сказано, что запись о предприятии как имущественном комплексе вносится в ЕГРН при наличии в кадастре недвижимости и реестре прав на недвижимость записей или одновременно с записями об иных объектах недвижимости (зданиях, сооружениях, объектах незавершенного строительства, единых недвижимых комплексах, помещениях, машино-местах, земельных участках), входящих либо права на которые (например, аренда) входят в состав такого предприятия [17]. При этом, можно представить предприятие, к примеру, животноводческий комплекс, куда входят строения, не имеющие фундамента. В таком случае, при отсутствии подлежащих государственной регистрации объектов недвижимости по природе, не будет подлежать государственной регистрации и само предприятие. Таким образом, объекты, по своим физическим свойствам недвижимостью по природе не являющиеся (в нашем случае это животные), государственной регистрации в составе предприятия не подлежат.

В этой связи вызывает вопросы п.38 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. N 25, согласно которому «по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости (пункт 1 статьи 130 ГК РФ)» [18]. Однако, на наш взгляд, такая позиция суда противоречит п. 5 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости", где сказано, что государственная регистрация права в Едином государственном реестре недвижимости является единственным доказательством существования зарегистрированного права. Встав на позицию суда, придется тогда признавать, что государственная регистрация права на недвижимость будет всего лишь одним из доказательств существования такого права, «а сама эта регистрация по сути превращается в пустую формальность» [8].

Можно сделать вывод: наличие такого объекта недвижимости, как предприятия, не говорит о необходимости государственной регистрации всех составных частей данной сложной вещи. Так, животные в силу российского законодательства будучи включенными в состав недвижимости, а именно предприятия как имущественного комплекса (и будучи в связи с этим недвижимостью по закону), по логике законодателя, исходя из целей деления имущества на недвижимое и движимое, должны подлежать государственной регистрации в составе предприятия. Однако, исходя из дей-

ствующих положений законодательства о государственной регистрации, животные, входящие в состав предприятия таковой регистрации не подлежат.

Таким образом, причисляя к недвижимости движимые вещи и иное имущество (к примеру, животных) физически оторванное от земли, или вещи, связанные с землей, то только хозяйственным назначением, законодатель использует прием юридической фикции, т.е. искусственного распространения на определенные объекты правового режима, не присущего им по природным свойствам. Объяснение данного юридического приема необходимостью государственной регистрации вряд ли можно считать убедительным, поскольку законодательством не предусмотрена государственная регистрация указанной недвижимости по закону в составе предприятия, как объекта недвижимости.

По поводу этой ситуации авторы Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации отмечали, что регистрация предприятия в качестве недвижимости порождает трудноразрешимые вопросы, какое именно имущество входит в состав этой недвижимости. И поскольку по этой причине предприятие практически выбыло из оборота недвижимости, необходимо исключить из статьи 132 ГК признание предприятия в целом недвижимой вещью[19]. Однако, до настоящего времени предприятие из перечня объектов гражданских прав не исключено. Причина кроется в возможности участия предприятия как имущественного комплекса в гражданском обороте, поскольку закон разрешает продавать предприятие в целом как единый сложный объект и уже в данном случае, те же животные как фиктивная недвижимость (недвижимость по закону) будут отражены в оформляемых при продаже документах : акте инвентаризации, бухгалтерском балансе, заключении независимого аудитора о составе и стоимости предприятия (п. 2 ст. 561 ГК РФ).

В итоге, в состав предприятия, как имущественного комплекса, входит:

- недвижимость по природе, государственная регистрация прав на которую, позволяет в дальнейшем осуществить государственную регистрацию самого предприятия как объекта гражданских прав: земельные участки, здания, сооружения;
- фиктивная недвижимость или недвижимость по закону (телесная), не подлежащей государственной регистрации: оборудование, инвентарь, животные, сырье, продукция;
- фиктивная недвижимость или недвижимость по закону (бестелесная): права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС "КонсультантПлюс".
2. Бабкин С. А. Основные начала организации оборота недвижимости. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. 370 с.
3. Бар фон К. Для чего нужно понятие земельного участка (Grundstück) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия "вещь" в европейском вещном праве // Вестник гражданского права. 2018. N 5. С. 113 - 138 // СПС "КонсультантПлюс". EDN: YOPBAL
4. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011) // СПС "КонсультантПлюс".
5. Всеобщий гражданский кодекс Австрии от 01.06.1811 (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010) // СПС "КонсультантПлюс".
6. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110 - 1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин, Е. В. Кожевина и др.; отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. 656 с.
7. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2003. 829 с.
8. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.
9. Гражданский кодекс Украины - Х.: ООО "Одиссей", 2009. С. 352.
10. Постановление N 47-15 Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ "О модельном законе "Об идентификации, регистрации, прослеживаемости сельскохозяйственных животных, идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения" (Принято в г. Санкт-Петербурге 13.04.2018) // СПС "КонсультантПлюс".
11. Ветеринарный энциклопедический словарь // URL: https://gufo.me/dict/veterinary/комплексы_животноводческие (дата обращения: 10.02.2025).
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.09.2003 N 7677/03 по делу N A12-11059/02-C43 // СПС "КонсультантПлюс".
13. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "О несостоятельности (банкротстве)" // СПС "КонсультантПлюс".
14. Гришаев С. П. Комментарий к Федеральному закону от 13.07.2015 N 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимости" // СПС "КонсультантПлюс".
15. Пояснительная записка "К проектам Федеральных законов "О Родовых усадьбах" и "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О Родовых усадьбах" // СПС "КонсультантПлюс".
16. Федеральный закон от 13.07.2015 N 218-ФЗ (ред. от 29.10.2024) "О государственной регистрации недвижимости" // СПС "КонсультантПлюс".
17. Приказ Росреестра от 07.12.2023 N П/0514 (ред. от 07.12.2023) "Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости" (Зарегистрировано в Минюсте России 31.01.2024 N 77083) // СПС "КонсультантПлюс".
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. N 8.
19. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации" (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ 2009. N 11.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994 N 51-FZ (as amended on 08/08/2024, as amended. dated 31.10.2024) // SPS "ConsultantPlus".
2. Babkin S. A. The main principles of the organization of real estate turnover. Moscow: Yurinfo Center, 2001. 370 p.
3. Bar von K. What is the concept of a land plot (Grundstück) for and what is it? On the difficulties of establishing the content of the concept of "thing" in European property law // Bulletin of Civil Law. 2018. N 5. P. 113 - 138 // SPS "ConsultantPlus". EDN: YOPBAL
4. The French Civil Code (the Napoleonic Code) of 03/21/1804 (as amended and supplemented as of 01.09.2011) // SPS "ConsultantPlus".
5. The Universal Civil Code of Austria dated 06/01/1811 (as amended and supplemented as of 27.07.2010) // SPS "ConsultantPlus".
6. Inheritance law: an article-by-article commentary on Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / R. S. Bevezhenko, S. L. Budylin, E. V. Kozhevina et al.; edited by E. Yu. Petrov. Moscow: M-Logos, 2018. 656 p.
7. Meyer D. I. Russian civil law.: Statute, 2003. 829 p.
8. Sukhanov E. A. Property law: a scientific and cognitive essay. Moscow: Statute, 2017. 559 p.
9. Civil Code of Ukraine - H.: Odyssey LLC, 2009. p. 352.
10. Resolution No. 47-15 of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States "On the Model Law "On identification, Registration, traceability of farm animals, identification and traceability of products of animal origin" (Adopted in St. Petersburg on 04/13/2018) // SPS "ConsultantPlus".
11. Veterinary encyclopedic dictionary // URL: https://gufo.me/dict/veterinary/комплексы_животноводческие (date of application: 02/10/2025).
12. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 09/16/2003 N 7677/03 in case N A12-11059/02-C43 // SPS "ConsultantPlus".
13. Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 (as amended on December 26, 2024) "On Insolvency (Bankruptcy)" // SPS "ConsultantPlus".
14. Grishaev S. P. Commentary to the Federal Law of July 13, 2015 N 218-FZ "On state registration of real estate" // SPS "ConsultantPlus".
15. Explanatory Note "To the draft Federal Laws "On Ancestral Homesteads" and "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On Ancestral Homesteads" // SPS "ConsultantPlus".
16. Federal Law No. 218-FZ of 07/13/2015 (as amended on 10/29/2024) "On State Registration of Real Estate" // SPS "ConsultantPlus".
17. Rosreestr Order No. P/0514 dated 12/07/2023 (as amended on 12/07/2023) "On Establishing the Procedure for Maintaining the Unified State Register of Real Estate" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 01/31/2024 No. 77083) // SPS "ConsultantPlus".
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
19. The Concept of development of civil legislation of the Russian Federation" (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation on Codification and Improvement of Civil Legislation dated 07.10.2009) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation 2009. N 11.

СОВЕТСКОЕ ВЕЩНОЕ И АБСОЛЮТНОЕ ПРАВО: АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ УЧЕНИЯ SOVIET PROPERTY AND ABSOLUTE LAW: ASPECTS OF THE SCIENTIFIC PARADIGM OF THE DOCTRINE

КАРПОВ Евгений Алексеевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент Высшей школы бизнеса, менеджмента и права
ФГБОУ ВО «Российской государственной академии туризма и сервиса».

141221, Россия, Московская обл., городской округ Пушкинский, д.пос. Черкизово, ул. Главная д. 99.

E-mail: eakarpov1986@yandex.ru;

KARPOV Evgeny Alekseevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate, Professor of the Higher School of Business, Management and Law

Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian State University of Tourism and Service.

141221, Moscow region, Pushkinsky City District, Cherkizovo village, Main Street, 99.

E-mail: eakarpov1986@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется советское вещное и абсолютное право в период существования Союза ССР. Автор выделяет четыре этапа развития советского вещного и абсолютного права, исследуются признаки советского вещного и абсолютного права и причины исчезновения вещного права в СССР. Автор делает вывод о большой значимости частной собственности в системе экономических отношений и, как следствие, ее прямом влиянии на саму концепцию вещного права. Заметную роль, по мнению автора, в формировании вещного права также играет и исторический фактор преемственности вещного права от римского частного права.

Abstract. The article examines the Soviet property and absolute law during the existence of the USSR. The author identifies four stages in the development of the Soviet property and absolute law, examines the characteristics of the Soviet property and absolute law and the reasons for the disappearance of property law in the USSR. The author concludes that private property is of great importance in the system of economic relations and, as a consequence, its direct influence on the very concept of property law. According to the author, the historical factor of the succession of property law from Roman private law also plays a significant role in the formation of property law.

Ключевые слова: вещное право, абсолютное право, право собственности, государственная социалистическая собственность, ограниченные вещные права, частная собственность, личная собственность, относительное право.

Key words: property rights, absolute rights, property rights, state socialist property, limited property rights, private property, personal property, relative rights.

Для цитирования: Карпов Е.А. Советское вещное и абсолютное право: аспекты научной парадигмы учения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 377-380. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_377.

For citation: Karpov E.A. Soviet property and absolute law: aspects of the scientific paradigm of the doctrine // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 377-380. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_377.

Статья поступила в редакцию: 11.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

После победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года и окончания Гражданской войны, 30 декабря 1922 г. в пределах территории бывшей Российской империи был образован СССР, в период существования которого были приняты важнейшие кодифицированные нормативные правовые акты в сфере гражданского права, а именно ГК РСФСР 1922 г., ГК РСФСР 1964 г., содержащие в себе нормы и институты, регулирующие общественные отношения в том числе и в сфере собственности, а в ГК РСФСР 1922 г. также содержались нормы об ограниченных вещных правах. Важным аспектом для изучения гражданского права советского периода нам представляется тот факт, что СССР, как государство, имел определенную идеологическую направленность, а именно государственную политику, направленную на классовую борьбу с целью победы пролетариата во всем Мире, экспорт социалистических революций за рубеж, а право, как элемент надстройки, согласно марксистско-ленинским идеям, обеспечивало соответствующие экономические и производственные отношения и было зависимым от них [10. С.138]. Таким образом, в основе советского права, как элемента надстройки, была заложена идея классовой борьбы, которая должна была обеспечить интересы диктатуры пролетариата и социалистического строя.

Следует отметить, что в период существования Российской Империи учение о вещном праве было обосновано дореволюционным учеными-юристами (Г.Ф. Шершеневич, К.П. Победоносцев, Ю. Барон, В.И. Синайский и др) с учетом заметного влияния на их взгляды немецких ученых - пандектистов - Ф.К. Савиньи, Г. Пухта, Г. Гуго, А. Тибо и др. Среди признаков дореволюционного вещного права отмечались: господство лица над вещью, вещно-правовой иск, всеобщая пассивная юридическая обязанность [18. С. 35: 20. С. 142-167]. Безусловное влияние на содержание вещного права в Российской империи оказывали такие факторы как: историческая преемственность учения о вещном праве от римского частного права и существование частной собственности в системе экономических отношений.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в период существования СССР, основными идеями, определяющими содержание советского государства и права были воззрения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина. По мнению Ф. Энгельса: «роль гражданского права сводится к законодательному освещению существующих при данных обстоятельствах нормальных экономических отношений между людьми» [10. С. 672]. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что «основным вопросом коммунистического движения являлся вопрос о собственности» [10. С. 672], а именно о присвоении собственности классом буржуазии или пролетариата.

По мнению К. Маркса, собственность — это орудие в руках господствующего класса буржуазии, приобретенное путем разграбления

церковных имуществ, мошеннического отчуждения государственных земель, расхищения общинной собственности и иным преступным путем[9. 1200 С]. Ф. Энгельс также отмечал, что государство, где существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал – это государство капиталистическое, и оно неизбежно будет держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство[19. С.134]. Советский ученый-юрист П.И. Стучка, полагал, что право собственности – это исключительно категория буржуазного права, которая является, по своей сути правом частной собственности. Так, в отношении права собственности П.И. Стучка отмечал следующее: «О праве собственности, мы говорим только в классовом обществе, где собственность приняла форму частной собственности»[16. С. 146-147], таким образом, влияние К. Маркса и Ф. Энгельса предопределили положение частной собственности в социалистическом и будущем коммунистическом обществе, суть назначения которой сводилась к отмене этой собственности и изменения соответствующих производственных отношений и, как следствие, частных интересов и их правового регулирования, что очевидным образом отразилось в трудах советского юриста П.И. Стучки. Принимая во внимание то, что вопрос собственности на средства производства в экономических отношениях и теории классовой борьбы [10. С.138] занимал в марксизме-ленинизме ведущую роль, основной формой собственности в советском гражданском праве становилась государственная (социалистическая) собственность, которая должна была носить всенародный характер, принадлежать всем трудящимся и быть направлена на удовлетворение интересов всех трудящихся[2. С. 313].

Однако, несмотря на социалистические воззрения, в советском праве допускалась и личная собственность. В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» И.В. Сталин отмечал, что: «Человек есть человек. Он хочет иметь кое что для себя.. Он хочет иметь корову... Ничего преступного в этом нет... это надо понять»[15. С 39-51]. Исходя из умозаключения И.В. Сталина о собственности гражданина СССР, мы видим не обоснование частной собственности, как особой ценности человека, выраженной в антропоцентричных идеях философов эпохи Просвещения (Д. Локк, Ш. Монтескье и др.) и ярко реализованных в Декларации прав человека и гражданина от 26 октября 1789 г. периода Великой Французской буржуазной революцией, а личную собственность для необходимых нужд человека.

Необходимо отметить, что советское вещное и абсолютное право развивалось неравномерно и скачкообразно, так как в период истории Союза ССР изменялись политические и экономические факторы, определявшие содержание вещного и абсолютного права. В советском вещном и абсолютном праве условно можно выделить четыре этапа, в основе периодизации которых лежит фактор развития социалистической системы хозяйствования и соответствующих этой системе общественных отношений:

1. Вещное право периода военного коммунизма (1918-1921 г.)
2. Вещное право периода НЭПа (1922-1928 г.)
3. Вещное и абсолютное право периода развития социалистической системы планового хозяйствования (1928-1985 г.);
4. Вещное и абсолютное право периода Перестройки (1985-1991 г)

Декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» была отменена частная собственность на все без исключения земельные участки, что изменило экономические отношения в стране в пользу государственной монополии на товарно-денежные отношения, а в основу формирования правовых отношений в СССР были положены принципы марксизма-ленинизма с соответствующей этим принципам понятиям исторического материализма о базисе и надстройке, где базис все же играет определяющую роль, несмотря на то, что эти категории согласно учению марксизма-ленинизма обладают взаимовлиянием [18. С. 35]. Тем не менее, в период Гражданской войны не принимались кодифицированные источники в сфере гражданского права, а политика военного коммунизма, в том числе продразверстки, окончилась Антоновским восстанием в Тамбовской губернии и Кронштадтским восстанием в 1921 г [7. С. 1017-1018], что способствовало пересмотру государственной политики большевиков на экономические отношения и частную собственность.

Потерпев поражение в политике военного коммунизма, В.И. Ленин взял курс на новую экономическую политику с элементами капиталистических товарно-денежных отношений [8. С 157]. 31 октября 1922 г. был принят Гражданский кодекс РСФСР, который рассматривался, как временный нормативный правовой акт на период НЭПа [12. С 130], а в ст. 52-105 которого были закреплены вещные права в виде права собственности, права застройки и залога имущества. Объектами права собственности могли быть не муниципализированные строения, предприятия торговые, промышленные предприятия с ограниченным количеством рабочих, также в ГК РСФСР были закреплены такие признаки вещного права, как право следования, вещно-правовой иск (ст. 59 ГК РСФСР), а такой признак как «господство лица над вещью» в ГК РСФСР 1922 г. указан не был. Следует отметить, что советским ученым О.С. Иоффе гражданское право периода НЭПа выделяется в отдельную категорию, как самостоятельный этап развития цивилистики в СССР [6. С 135. 12. С 135] и мы полностью соглашаемся с позицией О.С. Иоффе, так как в период Нэпа была сделана уступка капитализму, расширены товарно-денежные отношения и, соответственно, получили развитие частноправовые отношения, в том числе и в сфере частной собственности.

В период свертывания Нэпа и развития плановой экономики советский ученый-юрист В.К. Райхер в 1928 году сделал попытку упразднения классификации вещных и обязательственных прав, основанную на римском частном праве, вследствие ее неэффективности с точки зрения правового регулирования социально-экономических отношений, а также ввиду того, что признаки вещных и обязательственных прав в отдельных случаях не имеют четкого разграничения между собой [14. С.144-204]. Помимо этого, один из основных критериев вещного права – непосредственное господство над вещью, по мнению В.К. Райхера, противоречит марксистскому учению. Как полагал В.К. Райхер, вещные и обязательственные правоотношения в советском гражданском праве необходимо заменить на абсолютные и относительные правоотношения[14.С.144-204]. В целом, можно согласиться с мнением В.К. Райхера о противоречии такого признака вещного права, как «господство над вещью» советскому праву, так как собственность на средства производства принадлежит всем трудящимся СССР и о каком-либо господстве лица

над вещью не может идти никакой речи. Как ранее нами было отмечено, в условиях социалистической системы хозяйствования лицу принадлежит возможность иметь на праве собственности только необходимое для его жизненных интересов имущество, что впоследствии было отражено в гл. 11 ГК РСФСР 1964 г., где было сказано, что гражданин может иметь имущество для удовлетворения его материальных и культурных потребностей и количество этого имущества было ограничено. Тем самым ГК РСФСР 1964 г. в гл. 11 обозначил целевое назначение личной собственности, предельную стоимость и количество имущества, которое может находиться у собственника, а в данных условиях уже невозможен такой признак вещного права, как «господство лица над вещью», что делает концепцию вещного права, сформулированную в условиях законности полноценной частной собственности и развитости гражданского оборота невозможной.

В силу каких же причин был сделан вывод в советской цивилистике о том, что для выделения вещного и обязательственного права более нет оснований? Главной причиной, по нашему мнению, являлось изменение системы экономических отношений в форме государственной монополии на собственность, заметное сужение частно-правовых отношений и ограничение частной собственности, превращение ее в личную собственность без господства над ней собственника.

По мнению С.И. Аскназия, буржуазное гражданское право привержено принципам классического римского права с традиционным разделением вещного и обязательственного права, также в основе буржуазных теорий вещного права, по справедливому мнению, С.И. Аскназия, присутствует «вещный фетишизм» и вытекающая из нее всеобщая пассивная юридическая обязанность [1. С. 510]. Из умозаключения С.И. Аскназия, мы можем сделать вывод, что в основу выделения вещного права в системе гражданского права был положен принцип доминирования и социальной ценности частной собственности в капиталистических странах и ее принадлежности классу буржуазии, а также фактор исторической преемственности вещного права от римского частного права. Помимо этого С.И. Аскназией, было отмечено такое свойство вещного права, как отсутствие четких признаков его разграничения с обязательственным правом, а в условиях господства римской догматики в буржуазном вещном праве, многие признаки вещного права (за исключением права собственности), были свойственны и обязательственному праву (например, сохранение силы договора найма, при отчуждении сданного внаем имущества и даже в германском праве - *Vorrechte*) [1. С. 513]. В связи с данными выводами, в советской цивилистической науке был поставлен закономерный вопрос о целесообразности существования вещного права, как субъективного права.

В связи с окончательной ликвидацией частной собственности и переходом к плановой экономике в период начиная с 1931 по 1987 г. сформировалось развернутое учение о государственной социалистической собственности, как основной формы собственности в СССР [2. С. 313. 17. С. 269].

Е.А. Флейшиц, автор проекта ГК РСФСР 1964 г., отмечала следующую сущность права государственной (социалистической) собственности: «В социалистическом обществе - это, прежде всего нормы, составляющие в совокупности социалистическую организацию труда, продукты которого поступают в собственность организованного в государство общества в целом (государственная собственность) или в собственность отдельного социалистического объединения трудящихся (колхозно-кооперативная собственность)» [17, С. 269]. Раскрывая содержание государственной (социалистической) собственности, Е.А. Флейшиц подчеркивала ее социальное назначение в противовес индивидуальной сущности частной собственности в буржуазных странах и использования этой собственности «для себя», а в формах собственности в СССР, как мы видим, нашло свое выражение политэкономическое содержание собственности в виде формирования собственности у определенной социальной группы – коллектива трудящихся.

По мнению О.С. Иоффе: «Юридические отношения собственности, опосредствующие собственность как экономическую категорию лишь частично, являются, таким образом, правоотношениями абсолютного характера», то есть иные лица, как отмечал О.С. Иоффе, реализуют по отношению к собственнику пассивную юридическую обязанность. Далее О.С. Иоффе отмечал зависимость прав на чужие вещи от права собственности и их ограничения права собственности. Критикуя «вещный фетишизм» буржуазного гражданского права, О.С. Иоффе предлагал именовать вещные права абсолютными, а обязательственные относительными [6. С. 201-215]. Таким образом, мы видим, что возможность существования вещного права с пассивной юридической обязанностью третьих лиц и ограничением со стороны иных вещных прав права собственности, возможно лишь в условиях развитой системы гражданского оборота и частно-правовых отношений, но не с господством публичной собственности и ограниченной личной собственностью. Частное право развивается параллельно с частной собственностью - писали К. Маркс и Ф. Энгельс [9. С. 53], а по мнению современных ученых Е.А. Суханова и Ю.К. Толстого отказ от категории вещного права в советском праве был обусловлен национализацией земли и прекращением деления вещей на движимые и недвижимые [4. С. 284-285, 5 С. 141-142], то есть ликвидацией частной собственности и прекращения ее ведущей роли в экономике страны. Также в целесообразности существования вещного права играет огромную роль исторический фактор, так как вещное право, как субъективное право, зародилось от истоков римского частного права и получило свое развитие в XIX в. в условиях промышленной революции и бурного развития капитализма в Германской империи, где было сформировано учение о вещных правах в трудах немецких ученых – пандектистов, взгляды и идеи которых отражали соответствующий уровень развития экономических отношений в Германии того периода времени с господством частной собственности и ее признанием, как социальной ценности. Опыт Великой Октябрьской социалистической революции, последующее существование СССР с ранее неизвестным типом экономики и системы права, не имевшим прецедента в мировой истории, создали иные парадигмы учения о вещном и абсолютном праве.

В период Перестройки (1985-1991), 6 марта 1990 г. был принят Закон о собственности в СССР № 1305-1, который закрепил различные виды собственности, в том числе и частной, которые реализовывались в форме собственности акционерных обществ, коллективного предприятия, кооператива и т.д., а еще ранее Пленум ЦК КПСС 25-26 июня 1987 г. дал возможность человеку быть «хозяином производства» закрепив тем

самым начало возвращения к капиталистической модели хозяйствования и признания, впоследствии уже в Российской Федерации, полноценной частной собственности и ее неприкосновенности[3 С. 81, 13 С. 5]. Таким образом, возвращение СССР к возможности существования полноценной частной собственности в экономических отношениях создало предпосылки для формирования новой концепции вещного права, что и было отражено в разделе II части первой Гражданского кодекса РФ.

Список литературы:

1. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., Статут. 2008. С. 510, 513.
2. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., Л.: Изд-во АН СССР. 1948. С. 313.
3. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. Издательство политической литературы. 1988. С. 81.
4. Гражданское право. Учебник. 1е изд./под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева Ч.1 СПб. Проспект.1996. С 284-285.
5. Гражданское право. Учебник. 3-е изд. Переаб и доп./ под ред. Е.А. Суханова. Т. 2. М. Бек. С. 141-142.
6. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву М. Статут. 2009. С 201-215. ISBN: 978-5-8354-0607-4 EDN: QRIEOZ
7. История России. Учебное пособие под общ ред. А.Н. Сахарова. М, АСТ. 2005. С. 1017-1018.
8. В. И. Ленина. Полное собрание сочинений. 5-е издание. 44 том. С. 157.
9. К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Том.1 М., Эксмо. 2017. 1200 С.
10. Маркс К. и Энгельс Ф. М., Избранные произведения Издательство политической литературы. 1979. С. 138, 672.
11. Пободоносцев К.П. Курс гражданского права. 1-я часть. Вещные права - М.: Статут, 2002, - С. 83, 187.
12. Право собственности: актуальные проблемы / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. 2008. М.: Статут С. 130.
13. Пленум ЦК КПСС. Москва. 25-26 июня 1987 г. Постановления Пленума. Основные положения коренной перестройки управления экономикой // Печатается по тексту газеты "Правда", 1987, 26 и 27 июня, № 177 и 178.
14. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права. (К проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. Научный журнал. - М.: ООО "Изд-во В. Ема", 2007, № 2: Т. 7. - С. 144-204.
15. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., Госполитиздат 1952. С. 39-51.
16. Стучка П.И. Введение в теорию гражданского права. Курс советского гражданского права - М.: Изд-во Ком. Акад., 1927. С. 146-147.
17. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву в 2 томах. Т.2. М. Статут. 2015. С. 269.
18. Философский словарь под ред. И.Т. Фролова. М, Издательство политической литературы.1986. С 35.
19. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Московский рабочий. 1947. 134 С.
20. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - М.: Спарк, 1995. - С. 142-167.

References:

1. Asknazy S.I. Basic issues of the theory of socialist civil law. Moscow, Statut. 2008. Pp. 510, 513
2. Venediktov A.V. State socialist property. Moscow, Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1948. Pp. 313
3. Gorbachev M.S. Perestroika and new thinking for our country and for the whole world. Moscow: Publishing house of political literature. 1988. Pp. 81
4. Civil law. Textbook. 1st ed./edited by Yu.K. Tolstoy, A.P. Sergeev Part 1 St. Petersburg. Prospect. 1996. Pp. 284-285;
5. Civil law. Textbook. 3rd ed. Revised and enlarged/edited by E.A. Sukhanov. T. 2. M. Beck. P. 141-142
6. Ioffe O.S. Selected Works on Civil Law M. Statut. 2009. P. 201-215
7. History of Russia. Study Guide edited by A.N. Sakharov. M, AST. 2005. P. 1017-1018
8. V.I. Lenin. Complete Works. 5th edition. Vol. 44. P. 157
9. K. Marx. Capital. Critique of Political Economy. Vol. 1 M., Eksmo. 2017. 1200 P.
10. Marx K. and Engels F.M., Selected Works Publishing House of Political Literature. 1979. P. 138, 672
11. Pobodonostev K.P. Course of Civil Law. Part 1. Patrimonial rights - M.: Statut, 2002, - P. 83, 187
12. Property rights: current issues / Ed. V. N. Litovkin, E. A. Sukhanov, V. V. Chubarov. 2008. M.: Statut P. 130
13. Plenum of the Central Committee of the CPSU. Moscow. June 25-26, 1987. Resolutions of the Plenum. Basic provisions of the radical restructuring of economic management // Published according to the text of the newspaper Pravda, 1987, June 26 and 27, No. 177 and 178
14. Reicher V. K. Absolute and relative rights. (On the problem of division of economic rights). Especially in relation to Soviet law // Herald of civil law. Scientific journal. - M.: ООО "Izdat. dom V. Yema", 2007, No. 2: T. 7. - P. 144-204
15. Stalin I.V. Economic problems of socialism in the USSR. M., Gospolitizdat 1952. P. 39-51
16. Stuchka P.I. Introduction to the theory of civil law. Course of Soviet civil law - M.: Publishing house of the Communist Academy, 1927. P. 146-147
17. Fleishits E.A. Selected works on civil law in 2 volumes. T. 2. M. Statut. 2015. P. 269
18. Philosophical dictionary edited by I.T. Frolov. M, Publishing house of political literature.1986. P. 35.
19. Engels F. The Origin of the Family, Private Property and the State. Moscow, Moskovsky Rabochy. 1947. 134 P.
20. Shershenovich G.F. Textbook of Russian Civil Law. - Moscow: Spark, 1995. - P. 142-167

ПРИНЦИП ПРОЗРАЧНОСТИ АВТОРСТВА ТЕКСТА СУДЕБНОГО АКТА THE PRINCIPLE OF TRANSPARENCY OF THE AUTHORSHIP OF THE TEXT OF THE JUDICIAL ACT

КАТУКОВА Светлана Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданского процессуального права
Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева».
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5.

SPIN-код: 8676-2387,

Author ID: 768972,

E-mail: s.katukova@mail.ru;

KATUKOVA Svetlana Yurievna,

PhD in Law, Associate Professor of Department of Civil Procedural Law North-West branch
of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«The Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev».

197046, Russia, St. Petersburg, Alexandrovsky Park, 5.

SPIN-код: 8676-2387,

Author ID: 768972,

E-mail: s.katukova@mail.ru

Краткая аннотация. Подготовка текста судебного акта не сводится к деятельности исключительно судьи, его подписавшего. Современное законодательное регулирование процесса вынесения судебного решения имеет ряд пробелов. Автор положительно отвечает на вопросы: нужно ли такую деятельность регулировать процессуальным законом или оставить её на усмотрение суда и подчинить инструкциям, правилам о должностных полномочиях? В статье декларирован принцип прозрачности процедуры подготовки текста судебного акта.

Abstract: The preparation of the text of a judicial act is not limited solely to the activities of the judge who signed it. The modern legislative regulation of the judicial adjudication process has a number of gaps. The author positively answers the questions: is it necessary to regulate such activities by procedural law or leave it at the discretion of the court and subordinate it to the instructions and rules on official powers? The article declares the principle of transparency of the procedure for preparing the text of a judicial act.

Ключевые слова: судебный акт, вынесение судебного решения, помощник судьи, искусственный интеллект, состязательность, равноправие.

Keywords: judicial act, adjudication, assistant judge, artificial intelligence, competitiveness, equality.

Для цитирования: Катукова С.Ю. Принцип прозрачности авторства текста судебного акта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 381-384. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_381.

For citation: Katukova S.Yu. The principle of transparency of the authorship of the text of the judicial act // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 381-384. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_381.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Постановка проблемы.

В российской правовой доктрине нет четкого разграничения понятий «принятие судебного решения» и «вынесение судебного решения». В советский период превалировало представление о том, что суд выносит (подчеркнуто нами) решение. В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 09.07.1982 № 7 «О судебном решении» словосочетание «принятие решения» не встречается вовсе¹. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 говорится как о «принятии», так и о «вынесении» судебного решения, например: «суд выносит решение на основе исследованных в судебном заседании доказательств» (п.9); «решение принимается по заявленному истцом требованию» (п.5)².

«Принятие решения» и «вынесение решения» не разграничиваются авторитетными исследователями теории правосудия [1, с.436]. Не выявлено различий между ними и в учебной литературе [2, с.332-333; 3, с.364]. В целом, принятие решения сопоставляется с правоприменением. В частности, П.А. Лупинская применительно к уголовному процессу, отмечает: «Принятие решения одновременно государственно-властная, интеллектуально-волевая, формально-логическая, психологическая деятельность» [4, с.60] (вывод верен и для цивилистического процесса). Автор соотносит этапы принятия решения с этапам правоприменения, и выделяет волевой характер последнего этапа, на котором происходит собственно «выражение принятого решения в документе» [4, с.64].

С.К. Загайнова так же не разграничивает принятия и вынесения судебного акта, выявляя в правоприменительном цикле: 1) обсуждение вопросов, связанных с фактическими обстоятельствами дела и правовой квалификацией; 2) изложение судебного акта (оформление процессуального акта-документа); 3) его объявление участникам процесса; 4) направление лицам, участвующим в деле; 5) исправление недостатков вынесенного судебного акта; 6) вступление судебного акта в законную силу [5, с.29].

Однако, некоторое отличие, как представляется, усмотреть можно. Вынесение решения в отличие от принятия решения ограничено итоговой стадией судебного разбирательства, это конкретный результат правоприменительного процесса, который заключается в придании пись-

¹Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 09.07.1982 № 7 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда СССР". 1982. №4.

²Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 (ред. от 23.06.2015) «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. №2.

менной формы воле суда относительно материально-правового спора. Разница между принятием и вынесением судебного решения наглядна при рассмотрении дела коллегиальным составом суда. Процедура коллегиального вынесения решения имеет достаточно прочное законодательное урегулирование: вопросы нашли отражение в ст. 30 КАС РФ, ст. 20 АПК РФ, ст. 15, 193, 194 ГПК РФ. Все судьи участвуют в принятии судебного решения, в обсуждении его содержания. Однако, разве можно утверждать, что судья, оставшийся при особом мнении, вынес решение? Он присоединился к вынесенному решению путем его подписания, не более того. В этом случае судья вынес как раз свое особое мнение, в котором нашли отражение свобода его волеизъявления, личная принципиальность.

Конституционно-правовое и процессуально-правовое понимание принятия и вынесения решения однозначно связано только с судом, который олицетворяет судейский корпус. Однако очевидно, что к вынесению судебного решения в смысле подготовке его текста, имеют отношения не только судьи, но также помощники судей и стороны процесса.

Участие иных субъектов в создании текстов судебных актов является актуальной темой исследования, поскольку порождено резонным вопросом: не происходит ли частичного и не предусмотренного законом делегирования прав на осуществление правосудия? Вынесение решения в смысле придания ему окончательной письменной формы – важная часть правосудия. Комиссия Совета судей РФ применительно к содержанию судебных актов отмечает, что «копипаст фрагментов закона, повторение без должного анализа письменных позиций сторон и присутствующих в них ошибок подрывают доверие участников процесса к результату рассмотрения конкретного дела, понижают общественную оценку деятельности судов в целом, дают повод обвинять суды в небрежности или формальном рассмотрении дел»¹.

Таким образом, в процессе вынесения решения, когда суд дает ответы на правовые вопросы и выражает государственно-властное веление (предписание о правовых последствиях установленных обстоятельств), могут участвовать разные субъекты – помощники суда, стороны процесса, и даже несубъектные акторы в виде искусственного интеллекта (далее – ИИ). Они не могут быть подписантами итогового документа, но оказывают содействие суду в создании текста судебного акта. Эта деятельность, безусловно, требует конкретизации в законе.

Судебное решение как результат коллегиальной деятельности.

1.Помощник судьи.

Общеизвестно утверждение, что помощники судей участвуют в подготовке проектов судебных актов[6, с.47; 7]. Эта практика является повсеместной не только для российской судебной системы, судебные советники в зарубежном праве также «подготавливают проекты судебных решений на основе судебных прецедентов» [8,с.34].

Законодательное регулирование автономного участия аппарата суда в создании судебных актов нашло место только применительно к промежуточным актам о допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. В ст.40 ФКЗ указывается, что секретариат, установив нарушение порядка обращения в Суд, уведомляет заявителя о несоответствии его обращения требованиям закона². У заявителя есть право не согласиться и потребовать проверить решение секретариата, тогда по вопросу будет принято соответствующее определение в пленарном заседании.

В процессуальных кодексах цивилистической направленности указывается только на обязанность помощника оказывать помощь в подготовке проектов судебных актов (ст. 58 АПК РФ, 52.1 КАС РФ, ст. 47.1 ГПК РФ), никакого автономного права высказываться от имени суда им не предоставлено, например, ст. 197 ГПК РФ говорит, что излагается и подписывается решение суда только судом.

В научном сообществе одни авторы выступают за правовую регламентацию участия помощника в подготовке судебного решения[9, с.108], другие – за ограничение и прямой запрет такой помощи[10,с.34]. Второе представляется совершенно нереализуемым. Даже в арбитражах, где стороны наделены правом избирать персональный состав третейского суда, участие советника в составлении текста решения не порочит итоговый судебный акт. Ярким примером тому была попытка добиться отмены решения международного арбитража по требованию российской стороны, которая ссылалась на то, что помощник арбитра «действовал в качестве никем не назначенного четвертого арбитра» [11, с.111]. Эта позиция не нашла поддержки. Действительно, к составлению текста решения международного инвестиционного арбитража было «приложено много рук», однако помощник действовал под контролем назначенных арбитров, а именно они несут ответственность за окончательный текст решения.

Все же, справедливость требует снять покров с вопроса, кто же помогает суду (арбитрам) с подготовкой текста будущего судебного акта. В действующем правовом регулировании судья сообщает, кто участвует в качестве помощника, только при рассмотрении дела в судебном заседании, но не обременен такой обязанностью после того, как процесс рассмотрения дела завершен. В то время как полный текст судебного решения готовится после окончания всех судебных заседаний, и стороны лишены возможности заявить такому помощнику отвод. Помимо прав лиц, участвующих в деле, раскрытие информации об авторстве текста судебного решения будет полезно для профессиональной ответственности и «профессионального роста» самого помощника. На сегодня помощник судьи подчас превращен в «литературного раба», лишенного как своей доли ответственности, так и профессиональной гордости за безупречно подготовленный процессуальный документ.

2.Искусственный интеллект.

В современной процессуальной литературе не только поставлен вопрос, возможно ли отказаться от внедрения ИИ в современном судопроизводстве, но и обоснован отрицательный ответ на него[12, с.73-74]. Применение информационных технологий – обыденная практика при

¹ Информационное письмо комиссии Совета судей РФ по этике от 10.12.2021 «О недопустимости нарушения требований ФЗ «О государственном языке РФ» при изготовлении текстов судебных постановлений» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ 25.07.1994. № 13. ст. 1447.

подготовке текстов судебных актов в судах и арбитражах разных стран, международных судебных органах. Новые информационные технологии при подготовке шаблонов документов используются при написании решений в ЕСПЧ [13, с.5]. В России также апробируются программы, которые успешно создают тексты судебных актов под контролем компетентного автора, которым может быть помощник судьи или судья [14, с.464]. Не только ученые, но и представители Верховного Суда РФ выступают за передачу слабому ИИ функции подготовки актов упрощенных ускоренных судебных производств [15, с.114].

Итак, привлечение слабого ИИ к написанию текстов судебных актов уже не составляет предмета дискуссий в процессуальной литературе, оно признается многими исследователями и практиками. При этом справедливо отмечается, что не ИИ, а носители судейского статуса несут ответственность по соблюдению фундаментальных принципов правосудия» [16, с.28]. Это, однако не должно лишать стороны процесса права знать, что в их деле применяется ИИ. В Этической хартии о применении искусственного интеллекта в судопроизводстве и связанных с ним сферах, принятой в Европейском Союзе, указано право на возражение и обращение с просьбой о рассмотрении дела непосредственно судом по смыслу статьи 6 ЕКПЧ¹. Такое право будет не лишним закрепить и в нашем процессуальном законодательстве.

3. Стороны процесса как соавторы текстов судебных решений.

По большому счету тексты судебных решений не являются чем-то эксклюзивным, в значительной мере они основаны на цитировании. Исследователи отмечают, что значительную долю судебных решений занимают цитаты законодательства и судебных прецедентов. Например, цитирование постановлений вышестоящих судов обнаруживается в решениях арбитражных судов в 63% судебных актов [17, с.160]. Не редко в основу судебного акта ложится правовая позиция, подготовленная стороной. Вышестоящие суды не усматривают оснований к отмене судебных решений, содержание которых заимствовано из документов, подготовленных участниками процесса, поскольку «...само по себе использование текстов истца в качестве проекта в судебном акте не является процессуальным нарушением, а тем более нарушением, которое влечет отмену судебного акта»². Фактически сложилась не предусмотренная законом практика подготовки проектов судебных актов участниками спора.

Мнения ученых и практиков относительно участия сторон в подготовке проектов судебных решений разделились. Одни полагают, что подготовка текстов судебных решений сторонами непосредственно и их использование судом является нормальной практикой и проблема «флеш-правосудия» преувеличена, порицания заслуживает только такое воспроизведение, которое вносит в текст судебного решения сумбурность, грамматические ошибки, логическую непоследовательность [17, с.62]. Другие видят в использовании судами проектов судебных решений недопустимую законом вольность, возражают против выдачи «копиаста за акты правосудия» [18, с. 63], усматривают прямую связь между использованием «рыбы», переданной на флешке», и «ленью ума судьи» [19, с.25].

Проблема явно не носит надуманный характер. Правовая основа судебного решения по сложным делам (а именно в этом случае судьи предлагают сторонам представить свои проекты судебных решений) редко ограничивается законодательством. Самостоятельное значение для разрешения дела приобретают правовые позиции вышестоящих судов. И если порядок применения нормативных актов выстраивается в четкую иерархию, то с судебными правовыми позициями такой порядок невозможен, ибо, как указывает Е.Е. Зотова, «...каждая из общеобязательных судебных правовых позиций выработана уполномоченным органом судебной власти и они не соотносятся между собой в рамках какой-либо иерархии или системы» [20, с.26-29]. В этом случае, участники спора должны иметь возможность обсуждать применимость той или иной позиции с точки зрения аналогии фактических обстоятельств дела, выявлять разнообразие судебных правовых позиций, которые могут быть применены к спорным правоотношениям. Т.о. состязательный процесс возможен в полной мере только до вынесения судебного акта, когда реализуется право на возражения. Право на обжалование судебного решения далеко не компенсирует право на представление возражений. Во-первых, переход в стадию апелляции (кассации) требует дополнительных финансовых и организационных затрат. Во-вторых, перенос рассмотрения правовых возражений в проверочные стадии процесса наталкивается на закономерное неприятие такой активности судьями, нацеленными на оставление решений без изменений, если судебные ошибки не являются очевидными.

Представляется, что борьба с укоренившейся уже практикой подготовки проектов судебных актов непосредственно участниками судебного процесса - это борьба с ветряными мельницами. Подспорью по подготовке текста судебного решения необходимо придать законную форму, оно не должно входить в противоречие принципам равенства сторон в состязательном процессе. В настоящее время право представить вариант будущего судебного акта прямо не предусмотрено в процессуальном цивилистическом законодательстве. Его можно найти только в п. 9.2 Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)³. Отсутствие правового регулирования «провоцирует» принимать такие проекты без заявления процессуального ходатайства, т.е. внепроцессуальным путем.

Если обратиться к уголовному процессу, то Инструкция по судебному делопроизводству в районном суде⁴ не содержит каких-либо правил о проектах судебных актов, но при рассмотрении уголовных дел как указано в ч. 7 ст. 292 УПК РФ, до удаления суда в совещательную комнату участники прений вправе представить суду в письменном виде свои формулировки будущего приговора. Таким образом, «проект» приговора может обсуждаться, у участников уголовного процесса есть право на ознакомление с таким проектом и право на возражение, в отличие от

¹Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) [https://docviewer.yandex.ru/view/254452943/?page=13&*=-un1\(дата обращения: 02.02.2025\)](https://docviewer.yandex.ru/view/254452943/?page=13&*=-un1(дата обращения: 02.02.2025)).

²Постановления Восьмого ААС от 24.05.2018 по делу № А81-5759/2013, Девятого ААС от 19.02.2020 по делу № А40-230796/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // Справочная информационная система «КонсультантПлюс» (дата обращения 12 августа 2024 г.).

⁴Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 № 36 (ред. от 22.12.2021) «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» // Бюллетень актов по судебной системе. 2018. № 6.

сторон цивилистического процесса, где содержание проекта может быть вовсе не известно оппоненту.

Выводы.

К.П. Победоносцев, один из авторов судебной реформы 1864 года, рассуждая о целях правосудия, писал: «Когда правосудие избирает для себя таинственные пути - это значит, что в путях правосудия есть кривизна, которую оно боится обнаружить» [21, с. 163]. Процессуальное регулирование подготовки текста судебного акта в настоящее время является латентной процедурой, которая должным образом не регламентирована. Полагаем, что необходимо введение принципа прозрачности подготовки судебного решения, участники процесса имеют право знать, как и кем готовился текст судебного акта.

Принятие решения – компетенция исключительно суда. Вынесение решения не эквивалентно понятию «принятие решения». Этапом вынесения решения является его выражение в процессуальном документе. Помимо судьи, в процедуре подготовки текста могут участвовать помощник судьи, ИИ, стороны. Судья в любом случае несет ответственность за итоговый акт, подписывает его. Во все процессуальные кодексы необходимо внести положение, что подготовка проектов судебных актов, кем бы она не осуществлялась, не является осуществлением правосудия. Это прекратит дискуссии относительно незаконного делегирования функций правосудия, «флеш-правосудия» и т.п..

Вместе с тем, участники процесса должны быть информированы о личности помощника судьи, который готовит проект судебного документа, и иметь возможность заявить ему отвод, равно как и быть уведомленным о применении программ искусственного интеллекта. Полагая, что цивилистическое законодательство должно регламентировать процедуру «со-участия» сторон в подготовке текста судебного решения в той же мере, что и в уголовном процессе, т.е. варианты текста судебного решения, подготовленные сторонами, должны быть им известны, у них должно быть право на возражение в отношении проектов судебных актов.

Список литературы:

1. Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 2 М., 2009.- 599с.
2. Арбитражный процесс. Учебник. Отв. ред. В.В. Ярков М., 2010. (автор главы - Скуратовский М.Л.).
3. Гражданский процесс /Под ред. М.К. Треушникова М., 2003. (автор главы - Пискарев И.К.).
4. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2010. -240 с. ISBN: 978-5-91768-072-9 EDN: SDQQMJ
5. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореферат дис..... доктора юридических наук. Екатеринбург, 2008. - 51с. EDN: ZNMPFJ
6. Прокудина Л.А. Институт помощника судьи (современный статус) // Юридический мир. 2009. № 10. С. 43 - 47. EDN: KZUIUV
7. Скугаревский Д., Боcharов Т. Кто принимает судебные решения // Ведомости. 2015. 4 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/05/615605-kto-prinimaet-sudebnye-resheniya> (дата обращения: 16.02.2025).
8. Белякова А.В. Меры судостроительного характера как один из способов преодоления длительного судопроизводства // Российский судья. 2021. № 7. С. 33 - 40. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-7-33-40 EDN: VCLKBI
9. Потепенко Е.Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 70 - 108. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-70-108 EDN: TTCEVD
10. Александров Р.А., Гусаров Д.А. К вопросу о помощнике судьи как о полноправном участнике уголовного судопроизводства и его процессуальных функциях // Российский судья. 2019. № 4. С. 30 - 34. EDN: ZDVOJV
11. Рачков И.В. Отмена решений международных инвестиционных арбитражей государственными судами по месту арбитража (на примере саги о ЮКОСе): шоу продолжается? // Международное правосудие. 2020. № 1. С. 107 - 124. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-1-107-124 EDN: JJWJZJ
12. Курочкин С.А. Искусственный интеллект в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2024. № 2. С. 42 - 74. DOI: 10.24031/2226-0781-2024-14-2-42-74 EDN: MCJWYV
13. "Залог успеха любого сотрудничества - человеческое, уважительное отношение к партнерам". Интервью с М.Л. Гальпериным // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 4. С. 5 - 8.
14. Поляков С.Б., Гилев И.А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. N 3. С. 462 - 487. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-462-487 EDN: YVVVWE
15. Момотов В.В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 112 - 123. DOI: 10.12737/jrp.2023.021 EDN: MQJNYJ
16. Иванченко Е.А., Воротилина Т.В. Судейское усмотрение и его границы в условиях влияния информационных технологий на принятие судьей решения // Российский судья. 2024. № 11. С. 23 - 28. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-11-23-28 EDN: DEPAIY
17. Багаутдинов Ф.Н. Флеш-правосудие: допустимость и пределы // Российский судья. 2021. № 4. С. 62-64. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-4-62-64 EDN: SRQUCJ
18. Султанов А.Р. Арбитражное флеш-правосудие? // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 60-77. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-1-60-77 EDN: KSYBAZ
19. Поляков С.Б. Присяжной формой содержание правосудия не исправить // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 24 - 29. EDN: JCEBHN
20. Зотова Е.Е. Теория и практика реализации судебных правовых позиций в цивилистическом процессе. Автореф. дисс. канд.юрид.наук. М., 2021 - 30с.
21. Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве // Русский вестник. 1859. Т. 22. Кн. 2. [https://ru.wikisource.org/wiki/O_реформах_в_гражданском_судопроизводстве_\(Победоносцев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/O_реформах_в_гражданском_судопроизводстве_(Победоносцев)).

References:

1. Fursov D.A., Kharlamova I.V. Theory of justice in a short three-volume summary of civil cases. Vol. 2 M., 2009.-599s.
2. Arbitration process. Textbook. Edited by V.V. Yarkov M.:2010.(the author of the chapter is Skuratovsky M.L.).
3. Civil procedure /Edited by M.K. Treushnikov M., 2003.(the author of the chapter is Piskarev I.K.).
4. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice. 2nd ed., revised and additional M.: Norma, Infra-M, 2010. -240 p.
5. Zagainova S.K. Judicial acts in civil and arbitration proceedings: theoretical and applied problems : abstract of the dissertation... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2008. – 51s.
6. Prokudina L.A. Institute of assistant judge (modern status) // Legal world. 2009. № 10. pp. 43-47.
7. Skugarevsky D., Bocharov T. Who makes court decisions // Vedomosti. 2015. November 4th. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/05/615605-kto-prinimaet-sudebnye-resheniya> (date of request: 02/16/2025).
8. Belyakova A.V. Judicial measures as one of the ways to overcome lengthy legal proceedings // The Russian judge. 2021. No. 7. pp. 33-40.
9. Potapenko E.G. Optimization of civil procedure legislation in the direction of ensuring a balance of specialization and unification of procedural law // Bulletin of the Civil Procedure. 2021. No. 3. pp. 70-108.
10. Alexandrov R.A., Gusarov D.A. On the issue of an assistant judge as a full participant in criminal proceedings and his procedural functions // The Russian judge. 2019. No. 4. pp. 30-34.
11. Rachkov I.V. Cancellation of decisions of international investment arbitrations by state courts at the place of arbitration (on the example of the Yukos saga): does the show go on? // International justice. 2020. No. 1. pp. 107-124.
12. Kurochkin S.A. Artificial intelligence in the civil process // Bulletin of the Civil Process. 2024. No. 2. pp. 42-74.
13. "The key to the success of any cooperation is a human, respectful attitude towards partners." Interview with M.L. Galperin // Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2020. No. 4. pp. 5-8.
14. Polyakov S.B., Gilev I.A. The subject area of judicial decision informatization // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2021. No. 3. pp. 462-487.
15. Momotov V.V. The space of law and the power of technology in the mirror of judicial practice: a modern view // Journal of Russian Law. 2023. No. 2. pp. 112-123.
16. Ivanchenko E.A., Vorotilina T.V. Judicial discretion and its limits in the context of the influence of information technology on the decision-making by a judge // The Russian judge. 2024. No. 11. pp. 23-28.
17. Bagautdinov F.N. Flash justice: admissibility and limits // Russian judge. 2021. No. 4. pp. 62-64.
18. Sultanov A.R. Arbitration flash justice? // Bulletin of the Civil Procedure. 2021. No. 1. pp. 60-77.
19. Polyakov S.B. The content of justice cannot be corrected by the sworn form // Criminal proceedings. 2020. No. 1. pp. 24-29.
20. Zotova E.E. Theory and practice of the implementation of judicial legal positions in the civil process. The abstract. Dissertation of the Candidate of Law, M., 2021 – 30s.
21. Pobedonostsev K.P. On reforms in civil proceedings // Russian Bulletin. 1859. Vol. 22. Book 2. [https://ru.wikisource.org/wiki/O_реформах_в_гражданском_судопроизводстве_\(Pobedonostsev\)](https://ru.wikisource.org/wiki/O_реформах_в_гражданском_судопроизводстве_(Pobedonostsev)).

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ COMPULSORY LIQUIDATION OF A LEGAL ENTITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

ФУРСА Лилиана Алексеевна,

студент Юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
299053, Россия, г. Севастополь, Россия, Университетская ул, д. 33.
E-mail: lilifursa@mail.ru;

ЛАХИН Даниил Николаевич,

доцент кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет».
299053, Россия, г. Севастополь, Россия, Университетская ул., д. 33.
E-mail: lahin.daniil@mail.ru;

FURSA Liliana Alekseevna,

student of the Law Institute Sevastopol State University.
33 Universitetskaya St., Sevastopol, Russia, 299053.
E-mail: lilifursa@mail.ru;

LAKHIN Daniil Nikolaevich,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Process
at the Law Institute Sevastopol State University.
33 Universitetskaya St., Sevastopol, Russia, 299053.
E-mail: lahin.daniil@mail.ru

Краткая аннотация: Данная статья тематикой своей направленности посвящена непосредственно правовым аспектам применения процедуры принудительной ликвидации юридических лиц. Основополагающим элементом служит проведение анализа законодательных норм, регулирующих данный процесс. Целью исследования является рассмотрение одних из ключевых аспектов, влекущих за собой препятствия в применении процедуры принудительной ликвидации юридических лиц, включая разработку рекомендаций по оптимизации данного процесса.

Abstract: This article focuses on the legal aspects of the application of the procedure of compulsory liquidation of legal entities. A fundamental element is the analysis of the legislative norms governing this process. The purpose of the study is to consider some of the key aspects that lead to obstacles in the application of the procedure of compulsory liquidation of legal entities, including the development of recommendations for optimizing this process.

Ключевые слова: юридическое лицо, принудительная ликвидация юридического лица, ликвидация, основания применения принудительной ликвидации, актуальные проблемы применения процедуры принудительной ликвидации.

Keywords: legal entity, compulsory liquidation of a legal entity, liquidation, grounds for the application of compulsory liquidation, actual problems of the application of the compulsory liquidation procedure.

Для цитирования: Фурса Л.А., Лахин Д.Н. Принудительная ликвидация юридического лица в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 385-388. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_385.

For citation: Fursa L.A., Lakhin D.N. Compulsory liquidation of a legal entity in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 385-388. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_385.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Ликвидация юридического лица является сложным процессом, многоуровневым по своей натуре. При её исполнении значимо определяется и регулируется уровень функционирования предприятий, фирм и учреждений в штатных режимах их работы. Законодательством Российской Федерации (далее - РФ) урегулированы два вида ликвидации, - добровольная и принудительная, которые несмотря на существующие разделение, фактически представляют собой тождественные понятия, различающиеся лишь формой инициирования самой процедуры ликвидации. Снижение показателей деятельности юридического лица, состоящих из доходов, востребованности, рентабельности активов и пр. в зависимости от цели функционирования того или иного юридического лица, в случае проявления признаков стагнации, способствуют образованию решающих факторов в его функционировании в целом, что в свою очередь приводит к формированию необходимости ликвидации рассматриваемого нами вида лиц, т.е. к прекращению без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам (п. 1 ст. 61 ГК РФ) [1].

Принудительная ликвидация самого юридического лица охватывает комплекс правовых норм и специфических процедур, регулируемых Гражданским кодексом Российской Федерации (далее - Гражданский кодекс, ГК РФ). Она является необходимым инструментом для решения проблем, возникающих в процессе функционирования юридических лиц. Главы, определяющие порядок ликвидации, содержатся в статьях 61-64.1 ГК РФ. Существенно, что принудительная ликвидация не является следствием чьей-либо инициативы, а осуществляется на основании решения соответствующих органов или суда. Важным мы считаем отметить, что такая ликвидация приводит непосредственно к прекращению юридического лица, при этом не происходит передачи прав и обязательств к другим участникам [2].

Существует несколько критериев классификации принудительной ликвидации, при этом двумя основными магистральными формами принято считать - добровольную и принудительную. Первоначальная форма подразумевает, что инициаторами процесса являются сами участники, в то время как принудительная ликвидация применяется в более жестких условиях, зачастую и с указанием на недобросовестные действия и бездействия, в том числе с наличием нарушения в области законодательства. В зависимости от правовой формы юридического лица принуди-

тельная ликвидация может затрагивать как коммерческие организации, так и некоммерческие [3].

Важно иметь в виду, что причины принудительной ликвидации могут быть весьма разнообразными. Они условно делятся на общие и специальные. К специальным причинам относятся неисполнение юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами, отсутствие необходимых лицензий и систематическое нарушение им законодательства. К общим причинам принудительной ликвидации юридического лица относятся ситуации, когда им не выполняются обозначенные цели и уставные задачи, что в целом может расцениваться в качестве главного индикатора его несостоятельности [4].

Важно, что при вынесении решения суд с особой тщательностью относится к категории данных дел, рассматривая процедуру ликвидации юридического лица в целом как вариант исключительной меры, имеющее место к применению лишь в случаях соразмерности допущенного нарушения с соответствующими последствиями. Но при этом, стоит отметить, что в соответствии с п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», неоднократность нарушения законодательства сама по себе не может служить основанием для принятия судом решения о ликвидации юридического лица [5].

Процедура принудительной ликвидации требует строгого соблюдения процессуальных норм, что обещает не только правовую защиту, но и защиту интересов третьих лиц, например, кредиторов. Зачастую этапы ликвидации юридического лица включают в себя подготовку и подачу необходимых документов в регистрационные органы, уведомление кредиторов, а также процедуру распределения оставшихся активов. В случае недостаточности средств для удовлетворения требований кредиторов, порядок удовлетворения таких требований также определяется законом [6].

Перечисленный выше этапы представлены при благоприятном ходе самой процедуры ликвидации, при этом, существует второй исход данной последовательности, так в случае отсутствия необходимого количества денежных средств у ликвидируемого лица, происходит затруднение в части погашения имеющихся задолженностей для удовлетворения требований кредиторов, со стороны ликвидационной комиссии осуществляется продажа имущества юридического лица, на которое в соответствии с законом допускается обращение взыскания с торгов, а также обращение в арбитражный суд с заявлением о банкротстве юридического лица, если такое юридическое лицо может быть признано несостоятельным (банкротом), в соответствии с п.4 ст.63 ГК РФ.

Юридическая база, регулирующая принудительную ликвидацию, может представлять собой не только сами нормы Гражданского кодекса, но и различные постановления судебных органов, а также акты подзаконного регулирования. Это важно, так как первичное решение о принудительной ликвидации часто основывается именно на судебных разбирательствах, и задача суда состоит в том, чтобы установить целесообразность таких действий. Судебное вмешательство позволяет избежать злоупотреблений и защитить правовые интересы всех задействованных лиц, включая участников и кредиторов [7].

Современные условия экономической деятельности в России требуют оптимизации процесса принудительной ликвидации. Проблемы с правовым регулированием часто приводят к затягиванию процесса, что наносит ущерб как самим юридическим лицам и их владельцам, так и кредиторам. Отсутствие четкой регламентации может создать правовые пробелы и вести к спорам, что в свою очередь, увеличивает финансовые затраты на поддержание юридических лиц на стадии ликвидации. Эффективность всего процесса значительно зависит от качественной подготовки документов и четкого соблюдения процедур, что в конечном итоге влияет на стабильность юридической практики.

Переходя к рассмотрению практической части данной темы, переходим к обращению к судебной практике. Существование факта, отражающего возможность обращения любого лица, имеющего какую-либо заинтересованность, а также подпадающего под трактования закреплённые в п.5.2 ст.64 ГК РФ, содержит в себе пробел в закреплении способа определения такого круга лиц, обладающих правом на подачу заявления об распределении найденного имущества, что подтверждает её фрагментарность и неполноценность. Данный момент, подтверждается в практике путём выявления обстоятельств, имеющих значение и необходимых для разрешения данного заявления в рамках судебного разбирательства.

Подтверждение данных норм закона, мы можем увидеть в ряде различных постановлений, а также решений судов Российской Федерации: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31.05.2023 по делу № А19-12293/2022 [8], Постановление Шестнадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 07.10.2022 № 16АП-3581/2021 по делу № А22-2097/2020 [9], Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.12.2023 № Ф07-19659/2023 по делу № А26-10424/2022 [10], Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 30.09.2024 № 09АП-37845/2024 по делу № А40-11617/2024 [11].

Подводя итог вышесказанному, мы делаем вывод о том, что принудительная ликвидация юридических лиц - это не только мера воздействия со стороны государства, но и один из инструментов поддержания рыночной экономики в РФ, так как данные действия способствуют стабильному функционированию экономики, а также помогают поддерживать ее участников.

Говоря об результатах проведённого исследования, мы можем сказать, что зачастую проблемами в процессе проведения процедуры принудительной ликвидации является не только затруднение разделения имущества юридического лица между его учредителями, но и привлечение данного лица к обязательствам по отношению к кредиторам, включая последовательность таких выплат обусловленных отсутствием чёткого разграничения понятий ликвидации и банкротства.

Возникают соответствующие вопросы об возможностях обнаружения правильных путей решения данных правовых проблем, в частности, рассматривая вопрос об разделе имущества. В данном направлении нам считается целесообразным осуществить процесс внедрения обязательств по проведению процедуры «медиации», а именно медиационного урегулирования, после стадии погашения долгов организации, облегчающего проведение данного процесса, ускорение его проведения и сведения к минимуму рисков возникающих на стадии судебных разбира-

тельств. Возможным вариантом является введение договора между учредителями и ликвидационной комиссией как обязательного документа, заключающегося перед началом активизации процедуры ликвидации, что может в дальнейшем служить фактором снижения вероятности возникновения конфликтных ситуаций в последующем.

Иной альтернативой выдвигаемой нами может служить внедрение более корректных и чётких алгоритмов действий в законодательство, осуществляющих регулирование одного из процессов ликвидации юридического лица, как распределение активов и иного имущества между его учредителями, с учётом их долей, включая вопрос распределение обнаруженного имущества.

Зачастую кредиторы сталкиваются с проблемой получения выплат от юридического лица, ликвидируемого в принудительном порядке, сложности в привлечении к выполнению его договорных обязательств. Направление досудебной претензии ликвидатору, доказывание противоправного, недобросовестного поведения руководства ликвидируемого лица, либо причинно-следственной связи между поведением такого лица и обстоятельствами неисполнения фирмой обязательств, накладывают на кредиторов бремя, усложняющее и задерживающее процесс привлечения к исполнению договорённостей.

Считаем целесообразным осуществить внедрение оснований по привлечению учредителей к субсидиарной ответственности в случае доказывания их вины в уклонении от обязательств юридического лица позволят обеспечить более значительный уровень защиты интересов кредиторов и иных заинтересованных лиц. Ввиду отсутствия возможности уклонения от ответственности, в случаях действий и бездействий повлёкшим за собой затруднение финансового положения организации, данный вариант имеет возможным способствовать уменьшению случаев недобросовестного управления либо злоупотребления корпоративными правами с одной стороны, и повышению уровня доверия со стороны инвесторов и партнеров в партнёрских отношениях. В целом предложенный нами способ делает возможным нормализовать бизнес-среду, сделав её более предсказуемой, по причине наличия имеющихся гарантий соблюдения своих законных прав в лице кредитора. Несмотря на достаточно положительную динамику при рассмотрении данного подхода, необходимо предусматривать чёткие критерии и процедуры, позволяющие снизить возможность злоупотреблений в данном ключе, и предоставляющие защиту добросовестно функционирующих предпринимателей от необоснованного угнетения.

В данной проблеме на наш взгляд имеется возможным также подвергнуть рассмотрению вариант об перспективе создания специализированного органа, ведущего свою деятельность за счёт государственного бюджета, либо взносов участников рынка (к примеру, от компаний, которые подлежат ликвидации). Данное учреждение должно базироваться на контроле за задолженностями юридических лиц, обеспечивать надзор за долгами имеющихся у данной категории лиц, а также проводить анализ существующих обязательств, находящегося в процессе ликвидации юридического лица. Реализация данной альтернативы в целом имеет место быть, и сможет стать гарантией, золотой нитью, благодаря которой будут учитываться при процедуре как принудительно, так и добровольной ликвидации должным образом обязательства перед кредиторами.

В частности, существует в целом достаточно много правовых проблем в данном секторе и все они нуждаются в доработках, к примеру к ним автор Левихина И. Л. в своих трудах отнесла следующие проблематичные вопросы:

- отсутствия единой дефиниции ликвидации юридических лиц и правовой природы института ликвидации обществ;
- принятия судебного решения о ликвидации юридического лица в случае отсутствия его по юридическому адресу и при невозможности связаться с ним и его представителями;
- согласования полномочий ликвидационной комиссии с органами управления и другие [7].

Объединяя всё выше сказанное, имеется возможным подвести итог нашей работы сделав вывод, о том, что основными проблемами в процессе проведения процедуры принудительной ликвидации является положение имущества юридического лица и его учредителей, привлечение данного лица к административной ответственности в порядке главы 14 КоАП РФ, а также ответственности перед обязательствами по отношению к кредиторам, включая выплаты которые должно произвести юридическое лицо своим кредиторам.

При этом, является актуальным вопрос о соотношении таких значимых понятий процедур как ликвидации и банкротства. Обращая наше внимание на нормы действующего законодательства, мы имеем возможность сказать об затруднительном положении трактовки данных понятий, не позволяющих осуществить их полноценное разграничение.

Имеющиеся закрепления, фактически не отображают полноты самих понятий, так законодатель описывает ликвидацию как процедуру влекущую прекращение существования ликвидируемого юридического лица без права перехода в порядке универсального правопреемства в целом его прав и обязанностей к другим лицам (п.1 ст.61 ГК РФ). При использовании данной трактовки не упоминаются условия проведения такой процедуры, в частности самого условия, как платежеспособности упоминаемого выше лица.

Трактовка несостоятельности (банкротства) отличается же более чётким форматом преподнесения информационного содержания самого понятия, так законодательным закреплением имеется следующее изложение: «несостоятельность (банкротство) (далее также - банкротство) - признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» (абз.2 ст.2 Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "О несостоятельности (банкротстве)") [12].

Недопустимостью применения института банкротства в отношении некоторых юридических лиц по-нашему мнению можно трактовать, как результат отсутствия законодательного отображения данного признака в определении понятия ликвидации. Указанный признак, представляет собой неотъемлемый и характерный фактор для самого института ликвидации, подтверждаемого имеющимися упоминаниями в общих нормах

права, непосредственно регулирующих ликвидационную процедуру. Примером может служить абз.2 п.4 ст.62 ГК РФ «Если ликвидационной комиссией установлена недостаточность имущества юридического лица для удовлетворения всех требований кредиторов, дальнейшая ликвидация юридического лица может осуществляться только в порядке, установленном законодательством о несостоятельности (банкротстве)», в том числе абз.2 п.4 ст.63 ГК РФ.

Резюмируя сказанное, с нашей стороны имеется возможность сказать, что законодатель по большей части акцентировал своё внимание на фиксации понятия банкротства, указав то условие, которое по неизвестным причинам посчитал нецелесообразным упоминать в самой формулировке понятия ликвидации.

В процессе исследования, были выявлены пробелы влияющие на исправное функционирование норм права регулирующих институт ликвидации в целом, так в частности к ним можно отнести: неполноту правового закрепления понятия ликвидации, что затрудняет его разграничение с понятием банкротства; сложности в распределении имущества юридического лица между его учредителями в случаях применения процедуры принудительной ликвидации; привлечение юридического лица к обязательствам по отношению к кредиторам, включая существования определённой последовательности выплат кредиторам при принудительной ликвидации; и многие другие. Все они приводят к замедлению самой процедуры и истощению сил самих участников процесса.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Саргсян А.А. Основания принудительной ликвидации юридических лиц по законодательству Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия "Экономика. Управление. Право". 2016. №1 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-prinuditelnoy-likvidatsii-yuridicheskikh-lits-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 11.01.2025). EDN: VYVJRV
3. Нефедова О.О. Принудительная ликвидация по инициативе учредителей юридического лица // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnaya-likvidatsiya-po-initsiative-uchrediteley-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 11.01.2025). DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10094 EDN: SHQPBR
4. Шантанов Р.В. Современный институт принудительной ликвидации юридического лица в России // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-institut-prinuditelnoy-likvidatsii-yuridicheskogo-litsa-v-rossii> (дата обращения: 13.01.2025). EDN: BZANZN
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // КонсультантПлюс: справочно-правовая система [Официальный сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.01.2025).
6. Мазин Д. И., Давудов Д.А. Содержание и правовые аспекты процедуры ликвидации юридических лиц // StudNet. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-pravovye-aspekty-protsedury-likvidatsii-yuridicheskikh-lits> (дата обращения: 18.01.2025). EDN: ZACTUU
7. Левохина И.Л. Основные проблемы, возникающие при ликвидации юридических лиц / И.Л. Левохина, - Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. - 2022. - № 5 (38). - С. 14-17. - URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/235/7709/> (дата обращения: 19.01.2025). EDN: MMCHWR
8. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31.05.2023 № Ф02-2472/2023 по делу № А19-12293/2022 // АО "Кодекс" [электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301716377> (дата обращения: 20.01.2025).
9. Постановление Шестнадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 07.10.2022 № 16АП-3581/2021 по делу № А22-2097/2020 // АО "Кодекс" [электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/352177319> (дата обращения: 22.01.2025).
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.12.2023 № Ф07-19659/2023 по делу № А26-10424/2022 // АО "Кодекс". URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304293333> (дата обращения: 22.01.2025).
11. Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 30.09.2024 № 09АП-37845/2024 по делу № А40-11617/2024 // АО "Кодекс". URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1309798951> (дата обращения: 24.01.2025).
12. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) "О несостоятельности (банкротстве)" // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 23.01.2025).

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) dated 11/30/1994 No. 51-FZ (as amended on 08/08/2024, as amended. dated 31.10.2024) // ConsultantPlus: legal reference system. URL: <http://www.consultant.ru> (date of application: 01/10/2025).
2. Sargsyan A.A. Grounds for compulsory liquidation of legal entities under the legislation of the Russian Federation // Bulletin of the Russian State University. The series "Economics. Management. The right." 2016. No. 1 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-prinuditelnoy-likvidatsii-yuridicheskikh-lits-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii> (date of application: 11.01.2025).
3. Nefedova O.O. Compulsory liquidation on the initiative of the founders of a legal entity // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No.1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnaya-likvidatsiya-po-initsiative-uchrediteley-yuridicheskogo-litsa> (date of application: 11.01.2025).
4. Shantanov R.V. Modern institute of forced liquidation of a legal entity in Russia // Actual issues of combating crimes. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-institut-prinuditelnoy-likvidatsii-yuridicheskogo-litsa-v-rossii> (date of appeal: 01/13/2025).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 No. 25 "On the application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus: legal Reference System [Official. website]. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of access: 01/13/2025).
6. Mazin D. I., Davudov Davud Akhmedovich The content and legal aspects of the procedure for the liquidation of legal entities // StudNet. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-pravovye-aspekty-protsedury-likvidatsii-yuridicheskikh-lits> (date of request: 18.01.2025).
7. Levokhina I.L. The main problems arising in the liquidation of legal entities / I.L. Levokhina, - Text: direct // New Legal Bulletin. - 2022. - № 5 (38). - Pp. 14-17. - URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/235/7709/> (date of application: 01/19/2025).
8. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated 05/31/2023 No. F02-2472/2023 in case No. A19-12293/2022 // Codex JSC [electronic resource]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301716377> (date of appeal: 01/20/2025).
9. Resolution of the Sixteenth Arbitration Court of Appeal dated 10/07/2022 No. 16AP-3581/2021 in case No. A22-2097/2020 // Codex JSC [electronic resource]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/352177319> (date of request: 01/22/2025).
10. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated 12/13/2023 No. F07-19659/2023 in case No. A26-10424/2022 // Codex JSC. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304293333> (date of appeal: 01/22/2025).
11. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 30.09.2024 No. 09AP-37845/2024 in case No. A40-11617/2024 // Codex JSC. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1309798951> (date of application: 24.01.2025).
12. Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 (as amended on 26.12.2024) "On Insolvency (Bankruptcy)" // ConsultantPlus: Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/> (date of request: 01/23/2025).

ЗАЩИТА ПРАВ АВТОРА В ДОГОВОРАХ О СОЗДАНИИ СЛУЖЕБНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ PROTECTION OF THE AUTHOR'S RIGHTS IN CONTRACTS FOR THE CREATION OF OFFICIAL WORKS

МАЛЫХИН Владислав Дмитриевич,

аспирант ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

117570, Российская Федерация, г. Москва, ул. Красного Маяка, д. 9.

E-mail: malan_1946@mail.ru;

MALYKHIN Vladislav Dmitrievich,

Postgraduate student of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

9 Krasnogo Mayaka str., Moscow, 117570, Russia.

E-mail: malan_1946@mail.ru

Краткая аннотация. Автором рассмотрены меры защиты прав авторов в договорах о создании служебных произведений. Отмечено, что механизмы работы немногочисленных существующих мер не раскрыты в объеме, необходимом для их эффективного функционирования. Автором выдвинуты предложения по повышению эффективности существующих мер защиты прав авторов.

Abstract. The author examines existing measures to protect the interests of authors in work-for-hire agreements. It is noted that the mechanisms of the few existing measures are not disclosed to the extent necessary for their effective functioning. The author puts forward proposals to improve the effectiveness of existing measures to protect the interests of authors.

Ключевые слова: слабая сторона договора, трудовой договор, договор о создании служебных произведений, служебное произведение, договор заказа произведений, авторское вознаграждение.

Key words: weak party to the contract, employment contract, work-for-hire agreement, work made for hire, contract for commissioning creative work, author's remuneration.

Для цитирования: Малыхин В.Д. Защита прав автора в договорах о создании служебных произведений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 389-391. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_389.

For citation: Malykhin V.D. Protection of the author's rights in contracts for the creation of official works // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 389-391. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_389.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Юридическое равенство сторон в договоре является одним из основных принципов гражданского права. В то время как защита слабой стороны в договоре является формальным отступлением от него, фактически она направлена на обеспечение равенства положения сторон. В юридической литературе отмечается, что слабая сторона в гражданско-правовом договоре - это "условное обозначение участника договорных обязательств, обладающего значительно меньшим запасом тех или иных организационных, материальных, профессиональных, информационных и других конкурентных "возможностей", имеющих значение для формирования, осуществления и защиты субъективного права ресурсов в сравнении со своим контрагентом" [8, с. 52]. В доктрине также можно найти указания на то, что "задача гражданского права заключается именно в "выравнивании" правового положения участников имущественного оборота, в том числе путем установления для слабой стороны обязательства особых условий участия в договорных отношениях" [6, с. 798].

Положение автора как "слабой" стороны договоров в сфере интеллектуальной собственности отмечено в современной научной литературе [7, 236 с.]. В этой связи авторам произведений предоставляются ряд гарантий и льгот. Что также, как отмечается в доктрине, связано с творческим характером их труда [10]. Соответственно, при рассмотрении вопросов, связанных с гарантиями, предоставляемыми авторам, необходимо учитывать, что их труд имеет творческий характер вне связи с конкретным договором. Как следствие, для получения гарантий автору не обязательно быть стороной обязательства, поскольку основания для их предоставления не в полной мере зависят от его участия в конкретном договоре.

Так, отдельные положения ст. 1296, 1297, 1298 ГК РФ содержат указание о необходимости выплаты автору произведения вознаграждения [1]. При этом рассматриваемые в данных статьях договоры не требуют непосредственного участия в них автора. Данные статьи содержат отсылку к положениям ст. 1295 ГК РФ, сформулированным в отношении служебных произведений. Необходимо учитывать, что в то время как участие автора в договорах о создании служебного произведения является необходимым его условием, подобного нельзя сказать о прочих договорах, в отношении которых применяется положение о выплате автору вознаграждения. Представляется, что распространение действия подобных норм в определенной степени связано с тем, что произведения в связи с договорами, рассматриваемыми в ст. 1296, 1297, 1298 ГК РФ непосредственно создаются, как правило, работниками исполнителя. Следовательно, договоры о создании произведений не всегда заключаются заказчиком непосредственно с автором. Вместе с тем, нельзя отрицать, что независимо от субъектного состава стороны исполнителя произведение должно создаваться автором, который вступает в правоотношение с конечным заказчиком или посредником той или иной природы. Соответственно, можно говорить о том, что договоры о создании произведений всегда в определенной степени связаны с положением автора и защитой его прав.

Как отмечалось ранее, авторам произведений предоставляются определенные гарантии, призванные защитить их положение как слабых сторон договора и субъектов творческой деятельности. Так, Конституционным Судом РФ указано, что положения, касающиеся выплаты вознаграждения направлены "на обеспечение баланса интересов работодателя и работника - автора произведений, созданных в пределах установленных для него трудовых обязанностей" [3]. При этом нельзя не отметить, что хотя закон содержит подробные указания на то, в каких ситуациях автору полагается вознаграждение, вопросы, связанные с порядком его выплаты, остаются неразрешенными до настоящего времени. Так, вопросы о размере вознаграждения, и его потенциальном включении в заработную плату на данном этапе не получили однозначного ответа в

законодательстве, обобщениях судебной практики. В то время как существует положение о вознаграждениях за служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы, в отношении произведений аналогичного нормативного правового акта не принято.

Как отмечается в актуальной судебной практике высших судебных инстанций, условия трудового договора, посвященные уровню заработной платы работника, не являются сами по себе содержащими указание на размер, условия и порядок выплаты авторского вознаграждения [4]. Это позволяет сделать вывод о том, что авторское вознаграждение не является составной частью заработной платы. Тем не менее, следует учитывать, что данный акт судебной практики посвящен объектам патентного права, а не произведениям. Заметные отличия в природе данных двух категорий не позволяют гарантированно утверждать о распространении примененной в данном конкретном случае аргументации к вопросам природы вознаграждения служебных объектов авторского права. В соответствии с актуальным законодательством, служебные произведения создаются в пределах трудовых обязанностей работника. С другой стороны, служебные объекты патентного права создаются в связи с исполнением трудовых обязанностей работником. В контексте рассматриваемой проблемы данное различие имеет существенное значение, поскольку объекты авторского права могут быть созданы преднамеренно, что позволяет включать подобную обязанность работника в трудовой договор и открывает возможность для аргументации позиции, в соответствии с которой включение вознаграждения автора в его заработную плату является допустимым.

Сама формулировка «вознаграждение за служебное произведение» не позволяет точно определить, с чем именно связана выплата вознаграждения. Исходя из содержания ст. 1295 ГК РФ, само по себе создание произведения не приводит к возникновению права работника на вознаграждение. В случае, если работодатель не использует произведение, не предоставляет право использования третьим лицам и не указывает на сохранение созданного объекта авторского права в тайне, то права на вознаграждение в понимании ч. 4 ГК РФ у автора-работника не возникает. Это дает возможность сделать вывод о том, что смешанная природа договора о создании служебных произведений обуславливает двойственный характер полагающихся автору выплат. Так, создание произведения входит в трудовую функцию работника, и оплата за это входит в заработную плату. Данный элемент выплат в пользу работника не является авторским вознаграждением в понимании ст. 1255, 1295 ГК РФ. С другой стороны, передача исключительного права на произведение работодателю уже регулируется нормами гражданского, а не трудового права. Соответственно, авторское вознаграждение выплачивается в соответствии с соответствующими положениями ч. 4 ГК РФ. Так или иначе, на данном этапе вопрос статуса авторских вознаграждений за служебные произведения не является окончательно разрешенным. Законодательные формулировки не дают однозначного понимания ключевых аспектов данной проблемы, а применяемые в судебной практике и доктрине подходы носят разрозненный характер. Соответственно, для оптимизации применения существующих правовых норм необходимо подробнее раскрыть соответствующие положения или указать на надлежащий порядок правоприменения ст. 1295 ГК РФ в акте обобщения судебной практики высшими судебными инстанциями.

Необходимо отметить, что кроме права на вознаграждение в гражданском праве отсутствуют инструменты обеспечения баланса интересов между авторами и их работодателями в договорах о создании служебных произведений. Положение автора как субъекта творческой деятельности по договорам, не требующим его непосредственного участия также обеспечивается вознаграждением в условиях отсутствия иных установленных гражданским законодательством мер и гарантий. В то время как внедрение дополнительных средств защиты интересов авторов служебных произведений является перспективным направлением дальнейшего развития законодательства, более эффективным путем его совершенствования можно назвать обеспечение должного функционирования уже существующих методов. В этой связи право на вознаграждение должно быть дополнено механизмами, поддерживающими его применимость на практике.

Вопрос о возможности включения авторского вознаграждения в заработную плату тесно связан с проблемой определения его размера. В то время как российским законодательством не устанавливаются специальных принципов выплаты вознаграждения, развитие данного вопроса можно обнаружить в источниках зарубежного и международного права. Так, в правовых актах Европейского Союза и отдельных его стран можно обнаружить указания на то, что авторское вознаграждение должно быть пропорциональным и соответствующим выгоде, извлекаемой или извлеченной из служебного произведения работодателем.

Раздел 3 Директивы 2019/790 об авторском праве на едином цифровом рынке ЕС (далее - Директива 2019/790) содержит положения, предназначенные для защиты положения автора при отчуждении им исключительного права или предоставления его контрагенту права использования произведения. Учитывая, что право на авторское вознаграждение возникает исключительно в случаях использования служебного произведения работодателем, положения вышеуказанного раздела Директивы 2019/790 направлены на регулирование вопросов, включающих в себя данное право.

В то время как ст. 18 Директивы 2019/790 непосредственно закрепляет принцип пропорционального и соразмерного авторского вознаграждения, ст. 19-23 Директивы 2019/790 содержат механизмы его практической реализации. Закрепление подобного или аналогичного принципа в российском праве может послужить повышению эффективности существующего института. Пропорциональность и соразмерность авторского вознаграждения оценивается в отношении выгоды, извлекаемой работодателем из использования служебного произведения. При этом данная оценка имеет значение лишь во взаимосвязи с актуальными механизмами обнаружения несоответствия установленным требованиям и устранения подобного расхождения.

Так, установленный в ст. 19 принцип «прозрачности» направлен на обеспечение возможности получения информации о извлекаемой пользователем произведения выгоде, на основании которой впоследствии рассчитывается вознаграждение, являющееся пропорциональным и соразмерным. В этом отношении можно согласиться с высказанной в отечественной доктрине позицией, в соответствии с которой при расчете вознаграждения автора можно опираться на «предполагаемую стоимость лицензии, которую работодатель должен был заплатить за использование объекта» [12] или на стоимость сделки при отчуждении исключительного права иному лицу [12]. Представляется целесообразным принятие нормативного правового акта, направленного на установление определенных процентных значений авторского вознаграждения за служебные

произведения относительно вышеуказанных показателей.

Для устранения обнаруженных отступлений от требований, предъявляемых к размерам вознаграждения, порядку и условиям его выплаты возможно применять такое средство, как изменение договора. В соответствии со ст. 450 ГК РФ изменение договора по решению суда возможно в случаях, установленных законом или договором [1]. Согласно абз. 3 п. 2 ст. 1295 ГК РФ «размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются договором между ним и работником, а в случае спора - судом». Представляется, что данную норму можно классифицировать как содержащую установленный ст. 450 ГК РФ случай возможности изменения договора. С другой стороны, существует возможность восприятия вышеуказанной формулировки как относящейся к возможности изменения вознаграждения в отношении отдельного служебного произведения, а не в отношении договора в целом. Кроме того, эти положения можно трактовать как затрагивающие лишь первоначальные параметры вознаграждения, а не их потенциальное последующее изменение. Соответственно, в целях усовершенствования системы защиты интересов авторов служебных произведений необходимо более подробное раскрытие данного института в законодательстве, устранение потенциала множественной интерпретации составляющих его формулировок.

В комментариях к Директиве CDSM отмечается большое значение коллективных переговоров и достигаемых в их ходе соглашений для обеспечения условий, порядка и размера выплаты соразмерного и пропорционального авторского вознаграждения [13, с. 10]. Кроме того, во Франции «условие о вознаграждении должно быть зафиксировано либо в трудовом договоре, либо в коллективных договорах на уровне отрасли или организации» [11]. Соответственно, примеры подобной практики можно обнаружить в зарубежных законодательствах.

В отношении связанного с данной темой отечественного права необходимо отметить, что договоры о создании служебных произведений, частично регулируются трудовым правом. Главой 7 Трудового Кодекса РФ установлена возможность заключения коллективных договоров и соглашений. В доктрине отмечается, что открытость содержания коллективного договора дает возможность установить в его рамках условия выплаты вознаграждения за служебные произведения [9]. Кроме того, соглашения, в соответствии с содержащимся в законодательстве определением, могут регулировать, в том числе, отношения, непосредственно связанные с социально-трудовыми. Представляется, что отношения, связанные с использованием произведений, созданных в пределах выполнения работником своей трудовой функции, можно охарактеризовать подобным образом. Соответственно, в отсутствие установленного законодательством порядка и размера вознаграждения за использование служебных произведений данные отношения могут быть урегулированы коллективными договорами и соглашениями в пределах своего действия.

В заключение следует отметить, что единственной установленной в гражданском законодательстве мерой защиты интересов авторов служебных произведений является их право на вознаграждение. Необходимо учитывать, что данное право действует в отношении авторов не только служебных произведений, но и объектов авторского права, права на которые передаются в рамках договоров, в которых автор непосредственно не участвует. Необходимо разграничивать выплаты автору за создание произведения и за передачу исключительного права в распоряжение работодателю. Только последнее является авторским вознаграждением в понимании ст. 1255, 1295 ГК РФ. Создание произведения как действие работника, входящее в состав его трудовой функции, оплачивается в составе заработной платы. Порядок и размер выплаты авторского вознаграждения не урегулирован действующим законодательством. Использование коллективных договоров и соглашений для регулирования данных вопросов может быть эффективной мерой до принятия посвященных данной тематике правовых актов.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СЗ РФ, 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 3.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 № 1016-О // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision405475.pdf> (дата обращения: 14.01.2024).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.06.2020 № 78-КГ20-1, 2-5974/2018 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.01.2024).
5. Афанасьева Е.Г., Долгих М.Г. Ретрагирование опубликованных материалов - способ защиты интеллектуальных прав, обыкновение, обычай? // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 70 - 76.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. - М.: Статут, 2011. - 847 с.
7. Братусь Д.В. Организационные авторские права / под общ. ред. Б.М. Гонгало. Москва: Статут, 2022. 236 с.
8. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 14.01.2024).
9. Мартянова Е.Ю. Правовая природа совместного исполнения // Журнал российского права. 2024. № 11. С. 59 - 72.
10. Павлова Е.А. Нуждается ли автор произведения в дополнительной защите? // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. - Москва: Статут, 2020.
11. Пономарченко А.Е. Право на вознаграждение за служебный результат интеллектуальной деятельности // Цивилист. 2023. № 1. С. 67 - 72.
12. Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография / А.С. Ворожечин, О.И. Гентовт, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Н.В. Козлова, С.Ю. Филиппова. Москва: Статут, 2022. 350 с.
13. Comment of the European Copyright Society Addressing Selected Aspects of the Implementation of Articles 18 to 22 of the Directive (EU) 2019/790 on Copyright in the Digital Single Market / Benabou Valérie Laure, Bently Lionel A. F., Derclaye Estelle, and others. University of Copenhagen Faculty of Law Research Paper No. 102 // URL: <https://europeancopyrightsociety.org/> (дата обращения: 14.01.2025).

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 07/22/2024) // "Collection of Legislative Acts of the Russian Federation", 12/25/2006, No. 52 (part 1), st. 5496.
2. The Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 197-FZ (as amended on 12/26/2024) // "Collection of Legislative Acts of the Russian Federation", 01/07/2002, No. 1 (part 1), st. 3.
3. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25.04.2019 No. 1016-O // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision405475.pdf> (date of access: 14.01.2024).
4. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.06.2020 No. 78-KG20-1, 2-5974/2018 // RLS ConsultantPlus (date of access: 14.01.2024).
5. Afanasieva E.G., Dolgih M.G. Retraction of published materials - a way to protect intellectual rights, a custom, a habit? // Entrepreneurial law. 2024. N 2. pp. 70 - 76.
6. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Contract law: Book one: General Provisions. 3-e ed., ster. - Moscow: Statute, 2011. - 847 p.
7. Bratus D.V. Organizational author's rights / under general editing by B.M. Gongalo. Moscow: Statute, 2022. - 236 p.
8. Vavilin E.V. Exercise and protection of civil rights // RLS ConsultantPlus (date of access: 14.01.2024).
9. Martjanova E.Y. Legal nature of joint performance // Journal of Russian law. 2024. No. 11. pp. 59 - 72.
10. Pavlova E.A. Does the author of the creative work need additional protection? // Civil law of the social state: a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A.L. Makovsky (1930 - 2020) / ed. by V.V. Vitryanskij, E.A. Sukhanov. - Moscow: Statute, 2020.
11. Ponomarchenko A.E. The right to remuneration for the work-for-hire // Civilist. 2023. No. 1. pp. 67 - 72.
12. Individuals as subjects of Russian civil law: monograph / A.S. Vorozhevich, O.I. Gentovt, N.V. Kozlova and others; ed. by N.V. Kozlova, S.Y. Filippova. M.: Statute, 2022. 350 p.
13. Comment of the European Copyright Society Addressing Selected Aspects of the Implementation of Articles 18 to 22 of the Directive (EU) 2019/790 on Copyright in the Digital Single Market / Benabou Valérie Laure, Bently Lionel A. F., Derclaye Estelle, and others. University of Copenhagen Faculty of Law Research Paper No. 102 // URL: <https://europeancopyrightsociety.org/> (date of access: 14.01.2024).

АЛИМЕНТЫ БЕЗ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ALIMONY WITHOUT LIMITATION PERIOD

МАХАРАДЗЕ Наталья Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент высшей школы частного права

Тихоокеанского государственного университета.

680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136.

E-mail: 003785@pnu.edu.ru;

MAKHARADZE Natalia Sergeevna,

Candidate of Law, Associate Professor, Higher School of Private Law, Pacific State University

136 Pacific Street, Khabarovsk, 680035, Russia.

E-mail: 003785@pnu.edu.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию правового регулирования и практических аспектов взыскания алиментов в Российской Федерации. Автор анализирует механизмы реализации алиментных обязательств, включая добровольный порядок (через нотариальное соглашение) и судебные процедуры (приказное и исковое производство).

Abstract. The article is devoted to the study of legal regulation and practical aspects of alimony collection in the Russian Federation. The author analyzes the mechanisms for implementing alimony obligations, including voluntary procedure (through a notarial agreement) and judicial procedures (order and claim proceedings).

Ключевые слова: алиментные обязательства, взыскание алиментов, судебный приказ, исполнительное производство, индексация алиментов, сроки рассмотрения дел, задолженность по алиментам, семейное право, судебная практика, право-применительные проблемы.

Key words: alimony obligations, alimony collection, court order, enforcement proceedings, alimony indexation, case review periods, alimony arrears, family law, judicial practice, law enforcement issues.

Для цитирования: Махарадзе Н.С. Алименты без срока исковой давности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 392-394. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_392.

For citation: Makharadze N.S. Alimony without limitation period // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 392-394. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_392.

Статья поступила в редакцию: 28.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Благополучие семьи может пошатнуться, если другой родитель забывает о средствах к существованию своего несовершеннолетнего ребенка. Актуальность темы исследования обусловлена значительным ростом числа споров, связанных с взысканием алиментов, что свидетельствует о необходимости совершенствования механизмов защиты прав детей и иных получателей алиментных выплат.

В условиях социально-экономической нестабильности и изменения структуры семейных отношений вопросы, связанные с алиментными обязательствами, приобретают особую значимость. Несвоевременное или неполное исполнение алиментных обязательств негативно сказывается на материальном положении получателей, что особенно критично для несовершеннолетних детей, чьи права на содержание гарантированы Конституцией РФ и международными нормами. В этой связи изучение порядка и сроков взыскания алиментов представляется важным направлением научного исследования, направленным на выявление существующих проблем и поиск путей их решения.

Целью настоящего исследования является анализ порядка и сроков взыскания алиментов, а также выявление проблем, возникающих в процессе правоприменения.

Общий порядок алиментных обязательств в российской правовой системе представляют собой институт семейного права, закрепляющий материальную поддержку членов семьи, которые не способны самостоятельно обеспечить свои потребности. Согласно ст. 80 и 85 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [2], алименты определяются как средства, предоставляемые на содержание несовершеннолетних детей, совершеннолетних нетрудоспособных лиц, а также других членов семьи в установленных законом случаях. Основу данного института составляет принцип социальной солидарности, предполагающий взаимную ответственность близких родственников за материальное благополучие друг друга.

Основные виды алиментных обязательств дифференцируются в зависимости от субъектного состава. Наиболее распространёнными являются обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей (ст. 80-83 СК РФ), которые могут исполняться в долевом отношении к доходу плательщика или в твёрдой денежной сумме. Отдельно регулируются алименты в пользу супругов (ст. 89-92 СК РФ), включая бывших супругов, нуждающихся в материальной поддержке вследствие нетрудоспособности, ухода за общим ребёнком-инвалидом или достижения предпенсионного возраста. Обязанности по содержанию родителей (ст. 87 СК РФ) возникают при условии их нетрудоспособности и нуждаемости, а также при наличии у детей достаточного уровня дохода. К иным видам относятся алименты на братьев, сестёр, внуков, дедушек и бабушек (ст. 93-97 СК РФ), взыскиваемые при невозможности получения содержания от непосредственных алиментобязанных лиц [2].

Специфика алиментных обязательств заключается в их строго личном характере, что исключает передачу обязанностей по уплате третьим лицам или наследникам. При этом законодательство предусматривает возможность добровольного урегулирования посредством нотариального соглашения (гл. 16 СК РФ), обладающего силой исполнительного документа.

В соответствии с законодательством предусмотрен порядок взыскания алиментов в добровольной и судебной форме.

Добровольный порядок взыскания алиментов, представляет собой альтернативу судебному разбирательству, основанную на взаимном согласии сторон. Центральным элементом этого механизма является соглашение об уплате алиментов, которое, подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Данное требование обусловлено необходимостью придания документу силы исполнительного листа, что позволяет передать его принудительное исполнение судебным приставам в случае нарушения условий (п. 2 ст. 100 СК РФ). Как подчёркивает А.И. Головина, нотариальная форма соглашения обеспечивает его легитимность и минимизирует риски оспаривания в будущем,

что особенно важно для защиты интересов получателя алиментов [7].

Содержание соглашения регламентируется и включает обязательные условия: размер алиментов, периодичность выплат, способ перечисления средств (доля от дохода, твердая сумма, имущественная передача), а также порядок индексации. При этом размер алиментов не может быть ниже установленного законом минимума (ст. 81, 103 СК РФ). Срок действия соглашения определяется сторонами, но обычно ограничивается периодом существования алиментного обязательства – например, до совершеннолетия ребенка или восстановления трудоспособности получателя, однако на в октябре 2024 г. обсуждался законопроект об изменении Семейного кодекса РФ и ФЗ РФ «Исполнительном производстве» [3], о материальной поддержки несовершеннолетних на период их обучения до 23 лет.

В связи с изменениями в образовательных программах и оплаты за обучение, многие совершеннолетние граждане стремятся получить высшее образование, но не всегда могут реализовать свои желания учиться и требуется поддержка родителей. Однако данный законопроект заслуживает внимания и мнения многих цивилистов-практиков расходятся. Вызывает вопрос, обязан ли родитель плативший алименты продолжать содержать совершеннолетнего ребенка, если он поступил на бюджетное очное обучение, или ребенок работает и может содержать себя самостоятельно, и на кого именно ложиться бремя содержания совершеннолетнего ребенка. Из логики понимается, на обоих родителей. Но есть момент в законодательстве, что «в случае изменения материального положения сторон или иных обстоятельств...» в соглашение может быть изменено или расторгнуто в нотариальном порядке, а при отсутствии консенсуса – в судебном порядке (п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 56) [4].

Индексация алиментов, закреплённая в ст. 105 СК РФ и ст. 117 СК РФ, является обязательным элементом соглашения. Если стороны не предусмотрели механизм корректировки размера выплат, применяется правило индексации пропорционально росту прожиточного минимума в регионе проживания получателя.

Как отмечает Л.В. Ладочкина, на практике лишь 35% соглашений содержат индивидуальные условия индексации, что связано с низкой правовой грамотностью граждан и отсутствием унифицированных рекомендаций в законодательстве [9].

Судебный механизм взыскания алиментов, предусматривает два варианта рассмотрения дел: приказное и исковое производство. Выбор процедуры зависит от наличия спора между сторонами и сложности правовых вопросов, требующих разрешения.

В России изменился порядок взыскания алиментов в судебном порядке. Теперь истцам разрешили добиваться получения выплат алиментов за весь срок задолженности даже в случае отмены судебного приказа, а отменить его может сам должник путем переговоров со вторым родителем о добровольном содержании детей. Если это не происходит вновь бывшая супруг(а) могут обратиться в суд и взыскать алименты за весь период, указанный в отмененном документе. Ранее этот срок ограничивался только сроком до 3х лет.

Приказное производство, регулируемое ст. 122 ГПК РФ [1], представляет собой упрощённую процедуру, применяемую при отсутствии разногласий по поводу размера и порядка выплат. Судья единолично выносит судебный приказ в течение 5 дней с момента подачи заявления, без проведения слушаний и извещения должника (п. 1 ст. 126 ГПК РФ). Условиями для приказного порядка являются: требование алиментов на несовершеннолетних детей в долевом отношении к доходу, отсутствие необходимости установления отцовства или оспаривания соглашения.

Как отмечает Д.И. Халилов, приказное производство позволяет сократить сроки взыскания на 60-70% по сравнению с исковым процессом, что критически важно для оперативной защиты прав детей. Однако если должник в 10-дневный срок заявит возражения (ст. 129 ГПК РФ), приказ отменяется, и взыскатель вынужден обращаться в исковом порядке [11].

Исковое производство инициируется в случаях, требующих детального исследования доказательств: установления отцовства, изменения размера алиментов, оспаривания соглашения или взыскания средств в твердой сумме. Срок рассмотрения таких дел составляет 1-2 месяца (ст. 154 ГПК РФ), но может увеличиваться при необходимости назначения экспертиз или привлечения третьих лиц. Ключевые этапы процесса включают:

1. Подачу иска с обоснованием требований (ст. 131-132 ГПК РФ);
2. Подготовку дела, включая запрос доказательств о доходах ответчика;
3. Судебное разбирательство с оценкой финансового положения сторон;
4. Вынесение решения, которое подлежит немедленному исполнению (ст. 211 ГПК РФ) [6].

На сегодняшний день существует особый порядок выдачи судебного приказа. Взыскатель имеет право оспорить определение об отмене судебного приказа, если отмена произошла из-за несвоевременных возражений должника. В жалобе нужно указать, что у последнего не было уважительных причин представить возражения, например, позже 10 срок с даты получения приказа. К такому общеобязательному выводу пришел Конституционный суд РФ в соответствии с жалобой гражданки Н.П. Хомутиной [5].

Возражения должника, поступившие в суд по истечении установленного статьей 128 ГПК РФ, не рассматриваются судом и возвращаются лицу, которым они были поданы, за исключением случая, если это лицо обосновало невозможность представления возражений в установленный срок по независящим от него причинам, на что должно быть указано в определении об отмене судебного приказа. На это определение может быть подана частная жалоба по мотиву отсутствия уважительных причин представления должником возражений по истечении установленного срока.

В случае отмены судебного приказа о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей и удовлетворения требований взыскателя в порядке искового производства такие требования удовлетворяются за период, в течение которого алименты подлежали взысканию согласно судебному приказу. При этом за период, предшествующий подаче заявления о вынесении судебного приказа, алименты могут быть присуждены в соответствии со ст. 107 СК РФ.

Ранее Пленум Верховного Суда РФ отмечал: определение об отмене судебного приказа обжаловать нельзя ни в арбитражном, ни в гражданском процессе. Исключений эта позиция не предусматривала [5].

Особую сложность представляют дела об установлении отцовства, требующие генетической экспертизы (ст. 79 ГПК РФ). По А. Митраховича, большая доля таких процессов длится более полугода из-за уклонения ответчиков от прохождения тестов [10]. Ещё одной проблемой является оспаривание соглашений об уплате алиментов, которое, согласно п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 56 [4], допустимо лишь при существенном изменении материального положения сторон или нарушении интересов несовершеннолетних.

Ст. 211 ГПК РФ закрепляет принцип немедленного исполнения решений о взыскании алиментов. Это означает, что исполнительный лист передаётся в ФССП в течение 1 дня после вступления решения в силу. Однако на практике сроки принудительного взыскания зависят от эффективности работы приставов.

Согласно отчётам ФССП, в 2024 г. среднее время исполнения составило 34 дня, при этом 22% производств были приостановлены из-за невозможности установить местонахождение должника [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Ключевыми мерами принуждения остаются арест имущества (ст. 80 ФЗ «Об исполнительном производстве») и временное ограничение специальных прав (вождение, выезд за границу).

Для текущих алиментных платежей срок исковой давности не применяется (п. 1 ст. 9 СК РФ). Однако задолженность, образовавшаяся за период более 3 лет, может быть взыскана только при условии, что кредитор принимал меры для получения средств, а должник уклонялся от выплат (ст. 113 СК РФ). Как подчёркивает Ибрагимова Н.Ш., данная норма не распространяется на добровольные соглашения, срок действия которых определяется сторонами [8]. Статистика показывает, что в 2024 г. 41% обращений за взысканием задолженности касались периодов свыше 3 лет, но лишь 12% из них завершились полным погашением долга [13].

Сроковые аспекты взыскания алиментов существенно варьируются в зависимости от категории получателя, что обусловлено спецификой правового статуса и социальной защитой уязвимых групп. Законодатель дифференцирует подходы к регулированию, опираясь на принципы справедливости и обеспечения минимальных гарантий.

Проведенное исследование порядка и сроков взыскания алиментов позволяет сделать следующие основные выводы:

Существующий механизм взыскания алиментов, несмотря на наличие альтернативных способов (добровольное соглашение, судебный приказ, исковое производство), демонстрирует ряд системных недостатков. Основными проблемами являются: низкая эффективность добровольных соглашений из-за правовой неграмотности граждан, массовая отмена судебных приказов, значительные задержки в рассмотрении дел (до 4-5 месяцев) и неоднозначность судебной практики по вопросам снижения задолженности.

Особое внимание следует уделить совершенствованию механизмов защиты прав получателей алиментов в условиях социально-экономической нестабильности, включая упрощение процедуры взыскания и повышение эффективности исполнительного производства.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность института алиментных обязательств и обеспечить более надежную защиту прав и законных интересов получателей алиментов.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.01.2025) // СЗ РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8531.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4956.
3. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 05.02.2024) // СЗ РФ. 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4956.
4. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2018.
5. По делу о проверке конституционности статьи 129, части первой статьи 331, пункта 3 части первой статьи 379.1, части первой статьи 379.2 и пункта 6 части первой статьи 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.П. Хомутининой: постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2023 N 53-П // СЗ РФ. 2024. № 44. Ст. 6496.
6. Войтович Л.В. Проблемные вопросы взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей в исковом производстве гражданского процесса // Российское правосудие. 2020. № 3. С. 14-20. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2020.3.14-20 EDN: TVZSFZ
7. Головина А. У должника соглашение об уплате алиментов. Как признать его недействительным // Арбитражная практика для юристов. 2024. № 1(101). С. 80-85. EDN: HRJHOE
8. Ибрагимова Н.Ш. Особенности правового регулирования института алиментных обязательств в семейном праве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1. С. 125-131. EDN: QAVBQZ
9. Ладочкина Л.В., Хмелева Т.И. Соглашение об уплате алиментов: существенные и иные условия // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22. № 5. С. 92-99. DOI: 10.22394/1682-2358-2022-5-92-99 EDN: DQIRCU
10. Митрахович А. Установление отцовства при использовании репродуктивных технологий // Административное право. 2021. № 3. С. 107-111.
11. Халилов Д.И. К вопросу об уплате алиментов по соглашению и в порядке приказного производства как инструмента уклонения от кредиторских требований // Мировой судья. 2023. № 1. С. 25-31. DOI: 10.18572/2072-4152-2023-1-25-31 EDN: FRXLKZ
12. Ведомственная статистическая отчетность ФССП России за 2023 год. URL: <http://fssprus.ru/statistics> (дата обращения: 08.02.2025).
13. Данные судебной статистики Судебного департамента при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 08.02.2025).

References:

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 01/16/2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. No. 53 (Part I). Art. 8531.
2. The Family Code of the Russian Federation dated 12/29/1995 No. 223-FZ (as amended on 11/23/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. No. 33 (Part I). Article 4956.
3. On enforcement proceedings: Federal Law No. 229-FZ dated 02.10.2007 (as amended on 05.02.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 33 (Part I). Article 4956.
4. On the application of legislation by courts when considering cases related to the recovery of alimony: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 26, 2017 No. 56 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 4. 2018.
5. In the case of checking the constitutionality of Article 129, part one of Article 331, paragraph 3 of part one of Article 379.1, part one of Article 379.2 and paragraph 6 of part one of Article 390 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N.P. Khomutina: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/20/2023 N 53-P // Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. No. 44. Art. 6496.
6. Voitovich L.V. Problematic issues of recovery of alimony for the maintenance of minor children in the claim proceedings of the civil process // Russian justice. 2020. No. 3. pp. 14-20. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2020.3.14-20 EDN: TVZSFZ
7. Golovina A. The debtor has an agreement on the payment of alimony. How to invalidate it // Arbitration practice for lawyers. 2024. No. 1(101). pp. 80-85. EDN: HRJHOE
8. Ibragimova N.S. Features of the legal regulation of the institution of alimony obligations in the family law of the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2013. No. 1. pp. 125-131. EDN: QAVBQZ
9. Ladochkina L.V., Khmeleva T.I. Alimony payment agreement: essential and other conditions // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2022. Vol. 22. No. 5. pp. 92-99. DOI: 10.22394/1682-2358-2022-5-92-99 EDN: DQIRCU
10. Mitrahovich A. Establishing paternity using reproductive technologies // Administrative Law. 2021. No. 3. pp. 107-111.
11. Khalilov D.I. On the issue of the payment of alimony by agreement and in the order of writ proceedings as a tool to evade creditors' claims // Justice of the Peace. 2023. No. 1. pp. 25-31. DOI: 10.18572/2072-4152-2023-1-25-31 EDN: FRXLKZ
12. Departmental statistical reports of the Federal Migration Service of Russia for 2023. URL: <http://fssprus.ru/statistics> (date of access: 02/08/2025).
13. Judicial statistics data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of request: 02/08/2025).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОСПАРИВАНИЯ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА, СХОДНОГО С ОБЩЕИЗВЕСТНЫМ THE LEGAL NATURE OF THE TERMINATION OF LEGAL PROTECTION OF A TRADEMARK SIMILAR TO A WELL-KNOWN ONE

КОРОЛЕВА Александра Юрьевна,

магистр Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
юрист АНО «Продюсерский центр «Интеграция»
Садовая-Кудринская ул., 9, г. Москва, 123001, Россия.
E-mail: alekskor1998@mail.ru;

KOROLEVA Alexandra Yuryevna,

Master's degree from the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA),
Lawyer of ANO «Integration Production Center».
Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, Moscow, 123001, Russia.
E-mail: alekskor1998@mail.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется юридическая природа общеизвестного товарного знака, процесс его формирования через призму доктрин смешения и размывания товарного знака. Автор приходит к выводу о том, что общеизвестный товарный знак не просто индивидуализирует товар, но и представляет собой особую ценность как обозначение, которое индивидуализирует в сознании потребителей деловую репутацию его правообладателя. Автор считает, что особая юридическая природа общеизвестных товарных знаков предопределяет особый механизм их защиты посредством прекращения правовой охраны товарного знака, сходного с общеизвестным. Анализируя нормы гражданского законодательства и вопросы, поставленные Судом по интеллектуальным правам в запросе для ученых по конкретному делу, автор приходит к выводу об отсутствии в российском законодательстве надлежащего механизма защиты общеизвестных обозначений.

Abstract. The article analyzes the legal nature of a well-known trademark, the process of its formation through the prism of the doctrines of confusion and blurring of a trademark. The author comes to the conclusion that a well-known trademark not only individualizes a product, but also represents a special value as a designation that individualizes the business reputation of its owner in the minds of consumers. The author believes that the special legal nature of well-known trademarks predetermines a special mechanism for their protection through the termination of legal protection of a trademark similar to a well-known one. Analyzing the norms of civil legislation and the questions posed by the Intellectual Property Court in a request to scientists on a specific case, the author comes to the conclusion that there is no proper mechanism for protecting well-known designations in Russian legislation.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; товарный знак; общеизвестный товарный знак; смешение товарных знаков; размывание товарного знака; оспаривание товарного знака; защита общеизвестного товарного знака.

Key words: intellectual property; trademark; well-known trademark; trademark confusion; trademark dilution; trademark challenge; protection of a well-known trademark.

Для цитирования: Королева А.Ю. Правовая природа оспаривания правовой охраны товарного знака, сходного с общеизвестным // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 395-398. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_395.

For citation: Koroleva A. Yu. The legal nature of the termination of legal protection of a trademark similar to a well-known one // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 395-398. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_395.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Средства индивидуализации, в том числе и товарные знаки, в современном мире играют ключевую роль при создании бренда компании, выделении ее на рынке среди конкурентов и становлении ее репутации по отношению к потребителям^[1]. Среди лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, есть такие, которые подходят к ведению бизнеса добросовестно и полномасштабно, что характеризуется известностью используемого ими знака, интенсивностью его использования и формирующимся доверием потребителя к их продукции. При виде потребителем продукции с известным обозначением, которую он часто встречает в рекламах, о которой постоянно слышит от знакомых, которую самостоятельно потребляет и считает качественной только потому, что на данном товаре есть какой-то конкретный известный ему индивидуализирующий знак, потребитель неосознанно «приписывает» данному товару определенные характеристики, которые ассоциируются у него именно с маркирующим товар обозначением, а не с самим товаром. Иными словами, потребитель, в первую очередь, замечает товарный знак, его привлекает именно бренд.

Изложенное характерно для обозначений, существенным образом отличающихся от других товарных знаков на рынке. Очевидно, их появление обусловлено наличием сильных и грамотных предпринимателей, которые вкладывают в развитие своего бизнеса огромные ресурсы. Ввиду указанных причин и существования таких знаков на рынке постепенно начали формироваться специальные механизмы защиты сильных обозначений. Наука, а затем и практика признали, что из общих правил функционирования правовой охраны товарных знаков должны быть исключения, обусловленные объективным присутствием на рынке таких обозначений, которые являются ценностью сами по себе.

Следуя такой логической интерпретации из общих правил территориальности (согласно которым знак имеет правовую охрану на определенной территории) и специализации товарного знака (согласно которым правовая охрана знака распространяется только на однородные товары) возникли исключения, воплощенные в доктрине смешения и доктрине размывания товарного знака. В конечном итоге в сфере правового регулирования товарных знаков сформировался правовой феномен, воплощенный в нормах об охране общеизвестных обозначений.

Документом, содержащим первое упоминание об общеизвестном знаке и являющимся основой доктрины смешения, является Париж-

¹ Новоселова Л.А., Рожкова М.А., Голофаев В.В., Гринь Е.С., Корнеев В.А. и др. Права на товарный знак: монография (отв. ред. Л.А. Новоселова). // Норма: ИНФРА-М. 2017. С. 66.

ская конвенция по охране промышленной собственности от 20.03.1883 (далее – Парижская конвенция)¹, которая регламентирует, что все государства-участники обязуются отклонять или признавать недействительной регистрацию паразитирующего знака, способного создать смешение вследствие воспроизведения или имитации другого знака, который, будучи знаком лица другого государства-участника, является известным и используется для однородных товаров².

Исходя из указанного положения можно сделать вывод, что выделение правового режима общеизвестного знака обосновывается необходимостью создания исключения из общего правила территориальности охраны товарного знака. Парижская конвенция признала, что необходимо защищать знаки, которые приобрели популярность более широкую, нежели в рамках одного государства.

Таким образом, охрана общеизвестного обозначения была выделена из общих правил охраны товарных знаков лишь потому, что появилась необходимость защищать общеизвестное обозначение не только в рамках территории одного государства, но и на территории других государств. Фактически Парижская конвенция закрепила общеизвестность на экстерриториальном уровне и только в отношении однородных товаров.

Профессор Г.Х.К. Боденхаузен писал, что целью введения статьи 6 bis Парижской конвенции являлось необходимое предотвращение регистрации и использования знака, сходного с известным, за пределами государства его регистрации. Недобросовестные действия, создающие угрозу смешения с известным знаком, могут вводить в заблуждение потребителей и, таким образом, наносить ущерб не только лицу, правомерно использующему общеизвестное обозначение, но и потребителям его товаров.

Представляется верным, в данном контексте речь идет о возникновении необходимости выделения общеизвестного обозначения вследствие опасности именно его смешения (не размывания) с другими знаками. Обоснованием усиленной опасности такого смешения является признанное участниками Парижской конвенции наличие знаков, обладающих известностью более широкой, чем на территории одного государства. Данное профессором Г.Х.К. Боденхаузеном разъяснение потенциального наличия такой опасности в виде возможности формирования состава акта недобросовестной конкуренции подтверждает, что смешение известных знаков обладает более негативными последствиями, чем смешение обычных знаков, причем, как для потребителей, так и для добросовестно использующего известное обозначение лица.

Таким образом, можно констатировать, что возникновение понятия общеизвестного знака происходит из развития доктрины смешения товарных знаков. Указанная норма Парижской конвенции являлась своего рода попыткой борьбы с недобросовестными лицами, которые регистрируют знак в той стране-участнице Парижской конвенции, в которой признанный общеизвестным в другой стране-участнице Парижской конвенции знак таковым не является.

Регламентация положений об охране общеизвестных обозначений в части распространения на неоднородные товары выходит за рамки доктрины смешения и обосновывается доктриной размывания товарного знака, в рамках идей которой общеизвестные обозначения защищаются не в территориальном аспекте, а в качественном. Доктрина размывания представляет собой исключение из общего принципа специализации товарных знаков и предполагает специальный механизм защиты общеизвестных обозначений в отношении неоднородных товаров, который защищает данные обозначения не только от смешения, но и от размывания.

Доктрина размывания (trademark dilution doctrine) начала формироваться с конца 1920-х годов благодаря монографии Ф.И. Шехтера³. Учёный предложил придать товарному знаку новый смысл, пересмотреть значение его функции и отбросить его от привычного ординарного представления об источнике происхождения товара к представлению о ценности самого обозначения, которое этот товар маркирует. По смыслу доктрины единственная объективно существующая цель охраны товарного знака как объекта интеллектуальных прав – это сохранение его уникальности среди других обозначений.

Основная мысль монографии Ф.И. Шехтера сводится к тому, что в гражданском обороте маркируемое товар обозначение не просто индивидуализирует его в качестве объекта купли-продажи или иной сделки, а показывает ценность товара лишь потому, что этот товар маркируется именно этим обозначением и никаким другим. Следовательно, такое обозначение отличается от других обозначений, присутствующих на рынке и в гражданском обороте, что означает необходимость в усилении степени охраны и защиты такого обозначения. Данные знаки более уязвимы на рынке, нежели обычные, вследствие чего доктрина размывания товарного знака нашла свое развитие именно в рамках выделения исключения из принципа специализации товарных знаков.

Таким образом, монография Ф.И. Шехтера положила начало для нового этапа развития понятия общеизвестного знака, явилась катализатором для усиления формирования устойчивости доктрины размывания.

Как неоднократно указывалось выше, общеизвестное обозначение значительным образом отличается от обычного, что предопределяет особенности его правовой охраны.

Тем не менее недостаточно просто охранять общеизвестный знак от недобросовестного использования. Данный вид знаков является самым уязвимым на рынке, ввиду чего необходим специальный эффективный механизм защиты.

В российском законодательстве ключевой механизм защиты правообладателей известных обозначений предусмотрен подп. 4 п. 2 ст. 1512 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)⁴. Вместе с тем, согласно указанному положению, предусматривается

¹ Конвенция по охране промышленной собственности [г. Париж. 20.03.1883] [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.03.2025).

² Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: Комментарий. // Прогресс. 1977. С. 89-93.

³ Schechter, Frank I. The Rational Basis of Trademark Protection. The Trademark Reporter. 1970. P. 200-209.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. № 289. 22.12.2006.

оспаривание знака, конкурирующего с общеизвестным, исключительно полностью, то есть нет возможности прекратить правовую охрану такого знака только в части.

В связи с этим при взаимосвязи подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ с ч. 3 ст. 1508 ГК РФ указанное основание оспаривания, в целом, перестает быть эффективным механизмом защиты на практике ввиду его неоднозначного толкования.

При детальном анализе подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, как указывалось ранее, становится очевидным, что правообладателю общеизвестного обозначения прекратить охрану сходного с ним знака в отношении неоднородных товаров можно исключительно полностью. Данная норма не предусматривает прекращение правовой охраны знака в части.

Тем не менее из положений ч. 3 ст. 1508 ГК РФ следует, что правовая охрана общеизвестного обозначения распространяется на неоднородные товары только в том случае, если правообладателем данного обозначения будет доказана ассоциативная связь потребителей данных товаров с ним как с обладателем исключительного права на общеизвестное обозначение и будет ущемлять его законные интересы.

Таким образом, можно констатировать, что у правообладателя общеизвестного обозначения есть возможность прекращения правовой охраны сходного знака в отношении неоднородных товаров только в том случае, если он докажет указанную выше ассоциативную связь.

Указанное порождает следующую коллизию норм: если правообладатель общеизвестного знака (признанного таковым в отношении одной или двух товарных позиций, например) посчитает необходимым реализовать свое право и оспорить предоставление правовой охраны сходного знака на основании подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ, то ему необходимо доказывать наличие ассоциативной связи в отношении всех неоднородных товаров, в отношении которых зарегистрирован сходный знак? Или же достаточно доказать ассоциативную связь только в отношении части неоднородных товарных позиций, и правовая охрана сходного знака будет прекращена все равно полностью?

Аналогичный вопрос возник у президиума Суда по интеллектуальным правам при рассмотрении дела об оспаривании товарного знака «ПЕСНЯРЫ» по указанному основанию¹. В ответ на направленный запрос президиума Суда по интеллектуальным правам от ученых Бутенко С.В., Войничанис Е.А., Мурзина Д.В., Орловой В.В. и Ситдиковой Р.И. был получен единогласный ответ о том, что подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ не должен толковаться как предусматривающий возможность частичного признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку, сходному с общеизвестным.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что зачастую знаки, конфликтующие с общеизвестными, зарегистрированы в отношении широкого перечня товаров и услуг. В свою очередь, общеизвестными обозначения признаются, как показывает практика, в отношении одной или небольшого количества товарных позиций или позиций услуг. Так, в указанном ранее деле в качестве общеизвестного знака охраняется обозначение «Песняры» (свидетельство Российской Федерации № 92), которое признано общеизвестным с 01.01.1985 в отношении концертной деятельности. В тоже время сходный с ним знак «ПЕСНЯРЫ» по свидетельству Российской Федерации № 259213 с приоритетом от 19.09.2003 зарегистрирован в отношении товаров 9, 16, 33-го классов МКТУ и услуг 35, 38, 41 и 43-го классов МКТУ.

Таким образом, при таком подходе ученых к толкованию подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ справедливо возникает вопрос о том, как быть правообладателям не общеизвестных знаков. Действительно ли правовую охрану каждого из приведенных обычных знаков целесообразно оспаривать только полностью?

Одновременно возникает вопрос и о том, как быть правообладателям общеизвестных знаков? Следуя логике закона, чтобы оспорить охрану сходного знака в отношении неоднородных товаров, правообладателям нужно доказывать ассоциативную связь и ущемление законных интересов в отношении всех неоднородных товарных позиций спорного знака в то время, как само общеизвестное обозначение признано таковым в отношении одной товарной позиции, например.

Исходя из указанного выше, каким образом правообладатель общеизвестного знака (который, например, признан таковым в отношении холодильников) будет доказывать ассоциативную связь и ущемление своих интересов в отношении, например, товарной позиции «пиво»? В противном случае, даже если сходный с ним знак будет зарегистрирован как в отношении товарной позиции «холодильники», так и в отношении товарной позиции «пиво» (в отношении которой общеизвестное обозначение признано таковым), то правообладатель общеизвестного знака при доказанности ассоциативной связи и ущемления своих интересов в отношении только товарной позиции «холодильники» не сможет прекратить правовую охрану сходного знака в отношении только этой товарной позиции, поскольку подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ предусматривает прекращение правовой охраны сходного знака только полностью. Очевидно, что доказывать ассоциативную связь потребителей между пивом и продавцом холодильников, скорее всего, невозможно, вследствие чего правообладатель общеизвестного знака фактически лишен реализации своего права на защиту от размывания по подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ.

Представляется верным, что подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ должен предусматривать возможность прекращения правовой охраны сходного знака в части, поскольку в указанном положении напрямую содержится ссылка на ч. 3 ст. 1508 ГК РФ, предусматривающую необходимость доказывания ассоциации у потребителей с обладателем исключительного права на общеизвестный знак и ущемления его законных интересов.

Указанный вывод связан с тем, что если толковать подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ как предусматривающий прекращение правовой охраны знака исключительно полностью и оставить в данной редакции, не добавляя возможность прекращения правовой охраны частично, то тогда каким образом толковать данное основание оспаривания во взаимосвязи с ч. 3 ст. 1508 ГК РФ? Названную норму в любом случае придется тол-

¹ Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 11.02.2022 по делу № СИП-914/2020 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.03.2025).

ковать с ч. 3 ст. 1508 ГК РФ, поскольку сам законодатель включил ссылку на данное положение в подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ.

Представляется верным, что в этом случае возможны два варианта толкования. Действие правовой охраны знака, который является сходным с общеизвестным знаком, прекращается:

- 1) в любом случае полностью, даже если правообладатель общеизвестного знака доказал наличие требуемой ассоциативной связи и факт ущемления своих интересов в отношении не всего перечня товаров и услуг сходного знака, а лишь в части.
- 2) в любом случае полностью, но для этого правообладателю общеизвестного знака необходимо доказать наличие требуемой ассоциативной связи и факт ущемления его интересов в отношении всех товарных позиций и позиций услуг сходного знака. В противном случае, правовая охрана сходного знака в отношении неоднородных товаров прекращена не будет.

Представляется верным, что первое толкование несправедливо по отношению к правообладателям знаков, сходных с общеизвестными, поскольку позволяет правообладателям общеизвестных знаков фактически стирать другие знаки с рынка. Этому способствует то, что правообладателю общеизвестного знака достаточно доказать ассоциативную связь и наличие ущемления интересов в отношении хотя бы одной неоднородной товарной позиции, а правовая охрана сходного знака будет прекращена в отношении всех зарегистрированных за ним товарных позиций.

Второе толкование несправедливо по отношению к правообладателям общеизвестных знаков, поскольку фактически данный механизм защиты прав для них становится недоступным ввиду сложности процесса доказывания. Иными словами, для прекращения правовой охраны знака конкурента, который паразитирует на репутации общеизвестного обозначения, необходимо доказывать требуемую ассоциативную связь и наличие так называемого «ущерба» в отношении всех товарных позиций сходного знака, которых, как правило, обширный перечень. Ввиду того, что общеизвестные знаки признаются таковыми в отношении единичных позиций товаров или услуг, подобное толкование нормы фактически лишает правообладателей общеизвестных знаков данного механизма защиты.

Таким образом, подп. 4 п. 2 ст. 1512 ГК РФ является недоработанным и противоречивым ч. 3 ст. 1508 ГК РФ.

Общеизвестный товарный знак в силу своей юридической природы является уникальным явлением среди иных средств индивидуализации, предусмотренных ГК РФ, в связи с чем частичное прекращение охраны обычного знака, сходного с общеизвестным, должно быть предусмотрено указанным нормативным положением, поскольку тогда правообладатели общеизвестных знаков будут иметь реально действующий механизм защиты своего обозначения от размывания, а обладатели исключительных прав на товарные знаки будут защищены от злоупотребления данным основанием оспаривания со стороны правообладателей общеизвестных знаков.

Список литературы:

1. Боденхаузен Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности: Комментарий. // Прогресс. 1977. С. 89-93.
2. Новоселова Л.А., Рожкова М.А., Голофаев В.В., Гринь Е.С., Корнеев В.А. и др. Права на товарный знак: монография (отв. ред. Л.А. Новоселова). // Норма: ИНФРА-М. 2017. С. 66.
3. Шехтер, Франк И. Рациональная основа защиты товарных знаков. Докладчик по товарным знакам. 1970. С. 200-209.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. № 289. 22.12.2006.
5. Конвенция по охране промышленной собственности [г. Париж. 20.03.1883] [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.03.2025).
6. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 11.02.2022 по делу № СИП-914/2020 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс. Режим доступа – <http://www.consultant.ru> (дата обращения 12.03.2025).

References:

1. Bodenhausen G. Paris Convention for the Protection of Industrial Property: Commentary. // Progress. 1977. P. 89-93.
2. Novoselova L.A., Rozhkova M.A., Golofaev V.V., Grin E.S., Korneev V.A. and others. Trademark rights: monograph (ed. by L.A. Novoselova). // Norm: INFRA-M. 2017. P. 66.
3. Schechter, Frank I. The Rational Basis of Trademark Protection. The Trademark Reporter. 1970. P. 200-209.
4. Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 No. 230-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 289. 22.12.2006.
5. Convention for the Protection of Industrial Property [Paris. 20.03.1883] [Electronic resource] // SPS Consultant Plus. Access mode - <http://www.consultant.ru> (date of access 12.03.2025).
6. Resolution of the Presidium of the Intellectual Property Court dated 11.02.2022 in case No. SIP-914/2020 [Electronic resource] // SPS Consultant Plus. Access mode - <http://www.consultant.ru> (date of access 12.03.2025).

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА КАК РЕГУЛЯТОРА ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ THE LEGAL NATURE OF THE INHERITANCE AGREEMENT AS A REGULATOR OF CONTRACTUAL RELATIONS

УШАКОВА Екатерина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия».
Комсомольский пр., 4, г. Люберцы, Московская обл., 140015, Россия.
E-mail: ushakova19@mail.ru;

АНДРИАНОВА Валерия Валерьевна,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры частного и публичного права,
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет социальных технологий».
ул. Лосиноостровская, 49, г. Москва, 107150, Россия.
E-mail: andrianova@rgust.ru;

КОБЗЕВА Екатерина Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры гражданского права РУТ МИИТ,
Минаевский пер., 2, г. Москва, 127055, Россия.
E-mail: keti_v_7@mail.ru;

USHAKOVA Ekaterina Vladimirovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law
State Educational Institution of Higher Education "Russian Customs Academy".
Komsomolsky ave., 4, Lyubertsy, Moscow region, 140015, Russia.
E-mail: ushakova19@mail.ru;

ANDRIANOVA Valeria Valeryevna,

PhD in Law, Lecturer at the Department of Private and Public Law,
Russian State University of Social Technologies.
49 Losinoostrovskaya St., Moscow, 107150, Russia.
E-mail: andrianova@rgust.ru ;

KOBZEVA Ekaterina Ivanovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Lecturer at the Department of Civil Law of the RUT MIIT,
Minaevsky Lane, 2, Moscow, 127055, Russia.
E-mail: keti_v_7@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены аспекты правовой регламентации заключения и расторжения наследственного договора. Поднимается проблема признания недействительным наследственного договора. Авторами поднимается проблема заключения, изменения и расторжения наследственного договора. Приводится взаимосвязь наследственного права с гражданским правом и с институтом договорных правоотношений. Исследуется содержание наследственного договора, которое не противоречит обязательной доле в наследстве, а также запрет наследования недостойными наследниками. При этом поднимается суть критериев определения возможности одностороннего отказа от наследственного договора. Приводится авторская редакция наследственного договора, а также введение ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по наследственному договору.

Abstract: The article discusses aspects of the legal regulation of the conclusion and termination of an inheritance contract. The problem of invalidation of the inheritance agreement is raised. The authors raise the problem of concluding, changing and terminating an inheritance contract. The interrelation of inheritance law with civil law and with the institution of contractual legal relations is given. The article examines the content of the inheritance agreement, which does not contradict the mandatory share in the inheritance, as well as the prohibition of inheritance by unworthy heirs. At the same time, the essence of the criteria for determining the possibility of unilateral renunciation of the inheritance contract is raised. The author's version of the inheritance agreement is given, as well as the introduction of liability of the parties for non-fulfillment or improper fulfillment of obligations under the inheritance agreement.

Ключевые слова: наследственный договор, наследодатель, наследник, завещание, обязательная доля в наследстве, нотариальное удостоверение, недостойные наследники, заключение, изменение, расторжение наследственного договора.

Keywords: inheritance agreement, testator, heir, will, mandatory share in the inheritance, notarial certificate, unworthy heirs, conclusion, amendment, termination of the inheritance agreement.

Для цитирования: Ушакова Е.В., Андрианова В.В., Кобзева Е.И. Юридическая природа наследственного договора как регулятора договорных отношений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 399-402. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_399.

For citation: Ushakova E.V., Andrianova V.V., Kobzeva E.I. The legal nature of the inheritance agreement as a regulator of contractual relations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 399-402. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_399.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Российское законодательство в сфере наследственных отношений развивается весьма стремительно. Наследственный договор является новым институтом наследственного права, который открывает новые перспективы для реализации прав граждан в регулировании передачи имущества после смерти. Данный институт появился в Российском законодательстве более шести лет назад, где стал относительно новой правовой новеллой в правовой системе.

Значимость принятия и введения в Гражданском законодательстве связана с назревшим социальным заказом в части теоретико-прикладной разработки наследственного договора и внедрения его в правоприменительную практику.

Введению в современном Российском законодательстве концепции наследования способствовал многочисленный и многогранный

опыт зарубежных стран, где данный вид наследования имущества получил свое широкое распространение.

Институт наследственного договора был введен более пяти лет назад и начал действовать с 1 июня 2019 г. с момента вступления в силу Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [2].

Каждый гражданин России на основании части 4 статьи 35 Конституции РФ, закрепившей право наследования, имеет право обладать объектом имущественного характера, по своему желанию распоряжаться этим объектом, в том числе наследовать его и принимать иные объекты в свою собственность в ходе процесса наследования. Одной из важнейших задач введения правового института наследственного договора являлось создание дополнительных законодательно закрепленных механизмов защиты имущественных прав граждан.

Гражданский кодекс Российской Федерации не только увеличил границы свободы субъектов договорного права, но приумножил содержащиеся в нём нормы [9]. Объект исследования направлен на регулирование общественных отношений, связанных с заключением наследственного договора, порядка его исполнения в части перехода имущества от наследодателя к наследнику.

Помимо наследования по закону и по завещанию наследственный договор выступает дополнительным основанием для наследования. Наследственный договор уходит корнями в зарубежное законодательство, и если обратиться к законодательству Германии, то в законодательстве 1896 года подробно исследованы особенности наследственного договора, изложены особенности наследственного договора, где эта конструкция стала неким стандартом в правовых системах других европейских странах, таких как: Швейцария, Польша, Австрия и других.

В современной России первый законопроект, внедряющий наследственный договор как основание наследования в правовую систему, был предложен в 2013 году. Правовая концепция «наследственного договора» в российском законодательстве была введена с 1 июня 2019 года. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внес в наследственное право новую форму передачи имущества [2]. Нормы гражданского законодательства не дают конкретного понятия «наследственного договора». В соответствии с пунктом 1 статьи 1140.1 ГК РФ закрепляет, что наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию [1]. Отсутствие четкого законодательного определения данного понятия оставляет место для различных интерпретаций и понимания его сути. С одной стороны, наследственный договор понимается как сделка между двумя субъектами, а с другой является поводом для принятия наследником наследственного имущества. Внедрение этой концепции в правовую систему России свидетельствует о стремлении к совершенствованию наследственного права и адаптации к современным социально-экономическим условиям. Правоотношения по наследованию соприкасаются напрямую с гарантированной Конституцией Российской Федерации гарантией реализации права собственности.

Так, в свою очередь, часть 3 Гражданского кодекса РФ является базовым, фундаментальным, сугубо отраслевым, кодифицированным нормативно-правовым актом, которое определяет правовое положение наследственного договора и регулирует порядок перехода имущества гражданина после его смерти к другим лицам. В статьях ГК РФ содержатся общие положения о наследовании, в том числе о возможности заключения наследственного договора. Пункт 1 статьи 1118 ГК РФ устанавливает, что к наследственному договору применяются правила Гражданского кодекса о завещании, если иное не вытекает из существа наследственного договора [1]. Гражданский кодекс содержит условия о предмете договора, условий, возлагающие на контрагента в качестве обязанности совершить действия имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнить завещательные отказы или завещательные возложения.

Само содержание наследственного договора действует в части, которое не противоречит обязательной доле в наследстве, а также о запрете наследования недостойными наследниками. Условия наследственного договора содержат критерии о возможности одностороннего отказа от наследственного договора, только путем уведомления о таком отказе всех сторон договора. По смыслу пункта 7 статьи 1140.1 ГК РФ наследственный договор подлежит нотариальному удостоверению [3]. Положения Гражданского кодекса РФ содержат условия, включая возможность одностороннего отказа от исполнения договора, требование нотариального удостоверения и условия обязательной доли в наследстве. Этому идет практическое обоснование и принятое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», которое играет важную роль в разъяснении судам общей юрисдикции дел, возникающих из наследственных правоотношений [4].

Если же обратиться к ныне действующему законодательству, то можно обратить внимание на весьма интересные факты. Так, согласно ст. 1140.1 ГК РФ, наследственный договор представляет собой договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию [1].

Если придать сравнительному анализу и характеру конструкции двух видов договоров – наследственного договора и договора пожизненного содержания с иждивением, то наряду со сходством, направленным на защиту интересов наследодателя, имеются и существенные различия, направленные на правовые последствия передачи имущества наследодателя.

Непосредственным достоинством наследственного договора является возможность оспорить договор до открытия наследства. Преимуществом наследственного договора наряду с другими видами обязательств является наличие возможности его оспаривания до открытия наследства. Установленная конфигурация наследственного договора позволяет оспорить его, подводя механизм к общим требованиям по оспариванию сделки.

Модель наследственного договора, закрепленная в ст. 1140.1 ГК РФ, устанавливает возможность возложения на будущего наследника обязанностей имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнить завещательные отказы или завещательные возложения

[1]. В договоре может быть например установлены обязанности и неимущественного характера, такие как уход за наследодателем и осуществление организации похорон.

Большой привилегией в конструкции наследственного договора является возложение на наследодателя прямой возможности возложения на будущего наследника определенных обязанностей. В случае, если в наследственном договоре законом будет установлено исполнение обязанностей при жизни наследодателя, то наследодатель наделен полномочиями вести контроль за должным выполнением обязанностей, которые возложены на будущего наследника. Более того, наследодатель наделен правом совершить односторонний отказ от наследственного договора путем письменного уведомления наследника.

Субъектами наследственных правоотношений выступают не только физические лица, но и коммерческие организации, где в дальнейшем при исполнении наследственного договора все имущество переходит в собственность наследников. Так, суть наследственного договора заключается в содержании порядка и условия владения различным видом имущества, способствует устойчивости и систематичности ведения предпринимательской деятельности.

В свою очередь, предметом наследственного договора будет являться процесс передачи конкретных видов имущества или его части в собственность указанного в наследственном договоре имущества после смерти наследодателя. Также в предмет наследственного договора будет включаться наследственное имущество, включающее в себя все активы и обязательства, оставленные наследодателем после смерти наследодателя.

Не менее важной правовой проблемой в регулировании наследственного договора является соблюдение формы наследственного договора, что при несоблюдении влечет его недействительность и вытекающие отсюда соответствующие правовые последствия. Гражданское законодательство предусматривает обязательность соблюдения письменной формы, а также необходимость нотариального удостоверения при заключении наследственного договора. Письменная и нотариальная форма заключения наследственного договора свидетельствует о значительно высоком уровне правовой защиты, что в правоприменительной практике показывает о защищенности от «двойных сделок». Наследственный договор подписывается сторонами, где допускается видеофиксация нотариального удостоверения. Данную видеофиксацию нотариус использует как право на подтверждение в совершении нотариального действия при заключении наследственного договора. Указанное право регламентируется статьей 42 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года [2]. Несоблюдении установленной формы наследственного договора влечет за собой его недействительность, что подтверждается и судебной практикой. Например, Определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.11.2023 по иску к комитету по управлению имуществом и землепользованию администрации г. Улан-Удэ, Межрегиональному территориальному управлению Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Забайкальском крае и Республике Бурятия о признании наследником имущества. Истец указывал, что по он роду своей деятельности 3 года опекал одиноких пенсионеров, являлся председателем ветеранской организации Регионального Центра Связи. Он, обратился к нотариусу за консультацией о составлении наследственного договора, был составлен черновик договора, который подписал наследодатель, он подал документы нотариусу, но наследодатель внезапно скончался. Ввиду того что у наследодателя не имелось родственников и детей, он, как близкий человек, похоронил его. Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении требований сослался на то, что не имеется завещания на имя истца, наследственный договор между сторонами нотариусом не подписан. Судебная коллегия кассационного суда общей юрисдикции согласилась с этим выводом, отразила в определении, что при удостоверении наследственного договора нотариус обязан осуществлять видеофиксацию процедуры заключения наследственного договора, если стороны наследственного договора не заявили возражение против этого [7].

Резюмируя сказанное, отмечаем, что наследственный договор является существенным правовым документом, который регулирует передачу наследственного имущества при наследовании.

В наследственном договоре содержатся условия между наследодателем и наследником, определяющие их права и обязанности. Сторонами договора выступают наследодатель и наследник(и), которые могут призываются к наследованию. Применительно к законодательству, наследодателем по наследственному договору выступает умершее физическое лицо, а наследником - лицо, принимающее наследство. Понятие «наследодатель» также можно называть «отчуждаемый», а «наследник» - «приобретатель». Как наследственный договор, так и завещание - оба являются действиями по распоряжению будущего имущества наследодателя по поводу перспективы и определению будущих наследников. Также близким «по духу» и «букве закона» относится завещание и совместное завещание, и наследственный договор, которые могут быть отменены наследодателем в одностороннем порядке в любое время (ст. 1130, п. 4 ст. 1118, п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ) [1].

Если обратиться к критериям безвозмездности договора, то наследственный договор не содержит обязанностей будущего наследника.

Более того, в наследственном договоре может быть включено условие о назначении наследника, определении порядка перехода наследственного имущества, либо могут быть дополнительно предусмотрены определенные условия, как независимые, так и зависящие от воли одной из сторон. Так, например, наследодатель вправе заключить с сыном наследственный договор на передачу автомобиля с условием безвозмездности и предусмотреть пункт, что сын может стать наследником в том случае, если получит права на управление транспортным средством.

Исходя из определения правовой природы наследственного договора особо важное институциональное значение может иметь определение возможности применения норм обязательственного права к наследственному договору. Пункт 1 ст. 1118 ГК РФ устанавливает, что к наследственному договору применяются правила о завещании, если иное не вытекает из существа наследственного договора [1].

Так, мнения многих авторитетных ученых сводятся к тому, что наследственный договор по своей правовой природе имеет больше сходств в договорным правом, а не с наследственным, в виду того, что для его заключения необходимо волеизъявление сторон и он непосредственно включает в себя все признаки договорных критериев, связанных с установлением, изменением и прекращением прав и обязанностей.

Если обратиться к процедуре изменения или расторжения наследственного договора, то такое право только дается при жизни сторон [5]. Порядок изменения и расторжения наследственного договора заключается в соблюдении предусмотренной законом форме – нотариальной [6]. В свою очередь, наследственный договор может подлежать расторжению в связи с существенным изменением обстоятельств, к которым могут относиться:

- появление наследников, имеющих право на обязательную долю в наследстве,
- в виду того, что наследодатель по наследственному договору извлекается от имущества, относительно которого был заключен данный договор,
- неисполнение наследниками своих обязательств и т.д.

В доктрине гражданского права могут быть предусмотрены основания оспаривания наследственного договора. Так, после заключения его могут оспорить стороны, а после открытия наследства – лица, интересы которых были нарушены исполнением договора.

Также может быть предусмотрено, что основанием расторжения рассматриваемого договора может служить односторонний отказ от договора.

Еще одним основанием расторжения рассматриваемого договора является односторонний отказ от договора. Такой отказ наследодателя возможен в любое время и на любой стадии исполнения договора, при этом уведомляя стороны договора и которое должно быть нотариально удостоверено. Ответственности выгодоприобретателя за односторонний отказ от наследственного договора не предусмотрено и это обстоятельство можно объяснить тем, что выгодоприобретатель несет только издержки, а причинить какой-либо ущерб наследодателю он не может. В наследственном договоре могут быть внесены условия - изменения, в части лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве. При этом предусмотренные наследственным договором обязательства наследника по договору уменьшаются пропорционально уменьшению части наследства, причитающейся ему после удовлетворения права на обязательную долю в наследстве.

Следует отметить, что если контрагент получает право стать наследником всего имущества (или определенной доли), то он должен понимать, что состав имущества наследодателя переменен. Если же контрагент желает заплатить за конкретный объект с гарантией его получения, то следует использовать другие договорные конструкции. Поэтому необходимо вменить в обязанность нотариуса, удостоверяющего наследственный договор, информировать органы, осуществляющие государственную регистрацию имущества, о том, что конкретное имущество стало предметом наследственного договора. В свою очередь, указанные органы при совершении сделок с данным имуществом должны быть обязаны напрямую или через нотариуса уведомить об этом выгодоприобретателя по наследственному договору.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, в связи с популяризацией наследственного договора и введением его рыночный обиход видится, что назрела правовая необходимость введения в ст. 1140.1 ГК РФ нового понятия наследственного договора, определив его как соглашение между наследодателем и наследниками, в котором определяются условия перехода имущества после смерти наследодателя. Данная новелла позволит избежать неопределённости в толковании данного понятия и обеспечит процедуру более чёткого регулирования наследственных отношений. Также следует установить ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по наследственному договору, которая позволит защитить права и интересы наследодателя и других участников наследственных правоотношений.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.
2. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 23.07.2018, № 30, ст. 4552.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2024) // Российская газета, № 49, 13.03.1993.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 7. - 2012.
5. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол N 03/21) Документ опубликован не был// КонсультантПлюс (Дата обращения 27.01.2025).
6. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол N 03/19) Документ опубликован не был// КонсультантПлюс (Дата обращения 27.01.2025).
7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.11.2023 N 88-20499/2023 (УИД 04RS0021-01-2022-006919-50) // [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения 27.01.2025).
8. Ушакова Е.В. Договоры как элемент заключения сделок в экономическом пространстве / В. В. Андрианова, Л. Г. Клячковская, Е. В. Ушакова // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях : Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2022 года / Под общей редакцией Е.А. Руднева. – М.: НОЧУ ВО "Московский экономический институт", 2022. – С. 9-17. – EDN GJGEVL.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part three) dated November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, December 03, 2001, No. 49, art. 4552.
2. Federal Law No. 217-FZ dated July 19, 2018 "On Amendments to Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code the Code of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 07/23/2018. No. 30. Art. 4552.
3. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 02/11/1993 No. 4462-1) (as amended on 12/28/2024) // Rossiyskaya Gazeta, No. 49, 03/13/1993.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/29/2012 No. 9 (as amended on 12/24/2020) "On Judicial practice in inheritance cases" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - No. 7. - 2012.
5. Methodological recommendations on the certification of wills and inheritance agreements (approved by the decision of the FNP Board dated 03/02/2021, Protocol No. 03/21) The document was not published// ConsultantPlus (Accessed 01/27/2025).
6. Methodological recommendations on registration of inheritance rights (approved by the decision of the FNP Board dated 03/25/2019, Protocol No. 03/19) The document was not published// ConsultantPlus (Date of application 01/27/2025).
7. Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 11/08/2023 N 88-20499/2023 (UID 04RS0021-01-2022-006919-50) // [Electronic resource] URL: <https://www.consultant.ru/> (Date of appeal 01/27/2025).
8. Ushakova E.V. Contracts as an element of concluding transactions in the economic space / V. V. Andrianova, L. G. Klyachkovskaya, E. V. Ushakova // Actual problems of economic development and management in modern conditions : Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 23, 2022 / Under the general editorship of E.A. Rudnev. – M.: Non-governmental educational private institution of higher education "Moscow Economic Institute", 2022. – pp. 9-17. – EDN GJGEVL.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УИС FEATURES OF THE EXECUTION OF ORDERS IN RELATION TO FOREIGN CITIZENS IN THE INSTITUTIONAL PENALTIES SYSTEM

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса
Академии ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: ivliev_pv@mail.ru;

АРХИПОВ Сергей Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
юридического института РГУ имени С.А. Есенина.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Семинарская, д. 15.
E-mail: justice4@yandex.ru;

IVLIEV Pavel Valentinovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, 1.
E-mail: ivliev_pv@mail.ru;

ARKHIPOV Sergey Valentinovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Business and Corporate Law of the Law Institute,
Ryazan State University named after S.A. Yesenin.
390000, Ryazan, Seminarskaya st., 15.
E-mail: justice4@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются особенности исполнения наказаний в отношении иностранных граждан в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Анализируются основные проблемы, связанные с содержанием иностранных осужденных, их трудовой деятельностью, правовой защитой и административным выдворением после отбытия наказания. Рассматриваются законодательные нормы, регулирующие данные вопросы, включая Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Выявляются ключевые сложности, такие как языковой барьер, отсутствие документов, недостаток консульской поддержки и проблемы с реализацией трудовых прав. Особое внимание уделено практике выдворения иностранных граждан после освобождения и недостаткам в механизмах межгосударственного взаимодействия. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства и улучшения механизмов адаптации иностранных осужденных в системе исполнения наказаний.

Abstract. The article examines the specifics of the execution of sentences against foreign citizens in the institutions of the penal system of the Russian Federation. It analyzes the main problems associated with the maintenance of foreign convicts, their labor activity, legal protection and administrative expulsion after serving their sentence. The article examines the legislative norms regulating these issues, including the Criminal Executive Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation". Key difficulties are identified, such as the language barrier, lack of documents, insufficient consular support and problems with the implementation of labor rights. Particular attention is paid to the practice of expulsion of foreign citizens after release and shortcomings in the mechanisms of interstate interaction. A conclusion is made about the need to improve legislation and improve the mechanisms for the adaptation of foreign convicts in the penal system.

Ключевые слова. Уголовно-исполнительная система, иностранные граждане, исполнение наказания, содержание осужденных, труд осужденных, правовая защита, административное выдворение, уголовно-исполнительный кодекс, пенитенциарная система, лица без гражданства.

Keywords: Penal system, foreign citizens, execution of punishment, detention of convicted persons, labor of convicted persons, legal protection, administrative expulsion, penal code, penitentiary system, stateless persons.

Для цитирования: Ивлиев П.В., Архипов С.В. Особенности исполнения наказаний в отношении иностранных граждан в УИС // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 403-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_403.

For citation: Ivliev P.V., Arkhipov S.V. Features of the execution of orders in relation to foreign citizens in the institutional penalties system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 403-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_403.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение. Вопрос исполнения наказаний в отношении иностранных граждан в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации приобретает всё большую актуальность. По данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), ежегодно в местах лишения свободы содержится значительное число иностранных граждан и лиц без гражданства, осужденных за преступления, совершенные на территории РФ. Согласно статистике ФСИН, в 2023 году число таких лиц превышало 28 000, при этом большая часть осужденных приходится на граждан стран СНГ.

Особенность данной категории осужденных заключается в сложности их правового положения, связанном с их иностранным гражданством, отсутствием постоянного места жительства в РФ, языковыми барьерами и трудностями депортации после отбытия наказания. Российское законодательство предусматривает единые правила для исполнения наказаний в отношении всех лиц, осужденных за преступления в России, но в то же время устанавливает отдельные нормы, учитывающие статус иностранных граждан.

Актуальность темы обусловлена тем, что содержание иностранных граждан в российских исправительных учреждениях связано с дополнительными трудностями, как для самих осужденных, так и для системы исполнения наказаний в целом. Одной из ключевых проблем является

ся невозможность их перевода для отбытия наказания в государство гражданства по причине отсутствия международных договоров или отказа иностранного государства принять такого осужденного. Кроме того, после отбытия наказания эти лица подлежат депортации или административному выдворению, но зачастую этот процесс затягивается, что приводит к их длительному пребыванию в центрах временного содержания.

Цель исследования. Провести анализ нормативно-правового регулирования исполнения наказаний в отношении иностранных граждан в УИС России, рассмотреть существующие проблемы и возможные пути их решения.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся описательный метод и метод анализа. Посредством метода анализа изучалось правовое регулирование исполнения наказаний в отношении иностранных граждан. А посредством описательного метода изучались условия содержания иностранных граждан в исправительных учреждениях.

Правовой статус иностранных граждан в уголовно-исполнительной системе России регулируется Конституцией Российской Федерации, Уголовным кодексом РФ, Уголовно-исполнительным кодексом РФ, Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а также подзаконными актами, регулирующими деятельность исправительных учреждений.

Согласно статье 62 Конституции РФ, иностранные граждане и лица без гражданства обладают в Российской Федерации теми же правами и обязанностями, что и граждане РФ, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международными договорами. Это означает, что к иностранным гражданам, совершившим преступления на территории России, применяются такие же меры уголовного наказания, как и к гражданам страны.

В соответствии с частью 1 статьи 11 Уголовного кодекса РФ, действие уголовного закона распространяется на всех лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации, независимо от их гражданства. Это положение исключает возможность освобождения иностранных граждан от уголовной ответственности только на основании их гражданского статуса.

Исполнение наказаний в отношении иностранных граждан осуществляется в соответствии с нормами Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ). В частности, статья 12 УИК РФ устанавливает, что исполнение наказаний в отношении иностранных граждан происходит в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если таковые заключены. Однако, как показывает практика, даже при наличии таких соглашений их применение затруднено в силу отсутствия эффективных механизмов передачи осужденных.

Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» определяет основные права иностранных граждан, находящихся в РФ, включая лиц, осужденных за совершение преступлений. Согласно статье 10 данного закона, иностранные граждане обязаны иметь действительный документ, удостоверяющий личность[1]

Дополнительно, в отношении иностранных граждан, осужденных к лишению свободы, применяются положения Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Этот нормативный акт регулирует условия содержания иностранных граждан в СИЗО, включая вопросы их контактов с дипломатическими представительствами своих государств.

Одной из ключевых проблем правоприменительной практики является процесс депортации или административного выдворения иностранных граждан по окончании срока их заключения. Согласно части 1 статьи 79 Уголовного кодекса РФ, иностранные граждане, освобождаемые от наказания условно-досрочно, могут быть выдворены за пределы Российской Федерации.

Кроме того, статья 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусматривает обязательное административное выдворение иностранных граждан, если это предусмотрено приговором суда. Однако на практике исполнение данной меры часто затрудняется отсутствием документов у осужденного или отказом страны гражданства принять его обратно.

Вопрос передачи иностранных граждан для отбывания наказания в государство гражданства регулируется статьей 396 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Передача возможна при соблюдении ряда условий, среди которых: Во-первых, наличие международного договора между Россией и страной гражданства осужденного. Во-вторых, согласие самого осужденного на передачу. В-третьих, признание приговора российского суда государством гражданства осужденного.

Несмотря на наличие данной нормы, на практике она применяется крайне редко, так как не все государства готовы принимать своих граждан, осужденных за преступления на территории России. В результате большинство иностранных граждан вынуждены отбывать наказание в исправительных учреждениях РФ, что создаёт дополнительные нагрузки на систему исполнения наказаний.

Исполнение наказаний в отношении иностранных граждан в местах лишения свободы в России имеет ряд особенностей, обусловленных различиями в языке, культуре, правовом статусе и социальном положении осужденных. В соответствии со статьёй 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее - УИК РФ), наказание направлено не только на кару, но и на исправление осужденных, а также на предупреждение совершения новых преступлений. Однако реализация этих принципов в отношении иностранных граждан осложнена рядом объективных факторов.

Одной из главных проблем является языковой барьер. Согласно статье 12 УИК РФ, осужденные имеют право пользоваться родным языком или другим языком, которым они владеют, а администрация исправительных учреждений должна обеспечивать возможность перевода. Однако на практике переводчики привлекаются не всегда, что затрудняет взаимодействие иностранных осужденных с администрацией учреждений и препятствует эффективному исправительному воздействию.

Кроме того, значительная часть иностранных осужденных поступает в исправительные учреждения без документов, удостоверяющих личность. Согласно статье 10 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», такие лица подлежат идентификации, однако процедура установления личности может затягиваться. Это создает трудности при постановке осужденных на учет и дальнейшем оформлении их выдворения по окончании срока отбывания наказания.

Дополнительной сложностью становится отсутствие у большинства иностранных граждан родственников или иных близких лиц в России, что значительно осложняет их материально-бытовое обеспечение в местах лишения свободы, получение передач и юридической помощи. Согласно статье 99 УИК РФ, осужденные обеспечиваются одеждой, питанием и предметами первой необходимости за счёт государства, но в отношении иностранных граждан этот процесс требует дополнительных затрат. Также религиозные и культурные особенности осужденных учитываются в соответствии со статьёй 14 УИК РФ, однако не всегда есть необходимые условия для их соблюдения, например, возможность следовать определённому рациону питания или отправлять религиозные обряды.

Привлечение иностранных осужденных к труду является важной частью исправительного процесса, однако здесь также существует ряд препятствий. Согласно статье 103 УИК РФ, труд осужденных организуется с учетом их физического состояния, возраста и профессиональной подготовки, а также наличия разрешительных документов. Однако большинство иностранных граждан не имеют разрешений на работу, что формально затрудняет их трудоустройство.

Кроме того, проблемы возникают с начислением заработной платы. Согласно статье 107 УИК РФ, оплата труда осужденных осуществляется в соответствии с трудовым законодательством, но у иностранных граждан зачастую нет банковских счетов в России, а переводы средств родственникам за границу могут быть невозможны. В соответствии со статьёй 13 Трудового кодекса РФ, трудовая деятельность иностранных граждан требует наличия патента или разрешения, что фактически исключает их участие в оплачиваемом труде за пределами исправительных учреждений.

Нередки случаи, когда иностранные граждане отказываются от работы, ссылаясь на религиозные или культурные причины, что также усложняет процесс их исправления. Однако статья 103 УИК РФ устанавливает обязательность труда для осужденных, кроме инвалидов первой группы и пенсионеров. Несмотря на трудности, значительная часть иностранных осужденных привлекается к труду, в основном в сфере хозяйственного обслуживания исправительных учреждений.

Для изучаемой категории граждан должны создаваться специальные программы. Программы для этих категорий должны разрабатываться с учётом не только общих тенденций, но и конкретных особенностей их потребностей[2].

Одной из наиболее сложных проблем является обеспечение правовой защиты иностранных граждан в местах лишения свободы. Согласно статье 12 УИК РФ, осужденные имеют право на защиту своих прав и законных интересов, в том числе на юридическую помощь. Однако на практике адвокатская помощь иностранным осужденным затруднена, так как они зачастую не имеют средств на оплату защитника, а бесплатная юридическая помощь предоставляется не в полном объеме.

Кроме того, статья 398 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) закрепляет право иностранных граждан на контакты с дипломатическими представительствами своих стран. Однако многие государства не оказывают своим гражданам необходимой поддержки, а в отдельных случаях даже отказываются от взаимодействия с российскими правоохранительными органами.

Отсутствие профессиональных переводчиков в исправительных учреждениях затрудняет коммуникацию между осужденными и администрацией, что усложняет защиту их прав и законных интересов. В соответствии со статьёй 16 УПК РФ, лица, не владеющие русским языком, имеют право на переводчика, однако в исправительных учреждениях эта норма реализуется не всегда.

Значительное внимание уделяется проблеме административного выдворения иностранных граждан после отбытия наказания. Согласно части 1 статьи 31.7 КоАП РФ, административное выдворение иностранцев, отбывших наказание, является обязательной мерой. Однако её реализация сопряжена с рядом сложностей.

Одной из ключевых проблем является отсутствие у осужденного действующего паспорта или других документов, подтверждающих его гражданство. В соответствии со статьёй 10 Федерального закона № 115-ФЗ, процедура установления личности требует взаимодействия с компетентными органами страны гражданства осужденного, но многие государства затягивают или вовсе отказываются от участия в этом процессе.

В результате иностранные граждане, отбывшие наказание, задерживаются в специализированных учреждениях до момента установления их личности и депортации, что увеличивает нагрузку на систему исполнения наказаний. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 24 марта 2003 года № 148, лица, подлежащие административному выдворению, содержатся в центрах временного содержания иностранных граждан (ЦВСИГ). Однако в некоторых регионах наблюдается нехватка мест в таких центрах, что затрудняет реализацию процедуры выдворения.

Решение этих проблем требует комплексного подхода[3].

Заключение. Таким образом, исполнение наказаний в отношении иностранных граждан сопряжено со множеством сложностей, связанных с их правовым статусом, социальным положением, языковым барьером и отсутствием эффективных механизмов взаимодействия с консульскими службами. Несмотря на наличие законодательных норм, регулирующих этот процесс, их реализация сталкивается с объективными препятствиями, что приводит к дополнительной нагрузке на систему исполнения наказаний. Решение этих проблем требует совершенствования нормативной базы, разработки механизмов эффективного взаимодействия с иностранными государствами и создания условий для адаптации иностранных граждан в местах лишения свободы.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации".
2. Воробьев С.М., Ивлиев П.В. Влияние программ реабилитации на рецидивное поведение преступников // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 1(23). С. 7-19. EDN: MYUMSO
3. Ивлиев П.В., Архипов С.В. К вопросу совершенствования деятельности воспитательных колоний // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11(239). С. 476-478. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_11_476 EDN: QNCERN

References:

1. Federal Law of July 25, 2002 No. 115-FZ "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation".
2. Vorobyov S.M., Ivliev P.V., "The Impact of Rehabilitation Programs on the Recidivism of Criminals" // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, No. 1 (23), 2025, pp. 7-19
3. Ivliev P.V., Arkhipov S.V. On the Issue of Improving the Activities of Juvenile Correctional Colonies // Law and State: Theory and Practice No. 11(239), 2024, pp. 476-478.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_406

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ В КОЛОНИЯХ С ДОМАМИ РЕБЕНКА FORMS AND METHODS OF IMPROVING THE EFFICIENCY OF EXECUTION PUNISHMENT AND RE-SOCIALIZATION OF CONVICTED WOMEN SERVING THEIR SENTENCES IN COLONIES WITH ORPHANAGES

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России.

Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.

E-mail: yutish@list.ru;

САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса РГГУ,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, майор внутренней службы.

Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.

E-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru;

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Narva St., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.

E-mail: yutish@list.ru;

SAMOILOVA Anastasia A.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of RSUH,
Leading Researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Major of Internal Service.

Narva St., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.

E-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Краткая аннотация. В статье авторы рассматривают формы и методы повышения эффективности исполнения наказания и ресоциализации в отношении осужденных женщин, отбывающих лишение свободы в колониях с домами ребенка. Реализация основных направлений повышения эффективности исполнения наказания и ресоциализации данной категории осужденных, указанных в работе, по мнению авторов, неизменно будет способствовать достижению цели исправления и последующей законопослушной жизни за пределами мест лишения свободы.

Abstract. In the article, the authors consider the forms and methods of increasing the effectiveness of punishment and re-socialization in relation to convicted women serving their sentences in colonies with orphanages. According to the authors, the implementation of the main directions for improving the effectiveness of the execution of punishment and the re-socialization of this category of convicts, indicated in the work, will invariably contribute to achieving the goal of correction and subsequent law-abiding life outside places of deprivation of liberty.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, осужденные, женщины, исправительные колонии, дома ребенка, исправление, ресоциализация, профилактика, воспитательная работа.

Key words: penal enforcement system, correctional institutions, convicts, women, correctional colonies, mother of a child, correction, re-socialization, prevention, educational work.

Для цитирования: Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. Формы и методы повышения эффективности исполнения наказания и ресоциализации в отношении осужденных женщин, отбывающих лишение свободы в колониях с домами ребенка // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 406-408. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_406.

For citation: // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 406-408. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_406.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Вопрос об эффективности и успешности наказания следует решать исходя из существа и характера его исполнения. Эффективность исполнения лишения свободы – это способность с наименьшими издержками достичь целей, стоящих перед системой исполнения наказания, находящаяся в зависимости от многих факторов, складывающихся в совокупность и определяющая степень исправления [6].

Воспитательная роль исправительного процесса в колонии состоит прежде всего в том, чтобы повысить эффективность и качество работы по организации нравственного, трудового и эстетического воздействия на осужденных к лишению свободы женщин; в ресоциализации осужденных женщин. Работа по исправлению осужденных женщин проводится в исправительных колониях по трем взаимосвязанным направлениям. Это прямое, непосредственное влияние работников исправительных колоний на их поведение; опосредованное воздействие на осужденных с помощью порядка и условий содержания, через их коллектив, общественность, родственников и других лиц; организация самовоздействия, самоусовершенствования осужденных женщин.

Для исправления личности женщины-преступницы необходимо определенное время. Назначенный осужденной судом женщине срок не всегда совпадает с тем временем, которое требуется для ее исправления. Таким образом, исправительный процесс регламентируется и во времени, и это требует интенсификации всего ресоциализирующего процесса исправительного учреждения (далее – ИУ), чтобы за максимально сжатые сроки добиваться исправления личности женщины-преступницы [1, с. 15].

Кроме того, необходимо учитывать, что изоляция осужденных женщин от общества, специфические условия содержания оказывают

глубокое влияние на их психику, заставляют переживать свое пребывание в колонии. Такое психическое состояние осужденных женщин создает определенный климат, который отражается на протекании исправительного процесса, требует приспособления психолого-педагогических средств и методов к особенностям психического состояния осужденных женщин.

Основными принципами воспитательного воздействия на осужденных женщин являются: его практическая направленность; обязательность участия осужденных в воспитательных мероприятиях; дифференциация исправительного и воспитательного воздействия, его индивидуализация и планирование, обеспечивающее оптимальное использование имеющихся средств, слаженность в работе всех служб, применяемых ими различных направлений, форм, средств и методов воспитательной и исправительной деятельности.

Следует отметить определенную значимость и воспитательную роль права осужденных на вероисповедание, его практическую эффективность в результатах исправления и ресоциализации осужденных женщин. Работа по духовно-нравственному воспитанию приносит определенные плоды: улучшаются взаимоотношения между осужденными в отрядах, значительная часть из них пересматривает свои взгляды по отношению к жизни, к закону и преступлениям, совершенным ими [2].

Большое значение для достижения результатов исправления и ресоциализации имеет психологическая диагностика вновь прибывших осужденных с целью выявления особенностей их личности, социальной направленности групп риска. Многие осужденные женщины участвуют в группах психокоррекционной работы, которая включает в себя технологии по обучению релаксации, самовнушению, регуляции психических состояний. В связи с этим особую актуальность представляет проблема подготовки работников уголовно-исполнительной системы. Существенное внимание следует уделить преподаванию исправительной психологии и педагогики в вузах.

Помимо психологической подготовки осужденной женщины к жизни и деятельности на свободе, персонал исправительной колонии в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы осуществляет нравственное, правовое, трудовое, физическое, эстетическое и иное воспитание осужденных, также способствующее их исправлению и ресоциализации.

Нравственное воспитание является делом исключительно важным и сложным, ведь именно отсутствие устойчивых нравственных начал и привело осужденных женщин к преступлению. Нравственное воспитание тесно связано со всеми направлениями воспитательного воздействия, так как оно концентрирует в себе проявление их влияния на личность. Преобладающее большинство женщин-преступниц характеризуется такой отрицательной чертой, как недисциплинированность. Поэтому нравственное воспитание имеет целью воспитание сознательной дисциплины в коллективе и дисциплинированности каждой осужденной женщины в отдельности.

Правовое воспитание осужденных предполагает формирование у них правосознания, включающего знание принципов и норм права, а также убеждение в необходимости следовать им. Кроме того, оно предполагает организацию правомерного, ответственного, социально активного поведения осужденных [4].

Основными направлениями повышения эффективности исполнения наказания и ресоциализации в отношении осужденных женщин, в том числе отбывающих лишение свободы в колониях с домами ребенка, являются:

- 1) развитие производственной сферы в части возможности привлечения осужденных женщин к труду, имеющему востребованность за пределами мест лишения свободы;
- 2) привлечение финансовых средств для улучшения материально-бытовых и санитарно-гигиенических условий содержания данной категории осужденных с учетом физиологических особенностей и наличия детей;
- 3) создание во всех домах ребенка отделений для совместного проживания матерей с детьми, что позволит максимальному количеству женщин реализовать свои материнские права и даст возможность изучить стиль общения матери и ребенка в целях создания благоприятного микроклимата при воспитании ребенка;
- 4) организация досуга (участие в кружках по развитию творческих, художественных, актерских способностей, рукоделия; организация круглых столов по обсуждению вопросов, вызывающих интерес у данной категории осужденных, и имеющих значение для ресоциализации и успешной социальной адаптации после освобождения из мест лишения свободы; создание кружков для «молодых мамочек» и др.);
- 5) пристальное внимание к медицинскому обеспечению матерей и детей (закупка современного оборудования для ранней диагностики заболеваний, лекарств; проведение тщательных медицинских обследований и т.д.);
- 6) учет психологической совместимости при совместном размещении осужденных женщин, в том числе и с детьми; разработка и, при необходимости, реализация мероприятий по снижению напряженности в коллективе;
- 7) обеспечение единого медико-психолого-педагогического воздействия на осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка, в период отбывания наказания и подготовки их к освобождению;
- 8) привлечение религиозных организаций, осуществляющих свою деятельность в соответствии с действующим законодательством, для проведения бесед о важности материнства, детства, законопослушания, душевной гармонии и милосердия;
- 9) необходимость и важность совместной работы органов исполнительной власти, правоохранительных органов и общественности в части обеспечения материнских прав женщин, находящихся в изоляции от общества;
- 10) внесение изменений в действующее законодательство в части нормативного закрепления неурегулированных вопросов, возникающих при отбытии наказания осужденными женщинами, в том числе беременными и имеющими детей;
- 11) разработка программ взаимодействия с общественными организациями и объединениями по вопросам постпенитенциарного сопровождения осужденных женщин с детьми.

В процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы стоит две цели: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений лицами, отбывающими наказание.

Одной из задач наказания в виде лишения свободы является приспособление осуждаемого к нормальной жизни в условиях свободы, а не в специфических условиях отбывания наказания. Так, например, правильное поведение осужденного в колонии дает определенные основания для выводов о его исправлении. Такие выводы не должны идти слишком далеко: всегда необходимо помнить, что условия места лишения свободы резко отличаются от нормальных условий жизни на свободе. Человек, безупречно ведущий себя в месте заключения, может, оказавшись на свободе, вновь совершить преступление, доказав тем самым, что цель исправления не достигнута [3].

Таким образом, исправление осужденных, в том числе и женщин, отбывающих лишение свободы в колониях с домами ребенка, зависит от эффективности исполнения наказания. За период нахождения в местах лишения свободы для ресоциализации осужденных проводится комплекс мероприятий, направленных на их исправление и социальную адаптацию, таких как: воспитательное воздействие на осужденных, успех которого зависит от слаженности действий всех служб, грамотного планирования и индивидуального подхода; психологическая работа, проводимая с учетом психического состояния женщин; религиозное воздействие с целью духовно-нравственного воспитания; а также трудовое, правовое, нравственное, физическое и эстетическое воспитание. Реализация основных направлений повышения эффективности исполнения наказания и ресоциализации данной категории осужденных, указанных в работе, неизменно будет способствовать достижению цели исправления и последующей законопослушной жизни за пределами мест лишения свободы.

Список литературы:

1. Абасова С. А. Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 28 с. EDN: NJPSRR
2. Дугенец А.С., Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин // Российский следователь. 2020. № 12. С. 65-69. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-12-65-69 EDN: ZSZGZI
3. Луговская С.В. Социально-психологический портрет осужденных женщин, имеющих детей в условиях пенитенциарного учреждения // Человек и образование. 2011. № 1 (26). С. 133-136. EDN: MHOQRB
4. Мазалева Л.В. Проблемы и перспективы содержания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, в исправительных колониях // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 12-16. EDN: WGPPPH
5. Москвитина М.М., Бовин Б.Г. О негативных моментах в детско-родительских отношениях в домах ребенка при исправительных колониях // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 138-141. EDN: YTFRNE
6. Струков Н.В. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 2007. С. 183.

References:

1. Abasova S. A. Problems of execution of punishment in a correctional colony of general regime for women sentenced to imprisonment: abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Makhachkala, 2003. 28 p. EDN: NJPSRR
2. Dugenets A.S., Tishchenko Yu.Y., Samoilova A.A. Penal characteristics of convicted women // Russian investigator. 2020. No. 12. pp. 65-69. DOI: 10.18572/1812-3783-2020-12-65-69 EDN: ZSZGZI
3. Lugovskaya S.V. Socio-psychological portrait of convicted women with children in a penitentiary institution // Man and education. 2011. No. 1 (26). pp. 133-136. EDN: MHOQRB
4. Mazaleva L.V. Problems and prospects of detention of pregnant women and women with young children in correctional colonies. // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2020. No. 4 (57). pp. 12-16. EDN: WGPPPH
5. Moskvitina M.M., Bovin B.G. On negative aspects in child-parent relations in children's homes in correctional colonies // Scientific works of the Federal State Budgetary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021. pp. 138-141. EDN: YTFRNE
6. Strukov N.V. Criminal responsibility and its implementation in the fight against crime. Saratov, 2007. p.183.

К ВОПРОСУ О НЕОДНОКРАТНОЙ ПРОПАГАНДЕ ЛИБО ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ АТТРИБУТИКИ ИЛИ СИМВОЛИКИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ON THE ISSUE OF REPEATED PROPAGANDA OR PUBLIC DEMONSTRATION OF ATTRIBUTES OR SYMBOLS OF EXTREMIST ORGANIZATIONS

КАЗАК Игорь Брониславович,

доцент Института Академии ФСИН России от кафедры оперативно-розыскной деятельности, кандидат юридических наук, доцент (Академия ФСИН России, г. Рязань).
ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.
E-mail: kafedraord@mail.ru;

ПАВЛОВ Пётр Александрович,

начальник факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, кандидат юридических наук (Университет ФСИН России, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург).
Сапёрная ул., 34, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196602, Россия.
E-mail: petr_pavlov62@mail.ru;

KAZAK Igor Bronislavovich,

Associate Professor of the Institute of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia from the Department of Operational Investigative Activities, Candidate of Law, Associate Professor.
Sennaya St., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.
E-mail: kafedraord@mail.ru;

PAVLOV Petr Alexandrovich,

Head of the Faculty of Vocational Training and Continuing Professional Education Candidate of Law Sciences.
Sapernaya St., 34, St. Petersburg, Pushkin, 196602, Russia.
E-mail: petr_pavlov62@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью криминальных сообществ, в частности, международного общественного движения «А.У.Е.»¹. Проведен анализ атрибутики и символики экстремистского сообщества. Рассматриваются вопросы неоднократной пропаганды либо публичной демонстрации атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.

Abstract: the article discusses issues related to the activities of criminal communities, in particular the international public movement "A.U.E."². An analysis of the attributes and symbols of the extremist community is carried out. The issues of repeated propaganda or public demonstration of paraphernalia or symbols of extremist organizations, or other paraphernalia or symbols, the propaganda or public demonstration of which is prohibited by federal laws, are being considered.

Ключевые слова: татуировки, криминальное сообщество, места лишения свободы, криминальная субкультура, перманентные рисунки, экстремистская символика.

Keywords: tattoos, criminal community, places of imprisonment, criminal subculture, permanent drawings, extremist symbols.

Для цитирования: Казак И.Б., Павлов П.А. К вопросу о неоднократной пропаганде, либо публичной демонстрации атрибутики или символики экстремистских организаций // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 409-411. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_409.

For citation: Kazak I.B., Pavlov P.A. On the issue of repeated propaganda or public demonstration of attributes or symbols of extremist organizations // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 409-411. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_409.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Одна из современных тенденций развития уголовного законодательства России проявляется в увеличении числа норм с административной преюдицией. Подобные нормы закрепляются в большинстве глав Уголовного кодекса РФ, что подчеркивает их значимость для законодателя [1, 39 с.]

Практика работы пенитенциарных учреждений показывает, что участники МОД «АУЕ»³ изготавливают, хранят, используют и распространяют различную АУЕ-атрибутику⁴: татуировки, документы для конспиративной коммуникации, инвентарь для азартных игр, а также другие предметы хозяйственно-бытового назначения. Использование АУЕ-атрибутики⁵ участниками МОД «АУЕ»⁶ производится в целях взаимной идентификации в местах лишения свободы и за их пределами, пропаганды и популяризации криминального образа жизни, формирования позитивного отношения к носителям АУЕ-идеологии⁷ и создания их положительного образа в сознании целевой аудитории, предполагаемой к вовлечению в деятельность МОД «АУЕ»⁸.

В соответствии с решением Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514с с дополнениями от 02.10.2020 международное общественное движение «А.У.Е.»⁹ признано экстремистским. Анализ текста данного документа сводит понятия «криминальное», «воровское», «преступное» и подобные им практически к единому содержанию.

¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

² Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

³ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁶ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁷ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Криминальное сообщество состоит из лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде негласных идей, выраженных в традициях и обычаях. Такие традиции и обычаи представляют собой противоречащие нормам общежития, передающиеся из поколения в поколение преступников формы (принципы и образцы) реализации межличностных отношений, сложившихся в уголовной среде по поводу осуществления преступной деятельности и ведения соответствующего ей образа жизни. При этом соблюдение т.н. «воровских» традиций нацелено на создание антипода государственной власти и подмену действующих норм законности и поведения так называемыми «понятиями», то есть нормами поведения, присущими преступному миру и не имеющими законодательного закрепления.

Основной функцией «воровской идеи» является стабилизирование и регулирование общественных отношений в криминальном сообществе.

Тем самым происходит фактическое присвоение лидерами экстремистской организации «А.У.Е.»¹ функций государственной власти, то есть властных полномочий. Экстремистская организация «А.У.Е.»² ставит своей целью создание организационной структуры, схожей с государственной структурой, но выступает против легитимной государственной власти, что сопровождается презрительным отношением к представителям государственной власти, пропагандой криминальных традиций, асоциального поведения, престижности совершения преступлений, осуществлением сбора средств для оказания материальной поддержки представителям криминального мира, находящихся в местах лишения свободы (пополнение «общака»), ненавистью, агрессией и насилием в отношении правоохранительных органов и правопослушной части общества, не поддерживающих идеологию «А.У.Е.»³, а несогласных с этой идеологией часто подвергают притеснениям, насилию и дискриминации.

Для лиц, содержащихся в местах лишения свободы, придерживающихся идеологии запрещенного общественного движения «А.У.Е.»⁴, свойственно наносить на тело перманентные рисунки (татуировки). Такие действия необходимы для: а) пропаганды «А.У.Е.»⁵; б) идентификации сторонников криминальной субкультуры; в) публичной демонстрации приверженности к МОД «А.У.Е.»⁶.

Необходимо отметить, что пропаганда (от лат. *propaganda* - подлежащее распространению) - распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе; в более узком смысле - политическая или идеологическая пропаганда с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов[2]. В системе «проблемного поля» под пропагандой экстремизма следует понимать, деятельность по распространению материалов или информации, направленных на формирование идеологии экстремизма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления экстремистской деятельности[3]. В контексте рассматриваемого международного общественного движения «А.У.Е.»⁷ следует констатировать, что нередки случаи нахождения в местах лишения свободы лиц, с уже нанесенными «татуировками» в виде восьмиконечных звезд на плечах, коленях, а также лиц, которые наносят их, попадая в места лишения свободы, что обуславливает пропаганду МОД «А.У.Е.»⁸ и вовлечение последних в экстремистское сообщество.

Нередки случаи, когда осужденные, являющиеся членами криминального сообщества объясняют вновь прибывшим осужденным назначение перманентных рисунков, несущие в себе смысловую нагрузку приверженности к МОД «А.У.Е.»⁹, после чего последние изъявляют желание нанести на свое тело символику, сходную до степени смешения с символикой международного общественного движения «А.У.Е.»¹⁰.

В настоящее время за распространение информации о движении МОД «А.У.Е.»¹¹ без указания на то, что его деятельность запрещена, виновное лицо подлежит привлечению к административной ответственности по части 2 статьи 13.15 КоАП РФ, а за пропаганду либо публичное демонстрацию, а также изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта атрибутики или символики движения «А.У.Е.»¹² — по частям 1 и 2 статьи 20.3 КоАП РФ (Пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами). Однако, нередки случаи, когда осужденные после привлечения их к административной ответственности не прекращают демонстрировать символику экстремистской организации МОД «А.У.Е.»¹³, в таком случае начинает действовать ст. 282.4 УК РФ (Неоднократная пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами). Например, 28 декабря Баксанский районный суд Кабардино-Балкарской Республики вынес приговор по ч. 1 ст. 282.4 УК Руслану Биттуеву. Из приговора следует, что в июле 2023 года Биттуев установил в качестве аватары в WhatsApp¹⁴ собственную фотографию с оголенным торсом. На фото были видны татуировки в виде восьмиконечных звезд, набитые на его плечах. Это фото мог видеть неограниченный круг лиц, в том числе участники группы «Братва 18+ группа для видео». Адвокат при этом утверждал, что речь в деле шла о семейном чате.

¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

² Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

³ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁶ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁷ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁸ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁰ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

¹¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

¹² Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

¹³ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁴ Принадлежит Мета, чья деятельность в России признана экстремистской и запрещена.

Ранее Биттуева уже штрафовали на тысячу рублей по ч. 1 ст. 20.3 КоАП за демонстрацию символики АУЕ¹ сокамерникам в СИЗО. Теперь же по ст. 282.4 УК суд назначил ему наказание в виде трех лет лишения свободы условно. Биттуев имел четыре непогашенных судимости, однако суд не мог лишить его свободы: он страдает тяжелым заболеванием, препятствующим содержанию под стражей. Приговор вступил в законную силу 15 января 2024 года[4]. Также, 1 марта Коряжемский городской суд Архангельской области приговорил бывшего заключенного Антона Зозулю к полутора годам лишения свободы условно по ч. 1 ст. 282.4 УК. Зозуля, отбывая наказание в ИК-5 УФСИН России по Архангельской области, был оштрафован на тысячу рублей за демонстрацию другим заключенным «графических изображений в виде татуировок восьмиконечных звезд определенной формы с черными и белыми вставками в каждом луче, размещенных в области ключиц», а затем вновь продемонстрировал их, сняв одежду в прогулочном дворике колонии[5].

Рассматриваемое решение суда, явно указывает на то, что фигуранты целенаправленно демонстрировали символику МОД «А.У.Е.»² с целью идентификации своей приверженности к экстремистскому движению.

В исправительных учреждениях нередки случаи, когда осужденные хотят удалить перманентные рисунки, однако проделать такого рода процедуру в учреждении нет возможности. Например, 19 июня Абаканский городской суд приговорил Артура Бутаева к одному году и двум месяцам лишения свободы по ч. 1 ст. 282.4 УК (в сочетании с назначенным ему ранее наказанием общий срок составил шесть лет три месяца с отбыванием в исправительной колонии строгого режима). Бутаева признали виновным в том, что прибыв в ИК-33 УФСИН России по Республике Хакасия для отбывания наказания, он в карантинном отделении разделся перед сном до нижнего белья и тем самым, «желая повисить свой авторитет, публично продемонстрировал определенному кругу лиц, в том числе осужденным, имеющиеся на его теле татуировки в виде двух черно-белых восьмиконечных звезд и свастику». Бутаев не признал вину, заявив, что демонстрировал татуировки неумышленно, а после того, как на следующий день с ним была проведена беседа, постоянно носил футболки. Он также инициировал вопрос о сведении татуировок, но в колонии не оказалось такой возможности. Суд к его доводам не прислушался, но назначая наказание, учел ряд смягчающих обстоятельств[6].

В настоящий момент в учреждениях исполняющих уголовные наказания практически нет возможности удаления перманентных рисунков на теле, однако осужденные могут их заклеивать пластырем, не снимать одежду, так или иначе стараться не демонстрировать символику экстремистского движения. В настоящее время правоприменители сталкиваются и с другими вопросами, нуждающимися в разрешении как на законодательном, так и на рекомендательном или методическом уровне. Так, по нашему мнению, определенной коллизией является факт отсутствия в ст. 282.4 УК РФ положения, аналогичного примечанию к ст. 20.3. КоАП РФ, которое устанавливает, что ответственность не наступает в случаях «... использования ... атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых ... отсутствуют признаки пропаганды». Поэтому исходя из буквального толкования данных норм при вынужденной демонстрации в условиях пенитенциарного учреждения (например, обыск, режимные и медицинские мероприятия) административная ответственность в соответствии с примечанием к ст. 20.3. КоАП РФ не наступает, а, при аналогичных действиях, совершаемых лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за указанное правонарушение, на лицо наличие объективной стороны ст. 282.4 УК РФ – «... публичное демонстрация атрибутики и символики».

Еще одной особенностью рассматриваемой категории дел является тот факт, что преюдициальность судебных актов о привлечении к административной ответственности за совершение административных правонарушений не может обладать неопровержимым характером, что предполагает необходимость проверки судом – на основе принципов состязательности и равноправия сторон – доказанности всех обстоятельств совершения уголовно наказуемого деяния в рамках уголовного судопроизводства (Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина»). В связи с этим возрастает значение доказательств совершения гражданином административного правонарушения, ибо отмена в установленном законом порядке постановления о привлечении к административной ответственности по ст. 20.3 (в том числе и вступившего в законную силу) влечет отсутствие административной преюдиции и, следовательно, отсутствие оснований для привлечения к уголовной ответственности по ст. 282.4 УК РФ.

Указанные нами, а также другие проблемные аспекты в правильном правоприменении норм об основаниях и порядке привлечения к ответственности за повторную демонстрацию экстремистской символики, очевидно нуждаются в толковании и разъяснении Пленума Верховного суда Российской Федерации, доктринальной разработки научным сообществом, на основании, очевидно, пока еще не достаточной для этого следственной и судебной практики.

Список литературы:

1. Лактюхин А.О. Сущность административной преюдиции как правового явления // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. 39 с. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.039-046 EDN: LKPJMN
2. Большой Энциклопедический словарь / Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/54126-ПРОПАГАНДА> (дата обращения 20.04.2025).
3. Информационно-правовой портал «Гарант.ру» / Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://www.garant.ru/news/1635846/> (дата обращения 20.04.2025).
4. Судебные решения. РФ. Официальный сайт / Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://судебныерешения.рф/86627402> (дата обращения 20.04.2025).
5. Судебные решения. РФ. Официальный сайт / Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://судебныерешения.рф/73984158> (дата обращения 20.04.2025).
6. Судебные решения. РФ. Официальный сайт / Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://судебныерешения.рф/75261883> (дата обращения 20.04.2025).

References:

1. A. O. Laktyuhin. «Sushchnost' administrativnoy preyudicii kak pravovogo yavleniya» // Aktual'nye problemy rossijskogo prava, 2023, № 11, 39 с.
2. Bol'shoj Enciklopedicheskiy slovar' / Elektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/54126-PROPAGANDA> (data obrashcheniya 20.04.2025).
3. Informacionno-pravovoj portal «Garant.ru» / Elektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: <https://www.garant.ru/news/1635846/> (data obrashcheniya 20.04.2025).
4. Sudebnye resheniya. RF. Oficial'nyj sajt / Elektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: <https://sudebnyeresheniya.rf/86627402> (data obrashcheniya 20.04.2025).
5. Sudebnye resheniya. RF. Oficial'nyj sajt / Elektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: <https://sudebnyeresheniya.rf/73984158> (data obrashcheniya 20.04.2025).
6. Sudebnye resheniya. RF. Oficial'nyj sajt / Elektronnyj resurs [Rezhim dostupa]: <https://sudebnyeresheniya.rf/75261883> (data obrashcheniya 20.04.2025).

¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

² Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_412

УДК 343.85

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННУЮ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНУЮ СИСТЕМУ PERIODIZATION OF DEVELOPMENT OF DOMESTIC ANTI-CORRUPTION LEGISLATION AND ITS IMPACT ON THE MODERN CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM

КУРБАТОВА Галина Васильевна,кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса
Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: kurbatik2007@yandex.ru;

KURBATOVA Galina Vasilievna,Candidate of Law, Associate Professor of the Institute in the Department of Civil Law and Procedure
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, Sennaya St., Bldg. 1.

E-mail: kurbatik2007@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается поэтапное развитие российского антикоррупционного законодательства, анализируются особенности методов борьбы с коррупцией на разных этапах государственности, исследуется взаимосвязь социальных истоков коррупции с проблемой её укоренения в сознании граждан, рассматриваются наиболее значимые нормативные правовые акты в сфере борьбы с коррупцией, изучается влияние действующего антикоррупционного законодательства на особенности службы в уголовно-исполнительной системе и объем ограничений, применяемых к сотрудникам.

Abstract: The article examines the stage-by-stage development of Russian anti-corruption legislation, analyzes the features of methods of combating corruption at different stages of statehood, examines the relationship between the social origins of corruption and the problem of its rooting in the minds of citizens, examines the most significant regulatory legal acts in the field of combating corruption, studies the impact of current anti-corruption legislation on the features of service in the penal system and the scope of restrictions applied to employees.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство, борьба с коррупцией, уголовно-исполнительная система, осужденные, чиновники, государственная власть.

Keywords: anti-corruption legislation, fight against corruption, penal system, convicts, officials, state power.

Для цитирования: Курбатова Г.В. Периодизация развития отечественного антикоррупционного законодательства и его влияние на современную уголовно-исполнительную систему // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 412-414. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_412.

For citation: Kurbatova G.V. Periodization of development of domestic anti-corruption legislation and its impact on the modern criminal-executive system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 412-414. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_412.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение. Актуальность темы настоящего исследования состоит в том, что коррупция, как социально-правовое явление, проникает во все сферы жизни общества и поражает различные государственные институты. Данное свойство коррупции приобрела не сегодня, а довольно давно, еще на этапе своего становления и развития. Это обстоятельство обуславливает интерес к исследованию периодизации развития отечественного антикоррупционного законодательства и его влияния на уголовно-исполнительную систему, так глубокий анализ данной темы позволит выявить фундаментальные положения антикоррупционного законодательства применительно к уголовно-исполнительной системе в разрезе различных временных промежутков и поспособствует выработке эффективного механизма борьбы с ней.

Цель исследования. На основе анализа периодизации отечественного антикоррупционного законодательства выявить основные действенные механизмы антикоррупционного воздействия на уголовно-исполнительную систему и возможность их применения в современных реалиях.

Методы исследования. В данном исследовании использовался исторический и сравнительно-правовой метод. Исторический метод использовался при описании периодизации развития отечественного антикоррупционного законодательства, а сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении и сравнении различных правовых инструментов из разных эпох, направленных на борьбу с коррупцией в системе государственной власти и в уголовно-исполнительной системе.

Истоки отечественной коррупции, по оценкам некоторых специалистов, следует искать ещё в периоде древнерусского государства. Ввиду особенностей сложившейся в то время системы государственного управления, некоторые чиновники местного уровня обеспечивали свою жизнедеятельность за счёт населявших территорию их влияния граждан. В тот период поборы чиновников с населения имели легальный характер и воспринимались как плата за выполнение оборонных, административных, судебных и иных необходимых для людей функций. Так сформировался институт кормлений, который прочно врос в корневую систему государства и просуществовал до окончательной отмены в середине XVI века [3, с. 160]. Последствия его существования оцениваются правововедами, социологами и историками крайне негативно. Прежде всего, именно институт кормлений создал благоприятную почву для постепенного возвращения коррупционных начал, так как граждане стремились наладить отношения с действующей местной властью, загладить вину, избежать справедливого наказания, занять привилегированное положение и достичь иных личных целей посредством предоставления чиновнику легализованной взятки. Помимо этого, институт кормлений укоренил и укрепил

в помыслах и поведении граждан представление о том, что для решения какого-либо важного личного вопроса можно легальным образом задобрить чиновника, получить его расположение, а вместе с этим – и достичь желаемых целей.

Постепенно пришло осознание, что подобное положение дел негативно влияет на экономическую, политическую и социальную составляющие, поэтому было принято решение об отмене института кормления и осуществлении ряда законодательных корректировок. Первым нормативным правовым актом, направленным на противодействие коррупции, является Белозерская уставная грамота. Именно она впервые на законодательном уровне запрещала взятки, которые именовались посулами. После этого начинается активная рецепция антикоррупционных норм в иные нормативные правовые акты конца XV – начала XVI века.

В рамках периодизации отечественного антикоррупционного законодательства, следует обратить внимание на Соборное Уложение 1649 года. Его основная особенность в том, что наказание за совершение коррупционных преступлений отличалось в зависимости от принадлежности виновного к определённому сословию. В середине-конце XVII века влияние сословий было крайне значительным и распространялось на все сферы жизни общества, в том числе и на институт уголовных наказаний.

Конец XVII – начало XVIII века ознаменованы рядом преобразований в общественно-политической жизни российского государства. Одним из наиболее значимых изменений стала отмена учёта сословного принципа при назначении уголовных наказаний. Это касалось и коррупционных преступлений, которым при Петре I уделялось повышенное внимание [1, с. 35]. Отныне за взятки, присвоение и растрату, подкуп и иные преступления с коррупционной составляющей назначалась смертная казнь. Члены Сената были обязаны присягать императору и отчизне на верность перед вступлением в должность, что должно было стимулировать их нести службу в интересах государства, не руководствуясь корыстными мотивами. В рамках издания Указов 1714 и 1724 годов на чиновников были наложены ограничения по получению какого-либо иного материального вознаграждения, кроме служебного жалования согласно занимаемой должности. Необоснованные, а, стало быть, незаконные поборы с населения были строго запрещены. За всем этим следило специально созданное должностное лицо – обер-фискал.

В начале XIX века разрастание бюрократизма и чиновничьих вольностей не могли больше оставаться без внимания. Было решено усилить контроль над деятельностью государственного аппарата, пропорционально повысить жалование, а также систематизировать и обновить антикоррупционное законодательство. Итоги проведённой в тот период работы следует оценивать позитивно. Во-первых, были четко сформулированы конкретные составы коррупционных преступлений, определены субъекты коррупционных отношений, сформирована единая и понятная система санкционного воздействия. Во-вторых, структурированное и актуализированное законодательство позволило создать необходимые условия для осуществления плановой, целенаправленной и системной борьбы с коррупцией. В-третьих, заложенный фундамент антикоррупционной политики позволял рассчитывать на продолжение развития в указанном направлении.

После свержения режима самодержавия и постепенного закрепления советской власти многие общественно-политические сферы начали меняться. Первый шаг в направлении борьбы с коррупцией был сделан уже в 1918 году, посредством издания Декрета СНК РСФСР «О взяточничестве».

Данный документ носил описательно-правовой характер и подробно конкретизировал то, что собой представляет взяточничество. Кроме того, в качествеотячающих обстоятельств было закреплено вымогательство взятки и использование для её получения особых полномочий служащего. В 1922 году был принят Уголовный кодекс РСФСР, работа над которым велась несколько лет. Наиболее интересным новшеством законодателя следует признать возможность избежать уголовной ответственности за взятку, при условии оказания активного содействия следствию и раскрытию преступления. Дальнейшее развитие советского антикоррупционного законодательства не выделялось какой-либо специальной направленностью. В 1960 году была принята новая редакция Уголовного кодекса РСФСР, которая не отличалась какими-либо существенными нововведениями. В таком виде, без каких-либо существенных колебаний, преобразований и изменений советское антикоррупционное уголовное законодательство просуществовало вплоть до 90-ых годов XX века.

С распадом СССР и образованием Российской Федерации многие социально-экономические процессы обострились. Развитие государства в условиях новых демократических реалий требовало существенных усилий от государственного аппарата для поддержания стабильности. Находясь под влиянием тяжелых экономических реалий, усугубляющихся воздействием различных негативных внутренних и внешних факторов, первое десятилетие существования нового российского государства было сопряжено с рядом трудностей. Всё это обусловило благоприятную почву для детерминации коррупционной составляющей в органах власти. С каждым годом проблема динамичного роста коррупции становилась всё острее и актуальнее. Государство предпринимало попытки повлиять на ситуацию. Ещё в 1992 году был издан Указ Президента Российской Федерации «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». Он вводил запрет на совмещение чиновниками государственной службы с иной, в том числе коммерческой, предпринимательской деятельностью. К сожалению, этих мер было недостаточно, так как механизмы исполнения либо не отвечали требованиям эффективности, либо попросту отсутствовали. К тому же, деятельность по раскрытию коррупционных преступлений также оставляла желать лучшего. В это же время наблюдается рост коррумпированных связей организованной преступности с представителями власти, которые выступали в качестве покровителей преступников, используя должностные полномочия. Необходимо было в срочном порядке предпринимать более серьезные и разнонаправленные меры.

Негативная тенденция начала меняться с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) в 1996 году. Безусловно, быстрых и кардинальных изменений ждать не стоило, однако с принятием УК РФ у правоприменителей появился обновлённый правовой фундамент, которого так не хватало до этого. В конце 90-ых – начале 2000-ых ситуация с коррупцией по-прежнему оставалась тяжелой. Год от года проблема противодействия коррупции обретала всё более важный смысл, став одной из основных угроз для экономической безопас-

ности и национальных интересов государства. В уголовное законодательство вносились корректирующие изменения, а в 2008 году был принят фундаментальный антикоррупционный нормативный правовой акт – ФЗ «О противодействии коррупции».

Существование и развитие коррупционных отношений в уголовно-исполнительной системе крайне негативно влияют на процесс обеспечения законности и правопорядка в стране, подрывают доверие граждан страны в эффективность правоохранительной деятельности, формируют негативный образ сотрудника уголовно-исполнительной системы [2, с. 31].

Следует отметить, что в результате заключения служебного контракта, а также принятия присяги на сотрудника уголовно-исполнительной системы распространяются обязанности, запреты и ограничения, установленные ФЗ «О противодействии коррупции» и статьями 17, 18 и 20 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», за исключением тех обязанностей, запретов и ограничений, которые не позволяют или затрудняют сотруднику исполнить свои обязанности по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Необходимо обозначить, что в каждом отдельном случае и исключительно в порядке, определенном нормативными правовыми актами Российской Федерации, осуществляется установление таких исключений и определение сотрудников уголовно-исполнительной системы, в отношении которых применяются данные исключения.

Рассмотрение в уголовно-исполнительной системе вопросов, касающихся соблюдения сотрудниками органов и учреждений уголовно-исполнительной системы запретов и ограничений, требований об урегулировании или о предотвращении конфликта интересов и об исполнении ими обязанностей, установленных ФЗ «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами, осуществляется в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации. Отдельно следует отметить распоряжение ФСИН России от 05.09.2014 № 178-р, которым утвержден Перечень коррупционно опасных функций Федеральной службы исполнения наказаний. Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день в УИС в сфере противодействия коррупции реализованы значительные правовые и организационные мероприятия. В рамках данных мероприятий усовершенствовано антикоррупционное законодательство, основным направлением которого является профилактика рассматриваемых в работе правонарушений.

Заключение. Коррупция и борьба с ней оставила значительный след в истории становления и развития нашей страны. Её первые проявления приходится на период зачатков государственности, когда она стала следствием неэффективной модели государственного управления. Укореняясь в сознании населения в качестве допустимого регулятора взаимоотношений с властью, коррупция постепенно стала приобретать массовый характер, крепко вплетаясь в корневую систему чиновничьего механизма. Борьба с коррупцией правовыми средствами началась еще в XIV веке, а наиболее активный импульс получила во времена Петра I. На протяжении всего исследования, нас не покидала мысль о неразрывной связи успеха борьбы с коррупцией с волей высших представителей государственной власти. Так происходило потому, что уполномоченные на борьбу с ней должностные лица сами нередко были замешаны в коррупции и заинтересованы в её процветании, поэтому личная заинтересованность государя, императора или иного высшего должностного лица играла решающую роль. Многие из того, что было успешно апробировано в рамках борьбы с коррупцией в прошлом, с поправкой на условия современной правовой действительности, нашло отражение в настоящем. К примеру, запрет на осуществление предпринимательской деятельности чиновниками, запрет на получение какого-либо иного материального вознаграждения, кроме служебного жалования и другое. Наша страна получила богатый опыт борьбы с коррупцией. В рамках этой борьбы за длительный период были опробованы как положительные, так и отрицательные практики. Однако в рамках современной стратегии противодействия коррупции ещё многое предстоит сделать.

Список литературы:

1. Абукарова М.У., Азизова П.М., Мусаева А.Г. Коррупция в России в историко-правовом аспекте // Вестник науки. - 2020. - № 3. - С. 34-37. EDN: GXWPJU
2. Зарипов Р.Р. Правовые основы противодействия коррупции в уголовно-исполнительной системе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. -2018. - № 2. - С. 27-33. EDN: YSOYJE
3. Титкова Е.А. История развития коррупции в России // Молодой ученый. - 2019. - № 2 (240). - С. 160-162. EDN: SOWIZP

References:

1. Abukarova M.U., Azizova P.M., Musaeva A.G. Corruption in Russia in the historical and legal aspect // Bulletin of Science. — 2020. — No. 3. — P. 34-37.
2. Zaripov R.R. Legal basis for combating corruption in the penal system // Bulletin of the penal system. — 2018. — No. 2. — P. 27-33.
3. Titkova E.A. History of the development of corruption in Russia // Young scientist. — 2019. — No. 2 (240). — P. 160-162.

ОТБЫВАНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА ИЛИ ОСУЖДЕНИЯ КАК ПРИНЦИП ИНСТИТУТА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ SERVING A CUSTODIAL SENTENCE AT THE PLACE OF RESIDENCE OR CONVICTION AS A PRINCIPLE OF THE INSTITUTION OF THE EXECUTION OF A CUSTODIAL SENTENCE

АНДРЕЕВА Татьяна Михайловна,

преподаватель кафедры математики и информационных технологий управления экономического факультета
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: tast.ru@mail.ru;

СИМОНОВА Марина Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета
ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»
(Владимирский юридический институт ФСИН России).
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е.
E-mail: m.a.voronkova@mail.ru;

ANDREEVA Tatyana Mikhailovna,

lecturer at the department of mathematics and information technology management of the faculty of economics
of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of law and management of the Federal penitentiary service"
(Academy of the FPS of Russia).
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: tast.ru@mail.ru;

SIMONOVA Marina Anatolyevna,

candidate of law, associate professor, associate professor at the department of state and legal disciplines of the faculty of law
of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Vladimir law institute of the Federal penitentiary service"
(Vladimir law institute of the FPS of Russia).
600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67E.
E-mail: m.a.voronkova@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы реализации осужденными к лишению свободы возможности отбывания наказания вблизи от их места жительства. В частности, оцениваются положительные и отрицательные стороны подобного принципа. При этом анализируются категории осужденных, которые могут содержаться вблизи от дома и которые такой возможности не имеют. Кроме того, предполагается роль и значение положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года на перспективы развития принципа отбывания лишения свободы по месту жительства.

Abstract: the article discusses the issues of prisoners being able to serve their sentences in the vicinity of their place of residence. In particular, the positive and negative sides of this principle are evaluated. At the same time, the categories of convicts who may be kept close to home and who do not have such an opportunity are analyzed. In addition, it assumes the role and significance of the provisions of the Concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2030 on the prospects for the development of the principle of serving imprisonment at the place of residence.

Ключевые слова: осужденный, лишение свободы, исправительное учреждение, раздельное содержание.

Keywords: convicted person, deprivation of liberty, correctional institution, separate detention.

Для цитирования: Андреева Т.М., Симонova М.А. Отбывание лишения свободы по месту жительства или осуждения как принцип института исполнения наказания в виде лишения свободы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 415-417. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_415.

For citation: Andreeva T.M., Simonova M.A. Serving a custodial sentence at the place of residence or conviction as a principle of the institution of the execution of a custodial sentence // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 415-417. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_415.

Статья поступила в редакцию: 22.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В ст. 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) закреплено, что «осужденные к лишению свободы отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены» [8]. Данный принцип был создан законодателем для того, чтобы при лишении свободы человека, данное лицо имело право на отбывание наказания именно на территории своего предыдущего проживания. Так, Б.З. Маликов справедливо отмечал, что данный принцип отражает, не только вид исправительного учреждения, но и «существо правового положения осужденных» [5, с. 27]. Это хорошо иллюстрируется требованиями чч. 2, 3 и 4 ст. 73 УИК РФ.

Так, для лишения свободы действует территориальный принцип отбывания наказания (ст. 73 УИК РФ): осужденные отбывают наказание в исправительных учреждениях в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали, а лица, не имеющие постоянного места жительства, – по месту осуждения. В условиях нашей страны, учитывая ее размеры, этот принцип имеет важное психолого-педагогическое значение – для поддержания социально полезных связей (с семьей, родственниками и т. д.), проведения воспитательной работы, организации общественного воздействия и т. д. [6].

В специальной литературе, неоднократно обращалось внимание на то, что реализация этого принципа, в сущности, направлена на снижение расходов государства связанных с перемещением осужденных в другой регион, так называемый экономический аспект определения места отбы-

вания наказания. И во вторую очередь, речь идет о необходимости сохранения социально-полезных связей осужденного, что по задумке законодателя, должно способствовать более качественным условиям его ресоциализации (воспитательный аспект рассматриваемой проблемы) [10].

Стоит отметить, что осужденные могут быть направлены и в другие субъекты РФ для отбывания наказания. Данное требование закреплено законодательно. К примеру, если в субъекте, где по месту жительства осужденный должен получить наказание неблагоприятные экологические и климатические условия, которые по состоянию здоровья осужденный не может переносить, его переводят в другой субъект. Также осужденный может отбывать наказание в другом субъекте РФ по своему согласию.

Отметим еще один аспект, законодательно закреплено в чч. 3 и 4 ст. 73 УИК РФ категории осужденных, которые направляются для отбывания наказания по месту нахождения соответствующих исправительных учреждений. Данными осужденными являются:

- осужденные при особо-опасном рецидиве преступлений;
- осужденные к пожизненному лишению свободы;
- осужденные к отбыванию лишения свободы в тюрьме;
- осужденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы; осужденные женщины, несовершеннолетние, а также осужденные, являющиеся иностранными гражданами и лицами без гражданства.

Естественным, по мнению А.В. Бриллиантова и С.И. Курганова, исключением из территориального правила отбывания уголовного наказания является отсутствие по месту жительства или осуждения (в пределах территории субъекта РФ) исправительного учреждения соответствующего вида [2, с. 174].

В это исключение могут входить, к примеру, женщины, бывшие сотрудники силовых структур, а также несовершеннолетние. Данные лица могут быть отправлены не только по месту проживания для отбытия наказания: если в субъекте нет соответствующего исправительного учреждения, они направляются в другие субъекты.

Одним из важных принципов который дополняет принцип места жительства при отбывании наказания, является принцип отбывания наказания осужденным в одном исправительном учреждении. Данный принцип означает, что при осуждении лицо направляется в исправительное учреждение и весь срок наказания он должен отбывать в одном учреждении, в которое он прибыл. Об этом гласит ст. 81 УИК РФ. Данный принцип также важен в области непрерывности и стабильности карательно-воспитательной деятельности исправительного учреждения.

Действительно, чтобы изучить личность осужденного, его основные характерные черты, а также осуществить выбор средств и методов исправления необходимо довольно много времени. В этой связи данный дополнительный принцип к принципу места жительства при отбывании наказания очень важен, так как он обеспечивает стабильность коллектива осужденных для организации всей воспитательной работы [11, с. 14], а также способствуют непрерывному воспитательно-педагогическому воздействию на осужденного.

Также рассматриваемый нами принцип конкурирует с принципом изменение условий наказания в зависимости от поведения осужденного путем перевода в исправительное учреждение другого вида. В этом случае предпочтение отдается принципу изменения условий отбывания наказания.

Еще одним немаловажным принципом, который является конкурирующим с принципом места жительства для отбывания наказания осужденного, является принцип раздельного содержания различных категорий осужденных с целью недопущения отрицательного влияния более опасных преступников на менее опасных. Данный принцип реализуется уже на стадии назначения наказания, при уголовно-правовой классификации осужденных.

Обязательно должны раздельно отбывать наказания несовершеннолетние, а также мужчины и женщины. Также стоит отметить, что лица, которые впервые осуждены за совершенное ими преступление, не отбывают наказания с лицами, которые осуждены неоднократно. Также как мы уже отмечали, отдельно отбывают наказание осужденные, которые ранее являлись сотрудниками силовых структур [3].

Изолированно от других содержатся осужденные: при опасном рецидиве преступлений; при особо опасном рецидиве преступлений; к пожизненному лишению свободы; которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на срок 25 лет. Эти правила не распространяются на лечебные исправительные учреждения и лечебно-профилактические учреждения. Женщины и несовершеннолетние также размещаются отдельно. Больные разными инфекционными заболеваниями содержатся раздельно и отдельно от неинфекционных больных. Осужденные в лечебных и лечебно-профилактических учреждениях содержатся в условиях, установленных законом для колонии того вида, который назначен судом. К исключениям из принципа раздельного содержания можно также отнести возможность совместного содержания в воспитательных колониях несовершеннолетних и взрослых осужденных, оставленных в воспитательной колонии в порядке ст. 139 УИК РФ по достижении 19 лет, а также возможность содержания в одной колонии-поселении осужденных мужчин и женщин [4].

Таким образом, рассматриваемый нами принцип конкурирует с другими принципами отбывания наказания в исправительных учреждениях, а также к нему прикрепляются и дополнительные принципы.

Сейчас, если проанализировать интернет-источники, можно увидеть, что многие заключенные жалуются на то, что их определяют в отдаленные от территориальной области его проживания учреждения, в следствие чего родственники не всегда могут добраться до осужденного за 1000 км. К примеру, осужденного из Челябинской области определяют в Московскую область или в Хабаровский край. Важно понимать, что наказывая виновного в конкретном преступлении, государство не может ущемлять интересы этих субъектов, никаким образом не связанных с совершенным деянием. Такое правило должно быть соблюдено и в практической деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание.

Стоит отметить, что Распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Концепции развития уголовно-исполнительной

системы Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Концепция) [7] существенно сократились задачи развития уголовно-исполнительной системы, по сравнению с определявшимися предыдущей концепцией, которая действовала до 2020 года. Так, к примеру, в новой Концепции не закреплена задача «Осуществление раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики осужденного», так как она фактически реализована.

Безусловно Концепция – это документ стратегического развития уголовно-исполнительной системы. Поэтому очевидно, что ее положения относительно сегодняшнего и, тем более, завтрашнего дня имеют перспективные и прогрессивные сегменты. В частности, предполагается создание учреждений объединенного типа в одном регионе или на межрегиональной основе, в рамках которых планируется сосредоточить исправительные учреждения и следственные изоляторы в едином центре. В рамках реализации уже существуют реальные проекты в Калужской и Челябинской областях, окончание строительства которых прогнозируется в 2028 году.

С нашей точки зрения данное нововведение поможет в реализации принципа места жительства при отбывании наказания. Действительно, определение места отбывания наказания в виде лишения свободы при решении социальных аспектов, по справедливому утверждению В.А. Анфиногенова, позволяет снизить его карательное содержание. Он полагает, что отбывая наказание вблизи от тех социальных групп, которые «близки» осужденному, фактически создаются условия для «снижения степени его изоляции от общества» [1].

Несомненно, что в современных реалиях исправительные учреждения для некоторых групп осужденных, например, для женщин есть не во всех субъектах РФ, что создает проблему – потерю социальных связей. Следовательно, было бы целесообразно увеличить число субъектов, на территории которых, располагались бы такого рода учреждения. Это будет обеспечивать возможность осуществления большего общения осужденных с родителями, семьей, детьми, что поможет осознать ошибочность совершенных преступных действий. Кроме того, такая связь снижает остроту изоляции и способствует скорейшему процессу ресоциализации [9, с. 9].

Резюмируя все вышеперечисленное можно отметить, что в современной России осуществляется пересмотр в лучшую сторону положений о пенитенциарной системе. Уголовное наказание теперь рассматривается не только в качестве меры кары для лица, переступившего закон, а также для того, чтобы исправить и вернуть оступившегося человека в нормальное общество. Невзирая на проблемы, которые все равно имеются в институте исполнения и отбывания наказания, в частности при реализации территориального принципа, уголовно-исполнительная политика государства направлена на создание таких условий содержания осужденных, которые благоприятно и существенно влияли бы на процесс их исправления.

Список литературы:

1. Анфиногенов В.А. Социальная роль лишения свободы / В. А. Анфиногенов // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 201-202. EDN: XWBSLB
2. Бриллиантов А.В. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учеб. / А. В. Бриллиантов, С. И. Курганов; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М., 2012. С. 373. ISBN: 978-5-392-01786-7 EDN: PAVXMG
3. Жиров Р.М. К вопросу о содержании правового статуса осужденных к лишению свободы / Р. М. Жиров, А. М. Абазов // Отечественная юриспруденция. 2018. № 7(32). С. 70-73. EDN: YPOLAT
4. Латыпов И.В. Понятие и сущность правового положения осужденных в современной России / И. В. Латыпов // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сборник научных статей. Новокузнецк, 2017. С. 70-74. EDN: YRANKB
5. Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2004. 482 с. EDN: NMVLOD
6. Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое: приказ Минюста России: от 26 января 2018 г. № 17 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 09.02.2018.
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р (ред. от 27.05.2023) "О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года" // Справочная правовая система Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (Дата обращения: 21.02.2025).
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон: от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
9. Фёфелов В.А. Социально-правовые основы цивилизации исправительных учреждений Российской Федерации. (Социально-правовое обоснование уголовно-исполнительной цивилизации исправительных учреждений). Научно-методическое и учебное пособие / Фёфелов В.А. Рязань, 1992. 166 с.
10. Штырев А.М. Определение места отбывания наказания осужденным к лишению свободы как проблема / А. М. Штырев // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества: Сборник статей по материалам II Национальной заочной научно-практической конференции, Ставрополь, 18 декабря 2019 г., Ставрополь, 2020. С. 265-268. EDN: SAKRER
11. Южанин В.Е. Современные проблемы классификации осужденных и распределения их в исправительном учреждении / В. Е. Южанин // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 14-18. EDN: TYSACV

References:

1. Anfinogenov V.A. The social role of incarceration / V. A. Anfinogenov // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 4. pp. 201-202.
2. Brilliantov A.V. Penal enforcement law of the Russian Federation: textbook / A.V. Brilliantov, S. I. Kurganov, edited by A.V. Brilliantov. 2nd ed. Moscow, 2012. p. 373.
3. Zhiron R.M. On the issue of the content of the legal status of those sentenced to imprisonment / R. M. Zhiron, A.M. Abazov // Domestic jurisprudence. 2018. No. 7(32). pp. 70-73.
4. Latypov I.V. The concept and essence of the legal status of convicts in modern Russia / I. V. Latypov // Bulletin of the Young Scientist of the Kuzbass Institute: collection of scientific articles. Novokuznetsk, 2017. pp. 70-74.
5. Malikov B.Z. Theoretical problems of the essence and content of deprivation of liberty and their expression in the criminal and penal enforcement legislation of Russia: dis. ... doct. jurid. sciences: 12.00.08. Ryazan, 2004. 482 p.
6. On Approval of the Procedure for Sending persons Sentenced to Imprisonment to Correctional institutions and their transfer from one Correctional Institution to Another: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation: dated January 26, 2018 No. 17 // Official Internet Portal of Legal Information <http://www.pravo.gov.ru>, 09.02.2018.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r (as amended on 05/27/2023) "On the Concept of the development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Legal Reference System Consultant Plus. URL: <https://www.consultant.ru/> (Date of access: 02/21/2025).
8. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation: feder. Law: No. 1-FZ of January 8, 1997 // Collection of Legislation of the Russian Federation. Federation. 1997. No. 2. Art. 198.
9. Fefelov V.A. Socio-legal foundations of the civilization of correctional institutions of the Russian Federation. (Socio-legal justification of the penal civilization of correctional institutions). Scientific, methodological and educational manual / Fefelov V.A. Ryazan, 1992. 166 p.
10. Shtyrev A.M. Determining the place of serving a sentence by a person sentenced to imprisonment as a problem / A.M. Shtyrev // Actual problems of law enforcement and management at the present stage of society development: Collection of articles based on the materials of the II National Correspondence Scientific and Practical Conference, Stavropol, December 18, 2019, Stavropol, 2020. pp. 265-268.
11. Yuzhanin V.E. Modern problems of classification of convicts and their distribution in a correctional institution / V. E. Yuzhanin // Penal Enforcement law. 2015. No. 2. pp. 14-18.

ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ ПРИ ПРОСЛУШИВАНИИ ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ THE PROBLEM OF COGNITIVE DISTORTION WHEN LISTENING TO TELEPHONE CONVERSATIONS

ГАВРИКОВ Евгений Викторович,

старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, старший преподаватель
Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ им. Баумана),
старший преподаватель Автономной некоммерческой организации высшего образования (АНОВО)
«Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского».
Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.
E-mail: lgs19@mail.ru;

GAVRIKOV Yevgeny Viktorovich,

senior researcher at the Federal research Institute of the Federal penitentiary service of Russia,
senior lecturer at the Bauman Moscow State Technical University (BMSTU),
senior lecturer at the Autonomous non-profit Organization of Higher Education «V. V. Zhirinovskiy University of World Civilizations».
Narva St., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.
E-mail: lgs19@mail.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена проблеме когнитивных искажений, возникающих в процессе прослушивания телефонных переговоров. В ней рассматриваются сложности, связанные с этими искажениями, подчеркивается их специфический характер. Тонкости таких искажений проявляются в конкретных ситуациях, что делает их точную обобщенную интерпретацию затруднительной. Представленный в статье анализ способствует более глубокому пониманию сложностей, связанных с когнитивными искажениями в процессе прослушивания телефонных переговоров.

Abstract. This article addresses the issue of cognitive distortions that arise during the process of listening to telephone conversations. It explores the complexities associated with these distortions, emphasizing their specific nature. The nuances of such distortions manifest in specific situations, making their precise generalized interpretation challenging. The analysis presented in the article contributes to a deeper understanding of the challenges related to cognitive distortions in the process of listening to telephone conversations.

Ключевые слова: телефонный разговор, прослушивание телефонных переговоров, когнитивные искажения, ошибка следствия, аудиальное взаимодействие.

Keywords: phone conversation, wiretapping, cognitive distortions, investigation error, auditory interaction.

Для цитирования: Гавриков Е.В. Проблема когнитивных искажений при прослушивании телефонных переговоров // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 418-421. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_418.

For citation: Gavrikov E.V. The problem of cognitive distortion when listening to telephone conversations. // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 418-421. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_418.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В настоящей статье предпринимается попытка провести анализ когнитивных искажений, вступающих в действие в контексте прослушивания телефонных переговоров. Рассматривается влияние таких искажений на процессы восприятия, интерпретации и запоминания информации, представленной в ходе аудиального взаимодействия. В свете современных технологических возможностей и психологических механизмов расследования данная статья призвана предоставить вклад в понимание того, как когнитивные аспекты воздействуют на эффективность анализа телефонных переговоров и формирование правильного суждения в контексте судебных и следственных процессов.

Когнитивные искажения представляют собой систематические отклонения от принципов логичного и объективного восприятия, осмысления и интерпретации информации. Эти отклонения, проявляющиеся в сознательной или бессознательной форме, подвержены воздействию множества внешних факторов, включая, но не ограничиваясь эмоциональными состояниями, субъективными установками, индивидуальным жизненным опытом и воздействием социокультурных факторов [3]. Исследования Тверски и Канемана выявили, что подобные искажения часто связаны с эвристиками, позволяющими принимать быстрые решения, но приводящими к систематическим ошибкам. [9] Некоторые искажения могут быть полезны в отдельных случаях (служат адаптивными для психики человека), но в работе могут мешать формированию правильного суждения [6].

Исследования когнитивных искажений обладают высоким значением для различных областей знаний. Они предоставляют возможность выявления психологических процессов, заложенных в основе восприятия и принятия решений. Существует множество подходов к классификации когнитивных искажений, охватывающих как те, которые проявляются на уровне социальных групп (как, например, психологическая поляризация групп), так и те, которые воздействуют на индивидуальный уровень, которые в рамках данной темы следует рассмотреть прежде всего.

Некоторые из описываемых когнитивных искажений воздействуют на принятие решений в контексте ситуаций, в которых привлекательность вариантов решения играет ключевую роль, предопределяя их выбор. В свою очередь, иные искажения оказывают влияние на процесс выявления причинно-следственных связей. Отдельный подкласс когнитивных искажений также ассоциирован с особенностями функционирования памяти и ее восприятия.

Некоторые из когнитивных искажений могут быть объяснены индивидуальной мотивацией субъекта, что, в свою очередь, может привести к проявлению эгоцентрических искажений с целью минимизации возможного когнитивного диссонанса. Кроме того, выделяется категория

когнитивных искажений, обусловленных уникальными особенностями мозговой деятельности в части восприятия, запоминания и формирования выводов.

Перейдем к разновидностям когнитивных искажений, которые могут возникать при прослушивании телефонных переговоров. Далее будут представлены когнитивные искажения, наиболее характерные для оперативно-розыскной деятельности при прослушивании телефонных переговоров.

Амплификация – склонность к избыточному применению средств для достижения цели. При недостатке точных данных человек собирает информацию «с запасом», исходя из своих предубеждений. При анализе переговоров это может выражаться в переоценке отдельных высказываний и игнорировании более объективных аспектов беседы.

Уклон в сторону поиска информации – постоянное стремление к сбору дополнительных сведений, даже если они не влияют на итог. Это приводит к избирательному восприятию: внимание заостряется на второстепенных деталях, а главная цель прослушивания игнорируется.

Чрезмерное обобщение – неоправданное распространение характеристик единичного случая на более широкий круг. При прослушивании может проявляться в присвоении чрезмерной значимости отдельных деталей и использовании стереотипов, что приводит к искаженной оценке разговора.

Отклонение в сторону результата – оценка решения лишь по его итоговым последствиям, без учета условий, в которых оно принималось. При прослушивании это может приводить к игнорированию контекстных нюансов и неверному пониманию мотивов собеседников.

Эффект фокусировки – чрезмерная концентрация на одном аспекте ситуации, в результате чего недооцениваются другие факторы. В прослушивании внимание может заикливаться на конкретной фразе, при этом важная информация остается незамеченной.

Ошибка пропорциональности – убеждение, что крупным событиям обязательно предшествуют серьезные причины. При анализе телефонных переговоров это может привести к игнорированию менее заметных, но значимых факторов и попыткам найти «большую» причину для каждого события.

Эффект Даннинга-Крюгера проявляется в ситуации, когда человек с недостаточным уровнем компетенции не осознает своих ошибок и переоценивает собственную осведомленность. В прослушивании недостаток знаний по теме разговора грозит неверными выводами и чрезмерной уверенностью в интерпретации услышанного.

Искажение в восприятии принятого решения – упорное оправдание однажды сделанного выбора. При анализе переговоров могут игнорироваться более эффективные по сравнению с изначально избранным варианты, даже если он сомнителен.

Эффект обратного результата – упорное отстаивание прежних убеждений даже при наличии опровергающих фактов. При прослушивании это мешает корректной оценке новых данных и объективному анализу собранной информации.

Профессиональная деформация – привычка смотреть на события лишь через призму профессиональных правил, игнорируя более широкий контекст. Ориентация только на уголовно-правовые аспекты может исказить объективное восприятие ситуации.

Потребность в завершенности – сильное стремление к быстрому итогу и четкому ответу, приводящее к поспешным выводам. Под влиянием этой потребности ситуация упрощается, неоднозначные детали диалога могут игнорироваться.

Эффект фрейминга – зависимость восприятия информации от формы ее представления. Различная формулировка одной и той же сути способна повлиять на восприятие следователя.

Систематическая ошибка согласованности – стремление проверить гипотезу только прямыми доказательствами и игнорировать альтернативные проверки. Следователь может завершить анализ досрочно, не обратив внимания на альтернативные версии.

Гиперсемиотизация – видение несуществующих знаков и символов в словах и действиях. В рамках прослушивания это приводит к созданию следователем ложных логических связей и ошибочным выводам о деятельности собеседников.

Иллюзия кластеризации – тенденция видеть закономерности и связи в случайных данных. Следователь может усматривать особый смысл в повторяющихся словах или выражениях, которые на деле являются случайным совпадением.

Эффект недавнего (абберация близости) – переоценка важности только что произошедших событий по сравнению с прошлыми. В прослушивании это приводит к смещению фокуса на последние известные детали, которые могут казаться более значимыми, чем они есть на самом деле [5].

В данной статье предпринимается анализ когнитивных искажений, которые, в отличие от технических и формальных аспектов, регулируемых актами, не могут быть исключены путем стандартного соблюдения законодательства, регламентирующего процесс прослушивания телефонных переговоров. Эти искажения представляют собой нюансы, не поддающиеся обобщению, а их проявление возможно только в конкретных ситуациях, то есть они являются случайными. Такой подход подчеркивает необходимость более глубокого исследования и понимания факторов, влияющих на возникновение данных аспектов в различных сценариях прослушивания, чтобы разработать более эффективные стратегии их минимизации или предотвращения.

Необходимо отличать перечисленные когнитивные искажения при прослушивании телефонных переговоров от ошибок следствия. Следует отметить, что досудебное производство, в ходе которого возникают ошибки следствия, проводится до передачи дела в суд, в то время как прослушивание телефонных переговоров, представляющее собой оперативно-розыскное мероприятие, проводится в основном именно с санкции суда (за исключением ряда случаев) [4, 8].

Принимая это во внимание, можно сделать вывод о том, что когнитивные искажения при прослушивании телефонных переговоров не

могут напрямую сравниваться с ошибками следствия, так как эти понятия похожи по содержанию, но различны по объему. Что касается когнитивных искажений вообще, в науке уже существует позиция, что ошибки следствия всегда сопровождаются отрицательными последствиями, тогда как когнитивные искажения при определенных обстоятельствах способны даже привести к благоприятному результату.

В то же время ошибки следствия могут рассматриваться как одно из проявлений когнитивных искажений при расследовании преступлений, когда под их влиянием сотрудник принимает неверное решение с негативными последствиями. Следовательно, возникновение следственных ошибок могут провоцировать как объективные, так и субъективные факторы, аналогичные тем, что лежат в основе когнитивных искажений [2, 7].

Представим критерию сопоставления когнитивных искажений с ошибками следствия.

По критерию природы ошибок когнитивные искажения существенно отличаются от ошибок следствия. Когнитивные искажения связаны с искажением мышления, восприятия и интерпретации информации. Они могут возникать из-за предвзятости, стереотипов, проблем с вниманием или эмоционального влияния на процесс принятия решений. Ошибки следствия, напротив, относятся исключительно к нарушениям формальных процедур и правил, регулирующих ход дела, таким как требования уголовно-процессуального права, тактики следственных действий и криминалистических методик.

По критерию объекта воздействия также имеет место существенное различие. Когнитивные искажения влияют на мышление, понимание и интерпретацию информации участниками расследования. Это отражается на фактических данных, которые, даже формально корректно полученные, могут быть неправильно поняты из-за субъективных искажений. Ошибки следствия, в свою очередь, затрагивают формальные аспекты расследования (сбор, анализ и использование доказательств в судебном процессе), где объектом выступают документы и процессуальные действия.

В данном контексте уместно будет также рассмотреть отличие когнитивных искажений от ошибок следствия по критерию последствий. Когнитивные искажения могут приводить к неправильному пониманию фактов и ошибочным выводам, однако их результат бывает неоднозначен: в отдельных случаях они могут даже оказать неожиданно полезный эффект. Ошибки следствия же влекут за собой формальные последствия, например признание доказательств недопустимыми или возвращение дела на доследование, что может существенно повлиять на исход уголовного судопроизводства [1, 9].

В рамках российского уголовного судопроизводства важно понимать, что когнитивные искажения не устраняются автоматически соблюдением формальных норм при прослушивании (санкция суда или порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий), поскольку они имеют психологическую природу и требуют повышенного внимания к факторам восприятия, а ошибки следствия могут быть предупреждены и исправлены при строгом соблюдении уголовно-процессуальных норм и регламентов; их выявляют судебные и надзорные инстанции.

Прежде всего следует осознать, что когнитивные искажения являются неотъемлемой частью человеческого мышления. Мозг имеет тенденцию интерпретировать информацию в соответствии с рядом эволюционных и психологических факторов, что может приводить к искажениям в восприятии реальности. В контексте оперативно-розыскной деятельности эти искажения могут стать преградой для объективного анализа и принятия обоснованных решений с рядом серьезнейших последствий.

Использование искусственного интеллекта при анализе информации, полученной в ходе прослушивания телефонных переговоров, могло бы помочь избежать постановки вопроса о когнитивных искажениях. ИИ обладает уникальной способностью обрабатывать и анализировать большие объемы данных, выявляя закономерности и тенденции, которые человеческий разум может пропустить. Использование инновационных методов может помочь в проведении данного мероприятия, обеспечивая более объективный подход к обработке получаемой информации.

Алгоритмы машинного обучения могут быть настроены на минимизацию влияния предвзятости и эмоционального воздействия, что практически ликвидирует вероятность возникновения когнитивных искажений. Кроме того, искусственный интеллект способен автоматически выявлять и отслеживать шаблоны поведения, которые могут указывать на возможные искажения в интерпретации данных.

Системы искусственного интеллекта представляют собой значимый инструмент для эффективной обработки обширных массивов данных и выявления субъективных оценок. Однако на текущий момент они не обладают полным пониманием контекстуальных нюансов и эмоциональных аспектов, что, к сожалению, может оказывать существенное влияние на эффективность и точность анализа данных при прослушивании телефонных переговоров. Этот существенный недостаток подчеркивает необходимость дальнейших исследований и разработок в области искусственного интеллекта, направленных на улучшение способности систем воспринимать и учитывать не только формальные объективные параметры, но и контекстуальные и эмоциональные составляющие для более глубокого и полноценного анализа данных.

Поскольку на данном этапе полностью доверить проведение оперативно-розыскного мероприятия системам искусственного интеллекта не представляется возможным, необходимо поддерживать компетенции сотрудников на предельно высоком уровне. Важны не только их знания и навыки в профессиональной сфере, но и общий кругозор, который способен расширить их способность анализа и интерпретации сложной и недостаточной оперативной информации.

Для обеспечения более надежного устранения возможных когнитивных искажений, проявляющихся в процессе прослушивания телефонных переговоров, необходимо осуществлять более глубокое освоение нормативных актов, регулирующих данный вид деятельности. Важным аспектом в данном контексте является не только поверхностное знание содержания актов, но и внимание к осмыслению сотрудниками причин, которые послужили включению тех или иных положений в указанные акты. Этот процесс позволит не только эффективнее применять нормы, но и предостеречь от возможных искажений в восприятии и интерпретации правовых норм, что, в свою очередь, способствует более точному и на-

дежному выполнению связанных с прослушиванием обязанностей.

Осведомленность о проблеме когнитивных искажений уже является ключевым элементом в подготовке сотрудников. Понимание того, как человеческий мозг может исказить восприятие и влиять на процесс принятия решений, поможет им минимизировать потенциальные ошибки в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Важно не только знание методик и техник, но и развитие навыков критического мышления, умения анализа информации, а также способности к самоконтролю и осознанию своей возможной предвзятости.

Список литературы:

1. Бахтеев Д. В. Основы теории следственных ошибок / Д. В. Бахтеев, Л. Я. Драпкин // Российский следователь. - 2016. - № 24. - С. 10-13. EDN: XHWKYN
2. Бахтеев Д. В. Понятие и признаки следственных ошибок с позиции ситуационного подхода / Д. В. Бахтеев, М. В. Фефилова // Российский юридический журнал. - 2017. - № 2. EDN: YNDRYN
3. Боброва Л. А. Когнитивные искажения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2021. №2. Гриненко А. В. Соотношение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №4. DOI: 10.31249/rphil/2021.02.04 EDN: ABZITH
4. Гриненко А. В. Соотношение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №4. EDN: YJDIOL
5. Драпкин Л. Я. Логические, эвристические и интуитивные механизмы мышления следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений: Монография. Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2018. 104 с. ISBN: 978-5-7845-0581-1 EDN: UVQDBC
6. Короблева С. Ю. Анализ постановлений пленума верховного суда РФ с точки зрения концепций когнитивных искажений профессиональных участников уголовного процесса // Всероссийский криминологический журнал. 2020. №5. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).798-807 EDN: BYQOAZ
7. Леднев И. В. Когнитивные искажения в мышлении следователя / И. В. Леднев // Эволюция российского права: Материалы XVIII Заочной международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 30 апреля 2020 года / Уральский государственный юридический университет. - Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет", 2020. - С. 60-61. EDN: CFSVYZ
8. Назаров Д. А. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис... д-ра юрид. наук. СПб, 2017.
9. Попов А. Ю., Вихман А. А. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология // Психология. Психофизиология. 2014. № 1. EDN: RZCMOT

References:

1. Bakhteev D. V. Fundamentals of the theory of investigative errors / D. V. Bakhteev, L. Ya. Drapkin // Russian investigator. - 2016. - No. 24. - pp. 10-13. EDN: XHWKYN
2. Bakhteev D. V. The concept and signs of investigative errors from the position of a situational approach / D. V. Bakhteev, M. V. Fefilova // Russian Law Journal, 2017, No. 2. EDN: YNDRYN
3. Bobrova L. A. Cognitive distortions // Social sciences and humanities. Russian and foreign literature. Series 3, Philosophy: An abstract journal. 2021. No. 2. Grinenko A.V. The ratio of investigative actions and operational search measures // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №4. DOI: 10.31249/rphil/2021.02.04 EDN: ABZITH
4. Grinenko A.V. The correlation of investigative actions and operational search measures // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №4. EDN: YJDIOL
5. Drapkin L. Ya. Logical, heuristic and intuitive mechanisms of investigator's thinking in the process of crime detection and investigation: Monography. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Law University, 2018. 104 p. ISBN: 978-5-7845-0581-1 EDN: UVQDBC
6. Korobleva S. Y. Analysis of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from the point of view of the concepts of cognitive distortions of professional participants in the criminal process // All-Russian Journal of Criminology. 2020. №5. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(5).798-807 EDN: BYQOAZ
7. Lednev I. V. Cognitive distortions in the investigator's thinking / I. V. Lednev // The Evolution of Russian Law: Proceedings of the XVIII Correspondence International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, April 30, 2020 / Ural State Law University. Yekaterinburg: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Ural State University of Law, 2020, pp. 60-61. EDN: CFSVYZ
8. Nazarov D. A. Investigative and judicial errors and the criminal procedure mechanism for their elimination: conceptual foundations: dis... Dr. Jurid. sciences'. St. Petersburg, 2017.
9. Popov A. Yu., Vikhman A. A. Cognitive distortions in the decision-making process: a scientific problem and humanitarian technology // Psychology. Psychophysiology. 2014. № 1. EDN: RZCMOT

ЗАЩИТНИК КАК СУБЪЕКТ ДОКАЗЫВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ DEFENDER AS A SUBJECT OF PROOF IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

КАРАЕВА Анжела Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Оренбургский государственный университет.

460005, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, пр. Победы, 13.

e-mail: angela77735@mail.ru;

KARAYEVA Anzhela Anatolyevna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and criminalistics,
Orenburg State University.

460005, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy Ave., 13.

e-mail: angela77735@mail.ru

Краткая аннотация: Одним из принципов российского уголовного процесса является состязательность, которая подразумевает под собой равные возможности сторон для осуществления ими своих функций. Законодатель, определив способы получения доказательств защитником, не закрепил процессуальный порядок их получения. Более того, методам сбора доказательств защитником противостоят следственные и иные процессуальные действия, проводимые уполномоченными лицами органов предварительного расследования. В результате, право защитника на сбор доказательств остается в значительной мере декларативным и не реализуется в полной мере. Как следствие, возникает проблема реализации основополагающего принципа, установленного в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а именно – обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе.

Abstract. One of the principles of the Russian criminal procedure is adversarial proceedings, which implies equal opportunities for the parties to perform their functions. The legislator, having defined the methods for obtaining evidence by the defense attorney, did not establish the procedural order for obtaining it. Moreover, the methods of collecting evidence by the defense attorney are opposed by investigative and other procedural actions carried out by authorized persons of the preliminary investigation bodies. As a result, the defense attorney's right to collect evidence remains largely declarative and is not fully realized. As a consequence, there is a problem of implementing the fundamental principle established in the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, namely, ensuring the right of the accused to a fair trial in criminal proceedings.

Ключевые слова: защитник, доказательства, доказывание, собирание доказательств, состязательность сторон, равноправие.

Key words: defense attorney, evidence, proving, collecting evidence, adversarial proceedings, equality.

Для цитирования: Караева А.А. Защитник как субъект доказывания в российском уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 422-425. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_422.

For citation: Karaeva A.A. Defender as a subject of proof in russian criminal proceedings // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 422-425. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_422.

Статья поступила в редакцию: 18.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Принцип состязательности (ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), лежащий в основе российского уголовного процесса, декларирует равенство сторон – обвинения и защиты – в их процессуальных возможностях. Однако на практике это равенство оказывается весьма условным, особенно в части сбора доказательств. Закон, хотя и признает право защитника на получение доказательств, не регламентирует процедуру их сбора подробно, оставляя значительные пробелы. Это существенно ограничивает возможности защиты по сравнению с обширными полномочиями следствия.

Следователи и другие представители органов предварительного расследования обладают широким арсеналом следственных действий, включая допросы, обыски, экспертизы, наложение ареста на имущество и т.д., регламентированных УПК РФ и строго контролируемых в рамках процессуальных норм. Защитник же, лишенный подобного системного инструментария, вынужден полагаться на более ограниченные методы, часто сталкиваясь с бюрократическими препятствиями и отказом в предоставлении доступа к необходимой информации. Более того, асимметрия между сторонами усугубляется неравенством в ресурсном обеспечении. Следствие располагает значительными материальными и кадровыми ресурсами, включая специализированные лаборатории, экспертов высокой квалификации и технические средства. Защитник же, как правило, ограничен своим личным временем, финансовыми возможностями и доступными ему специалистами. Это приводит к ситуации, когда защита не в состоянии эффективно противостоять мощному аппарату следствия.

Все это создает серьезную проблему реализации права на справедливое судебное рассмотрение. Европейский суд по правам человека многократно указывал на необходимость обеспечения равенства сторон в уголовном процессе и критикует ситуации, когда защита лишена реальных возможностей эффективно защищать права обвиняемого.

Термин «состязательность» является синонимом слову «соревнование». В контексте уголовного судопроизводства это понятие подразумевает равные условия для сторон, для осуществления ими своих функций. Тем не менее, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют гарантии реальной состязательности сторон обвинения и защиты, особенно в контексте доказывания в рамках уголовного дела.

Вопрос реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса неоднократно обсуждался в научном сообществе. В области уголовно-процессуального права среди исследователей можно выделить две противоположные позиции относительно равных возможностей сторон обвинения и защиты в процессе доказывания на досудебном этапе. Согласно одной точке зрения, защитник выступает полноценным субъектом доказывания, обладая необходимыми полномочиями и возможностями для участия в этом процессе (Н.П. Горя, Э.М. Мурадян, И.В. Маслов, Н.П. Кузнецов и др.) [10, с. 50]. Другие, напротив, считают, что сторона защиты не имеет возможности соперни-

чать с органами предварительного расследования, которые наделены соответствующими полномочиями (С.М. Даровских, Е.А. Доля, Ю.Д. Лившиц, П.А. Лупинская, И.Л. Петрухин, С.А. Шейфер, М.П. Малютин, И.Г. Малютина и др.) [11, с. 230].

Согласно ст. 85 УПК РФ, процесс доказывания включает в себя сбор, проверку и оценку доказательств с целью установления фактов, имеющих значение для расследования уголовного дела. Защитник является одним из участников процесса доказывания, однако его роль ограничивается только сбором доказательств. В соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии [1].

Законодатель, установив методы получения доказательств защитником, не определил процессуальный порядок их получения [4, с. 179]. Более того, методам сбора доказательств защитником противостоят следственные и иные процессуальные действия, проводимые уполномоченными лицами органов предварительного расследования [7, с. 46]. В результате, право защитника на сбор доказательств остается в значительной мере декларативным и не реализуется в полной мере [8, с. 106].

Федеральная палата адвокатов в методических рекомендациях по реализации прав адвоката, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п.3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принятых 22 апреля 2004 г., уделяет особое внимание реализации прав адвокатов в процессе сбора доказательств. Эти рекомендации, хотя и не были официально опубликованы, содержат важные указания относительно того, как адвокаты должны осуществлять свою деятельность в рамках уголовного процесса. В частности, они касаются порядка получения документов и предметов, опроса свидетелей, а также истребования различных справок и характеристик.

Согласно рекомендациям, адвокат должен действовать исключительно на добровольной основе, что означает отсутствие любого принуждения со стороны защитника. Получение документов и предметов должно происходить с согласия их владельца, что подчеркивает важность соблюдения правовых норм и этических стандартов в адвокатской практике. Для этого адвокат должен оформить заявление, в котором будет указано, кем, когда и при каких обстоятельствах были получены предметы или документы, а также должно быть обозначена добровольность передачи. В этом заявлении также следует указать индивидуальные характеристики предметов и цели их передачи. В случаях, когда это необходимо, подпись лица, подписавшего заявление, может быть удостоверена нотариально. Это добавляет дополнительный уровень защиты и легитимность процессу получения доказательств. Передача документов и предметов от владельца к адвокату должна происходить в присутствии как минимум двух свидетелей, которые могут подтвердить факт передачи и результаты этой процедуры. Наличие свидетелей служит гарантией того, что процесс передачи был прозрачен и не вызывал сомнений. Кроме того, процесс получения предметов может быть задокументирован с помощью различных средств, таких как фото-, аудио- и видеозапись. Это позволяет создать надежную доказательственную базу, которая может быть использована в дальнейшем процессе. После получения предметов адвокат, находясь в присутствии владельца и свидетелей, а при необходимости и специалиста должен провести тщательный осмотр предмета. Важно определить его основные характеристики и выявить любые возможные следы, которые могут иметь значение для дела. По завершении этой процессуальной процедуры адвокат обязан составить акт, в котором будут подробно изложены основания, порядок и результаты получения предмета. Этот акт будет служить важным документом, который может быть использован в дальнейшем в судебном разбирательстве.

Что касается опроса свидетелей, то он также может быть проведен только с согласия опрашиваемого. Это правило подчеркивает важность уважения к правам и свободам граждан, а также необходимость соблюдения норм уголовного процесса. Адвокат должен обеспечить, чтобы опрашиваемый был в состоянии свободно выразить свое мнение и не испытывал давления со стороны. Следует отметить, что соблюдение этих рекомендаций не только защищает права клиентов, но и укрепляет доверие к адвокатскому сообществу в целом.

Опрос может быть проведен только с согласия опрашиваемого лица и осуществляться либо в форме свободного рассказа с последующим уточнением вопросов, либо в виде ответов на задаваемые адвокатом вопросы. Опрос рекомендуется документировать и оформить в виде акта, с указанием информации об адвокате (фамилию, имя и отчество, адвокатскую палату субъекта Российской Федерации где он зарегистрирован, соответствующий номер в реестре и номер ордера), а также опрашиваемого лица (фамилию, имя, отчество, дату и место рождения, место жительства и работы, должность, домашние и рабочие телефонные номера, данные о документах, удостоверяющих личность). Помимо персональных данных защитника и опрашиваемого в акте необходимо указать отношение к обвиняемому и потерпевшему, а также отметку о согласии на опрос. Акт опроса должен соответствовать требованиям, предъявляемым к протоколу допроса свидетеля (ст.ст. 189-191 УПК РФ).

В условиях современного уголовного судопроизводства, где вопросы прав человека и соблюдения процессуальных норм стоят на первом месте, важно, чтобы адвокаты действовали в рамках закона и этики. Это способствует созданию справедливой правовой среды и повышает эффективность уголовного процесса. Таким образом, методические рекомендации Федеральной палаты адвокатов представляют собой важный инструмент, который помогает адвокатам в их профессиональной деятельности, обеспечивая соблюдение правовых норм и защиту интересов клиентов. Следование этим рекомендациям способствует не только качественному осуществлению адвокатской деятельности, но и повышению уровня правовой культуры в обществе.

Адвокатская деятельность в России регулируется не только нормами УПК РФ, но и другими нормативно-правовыми актами. Федеральный закон № 63-ФЗ от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определяет основные принципы адвокатской деятельности, права и обязанности адвокатов, а также гарантии их независимости и защиты. В ст. 6.1 указанный закон наделяет адвокатов существенным правом – правом истребования справок, характеристик и других документов, необходимых для эффективного представительства интересов доверителя [3]. Данное право предусмотрено в п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ и реализуется через направление адвокат-

ских запросов – официальных обращений в органы государственной власти, местного самоуправления, организации различных организационно-правовых форм, а также общественные объединения. Эти запросы, касающиеся вопросов, входящих в компетенцию адресата, является неотъемлемой частью адвокатской деятельности и гарантией на квалифицированную юридическую помощь. Закон обязывает получателя запроса предоставить письменный ответ в течение 30 дней с момента его получения. Несоблюдение этого срока, равно как и неправомерный отказ в предоставлении запрашиваемой информации, влечет за собой серьезные последствия.

Однако, несмотря на существование законодательной базы, гарантирующей адвокатом беспрепятственный доступ к необходимой информации, на практике возникают значительные сложности. Многие адвокаты сталкиваются с систематическим игнорированием их запросов или с отписками, обоснованными формальными нарушениями: неправильное оформление запроса (отсутствие печати, неверно указаны реквизиты, неполное изложение сути запроса). Иногда отказ мотивируется ссылками на отсутствие информации, что часто не соответствует действительности и является лишь попыткой уклониться от предоставления данных. Такие действия препятствуют законной адвокатской деятельности и наносят ущерб интересам клиентов.

Проблема усугубляется отсутствием эффективного механизма контроля за исполнением адвокатских запросов. Компетентные органы, призванные надзирать за соблюдением законодательства, не всегда оперативно и должным образом реагируют на жалобы адвокатов на неправомерные отказы. Процедура обжалования таких отказов зачастую длительная и сложна, что еще больше затрудняет работу адвокатов и приводит к затягиванию судебных процессов. Необходимо отметить, что не всегда отказ мотивирован умышленным нежеланием сотрудничать. В ряде случаев причиной могут стать внутренние организационные проблемы учреждения, недостаток квалифицированного персонала, несовершенство документооборота или недостаток знаний о законодательных нормах, регламентирующих работу с адвокатскими запросами.

В целях повышения эффективности адвокатских запросов и привлечения к ответственности нарушителей, Федеральным законом от 2 июля 2016 г. № 160-ФЗ в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях была введена статья 5.39, устанавливающая ответственность за неправомерный отказ в предоставлении информации, запрашиваемой адвокатом в рамках его профессиональной деятельности [2]. Эта статья предусматривает наложение штрафа на должностных лиц и организации, виновных в нарушении. Однако, эффективность применения этой статьи во многом зависит от активности самих адвокатов в защите своих прав и привлечения к ответственности лиц, препятствующих законной деятельности. Часто адвокат, столкнувшись с бездействием или неправомерным отказом, не доводит дело до привлечения к административной ответственности, ограничиваясь повторными обращениями или жалобами в вышестоящие инстанции.

Кроме административной ответственности, неправомерный отказ в предоставлении информации может повлечь за собой и иные неблагоприятные последствия для виновных лиц. Систематическое неисполнение адвокатских запросов может стать основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц. Важно отметить, что эффективная защита прав адвоката и его клиента предполагает не только грамотное составление адвокатского запроса с соблюдением всех формальных требований, но и знание процессуальных норм, связанных с обжалованием неправомерных отказов, а также умение использовать весь арсенал имеющихся правовых средств для защиты своих прав и интересов.

Систематизация практики рассмотрения адвокатских запросов и разработка типовых рекомендаций для государственных органов и организаций могли бы существенно улучшить ситуацию. Кроме того, необходимо усилить контроль за исполнением законодательства в этой сфере со стороны надзорных органов.

Для использования в процессе доказывания информации полученной защитником необходимо ее преобразовать в процессуальную форму одного из источников доказательств, предусмотренных ч. 1 ст. 74 УПК РФ [9, с. 27]. Среди видов доказательств, нет ни результатов опроса лиц защитником, ни предметов и документов, полученных адвокатом, в том числе путем запроса. Полученные предметы, документы, характеристики, справки, иные сведения и др. могут быть признаны доказательствами лишь по решению должностных лиц органов предварительного расследования, ведущих расследование по уголовному делу [8, с. 106]. Как верно, на наш взгляд, заметила К.М. Баева «попытка Федеральной палаты создать механизм, с помощью которого защитник мог бы реализовать свои права в процессе доказывания, не защищает доказательства стороны защиты в уголовном процессе» [4, с. 183].

УПК РФ ставит защитника в парадоксальную ситуацию относительно предоставления доказательств. Формально, единственный способ – подача ходатайства. Однако, эта процедура не гарантирует принятия доказательств. Следователь или дознаватель не обязаны приобщать их к делу, что значительно ограничивает возможности защиты. В этом контексте следует согласиться с мнением А.М. Лютинского, который утверждает, что на самом деле защитник имеет право предоставлять следователю или дознавателю не доказательства, а информацию, от которой зависит, будет ли она впоследствии признана доказательством [7, с. 56]. Данная информация может приобрести доказательственное значение лишь после ее фиксации в материалах уголовного дела в соответствии с установленными процессуальными нормами. Правом на фиксацию обладают только сторона обвинения и суд [6, с. 94]. Таким образом, в настоящее время процедура представления доказательств не регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства [9, с. 28]. Это порождает ситуацию, когда адвокат, стремящийся обеспечить полноценную защиту подзащитного, часто оказывается беспомощен перед органами предварительного расследования. Проблема заключается не только в отсутствии четкого механизма, но и в практике его применения. Большинство ходатайств о приобщении доказательств, собранных защитником, отклоняются. Причины могут быть различными: формальные несоответствия требованиям к оформлению доказательств, сомнения в их достоверности со стороны следствия, или даже негласное противодействие со стороны обвинения. Все это существенно затрудняет работу защитника и ставит под сомнение принцип состязательности в уголовном судопроизводстве.

Решение этой проблемы требует комплексного подхода и внесения существенных изменений в УПК РФ. Во-первых, хотя УПК РФ опи-

сывает способы собирания доказательств защитником, он не предоставляет равных с обвинением возможностей для их реализации. Следовательно, располагая значительно большими ресурсами и полномочиями, имеет преимущество в сборе информации. Защитник же ограничен рамками ходатайств, эффективность которых, как уже было отмечено, весьма сомнительна. Он вынужден полагаться на сотрудничество со следствием, которое не всегда оказывается продуктивным.

Во-вторых, отсутствует четкая регламентация допустимости доказательств, представленных защитником. Критерии оценки таких доказательств часто расплывчаты и зависят от субъективного мнения следователя (дознателя) или суда. Это создает почву для произвола и дискриминации.

В-третьих, практика показывает, что даже при наличии формально допустимых доказательств, представленных защитой, они часто игнорируются следствие или судом. Это связано с различными факторами, включая нежелание пересматривать уже сформулированную позицию обвинения, предубеждения и даже коррупцию.

Таким образом, если участники уголовного процесса находятся в неравных условиях для сбора доказательств, нельзя говорить о том, что отечественное уголовное судопроизводство основано на принципах состязательности. Мы полагаем, что решение этой проблемы заключается в необходимости закрепления процессуального порядка сбора доказательств защитником в рамках уголовно-процессуального законодательства. Следует обязать следователя (дознателя) включать в материалы уголовного дела доказательства, собранные защитником, при условии их соответствия критериям относимости, допустимости и достоверности.

Кроме этого, для преодоления этой проблемы, необходимы механизмы эффективного контроля за действиями следователя (дознателя) и суда, а также усиление ответственности за игнорирование доказательств, представленных защитой. Это может включать в себя более строгие процессуальные санкции, а также усиление роли надзорных органов.

В-четвертых, необходимо расширить полномочия защитника на стадии предварительного расследования. Это может включать в себя право на самостоятельный допрос свидетелей, право на доступ к информации, необходимой для защиты интересов подзащитного, и право на участие в следственных действиях, наравне с представителями обвинения. Такое расширение полномочий приведет к более эффективной работе защитника и гарантирует принцип состязательности, основополагающий для справедливого правосудия.

В заключение хотелось бы отметить, что необходимы изменения в УПК РФ, предусматривающие более четкое регулирование прав защитника на сбор доказательств, расширение его процессуальных полномочий и более эффективные механизмы контроля за соблюдением принципа состязательности. Необходимо обеспечить защитникам доступ к необходимым ресурсам, включая финансовую поддержку и доступ к независимым экспертам. Кроме этого, следует усилить роль суда в контроле за соблюдением прав защиты на всех этапах уголовного процесса. Только такой подход может обеспечить настоящую состязательность в уголовном процессе и гарантировать справедливое правосудие для всех участников процесса.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 28 декабря 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 15 (часть I). Ст. 2434.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: офиц. текст: по состоянию на 03 февраля 2025 г. // Собр. законодательства. 2002. № 7. Ст. 1.
3. Федеральный закон № 63-ФЗ от 31 мая 2002 года "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // Собр. Законодательства. 2002. № 23. Ст. 2102.
4. Баева К.М. "Собирание" доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 178-183. EDN: UWPAOI
5. Буфетова М.Ш. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве / М.Ш. Буфетов, С.В. Лушкина // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 4 (22). С. 41-53. EDN: XTPOSR
6. Грачева А.С., Тихомирова О.Г. Участие защитника в процессе доказывания // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 93-97. DOI: 10.24412/2073-3305-2023-4-93-97 EDN: PRXWAX
7. Лютинский А.М. К вопросу о полномочиях защитника по собиранию доказательств по уголовному делу // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Алексеева, г. Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 г. СПб.: ООО "ЦСПП", 2015. 380 с.
8. Нарядчиков В.Н. Право защитника на собирание доказательств по уголовному делу // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 3. С. 106-109. EDN: BSZSNN
9. Овчинникова О.В. Проблемы собирания электронных доказательств стороной защиты // Вестник ЮУрГУ. Серия "Право". 2018. Т. 18. № 3. С. 27-33. DOI: 10.14529/law180304 EDN: XYKLHV
10. Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание и основные следственные действия // А.П. Рыжаков. - Москва: Дело и Сервис, 2012. 540 с.
11. Тарасов И.С. Адвокат как участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3-2. С. 229-231. EDN: TGDNPD

References:

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: official. text: as of December 28, 2024 // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2021. No. 15 (Part I).
2. Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation" // Sobr. Legislation. 2002. No. 7. Art. 1.
3. Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation" // Sobr. Legislation. 2002. No. 23. St. 2102.
4. Baeva K.M. "Collecting" evidence by a defense lawyer: the main problems and ways to resolve them // Judicial power and Criminal procedure. 2018. No. 2. pp. 178-183. EDN: UWPAOI
5. Bufetova M.S. Actual problems of evidentiary activity of a defender in Russian criminal proceedings / M.S. Bufetov, S.V. Lushkina // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2018. No. 4 (22). pp. 41-53. EDN: XTPOSR
6. Gracheva A.S., Tikhomirova O.G. Participation of the defender in the proof process // Education. Science. Scientific staff. 2023. No. 4. pp. 93-97. DOI: 10.24412/2073-3305-2023-4-93-97 EDN: PRXWAX
7. Lyutinsky A.M. On the issue of the powers of the defender to collect evidence in a criminal case // Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity: proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of N.S. Alekseev, St. Petersburg, June 28-29, 2014 St. Petersburg: LLC "TSPT", 2015. 380 p.
8. Atorachikov V.N. The defender's right to collect evidence in a criminal case // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2020. No. 3. pp. 106-109. EDN: BSZSNN
9. Ovchinnikova O.V. Problems of collecting electronic evidence by the defense // Bulletin of SUSU. The Pravo series. 2018. Vol. 18. No. 3. pp. 27-33. DOI: 10.14529/law180304 EDN: XYKLHV
10. Ryzhakov A.P. Criminal procedural evidence and basic investigative actions // A.P. Ryzhakov. - Moscow: Business and Service, 2012. 540 p.
11. Tarasov I.S. Lawyer as a participant in the evidentiary process in criminal proceedings // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2014. No. 3-2. pp. 229-231. EDN: TGDNPD

КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И СПОСОБЫ CYBERCRIME IN CRIMINAL LAW: CONTEMPORARY CHALLENGES AND MODALITIES

ДЗАГОЕВ Сослан Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

наб. канала Грибоедова, 30-32, г. Санкт-Петербург, 191023, Россия.

E-mail: 6081983s@mail.ru;

DZAGOEV Soslan Vyacheslavovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure

of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saint Petersburg State University of Economics".

Griboyedov Canal Embankment, 30-32, St. Petersburg, 191023, Russia.

E-mail: 6081983s@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена исследованию киберпреступлений как одной из наиболее актуальных угроз современному обществу. Анализируются основные виды преступлений в цифровой среде, включая хакерские атаки, кибермошенничество, кражу персональных данных и распространение вредоносного программного обеспечения. Рассматриваются особенности уголовно-правового регулирования киберпреступлений в России и международном праве. Выявлены ключевые проблемы борьбы с преступностью в киберпространстве, такие как транснациональный характер преступлений, сложность идентификации преступников и несовершенство законодательных норм. На основе проведенного анализа предложены рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и методов противодействия киберпреступности, включая усиление международного сотрудничества, применение современных технологий расследования и повышение цифровой грамотности населения.

Abstract: The article examines cybercrime as one of the most pressing threats to modern society. The main types of crimes in the digital environment are analyzed, including hacking attacks, cyber fraud, identity theft, and the distribution of malicious software. The features of criminal law regulation of cybercrime in Russia and international law are considered. Key challenges in combating cybercrime are identified, such as the transnational nature of crimes, difficulties in identifying criminals, and the imperfection of legislative norms. Based on the conducted analysis, recommendations are proposed for improving criminal legislation and countering cybercrime, including strengthening international cooperation, applying modern investigation technologies, and increasing digital literacy among the population.

Ключевые слова: киберпреступления, уголовное право, цифровая безопасность, хакерские атаки, кибермошенничество, уголовная ответственность, транснациональная преступность.

Key words: cybercrime, criminal law, digital security, hacking attacks, cyber fraud, criminal liability, transnational crime.

Для цитирования: Дзагоев С.В. Киберпреступления в уголовном праве: современные вызовы и способы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 426-428. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_426.

For citation: Dzagoev S.V. Cybercrime in criminal law: Contemporary challenges and modalities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 426-428. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_426.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение

Развитие цифровых технологий привело к стремительному росту киберпреступности, ставя под угрозу безопасность граждан, организаций и государственных структур. Киберпреступления включают широкий спектр правонарушений: от мошенничества и кражи данных до хакерских атак и распространения вредоносного программного обеспечения. Современные вызовы в этой сфере требуют эффективных правовых механизмов регулирования и международного сотрудничества. Несмотря на наличие уголовно-правовых норм, регулирующих преступления в цифровой среде, их применение сталкивается с проблемами, связанными с транснациональным характером киберпреступности, сложностью расследования и идентификации правонарушителей.

Цель исследования - выявить особенности уголовно-правового регулирования киберпреступлений, проанализировать существующие проблемы и предложить пути их решения.

Объект исследования - уголовно-правовые нормы, регулирующие киберпреступления, а также судебная практика и механизмы противодействия цифровой преступности.

Задачи исследования:

- определить понятие и классификацию киберпреступлений;
- изучить российское и международное уголовное законодательство в сфере киберпреступности;
- проанализировать современные способы совершения преступлений в киберпространстве;
- выявить проблемы правоприменительной практики в борьбе с киберпреступностью;
- разработать рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и механизмов противодействия киберпреступлениям.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе современных угроз киберпреступности и предложении новых подходов к их регулированию в уголовном праве.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации знаний о киберпреступности и правоприменительных аспек-

тах борьбы с ней, а практическая - в разработке рекомендаций для совершенствования уголовного законодательства и повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Методология исследования включает анализ нормативных актов, судебной практики, сравнительное правоведение и системный подход к изучению механизмов борьбы с преступностью в цифровой среде.

Исторический анализ показывает, что с развитием технологий киберпреступность эволюционирует, требуя постоянного обновления правовых норм и международных механизмов сотрудничества.

Охарактеризуем теоретико-правовые аспекты киберпреступлений.

Киберпреступления представляют собой один из наиболее динамично развивающихся видов преступности, обусловленный активным развитием цифровых технологий. В уголовном праве под киберпреступлениями понимают преступные деяния, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, направленные на нарушение прав субъектов цифровой среды. Основная сложность борьбы с этим явлением связана с его транснациональным характером, анонимностью преступников и высоким уровнем технологической оснащённости правонарушителей [1, с. 100].

В международной практике принята классификация киберпреступлений, которая включает несколько ключевых категорий. Первая группа – преступления, направленные на информационные системы и сети. К ним относятся несанкционированный доступ к данным, хакерские атаки, внедрение вредоносного программного обеспечения, кибершпионаж и нарушение целостности информационных систем. Вторая группа – преступления, совершаемые с использованием цифровых технологий. В их числе кибермошенничество, кража персональных данных, незаконные финансовые операции, кибербуллинг, распространение запрещённого контента.

На международном уровне правовое регулирование киберпреступности осуществляется в рамках Будапештской конвенции о киберпреступности 2001 года, которая определяет основные принципы борьбы с преступлениями в цифровой среде, а также устанавливает механизмы взаимодействия государств в расследовании подобных преступлений. В Российской Федерации уголовная ответственность за киберпреступления предусмотрена рядом статей Уголовного кодекса РФ, в частности, статьями 272–274, регулирующими незаконный доступ к компьютерной информации, её модификацию, распространение вредоносного ПО, а также преступления в сфере незаконного оборота цифровых данных. Однако российское законодательство сталкивается с рядом проблем, связанных с необходимостью адаптации норм к новым вызовам цифровой преступности и обеспечением эффективного международного сотрудничества в борьбе с киберпреступлениями [2].

Отличительной особенностью киберпреступлений является их специфическая структура, которая затрудняет их выявление и расследование. Основные признаки этих преступлений – использование цифровых технологий, сложность установления личности преступника, высокая степень анонимности, возможность совершения преступления дистанционно, а также затруднённая фиксация следов преступления. Всё это требует от правоохранительных органов применения новых подходов и технологий, в том числе использования инструментов киберразведки, анализа больших данных и криптографических методов защиты информации [3].

Таким образом, теоретико-правовые аспекты киберпреступлений требуют постоянного совершенствования правового регулирования, разработки новых методов расследования и усиления международного взаимодействия. В современных условиях цифровая преступность становится одной из ключевых угроз информационной безопасности, что требует комплексного подхода к её предупреждению и противодействию.

Существуют следующие современные вызовы и способы противодействия киберпреступлениям [7].

Современная киберпреступность характеризуется высокой степенью организованности, использованием сложных технологических схем и трудностями в раскрытии преступлений. В последние годы наблюдается рост числа атак на государственные информационные системы, банковские учреждения, а также увеличение количества преступлений, связанных с мошенничеством в интернете, распространением вредоносного программного обеспечения и кражей персональных данных. Одной из наиболее опасных тенденций стало развитие кибертерроризма, который представляет угрозу национальной безопасности [4].

Среди основных вызовов борьбы с киберпреступностью можно выделить несколько аспектов. Во-первых, это стремительное развитие цифровых технологий, опережающее правовое регулирование. Уголовное законодательство зачастую не успевает адаптироваться к новым формам преступлений, что приводит к появлению «серых зон» в правоприменении. Во-вторых, анонимность и трансграничный характер киберпреступлений затрудняют их расследование, поскольку преступники могут находиться в разных юрисдикциях, используя сложные схемы сокрытия своей деятельности. В-третьих, киберпреступники активно применяют методы социальной инженерии, которые позволяют обойти традиционные меры защиты и получить доступ к конфиденциальной информации [5].

Эффективное противодействие киберпреступлениям требует разработки и внедрения комплексных мер. Важнейшим направлением является совершенствование уголовного законодательства, в том числе введение новых норм, охватывающих актуальные виды преступлений в цифровой среде. Примером может служить усиление ответственности за распространение вредоносных программ, незаконное использование персональных данных и кибермошенничество.

Другим ключевым аспектом является развитие технологий выявления и расследования киберпреступлений. Современные методы цифровой криминалистики позволяют отслеживать деятельность преступников в сети, проводить анализ зашифрованных данных, выявлять следы вмешательства в информационные системы. В этом направлении значительную роль играют правоохранительные органы, специализирующиеся на расследовании преступлений в киберпространстве, а также частные компании, разрабатывающие средства кибербезопасности [6].

Кроме того, важнейшей мерой борьбы с киберпреступностью является международное сотрудничество. В условиях глобализации пре-

ступники могут действовать на территории нескольких государств, используя сети анонимности и технологии скрытия следов. Эффективность борьбы с такими преступлениями напрямую зависит от взаимодействия правоохранительных органов разных стран, обмена данными и совместных операций по пресечению киберпреступной деятельности. В этой сфере особое значение имеют международные соглашения, такие как Будапештская конвенция, а также работа международных организаций, занимающихся вопросами цифровой безопасности.

Ещё одним важным направлением является повышение цифровой грамотности населения. Большая часть киберпреступлений связана с невнимательностью или неосведомлённостью пользователей, которые становятся жертвами мошенников, подвергаются фишинговым атакам или утрачивают доступ к своим данным из-за вредоносного программного обеспечения. Просветительские программы, направленные на обучение граждан основам кибербезопасности, могут значительно снизить уровень преступлений в цифровой среде.

Таким образом, современные вызовы, связанные с киберпреступностью, требуют комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, развитие технологических методов противодействия, международное сотрудничество и повышение осведомлённости населения. Только системные меры могут обеспечить эффективную защиту цифрового пространства и минимизировать риски, связанные с киберугрозами.

Исследование показало, что киберпреступность представляет собой серьезную угрозу для безопасности цифрового пространства, требующую оперативного реагирования со стороны уголовного законодательства. Анализ правовых норм выявил, что существующие механизмы уголовно-правового регулирования не всегда успевают за развитием технологий, что создает сложности в квалификации преступлений и их расследовании. Особенность киберпреступлений заключается в их анонимности, трансграничности и высокой технической сложности, что требует новых подходов к их выявлению и пресечению.

Поставленные в исследовании цели и задачи были выполнены. Проведенный анализ позволил определить классификацию киберпреступлений, выявить проблемы уголовно-правового регулирования и оценить современные способы их совершения. Установлено, что одним из ключевых вызовов является транснациональный характер преступлений, что осложняет привлечение виновных к ответственности. В связи с этим особое значение приобретает международное сотрудничество, основанное на унификации законодательства и обмене оперативными данными.

Научная новизна исследования заключается в систематизации современных угроз киберпреступности и оценке их влияния на уголовное право. Выявлены недостатки в существующей правоприменительной практике, что подчеркивает необходимость внесения изменений в законодательство.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию уголовно-правовых норм и усилению механизмов борьбы с преступлениями в цифровой среде. В их числе: адаптация законодательства к новым видам цифровых преступлений, разработка эффективных методов расследования с использованием цифровой криминалистики, а также укрепление международного взаимодействия в данной сфере.

Таким образом, киберпреступность остается одной из наиболее сложных и актуальных проблем уголовного права. Ее успешное противодействие возможно только при комплексном подходе, включающем законодательные, технические и организационные меры, направленные на обеспечение цифровой безопасности и защиту прав субъектов в информационной среде.

Список литературы:

1. Простосердов М. В. Экономические киберпреступления: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. - М.: Юрлитинформ, 2021. - 256 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Киберпреступность: правовая база и права человека / Управление ООН по наркотикам и преступности. 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_3_Legal_Frameworks_and_Human_Rights_RU.pdf (дата обращения: 08.02.2025).
4. Борьба с киберпреступностью / Всемирный банк. 2022. URL: https://cldp.doc.gov/sites/default/files/2022-09/Session%202.2_Keong-Min-Yoon_World-Bank_Cybercrime-Cybersecurity-Legal-Frameworks_RU.pdf (дата обращения: 08.02.2025).
5. О необходимости введения дефиниции 'киберпреступление' в уголовный закон Российской Федерации // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-vvedeniya-definititsii-kiberprestupleniy-v-ugolovnyy-zakon-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 08.02.2025).
6. Состояние уголовно-правового регулирования киберпреступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-kiberprestupleniy-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 08.02.2025).
7. Колиева, А. Э. Проблемы возмещения государством вреда, причиненного при отправлении правосудия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. - 2009. - № 1. - С. 93-98. EDN: KPOGXB

References:

1. Prostoserdov M. V. Economic cybercrimes: criminal law and criminological characteristics. Moscow: YurLitinform, 2021. 256 p.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended dated December 28, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
3. Cybercrime: legal framework and human rights / United Nations Office on Drugs and Crime. 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_3_Legal_Frameworks_and_Human_Rights_RU.pdf (date of request: 02/08/2025).
4. The fight against cybercrime / The World Bank. 2022. URL: https://cldp.doc.gov/sites/default/files/2022-09/Session%202.2_Keong-Min-Yoon_World-Bank_Cybercrime-Cybersecurity-Legal-Frameworks_RU.pdf (date of appeal: 02/08/2025).
5. On the need to introduce the definition of "cybercrime" into the criminal law of the Russian Federation // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-vvedeniya-definititsii-kiberprestupleniy-v-ugolovnyy-zakon-rossiyskoy-federatsii> (date of request: 02/08/2025).
6. The state of criminal law regulation of cybercrimes in the criminal legislation of the Russian Federation // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-ugolovno-pravovogo-regulirovaniya-kiberprestupleniy-v-ugolovnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (date of application: 02/08/2025).
7. Kolieva, A. E. Problems of compensation by the state for harm caused in the administration of justice // Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University. - 2009. - No. 1. - pp. 93-98. EDN: KPOGXB

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР НОВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ (ЦИФРОВИЗМА), РАЗГРАНИЧИВАЮЩИЙ СМЕЖНЫЕ СОСТАВЫ ХИЩЕНИЙ БЕЗНАЛИЧНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ DIGITAL TECHNOLOGIES AS A DETERMINING FACTOR OF A NEW SOCIO-ECONOMIC FORMATION (DIGITALISM), DELIMITATING RELATED COMPONENTS OF THEFT OF NON-CASH AND ELECTRONIC MONEY

КЛИМЕНКО Анастасия Константиновна,
Дальневосточный юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шиловой,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин.
680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.
E-mail: lady.anastasia7891@mail.ru;

KLIMENKO Anastasia Konstantinovna,
senior Lecturer of the Department of General legal Disciplines
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilova.
680020, Khabarovsk, lane. Barracks, 15.
E-mail: lady.anastasia7891@mail.ru

Краткая аннотация. В статье автор приходит к выводу о смене общественно-экономической формации на так называемую цифровую общественно-экономическую формацию (строй) – цифровизм, для которого характерны информационно-телекоммуникационные технологии, определившие появление нового элемента производительных сил, заменившего большую часть людей на операторов указанных технологий. Несовершенство уголовно-правовой охраны новой группы общественных отношений, выразившееся в проблеме разграничения «электронной кражи» от «электронного мошенничества», автор связывает с непризнанием законодателем указанного нового элемента производительных сил, предопределившего: 1) иную природу владения, распоряжения безналичных и электронных денежных средств; 2) специфику механизма изъятия указанного предмета хищения с учетом субъектного состава хищения с использованием технологий (помимо потерпевшего, виновного, участвует и оператор технологии), предлагая взять правоприменителю устойчивый вектор в применении «электронного мошенничества».

Abstract. In the article, the author comes to the conclusion that the socio-economic formation has changed to the so-called digital socio-economic formation (system) - digitalism, which is characterized by information and telecommunication technologies, which determined the emergence of a new element of the productive forces, replacing most people with operators of these technologies. The author associates the imperfection of criminal legal protection of a new group of social relations, expressed in the problem of distinguishing «electronic theft» from «electronic fraud», with the non-recognition by the legislator of this new element of the productive forces, which predetermined: 1) a different nature of ownership and disposal of non-cash and electronic funds; 2) the specifics of the mechanism for confiscating the specified item of theft, taking into account the subject composition of theft using technology (in addition to the victim, the perpetrator, the operator of the technology also participates), suggesting that the law enforcement officer take a sustainable vector in the use of «electronic fraud».

Ключевые слова: цифровизация, цифровизм, информационно-телекоммуникационные технологии, «электронное мошенничество», «электронная кража».

Key words: digitalization, digitalism, information and telecommunication technologies, «electronic fraud», «electronic theft».

Для цитирования: Клименко А.К. Цифровые технологии как определяющий фактор новой общественно-экономической формации (цифровизма), разграничивающий смежные составы хищений безналичных и электронных денежных средств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 429-432. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_429.

For citation: Klimenko A.K. Digital technologies as a determining factor of a new socio-economic formation (digitalism), delimitating related components of theft of non-cash and electronic money // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 429-432. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_429.

Статья поступила в редакцию: 29.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Во всем мире стремительными темпами развивается цифровизация всех сфер жизни общества, которое со временем трансформируется в информационное.

Глобально цифровизация коснулась экономической сферы. Так, появившиеся технологии в большей части усовершенствовали различные производственные и управленческие процессы всех отраслей экономики, что привело к сокращению расходов, цифровизации производственных процессов, а также развитию новых бизнес-моделей.

Применение информационно-телекоммуникационных технологий в экономике способствовали возникновению цифровой экономики. Вместе с тем, как справедливо указывается в научной литературе, цифровизация привела и к возникновению новых форм преступной деятельности [1, 18-23].

Цифровизация производительных сил повлекла трансформацию исторически определенных производственных отношений. Напомним, что под совокупностью производственных отношений составляющих экономическую структуру общества понимается экономический базис, согласно учению К. Маркса о базисе и надстройке. Надстройка в свою очередь представляет собой государство и право, а также такие формы общественного сознания, как мораль, религия, философия, искусство, политическую и правовую формы сознания [3]. Следовательно, трансфор-

мация производственных отношений влечет историческое изменение экономического базиса. Учитывая, что базис определяет надстройку, которая не только его отражает, но и создает (или тормозит) нормативные правовые условия его развития, о чем совершенно справедливо указывает А.В. Иванов, подчеркивая, тем самым, взаимообусловленность экономического базиса и возвышающейся над ним юридической надстройки [6, с. 22-26], мы с уверенностью можем сделать вывод о том, что изменение экономического базиса определяет трансформацию юридической надстройки.

Таким образом, обусловленные переходом к цифровой экономике изменения в базисе влекут изменения в надстройке и дают нам основания предположить о приближающейся смене общественно-экономической формации на так называемую цифровую общественно-экономическую формацию (строй), только набирающую свои обороты. Для данной формации характерны прежде всего информационно-телекоммуникационные технологии, сменившие средства производства, являвшиеся доминирующим фактором для предыдущих общественно-экономических формаций, и находящиеся для данной формации в общественной собственности, а также отсутствие собственного производства, использование средств производства других предприятий, но под своей торговой маркой.

О новом формационном сдвиге совершенно справедливо указывает и И.К. Лавровский, который отмечает, что для раскрывающейся перед нами новой общественно-экономической формации характерны финансовые технологии и технологии, занимающие ключевые позиции [8, с. 157-175]. По мнению И.К. Лавровского, финансовые технологии воспринимаются в ряду других новшеств, характерных для новой формации, таких как новые материалы, информационные технологии, новая энергетика и т.д. Таким образом, главным фактором оказалась технология, а не капитал, ценность которого, а также возможность его создания и роста стала определяться общественной технологией.

В подтверждение сказанного проиллюстрируем предыдущую смену общественно-экономической формации (строя), обусловленную экономическим базисом, породившим соответственно кардинальные изменения и в праве.

Так, смена феодального строя на капитализм обусловлена ключевыми изменениями экономического базиса, ввиду перехода к рыночной экономике, повлекшего коренное преобразование отечественного уголовного права. А именно, легализованное частное предпринимательство при капитализме (изменение экономического базиса), повлекло криминализацию незаконной предпринимательской деятельности (изменение правовой надстройки).

Набирающая свои обороты цифровая общественно-экономическая формация (по аналогии звучания с предыдущими названиями формаций назовем ее – цифровизм), породившая тенденции стремительного расширения безналичного денежного обращения, в том числе через различные мобильные приложения, позволяющие дистанционно распоряжаться владельцам их денежными средствами, хранящимися на счетах – нового финансового инструмента – банковских карт, а также внесением третьей цифровой формы российской национальной валюты – цифрового рубля, вызвали кардинальные изменения в уголовном праве, обусловленные набирающими стремительные обороты хищениями денежных средств и использованием средств связи [5, с. 38-41].

Этим вынужденным изменениям в уголовном праве поспособствовали цифровые преобразования экономики, открывшие новые возможности действий не только в цифровом мире (развитие платежных технологий, услуг дистанционного банковского обслуживания), но и в мире криминальном. В последнем все чаще используется потенциал информационно-телекоммуникационных технологий, направленный на хищение такого распространенного предмета преступного посягательства как безналичные и электронные денежные средства.

Таким образом, нынешний уголовный закон уже отступил от традиционного предмета преступления, обладающего вещным признаком, признав в качестве предмета хищений безналичные и электронные денежные средства, не обладающие физичностью.

На сегодняшний день противодействие преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий является одной из приоритетных задач государства в современных условиях, поскольку государство должно способствовать развитию среды, благоприятствующей доверию граждан к цифровым технологиям.

Однако уголовная политика в плане уголовно-правовой охраны безналичных и электронных денежных средств оставляет желать лучшего.

Несмотря на то, что с апреля 2018 года в уголовном законе закреплена уголовная ответственность за хищения вышеуказанных денежных средств в трех составах Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ): п. «г» ч. 3 ст. 158, 159³ и п. «в» ч. 3 ст. 159⁶, уже около шести лет правоприменительная практика по указанным составам противоречива [4, с. 28-33; 5, с. 47-49; 16, с. 50-55]. Кроме того, уже длительное время остается нерешенным важный вопрос о разграничении «электронной кражи» [7, с. 78-87; 13, с. 105-112; 14, с. 34-38] и «электронного мошенничества» [12, с. 59-64; 15, с. 90-98; 18, с. 39-43].

Одной из причин такой неустойчивой правоприменительной практики В.В. Горюнов называет саму по себе новизну общественных отношений, возникших в результате структурных изменений в хозяйственном обороте [5, с. 47-49].

Соглашаясь с позицией В.В. Горюнова, назвавшего причину продолжающегося коллапса правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности за хищения безналичных и электронных денежных средств, попытаемся раскрыть ее более детально через призму учения о базисе и надстройке с целью решения проблемы квалификации вышеуказанных хищений, а именно поиска критериев, разграничивающих «электронную кражу» от «электронного мошенничества».

По нашему мнению, зерно истины данной проблемы кроется в непризнании обществом новой вышеуказанной формации, в которой изменился ее определяющий фактор – технологии, вместо средств производства. Технологии, в виду особенностей процесса производства, заключающихся в наименьшей затрате человеческого труда для получения наибольших результатов, привели к изменению составляющих эле-

ментов производительных сил. Так, в последних произошла замена людей, являющихся основным элементом производительных сил, на операторов, управляющих технологиями. Из чего следует заключить, что цифровизм обусловил появление нового элемента производительных сил вместо людей – операторов технологий, совокупность которых составляет производственные отношения.

Возвращаясь к преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в неизбежных условиях цифровизации защита вышеуказанных новых общественных отношений, то есть формирование правовой надстройки должно происходить с учетом нетрадиционного предмета хищения (безналичные и электронные денежные средства, являющиеся объектами имущественных прав), а также специфики субъектного состава хищения в сфере технологий (оператор технологии, в нашем случае – оператор платежной системы, осуществляющий деятельность по переводу указанных денежных средств, иными словами принимающих правоустанавливающие решения).

В подтверждение сказанного, отметим, что изначально законодатель в старой редакции ст. 159³ УК РФ, а также высший судебный орган в старой редакции п. 17 постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 [10] справедливо указывал про уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации, учитывая специфику новых общественных отношений. Однако вскоре последовала череда изменений: в ст. 159³ УК РФ, в вышеуказанное постановление высшего судебного органа, еще больше вызвавших противоречия в правоприменительной практике.

Таким образом, для раскрывающегося перед нами цифровизма характерны новые производительные силы, включающие операторов, управляющих технологиями; иная природа владения, распоряжения безналичных и электронных денежных средств, отличная от природы владения, распоряжения (например, наличных денежных средств или иного материального имущества). В свою очередь, иная природа владения, распоряжения указанных денежных средств указывает на специфику механизма изъятия, в котором может присутствовать оператор, управляющий технологией, и на которого направлен обман виновного. Применительно к нашей ситуации разграничения «электронного мошенничества» и «электронной кражи» – с участием продавца в магазине, подающего терминал, и которому виновный сообщает заведомо ложные сведения либо умалчивает о незаконном владении, обман направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а не для облегчения доступа к нему.

Характерные черты новой общественно-экономической формации указывают на специфику способа совершения вышеуказанных преступлений, свидетельствующего о высокой степени общественной опасности рассматриваемых противоправных деяний [11]. Учитывая факт стремительного развития технологий, законодатель внося изменения в Уголовный кодекс РФ [9], преследует лишь одну главную цель борьбы с преступлениями, совершенными с использованием технологий, создавая идущий со временем эффективный механизм борьбы с преступностью, и расширяя диспозицию применения ст. 159³ УК РФ в новой редакции, снимая ограничения по кругу присутствующих лиц, предоставляющих терминал для оплаты.

Согласимся с мнением Н.Р. Шевко, признающего вышеуказанный способ совершения преступления признаком повышающим общественную опасность деяний, и предлагающего внести указанный способ совершения преступления в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ) [17, с. 32-37].

Из вышеизложенного следует заключить, что внедрение информационно-телекоммуникационных технологий в экономику явились причиной ее трансформации в цифровую. Характерная для цифровой экономики цифровизация производительных сил повлекла трансформацию исторически определенных производственных отношений, которая в соответствии с учением К. Маркса о базисе и надстройке, поспособствовала изменению экономического базиса и дальнейшую трансформацию правовой надстройки. Это привело к смене общественно-экономической формации на так называемую цифровую общественно-экономическую формацию (строй) – цифровизм.

Однако в новой общественно-экономической формации сформировалась недоработанная правовая надстройка, в которой имеется несовершенство уголовно-правовой охраны новой группы общественных отношений, выразившееся в противоречивой судебно-следственной практике, а именно невозможности разграничения «электронной кражи» от «электронного мошенничества». По нашему мнению, это связано с тем, что законодатель признав нетрадиционный, не обладающий физичностью, предмет хищения, не учел: 1) иную природу владения, распоряжения указанных денежных средств (несовпадающей с наличными денежными средствами); 2) специфику механизма изъятия указанного предмета хищения с учетом субъектного состава хищения в сфере технологий (помимо потерпевшего, виновного, участвует и оператор технологии (оператор платежной системы), осуществляющий деятельность по переводу указанных денежных средств, иными словами принимающий правоустанавливающие решения).

Следовательно, как «электронное мошенничество» следует квалифицировать действия виновного лица, оплачивающего в магазине не принадлежащей ему банковской картой, в присутствии лица, предоставляющего терминал для оплаты, в отношении которого виновный осуществляет активный обман в тождестве личности, заключающийся в предоставлении чужого электронного средства платежа, умалчивая об истинном его владельце.

Список литературы:

1. Антонова Е. Ю. Новые формы преступной деятельности в условиях цифровизации // Ученые записки юридического факультета. - 2022. - № 1. - С. 18-23. EDN: JZBLHM
2. Антонова Е. Ю., Клименко А. К. Классификация хищений денежных средств с использованием средств связи // Российский следователь. - 2019. - № 1. - С. 38-41. EDN: YTXOUP
3. Базис и надстройка. URL: <https://www.esperanto.mv.ru/wiki/Марксизм/БазисИНадстройка>. (дата обращения: 16.11.2023).
4. Винокуров В. Н. Квалификация незаконного завладения банковской картой и последующего изъятия имущества // Уголовное право. - 2023. - № 8. - С. 28-33. DOI: 10.52390/20715870_2023_8_28 EDN: VTJJUU
5. Горюнов В.В. Хищение денежных средств с банковского счета: спорные вопросы квалификации // Законность. - 2023. - № 8. - С. 47-49. EDN: DELKBX
6. Иванов А.В. Цифровая экономика и уголовное право как базис и надстройка // Уголовная политика в условиях цифровой трансформации: сборник статей материалов Всероссийской научно-практической конференции "Уголовная политика в условиях цифровой трансформации" / отв. ред. М.А. Ефремова. - Казань: Отечество, 2022. - С. 22-26. EDN: PSEXMN

7. Клепицкий И. К. Кража без денег: простой ответ на простой вопрос // Уголовное право. - 2020. - № 5. - С. 78-87. EDN: PUMQZG
8. Лавровский И. К. Национальное планирование как органичная фаза в развитии государства и экономики // "ЭКО" (Экономика и организация промышленного производства). - 2021. - № 10. - С. 157-175. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-10-158-175 EDN: HVDRKB
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 апреля 2018 № 111 // Российская газета. - 2018. - 25 апреля. - № 88.
10. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsr.f.ru/documents/own/26108/> (дата обращения: 10.01.2025).
11. Пояснительная записка "К проекту федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)" // СПС Гарант. URL: <http://base.garant.ru/57265095/> (дата обращения: 10.01.2025).
12. Русскевич Е. А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений // Уголовное право. - 2019. - № 2 - С. 59-64. EDN: WSSPZY
13. Складов С. В. Обман при хищении // Уголовное право. - 2020. - № 5. - С. 105-112. EDN: JRIIVJ
14. Филатова М. А. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине образует состав кражи // Уголовное право. - 2020. - № 12. - С. 34-38. EDN: CCMBHR
15. Хилыута В. В. Направленность мошеннического обмана на иных лиц: границы и содержание // Уголовное право. - 2020. - № 4. - С. 90-98. EDN: ZJKWRO
16. Хилыута В. В. Частые вопросы квалификации хищений с неопределенным умыслом // Уголовное право. - 2023. - № 8. - С. 50-55. DOI: 10.52390/20715870_2023_8_50 EDN: CYBVNF
17. Шевко Н. Р. Проблемы квалификации преступлений в сфере информационных технологий // Уголовная политика в условиях цифровой трансформации: сборник статей материалов Всероссийской научно-практической конференции "Уголовная политика в условиях цифровой трансформации" / отв. ред. М. А. Ефремова. - Казань: Отечество, 2022. - С. 32-37. EDN: BURRGU
18. Яни П. С. Хищение с использованием чужой банковской карты в магазине следует квалифицировать как мошенничество // Законность. 2020. № 12. С. 39-43. EDN: MXYYYU

References:

1. Antonova E. Yu. New forms of criminal activity in the conditions of digitalization // Scientific notes of the Faculty of Law. - 2022. - No. 1. - P. 18-23.
2. Antonova E. Yu., Klimenko A. K. Classification of theft of funds using communication means // Russian investigator. - 2019. - No. 1. - P. 38-41.
3. Base and superstructure. URL: <https://www.esperanto.mv.ru/wiki/Marxism/BasisINSuperstructure>. (access date: 11/16/2023).
4. Vinokurov V.N. Qualification of illegal acquisition of a bank card and subsequent seizure of property // Criminal law. - 2023. - No. 8. - P. 28-33.
5. Goryunov V.V. Theft of funds from a bank account: controversial issues of qualification // Legality. - 2023. - No. 8. - P. 47-49.
6. Ivanov A.V. Digital economy and criminal law as a basis and superstructure // Criminal policy in the conditions of digital transformation: a collection of articles from the All-Russian scientific and practical conference "Criminal policy in the conditions of digital transformation" / resp. ed. M.A. Efremova. - Kazan: Fatherland, 2022. - P. 22-26.
7. Klepitsky I.K. Theft without money: a simple answer to a simple question // Criminal law. - 2020. - No. 5. - P. 78-87.
8. Lavrovsky I.K. National planning as an organic phase in the development of the state and economy // "ECO" (Economics and organization of industrial production). - 2021. - No. 10. - P. 157-175.
9. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: federal. Law of April 23, 2018 No. 111 // Russian newspaper. - 2018. - April 25. - No. 88.
10. On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48 // Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.vsr.f.ru/documents/own/26108/> (access date: 01/10/2025).
11. Explanatory note "To the draft federal law "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (in terms of strengthening criminal liability for theft of funds from a bank account or electronic funds)" // SPS Garant. URL: <http://base.garant.ru/57265095/> (access date: 01/10/2025).
12. Ruskevich E. A. Discrimination of theft from a bank account or in relation to electronic funds from related crimes // Criminal law. - 2019. - No. 2 - P. 59-64.
13. Sklyarov S.V. Deception during theft // Criminal law. - 2020. - No. 5. - P. 105-112.
14. Filatova M. A. Theft using someone else's bank card in a store constitutes theft // Criminal law. - 2020. - No. 12. - P. 34-38.
15. Khilyuta V.V. Direction of fraudulent deception towards other persons: boundaries and content // Criminal law. - 2020. - No. 4. - P. 90-98.
16. Khilyuta V.V. Frequent questions of qualification of thefts with undetermined intent // Criminal law. - 2023. - No. 8. - P. 50-55.
17. Shevko N. R. Problems of qualification of crimes in the field of information technology // Criminal policy in the conditions of digital transformation: collection of articles of materials of the All-Russian scientific and practical conference "Criminal policy in the conditions of digital transformation" / resp. ed. M. A. Efremova. - Kazan: Fatherland, 2022. - P. 32-37.
18. Yani P. S. Theft using someone else's bank card in a store should be classified as fraud // Legality. 2020. No. 12. pp. 39-43.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ DEFINING THE ROLE OF CRIMINAL REPRESSION IN COMBATING ORGANIZED CRIME

ЖЕСТЕРОВ Павел Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, уголовного права и процесса
Института деловой карьеры.

125445, Россия, г. Москва, ул. Смольная, д. 24А.

E-mail: zhesterov@mail.ru;

ZHESTEROV Pavel Valerievich,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Administrative, Criminal Law and Procedure,
Institute of Business Career.

125445, Moscow, Smolnaya St., 24A, 13th floor, office 1312.

E-mail: zhesterov@mail.ru

Краткая аннотация. Исследование изучает характеристики и тенденции организованной преступности, её организационную структуру, стремясь обеспечить всестороннее понимание этого негативного социального явления. Делается вывод, что уголовная репрессия эффективная, но не единственная мера борьбы с организованной преступностью. Больше внимание должно быть уделено проактивной деятельности органов внутренних дел (полиции) по предупреждению организованной преступности. Автор наметил конкретные стратегические рекомендации, которые могут облегчить противодействие ей.

Abstract. This study examines the characteristics and trends of organized crime, its organizational structure, striving to provide a comprehensive understanding of this negative social phenomenon. Criminal repression is an effective, but not the only, measure for combating organized crime. More attention should be paid to the proactive activities of internal affairs bodies (police) in preventing organized crime. The author outlines specific strategic recommendations that can facilitate combating organized crime.

Ключевые слова: уголовная репрессия, организованная преступность, незаконная миграция, киберпреступность, наркотрафик, безопасность.

Keywords: criminal repression, organized crime, illegal migration, cybercrime, drug trafficking, security.

Для цитирования: Жестеров П.В. Определение роли уголовной репрессии в борьбе с организованной преступностью // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 433-436. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_433.

For citation: Zhesterov P.V. Defining the role of criminal repression in combating organized crime // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 433-436. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_433.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Организованная преступность признается негативным социальным явлением во всех странах мира. Однако в современной отечественной и зарубежной криминологии до сих пор не сложилось единого понимания организованной преступности. Не останавливаясь подробно на содержание дискуссии, которая не является предметом настоящей статьи и подробнейшим образом изложена в работе признанного российского криминолога А. И. Долговой «Преступность, её организованность и криминальное общество» [1], согласимся с её утверждением, что «отсутствие удовлетворительного конвенционального определения организованной преступности отражается на содержании не только национальных, но и международных нормативных правовых актов» [1, с. 334]. Она же предложила и лаконичную формулировку организованной преступности (которую мы возьмем за основу в настоящем исследовании), определив её как сложную систему «организованных преступных формирований, их отношений и деятельности» [1, с. 343].

Нет однозначного подхода и к структуре организованной преступности. Достаточно простую, но приемлемую в исследовательских целях структуру предложил польский криминолог Б. Холыст, выделяя: уголовную организованную преступность; организованную преступность, связанную с наркотиками; экономическую организованную преступность; криминальный и политический террор [2, с. 147-150]. По сути, он сгруппировал направления деятельности организованной преступности по криминальным сферам (рынкам), на которых специализируются соответствующие организованные преступные группы (далее – ОПГ).

Уголовно-правовая политика России в сфере борьбы с организованной преступностью по-прежнему находится в стадии поиска оптимальных решений, особенно в условиях беспрецедентного роста зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных высокоорганизованными преступными объединениями. По данным МВД России, в 2024 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 36,1 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+17,1%), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 11,6% в 2023 г. до 13,8% (<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/>).

МВД России обобщает статистические показатели о наркотрафике и киберпреступности. Так, в 2024 г. сотрудниками органов внутренних дел было выявлено 191,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (+3,3% к АППГ) и 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (+13,1% к АППГ). В общем числе зарегистрированных преступлений удельный вес последних вырос с 34,8% в 2023 г. до 40,0% (<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/>).

Хотя на расширенном заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 г. Президент РФ не упомянул отдельно действия органов внутренних дел по нейтрализации организованной преступности, он уделил особое внимание таким приоритетным направлениям правоохранительной деятельности, как борьба с наркобизнесом, киберпреступностью, очищение отраслей экономики и финансового сектора от схем отмывания преступных доходов.

Наблюдаемое усиление позиций представителей организованной части преступности во многом обусловлено структурным несовершенством органов внутренних дел, которые выявляют 91,6% всех зарегистрированных в нашей стране преступлений. Упразднение в 2008 г. подразделений МВД России по борьбе с организованной преступностью и создание на их месте узкоспециализированных подразделений (по борьбе с экстремистскими проявлениями и обеспечивающие государственную защиту участников уголовного судопроизводства, судей и иных перечисленных в законодательстве лиц), решающих гораздо меньший объем задач, постепенно привело к тому, что выявление организационной деятельности лиц, создающих преступные объединения для совершения иных преступлений (не экстремистской направленности) не является приоритетной задачей органов внутренних дел (полиции).

В современных условиях для организованной преступности наибольший интерес представляют следующие высокодоходные сферы противоправной деятельности: незаконный оборот наркотиков, оружия, алкоголя, табачных изделий, а также хищения с использованием Интернет-технологий.

Применительно к наркобизнесу ряд авторов выводят такую зависимость: «усиление общественной опасности наркоторговли прямо пропорционально усложнению форм соучастия вовлеченных в нее лиц, и можно говорить о фактической невозможности ее существования как полноценной "отрасли" криминального бизнеса при осуществлении наркоторговли "кустарным" способом» [3, с. 15]. Подобное утверждение в полной мере может быть применено и к другим криминальным «промыслам», в которые вовлечены члены ОПГ.

Криминологи отмечают, что правоохранительные органы и судебная система, традиционно отличающиеся консерватизмом в подходах, «оказались не готовы к новым угрозам, возникшим из-за смещения преступности (в том числе ее организованных форм) в сторону онлайн-платформ» [4, с. 83-84].

Нельзя отрицать сближение незаконной миграции с организованной преступностью и международными террористическими организациями [5, с. 45]. Примечательно, что начиная с октября 2023 г., МВД России размещает на своем официальном сайте аналитические справки о миграционной ситуации в стране, что свидетельствует об остроте рассматриваемой проблемы и пристальном внимании к ней со стороны органов внутренних дел.

Но все же экономический компонент, заключающийся в стремлении получить сверхдоход криминальными методами, специализация на криминальном «промысле», выступает краеугольным камнем, лежащим в основе понимания организованной преступности.

Зарубежные исследователи подчеркивают финансовую составляющую организованной преступности, поскольку её целью является прибыль или иная материальная выгода. Действительно, предоставление незаконных товаров и услуг доминирует в получении прибыли организованной преступностью. Иногда преступление организованной преступности направлено на власть или запугивание (в таких случаях, как рэкет или вымогательство), но эти действия также направлены на обеспечение выживания и прибыльности действующего преступного «предприятия» [6].

Определяя тенденции отечественной организованной преступности, Н. Ш. Козаев выделяет среди них четыре основные: 1) усложнение внутренней структуры и иерархии ОПГ; 2) расширение сфер преступной деятельности ОПГ; 3) интернационализация; 4) конспиративность деятельности ОПГ [7, с. 50-51].

Основной проблемой, которая вызывает дискуссии среди специалистов, выступает вопрос об эффективности мер уголовной репрессии в борьбе с организованной преступностью. С одной стороны, отечественный законодатель избрал криминализацию как основной метод противодействия преступности в перечисленных выше сферах, особо интересующих ОПГ, последовательно вводя все новые составы преступлений либо вводя квалифицирующие или особо квалифицирующие признаки, содержащие в качествеотягчающего обстоятельства групповое совершение преступления. Например, в 2024 г.: п. «б» ч. 3 ст. 178 УК РФ дополнил состав об ограничении конкуренции особо квалифицирующим признаком – «организованной группой» (Федеральный закон от 13.12.2024 № 467-ФЗ); п. «а» ч. 4 ст. 327 УК РФ дополнил состав о подделке, изготовлении или обороте поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков особо квалифицирующими признаками – «группой лиц по предварительному сговору», «организованной группой» (Федеральный закон от 09.11.2024 № 383-ФЗ). К проявлениям экономической организованной преступности следует отнести введенные в 2024 г. составы преступлений, связанные с организацией деятельности по представлению в инспекцию и сбыту заведомо подложных счетов-фактур и налоговых деклараций (расчетов) (ст. 173.3), включая отягчающие обстоятельства – «группой лиц по предварительному сговору», «организованной группой» (п. «а» ч. 2) (Федеральный закон от 23.11.2024 № 406-ФЗ).

Расширение круга уголовно-правовых норм формирует лишь единые нормативно-правовые основы противодействия организованной преступности, которые должны сочетаться с выработкой рекомендаций, относящихся к политике наказаний. В этой связи В. В. Радаев, анализируя отечественный рынок нерегистрируемого алкоголя, отмечает, что данный криминальный рынок «не слишком чувствителен к уровню правовых санкций, но в значительно большей мере зависит от эффективности практик правоприменения» [8, с. 54]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Так, ряд авторов отмечают эффективность борьбы с лидерами преступной среды после принятия ст. 210.1 УК РФ и снижение уровня их негативного влияния на криминальную обстановку [9, с. 104].

Между тем расследование и судебное разбирательства дел об организованной преступности зачастую сталкиваются с трудностями в установлении лидера ОПГ, что вызывает проблему разграничения простых и сложных форм соучастия. Так, лишь недавно в 2023 г. мерами прокурорского реагирования преодолена практика изменения вмененной в ходе предварительного расследования сложной формы соучастия «организованная группа» в делах о незаконном сбыте наркотиков через Интернет-магазины в приговорах на «группу лиц по предварительномуговору» из-за недоказанности, по мнению отдельных судей, длительности ОПГ, сплоченности и устойчивости их членов, наличия внутренней дисциплины и конспирации, связей с иными лицами, входящими в ОПГ [3, с. 14].

Помимо правильной квалификации и правильного назначения наказаний членам ОПГ судами приоритетом МВД России и всех подразделений органов внутренних дел (полиции) должна стать проактивная деятельность по предупреждению организованной преступности, поскольку последняя не существует обособленно, а может проявляться в виде преступлений, которые способны выявить и выявляют отдельные подразделения органов внутренних дел (УОГЗ – воздействие членов ОПГ на потерпевших, свидетелей, судей по делам об организованной преступности; ГУВМ – организация незаконной миграции; ГУЭБиПК – подкуп членами ОПГ должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления; и т.п.).

Проактивная деятельность органов внутренних дел по предупреждению организованной преступности представляет собой комплекс мер, направленных не просто на реагирование на совершенные членами ОПГ преступления, а на выявление, анализ и нейтрализацию факторов, способствующих возникновению и развитию организованной преступности, до того, как преступления будут совершены. Она кардинально отличается от реактивного подхода, который фокусируется на расследовании уже произошедших преступлений.

Проактивная деятельность предполагает активный поиск информации, выявление рисков и заблаговременное принятие мер для предотвращения преступной деятельности организованных групп и сообществ.

Целесообразно развивать разные формы стратегического подхода к борьбе с организованной преступностью, включая применение стратегического анализа, под которым следует понимать «род криминального анализа, поддерживающий процессы принятия решений, ориентированный на долгосрочные проблемы и цели, служащий установлению приоритетов и стратегии борьбы с преступностью на основе детального исследования и прогнозирования её развития» [2, с. 150].

Суть проактивной деятельности органов внутренних дел по предупреждению организованной преступности заключается в переходе от реагирования на последствия преступлений к предотвращению их возникновения, созданию условий, препятствующих развитию организованной преступности, и формированию атмосферы нетерпимости к организованной преступности в обществе. Это требует от органов внутренних дел (полиции) не только совершенствования оперативно-розыскной деятельности, но и активного взаимодействия с другими государственными органами, общественными организациями и гражданами. Как справедливо утверждает П. Н. Кобец, «...население предъявляет все новые требования к работе правоохранителей, и этот процесс не может не влечь собой возрастание влияния российской общественности к работе отечественных полицейских подразделений» [10, с. 190].

Интересную рекомендацию высказал Б. Холыст, предлагающий «ежегодно представлять общественному мнению картину состояния преступности, в которую должны складываться: полицейская и криминальная статистика; положение дел в экономической преступности; положение дел в организованной преступности» [2, с. 151]. Представляется, что дополнение отчета Министра внутренних дел РФ, представляемого в ходе ежегодного расширенного заседания коллегии МВД России частью, касающейся положения дел в организованной преступности, было бы востребовано не только среди сотрудников для обозначения им приоритета правоохранительной деятельности, но и для рядовых граждан, которые бы понимали, что государство ведет активную и поступательную борьбу с организованной преступностью.

Помимо взаимодействия с другими органами государственной власти и местного самоуправления, общественными организациями, гражданами, проактивная деятельность органов внутренних дел по предупреждению организованной преступностью включает в себя:

- криминологический анализ кримиогенной обстановки и криминологическое прогнозирование;
- оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление, пресечение и предупреждение деятельности членов ОПГ;
- совершенствование законодательства, включая предварительную криминологическую экспертизу законопроектов, содержащих такие изменения, которые касаются противодействия организованной преступности;
- международное сотрудничество с правоохранительными органами ЕАЭС, БРИКС и других дружественных объединений стран;
- улучшение профессиональной подготовки сотрудников полиции, в том числе освоение ими «цифровых» навыков борьбы с преступностью.

Особое внимание должно быть уделено развитию современных информационных технологий (в том числе искусственного интеллекта), которые можно использовать для создания и ведения баз данных об ОПГ и их членах, использования средств анализа данных для выявления связей между преступлениями и лицами, применения геоинформационных систем для анализа кримиогенной обстановки. Например, алгоритмы машинного обучения способны обрабатывать большие объемы данных для прогнозирования потенциальной преступной деятельности, тем самым преобразуя операции правоохранительных органов. Модели компьютерного зрения могут использовать визуальные данные с камер наблюдения и других источников для анализа, выявления и реагирования на преступления.

В условиях серьезного некомплекта личного состава органов внутренних дел возрастает потребность в применении технологий интеллектуальной поддержки принятия решений (управление персоналом, контроль производительности, психофизического состояния и поиск возможностей оптимизации загрузки сотрудников полиции), а также перспективные методы искусственного интеллекта, которые принимают управ-

ленческие решения, улучшают качество обработки больших массивов данных, моделируют угрозы безопасности, и т.п.

Таким образом, проактивная деятельность органов внутренних дел по предупреждению организованной преступности на современном этапе развития общества и государства требует комплексного подхода и тесного взаимодействия с другими органами государственной власти и местного самоуправления, общественными организациями и гражданами. Её целью должно стать не только предотвращение совершения конкретных преступлений членами ОПГ, но и создание условий, препятствующих дальнейшему расширению масштабов организованной преступности, обеспечивая тем самым безопасность и стабильность в обществе.

В заключении резюмируем. На современные проявления организованной преступности, проникновение членов ОПГ во все новые сферы жизнедеятельности общества и даже в политическую сферу, государство по-прежнему предпочитает реагировать мерами уголовной репрессии, вводя новые составы преступлений, которые обусловлены организованной преступностью, и дополняя уже имеющиеся в Особенной части УК РФ уголовно-правовые нормы отягчающими обстоятельствами, содержащими те или иные формы соучастия. Между тем следует уделять большее внимание формированию в российском обществе атмосферы нетерпимости к организованной преступности и развитию проактивных стратегий предупреждения организованной преступности, особенно в части прогнозирования её изменения, что позволит уточнять задачи различных подразделений органов внутренних дел по борьбе с ней, совершенствуя методы предотвращения и противодействия организованной преступности, с учетом специфики каждой из служб. В целом борьба с организованной преступностью должна стать приоритетом для каждой службы в системе органов внутренних дел и всего Министерства внутренних дел в целом.

Список литературы:

1. Долгова А. И. Преступность, её организованность и криминальное общество. - М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. - 572 с.
2. Холыст Б. Криминология: избранные главы / под ред. проф. Н. А. Исаева. - СПб: Издательский Дом "Алеф-Пресс", 2015. - 313 с.
3. Белогуров С. В., Ворсин Д. В. Разграничение форм соучастия в преступлениях, связанных с незаконным сбытом наркотиков интернет-магазинами // Законность. - 2024. - № 5. - С. 10-15. EDN: PXJZEA
4. Ларичев В. Д., Якушева Т. В. Организованная преступность и киберпреступность: вопросы соотношения и законодательного урегулирования // Журнал российского права. - 2023. - Т. 7, № 3. - С. 82-99. DOI: 10.12737/jr.2023.031 EDN: HANLKT
5. Кобец П. Н. О важности недопущения сближения незаконных миграционных процессов с организованной и иной преступностью // Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новой реальности (шифр - МКБСС): Сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции, Москва, 19 июля 2024 года. - Москва: Центр развития образования и науки, 2024. - С. 45-49. EDN: GHEGZZ
6. Albanese J. S. Organized Crime as Financial Crime. In book: The New Technology of Financial Crime: New Crime Commission Technology, New Victims, New Offenders, and New Strategies for Prevention and Control. D. Rebovich and J.M. Byrne, eds. - New York: Routledge, 2023. - 252 с.
7. Козаев Н. Ш. Тенденции развития и проблемы противодействия современной организованной преступности // Судебная экспертиза и исследования. - 2024. - № 3. - С. 50-53. EDN: JKQWOF
8. Радаев В. В. Королевство кривых зеркал: эволюция рынков нерегистрируемого алкоголя в России в 1980-2010-е годы // Мир России. - 2018. - Т. 27, № 3. - С. 28-60. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-28-60 EDN: USCFVS
9. Сухаренко А. Н. "Воры в законе" как организаторы экономических преступлений в зеркале судебной практики / А. Н. Сухаренко, А. С. Морозов, С. А. Кутякин // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. - 2024. - № 4(22). - С. 98-105. EDN: WQNATE
10. Кобец П. Н. Использование зарубежного положительного опыта взаимодействия правоохранителей и общественности в охране правопорядка // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 сентября 2024 года. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. - С. 186-191. EDN: FTSIYT

References:

1. Dolgova A. I. Crime, its organization and criminal society. - Moscow: Russian Criminological Association, 2003. - 572 p.
2. Kholyst B. Criminology: selected chapters / edited by prof. N. A. Isaev. - St. Petersburg: Alef-Press Publishing House, 2015. - 313 p.
3. Belogurov S. V., Vorsin D. V. Differentiation of forms of complicity in crimes related to the illegal sale of drugs by online stores // Legality. - 2024. - № 5. - P. 10-15.
4. Larichev V. D., Yakusheva T. V. Organized crime and cybercrime: issues of correlation and legislative regulation // Journal of Russian Law. - 2023. - Vol. 7, № 3. - P. 82-99.
5. Kobets P. N. On the importance of preventing the convergence of illegal migration processes with organized and other crimes // Modern Challenges and strategies for the development of society in a new reality (cipher - ICVCC): Proceedings of the XXVIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, July 19, 2024. - Moscow: Center for the Development of Education and Science, 2024. - P. 45-49.
6. Albanese J. S. Organized Crime as Financial Crime. In book: The New Technology of Financial Crime: New Crime Commission Technology, New Victims, New Offenders, and New Strategies for Prevention and Control. D. Rebovich and J.M. Byrne, eds. - New York: Routledge, 2023. - 252 p.
7. Kozayev N. S. Development trends and problems of countering modern organized crime // Forensic examination and research. - 2024. - № 3. - P. 50-53.
8. Radaev V. V. The Kingdom of crooked mirrors: the evolution of unregistered alcohol markets in Russia in the 1980s and 2010s // The world of Russia. - 2018. - Vol. 27, № 3. - P. 28-60.
9. Sukhareenko A. N. "Thieves in law" as organizers of economic crimes in the mirror of judicial practice / A. N. Sukhareenko, A. S. Morozov, S. A. Kutyakin // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. - 2024. - № 4(22). - P. 98-105.
10. Kobets P. N. Using foreign positive experience of interaction between law enforcement officers and the public in law enforcement // Administrative and legal regulation of public order and public safety: problems and ways to solve them: Proceedings of the annual interuniversity scientific and practical conference, St. Petersburg, September 20, 2024. - Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - P. 186-191.

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ – УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ ILLEGAL MIGRATION IS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE COUNTRY

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

IVANOV Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. Актуальность указанной проблематики определяется рядом обстоятельств: наличием документов стратегического планирования - Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации № 400 от 02 июля 2021 г., Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы (далее – Концепция); дальнейшим научным обеспечением оперативно-розыскного противодействия [10] миграционной преступности и его состоянием теоретического осмысления, а также складывающейся тревожной криминогенной ситуацией в сфере миграции, о чем свидетельствует правоприменительная практика [3]. Криминогенная ситуация в сфере миграции вызывает серьезное беспокойство как у главы государства, так и Правительства РФ. На этом фоне правоприменительная практика испытывает недостаточность научной разработанности затронутой нами проблемы особенно на основе системного подхода¹, предполагающего комплексное использование в целях эффективного противодействия прежде всего оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий органов, уполномоченных на осуществление ОРД. В настоящей научной статье автор предпринял попытку рассмотреть незаконную миграцию как угрозу национальной безопасности² через призму теории ОРД, показав читателям о ее возможностях и недостаточно используемых имеющихся в распоряжении оперативных подразделений полиции резервов в интересах адекватного противодействия миграционной преступности.

Abstract. The relevance of this issue is determined by a number of circumstances: the availability of strategic planning documents - the National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 02, 2021, the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019-2025 (hereinafter referred to as the Concept); further scientific support for operational investigative counteraction to migration crime and its state of theoretical understanding, as well as the emerging alarming criminogenic situation in the field of migration, as evidenced by law enforcement practice. The criminal situation in the field of migration is of serious concern to both the head of state and the Government of the Russian Federation. Against this background, law enforcement practice is experiencing a lack of scientific elaboration of the problem we have raised, especially on the basis of a systematic approach, which involves the integrated use of operational search forces, means, methods and measures of bodies authorized to carry out the ORD in order to effectively counteract it. In this scientific article, the author has attempted to consider illegal migration as a threat to national security through the prism of the theory of hordes, showing readers about its capabilities and the underutilized reserves available to police operational units in the interests of adequately countering migration crime.

Ключевые слова: оперативные подразделения полиции, национальная безопасность, ее система, структурные элементы, незаконная миграция, ее организация, новая угроза, оперативно-розыскное противодействие, тенденции, закономерности.

Keywords: operational police units, national security, its system, structural elements, illegal migration, its organization, new threat, operational-investigative counteraction, trends, patterns.

Для цитирования: Иванов П.И. Незаконная миграция – угроза национальной безопасности страны // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 437-444. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_437.

For citation: Ivanov P.I. Illegal migration is a threat to the national security of the country // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 437-444. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_437.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Под угрозой национальной безопасности автор подразумевает совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ) и иными уголовно наказуемыми деяниями, совершаемыми против порядка управления. Их наличие сильно препятствует последовательной реализации государственной миграционной политики РФ, обеспечению государственного контроля (надзора) в сфере миграции³, защиты суверенитета страны как стратегического национального ее приоритета.

¹ Среди множества факторов глобализация и все расширяющаяся интеграция различных сфер общественной жизни создают предпосылки для дальнейшей трансформации преступности в проблему макроуровня, т. е. глобального порядка, разрешение которой невозможно без объединения усилий всех, без исключения, государств, ибо преступность, в частности, в миграционной сфере приобрела черты транснационального социального явления. Иными словами, данный вид преступности давно вышла за территориальные пределы суверенных государств, она теперь стала интернациональной. Тем самым приобрела особую общественную опасность.

² Учитывая данное обстоятельство, глава государства в один день подписал три указа: Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции»; Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2025 г. № 206 «О первом заместителе Министра внутренних дел Российской Федерации – начальнике Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 05.04.2016 г. № 156 (ред. от 02.04.2025 г.) «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции». Только в прошлом году Госдумой принят 14 законов. В настоящее время наряду со многими принятыми мерами был создан новый правовой режим высылки нелегалов, уже заработал реестр контролируемых лиц.

³ О новшествах в системе мер, направленных на усиление государственного контроля (надзора) в сфере миграции см.: Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Определив понятие «угроза национальной безопасности», считаем необходимым привести авторскую дефиницию «незаконная миграция». Необходимость такого подхода обусловлена отсутствием единства во мнении среди исследователей.

Приведем лишь одну точку зрения. Так, например, А.Н. Шкилевым «под незаконной миграцией понимается территориальное перемещение населения в физическом пространстве, вызванное социально-экономическими, политико-правовыми и национально-демографическими факторами в нарушение действующих норм международного права и национального законодательства» [21]. Как видим, указанный феномен автором рассматривается только как определенный демографический процесс в рамках криминологического пространства с присущими специфическими особенностями и закономерностями, что, на наш взгляд, страдает определенной узостью в его понимании.

Изучив многочисленные источники, мы остановились на определении, сформулированном в Протоколе Против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющем против транснациональной организованной преступности. Там сказано, что незаконная миграция - это массовое пересечение границ иностранными гражданами или лицами без гражданства без соблюдения необходимых требований для законного въезда в принимающее государство. Необходимым требованием для законного въезда в принимающее государство является наличие подлинных документов на право въезда и разрешение компетентных органов государства.

Вышеназванное определение основной акцент делает на повышенную общественную опасность, на которую обращают внимание многие исследователи, рассматривая незаконную миграцию как угрозу для национальной безопасности любого государства. Так, М.М. Гитинова и А.А. Меликова утверждают, что это связано с рядом факторов и последствий, которые она может вызвать. *Во-первых*, незаконные мигранты могут быть связаны с другими преступными группировками и организациями, такими как экстремистские или террористические группировки. Использование незаконной миграции для перемещения членов таких организаций или для передачи запрещенных материалов или оружия может представлять серьезную угрозу для безопасности государств. *Во-вторых*, незаконная миграция может создавать среду для распространения коррупции и других преступных деяний. Незаконные мигранты могут быть вынуждены обрабатывать документы или предоставлять взятки чиновникам, что способствует распространению коррупции в различных сферах государства. Также незаконная миграция может быть связана с торговлей людьми, что становится серьезной проблемой в некоторых регионах. Она может включать в себя вынужденный труд, сексуальное насилие, эксплуатацию и другие формы преступности, которые вредят не только безопасности государства, но и ущемляют права и достоинство людей. Поэтому для обеспечения национальной безопасности государствам необходимо разрабатывать и реализовывать эффективные меры по противодействию незаконной миграции. Это включает в себя улучшение контроля над границами, развитие сотрудничества с другими странами по обмену информацией и опытом, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также укрепление судебной системы для рассмотрения дел, связанных с незаконной миграцией. Также важным аспектом является разработка и реализация политик, которые создают легальные и безопасные пути миграции, чтобы уменьшить спрос на незаконные миграционные каналы [1].

Отдельные исследователи справедливо отмечают, что современное общество находится в сложной фазе своего развития, обусловленной наличием разнообразных проистекающих в нем явлений и процессов, отнюдь не радужных. Социально негативные явления, такие как: безработица и социальное неравенство, миграция и нелегальная деятельность, коррупция и организованная преступность (в том числе в сфере недропользования [14]), наркотизация населения, социальная изоляция и отсутствие поддержки и многие другие факторы весьма негативно сказываются в целом на атмосфере общественных отношений. Социально-негативные явления благоприятствуют развитию преступности и агрессивного поведения. Противодействие незаконной миграции требует комплексного подхода, включающего законодательство, социальные программы поддержки, образование, развитие экономики и создание благоприятной социальной среды, на что ориентирует и государственная миграционная политика, составной частью которой является политика противодействия миграционной преступности, поскольку последняя, по мнению С.М. Малькова [16], приобрела масштабные объемы и представляют существенную угрозу для национальной и внутренней безопасности. Экономическая привлекательность и эффективные рынки сбыта импортной продукции, обширная территория и географическое положение, а также созданные благоприятные социальные условия для мигрантов, как утверждает автор, обуславливают причины миграционных потоков иностранных граждан в Российскую Федерацию из многих стран.

С ростом миграционной преступности ухудшается общеуголовная, экономическая и коррупционная преступность, растет заболеваемость, понижается культура, формируется дискомфорт нормальных условий жизни граждан. Кроме того, особую тревогу миграционная преступность вызывает тем, что создает благоприятную почву для криминального наркобизнеса, криминального рынка оружия, терроризма и экстремизма, контрабанды [11; 12].

С.М. Мальков, давая характеристику указанного вида преступности, приходит к выводу, что приоритетными направлениями противодействия ей выступают: определение системы профилактических мероприятий на всех уровнях – общесоциальном, специально криминологическом и индивидуальном; установление визового режима со странами, из которых идет основной поток мигрантов посредством создания более жесткого и эффективного «пропускного фильтра» при въезде в Российскую Федерацию и выезде из нее; дальнейшее развитие эффективного международного и государственного контроля за миграционными процессами; активное противодействие фактам коррупции и коррупционной преступности среди должностных лиц органов государственной власти и управления, а также сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по организации легальной миграции и противодействию криминальной миграции; наконец, совершенствование норм, устанавливающих уголовную и административную ответственность за преступления и административные правонарушения в сфере миграции. Как известно, предлагаемые меры, начиная с прошлого года, стали воплощаться в жизнь, дальнейшая их проработка на законодательном и ином уровне продолжается.

Автор настоящей статьи в своих научных работах неоднократно обращал особое внимание в первую очередь на новые вызовы и угрозы национальной безопасности. При этом он отмечал, что среди их множества незаконная миграция, экспортируемая на территорию Российской Федерации преимущественно транснациональными организованными преступными группами, в значительной степени осложняет криминогенную ситуацию в стране, усиливает социальную напряженность, способствует возникновению межнациональных конфликтов и формированию этнических организованных преступных групп, экстремистских и террористических организаций, а также распространению незаконного оборота наркотических средств и оружия. Указывая на них, в обобщенном виде им определена суть проблемы, связанной с незаконной миграцией в широком ее смысле, которая заключается в разрешении существующего противоречия между теоретическим осмыслением процесса незаконной миграции с научной точки зрения, нацеленного на поиск путей и способов единообразного понимания понятий, категорий, сущности и содержания указанного социально-правового явления с учетом современных достижений науки и техники и правоприменительной практикой.

Заметим, что представленное авторское видение проблемы ни в коем случае не ограничивает иные суждения специалистов, в частности, теории оперативно-розыскной деятельности, а наоборот открывает возможную научную дискуссию среди них и широкого круга читателей.

Как нам представляется, общим признаком объединяющим различные подходы и мнения исследователей, предметом которых для научного обсуждения стали факты незаконной миграции, создающие угрозу¹ национальной безопасности, выступают факторы², классифицируемые ими по различным критериям, в том числе средой непосредственного воздействия, различаемые по этому основанию на внутренние и внешние. Они и являются реперной (исходной) точкой для углубленного изучения такого феномена, как незаконная миграция. На это обстоятельство нельзя не обратить особое внимание.

Три взаимосвязанных фактора на сегодня оказывают непосредственное влияние на организацию и тактику осуществления оперативно-розыскного противодействия оперативными подразделениями полиции незаконной миграции, а именно:

- криминализация цифровой среды (социальные сети, мессенджеры, средства электронных платежей, сеть Интернет), выступающей своеобразной платформой его осуществления;
- «уход» преступлений миграционной направленности наряду с другими видами в виртуальное пространство, что создает серьезные трудности и сложности в их выявлении и раскрытии гласным путем. Одними гласными мерами (административно-правовыми, уголовно-правовыми [17], уголовно-процессуальными [20], криминалистическими, судебно-экспертными [18] и иными) без оперативно-розыскной составляющей невозможно или крайне затруднительно. Многолетняя правоприменительная практика убедительно доказала такой подход. При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что объектом противодействия должна стать система «миграция – незаконная миграция» - организованная незаконная миграция». Не дает желаемого результата принятие мер без учета указанной системы в целом. К сожалению, в этом ключе пока что мало научных разработок. Думается, что научная общественность должна обратить на это обстоятельство пристальное внимание;
- возможность анонимизации личности «цифрового преступника» [15] - организатора и пособников незаконной миграции. Она пока что, несмотря принимаемые контрмеры, сохраняется и тем самым такая уязвимость уйти от уголовной ответственности (преследования) сопряжена с наличием данного фактора. Тем самым трудно реализуется от части принцип неотвратимости наказания. Данное обстоятельство, безусловно, вызывает серьезное беспокойство прежде всего у руководителей правоохранительных органов. Активно отработывается схема (механизм) путем установления «косвенных совпадений» при поиске виновного лица по схеме «от предполагаемого лица (проверяемого, подозреваемого) – к IP-адресу» и наоборот «от IP-адреса (технического устройства) – к конкретному лицу».

Глава государства, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России по итогам оперативно-служебной деятельности за 2024 г., обратил внимание присутствующих руководителей правоохранительных органов на необходимость усиления борьбы с экстремизмом, активизации деятельности по пресечению незаконной миграции и нейтрализации организованной преступности, поскольку преступные группировки как настоящие криминальные синдикаты, носящие трансграничный характер, действуют рука об руку с зарубежными спецслужбами, эмиссарами международных радикальных, экстремистских структур. Такие криминальные сообщества, как подчеркивает глава государства, завязаны на торговлю людьми, незаконный оборот оружия, финансовые и киберпреступления, наркотрафик. Сегодня внутренние и внешние угрозы часто *переплетаются* и одинаково направлены против наших граждан и общества, на сдерживание России, на подрыв нашего суверенитета, - отметил Президент РФ.

Среди системы предусмотренных МВД России мер³, направленных на противодействие незаконной миграции, по мнению практических работников полиции, заслуживает особого внимания необходимость составления цифрового профиля *иностранного гражданина*, который представляет собой совокупность сведений об иностранном гражданине, содержащихся в информационных системах государственных органов и

¹ Под угрозой нами понимается комплекс условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба прежде всего экономическим интересам государства. Основными из которых на сегодня, на наш взгляд, являются: коррупция, противоправное использование цифровой валюты, дистанционное мошенничество, незаконная миграция, транснациональная организованная преступность, в том числе сформированная на этнической основе, киберпреступность, незаконное задержание бюджетными средствами, выделенными из федерального и регионального бюджетов для реализации национальных проектов (программ).

² Детерминанты – конкретные факторы (обстоятельства), которые порождают явление, обуславливают его существование.

³ Приказ МВД Российской Федерации от 22 октября 2024 г. № 628 «О внесении изменений в приказ МВД России от 10 декабря 2020 г. № 856 "Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, форм заявления иностранного гражданина или лица без гражданства о регистрации по месту жительства, заявления о снятии иностранного гражданина или лица без гражданства с регистрации по месту жительства, уведомления о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, отметок о регистрации (снятии с регистрации) иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства, отметок о подтверждении выполнения принимающей стороной и иностранным гражданином или лицом без гражданства действий, необходимых для его постановки на учет по месту пребывания, предоставляемых, в том числе, многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг».

организаций, которые связаны единым уникальным идентификатором. Преимуществом и достоинством такого подхода среди множества других, по мнению автора статьи, является попытка объединения в единую базу данных, разрозненных по различным министерствам и ведомствам оперативно значимой информации, что снижает трудозатрат по ее обмену между заинтересованными субъектами в рамках их полномочий при решении ими возникающих оперативно-служебных задач.

Заметим, что наличие такого цифрового профиля, отвечающего требованиям сегодняшнего дня, создает возможность составления «усредненного» практико-ориентированного субъективного портрета мигранта – организатора и субъекта преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ. Объективная его потребность не вызывает сомнений, поскольку создает предпосылку для разработки с учетом биофизиологических, нравственно-психологических и уголовно-правовых признаков личности преступника-мигранта адекватных (соразмерных) мер противодействия для достижения в первую очередь следующих целей:

а) нейтрализации противоправных действий, направленных на активное внедрение телекоммуникационных, в том числе Интернет, технологии в экстремистскую деятельность в интересах реализации планируемых противоправных акций, вовлечения в преступную деятельность молодежи, распространения экстремистских материалов посредством web – коммуникаций;

б) своевременного получения оперативно значимой информации о финансовом обеспечении неправительственными организациями, том числе иностранными, деструктивной деятельности экстремистских групп, включая молодежных, различной степени организованности, по насильственным проявлениям национальной, расовой, религиозной, социальной ненависти или вражды, а также о предпринимаемых попытках формирования законспирированных ячеек международных экстремистских (террористических) организаций, об активных экспансиях по доминированию нетрадиционного ислама среди мусульманской общины, вовлечение в эту деятельность представителей иных религий и вероучений.

На этом фоне наряду с другими мерами возникает острая потребность усиления оперативного контроля [13], разведывательно-поисковой работы в среде внешней и внутренней миграции, приводящей, как правило, к созданию закрытых национально-территориальных анклавов и к формированию этнических групп различной направленности и степени организованности.

Говоря о вышеуказанном, мы хотим особо подчеркнуть о повышенной общественной опасности организации незаконной миграции. Не можем при этом не согласиться с выводами, сделанными многими исследователями, указавшими в их числе на такие два наиболее распространенные обстоятельства, вызывающие на сегодня определенную тревогу, как:

1) совершение миграционных преступлений в организованной форме членами преступных формирований, сформированных на этнической основе. Указанные структуры, как показывает выборочное изучение соответствующих источников, неоднородны по социальным, расовым, религиозным, национальным и иным признакам, что накладывает свой негативный отпечаток на организацию и тактику оперативно-розыскного противодействия, разработку и проведение мероприятий в их среде;

2) наличие выгодоприобретателей в лице руководителей легально хозяйствующих субъектов, имеющих преимущественно коррупционные связи в органах власти и управления. По их «заказу» чаще всего совершаются указанные деяния. Для них мигрант – дешевая рабочая сила, последние приносят им «прибыль», а потому не желают их терять.

Названные обстоятельства наряду со множеством других вносят свой «вклад» в деятельность по противодействию незаконной миграции, что находят яркое проявление, когда речь идет об оперативно-тактических ситуациях, в рамках которых приходится оперативным подразделениям полиции ее осуществлять с целью принятия комплекса мер по «раскручиванию» не только самого события преступления, но и механизма его совершения. Тем самым система принимаемых мер нацелена на сбор, анализ и систематизацию фактических данных для последующего их использования, охватываемых в целом понятием «документирование», понимаемое нами как вид деятельности по выявлению оперативно-розыскным путем фактических данных, свидетельствующих о причастности проверяемых лиц к подготовке или совершению миграционного преступления, фиксации противоправных их действий и обеспечению возможности использования этих данных для предотвращения или раскрытия названного преступления и принятия к виновным мер в соответствии с законом.

Нам в процессе выборочного изучения затронутой в настоящей работе проблемы удалось сформулировать типичные ситуации, с которыми сотрудники оперативных подразделений полиции нередко сталкиваются. В частности, они следующие:

– «от изучения и анализа основополагающих документов, затрагивающих вопросы реализации миграционной политики – к доктрине (научной концепции) в сфере миграции в условиях цифровизации». Со своей стороны полагаем, что разрешение указанной ситуации имеет весомое теоретико-прикладное значение. Научная общественность с учетом этого должна сфокусировать свое внимание в части разработки для этого необходимой методической основы;

– «от постоянного мониторинга социально-экономических факторов – к прогнозированию складывающейся криминогенной ситуации в сфере миграции». Такая повседневная работа, как показывает практика, приносит желаемый результат в плане своевременной локализации и нейтрализации возможных последствий от миграционных преступлений;

– «от интенсивности внешней и внутренней миграции – к системе комплекса мер, направленных на упреждение миграционных правонарушений»;

– «от фактов проникновения в РФ под видом мигрантов активных членов организованных преступных формирований – к адекватным мерам по своевременному установлению и привлечению их к ответственности». Как показывает правоприменительная практика, террористические и экстремистские организованные преступные структуры, поддерживаемые на международном уровне, всячески стремятся попасть на территорию нашей страны, чтобы совершать террористические акты и иные преступления против общественной безопасности;

- «от иностранного гражданина, с которым установлен оперативный (психологический) контакт – к сведениям о противоправных деяниях среди мигрантов»;
- «от непрерывного осуществления государственного контроля (надзора) за соблюдением норм действующего законодательства в сфере миграции – к мерам противодействия коррупции». Помимо этого, объектом такого контроля должны стать предоставляемые со стороны государства иностранным гражданам услуги в названной сфере;
- «от потерпевшего [6] – к иностранному гражданину либо лицу без гражданства, совершившему преступление»;
- «от иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконно находящихся в РФ – к разыскиваемым лицам».

Перечисляя типичные оперативно-тактические ситуации применительно к затронутой в настоящей статье научной проблеме, автор считает важным отметить, что предложенный подход упорядочивает деятельность по оперативно-розыскному противодействию незаконной миграции, нацеливая на решение конкретных задач, связанных прежде всего с установлением организаторов и их пособников, обстоятельств совершения преступлений миграционной направленности. В рамках указанного подхода остро стоит вопрос о взаимодействии и координации органов, осуществляющих ОРД, поскольку объединение их усилий способствует выбору ими форм и методов адекватного реагирования на вызовы и угрозы, исходящие в первую очередь от организованных преступных структур, действующих в сфере миграции, опирающихся на помощь со стороны международных аналогичных криминальных образований.

Между тем эффективное противодействие незаконной миграции, осуществляемое на системной основе, на наш взгляд, предполагает:

- заблаговременное обеспечение оперативно-розыскного предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов. В процессе его осуществления первоочередной задачей выступает обязательное установление лиц, являющихся организаторами преступлений в сфере миграции;
- недопущение незаконного привлечения к трудовой деятельности нелегальных мигрантов во взаимодействии с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, правоохранительными¹ и контролирующими органами, а также путем надлежащей организации внутриведомственного взаимодействия подразделений по вопросам миграции с другими подразделениями органов внутренних дел;
- предотвращение вовлечения мигрантов в криминальную среду, экстремистскую, террористическую, коррупционную деятельность. Как нам представляется, для этого важно в первую очередь своевременно выявлять и устранять причины и условия, способствующих формированию в среде мигрантов организованных преступных сообществ, осуществляющих общественно опасную деятельность в сфере незаконного предпринимательства, незаконного оборота наркотиков и оружия, а также вовлечению мигрантов в террористическую и экстремистскую деятельность.

Говоря о вышеизложенном, хотим акцентировать внимание на одно немаловажное обстоятельство: при необходимости следует своевременно принять совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления мер, препятствующих формированию этнических анклавов и маргинализации находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан:

- повышение эффективности и результативности использования ведомственных информационных баз данных в целях выявления и пресечения прежде всего преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, фиктивной регистрацией (постановкой на миграционный учет по заведомо ложным сведениям либо подложным документам) иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства (пребывания), а также для снятия правонарушителей с такого учета. Как показывает многолетняя практика, успешное решение указанной задачи в немалой степени зависит от обеспечения эффективности функционирования в органах МВД России системы сбора, накопления, обработки и анализа данных о нарушениях законодательства в сфере межнациональных отношений в среде мигрантов, фактах межнациональных и межконфессиональных конфликтов; соблюдения установленного порядка организации мониторинга средств массовой информации, сетей связи общего пользования; активизации предупредительно-профилактической работы по предотвращению преступлений экстремистской и террористической направленности с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, фактов разжигания межнациональной розни, ненависти либо вражды, иных преступлений и правонарушений в сфере миграции;
- принятие органами следствия и дознания комплекса мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением в сфере миграции, включая по фактам массовых беспорядков с участием иностранных граждан и лиц без гражданства, спровоцированных конфликтами на национальной почве. По уголовным делам указанной категории в обязательном порядке подлежат установлению организаторы таких акций;
- активное использование всех возможных форм взаимодействия правоохранительных, контролирующих органов, органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также национальных представительств, диаспор, религиозных организаций и других институтов гражданского общества для предотвращения, своевременного выявления, пресечения преступлений в сфере миграции.

Мы со своей стороны полагаем, что непростая криминогенная ситуация обуславливает необходимость заблаговременной разработки и принятия совместных решений по недопущению в ней преступлений. Среди множества форм взаимодействия с названными субъектами особо

¹ О принимаемых мерах органами прокуратуры в порядке надзора см.: Приказ Генпрокуратуры России от 12.04.2024 № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции».

значимым, как показывает проведенное нами выборочное изучение, является оперативный обмен информацией и согласованность действий при реализации общих задач.

Как нам представляется, выбор соразмерных мер по стабилизации криминогенной ситуации предполагает необходимость глубокого научно-теоретического осмысления понятия «незаконная миграция». А это возможно путем установления присущих ей закономерностей¹, поскольку только благодаря их познанию удастся проникнуть во внутрь механизма ее осуществления. В данной статье мы решили ограничиться приведением лишь двух групп закономерностей, проявляющихся в виде:

причинно-следственной связи между такими понятиями, как «миграция», «незаконная миграция», «организация незаконной миграции» (говоря об этом, отметим характерные черты: тесная взаимообусловленность, наличие стержня (основы) для системного подхода к их исследованию, упорядоченность незаконной миграции как целостного образования; взаимосвязей и взаимообусловленностей между такими ключевыми элементами рассматриваемой нами системы, как объектно-предметная и субъектно-объектная ее составляющие (думается, что данное положение должно лечь в основу разработки комплекса мер по противодействию незаконной миграции).

Как нам представляется, указанная группа наряду с другими вопросами предполагает изучение самого механизма криминогенного влияния современных миграционных процессов на состояние общей преступности на территории РФ. К сожалению, в силу отчасти несовершенства миграционного законодательства до недавнего времени не удавалось полностью устранить причины и условия, способствующие повышению степени интенсивности криминальной активности со стороны преступных структур в сфере миграции;

межотраслевых связей и отношений между достижениями различных теорий, объединенных в так называемые уголовно-правовые науки. Наличие тесных корреляционных связей позволяет оперативно обмениваться инновационными (прорывными) идеями и наработками в интересах разработки современных форм и методов противодействия миграционной преступности и, прежде всего, организации незаконной миграции. При этом считаем целесообразным вычленив следующие моменты:

ощущается острая востребованность на сегодня оперативно-розыскной практико-ориентированной модели, которая может выступать в качестве «реперной точки»;

при ее разработке следует исходить из принципа, обуславливающего «риск-ориентированный подход»². Учет рассматриваемой закономерности обеспечивает соблюдение сопряженности и соразмерности научных достижений при принятии управленческих решений в части совершенствования деятельности по противодействию незаконной миграции и в первую очередь путем поиска эффективных контрмер.

Руководители территориальных органов внутренних дел и их оперативных подразделений, зная вышеперечисленные закономерности и учитывая их в своей управленческой деятельности, могут обнаружить имеющиеся у них резервы в интересах успешного решения приоритетных оперативно-служебных задач, максимально исключить непроизводительные расходы, допускаемые ими при реализации комплекса мер по противодействию незаконной миграции в рамках соответствующих оперативно-тактических ситуаций.

Принимая меры в условиях сложившейся тревожной оперативной обстановки в сфере незаконной миграции, субъектам ее противодействия необходимо помнить не только о совокупности закономерностей, но и о тенденциях дальнейшей криминализации сферы миграции. В связи со сказанным мы на основе выборочного исследования предприняли попытку определить и сформулировать основные тенденции применительно к преступлениям, совершаемым в данной сфере. К их числу мы относим:

– заметное осложнение криминальной ситуации в сфере миграции на фоне интенсивности ее внешней и внутренней форм, характеризующейся наряду с другими важнейшими обстоятельствами, увеличением вероятности проникновения в страну организованных преступных формирований террористического и экстремистского толка (это в свою очередь может привести к формированию этнических (полиэтнических) анклавов);

– доминирование в криминальных схемах, в том числе коррупционных, современных технических средств и информационных технологий [7] (последние чаще всего криминальными структурами используются при въезде иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ);

– заметное расширение (увеличение) различных видов коррупционной деятельности в сфере миграции. Это можно проследить на примере таких противоправных деяний, как злоупотребление должностными полномочиями, дача-получение взятки, вымогательство, «крышевание», «откат» [15]. Например, должностные лица, курирующие сферу миграции, используя подставные или «аффилированные» организации, зачастую придают правомерный вид проводимой ими противоправной процедуре, тем самым им иногда удается уйти от уголовного преследования;

– высокая доля скрытой преступности среди совершаемых преступлений миграционной направленности, превышающая 90 %;

– так называемый симбиоз проявлений различных видов преступности. Такая форма находит свое проявление в виде сращивания экономической, коррупционной, общеуголовной, миграционной и иной преступности³ [4; 5; 8; 9; 19]. Тем самым мы имеем дело с уголовно право-

¹ Под закономерностью здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между реализацией в системе МВД РФ Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы и системой комплекса мер, направленных на стабилизацию криминогенной ситуации в сфере миграции.

² По нашему мнению, сущность внедрения рассматриваемого метода, в частности, в оперативно-розыскное противодействие заключается в необходимости принятия в соответствии с действующим законодательством действенных оперативно-розыскных и иных мер, позволяющих исключить вероятность нанесения вреда (ущерба) национальной безопасности страны, прежде всего, в результате реализации угрозы, исходящей от иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации.

³ Как показывает практика, объектом различных видов преступных посягательств со стороны мигрантом криминальной ориентации могут стать охраняемые государством все формы собственности.

выми явлениями повышенной общественной опасности, что накладывает свой отпечаток на своевременное их выявление и пресечение. Не исключается с учетом нынешней криминогенной ситуации и геополитической обстановки и такая тенденция, как превалирование в структуре выявленных преступлений в сфере миграции деяний, совершенных с использованием различных видов электронных денег, и конвертация реальных денежных платежных единиц в виртуальные активы (цифровую валюту).

К числу разновидностей тенденций мы относим также склонность преступлений миграционной направленности к глобализации, сопряженной со сращиванием организованных преступных формирований, приводящей к транснациональной преступности.

Чтобы ее сдерживать важно твердо уяснить, что потенциал взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с другими социальными институтами внутри страны и с правоохранительными органами стран ближнего и дальнего зарубежья по вопросам оказания правовой помощи в борьбе, например, с организацией незаконной миграции трудно переоценить. В свою очередь его укрепление и расширение позволяют более эффективно предупреждать и раскрывать наиболее опасные проявления рассматриваемого преступления, а своевременный обмен информацией дает возможность оперативно вырабатывать упреждающие меры по противодействию им. В связи со сказанным подчеркнем, что резервы повышения эффективности деятельности оперативных подразделений полиции далеко не исчерпаны.

Как известно, иностранные граждане и лица без гражданства нередко предпочитают избежать ответственности (уголовного преследования). Знание совокупности упомянутых закономерностей и тенденций во многом способствует принятию адекватных мер по противодействию преступлениям в сфере миграции. Такого рода меры крайне важны в условиях возникновения острой потребности в скорейшем преодолении противодействия со стороны криминальных структур и их пособников, располагающих для этого современными техническими средствами.

В заключение, обобщая вышеизложенное, отметим следующее:

Во-первых, ключевыми элементом предмета государственной миграционной политики, по мнению автора настоящей статьи, выступает единообразное понимание категориально-понятийного аппарата, используемого при объяснении явлений и процессов, происходящих в сфере миграции. Нестабильность законодательской деятельности в указанной сфере, постоянное введение в научный оборот терминов и понятий, безусловно, накладывают определенный отпечаток на состояние правоприменительной деятельности. Не умоляя при этом, большое внимание законодателя на анализируемую проблему, во многом обусловленную сложившейся тревожной криминогенной ситуацией, хотим подчеркнуть, что любая новая норма требует четкого разъяснения ее практического применения, порядка ее воплощения в жизнь. В противном случае она может оказаться «мертворожденной», а это на руку преступникам, организовавшим незаконную миграцию как разновидность бизнеса.

Во-вторых, угроза национальной безопасности в первую очередь подразумевает совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба (вреда) преступлениями миграционной направленности интересам страны в целом. Их устранение и нейтрализация возможно посредством надлежащей организации оперативно-розыскного противодействия, в рамках которого уместно вести речь о факторном комплексе миграционной преступности, то есть о группе однородных, но тесно связанных между собой явлений (условий), оказывающих сходных по характеру воздействие на названный вид преступности. Такая ответная реакция на те вызовы и угрозы, с которыми столкнулись правоохранительные структуры в сфере миграции, может оказаться им соразмерной.

В-третьих, без предварительного уяснения основных тенденций развития незаконной миграции как угрозы национальной безопасности на современном этапе, факторов их обуславливающих, а также совокупности познанных закономерностей, отражающих реальный механизм оперативно-розыскного противодействия миграционной преступности, невозможно или крайне затруднительно добиться оптимизации указанного вида деятельности в новых условиях – на фоне цифровой трансформации.

Список литературы:

1. Гитинова, М. М. Незаконная миграция как негативное социально-правовое явление / М. М. Гитинова, А. А. Меликова // Современный ученый. - 2024. - № 1. - С. 267-271. EDN: WLVNDX
2. Иванов, П. И. К вопросу о личности "цифрового преступника" / П. И. Иванов // Философия права. - 2024. - № 3(110). - С. 128-135. 4. EDN: GEFDTK
3. Иванов, П. И. О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание) / П. И. Иванов // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2024. - № 3(43). - С. 135-141. 3. EDN: JQYEKA
4. Иванов, П. И. Об обеспечении защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, от преступных посягательств / П. И. Иванов // Безопасность бизнеса. - 2021. - № 2. - С. 21-26. DOI: 10.18572/2072-3644-2021-2-21-26 EDN: ROVPOZ
5. Иванов, П. И. Об оперативно-розыскной характеристике легализации доходов, полученных преступным путем / П. И. Иванов // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2020. - № 4(28). - С. 130-136. EDN: ZQQFGC
6. Иванов, П. И. Оперативно-розыскная виктимологическая профилактика преступлений как неотъемлемая часть оперативно-розыскной профилактики (в порядке постановки проблемы) / П. И. Иванов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. - 2022. - № 4(61). - С. 112-118. 5. EDN: TPPEMN
7. Иванов, П. И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) / П. И. Иванов // Труды Академии управления МВД России. - 2022. - № 4(64). - С. 83-92. 6. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-464-83-92 EDN: MIJKXA
8. Иванов, П. И. Организация подразделениями экономической безопасности органов внутренних дел защиты экономических интересов государства от преступных посягательств / П. И. Иванов, А. А. Скуртул // Труды Академии управления МВД России. - 2007. - № 3. - С. 59-64. EDN: TCCHOZ
9. Иванов, П. И. Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности / П. И. Иванов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2020. - № 3(87). - С. 148-156. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-148-156 EDN: EGNALX
10. Ишин, И. А. "Противодействие преступности" или "борьба с преступностью": анализ понятий / И. А. Ишин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. - 2022. - № 3(92). - С. 213-220. EDN: IWPQVJ
11. Ишин, И. А. Актуальные проблемы оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту нефрита / И. А. Ишин // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 3(219). - С. 215-218. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_3_215 EDN: UTCLIS
12. Ишин, И. А. Актуальные проблемы оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту янтаря / И. А. Ишин // Алтайский юридический вестник. - 2022. - № 2(38). - С. 105-109. EDN: FLQVZE
13. Ишин, И. А. К вопросу о значении процессуального контроля начальника органа дознания в территориальном органе внутренних дел / И. А. Ишин // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии: IX БАЛТИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ. МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Калининград, 12 декабря 2020 года. - Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. - С. 89-90. EDN: NZUXJQ
14. Ишин, И. А. О состоянии оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту полудрагоценных камней / И. А. Ишин // Труды Академии управления МВД России. - 2023. - № 1(65). - С. 156-163. DOI: 10.24412/2072-9391-2023-165-156-163 EDN: FDYLFV

15. Криминологическая характеристика "откатов" в современной России / А. Л. Аристархов, Н. В. Буланова, Е. В. Великая [и др.]; Под общей редакцией Р.В. Жубрина. - Москва: Издательство "Юрлитинформ", 2016. - 248 с. - (Криминология). 2. ISBN: 978-5-4396-1072-3 EDN: SJZCKO
16. Мальков, С. М. Политика противодействия миграционной преступности в Российской Федерации / С. М. Мальков // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. - 2024. - № 24. - С. 305-307. 7. EDN: RXPEUS
17. Муравьев, К. В. Меры процессуального принуждения - особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация / К. В. Муравьев. - Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. - 228 с. ISBN: 978-5-88651-650-0 EDN: ZFQSKF
18. Муравьев, К. В. Назначение и производство судебной экспертизы как вид специальных познаний, применяемый на стадии возбуждения уголовного дела / К. В. Муравьев, П. В. Седельников // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2014. - № 1(28). - С. 102-109. EDN: SEAQGP
19. Павличенко, Н. В. Современное состояние методик расследования преступлений в сфере экономической деятельности / Н. В. Павличенко, П. И. Иванов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2017. - № 3(39). - С. 110-115. EDN: ZMZQUL
20. Уголовный процесс: учебник для вузов / А. Н. Артамонов, А. М. Баранов, А. С. Бахта [и др.]; Под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. - 2-е издание, переработанное и дополненное. - Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство ЮРАЙТ", 2010. - 606 с. ISBN: 978-5-9916-0215-0 EDN: USUNLH
21. Шкилев, А. Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шкилев Алексей Николаевич. - Нижний Новгород, 2006. - 237 с. 8. EDN: NOBIFN

References:

1. Gitinova, M. M. Illegal migration as a negative socio-legal phenomenon / M. M. Gitinova, A. A. Melikova // A modern scientist. - 2024. - No. 1. - pp. 267-271. EDN: WLVDHX
2. Ivanov, P. I. On the question of the identity of the "digital criminal" / P. I. Ivanov // Philosophy of Law. - 2024. - № 3(110). - Pp. 128-135. 4. EDN: GEFDTK
3. Ivanov, P. I. On illegal migration (concept, essence and content) / P. I. Ivanov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - № 3(43). - Pp. 135-141. 3. EDN: QYEKA
4. Ivanov, P. I. On ensuring the protection of the rights and legitimate interests of persons engaged in entrepreneurial activity from criminal encroachments / P. I. Ivanov // Business security. - 2021. - No. 2. - pp. 21-26. DOI: 10.18572/2072-3644-2021-2-21-26 EDN: ROVPOZ
5. Ivanov, P. I. On the operational-investigative characteristics of the legalization of proceeds from crime / P. I. Ivanov // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - № 4(28). - Pp. 130-136. EDN: ZQQFGC
6. Ivanov, P. I. Operational-investigative victimological crime prevention as an integral part of operational-investigative prevention (in the context of problem formulation) / P. I. Ivanov // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - № 4(61). - Pp. 112-118. 5. EDN: TTPEMN
7. Ivanov, P. I. Operational investigative counteraction to cybercrimes (problems and ways to solve them) / P. I. Ivanov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - № 4(64). - Pp. 83-92. 6. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-464-83-92 EDN: MIJXKA
8. Ivanov, P. I. Organization by economic security units of the internal affairs bodies of protection of the economic interests of the state from criminal encroachments / P. I. Ivanov, A. A. Skurtul // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2007. - No. 3. - pp. 59-64. EDN: TCCHOZ
9. Ivanov, P. I. Stages and methods of money laundering resulting from economic and tax crimes / P. I. Ivanov // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - № 3(87). - Pp. 148-156. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-3-148-156 EDN: EGNALX
10. Ishin, I. A. "Countering crime" or "fighting crime": an analysis of concepts / I. A. Ishin // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. - 2022. - № 3(92). - Pp. 213-220. EDN: IWPQBJ
11. Ishin, I. A. Actual problems of operational-investigative counteraction to illegal trafficking of jade / I. A. Ishin // Law and the state: theory and practice. - 2023. - № 3(219). - Pp. 215-218. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_3_215 EDN: UTCLIS
12. Ishin, I. A. Actual problems of operational-investigative counteraction to illegal amber trafficking / I. A. Ishin // Altaisky yuridicheskiy vestnik. - 2022. - № 2(38). - Pp. 105-109. EDN: FLQVZE
13. Ishin, I. A. On the question of the importance of procedural control of the head of the body of inquiry in the territorial body of internal affairs / I. A. Ishin // Law and order in the Third Millennium: IX BALTIC LEGAL FORUM. PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE, Kaliningrad, December 12, 2020. Kaliningrad: Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. pp. 89-90. EDN: NZUXJQ
14. Ishin, I. A. On the state of operational-investigative counteraction to the illegal trafficking of semiprecious stones / I. A. Ishin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - № 1(65). - Pp. 156-163. DOI: 10.24412/2072-9391-2023-165-156-163 EDN: FDYLFV
15. Criminological characteristics of "kickbacks" in modern Russia / A. L. Aristarkhov, N. V. Bulanova, E. V. Velikaya [et al.]; Under the general editorship of R.V. Zhubrin. Moscow: YurLitinform Publishing House, 2016. 248 p. (Criminology). 2. ISBN: 978-5-4396-1072-3 EDN: SJZCKO
16. Malkov, S. M. The policy of countering migration crime in the Russian Federation / S. M. Malkov // Actual problems of combating crimes and other offenses. - 2024. - No. 24. - pp. 305-307. 7. EDN: RXPEUS
17. Muravyov, K. V. Measures of procedural coercion - special means of criminal legal influence: doctrine, application, optimization / K. V. Muravyov. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. 228 p. ISBN: 978-5-88651-650-0 EDN: ZFQSKF
18. Muravyov, K. V. Appointment and production of forensic examination as a type of special knowledge used at the stage of initiation of a criminal case / K. V. Muravyov, P. V. Sedelnikov // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2014. - № 1(28). - Pp. 102-109. EDN: SEAQGP
19. Pavlichenko, N. V. The current state of methods for investigating crimes in the sphere of economic activity / N. V. Pavlichenko, P. I. Ivanov // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2017. - № 3(39). - Pp. 110-115. EDN: ZMZQUL
20. Criminal procedure: a textbook for universities / A. N. Artamonov, A.M. Baranov, A. S. Bakhta [et al.]; Edited by B.B. Bulatov, A.M. Baranov. - The 2nd edition, revised and expanded. - Moscow: Limited Liability Company "YURAYT Publishing House", 2010. - 606 p. ISBN: 978-5-9916-0215-0 EDN: USUNLH
21. Shkilev, A. N. Migration: criminal law and criminological aspects: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": dissertation for the degree of Candidate of Law / Shkilev Alexey Nikolaevich. Nizhny Novgorod, 2006. 237 p. 8. EDN: NOBIFN

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ON THE QUESTION OF THE LIMITS OF ACTION THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE

ДОБРОВ Алексей Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
Байкальского государственного университета.

ул. Ленина, д. 11, г. Иркутск, Иркутская обл., 664003, Россия.

E-mail: dobson@bk;

DOBROV Alexey Nikolaevich.

Candidate of Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at Baikal State University

Lenin St., 11, Irkutsk, Irkutsk region, 664003, Russia.

E-mail: dobson@bk

Краткая аннотация: Вопрос о пределах действия принципа презумпции невиновности остается без внимания законодателя и не находит отражения ни в одном нормативном акте действующего законодательства. Пределы действия – это четкие ориентиры, границы, в рамках которых действует принцип презумпции невиновности. Исходя из этого, пределы действия определяют: на какие отношения распространяется данный принцип; с какого момента начинает действовать; процессуальный статус лиц, на которых распространяется действие принципа презумпции невиновности. Автором предпринята попытка предложить свое видение решения данного вопроса.

Abstract: The issue of the limits of the principle of presumption of innocence remains without the attention of the legislator and is not reflected in any normative act of the current legislation. The limits of action are clear guidelines, boundaries within which the principle of presumption of innocence operates. Based on this, the limits of action determine: which relations this principle applies to; from what moment it begins to operate; the procedural status of persons who are subject to the principle of presumption of innocence. The author has made an attempt to offer his vision of solving this issue.

Ключевые слова: презумпция невиновности, пределы действия, неустранимые сомнения, доказательства, обвинительный приговор, уголовные наказания, апелляционное производство, кассационный порядок, пересмотр дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Keywords: presumption of innocence, limits of action, irremediable doubts, evidence, conviction, criminal penalties, appeal proceedings, cassation procedure, reconsideration of the case due to new or newly discovered circumstances.

Для цитирования: Добров А.Н. К вопросу о пределах действия принципа презумпции невиновности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 445-447. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_445.

For citation: Dobrov A.N. On the question of the limits of action the principle of presumption of innocence // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 445-447. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_445.

Статья поступила в редакцию: 07.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Презумпция невиновности выступает в качестве универсального принципа судопроизводства, распределяет права и обязанности сторон в ходе судебного разбирательства, и в конечном итоге влияет на доказательственный процесс в целом. Раскрытию понятия и значения правовой презумпции, как приема юридической техники, в том числе проблеме содержания и толкования принципа презумпции невиновности в российском уголовном судопроизводстве посвящены труды многих российских ученых [1-3]. Презумпция невиновности в полной мере обеспечивает реализацию основополагающих начал правосудия в Российской Федерации, являясь, по сути, элементом общеправового статуса гражданина, направленным на защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов участников уголовного процесса.

Статьей 49 Конституции Российской Федерации (далее Конституции РФ) установлено, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда [4].

Юридический смысл принципа презумпции невиновности определяется содержанием статьи 14 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) и включает следующие положения:

1. никто не может быть осужден на предположениях о виновности в совершении преступления;
2. бремя доказывания виновности лежит не на обвиняемом, а на обвинителе;
3. все сомнения, возникшие по поводу виновности обвиняемого, толкуются в его пользу;
4. недоказанная виновность юридически равнозначна доказанной невиновности [5].

Но каковы же пределы действия принципа презумпции невиновности? Именно этот вопрос остается без внимания законодателя и не находит отражения в действующем законодательстве. Попробуем предложить свое видение по данному вопросу.

Пределы действия – это четкие ориентиры, границы, в рамках которых действует принцип презумпции невиновности. Исходя из этого, пределы действия определяют: на какие отношения распространяется данный принцип; с какого момента начинает действовать; процессуальный статус лиц, на которых распространяется действие принципа презумпции невиновности.

Последовательно рассмотрим каждый из этих вопросов.

1. В доказательственных уголовно-процессуальных правоотношениях принцип презумпции невиновности реализуется в полной мере. Уголовно-квалификационные правоотношения, как правило, не задействованы. Например, «неверной оказалась квалификация действий заместителя декана юридического факультета Г. по п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ за получение взятки от абитуриента за оказание последнему содействия в сдаче вступительных испытаний и дальнейшему зачислению на договорной (платной) основе на очное отделение юридического факультета. Г., будучи председателем приемной комиссии, был наделен лишь организационными полномочиями, не имел права решающего

голоса, собеседование по предмету проводил профессор, на которого Г. не имел возможности оказать влияние, а членам комиссии была дана установка принимать абитуриентов на платную основу как можно больше, несмотря на низкий уровень их знаний. Для переквалификации действий Г. с п. «г» ч.4 ст. 290 УК РФ на ч. 3 ст. 159 УК РФ не требовалось дополнительных доказательств» [6].

2. Приговор суда, вступивший в законную силу, устанавливает виновность лица (ст.14 УПК РФ). Если в отношении лица проводится доследственная проверка и в результате принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела по причине неустранимых сомнений, то согласно ст. 49 Конституции РФ, ст.14 УПК РФ все неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Однако, вопрос здесь в процессуальном статусе лица, в отношении которого проводится доследственная проверка - распространяется ли в отношении него принцип презумпции невиновности? Момент возбуждения уголовного дела - вот та отправная точка, с которой возникают процессуальные права и обязанности, но, никак не момент начала доследственной проверки. Обоснованно ли в этом случае применение данного принципа?

Из анализа положений Конституции РФ и УПК РФ следует вывод о том, что принцип презумпции невиновности действует с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, после чего лицо приобретает статус подозреваемого или обвиняемого. Положения п.55 ст.5 УПК РФ, свидетельствуют о невозможности уголовного преследования до возбуждения дела.

М. А. Багмет считает: «нельзя признать обвиняемого виновным без вступления в законную силу приговора суда...это позволит предотвратить необоснованное обвинение лица в совершении преступления, которое он не совершал и не допустить необоснованное применение мер процессуального принуждения...» [7, с. 16].

Следовательно, началом действия принципа презумпции невиновности считается момент вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Кроме того, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (п. 2 ст. 17 УПК РФ), а признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении обвинения совокупностью доказательств (ст. 77 п. 2 УПК РФ). Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях (ст. 14 п. 4 УПК РФ) и с учетом того, что доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, являются недопустимыми и не имеющими юридической силы (ст. 75 п. 1 УПК РФ), процесс привлечения к уголовной ответственности содержит ряд мер, препятствующих незаконному уголовному наказанию. Вместе с тем содержание ст. 61 п. 1 УК РФ дает шанс обвиняемому к активному сотрудничеству со следствием, признавая явку с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изобличение и уголовное преследование других соучастников преступления обстоятельствами, смягчающими уголовную ответственность. Например, «суд учел содействие раскрытию преступлений, однако не признал указанное обстоятельство смягчающим и не высказал по данному вопросу каких-либо суждений, поэтому при обжаловании данный приговор был изменен» [8].

Закон запрещает рассматривать отказ обвиняемого от сотрудничества со следствием в качестве основания ухудшающего его уголовно-процессуальное положение [9]. Перечень обстоятельств, отягчающих вину обвиняемого (ст. 63 УК РФ), является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию, а «отрицание осужденным своей вины считается его защитной позицией, и отсутствие у него раскаяния не может быть признано основанием к усилению наказания и назначению наказания в виде пожизненного лишения свободы» [10]. Данные положения следует относить к пределам действия принципа презумпции невиновности.

Далее, презумпция невиновности действует на всем протяжении уголовного процесса, обвиняемый считается невиновным до вступления приговора суда в законную силу, основанного на достоверных доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

При апелляционном производстве, в ходе которого проверяется приговор, презумпция невиновности продолжает действовать.

Презумпция невиновности перестает действовать с момента признания апелляционной инстанцией обвинительного приговора обоснованным и законным и оставления его без изменения, а жалобу или представление – без удовлетворения. В этом случае приговор обращается к исполнению. Но, если, суд апелляционной инстанции отменяет приговор и направляет уголовное дело на новое судебное рассмотрение, то презумпция невиновности действует до тех пор, пока в общем порядке вновь не будет установлена виновность лица вступившим в законную силу приговором. Презумпция невиновности действует и в кассационном порядке, и при пересмотре дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Выражая согласие с позицией Ч. С. Касумова, и, разделяя его доводы, считаем «единственной и последней стадией уголовного процесса, где презумпция невиновности теряет свое значение, является стадия исполнения приговора, так как в ней виновность лица не ставится под сомнение, а она считается полностью доказанной» [11, с. 117].

Из Конституции РФ и УПК РФ следует, что принцип презумпции невиновности не предусматривает никаких исключений. Позволим не согласиться с данным утверждением, поскольку в отношении упрощенного производства принцип презумпции невиновности действует с некоторыми изъятиями или вообще не действует. Однако, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, регламентированный положениями ст. 314-317 УПК РФ, соответствует Конституции РФ и не исключает реализацию принципа презумпции невиновности. В частности, Конституционный Суд РФ отметил, что «особый порядок возможен только по ходатайству обвиняемого, заявленному добровольно при наличии его согласия с предъявленным обвинением и после проведения консультаций с защитником; суд, принимая решение об особом порядке рассмотрения уголовного дела, во всяком случае, должен удостовериться, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства и добровольно принимает на себя все его последствия» [12]. Кроме того, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что «суд может постановить обвинительный приговор и назначить подсудимому наказание только в том случае, если придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно и подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, при этом описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, а также выводы суда о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного разбирательства» [13]. В этой связи следует согласиться с мнением О. В. Качаловой, что особый порядок принятия судебного решения, в

основе которого лежит отказ от полноценного доказывания не отменяет презумпции невиновности в целом [14, с.67].

В любом случае правосудие должно осуществляться с соблюдением процессуальных гарантий обеспечения прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности. При этом, должен быть реализован принцип свободы оценки доказательств, включающий возможность по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствоваться законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Особый порядок судебного разбирательства, допускающий отказ от исследования и оценки судом доказательств причастности лица к совершению преступления (ч. 5 ст. 316 УПК РФ) в контексте действия презумпции невиновности, порождает определенные противоречия, которые возникают между обязанностью суда установить, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами (ч. 7 ст. 316 УПК РФ) и требования к суду вынести законный и обоснованный приговор при отсутствии у него возможности объективно аргументировать свои выводы (ч. 8 ст. 316 УПК РФ).

Бесспорно, необходимы предложения для устранения указанных противоречий в УПК РФ. Для того, чтобы судья мог определиться насколько обоснованно обвинение, он должен непосредственно получить сведения от подсудимого об обстоятельствах совершенного деяния, т.е. допросить его, по существу, предъявленного обвинения. После этого участвующие в рассмотрении дела защитник и государственный обвинитель вправе задать подсудимому вопросы, как это предусмотрено ст. 317.7 УПК РФ при разбирательстве уголовного дела в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Таким образом, пределы действия принципа презумпции невиновности следующие: презумпция невиновности применяется в доказательственных уголовно-процессуальных отношениях; в отношении обвиняемого и подозреваемого с момента возбуждения уголовного дела и действует на всех стадиях уголовного судопроизводства, за исключением стадии исполнения приговора. Что касается упрощенного производства, то пределы действия принципа презумпции должны предусматривать гарантии обеспечения прав и законных интересов заинтересованных лиц.

Список литературы:

1. Смолькова, И. В. Презумпция невиновности - конституционный принцип российского уголовного судопроизводства / И. В. Смолькова, Х. А. Каландаришвили // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2019. - № 2 - С. 88-92. EDN: QRLRTD
2. Бусыгин, А. Ю. Пределы действия принципа состязательности в российском уголовном процессе / А. Ю. Бусыгин // Известия Байкальского государственного университета. - 2006. - № 5 (50) - С. 70-72. EDN: JSHEZB
3. Каландаришвили, Х. А. Свойства уголовно-процессуальных презумпций / Х. А. Каландаришвили // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2021. - № 4 - С. 30-40. DOI: 10.17150/2411-6122.2021.4.30-40 EDN: IMTQNE
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (ред. от 25.03.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52. - Ст. 4921.
6. Определение Верховного Суда РФ от 26.03.2008 г. №41-008-17[Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы "Консультант Плюс". (Дата обращения: 18.03.2024 г.).
7. Багмет, М. А. Принцип презумпции невиновности в свете признания доказательств недопустимыми и права на реабилитацию // Федеральный правовой портал: Юридическая Россия. - 2006. - № 4. - С. 16.
8. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 48-Д10-26 по делу Ш. [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы "Консультант Плюс". (Дата обращения: 15.03.2024 г.).
9. Постановление Московского городского суда от 25.08.2011 по делу № 4у-5870/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы "Консультант Плюс". (Дата обращения: 20.03.2024 г.); Постановление президиума Московского городского суда от 09.09.2011 по делу № 44у-227/11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы "Консультант Плюс". (Дата обращения: 20.03.2024 г.); Апелляционное определение Московского городского суда от 14.02.2017 по делу № 10-1955/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы "Консультант Плюс". (Дата обращения: 20.03.2024 г.).
10. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26.04.2017 № 88-АПУ17-3[Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы "Консультант Плюс". (Дата обращения: 20.03.2024 г.).
11. Касумов, Ч. С. Презумпция невиновности в советском праве. - Баку: Элм, 1984. - С. 117.
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 314-317 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 г. № 968-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы "Консультант Плюс". (Дата обращения: 15.03.2024 г.).
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Вячеслава Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 314-317 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 968-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ. правовой системы "Консультант Плюс". (Дата обращения: 20.03.2024 г.).
14. Качалова, О. В. Реализация принципов уголовно-процессуального права при ускоренных производствах / О. В. Качалова // Lex Russica. - 2015. - № 11. - С. 67. DOI: 10.17803/1729-5920.2015.108.11.065-074 EDN: VUQRPP

References:

1. Smolkova, I. V. Presumption of innocence - a constitutional principle of Russian criminal proceedings / I. V. Smolkova, H. A. Kalandarishvili // Siberian criminal procedural and forensic readings. - 2019. - No. 2 - P. 88-92.
2. Busygina, A. Yu. Limits of the adversarial principle in Russian criminal proceedings / A. Yu. Busygina // Bulletin of the Baikal State University. - 2006. - No. 5 (50) - P. 70-72.
3. Kalandarishvili, H. A. Properties of criminal procedural presumptions / H. A. Kalandarishvili // Siberian criminal procedural and forensic readings. - 2021. - No. 4 - P. 30-40.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 25.03.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52. - Art. 4921.
6. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of March 26, 2008, No. 41-008-17 [Electronic resource]. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (Date of access: March 18, 2024).
7. Bagmet, M. A. The principle of the presumption of innocence in light of the recognition of evidence as inadmissible and the right to rehabilitation // Federal legal portal: Legal Russia. - 2006. - No. 4. - P. 16.
8. Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48-D10-26 in the case of Shch. [Electronic resource]. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (Date of access: March 15, 2024).
9. Resolution of the Moscow City Court of 25.08.2011 in case No. 4u-5870/2011 [Electronic resource]. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (Date of access: 20.03.2024); Resolution of the Presidium of the Moscow City Court of 09.09.2011 in case No. 44u-227/11 [Electronic resource]. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (Date of access: 20.03.2024); Appellate ruling of the Moscow City Court of 14.02.2017 in case No. 10-1955/2017 [Electronic resource]. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (Date of access: 20.03.2024).
10. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.04.2017 No. 88-APU17-3 [Electronic resource]. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (Date of access: 20.03.2024).
11. Kasumov, Ch. S. Presumption of innocence in Soviet law. - Baku: Elm, 1984. - P. 117.
12. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vyacheslav Vladimirovich Nikitin regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 314-317 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.07.2009 No. 968-O-O [Electronic resource]. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (Accessed on 15.03.2024).
13. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vyacheslav Vladimirovich Nikitin regarding the violation of his constitutional rights by the provisions of Articles 314-317 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 16.07.2009 No. 968-O-O [Electronic resource]. Access from the reference legal system "Consultant Plus". (Accessed on 20.03.2024).
14. Kachalova, O. V. Implementation of the principles of criminal procedural law in accelerated proceedings / O. V. Kachalova // Lex Russica. - 2015. - No. 11. - P. 67

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_448

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ С ПОМОЩЬЮ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: СУЩНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ

DISTRIBUTION OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES BY MEANS OF THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK «INTERNET»: ESSENCE AND PROBLEMS

ПЕКАРЕВА Виктория Владимировна,
студент Академии права и управления ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru;

БОНДАРЕНКО Иван Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии права и управления ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: yul-frol@mail.ru;

PEKAREVA Victoria Vladimirovna,
student of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: viktoria.pekareva@yandex.ru;

BONDARENKO Ivan Vasilievich,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Process, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: yul-frol@mail.ru

Краткая аннотация: Рассмотрению и анализу подвергнуто противоправное деяние, реализация которого осуществляется посредством сети «Интернет», констатирующее повышенную общественную опасность — незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Возникновение инновационного способа совершения преступления и его колоссального масштаба оборот указывает на проблему отставания социального, правового контроля от тенденций в общественных отношениях. В научной работе акцент делается на особенностях распространения запрещенных веществ через онлайн-площадки, производится осмысление социально-правовых характеристик указанного преступления. Изучению подвергнут децентрализованный и анонимный комплекс актуальных направлений осуществления сбыта наркотических средств. Красной нитью прослеживается специфика взаимодействия дельцов и потребителей, а также задействованных субъектов в таком типе незаконных коммерческих отношений посредством веб-ресурсов.

Abstract: The unlawful act, the implementation of which is carried out through the Internet, which states the increased social danger — illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues — is subjected to consideration and analysis. The emergence of an innovative way of committing a crime and its enormous scale of turnover indicates the problem of lagging social, legal control from the trends in social relations. The scientific work focuses on the peculiarities of distribution of prohibited substances through online platforms, comprehension of social and legal characteristics of this crime is made. Decentralised and anonymous complex of actual directions of drug sales is studied. The specifics of interaction between dealers and consumers, as well as the actors involved in this type of illegal commercial relations through web resources are traced.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, сбыт, интернет, распространение, информационно-телекоммуникационная сеть, даркнет, информационное пространство, маршрутизация, анонимность.

Key words: narcotic drugs, psychotropic substances, sale, Internet, distribution, information and telecommunications network, darknet, information space, routing, anonymity.

Для цитирования: Пекарева В.В., Бондаренко И.В. Распространение наркотических средств, психотропных веществ с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: сущность и проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 448-450. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_448.

For citation: Pekareva V.V., Bondarenko I.V. Distribution of narcotic drugs, psychotropic substances by means of the information and telecommunication network «internet»: essence and problems // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 448-450. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_448.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение. Преступления в цифровой среде могут проявляться в различных формах, включая хакерские атаки, кражу личных данных, фишинг, клевету посредством интернет-площадок, кибершпионаж и т.д. Исследование характеристик противоправных деяний, совершаемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий имеет критическое значение для современного общества, поскольку стремительное развитие Интернета и цифровизация создает новые возможности для реализации противозаконных мотивов, и понимание их особенностей, в том числе способов совершения преступлений, личности преступника, обстановки, механизма следообразования влияет на уровень эффективности применяемой методики расследования преступлений [4], что требует постоянного обновления, адаптации теоретических основ, законодательства и организационных, технических методов противодействия. Нельзя ограничиваться восприятием лишь новых видов негативного и общественно-опасного использования информационного пространства, необходимо осознавать, что традиционные преступления, например, сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, также могут реализовываться с использованием цифровых ресурсов, что увеличивает уровень угрозы из-за легкости и доступности их осуществления.

Актуальность. Согласно отчетным данным о состоянии преступности от МВД России зарегистрировано всего преступлений, связан-

ных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, за интересующее время в следующих количественных показателях: за 2019 — 112651; 2020 — 112267; 2021 — 103446; 2022 — 110 895; 2023 — 126159; 2024 — 134998. В 2022 году как зарегистрирован спад из-за того, что криминальный мир разделился на до и после, когда пал главный мастодонт «Hydra», так и зафиксированы изменения в векторе выбора ассортимента наркотических средств. Большинство злоупотребляющих стали предпочитать синтетические «дизайнерские» наркотики и курительные смеси, что объясняется их высокой доступностью и более низкой стоимостью[5]. На протяжении длительного времени правоохранительные органы и РКН сталкиваются с интернет-ресурсами, на которых продаются, рекламируются, распространяются сведения о способах изготовления, ориентирах к местам реализации наркотических, галлюциногенных психоактивных средств. Только в 2022 году было заблокировано 78812 веб-источников, что довольно малозначительно в соотношении с существованием огромного пласта крупных специализированных ресурсов на дарквебе. В этом же году зафиксировано, что около 80 человек ежедневно умирали от последствий и осложнений употребления наркотиков в России. Количество вступивших в ряды наркозависимых пополняется ежедневно на 250 человек[5]. Тревожная статистика подчеркивает необходимость комплексного подхода к борьбе с наркоманией и изучения нюансов, роли цифровых площадок в сбыте такого рода средств.

Ассоциации с темными переулками и личным контактом при купле-продаже наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов остаются отголоском прошлого, который никуда не исчез, но просто приобрел современное обличье. Приобретается не товар из руки в руки, а в колоссальном масштабе информация о месте его нахождения. Теперь задействовано с определенной ролью больше людей, отдающих своим присутствием в цепочке реализации наркотических средств от настоящих крупных бенефициаров грязного бизнеса, отравляющего жизни сотни тысяч людей. При дальнейшей характеристике детальных особенностей сбыта веществ через цифровые ресурсы нужно понимать главное — точки входа остались прежними, изменению подверглись точки выхода и трансформировалась логистика.

В рамках совершенствования антинаркотической деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков предпочитаем как один из типов мер, регламентированную Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», развитие научного сопровождения антинаркотической деятельности, выявление и пресечение функционирования в сети «Интернет» ресурсов, используемых для пропаганды незаконного потребления и распространения наркотиков. Посредством характеристики отличительных черт и сложностей при сбыте наркотических средств, психотропных веществ с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сможем иметь представление о крайне опасном разветвленном процессе распространения наркотиков в современных реалиях, в котором задействовано много лиц.

Система методов и тактики сбыта «яда» в цифровой реальности быстро набрала обороты и укрепила свою позицию в качестве инновационного способа совершения противоправного деяния и отравления массы людей наркотическими веществами благодаря, в первую очередь, такой среде как Даркнет — уникальной платформе, представляющей собой малоизученное и противоречивое явление, привлекающее этим пользователей[3]. Такая часть Интернета создала условия для взаимовыгодных сделок с незаконными услугами и продажей запрещенных товаров и веществ. Площадка со своими особыми функциональными характеристиками, собственными процедурами, правилами, предпочитаемыми валютами, аудиторией и некой свободой обеспечила анонимность в незаконном гражданском обороте. Исходя из выполняемых условий, предложений уникального набора функций и продуктов в дарквебе, можно сравнить с наиболее современными формами организации рынка, которые позволяют «предпринимателям» вести бизнес, арендуя определенное «место».

А. В. Свищёв, А. С. Лаухина, зачастую даркнет сравнивают с айсбергом, так как его видимая часть составляет лишь небольшую долю от всего содержимого. На поверхности интернета доступен только малый процент открытых ресурсов, тогда как под ней скрывается огромный массив данных и информации, к которым просто так не добраться[6]. Среди множества сервисов с аморальным и незаконным контентом особое внимание следует уделить трудно поддающейся регулированию указанной анонимной платформе, предоставляющей доступ к компрометирующим материалам, к купле-продаже наркотиков, возможности для взаимодействия с киберпреступниками или для вовлечения в преступные организации. Справедливо отмечает Зинченко Д.С., что проблема взаимосвязи преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, и процедурой использования теневого сетевого пространства очевидна, поскольку в результате большая доля рассматриваемых преступлений остается латентной, что, в свою очередь, подрывает авторитет страны, оказывает дестабилизирующее воздействие на экономику, политическую жизнь и гражданское общество и снижает эффективность деятельности правоохранительных структур[1].

Механизм скрытого доступа может быть реализован в принципе с помощью различных методов. Начиная от использования учетных записей (никнов) при общении в программах мгновенного обмена сообщениями, VPN-сервисов, прокси-серверов (специального оборудования с установленным программным обеспечением, которое действует как посредник между пользователем и целевым сервером), SSH-туннелей (безопасного канала связи), заканчивая интересующими нас выделенным отдельно хостингом. Последнее следует характеризовать такими ресурсами, предоставляющими доступ к теневому Интернету, как «Tor», «Torch», «Candle» и т.д. Соединения на таких ресурсах осуществляются между доверенными участниками с использованием зашифрованных каналов, нестандартных портов и протоколов, что укрепляет у пользователей иллюзию безнаказанности, так «Даркнет» ускользает от правового регулирования. Преступники активно его используют для общения, в то время как обычные пользователи обращаются к его возможностям как к способу обхода законодательных запретов[2].

«Torch» генерирует ссылки на ресурсы, очевидно, связанные с наркоторговлей. Кроме того, он не распознает кириллицу и уже успел подпортить свою репутацию, рекламируя самые сомнительные сайты. «Candle» не популярен, однако имеет преимущество из-за отсутствия

рекламы сторонних ресурсов, результаты более релевантны по сравнению с теми, что предоставляет «Torch», интерфейс этого поисковика интуитивно понятен. С другой стороны, даже нерелевантные ссылки иногда могут быть любопытными. Более подробно анализу подвергнем широко распространенную сеть «Tog», приобретшей славу из-за своего функционирования на принципах «луковой» маршрутизации. Состоит такой тип соединения из мостов, особых цепочек узлов и ретрослаторов, по которым проходит сигнал. С каждой учетной записью связано два ключа, работающих в тандеме. Первый – открытый – полностью публичен и позволяет пополнять счет, второй, в свою очередь, закрытый – представляет собой случайно сгенерированный пароль, который дает его владельцу полный доступ и позволяет инициировать транзакции. При использовании луковой маршрутизации каждый пакет данных шифруется несколько раз и отправляется через цепочки узлов, что обеспечивает высокий уровень анонимности. Каждый узел в этой системе знает только о предыдущем и следующем узле, что затрудняет отслеживание источника и назначения данных. Это создает мощный барьер для анализа трафика и защиты конфиденциальности пользователей. Отличие от привычной нам стороны Интернета можно даже усмотреть в адресной строке, где вместо «com» и «net» используются «onion» и «i2p». Кроме того, пользователи могут прибегнуть к временным адресам и анонимным идентификаторам, что дополнительно усложняет возможность их идентификации.

Конфликт 2022 года, разгоревшийся в среде стримеров в связи с распространением скрытой, но очевидной рекламы «Даркнет» одним из их коллег на видеостриминговом сервисе «Twitch» посредством демонстрации эмблемы запрещенной площадки наркошопа лишь подтверждает то, что обороты информации на платформе «Даркнет» растут. Заявлять о полной блокировке этого ресурса не только невозможно, но и бессмысленно, поскольку любой желающий сможет получить доступ к темному вебу, даже если это запрещено государством. Тем более после того, как рынок наркотических средств, психотропных веществ стал разрозненным из-за глобальных событий 2022 г., появились упрощенные способы в виде закрытых групп, каналов, отдельных пользователей, распространяющих ссылки в мессенджере «Telegram». Казалось бы вычислить проще, но это также затруднительно из-за двусторонних мер предосторожностей. Продавца представляет чаще всего бот с набором команд и целым списком предложений запрещенных веществ, а покупатель под псевдонимом общается с применением в разговорах лексики, дающей возможность двоякого толкования, но являющейся понятными членами, которые употребляют, продают, создают (например, «соль», «шоколад», «рега» – соответствующие виды синтетических наркотических средств; «клад» – тайник с наркотиками; «кура», «фен», «вес», «хмуры» и т.д.).

Таким образом, невозможно не согласиться с рядом авторов (Тертычная И.В., Бадзгардзе Т.А., Проурзина О.Ю.), констатирующих, что механизм совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием сети «Интернет» и электронных средств оплаты, представляет собой практически автоматизированный процесс, понимание которого может повысить результативность действий государственных органов по противодействию совершению преступлений данной категории[7]. Наркоторговля всегда будет существовать, независимо от изменений в правилах игры, и каждый день появляются новые пути для реализации, продажи и покупки запрещенных веществ. Гражданскому обществу и правоохранительным органам необходимо проводить разъяснительную работу среди населения, особенно среди несовершеннолетних, о рисках и ответственности за действия, совершаемые в пространстве «Даркнета», практикам следует изучать новые способы преодоления технических методов сокрытия информации о совершаемых противоправных деяниях, а ученым продолжать исследовать проблему, обращать внимание на нюансы распространения наркотических средств, психотропных веществ с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», тем самым это поможет упростить работу других участников в борьбе с данной проблемой.

Список литературы:

1. Зинченко Д. С. Использование закрытого сетевого пространства (на примере Даркнета) как фактор латентности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационнокоммуникационных технологий / Д. С. Зинченко // Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения) : Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 21–22 марта 2024 года. – Москва: Университет прокуратуры РФ, 2024. – С. 370-375. – EDN ATMTYR.
2. Иминов А. А. Предупреждение распространения и пропаганды употребления наркотиков и психотропных веществ несовершеннолетними в сети «Интернет» / А. А. Иминов // На страже закона. – 2023. – № 2(2). – С. 21-23. – EDN MWKADM.
3. Кадыков Д. А. Масштабы использования Даркнета в криминальных сферах / Д. А. Кадыков, Т. С. Артанкина // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия : Материалы научно-практической конференции с международным участием, Псков, 11–12 ноября 2021 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. – С. 132-135. – EDN FCMJNF.
4. Малик В.И. Некоторые вопросы противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств через сеть Интернет // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2. С. 72–81.
5. Новостной портал. [Электронный ресурс] URL: <https://balvesti.ru/2024/02/26/ezhednevno-ot-narkotikov-v-rossii-umirayut-80-chelovek-saratovskie-vrachi-predosteregayut-ot-upotrebleniya-zapreshennyh-veshchestv/> (дата обращения: 23.03.2025 г.)
6. Свищёв А. В., Лаухина А. С. Darknet: полезный инструмент или источник угрозы // Colloquium-journal. 2020. № 10-2 (62). С. 66-69.
7. Тертычная И.В., Бадзгардзе Т.А., Проурзина О.Ю. Особенности выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических веществ, совершенных с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет» // Аграрное и земельное право. 2022. №9

References:

1. Zinchenko D. S. The use of closed network space (on the example of Darknet) as a factor of latency of crimes in the field of illicit drug trafficking committed with the use of information and communication technologies / D. S. Zinchenko // Methodology and techniques of criminological research and expertise (Dolgovskie readings) : Collection of materials of the IV All-Russian scientific-practical conference with international participation, Moscow, 21-22 March 2024. - Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2024. - С. 370-375. - EDN ATMTYR.
2. Iminov, A. A. Prevention of distribution and propaganda of drug and psychotropic substances use by minors in the Internet / A. A. Iminov // On guard of the law. - 2023. - № 2(2). - С. 21-23. - EDN MWKADM.
3. Kadykov D. A. Scale of Darknet use in criminal spheres / D. A. Kadykov, T. S. Artankina // Law enforcement agencies of Russia: problems of formation and interaction : Proceedings of the scientific-practical conference with international participation, Pskov, 11-12 November 2021. - Pskov: Pskov branch of the Academy of FSIN of Russia, 2022. - С. 132-135. - EDN FCMJNF.
4. Malik V.I. Some issues of countering crimes related to illicit trafficking of narcotic drugs through the Internet // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2021. № 2. С. 72-81.
5. News portal. [Electronic resource] URL: <https://balvesti.ru/2024/02/26/ezhednevno-ot-narkotikov-v-rossii-umirayut-80-chelovek-saratovskie-vrachi-predosteregayut-ot-upotrebleniya-zapreshennyh-veshchestv/> (date of reference: 23.03.2025).
6. Svishchev A.V., Laukhina A. S. Darknet: a useful tool or a source of threat // Colloquium-journal. 2020. № 10-2 (62). С. 66-69.
7. Terlychnaya I.V., Badzgaradze T.A., Prourzina O.Y. Features of detection, disclosure and investigation of crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic substances committed with the use of information and communication network 'Internet' // Agrarian and Land Law. 2022. №9

**ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА-КИНОЛОГА
В ХОДЕ ОБЫСКА ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»
SPECIFIC FEATURES OF THE PARTICIPATION OF A SPECIALIST DOG HANDLER
DURING A SEARCH IN CASES RELATED TO THE ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS
COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK «INTERNET»**

ЕРЕМЕЕВА Алёна Николаевна,

адъюнкт кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России.

ул. Рокоссовского, 20, г. Красноярск, Красноярский край, 660131, Россия.

E-mail: alena.eremeeva91@mail.ru;

EREMEEVA Alena Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Criminalistics

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

20 Rokossovskiy St., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660131, Russia.

E-mail: alena.eremeeva91@mail.ru

Краткая аннотация: В статье на основе анализа научной литературы, а также правоприменительной практики рассматриваются некоторые особенности участия специалиста-кинолога со служебно-розыскной собакой в ходе производства обыска по делам, о незаконном сбыте наркотических средств, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в целях обнаружения психоактивных веществ и их запаховых следов. Резюмируется высокая эффективность проведения указанного следственного действия совместно со специалистом-кинологом.

Abstract: Based on the analysis of scientific literature, as well as law enforcement practice, the article examines some features of the participation of a specialist dog handler with an official search dog during a search in cases of illegal sale of narcotic drugs committed using the Internet information and telecommunications network in order to detect psychoactive substances and their odorous traces. The high efficiency of carrying out the specified investigative action together with a specialist dog handler is summarized.

Ключевые слова: незаконный сбыт, наркотические средства, специалист-кинолог, служебно-розыскная собака, обыск.

Key words: illegal sale, narcotics, specialist dog handler, service and search dog, the search.

Для цитирования: Еремеева А.Н. Отдельные особенности участия специалиста-кинолога в ходе обыска по делам, связанным с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 451-453. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_451.

For citation: Eremeeva A.N. Specific features of the participation of a specialist dog handler during a search in cases related to the illegal sale of narcotic drugs committed using information and telecommunication network «Internet» // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 451-453. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_451.

Статья поступила в редакцию: 10.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Согласно данным официальной статистики, предоставленным ГИАЦ МВД России за период с января по декабрь 2024 года зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, что на 1,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. В 40% случаев указанные преступления были совершены с использованием информационных технологий [1, с. 6].

Самой распространенной формой использования таких технологий выступает информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет». Сеть «Интернет» является предпочтительней для злоумышленников по следующим основаниям: отсутствие личных контактов с соучастниками, конспиративный характер преступных действий, географическая удаленность от мест совершения преступлений, формирование сложных цифровых следов и др. Все это предопределяет использование интернет-технологий при совершении различных преступлений, в частности указанные технологии активно внедряются в преступную деятельность, связанную с незаконным сбытом наркотических средств [2, с. 241].

Согласно Стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года незаконный сбыт наркотических средств признан угрозой национальной безопасности России [3]. На территории РФ разработан комплекс мероприятий по пресечению противоправной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков. Одним из центральных направлений является правоприменительная деятельность субъектов доказывания. Среди всего арсенала методов и средств раскрытия и расследования указанных преступлений центральное место занимают следственные действия, проводимые в рамках обнаружения, фиксации и исследования доказательств.

В ходе анкетирования сотрудников следственных подразделений МВД России, имеющих значительный практический опыт работы по делам в сфере незаконного оборота наркотиков, установлено, что самым распространенным следственным действием выступает обыск (80,1%)¹.

Двойственность способа совершения незаконного сбыта наркотических средств (совершение с одной стороны действий в виртуальном пространстве: размещение объявлений о продаже наркотических средств, адресов закладок, переписка с участниками организованной группы и пр., и действий, выполняемых в реальном мире: фасовка наркотических средств, рукописная фиксация химических процессов, ведение различной документации и т.п.) предопределяют нацеленность следователя, проводящего обыск, на большое количество разнообразных объектов. Среди них можно выделить: наркотические средства, упаковочный материал, скотч, весы, химическая справочная литература, записные книжки, блокноты, электронные носители информации, пластиковые карты и пр.

¹ При исследовании этого вопроса было проанкетировано 150 сотрудников следственных подразделений, осуществляющих расследование уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотических средств в следующих субъектах РФ: Амурская область, Белгородская область, Красноярский край, Кемеровская область, Новосибирская область, Самарская область, Свердловская область, Тюменская область, Тверская область.

Указанное позволяет сделать вывод о том, что следователь должен владеть большим объемом информации из различных областей знаний, что невозможно в условиях его практической деятельности. Решить данную проблему возможно путем привлечения к производству обыска различных специалистов.

В ходе изучения материалов уголовных дел рассматриваемой категории установлено, что чаще всего к обыску привлекаются специалисты, имеющие специальные знания в области компьютерных технологий, а также специалисты-криминалисты¹. Специалисты-кинологи принимают участие в производстве данного следственного действия реже, чем все остальные.

Данный факт, по нашему мнению, негативно сказывается на расследовании незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Одной из задач правоохранительных органов, осуществляющих противодействие наркопреступности, является изъятие наркотических средств из незаконного оборота. Проведение обыска без специалиста-кинолога со служебно-розыскной собакой существенно снижает шансы на изъятие не только психоактивных веществ, но и цифровых носителей информации, выступающих средством совершения рассматриваемых преступлений, на которых могут располагаться запаховые следы наркотиков.

Имеющийся арсенал технических средств у органов полиции недостаточен для обнаружения наркотиков и их запаховых следов, тогда как у специально обученных собак имеется особая чувствительность и избирательность обоняния [4, с. 59].

Поиск наркотических средств и их запаховых следов с помощью розыскных собак признан во всем мире. Колумбийские наркодиллеры объявили награду за голову служебного пса по кличке Сомбро, с помощью которого удалось привлечь к уголовной ответственности 245 преступников [5]. Высокая результативность применения служебно-розыскных собак в практической деятельности правоохранительных органов МВД России подтверждается многочисленными примерами.

В марте 2024 года в г. Ижевске в ходе обыска в жилище задержанного лица по подозрению в незаконном сбыте наркотических средств кинологом совместно со служебно-розыскной собакой было обнаружено и изъято более 230 свертков и 30 пакетов с наркотическим средством синтетического происхождения общей массой 1 кг [6].

Факт редкого использования собак в ходе производства обыска по делам, связанным с незаконным сбытом наркотических средств с одной стороны связан с отсутствием методических рекомендаций по использованию помощи специалиста-кинолога, а с другой – наличием недостаточных знаний у последнего относительно тактических особенностей проведения рассматриваемого следственного действия.

Анализ имеющейся научной литературы и правоприменительной практики по делам рассматриваемой категории позволили автору сформулировать некоторые особенности производства обыска совместно со специалистом-кинологом и служебно-розыскной собакой. Указанные особенности при дальнейшей их разработке могут быть положены в основу формирования методических рекомендаций.

1. В ходе подготовительного этапа производства обыска (до приезда на место) следователем на основе изучения материалов уголовного дела осуществляется мысленное моделирование искомых объектов, а также места производства обыска. Данная информация должна быть передана начальнику кинологоического службы субъекта МВД России, в котором планируется производство следственного действия. В каждом субъекте РФ существует несколько розыскных собак, с разным опытом и узкой специализацией. Предварительная информация, переданная руководителю, поможет привлечь необходимого специалиста-кинолога для разрешения конкретной поисковой ситуации.

2. По приезду следователя на место обыска он дополнительно инструктирует специалиста-кинолога, ставит задачи, а также разъясняет права и обязанности последнего. В свою очередь специалист-кинолог, получив ориентирующую информацию относительно искомых объектов, места производства обыска, а также личности задержанного должен мысленно сформировать основные узлы поиска, в которых, по его мнению, могут находиться наркотические средства. Кроме того, характер рассматриваемых преступлений определяет наличие большого количества электронных носителей информации, что подразумевает обязательное участие в обыске специалиста в области компьютерных технологий [7]. На указанных предметах могут находиться запаховые следы наркотических средств, так как преступник постоянно с ними контактирует (мобильный телефон, персональный компьютер и пр.). В ходе эффективного взаимодействия участников следственного действия версии относительно нахождения искомых объектов и предметов должны быть оговорены совместно со следователем и участвующими специалистами.

3. Максимальная сохранность запаховой обстановки. Следователь должен помнить об особенностях формирования запаховых следов (быстрая изменчивость, относительная устойчивость и т.п.). Указанное должно исключать наличие сквозняков на обыскиваемом объекте, курение табачных или электронных сигарет, а также устройств по типу Вейпа, нахождение лиц, не участвующих в следственном действии. Остальные участники обыска должны находиться в пределах определенного участка и передвигаться только по разрешению следователя. Кинолог со служебно-розыскной собакой должен приступить к поисковым мероприятиям незамедлительно.

4. Соблюдение последовательности поисковых действий. В целях исключения возможного разрушения и смешивания запаховых следов, при участии в рассматриваемом следственном действии кинолога со служебно-розыскной собакой последние передвигаются немного впереди всех.

5. В ходе изучения материалов уголовных дел рассматриваемой категории было установлено, что большинство обысков проводится в течение нескольких часов после задержания лица и с его последующим участием². Следователь не должен забывать о том, что указанное лицо, может оказать противодействие расследованию, которое может выражаться в осуществлении действий, направленных на возбуждение психики служебно-розыскной собаки, которые могут выражаться в разговорах на повышенных тонах, резких движениях в сторону собаки, а также попыток применения

¹ При исследовании этого вопроса было изучено 15 уголовных дел, находящихся в производстве следователей ГСУ МВД России по Красноярскому краю, 10 апелляционных приговоров Верховного Суда Российской Федерации.

² При исследовании этого вопроса было изучено 15 уголовных дел, находящихся в производстве следователей ГСУ МВД России по Красноярскому краю.

физической силы. В ответ на повторяющиеся попытки задержанного каким-либо образом воспрепятствовать участию служебной собаки в указанном следственном действии, последний может быть ограничен в передвижениях. Указанные факты должны найти свое отражение в протоколе обыска.

6. В процессе использования служебной собаки высокое значение имеет тщательная подготовка животного к выполнению своих служебных обязанностей в различных условиях окружающей среды. Указанное достигается каждодневной дрессировкой собак с воссозданием различных поисковых ситуаций.

7. Необходимо помнить, что только при грамотном взаимодействии всех участвующих в ходе обыска лиц, возможен положительный результат поисковых действий. Кинолог должен постоянно визуально находиться в контакте со служебно-поисковой собакой, следить за каждым ее действием и быстро реагировать на все видимые изменения в ее поведении. При подаче сигнала животного (чаще всего собака подает голос) у различных объектов или поверхностей, кинолог, а также остальные участвующие в обыске лица, должны оказать ей посильную помощь в последующих поисковых действиях. Например, отодвинуть мебель, убрать облицовку с двери, снять обои и т.д. При нахождении специалистом-кинологом различных объектов и предметов, имеющих отношение к расследуемому событию, действия, связанные с их изъятием в зависимости от их вида должны производиться специалистом в области компьютерных технологий (мобильный телефон), либо специалистом-криминалистом (полимерные пакеты для фасовки наркотических средств).

9. При обнаружении специалистом-кинологом со служебно-розыскной собакой электронных носителей информации они подлежат изъятию, так как могут содержать в себе цифровые следы рассматриваемого преступления. Для качественного изъятия таких объектов к обыску в обязательном порядке привлекается специалист в области компьютерных технологий, который, обладая специальными познаниями, сможет провести все необходимые действия без утери электронных данных [7]. Изъятые устройства должны быть упакованы определенным образом, исключающим удаленный и физический доступ к ним [8]. Обнаруженные наркотические средства, фасовочный материал, электронные весы и пр. упаковываются в полимерный пакет, горловина которого обвязывается нитью с биркой, на которой выполняется сопроводительная надпись. Указанные действия могут быть осуществлены специалистом-криминалистом, принимающим участие в обыске, а также непосредственно самим следователем.

10. Возможность повторного прохода кинолога с собакой. При отсутствии раздражающих факторов, а также при имеющейся пространственной возможности служебной собаке можно предоставить дополнительный проход без поводка.

11. При каждом факте применения служебно-розыскной собаки кинологом составляется соответствующий акт, в двух экземплярах. Один из которых хранится в документах делопроизводства соответствующей кинологической службы, а другой передается следователю, для хранения в материалах уголовного дела.

12. По окончании следственного действия следователем составляется протокол, с которым должен ознакомиться специалист-кинолог и иные лица с обязательной письменной фиксацией факта своего участия. Проверяется упаковка изъятых предметов и объектов, на бирках которых также расписываются участвующие лица.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что исход проведения обыска по делам, связанным с незаконным сбытом наркотических средств, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», совместно со специалистом-кинологом и служебно-розыскной собакой зависит от ряда факторов: высокая профессиональная подготовленность служебно-розыскной собаки; наличие необходимых научных знаний у специалиста-кинолога и профессиональных компетенций у следователя; постоянное взаимодействие следователя со всеми участвующими специалистами (кинолог, криминалист, специалист в области компьютерных технологий).

Указанная совокупность сможет помочь повысить эффективность проведения рассматриваемого следственного действия, что в свою очередь положительно скажется на расследовании уголовных дел рассматриваемой категории.

Список литературы:

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года: ГИАЦ МФД РФ. М., 2024. 64 с.
2. Ким Д.В., Климачков А.В., Шебалин А.В. Некоторые вопросы организации расследования незаконного сбыта наркотических средств, совершенного с использованием сети «Интернет» // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: сборник материалов международного научно-практического форума (27-31 августа 2020 г.). Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта. – 2020. С. 240-247.
3. Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 05.03.2025).
4. Карпенко О.А., Разина Е.П. Участие специалиста-кинолога при осмотре места происшествия по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: проблемы и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 56-67.
5. Новостной сайт 360RU: официальный портал: <https://360.ru/news/mir/horoshij-malchik-sombro-kolumbijskie-narkodilery-objavili-ohotu-na-sluzebnogo-psa/> (дата обращения 05.03.2025).
6. Пресс-служба МВД по Удмуртской Республике: <https://мвд.рф/news/item/48143487/> (дата обращения 05.03.2025).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 07.03.2025).
8. Еремеева А.Н., Золотарев А.В. Возможности получения криминалистически значимой информации в ходе осмотра мобильного устройства по преступлениям, связанным с незаконным сбытом наркотических средств, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Вестник Волгоградской Академии МВД РФ. № 4 (67). 2023. С. 137-149.

References:

1. The state of crime in the Russian Federation for January - December 2024: GIAC MFD RF. M., 2024. 64 p.
2. Kim D.V., Klimachkov A.V., Shebalin A.V. Some issues of organizing the investigation of the illegal sale of narcotic drugs committed using the Internet // Modern technologies and approaches in legal science and education: collection of materials from the international scientific and practical forum (August 27-31, 2020). Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. - 2020. P. 240-247.
3. Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 2020 № 733 «On Approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the Period up to 2030» // SPS «ConsultantPlus» (date of access 03/05/2025).
4. Karpenko O.A., Razina E.P. Participation of a specialist dog handler in the inspection of the scene of crimes related to the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: problems and solutions // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. - 2022. - Vol. 22. - № 2. - P. 56-67.
5. News site 360RU: official portal: <https://360.ru/news/mir/horoshij-malchik-sombro-kolumbijskie-narkodilery-objavili-ohotu-na-sluzebnogo-psa/> (date of access 03/05/2025).
6. Press service of the Ministry of Internal Affairs of the Udmurt Republic: <https://мвд.рф/news/item/48143487/> (date of access 03/05/2025).
7. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174 - FZ (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025) // SPS «ConsultantPlus» (date of access 07.03.2025).
8. Eremeeva A.N., Zolotarev A.V. Possibilities of obtaining forensically significant information during the inspection of a mobile device on crimes related to the illegal sale of narcotics committed using the information and telecommunications network «Internet» // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. № 4 (67). 2023. P. 137-149.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ORGANIZATIONAL AND LEGAL SECURITY IN CORRECTIONAL CENTERS

ЗАВОДЧИКОВ Максим Николаевич,
соискатель, Академия ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: zavodchikov.61@mail.ru;
ZAVODCHIKOV Maksim Nikolaevich,
applicant, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: zavodchikov.61@mail.ru

Краткая аннотация: Рассматриваются проблемы организационно-правового обеспечения безопасности в исправительных центрах при исполнении наказания в виде принудительных работ. Обращается внимание на необходимость совершенствования правового регулирования в сфере применения мер безопасности, осуществления контроля и наблюдения за поведением осужденных к принудительным работам, работающих в организациях с различными формами собственности и индивидуальных предпринимателей. На основе результатов проведенного исследования предлагаются меры по совершенствованию действующего законодательства по вопросам укрепления правопорядка в исправительных центрах и предупреждения повторных преступлений осужденных к принудительным работам.

Abstract: The problems of organizational and legal security in correctional centers during the execution of punishment in the form of forced labor are considered. Attention is drawn to the need to improve legal regulation in the field of security measures, monitoring and monitoring the behavior of those sentenced to forced labor working in organizations with various forms of ownership and individual entrepreneurs. Based on the results of the study, measures are proposed to improve the current legislation on strengthening law and order in correctional centers and preventing repeat crimes of those sentenced to forced labor.

Ключевые слова: исправительные центры, меры безопасности, принудительные работы, преступления, предупреждение преступлений.

Keywords: correctional centers, security measures, forced labor, crimes, crime prevention.

Для цитирования: Заводчиков М.Н. Организационно-правовое обеспечение безопасности в исправительных центрах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 454-456. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_454.

For citation: Zavodchikov M.N. Organizational and legal security in correctional centers // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 454-456. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_454.

Статья поступила в редакцию: 29.01.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Включение нового вида наказания в Уголовный кодекс РФ соответствует целям Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р.

По данным Минюста России, в России создана система исправительных центров, в которых отбывает наказание в виде принудительных работ 60 тысяч осужденных, при этом более 50% рабочих мест для осужденных предоставлена работодателями, что подтверждает актуальность организационно-правового обеспечения безопасности данных учреждений.

Анализ состава осужденных показывает, что около 180 тысяч осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, имеют право на перевод в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством в исправительные центры на принудительные работы, то есть количество осужденных, отбывающих принудительные работы будет только возрастать.

Среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных центрах, удельный вес осужденных, прибывших в исправительные центры из исправительных учреждений, достигает 70%. [2] 41 % от общего количества рассматриваемой категории осужденных составляют лица, осужденные за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств. Более половины осужденных имеют две и более судимости. 70 % осужденных, направленных отбывать принудительные работы из мест лишения свободы, были осуждены за тяжкие и особо тяжкие преступления.

При этом большая часть – те, кто отбывает наказание за особо тяжкие преступления: 22,7 тыс. человек за преступления средней тяжести – 6 тыс., а за тяжкие – 11,5 тыс. За последние пять лет почти в 5 раз выросло число приговоренных к принудительным работам. Всего, в исправительных центрах сейчас находится около 60 тыс. осужденных к принудительным работам.

Приведенные статистические данные подтверждают необходимость совершенствования организационно-правового обеспечения безопасности и режима отбывания принудительных работ, которое предполагает контроль за поведением осужденных с применением системы видеонаблюдения, предотвращение конфликтов и насилия, обеспечение безопасных условий для осужденных и сотрудников, применение правовых мер воздействия на осужденных, злостно нарушающих порядок и условия отбывания наказания, увеличение штатной численности сотрудников исправительных центров и введения в штат психологов, оперативно-режимных работников[1].

Актуальным остается вопрос законодательного закрепления оснований применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками исправительных центров. В настоящее время существуют два способа решения указанной проблемы. Либо сотрудникам исправительного центра руководствоваться при соответствующей корректировке действующей нормой Закона РФ от 21.07, 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»(ст., ст. 28.1, 29, 30, 31.2), регулирующей применение оружия, спецсредств и физической силы сотрудниками уголовно-исполнительной системы в отношении осужденных к лишению свободы, либо, что на наш взгляд, будет более эффективным способом решения указанной проблемы, если по аналогии с уголовно-исполнительными

инспекциями, (так как существуют особенности функционирования исправительных центров) (статья 31.4 «Особенности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций») ввести в указанный закон новую норму следующего содержания: «Статья 31.5 Особенности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками исправительных центров, созданных при исправительном учреждении, изолированных участков, функционирующих как исправительный центр, участков исправительных центров, расположенных вне территории исправительного центра (далее – ИЦ, УФИЦ, УИЦ)[6].

Сотрудники ИЦ, УИЦ, УФИЦ имеют право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в порядке, установленном настоящей главой, при осуществлении ими полномочий по исполнению уголовного наказания в виде принудительных работ с учетом особенностей, установленных настоящей статьей.

Начальник ИЦ, УИЦ, УФИЦ обеспечивает подготовку и направление прокурору материалов по факту применения сотрудниками ИЦ, УИЦ, УФИЦ физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в порядке, установленном федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Сотрудник ИЦ, УИЦ, УФИЦ имеет право применять физическую силу для пресечения преступлений и административных правонарушений.

Сотрудник ИЦ, УИЦ, УФИЦ имеет право применять физическую силу во всех случаях, когда настоящей статьей разрешено применение специальных средств или огнестрельного оружия.

Сотрудник ИЦ, УИЦ, УФИЦ имеет право применять следующие специальные средства:

1) палки специальные – в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 части первой статьи 30 настоящего Закона;

2) специальные газовые средства – в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 части первой статьи 30 настоящего Закона;

3) наручники и иные средства ограничения подвижности – в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 части первой статьи 30 настоящего Закона, если осужденные своим поведением дают основание полагать, что намерены причинить вред окружающим или себе. При отсутствии средств ограничения подвижности сотрудник ИЦ, УИЦ, УФИЦ вправе использовать подручные средства связывания;

4) электрошоковые устройства – в случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 части первой статьи 30 настоящего Закона.

Сотрудник ИЦ, УИЦ, УФИЦ имеет право применять специальные средства во всех случаях, когда настоящей статьей разрешено применение огнестрельного оружия.

Сотрудник ИЦ, УИЦ, УФИЦ имеет право применять огнестрельное оружие в следующих случаях:

1) для защиты себя и (или) иных лиц от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья;

2) для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством уголовно-исполнительной системы;

3) для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты уголовно-исполнительной системы».

В указанном проекте разрешается сотрудникам исправительных центров применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в установленном порядке при осуществлении ими полномочий по исполнению уголовного наказания в виде принудительных работ.

Вменяется в обязанность администрации ИЦ обеспечение подготовки и направление прокурору материалов по факту применения сотрудниками исправительного центра физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в порядке, установленном ФСИН России.

Устанавливаются правила, при которых сотрудники ИЦ вправе применять физическую силу для пресечения преступлений и административных правонарушений. Устанавливается перечень специальных средств. К ним относятся следующие специальные средства: палки специальные, специальные газовые средства, наручники и средства ограничения подвижности, электрошоковые устройства. В данном нормативном акте устанавливаются основания применения огнестрельного оружия: для защиты себя и (или) иных лиц от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья; для пресечения попытки завладения огнестрельным оружием, транспортным средством уголовно-исполнительной системы; для отражения группового или вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения и иные объекты уголовно-исполнительной системы.

В целях обеспечения внутренней безопасности ИЦ назрела необходимость в корректировке нормативного правового акта, регламентирующего организационно-правовые основы постоянного надзора и контроля за поведением осужденных к принудительным работам (а не только при «наличии возможности») с применением электронных средств мониторинга осужденных в местах проживания и работы, в том числе на работах в индивидуальных предпринимателей, с учетом требований, вытекающих из ст. 60.18. УИК РФ. Во-первых, ст.60.18.УИК РФ определен специализированный государственный орган, осуществляющий надзор и контроль за отбыванием наказания осужденными к принудительным работам, - исправительный центр. Во-вторых, в соответствии со ст. 60.18. УИК РФ на исправительные центры возложен не только функции обеспечения порядка и контроля за поведением осужденных в местах отбывания наказания, в организациях, предприятиях, где они работают, независимо от организационно-правовых форм их создания, индивидуальных предпринимателей, но и функции по выявлению, регистрации, пресечению, предупреждению преступлений и иных нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ.

Одним из эффективных средств воздействия на осужденных, злостно нарушающих порядок и условия отбывания принудительных работ является меры взыскания, установленные уголовно-исполнительным законодательством законом, в том числе замена неотбытой части наказания лишением свободы. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, направляя в суд представления о замене неотбытой части наказания в виде принудительных работ лишением свободы в отношении осужденного к принудительным работам, признанного злостным

нарушителем, администрация ИЦ вправе водворить осужденного в помещение для нарушителей по согласованию с прокурором. Однако, порядок такого согласования не предусмотрен, что в практической деятельности приводит к несвоевременному применению этой меры. В связи с этим представляется целесообразным законодательно регламентировать не согласование прокурором водворения в помещение для нарушителей, а уведомление его о применении такой меры с дальнейшим разрешением прокурором вопроса об ее законности. Представляется целесообразным изложить ч. 6 ст. 60.15 УИК РФ в следующей редакции: «Со дня направления представления, указанного в части пятой настоящей статьи, и до решения суда администрацией ИЦ, УИЦ, УФИЦ осужденный к принудительным работам может быть водворен в помещение для нарушителей. Администрация ИЦ, УФИЦ, УИЦ в течение 24 часов с момента принятия решения о водворении осужденного в помещение для нарушителей обязана направить прокурору копии документов, послуживших основанием для принятия подобного решения».

Вызывают трудности в сфере исполнения принудительных работ в связи с появлением в исправительных центрах лиц, страдающих социально значимыми заболеваниями. В отличие от осужденных к лишению свободы, для которых предусмотрено создание лечебных и лечебно-профилактических исправительных учреждений, в уголовно-исполнительной системе не предусмотрено введение специальных ИЦ для осужденных, страдающих социально значимыми заболеваниями, которые отбывают наказание в виде принудительных работ. По данным А.В. Дыденко в исправительных центрах и исправительных колониях находится 1586 лиц, страдающих указанными заболеваниями, включая 136 человек с туберкулезом (в том числе 28 в открытой форме) и 167 человек, имеющих инфекции, передающиеся половым путем [4]

С увеличением количества осужденных к принудительным работам в исправительных центрах можно ожидать роста числа там лиц заболевших инфекционными болезнями. Это создает угрозу безопасности исправительных центров и риск распространения заболеваний среди здоровых осужденных и сотрудников. Кроме того, длительное лечение осужденных не позволяет их привлекать к труду, туберкулез относится к наиболее опасным инфекционным заболеваниям, представляющих значительную социальную опасность. Больные данной категории, лица с подозрением на такие заболевания и контактировавшие с больными, а также лица, являющиеся носителями, подлежат лабораторному обследованию и медицинскому наблюдению или лечению и в случае, если они представляют опасность для окружающих, обязательной госпитализации или изоляции в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (ч. 1 ст. 33 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»). [7]

С целью предотвращения возникновения и распространения инфекционных заболеваний среди осужденных и работников исправительных центров предлагается внести дополнение части 7 статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации положением, исключающим возможность назначения принудительных работ лицам, больным определенными инфекционными заболеваниями. Для этого требуется установить перечень заболеваний, при которых назначение наказания в виде принудительных работ исключено, например, активную форму туберкулеза, инфекции, передающиеся половым путем, паразитарные кожные и другие инфекционные заболевания, представляющие угрозу для окружающих и лишают осужденных возможности выполнять принудительные работы.

Надзор за осужденными к принудительным работам с применением электронных, аудиовизуальных и иных технических средств в соответствии с законом должен осуществляться администрацией исправительного центра постоянно, комплексно и состоит в наблюдении, и контроле за поведением осужденных к принудительным работам: а) в исправительном центре; б) по месту работы; в) в иных местах их пребывания, направлен на предупреждение повторных преступлений и играет важную роль в механизме безопасности исправительных центров.[5]

Список литературы:

1. Смирнова, И. Н., Волховский, Р. А. Актуальные аспекты организационно правового обеспечения исполнения наказания в виде принудительных работ и ре социализации лиц, его отбывающих // Уголовно исполнительная система: реалии и перспективы развития: сб. материалов III Междуна. науч.-практ. конф. 15 июня 2021 г., г. Псков. - Псков: Псков, филиал Академии ФСИН России, 2021. - С. 436-439. EDN: TPAGFN
2. Ольховик Н. В. Криминологическая характеристика осужденных, которым неотбытая часть лишения свободы заменена принудительными работами // Вестник Кузбасского института. 2022. № 3 (52). С. 81-87. DOI: 10.53993/2078-3914/2022/3(52)/81-87 EDN: PZMTSV
3. Усеев, Р. З. Принудительные работы: некоторые вопросы правового регулирования и организации исполнения (анализ за 9 месяцев 2017 г.) // Вестник Самарского юридического института. - 2017. - № 4 (26). - С. 88-92. EDN: ZMVXXF
4. Давыденко А.В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Российская юстиция. 2018. №10. С. 37. EDN: VHUHFW
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 №1-ФЗ //Особенная часть // глава 8.1 // Статья - 60.18 // КонсультантПлюс URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 29.09.2024).
6. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.
7. Федеральный закон от 30.03.1999 N 52-ФЗ (ред. от 08.08.2024) "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федеральный закон от 30 марта 1999 года (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024) // Консультант плюс URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 29.09.2024).

References:

1. Smirnova, I. N., Volkovsky, R. A. Actual aspects of organizational and legal support for the execution of punishment in the form of forced labor and the rehabilitation of persons serving it // Penal enforcement system: realities and development prospects: collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference on June 15, 2021, the city of Pskov. Pskov: Pskov, Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. pp. 436-439.
2. Olkhovik N. V. Criminological characteristics of convicts who have replaced the unserved part of their imprisonment with forced labor // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2022. No. 3 (52). pp. 81-87. [https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/3\(52\)/81-87](https://doi.org/10.53993/2078-3914/2022/3(52)/81-87)
3. Useev, R. Z. Forced labor: some issues of legal regulation and organization of execution (analysis for 9 months of 2017) // Bulletin of the Samara Law Institute. - 2017. - № 4 (26). - Pp. 88-92.
4. Davydenko A.V. Problems of execution of criminal punishment in the form of forced labor //The Russian justice system. 2018. No. 10. P. 37
5. The Penal Enforcement Code of the Russian Federation dated 08.01.1997 № 1-FZ //Special part // Chapter 8.1 // Article - 60.18 // ConsultantPlus URL: <https://www.consultant.ru/> (date of request: 05/29/2024)
6. On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment: Law of the Russian Federation No. 5473-1 of July 21, 1993 // Vedomosti of the Ministry of Internal Affairs and the Armed Forces of the Russian Federation. 1993. No. 33. Art. 1316.
7. Federal Law No. 52-FZ of 30.03.1999 (as amended on 08.08.2024) "On Sanitary and Epidemiological Welfare of the population : Federal Law of March 30, 1999 (as amended and supplemented, intro. effective from 08/19/2024) // Consultant plus URL: <https://www.consultant.ru/> <https://www.consultant.ru/> (date of request: 05/29/2024).

О ПОНЯТИИ ПОКАЗАНИЙ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ВИДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ON THE CONCEPT OF TESTIMONY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A TYPE OF EVIDENCE

ЗАМАЛЕЕВА Светлана Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, Заместитель начальника кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова».
680020, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Казарменный пер., 15.

E-mail: zam77@bk.ru;

ZAMALEEVA Svetlana Vladimirovna,

Candidate of Law, Associate Professor Deputy Head of the Department of Criminal Procedure
Far Eastern Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov".
15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680020, Russia.

E-mail: zam77@bk.ru

Краткая аннотация: статья посвящена исследованию понятия показаний участников уголовного процесса, как вида доказательств. Автор, учитывая дискуссионный характер данного термина, делает вывод, о необходимости устранения некоторых противоречий и пробелов в регулировании вопроса о приравнивании информации в объяснениях к показаниям. Решение проблемы требует законодательного разрешения на использование всех процессуальных средств доказательств на стадии возбуждения уголовного дела.

Abstract: The article is devoted to the study of the concept of testimony of participants in criminal proceedings as a type of evidence. The author, taking into account the controversial nature of this term, concludes that it is necessary to eliminate some contradictions and gaps in regulating the issue of equating information in explanations with testimony. The solution to the problem requires legislative permission to use all procedural means of evidence at the stage of initiation of a criminal case.

Ключевые слова: показания, объяснения, источники показаний, доказательства, допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, опознание, уголовный процесс, уголовное дело, следователь, дознаватель, прокурор, суд.

Keywords: testimony, explanations, sources of testimony, evidence, interrogation, confrontation, on-the-spot verification of testimony, identification, criminal trial, criminal case, investigator, inquirer, prosecutor, court.

Для цитирования: Замалева С.В. О понятии показаний участников уголовного процесса как вида доказательств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 457-460. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_457.

For citation: Zamaleeva S.V. On the concept of testimony of participants in criminal proceedings as a type of evidence // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 457-460. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_457.

Статья поступила в редакцию: 09.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Показания являются одним из ключевых терминов в уголовном процессе, без которых невозможно расследование ни одного уголовного дела. Однако, несмотря на их значимость, в законодательстве нет точного определения этого понятия.

Такое положение дел можно объяснить тем, что более общие понятия, такие как доказательства и их источники, имеют дискуссионный характер[2, с. 354]. На самом деле, определения важных процессуальных терминов не могут существовать в изоляции от их исходных понятий.

Такая дефиниция должна отражать специфику национальной системы уголовной юстиции, учитывать исторические и правовые традиции, а также сложившиеся доктринальные взгляды. Назрела необходимость сформулировать определение показаний как уголовно-процессуального термина, выделив его ключевые характеристики и определить системные проблемы, связанные с ним. Основываясь на устоявшемся понимании сущности уголовно-процессуальных доказательств, мы рассматриваем их как совокупность информации, относящейся к делу, полученной в установленном законом порядке. Субъект, получающий доказательства, может также считаться элементом процессуальной формы.

Показания занимают важную позицию в перечне доказательств, указанном в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, которая считается закрытым перечнем всех видов доказательств и отражением уголовно-процессуальной формы.

В научных статьях активно обсуждается проблема определения термина «показания», и предлагаются различные подходы. Так, Е.Б. Гришина определяет их, как процессуально зафиксированное сообщение участника с определенным процессуальным статусом, сделанное во время допроса или очной ставки, и касающееся важных для дела обстоятельств[2, с. 358]. Это мнение получило широкое распространение. В учебниках по уголовному процессу показания трактуются как информация, полученная на допросе, о фактах, значимых для разрешения дела.

При этом согласимся с мнением С.А. Новикова, что показания могут быть собраны не только в ходе допроса, очной ставки, но также в ходе проверки показаний на месте или при опознании[11, с. 15].

А.Н. Корнеева, характеризуя показания и их сущность в уголовном производстве, различает понятия «показания» и «объяснения» и подробно рассматривает их признаки, такие как форма сообщения и его содержание[5, с. 103]. Стоит отметить, что письменная форма показаний, хотя и фиксируется в протоколе, по сути своей является устным сообщением, воспринимаемым следователем в процессе допроса и позже облеченным в письменную форму.

Вопросы, связанные с характером информации, составляющей показания, широко освещены в литературе. Считается, что содержание показаний, полученных в уголовном процессе, представляет собой результат сложной психической деятельности, в рамках которой у челове-

ка в восприятии и памяти формируются образы и идеальные следы – термин, давно используемый в криминалистике.

Информация, запечатлённая в сознании человека, передаётся в ходе уголовного процесса через сбор и исследование доказательств. Она должна быть передана в вербальной форме, так как именно словесный характер сообщения является главной характеристикой показаний. При этом необходимо соблюсти требования закона относительно языка судопроизводства и значения переводчика, который делает информацию, применяемую в качестве доказательства, доступной для участников процесса. Если допрос ведётся на иностранном языке, суть сообщения при этом остаётся вербальной [1, с. 197].

Иногда из-за объективных причин допрашиваемый не может говорить в привычной форме. Тогда информация преобразуется в вербальную форму с помощью органов правосудия. В литературе поднимаются вопросы правовой регламентации, связанные с использованием сурдоперевода, и предлагаются решения через корректировку некоторых норм УПК РФ, включая расширение статуса переводчика на лиц, владеющих навыками тифлоперевода [3, с. 94].

Лицо, принимающее показания, способствуя формированию доказательств, превращает устную информацию в содержательную основу показаний как уголовно-процессуального понятия.

В итоге, показания в уголовном процессе представляют собой сведения, оформленные в форме устного слова и сообщенные в ходе следственных или судебных мероприятий, как допрос, очная ставка, идентификация или проверка на месте. Это важнейший личный вид доказательств. Источниками такой информации выступают объекты или лица, которые применяются субъектами уголовного доказывания для создания доказательственной базы.

Возникает мнение, что необходимо обновить законодательство, подчеркивая значимость показаний в уголовном процессе. Некоторые авторы предлагают не считать допросы в досудебном производстве источником доказательств, в контексте перехода к состязательной модели доказывания [10, с. 155]. Полагаем, что фактический правовой смысл показаний должен предусматривать получение их в рамках следственного действия – на стадии предварительного расследования или в суде.

Согласно закону, доказательства, собранные следователем или дознавателем и переданные прокурору, могут лечь в основу обвинительного приговора лишь при соблюдении ряда условий – они должны быть исследованы в ходе судебного разбирательства, оглашены и представлены противоположной стороне для проверки и анализа.

В.А. Лазарева, критикуя концепцию формирования доказательств, утверждает, что показания как вид доказательства возникают и существуют лишь в момент изложения лицом информации, сохранённой в его памяти; сведения, недоступные непосредственному восприятию субъектом, показаниями не являются [6, с. 58]. Она делает вывод о противоречии этой концепции принципу состязательности, так как показания, полученные и записанные следователем или дознавателем, не могут считаться доказательствами для суда, который обязан самостоятельно допрашивать тех, кто обладает значимой для дела информацией [7, с. 205].

Суд основывает свои выводы о виновности или невиновности подсудимого на собственном восприятии информации, полученной им непосредственно из памяти физических лиц [7, с. 206].

Трудно согласиться с этими утверждениями по следующим причинам:

1) Свидетельские показания, полученные в ходе следственных действий, имеют юридическую значимость при вынесении приговора, хотя их роль ограничена рядом требований, закреплённых в статье 281 УПК РФ, а также решениями Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека, который осуждает постановление приговора на основе лишь оглашенных показаний [4].

2) Показания, полученные в ходе следствия, рассматриваются как полноправные доказательства и не требуют дополнительного подтверждения при закрытии уголовного дела следователем или дознавателем в ходе предварительного следствия.

3) В последние годы значительное количество уголовных дел рассматривалось судами в особом порядке, без изучения доказательств, в соответствии с главой 40 УПК РФ. При этом досудебные показания выступают среди других доказательств как основание для вынесения обвинительного заключения.

4) На доктринальном уровне существует мнение о том, что доказательство представляет собой преобразование информации из одной формы в другую, а допрашиваемый является лишь носителем потенциальной доказательной информации [15, с. 73], которая становится доказательством только после передачи надлежащему субъекту и фиксации в определенной форме. Как отмечает В.А. Лазарева показания, полученные от определенного физического лица, неотделимы от их источника [8, с. 16-17], то есть свидетеля. Это, безусловно, верное замечание. Однако важно отметить, что уголовно-процессуальный закон допускает при определенных условиях косвенное использование свидетельских показаний.

Конечно, приоритет отдается процессуальным действиям, проведенным в суде. Судебные допросы позволяют соблюдать ключевые принципы уголовного судопроизводства, такие как непосредственность, устность и состязательность, и поэтому имеют значительное значение по сравнению с допросами, проведенными в ходе предварительного следствия. Тем не менее, полностью отрицать доказательственную ценность досудебных допросов неправомерно.

Со временем УПК РФ последовательно ограничивал использование материалов предварительного следствия в качестве доказательства. Их значение в суде существенно урезано, в том числе благодаря инициативам Верховного Суда РФ, который способствовал изменениям в статье 281 УПК РФ согласно которым суд не может основывать выводы о виновности обвиняемого исключительно или преимущественно на данных из оглашенных свидетельских показаний, если обвиняемый не имел возможности оспорить эти показания на стадии предварительного расследования или на предшествующих судебных заседаниях. Однако, эта позиция не исключает использования записанных в протоколах пока-

заний. Также нельзя забывать о пункте 1 части 2 статьи 281 УПК РФ, который позволяет оглашение досудебных показаний свидетеля, если он умер к моменту судебного разбирательства[9, с. 33].

С учетом существующего правового регулирования и судебной практики, трудно полностью согласиться с утверждением, что показания – это не столько результат, сколько процесс передачи информации[8, с. 17].

С теоретической стороны, можно рассматривать показания как текст, создающий виртуальную реальность. Однако практическое применение закона требует акцента на установление юридически значимых фактов, исходя из сведений, собранных в рамках процессуальных действий и зафиксированных в материалах уголовного дела, через: а) непосредственное участие в допросе свидетелей и других лиц, или б) исследование ранее полученной информации.

Во втором случае непосредственность является отчасти условной, так как суд и стороны не могут задать допрашиваемому дополнительные вопросы или видеть его.

Поэтому трудно согласиться с точкой зрения И.И. Никитченко, предлагавшей внести изменения в УПК РФ относительно показаний, изобличающих обвиняемого, которые были получены на стадии предварительного расследования: «Следователь должен провести очную ставку, если это требует подозреваемый или обвиняемый, с лицом, предоставившим показания против него», и «если на этапе предварительного расследования обвиняемый не смог оспорить свидетельские показания в присутствии защитника, то суд, не имея возможности допросить этих свидетелей, обязан признать их показания, закрепленные в протоколах и документах, недопустимыми» [10, с. 159]. Такая презумпция недопустимости кажется излишней, так как действующие нормы УПК РФ и без того не позволяют применять протоколы следственных допросов. К тому же, современные положения ст. 281 УПК РФ частично уже реализуют это предложение.

Вторая сложность в определении сущности показаний в уголовном процессе связана с сокращенной формой производства по уголовным делам – дознанием в упрощенной форме. Целью введения этой формы для законодателя было усиление процессуальной экономии и ускорение расследования, в частности в части доказывания[13, с. 18].

В главе 32.1 УПК РФ дознавателю предоставлена возможность не допрашивать лиц, от которых были получены объяснения при проверке сообщения о преступлении. Исключения составляют случаи, когда нужно выяснить дополнительные важные для дела обстоятельства, отсутствующие в материалах проверки.

Отмечено, что дознаватели часто опираются на объяснения свидетелей. Иные лица – подозреваемые или потерпевшие дают показания на допросе, что следует из норм УПК РФ. Однако в ряде регионов суды не принимают такие объяснения в качестве доказательств, ссылаясь на то, что закон не допускает сбор доказательств этим способом[12, с. 87-88].

Юридическая природа объяснений, полученных в ходе проверки и позже используемых в процессуальных решениях, остается предметом дискуссий, как в теории, так и на практике. Полагается, что законом предусмотрено использование объяснений, и их получение считается допустимым процессуальным методом, но применимо оно только на стадии возбуждения дела и при определенных условиях[14, с. 314]. Исходя из текущего законодательства, результаты объяснений не следует приравнивать к показаниям. В литературе утверждается необходимость совершенствования процедуры получения объяснений через обязательное разъяснение прав опрашиваемым лицам, фактически приравнивая их к свидетелям. Полагаем, что назрела необходимость законодательного регулирования вопроса об использовании всех процессуальных средств доказательства на стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Показания в уголовном процессе представляют собой устное сообщение человека, обладающего необходимым процессуальным статусом, передаваемое во время следственного расследования или судебного процесса указанным в законе лицам в ходе следственных действий и оформленное в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса.

2. Содержательная сторона показаний зависит от: а) связи с объектом доказывания (ст.ст. 73, 421 УПК РФ); б) процессуального статуса лица, предоставляющего их. Законодательным источником показаний является участник с определенным процессуальным статусом на момент передачи информации: свидетель, пострадавший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт, специалист или лицо, в отношении которого дело ведется отдельно из-за досудебного соглашения о сотрудничестве. Можно обсудить введение других участников процесса как потенциальных источников показаний.

3. Показания часто разрабатываются совместно с личностью, ответственной за их получение в рамках определенной процессуальной процедуры передачи информации. Кроме допроса, это могут быть иные следственные действия: очная ставка, опознание, проверка показаний на месте.

4. Юридическое значение показания приобретают после завершения их получения и оформления всех формальных процедур в протоколе следственного действия или судебного заседания. Лишь затем субъект доказывания может использовать их.

5. Протокол допроса сам по себе не служит судебным доказательством. При этом, когда показания включены в текст протокола судебного заседания и соответствующим образом исследованы в ходе судебного следствия, они преобразуются в судебное доказательство.

Список литературы:

- Будников В.Л. Понятие, сущность и правовое значение показаний в уголовном судопроизводстве // Черные дыры в российском законодательстве. 2022. № 4. С. 197.
- Гришина Е.Б. К вопросу о понятии показаний в уголовном судопроизводстве России // Известия Тульского государственного университета. 2023. № 1. С. 354.

3. Гуськова А.В. Уголовно-процессуальные и философские основания интерпретационной функции в контексте диалога культур (сурдоперевод и тифлосурдоперевод) // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 8. С. 94.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Корнеева А.Н. Понятие и значение показаний потерпевшего // Вестник КРУ МВД России. 2020. № 1. С. 103.
6. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 18. № 2. С. 58.
7. Лазарева В.А. Показания в уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. 2021. № 2. С. 205. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3400 EDN: SDEVKD
8. Лазарева В.А., Попов Д.В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.: Издательство Юрлитинформ, 2019. С. 16-17.
9. Непранов Р.Г. К вопросу о показаниях как средствах доказывания в уголовном процессе // Юрист - Правовед. 2021. № 1. С. 33.
10. Никитченко И.И. Формирование личных доказательств в ходе производства следственных и судебных допросов по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 1. С. 155.
11. Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб.: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2014. С. 15.
12. Перякина М.В., Унжакова С.В. Показания как источник доказательств при производстве дознания в сокращенной форме // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1. С. 87-88.
13. Победкин А.В. О понятии показаний в уголовном процессе // Следователь. 2021. № 12. С. 18.
14. Трофимов О.В. Доказательственное значение объяснений по уголовному делу, расследованному в сокращенной форме дознания // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4. С. 314.
15. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Издательство Норма, 2024. С. 33-34.

References:

1. Budnikov V.L. The concept, essence and legal significance of testimony in criminal proceedings // Black holes in Russian legislation. 2022. No. 4. p. 197.
2. Grishina E.B. On the concept of testimony in criminal proceedings in Russia // Proceedings of Tula State University. 2023. No. 1. p. 354.
3. Guskova A.V. Criminal procedural and philosophical foundations of the interpretative function in the context of the dialogue of cultures (sign language translation and Typhlosur-pre-translation) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 8. p. 94.
4. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Concluded in Rome on November 4, 1950 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 2. Art. 163.
5. Korneeva A.N. The concept and meaning of the victim's testimony // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 1. p. 103.
6. Lazareva V.A. Proof as a category of criminal procedure law: new (old) approaches // Legal Concept = The legal paradigm. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 58.
7. Lazareva V.A. Testimony in criminal proceedings // Bulletin of the Voronezh State University. 2021. No. 2. P. 205. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3400 EDN: SDEVKD
8. Lazareva V.A., Popov D.V. Problems of using witness testimony in criminal proceedings. Moscow: YurLitinform Publishing House, 2019. pp. 16-17.
9. Nepranov R.G. On the issue of testimony as a means of proof in criminal proceedings // Lawyer - Jurist. 2021. No. 1. p. 33.
10. Nikitchenko I.I. Formation of personal evidence during investigative and judicial interrogations in a criminal case // Legal science and law enforcement practice. 2023. No. 1. P. 155.
11. Novikov S.A. Testimony of the accused in the modern criminal process of Russia. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2014. P. 15.
12. Peryakina M.V., Unzhakova S.V. Testimony as a source of evidence during the investigation in an abbreviated form // Siberian Law Bulletin. 2021. No. 1. pp. 87-88.
13. Pobedkin A.V. On the concept of testimony in criminal proceedings // Investigator. 2021. No. 12 p. 18.
14. Trofimov O.V. The evidentiary value of explanations in a criminal case investigated in an abbreviated form of inquiry // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4. p. 314.
15. Shafer S.A. Evidence and evidence in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Moscow: Norma Publishing House, 2024. pp. 33-34.

ВОПРОСЫ ОТБЫВАНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ БОЛЬНЫМИ ОСУЖДЕННЫМИ ISSUES OF SERVING IMPRISONMENT SICK CONVICTS

ЗИНИН Григорий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих (по кафедре уголовного права юридического факультета) ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России). 390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: zinin.grigory1904@yandex.ru;

НИКОЛАЕВ Владимир Иванович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (Пермский институт ФСИН России). 614012, Россия, Пермский край, г. Пермь, ул. Карпинского, 125.
E-mail: nikolaev_vi_09@mail.ru;

ШЕРХОВ Рустам Русланович,

кандидат юридических наук.
Россия, г. Москва.
E-mail: sherhov007@mail.ru

ZININ Grigory Yurievich,

candidate of law, associate professor of the institute of training of state and municipal employees (at the department of criminal law of the faculty of law) of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of law and management of the Federal penitentiary service" (Academy of the FPS of Russia). 390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: zinin.grigory1904@yandex.ru;

NIKOLAEV Vladimir Ivanovich,

candidate of technical sciences, associate professor, associate professor of the departments of regime organization, security and escort of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Perm institute of the Federal penitentiary service" (Perm institute of the FPS of Russia). 614012, Russia, Perm region, Perm, Karpinsky str., 125.
E-mail: nikolaev_vi_09@mail.ru;

SHERKHOV Rustam Ruslanovich,

Candidate of Law.
Russia, Moscow.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается возможность раздельного содержания осужденных, страдающих некоторыми заболеваниями. В ходе исследования проводится анализ доктринальной позиции, а также судебной практики. На основе чего автором вносятся предложения, направленные на снижение факторов дестабилизации обстановки в учреждении, связанных с размещением больных осужденных.

Abstract: the article considers the possibility of separate detention of convicts suffering from certain diseases. The study analyzes the doctrinal position, as well as judicial practice. Based on this, the author makes proposals aimed at reducing the factors of destabilization of the situation in the institution associated with the placement of sick convicts.

Ключевые слова: лишение свободы, раздельное содержание, различные условия, больные осужденные.
Keywords: imprisonment, separation, various conditions, sick convicts.

Для цитирования: Зинин Г.Ю., Николаев В.И., Шерхов Р.Р. Вопросы отбывания лишения свободы больными осужденными // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 461-464. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_461.

For citation: Zinin G.Yu., Nikolaev V.I., Sherkhov R.R. Issues of serving imprisonment sick convicts // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 461-464. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_461.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Отбывание наказания представляет собой такой термин, который применяется к осужденным, которые должны выполнять обязанности, возложенные на них приговором суда согласно нормам законодательства, осуществлять свои права, а также не совершать действия, которые противоречат или запрещены законодательством.

В распоряжении Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (Собрание законодательства РФ, 2021, № 20, ст. 3397) в разделе первом указано, что с 2010 по 2020 год приняты и разработаны законодательные акты, которые были направлены на разрешение проблемных вопросов, относящихся к исполнению уголовных наказаний, совершенствованию условий содержания и соблюдению их прав (в том числе обвиняемых и подозреваемых), исполнением уголовных наказаний, а также к гуманизации российского законодательства. Указано, что к 2024 году благодаря существующей государственной политике в рассматриваемой сфере Россия может занять 30 место, а к 2030 году показатель лиц, которые содержатся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, будет постепенно снижаться.

Следует отметить, что установленный статьей 73 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) принцип отбывания наказания существует для сохранения у осужденных социально полезных связей. Это связано с тем, что лишение свободы заключается в ограничении лица от его контактов с друзьями, родственниками, близкими и всем окружающим миром в целом. Происходит полное

изменение привычного ритма жизни осужденного. При этом не следует забывать о такой цели рассматриваемого принципа как экономия средств государства на перевод осужденных.

Основания для перевода осужденного в другое исправительное учреждение, находящееся в том регионе, в котором он ранее не проживал и не был осужден, предусмотрены частью 2 статьи 81 УИК РФ. Исходя из анализа указанной статьи становится понятно, что возможность перевода и отбывания наказания в таком исправительном учреждении появляется в том случае, если существуют препятствия для отбывания осужденным наказания по месту осуждения или месту проживания [10].

В Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) неоднократно подавались жалобы о том, что нормы статьи 73 УИК РФ противоречат Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ). Однако во всех своих определениях КС РФ указывал, что нормы статьи 73 УИК РФ не противоречат Конституции РФ. Так, например, в КС РФ в своем Определении от 27.09.2018 № 2172-О указал следующее: «положения статьи 73 УИК РФ не противоречат ст. ст. 15, 21, 23 и 55 Конституции РФ, так как они ограничивают права граждан в допустимых пределах. При этом положения статьи 73 УИК РФ связаны с принципами, предусмотренными статьей 8 УИК РФ» [8].

В Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) неоднократно подавались жалобы о том, что нормы статьи 73 УИК РФ нарушают статью 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая закрепляет право на уважение семейной и личной жизни, корреспонденции и жилища. Однако во всех своих Постановлениях ВС РФ придерживался единого мнения. Так, например, в обзоре судебной практики ВС РФ за 2018 год № 1 по делу «Поляков и другие против России» указано, что право, предусмотренное статьей 8 Конвенции нарушается в том случае, если осужденный отправляется в то исправительное учреждение, которое находится в значительном отдалении от места его проживания, а также отсутствует реальная возможность отменить решение суда.

В постановлениях Пленума ВС РФ суды стараются разъяснить каким образом необходимо реализовывать положения статьи 73 УИК РФ. Это связано с тем, что данные положения по-разному трактуются и используются на практике. Так, например, в Постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания» [7] указано, что выбирать место отбывания наказания следует согласно требований законодательства, то есть такой выбор не имеет произвольного характера. Однако при выборе места отбывания наказания в обязательном порядке следует обращать внимание на законные интересы осужденных, которые помогают поддержать, исправить или сохранить социально-полезные контакты. Особое внимание ВС РФ уделил следующему положению: «постоянное перемещение осужденного в разные исправительные учреждения, которое не связано с наличием конкретных обстоятельств, предусмотренных законом, могут говорить о незаконности такого перемещения».

Реализация территориального принципа отбывания наказания в виде лишения свободы, имеет сложности в связи с довольно большой протяженностью нашей страны и относительно небольшим количеством отдельных категорий осужденных. Учитывая нецелесообразность создания в каждом субъекте Российской Федерации всех закрепленных в действующем законодательстве видов исправительных учреждений (например, при особо опасном рецидиве преступлений, к пожизненному лишению свободы, к отбыванию лишения свободы в тюрьме и т. д.), в частях 2-4 статьи 73 УИК РФ, определены виды исключительных случаев, при наличии которых осужденный к лишению свободы, будет направляться в другие субъекты Российской Федерации» [11]:

- 1) состояние здоровья осужденного;
- 2) обеспечение личной безопасности;
- 3) наличие письменного согласия на перевод осужденного в другой регион;
- 4) отсутствие необходимого исправительного учреждения;
- 5) отбывание наказания отдельными категориями осужденных;
- 6) отдельное содержание бывших работников судов и сотрудников правоохранительных органов [1].

Следует отметить, что в 2020 в статью 73 УИК РФ были внесены изменения Федеральным законом от 01.04.2020 № 96-ФЗ [6]. Так, были изменены части 1 и 2, а также добавлена часть 2.1. В части 1 слова «их согласия» были заменены на «их письменного согласия», а также было дополнено содержание предложения. Редакция части 2 была полностью изменена. Также появилась часть 2.1 следующего содержания: «По решению федерального органа уголовно-исполнительной власти осужденный по его письменному заявлению или согласию при наличии письменного заявления одного из его близких родственников может быть направлен (при наличии возможности размещения) в исправительное учреждение, которое расположено на территории субъекта России, в котором проживает один из его близких родственников, а в случае отсутствия возможности размещения на таком субъекте - в исправительном учреждении, которое расположено наиболее близко к месту жительства такого родственника».

Рассмотрим каждое из перечисленных исключений более подробно.

Одним из исключяющих признаков выступает состояние здоровья. Положение о возможности содержания осужденного в исправительном учреждении, находящемся в другом регионе, предусмотрено частью 1 статьи 73 УИК РФ. Такое исключение связано с другими положениями УИК РФ, а именно положениями статьи 18, в которой указано, что к отдельным категориям лиц в обязательном порядке применяются принудительные меры медицинского характера [9]. К таким лицам относят следующих: больные токсикоманией, наркоманией, алкоголизмом; имеющие психическое расстройство, которое не исключает вменяемости; лица, которые болеют туберкулезом в открытой форме или не прошли весь курс лечения венерического заболевания; лица, которые болеют вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ). Для того, чтобы применить к

осужденному принудительные меры медицинского характера необходимо специальное решение медицинской комиссии.

Согласно статьи 101 УИК РФ осужденным должна быть оказана и организована соответствующая санитарно- и лечебно-профилактическая помощь. Такая обязанность возлагается на исправительное учреждение. Таким образом, в случае отсутствия у исправительного учреждения возможности оказать вышеуказанную помощь осужденным, последние направляются в другое исправительное учреждение, в котором будет такая возможность.

Помимо этого совместный приказ Министерства здравоохранения и Министерства юстиции Российской Федерации от 28.08.2001 №346/254 «Об утверждении Перечня медицинских противопоказаний к отбыванию наказания в отдельных местностях Российской Федерации осужденными к лишению свободы» [3] предусматривает, что не допускается нахождение осужденного в определенных субъектах России, в случае наличия конкретного заболевания. Так, если осужденный болеет прогрессивным системным заболеванием крови, гипертонией третьей степени или эпилепсией, то его запрещено отправлять для отбывания наказания в Архангельскую или Амурскую область, определенные районы Хабаровского, Красноярского и Приморского края.

В пункте 19 приказа Минюста России от 26.01.2018 № 17 «Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое» (далее – Порядок) определен порядок перевода осужденных из одного исправительного учреждения в другое по причине их состояния здоровья [5].

В том случае, если перевод осужденного в связи с состоянием здоровья заранее планируется на конкретную дату и в одном и том же субъекте России, то в учреждение, в которое он переводится, направляется соответствующий запрос, то есть действия согласуются на уровне территориального органа ФСИН России. В том случае, если перевод осужденного в связи с состоянием здоровья заранее планируется на конкретную дату и в другой субъект России, то в учреждение, в которое он переводится, также направляется соответствующий запрос. Однако действия в таком случае согласуются уже на уровне ФСИН России.

Как уже было указано выше, состояние здоровья в качестве исключения отбывания наказания предусмотрено частью 1 статьи 73 УИК РФ. В данном положении предусмотрены также следующие исключения: письменное согласие осужденного и обеспечение личной безопасности. Данная формулировка части 1 статьи 73 УИК РФ многим дает основание полагать, что перевод осужденных в связи с состоянием здоровья и обеспечением личной безопасности не требует согласия осужденного. Однако, по нашему мнению, согласие при рассматриваемых исключениях обязательно. Наша позиция поддерживается пунктом 3 Порядка, где указано, что перевод осужденного в другое исправительное учреждение в связи с состоянием здоровья возможен только при наличии согласия осужденного. Однако данное согласие не связано с прямым согласием на перевод, речь идет о согласии на медицинское обследование.

Следует отметить, что необходимо получить письменное согласие не только осужденного, но и его законного представителя в том случае, если он страдает психическим расстройством. Неотложная госпитализация в данном случае будет являться исключением.

Так, например, в решении Ленинского районного суда г. Новосибирска по делу № 2А-4739/2017 указано, что гражданин А., будучи осужденным и отбывая наказание в виде лишения свободы в одном из исправительных учреждений, подал административный иск, в котором утверждал, что был переведен в лечебное учреждение незаконно и без оснований. Свои исковые требования он подтверждал главным образом тем, что не давал своего согласия на перевод в лечебное учреждение по состоянию здоровья. Суд решил, что требования гражданина А. не обоснованы, так как он дал свое согласие на проведение медицинского обследования, в связи с чем отказал в удовлетворении иска гражданина А.

Или, например, согласно решению Ливенского районного суда Орловской области по делу № 2А-1-1320/2018 гражданин М., будучи осужденным и отбывая наказание в виде лишения свободы в одном из исправительных учреждений, дал свое добровольное согласие на медицинское обследование и просил перевести его в лечебное учреждение в связи с состоянием здоровья.

Проблема размещения осужденных, которые болеют вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), требует особого внимания. До 2001 года ВИЧ-инфицированные осужденные содержались отдельно в специальных лечебных учреждениях. В 2001 году в часть 2 статьи 101 УИК РФ были внесены изменения, которые исключили невозможность таких лиц отбывать наказание вместе с другими осужденными в обычных исправительных учреждениях. Так, на сегодняшний день лица, которые страдают таким заболеванием, отбывают наказание совместно с обычными осужденными. Однако согласно части 3 статьи 18 УИК РФ ВИЧ-инфицированные лица подлежат обязательному лечению на территории исправительного учреждения. Согласно части 2 статьи 96 УИК РФ ВИЧ-инфицированные осужденные не могут за пределами исправительного учреждения передвигаться без сопровождения или конвоя.

Подавляющее большинство ученых юристов считают, что содержание ВИЧ-инфицированных осужденных в обычных исправительных учреждениях приводит к различным негативным последствиям. Так, отношения между больными и здоровыми осужденными довольно часто ухудшаются как раз по причине наличия такого заболевания у определенной части лиц, отбывающих лишение свободы, в связи с чем нормальная деятельность исправительного учреждения дезорганизуется. Это связано с тем, что осужденным, страдающим различными заболеваниями, довольно тяжело выстраивать отношения со здоровыми осужденными, и наоборот. Многие здоровые осужденные не до конца понимают, что представляет собой вирус иммунодефицита человека, в связи с чем у них формируется отрицательное отношение к больным осужденным.

А.Д. Никитин считает, что ВИЧ-инфицированные осужденные должны содержаться отдельно от здоровых осужденных, что поможет минимизировать совершение насильственных преступлений в исправительных учреждениях, а в последствии минимизировать уровень распространения вируса [2].

Мы согласны с мнением А.Д. Никитина, так как согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 01.12.2004 № 715

«Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [4] ВИЧ-инфекция относится к социально значимым заболеваниям.

Помимо вышеперечисленных выделяют также такие заболевания, как наркомания, сифилис, вирусный гепатит В и С, алкоголизм, психические заболевания. При этом все лица, страдающие вышеуказанными заболеваниями, помимо ВИЧ-инфекции, содержатся в специальных лечебных учреждениях. Таким образом, ВИЧ-инфекция ничем не отличается от вышеуказанных заболеваний по своей социальной значимости. В связи с этим правильно было бы содержать ВИЧ-инфицированных осужденных в специальных лечебных учреждениях.

Список литературы:

1. Адылин Д.М. Некоторые вопросы содержания ВИЧ-инфицированных осужденных в местах лишения свободы / Д. М. Адылин, С. Н. Ермакова // Вестник Самарского юридического института. 2014. № 1(12). С. 103-105. EDN: SFOSIV
2. Никитин Д.А. К вопросу о введении специальных условий содержания ВИЧ инфицированных осужденных / Д. А. Никитин // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1. С. 139-142. EDN: MHVNCJ
3. Об утверждении Перечня медицинских противопоказаний к отбыванию наказания в отдельных местностях Российской Федерации осужденными к лишению свободы: приказ Минздрава России и Минюста России от 28.08.2001 № 346/254 // Рос. газета. 2001. № 222.
4. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 // Собр. законодательства Рос. Федерации от 06.12.2004 № 49, ст. 4916.
5. О внесении изменений в приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 26 января 2018 г. № 17 "Об утверждении Порядка направления осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в исправительные учреждения и их перевода из одного исправительного учреждения в другое": приказ Минюста России от 19.09.2023 № 283 (Зарегистрировано в Минюсте России 25.09.2023 № 75313) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 25.09.2023.
6. О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 01.04.2020 № 96-ФЗ // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 14.04.2025).
7. О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47: эл. ресурс // URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 14.04.2025).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2172-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Патратия Владислава Владимировича и Чижиковой Ларисы Борисовны на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 73 и частью второй статьи 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации": эл. ресурс // URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения 14.04.2025).
9. Пикин И.В. Проблемы правового регулирования прав и свобод ВИЧ-инфицированных в исправительных учреждениях / И. В. Пикин, С. Ю. Долгушева // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. 2015. № 4(6). С. 54-57. EDN: XRJBRH
10. Теохаров А.К. ВИЧ-инфицированные осужденные: лечить или исправлять? / А. К. Теохаров, К. Б. Теохаров // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2(51). С. 175-181. DOI: 10.24147/1990-5173.2017.2.175-181 EDN: YSRUMD
11. Штырев А.М. Территориальный принцип отбывания наказания в виде лишения свободы и проблемы его реализации // Евразийский юридический журнал. 2021. №5(156). С. 350-351. EDN: SDZGXV

References:

1. Adylin D.M. Some issues of the detention of HIV-infected convicts in places of deprivation of liberty / D. M. Adylin, S. N. Ermakova // Bulletin of the Samara Law Institute. 2014. No. 1(12). pp. 103-105.
2. Nikitin D.A. On the issue of introducing special conditions for the detention of HIV-infected convicts / D. A. Nikitin // Man: crime and punishment. 2010. No. 1. pp. 139-142.
3. On approval of the List of medical contraindications to serving sentences in certain areas of the Russian Federation by persons sentenced to imprisonment: Order of the Ministry of Health of Russia and the Ministry of Justice of Russia dated 28.08.2001 No. 346/254 // Russian Newspaper. 2001. No. 222.
4. On approval of the list of socially significant diseases and the list of diseases that pose a danger to others: Decree of the Government of the Russian Federation dated 01.12.2004 No. 715 // Collection of Legislation of the Russian Federation. Of the Russian Federation dated 06.12.2004 No. 49, Article 4916.
5. On Amendments to the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated January 26, 2018 No. 17 "On Approval of the Procedure for Sending Persons Sentenced to Imprisonment to Correctional Institutions and their Transfer from One Correctional Institution to Another": Order of the Ministry of Justice of Russia dated 09/19/2023 No. 283 (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 09/25/2023 No. 75313) // The official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 25.09.2023. On amendments to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation: feder. Law No. 96-FZ dated 04/01/2020 // SPS Consultant Plus (date of application: 04/14/2025).
6. On some issues that arise for courts when considering administrative cases related to violations of the conditions of detention of persons in places of forced detention: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/25/2018 No. 47: electronic resource // URL: <https://base.garant.ru> (accessed 04/14/2025).
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 27, 2018 No. 2172-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizens of Patraty Vladislav Vladimirovich and Larisa Borisovna Chizhikova for violation of their constitutional rights by Part four of Article 73 and Part two of Article 81 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation": electronic resource // URL: <https://base.garant.ru> (accessed 04/14/2025).
8. Pikin I.V. Problems of legal regulation of the rights and freedoms of HIV-infected people in correctional institutions / I. V. Pikin, S. Y. Dolgusheva // Bulletin of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov. Series: Legal Sciences. 2015. No. 4(6). pp. 54-57.
9. Teokharov A.K. HIV-infected convicts: should they be treated or corrected? / A. K. Teokharov, K. B. Teokharov // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2017. No. 2(51). pp. 175-181.
10. Shtyrev A.M. The territorial principle of serving a sentence of imprisonment and the problems of its implementation // Eurasian Law Journal. 2021. No.5(156). pp. 350-351.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПЕРСОНАЛА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ PROBLEMS OF ENSURING STAFF SAFETY IN PENALTIES: LEGAL MECHANISMS

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса
Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru;

АРХИПОВ Сергей Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права
юридического института РГУ имени С.А. Есенина.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Семинарская, д. 15.

E-mail: justice4@yandex.ru;

IVLIEV Pavel Valentinovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, 1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru;

ARKHIPOV Sergey Valentinovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business and Corporate Law
of the Law Institute, Ryazan State University named after S.A. Yesenin.

390000, Ryazan, Seminarskaya st., 15.

E-mail: justice4@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы обеспечения безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации. Анализируются существующие правовые механизмы защиты персонала исправительных учреждений, выявляются основные трудности их реализации, включая недостатки нормативного регулирования, нехватку финансирования, низкий уровень социальной защиты и сложности в привлечении осужденных к ответственности за нападения. На основе проведенного анализа предложены пути совершенствования системы безопасности сотрудников УИС, включая ужесточение уголовной ответственности за преступления против персонала, развитие программ психологической поддержки, модернизацию технических средств охраны и улучшение профессиональной подготовки кадров.

Abstract. The article examines the problems of ensuring the security of employees of the penal system (PS) of the Russian Federation. It analyzes the existing legal mechanisms for protecting the personnel of correctional institutions, identifies the main difficulties in their implementation, including shortcomings in regulatory framework, lack of funding, low level of social protection and difficulties in bringing convicts to justice for attacks. Based on the analysis, ways to improve the security system of PS employees are proposed, including toughening criminal liability for crimes against personnel, developing psychological support programs, modernizing technical security equipment and improving the professional training of personnel.

Ключевые слова: Уголовно-исполнительная система, безопасность сотрудников УИС, исправительные учреждения, федеральная служба исполнения наказаний, уголовная ответственность, повышенный уровень риска, правовые механизмы, правовое регулирование, физическое и психическое воздействие, нападения на сотрудников УИС.

Keywords: Penal system, security of penal system employees, correctional institutions, federal penal service, criminal liability, increased risk, legal mechanisms, legal regulation, physical and mental impact, attacks on penal system employees.

Для цитирования: Ивлиев П.В., Архипов С.В. Проблемы обеспечения безопасности персонала в учреждениях УИС: правовые механизмы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 465-468. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_465.

For citation: Ivliev P.V., Arkhipov S.V. Problems of ensuring staff safety in penalties: legal mechanisms // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 465-468. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_465.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение. Обеспечение безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы является одной из ключевых задач государства, поскольку исправительные учреждения представляют собой объекты с повышенным уровнем риска. В ходе исполнения служебных обязанностей сотрудники УИС ежедневно сталкиваются с угрозами физического и психологического воздействия со стороны осужденных, что требует четкого правового регулирования и эффективных механизмов защиты.

Актуальность данной проблемы обусловлена статистикой нападений на сотрудников исправительных учреждений. Так, по данным ФСИН России, ежегодно фиксируются десятки случаев насилия в отношении персонала колоний и СИЗО. Например, в 2023 году в одном из исправительных учреждений Иркутской области осужденный напал на сотрудника с самодельным оружием, причинив тяжкий вред здоровью.

Особая важность темы обусловлена стремлением российской уголовно-исполнительной системы к совершенствованию методов работы с осужденными и повышения эффективности программ, направленных на их реабилитацию[1].

Вопросы безопасности персонала регулируются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также рядом ведомственных нормативных актов. Однако, несмотря на наличие правовых норм, проблемы остаются нерешенными, что требует дальнейшего анализа.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на защиту жизни и здоровья (ст. 41) и обязывает государство обеспечивать безопасность граждан, включая сотрудников правоохранительных органов и УИС.

Основные нормы, регулирующие вопросы защиты персонала исправительных учреждений, содержатся в:

— Федеральном законе от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», который определяет права сотрудников, в том числе право на самооборону и применение специальных средств (ст. 28);

— Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующем социальные гарантии сотрудников УИС;

— Федеральном законе от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе», устанавливающим полномочия сотрудников при обеспечении режима безопасности.

Несмотря на наличие правового регулирования, реализация этих норм на практике сталкивается с рядом проблем, которые требуют детального рассмотрения.

Цель исследования. Выявить основные угрозы безопасности сотрудников исправительных учреждений, а также рассмотреть возможные пути совершенствования системы безопасности для сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Методы исследования. В данном исследовании применялся перспективный и метод анализа. Посредством метода анализа были выявлены основные угрозы безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы, а по средством перспективного метода были предложены эффективные и актуальные способы совершенствования системы безопасности для сотрудников пенитенциарных учреждений.

В исправительных учреждениях персонал подвергается множественным угрозам, среди которых выделяются следующие:

Во-первых, это физическое насилие. Случаи нападений на сотрудников происходят регулярно. Например, в 2022 году в ФКУ ИК-6 Красноярского края осужденный напал на сотрудника оперативного отдела во время обхода камер, причинив ему телесные повреждения средней тяжести.

Во-вторых, психологическое давление и угрозы. Осужденные нередко оказывают моральное давление на сотрудников, угрожая расправой над их семьями. Согласно данным ФСИН, в 2021 году было зафиксировано более 150 случаев угроз в адрес сотрудников исправительных учреждений.

В-третьих, можно выделить коррупционные риски. Низкий уровень заработной платы и постоянные угрозы со стороны осужденных создают условия для вовлечения персонала в коррупционные схемы. В 2023 году в Саратовской области был задержан сотрудник СИЗО за передачу мобильных телефонов осужденным за денежное вознаграждение.

В-четвертых, недостаточное техническое оснащение. Во многих колониях отсутствуют современные системы видеонаблюдения, что затрудняет оперативное реагирование на чрезвычайные ситуации. По данным проверки Генеральной прокуратуры в 2023 году, в 30% исправительных учреждений страны камеры наблюдения либо отсутствовали, либо находились в неисправном состоянии.

Сотрудники УИС ежедневно сталкиваются с реальными угрозами, требующими усиленных мер защиты. Однако имеющиеся правовые механизмы не всегда обеспечивают должный уровень безопасности, что порождает необходимость совершенствования нормативной базы и внедрения дополнительных мер защиты.

В целях защиты персонала исправительных учреждений в УИС применяется комплекс мер, включающий физическую охрану, использование специальных средств, профессиональную подготовку и психологическую поддержку. Однако эффективность этих мер во многом зависит от финансирования, технического оснащения и уровня подготовки кадров.

Вместе с тем, проверки Генеральной прокуратуры РФ выявляют недостатки в охранной системе. Например, в 2023 году в одной из исправительных колоний Ростовской области был зафиксирован факт отсутствия сотрудников на ключевых постах, что позволило осужденному напасть на сотрудника режимного отдела.

Сотрудники УИС наделены правом применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Однако на практике сотрудникам не всегда удается эффективно использовать данные средства. Так, в 2022 году в ЛИУ-23 Тюменской области осужденный, вооруженный заточкой, напал на младшего инспектора, который не успел применить спецсредства из-за нехватки времени на их извлечение.

Курсы повышения квалификации и первоначальная подготовка сотрудников проводятся на базе образовательных организаций ФСИН.

Проблемой остается нехватка профильных психологов в исправительных учреждениях. Согласно отчету Счетной палаты РФ за 2023 год, на 1000 сотрудников УИС приходится всего 3 штатных психолога, что делает систему психологической поддержки малоэффективной.

Согласно **Федеральному закону от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ**, сотрудники УИС подлежат обязательному государственному страхованию. Однако выплата компенсаций часто затягивается. В 2022 году в Челябинской области родственники погибшего сотрудника ФКУ ИК-2 вынуждены были обращаться в суд для получения положенной страховой выплаты. В связи с этим существующая практика обеспечения безопасности сотрудников УИС требует серьезного пересмотра и доработки.

Также необходимо проводить аудит для оценки рисков для сотрудников УИС. Проводится она изначально при планировании кабинетов, чтобы предостеречь рабочие места сотрудников, от проникновения людей, не имеющих соответствующих пропусков[3].

Несмотря на наличие нормативной базы, на практике реализация правовых механизмов безопасности сотрудников исправительных учреждений сталкивается с рядом трудностей. Одной из ключевых проблем остается недостаточное нормативное регулирование, поскольку действующее законодательство не всегда содержит четкие положения, касающиеся применения силы к осужденным, проявляющим агрессию. Например, Закон «О службе в УИС» не определяет порядок применения специальных средств в условиях массовых беспорядков, что затрудняет работу сотрудников в экстренных ситуациях и создает правовые риски при использовании силы.

Дополнительной проблемой является недостаточное финансирование уголовно-исполнительной системы. В 2023 году бюджет ФСИН был сокращен на 5%, что привело к снижению закупок защитного снаряжения, замедлению процесса модернизации систем видеонаблюдения и недостаточному обеспечению исправительных учреждений современными средствами индивидуальной защиты. В ряде колоний и следственных изоляторов до сих пор используются устаревшие камеры наблюдения и не хватает технических средств для оперативного реагирования на инциденты.

Низкий уровень социальной защиты сотрудников также остается значительной проблемой. По данным профсоюзов УИС, 70% сотрудников считают уровень заработной платы недостаточным для компенсации высокого уровня риска и сложных условий службы. В 2022 году из-за низких окладов из системы УИС уволилось более 10 000 человек, что негативно сказалось на кадровом обеспечении учреждений. Высокая текучесть кадров приводит к снижению уровня профессиональной подготовки сотрудников и увеличению нагрузки на оставшихся работников.

Сложности возникают и в части привлечения к ответственности осужденных, совершающих нападения на персонал. Согласно статье 321 УК РФ, нападение на сотрудника УИС наказывается лишением свободы до пяти лет, однако судебная практика показывает, что в большинстве случаев суды назначают минимальные сроки. Например, в 2023 году в Кировской области осужденный, напавший на сотрудника СИЗО, получил всего восемь месяцев дополнительно к основному сроку наказания, что не создает необходимого превентивного эффекта и не снижает уровень агрессии среди осужденных.

Таким образом, существующие правовые механизмы обеспечения безопасности сотрудников УИС нуждаются в серьезной доработке. Проблемы в нормативном регулировании, нехватка финансирования, слабая социальная защита и мягкость наказаний за преступления против персонала исправительных учреждений требуют комплексного решения. Решение этих проблем требует комплексного подхода[2].

Совершенствование системы безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы должно включать комплекс мер, направленных на устранение существующих проблем. В первую очередь необходимо пересмотреть подход к наказанию за преступления против персонала исправительных учреждений. Внесение поправок в статью 321 УК РФ с увеличением максимального срока лишения свободы за нападение на сотрудников позволит усилить защиту персонала и снизить уровень преступных посягательств.

Не менее важным направлением является развитие программ психологической помощи и реабилитации для сотрудников УИС. В условиях постоянного стресса и угроз необходима системная поддержка, включающая работу квалифицированных психологов и создание специализированных центров на базе исправительных учреждений. Это позволит минимизировать последствия профессионального выгорания и снизить психологическое давление, которому подвергаются сотрудники.

Улучшение материально-технического оснащения также должно стать приоритетом. Внедрение современных систем видеонаблюдения, использование носимых видеорегистраторов, обеспечение сотрудников усовершенствованными средствами индивидуальной защиты позволит повысить уровень безопасности в местах лишения свободы. Дополнительно стоит рассмотреть вопрос о внедрении автоматизированных систем контроля и мониторинга, которые позволят оперативно фиксировать и анализировать потенциально опасные ситуации.

Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников также требует серьезного подхода. Введение обязательных курсов тактической подготовки, тренингов по ведению переговоров с осужденными, а также регулярное обновление программ обучения позволят повысить уровень квалификации персонала и улучшить его способность реагировать на внештатные ситуации.

В современных условиях динамично развивающихся технологий и изменяющейся внутренней и внешней среды вопросы обеспечения безопасности персонала в учреждениях уголовно-исполнительной системы требуют нового взгляда на методы защиты и профилактики. Помимо традиционных мер, представленных в нормативно-правовой базе и практических рекомендациях, особое значение приобретает интеграция инновационных технологий и современных управленческих подходов.

Одним из перспективных направлений является внедрение систем искусственного интеллекта и аналитических платформ для прогнозирования рискованных ситуаций. Применение алгоритмов машинного обучения и анализа больших данных позволяет не только мониторить активность осужденных в режиме реального времени, но и выявлять скрытые закономерности, предвещающие потенциальные угрозы. Такой подход способствует оперативному принятию решений и повышает эффективность использования технических ресурсов, например, видеонаблюдения и датчиков движения, интегрированных с центрами управления безопасностью.

Важным элементом инновационной стратегии является развитие технологий виртуальной и дополненной реальности для обучения и тренировки сотрудников. Системы виртуального моделирования чрезвычайных ситуаций могут служить эффективным инструментом подготовки персонала к экстремальным сценариям. Благодаря интерактивным симуляциям сотрудники получают возможность отработать навыки быстрой реакции, координации действий и принятия тактических решений в условиях, максимально приближенных к реальным. Такой метод не только снижает вероятность ошибок в критических ситуациях, но и уменьшает психологическую нагрузку, возникающую при столкновении с неожиданными угрозами.

Кроме технических новшеств, перспективным направлением является создание специализированных исследовательских центров по безопасности в УИС. Такие центры могли бы объединить специалистов в области криминологии, психологии, информационных технологий и юриспруденции для разработки комплексных решений по повышению уровня защиты персонала. Совместные научно-практические проекты позволят не только адаптировать зарубежный опыт, но и создавать уникальные модели, учитывающие специфику отечественной системы. В рамках таких инициатив возможно развитие программ обмена опытом с зарубежными коллегами, что способствует внедрению передовых методов и стандартов.

Особое внимание следует уделить интеграции кибербезопасности в общую систему защиты. С ростом числа цифровых угроз учреждения УИС сталкиваются с задачей защиты информационных потоков, систем управления и даже персональных данных сотрудников. Внедрение комплексных мер по кибербезопасности, разработка внутренних стандартов защиты данных и регулярное проведение аудитов информационных систем помогут минимизировать риски кибератак, способных повлиять на оперативное управление и безопасность физического персонала.

Формирование единой информационной среды, объединяющей как технические средства наблюдения, так и оперативные данные с мест установки датчиков и камер, становится важной составляющей современной системы безопасности. Такой интегрированный подход позволит создать централизованный оперативный пункт, способный в режиме реального времени обрабатывать информацию, проводить оценку ситуации и направлять силы и средства на предупреждение инцидентов. Автоматизация процессов, включая использование интеллектуальных систем оповещения, также способствует быстрому реагированию на угрозы и повышает общую мобильность подразделений.

Не менее важным аспектом является разработка программ мотивации и психологической разгрузки для сотрудников, работающих в условиях постоянного стресса. В условиях использования инновационных методов повышения безопасности следует уделять внимание не только техническому оснащению, но и человеческому фактору. Организация регулярных тренингов по стресс-менеджменту, внедрение программ психологической поддержки с использованием современных технологий, например, мобильных приложений для саморегуляции, помогут снизить уровень профессионального выгорания и повысить устойчивость персонала к стрессовым ситуациям.

Заключение. Обеспечение безопасности персонала УИС — одна из ключевых задач государства. Несмотря на наличие нормативной базы, сотрудники исправительных учреждений продолжают сталкиваться с угрозами физического насилия, психологического давления и коррупционных рисков. Основные проблемы включают недостатки в нормативном регулировании, нехватку финансирования, слабую социальную защиту и низкую эффективность наказаний за нападения на персонал. Для решения этих проблем необходимы законодательные реформы, модернизация технических средств, улучшение условий службы и развитие психологической поддержки. Только в этом случае можно обеспечить высокий уровень защиты сотрудников УИС и снизить риски, связанные с их профессиональной деятельностью.

Список литературы:

1. Воробьев С.М., Ивлиев П.В. Влияние программ реабилитации на рецидивное поведение преступников // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 1 (23). С. 7-19. EDN: MYUMSO
2. Ивлиев П.В., Архипов С.В. К вопросу совершенствования деятельности воспитательных колоний // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 476-478. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_11_476 EDN: QNCEMN
3. Дубровин А.С., Ряховский А.В. Методы аудита информационной безопасности в учреждениях УИС, повышение мер безопасности среди сотрудников // Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы. Статья в сборнике трудов конференции. 2024. С. 216-218. EDN: KQLKXT

References:

1. Vorobyov S.M., Ivliev P.V., "The Impact of Rehabilitation Programs on the Recidivism of Criminals" // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, No. 1 (23), 2025, pp. 7-19.
2. Ivliev P.V., Arkhipov S.V., "On the Issue of Improving the Activities of Juvenile Correctional Colonies" // Law and State: Theory and Practice No. 11 (239), 2024, pp. 476-478.
3. Dubrovin A.S., Ryakhovsky A.V., "Methods of Information Security Audit in Penal System Institutions, Improving Security Measures Among Employees" // Current Issues in the Activities of Divisions of the Criminal Executive System. Article in the Conference Proceedings, 2024, pp. 216-218.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОМУ ТЕРРОРИЗМУ STATE POLICY IN THE FIELD OF COUNTERING INFORMATION TERRORISM

АХЪЯДОВ Эльман Саид-Мохмадович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, заместитель декана по научной работе юридического факультета
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова».
ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный, Чеченская Республика, 364061, Россия.
E-mail: Akhyadov1990@mail.ru;

AKHYADOV E.S.-M.,

Deputy Dean for Research at the Faculty of Law, Ph.D. in Law,
Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and National Security
FGBOU VO "Chechen State University. A.A. Kadyrov".
32 A. Sheripova St., Grozny, Chechen Republic, 364061, Russia.
E-mail: Akhyadov1990@mail.ru

Краткая аннотация. Автор показывает, что в наши дни борьба с терроризмом является как никогда актуальной. В связи с развитием информационных технологий, повсеместным использованием сети Интернет и мобильной связи особую угрозу стал представлять такой специфический вид терроризма как информационный терроризм. Основным субъектом реализации государственной политики в рассматриваемой сфере является само государство, однако, институты гражданского общества, физические и юридические лица, органы местного самоуправления также участвуют в реализации мероприятий такой политики. Автором выделены основные направления государственной политики по противодействию информационному терроризму, показаны проблемы и перспективы её реализации.

Abstract. The author shows that nowadays the fight against terrorism is more relevant than ever. In connection with the development of information technologies and the widespread use of the Internet and mobile communications, such a specific type of terrorism as information terrorism has become a special threat. The main subject of the implementation of state policy in this area is the state itself, however, civil society institutions, individuals and legal entities, local self-government bodies also participate in the implementation of such policy measures. The author identifies the main directions of the state policy on countering information terrorism, shows the problems and prospects for its implementation.

Ключевые слова: информационный терроризм, кибертерроризм, Интернет, цифровые технологии, государственная политика, гражданское общество.

Keywords: information terrorism, cyberterrorism, Internet, digital technologies, public policy, civil society.

Для цитирования: Ахъядов Э.С.-М. Государственная политика в сфере противодействия информационному терроризму // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 469-471. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_469.

For citation: Akhyadov E.S.-M. State policy in the field of countering information terrorism // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 469-471. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_469.

Статья поступила в редакцию: 20.04.2024

Дата публикации: 30.04.2025

В наши дни борьба с терроризмом является как никогда актуальной. В связи с развитием информационных технологий, повсеместным использованием сети Интернет и мобильной связи особую угрозу стал представлять такой специфический вид терроризма как информационный терроризм.

Основными нормативными актам в области противодействия терроризму являются:

- Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ "О противодействии терроризму" [1];
- Указ Президента РФ от 15.02.2006 N 116 "О мерах по противодействию терроризму"[2];
- Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 05.10.2009 г. [3]

Исследования показывают, что в целом российская система противодействия терроризму является достаточно эффективной [9, с. 16]. Между тем, информационный терроризм, обладая определённой спецификой, требует особых мер противодействия.

Для эффективной борьбы с информационным терроризмом необходима разработка и реализация научно-обоснованной государственной политики в этом направлении, которая бы учитывала особенности современного проявления информационного терроризма.

Основным субъектом реализации государственной политики в рассматриваемой сфере, безусловно, является само государство. Это обусловлено следующими причинами. Прежде всего, только государство в лице его органов полномочно устанавливать и реализовывать общие для всех правила поведения, обеспечения их исполнение, в том числе, и мерами принуждения. Кроме того, как и любое демократическое государство, Россия является для своих граждан гарантом обеспечения защищенности личности (в том числе – от террористических угроз), а также должно обеспечивать гражданам возможность реализации своих прав и свобод.

Именно государство обладает возможностью для решения проблем обеспечения безопасности (включая угрозы информационного терроризма) использовать государственный аппарат и привлекать научные и иные ресурсы общества для создания системы противоречия этим угрозам. При этом к реализации государственной политики в обозначенной сфере привлекаются институты гражданского общества, муниципальные образования, юридические и физические лица. Следовательно, такие лица также будут являться субъектами государственной политики по противодействию информационному терроризму.

Основной целью государственной политики в области противодействия информационному терроризму является защита личности, общества и государства от террористических актов и иных проявлений терроризма.

Выделим основные направления современной государственной политики в сфере противодействия информационному терроризму.

1. Контрпропаганда. В рамках этого направления осуществляется противодействие психологическому терроризму. При этом особенно важно чтобы деятельность по контрпропаганде постоянно развивалась и актуализировалась в связи с развитием и видоизменением деятельности террористов.

2. Противодействие в религиозной сфере. Надзор и контроль органов власти за деятельностью религиозных организаций с целью противодействия проявлению радикализации и вербовки граждан в террористические организации. В частности, в рамках этого направления происходит привлечение к такой деятельности представителей традиционного ислама, органов образования и культуры.

3. Мониторинг информационного пространства с целью выявления коммуникаторов и проводников идеологии терроризма [9, с. 16].

4. Формирование и совершенствование технических, программных и иных мер защиты информационного пространства от информации, нарушающей действующее законодательство, в частности – оправдывающей и пропагандирующей терроризм, способствующей его распространению, призывающей к совершению противоправных действий. Это направление должно осуществляться в тесном взаимодействии со СМИ.

5. Создание и постоянное совершенствование системы блокировки информационных ресурсов, используемых террористами и их помощниками для осуществления своей деятельности. Для этой цели используется также мониторинг информационного пространства, в том числе – в автоматическом режиме.

6. Тесное взаимодействие органов власти и институтов гражданского общества с целью размещения материалов для контрпропаганды информационного терроризма.

7. Выявление причин и условий проявлений информационного терроризма и их устранение посредством законодательных, организационных, технических и иных средств.

8. Укрепление международного сотрудничества в борьбе с информационным терроризмом [8].

Говоря об информационном терроризме, исследователи выделяют три основные его проявления:

1) Психологическое проявление. Заключает в распространении дезинформации, запугивании, использование методов нейролингвистического программирования [6]. Может использоваться посредством манипуляции СМИ, в публикации соответствующие материалов в сети Интернет.

2) Техническое проявление. Заключается в использовании современных цифровых технологий (прежде всего – сети Интернет) для вмешательства в работу различных структур государства: вирусные атаки, взлом сайтов органов власти, использование специальных вирусных программ, вызывающих разрушение систем управления, или, внешнее управление техническими объектами (в т. ч. самолетами), биологическими и химическими средствами разрушения; нарушения линий связи, искусственная перегрузка узлов коммутации [5].

3) Облегчение совершения преступлений террористического характера. Информационные технологии упрощают взаимодействие между преступниками, облегчают поиск сообщников и т.д.

Безусловно, каждое из этих проявлений нуждается в особых средствах противодействия. Рассмотрим некоторые конкретные практики, являющиеся специальными средствами по борьбе с информационным терроризмом.

1) Отказ в доступе к информационному ресурсу. Как указывается в литературе, «данная мера весьма сложна для реализации на практике. Теоретически можно утвердить ряд организаций или определенных лиц, которым будет отказано в доступе к ряду информационных систем. В действительности, осуществить подобную меру представляется невероятным событием. Блокировка доступа в современном обществе может быть исключительно повсеместной, а не точечной» [4, с. 258].

2) Ограничение в доступе к технологиям. В рамках этого направления предлагается использование скрытой эксплуатации технологических уязвимостей [7, с. 151]. Телекоммуникации, телефоны и прочие средства связи могут иметь определенные устройства, считывающие информацию, что позволяет определить местоположение объекта и его характеристики.

3) Использование «традиционных» методов противодействия терроризму, но с учетом особенностей информационного терроризма. Предлагается использовать проверенные методы сыска, внедрения и наблюдения за лицами, планирующими теракт. Для предотвращения терактов необходимо преимущественно осуществлять мониторинг технологического развития и своевременное предотвращение при наличии доказательств.

Необходимо также выделить проблемы, наблюдающиеся при реализации государственной политики в сфере противодействия информационному терроризму:

1. Механизмы взаимодействия органов власти и иных организаций, реализующих меры по противодействию информационному терроризму на настоящий момент не достаточно разработаны. В частности, на низком уровне находится работа по привлечению институтов гражданского общества, образовательных, научных организаций, бизнес-сообществ. Между тем, именно такие структуры способны оказать значительное влияние на общественное сознание.

2. Система противодействия информационному терроризму не включена в общую систему информационной политики страны.

3. Террористические и экстремистские Интернет-ресурсы не достаточно быстро блокируются, а способы обхода такой блокировки остаются доступными широкому кругу лиц.

4. Требуется усиление мер по работе с молодежью с целью противодействия влиянию на молодых людей идеологии терроризма, вербовки их в террористические сообщества. Речь идет о недостатках именно адресной работы в этом направлении.

5. Наличие большого числа пробелов в праве и правовых коллизий [4, с. 258]. Это затрудняет применения правовых норм в рассматриваемой сфере, а, следовательно, – снижает эффективность всей системы противодействия информационному терроризму. Прежде всего, речь идет о недостаточном количестве норм прямого действия федерального уровня. В связи с этим на практике приходится применять смежные нормы, регулирующие общественные отношения, отношения в информационной сфере, противодействию терроризму без учета особенностей информационного терроризма.

6. В теоретическом и методологическом аспекте не решены вопросы понятийного аппарата. В частности само понятие информационного терроризма определено не достаточно четко. Более того, даже в теоретической литературе к этому виду терроризма относят разный круг деяний. Это неизбежно порождает невозможность выделения отдельных направлений по противодействию информационному терроризму, а также препятствует осуществлению взаимодействия с иными направлениями по противодействию терроризму [4, с. 258].

На основании изложенного основными направлениями развития системы противодействия информационному терроризму должны стать:

1. Повышение уровня научного и экспертного сопровождения работы по противодействию информационному терроризму. Прежде всего, необходима разработка и нормативное закрепление понятийного аппарата.

2. Создание единой системы противодействия информационному терроризму, способной действовать на всех уровнях и быть адекватной существующему уровню угроз.

3. Создание системы оценки угроз со стороны информационного терроризма, а также оценки эффективности, достаточности и адекватности принимаемых мер.

4. Усиление работы с молодежью. Причём, важна работа не только с социально-неблагополучными подростками, но с обеспеченными молодыми людьми и благополучных семей. Как указывается, в ряде научных источников, такие подростки часто вербуются террористами.

5. Повышение уровня подготовки специалистов, занятых в работе по противодействию информационному терроризму. Для такой работы необходимы высоко квалифицированные кадры, обладающие знаниями, прежде всего, в области психологии и информационных технологий.

Итак, в связи повышением распространенности и опасности такого нового вида терроризма как информационный терроризм, важно усилить работу по профилактике и противодействию таких деяний. Такая работа должна вестись в комплексе с иными средствами противодействия терроризму.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) "О противодействии терроризму" // Собрание законодательства РФ. 2006. N 11. ст. 1146.
2. Указ Президента РФ от 15.02.2006 N 116 (ред. от 25.11.2019) "О мерах по противодействию терроризму" // Собрание законодательства РФ. 2006. N 8. ст. 897.
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 05.10.2009 // Российская газета. 2009. N 198.
4. Бушин Е. В. Современные тенденции развития информационных технологий в борьбе с информационным терроризмом в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 257-259. EDN: FRFGVV
5. Информационный терроризм [Электронный ресурс] // <https://slide-share.ru/informacionnij-terrorizm-32766> (дата обращения: 18.04.2024).
6. Киберпространство и информационный терроризм [Электронный ресурс] // <http://scienceport.ru/news/kiberprostranstvo-i-informatsionnyy-terrorizm/?PRINT=Y> (дата обращения: 18.04.2024).
7. Манукян, А. Р. Противодействие проявлениям религиозного экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 5. С. 150-152.
8. Рекомендации Круглого стола, проведенного в секретариате ОДКБ на тему "Информация и терроризм" [Электронный ресурс] // <http://www.rg.ru/2013/04/19/ekstremizm-site.html> (дата обращения - 18.04.2024).
9. Сидненко Г. Ф. Государственная политика России в области информационного противодействия терроризму // Современное право. 2021. № 4. С. 15-20.

References:

1. Federal Law No. 35-FZ dated 06.03.2006 (as amended on 07/10/2023) "On countering terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. N 11. art. 1146.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/15/2006 N 116 (as amended on 11/25/2019) "On measures to counter terrorism" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. N 8.
3. art. 897.3. The concept of countering terrorism in the Russian Federation, approved By the President of the Russian Federation 05.10.2009 // Rossiyskaya gazeta. 2009. N 198.
4. Bushin E. V. Modern trends in the development of information technologies in the fight against information terrorism in the Russian Federation // Young Scientist. 2020. No. 20 (310). pp. 257-259.
5. Information terrorism [Electronic resource] // <https://slide-share.ru/informacionnij-terrorizm-32766> (date of access: 04/18/2024).
6. Cyberspace and information terrorism [Electronic resource] // <http://scienceport.ru/news/kiberprostranstvo-i-informatsionnyy-terrorizm/?PRINT=Y> (date of issue: 04/18/2024).
7. Manukyan, A. R. Countering manifestations of religious extremism and terrorism // Gaps in Russian legislation. 2008. No. 5. pp. 150-152.
8. Recommendations of the Round Table held in the CSTO secretariat on the topic "Information and terrorism" [Electronic resource] // <http://www.rg.ru/2013/04/19/ekstremizm-site.html> (date of appeal – 04/18/2024).
9. Sidnenko G. F. State policy of Russia in the field of information counteraction to terrorism // Modern law. 2021. No. 4. pp. 15-20.

КВАНТОВО-ФРАКТАЛЬНЫЙ МЕТОД АНАЛИЗА БЛОКЧЕЙН-ТРАНЗАКЦИЙ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ СКРЫТОЙ ПРОТИВОЗАКОННОЙ АКТИВНОСТИ QUANTUM FRACTAL METHOD OF BLOCKCHAIN TRANSACTION ANALYSIS TO DETECT HIDDEN ILLEGAL ACTIVITY

ПОГРЕБИНСКАЯ Мария Николаевна,

студентка Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (МГТУ им. Баумана).

105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5.

E-mail: marpogrn@yandex.ru

POGREBINSKAYA Maria Nikolaevna,

student of the Bauman Moscow State Technical University (BMSTU).

5, 2nd Baumanskaya str., Moscow, 105005, Russia.

E-mail: marpogrn@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается проблема анализа скрытых блокчейн-транзакций, используемых для противозаконной деятельности. Традиционные методы криминалистики, адаптированные для работы с цифровыми следами, становятся недостаточно эффективными в условиях роста объемов данных и усложнения преступных схем. Предлагается инновационный подход, основанный на синергии квантовых вычислений и фрактального анализа. Квантовые алгоритмы обеспечивают экспоненциальное ускорение обработки данных и выявление скрытых корреляций, в то время как фрактальный анализ позволяет выявлять самоподобные структуры и аномалии даже при фрагментарных данных.

Abstract. The article discusses the problem of analyzing hidden blockchain transactions used for illegal activities. Traditional methods of criminology adapted to work with digital footprints are becoming insufficiently effective in the face of increasing amounts of data and the complexity of criminal schemes. An innovative approach based on the synergy of quantum computing and fractal analysis is proposed. Quantum algorithms provide exponential acceleration of data processing and detection of hidden correlations, while fractal analysis allows you to identify self-similar structures and anomalies even with fragmented data.

Ключевые слова: блокчейн-транзакции, квантовые вычисления, фрактальный анализ, киберпреступность, цифровая криминалистика, скрытые транзакции, алгоритм Гровера, фрактальная размерность, квантовая запутанность, анализ больших данных.

Keywords: blockchain transactions, quantum computing, fractal analysis, cybercrime, digital forensics, hidden transactions, Grover algorithm, fractal dimension, quantum entanglement, big data analysis.

Для цитирования: Погребинская М.Н. Квантово-фрактальный метод анализа блокчейн-транзакций для обнаружения скрытой противозаконной активности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 472-474. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_472.

For citation: Pogrebinskaya M.N. Quantum fractal method of blockchain transaction analysis to detect hidden illegal activity // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 472-474. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_472.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В условиях современного цифрового ландшафта преступники оставляют все более комплексные и трудноидентифицируемые следы, обладающие распределенным, фрагментарным и псевдонимным характером. Указанные признаки резко контрастируют с традиционными следами, которые легче зафиксировать и исследовать [1]. Цифровые данные же могут удаляться или подменяться практически мгновенно и в крупных объемах, что затрудняет их точную атрибуцию и сохранение, снижая доказательственный потенциал следов [9]. Традиционные методы криминалистики, адаптированные к цифровым следам, в основном ориентированы на статичные источники (лог-файлы, скриншоты, изъятые цифровые носители), тогда как динамичность и разрозненность современных данных значительно усложняют процесс расследования.

Особенно остро эта проблема проявляется в исследовании скрытых блокчейн-транзакций (скрытыми называются транзакции, усложненные для тривиального анализа). Блокчейн функционирует как распределенный реестр, где каждая операция шифруется в связи с предыдущими, формируя децентрализованную цепочку блоков. В большинстве случаев реестр открыт для просмотра, но при этом конкретные владельцы адресов остаются лишь псевдонимными участниками сети. Широко известно, что преступники зачастую используют разбивку крупных сумм на множество микропереводов, применяют сервисы «микшеры», мультивалютные манипуляции и прочие ухищрения, затрудняющие их обнаружение [4]. Рост объемов таких данных и высокая сложность формирования транзакционных шаблонов требуют разработки принципиально новых инструментов криминалистики.

Современные блокчейн-проекты представляют собой распределенные реестры. Каждый узел сети содержит копию всей цепочки блоков, где каждая транзакция связана с предшествующими записями [5]. Механизмы консенсуса (Proof of Work, Proof of Stake и т. п.) обеспечивают верификацию блоков без централизованного доверенного органа [7, 8]. Псевдонимность адресов (отсутствие прямых сведений о владельцах) упрощает сокрытие личности преступника, но при этом сама неизменность записей (нельзя откатить или подделать блок) дает в расследовании некоторое преимущество.

Сложность анализа здесь заключается в том, что злоумышленники могут использовать множество адресов (одноразовых кошельков), дробить крупные суммы на мельчайшие транзакции и вновь объединять средства через обменники и микшеры, переходить из одной криптовалюты в другую, стараясь скрыть общий источник. Подобная фрагментация порождает сетевые структуры с признаками фрактальности, где множество однотипных мелких переводов повторяется на разных уровнях. Для поиска таких закономерностей блокчейн-данные необходимо унифицировать, очистить (убрав повторяющиеся или нулевые транзакции) и привести к единому формату, после чего к ним могут быть применены квантово-фрактальные алгоритмы.

Одним из наиболее перспективных направлений решения описанной проблемы представляется квантово-фрактальный метод. Он опирается на два взаимодополняющих подхода: квантовые вычислительные алгоритмы, позволяющие экспоненциально ускорять поиск закономерностей и сопоставление с существующими шаблонами преступных действий; фрактальный анализ, выявляющий самоподобные (или, напротив, нехарактерно разрозненные) структуры цифровых следов и помогающий фиксировать аномалии даже при неполных и фрагментарных данных. Внедрение такого синергетического метода потенциально расширит возможности расследования преступлений, совершенных с использованием блокчейн-технологий, позволит быстрее обнаруживать и атрибутировать скрытые противозаконные транзакции.

Как показывает практика, преступники в киберпространстве могут очень быстро изменять или вовсе удалять следы своей деятельности: логи стираются, аккаунты блокируются, криптовалютные активы легко переводятся на новые адреса. Рост объемов данных также ведет к тому, что классические методы обнаружения потенциальных доказательств (перебор файлов вручную, статический анализ трафика, работа с офлайн-образом устройства) становятся малоэффективными. В случае с высоконагруженными системами или распределенными сетями блокчейна эти способы неизбежно подразумевают существенные задержки во времени и зачастую недостаточны для формирования четкого доказательного массива. Существующие инструменты, заимствованные из классической криминалистики, нередко бывают действительно полезны (например, при первичной фиксации доказательств или анализе отдельных устройств), однако в ближайшем будущем они рискуют не справиться с резким ростом объемов данных и усложнением преступных схем.

Поскольку киберпреступники активно пользуются децентрализованными платформами, возникает ряд вопросов: как идентифицировать единого организатора, если противозаконные операции проводятся через множество псевдонимных кошельков в разных криптовалютах; как оперативно установить факт подмены или удаления части транзакций из распределенного реестра; каким образом масштабировать алгоритмы анализа, когда количество участников и операций достигает миллионов?

Для ответа на эти вопросы требуется выработка инновационного подхода, позволяющего учитывать как количественную составляющую (большие данные), так и качественную (нелинейность, самоподобие, скрытые корреляции). Такую задачу может решать фрактальная модель цифровых следов в сочетании с квантовой архитектурой вычислений.

Фракталы отличаются от классических геометрических форм дробной размерностью и самоподобием на разных масштабах [3]. Для блокчейн-потоков это означает, что, если часть сведений утрачена или удалена, фрактальный подход может помочь реконструировать общую картину событий. Также представляется, что фрактальный анализ может дать возможность не только ретроспективного, но и упреждающего, превентивного мониторинга подозрительных транзакций: раннее распознавание формирующегося «фрактального отпечатка» мошенника позволяет заблаговременно блокировать дальнейшие операции.

Кроме того, фрактальный анализ доказал свою применимость в задачах раннего выявления сетевых аномалий. Известно, что при DDoS-атаках значение фрактальной размерности резко возрастает, что позволяет оперативно идентифицировать аномалии [2]. В квантово-фрактальной модели каждый новый фрагмент цифрового следа дополняет единую фрактальную структуру поведения и при этом меняет метрики (фрактальную размерность, спектр фрактальной меры и т.д.). Если сохранение самоподобных характеристик указывает на непрерывность одного и того же сценария или на участие одного и того же субъекта, то резкие отклонения свидетельствуют либо о попытках подменить данные, либо о вмешательстве третьих лиц. Обычные статистические алгоритмы могут не уловить такие едва заметные, но устойчивые характеристики.

Исследования [3] подтверждают, что учет фрактальной размерности сетевого трафика существенно повышает точность системы обнаружения вторжений. Для блокчейна аналогичная логика применима при наблюдении за транзакциями: если серия переводов ведет к нетипичным скачкам фрактальных показателей, возрастает вероятность преступной активности.

Наряду с фрактальным анализом предлагаемая методика задействует и квантовые вычисления, которые позволяют экспоненциально ускорять поиск заданных шаблонов и пересчет фрактальных параметров, учитывают неклассические корреляции [10]. Квантовая парадигма исходит из принципов суперпозиции, благодаря которой кубит может находиться сразу во множестве состояний, и квантовой запутанности, позволяющей связывать состояния разных кубитов.

Квантовый поиск (алгоритм Гровера), адаптированный под многомерные структуры блокчейна, снижает количество итераций проверки. Теоретически он способен мгновенно проверять совпадение или несовпадение шаблонов. Так, при поступлении новой информации квантовый компьютер может оперативно корректировать «фрактальный портрет» злоумышленника, сохраняя целостную картину его действий. С учетом того, что размер блокчейна некоторых популярных криптовалют уже превышает сотни гигабайтов и продолжает расти, квантовый поиск становится мощным инструментом решения своеобразной проблемы «бутылочного горлышка» при расследованиях. Квантовая модель также дает возможность учитывать корреляции между разрозненными фрагментами цифровых следов благодаря механизму квантовой запутанности: запутанные кубиты позволяют анализировать синхронные изменения в разных фрагментах данных, даже если те разбросаны по нескольким узлам сети.

В ряде исследований [10, 11] подчеркивается, что квантовые вычисления значительно расширяют возможности цифровой криминалистики, делая реальным анализ в режиме реального времени даже при гигантских объемах сетевого трафика или распределенных журналов транзакций.

Более того, в квантовой модели фрактальная структура непрерывно обновляется по мере появления новых транзакций. Если закономерности остаются стабильными, можно говорить о том же сценарии (или тех же лицах-участниках) транзакции. Если фрактальная метрика резко меняется, это свидетельствует о попытке подмены или вмешательстве со стороны участника схемы.

Таким образом, целесообразно будет предложить алгоритм обнаружения аномальных транзакций с использованием квантово-фрактального метода, состоящий из нескольких этапов:

Этап	Сущность этапа
Сбор и нормализация транзакций	Транзакции из разных сетей или периодов приводятся к общим временным меткам, фильтруются, агрегируются.
Фрактальный анализ	Проводится расчет размерности Минковского, wavelet-преобразований либо мультифрактальных спектров, чтобы определить естественный узор транзакционных потоков.
Квантовый поиск	Квантовые алгоритмы применяются для ускоренного сопоставления с известными шаблонами-противозаконной активности, а также для поиска новых нетривиальных отклонений.
Корреляция через запутанность	Сопоставляются фрагменты из разных сетей или узлов, выявляются скрытые связи. Если несколько подсетей синхронно демонстрируют одинаковые скачки фрактальных показателей, это указывает на масштабную скоординированную деятельность.
Интерпретация	Результаты формируют «фрактальный профиль» предполагаемого организатора, что упрощает дальнейшую атрибуцию.

Поскольку квантово-фрактальный анализ позволяет формировать и распознавать единый фрактальный след, представляется полезным сформировать базы данных с фрактальными профилями преступников. Каждый злоумышленник непреднамеренно оставляет статистические закономерности в манере совершения противозаконных действий — своеобразный «цифровой почерк». После выявления подобной подписи можно сравнивать ее с уже существующими в базе данных и при совпадении очертить круг потенциальных подозреваемых [6]. Квантовые алгоритмы же делают доступным постоянный мониторинг и обновление этой базы следов, что способно ускорить атрибуцию при повторных нарушениях.

К сожалению, в данный момент присутствуют сырьевые ограничения квантовых систем. На текущем этапе развития квантовые компьютеры либо обладают малым числом кубитов, либо страдают от шумов и нестабильности, а гибридные решения (классические сервера в совокупности с квантовыми модулями) уже применимы, но их возможности для таких целей существенно ограничены. Кроме того, в настоящее время правовая база применения квантово-фрактального анализа блокчейн-транзакций отсутствует, что делает применение метода фактически невозможным.

Разумеется, методика требует дальнейших экспериментов, разработки аппаратного обеспечения и формирования правовых норм, регулирующих ее использование. Однако уже сейчас ясно, что квантово-фрактальный анализ обладает значительным потенциалом в борьбе с киберпреступностью и может стать одним из ключевых инструментов цифровой криминалистики будущего.

Список литературы:

1. Закиян А. А. Цифровые следы в криминалистике / А. А. Закиян // Молодой ученый. - 2023. - № 23 (470). - С. 326-328. EDN: FWUITL
2. Перов Р. А., Лаута О. С., Крибель А. М., Федулов Ю. В. Метод выявления аномалий в сетевом трафике // Научные исследования Земли. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-vyyavleniya-anomaliy-v-setevom-trafike> (дата обращения: 01.03.2025). DOI: 10.36724/2409-5419-2022-14-3-25-31 EDN: QSBJKM
3. Bulavas V. Fractal dimensionality of network traffic as a feature for intrusion detection // Proceedings of the International Conference on Security & Defence (ICSD). - 2020. DOI: 10.1109/COMST.2018.2842460
4. Conti M., Kumar S., Lal C., Ruj S. A survey on security and privacy issues of Bitcoin // IEEE Communications Surveys & Tutorials. - 2018. DOI: 10.1109/COMST.2018.2842460
5. Dixon M., Gel Y., Kantarcioglu M., Akcora C. Blockchain Data Analytics // IEEE Intelligent Systems. - 2018.
6. Monaco J. V. Identifying Bitcoin users by transaction behavior // Proceedings of SPIE. - 2015. DOI: 10.1117/12.2177039
7. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Электронный ресурс]. - 2008. - URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).
8. Pirandola S. et al. Advances in quantum cryptography // Advances in Optics and Photonics. - 2020. DOI: 10.1364/AOP.361502 EDN: TMZLCW
9. Цифровой след // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. - URL: <https://bigenc.ru/c/sifrovoy-sled-0e7ff5> (дата обращения: 01.03.2025).
10. The Impact of Quantum Computing on Digital Forensics and Cybersecurity [Электронный ресурс] // BM Coder, 2023. - URL: <https://www.bmcoder.com/the-impact-of-quantum-computing-on-digital-forensics-and-cybersecurity> (дата обращения: 01.03.2025).
11. What is the Impact of Quantum Computing on Digital Forensics? - The Complete Guide [Электронный ресурс] // Web Asha, 2023. - URL: <https://www.webasha.com/blog/what-is-the-impact-of-quantum-computing-on-digital-forensics> (дата обращения: 01.03.2025).

References:

1. Zakiyan A. A. Digital traces in criminology / A. A. Zakiyan // Young scientist. - 2023. - № 23 (470). - Pp. 326-328. EDN: FWUITL
2. Perov R. A., Lauta O. S., Kribel A. M., Fedulov Yu. V. Method of detecting anomalies in network traffic // High-tech technologies in space exploration of the Earth. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-vyyavleniya-anomaliy-v-setevom-trafike> (date of request: 03/01/2025). DOI: 10.36724/2409-5419-2022-14-3-25-31 EDN: QSBJKM
3. Bulavas V. Fractal dimensionality of network traffic as a feature for intrusion detection // Proceedings of the International Conference on Security & Defence (ICSD). - 2020. DOI: 10.1109/COMST.2018.2842460
4. Conti M., Kumar S., Lal C., Ruj S. A survey on security and privacy issues of Bitcoin // IEEE Communications Surveys & Tutorials. - 2018. DOI: 10.1109/COMST.2018.2842460
5. Dixon M., Gel Y., Kantarcioglu M., Akcora C. Blockchain Data Analytics // IEEE Intelligent Systems. - 2018.
6. Monaco J. V. Identifying Bitcoin users by transaction behavior // Proceedings of SPIE. - 2015. DOI: 10.1117/12.2177039
7. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Electronic Resource]. - 2008. - URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (date of appointment: 03/01/2025).
8. Pirandola S. et al. Advances in quantum cryptography // Advances in Optics and Photonics. - 2020. DOI: 10.1364/AOP.361502 EDN: TMZLCW
9. Digital footprint // Great Russian Encyclopedia [Electronic resource]. - URL: <https://bigenc.ru/c/sifrovoy-sled-0e7ff5> (date of notification: 03/01/2025).
10. The Impact of Quantum Computing on Digital Forensics and Cybersecurity [Electronic Resource] // BM Coder, 2023. - URL: <https://www.bmcoder.com/the-impact-of-quantum-computing-on-digital-forensics-and-cybersecurity> (date of issue: 03/01/2025).
11. What is the Impact of Quantum Computing on Digital Forensics? - The Complete Guide [Electronic Resource] // Web Asha, 2023. - URL: <https://www.webasha.com/blog/what-is-the-impact-of-quantum-computing-on-digital-forensics> (date of the address: 03/01/2025).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ VALUE GUIDELINES IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF THE EMPLOYEES OF THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM

ПРОНИНА Ксения Юрьевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры философии и истории
юридического факультета Академии ФСИН России.
ул. Сенная, 1, г. Рязань, 390000, Россия.

E-mail: baklanova.ksenia@mail.ru;

PRONINA Kseniya Yuryevna,

Candidate of Law Sciences, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and History
of the Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Sennaya str., 1, Ryazan, 390000, Russia.

E-mail: baklanova.ksenia@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается значение ценностных ориентиров в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также сущность государственной службы в целом. Автор приходит к выводу о том, что ценностные ориентиры сотрудников уголовно-исполнительной системы включают в себя: осознание ценности права и нацеленности на формирование определенных поведенческих установок, а также понимание значения традиционных духовно-нравственных ценностей и готовность им следовать в профессиональной деятельности.

Abstract: The article examines the importance of value orientations in the professional activities of employees of the penitentiary system, as well as the essence of public service in general. The author comes to the conclusion that the value orientations of employees of the penal correction system include: awareness of the value of law and focus on the formation of certain behavioral attitudes, as well as understanding the importance of traditional spiritual and moral values and willingness to follow them in professional activities.

Ключевые слова: правосознание, государственная служба, уголовно-исполнительная система, ценность права, профессиональная деятельность.

Keywords: legal awareness, civil service, penal enforcement system, the value of law, professional activity.

Для цитирования: Пронина К.Ю. Ценностные ориентиры в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 475-477. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_475.

For citation: Pronina K.Yu. Value guidelines in the professional activities of the employees of the criminal-executive system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 475-477. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_475.

Статья поступила в редакцию: 02.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Введение. В настоящее время особую актуальность приобретают вопросы сохранения, укрепления нравственных ценностей в целом, и в профессиональной деятельности в частности. Ценностные ориентиры государственного служащего, в том числе и сотрудника уголовно-исполнительной системы, занимают одно из центральных мест, поскольку от правильной их сформированности зависит эффективность выполнения поставленных задач.

Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть значение и содержание ценностных ориентиров сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также выявить сущность государственной службы в целом, и уголовно-исполнительной системы в частности. **Объектом исследования** является система ценностных ориентиров сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний как комплексное образование.

Методы. В данном исследовании применялся диалектический метод, позволяющий изучить объект всесторонне, во взаимосвязи и взаимодействии элементов и в динамике. Проблемы понимания ценностных оснований службы в уголовно-исполнительной системе анализировались посредством описательного метода. Формально-юридический метод был использован для анализа норм действующего законодательства, относящихся к объекту исследования.

В толковом словаре В.И. Даля понятие «служба» понимается как готовность к делу, возможность быть полезным обществу [4, с. 276]. В научной литературе отмечается, что практическое осуществление функций государства, решение его задач, обеспечение благосостояния общества, удовлетворение публичных интересов выступает основной целью деятельности государственных служащих, при этом интересы, права, свободы человека и гражданина являются непосредственным предметом деятельности [14, с. 161].

Сущность государственной службы в целом заключается в том, что она призвана служить обществу и государству, защищать права и свободы человека и гражданина. В государственной службе заложено, что служение обществу и государству – главная цель, соответственно, общественные интересы должны быть превыше личных. Следование ценностным ориентирам в профессиональной деятельности государственных служащих является необходимым условием эффективного функционирования государственной службы. При этом формирование системы ценностей, а главное, их соблюдение, есть определенный ориентир, который не позволит пренебречь сущностью государственной службы.

В настоящее время государство уделяет значительное внимание поддержанию традиционных духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» закрепляет, что традиционные ценности выступают нравственными ориентирами, которые формируют мировоззрение граждан, укрепляют единство народа и проявляются в историческом, культурном и духовном развитии общества. Данный Указ закрепляет достаточно обширный перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, среди которых жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, историческая память, преемственность поколений, един-

ство народов России и иные ценности [2].

Фондом «Общественное мнение» в сентябре 2024 г. был проведен опрос о понимании традиционных ценностей и их распространенности в России. 38% опрошенных традиционные ценности ассоциируют с семьей, домом, детьми, заботой о близких; 10% – с культурным наследием, традициями; 7% – с патриотизмом, любовью к Родине; 5% – с верой в Бога; по 3% – с воспитанием, уважением к людям и нравственными ценностями; 2% – с исторической памятью, также выделялись и иные ценности. Таким образом, в целом, общественное понимание традиционных ценностей совпадает с нормативно закрепленным. При этом следует отметить, что большинство опрошенных (85 %) считают себя приверженцами традиционных ценностей [8]. Данный показатель демонстрирует, что общество разделяет семейные ценности, уважает и любит свою страну, помнит о своих предках.

Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 закрепляет перечень мер, направленных на решение проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей, в том числе: совершенствование системы государственной поддержки проектов в области культуры, образования; совершенствование форм, методов воспитания и образования детей, молодежи. Особо хотелось бы отметить, что подобные меры и обществом расцениваются в качестве приоритетных. В рамках данного опроса респондентам был задан вопрос, касающийся наиболее эффективных мер со стороны государства, способствующих укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Респонденты (11%) полагают, что именно социальные меры поддержки семьи, детей, укрепление семейных ценностей может оказать наибольшее воздействие; воспитание детей и молодежи, в том числе патриотическое, отмечается 10% опрошенных; 8% называют такую меру, как пропаганда традиционных ценностей в СМИ; иные мероприятия [8].

В соответствии с вышеназванным Указом Президента РФ одной из традиционных духовно-нравственных ценностей является справедливость. Полагаем, в рамках исследуемой темы, интересно проследить изменения в оценке справедливости общественного устройства. В 2018 г. 65 % респондентов считали, что современное российское общество в целом устроено несправедливо и 22 % – справедливо. В 2020 г. эти показатели изменились незначительно (61 % и 24 % соответственно). В 2024 г. произошли более существенные изменения и количество людей, полагающих, что общество несправедливо составило 44 %, при этом возросло до 37 % число лиц, оценивающих наше общество справедливым. 65 % респондентов за последние два-три года не сталкивались с социальной несправедливостью по отношению к себе. Более половины (55 %) россиян считают, что уровень справедливости в обществе в большей степени зависит от властей, 30 % полагают, что – от граждан [9].

Поддержание, сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей имеет приоритетное значение, несомненно, для всех граждан. Вместе с тем, полагаем, что для государственных служащих данные вопросы приобретают особую роль. Правильно сформированная система идей и ценностей для государственного служащего должна выступать прочным основанием его профессиональной деятельности, которая позволит эффективно осуществлять свои должностные обязанности. «Принципиально важно, чтобы профессиональная культура государственных служащих в нашей стране основывалась на традиционных ценностях» [12, с. 237]. Мы солидарны с данным мнением, поскольку традиционные духовно-нравственные ценности являются одной из составляющих, на основе которой формируются ценностные ориентиры в профессиональной деятельности государственного служащего, в том числе и сотрудника уголовно-исполнительной системы. Данный тезис находит свое подтверждение в соответствующих нормативных правовых актах.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [3] является документом, определяющим приоритетные направления совершенствования службы. Положение о необходимости сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей закреплено в качестве одной из целей Концепции и касается повышения эффективности воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы (в соответствии с изменениями, которые утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 мая 2023 г. № 1374-р) [7]. Отражение данной цели в Концепции подчеркивает особое значение традиционных ценностей в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В Концепции акцентируется внимание и на отдельных духовно-нравственных ценностях. Так, например, одной из целей Концепции является гуманизация условий отбывания наказаний и мер пресечения, которая основывается, в том числе, на принципах соблюдения и защиты прав и свобод человека, укрепления государственности [3]. Подчеркивается, что совершенствование уголовно-исполнительной политики в целях ее гуманизации выступает одним из приоритетных направлений развития уголовно-исполнительной системы на современном этапе.

Ценностные ориентиры в профессиональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы – основные регуляторы его поведения. Государственный служащий, вне зависимости от вида службы, следуя в своей профессиональной деятельности данным ценностям, не только четко осознает их значение, но и ставит служение государству, обществу на первое место. «Для государственных служащих основной личностной ценностью, определяющей вектор их активности в рамках исполнения должностных обязанностей, является ценность общественного служения» [13, с. 89]. Ценностные ориентиры сотрудников уголовно-исполнительной системы неразрывно связаны с таким понятием, как «правосознание сотрудников уголовно-исполнительной системы». По мнению русского философа, мыслителя, юриста И.А. Ильина правосознание имеет духовно-нравственное основание: только воля к духовной жизни как верховному благу может быть истинной основой правосознания [5, с. 236]. Правосознание личности, полагаем, составляют такие элементы, как: юридические знания, оценочное отношение к праву и поведенческие установки [11, с. 23]. В научной литературе выделяются следующие структурные составляющие правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы: «правовые знания, правовые чувства, ценностные ориентации, правовые установки, стереотипы социально активного правомерного поведения и правовой профессиональный опыт» [6, с. 124].

Существование устойчивых ценностных ориентиров у сотрудников уголовно-исполнительной системы невозможно без четкого понимания ими ценности права и признания его не только регулятором общественных отношений, но и социальным благом, выразителем идеи справедливости и равенства. При этом необходимо отметить, что правосознание включает в себя деятельностный компонент, который подразу-

мекает формирование установки на определенное поведение. «Высокий уровень правосознания предполагает не только знание своих прав и обязанностей, но и осознание ценности права и готовность поступать всегда правомерно» [11, с. 23].

Исходя из этого, правосознание сотрудника уголовно-исполнительной системы, полагаем, включает в себя следующие элементы: знание правовых норм; ценностные ориентиры; правовая установка на определенное поведение. При этом второй элемент правосознания, ценностные ориентиры в профессиональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы, возможно рассматривать как комплексное объединение, складывающееся из двух составляющих: во-первых, осознания ценности права и во-вторых, нацеленности на формирование позитивных поведенческих установок.

Искажение профессиональных ценностей у государственных служащих оказывает дуалистическое отрицательное воздействие как на общество в целом, так и непосредственно на государственных служащих. С точки зрения граждан, подобное воздействие проявляется в недостаточно высоком уровне доверия населения к органам государственной власти, подрыве авторитета и престижа государственной службы. Необходимость повышения уровня удовлетворенности граждан качеством работы государственных служащих к 2030 г. не менее чем на 50% закреплена в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 года» [1].

Опасность изменения, подмены истинных ценностных ориентиров у государственных служащих, представляется, в том числе, и возможностью появления различных деформаций правосознания, например, правового нигилизма, который в сфере государственной службы является наиболее опасным, наносящим существенный вред общественным отношениям, разрушающим систему государственного управления, компрометирующий государственную службу в целом [11, с. 37]. Более того, одна из форм правового нигилизма выражается в формировании правовой установки к совершению правонарушения, которое выступает наиболее опасным следствием правового нигилизма государственных служащих [11, с. 130].

Закключение. Учитывая особое значение традиционных духовно-нравственных ценностей в деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы, полагаем возможным исходить из широкого толкования ценностных доминант в профессиональной деятельности и рассматривать их комплексно: во-первых, как непосредственно элемент правосознания, во-вторых, как понимание значения и необходимости укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в профессиональной деятельности.

При искажении ценностных ориентиров у государственного служащего изменяется само понимание сущности государственной службы.

Президент РФ В.В. Путин подчеркивает, что «государственная служба – это, прежде всего, именно служение: гражданам, обществу, стране» [10]. Полагаем, воплощение данного постулата всеми государственными служащими, в том числе и сотрудниками уголовно-исполнительной системы, возможно посредством наличия прочной системы ценностных ориентаций в профессиональной деятельности, которые основываются на осознании ценности права и нацеленности на формирование определенной поведенческой установки, а также готовности следовать традиционным духовно-нравственным ценностям.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 7 мая 2024 г. № 0001202405070015
2. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 09 ноября 2022 г. № 0001202211090019
3. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 5 мая 2021 г. № 0001202105050004
4. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль; Под ред. В.П. Бутуреев. М.: Олма Медиа Гр., 2013. 448 с.
5. Ильин И.А. Собр. соч. в 10 томах, т. 4. М. 1994 г. Изд-во «Русская книга», Т. 4.
6. Орлова А. А., Ханахмедова Л. В. Некоторые аспекты взаимосвязи правового сознания сотрудников ФСИН России и обеспечения законности в деятельности уголовно-исполнительной системы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 122–126.
7. Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=602183702&backlink=1&&nd=605523135> (дата обращения: 24.02.2025)
8. Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». – URL : <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 20.02.2025)
9. Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». – URL : <https://fom.ru/TSennosti/15062> (дата обращения: 20.02.2025)
10. Официальный сайт. – URL: https://www.1tv.ru/news/2021-06-17/408317-vladimir_putin_poobshchalsya_s_vypusknikami_shkoly_gubernatorov (дата обращения: 28.02.2025)
11. Пронина К.Ю. Правовой нигилизм государственных служащих в России: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 229 с.
12. Сальников М.В., Прокофьев К.Г., Морозов А.И., Борисенко О.М. Нравственно-правовые ценности как основание профессиональной культуры сотрудников государственной службы // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 234–242.
13. Селезнева Е.В. Представления российских государственных служащих о ценности общественного служения / Е.В. Селезнева // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 88–103.
14. Сердюков Э.В. Сущность профессионально значимых качеств специалистов государственной службы // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 159–165.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036» // official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) May 7, 2024 No. 0001202405070015
2. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 «On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) November 9, 2022 No. 0001202211090019
3. Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r «On approval of the Concept development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030» // official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) May 5, 2021 No. 0001202105050004
4. Dal V.I. Illustrated explanatory dictionary of the living Great Russian language / V.I. Dal; Ed. V.P. Buturmeev. Moscow: Olma Media Gr., 2013. 448 p.
5. Ilyin I.A. Collected works in 10 volumes, vol. 4. M. 1994. Publishing house "Russian Book", Vol. 4.
6. Orlova A. A., Khanakhmedova L. V. Some aspects of the relationship between the legal consciousness of the employees of the Federal Penitentiary Service of Russia and ensuring the rule of law in the activities of the penal system // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (65). P. 122-126.
7. Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=602183702&backlink=1&&nd=605523135> (date of access: 24.02.2025)
8. Official website of the Public Opinion Foundation. – URL : <https://fom.ru/TSennosti/15068> (date of access: 20.02.2025)
9. Official website of the Public Opinion Foundation. – URL : <https://fom.ru/TSennosti/15062> (date of access: 20.02.2025)
10. Official website. – URL: https://www.1tv.ru/news/2021-06-17/408317-vladimir_putin_poobshchalsya_s_vypusknikami_shkoly_gubernatorov (date of access: 28.02.2025)
11. Pronina K. Yu. Legal nihilism of civil servants in Russia: theoretical and legal aspect: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2023. 229 p.
12. Salnikov M. V., Prokofiev K. G., Morozov A. I., Borisenko O. M. Moral and legal values as the basis for the professional culture of civil service employees // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 234-242.
13. Selezneva E. V. Ideas of Russian civil servants about the value of public service / E. V. Selezneva // Public administration. Electronic Bulletin. 2023. No. 96. P. 88-103.
14. Serdyukov E.V. The essence of professionally significant qualities of civil service specialists // Bulletin of Donetsk National University. Ser. B: Humanities. 2018. No. 1. P. 159-165.

ПОНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ THE CONCEPT OF THE EFFECTIVENESS OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России.

Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.

E-mail: yutish@list.ru;

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Narva St., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.

E-mail: yutish@list.ru

Краткая аннотация. В статье проведен анализ деятельности исправительных учреждений и установления объективных ее показателей на предмет их эффективности в области исправления осужденных. По мнению авторов, без всесторонней и глубокой разработки этой проблемы нельзя правильно установить, насколько успешно исправительные учреждения выполняют поставленные перед ними задачи, проверить действенность отдельных институтов уголовно-исполнительного законодательства, положений пенитенциарной педагогики и психологии, организации труда осужденных, эффективности отдельных средств и приемов исправительного воздействия. В заключении сделан вывод, что при изучении эффективности деятельности ИУ исследуется организация процесса исправительного воздействия на осужденного, который не входит в содержание наказания и, следовательно, не является предметом его изучения.

Abstract. The article analyzes the activities of correctional institutions and establishes objective indicators for their effectiveness in the field of convict correction. According to the authors, without a comprehensive and in-depth study of this problem, it is impossible to correctly determine how successfully correctional institutions perform their tasks, to check the effectiveness of individual institutions of penal enforcement legislation, the provisions of penitentiary pedagogy and psychology, the organization of labor of convicts, the effectiveness of individual means and techniques of correctional treatment. In conclusion, it is concluded that when studying the effectiveness of the IU, the organization of the process of correctional influence on the convict is being investigated, which is not included in the content of the punishment and, therefore, is not the subject of its study.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, осужденные, эффективность, исправление, общая профилактика, индивидуальная профилактика, профилактика преступности.

Key words: penal enforcement system, correctional institutions, convicts, efficiency, correction, general prevention, individual prevention, crime prevention.

Для цитирования: Тищенко Ю.Ю. Понятие эффективности исправительных учреждений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 478-479. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_478.

For citation: // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 478-479. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_478.

Статья поступила в редакцию: 28.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

При изучении исправительных учреждений (далее – ИУ), организации исправления осужденных, правового регулирования исполнения лишения свободы важное теоретическое и практическое значение приобретает правильное, научно обоснованное определение эффективности деятельности этих учреждений, а также критериев оценки их работы. На наш взгляд, без всесторонней и глубокой разработки этой проблемы нельзя правильно установить, насколько успешно ИУ выполняют поставленные перед ними задачи, проверить действенность отдельных институтов уголовно-исполнительного законодательства, положений пенитенциарной педагогики и психологии, организации труда осужденных, эффективности отдельных средств и приемов исправительного воздействия. Для теории уголовного права разработка указанной проблемы дает возможность глубоко изучить эффективность такого вида наказания, как лишение свободы, отдельных его видов и сроков. Для практических работников ее решение поможет правильно оценивать результаты проделанной работы отдельными службами и должностными лицами ИУ. Таким образом, актуальность вопроса заключается в том, что без правильного понимания эффективности деятельности ИУ и установления объективных ее показателей нельзя организовать на научной основе исправление осужденных [2].

На сегодняшний день, термин «эффективность» широко применяется во многих сферах деятельности. В большинстве случаев, под эффективностью понимаются результативность, действенность, достижение поставленных задач. Вместе с тем в научной литературе можно встретить более развернутое определение эффективности. В его содержание включается не только достижение поставленных задач, но и выполнение их с минимальными затратами материальных средств, человеческой энергии и времени. Иными словами, необходимо не просто выполнить поставленные задачи, но и сделать это наиболее оптимальным способом. На наш взгляд, такое определение эффективности более полно и лаконично отражает суть понятия. В связи с этим возникает закономерный вопрос, можно ли указанные элементы включать в определение эффективности деятельности ИУ, т.е. правильно ли требовать, чтобы места лишения свободы не только выполняли поставленные перед ними задачи, но и делали это качественно, с наименьшими материальными затратами, а также энергии сотрудников этих учреждений.

Бесспорно, что выполнение ИУ своих задач свидетельствует об эффективности их деятельности. Но, очевидно, эти задачи могут быть достигнуты в отношении некоторых осужденных раньше, чем установлено для них в приговорах. Учитывая возможность более быстрого достижения исправления, законодательство предусматривает различные формы досрочного освобождения осужденных от наказания. Досрочное освобождение, под которым можно понимать досрочное исправление осужденного, свидетельствует о большой степени эффективности деятельности какого-либо конкретного ИУ по сравнению с другим местом лишения свободы, где исправление осужденных при прочих равных показателях было достигнуто за более длительные сроки [1, с. 113].

Государство заинтересовано в более быстром исправлении осужденных, возвращении их в общество полезными членами. С другой стороны, досрочное освобождение, или исправление, осужденных свидетельствует о более интенсивной, целеустремленной и творческой работе всего коллектива ИУ, чем, например, в другом учреждении такого же вида, в котором указанный показатель хуже.

Более сложен вопрос о том, допустимо ли в понятие эффективности деятельности ИУ включать материальные средства, затраченные для исправления осужденных и предупреждения с их стороны новых преступлений? К таким материальным затратам, в частности, относятся средства, которые идут на обучение и содержание сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, на создание производственных участков при ИУ, оснащение современным оборудованием, на организацию профессионального и общеобразовательного обучения осужденных, строительство и ремонт зданий и сооружений ИУ и т.п. При этом необходимо учитывать, что средств, выделяемых на организацию воспитательной работы с осужденными в ИУ, во многих случаях недостаточно. Прежде всего это относится к состоянию производственной базы, общежитий, школ и прочих объектов ИУ.

С экономической точки зрения, аксиомой является тот факт, что процесс производства материальных ценностей или действующая система управления предприятиями более эффективны, если при достижении высоких производственных показателей были сокращены затраты на содержание аппарата управления, сокращен брак и т.д.

В пенитенциарной педагогике, решать вопрос об эффективности или неэффективности системы исправления осужденных в зависимости от сумм средств, затраченных государством на достижение целей, нельзя, т.к. превращение бывшего преступника в полезного члена общества по своему моральному значению и последствиям не поддается денежной оценке. Предположим, что при равных показателях выполнения двумя ИУ одного и того же режима своих задач на организацию воспитания осужденных были затрачены различные средства, поскольку производственные участки работают по разным направлениям деятельности. Следовательно, по объему материальных средств, затраченных на исправление осужденных, нельзя судить об эффективности деятельности конкретного ИУ [4].

Об эффективности воспитательной работы также нельзя судить по количеству энергии и сил воспитательной службы, которые они затрачивают на воспитательные мероприятия. Воспитание – процесс творческий и сугубо индивидуальный как по объекту воздействия, так и по субъекту. Для одного начальника отряда достижение положительного эффекта требует больших сил и энергии, а для другого – меньших. В данном случае все зависит от социально-педагогической запущенности и степени испорченности осужденного, а также подготовки, опыта, способностей и педагогического мастерства начальника отряда.

Таким образом, можно сделать вывод, что под эффективностью деятельности ИУ понимается качественное выполнение поставленных перед ними задач в наиболее оптимальные сроки.

Эффективности деятельности ИУ следует отличать от близко соприкасающегося с ним понятия эффективности наказания в виде лишения свободы. И в том, и в другом случае объективный признак этих понятий – исправление осужденных, предупреждение с их стороны, так и со стороны других лиц новых преступлений, поскольку задачи ИУ совпадают с целями наказания. Однако сведения, подлежащие изучению для определения эффективности наказания в виде лишения свободы и эффективности деятельности ИУ, по своему характеру и объему во многом не совпадают друг с другом, так как механизм достижения целей наказания отличен от механизма достижения задачи ИУ.

Исследование эффективности наказания в виде лишения свободы предполагает изучение справедливости приговора и надлежащего его исполнения, а при исследовании эффективности деятельности ИУ справедливость вынесенного судом приговора резюмируется и изучается лишь надлежащая реализация наказания. Вместе с тем при изучении эффективности деятельности ИУ исследуется организация процесса исправительного воздействия на осужденного, который не входит в содержание наказания и, следовательно, не является предметом его изучения. Эту специфику необходимо учитывать при исследовании эффективности лишения свободы и деятельности ИУ.

Список литературы:

1. Аминов И.И. Юридическая психология / И. И. Аминов. - М., 2007. - 176 с. ISBN: 5-238-01131-8 EDN: QXPNJX
2. Афонченко Т.П. Сущность постпенального контроля за осужденными в контексте взаимосвязи с уголовной ответственностью // Развитие территорий. 2016. № 2 (5). С. 82-90.
3. Михлин А.С. Уголовно-исполнительное право России. Вопросы и ответы А.С. Михлин, А.С. Селиверстов, И.В. Шмаров. - М.: Юриспруденция, 1999. - 160 с.
4. Писарев И.А., Петренко А.А. Факторы, оказывающие влияние на состояние оперативной обстановки в исправительном учреждении // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2 (28). EDN: OQPTPT
5. Смирнов А.М., Бабаян С.Л., Егелский В.А. Практика осуществления надзора за осужденными в исправительных колониях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 5. EDN: STFUPR

References:

1. Aminov I.I. Legal psychology / I. I. Aminov, Moscow, 2007, 176 p. ISBN: 5-238-01131-8 EDN: QXPNJX
2. Afonchenko T.P. The essence of post-penal supervision of convicts in the context of the relationship with criminal responsibility // Territorial development. 2016. No. 2 (5). pp. 82-90.
3. Mikhlin A.S. Penal enforcement law of Russia. Questions and answers by A.S. Mikhlin, A.S. Seliverstov, I.V. Shmarov. - M.: Jurisprudence, 1999. - 160 p.
4. Pisarev I.A., Petrenko A.A. Factors influencing the state of the operational situation in a correctional facility // Bulletin of the Samara Law Institute. 2018. No. 2 (28). EDN: OQPTPT
5. Smirnov A.M., Babayan S.L., Tsegelsky V.A. The practice of supervision of convicts in correctional colonies // Penal enforcement system: law, economics, management. 2014. № 5. EDN: STFUPR

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_480

УДК 343.3

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ ПРАВА CYBERCRIME AND THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE DEVELOPMENT OF LAW

ВЛАСОВА Елена Львовна,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации.
ул. Лермонтова, 110, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

ДАВЫДОВА Марина Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин,
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
ул. Ивана Франко, 23А, г. Иркутск, Иркутская обл., 664074, Россия.
E-mail: davidovam@yandex.ru;

VLASOVA Elena Lvovna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
110 Lermontov St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.
E-mail: vlasovael1963@gmail.com;

DAVYDOVA Marina Vitalievna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of General Theoretical and State-Legal Disciplines,
East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
23A Ivan Franko St., Irkutsk, Irkutsk region, 664074, Russia.
E-mail: davidovam@yandex.ru

Краткая аннотация. В данной работе рассматривается растущая угроза киберпреступности в современном цифровом мире и её тесная связь с развитием искусственного интеллекта. Анализируются как возможности, которые ИИ предоставляет для совершения киберпреступлений, так и потенциал ИИ в борьбе с ними. Рассматриваются вопросы ответственности, а также правовые аспекты применения ИИ.

Abstract. This paper examines the growing threat of cybercrime in the modern digital world and its close connection with the development of artificial intelligence. It analyzes both the opportunities that AI provides for committing cybercrimes and the potential of AI in combating them. It considers issues of liability, as well as legal aspects of the use of AI.

Ключевые слова: киберпреступность, искусственный интеллект, право, правовое регулирование, информационная безопасность.

Keywords: cybercrime, artificial intelligence, law, legal regulation, information security.

Для цитирования: Власова Е.Л., Давыдова М.В. Киберпреступность и влияние искусственного интеллекта на развитие права // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 480-483. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_480.

For citation: Vlasova E.L., Davydova M.V. Cybercrime and the impact of artificial intelligence on the development of law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 480-483. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_480.

Статья поступила в редакцию: 01.04.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В век цифровых технологий все чаще говорят о киберпреступности, которая проявляется в различных аспектах жизни, от виртуальных краж и мошенничества до интернет-травли, кибермошинга, stalking, троллинга¹.

Киберпреступность – это преступная деятельность, связанная с использованием компьютеров, сетей или других цифровых технологий, которая представляет серьёзную угрозу для информационной безопасности государства и его экономического развития [4, с. 91].

Кроме того, преступные сообщества быстро реагируют и адаптируются к переходу в цифровой сектор, происходит постоянный процесс тестирования новых преступных схем и их масштабирование на большое количество потенциальных жертв. В таких условиях правоохранительные органы, законодательная база и инструменты информирования населения не всегда успевают за появлением новых способов мошенничества. Проблемы в материально-техническом обеспечении правоохранительных органов и недоукомплектованность профильными ИТ-специалистами, которые должны работать в тесной связке со следователями на сегодняшний день имеют системный характер и требуют комплексного подхода от лиц, принимающих решения, и в первую очередь в области правового обеспечения [8, с. 617].

Несмотря на то, что понятие «киберпреступность» встречается во многих правовых актах, тесно взаимосвязано с правом, единого понимания данного понятия нет.

Единым является только понимание, что киберпреступность – это общественно-опасное деяние, а далее разные нормативные акты

¹ Интернет-травля, кибермошинг, stalking, троллинг- виды кибербуллинга

относят к киберпреступности преступные деяния в сфере высоких технологий, преступления в области информационных технологий, компьютерные преступления [2, с. 55].

Например, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) в статьях 272, 273, 274 главы 28, установлена уголовная ответственность за противоправные деяния в отношении компьютерной информации.

Также в главе о преступлениях против собственности есть статьи с квалифицирующим признаком использования информационно-телекоммуникационных сетей¹.

Для регулирования отношений, связанных с Интернетом, используются нормы гражданского, административного и других отраслей права².

Немаловажную роль играет Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который регулирует отношения, возникающие при поиске, получении, передаче, производстве и распространении информации, применении информационных технологий и обеспечении защиты информации.

Понятие права и киберпреступность связаны через законодательство, которое предусматривает правила и стандарты поведения при использовании интернета, компьютеров и связанных с ними цифровых технологий.

Законодательство в области киберпреступности включает в себя материальное, процессуальное и превентивное право и находится на стыке нескольких научных дисциплин, в том числе уголовного, административного права, криминологии. Считаем, что киберпреступность также связана с правами человека, в частности с обеспечением права на неприкосновенность частной жизни. Поэтому так важно соблюдать баланс между борьбой с киберпреступностью и соблюдением прав человека.

Однако, отсутствие единого подхода к пониманию киберпреступности и проблемы правового регулирования в этой сфере приводят к трудностям в применении норм права и влияют на развитие законодательства, в том числе, на изменение законов о неприкосновенности частной жизни. С появлением социальных сетей, онлайн-банкинга и других форм цифрового общения люди стали меньше контролировать свою личную информацию. Это привело к увеличению потребности во внесении изменений в существующие законы о защите информации.

С появлением киберпреступности произошло изменение интерпретации законов судами. Суды учитывают такие факторы, как умысел при определении того, было ли совершено преступление, а также то, являются ли определённые действия преступным поведением в соответствии с существующими законами или необходимо создать новое законодательство для того, чтобы правосудие осуществлялось должным образом³.

Говоря о киберпреступности, нельзя обойти стороной искусственный интеллект (далее – ИИ), так как он играет двойную роль в современном киберпространстве [1, с. 2].

С одной стороны, киберпреступники используют алгоритмы машинного обучения и другие технологии ИИ для создания и запуска атак на информационные системы, который позволяет автоматизировать процессы, что увеличивает скорость и эффективность атаки.

С другой стороны, специалисты по кибербезопасности применяют ИИ для обнаружения и предотвращения киберугроз, используя, например, такие способы как анализ аномалий, системы предсказания угроз, автоматизация ответных мер и реагирование в режиме реального времени⁴.

Таким образом, искусственный интеллект выступает как инструмент создания киберугроз, так и их нейтрализации. В настоящее время правовое регулирование искусственного интеллекта основано на Указе Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года (далее Стратегия), а также Указе Президента РФ от 15.02.2024 №124, внесшим изменения в Указ 2019 г. и в Стратегию по вопросам руководства положениями стратегии при разработке и реализации отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти.

¹ Например, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ – кража, совершённая с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств; ст. 159.6 УК РФ – мошенничество в сфере компьютерной информации, связанное с хищением чужого имущества путём получения доступа к компьютерной системе и совершения определённых действий (ввода, удаления, блокирования модификации компьютерной информации либо иного вмешательства). Кроме того, использование информационно-телекоммуникационных сетей включено в качестве элемента объективной стороны основного состава таких преступлений, как «Незаконные организация и проведение азартных игр» (ст. 171.2 УК РФ), «Манипулирование рынком» (ст. 185.3 УК РФ), «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ).

² Например, статья 1260 ГК РФ – интернет-сайт считается составным произведением, и автору принадлежат авторские права на подбор или расположение материалов; Статья 1274 ГК РФ – устанавливает правила цитирования произведений в интернете: необходимо однозначно определять автора и источник заимствования. Статья 26.1 Закона РФ от 07.02.1992 №2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» устанавливает требования к интернет-магазину: он обязан предоставлять наименование товара, цену и условия оплаты, дату изготовления и другие сведения. Далее, глава 13 КоАП РФ – содержит статьи, которые регулируют административные правонарушения в области связи и информации. Некоторые из них: статья 13.13 – незаконная деятельность в области защиты информации; статья 13.14 – разглашение информации с ограниченным доступом; статья 13.18 – воспрепятствование уверенному приёму радио- и телепрограмм и работе сайтов в сети «Интернет»; статья 13.31 – неисполнение обязанностей организатором распространения информации в сети «Интернет»; статья 13.41 – нарушение порядка ограничения доступа к информации и её удаления провайдером хостинга или иным лицом, обеспечивающим размещение информации.

³ Примеры изменения интерпретации законов судами: Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 19 июля 2021 года по делу №2А-1730/2021. Суд разрешил вопросы, связанные с подсудностью дел об оспаривании кадастровой оценки земель, ссылаясь на «историческое толкование»; Постановление Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 года №13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции». В нём нашли отражение правовые позиции Конституционного Суда; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2015 года №17-П. Суд проанализировал варианты интерпретации части 3 статьи 71 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» относительно сроков охотхозяйственных соглашений, заключаемых без проведения аукциона. Конституционный Суд счёл необходимым скорректировать норму, чтобы обеспечить её правильное понимание и применение; Дело о продаже автомобилей с дефектами. Например, Нижегородский городской суд Республики Татарстан по делу №2-18/2022 вместо возврата автомобиля продавцу, о чём просил истец, обязал ответчика выплатить в пользу истца стоимость ремонта лакокрасочного покрытия автомобиля. Суд не учёл п. 38 Постановления Пленума ВС №17, в котором указано, что покупатель вправе требовать замены технически сложного товара либо отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы.

⁴ Например, анализ аномалий. ИИ анализирует поведение сети и пользователей, создавая базу «нормальных» действий. Это позволяет оперативно обнаруживать любые отклонения, такие как попытки несанкционированного доступа или распространения вредоносных программ; прогнозирование кибератак. Системы на основе ИИ могут анализировать исторические данные о кибератаках, выявлять закономерности и предсказывать возможные будущие атаки. Например, система Darktrace прогнозирует угрозы, основываясь на предыдущих атаках и сетевой активности, автоматизация реагирования на инциденты. Когда ИИ выявляет угрозу, он может сразу предпринять действия, такие как блокировка доступа, изоляция скомпрометированных систем или уведомление специалистов для дальнейшего анализа.

Ещё одним документом, который регулирует ИИ в России является Кодекс этики в сфере ИИ, который был принят 26 октября 2021 года. Кодекс установил общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере ИИ. Документ носит рекомендательный характер, присоединение к нему осуществляется на добровольной основе¹.

В Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года содержится следующее определение ИИ: «это комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека», что позволит, по мнению С.Х.Хасана «учитывать интересы всех групп населения, способствовать совершенствованию регламентации исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг, учитывая перспективы цифровизации государственного управления в целом и перевода административных процедур во всех сферах публичного управления в электронную форму» [7, с. 116].

Однако, при всех технологических преимуществах, искусственный интеллект не заменит человека, поскольку у него нет человеческого сознания и многих свойственных человеку качеств. Так, иногда у ИИ случаются «факапы», это, когда искусственный интеллект выдает ложный ответ за истинный, как итог, ИИ может принимать решения, которые ущемляют права определённых групп населения, отдельных личностей.

Например, в 2022 году из-за ошибки ИИ российских водителей праворульных машин автоматически штрафовали за не пристегнутый ремень². Таким образом, искусственный интеллект может способствовать правовой дискриминации.

Правовая дискриминация в контексте искусственного интеллекта – это принятие ошибочных решений в отношении конкретных лиц на основе алгоритмов, которые в процессе обучения могут научиться дискриминировать, например, по признакам пола, расы, национальности, вероисповедания [3, с. 140].

Кроме того, искусственный интеллект обладает способностью к самопознанию и самообучению, что предполагает непредсказуемость его развития и последующих действий. Были случаи, приведшие к гибели людей, при неправильной оценке ситуации ИИ, когда беспилотный автомобиль Tesla не смог правильно оценить ситуацию на дороге и попал в ДТП, что привело к смерти человека-оператора.

Исходя из чего, определить ИИ как самостоятельный субъект права не представляется возможным. Многие авторы, напротив, выделяют искусственный интеллект, как самостоятельный субъект права, который обладает способностью осознавать себя и создавать произведения искусства, а, следовательно, обладает всеми признаками для несения самостоятельной ответственности своих действий [5].

Бесспорно влияние искусственного интеллекта на развитие права, в частности ИИ способен быстро обрабатывать огромные массивы информации, выявлять ключевые термины и концепции, а также выделять важные части документа для дальнейшего рассмотрения заинтересованным лицом [4, с. 95].

Прежде чем начать полноценно использовать искусственный интеллект необходимо «найти баланс между учётом различных интересов и потребностей общества, чтобы обеспечить справедливость и защиту прав всех граждан» [6, с. 16], то есть, по меньшей мере, определиться с правовым статусом ИИ, а также по вопросам ответственности за причинение вреда с использованием систем ИИ.

В определении правового (юридического) статуса ИИ единства во мнениях нет. Некоторые исследователи приравнивают правосубъектность искусственного интеллекта к правосубъектности юридического лица. Считаем, что за решениями юридического лица всегда стоит отдельный человек, что указывает на фиктивную автономность такого лица. В связи с этим возникает проблема определения правового статуса ИИ, поскольку формально он обладает искусственным сознанием, но не является живым существом.

По нашему мнению, следствием наделения ИИ правосубъектностью, будет то, что ИИ будет иметь не только права, но и обязанности, а также способность нести ответственность за свои действия или бездействие.

Ключевым вопросом в этом случае становится перечень прав и обязанностей, видов и форм ответственности, которые должны быть закреплены за ИИ. Например, если на законодательном уровне будет признана способность искусственного интеллекта нести юридическую ответственность, то следующим логичным шагом будет закрепление за ним некоторых основных прав. Например, право на функционирование (защита от отключения), потребление электроэнергии, самообучение и т. д.

Также важным вопросом является ответственность за деятельность, связанную с применением ИИ. По существующей правовой конструкции её несёт лицо, владеющее искусственным интеллектом, в частности для обеспечения своей производственно-хозяйственной деятельности. При этом, цель наделения ИИ правосубъектностью заключается в том, чтобы позволить ему определённые правовые последствия своих действий и ощущать на себе воздействие этой правовой системы.

Считаем это недопустимым, так как в силу своей природы ИИ не может быть привлечён к ответственности, следовательно, под вопросом может оказываться способность ИИ реализовывать свои права, выполнять обязанности. ИИ не может в своей деятельности принимать решения, которые носят нравственный и субъективный характер. Таким образом, ИИ не может выступать субъектом права.

Концепция правового государства требует адаптации к новым технологиям, в частности к использованию ИИ, и учёта правовых и этических последствий его внедрения, а так как киберпреступность и ИИ взаимосвязаны считаем необходимым в первую очередь определить юри-

¹ По данным на декабрь 2024 года, к Кодексу этики в сфере искусственного интеллекта присоединились более 850 участников, включая ведущие ИТ-компании, банки, операторов связи, образовательные учреждения, государственные структуры и общественные организации. Среди международных участников также присутствуют более 40 зарубежных компаний

² Новости автотранспорта: в России стали штрафовать из-за правого руля. [Электронный ресурс]. URL: <https://auto.rambler.ru/news/48705074-novosti-avtomira-v-rossii-stali-shtrafovat-iz-za-pravogo-rulya/>

дический статус и роль в обществе электронных машин, которые обладают искусственным интеллектом и способны действовать самостоятельно, далее изменить правовое поле путем обеспечения прозрачности и объяснимости алгоритмов. Установить повышенный стандарт публичного контроля, включая обязательность сертификации деятельности ИИ в разных областях.

Список литературы:

1. Агафонова О. Б. Как искусственный интеллект влияет на кибербезопасность / О. Б. Агафонова // Молодой ученый. - 2024. - № 40 (539). - С. 1-4. EDN: PHGEFU
2. Арипшев А.М. Развитие киберпреступности в цифровом обществе / А.М. Арипшев // Журнал прикладных исследований. - 2023. - №5. - С. 53-57. DOI: 10.47576/2949-1878_2023_5_53 EDN: INYHNY
3. Войниканис Е.А. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов / Е.А. Войниканис, Е. В. Семенова, Г. С. Тюляев // Вестник ВГУ. - 2018. - №4 (35). - С. 137-148. EDN: YUMLNZ
4. Иванова А.П. Искусственный интеллект в сфере права и юридической практике: основные проблемы и перспективы развития / А.П. Иванова // Социальные и гуманитарные науки. - 2021. - №1. - С. 90-98. DOI: 10.31249/rgpravo/2021.01.09 EDN: ZEJZKU
5. Магаева Т.А. Искусственный интеллект: проблемы правового регулирования в Российской Федерации / Т.А. Магаева, А.В. Лошкарёв // StudNet. - 2020. - № 12. DOI: 10.24411/2658-4964-2020-10308 EDN: VNIWY
6. Фесик П.Ю. Публичный интерес как правовая категория / П.Ю. Фесик // Академический юридический журнал. - 2024. - Т. 25, № 1. - С. 14-22.
7. Хасан С.Х. Совершенствование регламентации исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг в контексте цифровизации государственного управления / С.Х. Хасан // Академический юридический журнал. - 2023. - Т. 24, № 1. - С. 116-125. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(1).116-125 EDN: QPSTGQ
8. Швыряев П.С. Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения / П.С. Швыряев // Уровень жизни населения регионов России. - 2023. - № 4. - С. 616-629. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_11_616_629 EDN: ZICJKA

References:

1. Agafonova O. B. How artificial intelligence affects cybersecurity / O. B. Agafonova // Young scientist. - 2024. - No. 40 (539). - P. 1-4.
2. Aripshv A. M. Development of cybercrime in the digital society / A. M. Aripshv // Journal of Applied Research. - 2023. - No. 5. - P. 53-57.
3. Voynikanis E. A. Artificial intelligence and law: challenges and opportunities of self-learning algorithms / E. A. Voynikanis, E. V. Semenova, G. S. Tyulyaev // Bulletin of Voronezh State University. - 2018. - No. 4 (35). - P. 137-148.
4. Ivanova A. P. Artificial intelligence in the field of law and legal practice: main problems and development prospects / A. P. Ivanova // Social and Humanitarian Sciences. - 2021. - No. 1. - P. 90-98.
5. Magayeva T.A. Artificial Intelligence: Problems of Legal Regulation in the Russian Federation / T.A. Magayeva, A.V. Loshkarev // StudNet. - 2020. - No. 12.
6. Fesik P.Yu. Public Interest as a Legal Category / P.Yu. Fesik // Academic Law Journal. - 2024. - Vol. 25, No. 1. - P. 14-22.
7. Hasan S.Kh. Improving the regulation of the performance of state functions and the provision of public services in the context of digitalization of public administration / S.Kh. Hasan // Academic Law Journal. - 2023. - Vol. 24, No. 1. - P. 116-125.
8. Shvyryaev P.S. The problem of cybercrime in Russia: current status and prospects for solution / P.S. Shvyryaev // Standard of living of the population of the regions of Russia. - 2023. - No. 4. - P. 616-629.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_484

УДК 343.9

АНАЛИЗ ПРИЧИН РОСТА ПРЕСТУПНОСТИ В ПОСТКОНФЛИКТНЫХ ОБЩЕСТВАХ ANALYSIS OF THE CAUSES OF CRIME GROWTH IN POST-CONFLICT SOCIETIES

КОРЯКИН Клим Дмитриевич,

доцент кафедры «Теория, история государства и права» юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, кандидат юридических наук.
677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58.
E-mail: jflaw@mail.ru;

ВАСИЛЬЕВ Кирсан Евгеньевич,

магистрант юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58.
E-mail: jflaw@mail.ru;

KORYAKIN Klim Dmitrievich,

Associate Professor, Department of Theory, History of State and Law, Faculty of Law
of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov, PhD (Law).
58 Belinsky St., Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: jflaw@mail.ru;

VASILIEV Kirsan Evgenievich,

Master's student of the Faculty of Law of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov.
58 Belinsky St., Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: jflaw@mail.ru

Краткая аннотация. Статья анализирует рост преступности в постконфликтных обществах, выявляя ключевые факторы, влияющие на криминогенную ситуацию после вооружённых конфликтов. Рассматриваются три группы причин: политические, экономические и социальные. Особое внимание уделено легитимации насилия, разрушению государственных институтов, экономическому неравенству и социальной напряжённости. Авторы приводят данные исследований, подтверждающих рост убийств, терроризма и организованной преступности в странах, переживших войны.

Abstract The article analyzes the increase in crime in post-conflict societies, identifying key factors influencing criminal activity after armed conflicts. The study focuses on three groups of causes: political, economic, and social. Special attention is given to the legitimization of violence, the collapse of state institutions, economic inequality, and social tension. The authors present research data confirming the rise of homicides, terrorism, and organized crime in countries that have experienced wars.

Ключевые слова: постконфликтное общество, преступность, насилие, терроризм, социальная напряжённость, экономическое неравенство.

Keywords: post-conflict society, crime, violence, terrorism, social tension, economic inequality.

Для цитирования: Корякин К.Д., Васильев К.Е. Анализ причин роста преступности в постконфликтных обществах // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 484-486. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_484.

For citation: Koryakin K.D., Vasiliev K.E. Analysis of the causes of crime growth in post-conflict societies // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 484-486. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_484.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В течение всей своей истории человечество переживало разные по масштабам конфликты начиная от локальных и заканчивая глобальными. И все они оставляли глубокий след на социальных, экономических и политических структурах государств. Любой конфликт имеет определенные стадии: 1) Возникновение конфликтной ситуации; 2) Эскалация конфликта; 3) Активный конфликт; 4) Разрешение конфликта; 5) Постконфликт. Интерес для изучения вызывает последняя стадия, ведь постконфликтный период часто сопровождается разрушением институтов правопорядка, социальной дезорганизацией и ослаблением механизмов контроля, что создает благоприятную среду для роста преступности.

Сложность проблемы заключается в её многогранности: в постконфликтных обществах переплетаются ослабление государственного аппарата, экономическая нестабильность, массовая миграция, социальное неравенство и психологические травмы в аспекте восприятии насилия в обществе, что требует комплексного подхода для анализа и устранения причин преступности. Актуальность исследования усилена тем, что рост преступности не только подрывает безопасность и стабильность в обществе и в отдельных странах, но и препятствует процессам восстановления и долгосрочного развития постконфликтных государств.

Кроме того, особую важность имеет понимание влияния легитимации насилия и милитаризации сознания на культуру общества, а также проблема реинтеграции ветеранов и других уязвимых групп. В условиях глобализации и взаимосвязи мировых сообществ нестабильность постконфликтных обществ может иметь серьезные международные последствия, что делает проблему роста преступности в этих условиях одной из ключевых в области мировой безопасности и развития.

Основными причинами роста преступности в постконфликтных обществах можно определить на три группы:

1) Политические причины.

В государствах участников или учувствовавших в военных действиях увеличивается насильственная преступность и терроризм.

Американские социологи Дэн Арчер и Розмари Гартнер провели исследование «Насильственные действия и жестокие времена: сравнительный подход к послевоенным убийствам» [1]. Авторы собрали и проанализировали данные о послевоенных убийствах в 110 странах за

период с начала XX века до 1970-х годов. Основное внимание уделяется сравнению показателей уровня убийств до войны, во время войны и в послевоенный период. Авторы специально рассматривают именно рост убийств, так как данное преступление считается наиболее хорошо регистрируемым преступлением в аспекте статистики.

Ключевым детерминантом роста убийств исследователи выявили легитимации насилия: война формирует в обществе культурные и социальные нормы, где насилие воспринимается как приемлемое средство для достижения целей. Это сильно влияет на психику человека в следствии которого снижаются барьеры к совершению убийств в послевоенном обществе.

Интересным выводом является, что рост убийств наблюдался в странах, которые понесли значительные потери в боевых действиях. Также, что победившие страны показывали больший рост уровня убийств по сравнению с проигравшими.

Критике подверглись некоторые теоретические модели, которые пытаются объяснить влияние войны на показатели различных правонарушений в военное и послевоенное время в обществе, как например модель социальной солидарности. Главной идеей данной теории считается, что военные конфликты повышают социальную солидарность, которое выражается в развитое коллективное сознание противоборства общей национальной проблеме и, как следствие снижают уровень преступности. Одним из сподвижника данной теории является социолог Уильям Самнер в своем труде «Народные обычаи» писал, что войны повышают дисциплину и силу закона [2]. Криминолог Херманн Мангейм в своем исследовании «Война и преступность» высказал суждение, что на «привычных преступников» влияют условия войны, «преступник, как и честный гражданин, находится под негативным влиянием от условий войны, они же обязывают каждого человека доставлять можно меньше хлопот обществу» [3]. Модель социальной солидарности предсказывает, что послевоенный уровень преступности должен, по прошествии временного кризиса сравняться с довоенным. Но на деле теория оказалось несостоятельной, поскольку убийства не возвращались к довоенному уровню, а наоборот, возрастали. Катарсическая модель, предполагавшая, что участие в войне, уменьшает уровень насилия в обществе, так как люди «выпускают пар» во время конфликта. Исходя из главного смысла данной гипотезы, после войны бывшие солдаты и общество в целом становятся менее агрессивными, поскольку они уже пережили экстремальные уровни насилия. Арчер и Гартнер опровергают катарсическую модель, поскольку их исследование показывает противоположную тенденцию – уровень убийств повышается после войн. Они объясняют это тем, что «война нормализует насилие, делая его социально приемлемым».

Дестабилизация государственных институтов в постконфликте приводит к ослаблению существующих регуляторов и инструментов контроля над общественным порядком порождает идеальную среду для роста ненависти и радикализации отдельных социальных групп, которое в большинстве случаев приводит к терроризму.

Крупнейшая в мире открытая база данных о террористической деятельности в мире Global Terrorism Database (GTD) позволяет анализировать тенденции взаимосвязи военных конфликтов и глобального терроризма. Например, после вторжения США в Ирак в 2003 году и свержения режима Саддама Хусейна по данным GTD, количество террористических атак значительно возросло в последующие годы. В 2004 году было зафиксировано около 2000 атак, а в 2007 году — более 4500. Далее гражданская война в Сирии шла с 2011 года и в это же время было зафиксировано около 100 атак, а в 2016 году — более 2000 [4]. Основной проблемой от терроризма является не только сами террористические акты, а в совокупности их влияние на преступность в государстве. Терроризм всегда связан с деньгами ведь для финансирования такой деятельности требуется огромные средства, а для этого группировки занимаются и другими преступными деяниями – кражи, заказные убийства, вымогательство, оборот наркотиков, контрабанда и т.д.

2) Экономические причины.

Еще Аристотель в своих трудах говорил, что «бедность – мать преступлений». После военных конфликтов государства-участники переживают чаще всего экономический кризис, массовая безработица, не хватает специалистов на местах, повышение инфляции, коррупция и в целом фиксируется упадок уровня жизни населения и увеличения неравенства.

Многие криминологи сходятся во мнении, что экономическое неравенство населения одна из основных причин роста уровня убийств. Организация объединенных наций провело глобальное исследование по данной тематике и определило, что «в странах, отличающихся высокой степенью имущественного расслоения, коэффициенты убийств почти в четыре раза превышают аналогичные показатели для стран с более равномерным распределением доходов» [5].

В Китае 2020 году было проведено исследование уже связи бедности и уровнем доходов с уровнем роста убийств в стране с 2014 по 2016 гг. Результаты показали, что именно бедность и низкий уровень доходов, а не неравенство доходов, положительно связаны с уровнем убийств. Таким образом, вместо «относительной депривации» именно «абсолютная депривация» в основном ответственна за насильственные преступления [6].

После военных конфликтов в странах часто наблюдается рост экономического неравенства, что отражается на индексе Джини [7]. Этот показатель измеряет степень неравенства в распределении доходов. После военных конфликтов (Руанда, Сирия, Ирак, бывшие страны Югославии) государства по данному индексу переживают значительный рост неравенства.

3) Социальные причины.

Преступность – это социальное явление, корни которого уходят в общественные процессы, культуру и уровень доверия между людьми. Из-за вооруженных конфликтов в государствах растет уровень социального неравенства. Уже существующий разрыв между богатыми и бедными слоями населения растет больше тем, следовательно, выше уровень зависти, обиды и ненависти. Люди из низших слоёв общества чаще ощущают «относительную депривацию», что может подталкивать их к криминалу.

Известный социолог Роберт Мертон выдвинул одну из самых известных теорий девиантного поведения человека - теория «социального напряжения». Она объясняет причины преступности и девиантного поведения через конфликт между социальными целями и возможностями их достижения. Главной идеей является, что общество навязывает людям культурные цели (например, богатство, успех, карьерный рост), но не все имеют равный доступ к законным способам их достижения (образование, хорошая работа). Когда человек не может добиться успеха легальными путями, он испытывает социальное напряжение (strain) и может выбрать альтернативные стратегии поведения – в том числе преступные.

Уже позднее группа исследователей выявила, что социальная напряженность оказывает наибольшее влияние на преступления, связанные с незаконным обогащением и употреблением наркотиков. Этот эффект становится ещё сильнее, если человек не воспринимает преступление как нечто негативное и заслуживающее наказания [8].

Также интерес вызывает теория «социального обучения» Рональда Акерса. Основным смыслом является, что люди усваивают поведение через наблюдение за окружающими и подражание им. В аспекте изучения преступности данная теория объясняет, почему люди становятся преступниками. Ведь на человека очень сильно влияет среда в котором он растёт, а в среде постконфликта с его сопутствующими негативными эффектами преступность переходит в «норму».

Криминальные модели поведения в таком обществе связаны с нормализацией насилия, из-за неэффективности государственных властей в разных аспектах жизнедеятельности общества которая позволяет криминальным группам как-бы «решать» насущные проблемы населения, также война разрушает правоохранительные структуры, а преступления часто остаются без наказания. Люди, видя, что криминалитет действует свободно, начинают воспринимать преступность как нормальную стратегию выживания в такой среде. После гражданской войны в Сьерра-Леоне бывшие «дети-солдаты» после войны (1991–2002) стали главными участниками организованных преступных групп. А в Ираке после американского вторжения полиция и армия были демонтированы, что привело к росту бандитизма и терроризма.

Данная теория показывает, что преступность – это не врождённое качество, а результат воспитания и окружения. Если общество, семья или друзья поддерживают негативные модели поведения, человек будет их копировать.

Сегодня наша страна переживает трудные времена, начавшаяся 24 февраля 2022 года «Специальная военная операция на Украине» изменила жизнь всей российской нации. Мы должны быть готовы к ряду серьёзных вызовов, и в первую очередь возможный рост преступности, что подтверждается примерами других стран, прошедших через крупные военные конфликты. Государственный аппарат должен быть готов к социальной адаптации ветеранов, распространению нелегального оружия, росту организованной преступности. История показывает, что война всегда оставляет долгосрочные последствия. Наше общество должно заранее подготовиться к возможным социальным и экономическим вызовам, чтобы минимизировать риски роста преступности, радикализации и социальной нестабильности после завершения конфликта.

Список литературы:

1. D.Archer, R.Gartner Violence and Crime in Cross-National Perspective // American Sociological Review. 1976. Т. 41, № 6. С. 937-963. DOI: 10.2307/2094796
2. Sumner, W. G. 1906 Folkways // A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores and Morals. Boston: Ginn. DOI: 10.2307/1412602
3. Mannheim, H. 1941 War and Crime. London: Watts.
4. Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (дата обращения: 12.02.2025 г.).
5. Глобальное исследование по проблеме убийств - 2011 / Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). - Вена, 2011. - 137 с. - URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Homicide/Globa_study_on_homicide_2011_web.pdf (дата обращения: 12.02.2025 г.).
6. Dong, B., Egger, P. H., & Guo, Y. (2020). Is poverty the mother of crime? Evidence from homicide rates in China. *PLoS one*, 15(5), e0233034. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7234816/> (дата обращения: 12.02.2025 г.). DOI: 10.1371/journal.pone.0233034 EDN: UYSSNZ
7. Robert Agnew, Francis T. Cullen, Velmer S. Burton Jr., T. David Evans & R. Gregory Dunaway (1996) A new test of classic strain theory, *Justice Quarterly*, 13:4, 681-704, DOI: 10.1080/07418829600093151

References:

1. D.Archer, R.Gartner Violence and Crime in Cross-National Perspective // American Sociological Review. 1976. Т. 41, № 6. С. 937–963. DOI: 10.2307/2094796.
2. Sumner, W. G. 1906 Folkways // A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores and Morals. Boston: Ginn
3. Mannheim, H. 1941 War and Crime. London: Watts.
4. Global Terrorism Database. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (дата обращения: 12.02.2025 г.).
5. Global Homicide Study 2011 / United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – Vienna, 2011. – 137 p. – URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Homicide/Globa_study_on_homicide_2011_web.pdf (date of application: 12.02.2025).
6. Dong, B., Egger, P. H., & Guo, Y. (2020). Is poverty the mother of crime? Evidence from homicide rates in China. *PLoS one*, 15(5), e0233034. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC7234816/> (дата обращения: 12.02.2025 г.).
7. Robert Agnew, Francis T. Cullen, Velmer S. Burton Jr., T. David Evans & R. Gregory Dunaway (1996) A new test of classic strain theory, *Justice Quarterly*, 13:4, 681-704, DOI: 10.1080/07418829600093151

РОЛЬ ЖЕРТВЫ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С БЕЗНАЛИЧНЫМИ РАСЧЕТАМИ THE ROLE OF THE VICTIM IN CRIMES INVOLVING CASHLESS PAYMENTS

ВОРОНИН Сергей Юрьевич,
аспирант, Московский государственный педагогический университет.
129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
E-mail: sergej.voronin.1986@bk.ru;
VORONIN Sergey Yurievich,
Postgraduate Student, Moscow State Pedagogical University.
4, 2nd Agricultural Passage, Moscow, 129226, Russia.
E-mail: sergej.voronin.1986@bk.ru

Краткая аннотация: в данной статье рассматривается мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий, с которым сталкиваются не только обычные пользователи, но и государственные органы, правопорядок, а также бизнес-структуры. Мошенники используют различные схемы и уловки, чтобы выманить деньги у доверчивых людей. Важно понимать, что большинство таких преступлений можно предотвратить, следуя нескольким простым рекомендациям.

Abstract: This article examines fraud using information and communication technologies, which is faced not only by ordinary users, but also by government agencies, law and order, as well as business structures. Scammers use various schemes and tricks to extort money from gullible people. It is important to understand that most of these crimes can be prevented by following a few simple guidelines.

Ключевые слова: цифровая трансформация финансовых услуг, роль мошенника и жертвы, мошенничество, принципы защиты от мошенничества, правопорядок.

Keywords: digital transformation of financial services, the role of fraudster and victim, fraud, principles of fraud protection, law and order.

Для цитирования: Воронин С.Ю. Роль жертвы в преступлениях с безналичными расчетами // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 487-489. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_487.

For citation: Voronin S.Yu. The role of the victim in crimes involving cashless payments // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 487-489. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_487.

Статья поступила в редакцию: 28.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В эпоху цифровой трансформации финансовых услуг преступления с использованием средств безналичных платежей становятся всё более изощрёнными и масштабными. Мошенники используют Интернет и другие цифровые средства для обмана и манипуляций с целью получения денег или личных данных, что наносит ущерб не только жертвам, но и всей экономике. Эти деяния подрывают финансовую безопасность государства и граждан, вызывая необходимость точного правового регулирования и практического реагирования. Так, по данным МВД России, в 2023 году было зарегистрировано свыше 670 000 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что составляет примерно каждое четвертое преступление в стране.

Под средствами платежей согласно п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» понимаются инструменты, позволяющие распоряжаться денежными средствами без использования наличных.

Преступления, совершаемые в сфере безналичных расчетов, включают широкий спектр противоправных деяний. В их числе мошенничество с платежными картами, хищение персональных данных, создание и эксплуатация фишинговых сайтов, кибератаки на банковские системы, а также неправомерное использование электронных кошельков и криптовалютных активов.

В рамках классификации преступлений в сфере безналичных расчетов выделяют следующие категории:

- Мошенничество с использованием платежных карт: хищение данных карт посредством скимминга, фишинговых атак или вредоносного программного обеспечения.

- Кибермошенничество: взлом личных кабинетов пользователей онлайн-банкинга, хищение средств с электронных кошельков и проведение несанкционированных транзакций.

- Социальная инженерия: получение конфиденциальной информации путем обмана, включая телефонное мошенничество, рассылку поддельных сообщений и создание фальшивых сайтов.

Современные мошенники всё чаще прибегают к методам социальной инженерии: убеждение, психологическое давление, игра на страхах и доверии. В результате жертва сама вводит данные карты или переводит деньги, не осознавая, что участвует в хищении.

С точки зрения уголовного права, потерпевший - не субъект преступления, но его поведение часто становится определяющим в совершении преступления. Например, при передаче кодов из SMS.

Возникает сложный вопрос: можно ли признать действия жертвы «неосторожностью» и снизить вину преступника? Судебная практика отвечает отрицательно: вина жертвы не исключает вины преступника, хотя может повлиять на размер причиненного ущерба.

В мошенничестве всегда участвуют две стороны: мошенники, которые используют различные схемы и уловки, и жертвы, которые становятся объектом манипуляций. Важно понимать, что часто жертвами мошенников становятся не только те, кто мало знаком с информационными технологиями, но и вполне осведомленные пользователи. Это происходит из-за доверчивости, неосторожности или даже паники в экстренных ситуациях.

Рассмотрим, какую роль играет жертва в мошенничестве и что нужно делать, чтобы максимально обезопасить себя от подобного рода преступлений.

Жертва мошенничества - это человек, который подвергся воздействию мошенников и потерял деньги, личные данные или иные ценности. Роль жертвы заключается в том, что она по разным причинам поддается манипуляциям или убеждениям мошенников.

Причины, по которым люди становятся жертвами мошенничества:

- Доверчивость и наивность. Мошенники часто используют доверчивость своих жертв. Например, они могут предложить заманчивые условия для работы или инвестиции в бизнес, обещая высокую доходность.
- Отсутствие знаний о безопасности в интернете. Люди, не осведомленные о существующих угрозах и методах мошенничества, более подвержены манипуляциям.
- Паника и стресс. В некоторых случаях мошенники пользуются эмоциональным состоянием жертвы. Например, под предлогом срочной финансовой помощи или угрозы безопасности они могут заставить человека перевести деньги.
- Желание сэкономить или получить выгоду. Например, в случае покупок на фальшивых интернет-магазинах, жертвы могут попасть в ловушку, потому что им предложили товар по заведомо низкой цене.

Типичные ошибки жертв мошенников:

- Необоснованная доверчивость. Человек верит тому, кто представляется официальным представителем компании или другом, не проверяя информацию.
- Игнорирование подозрительных признаков. Например, когда приходит письмо с неофициальным адресом отправителя, но жертва не обращает внимания на странности в адресе или стиле письма.
- Отсутствие проверки фактов. В погоне за выгодой люди могут не проверять, насколько реальны предложения, и быстро реагировать на подозрительные сообщения или звонки.

Основные принципы защиты от мошенничества

1. Будьте внимательны при получении сообщений и звонков

- Не доверяйте незнакомцам. Никогда не отправляйте деньги или личные данные людям, которые связались с вами через социальные сети, телефон или электронную почту, даже если они представляются знакомыми или сотрудниками известных компаний.
- Перепроверяйте информацию. Если вам пришло сообщение с просьбой перевести деньги или поделиться конфиденциальной информацией, перезвоните в компанию по официальному номеру или найдите контакты на официальном сайте, чтобы удостовериться в подлинности обращения.
- Не реагируйте на срочные запросы. Мошенники часто создают иллюзию срочности, чтобы вы приняли решение, не думая. Например, они могут угрожать блокировкой счета, если вы не переведете деньги, или же предложат «незамедлительное предложение» на что-то, что нужно оплатить прямо сейчас.

2. Проверьте источники и сайты

- Проверяйте URL сайта. При совершении покупок в интернете всегда убедитесь, что сайт защищен (адрес должен начинаться с «https://», а не с «http://») и имеет защищенное соединение.
- Пользуйтесь только проверенными и известными платформами. Покупки лучше совершать на известных торговых площадках, которые имеют хорошую репутацию и предлагают гарантии на товары.
- Не переходите по подозрительным ссылкам. Никогда не кликайте на ссылки в сообщениях, которые пришли от незнакомцев, особенно если это предложения от «официальных» организаций, требующие от вас совершить перевод.

3. Используйте дополнительные меры безопасности

- Двухфакторная аутентификация. Включите двухфакторную аутентификацию (2FA) для всех важных учетных записей (например, банковские аккаунты, электронные почты, социальные сети). Это дополнительная мера безопасности, которая требует ввести код, который приходит на ваш телефон, помимо пароля.
- Создавайте сложные пароли. Используйте уникальные пароли для каждого сайта, комбинируя буквы, цифры и специальные символы. Не используйте одинаковые пароли для разных аккаунтов.
- Используйте антивирусное ПО. Установите на своем устройстве антивирусную программу и регулярно обновляйте её. Это поможет предотвратить заражение вирусами и вредоносными программами, которые могут украсть ваши личные данные.

4. Проверяйте финансовые операции

- Не передавайте реквизиты банковских карт. Банковские учреждения никогда не запрашивают ваши данные через телефон, email или сообщения. Всегда обращайтесь в банк напрямую, чтобы подтвердить запрос.
- Контролируйте свои транзакции. Регулярно проверяйте банковские выписки и историю платежей. Если вы заметили подозрительные операции, сразу сообщите об этом в банк и заблокируйте карту.
- Используйте защищенные платежные системы. При оплате покупок в интернете всегда выбирайте проверенные и безопасные способы оплаты, такие как PayPal, Apple Pay или Google Pay, которые предлагают дополнительные меры безопасности.

Как действовать, если вы стали жертвой мошенников?

1. Немедленно сообщите в банк или платежную систему. Если вы перевели деньги мошеннику, свяжитесь с вашим банком или платежной системой и постарайтесь остановить транзакцию. В некоторых случаях возможно отменить или вернуть средства, если транзакция не была завершена.

2. Подавайте заявление в полицию. Если вы стали жертвой мошенничества, обязательно сообщите об этом в правоохранительные органы. Постарайтесь собрать все возможные доказательства (скриншоты переписки, историю платежей, адреса сайтов, номера телефонов).

3. Сообщите в сервисы или платформы. Если мошенничество произошло через платформу (например, через онлайн-магазин, соцсети или мессенджер), сообщите администрации ресурса о нарушении. Это поможет предотвратить дальнейшие случаи обмана.

Кроме того, комплексная борьба с преступлениями в сфере безналичных расчетов должна включать следующие направления:

- Совершенствование нормативно-правовой базы: разработка новых законодательных актов, регулирующих вопросы цифровой идентификации, защиты персональных данных и безопасного использования платежных средств.

- Внедрение инновационных технологий защиты: использование многофакторной аутентификации, биометрических методов идентификации, искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа транзакционной активности и предотвращения мошенничества.

- Повышение цифровой грамотности населения: реализация образовательных программ, направленных на информирование граждан о методах защиты при использовании электронных платежных систем. Так, необходимо соблюдать следующие рекомендации:

- Международное сотрудничество: развитие взаимодействия с международными организациями и правоохранительными органами других государств для обмена информацией о трансграничных киберугрозах и координации совместных мер противодействия.

Таким образом, защита от мошенников в информационно-коммуникационных сетях - это важный аспект личной безопасности в цифровом мире. Мошенники могут использовать множество схем, чтобы заставить нас довериться им или сделать поспешные действия. Наиболее уязвимыми остаются граждане, слабо защищенные в цифровом пространстве, а преступники всё активнее используют технологии и психологию. Однако, зная основные принципы безопасности и внимательно следуя рекомендациям, можно минимизировать риски и защитить себя от обмана. Важно быть бдительным, проверять информацию и не торопиться с решениями, особенно когда речь идет о деньгах.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ "О национальной платежной системе" // "Собрание законодательства РФ", 04.07.2011, № 27, ст. 3872.
2. Состояние преступности // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 27.03.2025).
3. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб.: Юрид. центр "Пресс", 2007. 765 с. ISBN: 978-5-94201-532-9 EDN: QXLFEP
4. Олифер В.Г. Компьютерные сети. Принципы, технологии, протоколы: Учебник для вузов / В.Г. Олифер, Н.А. Олифер. СПб.: Питер, 2010. 944 с. ISBN: 978-5-498-07389-7 EDN: QMUUOR
5. Рудакова О.С. Банковские электронные услуги: Учеб. пособие. М.: Вузовский учебник, 2009. 398 с. ISBN: 978-5-9558-0100-1 EDN: QTAHVL
6. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. М.: Контракт, 2017. 384 с.
7. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа / П.С. Яни // Законность. 2019. № 6 (1016). С. 39 - 43. EDN: FERBYR

References:

1. Federal Law No. 161-FZ dated 27.06.2011 "On the National Payment System" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 04.07.2011, No. 27, art. 3872.
2. The state of crime // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (date of reference: 03/27/2025).
3. Volzhenkin B.V. Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia. St. Petersburg: Legal Center "Press", 2007. 765 p. ISBN: 978-5-94201-532-9 EDN: QXLFEP
4. Olifer V.G. Computer networks. Principles, technologies, protocols: A textbook for universities / V.G. Olifer, N.A. Olifer. St. Petersburg: Peter, 2010. 944 p. ISBN: 978-5-498-07389-7 EDN: QMUUOR
5. Rudakova O.S. Electronic banking services: Textbook. Moscow: University textbook, 2009. 398 p. ISBN: 978-5-9558-0100-1 EDN: QTAHVL
6. Criminal law of Russia. General and Special parts: Textbook / Edited by Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. Moscow: Kontrakt, 2017. 384 p.
7. Yani P.S. Fraud using electronic means of payment / P.S. Yani // Legality. 2019. No. 6 (1016). pp. 39-43. EDN: FERBYR

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_490

УДК 343.2/.7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ CRIMES RELATED TO STATE CRIMES IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES OF THE ROMANO-GERMAN LEGAL SYSTEM: QUALIFICATION PROBLEMS

КРАСНОВ Артур Александрович,кандидат юридических наук, старший лейтенант полиции, преподаватель кафедры уголовного права Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации.
350005, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

E-mail: alexey771977@mail.ru;

ВАСИЛЬЕВ Алексей Михайлович,

профессор кафедры, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, г. Краснодар, адвокат.

350000, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар.

E-mail: alexey771977@mail.ru;

KRASNOV A.A.,PhD in Law, Senior Police Lieutenant, Lecturer at the Department of Criminal Law Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
128 Yaroslavskaya Street, Krasnodar, 350005, Russia, Krasnodar Territory.

E-mail: alexey771977@mail.ru;

VASILIEV A.M.,

Professor of the Department, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Krasnodar, lawyer.

350000, Russia, Krasnodar territory, Krasnodar.

E-mail: alexey771977@mail.ru

Краткая аннотация: Преступления против государства, рассмотренные в уголовном законодательстве зарубежных стран романо-германской правовой системы, поднимают ряд сложных вопросов, касающихся их квалификации и последующего рассмотрения. Часто возникают проблемы с определением конкретных составов преступлений, а также их наказуемости и последствий для обвиняемых и подсудимых. Тем не менее, проведение анализа практики судебного преследования данных преступлений позволяет выработать методы и механизмы выхода из подобных юридических трудностей, что и проделал автор данного исследования.

Abstract: Crimes against the state, considered in the criminal legislation of foreign countries of the Romano-German legal system, raise a number of complex issues concerning their qualification and subsequent consideration. There are often problems with defining specific types of crimes, as well as their punishability and consequences for the accused and defendants. Nevertheless, conducting an analysis of the practice of prosecuting these crimes allows us to develop methods and mechanisms for overcoming such legal difficulties, which the author of this study has done.

Ключевые слова: преступление; государство; Римское право; источники права; правовая семья; категория преступлений; декриминализация составов.

Keywords: crime; state; Roman law; sources of law; legal family; category of crimes; decriminalization of compounds.

Для цитирования: Краснов А.А., Васильев А.М. Преступления, относящиеся к государственным в уголовном законодательстве зарубежных стран романо-германской правовой системы: проблемы квалификации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 490-492. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_490.

For citation: Krasnov A.A., Vasiliev A.M. Crimes related to state crimes in the criminal legislation of foreign countries of the Romano-German legal system: qualification problems // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 490-492. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_490.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Романо-германскую правовую семью составляют правовые системы, создание которых обусловлено использованием наследия Римского права и которые объединены единством структуры и источников права, а также имеют сходный понятийно-юридический аппарат. Уголовный кодекс Франции регулирует государственные преступления отдельной главой. Новая версия содержит раздел о рассматриваемой категории преступлений, число которых гораздо больше, чем в предыдущей версии. Ряд старых составов декриминализован, и появились новые преступления этой категории. Первостепенное значение в рассматриваемой категории преступлений имеет понятие измены. Это как любая деятельность, которая посягает на государственную безопасность и подрывает строй государства [1]. Противоправный состав рассматривает шпионаж, имеющий идентичную дефиницию, но сопровождающийся квалифицирующим признаком - иностранным гражданством преступника. Это означает, что шпионаж совершается нерезидентами страны. Эти два состава считаются оконченными на стадии подготовки, а ответственность соучастников и исполнителя равна. Отягчает ответственность по этим двум составам квалифицирующий признак как совершение преступления должностными лицами.

Допустим уголовное законодательство Японии представлено Уголовным кодексом 1907 года, который вступил в силу в 1908 году и действует в реалиях сегодняшних дней с определенными изменениями и дополнениями. Уголовное законодательство Японии представляет собой редкое явление и сочетает элементы общего и континентального права в сравнении с другими развитыми странами [2]. Уголовный кодекс

олицетворяет модель романо-германской правовой системы, но специальные уголовные законы представляют собой примеры англосаксонского влияния. Кодекс дифференцирован на две части общие положения и преступления. Вторая часть составит из 40 глав. При этом нет главы, посвященной преступлениям против правосудия. Статьей 194 рассматриваемого кодекса предусмотрена ответственность за заключение под стражу или задержание в результате злоупотребления собственными должностными обязанностями со стороны особо публичного должностного лица. Если суд, прокурор, полицейский и лица, осуществляющие эти полномочия в статусе помощника, злоупотребили присвоенной должностью и совершили задержание и удерживали под стражей без надлежащих на то оснований, такие дела влекут лишения свободы и принудительный физический труд во временном интервале от полугода до 10 лет [3].

В специальной части Уголовного кодекса Германии первый раздел посвящен преступлениям против интересов государства. Преступные деяния данной категории подразделяются на несколько групп, а именно: измена миру; государственная измена; угрозы демократическому государству; измена Родине и угроза внешней безопасности; преступления против иностранных государств; противоправные действия в отношении конституционных органов, выборов, голосования; преступления, направленные на оборону страны; а также сопротивление государственной власти.

Уголовное законодательство Италии, основным регуляторным документом которого является Уголовный кодекс, возникло под воздействием фашистской идеологии, что отчетливо видно. После Второй Мировой войны эта часть кодекса значительно изменилась, однако некоторые статьи остались, свидетельствуя о сильном влиянии фашизма [4]. К примеру, статья 269 наказывает за антинациональную деятельность за границей, а статья 271 определяет ответственность национальных объединений за нарушение конституционных прав. Статьи 273 и 274 касаются уголовной ответственности за незаконное создание международных объединений. В 2006 году в кодекс были внесены поправки, смягчающие наказание за ряд государственных преступлений. Например, статья 241 уменьшила наказание за угрозу целостности государства, а статья 292 сократила сроки лишения свободы за надругательство над государственной символикой. Уголовный кодекс Италии не имеет обобщенной статьи о государственной измене, поскольку преступные действия описаны в отдельных формах [5].

Действия, описанные в законодательных статьях, имеют достаточно широкое толкование в реальной практике. Это объясняется тем, что не требуется доказывание факта нанесения реального ущерба или наличия умысла на его причинение. Следовательно, законодатель проявляет внимание к халатным действиям, ненадлежащему выполнению служебных обязанностей и даже неосторожному поведению. Статья 265 Уголовного кодекса устанавливает ответственность за распространение ложной информации в период военных действий, если такая информация вызывает общественную тревогу или иным образом наносит вред нации и обществу. Для случаев с квалифицирующими признаками, такими как пропаганда и сообщения для военнослужащих, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти лет. Если преступления совершаются по указанию нерезидентов страны, минимальный срок увеличивается до 15 лет. В случаях, связанных с выполнением задач противника, возможно назначение пожизненного заключения. Также статья 269 кодекса предполагает тюремное наказание от пяти лет за антинациональную деятельность граждан за границей.

Изучим ответственность за государственную измену и шпионаж в правовых системах Австрии и Лихтенштейна. Несмотря на отличие в размере территорий, формах правления, судебных системах и других характеристиках, уголовное законодательство этих стран основывается на общих принципах. Сравнение уголовных кодексов показывает, что большинство глав и статей совпадают. Мы можем заметить не только сходство в построении составов преступлений, касающихся государственной измены и шпионажа, но и полное совпадение текстов законов, включая определения, формулировки и санкции. Статьи, касающиеся этого вида преступлений, имеют одинаковую нумерацию: например, § 242 в обоих кодексах охватывает государственную измену, а § 252 устанавливает ответственность [6] за преднамеренное раскрытие государственной тайны и т.д. Таким образом, выявляются значительные параллели в уголовном праве двух стран.

Анализируя причины этого явления, многие правоведы обоснованно утверждают, что Уголовный кодекс Лихтенштейна основан на австрийском уголовном кодексе от 23 января 1974 года. При этом, как она отмечает, «содержание уголовного кодекса Лихтенштейна, за некоторыми исключениями, представляет собой дословную копию австрийского УК». Бергер Э. также указывает, что «в данном контексте, с оговорками, можно рассматривать уголовный кодекс Лихтенштейна как результат заимствования австрийского УК, что стало фактом, не подлежащим сомнению».

В обеих юрисдикциях государственная измена обозначается термином Hochverrat (что в переводе с немецкого осуществляется как высокая измена), что можно интерпретировать как измену государству или Родине. Для единообразия в уголовно-правовой терминологии целесообразно продолжать использовать термин «государственная измена» (как в ст. 275 УК РФ).

В Австрийском уголовном кодексе статья 242, государственная измена трактуется как применение насилия или угроза его применения с целью изменения Конституции Австрийской Республики или отделения территории. Аналогично, в статье 242 УК Лихтенштейна, это также понимается через призму насилия или угрозы его применения с намерением изменить Конституцию княжества или отделить территорию.

Согласно мнению Серебrenниковой А. В., [7] в Уголовном кодексе Лихтенштейна под государственной изменой понимается не атака на правителя, что является привычным для монархических систем, а отделение части территории княжества или насильственное изменение Конституции с угрозой применения силы (абз. 1 § 242).

Таким образом, между данными нормативными актами существует одно основное отличие. В то время как Австрия функционирует как федерация, Лихтенштейн проявляет черты унитарного государства. Австрийский законодатель включает в понятие государственной измены попытки изменить не только Конституцию страны, но и конституции ее федеральных земель. Лихтенштейн, не имея отдельных конституций для

земель, рассматривает государственную измену как насильственные действия, направленные на изменения «общегосударственного» конституционного порядка.

В обеих юрисдикциях шпионаж обозначается термином *Landesverrat* (дословно «измена земле»), что может обозначать шпионаж или разглашение государственной тайны. Для единообразия в уголовно-правовой терминологии целесообразно использовать термин «шпионаж» [8].

В уголовном праве Австрии и Лихтенштейна шпионаж не представляет собой отдельный вид преступления, а является частью системы деяний, подлежащих уголовному наказанию. Глава 16 Уголовного кодекса Австрии и аналогичная глава в Уголовном кодексе Лихтенштейна посвящены теме «Шпионажа». Это подразумевает, что любые преступные действия, описанные в этих главах, рассматриваются как формы шпионажа.

В законодательстве и доктрине данных стран отсутствует четкое определение термина «шпионаж», что позволяет сформулировать его описательно. В этих юрисдикциях шпионаж включает в себя преднамеренное раскрытие, передачу или выведывание государственной тайны, а также осуществление *clandestine* разведывательных действий, наносящих ущерб государству, а также подделку и уничтожение улик в шпионских целях.

Стоит отметить, что законодательные нормы о государственной измене и шпионаже в этих странах остаются неизменными. В Австрии изменения в соответствующие статьи Уголовного кодекса не вносились более 15 лет, а в Лихтенштейне они не менялись с момента принятия [9].

Исходя из вышеизложенного, можно заметить, что в уголовном законодательстве Австрии и Лихтенштейна акцент на криминализации определенных деяний оправдан не столько стремлением к наказанию виновных, сколько желанием предотвратить подобные преступления, что в свою очередь выполняет профилактическую и сдерживающую роли. Более того, присутствие таких составов в уголовном праве является частью исторической традиции во многих странах мира, включая Австрию и Лихтенштейн.

Список литературы:

1. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018. Т. 9. № 2 (32). С. 761-766. DOI: 10.14505/jarle.v9i2(32).38 EDN: CTWHKM
2. Бердников Д. А., Васильев А. М. Уголовный проступок и целесообразность его введения в уголовное законодательство РФ // *Современный ученый*. 2020. № 3. С. 250-253. EDN: WNWDTN
3. Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. The role of social memory in reconstruction of the historical past. social memory and historical past // *Astra Salvensis*. 2018. Т. 6. № 12. С. 67-72. EDN: STDNJM
4. Васильев А. М., Скаян С. М. Профессиональные навыки лиц, совершающих преступления // *Юридическая наука*. 2019. № 7. С. 55-58. EDN: EQAPUV
5. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2020. Т. 11. № 1. С. 187-195. DOI: 10.14505/jarle.v11.1(47).22 EDN: XQBFBI
6. Адельшина К. Д., Васильев А. М. Дифференциация общественной опасности по категориям // *Тенденции развития науки и образования*. 2023. № 98-3. С. 23-26. DOI: 10.18411/trnio-06-2023-127 EDN: JXMOFA
7. Серебренникова А. В. Уголовное право Германии: учебное пособие для вузов / А. В. Серебренникова. - Москва: Издательство Юрайт, 2020. - 124 с. - (Высшее образование). // ЭБС Юрайт [сайт]. - URL: <https://urait.ru/bcode/451386> (дата обращения: 27.01.2025). ISBN: 978-5-534-10123-2 EDN: GZHRCT
8. Крылова Н. Е. Уголовное право Франции: учебное пособие для вузов / Н. Е. Крылова. - Москва: Издательство Юрайт, 2020. - 159 с. - (Высшее образование). // ЭБС Юрайт [сайт]. - URL: <https://urait.ru/bcode/451385> (дата обращения: 26.01.2025). ISBN: 978-5-9916-8871-0 EDN: ZMNUBD
9. Васильев А. М., Жиглова М. А. Современные тенденции развития уголовно-правовой политики в Российской Федерации // В сборнике: Социально-экономические процессы современного общества. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Гл. редактор Э. В. Фомин. Чебоксары, 2023. С. 198-201. EDN: KAXRXX

References:

1. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2018. Vol. 9. No. 2 (32). pp. 761-766. DOI: 10.14505/jarle.v9i2(32).38 EDN: CTWHKM
2. Berdnikov D. A., Vasiliev A.M. Criminal misconduct and the expediency of its introduction into the criminal legislation of the Russian Federation // *Modern scientist*. 2020. No. 3. pp. 250-253. EDN: WNWDTN
3. Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. The role of social memory in the reconstruction of the historical past. social memory and historical past // *Astra Salvensis*. 2018. Vol. 6. No. 12. pp. 67-72. EDN: STDNJM
4. Vasiliev A.M., Skayan S.M. Professional skills of persons committing crimes // *Legal science*. 2019. No. 7. pp. 55-58. EDN: EQAPUV
5. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the Russian educational system // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2020. Vol. 11. No. 1. pp. 187-195. DOI: 10.14505/jarle.v11.1(47).22 EDN: XQBFBI
6. Adelshina K.D., Vasiliev A.M. Differentiation of public danger by categories // *Trends in the development of science and education*. 2023. No. 98-3. pp. 23-26. DOI: 10.18411/trnio-06-2023-127 EDN: JXMOFA
7. Serebrennikova A.V. German criminal law: a textbook for universities / A.V. Serebrennikova. Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 124 p. (Higher education). // EBS Yurite [website]. - URL: <https://urait.ru/bcode/451386> (date of request: 01/27/2025). ISBN: 978-5-534-10123-2 EDN: GZHRCT
8. Krylova N. E. French criminal law: a textbook for universities / N. E. Krylova. - Moscow: Yurait Publishing House, 2020. - 159 p. - (Higher education) // EBS Yurait [website]. - URL: <https://urait.ru/bcode/451385> (date of request: 01/26/2025). ISBN: 978-5-9916-8871-0 EDN: ZMNUBD
9. Vasiliev A.M., Zhiglova M.A. Modern trends in the development of criminal law policy in the Russian Federation // In the collection: Socio-economic processes of modern society. Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Editor-in-chief E. V. Fomin. Cheboksary, 2023. pp. 198-201. EDN: KAXRXX

ВАНДАЛИЗМ КАК ПРЕДМЕТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ VANDALISM AS A SUBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH: SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

КОТЕЛЬНИКОВА Оксана Александровна,

доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова,
кандидат юридических наук.

690088, Россия, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21.
E-mail: 2672021@mail.ru;

МИЛЕЖИК Алексей Викторович,

начальник кафедры гуманитарных дисциплин
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова,
кандидат исторических наук.

690088, Россия, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21.
E-mail: avmilezhik@yandex.ru;

ЗАГОРЬЯН Сергей Георгиевич,

доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирский институт МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. ул. Лермонтова, 110.

E-mail: zagoryan_sg@mail.ru;

KOTELNIKOVA Oksana Aleksandrovna,

associate professor of the department of humanitarian disciplines Vladivostok branch
of the Far Eastern Legal Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after I.F. Shilov,
candidate of law.

21 Kotelnikova St., Vladivostok, Russia, 690088.

E-mail: 2672021@mail.ru;

MILEZHNIK Aleksey Viktorovich,

head of the department of humanitarian disciplines
Vladivostok branch of the Far Eastern Legal Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs named after I.F. Shilov
candidate of historical sciences.

21 Kotelnikova St., Vladivostok, Russia, 690088.

E-mail: avmilezhik@yandex.ru;

ZAGORYAN Sergey Georgievich,

associate professor of the department of criminal procedure
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, associate professor.
664074, Russia, Irkutsk, 110 Lermontova str.

E-mail: zagoryan_sg@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена изучению вандализма как социально негативного явления. Подчеркивается, что для более глубокого понимания сущности этого противоправного деяния необходимо учитывать совокупность его социально-психологических аспектов. В работе акцентируется внимание на важности познания мотивационно-поведенческого комплекса, включающего свойства эмоционально-волевой сферы личности. Основываясь на результатах исследования, авторы представляют анализ основных мотивов вандализма.

Abstract: The article is devoted to the study of vandalism as a socially negative phenomenon. It is emphasised that for a deeper understanding of the essence of this unlawful act it is necessary to take into account the totality of its social and psychological aspects. The paper focuses on the importance of cognition of motivational-behavioural complex, including the properties of the emotional and volitional sphere of an individual. Based on the results of the study, the authors present an analysis of the main motives of vandalism.

Ключевые слова: вандализм, вандальные проявления, эмоционально-волевая сфера, мотивы, социально-негативные признаки вандализма, граффити.

Key words: vandalism, personality of a vandal, emotional-volitional sphere, motives, socially negative signs of vandalism, graffiti.

Для цитирования: Котельникова О.А., Милежик А.В., Загорьян С.Г. Вандализм как предмет криминологического исследования: социальные и психологические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 493-497. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_493.

For citation: Kotelnikova O.A., Milezhnik A.V., Zagoryan S.G. Vandalism as a subject of criminological research: social and psychological aspects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 493-497. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_493.

Статья поступила в редакцию: 03.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В настоящее время защита исторических и культурных памятников, сохранение целостности архитектурных сооружений, общественного транспорта и других элементов инфраструктуры от вандальных посягательств является одной из приоритетных и актуальных направлений государственной политики Российской Федерации.

Общественная опасность таких деяний заключается в том, что они наносят вред социуму, его идеологическим и культурным ценностям, а также причиняют вред имуществу, подрывая экономику страны.

Безусловно, проблеме вандализма уделяется пристальное внимание со стороны общества и государства. Так, в рамках реализации основных направлений противодействия вандальным проявлениям на законодательном уровне установлена не только административная, но и уголовная ответственности. Однако, не смотря на существующие меры, до настоящего момента, остается ряд не решенных вопросов, которые требуют более дательного научного исследования. В частности, не в полной мере, данный вопрос изучается с позиции криминологии.

Нами, на основании анализа различных источников и соответствующей литературы, было установлено, что данное явление вызывает исключительно научный интерес. Тогда как, в большинстве фундаментальных исследованиях ведущих ученых-криминологов проблема вандализма не поднимается. Более того, его изучению в рамках диссертационных исследований были посвящены единичные работы, при этом, в основном, они касались уголовно-правовых аспектов. Вместе с тем, именно комплексное познание вандализма с позиции криминологии позволит всесторонне раскрыть его особенности, и, в первую очередь, выявить не только его причины и условия, но и механизм индивидуального преступного поведения (мотивационно-поведенческого комплекса).

Впервые вандализм, как преступное деяние, был регламентирован Уголовным Кодексом Российской Федерации принятом в 1996 году, введением соответствующей нормы – статьи 214 УК РФ. Однако ранее, в УК РСФСР 1960 г., в частности, ст. 143 («Нарушение свободы совести и вероисповедания») устанавливалась уголовная ответственность за разрушение или повреждение культовых зданий, сооружений, иных предметов мировоззренческой символики, памятников, захоронений, нанесения на них оскорбительных надписей и изображений. Таким образом, в кодексе 1960 года были предприняты первые нормативные предпосылки запрета вандальных деяний в отношении особо охраняемых законом объектов.

В настоящее время, под вандализмом понимается – осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, а равно данные деяния, совершенные группой лиц, а также по мотиву идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти, либо вражды (ст. 214 УК РФ).

Несмотря на то, что законодательно закрепляется понятие вандализма, однако оно раскрывает только совокупность тех признаков, которые отражают внешнее проявление данного преступного посягательства (объективная сторона). В то время как вандальные акты, в зависимости от конкретных обстоятельств или мотивов, могут охватываться признаками иных составов, в частности, таких как – ст.ст. 141, 243, 280 УК РФ, а также нормами административного законодательства.

Из этого следует, что вандализм многогранен и понимание всех его аспектов не может ограничиваться рамками уголовно-правовой нормы, а должен рассматриваться как социально-негативное явление в широком смысле [1]. При этом, важность исследования вандализма как феномена обусловлена тем, что он является предметом изучения не только юридических, но и гуманитарных наук. Различные грани его проблематики находят отражение в научных работах философов, социологов и психологов. Несмотря на то, что большинство ученых в данных областях знаний имеют различные взгляды на сущность вандализма, условно их можно разделить на две позиции.

В частности, ряд ученых акцентируют особое внимание на его социальной природе, имеющей негативные последствия для всего общества. В таком аспекте, вандализм рассматривается как социальный негативный феномен, свидетельствующий об отрицании своих национальных корней, падении моральных и нравственных ценностей, деформации сознания общества – своего рода социальная патология [2, с. 32; 3, с. 50]. А.С. Скороходова высказывает мнение о том, что некоторые виды вандализма (например, порча культурных символов, надписи, содержащие агрессивные высказывания, в частности, в адрес отдельных национальных групп) могут провоцировать социальные конфликты [4, с. 60].

Другие авторы, исследуя проблему детерминации вандальных деяний, указывают на наличие значимых индивидуально-психологических особенностях лиц, их совершающих. Как подчеркивают исследователи, особое эмоциональное состояние такой личности выступает в качестве механизма индивидуального преступного поведения и мотивируют его на причинение вреда [5, с. 31]. По мнению Х.К. Алиева, вандализм относится к так называемым агрессивным преступлениям, то есть представляют собой умышленные действия лица, мотивированные враждой и ненавистью к людям, обществу и государству [6, с. 128]. И.Я. Козаченко утверждает, что «...по своему кажущемуся бессмыслию вандализм близок по духу с хулиганством, однако их различает одно очень важное обстоятельство – хулиган ненавидит общество; вандал – цивилизацию» [7, с. 503].

Таким образом, глубинное понимание сущности вандализма базируется на совокупности социальных и психологических его аспектах. В тоже время, представляется, что ядром данного феномена является его психологическая сторона, познать которую возможно только через анализ вандального поведения. Именно всестороннее изучение интраиндивидуальных качеств личности вандала позволит выявить механизм совершения им преступления [8, с. 142]. Другими словами, исследование и оценка криминологически значимых свойств эмоционально-волевой сферы (субъективных факторов) как элемента мотивационно-поведенческого комплекса, позволяют глубже познать внутреннее содержание личности и достоверно выявить закономерность реализации потенциальной возможности совершения преступлений.

Важно отметить, что действия вандалов не ограничиваются какими-либо конкретными мотивами (ч. 2 ст. 214 УК РФ), а представляют собой интегрированное явление, включающее ряд определенных деструктивных побуждений. Обусловленные внутренними или внешними импульсами, они могут проявляться через агрессию или разрушение.

В целом же, для вандалов характерно манифестирующее поведение, отличающееся определенной формой девиантной реакцией и субъективным отражением (происходящих внутренних психологических процессов) объективной реальности. Такое состояние формирует различные поведенческие мотивы, для точного установления которых, в каждом конкретном случае, необходимо учитывать наличие и иных внутренних стимулов правонарушителя, например, таких как: стремления, влечения, желания и намерения [9, с. 45].

Следовательно, мотивы вандализма разнообразны и, как правило, могут зависеть от конкретной ситуации и психологического состояния индивида. Анализ материалов судебной практики показал наиболее часто встречаемые, такие как:

1. Экспрессия эмоций. Некоторые индивиды используют вандализм как способ выражения своего гнева, агрессии, злости, разочарования или обиды. У вандалов часто отмечаются проблемы с управлением своей агрессией и недостаток самоконтроля. Кроме того, у таких лиц наблюдается когнитивное искажение восприятия ситуаций и людей, что может привести к импульсивным действиям или к конфликту с окружающими. Причинение вреда имуществу выступает способом «разрядиться» от негативных эмоций. Как показывают исследования, около 58% задержанных за вандализм находились в эмоциональном диссонансе. Для них характерна враждебность, асоциальное поведение и неспособность к саморегуляции [10, с. 421; 11, с. 30]. Вместе с этим, у данных преступников отмечается недостаток эмпатии и сочувствия, который может проявляться агрессивным поведением к общественным интересам. Так, изучение личности вандала позволило нам сделать вывод о том, что среди них к насилию склонны около 40%. Однако в данном случае, оно проявляется не в отношении другого индивида, а направлено на неживые объекты.

2. Психологическая депривация. У отдельных лиц вандальное поведение демонстрируется отрицанием происходящих процессов в политической или идеологической сферах общества. Такая реакция может быть обусловлена несколькими причинами, одной из которых является психологическая депривация. Данное состояние личности возникает под влиянием идеологического вакуума – отсутствием важнейших элементов такой системы ценностей, которая смогла бы соответствовать внутренней потребности индивида. В следствии чего, он испытывает чувства отчаяния, безысходности, ненависти, озлобленности, что мотивирует его вершить собственную справедливость [12, с. 69; 13, с. 56]. Кроме того, такое состояние часто становится субъективным источником не только социальных, но и политических протестов [14, с. 256]. Следовательно, психологическая депривация может являться источником формирования у преступника идеологического или политического мотивов.

Так, Ч. в 2022 г. был признан судом виновным в совершении вандализма по мотивам политической ненависти (ч.2 ст. 214 УК РФ). Преступление выражалось в умышленном нанесении на тыльную сторону гранитного постаменты памятника Н.Г. Чернышевскому изображения нацистской символики в виде свастики (публичное демонстрация которого запрещено на территории России), что привело к обезображиванию внешнего вида культурно-исторического сооружения. Из материалов судебной практики следует, что таким образом Ч. проявлял свое негативное отношение к политической позиции Российской Федерации, при этом, его действия были расценены как оскорбляющие общественную нравственность многонационального народа и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах¹. Таким образом, данное противоправное деяние Ч. – это явный политический протест, выражающийся актом вандализма.

3. Желание привлечь внимание или самоутвердиться. Как важный аспект личностного роста и развития, такие состояния помогают индивиду чувствовать себя более уверенно и компетентно в различных сферах жизни. Однако, у некоторых лиц способы проявления своего самовыражения могут иметь разрушительный характер. Например, в настоящее время, достаточно актуальной проблемой остается оценка обществом такого явления как граффити. С одной стороны, оно воспринимается общественностью как проявление вандализма, с другой как способ самореализации и культурной активности. Среди ученых так же нет единой позиции к определению его сущности.

Так, некоторые социологи считают, что стрит-арт (граффити) – это, прежде всего, способ и стремление к художественному самоутверждению. Поскольку большинство сторонников уличного «искусства» не могут выразить себя другим способом, то заявляют о себе, публикуя собственное творчество [15, с. 36]. Другие ученые убеждены, что люди, занимающиеся бесполезной поверхностной живописью, таким образом противопоставляют себя социуму. Они выражают свой личностный протест через нанесение граффити на стенах и иных поверхностях городского пространства [16].

Безусловно, различного рода надписи, рисунки и изображения «искажают» облик городской инфраструктуры и причиняют вред имуществу, однако, по нашему мнению, не все графические изображения являются проявлением вандализма. Так, во-первых, к ним следует отнести те, которые наносятся с целью осквернения или порчи сооружений, строений, архитектурных и исторических памятников, а также других объектов, имеющих определенную ценность для общества. Во-вторых, содержание которых носит антисоциальный или оскорбляющий смысл. В таких случаях, стрит-арт, следует рассматривать как способ самовыражения, принимающий форму деструктивного и антисоциального поведения [16].

Однако, когда городское пространство наполняется новыми смыслами и ценностями, или уличные художественные практики служат средством привлечения внимания к утраченному и значимому для индивида (граффити на значимых объектах города), обладая определенной эстетической ценностью, или, следуя законам художественности, не могут считаться вандальными [17, с. 146].

Анализируя проблематику соотношения граффити с вандализмом, следует отметить, что установление сущности, содержания и целей изображения является важным фактором, позволяющим решать спорные вопросы квалификации вандальных деяний, а также актуальные аспекты их предупреждения.

4. Экспериментирование. Для некоторых вандалов разрушение имущества может быть своеобразным экспериментом или «игрой».

Как следует из материалов судебной практики, Петров А.С. в группе с Паргеевым Р.А., действуя согласованно, проявляя «озорство и удал», совершали вандальные действия путем выведения из строя лампы фонарного столба населенного пункта Чувашской Республики².

¹ Уголовное дело 1-14/2022-117. Мировые судьи Санкт-Петербурга. Официальный сайт. URL: <https://mirsud.spb.ru/cases/detail/117/?id=1-14%2F2022-117> (дата обращения: 05.09.2024)

² Дело № 1-46/2012. Мировые судьи Чувашской республики. Официальный сайт. URL: <https://mirsud.cap.ru/sitemap.aspx?id=1263526> (дата обращения: 05.09.2024)

5. Состояние здоровья. В судебной практике встречаются случаи совершения вандализма лицами, страдающими психическими расстройствами, хроническими заболеваниями, наркотической или алкогольной зависимостями.

Так, Наумов С.А., приговором суда был обвинен в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 214 УК РФ. В частности, им были совершены вандальные действия в отношении объекта городской инфраструктуры – остеклений остановки общественного транспорта. В результате его преступного деяния был нанесен материальный ущерб на общую сумму 6407 рублей. В ходе предварительного расследования в отношении Наумова С.А. была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, согласно которой, у него выявлены органическое расстройство личности и поведения, а также синдром алкогольной зависимости. Кроме того установлено, что у подсудимого наблюдалась склонность к девиантным и делинквентным формам поведения, пренебрежение общепринятых норм и правилам поведения¹. Данные психические отклонения личности Наумова С.А., по-нашему мнению, могли выступать как причины (мотив) совершения им вандализма.

Как показал проведенный нами анализ судебной практики, более 55% вандальных деяний совершаются в состоянии алкогольного опьянения. Так, Б., Ш., и К. в течение определенного времени, путем нанесения надписей и рисунков был причинен имущественный вред объектам культурного наследия регионального и федерального значения взятых под охрану государства, находящихся на центральной улице г. Казани. В ходе судебного разбирательства было установлено, что причиной данных преступных деяний являлось алкогольное опьянение подсудимых².

4. Принадлежность к группе. В результате нашего исследования было выявлено, что вандализм в 53% совершается в группах. Групповой характер вандальных деяний обусловлен наличием психологического давления и влиянием других членов группы, что способствует вовлечению личности в противоправные действия и к деструктивным поступкам.

Таким образом, познание мотивации вандальных актов многогранно и требует комплексного подхода к изучению различных аспектов человеческой психологии, социологии, культурных и идеологических факторов.

Исследование личности преступника через анализ его побудительной деятельности способствовало более глубокому пониманию сущности вандализма как социально-негативного явления и позволило нам классифицировать его на относительно самостоятельные виды. Стоит отметить, что принципы их обобщения строились не только в зависимости от мотивов, но и по объектам посяательства. Так следует выделить:

1. Культурный и исторический вандализм – это уничтожение, осквернение или повреждение объектов, имеющих архитектурную, историческую, культурную или художественную ценность. Культурный вандализм имеет разные причины, в частности, он может быть мотивирован как политическими, идеологическими или религиозными убеждениями, так и проявлением неосознанного пренебрежения к культурному наследию.

2. Экстремистский вандализм. К данному виду относится так же – идеологический, политический и религиозный вандализм. Такие акты вандализма, как правило мотивированы идеологическими, политическими, религиозными или социальными убеждениями и являются проявлением национализма, религиозного фанатизма или политического радикализма. Вандалы могут действовать под воздействием идеологии, которая оправдывает уничтожение объектов, принадлежащих другим культурным или этническим группам.

3. Общественный (бытовой) вандализм – проявляется в повседневной жизни и, как правило, не имеет идеологической или политической мотивации. Особенность таких вандальных актов заключается в бессмысленности действий вандалов, направленных на повреждение или уничтожение имущества.

Безусловно, в научной литературе выделяются и иные виды вандализма [19, с. 145], однако представленная в нашем исследовании классификация – это попытка значительно шире охватить проблематику вандальных проявлений.

Таким образом, выделенные признаки и существующие подходы к изучению различных аспектов вандализма, в целом, отражают его содержание именно как социально-негативного явления, которое характеризуется совокупностью безнравственных и асоциальных действий, иррациональностью поведения лица или группы лиц, открытым противостоянием социальным, этическим и культурным интересам общества. При этом исследование личности вандала через анализ его криминологически значимых подсистем, а именно психологических качеств – это многогранный процесс, который способствует более глубокому пониманию сущности этого феномена.

Список литературы:

1. Алиев Х.К. Вандализм: возникновение, сущность и разновидности // Современное право. 2011. №5. С. 141-145. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/> (дата обращения: 30.09.2024). EDN: NTRJID
2. Воробьева И.В., Кружкова О.В., Руденкин Д.В. Вандализм молодежи как особенность и риск современной социализации // Педагогическое образование в России. 2017. №11. С. 30-36. DOI: 10.26170/po17-11-05 EDN: ZWBARJ
3. Руденкин Д.В. Что знает и думает про вандализм молодежь крупного российского города: кейс Екатеринбурга // Социодинамика. 2022. № 6. С. 47-62. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.6.34435 EDN: YZHGXX
4. Скороходова А.С. Вандализм // Социологический журнал. 1999. №3-4. С. 53-65.
5. Goldstein Arnold P.A. The psychology of vandalism. New York: Plenum Press, 1996. с. 291. DOI: 10.1007/978-1-4899-0176-7
6. Алиев Х.К. Особенности эмоционального отношения к вандализму в молодежной среде: социологическая диагностика // Мир педагогики и психологии. 2019. №11 (40). С. 124-136.
7. Уголовное право. Особенная часть. Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М., 2018. с. 503.
8. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб: 2005. с. 520.

¹ Дело № 1-24/2020. Портал Единого информационного пространства мировых судей города Москвы. URL: <https://mos-sud.ru/393/cases/docs/content/3e2aee7e-278f-454f-920b-1191f29be1bd> (дата обращения: 06.09.2024)

² Приговор суда по ч. 2 ст. 214 УК РФ № 1-353/2017. Федеральная служба юридических консультаций. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st-214-uk-rf-vandalizm.html> (дата обращения: 06.09.2024)

9. Устинов Д.В. Проблема учета психологических конструкторов в формировании понятия мотива преступления // Психолог. 2020. № 3. С. 37-52. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32570 (дата обращения: 28.09.2024). DOI: 10.25136/2409-8701.2020.3.32570 EDN: XTVJTR
10. Егорушин Н.В. К вопросу о личности преступника, совершающего вандализм (ст. 214 УК РФ) // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2014. С. 420-422. EDN: VTQZOV
11. Ватова Л.С. Психологические особенности личностей вандалов из среды молодежи и коррекционно-профилактической работы с ними // Психологическая наука и образование. 2002. Том 7. № 4. С. 27-37.
12. Клейменов М. П. Криминология: учебник / М. П. Клейменов. - М., 2018. с. 447.
13. Котельникова О.А. Депривация как причина преступности в России // Научный портал МВД России. 2019. №2. С 55-60. EDN: ZXPCPB
14. Смольянов Г.И. Социальная депривация как фактор политического неравенства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. №4. С. 255-258. EDN: VECCIR
15. Кожанов А. П., Приказчикова Н. П. Граффити: "Искусство или вандализм?" // Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал / Астраханский государственный архитектурно-строительный университет. Астрахань: ГАОУ АО ВО "АГА-СУ", 2020. № 3 (33). С. 34-39. EDN: XENRNM
16. Курбатова Т. Н. Граффити: субкультура или вандализм // Психология и право. 2013. Т. 3. № 2. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61020_full.shtml (дата обращения: 25.09.2024). EDN: QJEKSH
17. Порозов Р.Ю., Ключова П. С. Культура граффити как форма выражения // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 1. С. 145-150. URL: <http://elar.ufu.ru/handle/10995/97009> (дата обращения: 24.09.2024). DOI: 10.15826/izv1.2021.27.1.016 EDN: XWKAGD
18. M Barker; C Bridgeman. Preventing Vandalism What Works? URL: https://popcenter.asu.edu/sites/default/files/Barker%26Bridgeman_1994.pdf (дата обращения: 01.09.2024).
19. Пашутина О.С. Вандализм: понятие и виды его проявления // Общество и право. 2008. №2(20). С. 144-147. EDN: ONTYEP

References:

1. Aliyev H.K. Vandalism: emergence, essence and varieties // Modern Law. 2011. №5. P. 141-145. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/> (date of reference: 30.09.2024). (In Russ.)
2. Vorobyeva I.V., Kruzhkova O.V., Rudenkin D.V. Vandalism of youth as a feature and risk of modern socialisation // Pedagogical Education in Russia. 2017. No. 11. P. 30-36. (In Russ.)
3. Rudenkin, D.V. What the youth of a large Russian city knows and thinks about vandalism: the case of Yekaterinburg // Sociodynamics. 2022. No. 6. P. 47-62. (In Russ.)
4. Skorokhodova A.S. Vanadalism // Sociological Journal. 1999. No. 3-4, P. 53-65. (In Russ.)
5. Goldstein Arnold P.A. The psychology of vandalism. New York: Plenum Press, 1996. p. 291.
6. Aliev H.K. Features of emotional attitude to vandalism in the youth environment: sociological diagnostics // The World of Pedagogy and Psychology. 2019. No. 11 (40). P. 124-136. (In Russ.)
7. Criminal law. Particular part. Textbook / Ed. by I.Y. Kozachenko, G.P. Novoselov. Moscow. 2018. p. 503. (In Russ.)
8. Criminology: Textbook / Edited by V.N. Burlakov, N.M. Kropachev. SPb: 2005. p. 520. (In Russ.)
9. Ustinov D.V. Problem of taking into account the psychological constructs in the formation of the concept of the motive of crime // Psychologist. 2020. No. 3. P. 37-52. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32570 (date of address: 28.09.2024). (In Russ.)
10. Egorushin N.V. To the question of the personality of a criminal committing vandalism (Art. 214 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Actual problems of activity of divisions of the Penal Enforcement System. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. M., 2014. P. 420-422. (In Russ.)
11. Vatova L.S. Psychological features of the personalities of vandals from the environment of youth and corrective and preventive work with them // Psychological Science and Education. 2002. Vol. 7. No. 4. P. 27-37. (In Russ.)
12. Kleimenov M. P. Criminology: textbook / M. P. Kleimenov. - M., 2018. p. 447. (In Russ.)
13. Kotelnikova O.A. Deprivation as a cause of crime in Russia // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. P. 55-60. (In Russ.)
14. Smolyanov G.I. Social deprivation as a factor of political inequality // State and Municipal Management. Uchenye zapiski. 2015. No. P. 255-258. (In Russ.)
15. Kozhanov A. P., Prikazchikova N. P. Graffiti: 'art or vandalism?' // Engineering and Construction Bulletin of the Caspian Sea : scientific and technical journal / Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering. Astrakhan : GAOU AO VO "AGA-SU", 2020. No. 3 (33). P. 34-39. (In Russ.)
16. Kurbatova T. N. Graffiti: subculture or vandalism // Psychology and Law. 2013. T. 3. No. 2. URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61020_full.shtml (date of address: 25.09.2024). (In Russ.)
17. Porozov R.Yu., Klusova P. C. Graffiti culture as a form of expression // Izvestia Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture. 2021. T. 27, No. 1. P. 145-150. URL: <http://elar.ufu.ru/handle/10995/97009> (date of reference: 24.09.2024). (In Russ.)
18. M Barker; C Bridgeman. Preventing Vandalism What Works? URL: https://popcenter.asu.edu/sites/default/files/Barker%26Bridgeman_1994.pdf (accessed 01.09.2024). (In Russ.)
19. Pashutina O.S. Vandalism: the concept and types of its manifestation // Society and Law. 2008. No. 2(20). P. 144-147. (In Russ.)

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО В МЕХАНИЗМЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА ON THE QUESTION OF CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL AND THE VICTIM IN THE MECHANISM OF FRAUD DETERMINATION

ГОРОВОЙ Владислав Викторович,

ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.

119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА.

117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1 «а».

E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна,

старший научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима,

охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности

в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук.

119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.

доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО «Воронежский институт ФСИН России».

394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а».

E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru;

GOROVOY Vladislav Viktorovich,

Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies

for the Execution of Imprisonment Sentences and the Study of Penitentiary Crime at the Center for Security Research

in institutions of the penal system Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,

Candidate of Legal Sciences.

119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.

Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Federal Law Academy.

117342, Russia, Moscow, st. Vvedensky, 1 "a".

E-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru;

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna,

Senior Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoing,

Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System

of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences.

119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.

Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort

Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a".

E-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается характеристика личности мошенника, личности потерпевшего от мошеннических действий. Авторами приводятся наиболее типичные особенности жертв указанных преступлений. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что обучение граждан с использованием целевого и конкретного подхода для различных демографических групп имеет решающее значение для снижения общего числа таких преступлений. Передавая людям знания о том, как распознавать признаки мошеннических действий и предпринимать превентивные меры, можно значительно сократить число жертв мошенничества.

Abstract: The article discusses the characteristics of the identity of the fraudster, the identity of the victim of fraudulent actions. The authors present the most typical characteristics of victims of these crimes. Based on their research, the authors conclude that citizen education using a targeted and specific approach for various demographic groups is critical to reducing the overall incidence of such crimes. By providing people with the knowledge to recognize the signs of fraud and take preventative measures, the number of victims of fraud can be significantly reduced.

Ключевые слова: личность мошенника, личность жертвы мошенничества, превентивные меры, детерминанты преступлений, мошенничество.

Key words: identity of the fraudster, identity of the victim of fraud, preventive measures, determinants of crime, fraud.

Для цитирования: Горовой В.В., Прихожая Л.Е. К вопросу о характеристике личности преступника и потерпевшего в механизме детерминации мошенничества // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 498-500. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_498.

For citation: Gorovoy V.V., Prikhazhaya L.E. On the question of characteristics of the personality of a criminal and the victim in the mechanism of fraud determination // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 498-500. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_498.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Поскольку все данные о личности лица, совершившего преступления, сводятся к возможности установления неизвестного преступника по оставленным им следам на местах происшествий, в памяти свидетелей и по другим источникам, то на момент обнаружения данных следов невозможно установить их принадлежность к определенному лицу. Можно только определить на уровне предположения, по характеру оставленных следов, какой уровень образования имеет человек [1, с. 300].

Мошенничество еще иногда называют интеллектуальными преступлениями и их совершают обычно люди, имеющие высшее образование в области экономики. Хотя далеко не каждый экономист мошенник, и не каждый мошенник экономист. Характерное же отличие этого вида

хищения от других состоит в том, что субъектом мошенничества является не должностное лицо, а постороннее, физическое лицо, в компетенцию которого не входят функции распоряжения товарно-материальными ценностями. Говоря о психологическом портрете мошенника, хочется отметить, что мнения у ученых весьма не однозначны.

Так У. Альбрехт, считает, что мошенники – это люди, обладающие гораздо большей психологической устойчивостью, большим оптимизмом, самооценкой, они более удовлетворены собой и обстановкой в семье, отличаются большим социальным конформизмом, самоконтролем, добротой и отзывчивостью. Считает, что необходимо знать социально-психологические характеристики преступников среди лиц умственного труда, потому что они непосредственно касаются тех, кто занимается подбором персонала, поиском заказчиков и поставщиков. Это поможет сделать вывод о том, что практически каждый поставщик, клиент, наемный работник подпадает под портрет потенциального мошенника, а также невозможно предсказать, кто из сотрудников станет злоупотреблять служебным положением [2, с. 98].

Журавлев С.Ю., считает, что большинство мошенников обладает сильным даром воображения и убеждения, позволяющих ему чувствовать себя в любых ситуациях лидером. Внешне – это лица солидные, умеющие себя «подать». Нередко желая оставить о себе благоприятное впечатление, демонстрируют, как бы невзначай, дружбу с влиятельными людьми (посредством «случайного» предъявления визитных карточек с автографами владельца, телефонных звонков к ним) или причастие к внушительным предприятиям, фирмам (через предъявление официальных бланков). Нередко используют подложные документы существующих и не существующих фирм [3, с. 194].

Нередко, когда мошенничества совершаются группой лиц, так как это значительно облегчает сам процесс совершения преступления, это зависит от сферы, в которой совершаются преступления. При этом обычно происходит разделение ролей, где каждый выполняет свою функциональную роль. Приискание соучастников, как правило, происходит на подготовительном этапе совершения преступления. И заключается в подборе лица, формирование у него преступного умысла, путем убеждения, уговоров и т. д. Как говорилось ранее, сущность мошенничества заключается в завладении имуществом путем обмана или путем злоупотребления доверием. Доверие является необходимым элементом в любом жульничестве, обмане и мошенничестве. Так как само это слово происходит от слова «вера», то нельзя никого обмануть до тех пор, пока обманутый не будет верить, доверять [4, с. 89].

Жертвами преступлений, особенно мошенничества, могут быть самые разные люди, причем часто преследуются определенные группы, например, те, кто занимается торговлей, бизнесом, пенсионеры и другие. Важно отметить, что жертвами мошенничества часто становятся люди, которые могут быть внушаемыми, доверчивыми или неосмотрительными, и во многих случаях у них может не быть образования или опыта. Некоторые люди, особенно пожилые, также могут быть уязвимы из-за своего состояния, которое может ухудшить их способность реалистично оценивать ситуации. Однако это не всегда так, поскольку образованные люди также могут стать жертвами мошенничества. Хотя, как правило, обмануть высокообразованных людей сложнее из-за их осторожного характера, скептицизма и способности критически анализировать ситуации, мошенники все равно могут манипулировать ими. Этим людям может потребоваться больше времени, чтобы убедить их, и они часто более тщательно изучают документы и предложения. Они также могут быть более осведомлены о потенциальных рисках и, следовательно, менее склонны доверять мошенническим обещаниям.

При рассмотрении мошенничества становится ясно, что динамика преступления отличается от динамики физических преступлений. Вместо противостояния, основанного на физической силе, мошенничество подразумевает психологическую битву. В этом случае преступник использует манипуляцию, обман и психологические приемы, чтобы завоевать доверие жертвы и избежать подозрений. Они используют свои знания, обаяние и способность представлять убедительные истории и документы, чтобы ввести в заблуждение свою цель. С другой стороны, жертва должна полагаться на свою способность распознавать обман и защищать себя от тактики мошенника. Это психологическое противостояние часто более тонкое, но столь же опасное. Жертва должна сохранять бдительность, распознавая истинные намерения мошенника и сопротивляясь желанию поддаться на манипулятивные предложения, зная, что это может привести к серьезным последствиям, включая значительные финансовые или личные потери [5, с. 40].

Субъектом преступления, особенно в случаях мошенничества, может быть кто угодно, включая лиц, которые могут не иметь высшего образования или специальных знаний в экономических вопросах. Однако часто такие преступления легче совершать тем, кто глубже понимает экономические системы и финансовые операции. Эти лица могут использовать свои знания для манипулирования системами и обмана других. В некоторых случаях преступники могут искать помощи у сообщников, поскольку сотрудничество с другими лицами часто облегчает совершение преступления и уклонение от обнаружения. Многие мошенничества не являются делом одного человека, а совершаются группами, работающими вместе, часто по предварительным соглашениям или сговорам.

Мотивы этих преступлений могут сильно различаться, но на практике наиболее частой и движущей силой является личная выгода, особенно самообогащение. Это желание финансовой выгоды часто перевешивает этические соображения, заставляя людей эксплуатировать других для получения денежной или материальной выгоды. Когда дело доходит до жертв мошенничества, потенциально жертвой этих преступлений может стать любой. Однако лицам, участвующим в крупных сделках, особенно связанных с недвижимостью или значительными финансовыми инвестициями, обещающими высокую прибыль, следует проявлять повышенную осторожность. Мошенники часто выбирают жертв в этих областях, пользуясь их доверием и отсутствием бдительности.

В процессе расследования и понимания характера преступления важно учитывать различные характеристики жертвы. К ним относятся пол жертвы, возраст, семейное положение, уровень образования, род занятий и история предыдущей виктимизации. Отношения между жертвой и преступником на момент совершения преступления также имеют решающее значение для определения характера взаимодействия и уровня

доверия, которое могло быть использовано. Кроме того, важно понимать состояние ума жертвы во время преступления – была ли она трезвой или находилась под воздействием алкоголя, наркотиков или других веществ, поскольку это может повлиять на ее способность принимать рациональные решения и распознавать мошеннический характер деяния.

Следующим ключевым фактором в понимании динамики виктимизации является поведение людей в предкриминальных ситуациях. Значительная часть жертв, около 68%, как правило, более уязвимы для того, чтобы стать жертвами из-за определенных тенденций или поведения. В некоторых случаях личная виктимизация может быть связана с полом и возрастом, что происходит в 27% случаев, причем пенсионеры часто особенно подвержены мошенничеству. Однако только небольшой процент – около 5% – можно считать не склонными к виктимизации. Эти люди демонстрируют благоразумное и осторожное поведение, что делает их менее склонными к обману.

Большинство, около 86%, жертв демонстрируют социально одобряемое поведение, то есть они действуют способами, которые обычно считаются позитивными и доверительными в социальных контекстах. Распространенный сценарий – когда кто-то предлагает помочь другому человеку, только чтобы быть обманутым этим самым человеком, который оказывается мошенником. Это может включать простые акты доброты, такие как одолжение телефона, предоставление доступа в Интернет или предложение организовать поездку на машине, которые впоследствии используются преступником. Аналогичным образом, люди часто становятся жертвами, когда пытаются сделать значительные покупки, например, купить недвижимость, найти работу или совершить другие крупные сделки. Эти распространенные ситуации делают их главными целями для мошенничества.

Исследование отдельных уголовных дел показывает, что восприимчивость человека к виктимизации не связана изначально с его физиологическими особенностями, такими как пол или возраст, а более тесно связана с его личными качествами, характером и поведением. Эти факторы играют гораздо более важную роль в определении того, может ли человек стать жертвой мошенничества. Кроме того, результаты настоящего исследования могут послужить основой для разработки превентивных мер. Крайне важно, чтобы профилактика мошенничества была адаптирована к конкретным группам на основе уникальных методов, используемых для совершения преступлений против них.

Например, работающие взрослые и студенты могут извлечь пользу из вводных лекций и семинаров, проводимых на их рабочих местах или в учебных заведениях, где они могут научиться распознавать потенциальное мошенничество. Для людей, которые часто совершают покупки в Интернете, превентивные меры могут включать отправку предупреждений по электронной почте или размещение привлекающих внимание баннеров на соответствующих веб-сайтах, чтобы предупредить их о рисках мошенничества. Кампании по повышению осведомленности общественности также могут быть полезны; Такие меры могут включать размещение информационных объявлений в популярных общественных местах, таких как бары, ночные клубы или кинотеатры, чтобы охватить более широкую аудиторию. Кроме того, распространение общедоступных брошюр с практическими советами о том, как не стать жертвой мошенничества, а также инструкциями о том, что делать, если вас уже обманули, может оказаться полезным.

Обучение граждан предотвращению мошенничества с использованием целевого и конкретного подхода для различных демографических групп имеет решающее значение для снижения общего числа таких преступлений. Передавая людям знания о том, как распознавать потенциальные мошенничества и предпринимать превентивные меры, можно значительно сократить число жертв мошенничества.

Список литературы:

1. Азарова И.В. Ведущие признаки в формировании личности преступника // Материалы научно-практической конференции юридического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. - Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина, 2017. - Вып. 13. - С. 300-306.
2. Альбрехт У., Венц Дж., Уильямс Т. Мошенничество. Луч света на темные стороны бизнеса. - С-П. 2016. - 400 с.
3. Журавлев С.Ю. Криминалистика: расследование преступлений в сфере экономики. - М., 2016. - 493 с.
4. Швеце А.В. Типология лиц, совершающих мошенничество // Юридический мир. - 2010. - № 10. - С. 39-41. EDN: NECQCH
5. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Криминологический портрет личности преступника // Вестник Московского юридического журнала. - 2016. - № 3. - С. 40-49. DOI: 10.18384/2310-6794-2016-3-40-49 EDN: WXTFNR

References:

1. Azarova I.V. Leading signs in the formation of a criminal's personality // Materials of the scientific-practical conference of the Faculty of Law of Yelets State University. I.A. Bunina. – Yelets: ESU Publishing House named after. I.A. Bunina, 2017. – Issue. 13. – pp. 300-306.
2. Albrecht U., Wentz J., Williams T. Fraud. A ray of light on the dark sides of business. - S-P. 2016. – 400 p.
3. Zhuravlev S.Yu. Forensics: investigation of crimes in the economic sphere. – M., 2016. – 493 p.
4. Shvets A.V. Typology of persons committing fraud // Legal World. – 2010. – No. 10. – P. 39-41.
5. Afanasyeva O.R., Goncharova M.V. Criminological portrait of a criminal's personality // Bulletin of the Moscow Legal Journal. – 2016. – No. 3. – P. 40-49.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ИСПРАВЛЕНИЮ ОСУЖДЕННОГО ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL IN THE SYSTEM OF MEANS CONTRIBUTING TO THE CORRECTION OF THE CONVICTED PERSON

ПЕКАРЕВА Виктория Владимировна,
студент Академии права и управления ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: viktor.ipekareva@yandex.ru;

ФРОЛОВСКАЯ Юлия Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса
Академии права и управления ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: yul-frol@mail.ru;

PEKAREVA Victoria Vladimirovna,
student of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
E-mail: viktor.ipekareva@yandex.ru;

FROLOVSKAYA Yulia Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of
Civil Law and Process, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.
E-mail: yul-frol@mail.ru

Краткая аннотация: Возможности применения современных технологий, в частности искусственного интеллекта (далее — ИИ), для реабилитации и исправления осужденных лиц следует рассматривать как возможный инновационный метод, отличающийся высоким уровнем эффективности в достижении целей исполнения наказания. Положения научной работы сосредоточены на функционале ИИ в процессе подготовки осужденных к их реинтеграции в общество, включая его возможности в анализе данных об их поведении, изучении личных дел, предсказании риска рецидива и персонализации программ ресоциализации. Предлагаются возможные направления использования ИИ с характеристикой их технической уникальности и социальной обусловленности в процесс вовлечения осужденных в процесс саморефлексии, где они учатся осознавать свои мысли и эмоции, а также их влияние на поведение с помощью программ ресоциализации и предотвращения рецидивов. Констатируется сложность стремительного внедрения ИИ как в деятельность сотрудников УИС, так и в работу системы в принципе, поэтому рекомендации рассчитаны на перспективу с учетом изложенных нюансов практики, одними из которых являются налаживание точности алгоритмов ИИ, решение трудового вопроса и финансового обеспечения.

Abstract: The possibilities of applying modern technologies, in particular artificial intelligence (hereinafter — AI), for rehabilitation and correction of convicted persons should be considered as a possible innovative method characterised by a high level of effectiveness in achieving the goals of the execution of punishment. The provisions of the scientific work focus on the functionality of AI in the process of preparing convicts for their reintegration into society, including its capabilities in analysing data on their behaviour, studying their personal files, predicting the risk of recidivism and personalising re-socialisation programmes. Possible directions for the use of AI are proposed with the characteristic of their technical uniqueness and social conditionality in the process of involvement of inmates in the process of self-reflection, where they learn to be aware of their thoughts and emotions, as well as their influence on behaviour with the help of re-socialisation programmes and prevention of recidivism. It is stated that it is difficult to rapidly introduce AI both in the activities of the staff of the penitentiary system and in the work of the system in principle; therefore, the recommendations are designed for the future, taking into account the nuances of practice outlined, one of which is the establishment of the accuracy of AI algorithms, the solution of the labour issue and financial support.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовно-исполнительная система, средства исправления, осужденный, УИС, исправление осужденного, цифровой подход.

Key words: artificial intelligence, penal system, means of correction, convict, penitentiary system, correction of convict, digital approach.

Для цитирования: Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект как инструмент в системе средств, способствующих исправлению осужденного // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 501-503. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_501.

For citation: Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence as a tool in the system of means contributing to the correction of the convicted person // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 501-503. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_501.

Статья поступила в редакцию: 19.03.2025
Дата публикации: 30.04.2025

Введение. Актуальность изучения вопросов достижения цели исполнения наказания в виде исправления осужденного сквозь призму современных тенденций определяется теоретической и практической важностью изучения обстоятельств реализации совокупности технических, правовых, социальных средств для преодоления негативных аспектов внутреннего сознания и искаженного представления «нормы» у преступника. Рассуждения многих ученых о выработке новых форм воспитательного воздействия на осужденных, в первую очередь, Степанова М.В., отмечавшего, что это искусство не терпит формализма, шаблонности и стандартов[9], позволяют утверждать о возможности внедрения механизмов искусственного интеллекта в процесс работы сотрудников УИС с деформацией личности осужденного.

Цель исследования — получить представление о том, каким образом можно способствовать исправлению осужденного использованием цифрового подхода, выработать рекомендации по использованию ИИ в ходе исполнения наказания учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Методы исследования. Посредством описательного метода и анализа обозначаются и рассматриваются способы воздействия на

осужденного и примеры работы с ним, включая в этот процесс использование технологий. Посредством гносеологического подхода раскрывается примерный сценарий «исцеления» деформированного представления о хорошем и плохом, что может способствовать изменению поведения осужденных.

Научный интерес объясняется выявлением модели качественного и эффективного подхода по внедрению искусственного интеллекта в процесс реинтеграции осужденного в общественные отношения. Человек и общество выступают как единое целое, система, в которой универсум в роли феномена пытается найти своё жизненное дао, выбирая между ложным и истинным.

Исправление — это не только ответственность самого человека, но и совместная задача для общества в целом, и в частности рассматриваемой уголовно-исполнительной системы, ее представителями, последние с набором профессиональных навыков и качеств выступают неким проводником, предоставляющим шанс для глубокого размышления и переосмысления своих ценностей и приоритетов. Важно осознавать, что процесс исправления в полной мере довольно утопическая идея, но это не значит, что всё должно сводиться лишь к наказанию из-за невозможности достижения в идеальной форме, потому что нужно учесть, что эта одна из последних возможностей для осужденного, чтобы глубоко провести самоанализ и пересмотр собственных ценностей и приоритетов. Многие из них могут оказаться в ловушке эгоизма, что приводит к ухудшению отношений и возникновению конфликтов. Они пытаются продемонстрировать свою значимость, рассматривая преступление как своего рода достижение и игнорируя мнения окружающих. Такое поведение может служить временным способом справиться с обстоятельствами и внутренним, внешним давлением. Однако в долгосрочной перспективе этот подход лишь углубляет чувство одиночества и изоляции, а также может иметь негативные и опасные последствия для общества в виде повторного совершения преступления. Как справедливо отмечает Полищук Н.И., что относительно постпенитенциарной ресоциализации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, необходимо признать, что государство, с одной стороны, стремясь исправить правонарушителя, само разрывает традиционно сложившиеся социальные связи, а с другой — ставит задачи, нацеленные на эффективную социализацию этих же лиц, желая их последующего позитивного участия в общественных отношениях. Понимая парадоксальность данной ситуации, государство предпринимает самые разноплановые меры, направленные на минимизацию негативных последствий, возникающих в данной сфере общественных отношений. Однако приходится признать, что вся эта работа пока не приносит желаемых результатов из-за фактически слабой теоретической и практической проработанности вопроса[5].

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года закреплено положение о том, что исправление осужденных предполагает обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого достоинства, соответствующих законодательству Российской Федерации и международным стандартам, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. К тому же данная концепция содержит множество положений о цифровизации деятельности сотрудников УИС. Ничего не препятствует тому, чтобы совместить в реализации несколько направлений и добиться совершенства воплощением на практике нужных функциональных запросов для развития системы исполнения наказаний. Исправление осужденных — важная и сложная задача, а цифровизация — необходимый процесс адаптации привычной деятельности под современные реалии, а также инновационная возможность для простоты и удобства. Традиционные методы реабилитации и ресоциализации осужденных не всегда приносят желаемые результаты. В этом контексте применение искусственного интеллекта может стать революционным шагом в улучшении системы исправления осужденных. Неоспоримым является мнение Ромашова Р.А., который высказывал точку зрения о цифровой трансформации ФСИН России как органа государственной власти, учитывая, что она не должна сводиться только к механическому увеличению используемых технических средств, а, прежде всего, представлять из себя разработку принципиально новых моделей организации, в рамках которых цифровая сфера будет являться одним из главных элементов механизма пенитенциарной деятельности[6].

Ст. 9 УИК РФ, содержит положения об основных средствах исправления осужденного, которые изложены перечислением: режим, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Перечисление основных средств исправления осужденных вызывает размышления о наличии «дополнительных». К ним можно отнести различные формы взаимодействия между осужденными и органами, исполняющими наказания. В частности, это может включать медицинскую помощь, как констатировали Скиба А.П. и Скорик Е.Н.[7], и психологическую поддержку, которую отмечал в своих исследованиях Спасенников Б.А.[8], а также религиозное воспитание как средство исправления в трудах Маликова Б.З.[3] и Морозова А.С.[4]. Интеграция второстепенных методов, способствующих исправлению в общую систему на практике, даже в большей степени будет учитывать индивидуальные особенности осужденных, чем исключительно указанные в статье 9 УИК РФ. Это значит, что нельзя исключить возможность рассмотрения как дополнительного средства исправления использование искусственного интеллекта.

Алгоритмы ИИ способны обрабатывать большие объемы персональной информации, например, карточки учета, любые данные о действиях осужденных и т.д. Удастся при использовании цифровых возможностей снизить нагрузку на персонал, избежать временных затрат, человеческого фактора при выборе и оценке, поскольку решить задачи поможет запрограммированная последовательность действий, основанная на формальных критериях.

Одним из основных способов использования искусственного интеллекта в работе с осужденными является анализ и прогнозирование поведения заключенных. Digital-технологии способствуют выявлению закономерностей и предсказанию возможных сценариев для понимания сотрудникам степени готовности интеграции осужденных в общество. При сопоставлении данных о поведении осужденных, их реакциях на различные ситуации, программа на основе этих сведений может сделать прогнозы о вероятности совершения новых преступлений. Наличие алгоритма

на базе ИИ, оценивающего уровень исправления, позволило бы рационально управлять воздействием как на тех, кто демонстрирует положительные результаты, так и на тех, кто характеризуется отрицательно, потому что воспитательная работа с осужденными подразумевает организацию с учетом индивидуальных особенностей личности, характера осужденных и обстоятельств совершенных ими преступлений [2]. В зависимости от поведения осужденного можно было бы корректировать интенсивность уголовно-исполнительного воздействия на тех осужденных, у которых наибольший риск рецидива, стремясь достичь положительного результата в его исправлении. Например, к числовым показателям можно отнести количество дисциплинарных нарушений, занятие трудовой деятельностью (пропуски, нарушения, явку), уровень взаимодействия с персоналом и любые иные данные, имеющие количественное выражение. К качественным характеристикам можно отнести отзывы сотрудников, оценку уровня мотивации осужденного к исправлению и его социальные навыки.

Более того, искусственный интеллект может быть использован для создания виртуальных симуляторов, которые помогут развивать умения, необходимые для успешной реинтеграции в общество. Такие тренажеры могут имитировать различные жизненные обстоятельства, с которыми осужденные столкнутся после освобождения, и помогать им развивать социальные навыки, управление эмоциями при принятии решений.

Кроме того, важно не только автоматизировать существующие процессы, но и переосмыслить сам подход к взаимодействию с осужденными. Например, использование онлайн-платформ для психосоциальной поддержки может значительно повысить эффективность работы с осужденными, предоставляя им доступ к ресурсам, которые обучат их и помогут в социальной адаптации. При таком подходе сочетается несколько типов средств исправления (воспитательная работа, образование и общественное воздействие) и видов воспитательного воздействия (нравственное и трудовое) с цифровой спецификой.

ИИ также может оценивать при обращении осужденного об освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания на более мягкий вид или о помиловании и амнистии, имеющиеся данные и анализировать целесообразность дальнейшего его направления. Однако говорить о полной замене можно лишь в перспективе, технологии служат лишь инструментом, повышающим качество решений, а не заменяющим человеческий опыт и интуицию, существующий правовой порядок. Это потребует времени и усилий, но в долгосрочной перспективе такая интеграция может значительно улучшить деятельность администрации органов, исполняющих наказание. Пока можно запустить тот же алгоритм, реализованный в виде компьютерной программы, для рассмотрения с описанной функциональной концепцией, только как вспомогательный инструмент при подготовке администрацией учреждений характеристики на осужденного и заключения, реализуя прогностическую модель, которая предполагает составление специалистами на основе фактов предшествующей и текущей жизнедеятельности осужденного прогноза о его дальнейшем поведении в случае освобождения от наказания и в какой-то мере ставит решение судом этого вопроса в зависимость от вероятностного суждения о будущем риске повторного совершения преступлений[1].

Применение искусственного интеллекта в сфере исправления осужденных имеет значительную научную и практическую значимость, способствуя более справедливому и эффективному подходу к реабилитации. Использование ИИ в пенитенциарной системе при исправлении осужденных - инновационная возможность преступника заново определить, кто он есть, и как он хочет взаимодействовать с окружающим миром при разных прописанных предлагаемых сценариях во время отбывания наказания, а также осознать, что истина заключается в уважении к другим, понимании не только правовых, но и человеческих границ при прохождении разработанной индивидуальной программы по ресоциализации на базе ИИ. Как отмечал Н.А.Стручков: «исправить преступника значит подвергнуть изменению к лучшему отдельные его взгляды, привычки, навыки»[10], следовательно, важно давать шанс и демонстрировать, что возможно вести другую жизнь, а мысли, ведущие к совершению преступлений, аморальные и искаженные.

Список литературы:

1. Андрианов В. К., Пудовочкин Ю. Е., Толкаченко А. А. Институт освобождения от наказания в аспекте прогнозирования и рискологии // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 3. С. 329-341. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).329-341 EDN: IIMUHR
2. Антонян Е.А. Исправительное воздействие в отношении многократно судимых // Юридическая психология. - 2008. - № 4. EDN: KPUCFR
3. Маликов Б.З. Общественное воздействие - средство исправления осужденных, и роль в нем религиозного аспекта // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 2. С. 146-151. EDN: OWEAVN
4. Морозов А.С. Религиозное поведение осужденных как средство их исправления // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 170-174. EDN: SXXBSV
5. Полищук Н. И. Правовые отношения, возникающие при реализации probation в Российской Федерации: проблемы и недочеты / Н. И. Полищук // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2024. - № 8(267). - С. 35-40. DOI: 10.51522/2307-0382-2024-267-8-35-40 EDN: CHPIFX
6. Ромашов Р.А. Уголовная политика России: генезис и современность // История государства и права. 2017. № 21. С. 54-58. DOI: 10.18572/1812-3805-2017-21-54-58 EDN: ZSQUCX
7. Скиба А.П., Скорик Е.Н. Об основных и факультативных средствах исправления больных осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 34-38. EDN: WCNMSR
8. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70-71. EDN: TXHOSN
9. Степанов М.В. Воспитательная работа - ведущее средство исправления осужденных // Пробелы в российском законодательстве. 2014. №1. EDN: RYGIIL
10. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М.: Юрид. лит., 1984.

References:

1. Andrianov V. K., Pudovochkin Y. E., Tolkachenko A. A. Institute of exemption from punishment in the aspect of forecasting and riskology // All-Russian Criminological Journal. 2022. T. 16, № 3. C. 329-341
2. Antonyan E.A. Correctional influence in relation to the repeatedly convicted // Legal Psychology. - 2008. - № 4.
3. Malikov B.Z. Public influence - a means of correction of convicts, and the role of religious aspect in it // Criminal Executive Law. 2018. T. 13. № 2. C. 146-151.
4. Morozov A.S. Religious behaviour of convicts as a means of their correction // Bulletin of Tomsk State University. 2014. № 387. C. 170-174.
5. Polishchuk, N. I. Legal relations arising in the implementation of probation in the Russian Federation: problems and shortcomings / N. I. Polishchuk // Vedomosti penal-executive system. - 2024. - № 8(267). - C. 35-40. - DOI 10.51522/2307-0382-2024-267-8-35-40. - EDN CHPIFX.
6. Romashov R.A. Criminal policy of Russia: genesis and modernity // History of state and law. 2017. № 21. C. 54-58
7. Skiba A.P., Skorik E.N. On the basic and optional means of correction of sick convicts // Criminal Executive Law. 2016. № 2 (24). C. 34-38.
8. Spasennikov B.A. Psychological assistance as a means of correction of convicts // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. № 2(30). C. 70-71.
9. Stepanov M.V. Educational work - the leading means of correction of convicts // Gaps in Russian legislation. 2014. №1.
10. Struchkov N.A. Course of correctional labour law. Problems of the general part. M. Yurid. lit., 1984

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

FEATURES OF THE PRELIMINARY STAGE OF THE INVESTIGATION OF PETTY THEFT COMMITTED BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT

ЛОБУНЕЦ Евгения Сергеевна,

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин

Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России им. И.Ф. Шилова.

692502, Россия, г. Уссурийск, ул. Охотничья, д. 1а.

E-mail: elobunets@mail.ru;

LOBUNETS Evgenia Sergeevna,

Senior Lecturer of the Department of General Legal Disciplines, Vladivostok Branch

of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Candidate of Legal Sciences.

1a Okhotnaya str., Ussuriysk, 692502, Russia.

E-mail: elobunets@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассмотрен предварительный этап как один из этапов расследования, который заключается в рассмотрении сообщения о преступлении, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ и принятии по нему соответствующего решения.

Abstract. The article considers the preliminary stage as one of the stages of the investigation, which consists in reviewing the report of a crime provided for in Article 158.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and making an appropriate decision on it.

Ключевые слова: преступление, предварительный этап, следственные действия, уголовное дело, расследование.

Key words: crime, preliminary stage, investigatory actions, a criminal case, investigation.

Для цитирования: Лобунец Е.С. Особенности предварительного этапа расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 504-506. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_504.

For citation: Lobunets E.S. Features of the preliminary stage of the investigation of petty theft committed by a person subjected to administrative punishment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 504-506. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_504.

Статья поступила в редакцию: 20.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Предварительный этап расследования начинается с получения первичной информации о преступлении, содержащейся в повеле к возбуждению уголовного дела, и заканчивается вынесением соответствующего постановления в порядке ст. 145 УПК РФ. При рассмотрении поступивших материалов необходимо установить, имеются ли в них достаточные данные, указывающие на признаки преступления. Только при положительном ответе может быть возбуждено уголовное дело.

Наименование обозначенного этапа представляется логичным, так как он предшествует основной деятельности по расследованию преступления. Рассматриваемый этап, по мнению Л.Д. Самыгина, следует считать подготовительным, так как до его начала нет и не может быть никаких процессуальных задач и никакой процессуальной деятельности, направленной на их решение [1, 35].

Структурно предварительный этап включает в себя следующие направления деятельности:

1. Проверочные мероприятия, направленные на установление признаков преступления либо их отсутствия, что необходимо для итогового решения.

2. Осуществление сбора доказательств посредством проведения следственных действий.

Статья 158.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ.

Преступления с административной преюдицией объективно характеризуются повышенной общественной опасностью, обусловленной повторностью совершения деяния, свидетельствующей об игнорировании виновным как общепринятых ценностей и правил, законных интересов граждан, так и усилий государства по предотвращению их нарушения[2].

Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 158.1 УК РФ ежегодно увеличивается. Так, в 2020 г. по России зарегистрировано 28959 преступлений, в 2021 г. зарегистрировано 33044 преступлений, в 2022 г. зарегистрировано 43784 преступлений, в 2023 г. зарегистрировано 49755 преступлений [3].

Сотрудники полиции проводят проверку по факту мелкого хищения чужого имущества лицом, подвергнутым административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Проверка в данном случае проводится в отношении конкретного лица, у которого берется объяснение по факту совершения мелкого хищения. К материалам проверки в порядке ст. 144 УПК РФ приобщаются следующие процессуальные документы: протокол осмотра места происшествия; протокол об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ; постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении; объяснение лица, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении; объяснение заявителя; справка о стоимости имущества; объяснения свидетелей; иные документы.

Еще одной задачей предварительного этапа расследования преступлений, предусмотренных ст. 158.1 УК РФ является установить вступило ли в законную силу на момент повторного совершения мелкого хищения постановление о назначении административного наказания по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, а также выяснить не произошла ли отмена первичного решения о привлечении к административной ответственности, что

исключает наличие состава преступления в целом.

Так, Ч. осуждена по ч. 3 ст. 30, ст. 158.1 УК РФ. Суд признал Ч. лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества с учетом постановления мирового судьи от 08.09.2016 о признании Ч. виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Между тем на момент совершения инкриминируемого Ч. преступления – 10 сентября 2016 г., указанное выше постановление суда не вступило в законную силу. При таких обстоятельствах Ч. не является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества, и, следовательно, не могла быть привлечена к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ. Президиум Иркутского областного суда отменил приговор в отношении Ч., прекратил производство по уголовному делу на основании п.2 ч.1 ст. 24 УПК РФ [4, 15].

Следует отметить, что фактические обстоятельства, послужившие основанием для назначения лицу административного наказания по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, сами по себе не определяют выводы о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ, виновность необходимо установить в уголовно-процессуальном порядке на основе всей совокупности доказательств, включая не исследованные при рассмотрении дела об административном правонарушении [5].

Остановимся еще одной проблеме, которая возникает в ходе расследования. В отличие от требований ст. 196 УПК РФ, КоАП РФ не содержит императивного требования о проведении судебной экспертизы с целью установления психического состояния лица, привлекаемого к административной ответственности, в случае возникновения сомнений в его вменяемости. Учитывая ограниченные сроки рассмотрения дел об административных правонарушениях, уполномоченные лица не осуществляют сбор сведений (например, информации о том, состоит ли на учете лицо в организации, оказывающей психиатрическую помощь, и т.д.), которые позволили бы усомниться во вменяемости лица, привлекаемого к ответственности. Кроме того, с учетом незначительных сроков давности привлечения к административной ответственности, назначение и проведение судебно-психиатрической экспертизы в рамках дела об административном правонарушении становится невозможным. Анализ судебной практики показывает, что подобного рода проблемами правоохранительные и судебные органы сталкиваются уже в ходе производства по уголовным делам [6].

Практика показывает, в рамках расследования проводится определенный перечень процессуальных и следственных действий, который конкретизируется и расширяется за счет диспозиции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, при расследовании каждого преступления очень важно установить исчерпывающий круг обстоятельств, подлежащих выяснению и исследованию. Успешное расследование по делу во многом будет зависеть от правильного определения обстоятельств, подлежащих установлению [7, 35].

Первостепенным значением предварительного этапа в рамках, которого проводится предварительная проверка сообщения о преступлении, состоит в установлении оснований для возбуждения уголовного дела. При этом, несмотря на мнение многих исследователей по данному вопросу, сама деятельность работников правоохранительных органов по возбуждению уголовного дела должна структурно входить в систему действий предварительного этапа расследования, поскольку это процессуальное действие знаменует его завершение, точно так же, как и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Действия предварительного этапа направлены на принятие определенного решения, по поступившему сообщению, для дальнейшего движения расследования при наличии оснований.

Указанная проверка в обязательном порядке завершается принятием уполномоченным должностным лицом одного из трех решений: 1) о возбуждении уголовного дела; 2) об отказе в возбуждении уголовного дела; 3) о передаче сообщения по подследственности либо подсудности. Однако фактически в итоге происходит принятие первых двух решений. Третье решение является промежуточным, так как при передаче адресат будет обязан принять итоговое процессуальное решение.

Таким образом, предварительный этап, в системе расследования закладывает фундамент для последующего успешного осуществления уголовного судопроизводства, создает предпосылки для привлечения к ответственности виновных. Содержание рассматриваемого этапа составляют проверочные мероприятия и ряд следственных действий, направленных на сбор доказательств. Момент окончания этого этапа связан с накоплением определенного объема информации, позволяющего принять одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ.

Список литературы:

1. Самыгин, Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности / Л.Д. Самыгин. - М.: Изд-во МГУ, 1989. - С. 35.
2. Трофина И.А., Тютюнник Р.Н. Привлечение к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК // Законность. 2021. № 5. EDN: OKZOZZ
3. Сведения из Сводного отчета по России "Единый отчет о преступности" за 2020-2023 гг. // АИС "Портал ГИАЦ". 10.5.16/cms.
4. Постановление президиума Челябинского областного суда от 18.10.2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 5. С. 15.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 "О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое" [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.03.2025).
6. Хромов Е.В. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за совершение преступлений с административной преюдицией // Законность. 2020. № 2. EDN: QEWFOD
7. Митричев, С.П. Методика расследования отдельных видов преступлений / С.П. Митричев. - М., 1973. - С. 35.

References:

1. Samygin, L.D. Investigation of crimes as a system of activity / L.D. Samygin. - M.: Publishing House of Moscow State University, 1989. - p. 35.
2. Trofina I.A., Tyutyunik R.N. Bringing to criminal responsibility for committing a crime under art. 116.1 of the Criminal Code // Legality. 2021. № 5. EDN: OKZOZZ
3. Information from the Consolidated Report on Russia "Unified Crime Report" for 2020-2023 // AIS "GIAC Portal". 10.5.16/cms.
4. Resolution of the Presidium of the Chelyabinsk Regional Court dated 18.10.2017 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 5. p. 15.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2002 No. 29 "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery" [Electronic resource] URL: <http://www.consultant.ru> (date of application 03/11/2025).
6. Khromov E.V. Actual problems of criminal prosecution for crimes with administrative prejudice // Legality. 2020. № 2. EDN: QEWFOD
7. Mitrichev, S.P. Methods of investigation of certain types of crimes / S.P. Mitrichev, Moscow, 1973, p. 35.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_506

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ БАНДИТИЗМА В СОВОКУПНОСТИ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СОВЕРШЕННЫМИ БАНДОЙ, А ТАКЖЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ БАНДИТИЗМА ОТ СМЕЖНЫХ С НИМ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ PROBLEMS OF QUALIFICATION OF BANDITISM IN COMBINATION WITH CRIMES COMMITTED BY A GANG, AS WELL AS DISTINGUISHING BANDITISM FROM RELATED CRIMES

КУРМАЕВА Наталья Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

ул. Большевикская, д. 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия.

E-mail: kurmaeva_n@mail.ru;

МАЛЫШКИН Павел Викторович,

кандидат юридических наук, доцент,

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.

ул. Транспортная, д. 17, г. Саранск, Республика Мордовия, 430027, Россия.

E-mail: p.v.malyshkin@ruc.su;

АСАНОВА Ирина Павловна,

кандидат филологических наук, доцент,

Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.

ул. Транспортная, д. 17, г. Саранск, Республика Мордовия, 430027, Россия.

E-mail: i.p.asanova@ruc.su;

KURMAEVA Natalya Anatolevna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Technologies and jurisprudence

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «National Research Ogarev Mordovia State University».

st. Bolshevistskaya, 68, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia.

E-mail: kurmaeva_n@mail.ru;

MALYSHKIN Pavel Viktorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University cooperation.

st. Transportnaya, 17, Saransk, Republic of Mordovia, 430027, Russia.

E-mail: p.v.malyshkin@ruc.su;

ASANOVA Irina Pavlovna,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,

Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation.

st. Transportnaya, 17, Saransk, Republic of Mordovia, 430027, Russia.

E-mail: i.p.asanova@ruc

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы квалификации бандитизма в совокупности с преступлениями, совершенными бандой, даются рекомендации о разграничении бандитизма от смежных с ним составов преступлений.

Abstract: The article examines the problems of qualifying banditry in conjunction with crimes committed by a gang, and provides recommendations on distinguishing banditry from related crimes.

Ключевые слова: уголовное законодательство, бандитизм, шайка, банда, организованная преступность, ответственность за совершение бандитизма.

Key words: criminal law, banditry, gang, gang, organized crime, responsibility for committing banditry.

Для цитирования: Курмаева Н.А., Малышкин П.В., Асанова И.П. Проблемы квалификации бандитизма в совокупности с преступлениями, совершенными бандой, а также разграничения бандитизма от смежных с ним составов преступлений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 506-509. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_506.

For citation: Kurmaeva N.A., Malyshkin P.V., Asanova I.P. Problems of qualification of banditry in combination with crimes committed by a gang, as well as distinguishing banditism from related crimes // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 506-509. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_506.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Квалификация любого преступления – это реализация соответствующих норм уголовного закона применительно к ситуации конкретного уголовного дела, ставшего предметом расследования или судебного рассмотрения, квалификация позволяет посмотреть на конкретное деяние посредством законодательно закреплённых конструкций, к каковым относится состав преступления, при этом, логика квалификации позволяет понять имевшее место событие преступления, его меру общественной опасности, а также меру ответственности лиц, причастных к данному деянию, это особенно важно для понимания структурно сложных деяний, которые посягали не на один объект, и в которых проявилось действие не одного способа, различных средств.

Часто совершённые деяния выглядят достаточно сложно, как нагромождение различных по своей сути действий, это создаёт сложности в их восприятии, однако разобраться в этом позволяют правила квалификации, которые выработаны практикой применения норм уголовного

права, при этом, квалификация конкретных деяний сталкивается с трудностями, которые требует разрешить практика уголовного правосудия.

Правильно квалифицированное деяние – это основа справедливого судебного решения, поскольку он всегда направлен на восстановление социальной справедливости, нарушенной совершённым преступлением.

Достаточно сложным для квалификации является бандитизм и те преступления, которые совершаются бандой, это обусловлено множеством факторов, во многом это определялось уголовной политикой, которая проводилась на определённый период времени, задачами, которые ставило перед собой общество и государство, так, в Советский период убийство, совершённое бандой, квалифицировалось только по ст. 77 Уголовного кодекса РСФСР (бандитизм).

Дополнительной квалификации по ст. 102 Уголовного кодекса РСФСР (убийство) не требовалось, на это неоднократно указывал Пленум Верховного Суда СССР, это во многом обуславливалось строгостью наказания, которое следовало за совершение бандитизма, санкция ст. 77 Уголовного кодекса РСФСР предусматривала такие наказания, как лишение свободы до 15 лет и смертную казнь, то есть, даже более жёсткое наказание, чем за отдельные виды убийства, поэтому не было необходимости в дополнительной квалификации по ст. 102 УК РСФСР.

Она также указывала на то, что бандитизм – преступление с формальным составом, которое считается оконченным уже при наличии созданной банды или участия в ней, в этом усматривается стремление субъектов применения права экономить нормативные средства при оценке преступного деяния названного вида.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась, поскольку санкция ст. 209 УК Российской Федерации стала менее строгой, по первой и второй части названной статьи максимальное наказание составляет пятнадцать лет, а по третьей двадцать, смертная казнь за совершение названного преступления не предусмотрена, то есть, произошла очевидная гуманизация наказания за рассматриваемое преступление, в этих условиях изменилась и политика относительно квалификации бандитизма и убийства, которое было совершено в результате нападения банды.

В настоящее время в том случае, если в ходе нападения банды был убит человек, то такое деяние квалифицируется по совокупности составов, предусмотренных ст. 209 УК Российской Федерации и ст. 105 УК Российской Федерации, на это было указано п. 18 постановления Пленума Верховного Суда России № 15 от 22 декабря 1992 г. «О судебной практике по делам об умышленных убийствах».

В настоящее время судебная правоприменительная практика «придерживается правила о том, что норма об уголовной ответственности за бандитизм не охватывает преступлений, которые совершаются бандой или в составе банды» [1, с. 150], поэтому они требуют дополнительной квалификации по статье УК Российской Федерации о соответствующем преступлении, которое было совершено.

Данный подход к квалификации можно уже считать устоявшимся в практике судов, его поддерживает и теория уголовного права, однако, следует отметить то, что названный подход вовсе не является бесспорным, он подвергается сомнению, поскольку, к примеру, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ уже указано в качестве квалифицирующего признака сопряжённость с бандитизмом.

Подобный подход пока не получил поддержки со стороны Пленума Верховного Суда России, а, следовательно, практики уголовного судопроизводства, тем не менее, именно такой подход представляется более обоснованным нормами действующего уголовного закона [2, с. 15], тем более, что это не нарушает принципа справедливости при назначении наказания, поскольку санкция ч. 2 ст. 105 УК Российской Федерации более жёсткая, чем у ст. 209 УК Российской Федерации, эта санкция предусматривает пожизненное лишение свободы, а также смертную казнь.

Поэтому вполне обоснованным является квалификация названных действий по совокупности этих статей, а не по одной лишь, предусматривающей уголовную ответственность за бандитизм, логика определяющая тяжесть наказания также подтверждает необходимость квалификации названного деяния по совокупности статей УК Российской Федерации.

Следует ли дополнительно квалифицировать такие действия как сопряжённые с разбоем?

Действительно, игнорировать то, что элементом состава п. «з» ч. 2 ст. 105 УК Российской Федерации является сопряжённость с разбоем, нельзя игнорировать и сам факт, когда убийство совершается не только бандой, но и, при этом, сопряжено с разбоем, но вместе с тем, и совершение бандой и сопряжённость с разбоем являются признаками одного состава, а потому представляется излишней дополнительная квалификация по той же норме уголовного закона.

В связи с этим, представлялась бы правильной квалификация по совокупности п. «з» ч. 2 ст. 105 УК Российской Федерации и ст. 209 УК Российской Федерации, данный подход был бы вполне оправдан и с точки зрения санкций этих норм уголовного законодательства, назначаемое в результате такой квалификации наказание вполне было бы справедливым.

Представлялось бы правильным разрешение этого вопроса Пленумом Верховного Суда России, вполне возможно, что следовало бы также внести в УК Российской Федерации некоторые изменения, состоящие в том, чтобы разбой и совершение бандой, как признаки убийства были названы в разных п. п. ст. 105 УК РФ.

С точки зрения принципа справедливости, изложенного в ст. 6 УК Российской Федерации, получившая распространение практика квалификации по совокупности ст. ст. 209 УК Российской Федерации и ч. 4 ст. 162 УК Российской Федерации представляются неправильными, такая квалификация выглядит, как назначение наказания дважды за одно и то же.

Так, в ст. 209 УК РФ уже указано на то, что целью является нападение, то есть указывается в том числе и на разбойное нападение, вместе с тем, в ч. 4 ст. 162 УК Российской Федерации в качестве квалифицирующего признака названо совершение разбоя организованной группой, то есть, как видно, применяя две названные нормы складывается ситуация, что лицо привлекается дважды за одно и то же [3, с. 149], вполне логичным представлялось бы применение только одной из названных норм уголовного закона.

Этой нормой, представляется должна была бы быть ч. 4 ст. 162 УК Российской Федерации, тем более, что и по строгости наказания,

предусмотренного в санкции этой нормы, определено достаточно суровое наказание – до 15-ти лет лишения свободы, такой подход к квалификации представлялся бы более справедливым, при этом не была бы утрачена дифференциация в определении степени уголовной ответственности за совершённые деяния.

В настоящее время встаёт вопрос, который требует своего решения, вопрос об отмене специальной статьи в УК Российской Федерации о бандитизме.

Встаёт вопрос об исключении ст. 209 УК Российской Федерации из УК Российской Федерации, при этом такое исключение вовсе не будет являться декриминализацией бандитизма, как общественно опасного деяния, обусловлено это тем, что уже в настоящее время совершение преступления в составе банды является частью отдельных составов преступлений.

В настоящее же время анализ норм УК РФ позволяет сделать вывод об избыточности норм об уголовной ответственности за бандитизм, представлялось бы достаточным, чтобы совершение преступления в банде являлось бы лишь квалифицирующим признаком совершения отдельных видов преступлений, это соответствовало бы общему подходу законодателя при формулировании целого ряда норм, где совершение преступления в группе рассматривается, как квалифицирующий признак составов преступлений.

Тем более, что в уголовном законодательстве немало преступлений, где совершение преступления в банде является квалифицирующим признаком, благодаря этому удалось бы избежать конкуренции норм уголовного права, которая осложняет практику расследования преступлений рассматриваемого вида.

Разграничение преступлений – это проблема, которая всегда стоит перед практикой квалификации, от решения этой проблемы зависит достижение справедливости в приговоре суда, качество приговора зависит в том числе и от качества квалификации преступления, при этом, разграничение смежных составов преступления всегда рассматривалось и рассматривается, как составная часть процесса квалификации [4, с. 19-24].

Проблема разграничения – это проблема несхожести, вопрос о которых всегда стоит перед субъектами квалификации, зная, какие признаки отличают одно деяние от другого складывается понимание о сущности совершённого деяния, что является основой его оценки с точки зрения общественной опасности, особенно большие трудности у практики возникают с разграничением сходных, близких по сущности деяний, а также организационных форм.

Однако понимание линии такого разграничения привносит гораздо больше в понимание квалификации соответствующего деяния, линия такого разграничения уже сама по себе несёт достаточно много информации о деяниях, которые она разграничивает, по этой причине разграничение сходных составов является важным моментом в квалификации.

При квалификации бандитизма перед практикой встают проблемы его отграничения от преступлений, совершённых преступным сообществом, и от совершённых организованной преступной группой.

Здесь важным является определение различий такими формами организации преступной деятельности, как преступное сообщество и организованная преступная группа, эти организационные формы имеют целый ряд сходств, что создаёт вполне определённые трудности с тем, чтобы их различать и, соответственно, правильно квалифицировать, эти трудности возникают при квалификации конкретных видов преступлений, с необходимостью оценки, которых сталкиваются органы правосудия.

Определение в организованной преступной группе, в преступном сообществе или банде совершено преступление влияет на оценку общественной опасности этого преступления, влияет на уголовную ответственность и меру наказания, которая должна быть избрана.

Благодаря разъяснениям данным Верховным Судом России банду принято рассматривать, как разновидность организованной преступной группы [5, с. 315], они соотносятся между собой, как общее и частное, то есть, общим является организованная преступная группа, а частным – банда, при этом, особенностью банды, как частного, отличающего её от иных организационных форм организованной преступной группы является наличие вооружённости.

Наличие оружия делает банду наиболее опасной для общества, государства и граждан формой организованной преступной группы, это повышает эффективность в достижении ею поставленной криминальной цели, это повышает её общественную опасность, поскольку делает более неизбежным достижение преступниками поставленной ими противоправной цели.

Это отличает банду от других организационных форм организованных преступных групп, это позволяет разграничить деяния, совершённые в организованной преступной группе, и деяния, совершённые в банде, такое разграничение позволяет дифференцировать уголовную ответственность за совершение названных деяний, гарантируя соразмерность меры уголовной ответственности содеянному соответствующим лицом.

Признаки преступного сообщества перечислены в ч. 4 ст. 35 УК РФ, среди этих признаков называются: «структурированность; наличие цели совершения тяжких или особо тяжких преступлений; наличие направленности на получение финансовой или иной материальной выгоды» [6, с. 483].

Наличие этих признаков иногда трактуется в пользу того, «что банда представляет собой разновидность преступного сообщества, наряду с этим имеется взгляд о том, что банда – это одновременно и вид организованной преступной группы, и вид преступного сообщества» [7, с. 77].

Причиной сложности в разграничении, в данном случае, является проблемность разграничения организованной преступной группы от преступного сообщества, сложность разграничения банды и преступного сообщества являются случаи квалификации судами совершённых преступных деяний преступными сообществами, имеющими оружие.

Примечательным здесь является именно то, что преступное сообщество имело оружие, однако обладая соответствующим признаком

оно не было квалифицировано, как банда, из этого следует то, что практика также не всегда видит и находит различия между преступным сообществом и бандой.

Признаком, который разграничивает преступное сообщество и банду является структурированность преступного сообщества, этот признак прямо указан в ст. 210 УК РФ, где она названа одним из признаков преступного сообщества, для банды этот признак не характерен, но, как показывает практика банда может входить в преступное сообщество в качестве его структурного подразделения.

На такую возможность указал Пленум Верховного Суда России в своём постановлении от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», возможны ситуации, когда банда перерастает в преступное сообщество, подобное знает судебная правоприменительная практика.

Список литературы:

1. Котаева С. И. Некоторые проблемы квалификации убийства, сопряженного с бандитизмом // Бюллетень Владикавказского института управления. 2022. № 54. С. 150-159.
2. Краев Д. Ю. Некоторые вопросы квалификации "сопряженных" убийств (п. п. "в", "з", "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Криминалист. 2020. № 2. С. 15-21.
3. Усманова Е. Ф., Малышкин П. В. Алгоритм коммуникативного взаимодействия в альтернативном разрешении правовых споров и конфликтов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 9. С. 149-152. DOI: 10.37882/2223-2974.2021.09.25 EDN: DLUMXD
4. Малышкин П. В. Юридическая сила судебных решений (постановлений, определений) в современном российском гражданском судопроизводстве / П. В. Малышкин // Современные тенденции развития науки и образования в эпоху цифровизации. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Редакция: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.]. Саранск, 2022. С.19-24. EDN: BSDVJJ
5. Харзинова В. М. Некоторые характерные черты организованной преступной группы // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 315-321. EDN: NCZZVL
6. Савенко Е. Н. К вопросу об ограничении состава преступления организации преступного сообщества (преступной организации) от бандитизма по УК РФ // Аллея науки. 2022. Т. 2. № 6. С. 483-487.
7. Тагильцев С. А. Проблемные вопросы разграничения бандитизма, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества // Студенческий. 2021. № 16. С. 77-83. EDN: CMBXHO

References:

1. Kotaeva S.I. Some problems of death associated with banditry // Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management. 2022. No. 54. pp. 150-159.
2. Kraev D. Yu. Some questions of qualification of "associated" murders (clauses "c", "z", "k", part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Criminalist. 2020. No. 2. P. 15-21.
3. Usmanova E. F., Malyshekin P. V. Algorithm of communicative interaction in the alternative resolution of legal disputes and conflicts // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2021. No. 9. pp. 149-152.
4. Malyshekin P.V. Legal force of court decisions (rulings, definitions) in modern Russian civil proceedings / P.V. Malyshekin // Modern trends in the development of science and education in the era of digitalization. Materials of the International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Editorial Board: R. R. Khairov (chief editor) [and others]. Saransk, 2022. P.19-24.
5. Kharzinova V. M. Some characteristic features of an organized criminal group // Gaps in Russian legislation. 2020. T. 13. No. 4. P. 315-321.
6. Savenko E. N. On the issue of limiting the composition of the criminal community (criminal organization) of the criminal community from banditry in the organization of the Criminal Code of the Russian Federation // Alley of Science. 2022. T. 2. No. 6. P. 483-487.
7. Tagiltsev S. A. Problematic issues of distinguishing banditry, secret armed formations, criminal communities // Student. 2021. No. 16. pp. 77-83.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРИНЯТИЕ МЕР К ОТЛОВУ БЕЗНАДЗОРНЫХ СОБАК PROBLEMS OF CRIMINAL PROSECUTION FOR FAILURE TO TAKE MEASURES TO CAPTURE STRAY DOGS

ЛУНЕВА Анна Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Дальневосточный филиал).
680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49.

E-mail: annaluneva@mail.ru;

СМОЛЯРОВ Артём Сергеевич,

студент Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.

E-mail: smolyarov.03@mail.ru;

ШЛОМА Владимир Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.

E-mail: annaluneva@mail.ru;

LUNEVA Anna Vladimirovna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines
Russian state University of Justice named after V.M. Lebedev (Far Eastern branch).
680000, East of the highway 49, Khabarovsk, Russian Federation.

E-mail: annaluneva@mail.ru;

SMOLYAROV Artem Sergeevich,

student of the Far Eastern Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
680000, Gerasimova St. 31, Khabarovsk, Russian Federation.

E-mail: smolyarov.03@mail.ru;

SHLOMA Vladimir Vladimirovich,

Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure
Far Eastern Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
680000, Gerasimova St. 31, Khabarovsk, Russian Federation.

E-mail: annaluneva@mail.ru;

Краткая аннотация: Настоящая статья посвящена изучению проблемы нападения безнадзорных собак на граждан в России. В частности, было исследовано, подпадают ли данные явления под признаки преступления, и кто может быть привлечен к ответственности за общественно-опасные последствия в результате нападения бездомных собак. Изучена и проанализирована правоприменительная практика привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в таком преступлении. Результаты исследования позволили сделать следующий вывод: существует правовой пробел, вызванный тем, что нынешнее российское законодательство не позволяет привлечь к ответственности лиц, которые виновны в распространении безнадзорных уличных собак.

Abstract. This scientific study is devoted to the problem of attacks by stray dogs without owners on Russian citizens. In particular, it was investigated whether these phenomena fall under the signs of a crime, and if so, who can be held accountable for these socially dangerous consequences. The practice of bringing to criminal responsibility persons who have committed such crimes has been studied and analyzed. Based on the data obtained, the question of who is guilty and should be held responsible for these socially dangerous phenomena is investigated. The results of the study led to the following conclusion: there is a legal gap caused by the fact that current Russian legislation does not allow to bring to justice persons who are guilty of distributing street dogs without owners.

Ключевые слова: безнадзорные собаки, жертвы, общественная опасность, физическая угроза, отлов, халатность, уголовная ответственность.

Keywords: stray dogs, victims, public danger, physical threat, trapping, negligence, criminal liability.

Для цитирования: Лунева А.В., Смоляров А.С., Шлома В.В. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за непринятие мер к отлову безнадзорных собак // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 510-512. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_510.

For citation: Luneva A.V., Smolyarov A.S., Shloma V.V. Problems of criminal prosecution for failure to take measures to capture stray dogs // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 510-512. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_510.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Проблема наличия на улицах городов нашей страны большого количества безнадзорных собак является актуальной на протяжении уже многих десятилетий. Безнадзорные собаки сбиваются в стаи и набрасываются на людей, нанося им серьезные увечья, а порой и причиняя смерть. Особенно остро эта проблема стоит в г. Хабаровске, где за прошедший год произошло множество подобных случаев, в том числе, с летальным исходом.

Приведем несколько примеров, освещенных в средствах массовой информации. В начале 2023 года на 12-летнего мальчика напала стая собак, которая исцарапала ему спину и укусила голень [15]; в марте 2023 года на девушку в Центральном районе города напала стая из 20 собак, которые пытались её покусать, однако девушка громко закричала и собаки разбежались [13], в октябре 2023 года на восьмилетнюю девочку напали безнадзорные собаки, которые её исцарапали, причинив тяжкие повреждения [14]. 31 октября 2023 года в Южном микрорайоне Хабаровска на шестилетнего мальчика напала стая собак и нанесла ему множественные укусы [12]. 6 января 2024 года на женщину в Южном микрорайоне Хабаровска напала стая собак, женщине были нанесены множественные укусы и рваные раны [1]. Жестокие нападения были совершены в январе и феврале 2024 года, например, 16 января 2024 года 38-летнего мужчину насмерть загрызла стая собак [7], а 16 февраля 2024 года собаки растерзали мужчину недалеко от набережной реки Амур и сняли с него скальп [2]. Данные примеры свидетельствуют, что проблема нападения безнадзорных собак очень актуальна, требуется механизм ее разрешения, чтобы люди не гибли и не получали увечья прямо в центре города.

Согласно ст. 14 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) общественная опасность является одним из главных при-

знаков преступления [11]. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного суда России от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изм. и доп. от 18 декабря 2018 г. № 43), общественная опасность определяется прежде всего тем, каким социальным ценностям, охраняемым уголовным законом, причинён вред [8]. Согласно гл. 16 УК РФ, уголовный закон охраняет общественные отношения, которые обеспечивают жизнь и здоровье человека [11]. На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что нападения безнадзорных собак представляют высокую общественную опасность, безусловно являются противоправным деянием, то есть должны подпадать под признаки преступления.

Такой же позиции придерживается Конституционный Суд Российской Федерации, который отметил в своём Постановлении от 18 июля 2024 года № 38-П, что животные без владельцев объективно представляют физическую угрозу гражданам, а также угрозу санитарно-эпидемиологического благополучия населения [9]. Таким образом Конституционный Суд России признает высокую степень общественной опасности, исходящую от безнадзорных собак без владельцев.

Раз нападения таких животных подпадают под признаки преступления, то возникает закономерный вопрос, как уголовный закон охраняет граждан от этих преступных посягательств, и как можно предупредить эти преступления? Для этого обратимся к примерам возбуждения уголовных дел по факту нападения собак на граждан. Так, 16 января 2024 года, после нападения стаи безнадзорных собак на 38-летнего мужчину, Следственным управлением Следственного комитета по Хабаровскому краю и ЕАО было возбуждено уголовное дело по ст. 293 УК РФ «Халатность». Подозреваемым в совершении этого преступления были признаны начальник управления ЖКХ и эксплуатации жилищного фонда администрации города Хабаровска и глава ветеринарной клиники «Бонифаций». По версии следствия из-за халатного выполнения работ или услуг, которые не отвечают требованиям безопасности, по итогу произошло нападение безнадзорных собак на 38-летнего мужчину, что и повлекло его смерть [7].

Следственный орган неспроста выдвинул версию о виновности данных лиц, ведь согласно Постановлению Правительства Хабаровского края от 03.03.2023 года № 86, ответственными по обращению с безнадзорными животными без владельцев являются органы муниципальной власти, которые должны проводить рейдовые мероприятия по выявлению безнадзорных животных в местах массового скопления людей [10]. Специальный отдел Администрации г. Хабаровска должен производить отлов, стерилизацию, вакцинацию и возврат собак на прежнее место обитания, в соответствии с нынешним законодательством [5].

Таким образом, мы видим, что муниципалитеты после отлова и вакцинации возвращают собак на прежнее место обитания. То есть проблема сбивания в стаи собак, как таковая, не решается. В связи с этим встает вопрос, справедливо ли вменять статью 293 УК РФ чиновнику, который выполнил все предписания по отлову и вакцинации, а безнадзорные, выпущенные после обработки собаки, вновь совершили нападения на людей? Существующая система обращения с безнадзорными собаками не предотвращает образование новых собачьих стай и нападений собак на людей. Как доказывать вину начальника администрации в произошедшем нападении собак на мужчину в вышеописанном нами примере? Привлечь к ответственности по статье 293 УК РФ сложно, все действия, входящие в его обязанности по отлову безнадзорных собак, он возможно выполнил, однако гарантий, что собаки, после возврата в среду обитания, снова не станут нападать на граждан, никто дать не может.

На основании вышеизложенного следует отметить, что в соответствии с нынешним нормативно-правовым регулированием Хабаровского края, безнадзорные уличные собаки после отлова и стерилизации снова выпускаются на прежние места обитания, что не только не решает проблемы, но и не способствует прекращению нападений безнадзорных собак на людей. В связи с этим считаем, что необходимо отловленных безнадзорных собак не возвращать на прежние места обитания, а помещать в приюты или использовать для этого другие методы, которые не позволят этим животным оказаться снова свободно гуляющими на улицах населенных пунктов.

Например, в Республике Бурятия в ноябре 2023 года приняли Закон №185, по которому на территории данного региона производится отлов животных, их транспортировка и передача в пункты временного содержания. Если животное оказалось невостребованным в течении 30 дней, то его умерщвляют в принудительном порядке. Данный способ также не позволяет вернуться безнадзорным животным на улицы населенных пунктов, что предотвращает угрозу нападения данных животных на людей [4].

Законность и обоснованность закона Бурятии подтверждает постановление Конституционного суда от 18.07.2024 № 38-П, в котором указано, что умерщвление животного без владельцев может осуществляться, если оно проявляет немотивированную агрессию, или напало на человека, или имеет опасные заболевания. При этом Конституционный суд РФ отметил, что органы государственной власти субъектов РФ могут устанавливать свои правила обращения с безнадзорными животными, поскольку данная сфера правового регулирования находится в совместном ведении Федерации и субъектов России. Умерщвление же безнадзорных животных может быть оправдано только в тех случаях, когда все другие меры не могут обеспечить общественную безопасность и защиту жизни и здоровья человека. То есть, Конституционный суд России считает, что эвтаназия животных – это исключительная мера, когда другие мероприятия не способны обеспечить защиту жизни и здоровья граждан [9].

Исследователи выдвигают разные причины, почему собаки становятся безнадзорными и сбиваются по итогу в стаи. Однако сходятся в одном – причина данного явления безответственное отношение людей, которые умышленно выбрасывают своих питомцев на улицы. Например, А.Б. Зонова и В.И. Плешакова в своей работе отмечают, что главной причиной этого является безответственное и «безжалостное» отношение людей, которые избавляются от своих животных путем оставления их на улицах городов [6]. Данную позицию поддерживают К.Н. Дорошенко и О.А. Коровина, уточняя, что собаки, оказавшись на улице быстро размножаются и образуют стаю [3].

Как же можно привлечь к уголовной ответственности таких нерадивых хозяев? Ответ – никак. Во-первых, в уголовном законодательстве нет нормы, которая бы регулировала ответственность хозяев животных, по вине которого оно оказалось безнадзорным и по итогу нанесло какому-либо человеку тяжкие увечья (повлекшие смерть). Даже если будет доказано, что по вине лица животное оказалось на улице, что привело к тяжким общественно опасным последствиям, привлечь за это бывшего хозяина к уголовной ответственности невозможно. Его можно привлечь

только к административной ответственности, согласно ст. 8.52. КоАП РФ, где максимальный штраф предусмотрен до 30 тысяч рублей, что не отвечает общественной опасности и последствиям нападений собак на людей. Отсутствие уголовной нормы, предусматривающей ответственность бывших хозяев собак, по вине которых их питомцы оказались безнадзорными и по итогу нанесли тяжкие последствия жизни и здоровью личности, по нашему мнению, является пробелом уголовного права. Во-вторых, даже если будет введена уголовно-правовая норма об ответственности хозяев собак, то каким-же образом выяснить кому принадлежит безнадзорная собака? Ведь государство не осуществляет никакой государственный надзор над домашними собаками и не осуществляет их регистрацию, в связи с этим выяснить, кому принадлежит собака, не представляется возможным, из-за чего и привлечь к уголовной ответственности также невозможно.

Таким образом отсутствует, как сама норма уголовного закона об ответственности за данное преступление, так и механизм, который бы позволил найти хозяина животного и выяснить его вину. По нашему мнению, невозможность привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в распространении безнадзорных животных, способствует усугублению данной проблемы, так как люди, зная о ненаказуемости своих деяний, относятся к данным животным безответственно и выставляют их на улицы, где они становятся безнадзорными. И когда улицы наполняются такими животными, они становятся силой, которая несет огромную общественную угрозу, как охраняемым уголовным законом ценностям и общественным отношениям, так и финансовым интересам общества и государства. Поскольку для ликвидации последствий данной проблемы государство тратит огромные деньги налогоплательщиков, которые могли бы пойти вместе этого на другие социально-важные цели.

Таким образом, полагаем, что выявленные и описанные в статье законодательные недостатки в сфере государственного обращения с безнадзорными животными необходимо ликвидировать и создать эффективный механизм по решению данной проблемы.

Список литературы:

1. Амур инфо // Многочисленные укусы и рваные раны: в Хабаровске на женщину напала стая собак [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://amur.info/2024/01/06/mnogozhestvennye-ukusy-i-rvanye-rany-v-habarovske-na-zhenshshinu-napala-staya-sobak/>, свободный (дата обращения: 10.03.2024).
2. Аргументы и факты // «Сняли скальп, скорая в шок!» Стая собак растерзала жителя Хабаровска [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hab.kp.ru/daily/27558/4882766/>, свободный (дата обращения: 10.03.2024).
3. Дорошенко К. Н., Коровина О. А. Бездомные собаки как компонент урбанизированных территорий // Сборник статей XXVII Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2023/05/K-492.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
4. Закон Республики Бурятия от 22 ноября 2023 года № 185-VII «Об установлении порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Республики Бурятия» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406966432> (дата обращения: 15.05.2024).
5. Законодательная Дума Хабаровского края // Новый подход в обращении с безнадзорными животными [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://duma.khv.ru/?doc=270146679>, свободный (дата обращения: 10.04.2024).
6. Зонova А. Б., Плешакова В. И. Проблема бездомных собак в Омске // Электронный научно-методический журнал Омского государственного аграрного университета. – 2016. – № 4(7). – С. 10.
7. Комсомольская правда // Таскали и рвали его на части: после гибели человека от собак в Хабаровске арестовали чиновника мэрии и главу ветклиники [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.hab.kp.ru/daily/27558/4882766/>, свободный (дата обращения: 10.03.2024).
8. Постановление Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изм. и доп. от 18 декабря 2018 г. № 43) // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 10.04.2024).
9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2024 № 38-П «По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 7, абз. 1 ч. 1 и ч. 1 ст. 18 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.10.2024).
10. Постановление Правительства Хабаровского края от 3 марта 2023 года № 86-пр «Об утверждении Порядка предотвращения причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан на территории Хабаровского края» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406531861> (дата обращения: 16.03.2024).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.12.2024).
12. Хабаровские вести // В Южном микрорайоне Хабаровска стая собак напала на шестилетнего мальчика [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://khabvesti.ru/news/incidents/v_yuzhnom_mikroraione_khabarovska_staya_sobak_napala_na_shestiletneho_malchika/, свободный (дата обращения: 10.03.2024).
13. DVHAB.RU // Свора собак чуть не загрызла хабаровчанку в центре города [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/03/16/153105/>, свободный (дата обращения: 10.03.2024).
14. DVHAB.RU // На восьмилетнюю девочку напала стая собак под Хабаровском [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/10/11/161384/>, свободный (дата обращения: 10.03.2024).
15. DVHAB.RU // Мэрия отказалась одна нести ответственность за покусающего собакой ребенка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/04/17/154446/>, свободный (дата обращения: 10.03.2024).

References:

1. Amur info // Multiple bites and lacerations: a woman was attacked by a pack of dogs in Khabarovsk [Electronic resource] – Access mode: <https://amur.info/2024/01/06/mnogozhestvennye-ukusy-i-rvanye-rany-v-habarovske-na-zhenshshinu-napala-staya-sobak/>, free (date of application: 03/10/2024).
2. Arguments and facts // "Scalped, ambulance in shock!" A pack of dogs mauled a resident of Khabarovsk [Electronic resource] – Access mode: <https://www.hab.kp.ru/daily/27558/4882766/>, free (accessed: 03/10/2024).
3. Doroshenko K. N., Korovina O. A. Stray dogs as a component of urbanized territories // Collection of articles of the XXVII International Scientific Research Competition. Penza: ICNS "Science and Education". URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2023/05/K-492.pdf> (date of request: 04/10/2024).
4. The Law of the Republic of Buryatia dated November 22, 2023 No. 185-VII "On establishing the procedure for carrying out activities for the treatment of animals without owners and determining the list of measures for carrying out such activities in the territory of the Republic of Buryatia" // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406966432> (date of request: 05/15/2024).
5. Legislative Duma of the Khabarovsk Territory // A new approach in the treatment of neglected animals [Electronic resource] – Access mode: <http://duma.khv.ru/?doc=270146679>, free (accessed: 04/10/2024).
6. Zonova A.B., Pleshakova V.I. The problem of stray dogs in Omsk // Electronic Scientific and Methodological Journal of Omsk State Agrarian University. 2016. № 4(7). P. 10.
7. Komsomolskaya Pravda // They dragged and tore him apart: after the death of a man from dogs in Khabarovsk, an official of the mayor's office and the head of the VET clinic were arrested [Electronic resource] – Access mode: <https://www.hab.kp.ru/daily/27558/4882766/>, free (date of application: 03/10/2024).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2015 No. 58 "On the practice of appointment by the Courts of the Russian Federation Federation of Criminal Punishment" (with amendments and additions dated December 18, 2018, No. 43) // The official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrif.ru> (date of request: 04/10/2024).
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/18/2024 No. 38-P "On the case of checking the Constitutionality of Part 4 of art. 7, paragraph 1 of Part 1 and Part 1 of art. 18 of the Federal Law "On Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic Buryatia" // ConsultantPlus legal Reference System (accessed: 10/28/2024).
10. Resolution of the Government of the Khabarovsk Territory dated March 3, 2023 No. 86-pr "On approval of the Procedure for preventing animals without owners from harming the life or health of citizens in the Khabarovsk Territory" // Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406531861> (date of application: 03/16/2024).
11. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ (as amended on 12/28/2024) // Legal reference system "ConsultantPlus" (date of application: 12/28/2024).
12. Khabarovsk news // In the Southern district of Khabarovsk, a pack of dogs attacked a six-year-old boy [Electronic resource] – Access mode: https://khabvesti.ru/news/incidents/v_yuzhnom_mikroraione_khabarovska_staya_sobak_napala_na_shestiletneho_malchika/, free (accessed: 03/10/2024).
13. DVHAB.RU // A pack of dogs almost killed a Khabarovsk woman in the city center [Electronic resource] – Access mode: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/03/16/153105/>, free (accessed: 03/10/2024).
14. DVHAB.RU // An eight-year-old girl was attacked by a pack of dogs near Khabarovsk [Electronic resource] – Access mode: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/10/11/161384/>, free (accessed: 03/10/2024).
15. DVHAB.RU // The Mayor's Office refused to be responsible alone for a child bitten by a dog [Electronic resource] – Access mode: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/04/17/154446/>, free (date accessed: 03/10/2024).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ CRIMINOLOGICAL DETERMINANTS OF BRIBERY MEDIATION: MODERN PERCEPTIONS

МИХАЙЛИН Даниил Александрович,

аспирант, Самарский государственный экономический университет.

ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.

E-mail: mihailin-daniil@yandex.ru;

MIKHAILIN Daniil Alexandrovich,

postgraduate student, Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armii St., Samara, Samara region, 443090, Russia.

E-mail: mihailin-daniil@yandex.ru

Краткая аннотация. Посредничество во взяточничестве достаточно давно является предметом внимания криминологической науки. Ранее этот феномен рассматривался как форма сложного соучастия. В настоящее время это деятельность изучается как самостоятельный вид противоправного поведения, обладающий определенными особенностями. Безусловно, есть специфические маркеры и у субъектов, осуществляющих криминальное посредничество. Указанные характеристики в последние годы претерпели значковые изменения: снизился возраст злоумышленников этого сегмента, выросла степень женского участия и наблюдается увеличение рецидива. Перечисленные факторы делают криминологический анализ этого преступления актуальным. **Цель:** заключается в попытке рассмотреть наиболее существенные детерминанты криминологической характеристики данного вида противоправной деятельности. **Методы:** аксиологические аспекты и системные начала, с использованием материалов следственно-судебной практики, применением деятельностной траектории, интерпретации, прогнозирования и экспертных оценок. **Результаты:** проведенное исследование позволило выявить актуальные проблемы криминологического анализа посредничества во взяточничестве. Подходы к этой проблематике отличаются динамикой, что связано с экономическими, политическими и социальными реформами и особенностями современного периода развития России. Наблюдаются изменения в выделении детерминант данного вида противоправной деятельности, с приданием некоторым из них определяющего значения, другим - субсидиарного. Наряду с социально-демографическими показателями исключительную значимость приобретают психологические аспекты.

Abstract. Mediation in bribery has long been the focus of criminological science. Previously, this phenomenon was considered as a form of complex complicity. Currently, this activity is being studied as an independent type of illegal behavior with certain characteristics. Of course, there are specific markers for entities engaged in criminal mediation. These characteristics have undergone significant changes in recent years: the age of the attackers in this segment has decreased, the degree of female participation has increased, and there has been an increase in recidivism. These factors make the criminological analysis of this crime relevant. **The purpose** of the article is to try to consider the most significant determinants of the criminological characteristics of this type of illegal activity. **Methods:** axiological aspects and systemic principles, using materials from investigative and judicial practice, using an activity trajectory, interpretation, forecasting and expert assessments. **Results:** the conducted research revealed the actual problems of criminological analysis of mediation in bribery. Approaches to this issue differ in dynamics, which is related to economic, political and social reforms and the peculiarities of the modern period of Russia's development. There have been changes in the identification of the determinants of this type of illegal activity, with some of them being given a defining significance, others a subsidiary one. Along with socio-demographic indicators, psychological aspects are of exceptional importance.

Ключевые слова: криминальный промысел, профессиональное посредничество, профилактическая работа, гендерные факторы, незаконное вознаграждение, субсидиарный характер, коррупционное соглашение, корыстная мотивация.

Keywords: criminal industry, professional mediation, preventive work, gender factors, illegal remuneration, subsidiary nature, corrupt agreement, selfish motivation.

Для цитирования: Михайлин Д.А. Криминологические детерминанты посредничества во взяточничестве: современные представления // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 513-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_513.

For citation: Mikhailin D.A. Criminological determinants of bribery mediation: modern perceptions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 513-516. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_513.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Криминологическая наука традиционно рассматривает в качестве посредника лицо, совершающее противоправное деяние, содержащее признаки состава, предусмотренного статьей 291.1 УК РФ. Преступление относится к числу коррупционных, что свидетельствует о высокой общественной опасности субъекта. При этом он использует элементы маскировки, придавая своим действиям легальный характер, в том числе, путем использования имеющихся у него служебных полномочий. Именно это придает им латентность, создавая сложности в выявлении и раскрытии. Нередко в этом сегменте оказывается ближайшее окружение взяточника – его родственники, знакомые, сотрудники, находящиеся у него в подчинении [7, с. 48-49]. Очевидно, что представители этой группы имеют определенные особенности, которые необходимо учитывать при проведении с ними профилактической работы.

Среди социально-демографических признаков достаточно значим возраст. Посредничество как вид криминальной активности выбирают 30-40 летние. В ряде исследований отмечается, что граница смещена немного выше и средние показатели составляют 42 года [5, 20 с.]. Мы с этим утверждением не вполне согласны, поскольку переход к рыночной экономике привел к омоложению возрастной группы, склонной к данному виду посягательств. Объективно это объясняется тем, что это наиболее трудоспособный возраст, сопровождающийся поисками источников доходов, в том числе нелегальных, ростом контактов. Приведенные цифры коррелируются с данными криминологической характеристики других участников цепи взяточничества.

Изучение уголовных дел показывает, что зачастую подобные действия не планируются, совершаются спонтанно. Злоумышленника к ним как бы подталкивает сама ситуация, предлагая ему осуществлять указанные функции в складывающихся обстоятельствах. Такая необходимость более свойственна молодому возрасту, когда не всегда четко в сознании выстраивается линейка возможных негативных последствий. Кроме того, это отражается в отсутствии четкого алгоритма рассматриваемого вида криминальной деятельности.

Представителям изучаемой возрастной группы свойственен нигилизм, критичное отношение к власти, стремление к получению дохода

любыми способами. Для достижения личной выгоды они способны переходить барьеры законопослушности, пренебрегать нравственными устоями и втягивать в этот порочный круг других лиц. Анализ региональной следственно-судебной практики не выявил в этом сегменте лиц более молодого возраста, а именно до 22-23 лет. Объясняется это тем, что указанная группа, как правило, еще проходит профессиональное обучение, соответственно не находится в служебной зависимости от фигурантов, принимающих незаконное вознаграждение. Коммуникативные связи в этот жизненный период только устанавливаются и их уровень не позволяет реализовывать подобный функционал.

Если говорить о представителях старшего поколения, то им присуща высокая осторожность в принятии решений; они взвешивают все благоприятные факторы и правильно оценивают отрицательные моменты, опираясь на свой жизненный опыт.

Планируя пропедевтическую работу в рассматриваемом секторе, акцент необходимо делать на возрастной сегмент 30-40 летних, поскольку именно они попадают в зону риска оказаться втянутыми в посредническую деятельность. Помимо разъяснительной работы, целесообразно изучать коррупционный климат в конкретном трудовом коллективе, поскольку достаточно часто к таким злоупотреблениям подталкивает общая обстановка вседозволенности, равнодушное отношение к такого рода проявлениям, а иногда даже и негласное их одобрение.

Относительно гендерного фактора: посредничество во взяточничестве принято считать мужским преступлением (по статистике это около 80% осужденных по статье 291.1 УК РФ). Вместе с тем в последние годы отмечается рост женского участия в этом криминальном бизнесе. Исследователи вопроса убеждены, что тенденция к увеличению числа женщин, способствующих передаче/получению незаконного вознаграждения, будет сохраняться [9, с. 160-166].

По пессимистическим прогнозам, оно может в обозримом будущем достичь 40-45%. С одной стороны, психологически это связано с тем, что принять решение о занятии этим преступным промыслом способны не только мужчины, но и женщины. С другой, последние более осторожны; они просчитывают негативные последствия, учитывают свою ответственность за семью и детей, что останавливает их от попадания в число посредников. Объективно взяточник, занимающий руководящую должность, чаще всего мужчина, поэтому он более готов коммуницировать с лицами того же пола. По изученным делам женщины, выполняющие такую функцию, как правило, были из ближнего круга лица, принимающего незаконное вознаграждение, их связывали с ним дружеские отношения. В этой связи у них зачастую иная мотивация, чем у мужчин. Так, они не всегда делают это, чтобы получить материальную выгоду. Нередко совершают противоправные действия по просьбе, чтобы помочь близкому человеку.

Итак, мы можем согласиться с тем, что женщин в этом сегменте будет, безусловно, становиться больше, поскольку растет их социальная активность во всех сферах, но в конкретных цифрах все же не более 30% от общего количества посредников.

Действительно, как правило, посредника со взяточником связывают отношения подчиненности. Обычно в этом качестве фигурирует уровень среднего и нижнего звена. Соглашаясь на оказание содействия в манипуляциях с незаконным вознаграждением, эти лица руководствуются своими карьерными соображениями, рассчитывая на то, что за «помощь» будут продвинуты по служебной лестнице, получают желаемую должность. Нередко они надеются на другие дополнительные бонусы в виде различных послаблений и преимуществ.

Иногда в коллективе знают о такой линейке взаимоотношений руководителя и подчиненного, но закрывают на это глаза, не хотят связываться. В большинстве случаев это скрытая деятельность, внешне все обставляется как обычное выполнение приказов руководителя, что является частью должностного функционала конкретного лица. Тем более, что потенциальные посредники обладают высокой степенью коммуникативности и умеют выстраивать отношения с коллегами. Трудностей в общении у них нет никаких как с рядовыми сотрудниками, так и с начальствующим составом. Они без проблем выходят на доверительный уровень, становятся для руководителя незаменимыми.

Относительно образовательного статуса представителей этого сегмента, заметим, что около 50% имеют высшее образование, иногда даже два. В том числе, около 20-23% с юридическим и экономическим образованием. Имеющиеся специальные знания в отмеченных областях позволяют им выступать в роли своеобразных консультантов других участников криминальной цепи взяточничества. Объективно это объяснимо тем, что наличие высшего образования является обязательным условием для поступления на государственную и муниципальную службу, «входным билетом» для получения определенной должности и реализации профессиональных возможностей. Полагаем, что в дальнейшем в этой криминальной группе число лиц, имеющих высшее образование, будет возрастать. Именно таких интеллектуальных посредников достаточно сложно отличить от соучастников в других смежных преступлениях, например, в мошенничестве [2, с. 472-479].

Анализ изученных уголовных дел не выявил у посредников высокого уровня доходов. Очевидно, причина в том, что они получают свое вознаграждение за содействие в манипуляциях с незаконным вознаграждением ни в денежном эквиваленте, а иными способами. Исключение составляют лица, которые сами занимают достаточно высокое должностное положение и обладают определенными возможностями. С взяточполучателем они в этом случае могут находиться на одном уровне по служебному положению и благосостоянию.

Подавляющее большинство посредников стараются скрывать свои истинные доходы; ведут достаточно замкнутый образ жизни, не демонстрируя ценностные приобретения. В литературе прошлых лет их нередко характеризовали как асоциальных элементов, склонных к употреблению спиртных напитков, что оценивалось как проявление опасения быть привлеченными к уголовной ответственности. В современный период личность посредника претерпела коренные изменения. Алкогольной зависимостью они не страдают, выглядят как все, без негативных проявлений. Ведут здоровый образ жизни, стараются внешне и в поступках не выделяться, соблюдают трудовую дисциплину [3, с. 251-256].

Нами было проанализировано по специально разработанной анкете 50 уголовных дел по статье 291.1 УК РФ. Все фигуранты занимались общественно полезным трудом – работали, учились; имели постоянное место жительства; характеризовались положительно. Среди качеств, которые у них отмечались, были ответственность; высокий уровень исполнительской дисциплины; коммуникативность; умение правильно выстраивать отношения в коллективе; корректность; тактичность. Безусловно, перечисленные аспекты являются положительными, однако с учетом того вида криминальной активности, который избрали субъекты, они подтверждают антисоциальные установки их личности. Здесь мы

видим пример того, когда качества плюс под влиянием ситуации приобретают отрицательную окраску.

В теории высказывается мнение, что социальный институт семьи способен остановить злоумышленника от совершения противоправных деяний [8, с. 221-224]. Данный тезис применим к общеуголовной преступности, но не к коррупционным составам. Посредники в большинстве стремятся криминальным дополнительным доходом увеличить благосостояние своей семьи, члены которой не особенно интересуются его источником. В зарегистрированном браке по статистике состояли около 20% осужденных, остальные находились в гражданском браке, состоянии развода. Многие имели на иждивении несовершеннолетних детей, престарелых родителей.

Относительно локации проживания лиц, совершающих подобные преступления. Как правило, это место максимально приближенное к передаче незаконного вознаграждения. В большинстве своем это городские агломерации, поскольку это сопряжено с активной хозяйственной деятельностью, финансовыми потоками, именно там сосредоточены государственные органы, должностные лица с управленческими функциями [1, с. 64-70]. Сельская местность в этом смысле мало взаимосвязана с процессами рыночной экономики, поэтому коррупционных преступлений там в разы меньше.

В конструкции статьи 291.1 УК РФ отсутствует квалификационный признак совершения посредничества ранее судимым лицом. Такой подход законодателя демонстрирует позицию, что в этом сегменте отмечается не высокий уровень рецидива. Тем не менее, статистика показывает наличие повторности совершения указанных деяний после отбытия наказания. Относительно совершения подобных посягательств ранее судимыми лицами, заметим, что помимо аналогичного состава в нем присутствуют ранее осужденные за мошенничество. Полагаем, что это связано с тем, что данные противоправные деяния достаточно близки по объективным и субъективным признакам.

Попробуем разобраться в психологических особенностях представителей этой группы. Они умеют ставить перед собой цель и добиваться ее любыми способами; отличаются амбициозностью. Зачастую недовольны своим местом в обществе, считают себя незаслуженно недооцененными, стремятся повысить свой социальный статус. Если посредник находится в подчинении у лица, получающего незаконное вознаграждение, то для него главными становятся не корыстные устремления, а желание угодить руководителю, заслужить его одобрение, избежать негативных последствий по службе. Некоторые задержанные заявляют о том, что даже не знали, что находится в передаваемом конверте. Они утверждают, что выполняли поручение своего непосредственного начальника, не догадываясь о его противоправных намерениях.

Для многих злоумышленников этого сегмента характерно оправдывать свои действия, со ссылкой на то, что в них нет ничего противоправного, «все так делают». Многие пытаются придать совершаемым посягательствам видимость благородного поступка, утверждая, что денежные средства были необходимы для оплаты неотложной операции, помощи престарелым и больным родственникам. Полагаем, что искаженная оценка происходящего говорит о низкой правовой культуре и является свидетельством желания злоумышленников избежать уголовной ответственности или уменьшить ее объем.

Криминологическая наука предлагает классифицировать посредников во взяточничестве на несколько типов.

Активно-корыстные зачастую сами предлагают свою кандидатуру в качестве посредников. Нередко они обладают опытом такой криминальной деятельности, занимаются ею систематически, на протяжении длительного времени. Считают, что действуют скрытно, убеждены в своей безнаказанности. Действительно их сложно оперативно выявлять; прибегают к сложным коррупционным схемам, включая многоступенчатое посредничество или маскируя манипуляции с незаконным вознаграждением под легальные операции.

Представители этого кластера противоправное получение материальных ценностей ставят во главу угла. Данный способ они используют в целях реализации своих амбиций. Иногда их поведение носит отчетливо демонстративный характер, представляя собой определенный вызов. В нем могут присутствовать элементы игры. Они энергичны, эмоциональны и способны на риск, испытывают наслаждение от опасности.

Ситуативно-корыстные становятся посредниками под влиянием внешних обстоятельств. Однако то, что они делают выбор в пользу криминальной деятельности, свидетельствует о незрелости их личности, правовой неустойчивости, желании получить нелегальную прибыль.

В группе ситуативно-пассивных фигуранты оказываются случайно. В их планы не входит занятие подобной деятельностью, но как бы получается, что их в нее вовлекает определенная обстановка. Особой инициативы они не проявляют, действуют при заданных вводных, спокойно выполняя полученные указания. Близко к ним стоят ситуативно-вынужденные. Входящие в этот сегмент отличаются высоким уровнем внушаемости, легко поддаются чужому влиянию и действуют вынужденно, например, под угрозой увольнения со службы или понижения в должности.

Весьма специфичны спровоцированные типы, которые являются предметом изучения виктимологии. Их поведение формируется множеством факторов социально-психологического свойства. Превалирующую роль играет ощущение нестабильности, отсутствие постоянного дохода, недостаточность средств, а также отсутствие коммуникативной культуры у руководителей, которые оказывают на сотрудников коррупционное давление, выходя за пределы профессиональной компетенции.

Само криминальное посредничество включено в преступную цепь взяточничества, представляющего собой сложную криминальную схему. Оно является ее неотъемлемым звеном. Некоторые исследователи сравнивают его со сделкой, которая осуществляется на определенных условиях, где с одной стороны заинтересованное в таких услугах лицо, с другой тот, кто соглашается оказать ему соответствующее содействие [6, с. 32-35]. Форма схожая, однако содержание носит исключительно противоправный характер.

Существует точка зрения, что посредническая деятельность является факультативной, субсидиарной, поскольку она зависит от целей фигурантов, планирующих манипуляции с незаконным вознаграждением, подчинена их воле, осуществляется в их интересах. Вместе с тем с этим трудно согласиться. В большинстве случаев она выражается в активных актах, причем носящих инициативный характер. Роль посредника нельзя недооценивать, так как он нередко становится участником обсуждения условий операций с незаконным вознаграждением. Он может действовать как в интересах одной стороны, так и двух участников. Такая деятельность носит сложный многоуровневый характер.

В подавляющем большинстве случаев посредник выполняет волю стороны взяточничества. Однако не исключено наличие у него соб-

ственного интереса в манипуляциях с незаконным вознаграждением, о котором остальные участники могут быть и не осведомлены. Объективно это определяется тем, что данная деятельность может носить как техническо-вспомогательный характер, так и превращаться в знаковую для конкретного преступления. Некоторые авторы полагают, что посредник может играть роль организатора в передаче незаконного вознаграждения [4, с. 63-68]. Между тем квалифицирующее значение в смысле статьи 291.1 УК РФ придается исключительно вспомогательной деятельности, поскольку в задачу этого субъекта входит облегчение процесса транзакции предмета взятки от одного заинтересованного другому.

Многие авторы отмечают двойственный характер посредничества, которое является не только «физическим» - конкретные действия, но и «интеллектуальным» - советы, рекомендации. Мы согласны с мнением, что этой деятельности свойственна трансляционность, выражающаяся в передаче незаконного вознаграждения и установлении, последующего поддержания связи между участниками цепочки взяточничества.

Как правило, это системная деятельность, которая не сводится к единственному акту, она продолжается длительное время, отличается нестандартными ходами, непредсказуемым поведением злоумышленников, сложностью и намеренной запутанностью криминальных схем.

Проведенный анализ региональной правоприменительной практики выявил настораживающую тенденцию, которая демонстрирует рост числа адвокатов, среди лиц, осуществляющих криминальное посредничество. Причем большинство из них ранее являлись сотрудниками следственных и оперативных структур. Они используют сохранившиеся у них служебные связи для решения вопросов незаконного возбуждения и прекращения уголовных дел, применяя свой профессиональный опыт в оценке обоснованности собранного проверочного материала.

Подобные случаи являются примерами так называемого профессионального посредничества, о котором много говорится криминологами в последнее время. Адвокат здесь выступает в качестве такого компетентного связующего, воздействуя на следователя или судью с целью принятия процессуального решения, благоприятного для взяткодателя. Видимо, адвокатскому сообществу следует более взвешенно относиться к принятию в свою корпорацию новых членов и более внимательно контролировать их деятельность с точки зрения ее законности, и этичности.

Достаточно распространенным является родственно-свойственное посредничество, когда для передачи незаконного вознаграждения заинтересованные используют свое ближайшее окружение. Формальное декларирование доходов чиновников и членов их семей неспособно выявлять подобные слабые звенья.

Мы глубоко убеждены, что питательной средой посредничества являются вседозволенность, равнодушие, отсутствие правовой и корпоративной культуры, а также неисполнение требований действующего законодательства, пренебрежительное отношение к установленным нормам и правилам.

Подводя итог сказанному, заметим, что опасность посредничества во взяточничестве заключается в том, что определенные лица выстраивают себе подобную деятельность в качестве промысла, делая ее источником постоянного дополнительного дохода.

Очевидно, что исключительно просветительская деятельность не способна преодолеть желание злоумышленников заниматься этим видом криминальной деятельности. Эффективной может быть только профилактическая деятельность, которая осуществляется системно и комплексно, на основе постоянного взаимодействия всех участников этого процесса. Силами исключительно сотрудников правоохранительных органов решить эту задачу невозможно, тем более что в самой этой сфере высок уровень коррумпированности.

Государство должно опираться на поддержку гражданского общества, использовать различные волонтерские движения по выявлению круга «решал». Каждый такой факт должен получать публичное порицание. В последующем осужденное за подобные действия лицо не должно допускаться не только до государственной и муниципальной службы, но даже попадать в ряды близких к ней структур, например, той же адвокатской корпорации.

Список литературы:

1. Ахундов Д.Р. Криминологический анализ личности преступника, совершающего коррупционные преступления в условиях городской агломерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2023. - Том № 14. - № 3 (53). - С. 64-70. DOI: 10.37973/KUI.2023.27.49.001 EDN: MQHNSOV
2. Бондарь А.Я., Замарев В.И., Ревягин А.В. Посредничество во взяточничестве: понятие, проблемы и профилактика // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2021. - Том 26. - № 4 (87). - С. 472-479. DOI: 10.24412/1999-6241-2021-487-472-479 EDN: JOJCUQ
3. Вьялшин К.Н., Чураков А.Н. Криминологическая характеристика личности посредника во взяточничестве // Наука XXI века: актуальные направления развития: материалы конференции. - 2021. - № 1-2. - С. 251-256. DOI: 10.46554/ScienceXXI-2021.02-1.2-pp.251 EDN: LVTYAZ
4. Гаджиев Д.М., Криминологическая характеристика личности коррупционера // Научные высказывания. - 2024. - № 2 (49). - С. 63-68. EDN: GSVHBC
5. Гейнце О.В. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 20 с. EDN: CWVENT
6. Египян А.М., Коробеев А.И. Криминологическая характеристика личности субъекта, совершающего посредничество во взяточничестве // Universum: экономика и юриспруденция. - 2023. - № 2 (101). - С. 32-35. EDN: VMOFYU
7. Зоннова Н.А. Криминологическая характеристика коррупционных преступлений // Символ науки: международный научный журнал. - 2022. - № 6-1. - С. 48-49. EDN: NEUIEC
8. Курдюмов Р.В. Проблемные вопросы квалификации посредничества во взяточничестве / Р.В. Курдюмов. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2023. - № 40 (487). - С. 221-224. EDN: XVMVSQ
9. Милова И.Е., Исаев М.М., Алякишева О.С. Генезис развития уголовного законодательства об ответственности за посредничество во взяточничестве // Вестник Российского нового университета. Серия "Человек и общество". - 2020. - № 2. - С. 160-166. DOI: 10.25586/RNU.V9276.20.02.P.160 EDN: IQHTFR

References:

1. Akhunov D.R. Criminological analysis of the personality of a criminal who commits corruption crimes in an urban agglomeration // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - Tom № 14. - № 3 (53). - Pp. 64-70. DOI: 10.37973/KUI.2023.27.49.001 EDN: MQHNSOV
2. Bondar A.Ya., Zamarev V.I., Revyagin A.V. Mediation in bribery: concept, problems and prevention // Psychopedagogy in law enforcement agencies. - 2021. - Tom 26. - № 4 (87). - Pp. 472-479. DOI: 10.24412/1999-6241-2021-487-472-479 EDN: JOJCUQ
3. Vyalsin K.N., Churakov A.N. Criminological characteristics of the personality of an intermediary in bribery // Science of the XXI century: current directions of development: conference materials. - 2021. - No. 1-2. - pp. 251-256. DOI: 10.46554/ScienceXXI-2021.02-1.2-pp.251 EDN: LVTYAZ
4. Gadzhiev D.M., Criminological characteristics of the personality of a corrupt official // Scientific statements. - 2024. - № 2 (49). - Pp. 63-68. EDN: GSVHBC
5. Heinze O.V. Criminal liability for mediation in the commission of crimes: abstract. diss. ... kand. jurid. nauk. - M., 2022. - 20 p. EDN: CWVENT
6. Egiyan A.M., Korobeev A.I. Criminological characteristics of the personality of a subject who commits mediation in bribery // Universum: economics and jurisprudence. - 2023. - № 2 (101). - Pp. 32-35. EDN: VMOFYU
7. Zonova N.A. Criminological characteristics of corruption crimes // Symbol of science: an international scientific journal. - 2022. - № 6-1. - pp. 48-49. EDN: NEUIEC
8. Kurdyumov R.V. Problematic issues of qualification of mediation in bribery / R.V. Kurdyumov. - Text: direct // Young scientist. - 2023. - № 40 (487). - Pp. 221-224. EDN: XVMVSQ
9. Milova I.E., Isaev M.M., Alyakishcheva O.S. The genesis of the development of criminal legislation on liability for mediation in bribery // Bulletin of the Russian New University. The series "Man and Society". - 2020. - No. 2. - pp. 160-166. DOI: 10.25586/RNU.V9276.20.02.P.160 EDN: IQHTFR

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДАЕМЫХ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY UNLAWFUL ACTIONS OF PERSONS EXEMPT FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT

ЛЕГОСТАЕВ Сергей Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России.

390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, Сенная ул., 1.

E-mail: servalleg@yandex.ru;

LEGOSTAEV Sergey Valentinovich,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390 000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: servalleg@yandex.ru;

Краткая аннотация. В статье раскрыты проблемные аспекты возмещения вреда в уголовном судопроизводстве. Выделены наиболее важные процессуальные гарантии защиты прав гражданских истцов и потерпевших от преступлений. Сделан вывод о том, что в настоящее время возмещения вреда, причиненного преступными деяниями лиц, получивших снисхождение от государства, в уголовном судопроизводстве в полном объеме не обеспечено. Указывается на отсутствие единого подхода законодателя к заглаживанию вреда от преступления как условию освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Abstract. This article reveals the problematic aspects of compensation for harm in criminal proceedings. The most important procedural guarantees for the protection of the rights of victims of crimes are highlighted. It is concluded that currently, compensation for damage caused by the criminal acts of persons who have received leniency from the State is not fully provided in criminal proceedings. There is no unified approach by the legislator to making amends for the harm caused by a crime as a condition for exemption from criminal liability and punishment. Proposals are being made to specify the legal norms that ensure and guarantee the rights of victims and civil plaintiffs.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные правоотношения, имущественные права потерпевших и гражданских истцов, освобождение от уголовной ответственности, возмещение преступного вреда.

Keywords: criminal procedural legal relations, property rights of victims and civil plaintiffs, exemption from criminal liability, compensation for criminal damage.

Для цитирования: Легостаев С.В. Возмещение вреда, причиненного противоправными действиями лиц, освобожденных от уголовной ответственности и наказания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 517-518. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_517.

For citation: Legostaev S.V. Compensation for damage caused by unlawful actions of persons exempt from criminal liability and punishment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 517-518. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_517.

Статья поступила в редакцию: 14.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Возможность заявления и разрешения гражданского иска в уголовном деле является одной из государственных гарантий защиты гражданских прав лиц, потерпевших от преступлений. Дубровин В.В. по этому поводу указывал, что «центральным правовым институтом, используемым в отечественном судопроизводстве для возмещения вреда, причиненного преступлением, является гражданский иск в уголовном процессе» [1, с.25]. Важность этих процессуальных действий подчеркивается, например, Никоноровой О.Е., которая отмечает, «что рассмотрение гражданского иска непосредственно с материалами уголовного дела способствует процессуальной экономии времени по возмещению материального ущерба» [3, с. 321-324].

Возмещение вреда, на наш взгляд, должно обеспечиваться государством именно в уголовно-процессуальном порядке. В тоже время не всегда должным образом осуществляется правовая защита интересов соответствующих участников процесса от негативных последствий преступных деяний, своевременного заглаживания вреда не происходит по причине выделения исковых требований в гражданское судопроизводство.

Существующие процессуальные противоречия актуализируются в связи с внесением Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ, которыми предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а также в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

По этому поводу Звечаровский И.Э. указывает, что «новое основание освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования военнослужащих призвано не только стать дополнительной гарантией защиты их прав, но и обеспечить снисхождение со стороны государства в отношении лиц, однако не нужно упускать из виду и не обратить внимание на защиту и гарантии прав потерпевших и гражданских истцов в части возмещения причиненного вреда» [2]. Разделяя обозначенную обеспокоенность, заметим также, что весьма неконкретным является положение новой нормы упомянутого закона о возможности разрешения этих вопросов в порядке гражданского судопроизводства. Как вытекает из текста соответствующей статьи закона следователь и суд не обязаны выделять материалы из дела в части касающейся гражданского иска. По смыслу закона достаточно разъяснить заинтересованному лицу право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства. Можно предположить, что такой подход повлечет за собой неоднозначную практику принятия решений.

Согласно новым положениям «лицо, совершившее преступление, предварительное расследование в отношении которого приостановлено, освобождается от уголовной ответственности:

- со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;
- со дня увольнения с военной службы по достижению предельного возраста пребывания на военной службе; по состоянию здоровья –

в связи с признанием не годным к военной службе (за исключением проходящего военную службу по контракту и изъявившего желание ее продолжить); в связи с окончанием периода мобилизации, отменой военного положения и (или) истечением военного времени - для граждан, указанных в пункте 5.1 статьи 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в том числе имеющими судимость, отбывшими наказание в виде лишения свободы, судимость которых снята или погашена), заключивших контракт»¹.

Указанные обстоятельства имеют объективную неопределенность во времени, а принятие окончательного решения по делу, позволяющего лицу обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства, связано именно с их наступлением. Следовательно, момент реализации процессуальных прав может быть отложен на неопределенное время.

В случае приостановления производства по уголовному делу как на предварительном следствии, так и при рассмотрении дела судом, вопрос доказанности виновности лица не разрешается, рассмотрения дела по существу не заканчивается. В такой ситуации гражданский истец практически лишается возможности на удовлетворение исковых требований в гражданском судопроизводстве. Кроме того, по всей видимости не будет иметь положительных перспектив иск в случае гибели виновного лица во время боевых действий.

В связи с изложенным, вполне справедливой является точка зрения о том, что «освобождение от уголовной ответственности подразумевает не столько заглаживание вреда, сколько искупление своей вины социально важными поступками, совершенными в особой обстановке (ведение боевых действий) и представляющими ценность не для потерпевшего, а для государства и общества в целом» [4].

Одним из способов обеспечения прав потерпевших и гражданских истцов при освобождении от уголовной ответственности и наказания лиц, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время можно предложить следующий процессуальный порядок: сначала заглаживается причиненный преступлением вред, после чего применяется акт освобождения от уголовной ответственности и наказания. Заглаживание вреда как условия применения новых правил освобождения от уголовной ответственности и наказания будет вполне соответствовать общему порядку применения данного процессуального института по другим основаниям.

В контексте обозначенных процессуальных недостатков в настоящее время представляется целесообразным рассмотреть на законодательном уровне вопрос о возмещении ущерба от преступления за счет государства, для того чтобы определенным образом восстановить справедливость, а также уравновесить права и интересы всех участников уголовного судопроизводства.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что при применении новых положений закона в отношении отдельной категории лиц, возникает вопрос о соотношении гарантий обеспечения интересов участников процесса. Законодательное смягчение положения лиц, перечисленных в законе, а также определение порядка освобождения их от уголовной ответственности и наказания, преследует цель защиты государственных интересов, которые в данном случае являются приоритетными в уголовно-процессуальных правоотношениях. Процессуальное положение подозреваемых, обвиняемых и подсудимых несомненно улучшается, так как имеет место его гуманизация, в тоже время происходит определенное ослабление государственных гарантий обеспечения прав потерпевших и гражданских истцов.

В настоящее время в силу непродолжительного периода действия закона окончательные выводы о его совершенстве и эффективности применения делать конечно преждевременно, тем более что «судебной практики по жалобам потерпевших на решения такого рода пока нет, что может свидетельствовать о наличии у них принципиального согласия с новыми правилами освобождения от уголовной ответственности и наказания [5, с.405]. В тоже время, остается резонный вопрос: в полной ли мере реализуется назначение уголовного судопроизводства в части защиты лиц, потерпевших от преступления?

Список литературы:

1. Дубровин В.В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва. 2010. С. 25. EDN: QEPREN
2. Звечаровский И.Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации. Законность, 2024, N 10. 82 с. EDN: GXAKWC
3. Никонорова О.Е. Реализация полномочий прокурора по предъявлению гражданских исков в уголовном процессе. Молодой ученый. 2019. №25 (263). С. 321-324. EDN: UZCETE
4. Стельмах В.Ю. Прекращение уголовного преследования мобилизованного военнослужащего. Уголовное право, 2024, N 11. 86 с. DOI: 10.52390/20715870_2024_11_75 EDN: XSSAJZ
5. Шаталов А. С. О достоинствах и недостатках существующего порядка освобождения от уголовной ответственности обвиняемых и осужденных, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные силы Российской Федерации. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер probation, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества. Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции, приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России (г. Рязань, 31 октября - 1 ноября 2024 г.). Т. 1. С.405.

References:

1. Dubrovin V.V. Civil action and other institutions for compensation of harm from crimes in criminal proceedings (international, foreign, domestic experience of legal regulation). The abstract. diss. ... kand. jurid. sciences'. Moscow. 2010. p. 25.
2. Zvecharovsky I.E. A new type of exemption from criminal liability: minuses and advantages of legislative regulation. Legality, 2024, No. 10. 82 p.
3. Nikonorova O.E. Implementation of the prosecutor's powers to file civil lawsuits in criminal proceedings. A young scientist. 2019. No. 25 (263). pp. 321-324.
4. Stelmakh V.Y. Termination of criminal prosecution of a mobilized serviceman. Criminal Law, 2024, No. 11. 86 p.
5. Shatalov A. S. On the advantages and disadvantages of the existing procedure for the exemption from criminal liability of accused and convicted persons called up for military service on mobilization or in wartime in the Armed Forces of the Russian Federation. The penal enforcement system of the Russian Federation: issues of the execution of criminal penalties, the implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society. Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, October 31 – November 1, 2024). Vol. 1. p.405.

¹ Федеральный закон от 23.03.2024 N 64-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации "Собрание законодательства РФ", 25.03.2024, N 13, ст. 1687,

РОЛЬ И МЕСТО ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА THE ROLE AND PLACE OF THE PRINCIPLE OF LIBERTY OF ASSESSMENT OF EVIDENCE IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY

ПОПОВА Ирина Павловна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России.

664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

E-mail: irinabaikal@mail.ru;

ГАПОНОВ Кирилл Владимирович,

слушатель ФПСИ Восточно-Сибирского института МВД России.

664074, Россия, Иркутская обл., г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

E-mail: barakyda.38@bk.ru;

POPOVA Irina Pavlovna,

Candidate of Law Sciences Associate Professor, Associate Professor Department of Criminal Procedure
East Siberian Institute of the MIA of Russia.

110 Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074.

E-mail: irinabaikal@mail.ru;

GAPONOV Kirill Vladimirovich,

5th-year student of the East Siberian Institute of the MIA of Russia.

110 Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074.

E-mail: barakyda.38@bk.ru

Краткая аннотация. В последние годы технологии искусственного интеллекта (ИИ) стремительно развиваются и все больше проникают в различные сферы жизнедеятельности, включая уголовное судопроизводство и государственное управление. Принцип свободы оценки доказательств, традиционно лежащий в основе уголовного процесса, сталкивается с новыми вызовами в условиях автоматизации и алгоритмизации. В данной статье рассматриваются проблемы и возможности внедрения ИИ в систему правосудия, а также мировой опыт и дискуссии о пределах такого внедрения. Авторами выделяются три концепции будущей судебной системы с учетом развития информационных технологий: традиционная концепция, умеренная концепция и прогрессивная. Традиционная концепция ориентирована на сохранение классических принципов судебного разбирательства с внедрением цифровых технологий для повышения эффективности, но без значительных структурных изменений. Умеренная концепция подразумевает использование ИИ для автоматизации рутинных задач, при этом сохраняя внимание к этическим нормам и важности человеческого фактора. Прогрессивная концепция предполагает более глубокую интеграцию ИИ в судопроизводство, где ИИ принимает активное участие в принятии решений.

Abstract: In recent years, artificial intelligence (AI) technologies have been rapidly developing and increasingly penetrating various spheres of life, including criminal proceedings and public administration. The principle of liberty of assessment of evidence traditionally underlying criminal proceedings, faces new challenges in the context of automation and algorithmicization. This article considers the challenges and opportunities for the introduction of AI into the justice system, as well as the global experience and discussions on the limits of such introduction. Author defines three concepts of the future judicial system taking into account the development of information technologies: traditional concept, moderate concept and progressive concept. The traditional concept focuses on preserving the classical principles of judicial proceedings with the introduction of digital technologies to improve efficiency, without significant structural changes. The moderate concept involves the application of AI to automate routine tasks, while maintaining attention to ethical standards and the importance of the human factor. The progressive concept suggests a deeper integration of AI into court proceedings, where AI takes an active role in decision-making.

Ключевые слова: уголовный процесс, свобода оценки доказательств, искусственный интеллект (ИИ), доказательство, доказывание, электронное судопроизводство, цифровизация.

Key words: criminal litigation, liberty of assessment of evidence, artificial intelligence (AI), fact in evidence, averment, electronic litigation, digitalization.

Для цитирования: Попова И.П., Гапонов К.В. Роль и место принципа свободы оценки доказательств в условиях внедрения технологии искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 519-522. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_519.

For citation: Popova I.P., Gaponov K.V. The role and place of the principle of liberty of assessment of evidence in the context of the implementation of artificial intelligence technology // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 519-522. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_519.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в статье 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), играет ключевую роль в обеспечении справедливости уголовного процесса. Он предполагает, что судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь и дознаватель имеют право оценивать доказательства на основе своего внутреннего убеждения, которое формируется в результате анализа совокупности материалов дела. При этом они руководствуются как законом, так и совестью, что позволяет избежать механического подхода к оценке доказательств. В то же время, тема роботизации и искусственного интеллекта (ИИ) в последнее десятилетие приобретает все большую актуальность в научной среде, поскольку современная наука приблизилась к созданию полноценных «умных машин». Это создает необходимость оценить перспективы внедрения технологий ИИ в различные сферы общества, включая правосудие, которое традиционно считается когнитивным процессом, свойственным исключительно человеческому интеллекту. Исследователи прошлых лет и современности,

такие как Л.В. Головкин, А.Ю. Ключников, А. В. Макутчев, И.Ю. Носков, Д. Серль, А. Тьюринг, указывают на то, что общество и, в частности, судебная система не могут не учитывать достижения научно-технического прогресса, и ИИ становится одним из полноценных участников, а его внедрение в судебную систему уже неизбежно. Кроме того, необходимо учитывать, что уголовное судопроизводство — это не только механическое сопоставление фактов, но и глубокий анализ человеческих эмоций и мотивов. По этой причине имеется необходимость найти баланс между использованием технологий и сохранением человеческого познания.

В настоящее время, человечество находится в предопределяющем моменте развития, когда ИИ способен упростить жизнь человека или вовсе его заменить. Вопрос о том, может ли машина совершать действия, неотличимые от человека, был описан еще в 1950 году А. М. Тьюрингом в его работе «Вычислительная техника и интеллект» [3]. С тех пор наука шагнула далеко вперед, и современные «умные машины» приблизились к полноценному сознанию. По мнению автора, это вполне возможно. И вся его работа посвящена доказательству данной теории, равно как и отрицанию противоположных взглядов. Существует много вариантов таких доказательств у А.М. Тьюринга, и все они изложены в форме тестов. Первоначальным и основным этапом в этой работе он использует так называемую «Игру-имитацию». Здесь участвуют трое: человек, машина и экзаменатор. Все они рассажены в отдельных помещениях и через телетайп (или посредника) общаются между собой. И каждый, кроме экзаменатора, пытается доказать, что является человеком. В случае невозможности экзаменатором определить, кто есть кто, считается, что выигрывает ИИ.

В свою очередь, Джон Сёрль доказал, что прохождение теста А.М. Тьюринга не может служить критерием наличия у машины мышления [2]. Для появления самосознания у машин необходимы физико-химические процессы, аналогичные тем, что происходят в человеческом мозге. Это мнение разделяют и другие исследователи в области искусственного интеллекта, что приводит к выделению двух подходов: сильный ИИ интеллект и слабый.

На данный момент сильный ИИ, обладающий полноценным самосознанием и универсальными когнитивными способностями, действительно не существует. Все достижения, которые мы наблюдаем в последние десять лет в данной области, в основном относятся к прикладным человеко-ориентированным системам. Эти результаты нельзя недооценивать, так как прикладные системы способны решать интеллектуальные задачи в разы эффективнее, чем универсальный человеческий интеллект. Узконаправленный ИИ превосходит человека в определенных видах деятельности, таких как игра в шахматы, парковка автомобиля или подбор наиболее соответствующих запросу результатов в поисковых системах. Таким образом, сторонники «слабого ИИ» правы в том, что современные «машины» способны решать лишь специфические задачи и не обладают полным спектром человеческих способностей и эмоций.

Однако невозможно сказать наверняка насколько человечество близко к созданию «цифрового разума». В связи с данной неопределенностью необходимо выделить основные концепции, касающиеся роли искусственных нейронных сетей в деятельности человека и уголовном судопроизводстве, в частности.

Традиционная концепция акцентирует внимание на сохранении классических принципов судебного разбирательства, при этом внедряя цифровые технологии для повышения эффективности, но без значительных структурных изменений. В рамках данной концепции цифровизация рассматривается как средство оптимизации существующих процедур. Например, использование электронно-информационных систем, средств видеоконференцсвязи и других цифровых инструментов. Данная модель интеграции технологий не предполагает внедрение ИИ в качестве субъекта, оказывающего влияние на принятие решений и, в целом, не ориентирована на использование искусственных нейронных сетей.

В отличие от более радикальных подходов, традиционная концепция стремится сохранить «человеческое лицо», оставляя за человеком окончательное слово в принятии решений. При этом технологии служат инструментами для достижения целей уголовного судопроизводства и способствуют сохранению принципов уголовного процесса. Таким образом, в рамках данной концепции цифровизация воспринимается как способ улучшения качества правосудия, не отказываясь при этом от традиционных методов и подходов. Это создает баланс между инновациями и фундаментальными принципами, позволяя судебной системе адаптироваться к современным вызовам, сохраняя при этом свою основную функцию — обеспечение справедливости и законности.

Подобных воззрений придерживается Л.В. Головкин, который отмечает, что «правосудие не может осуществлять свою конституционную миссию, будучи сведенным к чисто техническому инструменту и полностью объективизированным. Ему также необходимо другое измерение — символическое и субъективное, в котором доверие и сдержанность общества превалирует над статистикой, социологическими подходами и экономическими иллюзиями» [5, с. 49].

Умеренная концепция — предполагает ограниченное внедрение ИИ в уголовное судопроизводство. Данная концепция рассматривает ИИ как вспомогательный инструмент, который позволит интегрировать нейронные сети в деятельность участников уголовного судопроизводства, но не заменит человеческое участие. В данной концепции ИИ используется для автоматизации рутинных задач, таких как составление процессуальных документов, анализа следственных версий и прогнозирование. Основное внимание в умеренной концепции уделяется тому, как ИИ может поддерживать традиционные принципы правосудия, обеспечивая принятие решений человеком. Это включает в себя создание «системы помощника», которая осуществляет поддержку дознавателям, следователям, прокурорам и судьям в их деятельности, предоставляя им аналитические инструменты для выработки более мотивированных решений.

В то же время, И.Ю. Носков под электронным правосудием понимает способ отправления правосудия, основанный на использовании технических систем с цифровой обработкой данных [10, с. 120]. Вполне возможно создание и «тренировка» нейронных сетей, которые на основе практики способны выполнять определенные прогностические задачи. Однако замена машиной человека при отправлении правосудия не просто

наполняет новым смыслом содержание обозначенных принципов, а ставит под угрозу их реализацию. Для более сложных задач, таких как оценка доказательств, важно учитывать теоретические основы, которые могут помочь в интерпретации данных при принятии решений. Кроме того, сам подход И. Ю. Носкова, может быть недостаточно гибким для многоэпизодных уголовных дел, где факторы, влияющие на решение, могут не быть «качественными» и не поддаваться строгому статистическому анализу.

В данном случае теорема Байеса и теория относительного правдоподобия могут стать важными инструментами в обучении «системы помощника». Суть теоремы Байеса заключается в том, что она позволяет обновлять вероятность гипотезы на основе новых «входных» данных, что делает её особенно полезной в процессе расследования, в ситуациях, когда сведения изменчивы и не всегда присутствуют в должном объеме. Несмотря на потенциальные преимущества, использование электронного ассистента сталкивается с рядом вызовов. Например, эмоциональные и психологические аспекты, связанные с показаниями свидетелей и подозреваемых (обвиняемых) по уголовному делу не могут быть учтены в рамках формальных математических моделей, используемых в процессе обработки информации. Также стоит учесть, что уголовные дела часто включают в себя множество переменных, например, смена позиции стороны защиты и др., которые взаимодействуют между собой. Эти константы могут быть как количественными, так и качественными, и их взаимосвязь может быть сложной и нерелевантной.

В связи с чем, в рамках умеренной концепции предполагается использовать нейронные сети в качестве инструмента, смещающего нагрузку по составлению процессуальных документов с участников к ИИ. Необходимо, чтобы «слабый» ИИ выступал в качестве технического средства, которому необходимо предоставить имеющиеся сведения и на их основе составить типовой процессуальный документ. При этом ИИ не будет принимать активное участие в принятии решений, а лишь облегчит рутинные задачи, связанные с формальными процедурами. Кроме того, ИИ способен анализировать колоссальные объемы данных не посильных человеческому разуму, он в силах выявлять неоднозначные закономерности, что позволяет минимизировать количество ошибок, возникающих при ручном вводе данных, а также его использование повысить эффективность труда каждого из активных участников уголовного судопроизводства.

Между тем упреки в излишней формализации судопроизводства заслуженно высказываются и вне новых условий его цифровизации. Как справедливо подчеркивает А.Ю. Ключников, с внедрением новых технологий явление конформизма не исчезает, а, напротив, может усугубляться [6, с. 54]. Принцип свободы оценки доказательств является основополагающим, и передача этой функции искусственным нейронным сетям может привести к утрате нравственных основ правосудия и угрожать конституционным основам государства. В условиях, когда судебная система сталкивается с новыми вызовами, важно помнить, что технологии должны служить поддержкой, а не заменой человеческого разума. Автоматизация может облегчить выполнение рутинных задач, но она не должна подменять критическое мышление. Применение ИИ в уголовном судопроизводстве должно быть направлено на повышение эффективности и точности, но при этом необходимо сохранять контроль со стороны человека над процессами, связанными с оценкой доказательств и принятием мотивированных решений.

Прогрессивная концепция рассматривает нейронные сети как равноправных участников судебного процесса. Опыт Китая, где с 1990-х годов активно развиваются технологии автоматизации судопроизводства, служит наиболее ценным примером. Профессор Ч. Ингуан возглавил исследования в области уголовно-правовой электронной системы вынесения приговоров [7, с. 50]. В настоящее время она была внедрена более чем в 100 судах по всей республике, а концепция «умного суда», предложенная Верховным народным судом КНР в 2016 году, активно развивается. С этого же года в систему правосудия была интегрирована система «судья-робот», которая посредством анализа аналогичных по содержанию уголовных дел интерпретировала сходные приговоры, а также исправляла судебные ошибки. В процессе рассмотрения дела судья вносил фактуру, на основе которой, программа, производя исследование квалифицировала деяние и определяла состав правонарушения, а также меру необходимого наказания. В случае несогласия с позицией «судьи-робота», судья имел право её оспорить и принять самостоятельно мотивированное решение. Внедрение этой системы уже дало свои результаты: количество судебных ошибок существенно снизилось, а эффективность работы судов существенно возросла. Тем не менее, стереотип о неэффективной деятельности суда является ничем иным как средством манипуляции, культивируемым СМИ, и не всегда соотносится с объективной действительностью [11, с. 241].

В связи с чем, стоит отметить, что подобные инициативы вызывают опасения по поводу гуманности прогрессивного технологического подхода. Вопросы, касающиеся доверия к алгоритмам и их способности учитывать сложные человеческие эмоции, становятся особенно актуальными через призму принципа свободы оценки доказательств. Этот принцип, являющийся краеугольным камнем правосудия, подразумевает, что оценка доказательств не может быть механической. Л.С. Гайниев верно отметил, что основная цель судебного разбирательства – «не просто некое судилище, не демонстрация сильного над слабым, а реальное воплощение правосудия, где основная задача кроется в восстановлении нарушенных прав» [4, с. 127].

Техносфера стремительно развивается, перерастая в новую среду — инфосферу, где информация, производимая «высокими технологиями», становится основным общественным достоянием. Это приводит к изменению ценностей, норм и приоритетов развития человечества, формируя новый тип коммуникации, способствующий конкуренции и росту благосостояния. По мнению ученых, таких как К. Хефнер, преодолеть указанные опасности можно путем создания гуманно-компьютеризованного общества, где гармонично сосуществуют искусственный интеллект и человек [1].

Однако гуманно-гуманизированное будущее, о котором мечтают многие, все еще остается весьма далекой перспективой. Соблюдение требования справедливости уголовного судопроизводства и принимаемых решений – задача сложная и для правоприменителей, но тем более, она не под силу и ИИ.

Хотя нейронные сети могут обрабатывать объемы данных, непосильные человеку, и выявлять закономерности, они лишены того са-

мого персонального опыта, который формирует человеческую совесть. Внутреннее убеждение судьи, основанное на профессиональном правосознании, в конечном итоге опирается на общечеловеческие принципы морали [4, с. 127]. Как подчеркивает П.М. Морхат, «насколько далеко мы можем и готовы зайти в делегировании полномочий по принятию важных решений юнитам искусственного интеллекта, не создавая при этом критических угроз человечеству и среде нашего обитания, в частности – не рискуя умалением (тем более критическим ущемлением) прав человека и посягательством на них?» [8, с. 170]. Эти слова поднимают важные вопросы о границах применения ИИ в сферах, где человеческое участие традиционно считалось незаменимым. Вопрос о том, насколько мы можем доверять машинам в принятии решений, касающихся жизни и судьбы людей? Искусственный интеллект, хотя и способен на удивительные вещи, не обладает той глубиной понимания и эмоциональной интуиции, которые присущи человеку. Можно ли создать алгоритм, который не только будет учитывать факты, но и сможет понять человеческие эмоции? Представляется, что это весьма сомнительно. Человеческий опыт — это не просто набор данных, это сложная структура взаимодействий, переживаний и моральных дилемм, которые формируют индивидуальное восприятие такой категории как справедливость. Судья, принимая решение, учитывает не только закон, но и моральные нормы, культурные традиции и руководствуясь при этом личными убеждениями, которые зачастую не поддаются количественному анализу.

Без четкой стратегии и понимания принципов судебной власти недопустимо преждевременно доверять цифровым устройствам в принятии решений. Важно разработать концепцию поэтапного внедрения технологий, а не полагаться на радикальные «цифровые революции». Проблемы, затронутые в исследовании, не новы, и их решение требует взвешенного подхода. Время покажет, смогут ли новые поколения оценить результаты третьей и четвертой промышленных революций более объективно, чем современные исследователи, находящиеся в центре событий.

Подводя итог можно сказать, что принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК РФ, является основополагающим для обеспечения справедливости и законности в уголовном процессе. С учетом стремительного развития технологий и появления «умных машин» возникает необходимость переосмыслить традиционные подходы к пониманию правосудия. Современные достижения в области ИИ открывают новые горизонты, однако ставят под сомнение природу человека. Искусственный интеллект, хотя и способен к анализу, не обладает той глубиной познания, эмоциональной интуицией присущей человеческому разуму.

Различные концепции интеграции ИИ в судебную систему, такие как традиционная, умеренная и прогрессивная, отражают разнообразие взглядов на это внедрение. Традиционная концепция акцентирует внимание на сохранении классических принципов правосудия, при этом использует типовые цифровые технологии для оптимизации существующих процедур. Умеренная концепция предполагает ограниченное внедрение ИИ как вспомогательного инструмента, который может облегчить рутинные задачи, но не заменить человеческое участие. Прогрессивная концепция рассматривает нейронные сети как равноправных участников уголовного судопроизводства. При рассмотрении любой из концепций важно помнить, что уголовное судопроизводство — это не только механическое сопоставление фактов, но и глубокое погружение в «паутину» человеческой психики. Применение ИИ должно быть направлено на поддержку традиционных принципов правосудия, а ни в коем случае не на их подмену. Развитие ради развития недопустимо, так как оно не имеет смысла.

Список литературы:

1. Haefner K. Mensch und Computer im Jahre 2000. Basel. - 1994. - P. 402.
2. Searle J. Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence. // Boden M (ed.) Oxford. 1990. Впервые опубликовано в журнале: "The Behavioral and Brain Sciences", - 1980. - № 3. - Pp. 417-424. Сёрл, Дж. Сознание, мозг и программы. Перевод на русский язык: А. Л. Блинов. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. - 10.12.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6661>.
3. Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. - Vol. 59. - № 236. - Pp. 433-460. DOI: 10.1093/mind/LIX.236.433
4. Гайниев Л.С. Правосудие - система применения права: монография // под ред. Проф. Р.А. Ромашова. - СПб.: Алетея, 2020. - 176 с.
5. Голово Л.В. Судья легитимирующий и напоминание о реальности // Суд и государство / под ред. Л.В. Голово, Б. Матье. - М.: Статут, 2018. - 272 с.
6. Ключников А.Ю. Семь "трехов" судьи // Российский судья. - 2019. - № 4. - С. 56-60. EDN: UYCSGS
7. Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - № 8. - С. 47-58. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.047-058 EDN: AHGOWT
8. Моррис, У. Т. Наука об управлении. Байесовский подход [Текст] - М.: Мир. - 1971. - 304 с.
9. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. - М.: Буки Веди, 2017. - 257 с. ISBN: 978-5-4465-1774-9 EDN: UNYDFE
10. Носков И.Ю. Внедрение электронного правосудия как важнейшее направление совершенствования судебной системы Российской Федерации // Современное право. - 2011. - № 10. - С. 120-122. EDN: OHSCNZ
11. Попова И. П. Реализация принципов судебной власти в условиях цифровизации судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2019. - № 4 (91). - С. 235-246. DOI: 10.24411/2312-3184-2019-10052 EDN: CIATVG
12. Собенин А.А. Искусственный интеллект в уголовной юстиции Российской Федерации и Китайской Народной Республики: важность государственно-правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. - 2024. - № 1. - С. 48-55. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.113.1.048-056 EDN: HEGZNX

References:

1. Haefner K. Mensch und Computer im Jahre 2000. Basel. - 1994. - P. 402
2. Searle J. Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M (ed.) Oxford. - 1980. - № 3. - Pp. 417-424.
3. Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. - Vol. 59. - № 236. - Pp. 433-460.
4. Gayniev L.S. Legal Judgment – A System of Law Application: Monograph // Ed. by Prof. R.A. Romashov. - St. Petersburg: Aleteya, 2020. - P. 176
5. Golovko L.V. The judge legitimizing and reminding of reality // Court and the State / ed. by L.V. Golovko, B. Mathieu. - M.: Statute 2018. - Pp. 272.
6. Klyuchnikov A.Y. Seven «sins» of a judge // Russian Judge. - 2019. - № 4. - Pp. 56-60.
7. Makutchev A. V. Modern opportunities and limits of the introduction of artificial intelligence in the system of justice // Actual problems of Russian law. 2022. - № 8. - P. 230-237.
8. Morris, W. T. Science of management. A Bayesian approach [in Russian]. // Y. T. Morris – M.: Mir, 1971. - Pp. 304.
9. Morchat P.M. Artificial Intelligence: A Legal Perspective. - Moscow: Buki Vedi, 2017. - P. 257
10. Noskov I.Y. Introduction of electronic justice as the most important direction of improvement of the judicial system of the Russian Federation // Modern Law. -2011. - № 10. - Pp. 120-122.
11. Popova I. P. Implementation of the principles of judicial power in the conditions of digitalization of legal proceedings // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2019. - № 4 (91). - Pp. 235-246.
12. Sobenin A.A. Artificial intelligence in criminal justice of the Russian Federation and the People's Republic of China: the importance of state-legal regulation // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. - 2024. - № 1. - Pp. 48-55.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ON THE QUESTION OF THE IMPACT OF JUDICIAL PRACTICE FOR THE IMPLEMEN- TATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

ГРУШИН Федор Владимирович,

главный научный сотрудник НИЦ 1, ФКУ НИИ ФСИН России.
Нарвская ул., 15А стр. 1, г. Москва, 125130, Россия.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

КАЗАК Игорь Брониславович,

доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих
по кафедре оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России.
ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

КУТУКОВ Сергей Александрович,

начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России.
ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

GRUSHIN Fyodor Vladimirovich,

Chief Researcher at SIC 1, Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Narva St., 15A, building 1, Moscow, 125130, Russia.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

KAZAK Igor Bronislavovich,

Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees
in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Sennaya St., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

KUTUKOV Sergey Alexandrovich,

Head of the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Sennaya St., 1, Ryazan, Ryazan region, 390000, Russia.

E-mail: kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье излагаются основные правовые и теоретические проблемы, связанные с использованием судебной практики в качестве источника права при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Проведен анализ основных положений судебной практики и законодательства в данной сфере, выявлены особенности применения судебной практики и судебного прецедента для правовой регламентации при проведении оперативно-розыскных мероприятий и документировании.

Abstract: The article outlines the main legal and theoretical problems related to the use of judicial practice as a source of law in the implementation of operational investigative activities. The analysis of the main provisions of legislation in this area has been carried out, the peculiarities of the application of judicial practice and judicial precedent for legal regulation during operational search activities and documentation have been identified.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, судебный прецедент, судебная практика, оперативно-розыскные мероприятия, документирование, Верховный суд, Конституционный суд.

Keywords: operational investigative activities, judicial precedent, judicial practice, operational investigative measures, documentation, Supreme Court, Constitutional Court.

Для цитирования: Грушин Ф.В., Казак И.Б., Кутуков С.А. К вопросу о влиянии судебной практики на осуществление оперативно-розыскной деятельности // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 523-526. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_523.

For citation: Grushin F.V., Kazak I.B., Kutukov S.A. On the question of the impact of judicial practice for the implementation of operational investigative activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 523-526. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_523.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - ФЗ «Об ОРД») принят почти 30 лет назад и на протяжении своего существования постоянно вызывал многочисленные дискуссии среди ученых и практиков по многим аспектам применения и толкования тех или иных норм. Особенностью правового регулирования ОРД является то, что многие вопросы особенно организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) регулируются закрытыми ведомственными и межведомственными нормативными актами, которые не доступны широкому кругу лиц. Помимо этого, многие ОРМ за время своего закрепления в ст. 6 ФЗ «Об ОРД» значительно изменились как по содержанию, так и по тактике их проведения в связи со стремительным развитием научно-технического прогресса. Также изменилась структура преступности, появились новые виды преступлений, многие из них стали в основном совершаться в виртуальном пространстве с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, что потребовало от субъектов ОРД новых организационно тактических решений и методов при проведении ОРМ в рамках установленного перечня, который во многом уже не соответствует времени. Законодатель обратил на это внимание, но перечень ОРМ за все это время был дополнен лишь раз, добавлено ОРМ «Получение компьютерной информации».

На наш взгляд, не только законодательное, но и состояние ведомственного правового регулирования не в полной мере отвечает потребностям современной практики и определяет факторы, характеризующие сложившуюся ситуацию: многие законодательные нормы не конкре-

тизируются в положениях ведомственных нормативных правовых актов и остаются декларативными, в то же время ряд существующих ведомственных норм не отражены в оперативно-розыском законе, что приводит к правовому дисбалансу; вне юридического поля находится значительная часть отношений, требующая регулирования.

Правовая неопределенность законодательных и ведомственных нормативных правовых актов, в некоторой степени регламентирующих применение отдельных методов ОРД затрудняет процесс принятия верных организационно-тактических решений, способствует формальному подходу и впоследствии негативным образом сказывается на реализации задач ОРД. Снижает наступательность и оперативность проводимых ОРМ.

В этих условиях для теории оперативно-розыскной деятельности актуальным является вопрос о роли судебной практики в механизме ее правового регулирования, и месте в системе источников права. В России решения и толкования Конституционного Суда, постановления пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда, хотя и не имеют официального признания в качестве источников права, играют, пожалуй, самую значительную роль в процессе применения права. Проблема оценки юридической силы судебной практики является наиболее острой и дискуссионной в российской правовой науке. Мнения по поводу признания или непризнания за судебной практикой и судебным прецедентом силы источника права довольно противоречивы и неоднозначны. Одни ученые, бесспорно, считают судебную практику и судебный прецедент источником права. Другие полагают, что только Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ могут содержать нормативную часть, отвечая требованиям создания судебного прецедента в соответствии с английской классической моделью. Третьи считают, что только решения Конституционного Суда России являются источником права в силу природы существования данного судебного звена и привычного понимания процесса правотворчества. А остальные наотрез отрицают возможность существования в рамках российской правовой системы судебного прецедента, опасаясь произвола со стороны судебной власти. Более того, в проводимых до сих пор исследованиях максимум внимания уделялось интерпретационной практике судов, а индивидуальное правовое регулирование судами практически оставалось без внимания.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение каждого из мнений, следует обратить внимание на соотношение судебного прецедента в РФ и судебной практики. Сущность судебного прецедента заключается в том, что прецедент - это решение по конкретному делу, вынесенное высшим судом. Что же касается практики, то ее воспринимают как некое собирательное значение, т. е. в нее включают множество вынесенных решений по определенной категории дел. Исходя из этого, судебный прецедент рассматривают только лишь как часть судебной практики.

По мнению С. Н. Братуся, отличие судебного прецедента от прецедента толкования, заключается в том, что: судебным прецедентом создается новая норма права, тогда как судебное толкование - разъяснение существующих норм, образующих положение о применении нормы права по аналогичным делам. При этом прецедент толкования служит примером для судебных органов не потому, что носит обязательный характер, а из-за своей убедительности. Если обратиться к современному законодательству, станет очевидно, что прецедент толкования носит обязательный характер - суды при вынесении решения должны учитывать мнение вышестоящих судебных органов (ст. 126 Конституции РФ). Если говорить о судебном нормотворчестве в современном праве, судебный прецедент и прецедент толкования имеют те же различия, что были ранее сформулированы в научных кругах, несмотря на наличие общих признаков (например, вынесение решения высшим судебным органом по конкретному делу). Различия состоят в том, что: результат появления судебного прецедента - выработка новой нормы права; прецедент толкования - это конкретизация существующих норм в тех рамках, которые определены законодателем. Существует мнение, что решения высших судебных органов выходят за рамки только лишь толкования и приобретают правообразующий характер [1]. Между тем, необходимо отметить, что Верховный суд не создает новые нормы, но лишь выполняет возложенную на него законодателем функцию, а именно: «... в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения» (ч. 7 ст. 2, ч. 3 ст. 5 ФКЗ от 05.02.2014 № 3-ФКЗ). Аналогично обстоит ситуация в отношении постановлений КС. В законе прямо закреплено: «... если решением Конституционного Суда Российской Федерации нормативный акт признан не соответствующим Конституции Российской Федерации полностью или частично, либо из решения Конституционного Суда Российской Федерации вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного акта» (абз. 4 ст. 79 ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ). Другими словами, Конституционный суд РФ не занимается правотворчеством, а выполняет возложенную на него контрольную функцию [2, с. 309].

На наш взгляд, именно судебная практика во многих аспектах выступает ориентиром, который определяет для практических работников направления документирования при проведении ОРМ и виды доказательств, что в последующем будет закреплено в уголовно-процессуальном порядке. При этом для осуществления ОРД имеет значение не только судебная практика в данной сфере, но и в уголовной и уголовно-процессуальной деятельности, так как задачи ОРД, изложенные в ст. 2 ФЗ «Об ОРД» во многом имеют конечной целью привлечение лица к установленной уголовной ответственности.

Становление судебной практики как компонента и результата судебной деятельности начинается с того момента, когда суду, для того чтобы применить закон к спорному случаю и вынести по делу правосудное решение, необходимо истолковать закон, уяснить его смысл и содержание путем конкретизации тех понятий, которые выражены в словесной формуле закона. Судебная практика - это всегда определенные положения, обладающие соответствующей степенью обобщенности и обязательности и соответствующей степенью распространенности на аналогичные дела, аналогичные ситуации. Судебная практика - это сложившиеся при разрешении судами однородных конкретных дел правовые положения, выработанные в результате единообразного и многократного применения норм к отношениям, не урегулированным с исчерпывающей

ясностью или неполно урегулированным соответствующим законам, в нашем случае оперативно-розыскным законодательством.

Традиционной формой выражения судебной практики в отечественной юридической науке и практике является - Постановления Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ. Такие постановления являются актами официального толкования высших судебных органов, появляющиеся как результат обобщения деятельности судов по рассмотрению какой-либо категории дел. Другой формой выражения судебной практики являются информационные письма Президиума Верховного Суда РФ. К формам выражения судебной практики можно также отнести обзоры судебной практики, решения по конкретным делам, текущую переписку судов, материалы работы Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ [3, с. 13].

Роль постановлений Пленума возрастает в связи с тем, что именно в этих актах находит выражение сложная работа по выработке определений. Эта особая роль высших судебных органов связана с тем, что законодательство изобилует неопределенными выражениями, содержащими количественные и качественные характеристики, или терминами, не имеющими точного законодательного определения.

Существующее оперативно-розыскное, как и иное, законодательство содержит множество обтекаемых и расплывчатых формулировок. Чтобы обеспечить единство судебной практики, высшие органы судебной власти вынуждены прибегать к официальному толкованию разного рода оценочных категорий и понятий, таких, например, как «жилище», «проникновение», «провокация» и т.п. Руководящие разъяснения базируются на проводимых Верховным судом обобщениях судебной практики и материалах анализа судебной статистики. Их основу составляют результаты изучения больших массивов судебных дел, что повышает практическую ценность содержащихся в них выводов.

Судебная практика может прямо указывать на порядок проведения того или иного ОРМ или определять лишь направление и цель проведения ОРМ.

Проводя анализ судебной практики непосредственно относящейся к организации и тактике проведения отдельных ОРМ и применения определенных методов можно выделить следующие:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», которое определяет не только организацию проведения ОРМ в данной сфере, но и соотносит их с целями и задачами ОРД, что важно учитывать оперативным сотрудникам при проведении ОРМ и по другим категориям преступлений. Так, в п. 13.1. и п. 14 указано: «Учитывая, что диспозиция части 1 статьи 228.1 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий в виде незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, их незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем, в том числе когда данные действия осуществляются в ходе проверочной закупки или иного оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Изъятие в таких случаях сотрудниками правоохранительных органов из незаконного оборота указанных средств, веществ, растений не влияет на квалификацию преступления как оконченного.

В тех случаях, когда материалы уголовного дела о преступлении рассматриваемой категории содержат доказательства, полученные на основании результатов оперативно-розыскного мероприятия, судам следует иметь в виду, что для признания законности проведения такого мероприятия необходимо, чтобы оно осуществлялось для решения задач, определенных в статье 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», при наличии оснований и с соблюдением условий, предусмотренных соответственно статьями 7 и 8 указанного Федерального закона. Исходя из этих норм, в частности, оперативно-розыскное мероприятие, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния.

Результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», в котором суд разграничил ОРМ и провокацию: «От преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, следует отграничивать действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа.

Указанные действия совершаются в нарушение требований статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в котором еще раз обращается внимание на соблюдение конституционных прав граждан при проведении ОРМ: «Обратить внимание судов на то, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством».

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». В данном постановлении суд отдельно конкретизирует конституционное право человека на неприкосновенность жилища, в том числе отдельно определяет, что понимается под «жилищем» и его конструктивные элементы, а что в него не входит. Помимо этого, обращает внимание на проникновение в жилище при помощи технических средств: «Обратить внимание судов на то, что статьей 139 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, при отсутствии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами (в частности, статьей 15 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции», частью 3 статьи 3 Жилищного кодекса Российской Федерации, пунктами 5, 6 части 1 статьи 64 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве») оснований для ограничения конституционного права на неприкосновенность жилища».

В соответствии с положениями статьи 139 УК РФ уголовную ответственность по этой статье влечет незаконное проникновение в индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями (например, верандой, чердаком, встроенным гаражом); в жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и пригодное для постоянного или временного проживания (квартиру, комнату, служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии и т.п.); в иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но предназначенное для временного проживания (апартаменты, садовый дом и т.п.).

Вместе с тем не может быть квалифицировано по указанной статье незаконное проникновение, в частности, в помещения, строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай, баню, гараж и т.п.), если они не были специально приспособлены, оборудованы для проживания; в помещения, предназначенные только для временного нахождения, а не проживания в них (купе поезда, каюту судна и т.п.).

По смыслу статьи 139 УК РФ незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях нарушения неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1395-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Налитова Альберта Владиславовича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй, четвертой статьи 8 и частей четвертой, пятой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», где также, по нашему мнению, содержится положение, определяющее проведение многих ОРМ: «Поскольку право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений принадлежит конкретному лицу, а судебное решение о прослушивании телефонных переговоров также выносится в отношении конкретного лица, ограничение этого конституционного права не зависит от того, по какому телефону ведутся переговоры лица, в отношении которого осуществляется данное оперативно-розыскное мероприятие (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2010 года № 844-О-О).»

Таким образом, на наш взгляд, судебная практика является одним из направлений совершенствования отечественной юридической системы, особенно оперативно-розыскных правоотношений, в ней уже предполагается некоторая апробированность выбранных тактических методов, что дает реальную возможность оперативным сотрудникам использовать сравнительно-правовой метод и принимать оптимальные решения. Судебные решения, содержат в себе правовые позиции, формирующие общеобязательное для всех правоприменителей толкование норм оперативно-розыскного закона и выступающие одним из регуляторов правоотношений в сфере ОРД. Она выполняет вспомогательную роль в определении содержания права, однако, не служит его источником.

Список литературы:

1. Братусь С. Н. Судебная практика в советской правовой системе / Отв. ред. С. Н. Братусь. М., 1975. С. 10.
2. Кутуков С.А., Казак И.Б. Теоретические и организационно-правовые вопросы осуществления судебного контроля за оперативно-розыскной деятельностью // Аграрное и земельное право. 2024. № 1 (229). С. 308-311. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_308 EDN: CINQJM
3. Сипулин С.В. Судебный прецедент как источник права: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Краснодар. 2008. EDN: NKOZOX

References:

1. Bratus S. N. Judicial practice in the Soviet legal system / Ed. by S. N. Bratus, M., 1975. p. 10.
2. Kutukov S.A., Kazak I.B. Theoretical and organizational and legal issues of judicial control over operational investigative activities // Agrarian and land law. 2024. No. 1 (229). pp. 308-311. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_1_308 EDN: CINQJM
3. Shipulin S.V. Judicial precedent as a source of law: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law Krasnodar. 2008. EDN: NKOZOX

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРЕДЕЛОВ (ОГРАНИЧЕНИЙ) ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ CHARACTERISTICS OF LEGAL AND SPECIAL LIMITS (RESTRICTIONS) ON THE USE OF SPECIAL DIGITAL KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

ТХАКУМАЧЕВ Борис Юрьевич,

кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой юриспруденции

Автономной некоммерческой организации высшего образования Международная полицейская академия ВПА (АНО ВО МПА ВПА).

300026, Россия, г. Тула, Рязанская ул., 1.

E-mail: men2007kbr@bk.ru;

ТКНАКУМАЧЕВ Boris Yurievich,

Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Jurisprudence

of the Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education, International Police Academy of the Russian Academy of Law.

1 Ryazanskaya str., Tula, 300026, Russia.

E-mail: men2007kbr@bk.ru

Краткая аннотация: автор считает, что правовые пределы использования специальных цифровых знаний в уголовном судопроизводстве обусловлены нормами права и правилами доказывания по отдельным категориям дел при расследовании и рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях в сфере цифровых знаний. Специальные пределы использования специальных цифровых знаний в уголовном судопроизводстве обусловлены степенью научной разработанности методик, методов, приемов применения технико-цифровых средств, цифро-аппаратного оборудования, прикладных цифровых продуктов и иных современных цифровых технологий, необходимых для целей осуществления правосудия, выработанные наукой и цифровой техникой, а также возможности самой науки и цифровой техники на данном этапе их развития.

Abstract: The author believes that the legal limits of the use of special digital knowledge in criminal proceedings are determined by the norms of law and the rules of evidence for certain categories of cases during the investigation and consideration by the courts of criminal cases of crimes in the field of digital knowledge. The special limits of the use of special digital knowledge in criminal proceedings are determined by the degree of scientific development of techniques, methods, techniques for the use of techno-digital tools, digital hardware, applied digital products and other modern digital technologies necessary for the purposes of justice, developed by science and digital technology, as well as the capabilities of science and digital technology itself at this stage. the stage of their development.

Ключевые слова: цифровая информация, прикладной цифровой продукт, специальные цифровые знания, электронный носитель информации, средство электронно-вычислительной техники.

Keywords: digital information, applied software product, special digital knowledge, electronic information carrier, electronic computing equipment.

Для цитирования: Тхакумачев Б.Ю. Характеристика правовых и специальных пределов (ограничений) по использованию специальных цифровых знаний в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 527-529. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_527.

For citation: Tkhakumachev B.Yu. Characteristics of legal and special limits (restrictions) on the use of special digital knowledge in criminal proceedings // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 527-529. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_527.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Специальные цифровые знания, вовлекаемые в уголовный процесс с целью отыскания, установления фактических обстоятельств дела с одной стороны, должны полностью соответствовать предъявляемым правилам и требованиям, с другой – способствуют реализации соответствующих правил и принципов уголовно – процессуального права России.

Следует помнить о правовых и специальных пределах (ограничениях) по использованию специальных цифровых знаний в уголовном судопроизводстве. Упоминая специальные знания эксперта, уголовно-процессуальный закон использует также такое понятие, как «пределы специальных знаний» (пункт 6 части 3 статьи 57 УПК России). В юридической литературе советского периода существовало практически единое мнение о том, что юридические знания не рассматриваются в качестве специальных знаний.

Этой же позиции придерживалась и судебная практика.

Пленум Верховного Суда РФ в пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указал судам следующее: «Вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место - убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается»¹.

Характеризуя пределы специальных цифровых знаний судебного эксперта, необходимо отметить следующее.

1. Использование любой области специальных цифровых знаний при производстве судебной экспертизы в обязательном порядке должно быть связано с проведением экспертных исследований в сфере цифровых знаний. Проведение специальных исследований - характерный и отличительный признак судебной экспертизы как процессуального действия. Заключение судебного эксперта, данное без проведения специальных цифровых исследований, представляет собой по содержанию справку, содержащую сведения из области цифровых знаний в различных вопросах применения технико-цифровых средств, цифро-аппаратного оборудования, прикладных цифровых продуктов и иных современных цифровых технологий,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12. 2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс», 2025 (дата обращения: 11.02.2025 года).

посягающие на цифровую безопасность, предметом которых являются цифровая информация, технико-цифровые средства, цифро-аппаратное оборудование, либо цифровое пространство, и не может рассматриваться в качестве такого вида доказательства, как заключение эксперта.

2. Область специальных цифровых знаний судебного эксперта ограничена знанием именно специальных цифровых правил, т.е. правил, знание которых лицом, осуществляющим предварительное расследование, или судьей не презюмируется.

3. Судебный эксперт ни при каких условиях не решает вопросы, которые относятся к исключительной компетенции уголовного правоприменителя (установление наличия или отсутствия состава преступления, наличие или отсутствие вины и т.п.) - лиц или органов, назначающих судебную компьютерно-техническую экспертизу или оценивающих ее результаты. В частности, за пределы специальных цифровых знаний судебного эксперта, выходят, например, вопросы, связанные с исчислением сумм неуплаченных налогов в кратности к минимальному размеру оплаты труда, т.к. такое исчисление в условиях постоянного изменения МРОТ зависит от момента окончания налогового преступления. Судебный эксперт также не вправе давать при производстве повторной экспертизы оценку заключениям других экспертов. Однако эксперт может прокомментировать использованную в первичной экспертизе методику с точки зрения ее научной состоятельности и корректности применения при исследовании данных объектов, а также дать другую полезную для следователя и суда информацию. Противоречия в выводах первичной и повторной судебных экспертиз могут быть разъяснены субъекту, назначившему экспертизу при допросе экспертов¹.

4. Немаловажным моментом при определении пределов специальных цифровых знаний судебного эксперта является вопрос использования им институтов, понятий и терминов различных отраслей законодательства. В целом ряде статей Уголовного кодекса РФ, предусматривающих ответственность за преступления в сфере экономической деятельности, использованы институты, понятия и термины, содержание которых можно уяснить, только обратившись к другим отраслям законодательства. При этом приходится сталкиваться с проблемой, заключающейся в том, что, обращаясь к другим отраслям законодательства, нежели уголовное, достаточно трудно определить бесспорное содержание этих институтов, понятий и терминов.

Классическим примером такой ситуации является проблема уяснения содержания термина «крупный ущерб», использованного в примечании к статье 272 УК России, предусматривающих ответственность за преступление, предусмотренное частью 2 ст. 272 УК России, а именно: неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию, либо копирование компьютерной информации, повлекшее крупный ущерб. В юридической литературе развернулась довольно широкая дискуссия по поводу того, что же следует понимать под крупным ущербом. При этом противопоставляются две точки зрения: согласно первой под крупным понимают средства либо имущество в денежном выражении, полученные в результате неправомерного доступа к охраняемой законом цифровой информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию, либо копирование цифровой информации за вычетом всех понесенных расходов, связанных с ней; согласно другой точке зрения под крупным ущербом понимаются все средства либо имущество в денежном выражении, неполученные от неправомерного доступа к охраняемой законом цифровой информации (весь совокупный доход, не полученный от неправомерного доступа к охраняемой законом цифровой информации).

Соответственно уголовно-правовая квалификация деяний лиц, обвиняемых в неправомерном доступе к компьютерной информации, зависит от того, какое содержание термину «крупный ущерб» даст уголовный правоприменитель. В случае необходимости определения крупного ущерба, полученного от неправомерного доступа к охраняемой законом цифровой информации, в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы на эксперта не может быть возложен выбор содержания термина «крупный ущерб».

Исключить возможность выхода судебного эксперта за пределы своих специальных цифровых знаний можно двумя путями.

Первый путь заключается в постановке на разрешение эксперта вопросов, связанных с определением тех видов результатов неправомерного доступа к охраняемой законом цифровой информации, которые содержатся в положениях законодательства, входящих в область специальных цифровых знаний судебного эксперта (в этом случае суду, лицу, осуществляющему предварительное расследование, целесообразно в порядке части 1 статьи 58 УПК России привлечь специалиста для постановки вопросов эксперту).

Второй путь состоит в установлении экспертом крупного ущерба и указании полученных данных в своем заключении. Решать, какой из полученных результатов использовать для уголовно-правовой квалификации деяний обвиняемых или подозреваемых, предстоит суду, лицу, осуществляющему предварительное расследование, которые назначали судебную компьютерно-техническую экспертизу или которые оценивают результаты такой экспертизы.

Так, например, при определении размера ущерба от неправомерного доступа к охраняемой законом цифровой информации судебный эксперт на основе исследования выводит следующие результаты неправомерного доступа к охраняемой законом цифровой информации: товарооборот (продажная стоимость нереализованных товаров без учета косвенных налогов); выручка от реализации товаров, исчисляемая как разница между продажной и покупной стоимостью реализованных товаров без учета косвенных налогов (в зависимости от характера торговой деятельности - оптовой или розничной и от исследуемого периода); прибыль от реализации товаров, исчисляемая как разница между выручкой от реализации товаров и издержками обращения, приходящимися на реализованные товары. И все эти три вида показателей эксперт указывает в своем заключении.

Критерием качества использования специальных цифровых знаний специалиста является степень профессиональной добросовестности, тщательности проделанной работы, которую должен проявить специалист.

Водоразделом между качественной, с юридической точки зрения и некачественной услугой (помощью) сведущего лица (специалиста)

¹ Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». - М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. - С. 255.

является: 1) использование специальных цифровых знаний и навыков в объеме, подтвержденными необходимыми и имеющимися документами (диплом, сертификат специалиста, лицензия на занятие данным видом деятельности т.п.); 2) оптимальное, эффективное и своевременное использование имеющихся профессиональных цифровых знаний в установленных пределах в соответствии с полученным заданием (в соответствии со стандартами, приказами, методическими рекомендациями).

Специальные цифровые знания в полной мере проявляют себя в состязательном типе уголовного процесса. Данное положение следует учитывать в дальнейшем при разработке законодательных актов, так как некоторые области общественных отношений формируются и существуют только в результате воздействия закона.

Таким образом, правовые пределы использования специальных цифровых знаний в уголовном судопроизводстве включают в себя: 1) процедуру использования, при которой специальные цифровые знания не могут применяться вне установленной для этого процедуры их использования; 2) исключительную компетенцию, в которой включаются вопросы, относящиеся к исключительной компетенции следователя, дознавателя, прокурора, суда, например, установление вины конкретного лица и квалификация совершенного преступления в сфере цифровых знаний; 3) особенности цифровых знаний, к которым относятся невозможность непосредственного восприятия цифровых знаний человеком, лёгкость изменения, копирования и уничтожения цифровых следов, необходимость применения специфических электронных носителей информации, вне которых цифровые следы не могут существовать. Безусловно, закрепление в законодательстве всех возможных случаев привлечения сведущего лица для применения им своих специальных цифровых знаний, невозможно и нецелесообразно. Но для таких форм использования специального цифрового знания, которые предполагают получение результата, имеющего доказательственное значение, установить пределы использования специального цифрового знания необходимо, в целях предупреждения возможности переадресования обязанности доказывания, сведущим лицам и обеспечения достоверности и допустимости полученного доказательства.

Кроме того, как представляется, именно это основание (получение результата, имеющего доказательственное значение) является объективным основанием для дифференциации форм использования специальных цифровых знаний на процессуальные и непроцессуальные формы.

Необходимо закрепить также общие условия правомерности привлечения эксперта (специалиста) в тех случаях, когда результат должен иметь доказательственное значение, то есть, когда в результате применения специального цифрового знания предполагается получить цифровое доказательство. Под общими условиями автор подразумевает процессуальный порядок привлечения эксперта (специалиста), процессуальное положение эксперта (специалиста), порядок и условия применения ими своих знаний.

В тех же случаях, когда результат применения специальных цифровых знаний необходим лишь для информирования кого-либо из участников производства по делу и доказательственного значения не имеет, то есть имеет место консультирование (устное либо письменное) сторон и суда по различным вопросам, в принципе не важно, какой вид специального знания будет применяться. Суд, лицо, осуществляющее предварительное расследование, защитник, обвиняемый и т.п. в таком случае могут консультироваться со специалистами в сфере цифровых знаний по различным вопросам, в том числе правовым вопросам по применению и использованию технико-цифровых средств, цифро-аппаратного оборудования, прикладных цифровых продуктов и иных современных цифровых технологий, посягающие на цифровую безопасность. Ведь в принципе участие адвоката при допросе свидетеля (согласно пункта 6 части 4 статьи 56 УПК России и статьи 189 УПК России) есть не что иное, как привлечение специалиста в области уголовного и уголовно-процессуального права, поскольку в данном случае адвокат выполняет не функцию защиты в уголовно-процессуальном смысле (как защита от предъявленного обвинения), а функцию защиты в широком смысле (как защита интересов представляемого лица), поскольку свидетель - это лицо, не имеющее своего правового интереса в процессе. Кроме того, процессуальное положение данного адвоката, как представляется, будет иным, чем процессуальное положение защитника в смысле статьи 49 УПК России. Скорее, он будет выступать лишь как консультант.

В качестве общего положения для таких случаев достаточно предусмотреть в законе, что стороны и суд вправе обращаться к эксперту (специалисту) за помощью при необходимости получения дополнительной информации, содержащей сведения специального характера. А гарантии достоверности сообщаемых сведений закрепить в общем определении понятия «специальные знания».

Таким образом, можно выделить следующие специальные пределы (ограничения) использования специальных цифровых знаний в уголовном судопроизводстве: 1) не допускается осуществление копирования цифровой информации в процессе производства обыска (выемки), в случае, когда указанное будет способствовать воспрепятствованию расследованию, рассмотрению уголовного дела о преступлении в сфере цифровых знаний либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации; 2) ознакомление обвиняемого с информацией, содержащейся на хранящихся в материалах уголовного дела накопителях цифровой информации, если они были предметом судебной компьютерно-технической экспертизы, невозможно; 3) при проведении судебной компьютерно-технической экспертизы в отношении цифровой информации, содержащейся в памяти средства электронно-вычислительной техники, не предполагается вынесения специального судебного решения.

Также при исследовании цифровой информации эксперт должен использовать специализированный прикладной цифровой продукт, применение которого должно быть обосновано в экспертном заключении.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12. 2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс», 2025 (дата обращения: 11.02.2025 года).
2. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». - М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. - С. 255.

References:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2010 No. 28 "On forensic examination in criminal cases" // Consultant Plus Legal Reference System, 2025 (date of application: 02/11/2025).
2. Rossinskaya E.R. Commentary to the Federal Law "On State forensic expertise in the Russian Federation". Moscow: Pravo i zakon; Yurayt-Izdat, 2002. - p. 255.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ THEORY AND PRACTICE OF CRIMINAL PROCEDURE POLICY AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE INTERACTION OF THE INVESTIGATOR WITH THE BODY OF INQUIRY

НОВОКШОНОВ Дмитрий Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин факультета (командного) Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии. ул. Летчика Пилутова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: d_novoksh@mail.ru;

МАЗУРИН Станислав Федорович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых и юридических дисциплин факультета (командного) Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии. ул. Летчика Пилутова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: svyatoslav53@mail.ru;

NOVOKSHONOV Dmitry Vyacheslavovich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Industry and Legal Disciplines of the Faculty (Command) Military Order of Zhukov of the Academy of National Guard Troops. 1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: d_novoksh@mail.ru;

MAZURIN Stanislav Fedorovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Industry and Legal Disciplines of the Faculty (Command) Military Order of Zhukov of the Academy of National Guard Troops. 1 Pilyutova Pilot Street, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: svyatoslav53@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы уголовно-процессуальной политики при взаимодействии следователя с органом дознания, при расследовании преступлений, дача поручений органу дознания для проведения отдельных следственных и процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий. Раскрывается ряд проблем применения этой формы взаимодействия, высказываются предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Abstract. The article discusses current issues of criminal procedure policy in the interaction of the investigator with the body of inquiry, in the investigation of crimes, giving instructions to the body of inquiry to conduct individual investigative and procedural actions, operational investigative measures. A number of problems of using this form of interaction are revealed, and suggestions are made for improving criminal procedure legislation and law enforcement practice.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальная политика, следственные органы, орган дознания, взаимодействие, оперативно-разыскные мероприятия, поручение, следственные действия, процессуальные действия.

Keywords: Criminal procedure policy, investigative bodies, body of inquiry, interaction, operational investigative measures, assignment, investigative actions, procedural actions.

Для цитирования: Новокшонов Д.В., Мазурин С.Ф. Теория и практика уголовно-процессуальной политики на стадии предварительного расследования при взаимодействии следователя с органом дознания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 530-533. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_530.

For citation: Novokshonov D.V., Mazurin S.F. Theory and practice of criminal procedure policy at the stage of preliminary investigation in the interaction of the investigator with the body of inquiry // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 530-533. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_530.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации различают процессуальные и организационные формы взаимодействия следователя с органом дознания при расследовании уголовных дел. Одной из наиболее распространенных и значимых процессуальных форм взаимодействия, является проведение органом дознания по поручению следователя оперативно-разыскных мероприятий, отдельных следственных действий, исполнение постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также содействие при их осуществлении. В данной научной статье мы рассмотрим проблемы взаимодействия следователя с органом дознания при проведении отдельных следственных, процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Взаимодействие - это ключевая философская категория. В контексте нашего исследования понимание взаимодействия близко к тому, как этот термин обычно используется в русском языке. Если не вдаваться в подробности, то взаимодействие - это процесс, в котором два субъекта влияют друг на друга. Эта связь может быть как прямой, так и косвенной, внутренней или внешней. Результаты взаимодействия могут быть как положительными, так и отрицательными.

В законодательстве определение понятия «взаимодействия» не отражено, но в юридической литературе классической считается точка зрения, согласно которой взаимодействие – это «основанная на законе, согласованная по цели, месту и времени деятельность независимых друг

от друга в административном отношении органов, выражающаяся в наиболее рациональном сочетании присущих этим органам средств и методов (оперативно-розыскных, процессуальных и административных функций), используемых ими при расследовании преступлений[10 с. 47]. В уголовном судопроизводстве взаимодействие происходит через третьих лиц и является разновидностью внешних отношений, в которых задействованы как минимум два участника, следователь и орган дознания.

Одной из наиболее распространённых форм взаимодействия между следственными органами и органами дознания является дача поручения. Этот правовой механизм, закреплённый в уголовно-процессуальном законодательстве, подчёркивает его официальный характер, что указывает на процессуальный статус этой формы.

При расследовании преступлений в большинстве случаев происходит взаимодействие органов следствия и органов дознания, а следователь, обладающий процессуальной самостоятельностью и ведущий первоначальное производство по уголовному делу, является наиболее важным участником уголовного судопроизводства. Одной из задач следователя является организация надлежащего взаимодействия с лицами, участвующими в расследовании, в целях установления истины по уголовным делам [7 с.100-101].

В случае получения информации о готовящемся, например коррупционном преступлении от заявителей, которые сообщают о вымогательстве взятки или о предполагаемом мошенничестве и участии в должностных хищениях, следователь должен проверить достоверность этих сведений. Для этого он обращается к уполномоченным органам с требованием провести оперативно-розыскные мероприятия и, если потребуются, задержать подозреваемых с полициным на месте совершения преступления.

В соответствии с частью 2 статьи 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, следственные органы могут давать поручения органам дознания. Эти поручения могут касаться проведения оперативно-розыскных мероприятий или отдельных следственных действий. Также могут быть поручены другие процессуальные действия, перечень которых не определён в уголовно-процессуальном законодательстве. Следовательно, содержание поручения не имеет определенных границ их исполнения[8 с.35].

Важно подчеркнуть, что в законодательстве не существует чёткого определения термина «поручение следователя». В статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации также нет такого определения. В юридической литературе поручение следователя часто рассматривается, как предложение органу дознания выполнить определённые действия процессуального или непроцессуального характера [2 с.100-101]. Однако такой подход вряд ли точно отражает суть этой формы взаимодействия. Согласно закону, орган дознания обязан выполнять письменные поручения следователя. Поэтому можно сказать, что поручение - это не столько предложение, сколько требование. Обязательность выполнения поручения не может означать ничего иного, кроме как то, что оно существует в виде требования [9 с. 54].

В процессе предварительного расследования орган дознания обязан информировать следователя, о возможных планах подозреваемого скрыться, оказать давление на других участников уголовного процесса, совершить новое преступление или продолжить уже начатое. В подобных ситуациях следователь должен дать чёткие и конкретные письменные указания органу дознания.

Поручение следователя, как правило, оформляется в письменной форме, в нем должно быть указано, что именно орган дознания должен расследовать в интересах уголовного судопроизводства, какие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия должны быть проведены, сроки проведения и необходимые для этого указания. К организационно-тактическим формам взаимодействия относятся формирование следственной группы, использование следователем результатов оперативно-розыскных мероприятий при подготовке версий по уголовным делам, совместное планирование оперативно-розыскных мероприятий в составе следственно-оперативной группы, выдача подробных инструкций и распоряжений сотрудникам органа дознания, непосредственно участвующих в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, тактических комбинаций и операций, обмен информацией [9 с. 95].

Следует отметить, что диапазон поручения охватывает проведение оперативно-розыскных мероприятий. При этом в уголовно-процессуальном праве разнятся мнения в вопросе о возможности направления органу дознания поручения о проведении указанных мероприятий следователем по уголовному делу, что находится в его производстве.

По мнению А.М. Ларина, инициатор взаимодействия (следственный работник) названные мероприятия, не уполномочен ни поручать, ни проводить, поскольку осуществляются они негласно. Если же речь идет об инициировании розыскных действий, то ситуация меняется: следственные органы имеют возможность их не только поручать, но и производить при возникновении в том необходимости [4 с.123].

Высказана и другая, по сути, противоположная точка зрения: поручения инициатора взаимодействия преимущественно должны касаться производства оперативно-розыскных мероприятий, поскольку их реализация представляет собой основной функционал исполнителя поручения, то есть органа дознания[5 с.54-55].

Разумеется, следователь в силу собственного процессуального статуса не претендует на вмешательство в оперативно-розыскную деятельность. Он вправе лишь выступать инициатором ее. Данное правомочие охватывается его процессуальным статусом, что констатировано п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. При этом инициатива его в этом вопросе весьма ограничена. Так, он вправе в общем виде сформулировать задачу перед исполнителем поручения установить обстоятельства, имеющие значение для расследования уголовного дела. Однако конкретизировать сами оперативно-розыскные мероприятия, подлежащие проведению в конкретном случае, определять тактику их реализации его процессуальный статус не позволяет.

Статья 157 УПК РФ предусматривает обязанность исполнителя поручения ставить его инициатора в известность посредством уведомления о результатах оперативно-розыскных мероприятий. Правовая логика подсказывает, что названной обязанности исполнителя поручения должно корреспондировать право его инициатора требовать подобного уведомления[1]. Однако, как известно, право это законом не регла-

ментировано, порядок, формы его реализации законом также не конкретизированы.

По нашему мнению, формат письменных поручений следователя предполагает и письменный ответ об их выполнении органом дознания. Аналогичный подход применим и к сообщениям органов дознания о результатах оперативно-розыскных мероприятий, проведенных по их инициативе. В связи с этим, было бы целесообразно дополнить часть 4 статьи 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации положением, обязывающим органы дознания письменно информировать инициатора поручения о результатах проведенных действий по отданному поручению.

Если место нахождения уголовно преследуемого лица неизвестно, то следственные органы обязаны предпринимать должные меры для его обнаружения (ст. 210 УПК РФ). Наиболее актуальной из необходимых следственных мер по обнаружению этого лица является поручение о производстве розыска, адресованное органам дознания. Указание о названном поручении должно содержать постановление о приостановлении предварительного следствия. Вместе с тем возможно и вынесение отдельного постановления, посвященного поручению о производстве розыска.

Содержанием поручения может стать и производство следственных действий. При этом уголовно-процессуальный закон не предлагает регламента вопроса о том, какие именно следственные действия инициатор взаимодействия имеет возможность поручить органу дознания. Например, следователь может вынести отдельное поручение о проведении неотложного обыска, у лица подозреваемого в совершении преступления, и поручить проведение следственного действия оперативным сотрудникам. После чего обратится в суд о признании обыска законным, а доказательства допустимыми [6 с. 152-153].

Законодатель предлагает следователю самостоятельно разрешить этот вопрос и определить с учетом сложившихся фактических обстоятельств, какое следственное действие можно доверить органу дознания. Справедливо высказанное на этот счет замечание в юридической литературе о том, что неограниченная реализация права давать названные поручения, игнорирующая даже границы здравого смысла, то предварительное следствие утратит всякую значимость, станет бесполезным, поскольку орган дознания в формате исполнения поручения осуществит большую часть работы следователя.

Мы считаем, что при расследовании уголовного дела следователь должен стремиться к тому, чтобы лично проводить все следственные и процессуальные действия. Поручать же производство какого-либо из них другому лицу (в данном случае органу дознания) он вправе лишь, в исключительных случаях, когда нет возможности провести самостоятельно. Это может быть обусловлено крайне высокой занятостью, загруженностью следователя, тактической необходимостью одновременного осуществления нескольких следственных действий, удаленность проведения следственного действия (например, другой регион).

Справедливо отмечает А.И. Михайлов, что инициатор взаимодействия не должен поручать органу дознания проводить такие следственные действия, которые по имеющимся уже в деле материалам могут дать в его распоряжение «важные фактические данные о совершенном преступлении» [3 с. 24-25].

Инициатору поручения, разрешающему данный вопрос, не стоит забывать и о значимости того или иного следственного действия для расследования. Нужно учитывать тот факт, что, несмотря на право поручения следственных действий органу дознания, именно следователь, инициатор поручения, согласно закону отвечает как за качество каждого следственного действия, так и расследования в целом.

Некоторые сложности вызывает и вопрос пределов правовых возможностей органа дознания по выполнению поручений о проведении определенного следственного действия. Зачастую в результате их производства возникают обстоятельства, диктующие необходимость незамедлительно произвести иное следственное действие. Процессуальный закон в этом вопросе однозначен и не предоставляет органу дознания права осуществить данное действие. Подобное положение, на наш взгляд, не является оптимальным, поскольку способно привести к утрате следов преступления, доказательственной информации, следовательно, уголовное судопроизводство своего назначения не достигнет.

В подобных, то есть грозящих утратой потенциальных доказательств, случаях, орган дознания должен иметь возможность выйти за пределы, обозначенные следственным поручением, и провести в безотлагательном порядке следственное действие, в нем не указанное. При этом исполнитель поручения, вынужденно вышедший за его пределы, обязан проинформировать об этом следователя в течение 24 часов с момента начала безотлагательного следственного действия. Такое положение не лишним было бы предусмотреть, например, в ч. 4 ст. 157 УПК РФ.

Процессуальный срок исполнения указанных поручений не определен. В соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ, в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или органу дознания, дознавателю вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий дознавателю или органу дознания. Поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что взаимодействие следователя с органами дознания рассматривается согласно общепринятому в юридической науке определению. С учетом того, что поручения инициатора взаимодействия предполагают реализацию исполнителем поручения как процессуальных, так и непроцессуальных действий, которым присущ неодинаковый в плане затрат времени объем работы, установить однозначный, строгий срок их исполнения затруднительно и вряд ли целесообразно. Поэтому, на наш взгляд, в уголовно-процессуальном законе необходимо было бы отразить положение об установлении срока выполнения следственных поручений самим инициатором взаимодействия.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ в актуальной редакции.
2. Новокшенов, Д. В. Особенности уголовной ответственности военнослужащих за преступления, совершенные в период проведения специальной военной операции / Д. В. Новокшенов // Военное право. – 2024. – № 3(85). – С. 180-183. – EDN FBNNXU.
3. Михайлов А. И. Отдельное поручение следователя. М., 1971. С. 24-25.
4. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 123.
5. Новокшенов, Д. В. Уголовно-процессуальное право (общие положения) / Д. В. Новокшенов, Н. А. Петухов. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2017. – С. 54. – EDN YUUXQZ.
6. Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений : учебное пособие / под общ. ред. В. Н. Карагодина. М., 2019. С. 152-153.
7. Железняков, С. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений коррупционной направленности / С. А. Железняков. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 42 (437). — С. 100-101.
8. Евстратова, Ю. А. Уголовный процесс: Альбом схем / Ю. А. Евстратова, Д. В. Новокшенов, А. А. Шапошников; Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации. Том часть 1. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2020. – С. 35 – EDN JBJQKO.
9. Александров А. И. Уголовно-процессуальная политика в России (Теоретический и историко-правовой анализ) : специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве": диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Александров Алексей Иванович. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 54. – EDN NLMXPP.
10. Бахтеев Д. В., Драпкин Л. Я. Взаимодействие следователей с органами дознания и другими участниками расследования преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 3. С. 47.
11. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник для реализации профессиональных образовательных программ высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 - Юриспруденция / И. М. Алексеев, О. И. Андреева, И. А. Антонов [и др.]. – Санкт-Петербург : Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности "Университет", 2023. – 672 с. – ISBN 978-5-6040480-8-5. – EDN TFOCRO.
12. Гуманизация уголовно-процессуальных отношений: досудебное производство по уголовным делам / И. А. Антонов, В. П. Сальников, Д. В. Ванин [и др.]. – Типография СПВИ войск национальной гвардии : Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, 2024. – 275 с. – ISBN 978-5-6048831-8-1. – EDN OHSJSB.

References:

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks RF ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ v aktual'noj redakcii.
2. Novokshonov, D. V. Osobennosti ugovnoy otvetstvennosti voennosluzhashchih za prestupleniya, sovershennyye v period provedeniya special'noj voennoj operacii / D.V. Novokshonov // Voennoe pravo. – 2024. – № 3(85). – S. 180-183. – EDN FBNNXU.
3. Mihajlov A. I. Otdel'noe poruchenie sledovatelya. M., 1971. S. 24-25.
4. Larin A.M. Rassledovanie po ugovnomu delu: processual'nye funkicii. M., 1986. S. 123.
5. Novokshonov, D.V. Ugolovno-processual'noe pravo (obshchie polozheniya) / D. V. Novokshonov, N. A. Petuhov. – Belgorod : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Epicentr, 2017. – S. 54. – EDN YUUXQZ.
6. Pravovye i kriminalisticheskie aspekty rassledovaniya nekotoryh vidov korrupcionnyh prestuplenij : uchebnoe posobie / pod obshch. red. V.N. Karagodina. M., 2019. S. 152-153.
7. Zheleznyakov, S. A. Vzaimodejstvie sledovatelya i organov, osushchestvlyayushchih operativno-rozysknuyu deyatel'nost', pri rassledovanii prestuplenij korrupcionnoj napravlenosti / S. A. Zheleznyakov. — Tekst : neposredstvennyj // Molodoy uchenyj. — 2022. — № 42 (437). — S. 100-101.
8. Evstratova, Yu. A. Ugolovnyj process : Al'bom skhem / Yu. A. Evstratova, D. V. Novokshonov, A. A. Shaposhnikov; Sankt-Peterburgskij voennyj ordena Zhukova institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2020. – S. 35 – EDN JBJQKO.
9. Alexandrov A.I. Criminal procedure policy in Russia (Theoretical and historical-legal analysis) : specialty 12.00.01 "Theory and history of law and the state; history of the teachings of law and the state" : dissertation for the degree of Doctor of Law / Alexandrov Alexey Ivanovich. – St. Petersburg, 1999. – p. 54. – EDN NLMXPP.
10. Bahteev D.V., Drapkin L.Ya. Vzaimodejstvie sledovatelej s organami doznaniya i drugimi uchastnikami rassledovaniya prestuplenij // Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu. 2017. № 3. S. 47.
11. Criminal procedure law (criminal procedure): A textbook for the implementation of professional educational programs of higher education in an enlarged group of specialties and training areas 40.00.00 - Jurisprudence / I. M. Alekseev, O. I. Andreeva, I. A. Antonov [et al.]. – St. Petersburg : Foundation for the Promotion of Science and Education in the field of law enforcement "University", 2023. – 672 p. – ISBN 978-5-6040480-8-5. – EDN TFOCRO.
12. Humanization of criminal procedural relations: pre-trial criminal proceedings / I. A. Antonov, V. P. Salnikov, D. V. Vanin [et al.]. – Printing house of the SPVI of the National Guard troops : St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, 2024. - 275 p. – ISBN 978-5-6048831-8-1. – EDN OHSJSB.

НЕОТЛОЖНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ – ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ ИЛИ ДОЗНАНИЕ? URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS - PRELIMINARY INVESTIGATION OR INQUIRY?

ЧЕРЕЗОВ Александр Валентинович,

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,

Самарский юридический институт ФСИН России.

443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

E-mail: h-flex87@yandex.ru;

КОБА Артём Валерьевич,

курсант, Самарский юридический институт ФСИН России.

443022, Россия, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

E-mail: h-flex87@yandex.ru;

CHEREZOV Aleksandr Valentinovich,

Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines,

Samara Law Institute of the FPS of Russia.

24 v Rylskaya str., Samara, 443022, Russia.

E-mail: h-flex87@yandex.ru;

КОБА Artem Valerevich,

Cadet Samara Law Institute Federal Penitentiary Service of Russia.

24 v Rylskaya str., Samara, 443022, Russia.

E-mail: kas3nady@gmail.com

Краткая аннотация. В статье рассмотрена природа понятия неотложных следственных действий в уголовном судопроизводстве, порядка их применения, приведен ретроспективный анализ позиции законодателя относительно данного правового института. Авторы рассматривают роль неотложных следственных действий в расследовании уголовного дела, а также механизм взаимодействия органов следствия и дознания в целях определения места данных мероприятий как составной части предварительного следствия или отдельной деятельности органов дознания. Целью работы является систематизация знаний о подходах к пониманию данного правового явления и их значения. Приведено авторское обоснование позиции по определению места данного института среди форм предварительного расследования в уголовном судопроизводстве. Сделаны выводы о причинах выведения неотложных следственных действий из главы Уголовно-процессуального кодекса «Дознание».

Abstract: The article considers the nature of the concept of urgent investigative actions in criminal proceedings, the order of their application, provides a retrospective analysis of the legislator's position regarding this legal institution. The authors consider the role of urgent investigative actions in the investigation of a criminal case, as well as the mechanism of interaction between the investigation and inquiry bodies in order to determine the place of these measures as a part of the preliminary investigation or a separate activity of the bodies of inquiry. The purpose of the work is to systematize knowledge about approaches to understanding this legal phenomenon and their meaning. The authors give their justification of the position on determining the place of this institution among the forms of preliminary investigation in criminal proceedings. Conclusions are made about the reasons of withdrawal of urgent investigative actions from the chapter of the Criminal procedure code "Inquiry".

Ключевые слова: неотложные следственные действия, предварительное расследование, дознание, предварительное следствие, уголовное судопроизводство.

Keywords: urgent investigative actions, preliminary investigation, inquiry, pretrial investigation, criminal proceedings.

Для цитирования: Черезов А.В., Коба А.В. Неотложные следственные действия – предварительное следствие или дознание? // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 534-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_534.

For citation: Cherezov A.V., Koba A.V. Urgent investigative actions – preliminary investigation or inquiry? // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 534-535. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_534.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Неотложные следственные действия (далее – НСД) – это следственные действия, которые производятся правоохранительными органами для своевременной фиксации следов преступления по делам, а также изъятия объектов и предметов, представляющих следственный интерес, по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно. Неотложность в названии данных действий говорит о том, что они производятся в случаях, когда несвоевременное возбуждение уголовного дела и проведение указанных мероприятий может негативно сказаться на расследовании: утратятся следы преступления. Поэтому в случае, если следователь не может незамедлительно приступить к работе, а неотложность действий присутствует, дознаватели и проводят данные действия. После их проведения все материалы передаются следователю или руководителю следственной группы, которые в стандартном порядке продолжают работу над делом.

Специфика производства данных следственных действий заключается в том, что должностные лица, приступившие к расследованию такого уголовного дела, не смогут довести его до конца, поскольку обязаны передать это дело в соответствии с подследственностью в другой орган. Следователь же при получении данного уголовного дела получит уже первоначальную доказательственную информацию, которую ему останется дополнить новыми следственными действиями, проверить и дать оценку полученным сведениям, а дальнейшие действия органов дознания по уголовному делу возможны только по указанию следователя [1, с. 74].

Как известно, предварительное расследование начинается с вынесения постановления о возбуждении уголовного дела соответствующим должностным лицом (ч. 1 ст. 156 УПК РФ), равно, как и производство неотложных следственных действий (ч. 1 ст. 157 УПК РФ). Помимо этого, ст. 150 УПК РФ говорит о том, что предварительное расследование производится в форме предварительного следствия и дознания.

Учитывая то, что данные действия выполняются органами дознания (п. 19 ст. 5 УПК РФ, ч. 1 ст. 157 УПК РФ) возможно, предположить, что они относятся к дознанию, как к одной из двух форм предварительного расследования. Однако в том же уголовно-процессуальном законе в ч. 5 ст. 152 упоминается о том, что следователь и дознаватель также могут производить неотложные следственные действия. В связи с чем возни-

кает неопределенность в том, к какой же форме предварительного расследования отнести указанные действия.

В научной среде есть несколько позиций по данному вопросу, А. Б. Судницын предлагает воспринимать данные действия, как некую форму взаимодействия органов следствия и дознания, не причисляя их к одной или другой стороне [2, с. 245-251]. Г. Д. Луковников в своих наблюдениях относит неотложные следственные действия к дознанию по уголовным делам, по которым обязательно производство предварительного расследования [3, с. 302-309].

Предложим свое видение данной проблемы. Начнем с того, что ранее в УПК РСФСР данные мероприятия приводились в девятой главе ст. 119 с конкретным перечнем действий, производство которых было возможно в случаях неотложности. Указанная глава так и называлась «Дознание», что в свою очередь уже указывало на форму предварительного расследования, к которой были отнесены неотложные следственные действия.

В ныне действующем уголовно-процессуальном законе отказались от исчерпывающего перечня следственных действий, производимых в неотложных случаях, расширив тем самым объем процессуальных средств при производстве НСД. Кроме того, неотложные следственные действия выведены законодателем из главы «Дознание» и помещены в главу «Общие условия предварительного расследования». Причины данного изменения мы постараемся раскрыть далее.

Для того, чтобы выяснить, к какой форме отнести рассматриваемые следственные действия, необходимо понять, чем предварительное следствие отличается от дознания? То есть выделить критерии разграничения двух этих форм в уголовном процессе.

Первый критерий – сроки предварительного расследования. У следствия минимальный срок составляет 2 месяца, у дознания – 30 суток. По указанному критерию производство НСД разграничить невозможно, поскольку их производство длится не более 10 суток.

Второй критерий – итоговые акты. В следствии – это обвинительное заключение, в дознании – обвинительный акт или обвинительное постановление. При производстве же неотложных следственных действий итогом будет являться направление материалов уголовного дела по подследственности. Указанный критерий также не подходит для определения их формы.

Третий критерий – момент появления обвиняемого в досудебном производстве. В следствии обвиняемый появляется после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В дознании по общему правилу обвиняемым лицо становится после вынесения обвинительного акта или составления обвинительного постановления. Однако согласно ч. 3 ст. 224 УПК РФ в рамках дознания также можно вынести постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого для продления избранной меры пресечения, что также является актуальным для производства неотложных следственных действий. Как видно, указанный критерий также не станет мерилом определения формы расследования.

Четвертый критерий – момент появления статуса подозреваемого.

В дознании добавляется четвертое основание считать лицо (помимо прочих – ст. 46 УПК РФ) подозреваемым: уведомить это лицо о подозрении (ст. 223 прим.1 УПК РФ). Однако и этот критерий сомнителен при производстве НСД, поскольку уведомлять лицо о подозрении по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, может вызвать ряд вопросов при переходе указанного дела к следователю и последующему направлению его в суд. Форма расследования на тот момент будет ясна – это будет уже предварительное следствие.

Пятый критерий – подследственность. Нигде не указано, что органы дознания вправе производить расследование в форме предварительного следствия, указано лишь то, что они производят НСД по тем делам, расследование по которым предусмотрено в форме предварительного следствия. Однако сам порядок производства следственных действий, а также порядок возбуждения уголовного дела не отличается в двух указанных формах (глава 24 УПК РФ и ч. 1 ст. 146 УПК РФ).

Шестой критерий – субъекты производства расследования. В дознании это, как правило, дознаватель (ч. 3 ст. 151 УПК РФ, исключение составляет лишь п. 7 ч. 3 ст. 151 УПК РФ) – и то согласно п. 41 ст. 5 УПК РФ данное полномочие можно отнести к иным помимо осуществления предварительного следствия. В предварительном следствии расследование производится следователями (ч. 2 ст. 151 УПК РФ). Однако НСД согласно ч. 5 ст. 152 УПК РФ могут производиться как следователями, так и дознавателями.

Таким образом, мы приходим к следующему умозаключению: чтобы отнести какое-либо процессуальное действие к той или иной форме предварительного расследования, необходимо понять, по какому из вышеуказанных критериев оно разграничивается. Если же невозможно подобрать ни один из указанных критериев, то напрашивается вывод о том, что указанное процессуальное действие, в том числе и НСД, нельзя определенно отнести ни к предварительному следствию, ни к дознанию. Именно поэтому, на наш взгляд, законодатель переместил указанные следственные действия из главы УПК «Дознание» в главу «Общие условия предварительного расследования», не относя ни к одной из вышеназванных форм расследования.

Список литературы:

1. Плещёва Л.П., Унжакова С.В. Понятие неотложных следственных действий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. №3 С. 74. EDN: UKWFPR
2. Судницын, А. Б. Производство органом дознания неотложных следственных действий как форма взаимодействия со следователем // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2, № 1(2). С. 245-251. EDN: ХТІQNQ
3. Луковников, Г. Д. Дознание или неотложные следственные действия? // Верховенство права: человек в государстве: Сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ижевск, 24 октября 2019 г. Ижевск: Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", 2019. С. 302-309. EDN: EXMSVM

References:

1. Plesnyova, L.P., Unzhakova, S.V. Ponyatie neotlozhnykh sledstvennykh dejstvij [The concept of urgent investigative actions] Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2015. №3 (74).
2. Sudnitsyn, A.B. Proizvodstvo organom doznaniya neotlozhnykh sledstvennykh dejstvij kak forma vzaimodejstviya so sledovatelem [Conducting urgent investigative actions by the body of inquiry as a form of interaction with the investigator] Sovremennoe ugodno-processual'noe pravo - uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. 2020. T. 2, № 1(2). S. 245-251.
3. Lukovnikov, G.D. Doznaniye ili neotlozhnyye sledstvennyye dejstviya? [Inquiry or emergency investigative action?] Verhovenstvo prava: chelovek v gosudarstve : Sbornik nauchnykh statej, dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Izhevsk, 24 oktyabrya 2019 g. Izhevsk: Izhevskij institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii (RPA Minyusta Rossii)", 2019. S. 302-309.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_536

УДК 636.74

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕЛЬГИЙСКОЙ ОВЧАРКИ (МАЛИНУА), КАК ОДНОЙ ИЗ НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПОРОД СЛУЖЕБНЫХ СОБАК ДЛЯ ПОИСКА, ОБНАРУЖЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ TO THE QUESTION OF THE EXPEDIENCY OF USING THE BELGIAN SHEPHERD (MALINOIS), AS ONE OF THE MOST PROMISING BREEDS OF SERVICE DOGS FOR THE SEARCH, DETECTION AND DESIGNATION OF EXPLOSIVES AND NARCOTIC DRUGS

РАЗИНА Елена Павловна,

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин

Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шиловой

(Владивостокский филиал).

692500, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21.

E-mail: razina_yelena@list.ru;

RAZINA Elena Pavlovna,

Senior lecturer of the Department of Special Disciplines

of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilova

(Vladivostok branch).

692500, Primorsky Krai, Vladivostok, Kotelnikova str., 21.

E-mail: razina_yelena@list.ru

Краткая аннотация: В статье рассмотрены вопросы о целесообразности замены поголовья рабочих собак породы немецкая овчарка на бельгийскую овчарку малинуа.

Abstract: The paper looks at the key problems of breeding dogs by the territorial departments of cultivation, training and training, the causes of these problems, as well as options for solving them.

Ключевые слова: бельгийская овчарка малинуа, немецкая овчарка, порода, служебная собака, кинолог.

Key words: service cynology, problems of acquisition, specialist-lists-dog handlers, breeding of service dogs.

Для цитирования: Разина Е.П. К вопросу о целесообразности использования бельгийской овчарки (малинуа), как одной из наиболее перспективных пород служебных собак для поиска, обнаружения и обозначения взрывчатых веществ и наркотических средств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 536-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_536.

For citation: Razina E.P. To the question of the expediency of using the belgian shepherd (malinois), as one of the most promising breeds of service dogs for the search, detection and designation of explosives and narcotic drugs // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 536-539. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_536.

Статья поступила в редакцию: 06.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Службу в структурах несут собаки разных пород: лабрадоры, овчарки, доберманы, спаниели, терьеры, ротвейлеры, ризеншнауцеры. Но в последнее время, почти повсеместно у кинологов спецподразделений (полицейских, военных, таможенников, пограничников и т.д.) в приоритете не немецкие овчарки, не доберманы и не ротвейлеры и лабрадоры, а бельгийские(малинуа).

Обратимся немного к истории. Свои истоки порода берет с конца 19 века в Бельгии, где и сформировалась. Эта уникальная порода пастушьих собак. Бельгийские овчарки их четыре разновидности одной породы – малинуа, лакенуа, грюнендал и тервюрен, собаки отличаются друг от друга внешне имеют разную структуру шерсти и окрас. Хозяевами этих собак были простые работники – фермеры. Собаки помогали охранять фермы и пасти овец. На красивый внешний вид акцент не делался, главное, что ценилось это сторожевые качества, выносливость, неприхотливость. Особи данной породы были среднего роста, с молниеносной реакцией, очень подвижные и сообразительные, хорошо поддающиеся дрессировки. Основателем прекрасной породы является профессор ветеринарной школы Курегема-Адольфу Рюлю он начал заниматься чистопородным разведением с 1891 года. Результаты этой кропотливой работы мы наблюдаем в настоящее время. В промежутке с 1891 по 1897 порода получила официальное признание. Свое название порода взяла от бельгийского города Малин. В Россию первые малинуа попали в 1996 году.

Порода очень своеобразная, взрывные, возбудимые, часто агрессивные, очень активные собаки, которые готовы хватать и рвать всё, что движется. Если выхода энергии не дать, то агрессию может переадресовывается на членов семьи. Такие собаки нуждаются в воспитании с 2-х месяцев и только для опытных любителей, которые могут обеспечить тренинг и дрессировку, тогда "проблемы" с психикой проходят сами собой.

Бельгийская овчарка Малинуа не типичный любимец семьи. Это собака, созданная для работы. Собака сильная, волевая с жестким характером. Ей нужно много движения в сочетании с умственными нагрузками.

По своему характеру: чувствительная Малинуа может стать гиперактивной или приобрести тенденцию доминировать. Как и все бельгийские овчарки, ей нужна твердая, но в то же время нежная рука в воспитании. Веселая, активная и всегда готовая к работе, эта собака нуждается в тесном контакте с владельцем, которого она любит постоянно сопровождать. Это собака одного хозяина, при правильном воспитании она хорошо относится ко всем членам семьи.

Малинуа отлично ладит с детьми, с которыми живет, но из-за ее спонтанности и решительного характера не следует заводить эту собаку ребенку. Спокойно относится к другим домашним животным, но может быть агрессивной по отношению к посторонним собакам. Это превосходный сторож, проникательный, недоверчивый к незнакомцам, с сильным инстинктом охраны территории.

Если говорить о способностях Малинуа, то они безграничны. Изначально задача бельгийских овчарок заключалась в пастыбе стад — они должны были загонять животных и искать потерянных. Они также использовались для охраны. В настоящее время Малинуа работает в антитеррористических подразделениях, в пограничниках, полиции и армии. Неоценимые услуги были предоставлены в Афганистане, где они использовались для обнаружения мин. Они работают как спасатели на завалах и в лесах, помощники инвалидов. На соревнованиях по послушанию и защите всегда занимают лидирующие позиции. Они превосходные спортсмены и служебники.

Так данная порода в полиции Бельгии почти вытеснила немцев. Полицейские утверждают, что бельгийцы — это оптимальное сочетание цены и качества.

Первостепенное значение имеет воспитание (ранняя социализация) щенка и правильная дрессировка. Малинуа, учится очень быстро, как хорошему, так и плохому навыку. Схватывает сразу на лету. Для нее необходим профессиональный тренер — опытный и хорошо разбирающийся в поведении собак человек. Малинуа готова принимать любую задачу, старается понять каждое слово хозяина и выполнить его волю. Занятия должны быть разнообразными, потому что собака этой породы не любит монотонность. Это требует последовательности и твердости в воспитании и социализации с самого щенячьего возраста.

Малинуа порода для избранных, не каждому под силу справиться с волевым характером этой собаки. Она очень требовательный напарник, которому нужно посвящать много времени и энергии. Кинолог должен вести активный образ жизни, быть последовательным человеком и в то же время быть терпеливым и уравновешенным.

Недостатки: требует последовательности и терпения необходимо много занятий, физических, умственных и психологических нагрузок имеет особо чувствительную психологическую организацию

Достоинства: энергичная и импульсивная, универсальная для спорта и службы, предана хозяину, быстро обучаемая, умная. Они легко учатся правильным вещам, но также легко учатся неправильным. Если вы неопытный дрессировщик и это ваша первая собака, то вас может ожидать разочарование, есть очень большая вероятность не справиться с ней.

Малинуа — это уверенные в себе и сильные собаки, которые настороженно относятся к окружающему миру. Если малинуа добрая ко всем, не проявляет охранных качеств, возможно, это уже не малинуа. Это племенной брак. Конечно, каждая собака особенная по-своему, все зависит от характера и темперамента. Но суть одна, если собака трусливая или добрая, как лабрадор, это не малинуа.

Малинуа — это рабочая порода для защиты и спорта. Исходя из этого, выбирайте грамотного заводчика, проверьте, чтобы у него были все тесты по здоровью собак, и вообще важно, чтобы заводчик «болел» этой породой. В таком случае, вы можете взять малинуа, и вам будет помощь в течении всей жизни.

Малинуа или немецкая овчарка. Плюсы и минусы каждой породы более чем очевидны. Эти две породы для не посвященных кажутся похожими. Но для специалистов профессионалов это абсолютно разные две породы.

Для Малинуа характерна высокая обучаемость и мотивированность в работе, молниеносная реакция, большая энергичность и подвижность, крепкое здоровье. Такая беда как дисплазия суставов благодаря правильной селекции в данный момент скорее отсутствует. Чего нельзя сказать о немецкой овчарке.

Защитные качества малинуа - контролируемая агрессия при правильном воспитании крепкая хватка высокая скорость при преследовании.

Селекция представителей этой породы происходит с учетом не только физических качеств, но и психического состояния. Великолепно дрессируются, устойчивы к стрессам. Малинуа рабочего разведения только для специалистов и профессионалов в кинологии. В течении очень длительного времени селекцией культивировались определенная модель поведения для создания и рабочих качеств.

В руках неопытного человека прекрасная собака данной породы, станет источником больших проблем и для окружающих, и для самого хозяина и членов его семьи. Если вы не сотрудник силовых специализированных кинологических структур не полицейский не военный не таможенник или спасатель и не спортсмен — это собака не для вас. Обратите внимание на другие породы.

Немец по своей генетической природе великолепный рысак имеет абсолютно иное анатомическое строение движения немца завораживают внешне и на практике способствуют долго без усталости двигаться на протяжении многих километров, например, прорабатывая запаховый след преступника. Но гонка за собаками для выставок, красивым экстерьером привела к утрате рабочих качеств большинства поголовья. И на сегодняшний день это не позволяет немцам конкурировать с малинуа. За рубежом начиная с 1980 года и по настоящее время только малинуа держат первенство на Чемпионатах Франции по Французскому рингу.

С 2009 по 2012 гг. на кафедре кормления и разведения сельскохозяйственных животных ФГБОУ ВПО «Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н. Прянишникова», в соответствии с Гостематикой, № государственной регистрации 01201 15 1681. Объектом исследований являлись служебные собаки, племенного и ремонтного назначения породы немецкая овчарка и бельгийская овчарка (малинуа), принадлежащие учебно-тренировочному отделению и питомнику по разведению, выращиванию и содержанию служебных собак Пермского института ФСИН России. Результатом этих исследования стала кандидатская диссертация Попцовой О.С. на тему сравнительных характеристик адаптационных возможностей и рабочих качеств немецких и бельгийских овчарок.

Для решения поставленных задач были отобраны две группы собак породы немецкая и бельгийская (малинуа) овчарки (по семь особей) по принципу параналогов в возрасте 1,5-2 мес., далее эти же щенки исследовались до достижения ими двухлетнего возраста. Распределение по половой принадлежности в группах было по 4 кобеля и 3 суки, в возрасте с 3 по 10 неделю жизни.

При тестировании на поведенческие реакции выявилось превосходство щенков малинуа по таким показателям, как психическая устойчивость, инстинкт преследования, социальная ориентация на человека. Щенки немецкой овчарки характеризовались более низкой устойчивостью к внешним раздражителям.

Оценка устойчивости служебных собак к температурным воздействиям в разные сезоны года показала, что бельгийские овчарки отличаются меньшими колебаниями температуры тела в сравнении с животными породы немецкая овчарка. Это свидетельствует о большей способности малинуа сохранять постоянную температуру тела при изменениях температуры окружающей среды. Эту же тенденцию подтверждают и результаты оценки индекса теплоустойчивости и коэффициента адаптации.

Бельгийские овчарки (малинуа) отличались меньшим временем при работе по выборке вещи и следовой работе, чем немецкие овчарки, как в летний, так и в зимний периоды.

Сравнение скоростных и разгонных характеристик служебных собак показало, что бельгийские овчарки превосходили немецких овчарок в быстроте набора скорости, а также скорости преследования, что является важным при действиях собаки в небольших, замкнутых пространствах. Благодаря более высоким скоростным данным, бельгийские овчарки сопоставимы с немецкими в размере ударной деформации, оказываемой на человека.

Выводы данной работы таковы, что в целом комплекс признаков свидетельствует о практической возможности использования собак породы бельгийская овчарка (малинуа) в качестве патрульной и патрульно-розыскной собаки в кинологической службе МВД России [1].

Годных к службе немецких овчарок найти с каждым годом все труднее это наглядно видно при тестировании приехавших на обучение сотрудников полиции.

Про немца все чаще приходится слышать, злобно-трусливая, с неустойчивой психикой трудноуправляемая с большими проблемами со здоровьем генетическая предрасположенность к огромному количеству заболеваний (кожи, суставов, иммунной системы, онкология). И таких особей к сожалению, на данный момент процентов девяноста от общего числа поголовья.

В былые времена лучше немецкой овчарки не было, дрессировать такую собаку в удовольствие. Но времена идут и что же произошло, почему так испортили породу. Вплоть до того, что начинают избавляться от поголовья. Сейчас на службе осталось примерно процентов сорок.

Помимо того они дорого обходятся государству: много болеют и едят в два раза больше малинуа. Такие собаки не для начинающих! Эти собаки и умственно и физически должны быть загружены постоянно. При отсутствии должного уровня занятий, сто процентов возникнут большие проблемы. Это собаки исключительно для службы и спорта. Малинуа - это собака для работы. Это то, к чему будущие владельцы должны быть готовы - обеспечить эту собаку соответствующими нагрузками. Это не собачка для семьи, которая по вечерам у ног дремлет либо лежит на диване.

Полиция уже давно использует малинуа и сейчас больше, чем когда-либо, потому что собаки более легкие, подвижные, гиперактивные, обладающие высокой выносливостью и агрессивностью.

Хорошая бельгийская овчарка малинуа – это собака на вес золота, будет очень жалко, если собака попадет в руки владельца, который мало знает о породе.

От занятий с малинуа, получаешь массу удовольствий, важно только правильно с ней работать. Малинуа сто процентов собака не для новичков.

Малинуа - классная рабочая собака! Умнички, терпеливые, но темпераментные, агрессия под контролем (при правильном воспитании, естественно).

Малины гиперактивные собаки особенно в щенячем и молодом возрасте, да и в принципе в течении всей своей жизни, это просто непоседы, но такая чудесная собака.

Раньше на эту породу не обращали достаточного внимания, но по случаю, став обладателем хорошего бельгийца, правда уже взрослой суки (она отказник) это еще один пример того, что прежде чем взять щенка этой породы необходимо хорошо подумать и понять для чего вам такая собака. Моя же семья влюбилась в эту породу, только слова благодарности заводчику. В виду своей профессиональной деятельности у меня есть возможность на практике увидеть и сравнить на сколько уникальны способности данной породы, понимаю, почему их охотно берут в полицию, это именно рабочая собака, для спецподразделений и спорта, но ни в коем случае не домашняя, с ней нужно работать по долгу каждый день, она не может существовать без работа это в породе заложено генетически.

Чтобы найти хорошую рабочую немецкую овчарку надо очень постараться собственно говоря, как и хорошего ротвейлера, добермана в принципе. Рабочие качества большинства рабочего поголовья собак, стоящих на службе в структурах истощаются, из-за не соблюдения принципов генетики и строгого отбора по рабочим качествам.

Для работы в полиции и в других структурах, нужны собаки не только с хорошей мотивацией к работе, крепкой нервной системой с контролируемой агрессией, но и здоровые, выносливые и как можно дольше сохраняющие эти качества во время службы. на года. Так что если нужна собака для работы, то лучше малинуа. Но это действительно рабочая собака.

Вторая проблема, с которой сталкиваются структурные кинологические подразделения, – это проблема подбора кадров способных за-

ниматься подготовкой хорошей собаки. Как и в других профессиях опыт кинолога приходит с годами, необходимо не одну собаку подготовить и что говорить на своей шкуре понять способен ли ты заниматься с хорошей собакой ведь очень легко испортить отличного щенка. Не имея базовой теоретической подготовки не зная основ физиологии и психологии, не понимающих принципа формирования поведения собаки и не имея практического опыта. По своему опыту знаю, что большинство служебных собак находящихся в вольерах лишены активной физической нагрузки, если тренировку рабочих качеств еще можно наблюдать по основным направлениям применения служебной собаки, например проработка запахового следа, выборка вещи, или работа по объектам целиков по поиску ВВ или НС (обследование транспорта, багажа, помещений и.т.д), но по времени это занимает, как правило один максимум два раза в неделю и не более 1-2 часов. То физические нагрузки у этих служебных собак отсутствуют. Этим занимаются единицы и специалистов такого уровня крайне мало, которые не считаясь со своим личным временем занимаются не только в отведенное приказом рабочее время. Из выше сказанного следует вывод, что доверять такого щенка можно не всем. Потенциал малинуа будет раскрыт только в любящих и умелых руках.

Как показывает практика таких специалистов в наших структурах крайне мало, а, следовательно, и говорить о полной замене поголовья служебных собак на малинуа считаю преждевременным.

Список литературы:

1. Попцова О.С. Сравнительная характеристика адаптационных возможностей и рабочих качеств собак служебных пород немецкая овчарка и бельгийская овчарка (малинуа): дисс.... канд. сельскохозяйственных наук: 06.02.10/ О.С. Попцова. - Пермь, 2013.- 1135 с. EDN: SUVQBN

References:

1. Poptsova O.S. Comparative characteristics of adaptive capabilities and working qualities of dogs of service breeds German Shepherd and Belgian Shepherd (Malinois): dissertation.... Candidate of Agricultural Sciences: 02/06/10/ O.S. Poptsova. - Perm, 2013.- 1135 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_540

УДК 342.9

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ON SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION BY LAW ENFORCEMENT OFFICERS

ШЛЯПИН Дмитрий Сергеевич,

старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России.
Россия, 603144, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, д. 3.
E-mail: imasya08@mail.ru;

ТАНГРИЕВА Валерия Николаевна,

доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России.
Россия, 603144, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, д. 3.
E-mail: tangri01@yandex.ru;

МАТЕРОВ Сергей Юрьевич,

преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России.
Россия, 603144, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, д. 3.
E-mail: materov80@mail.ru;

SHLYAPIN Dmitry Sergeevich,

Senior lecturer at the Department of Professional Activities of employees of Public Order Protection units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Nizhny Novgorod, Russia, 603144, Ankudinovskoe highway, 3.
E-mail: imasya08@mail.ru;

TANGRIEVA Valeria Nikolaevna,

Associate Professor of the Department of Professional Activity of employees of Public Order Protection units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Nizhny Novgorod, Russia, 603144, Ankudinovskoe highway, 3.
E-mail: tangri01@yandex.ru;

MATEROV Sergey Yurievich,

Senior lecturer at the Department of Professional Activities of employees of Public Order Protection units of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Nizhny Novgorod, Russia, 603144, Ankudinovskoe highway, 3.
E-mail: materov80@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена исследованию актуальных проблем, связанных с осуществлением административного надзора в органах внутренних дел Российской Федерации в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, состоящих на профилактических учетах в отделах полиции как лица, состоящие под административным надзором. В результате проведенного исследования были выявлены ключевые проблемные аспекты, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации в процессе осуществления административного надзора за поднадзорными и возможные пути их решения с точки зрения изменения действующего законодательства, регламентирующего порядок (механизм) осуществления административного надзора в Российской Федерации, проанализированы правовые основы административного надзора как существующие меры предупреждения рецидива преступлений со стороны лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Abstract: the article is devoted to the study of current problems associated with the implementation of administrative supervision in the internal affairs bodies of the Russian Federation in relation to persons released from prison, who are on preventive records in police departments as persons under administrative supervision. As a result of the study, key problematic aspects faced by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation in the process of implementing administrative supervision over those under their supervision were identified and possible ways to solve them in terms of changing the current legislation regulating the procedure (mechanism) for carrying out administrative supervision in the Russian Federation, analyzed the legal basis of administrative supervision as existing measures to prevent relapse of crimes on the part of persons released from prison, presented and analyzed statistical data from the Department of the Ministry of Internal Affairs Russia in N. Novgorod.

Ключевые слова: административный надзор, наблюдение за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, поднадзорные, рецидив преступлений, реадaptация.

Key words: administrative supervision, monitoring of persons released from prison, supervised persons, recidivism, readaptation.

Для цитирования: Шляпин Д.С., Тангриева В.Н., Матеров С.Ю. О некоторых проблемных аспектах осуществления административного надзора сотрудниками органов внутренних дел // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 540-545. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_540.

For citation: Shlyapin D.S., Tangrieva V.N., Materov S.Yu. On some problematic aspects of the implementation of administrative supervision by law enforcement officers // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 540-545. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_540.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В современных условиях, когда общественные отношения становятся все более сложными и многогранными, значение административного надзора сотрудников органов внутренних дел в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, состоящих на профилактических учетах в отделах полиции как лица, состоящие под административным надзором, приобретает особую актуальность. Проблемные аспекты требуют глубокого анализа и систематического подхода. К сожалению, несмотря на важность исследования данной темы, на

сегодняшний день наблюдается дефицит научных работ, посвященных специфике и особенностям административного надзора в контексте российской правоохранительной системы в данном направлении. Это отсутствие внимания со стороны исследователей может быть связано как с недостатком доступных данных, так и с тормозящими факторами внутри общества и в том числе правового поля. Важно отметить, что вопрос о качестве и эффективности административного надзора остается открытым и требует непрерывного мониторинга и оценки. Научное понимание и дальнейшая разработка методов оптимизации данного вида контроля смогут существенно повысить уровень безопасности и законности в стране. Таким образом, поднимаемые в настоящем исследовании проблемы открывают широкие горизонты для будущих исследований и практического применения, что, безусловно, направлено на улучшение функционирования органов внутренних дел в России. Так, необходимость глубже разобраться в данной тематике становится всё более актуальной, особенно в условиях динамично меняющегося социально-экономического контекста. Важнейшими аспектами для анализа являются не только теоретические предпосылки, но и практические последствия, которые могут возникнуть в результате игнорирования данной проблемы. В этой связи определенно заслуживают внимания работы следующих исследователей: Дуюнов В.К., Мартынов А.В., Разаренов Ф.С., Трушкин Ю.М., С.А.Бурлака. Эти ученые привнесли значительный вклад в понимание ключевых аспектов проблемы, открывая новые горизонты для исследования и обсуждения. Их работы отмечены глубиной анализа и комплексным подходом, что позволяет рассматривать рассматриваемую тематику с разных ракурсов. Важным аспектом их исследований является стремление не только выявить существующие пробелы в научной литературе, но и предложить пути решения практических задач, которые возникают в ходе изучения данной проблемы.

Проблематика осуществления административного надзора с момента самого появления данной категории в правовом поле и по настоящее время является актуальной. Данный вид надзора, применяемый со стороны государства, как один из наиболее действенных мер социального контроля, является административно-предупредительной мерой административного предупреждения и берет свое начало с середины XX века.

Так, по мнению А.В. Мартынова формирование категории административного надзора относится к середине 60-х гг. прошлого столетия, когда ученые в области административного права столкнулись с проблемой ограничения данного правового явления от таких смежных категорий как государственный контроль, проверки исполнения, прокурорский надзор [1; 7, с.127]

В этот же период было разработано в качестве самостоятельного юридического термина такое понятие как «Административный надзор». Дефиниция указанного понятия определяла данный термин как профилактическую меру, применяемую к освобожденным из мест лишения свободы, в целях недопущения рецидива преступлений. Кроме того, в указанный период институт административного надзора был регламентирован Положением об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденным указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 № 5364-VI. В соответствии с данным Положением, административный надзор устанавливался за некоторыми категориями освобожденных [2; 4]. Действие указанного нормативно-правового акта действовало до 1 января 2010 года, до принятия в России в 1993 г. Конституции РФ, после чего, в связи с существенными расхождениями с действующим законодательством, утратил силу. Однако, существенный рост рецидивной преступности в период с 1990 года по 2000 год требовали от законодателя существенных и действенных изменений, и они не заставили себя долго ждать.

Во-первых, в уголовно-исполнительный кодекс в 2011 году была введена ст. 173.1, что по факту, позволило на законодательном уровне устанавливать административный надзор, регулировать порядок его установления и исполнения.

Во-вторых, введение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) статьи 314.1 в 2011 году было особенно актуально, и позволило установить уголовную ответственность для поднадзорных в случаях уклонения от административного надзора, либо неоднократного несоблюдения установленных судом ограничения или ограничений [3;10].

С точки зрения Дуюнова В.К., институт административного надзора в настоящее время не получил адекватного отражения в системе мер уголовно-правового характера, за исключением упомянутой статьи. Это указывает на недостаточную разработанность теоретических основ данного института и наличие пробелов в правоприменительной практике [4;6, с. 192].

Необходимость интеграции административного надзора в уголовное право становится все более очевидной, особенно в контексте повышения уровня общественной безопасности и предупреждения правонарушений. Особая проблематика заключается в том, что существующие механизмы недостаточны для обеспечения эффективного контроля и оценки поведения лиц, находящихся под административным надзором. В условиях современного общества следует пересмотреть подходы к формированию правовых норм, учитывающих специфику административного надзора. Необходимо разработать четкие критерии и процедуры, позволяющие более гибко реагировать на изменения в поведении поднадзорных. Важно также наладить тесное сотрудничество между правоохранительными органами и институтами, занимающимися профилактикой правонарушений. Только таким образом возможно создать комплексную и эффективную систему, способствующую восстановлению правопорядка и защите интересов граждан.

В-третьих, введение в 2011 году значительных изменений в статью 19.24 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) создало законодательные условия для реализации комплекса эффективных мер, направленных на соблюдение поднадзорными своих обязанностей и ограничений [5, с. 107-112;11].

Важным фактором стало появление в 2011 году нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность сотрудников правоохранительных органов в данной области, которые остаются в силе и по сей день, а именно: Федеральный закон об административном надзоре и Приказ о порядке осуществления административного надзора. Кроме того, деятельность сотрудников органов внутренних дел в области административного надзора была закреплена в новом Федеральном законе о полиции, вступившем в силу также в 2011 году. Согласно этому

закону, сотрудники правоохранительных органов осуществляют контроль за соблюдением поднадзорными законодательно установленных судом запретов и ограничений. В процессе осуществления такого контроля, сотрудники полиции вправе применять меры наблюдения за ходом социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы.

Несмотря на очевидные признаки «возрождения» института административного надзора в результате введения указанных нормативно-правовых актов, его дальнейшее применение в практике правоохранительных органов привело к значительному ажиотажу и множеству спорных дискуссий. Это связано с «размытостью» отдельных положений, а также с вопросами качества и контроля при осуществлении конкретных мероприятий. Эти обсуждения затрагивают как действующих сотрудников полиции, ответственных за внедрение отдельных норм, так и представителей правозащитных организаций, общественных и научных кругов.

Главной причиной возникновения вопросов к институту современного административного надзора является отсутствие детального изучения данной тематики со стороны исследователей в научных кругах после введения существующих изменений. В частности, недостаточно внимания уделено анализу практических действий сотрудников полиции в контексте административного надзора, а также оценке таких ключевых критериев, как результативность, объективность, законность и эффективность.

Существенный вклад в разработку института административного надзора внес Разаренов Ф.С. Исследуя соотношения административного надзора и внешнего контроля, различия между ними он видит в том, что органы внешнего контроля обладают более широкой компетенцией, которая включает проверку не только с точки зрения правильности, но и целесообразности контролируемой деятельности; надзор и контроль различаются по объекту их деятельности (надзор ограничивается проверкой соблюдения определенных правил, органы внешнего контроля занимаются и вопросами хозяйственной деятельности, выполнения плановых заданий по количественным и качественным показателям; административного надзора характерные особые методы его осуществления; характер полномочий органов внешнего специального контроля отличается от полномочий органов административного надзора [6, с. 192-206; 8, с. 69].

Дефиниция административного надзора отражено в Федеральном законе от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – ФЗ-64) и определено как наблюдение за соблюдением поднадзорными установленных административных ограничений и выполнением этими лицами обязанностей, осуществляемое органом внутренних дел по месту их жительства, пребывания или фактического нахождения [7; 1].

Основной же задачей института административного надзора является предупреждение совершения поднадзорными преступлений и возможных правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия со стороны сотрудников органов внутренних дел в целях защиты государственных и общественных интересов. Главной целью Федерального закона об административном надзоре является применение и установление мер, которые бы препятствовали совершению со стороны поднадзорных новых преступлений.

Однако, если в ФЗ-64 отражены основные ключевые понятия (дефиниции), указаны виды административных ограничений, определены сроки административного надзора, порядок его установления, продления и прекращения с описанием прав и обязанностей поднадзорных, то в Приказе от 08.07.2011 № 818 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее также – Приказ № 818) законодатель определил перечень субъектов и подразделений в органах внутренних дел, принимающих участие в осуществлении контроля за соблюдением административного надзора, указан конкретный перечень мероприятий, необходимых для проведения за каждым должностным лицом (субъектом) в органах внутренних дел на районном уровне с целью регулирования и соблюдения поднадзорными установленных судом административных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими соответствующих обязанностей, установленных судом [8; 2].

В частности, субъектами осуществления административного надзора с наделением соответствующих полномочий в рамках компетенции на районном уровне являются: начальник отдела полиции, заместитель начальника отдела, ответственный за деятельность подразделения по надзору (заместитель начальника отдела полиции по охране общественного порядка и общественной безопасности), сотрудники подразделения по надзору (инспектора по осуществлению административного надзора, далее по тексту – инспектора), участковые уполномоченные полиции (далее по тексту – участковые), оперативные дежурные дежурных частей, сотрудники линейных управлений, а также сотрудники полиции, уполномоченные осуществлять оперативно - розыскную деятельность.

При проведении точечного анализа сведений, нашедших свое отражение в в части закрепления за каждым субъектом органа внутренних дел соответствующих полномочий (в рамках компетенции) является вполне закономерным тот факт, что основным «локомотивом» проведения комплекса мероприятий, в том числе и профилактического характера, является участковый (посещение по месту проживания, проведение индивидуально-профилактической работы, организация взаимодействия с иными подразделениями в ОВД), инспектора (заведение дел административного надзора, проведение ежемесячных проверок по базам МВД, подготовка материалов в суд о продлении срока надзора и т. д.).

Перечень мероприятий руководящего состава: ответственность за соблюдением осуществления надзора, проверка дел административного надзора вполне логично определена как организационно - контрольная.

Стоит отметить, что деятельность сотрудников уголовного розыска не содержит достаточной конкретики и довольна «размыта», и состоит в принятии участия в наблюдении и соблюдением за поднадзорными ограничений и обязанностей, установленных судом.

Представляется, что порядок наблюдения за поднадзорными сотрудниками оперативных подразделений обусловлен прежде всего особой служебной спецификой, наличием режима секретности, а сама процедура «наблюдения» может или возможна для проведения сотрудниками уголовного розыска в рамках зарегистрированных оперативных материалов с возможным использованием средств и методов, указанных в

соответствующих ведомственных нормативно-правовых актах.

Деятельность сотрудников строевых подразделений (сотрудников государственной автомобильной инспекции, патрульно-постовой службы, иных), возникает как правило при самостоятельном несении службы путем отработки полученных сообщений от сотрудников ЦУН (центр управления нарядами) о совершенном (либо совершаемом) административном правонарушении (либо преступлении) когда в случае прибытия наряда на место происшествия для проведения первоначальных мероприятий, в ходе проведения с использованием информационных баз МВД (например, СООП ИСОД МВД России) установлено, что участвующий в конфликте субъект (правонарушитель, либо участник), состоит на учете в территориальном органе внутренних дел являясь по категории поднадзорным.

Как правило, данные сообщения носят разнообразный характер, от «мелких» административных правонарушений (хулиганства, причинения побоев с участием уже ранее знакомых между собой лиц, совершенные в том числе и на почве семейно-бытовых конфликтов), до уголовно-наказуемых деяний (преступлений), и могут совершаться в ночное время суток, то есть в момент установленных судом для поднадзорных ограничений. При этом, основная роль сотрудников строевых подразделений при возникновении подобных ситуаций сводится к доставлению лиц (а) в отдел полиции с целью дальнейшего принятия к ним мер административного воздействия со стороны компетентных должностных лиц.

Однако, проведение индивидуальной профилактической работы (беседы) с указанной категорией лиц на законодательном уровне сотрудниками строевых подразделений возможно в случаях проведения на региональном уровне субъекта МВД каких-либо оперативно – профилактических мероприятий (например: Ночь, Надзор, Рецидив), на основании соответствующего письменного распоряжения начальника территориального органа, в рамках проведения которого эпизодически допускается проведение проверок по месту жительства поднадзорных.

Так, в осуществлении административного надзора задействован значительный круг подразделений органов внутренних дел и должностных лиц (от начальника отдела полиции до рядовых сотрудников полиции строевых подразделений патрульно – постовой службы, государственной автомобильной инспекции), что с одной стороны свидетельствует о комплексном и рациональном подходе при проведении мероприятий сотрудниками правоохранительных органов с поднадзорными.

Кроме того, в контексте исследования данной проблемы стоит отметить и тот неоспоримый факт, что выявление правонарушений возможно на законодательном уровне лишь участковым путем посещения данных лиц по месту проживания, что закреплено в Приказе о порядке осуществления административного надзора, согласно которому участковый обязан посещать по месту проживания лиц, состоящих под административным надзором по месту жительства (пребывания) в определенное время суток, в течение которого этим лицам запрещено пребывание вне указанных помещений, и оформлять результаты посещения поднадзорного лица по месту жительства (пребывания) актом.

При проведении проверки поднадзорного по месту проживания, и дальнейшего процессуального оформления указанного документа, участковый в графе результаты посещения ставит отметку о проведении профилактической беседы, и соответственно, самостоятельно в устной форме проводит саму профилактическую беседу. Посещение указанных лиц по месту проживания иными сотрудниками органов внутренних дел (оперуполномоченный отдела уголовного розыска, полицейский патрульно - постовой службы, иных) с целью проверки на предмет соблюдения установленных судом ограничений также как и вышеуказанном случае, возможно лишь при проведении на основании письменного распоряжения начальника территориального органа на региональном уровне на территории оперативного обслуживания каких-либо узко специализированных оперативно - профилактических мероприятий (Ночь, Надзор, Рецидив).

На наш взгляд, данный пробел в законодательстве возможно и необходимо устранить путем внесения изменений в Приказ о порядке осуществления административного надзора, предоставив право на проведение проверки по месту жительства поднадзорных лиц кроме участковых, например, инспекторам, и сотрудниками уголовного розыска.

Представляется, что подобные изменения в законодательстве приведут к увеличению количества проверок, что позволит значительно усилить контроль за соблюдением поднадзорными установленных ограничений и обязанностей, и как следствие, в конечном итоге, привет к положительной динамике в части снижения совершенных уголовно - наказуемых деяний и административных правонарушений.

При рассмотрении данной темы необходимо коснуться и проведению профилактической работы со стороны правоохранительных органов в отношении поднадзорных именно с позиции участковых уполномоченных полиции, как наиболее приближенным к рассматриваемой категорией лиц.

Так, в соответствии с Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом участке и организации этой деятельности» (далее - Приказ о несении службы участковыми уполномоченными полиции), участковый использует такие формы профилактического воздействия, как правовое информирование, профилактическая беседа, объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения [9, с. 404-407; 3].

Особенности же проведения участковым индивидуальной профилактической работы при использовании указанных методов, прежде всего, обусловлены определенной значимостью категорий лиц, состоящих на учете, а также с учетом складывающейся оперативной обстановки на вверенном административном участке.

Метод профилактического воздействия как проведение участковым и инспектором индивидуальной профилактической беседы предусмотрено в том числе и при посещении поднадзорных. Однако, проанализировав нормотворческие требования, изложенные в Приказе о порядке осуществления административного надзора, Федерального закона об административном надзоре, Приказа о несении службы участковыми уполномоченными полиции, убеждены, что в указанных нормативно - правовых актах в части профилактической составляющей имеются «пробелы», нуждающиеся в устранении, по следующим причинам:

- неопределенность критериев: нормативные акты могут не содержать четких и конкретных критериев, позволяющих участковым уполномоченным и инспекторам определять, какие именно аспекты жизни поднадзорных требуют внимания. Это может привести к субъективизму и различиям в подходах к проведению профилактических бесед;

- отсутствие регламентированной процедуры: важно, чтобы был установлен ясный порядок проведения индивидуальных профилактических бесед, включая частоту, время и место их проведения. В противном случае это может затруднить эффективное взаимодействие с поднадзорными;

- неурегулированность аспектов конфиденциальности и этики: отсутствие норм, регулирующих вопросы конфиденциальности информации, полученной в ходе профилактических бесед, может негативно сказаться на доверительных отношениях между участковыми и поднадзорными;

- недостаток обучающих программ: необходимо предусмотреть обязательные программы подготовки и повышения квалификации для участковых уполномоченных, чтобы обеспечить высокую степень компетентности в проведении профилактических бесед и умении выстраивать диалог с поднадзорными;

- ограниченность методов оценки эффективности: в нормативных актах может отсутствовать методология оценки результативности профилактических мероприятий, что делает сложным анализ успешности проводимой работы и возможность корректировки подходов;

- неполнота взаимодействия с другими службами: необходимость сотрудничества с другими государственными и негосударственными структурами, занимающимися профилактикой правонарушений, может быть не явно обозначена, что ограничивает возможности комплексного подхода.

Устранение этих «пробелов» могло бы способствовать улучшению качества профилактического воздействия, повышению его эффективности и более безопасной социальной среды.

Кроме того, наличие в Приказе о порядке осуществления административного надзора конкретного времени посещения участковым по месту проживания (пребывания) поднадзорных, а именно – не реже одного раза в месяц в определенное время суток, в течении которого этим лицам запрещено пребывание в жилых помещениях (как правило, с 22.00 до 05.00 часов). Ограничение временного интервала психологически «вынуждает» участкового проводить проверку именно в количестве одного раза в месяц, хотя из трактовки указанного нормативно-правового акта, периодичность проверки лиц определяется участковым самостоятельно, в том числе включая и «ночные» проверки.

Таким образом, вместо того чтобы акцентировать служебную деятельность в части проведения индивидуально - профилактической работы с особо важной категорией лиц путем их как можно частого посещения (с целью проведения профилактической беседы) по месту проживания (пребывания) к примеру, 8-9 раз в месяц, (не обязательно в ночное время), участковому психологически легче осуществить проверку всего лишь 1 раз в месяц, что нередко свидетельствует о формальном подходе к исполнению своих служебных обязанностей. Впрочем, основными причинами такого подхода могут являться и вполне объективные обстоятельства. В настоящее время участковый осуществляет свою служебную деятельность в условиях острого дефицита времени, высокой загруженностью по рассмотрению материалов проверок по поступившим заявлениям (обращениям) граждан, принятию участия в различных мероприятиях, не связанных с обслуживанием административного участка (охрана общественного порядка), обслуживанию вакантных административных участков. Для понимания важности проводимой работы со стороны участковых, достаточно указать на некоторые категории лиц, в отношении которых судом «автоматически» устанавливается административный надзор, коими, например, являются лица, осужденные за совершение преступлений против половой свободы несовершеннолетних (педофилы). Соответственно, при самостоятельном выборе участкового касаясь количества и выбора времени суток для проведения проверки поднадзорного, все же представляется целесообразным учитывать степень возможной потенциальной опасности, исходящей от него, возможность совершения преступлений, а также учитывать обстоятельства, характеризующими его личность (наличие совершенных административных правонарушений, поведение в быту, отношение к сотрудникам правоохранительных органов в целом, жалобы соседей, наличие постоянного места работы, иные сведения).

Таким образом, мы убеждены, что наличие и фактическое использование в руках у сотрудников органов внутренних дел такого действенного «инструмента» как проведение профилактической беседы крайне недостаточно для проведения полноценной профилактической работы со стороны сотрудников органов внутренних дел в отношении данной категории лиц, исходя из существующих на сегодняшний день реалий и оперативной обстановки в целом.

Необходимо учитывать, что современная оперативная обстановка и разнообразие факторов, способствующих правонарушениям, требуют применения более разнообразных и многоуровневых методов. Это может включать в себя активное взаимодействие с другими институтами общества, профилактические программы, образовательные мероприятия, а также использование современных технологий и аналитических инструментов для наблюдения и предсказания потенциальных угроз. В этой связи для повышения эффективности профилактической работы необходима интеграция различных подходов и методов, что позволит более глубоко понять причины правонарушений и разработать соответствующие меры, направленные на их предотвращение.

Для того чтобы повысить эффективность деятельности органов внутренних дел в части проведения профилактических мероприятий в отношении лиц, состоящих под административным надзором, считаем необходимым прежде всего взаимодействие со стороны граждан Российской Федерации для работы в данном направлении.

С этой целью необходимо создать новый орган на общественной основе - общественный контроль или общественное объединение, состоящий из группы граждан, целью которого с одной стороны явилось бы специализированное обеспечение лиц, освободившихся из мест лишения свободы социальной адаптации и ее совершенствование в будущем, а с другой стороны - обеспечения контроля за соблюдением законности со стороны сотрудников органов внутренних дел при проверке поднадзорных, оказание помощи в рамках соответствующих полномочий, проведение совместных профилактических мероприятий, рейдов.

Трушкин Ю.М. также акцентирует внимание на важности координации действий всех заинтересованных ведомств для эффективной профилактики преступлений и правонарушений. Такого рода совместная работа на федеральном и местном уровнях может существенно повысить уровень безопасности и защищенности государственных интересов. Успешная превенция преступности требует, как межведомственного взаимодействия, так и активного вовлечения местных сообществ, что позволит более адекватно реагировать на местные угрозы и создавать комплексные стратегии безопасности [10; 9, с. 404].

Несмотря на то, что оказание помощи осужденным помощи в социальной адаптации является одной из основных задач уголовно - исполнительного законодательства, в настоящее время на базе МВД Российской Федерации отсутствует какой - либо орган, подразделение, общественное объединение, которое бы занималось решением указанных вопросов. Основная причина для создания такого органа проста - эффективность принимаемых сотрудниками органов внутренних дел мер профилактического характера зависит от качества организации этой деятельности уже после отбывания осужденным наказания.

В правовом поле необходимо создать соответствующие региональные нормативно-правовые акты, касаемо социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, являющихся поднадзорными. Особое внимание при проведении профилактических мероприятий с поднадзорными следует обратить больше и на психологические аспекты, и в особенности с теми лицами, которые отбыли как и достаточно длительные сроки заключения (10 и более лет), а также с лицами, осужденными за совершение преступлений насильственного сексуального характера в отношении несовершеннолетних (педофилов).

Так, С.А. Бурлака акцентирует внимание на недостатках Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», подчеркивая отсутствие в нем четких положений о применении аудиовизуальных, электронных и технических средств контроля. Он считает, что включение таких механизмов в закон существенно упростило бы процесс получения информации о местонахождении и поведении поднадзорных лиц, что способствовало бы более эффективному осуществлению надзора за этой категорией граждан. По его мнению, перечень таких средств контроля должен быть определен Правительством Российской Федерации, что обеспечило бы основу для формализации их использования в рамках административного надзора [11; 5, с. 107].

Само же предложение по созданию новых нормативно-правовых актов, считаем аргументированным по причине того, что колерируется с такими принципами полиции Российской Федерации: открытость, публичность, общественное доверие и поддержка граждан.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ "Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы" // "Собрание законодательства РФ". - 11.04.2011. - № 15. - ст. 2037.
2. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 08.07.2011 № 818 "Об утверждении Инструкции о порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы" // Российская газета. 26.09.2011. № 215.
3. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.03.2019 № 205 "О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом участке и организации этой деятельности". URL: <https://base.garant.ru/72288134/> (дата обращения: 28.10.2024).
4. Указ Президиума ВС СССР от 26.07.1966 № 5364-VI "Об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы". URL: <https://base.garant.ru/3995821/> (дата обращения: 28.10.2024).
5. Бурлака С.А. К вопросу о повышении эффективности административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2015. - С. 107-112. EDN: UAWWTL
6. Дунов В.К. Административный надзор как иная мера (мера безопасности) уголовно-правового характера // Вопросы российского и международного права. - 2020. - Т. 10, № 10-1. - С. 192-206. DOI: 10.34670/AR.2020.27.50.022 EDN: TIULGI
7. Мартынов А.В. Административный надзор: современное понимание и содержание // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2008. 2 (5). С. 127-138. EDN: KHPFWP
8. Разаренов Ф.С. О сущности и значении административного надзора в советском государственном управлении // Вопросы советского административного права на современном этапе. - М.: Госюриздат, 1963. - С.69.
9. Трушкин Ю.М. Проблемы в сфере административного надзора России и пути их решения // Молодой ученый. - 2020. - № 47. - С. 404-407. EDN: JOEKLA
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одоб. Советом Федерации 05 июня 1996 года. - Режим доступа: СПС "Консультант Плюс" (дата обращения: 28.11.2024).
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195: принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года: одоб. Советом Федерации 26 декабря 2001 года. - Режим доступа: СПС "Консультант Плюс" (дата обращения: 28.11.2024).

References:

1. Federal Law No. 64-FZ dated 04/06/2011 "On Administrative Supervision of persons Released from prison" // "Collection of Legislation of the Russian Federation". - 11.04.2011. - № 15. - Article 2037.2.
2. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 08.07.2011 No. 818 "On approval of the Instructions on the procedure for the implementation of administrative supervision of persons released from prison" // Rossiyskaya Gazeta. 26.09.2011. № 215.
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 29.03.2019 No. 205 "On the service of district police officers in the service area and the organization of this activity." URL: <https://base.garant.ru/72288134/> (date of application: 10/28/2024).
4. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 07/26/1966 No. 5364-VI "On the administrative supervision of internal affairs bodies over persons released from prison". URL: <https://base.garant.ru/3995821/> (date of access: 28.10.2024).
5. Burlaka S.A. On the issue of increasing the effectiveness of administrative supervision over persons released from prison // Problems of law enforcement activity. - 2015. - pp. 107-112. EDN: UAWWTL
6. Dunov V.K. Administrative supervision as another measure (security measure) of a criminal law nature // Issues of Russian and international law. - 2020. - Vol. 10, No. 10-1. - PP. 192-206. DOI: 10.34670/AR.2020.27.50.022 EDN: TIULGI
7. Martynov A.V. Administrative supervision: modern understanding and content // Bulletin of Voronezh State University. The Pravo series. 2008. 2 (5). pp. 127-138. EDN: KHPFWP
8. Razarenov F.S. On the essence and significance of administrative supervision in Soviet public administration // Issues of Soviet administrative law at the present stage. Moscow: Gosyurizdat, 1963. p.69.
9. Trushkin Yu.M. Problems in the field of administrative supervision in Russia and ways to solve them // Young Scientist. - 2020. - No. 47. - PP. 404-407. EDN: JOEKLA
10. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996: adopted by the State Duma on May 24, 1996: approved. By the Federation Council on June 05, 1996. - Available at SPS Consultant Plus (accessed: 11/28/2024).
11. Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195 dated December 30, 2001: adopted by the State Duma on December 20, 2001: approved. By the Federation Council on December 26, 2001. - Access mode: SPS Consultant Plus (accessed: 11/28/2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_546

УДК 343.6

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ CRIMINAL LIABILITY FOR THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER: LEGAL ASPECTS AND SOCIAL SIGNIFICANCE

НИКОЛАЕВА Татьяна Анатольевна,

доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук, доцент,
Риволжский филиал ФГБОУВО «РГУП».

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 17А.

E-mail: nta.pr@mail.ru;

ГОЛОЛОВА Наталья Владимировна,

старший преподаватель кафедры административной деятельности, Нижегородская академия МВД России.

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: nataliya.suloeva@yandex.ru;

НОВИКОВА Светлана Васильевна,

Старший преподаватель кафедры предварительного расследования,

Нижегородская академия МВД России.

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: n_svetlana@list.ru;

NIKOLAEVA Tatiana Anatolyevna,

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Candidate of Law, Associate Professor,
Volga branch of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "RGUP".

Nizhny Novgorod, Russia, 603022, Gagarin Avenue, 17A.

E-mail: nta.pr@mail.ru;

GOLOLOBOVA Natalia Vladimirovna,

Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities,

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizhny Novgorod, Russia, 603950, Ankudinovskoe highway, 3.

E-mail: nataliya.suloeva@yandex.ru;

NOVIKOVA Svetlana Vasilyevna,

Senior lecturer at the Department of Preliminary Investigation,

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizhny Novgorod, Russia, 603950, Ankudinovskoe highway, 3.

E-mail: n_svetlana@list.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается проблема уголовной ответственности за детоубийство, совершенное матерью своего новорожденного ребенка. Анализируются правовые аспекты данного преступления, включая вопросы квалификации деяния, а также проблемы применения норм уголовного законодательства. Особое внимание уделено социальной значимости ужесточения наказания за данное преступление, повышения возраста уголовной ответственности. В статье исследуются современные тенденции в правоприменительной практике и предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства.

Abstract: the article discusses the problem of criminal liability for infanticide committed by the mother of her newborn child. The article analyzes the legal aspects of this crime, including the issues of qualification of the act, as well as the problems of applying the norms of criminal law. Special attention is paid to the social importance of increasing the punishment for this crime and raising the age of criminal responsibility. The article examines current trends in law enforcement practice and offers recommendations for improving legislation.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка, возраст уголовной ответственности, наказание, правоприменение, детоубийство.

Keywords: murder of a newborn child by a mother, age of criminal responsibility, punishment, law enforcement, infanticide.

Для цитирования: Николаева Т.А., Гололобова Н.В., Новикова С.В. Уголовная ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка: правовые аспекты и социальная значимость // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 546-549. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_546.

For citation: Nikolaeva T.A., Gololobova N.V., Novikova S.V. Criminal liability for the murder of a newborn child by a mother: legal aspects and social significance // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 546-549. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_546.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

Проанализировав статистику рождаемости и смертности, можно сделать вывод о том, что за последние десять лет смертность в Российской Федерации превышает рождаемость в несколько раз[1]. Молодые девушки, женщины, семьи часто откладывают рождение детей из-за отсутствия финансовой стабильности и уверенности в своем будущем. Кроме того, в настоящее время как у женщин, так и у мужчин существуют проблемы в планировании рождаемости и вынашивании по медицинским показаниям.

Повышение рождаемости является одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации, на протяжении нескольких лет президент Российской Федерации В.В. Путин проводит специальные программы по увеличению рождаемости, для реализации поставленных задач государством предприняты как экономические, так и социальные программы.

Между тем, несмотря на социальные и государственные поддержки, существуют и такие родители (в частности, мамы), которые, вы-

носив и, родив ребёнка, сталкиваются с серьёзными трудностями, способными подтолкнуть их к принятию крайне тяжёлых решений. В некоторых случаях, оказавшись под давлением сложных жизненных обстоятельств, они не видят иного выхода, кроме как лишить жизни только что появившегося на свет младенца.

Законодателем определено, что деяние новоиспеченной матери попадают под состав статьи 106 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) – «Убийство матерью новорожденного ребенка». Санкция данной статьи устанавливает ответственность за убийство матерью своего новорожденного ребёнка во время или вскоре после родов, а также в случае, когда такое деяние совершено в условиях психотравмирующей ситуации или при наличии у матери психического расстройства, которое не исключает её вменяемость. За совершение таких преступлений предусмотрено наказание в виде ограничения свободы на срок от двух до четырёх лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишения свободы на аналогичный период. Данный состав был введен в УК РФ менее 20 лет назад – в 1997 году.

История наказания за детоубийство в России отражает эволюцию общественного сознания и государственной политики по отношению к этому явлению, начиная с самых ранних этапов развития общества до наших дней. На протяжении веков взгляды на детоубийство претерпевали значительные изменения, обусловленные множеством факторов, таких как религиозные взгляды, социальные и экономические условия, а также развитие правовых систем. Эти трансформации отражают динамику культурных, моральных и юридических норм, которые формировали отношение к подобным преступлениям в разные исторические периоды.

В древнерусском государстве в эпоху средневековья отношение к детоубийству регулировалось нормами обычного права и традициями. Оно рассматривалось как нарушение основополагающих этических принципов, что приводило к социальной дезинтеграции общества. Инфантицид (умышленное лишение жизни ребенка) воспринимался как бунт против церкви, совершение греха, что предполагало применение наиболее строгих мер наказания.

Свод законов уголовных 1832 года, определял убийство матерью ребенка, в том числе в утробе матери, как убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах[2]. Необходимо отметить, что в соответствии со ст.ст. 341, 342 Свода детоубийство понималось как убийство ребенка в утробе матери, а убийство появившегося на свет младенца рассматривалось как «чадоубийство» [3, с. 196-229.]. Впервые, как указывает Неклюдов Н.А., убийство матерью своего новорожденного ребенка расценивается как привилегированное преступление в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (п.1 часть 2 ст. 1451)[4, с. 316].

Необходимо отметить, что существуют разные подходы к осмыслению понятий «детоубийство» и «убийство матерью своего новорожденного ребенка», убийство матерью своего новорожденного ребенка всегда детоубийство. Однако, детоубийство не всегда синонимично с понятием «убийство матерью своего новорожденного ребенка». Мы солидарны с позицией Хатуева В.Б., который полагает, что «детоубийство» более широкое понятие по кругу субъектов и по кругу потерпевших[5, с. 83-95].

В советский период российское законодательство также предусматривало строгие меры наказания за детоубийство, включая длительные сроки лишения свободы. В соответствии с нормами Уголовного кодекса 1922 года инфантицид, совершенный матерью по отношению к своему новорожденному ребенку квалифицировали по ст. 142 УК РСФСР, то есть преступление, совершенное при отягчающих обстоятельствах, принимая во внимание уязвимое положение жертвы и материнскую обязанность по уходу за ней [6]. В соответствии с Уголовным кодексом РСФСР 1960 года подобное деяние рассматривалось как обычное убийство – по ст. 103 УК РСФСР без отягчающих и смягчающих обстоятельств, однако учитывались сопутствующее особое физическое и психологическое состояние женщины во время родов, материальные трудности и т.д.[7].

Почему же современный уголовный закон определяет убийство матерью своего новорожденного ребенка во время родов или сразу же после них, как деяние, содержащее смягчающие (привилегированные) признаки, что указывает на его меньшую степень общественной опасности по сравнению с другими видами убийств, проанализируем.

Вопрос об исключении данного состава как самостоятельного и привилегированного из УК РФ обсуждался законодателем в 2014 году. Соответствующий законопроект был разработан депутатом Зелинским Я.В. и внесен в Госдуму РФ. Было предложено убрать из Уголовного кодекса Российской Федерации статью 106, включив убийство матерью своего новорожденного ребенка в часть 2 статьи 105 в виде отягчающего обстоятельства. Однако данный законопроект был отвергнут, поскольку требовал дополнительного обсуждения и аргументации.[8].

Законодателем в нашей стране четко определено, что ответственность женщины наступает за убийство своего ребенка во время или после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Важен вопрос о том, какой мотив двигал законодателем, устанавливая самостоятельную ответственность женщины за убийство своего ребенка именно во время родов, а также после них, и назначая за данное преступление более мягкую меру наказания, чем за преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ. Вероятно, в основе лежал принцип гуманизма по отношению к женщине, которая находится в состоянии стресса, связанного с родами, при этом - отсутствует принцип гуманизма по отношению к новорожденному.

Несомненно, стоит согласиться с тем, что сразу после родов женщина может находиться в состоянии сильного стресса, шока, растерянности или даже временного помрачения сознания. Эти факторы делают её более уязвимой к импульсивным, необдуманным действиям, которые она могла бы не совершить, не пережив состояние беременности и родов. Кроме того, некоторые женщины могут испытывать сильное давление со стороны общества, семьи или других факторов, что также может повлиять на их поведение (отсутствие поддержки, социальное осуждение).

Убийство новорожденного матерью в состоянии послеродового душевного расстройства, действительно, является специфическим

случае, так как связано с физиологическими изменениями организма женщины после родов и стрессовыми факторами. Следует отметить, что данное преступление не может считаться убийством, совершенным в состоянии аффекта, так как аффект, в свою очередь, это реакция человека на действия потерпевшей стороны.

Но также следует отметить и то, что в данном случае речь идет о хладнокровном и зачастую спланированном во время беременности убийстве новорожденного ребенка, прерывании только что начавшейся жизни. Планирование убийства подтверждается и тем фактом, что практически все матери-детоубийцы тщательно скрывали от общества и близких родственников факт самой беременности, не становились на учет в медицинскую организацию для наблюдения течения беременности, а многие вели аморальный образ жизни (употребляли алкогольную и спирто-содержащую продукцию, наркотические вещества, вели беспорядочные половые связи и т.д.), не заботясь о нормальном развитии плода. В этой связи, возникает вопрос: справедливо ли максимальное наказание за такое деяние до пяти лет лишения свободы? Ведь одна из главных целей наказания – восстановление социальной справедливости. И установление за убийство новорожденного достаточно мягкого наказания вряд ли отвечает степени общественной опасности рассматриваемого деяния.

В большинстве случаев женщины совершают детоубийство с особой жестокостью, о чем свидетельствуют примеры судебной практики.

Так, примером данного преступления может служить приговор Советского районного суда г. Н. Новгорода по уголовному делу №1-410/2022, согласно которого женщина, не вставшая на учет по беременности и родам в медицинскую организацию в целях сохранения тайны о своей беременности, родила ребенка в домашних условиях, после чего перерезала пуповину и выбросила новорожденного малыша из окна третьего этажа кирпичного дома, желая его смерти так как ребенок ей был не нужен. По приговору суда женщина была осуждена лишь к трем годам ограничения свободы [9].

Приведем другой наглядный пример, а именно, приговор Ленинского районного суда г. Н. Новгорода от 15.10.2015, когда женщина, родив в домашних условиях ребенка, перекрыла доступ воздуха в организм новорожденного путем наложения ладони своей руки и закрытия ею верхних дыхательных путей ребенка, удерживая ее в таком положении не более 5 минут. Приговором Ленинского районного суда города Н. Новгорода данная гражданка была осуждена лишь к двум годам шести месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении[10].

Анализ правоприменительной практики показывает, что в ходе расследования уголовных дел по исследуемой категории преступлений подозреваемым женщинам в обязательном порядке назначают и проводят психиатрические экспертизы. Исходя из анализа рассматриваемых уголовных дел, женщинам проведены психиатрические экспертизы, согласно которым они не страдали каким-либо психическим расстройством и могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В период, относящийся ко времени совершения инкриминируемых им деяний, они не обнаруживали признаков какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности, могли осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Данные обстоятельства свидетельствует лишь о том, что на момент совершения преступлений подозреваемые (обвиняемые) женщины осознавали, что совершают убийство своих детей и желали наступления их смерти.

Таким образом, указанные примеры жестокости в отношении новорожденных свидетельствует о совершении хладнокровных и спланированных убийствах и чрезвычайно высокой степени общественной опасности совершенного деяния, цинизме и хладнокровии матери. Логично предположить, что убийство матерью своего новорожденного ребенка представляет собой особенно изощренную и жестокую форму убийства, учитывая беззащитное и беспомощное состояние младенца. Ведь если взрослый человек или даже несовершеннолетний при совершении в отношении него попытки причинения ему смерти либо угрозы смерти может привлечь к себе внимание окружающих криками о помощи, различным образом имеет возможность обороняться или бороться с преступником, то новорожденный в силу своего физического развития не способен даже позвать на помощь в момент совершения в отношении него жесточайшего преступления. На наш взгляд, гуманизм в уголовном праве должен проявляться в целях, предусмотренных в ч. 2 ст. 43 УК РФ: восстановлении социальной справедливости, исправлении преступника и предупреждении совершения новых преступлений, а не в жалости к преступнику, безусловно мы поддерживаем законодателя в том, что к лицу, совершившему преступление не должна применяться мера наказания, которая унижает его честь и достоинство и тем более меры причиняющие физические страдания, но мера наказания за преступления против жизни новорожденных, на наш взгляд малозначительны.

К сожалению, каждый год по России совершается не менее 10 преступлений, предусмотренных статьей 106 УК РФ. За 10 лет матери-убийцами было загублено 556 жизней младенцев[11].

На наш взгляд, ужесточение мер наказания может выступать превентивной стратегией для потенциальных матерей-убийц. Знание о строгих правовых последствиях способно предотвратить совершение аналогичных деяний в будущем. Кроме того, строгие меры наказания могут быть восприняты обществом как отражение его моральных норм и ценностей, связанных с защитой семьи и детства, во времена борьбы за повышение уровня рождаемости в стране.

В связи с этим, целесообразно вернуться к рассмотрению вопроса об исключении данной статьи как самостоятельного состава, и квалификации данного деяния по п. «в» ч. 2 статьи 105 УК РФ. Совершение убийства матерью новорожденного ребенка во время родов или после, в период психотравмирующей ситуации, следует рассматривать как обстоятельство, смягчающее ответственность за данное деяние. Такое положение дел, по нашему мнению, позволит обеспечить более гибкий подход к назначению наказания в каждом конкретном случае, учитывая индивидуальные особенности и обстоятельства совершаемого деяния. В контексте необходимости совершенствования правовой базы представляется целесообразным внесение соответствующих корректировок в УК РФ, а также в постановление Пленума Верховного Суда касательно квалификации умышленных убийств.

Кроме этого, следует рассмотреть и возрастные аспекты наступления уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 106 УК РФ. В соответствии с современной трактовкой статьи 20 УК РФ возраст уголовной ответственности наступает с 16 лет. Статья 106 УК РФ отсутствует в перечне статей, уголовная ответственность по которым наступает с 14 лет. Однако следует отметить и тот факт, что достаточно часто имеют место быть случаи, когда беременность наступает задолго до 16-летнего возраста. Ежегодно нежелательная беременность до наступления 16 лет, влекущая родовую деятельность, возникает примерно у четырех тысяч девочек в силу различных обстоятельств. И именно этот возраст – это возраст еще неокрепшей психики, эмоциональных гормональных всплесков, отсутствие материальной и социальной жизненной стабильности.

Таким образом, ужесточение наказания матери за убийство своего новорожденного ребенка, а также повышение возраста уголовной ответственности за совершенное деяние, является ключевым шагом в обеспечении правовой защиты наиболее уязвимой категории населения – новорожденных детей. Кроме того, такие изменения существенно повысят уровень социальной осведомленности о недопустимости совершения таких деяний и послужит действенным превентивным механизмом, способствующим снижению вероятности совершения подобных преступлений в будущем.

Мы понимаем, что изменение, уголовного законодательства и ужесточение наказания не решит глобальной проблемы и количества рассматриваемых преступлений, необходим комплексный подход воспитания, подготовки девушек, женщин к беременности и родам. Полагаем, следует предусмотреть возможность введения в образовательных учреждениях курсы (занятия) по предупреждению нежелательной беременности и ее здоровому планированию. В настоящее время цифровизации многое зависит не только от семьи, а от окружения – друзей, педагогов, а также сформированности личности девушки (женщины), но несмотря на различные возможные смягчающие обстоятельства государство должно пресекать подобные преступления, так как понимание о карательных последствиях могут предотвратить наступление катастрофических последствий.

Список литературы:

1. Федеральная служба государственной статистики // Численность и состав населения России. URL: <https://gogov.ru/articles/natural-increase> (дата обращения 20.01.2025).
2. Таганцев Н.С. Преступления против жизни по русскому праву. Том II. - СПб., 1871 // Справочная система "Консультант Плюс": студенту и преподавателю (дата обращения 20.01.2025).
3. Безгин В.Б. Инфантицид и криминальный аборт в сельской России: прошлое и современность // Юридические исследования. 2013. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=653 (дата обращения 20.01.2025). EDN: RWWXNH
4. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. В 3 т. - СПб.: Тип.П.П. Меркульева., 1876. - Т. 1 Преступления и проступок против личности - 555 с.
5. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Науки криминального цикла Lex Russica. 2019. №1 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-ob-otvetstvennosti-za-ubiystvo-materiyu-novorozhdenного-rebenka> (дата обращения: 01.02.2025). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.083-096 EDN: YVPCYH
6. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 // <https://docs.cntd.ru/document/901757357> (дата обращения 15.01.2025).
7. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // <https://base.garant.ru/10107062?ysclid=m67mbaovbp556707150> (дата обращения 15.01.2025).
8. Законопроект №500404-6 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части признания статьи 106 УК РФ утратившей силу и дополнения части 2 статьи 105 УК РФ квалифицирующим признаком: убийство новорожденного ребенка его матерью) // [Электронный ресурс] Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/500404-6> (дата обращения 03.02.2025).
9. Уголовное дело №1 - 410/2022// архив Советского районного суда г. Н. Новгорода, 2022 г.
10. Уголовное дело №1 - 372 /15// архив Ленинского районного суда г. Н.Новгорода, 2015 г.
11. Статистика и аналитика // ГИАЦ МВД России.

References:

1. Federal State Statistics Service // Number and composition of the Russian population. URL: <https://gogov.ru/articles/natural-increase> (date of appeal: 01/20/2025).
2. Tagantsev N.S. Crimes against life under Russian law. Volume II. Saint Petersburg, 1871 // Consultant Plus reference system: for students and teachers (accessed 20.01.2025).
3. Bezgin V.B. Infanticide and criminal abortion in rural Russia: past and present // Legal Research. 2013. No. 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=653 (accessed 20.01.2025). EDN: RWWXNH
4. Neklyudov N.A. A guide to a special part of Russian criminal law. In 3 volumes - St. Petersburg: Type.P.P. Merkulieva, 1876. - Vol. 1 Crimes and misconduct against the person - 555 p.
5. Khatuev V.B. The evolution of Russian criminal legislation on responsibility for the murder of a newborn child by a mother // Sciences of the criminal cycle Lex Russica. 2019. No. 1 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-ob-otvetstvennosti-za-ubiystvo-materiyu-novorozhdenного-rebenka> (date of request: 02/01/2025). DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.083-096 EDN: YVPCYH
6. The Criminal Code of the RSFSR dated 06/01/1922 // <https://docs.cntd.ru/document/901757357> ? (accessed 15.01.2025).
7. Criminal Code of the RSFSR dated 27.10.1960 // <https://base.garant.ru/10107062?ysclid=m67mbaovbp556707150> (accessed 15.01.2025).
8. Draft Law No. 500404-6 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation (regarding the Recognition of Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation as invalid and the addition of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation as a qualifying feature: murder of a newborn child by his mother) // [Electronic resource] Official website of the State Duma of the Russian Federation. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/500404-6> (date of application 02/03/2025).
9. Criminal case no.1 - 410/2022// archive of the Sovetsky District Court of Nizhny Novgorod, 2022
10. Criminal case no.1 - 372 /15// archive of the Leninsky District Court of Nizhny Novgorod, 2015
11. Statistics and analytics // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_4_550

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В ПРАВОВОМ ОПЫТЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН FEATURES OF THE APPLICATION OF HOUSE ARREST IN THE LEGAL EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

МАРТЫНОВА Ольга Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Дальневосточный филиал).
680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49.
E-mail: olgamartynoff@mail.ru;

САФОНОВА Ангелина Владимировна,

магистрант Факультета подготовки специалистов для судебной системы
Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (Дальневосточный филиал).
680000, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49.
E-mail: angel.safonova2015@yandex.ru;

MARTYNOVA Ol'ga Anatolyevna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law Disciplines
Russian state University of Justice named after V.M. Lebedev (Far Eastern branch).
P.O. Box 680000, East of the highway 49, Khabarovsk, Russian Federation.
E-mail: olgamartynoff@mail.ru;

SAFONOVA Angelina Vladimirovna,

master's student Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Far Eastern branch).
P.O. Box 680000, East of the highway 49, Khabarovsk, Russian Federation.
E-mail: angel.safonova2015@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье проводится анализ зарубежного опыта применения домашнего ареста как меры пресечения. Исследование охватывает практики различных стран, где домашний арест используется в качестве альтернативы тюремному заключению с применением современных технических средств слежения. Авторы отмечают, что в большинстве зарубежных стран домашний арест рассматривается как уголовное наказание, что позволяет осужденным сохранять связь с обществом и участвовать в общественно полезной деятельности. В то же время в странах СНГ, включая Россию, домашний арест чаще всего применяется как мера пресечения, что ограничивает его функционал и не способствует реабилитации осужденных. На основе проведенного анализа авторы приходят к выводу о возможности пересмотра системы уголовных наказаний в России, с учетом зарубежного опыта, и определения домашнего ареста как полноценного наказания. Авторы призывают к дальнейшему исследованию и обсуждению данной темы в контексте реформирования уголовной юстиции в России.

Abstract: The article analyzes foreign experience in the use of house arrest as a preventive measure. The study covers practices in various countries where house arrest is used as an alternative to imprisonment with the use of modern technical surveillance devices. The authors note that in most foreign countries, house arrest is considered a criminal punishment, which allows convicts to maintain contact with society and participate in socially useful activities. At the same time, in the CIS countries, including Russia, house arrest is most often used as a preventive measure, which limits its functionality and does not contribute to the rehabilitation of convicts. Based on the analysis, the authors come to the conclusion that it is possible to revise the system of criminal penalties in Russia, taking into account foreign experience, and define house arrest as a full-fledged punishment. The authors call for further research and discussion of this topic in the context of criminal justice reform in Russia.

Ключевые слова: домашний арест; арест; меры пресечения; уголовное наказание; уголовно-процессуальное право.

Key words: house arrest; arrest; preventive measures; criminal punishment; criminal procedure law.

Для цитирования: Мартынова О.А., Сафонова А.В. Особенности применения домашнего ареста в правовом опыте зарубежных стран // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 550-553. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_550.

For citation: Martynova O.A., Safonova A.V. Features of the application of house arrest in the legal experience of foreign countries // Law and state: theory and practice. 2025. No. 4. pp. 550-553. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_550.

Статья поступила в редакцию: 25.02.2025

Дата публикации: 30.04.2025

В научных работах нередко встречается утверждение, что домашний арест был введен на территории России по образцу зарубежных стран. Это мнение поддерживается многими процессуалистами, которые стремятся обосновать данное суждение различными аргументами. Впервые, введение домашнего ареста в России связано с историческими изменениями в уголовно-процессуальном законодательстве, которое стало адаптироваться к международным стандартам. Многие страны, такие как те, что находятся в Западной Европе и США, уже применяли домашний арест как альтернативу лишению свободы, что способствовало его внедрению в российское правоприменение. Таким образом, утверждение о том, что домашний арест в России был введен по подобию зарубежных стран, находит поддержку среди процессуалистов, которые обосновывают его необходимость и значимость в контексте современных тенденций уголовного судопроизводства [8, с. 50].

Например, Л.В. Головкин считает, что «домашний арест» в России заимствован из англо-американского права. На самом деле, эта мера применяется в России с 1632 года и была законодательно закреплена в 1832 году. Таким образом, утверждение о заимствовании некорректно, поскольку «домашний арест» имеет давнюю историю в России [9, с. 2].

В большинстве зарубежных юрисдикций домашний арест используется как мера наказания, что позволяет суду назначать его в качестве альтернативы лишению свободы для осужденных.

В России же домашний арест применяется исключительно как мера пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых, что ограничивает его использование и не позволяет рассматривать его как часть уголовного наказания. Это различие может отражать разные подходы к правосудию и реабилитации, а также различные исторические и культурные контексты. Важно учитывать, что такая практика в России может быть связана с необходимостью обеспечения следственных действий и предотвращения уклонения от правосудия.

Домашний арест в США. В США и Европе домашний арест успешно применяется с 1983 года, что позволило накопить богатый опыт его реализации [10, с. 251]. В России, где эта мера не применялась более 40 лет, при разработке норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] учли зарубежный опыт.

В США осужденным, находящимся под домашним арестом, строго запрещается употребление спиртных напитков и наркотических веществ. Это правило является важным элементом контроля за поведением осужденного и направлено на предотвращение возможных нарушений условий ареста. В случае, если осужденный нарушает этот запрет более двух раз, он немедленно переводится в тюремное заключение, что подчеркивает серьезность и строгость таких мер.

Возможность покидать свое жилище во время отбывания домашнего ареста определяется судом и зависит от установленного уровня строгости условий ареста. В США существуют три уровня строгости, каждый из которых имеет свои особенности и ограничения.

Первый уровень строгости позволяет арестанту находиться дома в определенное время, в остальное время он может выходить на улицу, что создает некоторую степень свободы, позволяя осужденному выполнять повседневные дела вне дома.

Второй уровень строгости предоставляет больше возможностей – арестант может выходить на работу, учебу, к адвокату и в другие места, но только по судебному указу, что означает, что суд определяет, когда и куда арестант может выходить, что обеспечивает контроль над его действиями.

Третий уровень строгости является самым строгим и требует постоянного нахождения арестанта дома. В этом случае разрешается покидать жилище только для посещения лечебных учреждений, судебных органов и мероприятий, указанных в приказе суда. Данное ограничение направлено на максимальное соблюдение условий ареста и минимизацию риска правонарушения.

В США домашний арест подразумевает ограничения на перемещение, общение и доступ к интернету. Контроль осуществляется с помощью электронных устройств, посещений полицейских и алкотестеров с камерой, что, по мнению автора, может способствовать профилактике новых преступлений.

Система электронного мониторинга в США охватывает не только тех, кто находится под домашним арестом, но и условно осужденных, а также лиц, которые были досрочно освобождены после совершения тяжких преступлений. Расширение применения электронного мониторинга направлено на обеспечение общественной безопасности и контроль за поведением осужденных, что позволяет снизить риск повторных правонарушений.

В домах осужденных устанавливаются алкотестеры с камерами, которые требуют от них дунуть в трубку для проверки на наличие алкоголя в организме. Этот процесс не только обеспечивает контроль за употреблением спиртных напитков, но и служит дополнительным средством наблюдения. Когда осужденный дует в трубку, камера фиксирует его изображение, а полученные фотографии отправляются сотрудникам полиции.

Применение домашнего ареста в США является эффективным методом, который не только способствует улучшению условий для осужденных, но и значительно снижает финансовые затраты на пенитенциарную систему. Одним из ключевых преимуществ этого подхода является использование электронного мониторинга, который обходится в семь раз дешевле, чем содержание заключенных в тюрьме. Более того, в США сам осужденный платит за услуги, связанные с электронным мониторингом. Такая же практика прослеживается и в европейских странах (Германия, Франция, Австрия и др.).

По данным исследований, перевод всего лишь 10% осужденных на электронный мониторинг позволил США сэкономить около 4 миллиардов долларов. Эти средства могут быть перераспределены на другие важные социальные нужды, такие как образование, здравоохранение и программы реабилитации, что в свою очередь может способствовать снижению уровня преступности и улучшению общественной безопасности.

Кроме того, домашний арест с использованием электронного мониторинга позволяет осужденным сохранять связь с семьей и обществом, что положительно сказывается на их реабилитации [11, с. 60].

Домашний арест в европейских странах используется в различных контекстах, что позволяет ему выполнять несколько функций в системе уголовного правосудия. Во-первых, он применяется как мера пресечения; во-вторых, домашний арест может выступать как самостоятельная мера наказания для осужденных; в-третьих, кроме того, домашний арест также используется как мера воздействия на условно осужденных.

Домашний арест в Европейских странах. В ФРГ домашний арест применяется в качестве уголовного наказания [12, с. 93].

Одним из ключевых аспектов является то, что применение этого наказания возможно только при наличии согласия самого осужденного. Кроме того, осужденный, согласившийся на домашний арест, имеет определенные обязанности, которые он должен выполнять на протяжении всего срока отбывания наказания. В частности, ему предписывается заниматься общественно полезным трудом минимум 20 часов в неделю. Эта мера направлена на то, чтобы осужденный не только не оставался бездействующим, но и активно участвовал в жизни общества, что может способствовать его социальной реабилитации.

Таким образом, сочетание согласия осужденного и обязательного выполнения общественно полезного труда создает уникальную модель домашнего ареста в Германии.

В других европейских странах, таких как Франция, Швейцарии, Швеции, Великобритании и др. [13, с. 215], домашний арест используется в качестве уголовного наказания, а во Франции еще и как мера пресечения наряду с судебным контролем и заключением под стражу [14, с. 111]. Аналогично практике США, правоохранители используют систему электронного мониторинга. Можно выделить уникальность применения домашнего ареста во Франции, осужденный может свободно посещать общественные места, работу и т.д., однако обязан быть в вечернее время до с определенного времени, при этом ему могут обязать посещение полицейского участка в выходные дни. В Великобритании домашний арест может быть применен и к несовершеннолетним лицам с 10-летнего возраста в качестве меры наказания.

Домашний арест в Китае. Китай является на сегодня стратегическим партнером России. В рамках этого, исследование особенностей правовой системы страны представляется актуальным.

Отметим, что в КНР домашний арест не применяется, так как не регламентирован законом [15, с. 592]. По аналогии с домашним арестом применяется наблюдение за осужденным по месту жительства и личное поручительство. Осуществляют эти мероприятия полицейские. Данная мера может быть применена и к подозреваемому (обвиняемому), что говорит о данных мерах не только как о наказаниях, но и как о мерах пресечения. В КНР законодатель строго относится к преступлениям совершенным чиновниками. Если чиновник является опозориваемым или обвиняемым, то он помещается в гостиницу под специальную охрану, что также напоминает домашний арест по своей сущности.

Домашний арест в странах СНГ. Также обратим внимание на применение домашнего ареста в некоторых странах СНГ, обратим внимание на модельный УПК стран СНГ.

В России, Азербайджане [2] и Казахстане [3] домашний арест назначается только судом. В Молдове [4] домашний арест может быть назначен судьей по уголовному преследованию или судебной инстанцией, а в Кыргызстане - следователем, прокурором или судом.

В России, Белоруссии [5] и Казахстане домашний арест может быть назначен по ходатайству обвинения, в Азербайджане - по ходатайству защиты.

В модельном УПК стран СНГ [6] право применения домашнего ареста предоставлено прокурору.

В модельном УПК стран СНГ также определено, в отношении кого может быть применен домашний арест. Данная мера применима исключительно к обвиняемому, причем указан сам процессуальный статус, т.е. к подозреваемому не применимо. Напротив, в вышеуказанных странах СНГ домашний арест применяется и к подозреваемому, а в Таджикистане [7] и к подсудимому.

Стоит выделить особенность российской нормы статьи 107 УПК РФ, которая позволяет лицу, находящемуся под домашним арестом, пользоваться средствами связи для вызова, например, спасателей или скорой помощи. Подобного положения в УПК вышеуказанных стран СНГ не прослеживается, как и в Модельном УПК.

Подводя итог проведенному исследованию отметим, что домашний арест как мера процессуального пресечения характерна больше для стран постсоветского пространства, что обусловлено, на наш взгляд, общей правовой историей этих стран. Напротив, западные государства используют домашний арест в качестве уголовного наказания, применение которого сопряжено с использованием новейших электронных средств слежения и строгой отчетностью осужденного полиции. Такая практика применения домашнего ареста эффективно показала себя в США, снизив нагрузку на пенитенциарную систему.

Возможно, российскому законодателю стоит переосмыслить сущность домашнего ареста и определить его также в качестве уголовного наказания, а из перечня уголовных наказаний исключить арест, так как фактически данное наказание не применяется за отсутствием арестных домов в России, что в свою очередь также разгрузит российские тюрьмы, не посредством строительства новых, а оптимизацией законодательства. Напоследок отметим, что в сравнении со странами СНГ, наибольшую правовую регламентацию домашний арест получил в России, что отражено в ст. 107 УПК РФ (определен порядок применения, сроки, условия и др.).

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.03.2024 г.) // "Сборник законодательных актов Азербайджанской Республики" 2000 г., № 8.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.09.2024 г.) // "Казахстанская правда" от 10 июля 2014 г. № 133 (27754).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2024 г.) // "Официальный монитор Республики Молдова" от 07.06.2003 № 104-110/44.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.01.2024 г.) // "Ведомости Национального собрания Республики Беларусь" от 25 августа 1999 г., № 28-29, ст. 433.
6. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников СНГ // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (приложение), N 10, 1996.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.). - URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения 10.02.2025).
8. Жилыев, Р. М. О некоторых проблемах избрания судами меры пресечения в виде домашнего ареста и путей их решения / Р. М. Жилыев, В. Б. Первозванский, И. Н. Медведева // Российская юстиция. - 2013. - № 11. - С. 49-52. EDN: RIWBGP
9. Головкин Л.В. Альтернатива лишению свободы - очередная химера? // ЭЖ-Юрист. 2010. N 3. С. 1-10.
10. Михалева Е.П. Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства по применению меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник науки. № 7 (76). 2024. С. 249-254. EDN: OAGEAX
11. Дворянских И. В. Об учете зарубежного опыта применения технических средств контроля за осужденными (на примере США) // Уголовно-исполнительное право. № 1. 2018. С. 59-61. EDN: YUZUUB
12. Кравчук, Л. С. О применении домашнего ареста с использованием электронных средств контроля в зарубежных странах (из опыта Федеративной Республики Германия и Австрии) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. - 2023. - № 4. - С. 91-99. EDN: QRIHLD
13. Харзинова, В. М. Особенности применения домашнего ареста в уголовном процессе зарубежных стран / В. М. Харзинова, М. М. Гутков // Право и управление. - 2022. - № 11. - С. 213-217. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-11-213-217 EDN: PTXARW
14. Дьяченко, А. П. Домашний арест как инструмент реализации уголовной политики (сравнительный анализ законодательного опыта России и зарубежных государств) // Труды Института государства и права Российской академии наук № 3. 2014. С. 107-122.. EDN: SNMLFP

15. Первозчиков М.Л. Сравнительно-правовая характеристика мер пресечения в России и Китае // Вестник науки. №. 6 (63). 2023. С. 587-607. EDN: UQIPJJ

References:

1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 02.10.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 12/24/2001, No. 52 (Part I), Article 4921.2.
2. The Criminal Procedure Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated July 14, 2000 No. 907-IQ) (with amendments and additions as of 03/29/2024) // "Collection of Legislative Acts of the Republic of Azerbaijan" 2000, No. 8.
3. The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V (with amendments and additions as of 09/05/2024) // Kazakhstanskaya Pravda dated July 10, 2014 No. 133 (27754).
4. The Criminal Procedure Code of the Republic of Moldova dated March 14, 2003 No. 122-XV (with amendments and additions as of 07/31/2024) // "Official Monitor of the Republic of Moldova" dated 06/07/2003 No. 104-110/44.
5. The Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus dated July 16, 1999, No. 295-Z (with amendments and additions as of 01/08/2024) // "Vedamasci National Assembly of the Republic of Belarus" dated August 25, 1999, No. 28-29, art. 433.
6. Model Code of Criminal Procedure for the participating States CIS // Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States (appendix), No. 10, 1996.
7. The Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009 (with amendments and additions as of 01/03/2024). - URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (date of appeal 02/10/2025).
8. Zhilyaev, R. M. On some problems of the courts choosing a preventive measure in the form of house arrest and ways to solve them / R. M. Zhilyaev, V. B. Pervozvansky, I. N. Medvedeva // The Russian justice system. - 2013. - No. 11. - pp. 49-52. EDN: RIWBGP
9. Golovko L.V. Is the alternative to imprisonment another chimera? // EZH-Yurist. 2010. N 3. pp. 1-10.
10. Mikhalevskaya E.P. Comparative analysis of Russian and foreign legislation on the application of a preventive measure in the form of house arrest // Bulletin of Science. №. 7 (76). 2024. Pp. 249-254. EDN: OAGEAX
11. Dvoryanskov I. V. On taking into account foreign experience in the use of technical means of control over convicts (using the example of the USA) // Penal Enforcement Law. No. 1. 2018. pp. 59-61. EDN: YUZUUB
12. Kravchuk, L. S. On the use of house arrest using electronic controls in foreign countries (from the experience of the Federal Republic of Germany and Austria) // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. - 2023. - No. 4. - pp. 91-99. EDN: QRIHLD
13. Kharzinova, V. M. Features of the use of house arrest in the criminal process of foreign countries / V. M. Kharzinova, M. M. Gutov // Law and Management. - 2022. - No. 11. - PP. 213-217. DOI: 10.24412/2224-9125-2022-11-213-217 EDN: PTXARW
14. Dyachenko, A. P. House arrest as a tool for implementing criminal policy (a comparative analysis of the legislative experience of Russia and foreign countries) // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. No. 3. 2014. pp. 107-122.. EDN: SNMLFP
15. Perevozchikov M.L. Comparative legal characteristics of preventive measures in Russia and China // Bulletin of Science. №. 6 (63). 2023. Pp. 587-607. EDN: UQIPJJ

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журнала «Право и государство: теория и практика»

• Статья должна содержать название; фамилию, полные имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

• Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru**.

• Объем материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

• При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

• Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

• Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

• В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

• Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

• Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.

2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.

5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**

6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.

7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.

8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Триада-С»
141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининградский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30
Номер подписан в печать 30.04.2025. Дата выхода в свет 24.06.2025
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 34,69 п.л. Формат 60х90/8. Тираж 43 экз. «Свободная цена»